

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Алоян Л.Г.</i> Судебный прецедент в системе общего права	8
<i>Биюшкин А.С.</i> История эволюции принципа полного возмещения вреда в российском праве (IX–XIX вв.)	13
<i>Григорьев А.А.</i> Перспективные законодательные акты Соединённых Штатов Америки, направленные на борьбу с международной коррупцией	20
<i>Коньков И.А.</i> Правовые режимы многонациональности в Российской империи: от правовых исключений к институционализации различий (XIX – начало XX века)	23
<i>Малько А.В.</i> Правовое сотворчество государственных и общественных структур и правовая политика	29
<i>Мелконян В.Г.</i> Судебная практика как ключевой элемент принципа единства судебной практики: теоретико-правовой анализ	34
<i>Меньшиков П.В., Цирдава А.Е.</i> Правосознание судебных органов как фактор формирования критериев оценки доказательств в российском судопроизводстве историко-правовой анализ	37
<i>Николаев И.Н.</i> Историография реформирования Российской империи 60–70-х годов XIX века	43
<i>Самедов В.А.</i> Вопросы реформирования судебной системы XIX–XXI в.в.: исторический и источниковедческий аспекты	46
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ	
<i>Авилкин В.И.</i> Зарубежный и отечественный опыт использования технологий больших данных в налоговой сфере	51
<i>Алексеев Н.А., Половникова Э.Э.</i> К вопросу о правовом регулировании функционирования Федеральной государственной информационной системы территориального планирования	55
<i>Барышникова С.М., Калимбет В.В.</i> Соотношение права адвоката на расторжение соглашения и принципа недопустимости отказа от принятой на себя защиты	62
<i>Берестов Н.И.</i> Проблемы и особенности установления сервитута на землях сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности	67

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

Главный редактор: **Кашкин Сергей Юрьевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Заместитель главного редактора: **Коровяковский Денис Геннадьевич**, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, Российская таможенная академия; доцент кафедры Института макроэкономических исследований, старший научный сотрудник Совета Института макроэкономических исследований, Всероссийская академия внешней торговли

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, доктор юридических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета, Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, первый проректор по научной работе АНО «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», академик РАЕН; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Торговое дело и торговое регулирование», Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»; **Малько Александр Васильевич**, доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры публичного права, МГИМО; **Махтаев Махтай Шапиевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Багда Владимирович**, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», профессор РАО; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия; заведующий кафедрой служебного и трудового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теимуразович**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры юриспруденции, МГУУ Правительства Москвы, Университет Правительства Москвы; **Шохин Сергей Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет), академик РАЕН и РАЮН; **Щукина Татьяна Владимировна**, доктор юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, доктор юридических наук, профессор Кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагеева Розалина Васильевна**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джидждолия Рауль Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.05.2025

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Волков О.Е.</i> Анализ полномочий Совета Федерации в общей структуре власти РФ	73	<i>Блинкова Е.В., Багиров Р.Я.</i> Понятие: содержание и виды имущественных отношения в семье	158
<i>Давлетшина Н.В.</i> Из опыта цифровизации парламентской деятельности в РФ и межпарламентского сотрудничества.....	77	<i>Боброва П.С., Тропина Д.В.</i> Наследственный договор как инструмент наследования бизнеса	162
<i>Живалева А.К.</i> Концепция индивидуального административного акта в Российской Федерации и странах Средней Азии.....	83	<i>Бондаренко А.Ю.</i> Крупные сделки. Новый взгляд на соотношение качественного и количественного критериев с учётом позиций Верховного Суда РФ	165
<i>Каландаришвили З.Н., Козниченко С.В.</i> Конституционные принципы и защита Отечества по законодательству Российской Федерации как явление конституционной культуры	88	<i>Воскресенский И.Н.</i> Юридические гарантии прав членов жилищного накопительного кооператива	171
<i>Кудинов А.С.</i> Цифровизация и местное самоуправление: современные вызовы и перспективы ...	91	<i>Гриценко Б.В.</i> Действия в чужом интересе без поручения: сущность и правовые последствия	174
<i>Берестов Н.И.</i> Сервитут как инструмент вовлечения в оборот неиспользуемых земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения.....	95	<i>Громов А.П.</i> Институт кассационного производства в Республике Казахстан: история и современность	180
<i>Курашова М.М.</i> Соглашения о передаче полномочий между МВД России и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации: возможность или обязательство?	99	<i>Даунгли А.В.</i> К вопросу о предоставлении государственных медицинских услуг: административно-правовой аспект	185
<i>Малиевская Д.И.</i> Правовое регулирование использования земельных участков в Российской Федерации	103	<i>Загвоздина Ю.А., Шереметьева А.К.</i> Правовое обеспечение защиты прав пациента в случае причинения вреда здоровью при оказании медицинской услуги	189
<i>Малютов Д.А.</i> Генезис теории правовой коллизии в современной юридической науке	108	<i>Иванов С.В.</i> Виды гражданско-правовых последствий при совершении сделок в обход закона и их реализация в судебной практике	193
<i>Очирова П.И.</i> Перспективы внедрения DLT в банковский сектор	112	<i>Бондаренко В.Ю., Князев А.Н.</i> Полномочия представителя (органа) хозяйственного общества на основании видимости права.....	197
<i>Потапова Л.В.</i> Прокурорский надзор в Российской Федерации: к вопросу адаптации к вызовам и угрозам современности.....	116	<i>Исаев К.М.</i> Правовая природа субсидиарной ответственности по долгам юридических лиц	205
<i>Монетов А.Г., Радаева С.А.</i> Игорные зоны Российской Федерации и их налогообложение	120	<i>Каретин М.Г.</i> Расторжение договора строительного подряда по инициативе подрядчика: основания, порядок, последствия.....	209
<i>Родионов В.А.</i> Сравнительный анализ институтов президентства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки	126	<i>Кулаков М.П., Муллагалиев Н.И.</i> Гражданско-правовые аспекты ответственности за причинение вреда здоровью гражданина при организации дистанционного образования в сфере физической культуры и спорта	214
<i>Юсифов У.М., Цельникер Г.Ф.</i> Целесообразность административной ответственности юридических лиц... ..	131	<i>Леонова Н.А.</i> Перспективы развития нотариата как института защиты прав и свобод человека.....	218
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ		<i>Луговой Е.А., Куровский С.В.</i> Процедура взыскания неосновательного обогащения с субъектов электроэнергетики в результате незаконного применения тарифов	224
<i>Акимов А.Ф.</i> Правовой статус объектов недвижимости на примере сравнительного анализа регулирования в РФ и зарубежных странах	135	<i>Люляхина А.А., Пономаренко А.Ю., Боландова Ю.К.</i> Разработка и оценка эффективности политики устойчивого развития и внедрения инструментов экологического менеджмента в организациях транспортной отрасли на примере АО «ФПК» и ОАО «РЖД»	229
<i>Аламова С.М.</i> Основные принципы защиты интеллектуальных прав в цифровой среде.....	139	<i>Новиков С.А.</i> Модернизация гражданского права в условиях информатизации и диджитализации: вызовы и перспективы	234
<i>Алфимова А.С.</i> Основания применения обеспечительных мер: размышления о правовой природе.....	144	<i>Макаров Н.А.</i> Критерии отнесения сделок к категории крупных	238
<i>Афанасьев А.Б., Сыропятова Н.В.</i> Договор жилищных сбережений	149		
<i>Берестень Д.С.</i> Особенности прекращения статуса залогодержателя доли (акций) хозяйственного общества.....	154		

<i>Никольский Д.А.</i> Устав непубличной корпорации как ядро корпоративной сделки.....	243	<i>Григорянц С.А., Колоно П.А., Григорянц А.С.</i> Особенности противодействия противоправным и деструктивным действиям граждан в цифровой среде	327
<i>Новиков С.А.</i> Правовая защита цифровых прав в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития	249	<i>Даровских О.И., Кетенчиева Е.С.</i> Аналитический обзор деятельности ОВД субъектов Российской Федерации по предварительно расследованным преступлениям	332
<i>Образцова В.И.</i> Существенные условия договоров с участием потребителей.....	253	<i>Древецкий В.В.</i> Криминалистическая типология предметов археологического значения как объект незаконного поиска и изъятия	340
<i>Паша О.С., Махарадзе Н.С.</i> Проблематика, правовые основания и механизмы обеспечения выполнения пациентом своих обязанностей	257	<i>Емельянов И.В.</i> Некоторые аспекты криминологической характеристики преступной иерархии в преступном сообществе.....	343
<i>Петров А.Г.</i> О проблеме противопоставимости судебных актов в делах о банкротстве	261	<i>Зацепина О.Г.</i> Особенности судебного разбирательства по делам несовершеннолетних: между наказанием и воспитанием.....	347
<i>Новиков С.А.</i> Цифровизация гражданско-правового оборота в России: правовые, технологические и социальные вызовы.....	265	<i>Зашляпин Л.А.</i> Тенденции конструирования статуса врача в осмотре трупа.....	352
<i>Пузаткин С.В.</i> Возможность включения отлагательного или отменительного условия в договор безвозмездного пользования имуществом....	270	<i>Ильин Ф.И.</i> Некоторые криминалистические и процессуальные аспекты обвинительной речи прокурора в судебном разбирательстве по уголовным делам о присвоении или растрате.....	358
<i>Саяпин С.П.</i> Адаптация права европейского союза к специальному антимонопольному регулированию цифровых платформ	277	<i>Крипиневиц С.С., Канаев В.Н., Манилов А.А.</i> Сравнительно-правовой анализ понятий «объективная истина» и «юридическая истина» в контексте принципа состязательности уголовного процесса	366
<i>Сергеев А.М.</i> Сравнительный анализ понятий инновационного транспортного средства	282	<i>Коваленко А.А.</i> Противоречия между общей и особенной частью УК РФ: на примере ст. 282.1 УК РФ	371
<i>Суворова А.А.</i> Ограничение на использование англицизмов и иностранных слов в информации, предназначенной для потребителей: правовая оценка и перспективы развития	287	<i>Маркова В.В.</i> Судебно-бухгалтерская экспертиза на ЖД-транспорте как источник доказательств в суде... 375	
<i>Телибекова Д.Б.</i> Ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по договору конвертируемого займа.....	290	<i>Раянова Э.Т., Ильина Д.А.</i> Криминалистическое исследование почерка	380
<i>Саяпин С.П.</i> Тенденции антимонопольного регулирования цифровых платформ в Европейском союзе	295	<i>Смирнова А.С.</i> Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за посягательства на свободу совести и вероисповедания	384
<i>Терехов Е.А.</i> Правовое регулирование раздела имущества супругов, вовлеченного в коммерческий оборот: проблемы и пути их решения.....	301	<i>Смоляр М.Б.</i> Особенности квалификации преступлений, совершенных с применением ИКТ.....	389
<i>Черни Д.В., Ломидзе Э.Ю.</i> Изъятие имущества для государственных и муниципальных нужд: проблемы теории и правоприменения	307	<i>Спирин П.Н.</i> К вопросу о посредственном причинении преступного вреда при уклонении от уплаты таможенных и иных платежей.....	394
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ		<i>Суховецкая Е.Ю., Кабанова Ж.Ю., Емельянов М.И.</i> Вопросы понятия «правоохранительная деятельность» в юридической теории	398
<i>Баграмян В.В.</i> Актуальные проблемы гражданского иска прокурора в уголовном судопроизводстве при приостановлении производства по уголовному делу в связи с прохождением лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, военной службы	313	<i>Ховатов А.А.</i> Криминологические особенности личности преступника, совершающего мошенничество (ст. 159 УК РФ) с использованием сети Интернет	403
<i>Бреев Д.Е.</i> О новом регулировании судебного контроля в уголовном судопроизводстве	318	<i>Шалаева Э.В.</i> Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних.....	408
<i>Горошко О.Е.</i> Актуальные проблемы противодействия незаконной вырубке лесных насаждений	323		

Эльбиков Б.А. Анализ судебной практики по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела: проблемы и пути совершенствования правоприменения 412

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Балашов Д.В. Нормативно-правовое регулирование земельных и экологических отношений на арктических территориях Канады и Норвегии и возможность их применения в российских реалиях.... 416

Бекиров Т.Р. Интеллектуальная собственность в ЕАЭС: проблемы и перспективы правовой интеграции..... 421

Власов А.С. Религиозные нормы в системе источников международного торгового права эволюция и современное состояние 426

Гадаборшева З.Б. Орган ВТО по разрешению споров: проблемы и перспективы 431

Гуляева Т.К. Сетевые университеты как перспективная форма международного взаимодействия в сфере образования и научной дипломатии 437

Киселева Е.В., Шпаковский А.В. Позиция и роль УВКБ ООН в сфере международно-правового регулирования задержания беженцев и лиц, ищущих убежище..... 444

Мамедли Э.М. Принцип сотрудничества: историческая ретроспектива и спор о статусе «jus cogens» 450

Нальгиев М.И. Международный уголовный суд как субъект международного частного права: проблемы признания решений в национальных юрисдикциях..... 455

Половко Р.А. Принцип свободы договора: современное понимание и пределы реализации в гражданском праве Российской Федерации..... 461

Тауканов Т.А. Правовое регулирование ЧВОК на российском и международном уровне: проблемы и пути решения 469

Чжао Мэнчжу. Участие Китая в механизме урегулирования споров ВТО: аспекты развития национальной правовой доктрины..... 475

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОРЧЕСТВА

Пчелкин Е.В. Интерпретационная природа постановлений пленума Верховного Суда РФ 482

Атаманчук В.В. Актуальное состояние борьбы с транснациональной преступностью в Российской Федерации..... 486

Бараков Н.О. Преимущественное право покупки доли (акций) при наследовании и разделе имущества: современные проблемы и пути их решения 491

Блажкова Т.О. Компенсаторные возможности Уголовного кодекса РФ и возмещение вреда от насильственных преступлений в условиях отсутствия или смерти потерпевшего: правовые коллизии и пути их преодоления..... 496

Васяев А.А. Осмотр местности и помещения в ходе исследования доказательств в суде первой инстанции в российском уголовном процессе 500

Весельский В.С. История развития правового регулирования рынка ценных бумаг Китая..... 509

Гершкович С.А. Ответственность информационного посредника за нарушение авторских и смежных прав в сети интернет..... 512

Гнездяков В.А. О некоторых проблемах применения поощрений и поощрительного производства в ОВД РФ 517

Дискина В.Н. Дисциплинарное производство в органах внутренних дел по вопросам антикоррупционного законодательства 521

Жмуров Д.В. Темное обаяние: современные криминальные культы 525

Космачев К.А. Становление законодательства о недропользовании в Арктике: Российский путь от СССР к современным реалиям 530

Кузнецов Н.С. Проблемы самозащиты как способа защиты гражданских прав..... 534

Лексин Е.А. Проблемы и перспективы развития концепции расширенного взаимодействия между налогоплательщиком и налоговым органом 538

Максимович О.А. Насильственная преступность несовершеннолетних как объект криминологического исследования 543

Мануков А.С. Правовой статус депутатских комиссий органов местного самоуправления 547

Муравьев С.И. Правовая природа института производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей 552

Мусаев И.С. Проблемы правоприменения норм об общественном контроле: анализ практики и судебные прецеденты..... 558

Нурпеисова В.А. Объективная сторона преступлений незаконного оборота драгоценных металлов, полученных из вторичного сырья..... 564

Гнездяков В.А. О проблеме определения сущности поощрения..... 570

Пухаев Д.Э. Международно-правовые критерии и механизмы признания государств..... 574

Харичева Т.М. Об экстремизме в молодежной среде, или патриот никогда не станет экстремистом 578

Дунаева М.С. Некоторые проблемы защиты персональных данных граждан в уголовном судопроизводстве 587

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Aloyan L.G.</i> Judicial precedent in the common law system.....	8
<i>Biyshkin A.S.</i> The history of the evolution of the principle of full compensation for damage in Russian law (IX–XIX centuries).....	13
<i>Grigoryev A.A.</i> Prospective Legislative Acts of the United States Aimed at Combating International Corruption.....	20
<i>Kon'kov I.A.</i> Legal Regimes of Multinationality in the Russian Empire: From Legal Exceptions to the Institutionalization of Differences (19th – Early 20th Century).....	23
<i>Malko A.V.</i> Legal co-creation of state and public structures and legal policy.....	29
<i>Melkonyan V.G.</i> Judicial Practice as a Key Element of the Principle of the Unity of Judicial Practice: A Theoretical and Legal Analysis.....	34
<i>Menshikov P., Tsirdava A.</i> Legal Consciousness of Judicial Bodies as a Factor in the Formation of Criteria for the Evaluation of Evidence in Russian Legal Proceedings: Historical and Legal Analysis.....	37
<i>Nikolaev I.</i> Historiography of the reform of the Russian empire in the 60–70s of the XIX century.....	43
<i>Samedov V.A.</i> Issues of judicial system reform in the 19th–21st centuries: historical and source-based aspects.....	46

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Avilkin V.I.</i> Foreign and domestic experience of using big data technologies in the tax sphere.....	51
<i>Alekseenko N.A., Polovnikova E.E.</i> On the issue of the functioning of the Federal State Information System of Territorial Planning.....	55
<i>Baryshnikova S.M., Kalimbet V.V.</i> The relationship between the lawyer's right to terminate the agreement and the principle of inadmissibility of abandoning the assumed defense.....	62
<i>Berestov N.I.</i> Problems and features of establishing an easement on agricultural lands owned by the state or municipal authorities.....	67
<i>Volkov O.E.</i> Analysis of the powers of the federation council in the general structure of government in the Russian Federation.....	73
<i>Davletshina N.V.</i> From the experience of digitalization of parliamentary activity in the Russian Federation and interparliamentary cooperation.....	77
<i>Zhivaleva A.K.</i> The concept of an individual administrative act in the Russian Federation and in the countries of Central Asia.....	83
<i>Kalendarishvili Z.N., Koznichenko C.V.</i> Constitutional principles and protection of the Fatherland under the legislation of the Russian Federation.....	88
<i>Kudinov A.S.</i> Digitalization and local self-government: contemporary challenges and prospects.....	91

<i>Berestov N.I.</i> Easement as a tool for involving agricultural land plots in the turnover.....	95
<i>Kurashova M.M.</i> Agreements on the transfer of powers between the ministry of internal affairs of Russia and the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation: an opportunity or an obligation?.....	99
<i>Malievskaya D.I.</i> Legal regulation of land use in the Russian Federation.....	103
<i>Malyutov D.A.</i> Genesis of the theory of legal conflict in modern legal science.....	108
<i>Ochirova P.I.</i> Prospects for the introduction of DLT in the banking sector.....	112
<i>Potapova L.V.</i> Prosecutor's supervision in the Russian Federation: adapting to modern challenges and threats.....	116
<i>Monetov A.G., Radaeva S.A.</i> Gambling zones of the Russian Federation and their taxation.....	120
<i>Rodionov V.A.</i> Comparative analysis of the institutions of the presidency of the Russian Federation and the United States of America.....	126
<i>Yusifov U.M., Tselniker G.F.</i> Feasibility of administrative liability of legal entities.....	131

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Akimov A.F.</i> Legal status of real estate objects on the example of a comparative analysis of regulation in the Russian Federation and foreign countries.....	135
<i>Alamova S.M.</i> Key principles of intellectual property rights protection in the digital environment.....	139
<i>Alfimova A.S.</i> Grounds for the application of interim measures: reflections on legal nature.....	144
<i>Afanasyev A.B., Syropiatova N.V.</i> Housing savings agreement.....	149
<i>Beresten D.S.</i> Status' termination' features of the pledgee's status of business company's share (shares).....	154
<i>Blinkova E.V., Bagirov R.Ya.</i> The concept. The content and types of property relations in the family.....	158
<i>Bobrova P.S., Tropina D.V.</i> Inheritance contract as a method for business inheritance.....	162
<i>Bondarenko A.Yu.</i> Major deals. A new look at the relationship between qualitative and quantitative criteria, taking into account the positions of the supreme court.....	165
<i>Voskresenskiy I.N.</i> Legal guarantees of the rights of members of a housing savings cooperative.....	171
<i>Gritsenko B.V.</i> Actions in the interests of others without an order: essence and legal consequences.....	174
<i>Gromov A.P.</i> Institute of cassation proceedings in the Republic of Kazakhstan: history and current issues.....	180
<i>Daungli A.</i> On the issue of providing state medical services: administrative and legal aspect.....	185
<i>Zagvozdina Yu.A., Sheremetyeva A.K.</i> Legal support for the protection of patient rights in case of harm to health during the provision of medical services.....	189

<i>Ivanov S.V.</i> Types of civil law consequences of circumvention of the law and their implementation in judicial practice.....	193	<i>Suvorova A.A.</i> Restriction on the use of Anglicisms and foreign words in information intended for consumers: legal assessment and development prospects	287
<i>Bondarenko V.Yu., Knvazev A.N.</i> The powers of a representative (body) of a legal entity based on the appearance of law	197	<i>Telibekova D.B.</i> Liability of the parties for failure to perform or improper performance of obligations under a convertible loan agreement.....	290
<i>Isaev K.M.</i> The Legal Nature of Subsidiary Liability for the Debts of Legal Entities	205	<i>Sayapin S.P.</i> Trends in antitrust regulation of digital platforms in the European Union	295
<i>Karetin M.G.</i> Termination of a construction contract at the initiative of the contractor: grounds, procedure, consequences	209	<i>Terekhov E.A.</i> Legal regulation of the division of spouses' property involved in commercial transactions: issues and solutions	301
<i>Kulakov M.P., Mullagaliev N.I.</i> Civil law aspects of liability for causing harm to a citizen's health when organizing distance education in the field of physical education and sports	214	<i>Cherni D.V., Lomidze E.Yu.</i> Seizure of property for state and municipal needs: problems of theory and law enforcement.....	307
<i>Leonova N.A.</i> Prospects for the development of the notary profession as an institution for the protection of human rights and freedoms.....	218	CRIMINAL LEGAL SCIENCES	
<i>Lugovoi E.A., Kurovsky S.V.</i> Procedure for recovery of unjust enrichment from electric power industry entities as a result of unlawful application of tariffs.....	224	<i>Bagramyan V.V.</i> Actual problems of a prosecutor's civil claim in criminal proceedings when suspending criminal proceedings in connection with the passage of military service by a person subject to criminal liability	313
<i>Lyulyakhina A.A., Ponomarenko A.Yu., Bolandova Yu.K.</i> Development and Evaluation of the Efficiency of Sustainable Development Policy and Implementation of Environmental Management Tools in Transport Organizations Using the Example of JSC FPC and JSC Russian Railways	229	<i>Breev D.E.</i> On the new regulation of judicial control in criminal proceedings	318
<i>Novikov S.A.</i> Modernization of civil law in the context of informatization and digitalization: challenges and prospects	234	<i>Goroshko O.E.</i> Current issues of countering illegal forestry defining.....	323
<i>Makarov N.A.</i> Criteria for classifying transactions as major transactions	238	<i>Grigoryants S.A., Koleno P.A., Grigoryants A.S.</i> Features of countering illegal and destructive actions of citizens in the digital environment	327
<i>Nikolskiy D.A.</i> The charter of a non-public corporation as the core of a corporate transaction	243	<i>Darovskikh O.I., Ketenchieva E.S.</i> Analytical review of the activities of the Department of Internal Affairs of the subjects of the Russian Federation on previously investigated crimes.....	332
<i>Novikov S.A.</i> Legal Protection of Digital Rights In The Russian Federation: Problems And Development Prospects.....	249	<i>Drevetskiy V.V.</i> Forensic typology of objects of archaeological significance as an object of illegal search and seizure.....	340
<i>Obraztsova V.I.</i> Essential terms of contracts involving consumers	253	<i>Yemelyanov I.V.</i> Some aspects of criminological characteristics of criminal hierarchy in a criminal community.....	343
<i>Pasha O.S., Makharadze N.S.</i> Problems, legal grounds and mechanisms for ensuring that patients fulfill their obligations	257	<i>Zatsepina O.G.</i> Features of juvenile judicial proceedings between punishing and educating	347
<i>Petrov A.G.</i> On the Problem of Opposability of Judicial Acts in Bankruptcy Cases	261	<i>Zashlyapin L.A.</i> Trends in constructing the status of a doctor in examining a corpse.....	352
<i>Novikov S.A.</i> Digitalization of Civil Legal Relations in Russia: Legal, Technological, and Social Challenges.....	265	<i>Ilin F.I.</i> Some criminalistic and procedural aspects of the prosecutor's accusatory speech in court proceedings in criminal cases of embezzlement or misappropriation.....	358
<i>Puzatkin S.V.</i> Possibility of including a suspensive or resolutive condition in a contract for the gratuitous use of property	270	<i>Kripinevich S.S., Kanaev V.N., Manilov A.A.</i> Comparative legal analysis of the concepts of "objective truth" and "legal truth" in the context of the principle of adversarial criminal proceedings	366
<i>Sayapin S.P.</i> Adapting European Union law to antitrust regulation of digital platforms.....	277	<i>Kovalenko A.A.</i> Illegal armed formation – distinctive signs and features of actus reus.....	371
<i>Sergeev A.M.</i> Comparative analysis of innovative vehicle's concepts	282	<i>Markova V.V.</i> Forensic accounting examination on railway transport as a source of evidence in court.....	375
		<i>Rayanova E.T., Ilina D.A.</i> Forensic examination of handwriting.....	380

<i>Smirnova A.S.</i> Problems of legislative regulation of criminal liability for attacks on freedom of conscience and religion.....	384	<i>Atamanchuk V.V.</i> Current state of combating transnational crime in the Russian Federation	486
<i>Smolyar M.B.</i> Specific features of qualification of digital crimes.....	389	<i>Barakov N.O.</i> Pre-empventive right to purchase a share (shares) in inheritance and division of property: modern problems and ways to solve them	491
<i>Spirin P.N.</i> On the issue of mediated criminal damage caused by evasion from customs and other payments.....	394	<i>Blazhkova T.O.</i> Compensatory possibilities of the Criminal Code of the Russian Federation and compensation for damage from violent crimes in the absence or death of the victim: legal conflicts and ways to overcome them	496
<i>Sukhovetskaya E.Yu., Kabanova Zh.Yu., Emelyanov M.I.</i> Issues of the Concept of “Law Enforcement Activity” in Legal Theory	398	<i>Vasyaev A.A.</i> Inspection of the area and premises during the examination of evidence in the court of first instance in Russian criminal proceedings.....	500
<i>Khovатов A.A.</i> Criminological features of the identity of a criminal committing fraud (art. 159 of the criminal code of the Russian Federation) using the internet	403	<i>Veselsky V.S.</i> The history of the development of legal regulation of the Chinese securities market.....	509
<i>Shalaeva E.V.</i> Features of criminal liability and punishment of minors.....	408	<i>Gershkovich S.A.</i> Liability of information intermediaries for violation of copyright and related rights on the internet.....	512
<i>Elbikov B.A.</i> Judicial Practice in Administrative Offenses Related to Customs Law: Challenges and Prospects for Improving Law Enforcement.....	412	<i>Gnezdyukov V.A.</i> About some problems of the use of incentives and incentive production in the department of internal affairs of the russian federation	517
INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES		<i>Diskina V.N.</i> Disciplinary proceedings in the internal affairs bodies on anti-corruption legislation	521
<i>Balashov D.V.</i> Normative and legal regulation of land and environmental relations in the Arctic territories of Canada and Norway and the possibility of their application in Russian realities.....	416	<i>Zhmurov D.V.</i> Dark glamour: modern criminal cults	525
<i>Bekirov T.R.</i> Problems and prospects of the Eurasian integration in the field of intellectual property regulation	421	<i>Kosmachev K.A.,</i> The formation of legislation on subsurface use in the Arctic: The Russian Path from the USSR to modern realities.....	530
<i>Vlasov A.S.</i> Religious norms in the system of sources of international trade law: evolution and current state	426	<i>Kuznetsov N.S.</i> Problems of self-defense as a way of protecting civil rights	534
<i>Gadaborsheva Z.B.</i> WTO Dispute Settlement Body: Problems and Prospects.....	431	<i>Leksin E.A.</i> Challenges and Prospects for Developing the Concept of Enhanced Cooperation Between Taxpayers and Tax Authorities	538
<i>Gulyaeva T.K.</i> Network universities as a promising form of international cooperation in the field of education and scientific diplomacy	437	<i>Maksimovich O.A.</i> Violent juvenile delinquency as an object of criminological research.....	543
<i>Kiseleva E.V., Shpakovskii A.V.</i> The position and role of UNHCR in the field of international legal regulation of the detention of refugees and asylum seekers.....	444	<i>Manukov A.S.</i> Legal status of deputy commissions of local government bodies.....	547
<i>Mamedli E.M.</i> The principle of cooperation: historical retrospective and the dispute over the status of “jus cogens”	450	<i>Muravyov S.I.</i> The legal nature of jury trials in criminal proceedings	552
<i>Nalgiev M.I.</i> The International Criminal Court as a Subject of Private International Law: Problems of Recognition of Decisions in National Jurisdictions	455	<i>Musaev I.S.</i> Problems of law enforcement of norms on public control: analysis of practice and court precedents....	558
<i>Polovko R.A.</i> The principle of freedom of contract: modern understanding and limits of implementation in the civil law of the Russian Federation.....	461	<i>Nurpeisova V.A.</i> Precious stones as a subject of the offence provided by article 191 of the Criminal code of the Russian Federation	564
<i>Taukanov T.A.</i> Legal regulation of PMSCs at the Russian and international level.....	469	<i>Gnezdyukov V.A.</i> On the problem of determining the essence of incentives.....	570
<i>Zhao Mengzhu.</i> China`s Participation in the WTO Dispute Settlement Mechanism: Aspects of the Development of National Legal Doctrine.....	475	<i>Pukhaev D.E.</i> International legal mechanisms and forms of State recognition	574
CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING		<i>Kharicheva T.M.</i> On extremism among young people, or a patriot will never become an extremist	578
<i>Pchelkin E.V.</i> Interpretational Nature of the Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation	482	<i>Dunaeva M.S.</i> The some issues of personal data protection in the criminal procedure.....	587

Судебный прецедент в системе общего права

Алоян Левон Гагик,

следователь в Следственном комитете Республики Армения;
НАН РА по философии, Институт социологии и права
заявитель
E-mail: Levon_aloyan97@mail.ru

Целью данной статьи является исследование сущности, правовой природы и основных характеристик судебного прецедента в контексте правовой системы общего права. Основными задачами исследования являются изучение исторического развития прецедента, анализ его роли в современной юридической практике и выявление тенденций, указывающих на его трансформацию под влиянием статутного права. Центральная гипотеза утверждает, что, хотя судебный прецедент продолжает занимать лидирующие позиции в странах общего права, статутное право постепенно приобретает приоритет, особенно в ситуациях, когда возникают конфликты между статутами и прецедентами. Для проверки этой гипотезы авторы применяют несколько методологических подходов, включая историко-правовой анализ, сравнительно-правовое исследование и изучение конкретных случаев. В статье показано, что, хотя прецедент остается значимым в формировании правовых решений и поддержании последовательности, расширяющаяся роль законодательной власти отражает постепенный сдвиг в правовой иерархии. Результаты подчеркивают развивающуюся связь между законодательством и судебным толкованием в современных правовых рамках, основанных на традициях общего права.

Ключевые слова: судебный прецедент, судебная практика, судебная власть, источники права, статут (закон).

Introduction

When judicial officers render determinations in significant litigation, these adjudications establish legal precedents—effectively authoritative directives that subsequent jurists are obligated to adhere to when confronted with analogous circumstances. Think of these precedents as living legal guidance that remains influential throughout generations, shaping how we interpret justice in our society. These precedents continue to guide us indefinitely unless lawmakers create new statutes that override them, or until fellow judges, through careful consideration in future cases, determine that the precedent no longer serves our evolving understanding of justice.

Main Content

Jurists and legal scholars trace the birthplace of judicial precedent to England, where generations of judges built this enduring legal tradition. During the zenith of British imperial expansion, English explorers, merchants, and colonists disseminated their distinctive legal philosophy across global territories, establishing its foundational principles in the United States, Canada, Australia, New Zealand, and various Commonwealth nations. Contemporary populations governed under the Anglo-Saxon (or precedent-based) jurisprudential framework constitute one of the most demographically significant legal traditions globally, wherein innumerable individuals both influence and are influenced by this particular approach to judicial administration and legal interpretation. Researchers traditionally proceed from the view that the Anglo-Saxon legal family is typically a judicial – more precisely, a precedent-based (case law) legal family – in which, historically, judges and legal practitioners have played the primary role in shaping the law through their decisions and interpretations, rather than relying primarily on codified statutes. [2].

According to the established rules, when judges face a legal issue, they are formally bound by the decisions of higher courts or by rulings made in similar cases by courts at the same level. However, in practice, when a judge searches for an appropriate precedent, they often have significant personal discretion. Under the pretext of meaningful differences between the previously decided case and the one before them, judges can interpret, embrace, or dismiss precedents based on their own legal reasoning. This human element in the judicial process means that when we recognize precedent as a source of law, we're essentially allowing individual judges, with their unique perspectives and interpretations, to participate in creating the law through their decisions [19, 8].

It is important to note that we humans recognize precedent as a source of law even beyond the borders

of the Anglo-Saxon legal tradition. However, we cannot consider it the primary source of law in those systems. Precedent, in its fundamental sense, is characteristic only of the common law system, which is created by judges—real people making difficult decisions—through the adjudication of specific cases and the resolution of disputes between individuals like you and me. For this reason, we often refer to common law as “judge-made law”, distinguishing it both in name and in substance from other legal systems that shape our lives.

Judicial practice and judicial precedent are primary sources of law in the Anglo-Saxon legal system. When we look at these two phenomena in our everyday legal work, we find they’re not really identical, though many of us use the terms interchangeably. Those of us working with judicial practice as a source of law typically recognize at least two different meanings. In our courtrooms, it sometimes refers to judges actively creating law—not just applying existing statutes, but crafting new general rules that bind all of us when they decide specific cases. For those of us following legal developments, it can also mean the binding decisions that our judges formulate while doing their daily work. As my colleague V.A. Tumanov explains it in conversations with fellow legal scholars, we should understand judicial practice as those general “legal provisions” – the rules, principles, guidelines, and decisions – that our courts develop, which gain recognition among us in the legal community and carry binding authority in our system [3].

When we talk about classical precedent as a source of law, we’re not really focusing on the human-driven judicial process that develops these “legal provisions,” but rather on what emerges from that process – the general “legal provisions” themselves, shaped by the hands and minds of judges through their work [1]. Notwithstanding the significant theoretical divergence among legal scholars regarding the precise delineation between “judicial practice” and “judicial precedent,” the majority of academics in their quotidian analytical endeavors tend to conflate these constructs. Within contemporary legal discourse, there exists a collective methodological simplification wherein the singular terminology of “precedent” is employed to encapsulate both conceptual frameworks [5]. When examining precedent as a fundamental source of jurisprudential authority and the manner in which judicial bodies generate law through their adjudications, it is imperative to acknowledge that this authority is not universally conferred upon all courts; rather, it is exclusively vested in the apex judicial institutions within common law jurisdictions.

In the Canadian context, jurisprudential authority emanates from the Supreme Court of Canada and the Federal Court of Canada (which superseded the Exchequer Court in 1971). Conversely, within the American legal system, authoritative precedent derives from the U.S. Supreme Court at the federal echelon, while state-specific jurisprudential matters are adjudicated by the respective state supreme courts. The English legal framework has undergone substantial anthropogenic judicial transformation throughout the preceding

century, primarily through legislative interventions such as the Judicature Acts of 1873–1875 and the Courts Act of 1971.

These reforms have brought the highest judicial authority together under the Supreme Court of England and Wales.

Within this system, three independent courts stand out: the Queen’s Bench (or King’s Bench) Division, the High Court, and the Court of Appeal [2]. Judges in these courts don’t just mechanically apply the law—as they handle cases within their specific jurisdictions, they breathe life into the law by creating it through their decisions.

The Crown Court, established through legislative reform in 1971, functions as a significant mechanism for jurisprudential development during criminal proceedings wherein laypersons serve as jurors (in cases where defendants maintain pleas of not guilty), and during appellate review of magistrates’ court adjudications.

The High Court, comprising three specialized jurisdictional divisions—the Queen’s (King’s) Bench Division, the Chancery Division, and the Family Division—contributes to legal precedent through judicial resolution of complex civil litigation encompassing diverse human concerns including property administration, insolvency proceedings, maritime law, child maintenance, parental rights disputes, and the establishment of guardianship arrangements or fiduciary structures.

Finally, the Court of Appeal, with its human judges working in civil and criminal divisions, shapes general “legal provisions” as they carefully review appeals against verdicts and decisions from lower courts.

Beyond these courts, where real people not only apply the law but actively contribute to its evolution, we should recognize the valuable work of judicial bodies like the Appellate Committee of the House of Lords and the Judicial Committee of the Privy Council.

The Appellate Committee, representing the House of Lords—the highest judicial authority serving the people of England and the British Commonwealth—crafts general “legal provisions” while examining appeals in civil and criminal cases brought by citizens through the courts of England and Wales, and civil cases from Scotland.

These general “legal provisions” emerge not primarily from the formal decisions themselves, which are advisory in nature and returned to the original court with specific guidance, but through the living, breathing process of discussion and deliberation. In this deeply human process, each judge’s personal perspective and unique voice carries exceptional weight in shaping the law that governs people’s lives.

The Judicial Committee of the Privy Council helps shape precedent-based law by reviewing appeals against decisions from supreme courts of British overseas territories or Commonwealth members that allow such appeals [2]. People serving on this Committee include members from the House of Lords and judges from overseas territories. When these individuals make decisions, they rely on common law principles, and their rulings carry the same weight as those made

by the Appellate Committee of the House of Lords. Legal scholars and practitioners view these decisions as valuable opinions that help the Crown exercise its authority [3].

Judges in English courts and other common law countries can effectively create and apply law because they have strong support systems – political backing, financial resources, and legal protections. It’s particularly important that these men and women on the bench have adequate material and legal resources, which ensures they receive respect and guarantees their decisions will be enforced.

We’re not just talking about practical decisions judges make in specific cases, but also rulings that often transcend individual situations and, under certain conditions, become precedents that other judges must follow in the future [7].

The principle that binds judges to precedent (known as *stare decisis*) is a hallmark of the common law system [12]. In England, judges only firmly established this practice at the beginning of the 19th century, after they had developed a clearer judicial system and compiled more complete collections of precedents. Judges in the United States, Canada, Australia, and other common law countries adopted this principle considerably later, and they don’t follow it as strictly.

Unlike other legal families where precedent doesn’t dominate among legal sources and where a judge can choose whether to consider previous rulings, judges in the Anglo-Saxon legal tradition must follow precedent.

When a judge “persistently and unambiguously avoids following precedents that they are obligated to follow, according to numerous decisions by their colleagues,” the legal system may remove that person from office [11, 14].

Of course, we shouldn’t assume that judges follow precedent only because they fear harsh sanctions [6]. Nevertheless, the potential threat of consequences for judges who ignore precedent-based law always exists.

The judicial obligation to adhere to precedent emanates from diverse formalized jurisprudential sources, predominantly the doctrine of *stare decisis*, which encompasses the methodological framework for precedential application. This doctrine is predicated upon specific provisions and principles that have evolved through centuries of judicial praxis within the English legal system.

Scholarly discourse indicates that the conventional understanding of judicial precedent in England necessitates that jurists at all levels follow the determinations of superior courts, while appellate court judges (with the exception of the House of Lords) are bound by their own prior adjudications [7].

More precisely, the application of precedent is governed by three fundamental principles: When the House of Lords renders judicial determinations, these pronouncements become binding upon all subordinate courts within the jurisdiction—a rule that permits no deviations.

Similarly, when judges in the Court of Appeal hand down their verdicts, all courts beneath them must abide by these decisions (though criminal cases and the

Court of Appeal itself get some wiggle room). At the High Court level, judges create precedents that bind lower courts, and while their fellow High Court judges aren’t technically required to follow these rulings, most legal professionals recognize that these decisions carry significant weight, with judges in the High Court and Queen’s Bench divisions typically looking to them for guidance [2].

However, in recent decades, judges and legal scholars have recognized that rigid adherence to precedent sometimes fails to serve human needs, leading to emerging exceptions. The principle of compulsory adherence to precedent (*stare decisis*), once treated as inviolable, has evolved as legal practitioners have reconsidered how law can better reflect human experiences and societal changes [13]. Thus, since 1966, the House of Lords, which until then had been strictly bound—like all other courts—by the rules and principles of precedent, made a landmark announcement through the Lord Chancellor that it would free itself from these constraints moving forward [15, 16]. The House of Lords acknowledged the necessity for judicial evolution, albeit with the judicious caveat that such exceptions to the *stare decisis* doctrine would not be universally applicable to their jurisprudence and would be implemented “extremely sparingly,” thus demonstrating their commitment to maintaining equilibrium between legal innovation and judicial stability. This declaration, articulated in relation to the “generalization” of judicial practice, not only reaffirmed the Law Lords’ perception of precedent as an indispensable resource for comprehending legal content and its application to real-world scenarios, and as a fundamental framework for the refinement of legal norms that influence quotidian existence, but also encompassed additional significant provisions [17,18]. The declaration explicitly recognized that excessive judicial adherence to precedent potentially engenders injustice for individuals in particular cases and unnecessarily constrains the law’s capacity to evolve in response to societal requirements. Acknowledging these human implications, the Lords concluded that it was imperative “to modify existing practice and, while considering previous decisions of the House of Lords to be fundamentally binding, allow deviations from them when necessary” [3]. People have frequently questioned the constitutional validity of the Lord Chancellor’s statement when discussing specific cases affecting real individuals and in scholarly research examining how legal decisions shape citizens’ lives. Despite these repeated challenges, the issue has been settled in favor of the House of Lords. Most notably, in the Administration of Justice Act of 1969, Parliament gave its blessing to the House of Lords to depart from not only current and future decisions, but also those made in the past, recognizing the need for law to adapt to changing human circumstances. Exceptions to the principle of mandatory adherence to precedent in the theory and practice of common law application exist not only for the House of Lords but also for other higher courts in England. We see this flexibility in action when judges in the Court of Appeal (Civil Division) exercise their discretion to depart from

decisions made per incuriam (through human oversight or error), or when they choose not to follow their own previous rulings that conflict with subsequent decisions handed down by the House of Lords [10].

The human element of judicial interpretation is also evident in how the Judicial Committee of the Privy Council operates. These legal professionals, guided by current regulations and established practice, aren't bound by the chains of their own previous decisions or even by rulings from the House of Lords. Yet, as keen-eyed legal observers have noted, the women and men serving on the Judicial Committee rarely venture away from the path laid by earlier decisions, particularly when wrestling with weighty constitutional law questions that affect people's fundamental rights [4].

Within the jurisprudential framework of the United Kingdom, legal scholars and judicial officers acknowledge numerous additional exceptions to the doctrine of stare decisis beyond those previously examined, thereby creating a more nuanced application of precedential authority within the nation's legal system. Consider how the Court of Appeal finds itself free from the chains of its own precedent when Parliament has stepped in with new statutory language, or when the wise members of the Judicial Committee of the Privy Council have rejected a Court of Appeal precedent [9].

Looking across English courtrooms, we can observe judges wrestling with when to follow or depart from binding precedent. These human decisions reveal a gradual evolution in British legal thinking, as the living, breathing statutory law increasingly takes center stage, while precedent-based law sees its influence gently waning. This human-driven legal evolution is slowly narrowing the philosophical gap between English legal approaches and those of their cousins in "non-English" systems like those embraced by American, Australian, and Canadian jurists.

Conclusion

Compared to other legal systems (such as Roman-Germanic, religious, traditional, socialist, and others), precedent law offers people a more flexible and dynamically evolving framework that adapts to human needs. It has touched the lives of citizens not only in Anglo-American countries but has also shaped how individuals experience justice within continental legal systems, including in the Republic of Armenia. In contemporary Armenia, when citizens pursue legal remedies, the judicial system consistently References the jurisprudence and rights-oriented adjudications established by the European Court of Human Rights, alongside the substantive legal reasoning articulated by the judiciary of Armenia's Court of Cassation and Constitutional Court.

Литература

1. The Justice System of the Republic of Armenia: A Textbook for Universities. – Yerevan: YSU Publishing House, 2019. – 384 с. – Текст: непосредственный.
2. Safaryan G., Malkhasyan L. The Judiciary as a Socio-Legal Institution: A Historical-Legal Study. – Yerevan: Europrint, 2020. – 400 с. – Текст: непосредственный.
3. Давид Р., Жоффре-Спиноза К. Основные правовые системы современности. – М.: Прогресс, 2002. – Текст: непосредственный.
4. Туманов В.А. Роль судебной практики и развитие советского права // СССР – Франция: социологический и международно-правовой аспект сравнительного правоведения. – М., 1987. – Текст: непосредственный.
5. Уолкер Р. Английская судебная система. – М.: Прогресс, 1980. – Текст: непосредственный.
6. Кросс Р. Прецедент в английском праве. – М.: Прогресс, 1985. – Текст: непосредственный.
7. Smith P., Barley S. The Modern English Legal System. – Oxford: Oxford University Press, 1984. – Текст: непосредственный.
8. Zorkin V.D. Конституционное правосудие: природа, предназначение, перспективы. – М.: Норма, 2009. – 432 с. – ISBN 978-5-468-00544-7. – Текст: непосредственный.
9. Harutyunyan G.G. From the experience of the European developments of judicial power system cooperation. – Yerevan: Njar, 2002. – Текст: непосредственный.
10. Ghazinyan G., Dilbandyan S. The Problems of the Judiciary in the Republic of Armenia: Law and Reality. – 8 April 2002. – С. 4. – Текст: непосредственный.
11. Гамбарян А.С. Развитие права советскими судьями вопреки закону (contra legem) // Судебная власть и уголовный процесс. – 2023. – № 2. – С. 7–26.
12. Кодинцев А.Я. Theory and History of Soviet Civil Procedure // Herald of Civil Procedure. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 124–137.
13. Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Норма: Инфра-М, 2017. – Текст: непосредственный.
14. Interpreting Precedents: A Comparative Study / eds. D.N. MacCormick, R.S. Summers, A.L. Goodhart. – N. Y.: Routledge, 1997. – Текст: непосредственный.
15. Mack K., Anleu S.R. Performing Impartiality: Judicial Demeanor and Legitimacy // Law & Social Inquiry. – 2010. – Vol. 35, No. 1. – P. 137–173.
16. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебное право. – М.: Проспект, 2009. – Текст: непосредственный.
17. Мицкевич А.В. Правотворчество в СССР. – М.: Юридическая литература, 1974. – Текст: непосредственный.
18. Чечина Н.А. Правовая норма и судебное решение // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – СПб.: Изд-во СПб-ГУ, 2004. – № 2. – С. 2002–2003 гг. – Текст: непосредственный.

19. Чечина Н.А. Судебное решение как акт государственной власти // Вопросы советского государства и права. Научные записки ЛГУ. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1954. – № 182. – Вып. 5. – С. 149.
20. Wolfe C. The Rise of Modern Judicial Review: From Judicial Interpretation to Judge-Made Law. – N. Y.: Basic Books, 1986. – Текст: непосредственный.

JUDICIAL PRECEDENT IN THE COMMON LAW SYSTEM

Aloyan L.G.

Investigative Committee of the Republic of Armenia, Institute of Sociology and Law Claimant

This article aims to explore the essence, legal nature, and key characteristics of judicial precedent in the context of the common law legal system. The primary objectives of the research include examining the historical development of precedent, analyzing its role in contemporary legal practice, and identifying trends indicating its transformation under the influence of statutory law. The central hypothesis posits that, although judicial precedent continues to hold a leading position in common law countries, statutory law is gradually gaining priority, especially in situations where conflicts arise between statutes and precedents. To test this hypothesis, the authors apply several methodological approaches, including historical-legal analysis, comparative legal study, and case-based examination. The article demonstrates that while precedent remains significant in shaping legal decisions and maintaining consistency, the expanding role of legislative authority reflects a gradual shift in legal hierarchy. The findings highlight an evolving relationship between lawmaking and judicial interpretation within modern legal frameworks based on common law traditions.

Keywords: judicial precedent, judicial practice, judicial authority, sources of law, statute (law).

References

1. The Justice System of the Republic of Armenia: A Textbook for Universities. – Yerevan: YSU Publishing House, 2019. – 384 p. – Text: direct.
2. Safaryan G., Malkhasyan L. The Judiciary as a Socio-Legal Institution: A Historical-Legal Study. – Yerevan: Europrint, 2020. – 400 p. – Text: direct.
3. David R., Geoffrey-Spinoza K. The Main Legal Systems of Our Time. – Moscow: Progress, 2002. – Text: direct.
4. Tumanov V.A. The Role of Judicial Practice and the Development of Soviet Law // USSR – France: Sociological and International Legal Aspect of Comparative Law. – Moscow, 1987. – Text: direct.
5. Walker R. The English judicial system. – M.: Progress, 1980. – Text: direct.
6. Cross R. Precedent in English law. – M.: Progress, 1985. – Text: direct.
7. Smith P., Barley S. The Modern English Legal System. – Oxford: Oxford University Press, 1984. – Text: direct.
8. Zorkin V.D. Constitutional justice: nature, purpose, prospects. – M.: Norma, 2009. – 432 p. – ISBN 978-5-468-00544-7. – Text: direct.
9. Harutyunyan G.G. From the experience of the European developments of judicial power system cooperation. – Yerevan: Njar, 2002. – Text: direct.
10. Ghazinyan G., Dilbandyan S. The Problems of the Judiciary in the Republic of Armenia: Law and Reality. – 8 April 2002. – P. 4. – Text: direct.
11. Gambaryan A.S. Development of law by Soviet judges contrary to the law (contra legem) // Judicial power and criminal procedure. – 2023. – No. 2. – P. 7–26.
12. Kodintsev A. Ya. Theory and History of Soviet Civil Procedure // Herald of Civil Procedure. – 2019. – Vol. 9, No. 4. – P. 124–137.
13. Judicial practice in the modern legal system of Russia / edited by T. Ya. Khabrieva, V.V. Lazarev. – M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma: Infra-M, 2017. – Text: direct.
14. Interpreting Precedents: A Comparative Study / eds. D.N. McCormick, R.S. Summers, A.L. Goodhart. – N. Y.: Routledge, 1997. – Text: direct.
15. Mack K., Anleu S.R. Performing Impartiality: Judicial Demeanor and Legitimacy // Law & Social Inquiry. – 2010. – Vol. 35, No. 1. – P. 137–173.
16. Marchenko M.N. Judicial Law-making and Judicial Law. – M.: Prospect, 2009. – Text: direct.
17. Mitskevich A.V. Law-making in the USSR. – M.: Legal Literature, 1974. – Text: direct.
18. Chechina N.A. Legal Norm and Court Decision // Russian Yearbook of Civil and Arbitration Process. – SPb.: Publishing House of St. Petersburg State University, 2004. – No. 2. – P. 2002–2003. – Text: direct.
19. Chechina N.A. Court Decision as an Act of State Authority // Issues of the Soviet State and Law. Scientific Notes of Leningrad State University. – L.: Publishing House of Leningrad University, 1954. – No. 182. – Issue. 5. – P. 149.
20. Wolfe C. The Rise of Modern Judicial Review: From Judicial Interpretation to Judge-Made Law. – N. Y.: Basic Books, 1986. – Text: direct.

История эволюции принципа полного возмещения вреда в российском праве (IX–XIX вв.)

Биюшкин Александр Станиславович,

преподаватель, Уральский государственный аграрный университет; аспирант, Гуманитарный университет
E-mail: a.s.biiyuskin@gmail.com

Данная статья исследует основные этапы эволюции принципа полного возмещения вреда в российском праве с IX по XIX век, отражая изменения общественных ценностей и закрепление данного принципа. В рамках статьи анализируются различные правовые источники, начиная от русско-византийских договоров до Свода законов Российской империи (XIX вв.). В работе анализируются правовые памятники, научные труды и судебная практика, выявляются дискуссионные вопросы о соотношении публичных и частных начал, критериях определения вреда и формах компенсации. Результаты подчеркивают роль принципа полного возмещения вреда в восстановлении справедливости и укреплении правопорядка.

Ключевые слова: принцип полного возмещения вреда, правовые памятники, принцип права, возмещение вреда.

Эволюция принципа полного возмещения вреда в российском праве – это важный показатель трансформации общественных ценностей, отношения к личности, собственности, чести и достоинству. Например, по данным Верховного Суда РФ, за 2024 год, рассматриваются десятки тысяч дел, связанных с имущественным и неимущественным вредом, что подтверждает актуальность исследования исторических корней и этапов формирования соответствующих правовых механизмов.

Проблема исторической эволюции принципа полного возмещения вреда в российском праве получила широкое освещение в юридической литературе. Фундаментальные труды И.Д. Беляева, Г.Ф. Шершеневича, К.П. Победоносцева, а также работы современных авторов современные анализируют как правовые памятники, так и реформы влияние данного принципа в истории права.

Несмотря на значительный массив исследований, остаются дискуссионными вопросы о соотношении публичных и частных начал, критериях определения понятие вреда, что подразумевает под полным возмещением вреда, а так же кто и как определяет достаточный размер возмещения вреда. какие возможны формы возмещения вреда и анализ влияния западноевропейских правовых идей на отечественную традицию.

Предметом исследования выступают научные труды, правовые источники, связанные с вопросом закрепления и функционирования принципа полного возмещения вреда в российском праве с древнерусского государства до XX века, а также их эволюция под влиянием социально-экономических и политических изменений.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе причинения вреда личности или имуществу, а также практика применения норм о возмещении вреда в различные исторические эпохи на территории России.

Цель данной работы – проследить историческую эволюцию принципа полного возмещения вреда в российском праве, выявить ключевые этапы и закономерности его развития с IX по XXI век, а также определить влияние правовых реформ и зарубежных идей на формирование современных механизмов защиты прав потерпевших.

Задачи исследования в рамках данной статьи:

- проанализировать возникновение и становление принципа полного возмещения вреда в древнерусском праве (IX–XV вв.);
- исследовать развитие института возмещения вреда в российском праве Нового времени (XVI–XIX вв.);

В работе используются историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы. Историко-правовой метод позволяет проследить генезис и трансформацию института возмещения вреда; сравнительно-правовой – выявить влияние зарубежных правовых традиций; формально-юридический – проанализировать тексты нормативных актов и судебных решений; системный – рассмотреть институт как часть единой правовой системы.

Теоретическую основу составляют труды ведущих отечественных ученых по истории и теории гражданского права, публикации в научных журналах и сборниках статей. Особое внимание уделяется анализу работ, посвящённых рецепции римского и германского права, вопросам компенсации морального вреда и судебной практике последних десятилетий.

Первые письменные свидетельства в нормах, связанных с реализацией принципа полного возмещения вреда прослеживаются в древнерусском праве действительно содержатся в русско-византийских договорах князя Олега (911) и князя Игоря (944).

В этих договорах уделялось внимание применению принципа полного возмещения вреда при в отношении жизни и здоровье человека, а также и при уничтожении или похищении имущества.

Например, в договоре 911 года содержится и положение о вознаграждении за поимку беглого раба с похищенным имуществом: если раб был найден с украденным, имущество возвращалось владельцу, а поимщик получал вознаграждение. При этом размеры и сумма денежных компенсаций четко определялась. Это свидетельствует о развитой системе имущественной ответственности и о стремлении к восстановлению нарушенного баланса между сторонами, пострадавшей и виновной.

Интересно, что в договорах, помимо денежного возмещения были предусмотрены и альтернативные способы такого возмещения. Если у виновного не было достаточных средств, для компенсации могли быть реализованы даже его личные вещи, вплоть до одежды. Недостающая сумма могла быть покрыта клятвой, что подчёркивало важность возмещения, как не только материального, но и морального аспекта ответственности¹.

Таким образом, уже в ранних русско-византийских договорах прослеживается зарождение ключевых элементов принципа возмещения вреда: полная имущественная и личная компенсация при посягательстве на жизнь, здоровье и имущество, стандартизация размеров выплат, разграничение различных форм правонарушений и попытка учёта как материальных, так и моральных последствий вреда. Эти нормы стали фундаментом для дальнейшего развития отечественного права и нашли

¹ Обязательства вследствие причинения вреда чести и достоинству личности в российском гражданском праве // JusticeMaker. – 2006. – URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=4&art=742> (дата обращения: 22.04.2025).

отражение в более поздних памятниках, таких как Русская Правда.

В «Русской Правде» институт возмещения вреда получил дальнейшее развитие и систематизацию. Здесь были закреплены различные виды денежных выплат за причинение вреда жизни, здоровью и имуществу. За убийство свободного человека предусматривалась выплата виры – 40 гривен; за тяжкие телесные повреждения, такие как отсечение руки или ноги, устанавливался штраф в размере полувиры – 20 гривен, а за менее тяжкие повреждения, например, удар палкой или мечом плашмя, – 12 гривен². Данные суммы «штрафа» являлись компенсацией родственникам убитого и князю.

Помимо этого, «Русская Правда» содержала нормы о возмещении ущерба за кражу и порчу имущества (урок), а также за оскорбление чести и достоинства – например, за вырывание бороды вызыскивалась гораздо большая сумма, чем за телесные повреждения. Этот факт подчеркивает высокую значимость чести в древнерусском обществе³.

Как отмечают исследователи, такие нормы свидетельствуют о переходе от кровной мести к системе денежной компенсации, что стало важным шагом в развитии принципа полного возмещения вреда на Руси. По мнению И.Д. Беляева, законодательство X–XI веков уже чётко различало имущественную и личную ответственность, а нормы «Русской Правды» серьёзно закрепили основу для дальнейшего развития принципа полного возмещения вреда в российском праве⁴. Таким образом, и в международных договорах, и в первом русском своде законов были закреплены принципы денежного возмещения вреда за посягательства на жизнь, здоровье и имущество, что отражает раннюю стадию эволюции этого принципа в древнерусском государстве.

Эволюция способов возмещения вреда в древнерусском праве характеризуется переходом от кровной мести к системе имущественной компенсации, что отражено прежде всего в нормах «Русской Правды». На раннем этапе, кровная месть была легализованной формой ответственности: за убийство разрешалось мстить ближайшим родственникам убитого, однако уже в XI веке круг лиц, имеющих право на месть, был ограничен, а затем сам институт кровной мести был отменён сыновьями Ярослава Мудрого, что закреплено в статье 2 Пространной Правды⁵. В случае

² Договоры русских с греками X века [Электронный ресурс] // Электронная библиотека НГПУ. – URL: <https://repo.nspu.ru/bitstream/nspu/1084/1/dogovory-russkih-s-grekami-x-vek.pdf> (дата обращения: 22.04.2025).

³ Правонарушения по русско-византийским договорам [Электронный ресурс] // EurasiaLegal. – URL: <https://www.eurasialegal.info/index.php/legal-articles/203-2013-02-19-09-26-42/4913-2015-12-23-07-03-43> (дата обращения: 22.04.2025)

⁴ Беляев И.Д. История русского законодательства. – СПб.: Лань, 1999. – 432 с

⁵ Георгиевский Эдуард Викторович Кровная месть и смертная казнь у восточных славян // Сибирский юридический вест-

отсутствия мстителя убийца обязан был уплатить «виру» – денежный штраф в пользу князя, а также «головничество» – компенсацию семье убитого.

Следующим этапом развития древнерусского законодательства происходит в Псковской и Новгородской судных грамотах.

Псковская судная грамота и Новгородская судная грамота, основываясь на Русской Правде и местных обычаях, закрепила не только имущественную, но и неимущественную ответственность¹. В частности, предусматривалась денежная компенсация за «обиду» или «бесчестье» – оскорбление словом или действием, клевету, распространение порочащих слухов, а также за унижение достоинства через публичные ругательства. Эти нормы отражали высоко правовое развития права в тот период времени, а также способствовали обеспечению стабильности развития общества и социальную значимость нематериального причинения вреда².

Псковская судная грамота также расширила перечень оснований для возмещений, включив в действия против государства, а также должностные преступления³. В отношении должностных лиц были предусмотрены меры материальной ответственности за неисполнение обязанностей, волокиту, превышение полномочий и вмешательство в деятельность других органов власти⁴. К мерам административной ответственности относились штрафы, отстранение от должности и лишение права занимать определённые должности. Так же особое внимание уделялось беспристрастности судей, что закреплялось присягой посадника и других должностных лиц судить справедливо и не использовать своим полномочия в личных интересах. Это подчеркивает значение принципа полного возмещения вреда, как важного механизма защиты интересов государства.

Оба документа заложили основы административной ответственности: Новгородская – через санкции за самоуправство («наезд»), Псковская – через лишение должности за неисполнение обязанностей. Это способствовало укреплению пра-

ник. 2005. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krovnaya-mest-i-smertnaya-kazn-u-vostochnyh-slavyan> (дата обращения: 22.05.2025).

¹ От Псковской судной грамоты к принципам современного правосудия: традиции и новации в российском судопроизводстве: сборник научных статей / под общ. ред. О.В. Лазарева, Я.Б. Жолобова. – СПб.: Астерион, 2024. – 378 с.

² От Псковской судной грамоты к принципам современного правосудия: традиции и новации в российском судопроизводстве: сборник научных статей / под общ. ред. О.В. Лазарева, Я.Б. Жолобова. – СПб.: Астерион, 2024. – 378 с.

³ Хачатрян, Ани Викторовна Правонарушения и юридическая ответственность по Псковской Судной грамоте: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: специальность 12.00.01 / Хачатрян Ани Викторовна; [Самар. гуманитар. акад.]. – Казань, 2010. – 26 с.; 21. – Библиогр.: с. 25–26 (12 назв.). – Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – 120 экз. .С. 10

⁴ История развития отечественного института возмещения вреда // Молодой ученый. – 2019. – № 257. – С. 30–35. – URL: <https://moluch.ru/archive/257/58972/> (дата обращения: 22.04.2025).

вопорядка и защите гражданских прав в условиях феодальной раздробленности.

Имущественная ответственность в раннефеодальном обществе Древней Руси играла ключевую роль в защите интересов потерпевших и укреплении правопорядка. Введение различных денежных штрафов (виры, продажи, уроков), как отмечает А.А. Зимин, стало важным шагом в эволюции права, ограничивающим произвол и снижающим уровень насилия⁵.

Система, возмещающая вред как для личности, так и для государства, отличалась комплексностью и многоуровневостью: происходило сочетание частноправовых (компенсационные) и публично-правовые (штрафные) элементы, а также предусматривала суровые последствия для виновного в случае невозможности исполнения приговора. Всё это свидетельствует о высокой степени развития правовых положений по развитию принципа полного возмещения вреда, а так и о стремлении древнерусского законодательства полностью восстановить имущественное положение потерпевшего, укрепить авторитет государственной власти, и поддержать развития общества и стабильность общественный порядок.

При этом важно отметить, что древнерусскими источниками права было закреплённо, что случае невозможности выплаты виры преступник продавался в холопы, а вырученные средства направлялись потерпевшему, что, по мнению И.Д. Беляева, сочетало частные и публичные интересы⁶.

Эволюция способов возмещения вреда в древнерусском праве прошла путь от кровной мести к системе имущественной компенсации, с чёткой регламентацией размеров выплат за телесные повреждения, убийство и оскорбление чести, что стало важным этапом становления гражданско-правовой ответственности на Руси.

Эволюция принципа полного возмещения вреда в древнерусском праве демонстрирует раннее становление ключевых принципов, повлиявших на развитие российской правовой традиции. Русско-византийские договоры X века закрепили денежную компенсацию за посягательства на жизнь, здоровье и имущество, введя стандартизированные выплаты независимо от тяжести последствий. Уже в Русской правде отразилось стремление к унификации санкций и формированию базовых представлений о справедливом возмещении. Особое внимание уделялось нематериальным благам: крупные штрафы за оскорбление чести (например, за повреждение бороды) подчёркивали ценность личного достоинства.

Псковская и Новгородская судные грамоты расширили реализацию принципа полного возмещения вреда, по сути введя материальную ответственность должностных лиц за злоупотребления, тем самым усиливая авторитет государства.

⁵ Зимин А.А. «Вира и головничество в Древней Руси». // Вопросы истории. – 1972. – № 7. – С. 45–58.

⁶ Беляев И.Д. «Очерки из истории русского права». – М.: Наука, 1990. – 352 с.

Таким образом, древнерусское право сформировало комплексную систему защиты имущественных и личных прав, где возмещение ущерба служило не только восстановлению справедливости, но и укреплению государственного авторитета. Эти принципы, заложенные в X–XV веках, стали основой для дальнейшего развития правовых механизмов в России.

Переходя к анализу развития принципа полного возмещения вреда в российском праве Нового времени (XVI–XIX вв.), нельзя не отметить, что именно этот период стал временем глубоких перемен в понимании и механизмах юридической ответственности. Если ранее система возмещения строилась преимущественно на кровной мести, штрафах и сословных привилегиях, то начиная с XVI века российское законодательство всё больше ориентировалось на формализованные и дифференцированные подходы к защите нарушенных прав¹.

Уже в Судебниках конца XV – середины XVI вв. и особенно в Соборном уложении 1649 года прослеживается тенденция к закреплению ответственности не только частных лиц, но и представителей власти, включая судей и должностных лиц, за вред, причинённый при исполнении служебных обязанностей². Это свидетельствовало о растущем понимании необходимости полной правовой защиты имущественных и личных интересов.

Важнейшей чертой этого этапа становится постепенное уточнение форм оснований и порядка возмещения вреда: законодательство начинает предусматривать взыскание не только прямого имущественного ущерба, но и дополнительных выплат. Тем самым фактически расширяется понятие полного возмещения вреда, так как в него выходят дополнительные элементы, которые ранее не предусматривались.

Подобные изменения отражали как внутреннюю эволюцию российского права, так и влияние западноевропейских правовых идей, активно проникавших в Россию в эпоху Петра I и последующих реформ. Уже в XVIII–XIX веках отечественное законодательство всё чаще обращалось к опыту римского и германского права³. Это способствовало формированию более справедливой и универсальной системы по возмещению вреда прав личности и государству⁴.

¹ Шапошников В. В., Шапошников П. В. Становление института возмещения вреда в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-instituta-vozmescheniya-vreda-v-rossii> (дата обращения: 22.05.2025). С. 95

² Загидуллин М. Р. Нормы о юридической ответственности в судебном процессе в Соборном Уложении 1649 года // Ex iure. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normy-o-yuridicheskoy-otvetstvennosti-v-sudebnom-protseesse-v-sobornom-ulozhenii-1649-goda> (дата обращения: 22.05.2025).

³ Голубева А. К. Влияние западноевропейских правовых идей на российское законодательство XVIII–XIX вв. // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 88–101.

⁴ Федин Андрей Николаевич Влияние западноевропейского правового опыта на систематизацию российского законодательства в XVIII – первой половине XIX в // Вестник Московско-

К середине XIX века с принятием Свода законов Российской империи нормы о возмещении вреда приобрели системный и кодифицированный характер, распространяясь на всё более широкий круг общественных отношений и категорий лиц, включая государственных служащих и военнослужащих. В этот период полностью формируется основа принципа полного возмещения вреда.

Особое значение имела систематизация законодательства, осуществлённая под руководством М. М. Сперанского в первой половине XIX века. При создании Свода законов Российской империи образцом послужил Кодекс Юстиниана, а методологической основой – принципы, разработанные Ф. Бэконом⁵. В результате российское законодательство приобрело чёткую структуру, а нормы связанные с принципом полного возмещения вреда, получили системное закрепление и отраслевую дифференциацию.

Систематизация и закрепление норм о возмещении вреда достигает своего апогея в Своде законов Российской империи, впервые опубликованном в 1832 году под руководством М. М. Сперанского. В Своде законов появляются специальные нормы, регулирующие ответственность отдельных категорий лиц, в том числе военнослужащих, железнодорожных и паровозных компаний, а также государственных служащих. Например, статьи 683 и 684 тома X части I Свод законов прямо устанавливали обязанность владельцев железных дорог и паровозов возмещать вред, причинённый жизни или здоровью граждан при эксплуатации транспорта, причём компенсация предусматривалась даже при отсутствии вины, если не доказано наличие обстоятельств непреодолимой силы или крайней необходимости⁶. Это свидетельствует о формировании в российском праве концепции объективной ответственности, близкой к современным представлениям о возмещении вреда, причинённого источником повышенной опасности.

Важнейшим этапом европейзации российского права стали реформы Александра II во второй половине XIX века, в ходе которых были закреплены такие фундаментальные принципы, как равенство сторон судебного процесса перед законом, презумпция невиновности, состязательность сторон и право на судебную защиту. Судебная рефор-

го университета МВД России. 2018. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-zapadnoevropeyskogo-pravovogo-opyta-na-sistematizatsiyu-rossiyskogo-zakonodatelstva-v-xviii-pervoy-polovine-xix-v> (дата обращения: 22.05.2025). С. 31

⁵ Селютина Елена Николаевна, Холодов Владимир Александрович Предпосылки и значение систематизационной работы М. М. Сперанского в развитии юридической техники Российской Империи первой половины XIX века // Вестник государственного и муниципального управления. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-i-znachenie-sistematizatsionnoy-raboty-m-m-speranskogo-v-razviti-yuridicheskoy-tehniki-rossiyskoy-imperii-pervoy-poloviny> (дата обращения: 22.05.2025). С. 128

⁶ Полежаева Ольга Геннадьевна Возмещение вреда в до-революционный период российского государства // Общество и право. 2005. № 4 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-vreda-v-dorevolutsionnyy-period-rossiyskogo-gosudarstva> (дата обращения: 22.05.2025). С. 183

ма 1864 года ввела институт присяжных, публичность судебных разбирательств, профессиональную адвокатуру и унифицированную систему судов, что коренным образом изменило процедуру рассмотрения дел о возмещении вреда и обеспечило реальную защиту прав личности¹. Впервые в истории России граждане получили возможность защищать свои интересы в независимом суде, а судебная практика стала полностью ориентироваться не только на применение принципа полного возмещения вреда, так же на принципы справедливости и законности, характерные для западноевропейской правовой традиции.

Вместе с тем, несмотря на значительный прогресс, рецепция западных правовых стандартов в России не была полной и однозначной. Как отмечают исследователи, элементы римского и германского права зачастую сохраняли лишь внешнюю форму, тогда как ключевые принципы частного права, такие как субъективные права и право собственности, оставались деформированными под влиянием сословных и патримониальных традиций². Тем не менее, даже в условиях частичной рецепции, западноевропейские правовые идеи оказали существенное влияние на развитие принципа полного возмещения вреда, способствовал его переходу от разрозненных и казуистических норм к целостной системе, основанной на принципах справедливости, ответственности и судебной защиты.

К середине XIX века российское право действительно подошло к важному рубежу: в нормативных актах и судебной практике окончательно закрепилась возможность компенсации не только материального, но и морального вреда. Однако, несмотря на формальное признание такого права, реальное применение соответствующих норм оставалось крайне ограниченным и во многом зависело от усмотрения суда, а также от конкретных обстоятельств дела и статуса сторон.

В трудах таких авторитетных дореволюционных правоведов, как Г.Ф. Шершеневич³, К.П. Победоносцев⁴, Д.И. Майер⁵ и других, неоднократно подчёркивалась сложность и неоднозначность подходов к определению размера возмещения вреда. Таким образом, к середине XIX века в российском праве был заложен фундамент для дальнейшего развития принципа полного о возмещения вреда, однако отсутствие единой методологии и устойчи-

вых судебных стандартов существенно ограничивало эффективность его реализации⁶. Дискуссии дореволюционных юристов и осторожная позиция судебных органов предопределили сложный путь эволюции этого принципа полного возмещения вреда в последующие десятилетия.

Систематизация и закрепление принципа полного возмещения вреда в российском праве о возмещении вреда достигло своего апогея в Своде законов Российской империи, где появляются специальные нормы для отдельных категорий лиц например, военнослужащих, работников транспорта, государственных служащих⁷.

В то же время, несмотря на формальное признание права на компенсацию не только материального, но и морального вреда, практика их применения оставалась крайне ограниченной и зависела от усмотрения суда, отсутствия единой методологии и чётких критериев для определения размера компенсации. Дискуссии дореволюционных юристов, а также осторожная позиция судебных органов свидетельствуют о сложности и неоднозначности процесса эволюции данного принципа, который лишь к концу XIX века так и не смог в полной мере приблизиться к универсальным принципам защиты прав личности, свойственным романо-германской правовой семье.

Именно в период с XVI по XIX век был заложен прочный фундамент для дальнейшего развития принципа полного возмещения вреда. Существенное влияние западноевропейской правовой мысли позволило российскому законодательству приблизиться к универсальным стандартам правовой защищённости и справедливости, что стало важнейшей предпосылкой для дальнейшей эволюции института в XX–XXI веках

Таким образом, принцип полного возмещения вреда в российском праве прошёл путь от простых и жёстких форм имущественной ответственности к универсальной, комплексной и гуманистической системе, ориентированной на всестороннюю защиту как материальных, так и нематериальных интересов личности. В результате, современная российская модель возмещения вреда стала важнейшим инструментом восстановления справедливости, защиты достоинства, чести, здоровья и иных нематериальных благ граждан, а также укрепления правопорядка и доверия к правовой системе.

Литература

1. Гаг Людмила Владимировна К вопросу об отнесении российской правовой системы к романо-германской правовой семье // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2022. № 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otnesenii-rossiyskoy-pravovoy-sistemy-k-romano-germanskoj-pravovoy-semie> (дата обращения: 22.05.2025). С. 35

⁶ Морозов Андрей Александрович, Гудкова Маргарита Олеговна Становление и Традиции института компенсации морального вреда в России // Право и политика. 2022. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-traditsii-instituta-kompensatsii-moralnogo-vreda-v-rossii> (дата обращения: 22.05.2025). С. 18

⁷ Полежаева Ольга Геннадьевна Возмещение вреда в дореволюционный период российского государства // Общество и право. 2005. № 4 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-vreda-v-dorevoljucionnyj-period-rossiyskogo-gosudarstva> (дата обращения: 22.05.2025). с. 184–185

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года. [Б. м.: Б. и., 1864]. 455 с.

² Гаг Людмила Владимировна К вопросу об отнесении российской правовой системы к романо-германской правовой семье // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2022. № 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otnesenii-rossiyskoy-pravovoy-sistemy-k-romano-germanskoj-pravovoy-semie> (дата обращения: 22.05.2025). С. 35

³ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Типография М.М. Стасюлевича, 1912. – 750 с. С. 683

⁴ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. – М.: Юридическая литература, 1914. – Т. 2. – 496 с.

⁵ Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2-х ч.). – М.: Консультант Плюс: Статут, 2003. – 831 с. – (Классика российской цивилистики).

- мы к романо-германской правовой семье // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2022. № 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otnesenii-rossiyskoy-pravovoy-sistemy-k-romano-germanskoy-pravovoy-semie> (дата обращения: 22.05.2025). С. 35
2. Голубева А.К. Влияние западноевропейских правовых идей на российское законодательство XVIII–XIX вв. // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 88–101.
 3. Договоры русских с греками X века [Электронный ресурс] // Электронная библиотека НГПУ. – URL: <https://repo.nspu.ru/bitstream/nspu/1084/1/dogovory-russkih-s-grekami-x-vek.pdf> (дата обращения: 22.04.2025).
 4. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2-х ч.). – М.: Консультант Плюс: Статут, 2003. – 831 с. – (Классика российской цивилистики).
 5. Морозов Андрей Александрович, Гудкова Маргарита Олеговна Становление и традиции института компенсации морального вреда в России // Право и политика. 2022. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-traditsii-instituta-kompensatsii-moralnogo-vreda-v-rossii> (дата обращения: 22.05.2025). С. 18
 6. Обязательства вследствие причинения вреда чести и достоинству личности в российском гражданском праве // JusticeMaker. – 2006. – URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=4&art=742> (дата обращения: 22.04.2025).
 7. От Псковской судной грамоты к принципам современного правосудия: традиции и новации в российском судопроизводстве: сборник научных статей / под общ. ред. О.В. Лазарева, Я.Б. Жолобова. – СПб.: Астерион, 2024. – 378 с.
 8. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. – М.: Юридическая литература, 1914. – Т. 2. – 496 с.
 9. Полежаева Ольга Геннадьевна Возмещение вреда в дореволюционный период российского государства // Общество и право. 2005. № 4 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmescenie-vreda-v-dorevoljucionnyu-period-rossiyskogo-gosudarstva> (дата обращения: 22.05.2025). с. 184–185
 10. Полежаева Ольга Геннадьевна Возмещение вреда в дореволюционный период российского государства // Общество и право. 2005. № 4 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmescenie-vreda-v-dorevoljucionnyu-period-rossiyskogo-gosudarstva> (дата обращения: 22.05.2025). С. 183
 11. Селютина Елена Николаевна, Холодов Владимир Александрович Предпосылки и значение систематизационной работы М.М. Сперанского в развитии юридической техники Российской Империи первой половины XIX века // Вестник государственного и муниципального управления. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-i-znachenie-sistemizatsionnoy-raboty-m-m-speranskogo-v-razvitiy-yuridicheskoy-tehniki-rossiyskoy-imperii-pervoy-poloviny-xix-veka> (дата обращения: 22.05.2025). С. 128
 12. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. [Б. м.: Б. и., 1864]. 455 с.
 13. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Типография М.М. Стасюлевича, 1912. – 750 с. С. 683
 14. Шпаковский Юрий Григорьевич, Потапчук Ирина Викторовна Псковская судная грамота // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 8 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pskovskaya-cudnaya-gramota> (дата обращения: 22.05.2025).

THE HISTORY OF THE EVOLUTION OF THE PRINCIPLE OF FULL COMPENSATION FOR DAMAGE IN RUSSIAN LAW (IX–XIX CENTURIES)

Biiyshkin A.S.

Ural State Agrarian University, University of the Humanities

This article examines the main stages of the evolution of the principle of full compensation for harm in Russian law from the IX to the XIX century, reflecting changes in societal values and the establishment of this principle. The article analyzes various legal sources, starting from the Russo-Byzantine treaties to the The Digest of Laws of the Russian Empire of the XIX century. The work reviews legal monuments, scholarly works, and judicial practice, highlighting contentious issues regarding the relationship between public and private interests, criteria for determining harm, and forms of compensation. The results emphasize the role of the principle of full compensation for harm in restoring justice and strengthening the rule of law.

Keywords: Principle of full compensation for harm, Legal monuments, Principle of law, Compensation for harm.

References

1. Gaag Lyudmila Vladimirovna On the issue of classifying the Russian legal system as a Romano-Germanic legal family // Vestn. Tom. state University. Law. 2022. No. 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otnesenii-rossiyskoy-pravovoy-sistemy-k-romano-germanskoy-pravovoy-semie> (accessed: 22.05.2025). P. 35
2. Golubeva A.K. The influence of Western European legal ideas on Russian legislation of the 18th-19th centuries // Journal of Russian Law. – 2020. – No. 3. – P. 88–101.
3. Treaties of the Russians with the Greeks of the 10th century [Electronic resource] // Electronic library of NGPU. – URL: <https://repo.nspu.ru/bitstream/nspu/1084/1/dogovory-russkih-s-grekami-x-vek.pdf> (date accessed: 22.04.2025).
4. Meyer D.I. Russian civil law (in 2 parts). – М.: Consultant Plus: Statut, 2003. – 831 p. – (Classics of Russian civilistics).
5. Morozov Andrey Aleksandrovich, Gudkova Margarita Olegovna Formation and traditions of the institute of compensation for moral damage in Russia // Law and Politics. 2022. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-traditsii-instituta-kompensatsii-moralnogo-vreda-v-rossii> (date of access: 22.05.2025). P. 18
6. Obligations due to harm to the honor and dignity of an individual in Russian civil law // JusticeMaker. – 2006. – URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=4&art=742> (date of access: 22.04.2025).
7. From the Pskov Judicial Charter to the principles of modern justice: traditions and innovations in Russian legal proceedings: a collection of scientific articles / under the general editorship of O.V. Lazarev, Ya.B. Zholobov. – St. Petersburg: Asterion, 2024. – 378 p.
8. Pobedonostsev K.P. Course in civil law. – М.: Legal Literature, 1914. – V. 2. – 496 p.
9. Polezhaeva Olga Gennadyevna Compensation for damage in the pre-revolutionary period of the Russian state // Society and

- Law. 2005. No. 4 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-vreda-v-dorevolyutsionnyy-period-rossiyskogo-gosudarstva> (date of access: 22.05.2025). p. 184–185
10. Polezhaeva Olga Gennadyevna Compensation for damage in the pre-revolutionary period of the Russian state // Society and Law. 2005. No. 4 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-vreda-v-dorevolyutsionnyy-period-rossiyskogo-gosudarstva> (date of access: 22.05.2025). P. 183
11. Selyutina Elena Nikolaevna, Kholodov Vladimir Aleksandrovich Prerequisites and significance of the systematization work of M.M. Speransky in the development of legal technology of the Russian Empire in the first half of the 19th century // Bulletin of state and municipal administration. 2018. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-i-znachenie-sistematizatsionnoy-raboty-m-m-speranskogo-v-razviti-yuridicheskoy-tehniki-rossiyskoy-imperii-pervoy-pолоviny> (date of access: 22.05.2025). P. 128
12. Judicial charters of November 20, 1864. [B. m.: B. i., 1864]. 455 p.
13. Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. – M.: Printing house of M.M. Stasyulevich, 1912. – 750 p. P. 683
14. Shpakovsky Yuri Grigorievich, Potapchuk Irina Viktorovna Pskov Judicial Charter // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2018. No. 8 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pskovskaya-cudnaya-gramota> (date of access: 05/22/2025).

Перспективные законодательные акты Соединённых Штатов Америки, направленные на борьбу с международной коррупцией

Григорьев Андрей Алексеевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»
E-mail: a.g2222@yandex.ru.

Статья посвящена анализу наиболее значимых и результативных правовых норм, присутствующих в законодательстве США, направленных на регулирование борьбы с коррупцией на международном уровне. В ходе работы рассматриваются ключевые аспекты законов о международной коррупции Соединённых Штатов, динамика развития этого законодательства, влияние на формирование межнациональных юридических актов, а так же его нынешнее состояние. Анализируются процесс законотворчества, предпосылки которые привели к принятию существующих в законодательстве США правовых норм по борьбе с международной коррупцией. Исследование проводится с использованием источников и литературы по внутреннему законодательству США, а так же официальных интернет сайтов официальных служб исполнительной власти США.

Ключевые слова: FCPA, иностранные должностные лица, законодательство США, международная коррупция, конвенция OECD.

Вопросы, связанные с противодействием коррупции, а также изучением мирового опыта борьбы с данным явлением, задавались с древних времён. О них было известно, по крайней мере ещё с античности. Так, некоторые правители рима, становились таковыми, ведя армии на вечный из заграничных походов, правители приграничных территорий, за частую, саботировали центральную власть, да и сам развал данного государства произошёл, во многом, из-за коррупции. Так же, в качестве исторического примера, стоит привести борьбу между Эдмундом Берком (12 января 1729–9 июля 1797)– англо-ирландским парламентарием, и Уорреном Гастингом (6 декабря 1732–22 августа 1818)– первый английский генерал-губернатор Индии, за привлечение Уоррена Гастингса к суду в связи с коррупционной деятельностью Британской Ост-индской компании. Не смотря на то, что в данных примерах, коррупционные действия проходили на территориях не одного, конкретного государства, а на территории нескольких, расследования и суды по межгосударственной коррупционной практике проводились в соответствии с законами, которые предусматривали только внутреннюю юрисдикцию одной из стран. Даже в современном мире, большинство стран сруют своё антикоррупционное законодательство по схожему принципу. В них, как правило, преследуются только взяточничество внутри страны, и они не пытаются распространить действие своих внутренних законов на территориях иных государств, запретив своим гражданам определённые выплаты иностранным должностным лицам. В данном контексте, обособленным является законодательство США. Именно в нём, с принятием в 1977 году FCPA (Foreign Corrupt Practices Act), что переводится как: “Закон о коррупции за рубежом”, была заложена новая концепция данных норм.

Среди современных российских учёных к данной проблематике обращались Никифоров Б.С., и Решетников Ф.М., которые кодифицировали американское законодательство по борьбе со взяточничеством а так же подвергли исследованию правовые нормы США регулирующие правовую деятельность для противодействия международной коррупции.

Целью работы является исследование антикоррупционного законодательства Соединённых Штатов, выявление правовых актов, регулирующих его международные аспекты и анализ их развития.

FCPA США имеет два основных нововведения. Так, первым из таких нововведений являются требования по которым, прозрачность бухгалтерского

учёта должна быть значительно усилена, по сравнению с нормами, возникшими и описанными ещё в 1934 году в “Законе о ценных бумагах и биржах”. Так же, согласно “Закону о коррупции за рубежом”, описанные выше нормы должны иметь распространение не только внутри страны, но, если речь идёт о противоправных действиях, в которых виновниками являются корпорации США, то и за рубежом [1]. Вторым из нововведений стоит считать криминализацию подкупа или иного незаконного на территории самих США способа оказания давления на иностранных должностных лиц. Несмотря на тот факт, что многие правительства стран, у коих есть совместные бизнес интересы с США, за частую склонны отвергать требования Закона о коррупции за рубежом, касающиеся прозрачной отчётности, как на уровне полного игнорирования, так и просто предоставляя сфальсифицированные данные, в практической юридической деятельности США они составляют неотъемлемую часть стратегии судебного преследования министерства юстиции и комиссии по ценным бумагам и биржам. Это связано с тем, что может быть трудно доказать преступления, связанные со взяточничеством в иных государствах, поскольку многие элементы этих преступлений совершаемые за границей, проходят в условиях недостаточной прозрачности бухгалтерского учёта. Но все корпорации США должны подавать бухгалтерские документы в комиссию по ценным бумагам и биржам, и если в ходе проверки были выявлены подозрительные или неправильно описанные платежи, то при оспаривании нарушений в бухгалтерском учёте либо иной отчётности, данные компании должны будут пройти юридические разбирательства.

На практике, зачастую комиссия по ценным бумагам и биржам использовала прозрачные требования к бухгалтерскому учёту в качестве юридического прикрытия интересов компаний, в рамках затруднения и прекращения судебного преследования. Аналогичная ситуация была с нормами законов о мошенничестве с почтой и телеграфом 1872 года (mail and wire fraud statute) [2]. Попытка изменить данное положение дел привела к поправкам 1998 года к разделу устава об «иностранном должностных лицах», которые, в свою очередь, показывают практические трудности, с которыми столкнулись США при исполнении приговоров и поддержанию судебной деятельности в делах, в которых фигурировали лица, не являющиеся гражданами этой страны [3]. При всем этом, стоит добавить, что все вышеописанное также указывало и на факт заинтересованности правительства Соединённых Штатов Америки к перспективе развития межгосударственного законодательства и международных договорах о борьбе с коррупцией в будущем.

Стоит отметить, что поправками от 1998 года, не было добавлено или описано ничего кардинально редактирующего содержание закона от 1977 года, касательно определений или правоприменения, в них просматривается достаточное

расширение действия закона за пределы своего государства. Так, кроме чиновников, на скамье подсудимых могли оказаться и иные лица, вовлечённые в международную коррупцию, которая тем или иным образом затрагивала Соединённые Штаты [4]. Однако, поправки от 1998 года не стали сразу массово применяться на практике ФСРА США, в ходе практического судебного преследования или правоприменения в отношении коррупционной практики за рубежом. Данные поправки были, в большей мере, формальным последним шагом, который правоохранительные органы США долгое время считали необходимым, для эффективной реализации мер, которые приведут к развитию криминализации и увеличению возможностей судебного преследования лиц, участвующих в международной коррупционной практике, которая затрагивала и наносила ущерб торговле и экономическим интересам США. Однако, не смотря на все положительные реформы законодательства, применение только внутренних законов ограничивала возможности противодействию международной коррупции. Требовалось международная консолидация усилий в рамках борьбы со взяточничеством. И к моменту принятия поправок 1998 года, такая консолидация уже проявляла себя [5]. Так усилия по криминализации иностранной коррупционной практики на международном уровне начались с первых шагов по разработке Конвенции OECD (организации экономического сотрудничества и развития) в 1989 году [6].

17 февраля 1997 г. Соединённые Штаты Америки приняли международный договор, принятый в странами участницами OECD, “по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок”. Именно эта конвенция стала одной из наиболее веских причин кардинальных изменений, которые произошли в сфере реального правоприменения в делах, касающихся иностранной коррупционной практике, и по этой причине Соединёнными Штатами данный международный договор продвигался всеми силами.

Усилия США в рамках изменения законодательства, регулирующего коррупцию на международном уровне привели к тому, что с 1988 года, они получили право официально запрашивать поддержку у государств, подписавших конвенцию OECD, когда возникает такая необходимость, для судебного преследования или разбирательства в рамках их внутреннего законодательства и норм ФСРА. Стоит отметить, что начиная с 1977 года, для любого должностного лица или же работника эмитента ценных бумаг, который, не смотря на государственную важность, является, по сути, публичной компанией, которая зарегистрирована на бирже, оказание коррупционного влияния или склонение к совершению преступных действий иностранное должностное лицо, для сохранения, создания или же лучших условий для бизнеса первого, стало являться притуплением.

Подводя итоги, нужно отметить основные пункты изменений в законодательстве о международной коррупции США, внесённых в 1998 году.

Расширение определения “иностранного должностного лица”. В него, кроме “должностного лица и служащего иностранных правительств, департаментов, агентств или вспомогательных структур” включили так же и “должностное лицо или служащего публичной международной организации”.

К списку преступлений добавлено “получение какого либо неправомерного преимущества”. ранее, неправомерным деянием являлись только правонарушения связанные с “влиятием” на иностранное должностное лицо и “побуждением” к преступной деятельности иностранного должностного лица.

Разъяснил то, что любые коррупционные действия, совершаемые за пределами США, по прежнему влекут юридическую ответственность, даже если преступное деяние было совершено на прямую, путём личного общения с иностранным государственным работником, а не через “средства межгосударственной торговли”.

Юридическое обеспечение возможности судебного преследования зарубежных корпораций и иностранных граждан, которые совершали коррупционные преступления, когда те находились на территории США.

Таким образом, к тысяча девятисот девяносто седьмому году Соединённые Штаты смогли завершить программу, начатую в восьмидесятом году, в результате чего, министерство юстиции и комиссия по ценным бумагам и биржам США получили возможность в полной мере заняться правоприменением.

Литература

1. Foreign Corrupt Practices Act URL: <https://www.justice.gov/criminal/criminal-fraud/foreign-corrupt-practices-act>– [Дата обращения: 02.12.2023].
2. Paul D. Carrington. Enforcing International Corrupt Practices Law URL: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1057&context=mjil> [Дата обращения: 05.12.2023].
3. Мировой опыт борьбы с коррупцией и российские реалии (Специальный доклад). М., 2018. – С. 9.
4. Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Современное американское уголовное право. М.: Наука, 1990. – С. 159–160.
5. О законодательстве США в сфере борьбы с коррупцией URL: https://washington.mid.ru/ru/o_zakonodatelstve_ssha_v_sfere_borby_s_korrupsiy/ [Дата обращения: 02.01.2024].
6. Организация экономического сотрудничества и развития конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок. [официальный перевод на русский язык] URL: <http://www.iea.ras.ru/topic/law/law/law-r22071822htm>– [Дата обращения: 07.01.2024].

PROSPECTIVE LEGISLATIVE ACTS OF THE UNITED STATES AIMED AT COMBATING INTERNATIONAL CORRUPTION

Grigoryev A.A.

Tambov State Technical University

This article analyzes the most significant and effective legal provisions in U.S. legislation aimed at regulating the fight against corruption at the international level. The study examines the key aspects of U.S. anti-corruption laws related to international issues, the dynamics of their development, their influence on the formation of international legal instruments, and their current state. The article explores the legislative process and the prerequisites that led to the adoption of existing U.S. legal norms for combating international corruption. The research is based on sources and literature on domestic U.S. law, as well as official websites of executive branch agencies in the United States.

Keywords: FCPA, foreign public officials, U.S. legislation, international corruption, OECD Convention.

References

1. Foreign Corrupt Practices Act. Available at: <https://www.justice.gov/criminal/criminal-fraud/foreign-corrupt-practices-act> (Accessed: 02.12.2023).
2. Carrington, P.D. Enforcing International Corrupt Practices Law. Available at: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1057&context=mjil> (Accessed: 05.12.2023).
3. World Experience in Combating Corruption and Russian Realities (Special Report). Moscow, 2018. P. 9.
4. Nikiforov, B. S., Reshetnikov, F.M. Modern American Criminal Law. Moscow: Nauka, 1990. Pp. 159–160.
5. On U.S. Anti-Corruption Legislation. Available at: https://washington.mid.ru/ru/o_zakonodatelstve_ssha_v_sfere_borby_s_korrupsiy/ (Accessed: 02.01.2024).
6. OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions [official Russian translation]. Available at: <http://www.iea.ras.ru/topic/law/law/law-r22071822htm> (Accessed: 07.01.2024).

Правовые режимы многонациональности в Российской империи: от правовых исключений к институционализации различий (XIX – начало XX века)

Коньков Илья Алексеевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
E-mail: ilyakonkov16@gmail.com.

Статья посвящена анализу эволюции правовых режимов многонациональности в Российской империи. На основе историко-правового и институционального подходов рассматриваются механизмы правового регулирования этноконфессиональных различий, включая исключения, автономии и правовые статусы. Обоснована гипотеза о том, что правовая политика империи в XIX – начале XX века не сводилась к ассимиляции, а реализовывала стратегию «селективной интеграции», при которой различие легализовывалось и институционализировалось. Раскрываются конкретные формы правовых исключений (шариатские суды, финляндское право, казачье самоуправление), а также административные практики, обеспечивавшие гибкость правоприменения. Новизна статьи заключается в интерпретации имперского правового плюрализма как осознанной формы правовой модернизации. Выводы могут быть применены в современных исследованиях этноправовой политики и управлении правовым многообразием.

Ключевые слова: многонациональность, правовое исключение, правовой режим, имперское право, правовой плюрализм, правовая автономия, этнический статус, селективная интеграция.

Вопрос о правовых формах управления многонациональностью в Российской империи является важным направлением исследований не только в сфере истории государства и права, но и в междисциплинарной области «law and empire». Несмотря на то, что империя представлялась как вертикально организованная структура власти, юридическая практика свидетельствует о наличии гибкой системы правовых режимов, адаптированных к этноконфессиональным и региональным различиям.

Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления природы имперского правового порядка: от восприятия его как унифицирующего и репрессивного к модели, предполагающей правовую плюрализм. Как подчёркивает А.И. Миллер, «империя Романовых выстраивала сложную иерархию принадлежности, где право использовалось не для устранения различий, а для их рационального управления» [1].

Цель статьи – проанализировать механизм трансформации правовых исключений в институционализированные формы правового различия. В качестве исследовательских задач рассматриваются:

1. Характеристика типологии правовых исключений в империи;
2. Анализ механизмов легализации этноправовых различий;
3. Исследование роли администрации в управлении многонациональностью;
4. Выявление перехода от исключений к институциональной нормативности различий.

Методология исследования базируется на историко-правовом, институциональном и сравнительно-правовом подходах. Используются нормативные акты, архивные материалы, публицистика и научная литература. В статье применяется понятийный инструментарий современной правовой компаративистики и подход «право и империя» (law and empire).

Многонациональность в Российской империи представляла собой не только демографическую реальность, но и правовую категорию, определявшую структуру управления, механизм легитимации власти и логику правотворчества. Более 100 народов, исповедующих разные религии, говорящих на десятках языков и включённых в различные формы социального бытия – от кочевников до имперской аристократии, – требовали особого подхода со стороны государства. Империя, будучи политическим организмом, в основе которого ле-

жала идея единовластия, вынуждена была сочетать централизацию с признанием нормативного многообразия.

Правовая система, как инструмент, обеспечивающий управляемость и лояльность, адаптировалась под конкретные историко-культурные условия. Этноконфессиональная принадлежность не просто фиксировалась – она институционализировалась. Различия стало юридическим фактом. Как отмечает С.Б. Кирмзе, «российское право XIX века развивалось как сознательно множественное: оно не стремилось к унификации, а закрепляло различия как элемент устойчивости имперского порядка» [2].

На этой основе возникла сложная система правовых режимов: различия в судопроизводстве, налогообложении, воинской повинности, статусах самоуправления, семейном и наследственном праве. Мусульмане могли решать вопросы брака и дарения через шариат; финны – опираться на автономное законодательство; польская знать – сохранять элементы старопольской юрисдикции. Эти исключения были не следствием слабости центра, а проявлением договорной модели имперской легитимности.

В то же время, многонациональность становилась зоной правового напряжения. Чем больше различия институционализировались, тем выше становились риски дестабилизации. Государство реагировало на это через развитие управленческих механизмов, в том числе:

1. Закрепление норм через законодательство («Устав об инородцах», Положения о мусульманском духовенстве и пр.);
2. Делегирование власти на места: генерал-губернаторы, обер-прокуроры, военные власти;
3. Правовое посредничество – признание языка, обычаев, внутренней нормативности.

Таким образом, многонациональность как правовая проблема формировала особую структуру имперского правопорядка – юридическую архитектуру различий, которая стала устойчивой, управляемой и легитимной частью правовой системы.

Система правовых исключений в Российской империи XIX – начала XX века являлась не отклонением от нормы, а частью целостного механизма управления разнообразием. Исключение оформлялось как правовой инструмент, позволяющий легитимировать отклонения от общегосударственного законодательства для определённых групп подданных. Эти исключения могли иметь религиозную, этническую или сословную природу – и в каждом случае они имели нормативное выражение в законодательных актах, уставах, административных положениях.

Одним из ключевых документов, закреплявших правовое неравенство, был *Устав об управлении инородцами* (1822 г.), который содержал дифференцированные нормы для коренных народов Сибири, Средней Азии, Кавказа. В нём признавались их «обычаи» и «традиционные суды» как допусти-

мые формы регулирования. Это означало отказ от универсалистской модели и признание особого этноправового порядка. Как отмечает Д.Д. Пашенцева, «в XIX веке российское право фактически фиксировало множественность источников нормативности, подкрепляя их административной и правовой легитимацией» [3].

Религиозные исключения также были широко распространены. Мусульмане получали право использовать нормы шариата в делах, касающихся брака, развода, дарения, наследства. Указы 1830-х годов закрепили юрисдикцию казиев и муфтиев, одновременно ограничив их полномочия государственным контролем. Католики, протестанты, иудеи имели собственные институты духовной и правовой автономии. В этих случаях исключение становилось механизмом культурного признания при сохранении вертикали власти.

Этнические исключения проявлялись в правовом статусе польского, финляндского и прибалтийского населения. Например, после присоединения Финляндии в 1809 году император Александр I подтвердил её шведское законодательство и гарантировал право на сохранение Сейма и судов. Аналогично, в Прибалтике продолжали действовать немецкие нормы. Эти «правовые анклавы» стали формой территориально-этнической дифференциации.

Сословные исключения касались, прежде всего, казаков, мещан, государственных крестьян, инородцев. Указ 1837 года об учреждении Министерства государственных имуществ сопровождался серией нормативных актов, призванных дифференцировать правовое положение государственных крестьян – включая налоги, порядок службы, систему наказаний. Как подчёркивает Н.М. Дружинин, «законодательство о государственных крестьянах фактически формировало параллельное право, ориентированное на устойчивую изоляцию группы» [4].

Следовательно, исключения не были случайными, частными или временными – они формировали устойчивую правовую архитектуру империи. Юридическое различие выступало не аномалией, а инструментом баланса между правовым управлением и этнополитическим разнообразием.

Переход от спорадических исключений к устойчивым правовым режимам в Российской империи осуществлялся через создание институтов, способных закреплять и воспроизводить правовые различия в рамках единого имперского правопорядка. Эти институты – духовные собрания, автономные административные органы, особые суды и правовые кодексы – легализовали нормативное многообразие. Они позволяли этническим и конфессиональным группам не только сохранять свои правовые обычаи, но и использовать их в качестве инструментов регулирования повседневной жизни при формальном подчинении государственной власти.

Одним из самых ярких примеров институционализованного правового исключения стал Орен-

бургский магометанский духовный собор, учреждённый в 1788 году. Эта структура курировала деятельность мусульманских духовных лиц, в том числе казиев – судей, выносивших решения по нормам шариата. Как подчёркивает М.М. Якупов, «империя не только допускала применение шариата, но и санкционировала его в пределах определённых юрисдикций, делая исламское право частью системы» [5]. Казии решали дела о браке, разводе, наследстве, а их решения признавались государством, если не вступали в противоречие с основами российского законодательства.

После присоединения Великого княжества Финляндского в 1809 году, Александр I гарантировал сохранение шведского законодательства, финского Сейма и судопроизводства. На протяжении XIX века финская правовая система существовала в отрыве от российского законодательства: она имела собственную систему гражданского и уголовного права, независимые органы управления, местную полицию. Только с началом русификации в 1890-х годах были предприняты попытки ограничения этой автономии, вызвавшие резкое сопротивление. Финляндский случай демонстрирует, что правовой плюрализм мог принимать форму территориального правового суверенитета внутри империи.

Казачьи войска Российской империи – Донское, Кубанское, Терское и др. – имели особое правовое положение, закреплённое в Положениях, Уставах и указах. Они обладали правом на внутреннее самоуправление, особые суды, воинскую и гражданскую юрисдикцию. Как писал Б.Н. Чичерин, «казаки – это не просто воинское сословие, но правовое тело со своими нормами, порядками и традицией» [6]. Их нормативность включала круговую поруку, родовую ответственность, представление о чести как правовом маркере. В этом смысле казачье право представляло собой гибридный режим, сочетающий элементы обычного, военного и государственного права.

Во всех трёх случаях – шариат, финляндское право, казачье самоуправление – правовое исключение не означало отступление от имперской нормы, а напротив: было ею санкционировано, вписано в архитектуру правопорядка, адаптировано. Эти институты действовали как инструменты баланса между единством власти и признанием различия, а сами исключения со временем превратились в элементы институциональной стабильности.

Историческая эволюция правовой политики Российской империи в XIX веке демонстрирует переход от частных уступок и вынужденных исключений к системной стратегии селективной интеграции. Эта стратегия основывалась на признании того, что стабильность многонационального государства невозможна без институционального учёта культурных, правовых и религиозных различий. В отличие от насильственной унификации, селективная интеграция предполагала инкорпорацию различия в правовую систему, но на условиях, выгодных для центра.

Суть данной стратегии состояла в следующем:

1. Создание рамок, в которых исключения допускались и регулировались сверху (через указы, положения, рескрипты);
2. Административная фильтрация правовых различий: не все обычаи или нормы признавались – только те, которые не противоречили интересам империи;
3. Асимметрия правового участия, когда одни группы получали шире автономию (финны, мусульмане), а другие – строго ограниченные формы (евреи, старообрядцы).

Эта система опиралась на идею моделирования лояльности через признание уникальности. Как подчёркивает П. Верс, «терпимость в империи была инструментальной: она не исходила из идеи равенства, а служила для продления власти за счёт управляемого плюрализма» [7]. Таким образом, исключение становилось не слабостью, а технологией управления, и в этом – главный парадокс имперской правовой политики.

На практике стратегия селективной интеграции проявлялась в:

1. Правовом закреплении различий: особые положения, уставы, автономии;
2. Поддержке «лояльных элит», через которых проводилась государственная политика (муфтии, раввины, казацкие старшины);
3. Дифференцированном применении закона: одни и те же правовые нормы по-разному действовали в разных регионах.

Примером может служить деятельность генерал-губернаторов на окраинах империи, которые обладали широкими полномочиями в регулировании «местных особенностей». Им предоставлялось право интерпретировать нормы и даже отклоняться от общих законов в интересах поддержания порядка. Такая делегированная гибкость и была проявлением правовой селективности, встраивавшей различие в архитектуру власти.

Переход к системности сопровождался и правовой риторикой: официальные документы часто ссылались на «верования», «обычаи», «специфику народов», что превращало различие в часть правового ландшафта. Это укрепляло легитимность империи в глазах подданных, которым предлагалось не отказываться от своей идентичности, а вписать её в рамки лояльного сосуществования.

Таким образом, селективная интеграция в имперском праве – это не просто тактика, а модель устойчивого управления различием, где правовое исключение становится формализованной нормой, а разнообразие – управляемым ресурсом.

Реализация стратегии селективной интеграции в империи требовала устойчивого механизма управления правовым различием. В отличие от прямого правоприменения, которое предполагало однозначную норму и единый субъект, управление многонациональностью осуществлялось через сеть посредников, адаптационных фильтров и локальных практик, способных превратить нор-

мативное многообразие в управляемую юридическую систему.

Важнейшую роль играла административная структура, особенно генерал-губернаторы, военные власти, попечители, попечительные советы и губернаторы, обладавшие правом трактовать и применять закон с учётом «местных обстоятельств». Генерал-губернаторы в Польше, Финляндии, Сибири, Средней Азии обладали фактически нормотворческими функциями, что позволяло «локализовать право» без разрушения имперской вертикали. Как подчёркивает А.А. Карачевцев, «на окраинах Российской империи право имело форму политического инструмента, адаптированного к региональной и этноконфессиональной специфике» [8].

Следующим важным уровнем были институциональные посредники. Это могли быть:

1. Представители духовенства (муфтии, раввины, православные архиереи),
2. Светские лидеры (старосты, атаманы, члены сельских и волостных сходов),
3. Чиновники особых ведомств (инородческих управлений, ведомств духовных дел, канцелярий генерал-губернаторов).

Они выступали не только как трансляторы государственной воли, но и как интерпретаторы законов, способные адаптировать их содержание к языковым, культурным и ритуальным ожиданиям населения. Это снижало сопротивление и повышало эффективность правового регулирования.

Помимо вертикальной и горизонтальной власти, значительную роль играли практики правовой адаптации. Например:

1. Упрощённые процедуры судопроизводства для «инородцев»;
2. Двужычные административные акты;
3. Фиксация в документах ссылок на обычаи и устные формы подтверждения права;
4. сосуществование нескольких юрисдикций (например, шариатской и окружной).

Архивные документы, особенно региональные отчёты МВД и жалобы подданных, свидетельствуют о широком распространении неформальных механизмов правового урегулирования, где основой служило не столько формальное право, сколько культурно признанные нормы. Так, в Тамбовской губернии фиксируются случаи, когда местные власти игнорировали имперские предписания в пользу решений, принятых на волостных сходах, если последние обеспечивали порядок [9].

Таким образом, управление различием было многоуровневым процессом: государство создавало пространства гибкости, наполнявшиеся содержанием через посредников, адаптационные процедуры и практики согласования. Это делало правовую систему империи не только репрессивной, но и гибкой, способной к локальной трансформации в рамках общей вертикали.

Одним из ключевых процессов в правовой политике Российской империи XIX – начала XX ве-

ка стал сдвиг от временных исключений к институционализации различия как устойчивой нормы. Если в начале века различие допускалось как вынужденная уступка, то к концу столетия оно стало сознательной моделью управления, встроенной в правовую архитектуру государства.

Это изменение выражалось в смене правовой риторики и концептуального аппарата. В документах начала XIX века различия обозначались как «отклонения», «переходные меры» или «временные порядки», в то время как с середины века всё чаще появляются такие понятия, как «особые правовые режимы», «закреплённые различия» и «территориально-этнические правовые нормы». Как указывает Т. Борисова, «имперское право последней трети XIX века уже не маскировало правовые различия, а нормативно закрепляло их в качестве основы устойчивости» [10].

Признание различия как нормы проявлялось:

1. В расширении действия региональных кодексов (например, сохранение шведского законодательства в Финляндии);
2. В юридическом признании институтов общинного самоуправления (еврейские кагалы, казацкие круги, волостные сходы);
3. В разделении юрисдикций между государственными и конфессиональными структурами (казии, раввины, церковные суды).

Особое значение имел правовой язык. В нормативных актах всё чаще фиксировались формулировки: «с учётом обычаев», «в порядке, действующем в местности», «на основании духовных норм», что де-факто означало встроенность различия в нормативный стандарт. Это касалось не только окраин, но и центральных губерний, где проживали этнические меньшинства – татар, мордвы, чувашей и других.

Институционализация различий сопровождалась развитием механизма «согласованного управления», когда региональные элиты – духовные, этнические, сословные – включались в систему принятия решений. Это проявлялось в их участии в совещательных органах, делегациях, оформлении петиций, а также в легализации их норм в качестве локальных источников права.

В результате, исключение переставало быть исключением и становилось нормой особого права, действующей в рамках имперской правовой системы. Эта норма не разрушала вертикаль, а обеспечивала её устойчивость за счёт многоуровневой легитимации.

Таким образом, к началу XX века в Российской империи складывается правовая модель, в которой различие институционализировано, легитимно и признано государством. Это становится финальной стадией трансформации: от точечных уступок к системной нормативной множественности, подконтрольной, регулируемой, но не устранённой.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что правовая политика Российской империи в отношении многонационального состава подданных

прошла путь от ситуативных исключений к системной институционализации правовых различий. На основе изучения источников законодательства, архивных данных и научной литературы становится очевидным, что многонациональность рассматривалась имперской властью не как временное препятствие, а как неотъемлемый компонент государственного устройства, требующий правового закрепления.

Ключевым выводом исследования является понимание того, что правовые исключения – это не слабость, а механизм адаптивного управления. Они позволяли:

1. Снижать напряжение между государством и этническими общинами;
2. Формировать лояльные управленческие структуры на местах;
3. Встраивать элементы традиционного права в вертикаль имперской легитимности.

Правовой плюрализм, таким образом, не был признаком хаоса или децентрализации. Он стал осознанной стратегией «селективной интеграции», когда государство легализовывало различия, но сохраняло контроль над их содержанием и применением. Это проявилось в признании особых норм (шариата, казачьих кодексов, финляндского законодательства), допущении локальных юрисдикций, работе административных посредников.

Научная новизна статьи заключается в интерпретации правового устройства империи как иерархически организованного правового многообразия, где норма и исключение не противоположны, а взаимно поддерживают стабильность системы. В этом контексте исключения становятся формой институциональной гибкости, а различие – элементом легитимности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что имперская модель правового управления многонациональностью может быть полезной для: сравнительных правоведческих исследований (в том числе в контексте империй Османской, Британской, Австро-Венгерской); современной правовой политики государств с этноконфессиональным разнообразием; анализа инструментов культурной автономии и правового признания различия.

Перспективы дальнейших исследований видятся в углублённом изучении конкретных региональных кейсов (например, правовой эволюции мусульманского самоуправления, юридических практик казачества или деятельности финляндского Сейма), а также в расширении сравнительно-исторического анализа моделей имперского правового плюрализма.

Таким образом, признание различия как нормы становится важнейшим фактором устойчивости и гибкости правовой системы Российской империи, подтверждая, что право может быть не только инструментом уравнивания, но и механизмом легитимного различия.

Литература

1. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – С. 76. (дата обращения: 04.04.2025).
2. Kirmse S.B. Law and Society in Imperial Russia // *InterDisciplines: Journal of History and Sociology*. 2012. Vol. 3. No. 2. P. 117 <https://www.interdisciplines.org/index.php/indi/article/view/969> (дата обращения: 04.04.2025).
3. Пашенцева Д.Д. Система источников права Российской империи в XIX веке: особенности развития // *Вестник МГПУ. Юридические науки*. 2021. № 2. С. 90–103. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.42.2.10 (дата обращения: 04.04.2025).
4. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа 1837–1841 годов. – М.: Наука, 1978. – С. 215 (дата обращения: 04.04.2025).
5. Якупов М.М. Ислам в правовой системе России: исторический очерк. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. – С. 142–145 (дата обращения: 04.04.2025).
6. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1894. – Т. 1. – С. 235 (дата обращения: 04.04.2025).
7. Werth P.W. *The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia*. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – P. 77–84 (дата обращения: 04.04.2025).
8. Карачевцев А.А. Этническая политика в правовом устройстве Российской империи // *История государства и права*. – 2020. – № 12. – С. 34–40 (дата обращения: 04.04.2025).
9. Архив Тамбовской области. Ф. 142. Оп. 3. Д. 78 – Жалобы, прошения и доклады по вопросам крестьянского самоуправления (дата обращения: 04.04.2025).
10. Borisova T. Russian National Legal Tradition: Svod versus Ulozhenie in Nineteenth-Century Russia // *Diritto @ Storia*. 2009. <https://www.dirittoestoria.it/8/Contributi/Borisova-Russian-National-Legal-Tradition.htm> (дата обращения: 04.04.2025).

LEGAL REGIMES OF MULTINATIONALITY IN THE RUSSIAN EMPIRE: FROM LEGAL EXCEPTIONS TO THE INSTITUTIONALIZATION OF DIFFERENCES (19TH – EARLY 20TH CENTURY)

Kon'kov I.A.

Tambov State Technical University

This article analyzes the evolution of legal regimes of multiethnicity in the Russian Empire. Using historical and institutional legal approaches, the author explores mechanisms of regulating ethno-confessional differences, including legal exceptions, autonomous arrangements, and special statuses. The article argues that the imperial legal policy in the 19th and early 20th centuries followed a strategy of “selective integration” whereby diversity was legally recognized and institutionalized. Case studies include Islamic sharia courts, Finnish legal autonomy, and Cossack self-governance. The study highlights the role of administrative flexibility and legal mediation in managing diversity. The article proposes a reinterpretation of imperial legal pluralism as a conscious model of legal modernization. The results may be useful for scholars of legal history and multiethnic state governance.

Keywords: multiethnicity, legal exception, legal regime, imperial law, legal pluralism, legal autonomy, ethnic status, selective integration.

References

1. Miller, A.I. The Romanov Empire and Nationalism. Moscow: New Literary Observer, 2006. P. 76. (accessed: 04.04.2025).
2. Kirmse, S.B. Law and Society in Imperial Russia // *InterDisciplines: Journal of History and Sociology*, 2012, Vol. 3, No. 2, P. 117. URL: <https://www.inter-disciplines.org/index.php/indi/article/view/969> (accessed: 04.04.2025).
3. Pashentseva, D.D. The System of Legal Sources in the Russian Empire in the 19th Century: Features of Development // *Vestnik of Moscow City University. Legal Sciences*, 2021, No. 2, Pp. 90–103. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.42.2.10 (accessed: 04.04.2025).
4. Druzhinin, N.M. State Peasants and the Reform of 1837–1841. Moscow: Nauka, 1978. P. 215. (accessed: 04.04.2025).
5. Yakupov, M.M. Islam in the Legal System of Russia: A Historical Essay. Kazan: Kazan University Press, 2011. Pp. 142–145. (accessed: 04.04.2025).
6. Chicherin, B.N. Course in the Science of the State. Moscow: Printing House of M.G. Volchaninov, 1894. Vol. 1. P. 235. (accessed: 04.04.2025).
7. Werth, P.W. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press, 2014. Pp. 77–84. (accessed: 04.04.2025).
8. Karachevtsev, A.A. Ethnic Policy in the Legal System of the Russian Empire // *History of State and Law*, 2020, No. 12, Pp. 34–40. (accessed: 04.04.2025).
9. Archive of the Tambov Region. Fund 142. Inventory 3. File 78 – Complaints, Petitions, and Reports on Issues of Peasant Self-Government. (accessed: 04.04.2025).
10. Borisova, T. Russian National Legal Tradition: Svod versus Ulozhenie in Nineteenth-Century Russia // *Diritto @ Storia*, 2009. URL: <https://www.dirittoestoria.it/8/Contributi/Borisova-Russian-National-Legal-Tradition.htm> (accessed: 04.04.2025).

Правовое сотворчество государственных и общественных структур и правовая политика

Малько Александр Васильевич,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ государственно-правовых исследований Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, заслуженный деятель науки РФ

Анализируются проблемы, связанные с сотрудничеством в правотворческой сфере государственных и общественных структур. Между тем предметом исследования выступают органы публичной власти и институты гражданского общества как субъекты не только правосотворческого процесса, но и формирования и осуществления правовой политики. С помощью сравнительного и формально-юридического методов выявлены достоинства и недостатки установления механизмов взаимодействия государственных и общественных структур в таких доктринальных политико-правовых актах, как Концепции правовой политики республик Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Беларусь. В процессе исследования учитывалось то, что в наиболее концентрированной форме правовая политика вышеназванных стран проявляется в принятых ими Концепциях подобной политики, в которых находят свое выражение и различные аспекты участия институтов гражданского общества в управлении государственными делами (прежде всего в сфере правотворчества). В результате проведенного анализа выявлено, что, несмотря на разный уровень, их во многом объединяет следующее: в данных доктринальных документах, политико-правовых актах в большей степени лишь декларируется необходимость участия граждан в управлении государством, на самом деле все ограничивается поддержкой и контролем, а полноценного взаимодействия пока нет. Это же касается и России, ибо в целом результаты анализа нашей нормативно-правовой базы позволяют сделать вывод, что регламентация коммуникации осуществляется по двум самостоятельным направлениям, при этом с преобладанием процессов воздействия со стороны органов власти на гражданское общество, а не взаимодействия.

Ключевые слова: правовое сотворчество государственных и общественных структур, правовая политика, Концепции правовой политики республик Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Беларусь.

Структуры государства и общества взаимодействуют между собой на разных уровнях и в различных сферах. Например, в юридической они совместно участвуют не только в правотворческом процессе в качестве его субъектов (что выражается в институте правового сотворчества), но и в выстраивании и осуществлении правовой политики. Если под **правовым сотворчеством** можно понимать высшую форму сотрудничества в юридической (и особенно в правотворческой) сфере между органами публичной власти и институтами гражданского общества, призванную согласовывать их интересы (облегаемые затем в соответствующие правотворческие акты), выступающую составной частью позитивной правовой жизни и одним из главных показателей степени цивилизованности, народовластия и зрелости страны¹, то под **правовой политикой** – деятельность государственных и общественных структур по созданию эффективного механизма правового регулирования, по усовершенствованию правовой системы в целом². Они связаны между собой следующим образом: с одной стороны, правовая политика, выступая прежде всего как политика правотворческая, призвана усовершенствовать правовую систему (а значит и правосотворческую деятельность), определяя цели и стратегию юридического развития общества; с другой стороны, правовое сотворчество – средство достижения целей политики, способ осуществления ее стратегии.

Проблемы качественного изменения коммуникаций органов публичной власти и общественных институтов стали особенно злободневными в период кардинальных трансформаций последнего времени. В этих условиях все чаще высказываются идеи о необходимости принятия Концепции правовой политики в России, в которой бы говорилось о более активном вовлечении граждан и их организаций в процесс формирования данной политики. О такой Концепции мне приходилось писать еще в 2001 году³. После чего соответствующие материалы были направлены в наши высшие государственные инстанции. В 2002 году «реакция» последовала не из российских органов власти, а из Казахстана, где, по сути, воплотились в жизнь пред-

¹ См.: Малько А.В. Правовое сотворчество как высшая форма сотрудничества органов государства и институтов гражданского общества // Правовая культура. 2024. № 3. С. 112.

² См. подробнее: Малько А.В. Теория правовой политики: Монография. Москва, 2012.

³ См.: Малько А.В. О Концепции правовой политики в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 2. С. 174–177.

лагаемые мною идеи, разумеется, с присущими для их страны дополнениями.

Так, Концепция правовой политики Республики Казахстан утверждалась Указом ее Президента трижды: в 2002 г. была принята до 2010 года, в 2010 году – обновленный вариант – до 2020 года, а в 2021 году – опять обновленный вариант – но уже до 2030 года, в котором установлено, что «широкое вовлечение граждан в управление будет способствовать укреплению моста понимания и согласия между государством и обществом. В этой связи особую актуальность сохраняет дальнейшее совершенствование законодательной базы для всестороннего развития институтов гражданского общества, в том числе посредством усиления общественного контроля над деятельностью органов государственного управления».

Вместе с тем, в данном политико-правовом акте самокритично заявлено, что «в целом нуждается в оптимизации и автоматизации процедура согласования нормативных правовых актов. Назрела необходимость развивать потенциал интернет-портала открытых нормативных правовых актов. Анализ его функционирования свидетельствует о низкой активности граждан при обсуждении проектов нормативных правовых актов и других документов. В этой связи следует установить причины не восприятия гражданами интернет-портала, которые связаны, помимо прочего, с отсутствием реального механизма учета предложений, возможностью комментировать исключительно отдельные структурные элементы проекта, неудобным интерфейсом сайта, на что необходимо обратить внимание. Учитывая, что в отдельных случаях граждане могут и не знать о размещении на интернет-портале проектов документов, необходимо проработать механизмы уведомления заинтересованных лиц, в том числе посредством разработки удобного мобильного приложения».

Важно поддержать обозначенные предложения, высказанные в рассматриваемой Концепции, принятой самой первой из имеющихся. Они содержат немало ценных рекомендаций для улучшения состояния правосотворческого процесса в Республике Казахстан. Однако в ней есть и немало деклараций, не позволяющих привести в действие механизмы коммуникации государственных и общественных структур.

Необходимость принятия Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 годы, утвержденной Указом ее Президента 6 февраля 2018 года, как в ней самой сказано, вытекает в том числе «из следующих требований и факторов: эффективного регулирования устойчивой политической демократической системы и институтов гражданского общества в стране, правового обеспечения процесса экономического и социального развития страны на этапе перехода к рыночной экономике, защиты прав и свобод человека, повышения правовой образованности и правосознания граждан и должностных лиц».

В Концепции правовой политики Кыргызской Республики на 2023–2026 годы, утвержденной Указом ее Президента 31 мая 2023 года, закреплено, что «в целях повышения качества нормативной правовой базы Кыргызской Республики представляется целесообразным пересмотреть принципы процесса инициирования и разработки проектов нормативных правовых актов (НПА) с тем, чтобы обеспечить участие всех заинтересованных сторон, включая представителей гражданского общества, бизнес-сообщества, независимых экспертов, при подготовке проекта НПА. Подобный алгоритм позволит обеспечить учет позиций всех заинтересованных представителей общества, интересы которых могут быть затронуты проектом НПА». В Разделе Концепции «Совершенствование нормотворческих процессов» установлено следующее: «1. Совершенствование порядка инициирования, разработки и принятия нормативных правовых актов, а также мониторинга их исполнения, предусматривающего внедрение концептуально новых механизмов, обеспечивающих качество, прозрачность, системность, согласованность и общественную вовлеченность. 2. Повышение уровня влияния общественного обсуждения на нормотворческий процесс путем организации эффективной работы по вовлечению граждан, институтов гражданского общества, средств массовой информации, субъектов предпринимательства и представителей науки в данный процесс».

В Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом ее Президента 28 июня 2023 года, отмечается, что ее целями являются «обеспечение эффективного функционирования и дальнейшего совершенствования правовой системы в интересах белорусского государства, общества и граждан. На достижение заявленных целей должны быть направлены усилия всех субъектов формирования и реализации правовой политики – государственных и общественных институтов в рамках выполнения возложенных на них задач и функций, а также граждан в ходе их повседневной деятельности».

Важным в данной Концепции выступает то, что государственным и общественным структурам как субъектам ее выстраивания и осуществления уделяется каждому «особое» внимание. Так, в п. 3 зафиксировано, что «государственные органы, организации, их должностные лица при формировании и реализации правовой политики обязаны исходить из того, что единственным источником государственной власти и носителем суверенитета является белорусский народ». В п. же 4 закреплено следующее: «Граждане участвуют в реализации правовой политики как непосредственно, так и через представительные и иные органы, институты гражданского общества в пределах и формах, определенных Конституцией и принятыми в ее развитие актами законодательства». Причем в п. 37 это положение «привязано» применительно к отдельным формам, что выступает весьма важным обстоятельством: «Граждане участвуют в реали-

зации правовой политики посредством: осуществления права законодательной инициативы; обсуждения проектов нормативных правовых актов, а также внесения предложений по совершенствованию действующего законодательства; участия в политических партиях и других общественных объединениях, выбора своих представителей в государственные органы». Считаю вполне уместными и правильными обозначенные в части 2 данного пункта призывы к взвешенному и законопослушному участию общественных структур в правосотворческом процессе и правовой политике. Можно только поддержать следующие требования: «Правовая активность граждан и консолидация гражданского общества призваны способствовать укреплению национального согласия, предупреждению любых форм экстремизма, формированию непотребительского отношения к государству, высокого уровня правосознания, в том числе конституционного, правовой культуры, профилактике правового нигилизма».

Оценивая в целом Концепции, следует отметить, что в них содержится недостаточно ориентиров на детальные реальные механизмы вовлечения граждан и их объединений в правовое сотворчество и в процесс формирования и осуществления правовой политики. Закрепленные в отдельных политико-правовых актах положения в отношении граждан выступают неконкретными и во многом просто заявленными. Анализ Концепций дает основания для вывода о том, что коммуникация складывается в большей мере лишь со стороны органов публичной власти. Другой субъект в этом взаимодействии не имеет пока ни юридических средств для выравнивания сложившейся ситуации, ни соответствующей правовой культуры для ее изменения.

К тому же в указанных Концепциях общественным структурам (как соавторам правотворческой деятельности) внимание уделяется в разной степени. В одних практически ничего об этом не сказано (Республика Таджикистан), в других есть лишь упоминания (Республика Кыргызстан), в третьих (Республика Казахстан) дается более развернутая информация, в четвертых (Республика Беларусь) установлены не только отдельные права и обязанности субъектов правотворческой деятельности, но и даже некоторые формы взаимодействия государственных и общественных институтов. Так что уровень исследуемых Концепций далеко не одинаков. Отсюда и разное влияние их на правовую жизнь конкретного общества. Вместе с тем эту проблему то или иное государство должны решать, исходя конечно же из своих культурно-исторических особенностей и сложившихся реалий.

Требуется основательный анализ существующих Концепций правовой политики с тем, чтобы и в России наконец-то был принят соответствующий политико-правовой акт. Необходимо на основе имеющейся теории и проекта доктринального документа разработать Концепцию правовой политики в РФ до 2030 года, охватывающую своим

влиянием все правовое развитие общества. Такого акта (включая и Конституцию РФ) на сегодняшний день у нас нет. Его нужно создавать и официально утверждать Указом Президента РФ по примеру того, как это уже сделано в ряде стран.

Если же проанализировать законодательство вышеназванных государств по этому вопросу, то и здесь выводы будут неутешительны, ибо и в нем механизм взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества явно несовершенен. Декларативно лишь заявляется о необходимости участия граждан в управлении общими делами. При подобной ситуации пока нельзя вести речь о «равноправной» коммуникации властных и общественных структур, а можно только об однонаправленном воздействии первых на вторые, что не оказывает значимого влияния на взаимоотношения указанных субъектов. Следовательно, рассматриваемая нормативно-правовая база регулирует отдельные аспекты подобного «однобокого» и неравноправного взаимодействия. Это же наблюдается и в современной России, так как в ней «закона или, по крайней мере, раздела в законе, предусматривающего стройную систему форм и принципов взаимодействия, прав и обязанностей государства и организаций гражданского общества по отношению друг к другу на федеральном уровне не существует»¹.

Бесспорно, вовлечение граждан и их организаций в управление общими делами – дело не быстрое и оно должно проходить естественным путем. Задача же государства – стимулировать это и ограничивать все то, что мешает подобному процессу. В частности, появление в тексте Конституции РФ 2020 года «таких понятий, как «институты гражданского общества; «добровольческая (волонтерская) деятельность», в контексте полномочий Правительства РФ свидетельствует о политике, направленной на поощрение гражданской активности и развитие конституционно-правовой концепции гражданского общества»². Кроме того, на таком же уровне были закреплены следующие формы взаимодействия институтов гражданского общества и органов публичной власти: поддержка институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, и добровольческой (волонтерской) деятельности; обеспечение участия институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, в выработке и проведении государственной политики»³.

Конечно же, кроме Конституции РФ отдельные механизмы (но весьма разрозненные и фраг-

¹ См.: Институционализация взаимодействия гражданского общества с публичной властью в публично-правовых образованиях: Монография/Под ред. А.И. Кузьмина и Л.И. Ворониной. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 17–19.

² Гаунова Ж.А. Гражданские инициативы и их роль в развитии общества: правовые аспекты//Право как созидатель новой социальной реальности: Монография/Под ред. Ю.А. Тихомирова. Москва, 2024. С. 124.

³ См.: Никитина Е.Е., Гаунова Ж.А. Взаимодействие органов публичной власти с институтами гражданского общества при реализации национальной политики Российской Федерации//Журнал российского права. 2021. № 10. С. 7.

ментарные) установлены в действующем законодательстве (в частности, в федеральных законах «Об Общественной палате Российской Федерации», «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «Об общественных объединениях», «О политических партиях» и некоторых других), закрепляющие те или иные юридические возможности субъектам правового сотворчества коммуницировать между собой. Например, с одной стороны, институты гражданского общества могут использовать такие формы воздействия на органы публичной власти, как реализация законотворческой инициативы, участие граждан во всенародных обсуждениях и референдумах, в деятельности общественных советов, созданных при исполнительных органах власти. С другой стороны, законодатель предусматривает воздействие органов публичной власти на институты гражданского общества, что выражается не только в контроле за их деятельностью и в применении по отношению к ним соответствующих законных ограничений, но и в финансовой поддержке при их формировании и функционировании, в предоставлении льгот, в разработке соответствующих государственных программ¹.

В целом же результаты анализа правовых актов позволяют сделать вывод, что регламентация коммуникации осуществляется по двум самостоятельным направлениям, при этом с преобладанием процессов воздействия со стороны органов власти на гражданское общество, а не взаимодействия².

Таким образом, структуры государства и общества – субъекты и правового сотворчества, и правовой политики. Вместе с тем степень их участия и соответственно их роль в этих процессах значительно разнятся. Разумеется, нельзя говорить о каком-либо абсолютном равноправии названных субъектов в подобных отношениях, но о создании необходимых условий для требуемого вовлечения в это граждан и их объединений вести речь надо, ибо лишь полноценное и заинтересованное взаимодействие позволит принимать эффективные правотворческие решения.

Литература

1. Гаунова Ж.А. Гражданские инициативы и их роль в развитии общества: правовые аспекты // Право как создатель новой социальной реальности: Монография/Под ред. Ю.А. Тихомирова. Москва, 2024. 413 с.
2. Гриб В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: Авторе-

¹ См. об этом подробнее: Гриб В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2011.

² См.: Институционализация взаимодействия гражданского общества с публичной властью в публично-правовых образованиях: Монография/Под ред. А.И. Кузьмина и Л.И. Ворониной. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 20.

ферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2011. 45 с.

3. Институционализация взаимодействия гражданского общества с публичной властью в публично-правовых образованиях: Монография/Под ред. А.И. Кузьмина и Л.И. Ворониной. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2018. 318 с.
4. Малько А.В. О Концепции правовой политики в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 2. С. 174–190.
5. Малько А.В. Правовое сотворчество как высшая форма сотрудничества органов государства и институтов гражданского общества // Правовая культура. 2024. № 3. С. 112–116.
6. Малько А.В. Теория правовой политики: Монография. Москва, 2012. 345 с.
7. Никитина Е.Е., Гаунова Ж.А. Взаимодействие органов публичной власти с институтами гражданского общества при реализации национальной политики РФ // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 7–14.

LEGAL CO-CREATION OF STATE AND PUBLIC STRUCTURES AND LEGAL POLICY

Malko A.V.

Tambov State University named after Derzhavin

Analyzes the problems associated with cooperation in the law-making sphere of state and public structures. Meanwhile, the subject of the study is public authorities and civil society institutions as subjects not only of the law-making process, but also of the formation and implementation of legal policy. Using comparative and formal legal methods, the advantages and disadvantages of establishing mechanisms for interaction between state and public structures in such doctrinal political and legal acts as the Concepts of Legal Policy of the Republics of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Belarus were identified. In the process of the research it was taken into account that in the most concentrated form the legal policy of the above-mentioned countries is manifested in the Concepts of such policy adopted by them, which also express various aspects of the participation of civil society institutions in the management of state affairs (primarily in the sphere of lawmaking). As a result of the analysis it was revealed that, despite the different levels, they are largely united by the following: in these doctrinal documents, political and legal acts to a greater extent only declare the need for citizens to participate in the management of the state, while in fact, everything is limited to support and control, and there is no full-fledged interaction yet. This also applies to Russia, because in general the results of the analysis of our regulatory framework allow us to conclude that the regulation of communication is carried out in two independent directions, with a predominance of the processes of influence from the authorities on civil society, rather than interaction.

Keywords: Legal co-creation of state and public structures, legal policy, Concepts of legal policy of the republics of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Belarus.

References

1. Gaunova ZH.A. Grazhdanskije iniciativy i ih rol' v razvitiij obshchestva: pravovye aspekty [Civil initiatives and their role in the development of society: legal aspects] // Pravo kak sozidatel' novej social'noj real'nosti: Monografiya [Law as a creator of new social reality: Monograph] / Pod red. [ed. by] YU.A. Tihomirova. Moskva, 2024. 413 p.
2. Grib V.V. Vzaimodejstvie organov gosudarstvennoj vlasti i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii: Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskijh nauk [Interaction of public authorities and civil society institutions in the Russian Federation: Abstract of a dissertation to obtain a PhD in law.]. Moskva, 2011. 45 p.

3. Institucionalizaciya vzaimodejstviya grazhdanskogo obshchestva s publichnoj vlast'yu v publichno-pravovyh obrazovaniyah: Monografiya [Institutionalization of interaction of civil society with the public administration in public-legal education: Monograph]: / Pod obshchej red. [ed. by] A.I. Kuz'mina i L.I. Voroninoy. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2018. 318 p.
4. Malko A.V. O Konceptii pravovoj politiki v Rossijskoj Federacii [On the Concept of Legal Policy in the Russian Federation] // Pravovaya politika i pravovaya zhizn' [Legal Politics and Legal Life.]. 2001. № 2. P. 174–190.
5. Malko A.V. Pravovoe sotvorchestvo kak vysshaya forma sotrudnichestva organov gosudarstva i institutov grazhdanskogo obshchestva [Legal cooperation as a higher form of cooperation between state bodies and civil society institutions] // Pravovaya kul'tura [Legal Culture]. 2024. № 3. P. 112–116.
6. Malko A.V. Teoriya pravovoj politiki [Theory of Legal Policy.]. Moskva, 2012. 345 p.
7. Nikitina E.E., Gaunova ZH.A. Vzaimodejstvie organov publichnoj vlasti s institutami grazhdanskogo obshchestva pri realizacii nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii [Interaction of public authorities with civil society institutions in the implementation of national policy in the Russian Federation] // Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law.]. 2021. № 10. P. 7–14.

Судебная практика как ключевой элемент принципа единства судебной практики: теоретико-правовой анализ

Мелконян Вартан Гарегинович,

аспирант, кафедра теории и истории государства и права,
Владимирский государственный университет имени Николая
Григорьевича и Александра Григорьевича Столетовых, город
Владимир
E-mail: i@varme1.ru

В рамках статьи проводится теоретико-правовой анализ такого понятия, как судебная практика. Данная практико-правовая категория заслуженно является предметом большого количества научных исследований. Суд является важнейшим органом правоприменения в России, а судебная власть самостоятельная ветвь государственной власти. Суд обеспечивает равное и безоговорочное применение норм действующего законодательства на всей территории страны, в связи с чем формирование судебной практики является логическим завершением процесса отправления правосудия. Наиболее важным свойством судебной практики является её единообразие, т.е. единство в толковании и применении норм права, недопустимость произвольного толкования и применения в зависимости от каких-либо обстоятельств. Подобное свойство в теории права получило название принципа единства судебной практики. Важность данного принципа и его значение подробно проанализированы автором в рамках иных научных статей. Предметом исследования в рамках настоящей статьи является составная ключевая часть данного принципа – судебная практика. В рамках анализа приведены наиболее распространенные позиции относительно понятия судебной практики, его структуры, свойств и значения в правовой системе.

Ключевые слова: судебная практика, принцип единства судебной практики, судопроизводство, суд, правоприменение, толкование права.

Судебная власть в России является самостоятельной ветвью власти. Структура судебной власти может быть предметом отдельного исследования, однако в рамках настоящего исследования следует ограничиться таким ключевым структурным элементом как суд. Суд является правоприменительным органом и осуществляет отправление правосудия (судопроизводство). Судопроизводство в свою очередь может пониматься в широком и узком смысле; особый интерес представляет строго установленная процессуальным законодательством деятельность суда по рассмотрению и разрешению каких-либо категорий споров. Данное понятие имеет и глубокий теоретический элемент, который состоит в особой властной деятельности суда, направленной на обеспечение правопорядка и восстановление справедливости в правоотношениях между различными субъектами права. Следует отметить, что даже нарушенные интересы государства подлежат защите через суд, что говорит об особой важности данного института.

Результатом судопроизводства является принятие какого-либо судебного акта (определения, решения, постановления), которым решается вопрос по существу либо производство по делу прекращается. Следует отметить важное свойство судебного постановления в странах романо-германской правовой семьи, которое состоит в обязательности решения исключительно для лиц, являющихся участниками спора. При этом для третьих лиц, не принимавших участия в рассмотрении спора, данное решение не влечет каких-либо правовых последствий. Однако постановление суда само по себе является проявлением судебной власти и в совокупности в результате принятия множества аналогичных судебных актов (идентичные правоотношения и фактические обстоятельства) формируется судебная практика. В странах англо-американской правовой системы судебный прецедент и судебная практика в широком смысле являются источниками права и носят общеобязательный характер в том числе для лиц, не принимавших участия в рассмотрении спора. В странах романо-германской правовой семьи же судебная практика не является источником права и имеет значение лишь в аспекте формирования определенных судебных подходов к разрешению отдельных видов споров.

В России общеобязательными являются лишь правовые позиции, формируемые высшими судебными инстанциями (Верховным Судом Российской Федерации, Конституционным Судом Российской Федерации, до 2014 года Высшим Арбитражным

Судом России). Однако стоит отметить, что де-факто юридическое значение с точки зрения формирования судебной практики имеют также судебные постановления и нижестоящих судов. Опыт разрешения определенных категорий дел, связанный с толкованием и применением определенных норм права довольно важен в судебной деятельности. Стороны судебного процесса довольно часто ссылаются на акты иных судов зачастую кассационных, апелляционных.

Стоит отметить, что все чаще упоминается необходимость анализа судами и участниками споров судебной практики на предмет наличия либо отсутствия сформировавшейся практики по рассмотрению тех или иных споров. Это говорит об актуальности и важности данного вопроса, ведь недопустимо существование в судебной практике одновременно разных принципиальных подходов к толкованию и применению норм права.

Следует перейти к теоретико-правовому анализу. Поляков С.Б. со ссылкой на Подольскую Н.А. приводит понятие судебной практики, которая представляет «выработанные в ходе судебной деятельности «правовые положения», определения – дефиниции, правила, указания, которые обладают определенной степенью обобщенности, общепризнанности и (во всяком случае, некоторые из них) обязательности.» [4, с. 29].

В свою очередь И.А. Глотова понимает под судебной практикой «результаты судебной деятельности в форме правоположений, выработанных высшими судебными инстанциями с использованием средств толкования, применение которых носит обязательный характер для всех органов, должностных лиц и граждан.» [1, с. 250].

Как пишет Надеждин Ю.Ю. «С.С. Алексеев рассматривал юридическую практику как «объективированный опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов»» [3, с. 143]. Автор также указывает на точку зрения А.В. Цихоцкого: «судебная практика – «это обобщенный результат деятельности судов по применению права при рассмотрении и разрешении гражданских дел»» [3, с. 145]. По мнению Егорова Н.Д. судебная практика есть «многократное единообразное решение судами одной и той же категории дел» [2, с. 51].

Из анализа данных понятий следует, что структура судебной практики как теоретического понятия включает в себя следующие составные элементы:

- судебная практика – это судебная деятельность;
- деятельность осуществляется всеми судами (не только высшими судами);
- направленность на формирование правовых (судебных) позиций (подходов к разрешению споров);
- накопление юридического опыта.

Таким образом, де-факто судебная практика в странах романо-германской правовой семьи имеет существенное значение, несмотря на то, что судебный прецедент не является источником пра-

ва. Кроме того, даже юридически правовые позиции высших судов России имеют общеобязательный характер, что свидетельствует о наличии элементов прецедентной системы права, несмотря на праворазъяснительный характер таких правовых позиций. Зачастую грань между разъяснением уже существующих норм законодательства и формированием новых правовых норм довольно тонкая. Постановления пленума Верховного Суда России часто расширяют применимые нормы права, фактически принимая новые правовые нормы. Суд не является правотворческим органом, а Конституционный Суд России может установить лишь временный порядок применения норм права, не соответствующих действующему законодательству.

Следует перейти к анализу свойств судебной практики. Под свойством понимается характеристика, черта, присущая явлению. Свойствами судебной практики являются: законность, обобщенность, единообразие (последовательность), фиксация в постановлениях судов (институционализация), правоприменительный и правотолковательный характер. Законность судебной практики подразумевает, что судебное постановление принимается в соответствии с действующим законодательством, полностью ему соответствует и не противоречит ему. Обобщенность подразумевает формирование общих правовых подходов к разрешению каких-либо споров и применительно к судебной практике свидетельствует о том, что она формирует такие подходы, которые в дальнейшем будут использоваться судами при разрешении аналогичных дел. Данное свойство является несколько условным, ведь решение суда, которое принято при неправильном применении норм права, и которое не было обжаловано в суд вышестоящей инстанции по каким-либо причинам, вряд ли может быть ориентиром для других судов. Кроме того, возможны ситуации, при которых по каким-либо причинам отдельные нормы действующего законодательства перестали соответствовать основному закону страны, в связи с чем очевидно, суду надлежит мотивировать отклонение существующих правовых позиций высших судов. Единообразие судебной практики подразумевает единое (одинаковое) толкование и применение действующих норм права и правовых позиций высших судов. Недопустимо существование различных подходов в судебной практике. Данное свойство взаимосвязано с фундаментальным правовым принципом правовой определенности, согласно которому в государстве должна быть обеспечена единая правовая среда, одинаковое толкование и применение норм права, стабильность правоприменения. Имеется также и принцип единства судебной практики, который имеет важнейшее значение в правовой системе страны. Институционализация подразумевает, что судебная практика имеет форму выражения в виде судебных актов, которыми могут быть постановления, определения, решения, информационные письма, обзоры судебной практики и др. Правоприменительный и правотолковательный ха-

рактер свидетельствуют о том, что суд является правоприменительным органом и органом, уполномоченным осуществлять толкование положений законодательства.

В качестве менее значимых свойств судебной практики следует выделить прогностичность, легитимирующую функцию, доступность. Прогностичность обеспечивает предсказуемость результата рассмотрения каких-либо категорий дел. Легитимирующая функция подразумевает обеспечение доверия к суду как государственному органу и уважение к судебной власти. Доступность является условно относимым к судебной практике свойством, т.к. не всегда судебные решения являются публичными и общедоступными. Однако на сегодняшний день все больше источников обеспечивают доступ к базе судебной практике различных судов, что однозначно обеспечивает улучшение качества правосудия и доверие граждан к суду.

Судебная практика является ключевым элементом принципа единства судебной практики. Реализация принципа единства судебной практики возможна только при точном и правильном формировании судебной практики, которая имеет ряд свойств, при нарушении которых реализация принципа единства не обеспечивается. Судебная практика в принципе строится на единстве, согласованности ее элементов и направленности на соответствие праву и конкретно процессуальному законодательству.

В итоге следует отметить высокую важность судебной практики не только как практического института, но и как теоретической категории, имеющей более глубокое содержание и обеспечивающей достижение целей процессуального законодательства и реализацию фундаментальных принципов права, таких как принцип единства судебной практики, правовой определенности, верховенства права, законности и многих других.

Литература

1. Глотова И.А. Понятие судебной практики и ее значение для регулирования трудовых отношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. С. 249–258.
2. Гражданское право: Учебник. В 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2005. Т. 1. 773 с.
3. Надеждин Ю.Ю. Вопросы применения арбитражной практики // Арбитражные споры. 2023. № 3. С. 133–168.
4. Поляков С.Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // Lex Russica. № 3 (Том С). 2015. С. 28–42.

JUDICIAL PRACTICE AS A KEY ELEMENT OF THE PRINCIPLE OF THE UNITY OF JUDICIAL PRACTICE: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Melkonyan V.G.

Vladimir State University named after Nikolay Grigorievich and Alexander Grigorievich Stoletovs

This article undertakes a theoretical-legal analysis of the concept of judicial practice. This practical-legal category has rightly become the focus of extensive scholarly inquiry. The court is the principal law-enforcement body in Russia, and the judiciary constitutes an independent branch of state power. By ensuring the equal and unconditional application of statutory norms across the entire territory of the country, the court renders the development of judicial practice the logical culmination of the process of administering justice. The foremost characteristic of judicial practice is its uniformity – i.e., consistency in the interpretation and application of legal norms, with no room for arbitrary treatment based on extraneous circumstances. In legal theory, this characteristic is known as the principle of unity of judicial practice. The importance and implications of this principle have been examined in detail by the author in other publications. The present article focuses on the essential component of that principle – judicial practice itself. The analysis sets out the most widely accepted positions on the concept of judicial practice, its structure, characteristics, and role within the legal system.

Keywords: judicial practice, principle of the unity of judicial practice, judicial proceedings, court, law enforcement, legal interpretation.

References

1. Glotova, I. A. "The Concept of Judicial Practice and Its Significance for Regulating Employment Relations." *Bulletin of Voronezh State University. Law Series*, 2019, pp. 249–258.
2. *Civil Law: Textbook*, 3 vols., edited by A.P. Sergeev and Y.K. Tolstoy, Prospect, Moscow, 2005, vol. 1, 773 pp.
3. Nadezhdin, Y. Y. "Issues of Applying Arbitration Practice." *Arbitration Disputes*, no. 3, 2023, pp. 133–168.
4. Polyakov, S. B. "Judicial Precedent in Russia: A Form of Law or of Arbitrary Rule?" *Lex Russica*, no. 3 (Vol. C), 2015, pp. 28–42.

Правосознание судебных органов как фактор формирования критериев оценки доказательств в российском судопроизводстве историко-правовой анализ

Меньшиков Павел Валентинович,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: vitta.spb@mail.ru

Цирдава Алекс Елгуджаевич,

аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: alex.tsirdava@yandex.ru

Статья представляет собой историко-правовой анализ генезиса института оценки доказательств в российском судопроизводстве с точки зрения влияния правосознания. В работе изучается вопрос понятия правосознания и указывается, что данная правовая категория выступает в качестве совокупности идеологических установок, определяющих понятия добра и зла. При этом исследование включает в себя временные рамки с 1497 по 2024 год, где особое внимание уделяется сравнению норм, существовавших в Российской Империи и СССР, а также современной Российской Федерации. В заключительной части отмечается влияние христианства при формировании дореволюционного права, а также предлагается периодизация норм об оценке доказательств с точки зрения влияния правосознания и государственной идеологии.

Ключевые слова: правосознание, доказательства, история права, оценка доказательств, судейская этика, теория права, российское право.

Введение

Правосознание как правовая категория с точки зрения оценки доказательств играет важнейшую роль для правосудия. Изучение феномена влияния данного правового конструкта с исторической точки зрения представляется крайне интересным, так как позволяет переосмыслить текущее положение дел института доказательств, а также таких вопросов, как фальсификация, относимость, допустимость, вменяемость. Все эти понятия имеют глубокие корни, в том числе в содержании русских правовых памятниках, начиная с XV века. При этом недостаточная изученность правосознания в психологических и юридических науках безусловно актуализируют данное исследование.

Научной новизной исследования выступает предложенная автором периодизация генезиса формирования критериев оценки доказательств в российском судопроизводстве с точки зрения правосознания судебных органов.

Материалы и методы

Доктринальной основой исследования стали работы российских авторов за последние 5 лет, а также монографии С.С. Алексеева и А.Н. Сахарова. Нормативную основу исследования составили российские нормативные правовые акты с конца XV века по настоящее время. Кроме того, в работе представлены некоторые статистические показатели, а также действующая судебная практика. Основные методы исследования: историко-правовой анализ, компаративный анализ, а также формально-юридический научный метод.

Литературный обзор

Рассматривая вопросы правосознания, необходимо отметить, что данное понятие относится к области юридической психологии, неся в себе, в первую очередь, психологический либо социопсихологический смысл. Правосознание всегда индивидуально, но применительно к представителям судейского корпуса оно должно вписываться в определенные рамки, обозначенные нормативными правовыми актами, либо по крайней мере судья как индивид должен к этому стремиться. Впрочем, вопросам правосознания посвящено немало научных трудов, созданных правоведами, а не специалистами в области нейронаук. Например, С.С. Алексеев определял правосознание как правовую идеологию, отмечая

также близость данной концепции с понятием права. Правосознание – это субъективное, неписанное право [1, с. 206]. То есть определяя правосудность того или иного судебного акта с точки зрения правосознания решающую роль играют понятия о естественных правах, личном опыте судьи, его понимании добра и зла, которые, скорее всего, в виду его же человеческой природы будут серьезнейшим образом отличаться от несовершенных норм действующего права (они тоже приняты людьми, а значит не могут считаться совершенством, истиной). Иными словами, правосознание – это совокупность идеологических установок, определяющих понятия добра и зла, претендующая на позитивистко-нормативное закрепление в реальной жизни, в том числе в судебной практике.

Правосознание неизменно связывается с формированием государства. Поэтому отправной точкой формирования данного института в России следует считать с момента образования русской державы в относительно современном виде – Российского Государства, начиная с рубежа XVI–XVII веков, когда оно расширилось за пределы географической Европы.

Исследуя вопросы правосознания, следует отметить, что следы подобных правовых концепций следует искать в упоминаниях таких понятий, как правосудие, справедливость, честь, честность, осознание, так как оно не имеет полноценной правовой основы даже в современном российском праве.

В Судебнике 1497 года впервые большое внимание уделяется ответственности судьи за принятие неправосудного судебного акта [4, с. 76]. Это следует из статьи 2, в которой говорится о невозможности судьи рассматривать дело без соответствующей предметной компетенции. Также в статьях 1, 67 указывается на недопустимость взяток в отношении судей. В той же 67 статье говорится о недопустимости свидетельства без реальной осведомленности. Оценка доказательств уже в ту эпоху также была дифференцирована. Например, если какие-либо показания поступают от вора на человека ранее, не замеченного в воровстве, то «его показаниям не верить» (статья 14) [22].

В судебнике 1550 года уже встречается упоминание понятия сознательности. Фактически в преамбуле судебного акта в статье 1 указывается на недопустимость разрешения дела несправедливо. В статье 6 упоминается наказание за осознанное преступление в отношении бояр и представителей духовенства. Интересно, что в данном судебнике впервые появляется юридическое понятие бесчестия, подразумевающее «оскорбление словом, ложный донос, ложное обвинение». Следует также упомянуть, что в тексте судебного акта в статье 3 упоминается неправовое решение (в Судебнике 1497 года в статье 19 речь шла о неправильном суде) [23]. На тот момент подобное выражение представлялось передовым, особенно с учетом того, что основные правовые теории эпохи Возрождения еще не были сформулированы. Представля-

ется интересной точка зрения Б.А. Осипяна, в соответствии с которой в Судебнике 1550 года была предпринята попытка инкорпорирования русской христианской культуры в основы государственного права [11, с. 14]. Справедливости ради отметим, что подобный тезис верен, но лишь в рамках понимания этой самой культуры Иваном IV. С точки зрения оценки доказательств в данном Судебнике появляется упоминание о сфальсифицированных доказательствах и четырехкратный штраф от уже просуженного (статья 51).

Новое время в России связывается с окончанием Смуты и восшествием на трон династии Романовых, поэтому принятие Соборного уложения 1649 года на почти два века определило правосознание общества, в том числе в ранней Российской Империи. С точки зрения истории права важно отметить, что уложение было первым кодифицированным законом гражданского права в Европе [17]; при этом закрепляло крепостное право в главе X, что на фоне демократических реформ, проходивших в Англии и Голландии, представлялось крайне архаичным [30, с. 264], но и вполне следовавшим среднему европейскому тренду. В отличие от Судебника Ивана IV, здесь гораздо больше внимания уделяется малоимущим слоям населения, что важно для последующего развития народного правосознания. Оценка доказательств с принятием уложения принимает принципиально иной уровень. В статье 22 главы X провозглашается недопустимость дополнения судом уже представленных доказательств путем собственной интерпретации [21].

В 1832 году принимается Свод законов Российской Империи, главы которого многие исследователи характеризуют как относительно близкие к современным кодексам. Следует подчеркнуть, что историко-правовая близость заключается не только в правовом содержании, но и в языковых конструктах. При этом экономические аспекты, содержащиеся в томе X, во многом, предопределили процесс отмены крепостного права в Российской Империи, как и во многих других государствах XVIII–XIX веков. Правосознание как неотъемлемый феномен любого государства в целом формировалось на основании правоверия (религии), поэтому законодательство должно было соответствовать христианским канонам [19]. Так, в Своде Законов появляется закрепление восточного христианства как официальной религии (статья 62 тома I) [20]. В этой связи представляется интересной работа Н.В. Паршиной и А.А. Чупровой, отмечающими влияние православия на формирование правосознания среди представителей казачества [12, с. 62]. В рамках реформ Александра II впервые в Своде Законов Российской Империи появляется отдельная глава V о доказательствах, входящая в Устава гражданского судопроизводства (том XVI). С принятием данного нормативного правового акта особое внимание стало уделяться процессуальным нормам: недопустимость сбора доказательств судом (статья 82); недопустимость обжалования сбо-

ра обеспечения доказательств (статья 82/5); невозможность принятия доказательств от умственно отсталых (статья 84) и многое другое. При всей прогрессивности Устава, особенно в поздних редакциях 1912 года, в нем существовали архаичные нормы: например, в статье 85 фактически провозглашался скепсис в отношении свидетельских показаний от 7 до 14 лет, отлученных от церкви [28]. Отметим также, что в уголовном процессе времен Российской Империи также существовали такие понятия как «невменяемость», а также «умысел», поэтому рассмотрение уголовных дел и приобщение соответствующих доказательств должны были основываться на принципах защиты прав человека (по крайней мере, по смыслу), в том числе недееспособных субъектов (отделение четвертое Уголовного уложения) [24].

В результате Гражданской войны подавляющее большинство норм было отменено, изменено либо трансформировано в других нормативных правовых актах. Традиции судебных органов, формировавшиеся на протяжении столетий, были прерваны и нивелированы. Правосознание как правовая категория также было существенно скорректировано из пробуржуазно-демократического к классовому и ориентирующемуся на защиту рабочих и крестьян с урезанием прав для других слоев населения [18, с. 407]. Однако на данный момент несложно заметить родство современного российского права не только с советским, но и дореволюционным правом, так как в СССР многие институты, существовавшие в Российской Империи, преследовались по уголовному закону, и современный законодатель в той или иной степени прибегает к дореволюционному правотворческому опыту. Советское правосознание определялось не только писанными нормами, но и идеологией, поэтому и оценка тех или иных доказательств не могла «держаться вдалеке» от последствий произошедших в стране радикальных изменений.

Рассматривая процессуальное право раннего СССР, отметим, что в Уголовно-Процессуальном кодексе РСФСР 1922 года (далее по тексту – УПК РСФСР 1922 года) отдельная глава посвящалась доказательствам. Основным принцип был описан в статье 61, где указывалось, что суд самостоятельно решает, принять или не принять то или иное доказательство. Кроме того, в соответствии с УПК РСФСР 1922 года в ранней Советской России судьям запрещалось рассматривать вещественные доказательства, не представленные в рамках судебного заседания (статья 322 УПК РСФСР 1922 года). В статье 330 фактически провозглашалась презумпция невиновности [15]. Годом позже, в РСФСР принимается Гражданский Процессуальный кодекс (далее по тексту ГПК РСФСР 1923 года). Содержание нормы статьи 118 ГПК РСФСР 1923 года практически в неизменном виде сохранилось в действующих ГПК РФ и АПК РФ: «Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается, как на основание своих требований и возражений». В статье 120 подчер-

кивалось, что не каждое обстоятельство требует доказательств, и необходимость в таких доказательствах должна определяться судом [14]. Также представляется интересным и тот факт, что в первой советской Конституции не было отдельного раздела, посвященного суду [13].

Во втором Уголовно-Процессуальном кодексе РСФСР 1960 года появляется 71 статья, именуемая «Оценка доказательств». В ней подчеркивается, что никакие доводы прокурора, следователя либо дознавателя не имеют заранее установленной силы для суда, и такая оценка производится уже традиционно для того времени – по внутреннему убеждению [26]. Такая же норма содержится и в Гражданско-Процессуальном кодексе РСФСР 1964 года в статье 56. Разница лишь в конечном уточнении, где указывается на недопустимость заранее установленной силы для доказательств [3]. При этом оба вышеобозначенных кодекса просуществовали до 2002 года, а нормы, касающиеся оценки доказательств, оставались практически неизменными. Стоит также упомянуть, что Конституция СССР, принятая в 1977 году, уже имела отдельную главу 20, посвященную суду и арбитражу, в которой указывалось, что правосудие осуществляется только судом [10].

В СССР на доктринальном уровне проблема правосознания, начиная с 50-х годов, также рассматривалась не только на уровне идеологии, но и психологии. Например, подобное мнение высказывал И.Е. Фарбер [29, с. 70]. В этом смысле важно отметить, что коллективное правосознание, как и советское коллективное бессознательное, развивалось по пути либерализации: от жесткого ужесточения до постепенного ослабления. Здесь уместно вспомнить о теории разделения властей и примечательно, что в первой советской Конституции суду как бы не было места. Однако нормы об оценке доказательств в целом не изменялись. Исключение составляют лишь введение отдельных статей.

В действующих процессуальных кодексах Российской Федерации данному аспекту также посвящены отдельные нормы: для УПК РФ – в статье 88 [25], для АПК РФ – в статье 71 [2], для КАС РФ – в статье 84 [8], для КоАП РФ – в статье 26.11 КоАП РФ [9]. На наш взгляд, для гражданского, административного и арбитражных процессов в сравнении с советскими нормами, существенное изменение заключается в содержании пункта 4 статьи 67 ГПК РФ, части 8 статьи 84 КАС РФ, а также части 7 статьи 71 АПК РФ где указывается, что результаты оценки должны быть отражены в судебном акте.

В действующей правовой системе РФ судья является ответственным лицом, который может нести уголовную ответственность на основании статьи 305 УК РФ. Неправильная оценка доказательств вследствие судебной ошибки при этом не считается дисциплинарным проступком (пункт 2 статьи 16 Закона «О статусе судей в Российской Федерации») [7]. Однако подобное положение судей не является чем-то новым для российского

права: в Российской Империи Дисциплинарная комиссия для судей была учреждена в 1877 году и начала действовать с 1885 года [6]; в СССР – с 1940 года. Правда, налагать соответствующие санкции в последнем случае могли комиссары, то есть представители исполнительной власти, что снижало авторитет власти судебной [27].

Следует отметить, что судебные приговоры по статье 305 УК РФ носят единичный характер. Так, по данным «Агентства правовой информации» в 2024 году было зафиксировано только одно дело [5]. Примером служат материалы дела Сахалинского областного суда, где судья мирового суда была признана виновной за вынесение постановления о назначении административного наказания в виде административного ареста с назначением штрафа в 150 тысяч рублей. При этом целью вынесения данного судебного акта была изоляция страдающей алкогольной зависимостью [16].

Результаты

В допетровской России правосознание неизменно связывается с христианством. При этом с точки зрения позитивного права нормы, касающиеся доказательств в Соборном уложении, представляются передовыми для середины XVII века.

Христианство как одна из составляющих государственной идеологии окончательно закрепляется в Своде Законов Российской Империи 1832 года. Также нововведением тех лет выступает создание отдельной главы V в томе XVI, касающейся доказательств, а также оценки доказательств от невменяемых либо недееспособных.

Оценка доказательств в СССР осуществлялась судом по схожим принципам с современными, однако суд, во многом, имел подчиненное отношение к исполнительной власти и государственной идеологии, поэтому принятие тех или иных решений, в том числе оценка доказательств, не могло противоречить основным идеям, заложенным в идеологии советского государства.

Отдельные статьи по оценке доказательств появляются впервые в Российской Федерации в статье 88 УПК РФ, в статье 71 АПК РФ, в статье 84 КАС РФ, в статье 26.11 КоАП РФ. С точки зрения правосознания представителей судебного корпуса, после 1991 года принципы рассмотрения доказательств и принятие тех или иных решений (приговоров) впитало в себя поздние советские принципы судопроизводства, однако повысился уровень дифференцированности в связи с принятием различных процессуальных актов: АПК РФ, КАС РФ, КоАП РФ. Отметим также, что *de jure* в современной РФ нет идеологии, поэтому принятие решений в целом не может соотноситься с принятием политических решений и внутренней политики государства.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного нами исследования периодизацию правосознания су-

дебных органов как фактора формирования критериев оценки доказательств следует разделить на следующие периоды: с 1497 года по 1550 год (зарождение позитивного права в России); с 1550 года по 1649 год (принятие Судебника Ивана IV, создание христианской идеологии на правовом уровне; установление понятия сфальсифицированного доказательства); с 1649 по 1832 год (принятие первого кодифицированного Свода Законов, развитие ограничений, накладываемых на судей в плане оценки доказательств); с 1832 года до окончания Гражданской войны (создание отдельной главы о доказательствах, установление *de jure* христианской идеологии; развитие правовых понятий «невменяемости» и «умысла» с точки зрения оценки доказательств); с 1922 по 1964 года (создание первых советских процессуальных кодексов, установление советской идеологии); создание принципа, в соответствии с которым каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается); с 1964 по 2002 год (повышение статуса суда, либерализация раннесоветского права; с 2003 года (принятие отдельных статей, касающихся оценки доказательств; дифференциация процессуального права).

Литература

1. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев – М.: Издательство БЕК, 1995. – С. 206.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Парламентская газета, N 140–141, 27.07.2002.
3. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Свод законов РСФСР, т. 2, с. 7.
4. Гребенщикова, И.В. Судебник 1497 года как источник права Русского (Московского) Государства / И.В. Гребенщикова // Наука. Образование. Современность / Science. Education. The present. – Краснодар. – 2022. – С. 76–80.
5. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Официальный сайт ООО «ПИК-пресс». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://stat.xn—7sbqk8achja.xn—p1ai/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=map7p8nyuq435624165> (дата обращения: 15.05.2025).
6. Закон 20 мая 1885 года «О порядке издания общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства»: Декабрь // Журнал гражданского и уголовного права: Декабрь. Издание С.-Петербургского Юридического Общества. – С.-Пб.: Тип. Правительствующего Сената, 1885, Кн. 10. – С. 81–193.
7. Закон РФ от 26.06.1992 N 3132–1 (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская юстиция, N 11, 1995.
8. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ

- (ред. от 01.04.2025) // Российская газета, N 49, 11.03.2015.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Российская газета, N 256, 31.12.2001.
 10. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР, 1977, N 41, ст. 617.
 11. Осипян, Б.А. Судебник 1550 года, «домострой» и иные уставные царские грамоты и указы как законодательное проявление особенностей святорусского правосознания / Б.А. Осипян // История государства и права № 17. – Москва. – 2017. – С. 14–20.
 12. Паршина, Н.В. Правовереие и правосознание как философско-правовые категории и их место в становлении религиозного законодательства в России (на примере Кубанского казачьего войска) / Н.В. Паршина, А.А. Чупрова // Право и государство: теория и практика. – Королев. – 2022. – с. 62–63.
 13. Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925 «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» (вместе с «Конституцией (Основным Законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики») // СУ РСФСР, 1925, N 30, ст. 218.
 14. Постановление ВЦИК от 10.07.1923 (ред. от 31.01.1958) «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР, 1923, N 46–47, ст. 478.
 15. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР, 1922, N 20–21, ст. 230.
 16. Приговор № 2–6/2024 от 8 августа 2024 г. по делу № 2–6/2024 Сахалинского областного суда // [Электронный ресурс]. – URL: //sudact.ru/regular/doc/kZF3FAwGT9bm/ (дата обращения: 15.05.2025).
 17. Российское законодательство X–XX веков. в 9 т. / отв. ред. д-р ист. наук, проф. В.Л. Янин., Т. 3. Акты Земских соборов. – М.: Юр. л-ра, 1985.
 18. Сахаров, А.Н. История России с древнейших времён до наших дней: учебник в 2 томах / [А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков]; под ред. А.Н. Сахарова. – Москва: Проспект, 2008.
 19. Свод Законов Российской Империи. Том 1 // СПС «Консультант Плюс». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/169/> (дата обращения: 14.05.2025).
 20. Свод Законов Российской Империи. Том 1 // СПС «Консультант Плюс». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/> (дата обращения: 14.05.2025).
 21. Соборное уложение 1649 года // Москва: Печатный двор, 29 января 1649 (29.01.7157).
 22. Судебник 1497 года: материалы к изучению истории государства и права России / Федеральное агентство по образованию, Красноярский гос. ун-т, Юридический ин-т; [сост. С.А. Бердникова]. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2005. – 51 с.
 23. Судебник 1550 года // Судебники XV–XVI вв. М. – Л., 1952.
 24. Уголовное уложение Российской Империи // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&empire=1&collection=0&volume=100019&pg=241&contentsname=%CE%F2%E4.4.%CE%E1+%F3%F1%EB%EE%E2%E8%FF%F5+%E2%EC%E5%ED%E5%ED%E8%FF+%E8+%EFp%E5%F1%F2%F3%EF%ED%EE%F1%F2%E8+%E4%E5%FF%ED%E8%E9&sort=1> (дата обращения: 14.05.2025).
 25. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Российская газета, N 249, 22.12.200.
 26. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Свод законов РСФСР, т. 8, с. 613.
 27. Указ Президиума ВС СССР от 29.07.1940 «О дисциплинарной ответственности судей» // Ведомости ВС СССР, 1940, N 28.
 28. Устав гражданского судопроизводства 1912 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&empire=1&collection=0&volume=100020&pg=127&contentsname=%C3%EB.+V.+%CE+%E4%EE%EA%E0%E7%E0%F2%E5%EB%F-C%F1%F2%E2%E0%F5,+%F1%F2.+81-124.&sort=1> (дата обращения: 14.05.2025).
 29. Фарбер, И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. – М., 1963. – С. 70, 96, 203–204.
 30. Филоненко, М.О. Соотношение оценочных понятий и правовых ценностей по «Соборному уложению» 1649 г. / М.О. Филоненко // Эволюция российского права: Материалы XX Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, 28–29 апреля 2022 года). – с. 264–269.

LEGAL CONSCIOUSNESS OF JUDICIAL BODIES AS A FACTOR IN THE FORMATION OF CRITERIA FOR THE EVALUATION OF EVIDENCE IN RUSSIAN LEGAL PROCEEDINGS: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Menshikov P., Tsirdava A.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

This article is a historical and legal analysis of the genesis of the institution of evaluation of evidence in Russian legal proceedings from

the point of view of the influence of legal consciousness. The paper examines the issue of the concept of legal consciousness and indicates that this legal category acts as a set of ideological attitudes that determine the concepts of good and evil. At the same time, the study includes a time frame from 1497 to 2024, where special attention is paid to the comparison of the norms that existed in the Russian Empire and the USSR, as well as the modern Russian Federation. In the final part, the influence of Christianity in the formation of pre-revolutionary law is noted, and the periodisation of the norms on the evaluation of evidence from the point of view of the influence of legal consciousness and state ideology is proposed.

Keywords: legal consciousness, evidence, history of law, evaluation of evidence, judicial ethics, theory of law, Russian law.

References

- Alekseev, S.S. Theory of Law / S.S. Alekseev – M.: BEK Publishing House, 1995. – P. 206.
- Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 N 95-FZ (as amended on April 1, 2025) // Parliamentary Newspaper, N 140–141, July 27, 2002.
- Civil Procedure Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on June 11, 1964) // Code of Laws of the RSFSR, Vol. 2, p. 7.
- Grebenshchikova, I.V. Sudebnik of 1497 as a source of law of the Russian (Moscow) State / I.V. Grebenshchikova // Science. Education. Modernity / Science. Education. The present. – Krasnodar. – 2022. – P. 76–80.
- Data on the punishment imposed under the articles of the Criminal Code // Official website of PIK-press LLC. – [Electronic resource]. – URL: <https://stat.xn——7sbqk8achja.xn – p1ai/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=map7p8nyuq435624165> (date of access: 05/15/2025).
- Law of May 20, 1885 “On the procedure for issuing a general punishment for judicial institutions and on the disciplinary responsibility of officials of the judicial department”: December // Journal of civil and criminal law: December. Publication of the St. Petersburg Law Society. – St. Petersburg: Type. Governing Senate, 1885, Book. 10. – P. 81–193.
- Law of the Russian Federation of 26.06.1992 N 3132–1 (as amended on 10.07.2023, as amended on 27.11.2023) “On the Status of Judges in the Russian Federation” // Russian Justice, N 11, 1995.
- Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of 08.03.2015 N 21-FZ (as amended on 01.04.2025) // Rossiyskaya Gazeta, N 49, 11.03.2015.
- Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 07.04.2025) // Rossiyskaya Gazeta, N 256, 31.12.2001.
- Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted by the USSR Supreme Council on 07.10.1977) // Vedomosti of the USSR Supreme Council, 1977, N 41, Art. 617.
- Osipyanyan, B.A. Sudebnik of 1550, “Domostroy” and other statutory royal charters and decrees as a legislative manifestation of the peculiarities of Holy Russian legal consciousness / B.A. Osipyanyan // History of the State and Law No. 17. – Moscow. – 2017. – P. 14–20.
- Parshina, N.V. Orthodoxy and legal consciousness as philosophical and legal categories and their place in the formation of religious legislation in Russia (using the Kuban Cossack Army as an example) / N.V. Parshina, A.A. Chuprova // Law and state: theory and practice. – Korolev. – 2022. – pp. 62–63.
- Resolution of the XII All-Russian Congress of Soviets of 11.05.1925 “On approval of the text of the Constitution (Basic Law) of the RSFSR” (together with the “Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic”) // SU RSFSR, 1925, N 30, art. 218.
- Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 10.07.1923 (as amended on 31.01.1958) “On the introduction of the Civil Procedure Code of the RSFSR” (together with the “Civil Procedure Code of the RSFSR”) // SU RSFSR, 1923, N 46–47, art. 478.
- Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 25.05.1922 “On the Criminal Procedure Code” (together with the “Criminal Procedure Code of the RSFSR”) // SU RSFSR, 1922, N 20–21, art. 230.
- Verdict No. 2–6/2024 of August 8, 2024 in case No. 2–6/2024 of the Sakhalin Regional Court // [Electronic resource]. – URL: // sudact.ru/regular/doc/kZF3FAwGT9bm/ (date of access: 05.15.2025).
- Russian legislation of the 10th and 20th centuries. in 9 t./hole. ed. Dr. History sciences, prof. V.L. Yanin., T. 3. Acts of Zemsky Sobors. – M.: Jur. I-ra, 1985.
- Sakharov, A.N. History of Russia from ancient times to the present day: textbook in 2 volumes / [A.N. Sakharov, A.N. Bokhanov, V.A. Shestakov]; edited by A.N. Sakharova. – Moscow: Prospect, 2008.
- Code of Laws of the Russian Empire. Volume 1 // SPS “Consultant Plus”. – [Electronic resource]. – URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/169/> (date of access: 14.05.2025).
- Code of Laws of the Russian Empire. Volume 1 // SPS “Consultant Plus”. – [Electronic resource]. – URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/> (date of access: 14.05.2025).
- Cathedral Code of 1649 // Moscow: Pechatny Dvor, January 29, 1649 (29.01.7157).
- The Code of Laws of 1497: Materials for the Study of the History of the State and Law of Russia / Federal Agency for Education, Krasnoyarsk State University, Law Institute; [compiled by S.A. Berdnikova]. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University, 2005. – 51 p.
- The Code of Laws of 1550 // Codes of Laws of the 15th-16th Centuries. Moscow-Leningrad, 1952.
- The Criminal Code of the Russian Empire // Official Internet Portal of Legal Information. – [Electronic resource]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&empire=1&collection=0&volume=100019&pg=241&contentsname=%CE%F2%E4.4.%CE%E1+%F3%F1%EB%EE%E2%E8%FF%F5+%E2%EC%E5%ED%E5%ED%E8%FF+%E8+%EFp%E5%F1%F2%F3%EF%ED%EE%F1%F2%E8+%E4%E5%FF%ED%E8%E9&sort=1> (date of access: 14.05.2025).
- Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 21.04.2025) // Rossiyskaya Gazeta, N 249, 22.12.2001.
- Criminal Procedure Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 27.10.1960) // Code of Laws of the RSFSR, Vol. 8, p. 613.
- Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR of 29.07.1940 “On the Disciplinary Liability of Judges” // Vedomosti of the Supreme Council of the USSR, 1940, N 28.
- Charter of Civil Procedure of 1912 // Official In Internet portal of legal information. – [Electronic resource]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&empire=1&collection=0&volume=100020&pg=127&contentsname=%C3%EB.+V.+%CE+%E4%EE%EA%E0%E7%E0%F2%E5%EB%FC%F1%F2%E2%E0%F5,+%F1%F2.+81–124.&sort=1> (date of access: 14.05.2025).
- Farber, I.E. Legal consciousness as a form of social consciousness. – M., 1963. – P. 70, 96, 203–204.
- Filonenko, M.O. The relationship between evaluative concepts and legal values according to the Cathedral Code of 1649 / M.O. Filonenko // Evolution of Russian Law: Proceedings of the XX International Scientific Conference of Young Scientists and Students. Ural State Law University (Ekaterinburg, April 28–29, 2022). – pp. 264–269.

Историография реформирования Российской империи 60–70-х годов XIX века

Николаев Илья Николаевич,

аспирант, ФГБОУ ВО Тамбовский государственный
технический университет
E-mail: 2106ilja2000@gmail.com

Статья посвящена преобразованиям государственного строя Российской империи 60–70-х годов XIX века, которые акцентируют внимание научного сообщества на проблемы исторического прошлого, что в свою очередь даёт решения ко многим вопросам, касаемо современного развития российского общества. Анализируются основные концепции источниковедческой базы в различных исторических периодах, а именно дореволюционная историография 19 века, советская и современная историографии. Исследование проводится с использованием источников и литературы по внутреннему законодательству Российской империи 60–70-х годов XIX века.

Ключевые слова: историография, исследователи, «великие реформы», Александр II.

Дореволюционная историография реформирования Российской империи XIX века берёт своё начало в исследовании И. Иванюкова «Падение крепостного права в России». Данная научная работа во времена Российской империи второй половины XIX века – начало XX века существенно повлияла на взгляды современников Иванюкова, проводивших исследования в области буржуазно-либеральной историографии. Она изменила подход к выбору источниковедческой базы, оказала влияние на развитие методики и общую стратегию исследования проблемы крепостного права. Стоит отметить, что труд И. Иванюкова имеет значительную научную ценность и в наше время.

В качестве основной задачи своей научной работы автор видел выявление взаимосвязи между государственными органами, дворянским сословием и литературных трудов, повлекшее за собой изменение условий быта низших слоев населения.

Потому в первую очередь в трудах автора отражены события, которые поспособствовали принятию правовых актов улучшающих положения крестьян в обществе, далее Иванюков описывает вклад дворянского сословия, правительственных органов и литературных источников в создании вышеуказанных рескриптов до появления Редакционных комиссий и их отношение к ним. Также указана оценка проектов положений принятыми губернскими комитетами для улучшения положения крестьян и проводится анализ исторических событий, оказывающих непосредственное влияние на крестьянскую реформу.

Основной акцент автор делает на определяющую роль государства в данных преобразованиях, а не на возникновение крестьянских движений, как одной из причин смены курса развития государства. [1, с. 5]. Противоположной точки зрения придерживается В.О. Ключевский. Так, по его мнению, именно боязнь Александра II перед недовольством со стороны низших слоёв населения, поспособствовала проведению «великих реформ» [2, т. 5, с. 357].

Также, в качестве источниковедческой базы, следует упомянуть дневник министра внутренних дел (в период с 1847 по 1884 годы) П.А. Валуева. Для нашего исследования важна лишь часть, описывающая подготовку и непосредственно осуществление отмены крепостного права, что расценивается как исторический документ.

Начало XX столетия историография реформ Александра II дополнилась трудами таких ученых-историков как А.А. Корнилов, А.З. Попельницкий, Н.В. Давыдов, и другие.

В трудах А.А. Корнилова активно поддерживаются либералистические идеи Александра II, особенно касаясь крестьянской реформы, в которой он пытался исследовать причинно-следственные связи возникновения общественных движений в пореформенную эпоху с точки зрения либералистических взглядов. Однако он также указывал и на ограниченность и незавершенность реформ 60-х гг., что способствовало наступлению революции 1905 года, особенно это отражено в аграрном вопросе.

Особое внимание уделялось также судебной реформе 1864 года, а конкретно, акцентировалось внимание на участие мировых посредников, в качестве третейских судей в споре между помещиками и крестьянами на предмет определения прав по владению и пользованию земельными участками. Изучением данного аспекта занимались вышеупомянутые исследователи А.З. Попельницкий и Н.В. Давыдов, указывая на значимость судебной реформы, но при этом с описанием её недостатков. Так, например, важное замечание отметил Н.В. Давыдов, что пережитки эпохи крепостничества затормаживали процесс внедрения судебных уставов в российской провинции. Как следствие, под редакцией Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского в 1905 г. вышла крупная работа «Судебная реформа» [3], в которой был показан широкий спектр судебных преобразований в 1860-х гг.

Историография в период советских времён описывала процесс реформирования конца XIX века как проявление негативной реакции на существовавший в то время крепостнический строй, стремительный рост крестьянского недовольства, что в свою очередь, характеризовала реформы как «буржуазные». Советскими историками данный термин понимался как переход от феодальных отношений к капиталистическим.

Среди историков, а также общественных деятелей советских времён, изучавших данную проблематику, можно выделить В.И. Ленина, Ш.М. Левина, Б.П. Козьмина, М.Г. Коротких, Б.Г. Литвак и другие.

Важное место в истории исследования «великих реформ» Александра II занимает работа Б.Г. Литвака «Переворот 1861 года в России: почему же реализовать реформаторская альтернатива» [4]. Б.Г. Литвак видел социально-экономический фактор, как одну из причин создания и принятия крестьянской реформы, о чем неоднократно указывал в своих трудах.

Данные изменения необходимо было интегрировать в развитие промышленного комплекса государства, потому что основой обрабатывающей промышленности, как и способом осуществления её деятельности в данный промежуток времени являлся труд крестьян. Литвак утверждал, что для преобразования промышленности, а именно, перехода с зависимости крестьянского фактора к более развитому ведению промышленного хозяйства, необходимо привлечение квалифицированного рабочего, имеющего свои права свободы, которого

тем самым было бы выгодно обучить пользованию заводской техникой.

Однако, большую зависимость от крестьянского труда представлял горнодобывающий промышленный комплекс и его подотрасли, что в свою очередь оказывало неблагоприятные последствия на сферу военной деятельности государства, и как следствие, отставание в развитии промышленности послужило одной из причин позорного поражения в Крымской войне.

Литвак указывает на то, что Российская империя XIX века представляла из себя страну с аграрным укладом, а основой экономики являлось сельское хозяйство. Именно здесь находилось своего рода ядро кризиса крепостнической системы. В качестве примера автором приведена статистика экспорта хлеба, где вывод указывает на то, что закупка российского хлеба стала менее востребована в европейских странах. Во избежание неблагоприятных последствий, автором предлагалось ускорить производство хлебных изделий, повысить его объёмы т.д.

Б.Г. Литвак проводит анализ помещичьих хозяйств Черноземного центра России и приходит к выводу, что крепостное право играло роль тормоза в ведущей отрасли народного хозяйства.

В качестве следующей причины автор указывает начало Крымской войны.

Литвак определяет экономические последствия войны, среди которых массовое сокращение поставки из-за границы продовольствия, машин, а также экспорта льна, хлеба; как результат негативного влияния на сельскохозяйственную структуру государства.

В целом, можно сказать, что Б.Г. Литвак подробно освещает ход крестьянской реформы, чем и вызывает интерес.

Б.Г. Литвак приводит в качестве причины в проведении проведения крестьянской реформы социально-экономическое положение страны. В своих трудах он описывает, что наступление кризиса в сфере обрабатывающей промышленности вызван устаревшим крепостническим строем, тогда как работа фабрика нуждалась в иной организации труда, при котором рабочий мог бы быть свободным человеком. Под второй причиной проведения крестьянской реформы Литвак указывает Крымскую войну, последствия которой негативно отразились результаты сельскохозяйственного производства.

С марксистской точки зрения по отношению к реформам Александра II высказывался В.И. Ленин. Он давал характеристику данным преобразованиям, понимая их как возникший побочный продукт в революционной борьбе в условиях революционной ситуации [5, с. 57–137].

В советской научной литературе детальному изучению подлежит революционный период в Российской империи девятнадцатого века, а также раскрытие революционно-демократической идеологии. В частности, данная тематика отражена

в работах таких исследователей как Ш.М. Левина [6], Б.П. Козьмина [7].

Их труды объединены одной общей характерной чертой, а именно критическая оценка проводимых преобразования, показ противостояния революционной мысли и революционного движения монархическому режиму и либерализму.

Судебная реформа Александра II подвергалась детальному изучению как в конце девятнадцатого века, так и в советский период. В частности, стоит упомянуть один из трудов советского ученого М.Г. Коротких, а именно «Самодержавие и судебная реформа в России. 1864 г.» [8]. В нем содержится подробное описание положения судебной системы в предреформенный период, указываются на события того времени, приведших к её преобразованию и рассмотрены основные концепции принятия данной реформы.

С конца XX в. начала XXI века в работах ученых подвергается сомнению гипотеза о роли крестьянских восстаний как основная политическая причина проведения реформирования в стране, и всё больше указывается на главенствующую роль различных групп правящей элиты в совершении данных преобразований. Среди ученых уделявший внимание данной концепции можно отнести В.Е. Юровский, А.А. Бочаров, Л.М. Ляшенко и др.

Так, например Л.М. Ляшенко указывает на то, что российское дворянство, являющимся на тот момент господствующим сословием, не нуждалось в отмене крепостного права. В то время как крепостные крестьяне не могли оказать должного давления на действующую власть, чтобы та, в свою очередь пошла на уступки. Следовательно, исходя из вышесказанного, Л.М. Ляшенко приходит к выводу, что основным фактором, способствующим проведению крестьянской реформы, было преследование общенациональных и государственных интересов, а не боязнь крестьянских движений [9, с. 16–17].

Литература

1. Иванюков, И. Падение крепостного права в России / И. Иванюков. – СПб., 1882.
2. Ключевский, В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский. – М., 1989. – Т. 5.

3. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа в России. – Воронеж, 1989.
4. Козьмин Б.П. Журналистика 60 -х годов XIX в. – М.; Л., 1958, и др.
5. Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX в. – М., 1958.
6. Ленин, В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Полн. собр. соч. – Т. 17.
7. Литвак Б.Г. Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива – М., 1991. – 384 с.
8. Ляшенко, Л.М. Александр II / Л.М. Ляшенко. – М., 2002.
9. Судебная реформа / под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского – М., 1915, т. 1.

HISTORIOGRAPHY OF THE REFORM OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 60–70S OF THE XIX CENTURY

Nikolaev I.

Tambov State Technical University

The article is devoted to the transformations of the state system of the Russian Empire in the 60–70s of the XIX century, which focus the attention of the scientific community on the problems of the historical past, which in turn provides solutions to many issues related to the modern development of Russian society. The main concepts of the source base in various historical periods, namely pre-revolutionary historiography of the 19th century, Soviet and modern historiography, are analyzed. The research is conducted using sources and literature on the domestic legislation of the Russian Empire of the 60–70s of the XIX century.

Keywords: historiography, researchers, “great reforms”, Alexander II.

References

1. Ivanyukov, I. The Fall of Serfdom in Russia / I. Ivanyukov. – St. Petersburg, 1882.
2. Klyuchevsky, V.O. Course in Russian History / V.O. Klyuchevsky. – Moscow, 1989. – Vol. 5.
3. Korotkikh M.G. Autocracy and Judicial Reform in Russia. – Voronezh, 1989.
4. Koz'min B.P. Journalism of the 60s of the XIX century. – Moscow; Leningrad, 1958, etc.
5. Levin Sh.M. Social Movement in Russia in the 60–70s of the XIX century. – Moscow, 1958.
6. Lenin, V.I. The Agrarian Question in Russia by the End of the XIX Century // Complete Collected Works. – Vol. 17.
7. Litvak B.G. The 1861 coup in Russia: why the reformist alternative was not realized – М., 1991. – 384 p.
8. Lyashenko, L.M. Alexander II / L.M. Lyashenko. – М., 2002.
9. Judicial reform / edited by N.V. Davydov, N.N. Polyansky – М., 1915, v. 1.

Вопросы реформирования судебной системы XIX–XXI в.в.: исторический и источниковедческий аспекты

Самедов Васиф Азадович,

аспирант, Нижегородский институт управления – филиал РАНХИГС

E-mail: vsamedov-21@edu.ranepa.ru

Статья посвящена теме реформирования судебной системы, влияния реформы 1864 года, которая заложила принципы гласности, состязательности и независимости суда, которые стали краеугольным камнем для развития российской правовой системы. Современное российское судопроизводство, во многом, является результатом синтеза дореволюционного и советского опыта. Вместе с тем, современное российское судопроизводство сталкивается с рядом вызовов. Необходимость обеспечения реальной независимости судей, повышения качества юридической помощи и снижения уровня коррупции остаются актуальными задачами. Дальнейшее развитие судопроизводства требует комплексного подхода, учитывающего исторический опыт и современные потребности общества.

Ключевые слова: государство, право, судебная власть, судопроизводство, судебный процесс, судебная реформа, состязательность, независимость судей, доступ к правосудию, эффективность судопроизводства

Действительно, судебным преобразованиям различных исторических периодов посвящено огромное количество работ, написанных в разное время и с использованием различных методологических подходов. В частности, значительное внимание уделяется судебным реформам XIX века, которые стали поворотным моментом в развитии многих европейских государств, включая Российскую империю. Эти преобразования, как правило, характеризовались внедрением принципов независимости судей, гласности судопроизводства и состязательности сторон, что способствовало повышению эффективности и справедливости судебной системы.

Не менее важными являются исследования, посвященные анализу судебных преобразований в период становления и развития национальных государств в XX веке. В этих работах рассматриваются вопросы адаптации судебных систем к новым политическим и социальным реалиям, а также проблемы обеспечения доступа к правосудию для всех слоев населения. Так, В.М. Большакова в своих исследованиях приходит к справедливому выводу о том, что «...и в Российской империи, и в Российской Федерации демократизация общества в целом привела к ярко выраженной демократизации судебной сферы» [1, с. 53].

Судебная реформа 1864 года является ключевым этапом в развитии российской судебной системы и процесса судопроизводства. Эта реформа стала следствием значительных экономических и политических изменений, произошедших в Российской империи во второй половине XIX века, и была направлена на приведение правовой системы в соответствие с потребностями капиталистического развития. Преобразования в экономике и политике, такие как отмена крепостного права, требовали модернизации всех сфер жизни общества, включая судебную. Важно подчеркнуть справедливое заключение исследователей судебного реформирования, согласно которому «...основные положения преобразования судебной части в России 1862 г. и Концепция судебной реформы в РСФСР 1991 г. сыграли важнейшую роль в подготовке судебных преобразований в Российской империи и Российской Федерации, став теоретической основой реформаторской деятельности в судебной сфере» [2, с. 17].

Судебная система до 1864 года отличалась крайней сложностью и неясностью. Организация судов базировалась на социальной иерархии, где права и обязанности определялись принадлежностью к определенному сословию. Параллельно

функционировало значительное число специализированных судебных инстанций, предназначенных для рассмотрения дел в военной, духовной и коммерческой сферах.

Наряду с этим, административные учреждения, такие как губернские управления и полицейские органы, осуществляли судебные полномочия, что размывало границы между исполнительной и судебной властью. Коррупция пронизывала всю судебную систему до реформы, достигая беспрецедентного уровня. Правительственные усилия по борьбе с этим явлением не приносили желаемых результатов, поскольку коррупция распространилась по всему государственному аппарату, что делало искоренение ее практически невозможным.

Разработчики Судебных уставов, принятых 20 ноября 1864 года, преследовали цель достижения автономии российской судебной системы и обеспечения независимости судейского корпуса. Для реализации этой цели предполагалось устранение любой формы подчиненности и воздействия на судей, за исключением влияния со стороны судебной власти как таковой. Основные принципы, закрепленные в Уставах, акцентировали обособление судов и судей от административных органов, а также формирование контрольных функций вышестоящих судебных инстанций. Эти меры были направлены на создание справедливой и беспристрастной судебной системы.

Следует подчеркнуть, что в соответствии с Судебными уставами, принятыми в 1864 году, отстранение судей от занимаемой должности представляло собой сложный процесс, как с точки зрения законодательства, так и в реальной судебной практике. Перечень причин, позволяющих освободить судью от обязанностей, был строго регламентирован. Инстанция, имевшая право принимать решение об увольнении, обладала значительным авторитетом в судебной системе. Судьбу судьи, то есть возможность его дальнейшего пребывания в должности, определяла коллегия, состоящая из его коллег, которым было дано право отстранять судей, не отвечающих профессиональным требованиям или нарушающих нормы судейской этики.

Судебная реформа кардинально преобразила систему правосудия, процессуальные нормы и, в некоторой степени, материальное право Российской империи. Судебные уставы были разработаны на основе процессуальных и организационных моделей, характерных для буржуазных государств, и декларировали принципы, соответствующие буржуазному характеру: разграничение судебной власти от законодательной, исполнительной и административной ветвей; утверждение принципа независимости и несменяемости судей; принципы устности, открытости и состязательности судебного процесса; презумпция невиновности и равенство всех граждан перед законом.

В рамках судебной реформы были учреждены суды, не зависящие от сословной принадлежности, и введен институт присяжных заседателей

в составе окружных судов для вынесения вердиктов по уголовным делам. Параллельно с этим была сформирована адвокатура и проведена реструктуризация прокуратуры, в результате которой она лишилась функций общего надзора, сосредоточившись исключительно на поддержании обвинения в суде. Для рассмотрения дел, не представляющих большой общественной опасности, был создан выборный мировой суд. Кроме того, учрежден институт судебных следователей, наделенных независимостью от органов полиции при проведении предварительного расследования.

Успех судебной реформы Александра II показал, что принципы разделения властей, включая независимость суда и несменяемость судей, были внедрены в самодержавной России. Это создавало противоречие, что подталкивало правительство к попыткам ограничить эти принципы.

Вероятно, если бы не события 1917 года, российская судебная система сегодня выглядела бы иначе, чем современная модель судебной системы, работая в условиях непрекращающихся преобразований [5, с. 21].

Процесс преобразования советской судебной системы можно разделить на несколько этапов. В отличие от радикального слома дореволюционной судебной структуры в 1917 году, советская система эволюционировала из советской, что имело свои преимущества и недостатки, а некоторые идеи так и не были реализованы.

Формирование обновленной судебной структуры осуществлялось поэтапно. На начальном этапе не была реализована система административного судопроизводства, которая являлась предметом интенсивных обсуждений в юридических публикациях. Вопросы учреждения судов по делам несовершеннолетних, трудовым спорам и других специализированных судов все еще являются предметом дебатов. Мировая юстиция, воспринимавшаяся как инновационная, превратилась в насущную необходимость, несмотря на ее двойственный статус суда первой инстанции общей юрисдикции субъектов Российской Федерации.

Второй период отличался постепенной, но оперативной модернизацией. Значительное число законодательных документов, утвержденных начиная с 1980-х годов, служит тому доказательством. Разработка новой структуры еще не закончена, однако уже утверждено свыше тридцати нормативных документов.

Судебная реформа конца 80-х годов была инициирована в условиях перестройки и гласности, ознаменовавших период демократизации советского общества. Основной целью реформы являлось укрепление законности и правопорядка, повышение доверия к судебной системе и обеспечение более эффективной защиты прав и свобод граждан.

В рамках реформы были внесены изменения в процессуальное законодательство, расширены права обвиняемых и подсудимых, введены новые формы судебного контроля за деятельностью правоохранительных органов. Значительное внима-

ние уделялось повышению квалификации судей и улучшению материально-технического обеспечения судов.

Одним из ключевых нововведений стало введение института выборности судей на альтернативной основе, что способствовало повышению их независимости и ответственности перед населением. Также были предприняты меры по расширению гласности и открытости судебных процессов, обеспечению доступа граждан к правосудию.

Несмотря на определенные успехи, судебная реформа конца 80-х годов не смогла полностью решить накопившиеся проблемы в судебной системе. Сохранялись элементы обвинительного уклона в деятельности судов, не была обеспечена достаточная независимость судей от влияния партийных и государственных органов. Тем не менее, реформа создала предпосылки для дальнейшего развития демократических принципов в судопроизводстве и стала важным этапом на пути к формированию современной российской судебной системы.

Анализ мероприятий по реформированию правовой системы, проводившихся в последние годы советской власти, показывает, что фундамент для судебной реформы в Российской Федерации был заложен предшествующим развитием судостроительства, судопроизводства и статуса судей в СССР и РСФСР в конце 1980-х годов.

Третий этап отражен в главе VII Конституции РФ 1993 года «Судебная власть», посвященной организации суда и правосудию. Основой являются федеральные конституционные законы: «О судебной системе РФ», «О Конституционном суде РФ», «Об арбитражных судах в РФ» и «О военных судах в РФ». Ключевым элементом является правовой статус судей, которому и органам судейского сообщества уделяется особое внимание [2, с. 297–298].

В целом, исторически складывалось таким образом, что реформирование судебной системы стало не просто желательным, а жизненно необходимым условием для дальнейшего развития страны. Необходимо было создать такие механизмы, которые бы обеспечивали реальную независимость судей, исключали любое вмешательство в их деятельность со стороны политических сил, органов исполнительной власти или частных лиц.

Одним из ключевых направлений реформы стало изменение порядка назначения и освобождения судей, а также усиление их социальной защиты. Были предприняты меры по повышению квалификации судей, внедрению современных технологий в судебный процесс и обеспечению прозрачности и открытости судебных заседаний.

Важным шагом стало принятие новых процессуальных кодексов, которые должны были гарантировать справедливое и беспристрастное рассмотрение дел, соблюдение прав всех участников судебного процесса и повышение эффективности работы судов. Особое внимание уделялось вопросам обеспечения доступа к правосудию для всех граждан, независимо от их социального статуса и материального положения. Реализация этих ре-

форм требовала значительных усилий и ресурсов, однако она была необходима для построения правового государства, укрепления демократических институтов и обеспечения защиты прав и свобод граждан.

Решения XIX Всесоюзной конференции КПСС послужили отправной точкой для масштабных преобразований в советской правовой системе. В последующие годы были предприняты конкретные шаги по реализации провозглашенных принципов.

Несмотря на определенные успехи, процесс построения правового государства в СССР столкнулся с серьезными трудностями. Консервативные силы в партийном и государственном аппарате оказывали сопротивление реформам, а экономический кризис и политическая нестабильность затрудняли их реализацию. Тем не менее, решения XIX Всесоюзной конференции КПСС сыграли важную роль в подготовке условий для демократических преобразований, которые произошли в стране в начале 1990-х годов.

В развитие этих решений Верховный Совет СССР принял ряд важных нормативных актов, направленных на реформирование судебной системы. Среди них следует выделить Закон СССР от 13 ноября 1989 года «О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан», который значительно расширил возможности граждан по защите своих прав в суде.

Важным шагом стало принятие Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве от 13 ноября 1989 года. Этот документ закрепил принцип независимости судей и подчинения их только закону, а также установил новые требования к квалификации судей.

В рамках судебной реформы была предпринята попытка внедрения суда присяжных. Эксперименты по рассмотрению уголовных дел с участием присяжных заседателей проводились в ряде регионов СССР. Однако, широкого распространения суд присяжных в то время не получил.

Особое внимание уделялось процессу отбора и назначения судей. Были установлены квалификационные требования, а также процедуры, направленные на обеспечение их независимости от политического влияния. Законы гарантировали неприкосновенность судей и предусматривали меры защиты от незаконного вмешательства в их деятельность.

Несмотря на прогрессивный характер этих реформ, их реализация столкнулась с рядом трудностей, обусловленных сохранявшимся политическим контролем и недостаточным финансированием судебной системы. Тем не менее, принятые в 1989 году законы заложили основу для дальнейшего развития судебной системы в постсоветский период.

К моменту утверждения Концепции судебной реформы в России в октябре 1991 года, сложились предпосылки для осуществления преобразований в правовой сфере. Несмотря на возможные дискус-

сии о слабых сторонах данной Концепции, а также о вкладе различных институтов и отдельных деятелей в её разработку, бесспорно, что предпринятые шаги задали вектор для будущих изменений. Ключевой целью этих преобразований стало формирование в России независимой судебной власти и судебной системы [4, с. 63]. Одновременно с этим, совершенно точно в своих исследованиях подметил А.Ю. Саломатин, что «...в России судебское право не может подминать под себя волю законодателя: это не только бы противоречило стандартам западной демократии, но и духу российской соборности» [7, с. 26].

В заключении следует указать, что уже Концепция судебной реформы, одобренная Верховным Советом РСФСР в 1991 году, заложила основу для коренного преобразования судебной системы России. Она провозгласила принципы разделения властей, независимости судей, состязательности и равноправия сторон в судебном процессе. Важнейшим шагом стало учреждение Конституционного Суда Российской Федерации, призванного обеспечивать верховенство Конституции и защищать основные права и свободы граждан.

Литература

1. Большакова В.М. Контекст судебных преобразований в Российской империи во второй половине XIX в. и Российской Федерации в конце XX – начале XXI в. / В.М. Большакова // Актуальные вопросы современного развития России: основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2016 г.. – Нижний Новгород: Нижегородский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2017. – С. 52–55.
2. Большакова В.М. Теоретические основы судебных преобразований в Российской империи в 1864 г. и Российской Федерации в конце XX – начале XXI в. / В.М. Большакова // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8, № 8А. – С. 12–19.
3. Ковбенко Н.Д. Совет судей России. Возникновение / Н.Д. Ковбенко // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – 2014. – № 36. – С. 294–297.
4. Мамыкин А.С. Трансформация судебной системы Российской Федерации в постсоветский период / А.С. Мамыкин // Судебные реформы в России: история и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 октября 2014 года. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис», 2014. – С. 62–74.
5. Петухов Н.А. Реформирование судебной системы России в исторической ретроспекти-

ве / Н.А. Петухов // Судебные реформы в России: история и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 октября 2014 года. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис», 2014. – С. 19–27.

6. Саломатин А.Ю. Правосудие и пути его реформирования в условиях глобализационных процессов (об итогах работы над исследовательским проектом РГНФ) / А.Ю. Саломатин // Судебная реформа как инструмент совершенствования правосудия: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию судебной реформы в Российской Федерации, Пенза, 21 октября 2016 года. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2017. – С. 20–26.

ISSUES OF JUDICIAL SYSTEM REFORM IN THE 19TH-21ST CENTURIES: HISTORICAL AND SOURCE-BASED ASPECTS

Samedov V.A.

Nizhny Novgorod Institute of Management

The article is devoted to the reform of the judicial system, the impact of the reform of 1864, which laid the principles of transparency, competitiveness and independence of the court, which became the cornerstone for the development of the Russian legal system. Modern Russian legal proceedings are largely the result of a synthesis of pre-revolutionary and Soviet experience. At the same time, modern Russian legal proceedings face a number of challenges. The need to ensure the real independence of judges, improve the quality of legal aid and reduce corruption remain urgent tasks. The further development of legal proceedings requires an integrated approach that takes into account historical experience and modern needs of society.

Keywords: state, law, judicial power, judicial proceedings, judicial process, judicial reform, competitiveness, independence of judges, access to justice, efficiency of judicial proceedings.

References

1. Bolshakova V.M. The context of judicial reforms in the Russian Empire in the second half of the 19th century and the Russian Federation in the late 20th – early 21st centuries / V.M. Bolshakova // Current issues of modern development of Russia: the main results of scientific work at the Nizhny Novgorod Institute of Management in 2016. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”, 2017. – P. 52–55.
2. Bolshakova V.M. Theoretical foundations of judicial reforms in the Russian Empire in 1864 and the Russian Federation in the late 20th – early 21st centuries / V.M. Bolshakova // Issues of Russian and international law. – 2018. – Vol. 8, No. 8A. – P. 12–19.
3. Kovbenko N.D. Council of Judges of Russia. Emergence / N.D. Kovbenko // Bulletin of the St. Petersburg State Agrarian University. – 2014. – No. 36. – P. 294–297.
4. Mamykin A.S. Transformation of the judicial system of the Russian Federation in the post-Soviet period / A.S. Mamykin // Judicial reforms in Russia: history and modernity: a collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference, St. Petersburg, October 2, 2014. – St. Petersburg: Publishing house “Petropolis”, 2014. – P. 62–74.
5. Petukhov N.A. Reforming the judicial system of Russia in historical retrospect / N.A. Petukhov // Judicial reforms in Russia: history and modernity: a collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference,

St. Petersburg, October 2, 2014. – St. Petersburg: Publishing house «Petropolis», 2014. – P. 19–27.

6. Salomatin A. Yu. Justice and ways of its reform in the context of globalization processes (on the results of work on the research project of the Russian Humanitarian Science Foundation) /

A. Yu. Salomatin // Judicial reform as a tool for improving justice: a collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of judicial reform in the Russian Federation, Penza, October 21, 2016. – Penza: Penza State University, 2017. – P. 20–26.

Зарубежный и отечественный опыт использования технологий больших данных в налоговой сфере

Авилкин Всеволод Игоревич,
аспирант, Университет «Синергия»
E-mail: VCEBOL@yandex.ru

В статье рассматриваются современные подходы к использованию технологий больших данных (Big Data) в налоговом администрировании, с акцентом на сравнительный анализ международного и российского опыта. Научная проблема исследования заключается в необходимости выявления эффективных моделей цифровизации налогового контроля и адаптации зарубежных практик к условиям правовой и институциональной среды Российской Федерации. Объектом исследования выступают цифровые инструменты налогового администрирования, основанные на обработке больших массивов данных, включая алгоритмы предиктивной аналитики, машинного обучения и автоматизированной верификации.

Ключевые слова: налоговое администрирование, большие данные, цифровизация, Федеральная налоговая служба, предиктивная аналитика, АСК НДС-2, международный опыт.

В современном мире цифровизации и глобальной трансформации информационного пространства использование технологий обработки больших данных (Big Data) стало неотъемлемой частью стратегического управления на всех уровнях государственного администрирования. Особенно остро эта тенденция проявляется в налоговой сфере, где актуализируется необходимость повышения прозрачности фискальных процессов, усиления аналитической составляющей налогового контроля и обеспечения более эффективного администрирования налоговых поступлений. В условиях нарастающих объемов информации, фрагментированной структуры данных, а также роста числа трансграничных операций, традиционные методы анализа оказываются недостаточно продуктивными. Это диктует потребность в использовании передовых цифровых решений, к числу которых относятся технологии больших данных.

Для Российской Федерации данное направление приобретает особую значимость в контексте повышения собираемости налогов, противодействия теневому сектору экономики, минимизации налоговых правонарушений и повышения эффективности фискальной политики в целом. В условиях геополитической турбулентности, санкционного давления и ограниченного доступа к ряду зарубежных цифровых технологий, изучение как отечественного, так и зарубежного опыта применения Big Data в налоговом администрировании становится необходимой предпосылкой для адаптации лучших практик и разработки устойчивой цифровой налоговой архитектуры в стране.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ и систематизация зарубежного и отечественного опыта внедрения и использования технологий больших данных в налоговой сфере, с акцентом на выявление эффективных моделей цифровизации налогового администрирования, оценку результатов применения Big Data в разных странах, а также формулирование рекомендаций по оптимальному внедрению аналогичных подходов в условиях российской правовой, экономической и технологической специфики.

Новизна настоящего исследования заключается в целенаправленном сопоставлении международных и национальных практик использования технологий Big Data именно в налоговом администрировании, что позволяет обобщить транснациональный опыт и адаптировать его к российским реалиям.

Использование технологий больших данных (Big Data) в налоговой сфере является одним из клю-

чевых направлений трансформации государственного управления в эпоху цифровизации. Интеграция методов интеллектуального анализа данных позволяет налоговым органам не только автоматизировать рутинные операции, но и значительно повысить качество принятия управленческих решений, выявлять налоговые правонарушения с высокой степенью достоверности и предиктивности, а также формировать персонализированный подход к налогоплательщикам. В международной практике данное направление демонстрирует высокую эффективность, а его внедрение в России сопровождается комплексом как достижений, так и вызовов нормативно-правового, технического и институционального характера [1].

В мировой практике страны-лидеры активно применяют технологии Big Data в целях цифровизации налогового администрирования. Так, Служба внутренних доходов США (IRS) использует многомерные алгоритмы машинного обучения для анализа поведенческих паттернов налогоплательщиков, что позволяет в автоматическом режиме определять потенциальные случаи уклонения от налогообложения. Применение таких систем как Fraud Detection System обеспечивает до 95% точности при выявлении сомнительных операций (по данным отчётов GAO за 2022 год). В Эстонии, согласно исследованиям Международного валютного фонда, применение сквозных цифровых решений и интеграция баз данных налоговой и других государственных структур позволили сократить объём теневой экономики на 30% за последние 10 лет. В Китае применяется система «Золотой налог» (Golden Tax System), которая в реальном времени обрабатывает данные о транзакциях, налоговой отчетности, бухгалтерском учете и перемещении товаров, что позволило повысить фискальную эффективность на 22% за первые два года применения [2].

В Российской Федерации Федеральная налоговая служба (ФНС) также активно внедряет элементы аналитики больших данных. Центральным элементом является автоматизированная информационная система АСК НДС-2, позволяющая анализировать счета-фактуры и выявлять разрывы в цепочках поставок с целью пресечения схем по незаконному возмещению НДС. Система обрабатывает более 10 миллиардов записей ежегодно, охватывая порядка 99% юридических лиц, находящихся на НДС-учете. В отчётах ФНС за 2023 год отмечено, что благодаря внедрению АСК НДС-2 сумма предотвращённых незаконных возвратов НДС превысила 230 млрд рублей. Помимо этого, внедрена Единая система цифрового профиля налогоплательщика, позволяющая осуществлять индивидуализированное налоговое сопровождение, анализировать риски, выявлять признаки дробления бизнеса и другие нарушения [3].

Однако, несмотря на достигнутые успехи, интеграция Big Data в налоговую систему России сопряжена с рядом существенных проблем. Прежде всего, нормативно-правовая база не всегда поспевает за технологическими изменениями. В частности, правовые основы обработки больших данных в контексте налогового администрирования регулируются в основном через положения Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», а также нормы Налогового кодекса РФ. Однако, отсутствуют четкие регламенты обработки неструктурированных и полуструктурированных данных, в том числе данных, полученных из открытых источников, что создает правовую неопределенность при доказательстве налоговых нарушений на основе информации, полученной с применением Big Data [4].

Механизм использования технологий больших данных в налоговой сфере можно представить на рис. 1.

Рис. 1. Механизм использования технологий больших данных в налоговой сфере

Научная литература также акцентирует внимание на рисках избыточной автоматизации налогового контроля. В частности, в трудах российских исследователей (например, М.В. Кондратьевой, 2021; А.А. Ломакина, 2022) подчеркивается, что чрезмерное упование на алгоритмы может привести к ошибкам классификации добросовестных налогоплательщиков как «рискованных», что влечет необоснованные требования и административное давление. Аналогично, в зарубежных исследованиях (С. Hood, 2020; L. McCartney, 2023) рассматриваются этические аспекты использования Big Data, включая непрозрачность алгоритмов принятия решений и риски вторжения в частную жизнь граждан [5].

Статистические данные также подтверждают необходимость повышения точности и прозрачности алгоритмических решений. Согласно аналитике Счётной палаты РФ за 2023 год, около 12% случаев доначислений по результатам камеральных проверок, основанных на автоматизированной аналитике, в последующем были оспорены и отменены в судебном порядке. Это указывает на необходимость доработки моделей и повышения качества исходных данных [6].

Практические пути решения выявленных проблем включают несколько направлений. Во-первых, требуется разработка и принятие специализированного законодательства, регулирующего использование технологий Big Data в публично-правовом контексте, включая правовую квалификацию цифровых доказательств, стандарты обработки и хранения данных, а также механизмы защиты прав налогоплательщиков. Во-вторых, необходимо институциональное укрепление компетенций налоговых органов, включая подготовку кадров в сфере аналитики данных, цифровой безопасности и этики алгоритмов [7]. В-третьих, следует развивать систему внешнего контроля алгоритмических решений, например, через создание независимых аудиторских платформ, осуществляющих верификацию моделей машинного обучения, применяемых в налоговой службе [8].

Таким образом, использование технологий больших данных в налоговой сфере открывает широкие перспективы для повышения эффективности налогового администрирования, однако требует системной доработки на уровне законодательства, технологий и институтов. Прежде всего, следует отметить, что текущая нормативно-правовая база в России не в полной мере соответствует вызовам цифровой трансформации. Отсутствие специализированного законодательства, регламентирующего правомерность использования неструктурированных и альтернативных источников данных в налоговых целях, создает правовую неопределенность и ограничивает возможности налоговых органов в доказательной базе при выявлении правонарушений [9]. В связи с этим необходимо разработать федеральный закон или внести комплексные поправки в Налоговый кодекс РФ, в которых будет четко закреплено правовое поло-

жение цифровых доказательств, стандартизированные процедуры хранения, обработки и использования больших данных, включая данные из открытых источников и цифровых платформ.

Кроме того, ключевым направлением совершенствования является внедрение этических и процедурных стандартов алгоритмического управления. Речь идет о необходимости создания системы независимого аудита используемых в налоговом администрировании моделей машинного обучения и алгоритмов аналитики [10]. Такие механизмы позволят обеспечить прозрачность принятия решений, снизить количество ошибок классификации налогоплательщиков и повысить уровень доверия к цифровым процессам. Одновременно с этим следует усилить институциональную инфраструктуру, обеспечив подготовку специалистов в области анализа данных, дата-инжиниринга и цифровой юриспруденции в составе налоговых органов. Это позволит минимизировать риски технических и методологических ошибок при внедрении и эксплуатации систем на базе Big Data.

Литература

1. Бузмакова М.В. Влияние больших данных на экономическую деятельность и проблемы их стоимостной оценки / М.В. Бузмакова, И.Н. Полушкина // Современные технологии управления. – 2025. – № 1 (109). – URL: <https://sovman.ru/article/10905/>.
2. Гончаренко Л.И. Налоги и налоговая система Российской Федерации: учебник и практикум для вузов / Л.И. Гончаренко [и др.]; отв. ред. Л.И. Гончаренко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2020. – 524 с.
3. Закирова А.Р. Цифровизация налоговых правоотношений: вызовы и перспективы / А.Р. Закирова // Актуальные исследования. – 2025. – № 14 (249), апрель. – URL: <https://apni.ru/article/11678-cifrovizaciya-nalogovyh-pravootnoshenij-vyzovy-i-perspektivy>.
4. Кашин В.А. Россия в кризисе и современное налогообложение: проблемы, тенденции, перспективы / В.А. Кашин, Н.В. Пономарева. – Москва: Магистр, 2020. – 368 с.
5. Матвеева Т.В. ФНС России уже использует технологии больших данных в налоговом администрировании / Т.В. Матвеева // Официальный сайт ФНС России. – 2021. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/5979856/.
6. Надеждина С.Д. Цифровая экономика и налоговое администрирование: актуальные проблемы и перспективы / С.Д. Надеждина, О.А. Чистякова // Вестник НГУЭУ. – 2023. – № 4. – С. 131–143. – DOI: 10.34020/2073-6495-2023-4-131-143
7. Пепеляев С.Г. Налоговое право: курс лекций: учебное пособие для бакалавров / под ред. С.Г. Пепеляева, А.В. Ема. – Москва: Статут, 2022. – 414 с.

8. Пинская М.Р. Налогообложение прибыли цифровых компаний: монография / М.Р. Пинская, С.Д. Шаталов, К.А. Пономарева. – Москва: Прометей, 2023. – 172 с.
9. Полежарова Л.В. Трансграничные операции: развитие инструментов налогового администрирования: монография / под ред. Л.В. Полежаровой. – Москва: ИНФРА–М, 2023. – 262 с.
10. Хохлова Н.А. Анализ применения технологий больших данных в системе налогового администрирования Российской Федерации / Н.А. Хохлова // Финансы и кредит. – 2024. – Т. 30, № 5. – С. 117–133.

FOREIGN AND DOMESTIC EXPERIENCE OF USING BIG DATA TECHNOLOGIES IN THE TAX SPHERE

Avilkin V.I.

Synergy University, Moscow

The article examines modern approaches to the use of Big Data technologies in tax administration, with an emphasis on a comparative analysis of international and Russian experience. The scientific problem of the study is the need to identify effective models of digitalization of tax control and adaptation of foreign practices to the conditions of the legal and institutional environment of the Russian Federation. The object of the study is digital tools of tax administration based on the processing of large arrays of data, including algorithms for predictive analytics, machine learning and automated verification.

Keywords: tax administration, big data, digitalization, Federal Tax Service, predictive analytics, ASK VAT-2, international experience.

References

1. Buzmakova M.V. The Impact of Big Data on Economic Activity and Problems of Their Valuation / M.V. Buzmakova, I.N. Polushkina // *Modern Management Technologies*. – 2025. – No. 1 (109). – URL: <https://sovman.ru/article/10905/>.
2. Goncharenko L.I. Taxes and the Tax System of the Russian Federation: a textbook and workshop for universities / L.I. Goncharenko [et al.]; ed. L.I. Goncharenko. – 2nd ed., revised. and additional – Moscow: Yurait, 2020. – 524 p.
3. Zakirova A.R. Digitalization of Tax Legal Relations: Challenges and Prospects / A.R. Zakirova // *Current Research*. – 2025. – No. 14 (249), April. – URL: <https://apni.ru/article/11678-cifrovizaciya-nalogovyh-pravootnoshenij-vyzovy-i-perspektivy>.
4. Kashin V.A. Russia in Crisis and Modern Taxation: Problems, Trends, Prospects / V.A. Kashin, N.V. Ponomareva. – Moscow: Magistr, 2020. – 368 p.
5. Matveeva T.V. The Federal Tax Service of Russia is Already Using Big Data Technologies in Tax Administration / T.V. Matveeva // *Official Website of the Federal Tax Service of Russia*. – 2021. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/5979856/.
6. Nadezhdina S.D. Digital Economy and Tax Administration: Current Issues and Prospects / S.D. Nadezhdina, O.A. Chistyakova // *Bulletin of NSUEM*. – 2023. – No. 4. – P. 131–143. – DOI: 10.34020/2073-6495-2023-4-131-143
7. Pepeliaev S.G. Tax Law: Lecture Course: A Textbook for Bachelors / edited by S.G. Pepeliaev, A.V. Em. – Moscow: Statut, 2022. – 414 p.
8. Pinskaya M.R. Taxation of Profits of Digital Companies: Monograph / M.R. Pinskaya, S.D. Shatalov, K.A. Ponomareva. – Moscow: Prometey, 2023. – 172 p.
9. Polezharova L.V. Cross-border operations: development of tax administration tools: monograph / edited by L.V. Polezharova. – Moscow: INFRA–M, 2023. – 262 p.
10. Khokhlova N.A. Analysis of the application of big data technologies in the tax administration system of the Russian Federation / N.A. Khokhlova // *Finance and Credit*. – 2024. – Vol. 30, No. 5. – P. 117–133.

К вопросу о правовом регулировании функционирования Федеральной государственной информационной системы территориального планирования

Алексеевко Надежда Алексеевна,

аспирант кафедры аграрного и земельного права,
и безопасности жизнедеятельности, ФГБОУ ВО
«Государственный университет по землеустройству»
E-mail: nadezhda.alekseenko.98@mail.ru

Половникова Эллина Эдгаровна,

кандидат экономических наук, ФГБОУ ВО «Государственный
университет по землеустройству»
E-mail: ellino4ka95@yandex.ru

Федеральная государственная информационная система территориального планирования (далее – ФГИС ТП) представляет собой платформу для хранения и управления документами, связанными с градостроительной деятельностью. Все уровни органов власти обязаны обеспечивать доступность этих данных через систему ФГИС ТП. Авторами статьи были выявлены существенные недостатки функционирования ФГИС ТП, системные правовые и организационные проблемы, снижающие её эффективность. Наиболее значимым изъяном выступает противоречие между формальным закреплением единых требований к документам территориального планирования и отсутствием унифицированной методологии их подготовки и интеграции в систему. Предложенные правовые меры способствуют предотвратить дисбаланс между техническими возможностями информационного ресурса и законодательно установленными требованиями.

Ключевые слова: территориальное планирование, ФГИС ТП, градостроительная документация, информационные ресурсы, правовое регулирование, функционирование, дублирование данных.

Рациональное использование земельных ресурсов, контролируемых Российской Федерацией, представляет собой одно из основных направлений текущей земельной реформы. Важность земель в контексте развития страны заключается в их роли как стратегического ресурса: они являются основой экономических связей, поддерживают сельскохозяйственное производство, обеспечивают пространство для размещения природных и экономических объектов.

Государство, стремясь к освоению земель без потерь, запускает многоуровневые механизмы, в которых зонирование пространств становится не техническим шагом, а инвестицией в завтрашний день. Это основа для устойчивого развития: когда каждый гектар работает не только на экономику, но и сохраняет экологический баланс, создавая основу для проектов, актуальных как сегодня, так и через десятилетия. [5, с. 234].

В реалиях сегодняшнего дня ключевым стратегическим приоритетом становится сбалансированное освоение территорий, где города растут не вширь, а вглубь – с умом и расчётом. Однако зачастую урбанизация напоминает гонку: новые кварталы и микрорайоны появляются быстрее, чем успевают «дозреть» сети дорог, коммуникаций и социальных объектов. Градостроительные планы, лишённые синергии всех элементов, рискуют превратиться в головоломку с недостающими деталями. Государству здесь отведена роль не только регулятора, но и визионера, который видит город как «живой организм», где каждое решение – шаг к устойчивости, а не к хаосу [8, с. 2].

Согласно п. 2 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ (далее – ГрадК РФ) [1], территориальное планирование законодательно трактуется как стратегия пространственного развития. Его цель – не только распределение функциональных зон, но и проектирование размещения объектов федерального, регионального и муниципального значения. По своей сути, это аналитический фундамент для преобразования территорий: эксперты изучают комплекс факторов – от экологии до инфраструктуры – чтобы создать условия для гармоничного развития конкретных локаций.

Документы территориального планирования (далее – ДТП) классифицируются на три уровня:

1. Федеральные – охватывают стратегии общегосударственного масштаба;
2. Региональные – разрабатываются для одного или нескольких субъектов РФ;

3. Муниципальные – формируют планы для отдельных городов и районов.

В структуру ДТП также интегрированы два ключевых инструмента:

- Проект планировки территории (далее – ППТ) – определяет зоны под капитальное строительство, корректирует красные линии (границы застройки) и задаёт архитектурно-планировочную логику;
- Проект межевания территории (далее – ПМТ) – обеспечивает кадастровую точность, разделяя земельные участки в соответствии с будущим использованием.

Таким образом, ДТП выступают «дорожной картой» для сбалансированного освоения пространств, где каждый объект и граница – часть продуманной системы, а не случайный элемент.[9, с. 90–95]

В ходе разработки проектов планировки и межевания территорий необходимо проводить комплексный анализ данных, касающихся данной области. Вышеперечисленные документы нужны не только для планирования дальнейшего развития территорий, но и для последующего внесения сведений в различные информационные ресурсы. Если говорить о территориальном планировании и документах, связанных с ним, то роль такого ресурса, играет Федеральная государственная информационная система территориального планирования (далее – ФГИС ТП)[7, с. 234].

История развития и функционирования ФГИС ТП охватывает несколько этапов (см. рис. 1). [2] ФГИС ТП дает открытый доступ для органов государственной власти, местного самоуправления и заинтересованных лиц к данным о планируемом территориальном развитии. Эта информация основана на ДТП федерального, регионального и местного уровней. Основная цель ФГИС ТП заключается в автоматизации подготовки и реализации стратегических и территориальных планов [6 с. 274].

ФГИС ТП была создана как цифровой инструмент стратегического значения, призванный решать ключевые задачи в сфере управления территориями:

1. Система обеспечивает оперативный доступ к данным, превращая сложные градостроительные процессы в чёткие алгоритмы.
2. Автоматизация согласований сокращает «бумажную волокиту», переводя диалог между ведомствами и застройщиками в режим прозрачного взаимодействия.
3. Карты, планы и реестры перестают быть закрытыми архивами – они доступны гражданам и бизнесу, укрепляя доверие к управленческим процессам.
4. Актуальная информация о каждом участке, объекте и зоне помогает избежать хаотичной застройки, превращая территории в логично организованное пространство для жизни и инвестиций (рис. 1).

Рис. 1. Этапы развития ФГИС ТП

ФГИС ТП служит системой для хранения разнообразных документов (см. рис. 2), необходимых для территориального планирования и эффективного взаимодействия между ведомствами[3]. ФГИС ТП, будучи отраслевой цифровой платформой, неразрывно связана с совершенствованием механизмов обмена информацией и интеграции данных с другими ключевыми информационными ресурсами. В их число входят: Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) и Единый электронный кадастровый отчёт (ЕЭКО), Федеральная программа пространственных данных (ФППД), Государственная информационная система обеспечения градостроительной деятельности Российской Федерации (ГИСОГД РФ), Феде-

ральная государственная информационная система Единый центр планирования Единой системы планировочных данных (ФГИС ЕЦП ЕСПД), а также данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат).

ГрадК РФ закрепил двухуровневое информационное обеспечение градостроительной деятельности: на федеральном уровне – ФГИС ТП, и на региональном уровне – созданием и эксплуатацией ГИСОГД, а вот что же касается муниципальных ИСОГД, то требования к их ведению исключены.

В настоящее время при межведомственном информационном взаимодействии между ГИСОГД и ФГИС ТП происходит дублирование работ по размещению сведений, что ведет к отсутствию

предусмотренной идентичности размещаемой градостроительной документации в указанных системах.

В рамках исследования авторами было проанализировано количество градостроительных документов в действующей редакции, размещенных во ФГИС ТП в разрезе некоторых субъектов Российской Федерации (см. табл. 1) [6].

Была дана характеристика субъектов Российской Федерации по отсутствию градостроительных документов во ФГИС ТП (см. табл. 2)[6]. Выявлена обеспеченность градостроительной документацией в разрезе некоторых субъектов Российской Федерации (см. табл. 3) [10].

Рис. 2. Типы документов во ФГИС ТП

Таблица 1. Количество градостроительных документов в действующей редакции, размещенных на сайте Федеральной государственной информационной системы территориального планирования в разрезе некоторых субъектов Российской Федерации

Федеральный округ	Наименование субъекта	Вид градостроительной документации, ед.		
		Схемы территориального планирования	Генеральные планы	Правила землепользования и застройки
Центральный федеральный округ	Брянская область	24	234	234
	Курская область	28	316	322
	Орловская область	23	248	451
	Рязанская область	25	259	251
	Ярославская область	17	81	83
Южный федеральный округ	г. Севастополь	-	-	10
	Республика Крым	14	265	262
Северо-Западный федеральный округ	Архангельская область	19	151	170
	Мурманская область	5	34	33
	Ненецкий автономный округ	1	2	6
	Омская область	23	248	451
Дальневосточный федеральный округ	Магаданская область	1	9	9
	Чукотский автономный округ	3	15	14
	Республика Якутия	29	368	392
Сибирский федеральный округ	Иркутская область	31	421	424
	Кемеровская область	18	107	178
Северо-Кавказский федеральный округа	Чеченская Республика	14	208	217
	Кабардино-Балкарская Республика	10	109	122
	Карачаево-Черкесская Республика	12	87	86
	Республика Северная Осетия – Алания	8	74	91

Таблица 2. Характеристика субъектов Российской Федерации по отсутствию градостроительных документов на сайте Федеральной государственной информационной системы территориального планирования

Федеральный округ	Наименование субъекта	Вид градостроительной документации					
		Схемы территориального планирования		Генеральные планы		Правила землепользования и застройки	
		Количество отсутствующих документов, ед	в % к общему количеству	Количество отсутствующих документов, ед	в % к общему количеству	Количество отсутствующих документов, ед	в % к общему количеству
Центральный федеральный округ	Брянская область	-	-	1	1	1	1
	Курская область	-	-	9	1	3	1
	Орловская область	1	4	1	1	-	-
	Рязанская область	-	-	4	1	2	1
	Ярославская область	-	-	2	1	-	-
Южный федеральный округ	г. Севастополь	10	100	10	100	-	-
	Республика Крым	-	-	-	-	3	1
Северо-Западный федеральный округ	Архангельская область	-	-	51	26	32	16
	Мурманская область	1	16	1	3	2	6
	Ненецкий автономный округ	1	100	17	90	13	70
	Омская область	1	4	96	34	1	99
Дальневосточный федеральный округ	Магаданская область	8	88	-	-	-	-
	Чукотский автономный округ	-	-	11	41	13	48
	Республика Якутия	4	12	43	10	19	5
Сибирский федеральный округ	Иркутская область	1	1	18		15	
	Кемеровская область	-	-	84	43	14	8
Северо-Кавказский федеральный округа	Чеченская Республика	1	6	15	8	7	4
	Кабардино-Балкарская Республика	-	-	13	11	-	-
	Карачаево-Черкесская Республика	-	-	1	1	2	1
	Республика Северная Осетия – Алания	-	-	29	29	12	12

Таблица 3. Обеспеченность градостроительной документацией в разрезе некоторых субъектов Российской Федерации

Федеральный округ	Наименование субъекта	Вид градостроительной документации, %		
		Схемы территориального планирования	Генеральные планы	Правила землепользования и застройки
Центральный федеральный округ	Брянская область	100	99	99
	Курская область	100	99	99
	Орловская область	96	99	100
	Рязанская область	100	99	99
	Ярославская область	100	99	100
Южный федеральный округ	г. Севастополь	0	0	199
	Республика Крым	100	100	99

Федеральный округ	Наименование субъекта	Вид градостроительной документации, %		
		Схемы территориального планирования	Генеральные планы	Правила землепользования и застройки
Северо-Западный федеральный округ	Архангельская область	100	74	84
	Мурманская область	84	97	94
	Ненецкий автономный округ	0	10	30
	Омская область	96	66	99
Дальневосточный федеральный округ	Магаданская область	12	100	100
	Чукотский автономный округ	100	59	52
	Республика Якутия	88	90	95
Сибирский федеральный округ	Иркутская область	99	95	96
	Кемеровская область	100	57	92
Северо-Кавказский федеральный округ	Чеченская Республика	94	92	96
	Кабардино-Балкарская Республика	100	89	100
	Карачаево-Черкесская Республика	100	99	99
	Республика Северная Осетия – Алания	100	71	88

В процессе исследования наполненности и функционирования ФГИС ТП были выявлены существенные недостатки:

1. Текущая конфигурация системы недостаточна эффективна для массовой загрузки документов, что обусловлено сложностями в навигации и низкой производительностью интерфейса.

2. Часто один и тот же специалист несет ответственность за создание, согласование и публикацию документов территориального характера, что приводит к множеству ошибок и неточностей на картах.

3. Отсутствие единой методологии для различных регионов и типов документов связано с невозможностью унификации информации. Это вызвано наличием уникальных нормативных актов в регионах, которые сложно интегрировать в единый государственный стандарт.

4. Перегруженность веб-платформы, наряду с не оптимальным программным обеспечением, приводит к частым сбоям. Карта загружается медленно и, при взаимодействии с объектом, не предоставляет необходимую информацию, вопреки требованиям технического задания.

5. Информация о территориальном планировании на сайте представлена фрагментарно. Для получения некоторых данных требуется официальный запрос в соответствующие государственные органы.

Дополнительно можно отметить, что недостаточная интеграция с обновляемыми данными приводит к устаревшей информации, что снижает надежность и актуальность ресурса для пользователей.

В настоящее время на федеральном уровне отсутствует систематический мониторинг и оцен-

ка достоверности информации, представленной в ФГИС ТП. Министерство экономического развития Российской Федерации, в силу объективных обстоятельств, не обладает возможностью проведения оценки качества данных, содержащихся в ФГИС ТП, а также не наделено полномочиями для исправления ошибок и разрешения противоречий. Это обусловлено отсутствием у данного органа полномочий по контролю за градостроительной деятельностью на муниципальном уровне, а также недостаточностью ресурсов и знаний о специфике каждой отдельной территории.

ГИС ОГД, будучи близкой по функционалу к ФГИС ТП, представляет собой цифровой инструмент для анализа и управления данными. Их синхронная работа не только ускоряет решение текущих задач, но и повышает качество принимаемых решений. В этом контексте критически важно избежать дублирования при заполнении баз данных, а также минимизировать риски противоречий в информации, которые могут привести к ошибкам в планировании.

Формирование единой цифровой платформы для территориального планирования, где собрана актуальная и детализированная информация о земельных ресурсах, инфраструктуре и объектах населённых пунктов, становится ключевым драйвером инвестиций. Такой подход превращает регионы в «открытую книгу» для инвесторов, где каждый проект основан на прозрачных данных. Это стимулирует не только локальный прогресс – от модернизации дорог до строительства социальных объектов, – но и укрепляет конкурентоспособность страны в глобальном масштабе.

Кроме того, такая система улучшает процесс принятия управленческих решений, оптимизиру-

ет использование ресурсов и повышает прозрачность административных процессов, создавая тем самым благоприятные условия для устойчивого социально-экономического роста и развития[4, с. 159].

Оптимизация межведомственного взаимодействия в сфере территориального планирования через юридические механизмы:

Для устранения дублирования данных между ГИС ОГД и ФГИС ТП необходимы следующие правовые меры:

1. Ввести юридически обязывающие нормы автоматической синхронизации региональных ГИС ОГД с ФГИС ТП через API-интерфейсы. Включить функцию автоматической агрегации данных из региональных систем в ФГИС ТП.

2. Утвердить технический регламент Постановлением Правительства РФ, устанавливающий: единые форматы (JSON/XML), систему координат, метаданные.

3. Заключить межведомственный договор между Минстроем и субъектами РФ о централизации управления ГИС ОГД в рамках ФГИС ТП.

4. Установить ежегодный обязательный аудит соответствия данных (силами Росреестра).

5. Направить целевые субсидии из госпрограммы «Цифровая экономика» на модернизацию региональных ГИС. Ввести налоговые преференции (ст. 67 НК РФ) для IT-компаний, разрабатывающих интеграционные решения.

В целом с точки зрения практического применения, внедрение и функционирование ФГИС ТП позволяет значительно уменьшить временные и финансовые издержки для органов власти и заявителей.

Литература

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» / <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 02.05.2025).
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2012 г. № 289 «О федеральной государственной информационной системе территориального планирования» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» / <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 02.05.2025).
3. Приказ Минэкономразвития России от 17 июня 2021 г. № 349 «Об утверждении требований к структуре и форматам информации, предусмотренной частью 2 статьи 57.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации, составляющей информационный ресурс федеральной государственной информационной системы территориального планирования» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» / <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 02.05.2025).
4. Липски, С.А. Правовое регулирование формирования и функционирования земельно-информационных ресурсов в землеустроительной деятельности / С.А. Липски, Н.А. Алексеевко // Актуальные вопросы землеустроительной науки и образования: Сборник материалов международной научно-практической конференции, состоявшейся 26 сентября 2023 года и посвящённой 120-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РСФСР, д.э.н., академика ВАСХНИЛ Сергея Александровича УДАЧИНА, Москва, 26 сентября 2023 года. – Москва: Государственный университет по землеустройству, 2024. – С. 158–164. – EDN NQZYRV.
5. Мамедова, Э.Э. Подготовка кадров для АПК в условиях цифровизации экономики / Э.Э. Мамедова, С.А. Крючков // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы: Сборник статей по материалам Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Красноярск, 14–25 ноября 2022 года. Том Часть 1. – Красноярск-Челябинск-Нижний Новгород-Москва: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. – С. 232–234. – EDN OFOWME.
6. Минаева, Е.Ю. Подготовка материалов для внесения сведений в информационную систему ФГИС ТП / Е.Ю. Минаева, А.В. Вдовенко // Дальний Восток: проблемы развития архитектурно-строительного комплекса. – 2024. – № 1. – С. 273–276. – EDN OUGMHI.
7. Лукьянченко, Е. П. ФГИС ТП как основа информационного обеспечения градостроительной деятельности / Е.П. Лукьянченко, Д.А. Аттиссо // Геодезия, землеустройство и кадастры: проблемы и перспективы развития: Сборник научных трудов по материалам III международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию юбилею доктора экономических наук, профессора Ю.М. Рогатнева, Омск, 13 мая 2021 года. – Омск: Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина, 2021. – С. 233–238. – EDN MAXYAS.
8. Чугуевская, Е.С. Актуальные вопросы развития территорий / Е.С. Чугуевская // Вестник. Зодчий. 21 век. – 2021. – № 2(79). – С. 2–7. – EDN HFNZGM.
9. Димитренко, Н.В. Основы территориального планирования: учебное пособие / Н.В. Димитренко. – Пенза: Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 2024. – 118 с. – EDN VMOKYJ.
10. ФГИС ТП / [Электронный ресурс] // Федеральная государственная информационная система территориального планирования: [сайт]. – URL: <https://fgistp.economy.gov.ru/> (дата обращения: 02.05.2025)

ON THE ISSUE OF THE FUNCTIONING OF THE FEDERAL STATE INFORMATION SYSTEM OF TERRITORIAL PLANNING

Alekseenko N.A., Polovnikova E.E.

State University of Land Management

The Federal State Information System for Territorial Planning (hereinafter – FGIS TP) is a platform for storing and managing documents related to urban planning activities. All levels of government are obliged to ensure the availability of this data through the FGIS TP system. The authors of the article have identified significant shortcomings in the functioning of FGIS TP, systemic legal and organizational problems that reduce its effectiveness. The most significant flaw is the contradiction between the formal establishment of uniform requirements for territorial planning documents and the lack of a unified methodology for their preparation and integration into the system. The proposed legal measures will help to prevent the imbalance between the technical capabilities of the information resource and the legally established requirements.

Keywords: territorial planning, FGIS TP, urban planning documentation, information resources, legal regulation, functioning, data duplication.

References

1. Urban Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ dated December 29, 2004 // Legal reference system "Consultant Plus" / <http://www.consultant.ru>. (date of application: 02.05.2025)
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated April 12, 2012 No. 289 "On the Federal State Information System of Territorial Planning" // For reference– legal system "Consultant Plus" / <http://www.consultant.ru>. (date of access: 02.05.2025)
3. Order No. 349 of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated June 17, 2021 "On Approval of requirements for the structure and Formats of Information Provided for in Part 2 of Article 57.1 of the Urban Planning Code of the Russian Federation, which constitutes an information resource of the Federal State Information System for Territorial Planning" // Consultant Plus Legal Reference System / <http://www.consultant.ru>. (date of request: 02.05.2025)
4. Lipsky, S.A. Legal regulation of the formation and functioning of land information resources in land management activities / S.A. Lipsky, N.A. Alekseenko // Topical issues of land management science and education: A collection of materials of the international scientific and practical conference held on September 26, 2023 and dedicated to the 120th anniversary of the birth of Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Economics, Academician of the Russian Academy of Sciences Sergey Alexandrovich UDACHIN, Moscow, September 26, 2023. – Moscow: State University of Land Management, 2024. – pp. 158–164. – EDN NQZYRV.
5. Mammadova, E.E. Personnel training for agriculture in the conditions of digitalization of the economy / E.E. Mammadova, S.A. Kryuchkov // Professional self-determination of youth in the innovative region: problems and prospects: A collection of articles based on the materials of the All-Russian (national) scientific and practical conference, Krasnoyarsk, November 14–25, 2022. Volume Part 1. – Krasnoyarsk-Chelyabinsk-Nizhny Novgorod-Moscow: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2023. – pp. 232–234. – EDN OFOWME.
6. Minaeva, E. Yu. Preparation of materials for entering data into the information system FGIS TP / E. Yu. Minaeva, A.V. Vdovenko // Far East: problems of development of architectural and construction complex. – 2024. – № 1. – С. 273–276. – EDN OUGMHI.
7. Lukyanchenko, E. P. FGIS TP as a basis for information support of urban planning activities / E.P. Lukyanchenko, D.A. Attisso // Geodesy, land management and cadastres: problems and prospects of development: Collection of scientific papers on the materials of the III International Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of Doctor of Economic Sciences, Professor Y.M. Rogatnev, Omsk, May 13, 2021. – Omsk: Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, 2021. – С. 233–238. – EDN MAXYAS.
8. Chuguevskaya, E.S. Actual issues of territorial development / E.S. Chuguevskaya // Vestnik. Zodchiy. 21 century. – 2021. – № 2(79). – С. 2–7. – EDN HFNZGM.
9. Dimitrenko, N.V. Fundamentals of territorial planning: textbook / N.V. Dimitrenko. – Penza: Penza State University of Architecture and Construction, 2024. – 118 c. – EDN VMOKYJ.
10. FGIS TP / [Electronic resource] // Federal State Information System of Territorial Planning.information system of territorial planning: [website]. – URL: <https://fgistp.economy.gov.ru/> (date of reference: 02.05.2025)

Соотношение права адвоката на расторжение соглашения и принципа недопустимости отказа от принятой на себя защиты

Барышникова Софья Михайловна,

студент Уральского филиала ФГБОУВО «РГУП имени В.М. Лебедева»
E-mail: baryshnikova05@list.ru

Калимбет Владислав Викторович,

преподаватель кафедры общетеоретических правовых дисциплин Уральского филиала ФГБОУВО «РГУП имени В.М. Лебедева»
E-mail: advokat.kalimbet@yandex.ru

Статья посвящена анализу правомерности отказа адвоката от выполнения принятой функции защиты в уголовном процессе. Цель – правовая оценка пределов реализации права адвоката на отказ от исполнения соглашения об оказании юридической помощи и поиск баланса между публичной функцией защиты и частноправовыми обязательствами по договору с доверителем. Методология включает общенаучные (анализ, синтез и др.) и частнонаучные методы – формально-юридический и сравнительно-правовой. Рассматривается правовая природа соглашения, его роль в возникновении статуса защитника, а также условия и последствия его прекращения. Особое внимание уделено толкованию части 7 статьи 49 УПК РФ. Автор обосновывает необходимость закрепления в законе права адвоката на отказ от защиты. Предлагается дополнить часть 7 статьи 49 УПК РФ положением о возможности отказа от защиты при расторжении соглашения или одностороннем отказе от его исполнения в порядке, установленном законом.

Ключевые слова: адвокат, уголовное судопроизводство, право на защиту, соглашение, квалифицированная юридическая помощь, статус защитника.

Право на защиту является одним из ключевых принципов уголовного судопроизводства, закрепленным в ч. 1 ст. 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)¹. Согласно данной норме, подозреваемому и обвиняемому обеспечивается возможность защиты как лично, так и с помощью защитника или законного представителя. Данный принцип находит свое конституционное отражение в статье 48 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, а в случаях, предусмотренных законом, – бесплатной². В научной литературе защита рассматривается как совокупность процессуальных действий, направленных на опровержение обвинения (подозрения), выявление обстоятельств, смягчающих или исключающих уголовную ответственность, а также на охрану личных и имущественных прав обвиняемого [4, с. 10].

Ключевая роль в реализации указанного принципа отводится адвокату, осуществляющему профессиональную юридическую помощь в качестве защитника. В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерально-го закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокатская деятельность направлена на защиту прав, свобод и законных интересов доверителей, а также на обеспечение доступа к правосудию³. Закон закрепляет право адвоката выступать в качестве защитника в уголовном судопроизводстве, что составляет одну из основных форм его профессиональной деятельности. Статус защитника у адвоката возникает с момента его вступления в уголовное дело, после чего он получает право оказывать юридическую помощь и использовать предоставленные ему процессуальные полномочия. Функция защиты при этом выходит за рамки простого представительства интересов и становится важнейшей гарантией справедливости судебного разбирательства [10, с. 6].

Согласно ч. 7 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), адво-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Российская газета. – 2001. – 22 декабря.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru. – 2022. – 6 октября.

³ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024) // Российская газета. – 2002. – 5 июня.

кат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого или обвиняемого¹. Буквальное толкование данной нормы предполагает наличие абсолютного запрета на такой отказ, без учета иных аспектов, в частности, регулирующих отношения между адвокатом и доверителем.

В современной правоприменительной практике всё большую актуальность приобретает вопрос о пределах правомерности отказа адвоката от осуществления защиты по уголовному делу через призму права адвоката отказаться или расторгнуть соглашение, во исполнение условий которого эта защита осуществляется. Особенно остро данная проблема проявляется в свете сложившейся практики возбуждения адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации дисциплинарных производств в отношении адвокатов, прекративших участие в деле. Возникает необходимость более глубокого правового анализа данной ситуации и выработки единых подходов к ее разрешению.

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 15 декабря 2022 года утвердил разъяснение Комиссии по этике и стандартам (КЭС), систематизировавшее подход к вопросу о возможности отказа адвоката от исполнения соглашения². Как установлено статьей 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ, оказание юридической помощи осуществляется на основании специального соглашения – гражданско-правового договора между адвокатом и доверителем (в том числе когда последний выступает в качестве подзащитного), предусматривающего выплату вознаграждения³. Такое соглашение должно быть заключено в простой письменной форме с обязательным указанием всех существенных условий: предмета, объема оказываемых услуг, их стоимости, порядка оплаты и сроков исполнения, в соответствии с которыми реализуются возникающие правоотношения. При этом прекращение действия соглашения, а также освобождение сторон от обязательств по нему, регулируются нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (ст. 450–453 ГК РФ⁴).

Именно этот договор служит основанием возникновения у адвоката гражданско-правового обязательства осуществить защиту указанного в со-

глашении лица, которое в дальнейшем трансформируется в публично-правовую функцию по защите прав и охраняемых законом интересов доверителя в рамках своей профессиональной деятельности. Таким образом, адвокатская деятельность в рамках уголовного судопроизводства опирается на сложную правовую конструкцию, включающую как гражданско-правовые элементы на этапе заключения и исполнения соглашения, так и уголовно-процессуальные, возникающие на стадии предварительного следствия и в суде⁵. При таком подходе в деятельности адвоката усматривается сочетание публично-правового и частноправового аспектов, которые должны находиться в балансе для целей как обеспечения права каждого на защиту и получение квалифицированной правовой помощи, так и прав самого адвоката.

В отношении адвокатов, осуществляющих защиту по назначению органов предварительного расследования и суда, А.С. Михайлова отмечает, что правовой статус таких адвокатов остается предметом обсуждения [7]. В этой ситуации необходимо рассматривать комплекс правоотношений как сложный юридический состав. Данные отношения начинаются с обращения государственного органа в адвокатскую палату, которая посредством комплексной информационной системы «Адвокатура России» (далее по тексту – «КИС АР») выдает поручение адвокату, оформляемое электронным ордером. С момента вступления в правоотношения с государственными структурами адвокат получает официальный статус защитника и приступает к выполнению своих профессиональных обязанностей по делу [1, с. 13].

Законодательство предусматривает возможность прекращения адвокатом своего процессуального статуса. Важно учитывать, что первоначальное поручение перестает быть определяющим фактором после принятия адвокатом защиты. В дальнейшем характер участия может корректироваться в связи с изменяющимися обстоятельствами дела. [5, с. 258–259].

Утрата юридической силы соглашения об оказании правовой помощи прекращает право адвоката выступать в качестве защитника. Основаниями для прекращения договора могут служить как взаимное соглашение сторон, так и существенные нарушения условий соглашения.

Изложенные положения свидетельствуют о том, что адвокатская деятельность включает не только правоустанавливающие (заключение договора) и правопрекращающие (расторжение, односторонний отказ) полномочия, но и обеспечительные механизмы, позволяющие требовать надлежащего исполнения обязательств от второй стороны соглашения. Запрещение адвокату отказываться

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Российская газета. – 2001. – 22 декабря.

² Разъяснение Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения пункта 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката. – <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/razyasnenie-kes-fpa-rf-po-voprosam-primeneniya-punkta-2-stati-13-kodeksa-professionalnoy-etiki-advok> (дата обращения: 12.05.2025)

³ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024) // Российская газета. – 2002. – 5 июня.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Российская газета. – 1994. – 8 декабря.

⁵ Разъяснение Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения пункта 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката. – <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/razyasnenie-kes-fpa-rf-po-voprosam-primeneniya-punkta-2-stati-13-kodeksa-professionalnoy-etiki-advok> (дата обращения 12.05.2025)

от выполнения принятой защиты не должно являться абсолютным, поскольку эти отношения возникают на основании гражданско-правового договора, который подчиняется нормам частного права. На основании установленных законом или договором причин, адвокат вправе расторгнуть договор, что по логике вещей должно влечь утрату статуса защитника, поскольку выполнение обязанностей защитника основано на этом соглашении.

Для лучшего понимания приведем пример. Если доверитель нарушает обязательство по оплате правовой помощи, предусмотренное соглашением, адвокат вправе расторгнуть соглашение либо отказаться от его исполнения в одностороннем порядке в случаях, предусмотренных самим соглашением. В этом случае речь не будет идти о недобросовестном отказе адвоката от выполнения своих обязательств, а о правомерном прекращении гражданско-правовых отношений (хотя бы эти отношения и осложнены публично-правовым элементом) вследствие нарушения условий со стороны доверителя. Оплата за оказание правовой помощи – это не добровольное пожелание клиента, а юридическая обязанность, вытекающая из соглашения, неисполнение которой является существенным нарушением договора.

Однако такое расторжение, а равно односторонний отказ от исполнения договора со стороны адвоката возможны только лишь в том случае, если это предусмотрено в условиях самого соглашения. Прекращение действия соглашения в подобных случаях следует квалифицировать не как отказ от защиты, а как законное прекращение действия гражданско-правового основания для ее осуществления [8, с. 108].

В этом контексте заслуживает особого внимания формулировка части 7 статьи 49 УПК РФ: «адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого»¹. При этом акцент стоит сделать на слове «принятой», которое указывает на добровольное согласие адвоката выполнять функцию защитника на определенных, заранее согласованных условиях. Применительно к вышеуказанному примеру, адвокат принимает поручение на защиту в рамках соглашения, где одним из ключевых условий являлась обязательная оплата его труда. Он не брал на себя обязательств работать безвозмездно или на иных, не предусмотренных соглашением условиях.

Таким образом, в случае существенного нарушения договора со стороны доверителя (в частности, неоплаты оказанной юридической помощи) адвокат вправе прекратить действие соглашения путем его расторжения или одностороннего отказа от исполнения обязательств, что влечет за собой утрату адвокатом процессуального статуса защитника по соглашению и прекращение соответствующих обязанностей по оказанию правовой помощи подзащитному. Однако подобное прекраще-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Российская газета. – 2001. – 22 декабря.

ние действия соглашения должно осуществляться в строгом соответствии с нормами действующего гражданского законодательства, а также положениями самого соглашения об оказании правовой помощи.

Данный подход согласуется с разъяснениями Комиссии по этике и стандартам Федеральной Палаты Адвокатов РФ, согласно которым соглашение о защите может предусматривать право адвоката отказаться от его исполнения в случае неуплаты вознаграждения. При этом подобное условие должно быть четко согласовано с доверителем и не нарушать его право на защиту².

В соответствии с частью 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат, принявший поручение на защиту в уголовном деле (независимо от того, было ли оно назначено или заключено по соглашению), обязан продолжать защиту до завершения процесса, включая стадию обжалования. При этом данная правовая норма указывает, что право на отказ от защиты возникает только в случаях, предусмотренных законом³. Стоит обратить внимание на важное замечание Конституционного Суда РФ о том, что приоритет норм Уголовно-процессуального кодекса РФ над иными федеральными законами не носит абсолютного характера. Данный приоритет действует исключительно в пределах специального предмета правового регулирования – уголовного судопроизводства. В этой связи положения УПК РФ (в частности ч. 7 ст. 49⁴) не подлежат расширительному толкованию без учета системной взаимосвязи с иными отраслями законодательства и нормами права⁵.

Законодательство не содержит перечня уважительных причин, по которым адвокат может отказаться от принятой на себя защиты. Это означает, что в каждом конкретном случае причины отказа подлежат индивидуальной оценке с учётом всех обстоятельств дела. Комиссия по этике Совета Федеральной палаты адвокатов России подчёркивает, что действия адвоката при прекращении участия в деле должны оцениваться с учётом конкретных

² Разъяснение Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения пункта 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката. – <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/razyasnenie-kes-fpa-rf-po-voprosam-primeneniya-punkta-2-stati-13-kodeksa-professionalnoy-etiki-advok> (дата обращения 12.05.2025)

³ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (с изменениями и дополнениями, утв. X Всероссийским съездом адвокатов 15 апреля 2021 г.) // Российская газета. 2003. № 4.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Российская газета. – 2001. – 22 декабря.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ No 13-П от 29 июня 2004 года «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.07.2020). URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29062004-n>.

обстоятельств. Важными факторами такой оценки являются: попытки разрешить конфликт с доверителем, заблаговременное уведомление о расторжении соглашения, а также меры, предпринятые для защиты прав подзащитного от возможного вреда¹. Адвокат обязан руководствоваться профессиональными стандартами – честностью, разумностью, добросовестностью и надлежащей квалификацией. Он также должен принять все необходимые меры для обеспечения непрерывности защиты: уведомить следственные органы или суд, передать материалы новому защитнику, содействовать его назначению. Невыполнение этих обязательств может повлечь дисциплинарную ответственность за нарушение норм профессиональной этики [2, с. 117].

Принуждение адвоката к продолжению защиты, особенно под угрозой возбуждения дисциплинарного или административного производства, вызывает как юридические, так и этические сомнения. Такое принуждение может существенно повлиять на качество предоставляемой помощи – вынужденная работа без вознаграждения не способствует эффективной защите. Кроме того, это нарушает права самого адвоката, который несёт прямые убытки, включая временные затраты и личные расходы [3, с. 25].

При таких обстоятельствах представляется необходимым законодательно закрепить право адвоката на отказ от осуществления принятой на себя защиты. При этом регулирование данного вопроса должно учитывать специфику договорных отношений между адвокатом и доверителем. Предлагается предоставить сторонам соглашения свободу определить в договоре перечень оснований, при наступлении которых адвокат вправе в одностороннем порядке отказаться от его исполнения.

Сохранение в УПК РФ права адвоката на отказ от защиты при расторжении соглашения об оказании правовой помощи или при законном одностороннем отказе от его исполнения представляется необходимым элементом процессуального регулирования. В этой связи возможно изменение редакции части 7 статьи 49 УПК РФ² следующим образом: «Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев расторжения соглашения либо одностороннего отказа от его исполнения в порядке, установленном законом».

Под таким порядком следует понимать, в том числе, договорные условия, предварительно согласованные сторонами, то есть адвокат вправе внести в соглашение определенный им перечень осно-

ваний, при наличии которых отказ адвоката будет считаться правомерным. Включение таких оснований в соглашение позволит учесть профессиональные и этические стандарты. Среди возможных оснований, которые стороны вправе предусмотреть в соглашении:

- Агрессивное, унижительное или угрожающее поведение подзащитного, в том числе угрозы в адрес участников процесса;
- Объективные жизненные обстоятельства, включая болезнь, отпуск, переезд, командировку;
- Нарушение условий соглашения о предоставлении юридической помощи, в частности отказ от оплаты услуг или компенсации дополнительных расходов;
- Утрата доверия к подзащитному, когда поведение последнего ставит под сомнение возможность дальнейшего сотрудничества;
- Требования со стороны подзащитного совершить незаконные действия [6].

Адвокатура представляет собой один из ключевых правовых институтов государства, обеспечивающий защиту прав и свобод граждан и их объединений, причем уверенность общества в правовой защищенности во многом зависит от степени её организованности и законодательного регулирования [9, с. 3]. Проблема отказа адвоката от осуществления защиты в уголовном процессе требует комплексного правового регулирования, учитывающего как публичные, так и частноправовые интересы. При этом обеспечение частноправового интереса должно оставаться в ведении самого адвоката, принимающего на себя защиту по соглашению, и только в его компетенции определить в соглашении перечень оснований для его расторжения, а равно одностороннего отказа от его исполнения со стороны адвоката. Публично-правовое регулирование указанного вопроса должно осуществляться в рамках предоставления адвокату права отказаться от принятой на себя защиты при условии правомерных действий в контексте гражданско-правового регулирования и при этом не ущемлять конституционное право граждан на защиту и получение квалифицированной правовой помощи.

Таким образом, предлагается закрепить в публично-правовых нормах право на правомерный отказ от принятой на себя защиты, при этом отдав вопрос о законности такого отказа в плоскость гражданско-правовых и договорных отношений между адвокатом и доверителем.

Литература

1. Абрамов, А.Б. Проблемы правоприменения ч. 7 ст. 49 УПК РФ: практическое пособие / А.Б. Абрамов, Л.О. Султангареев; Автономная Некоммерческая Организация «Научно-Правовой Центр» Школа практического права. – Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2021. – 36 с. EDN FCWWBX

¹ Разъяснение Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения пункта 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката. – <https://parf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/razyasnenie-kes-fpa-rf-po-voprosam-primeneniya-punkta-2-stati-13-kodeksa-professionalnoy-etiki-advok> (дата обращения 12.05.2025)

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Российская газета. – 2001. – 22 декабря.

2. Адвокатура и адвокатская деятельность: учебник для вузов / под редакцией А.А. Клишина, А.А. Шугаева. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 604 с.
3. Асрян, А.А. Проблемы правоприменения запрета на отказ адвоката от защиты / А.А. Асрян, И.Ю. Захарьящева // Аллея науки. – 2024. – Т. 3, № 5(92). – С. 24–28. EDN: BGBRPZ
4. Буфетова, М.Ш. Функции защиты в российском уголовном судопроизводстве / М.Ш. Буфетова, Н.Ю. Литвинцева; Байкальский государственный университет. – Иркутск: БГУ, 2022. – 174 с.
5. Конин, В.В. Алгоритм вступления адвоката в уголовный процесс по назначению: как избежать ситуации «двойной защиты» // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 256–262. DOI: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.004. EDN: FVZKLU
6. Леонтьев А. Д., Кудюрова С.С. Вправе ли адвокат-защитник отказаться от принятой на себя защиты (к вопросу о несправедливости действующего законодательства) // Актуальные исследования. 2022. № 18 (97). С. 82–89. EDN: TUMQUV
7. Михайлова, А.С. Некоторые аспекты проявления конвергенции частного и публичного права на примере современного правового регулирования нотариальной деятельности. Нотариус. 2017. № 1. С. 10–13. EDN: XXWZER
8. Рудич, В.В. Запрет на отказ адвоката от принятой на себя защиты, установленный ч. 7 ст. 49 УПК РФ: проблемы правоприменения // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 3. С. 104–116. DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-3-104-116 EDN JDSAFZ
9. Смоленский, М.Б. Адвокатская деятельность и адвокатура Российской Федерации. Серия «Высшее образование» – Ростов н/Д: «Феникс», 2004. – 256 с.
10. Ходилина, М.В. Правовая (защитительная) позиция адвоката-защитника (проблемы формирования и реализации) [Текст]: монография / М.В. Ходилина; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Центр правовых исслед., адвокатуры и доп. проф. образования Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Ин-т адвокатуры МГЮА им. О.Е. Кутафина. – Москва: Федеральная палата адвокатов, 2012. – 204 с.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LAWYER'S RIGHT TO TERMINATE THE AGREEMENT AND THE PRINCIPLE OF INADMISSIBILITY OF ABANDONING THE ASSUMED DEFENSE

Baryshnikova S.M., Kalimbet V.V.

Ural branch Russian State University of Justice of the V.M. Lebedev

The article is devoted to the analysis of the legality of the lawyer's refusal to perform the accepted function of protection in criminal proceedings. The purpose is a legal assessment of the limits of the lawyer's right to refuse to execute a legal assistance agreement and to find a balance between the public protection function and private legal obligations under the contract with the principal. The methodology includes general scientific (analysis, synthesis, etc.) and private scientific methods – formal legal and comparative legal. The legal nature of the agreement, its role in the emergence of the defender's status, as well as the conditions and consequences of its termination are considered. Special attention is paid to the interpretation of part 7 of Article 49 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author substantiates the need to consolidate in law the lawyer's right to refuse protection. It is proposed to supplement Part 7 of Article 49 of the Code of Criminal Procedure with a provision on the possibility of waiving protection upon termination of an agreement or unilateral refusal to execute it in accordance with the procedure established by law.

Keywords: lawyer, criminal proceedings, right to defense, agreement, qualified legal assistance, status of defender.

References

1. Abramov, A.B. Problems of Law Enforcement, Part 7, Article 49 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: A Practical Guide / A.B. Abramov, L.O. Sultangareev; Autonomous Non-Commercial Organization "Scientific and Legal Center" School of Practical Law. – Yekaterinburg: OOO "Publishing House of UMC UPI", 2021. – 36 p. EDN FCWWBX
2. Advocacy and Advocacy Activity: A Textbook for Universities / Edited by A.A. Klshin, A.A. Shugaev. – 3rd ed., corrected. and additional – Moscow: Publishing House Yurait, 2025. – 604 p.
3. Asryan, A.A. Problems of Enforcement of the Prohibition on a Lawyer's Refusal to Provide Defense / A.A. Asryan, I. Yu. Zakharyashcheva // Alley of Science. – 2024. – Vol. 3, No. 5 (92). – P. 24–28. EDN: BGBRPZ
4. Bufetova, M. Sh. Defense Functions in Russian Criminal Proceedings / M. Sh. Bufetova, N. Yu. Litvintseva; Baikal State University. – Irkutsk: BSU, 2022. – 174 p.
5. Konin, V.V. Algorithm for an Appointed Lawyer's Entry into Criminal Proceedings: How to Avoid a Situation of "Double Defense" // Penitentiary Science. 2024. Vol. 18, No. 3 (67). P. 256–262. DOI: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.004. EDN: FVZKLU
6. Leontyev A. D., Kudurova S.S. Does a defense attorney have the right to refuse the defense he has assumed (on the issue of the injustice of the current legislation) // Current research. 2022. No. 18 (97). Pp. 82–89. EDN: TUMQUV
7. Mikhailova, A.S. Some aspects of the manifestation of the convergence of private and public law on the example of modern legal regulation of notarial activity. Notary. 2017. No. 1. Pp. 10–13. EDN: XXWZER
8. Rudich, V.V. The prohibition on a lawyer's refusal to defend himself, established by Part 7 of Art. 49 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: problems of law enforcement // Legal Bulletin of Samara University. 2020. Vol. 6, No. 3. Pp. 104–116. DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-3-104-116 EDN JDSAFZ
9. Smolensky, M.B. Advocacy and Bar Association of the Russian Federation. Series "Higher Education" – Rostov n/D: "Phoenix", 2004. – 256 p.
10. Khodilina, M.V. Legal (defensive) position of a defense attorney (problems of formation and implementation) [Text]: monograph / M.V. Khodilina; Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation, Center for Legal Research, Advocacy and Additional Prof. formation of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation, Institute of Advocacy of the Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin. – Moscow: Federal Chamber of Advocates, 2012. – 204 p.

Проблемы и особенности установления сервитута на землях сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности

Берестов Николай Ильич,

аспирант кафедры земельного, природоресурсного, аграрного и экологического права, Государственный университет по землеустройству
E-mail: nicholaz@yandex.ru

Проблемы и особенности установление сервитутов на земельных участках сельского хозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности связаны в первую очередь с особым статусом таких земельных участков. Такие земельные участки используются для сохранения продовольственной безопасности страны, в том числе путем развития селекции растений, семеноводства в том числе за счет внедрения конкурентоспособных отечественных технологий, основанных на новейших достижениях науки. В российской Федерации огромная площадь земель сельскохозяйственного назначения, однако их использование для иных целей существенно негативно сказывается на национальных интересах государства. Установление сервитутов в отношении земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения должно быть рациональным и наименее обременительным для пользователя таких земельных участков.

Ключевые слова: земельные ресурсы, земельная политика, государственное управление, земельные отношения, сервитут, публичный сервитут.

Введение

История становления сервитута неразрывно связана с частной и государственной собственностью. Понятие сервитута впервые появилось в Римском праве. Земельный сервитут устанавливается в силу неблагоприятного пространственного расположения одного земельного участка по отношению к другому, как правило, смежному (например, при отсутствии доступа к путям общего пользования или водным ресурсам). Данный институт права призван обеспечивать реализацию прав собственника участка, испытывающего ограничения, за счет обременения соседнего участка. Сервитут, таким образом, является юридическим механизмом для компенсации ущемленных прав одного землевладельца по отношению к другому. Он направлен на устранение дисбаланса, вызванного географическими или иными особенностями расположения участков, что соответствует принципу справедливости и разумности, закрепленному в земельном законодательстве. Вместе с тем, сервитут почти всегда носит негативный эффект, поскольку у собственника, обремененного сервитутом земельного участка возникают обязанности, ограничивающие его права на использование такого земельного участка. Так изначально сервитуты использовались именно в сельской местности.

Земли сельскохозяйственного назначения находятся на особом месте в системе Российского законодательства и подлежат особой охране. Вместе с тем, установление сервитутов в отношении земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения обусловлено тем, что земли сельскохозяйственного назначения занимают обширные территориальные площади. Так в Российской Федерации по состоянию на 01.01.2024 общая площадь земель сельскохозяйственного назначения составляет 371 621,5 тыс. га (21,7%). При этом больше половины земель сельскохозяйственного назначения находятся в государственной или муниципальной собственности (приблизительно 66,3% от общей площади таких земель).

Таким образом особого внимания заслуживают особенности и проблематика, связанная с установлением сервитутов на земельных участках сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности.

Результаты исследований. Вещные права ограниченного пользования, в частности сервитуты, имеют существенное значение в регулировании

земельных правоотношений, что является особо актуальным для аграрного сектора. Данные права обеспечивают доступ к необходимым ресурсам и объектам инженерной инфраструктуры, оказывая позитивное влияние на продуктивность использования земель сельскохозяйственного назначения.

Однако оформление и практическое применение сервитутов на сельскохозяйственных угодьях связано с определенными юридическими сложностями, требующими внимательного анализа и правового регулирования.

Существенное противоречие возникает из-за столкновения между необходимостью обременения земельного участка сервитутом и его первоначальным предназначением. Земельное законодательство Российской Федерации регламентирует особые условия эксплуатации земель сельскохозяйственного назначения, ставя целью сохранение плодородия почв и обеспечение продовольственной независимости государства. Наложение сервитута способно ограничить спектр допустимого использования участка в соответствии с его целевым назначением, в частности, при проведении инженерных сетей или возведении дорожных объектов.

В свете вышеизложенного, актуальным становится вопрос гармонизации прав собственника земельного участка и лица, в чью пользу устанавливается сервитут, как это предусмотрено статьей 274 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Представляется необходимым формирование однозначных критериев, регламентирующих допустимые пределы ограничения использования сельскохозяйственных земель в контексте сервитута, что позволит свести к минимуму потенциальный ущерб для аграрного сектора экономики. Данный подход согласуется с принципами рационального использования земель, закрепленными в Земельном кодексе Российской Федерации.

Процедура установления сервитутов на земельные участки сельскохозяйственного назначения, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, регламентируется положениями как Гражданский кодекс Российской Федерации, так и Земельном кодексе Российской Федерации, а также федеральным законодательством, к примеру Федеральным законом от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения».

Понятие термина «сервитут» в законодательстве Российской Федерации закреплено в пункте 1 статьи 274 Гражданского кодекса Российской Федерации. Так сервитут – это право собственника объекта недвижимого имущества (земельного участка, иной недвижимости) требовать от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях и от собственника другого земельного участка (соседнего участка) предоставления права ограниченного пользования соседним участком.

В статье вышеуказанной статье Гражданского кодекса Российской Федерации установлены

цели сервитута, а именно обеспечение прохода и проезда через соседний участок, строительство, реконструкцию и (или) эксплуатацию линейных объектов, не препятствующих использованию земельного участка в соответствии с его разрешенным использованием, а также удовлетворение иных потребностей собственника недвижимого имущества, которые невозможно реализовать без установления сервитута.

Установление сервитута базируется на достижении соглашения между заинтересованной стороной и собственником соседнего земельного участка.

Пункт 3 статьи 274 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет исключения для обозначенного правила.

Достигнутое соглашение о сервитуте подлежит обязательной государственной регистрации в соответствии с нормами, установленными Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»). Данная регистрация обеспечивает юридическую силу и публичность установленного сервитута.

Согласно статье 23 Земельного кодекса Российской Федерации (пункт 1) установление сервитута регламентируется гражданским законодательством. Применительно к земельным участкам, находящимся в государственной или муниципальной собственности, учитываются особенности, определенные главой V.3 Земельного кодекса Российской Федерации.

Важно отметить, что статья 39.33 Земельного кодекса предусматривает случаи и основания для использования земель или земельных участков государственной или муниципальной собственности без установления сервитута.

В соответствии со статьей 39.23 Земельного кодекса Российской Федерации соглашение об установлении сервитута на земельном участке, принадлежащем государству или муниципалитету, заключается в случаях, предусмотренных гражданским законодательством, Земельным кодексом и иными федеральными законами.

Земельным законодательством Российской Федерации также установлены полномочия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области земельных отношений.

Статьей 39.2 Земельного кодекса Российской Федерации определено, что предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется исполнительным органом государственной власти или органом местного самоуправления в пределах их компетенции в соответствии со статьями 9–11 Земельного кодекса Российской Федерации.

В случае если земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности предоставлен на праве постоянного

(бессрочного) пользования или в аренду государственному или муниципальному унитарному предприятию, государственному или муниципальному учреждению, соглашение об установлении сервитута заключается при наличии согласия в письменной форме федерального органа исполнительной власти, исполнительного органа субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления, в ведении которых находятся эти предприятия, учреждения.

Принимая во внимание особую значимость земель сельскохозяйственного назначения для продовольственной безопасности Российской Федерации необходимо особенно тщательно рассматривать вопросы согласования установления сервитутов на землях сельскохозяйственного назначения.

Так например, в Министерство сельского хозяйства Российской Федерации обратилось подведомственное федеральное государственное бюджетное учреждение для согласования заключения соглашения об установлении сервитута с ООО «Ромашка» в отношении земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения для строительства подъездной дороги к складскому многофункциональному производственно-складскому комплексу.

В соответствии с Паспортом плодородия земельного участка от 26.12.2018 № ППЗУ-53, выданным Минсельхозпродом Московской области, 241,9 га (90,6%) площади планируемого к обременению земельного участка являются сельскохозяйственными угодьями (пашня – 85,9%, сенокосы – 1,6%, пастбища – 3,1%).

Рассмотрев, представленные документы Министерство сельского хозяйства Российской Федерации, руководствуясь анализом данных Публичной кадастровой карты Российской Федерации, а также общедоступных информационных ресурсов в сети «Интернет» в отношении смежного земельного участка, собственником которого является ООО «Ромашка» и в границах которого планируется строительство многофункционального производственно-складского комплекса, были выявлены иные пути доступа к данному земельному участку, а также тем фактом, что размещение подъездной дороги к многофункциональному производственно-складскому комплексу в границах земельного участка, предоставленного подведомственному Министерству сельского хозяйства Российской Федерации федеральному государственному бюджетному учреждению, повлечет за собой выбытие части сельскохозяйственных угодий, а также может привести к невозможности использования данного земельного участка в соответствии с уставными целями федерального государственного бюджетного учреждения, отказал в согласовании заключения соглашения об установлении сервитута.

Также было установлено, что согласно постановлению главы сельского поселения Лаговское Подольского муниципального района Московской

области от 27.02.2015 № 26 «Об установлении публичных сервитутов на земельных участках, фактически используемых для проезда автомобильного транспорта» в отношении земельного участка, предоставленного подведомственному Министерству сельского хозяйства Российской Федерации федеральному государственному бюджетному учреждению, установлен постоянный публичный сервитут для неограниченного круга лиц, позволяющий ООО «Ромашка» использовать свой земельный участок (проход, проезд).

Не согласившись с позицией Министерства сельского хозяйства Российской Федерации ООО «Ромашка» обратилось в арбитражный суд.

Судами первой и второй инстанции требования ООО «Ромашка» об установлении сервитута были удовлетворены. Вместе с тем, постановлением Арбитражного суда Московского округа по делу № А41–69162/2023 решения первой и второй инстанции были отменены.

При принятии соответствующего решения Арбитражный суд Московского округа указал, что согласно пункту 2 статьи 78 Земельного кодекса Российской Федерации использование земель сельскохозяйственного назначения или земельных участков в составе таких земель, предоставляемых на период осуществления строительства, реконструкции дорог, линий электропередачи, линий связи (в том числе линейно-кабельных сооружений), нефтепроводов, газопроводов и иных трубопроводов, и использование таких земельных участков и (или) земель в целях, указанных в подпунктах 1 и 6 статьи 39.37 Земельного кодекса Российской Федерации, на основании публичного сервитута осуществляется при наличии утвержденного проекта рекультивации таких земель для нужд сельского хозяйства без перевода земель сельскохозяйственного назначения в земли иных категорий.

Пунктом 4 статьи 78 Земельного кодекса Российской Федерации установлено, что земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, расположенные на расстоянии не более тридцати километров от границ сельских населенных пунктов, не могут использоваться для целей, не связанных с нуждами сельского хозяйства и сельскохозяйственным производством, за исключением строительства, реконструкции и эксплуатации линейных объектов в соответствии с пунктом 2 данной статьи и осуществления деятельности, предусмотренной пунктом 3 данной статьи.

С учетом того, что, как установлено судами, участок, принадлежащий на праве собственности Российской Федерации и относящийся к категории земель сельскохозяйственного назначения, частично использовался для проезда ООО «Ромашка», суды не исследовали и не установили обстоятельства того, является ли целью установления испрашиваемого сервитута именно размещение автомобильной дороги, то есть создание нового линейного объекта без учета наличия уже существующих проездов к участкам ООО «Ромашка», расположенных на земельном участке, предоставленном

федеральному государственному бюджетному учреждению, при котором применению подлежат положения статей 78 и 90 Земельного кодекса Российской Федерации или же в данном случае испрашивается сервитут в целях использования уже существующих на указанном участке проездов.

Таким образом, суд исходил из того что для строительства новой автомобильной дороги необходимо предоставление земельного участка для строительства такого объекта.

Еще одним видом сервитута, устанавливаемого в отношении земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения является публичный сервитут.

Согласно статье 23 Земельного кодекса Российской Федерации, публичный сервитут может быть установлен в отношении как одного, так и нескольких земельных участков, а также земель. Установление сервитута или публичного сервитута не влечет за собой лишение владельца земельного участка прав на владение, использование и распоряжение данным земельным участком.

В соответствии с положениями, закрепленными в пунктах 8 и 9 статьи 23 Земельного кодекса Российской Федерации, сервитут, в том числе и публичный, должен быть установлен и осуществляться таким образом, чтобы создать минимальные затруднения для использования земельного участка в соответствии с его целевым назначением и разрешенным видом использования. Это означает, что при установлении сервитута необходимо учитывать интересы владельца участка и стремиться к наименее обременительным условиям его реализации.

При этом необходимо учитывать тот факт, что установление публичного сервитута осуществляется независимо от формы собственности на земельный участок.

При установлении сервитута на сельскохозяйственных угодьях следует руководствоваться положениями пункта 9 статьи 23 Земельного кодекса Российской Федерации, который предписывает, чтобы установление сервитута, включая публичный, на сельскохозяйственных землях соответствовало принципам рационального использования земли. (Земельного кодекса Российской Федерации статья 23 пункт 9).

Данное требование обусловлено необходимостью обеспечения эффективного использования земель сельскохозяйственного назначения и предотвращения негативного воздействия сервитута на сельскохозяйственное производство. При определении условий сервитута следует учитывать цели и задачи рационального землепользования, установленные земельным законодательством (Федеральный закон от 16.07.1998 № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения»).

Установление сервитута, не соответствующего требованиям рационального землепользования,

может быть признано недействительным в судебном порядке.

Дополнительно, пункт 2 статьи 78 Земельного кодекса Российской Федерации устанавливает, что использование земель сельскохозяйственного назначения для строительства, реконструкции, ремонта и эксплуатации объектов, указанных в подпункте 1 статьи 39.37 Земельного кодекса Российской Федерации, на основании публичного сервитута, возможно только при наличии утвержденного проекта рекультивации этих земель.

Таким образом, Российское законодательство, регулирующее установление сервитутов (в том числе публичных), ставит во главу угла принцип рационального использования земель сельскохозяйственного назначения, преваляющий над непосредственными целями установления обременения. Другими словами, приоритет отдается сохранению продуктивности земель сельскохозяйственного назначения (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.11.2017 № 49 «О применении судами законодательства о сервитутах»). Это означает, что установление сервитута не должно приводить к ухудшению качественного состояния земель, снижению их плодородия или препятствовать их использованию по целевому назначению. При рассмотрении вопроса об установлении сервитута необходимо учитывать потенциальное воздействие на сельскохозяйственное производство, обеспечивая баланс интересов собственника земельного участка и лица, в пользу которого устанавливается сервитут (Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006 № 264-ФЗ).

Так определение по делу № А41–83261/2022, вынесенное Верховным Судом, содержит толкование норм Земельного кодекса, касающихся установления публичного сервитута. Предметом рассмотрения стало правомерность установления сервитута для прокладки газопровода через земельный участок, который одновременно относится к категории мелиорируемых земель и расположен в пределах особо ценных сельскохозяйственных угодий.

Судебное решение акцентирует внимание на особенностях правового режима таких земель и порядке установления ограничений прав собственников в целях обеспечения общественных нужд, связанных с прокладкой объектов инженерной инфраструктуры.

В дефиниции эксплицитно обозначены условия, которым должно удовлетворять постановление об учреждении публичного сервитута, включая мотивировку прохождения указанного сервитута исключительно в пределах границ данного земельного надела. При этом, как указано в земельном законодательстве, установление публичного сервитута должно быть соразмерно потребностям заинтересованной стороны и не создавать необоснованных препятствий для использования земельного участка. Необходимо также учитывать требования к обоснованию необходимости установления

сервитута именно в указанных границах, принимая во внимание возможные альтернативные варианты, а также обеспечения равновесия между имущественными правами владельца газопровода и общественным благом.

Таким образом, Верховный Суд уточнил порядок применения земельного законодательства при установлении публичных сервитутов в отношении земель, имеющих специальный правовой статус, таких как мелиорируемые земли в границах особо ценных сельскохозяйственных угодий.

Помимо вышеизложенного следует учитывать, что установление сервитута может негативно сказываться на объеме получаемого урожая, а также ограничивать возможности собственника в использовании земельного участка для наиболее прибыльных видов деятельности, таких как культивирование высокорентабельных растений или внедрение передовых агротехнологий.

При определении условий сервитута необходимо принимать во внимание специфику сельскохозяйственного производства, поскольку сроки начала работ по его установлению могут быть регламентированы периодами сельскохозяйственных кампаний, такими как учет посев или уборка урожая. Данное обстоятельство потенциально способно существенно увеличить продолжительность процедуры установления сервитута.

Как отмечает Е.А. Грудина, учет сельскохозяйственного цикла является важным фактором при установлении сервитутов на землях сельскохозяйственного назначения. Ограничения, связанные с проведением полевых работ, могут накладывать ограничения на сроки проведения работ по установлению сервитута, что следует учитывать при планировании и осуществлении данной процедуры.

Заключение

Рассмотрев основания установления сервитутов, законодательные особенности их установления на землях сельскохозяйственного назначения, а также судебную практику по делам об установлении сервитутов и публичных сервитутов в отношении земельных участков сельскохозяйственного назначения необходимо отметить, что использование земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения для установления сервитутов должно законодательно опираться на принципы, позволяющие минимизировать урон землям сельскохозяйственного назначения, оптимизировать их использование, а также рационализировать их обременение.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.10.2024) // [Электронный ресурс] // www.consultant.ru.

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // в ред. от 20.03.2025 // [Электронный ресурс] // www.consultant.ru.
3. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // в ред. от 10.03.2025 // [Электронный ресурс] // www.consultant.ru.
4. Афанасьев, И.В. Вещное право: сервитут: учебник для вузов / И.В. Афанасьев. – Москва: Юрайт, 2025. – 156 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-07368-3.
5. Грудина, Е.А. Анализ правовых коллизий при возникновении сервитутов на земельные участки сельскохозяйственного назначения / Е.А. Грудина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 11 (562). – С. 144–146. – URL: <https://moluch.ru/archive/562/123282/> (дата обращения: 20.05.2025).
6. Карачев, Д.Г. Земельный кодекс Российской Федерации с постатейной судебной практикой / Д.Г. Карачев, С.В. Кыласов. – Москва: АСТ; Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2008.
7. Николаева Анастасия Дмитриевна Проблемы правового регулирования ограниченного пользования чужим земельным участком: частный и публичный сервитуты // Научные записки молодых исследователей. 2021. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-ogranichennogo-polzovaniya-chuzhim-zemelnyim-uchastkom-chastnyy-i-publichnyy-servituty>
8. Шульга, И.В. Правовые позиции Верховного Суда РФ: учебное пособие для вузов / И.В. Шульга. – Москва: Юрайт, 2024. – 164 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-11559-8.
9. ВС разъяснил особенности установления публичного сервитута в границах особо ценных сельхозугодий. – Текст: электронный // Адвокатская газета Орган Федеральной палаты адвокатов РФ: [сайт]. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-razyasnil-osobennosti-ustanovleniya-publichnogo-servituta-v-granitsakh-osobo-tsennykh-selkhozugodiy/> (дата обращения: 20.05.2025).
10. Информационный обзор на тему: «Законодательное регулирование установления сервитута на землях сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности» – Текст: электронный // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации [сайт]. – URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/73a/s4ajsta059jh198ximprpr-3rlytt5r2.docx>

PROBLEMS AND FEATURES OF ESTABLISHING AN EASEMENT ON AGRICULTURAL LANDS OWNED BY THE STATE OR MUNICIPAL AUTHORITIES

Berestov N.I.
State University of Land Management

The problems and peculiarities of establishing easements on agricultural land plots owned by the state or municipal authorities are primarily related to the special status of such land plots. Such land plots are used to preserve the country's food security, including through the development of plant breeding and seed production, including through the introduction of competitive domestic technologies based on the latest scientific achievements. There is a huge area of agricultural land in the Russian Federation, but their use for other purposes has a significant negative impact on the national interests of the state. The establishment of easements in relation to land plots from agricultural lands should be rational and least burdensome for the user of such land plots.

Keywords: land, land resources, land policy, public administration, land relations, easement, public easement.

References

1. Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 № 51-FZ (as amended on 08.08.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 31.10.2024) // [Electronic resource] // www.consultant.ru.
2. Land Code of the Russian Federation of 25.10.2001 № 136-FZ //as amended on 20.03.2025// [Electronic resource] // www.consultant.ru.
3. Decree of the President of the Russian Federation of 21.01.2020 № 20 "On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation" //as amended on 10.03.2025 // [Electronic resource] // www.consultant.ru.
4. Afanasyev, I.V. Property law: easement: textbook for universities / I.V. Afanasyev. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 156 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-07368-3.
5. Grudinina, E.A. Analysis of legal collisions in the event of easements on agricultural land plots / E.A. Grudinina. – Text: direct // Young scientist. – 2025. – № 11 (562). – P. 144–146. – URL: <https://moluch.ru/archive/562/123282/> (date of access: 05/20/2025).
6. Karachev, D.G. Land Code of the Russian Federation with article-by-article judicial practice / D.G. Karachev, S.V. Kylasov. – Moscow: AST; Novosibirsk: Siberian University Publishing House, 2008.
7. Nikolaeva Anastasia Dmitrievna Problems of legal regulation of limited use of someone else's land plot: private and public easements // Scientific notes of young researchers. 2021. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-ogranichennogo-polzovaniya-chuzhim-zemelnym-uchastkom-chastnyy-i-publichnyy-servituty>
8. Shulga, I.V. Legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation: a textbook for universities / I.V. Shulga. – Moscow: Yurait, 2024. – 164 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-11559-8.
9. The Supreme Court explained the specifics of establishing a public easement within the boundaries of particularly valuable agricultural land. – Text: electronic // Advocate Newspaper Body of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation: [website]. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-razyasnil-osobennosti-ustanovleniya-publichnogo-servituta-v-granitsakh-osobo-tsennykh-selkhozugodiy/> (date of access: 20.05.2025).
10. Information review on the topic: "Legislative regulation of the establishment of easements on agricultural lands owned by the state or municipality" – Text: electronic // Ministry of Agriculture of the Russian Federation [website]. – URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/73a/s4ajsta059jh198ximprpr3rlyttn5r2.doc>

Волков Олег Евгеньевич,

аспирант, ЮИ СФУ (Юридический институт Сибирского федерального университета)
E-mail: o.e.volkoff@gmail.com

В статье проведен анализ полномочий Совета Федерации в общей структуре власти РФ. После распада Советского Союза и многочисленных поправок конституции российская система руководства сформировала уникальную структуру власти и механизм ее действия. В данном исследовании система руководства России подробно проанализирована с точки зрения разделения властей, а также рассмотрена политическая логика и исторические предпосылки деятельности Совета Федерации. Совет Федерации Российской Федерации – это верхняя палата российского парламента, провел свое первое заседание в январе 1994 года. За месяц до этого, 12 декабря 1993 года, российские граждане приняли на референдуме новую конституцию России, которая действует и по сей день. Конституция определяет основные задачи, права и обязанности органов государственной власти России. Совет Федерации является важным институтом среди органов государственной власти. Тем не менее, существует ряд проблем, связанных с ограничением полномочий Совета Федерации.

Ключевые слова: полномочия, Совет Федерации, разделение властей, президент, ограничения.

Введение

Федеральное Собрание состоит из Совета Федерации и Государственной Думы. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу и прямое действие, распространяется на всю территорию и должна соблюдаться всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами и гражданами. Такая структура правительства и разделение властей обеспечивают прочную основу для политической стабильности и верховенства закона в Российской Федерации.

Основной функционал любого парламента – законотворческая деятельность. Но бикамеральная структура его обычно приводит к пассивности верхней палаты ввиду инициативы и обсуждения происходят в нижней палате парламента. Задаче верхней палаты остается реципиент инициатив, одобренных нижней палатой.

Несмотря на то, что перечень специальных полномочий Совета Федерации достаточно внушительный и соответствует общемировым стандартам, на общенациональном уровне данный орган правления должен иметь более значительный объем полномочий, прежде всего в виде усиления контрольной функции.

Данная тема актуальна, что подтверждается интересом к ней исследователей. Место Совета Федерации в системе разделения властей и перспективы совершенствования порядка его формирования рассмотрено Д.А. Дресвяниным, А.А. Мирхольд, С.А. Сайбулаевой, В.М. Сайфутдиновой. Проблемы повышения эффективности законотворческой деятельности Совета Федерации охарактеризованы Н.В. Рубель, О.Ю. Кулагиной, Г.Г. Фастович, Я.А. Якубовой.

Цель и задачи исследования

Цель статьи – теоретически изучить полномочия Совета Федерации в общей структуре власти РФ.

Задачи:

1. Изучить литературу по теме исследования.
2. Охарактеризовать полномочия Совета Федерации.
3. Выявить особенности функционирования Совета Федерации в общей структуре государственной власти РФ.

Результаты исследования

Принцип разделения властей прямо закреплен в Конституции Российской Федерации, обеспечивающей взаимную независимость и согласованную

работу органов государственной власти. Разделение властей – это теория структуры государственной власти и распределения властных ресурсов. Она утверждает, что власть должна быть разделена на три ветви, а именно законодательную, исполнительную и судебную. Такое разделение должно вести к системе, где ветви власти сдерживают и уравновешивают друг друга. Система разделения властей существует во многих странах, но её реализация может весьма сильно варьироваться [10], включая не только аспект модели такой реализации, но и качественный аспект. После распада Советского Союза Российская Федерация выбрала республиканскую форму правления и попыталась реализовать разделение властей. Сейчас законодательная, судебная и исполнительная власть формально разделены, и предполагается, что они ограничивают и уравновешивают друг друга [4]. Поскольку РФ обозначена в Конституции РФ как федеративное государство, в ней реализуется принцип федерализма, отражающий единство национальных особенностей Российской Федерации, состоящей из субъектов федерации. Каждый субъект федерации пользуется определенной автономией, но подчинен федеральному законодательству.

Вопрос полномочий Совета Федерации не в последнюю очередь отражается в его законодательных и контрольных функциях. Совет Федерации играет важную роль в законодательном процессе. Согласно Конституции Российской Федерации, Совет Федерации и Государственная Дума совместно принимают законы. В то время как Государственная Дума является в настоящий момент основной площадкой для правовых дискуссий по поводу законодательных инициатив и принимает федеральные законы, представляя население РФ, Совет Федерации – помимо прочего – одобряет или отклоняет законы, уже принятые Государственной Думой, представляя в чистом виде интересы субъектов РФ, по крайней мере до учреждения института федеральных сенаторов. Предполагается, что такое распределение полномочий обеспечивает прозрачность и демократичность законодательного процесса.

Законодательные компетенции Совета Федерации определяют его место в системе государственного управления в целом и законотворчества, в частности. Структура законотворческого процесса предполагает распределение между двумя палатами российского парламента функциональных ролей, в соответствии с которым Совет Федерации одобряет или отклоняет законопроект, который принят ранее нижней палатой.

Одобрение или отклонение законодательного акта регламентируется ч. 3. ст. 105 Конституции РФ. Для решения данного вопроса устанавливается срок в 14 дней (две недели), истечение которого означает автоматическое одобрение законопроекта верхней палатой (ч. 4. ст. 105 Конституции РФ). То есть, для Совета Федерации предусмотрены две формы одобрения – активная и пассивная. Пассивная форма предусматривает исключения (ст. 106

Конституции РФ) – вопросы финансового, бюджетного, налогового, монетарного, таможенного законодательства, решения вопросов о войне и мире, международных договорах и государственной границе России. Решение данных вопросов требует принятия решения Советом Федерации в активной форме [1].

Стоит отметить, что хотя принятые Госдумой законы обычно требуют рассмотрения в Совете Федерации, если они не будут рассмотрены в течение двух недель, закон может быть отправлен на подпись непосредственно президенту без дополнительного шага верхней палаты [5]. Лишь после прохождения всех стадий законодательного процесса законопроект, будучи подписанным главой государства, официально опубликованным и вступившим в силу, становится законом в подлинном смысле этого слова.

Совет Федерации наделен полномочиями преодоления президентского вето, наложенного на одобренный законопроект (ч. 3. ст. 107 Конституции РФ). Данный процесс предполагает повторное рассмотрение законопроекта двумя палатами парламента с последующим принятием и одобрением квалифицированным большинством голосов. Таким образом, парламента может преодолеть вето главы государства, наложенное на федеральный закон. Повторное рассмотрение может сопровождаться созданием специальной комиссии при участии депутации от обеих палат российского парламента (ст. 120.1 Регламента) [3].

Важно отметить различия полномочий Совета Федерации в процессе одобрения ординарного федерального закона и федерального конституционного закона. Система одобрения конституционного закона требует три четверти голосов сенаторов. Принятие федерального конституционного закона происходит при наличии двух третей голосов депутатов Государственной Думы. Таким образом, для одобрения данного нормативно-правового акта требуется большая доля голосов сенаторов, чем голосов депутатов [12].

О значимой роли Совета Федерации говорит и наличие таких полномочий, как рассмотрение закона о поправках к Конституции РФ. Данный процесс регламентирует Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» [2], в котором указано о необходимости рассмотрения поправок верхней палатой. С этой целью в структуре Совета Федерации функционирует профильный Комитет по конституционному законодательству и государственному строительству.

Обязанности Совета Федерации не ограничиваются законодательством; он также участвует в важных национальных делах, таких как утверждение изменений территориальных границ и президентских объявлений о военном положении. Кроме того, использование российских вооруженных сил за рубежом также требует решения Совета Федерации. Назначения и увольнения высших государственных кадров являются одной из обязан-

ностей Совета Федерации. По представлению Президента верхняя палата назначает судей, высших должностных лиц Счетной палаты [7].

Совет Федерации также несет ответственность за контроль работы правительства. Он имеет право оценивать действия правительства и обеспечивать соответствие деятельности правительства положениям Конституции и законов. Этот механизм надзора помогает защитить верховенство закона и демократическую систему страны и гарантирует, что решения и действия правительства отвечают общественным интересам.

Заключение

Таким образом, роль Совета Федерации в законодательном процессе связана с принятием и одобрением конституционных, ординарных, законов о поправках к Конституции РФ. Основная часть законодательного функционала принадлежит Государственной Думе, Совет Федерации выступает лишь реципиентом ранее принятых нижней палатой законодательных решений. Но при голосовании за федеральный конституционный закон Совет Федерации получает заметное первенство в законодательном процессе в соответствии с числом необходимых голосов.

Полномочия Совета Федерации как верхней палаты парламента определяется ее участием в законодательном процессе, в процессе формирования органов государственной власти, а также в решении общегосударственных вопросов. Анализ полномочий Совета Федерации позволяет констатировать «усеченный» характер ее роли во многих процедурах государственного управления в сравнении с Государственной Думой или Президентом Российской Федерации. В законодательном процессе Совет Федерации во многом вступает реципиентом ранее принятых нижней палатой законодательных решений. Особая роль верхней палаты парламента проявляется только при голосовании за федеральный конституционный закон, когда для положительного решения требуется превосходящее квалифицированное большинство голосов (три четверти голосов сенаторов против двух третей голосов депутатов нижней палаты).

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ (в ред. от 13 июня 2023 г.) «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление СФ ФС РФ от 30 января 2002 г. № 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 18 февраля 2002 г. № 7. Ст. 635.
4. Давыдова М.Л. Законодательские риски и проблема стабильности законодательства // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 155–160.
5. Дресвянин Д.А. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: место в системе разделения властей и перспективы совершенствования порядка формирования // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 147–169.
6. Миерхольд А.А. Конституционная эволюция порядка формирования и полномочий Совета Федерации Федерального Собрания РФ // LEX RUSSICA. 2018. № 11. С. 134–144.
7. Рубель Н.В., Кулагина О.Ю., Фастович Г.Г. Проблемы повышения эффективности законодательной деятельности Совета Федерации // Вестник науки. 2018. № 7 (7) том 3. С. 172–177.
8. Сайбулаева С.А. Парламент Российской Федерации: эволюция организации и функционирования // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 12. С. 65–68.
9. Сайфутдинова В.М. Конституционно – правовые полномочия Совета Федерации в свете статьи 102 Конституции Российской Федерации // Правовое государство: теория и практик. 2014. № 3 (37). С. 84–86.
10. Сайфутдинова В.М. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: специфика и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8 (81). С. 34–42.
11. Чепурнова Н. М., Степанян С.А. Совет Федерации Федерального Собрания в системе разделения властей // Закон и право. 2020. № 7. С. 15–21.
12. Якубова Я.А. Порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: перспективы // Молодой ученый. 2024. № 4 (503). С. 374–376.

ANALYSIS OF THE POWERS OF THE FEDERATION COUNCIL IN THE GENERAL STRUCTURE OF GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Volkov O.E.

SFU Law Institute (Law Institute of the Siberian Federal University)

The article contains an analysis of the powers of the Federation Council in the general structure of government in the Russian Federation. After the collapse of the Soviet Union and numerous amendments to the constitution, the Russian system of government formed a unique structure of power and the mechanism of its action. In this study, the system of government in Russia is analyzed in detail from the point of view of the separation of powers, and the political logic and historical background of the activities of the Federation Council are considered. The Federation Council of the Russian Federation is the upper house of the Russian parliament, held its first meeting in January 1994. A month before that, on December 12, 1993, Russian citizens adopted a new constitution of Russia in a referendum, which is still in force today. The Constitution defines the main tasks, rights and responsibilities of the bodies of state power in Russia. The Federation Council is an important institution among the bodies of state power. However, there are a number of problems associated with the limitation of the powers of the Federation Council.

Keywords: powers, Federation Council, separation of powers, president, restrictions.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS "ConsultantPlus".
2. Federal Law of March 4, 1998 No. 33-FZ (as amended on June 13, 2023) "On the procedure for the adoption and entry into force of amendments to the Constitution of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
3. Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of January 30, 2002 No. 33-SF "On the Rules of Procedure of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. February 18, 2002 No. 7. Art. 635.
4. Davydova M.L. Legislative risks and the problem of legislative stability // Legal technique. 2019. No. 13. P. 155–160.
5. Dresvyanin D.A. The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: place in the system of separation of powers and prospects for improving the formation procedure // Issues of Russian Justice. 2021. No. 11. P. 147–169.
6. Mierhold A.A. Constitutional evolution of the procedure for the formation and powers of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation // LEX RUSSICA. 2018. No. 11. P. 134–144.
7. Rubel N.V., Kulagina O.Yu., Fastovich G.G. Problems of increasing the efficiency of legislative activity of the Federation Council // Bulletin of Science. 2018. No. 7 (7), Volume 3. P. 172–177.
8. Saibulaeva S.A. Parliament of the Russian Federation: Evolution of Organization and Functioning // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 12. P. 65–68.
9. Saifutdinova V.M. Constitutional and Legal Powers of the Federation Council in Light of Article 102 of the Constitution of the Russian Federation // Rule of Law: Theory and Practice. 2014. No. 3 (37). P. 84–86.
10. Saifutdinova V.M. Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: Specifics and Prospects // Actual Problems of Russian Law. 2017. No. 8 (81). P. 34–42.
11. Chepurnova N. M., Stepanyan S.A. The Federation Council of the Federal Assembly in the system of separation of powers // Law and Right. 2020. No. 7. Pp. 15–21.
12. Yakubova Ya.A. The procedure for forming the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: prospects // Young scientist. 2024. No. 4 (503). Pp. 374–376.

Из опыта цифровизации парламентской деятельности в РФ и межпарламентского сотрудничества

Давлетшина Наталья Викторовна,

к.и.н., доцент кафедры ЗР и ВП, Института международных отношений и политических наук РГГУ

В статье предпринята попытка на примерах деятельности законодательных органов разных стран, в том числе РФ, рассмотреть важнейшие направления и перспективы цифровизации парламентаризма, как важного стратегического ресурса государств. Проанализированы шаги по внедрению IT-инструментов в законодательной деятельности РФ в рамках реализации программы ГАС «Законотворчество» и проведено сравнение с парламентами других стран по данным «The World e-Parliament Report 2008», докладу, созданному на основе ответов 105 палат из 89 стран на анкету, разосланную парламентариям 263 палат однопалатных и двухпалатных парламентов 188 государств. Так в период с 2018 по 2020 гг. более, чем в 65% парламентах были созданы виртуальные или гибридные комитеты, возможности которых использовались при подготовке заседаний, 33% парламентах имели возможность проводить пленарные заседания либо виртуально, либо в гибридных режимах. Были разработаны правила удаленной работы, деятельность парламента стала более гибкой. Выросли парламентские бюджеты, выделяемые на ИКТ. В 2019 году на эти цели во многих парламентах выделялось более 9% бюджетных средств, тогда как количество парламентах, тратящих на эти цели около 1% сократилось с 23% в 2012 г. до 16% в 2019 г. В 20% парламентах поощрялись инновации в IT, дополнительные средства на IT выделялись 59% парламентах. А в 35 парламентах хотя бы один человек официально занимался развитием инноваций. То есть, опыт, приобретенный парламентами в период пандемии свидетельствует, что 55% парламентах могли безболезненно работать удаленно. Переход от физической среды к цифровой будет и в дальнейшем существенно влиять на работу парламентах. В этот же период российским законодательным органам удалось расширить межпарламентское сотрудничество, которое, к сожалению, в значительной степени было прервано после февраля 2022 года. И хотя существенно изменилась география межпарламентского сотрудничества, страны так называемого «коллективного запада» в любой момент могут восстановить прерванные связи и вернуться к диалогу с Россией, поскольку двери межпарламентского сотрудничества открыты.

Ключевые слова: ГАС «Законотворчество»; электронная демократия; правила удаленной работы; цифровизация парламентской деятельности; межпарламентское сотрудничество; виртуальные или гибридные комитеты законодательных органов власти; парламентские бюджеты, выделяемые на ИКТ; Е-Парламент.

Совершенно очевидно, что сегодня информация – это ресурс стратегический и значит необходимы эффективные и гибкие механизмы деятельности в данном направлении. Государство, будучи во многом координатором перемен, происходящих в стране, должно обеспечивать информационно-технологически инструменты, позволяющие поддерживать эффективный диалог в цепочке «государство – общество – гражданин». Экстремальная ситуация, связанная с пандемией Covid-19 заставила принципиально иначе посмотреть на использование привычных методов работы как исполнительной, так и законодательной власти, которые по понятным причинам были ограничены в своих действиях. В связи с этим правительства по всему миру вынуждены были предпринимать меры по ускоренному внедрению инноваций и оцифровке своей деятельности, трансформированию методов работы с упором на диджитал¹. Создавались условия для перехода к гибридной и(или) удаленной работе, что для органов власти способствовало расширению прозрачности и подотчетности деятельности власти. В данном случае мы попытались на примерах деятельности законодательных органов разных стран рассмотреть важнейшие направления цифровизации парламентаризма и, как следствие, возможно, более эффективную их деятельность.

Данная проблема достаточно давно находит отражение в научной литературе разных стран. Где-то с середины 80-х годов XX века достаточно часто стали появляться статьи и монографии, посвященные проблемам электронного парламентаризма, электронного правительства, а также других различным аспектам электронной демократии. Считается, что данный тренд был задан японским футурологом Ёнэдзи Масудой, предположившим в своих работах, что информационные технологии будут способствовать формированию демократии участия и совместного использования информации. Возникает термин «демократия участия», то есть возможность читать позиции различных слоев населения за счет расширения коммуникационных возможностей в сфере социального управления, что и приведет к «политике участия граждан, политике, при которой управление будет осуществляться самими гражданами»². Т.П. Воронина подчеркивает, что идеи доступа граждан к государственной информации в современных демо-

¹ Digital – от «digit» (цифра). В данном контексте мы будем использовать данное понятие, как цифровая среда.

² Masuda, I. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, 1981. P. 10.

кратиях можно считать основой гражданского общества нового типа¹. А использование технических возможностей Интернета могут обеспечить «прямое общение граждан и государства»². В этом же ракурсе рассуждал и А. Этциони, используя термин «теледемократия»³, говоря об их воздействии на принципы демократического устройства и предсказывая, что управленческие функции от профессиональных политиков перейдут к общинам. Так в литературе делался акцент на том, что с помощью Интернета гораздо можно шире использовать самоуправление граждан и минимизировать при этом участия профессиональных политиков. Например, Л.В. Сморгунов отмечал, что расширение использования Интернета «превратит иерархическую структуру традиционного государства в сеть автономных агентств»⁴. На наш взгляд, важно подчеркнуть, что опыт электронного правительства представлен в литературе значительно шире, чем деятельность парламентская, хотя законодательная власть представлена избранными представителями и должна, в принципе, более пристально контролироваться избирателями.

Когда в литературе речь идет об электронном правительстве, то предполагается, что имеется в виду форма организации деятельности органов публичной власти, отличительной чертой которой является применение технологий электронного обмена и обработки информации в секторе государственного управления. Хотя постепенно менялись подходы ко взаимодействию между различными властными ведомствами и к диалогу с пользователями государственных услуг, вносились и вносятся определенные коррективы в зависимости от типа политических систем. Но при этом подходы к электронному правительству даже у таких разных государств, как США, Китай или РФ не отличаются кардинально, что связано с тем, что все они исходили из единой методологии, разработанной, в свое время, ООН. Да, безусловно, имеются определенные национальные особенности, но в структурах E-Government больше общего, чем отличного, что достаточно четко прослеживается при мониторинге правительств 193 государств⁵. E-Government – это достаточно широкий доступ к официальной информации и государственным услугам, возможность использовать государственными структурами технологий, приложений для инновационной деятельности в масштабах страны. Результата можно достичь за счет использования структурированной и неструктурированной информации, digital си-

стем и организации информации и ее представления пользователям. А также можно использовать информационно-центричный метод, когда определенным образом размеченную и структурированную информацию можно соотносить с подтвержденными метаданными. А значит ИТ технологии позволяют электронное правительство позиционировать как важнейший социально значимый вопрос, как в ретроспективе, так и в перспективе⁶.

В Российской Федерации создан комплекс интерактивных коммуникаций между госструктурами и гражданами для предоставления государственных услуг в электронном виде. Использование новых возможностей позволило сделать процесс государственного управления более удобным для граждан. И хотя в РФ создание электронного правительства началось много позже ряда других государств, достаточно быстро удалось реализовать принцип «одного окна» для предоставления документов и информации, необходимой гражданам. Следует подчеркнуть, что «преимущество МФЦ состоит в том, что они берут на себя все проблемы по межведомственному взаимодействию при получении гражданами государственных и муниципальных услуг»⁷. Это принципиально важно для нашей страны, хотя в отечественной литературе эта практика не только должным образом не раскрывается, но и не осмысливается⁸. Необходимо отметить, что если электронное правительство достаточно широко анализируется в литературе, то электронная парламентская деятельность и особенно межпарламентское взаимодействие проанализировано недостаточно.

Что касается собственно создания и функционирования электронного парламента, то эта задача в настоящее время осуществлена не в полной мере, несмотря на то, что в 2002–2010 гг. в ходе реализации Федеральной целевой программы «Электронная Россия», а позже с 2011 г. Стратегии развития информационного общества в России и Государственной информационной программы РФ «Информационное общество 2011–2020 гг.». В указанный период много было сделано по внедрению различного рода ИТ-инструментов в законодательной деятельности РФ, в частности реализованы проекты в рамках программы ГАС «Законотворчество», но тем ни менее этот процесс все еще не завершен. Хотя нельзя не отметить, что параллельно с созданием электронного парламента принимались законы и нормативные правовые акты, направленные на защиту информации – N 149-

¹ Воронина, Т.П. Информационное общество: сущность, черты, проблемы. М., 1995)

² Corrado, A. Elections in Cyberspace: Towards a New Era in American Politics / A. Corrado, C. Firestone. Washington, 1996

³ Eizioni, A. The Spirit of Community: Rights, Responsibilities and the Communitarian Agenda. N. Y., 1993

⁴ Сморгунов, Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3

⁵ United Nations E-Government Survey 2016: E-Government in Support of Sustainable Development. P. 157. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-GovernmentSurvey-2016>

⁶ United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf

⁷ Мироненко Н.В. Многофункциональные центры как модель сетевого партнерства предоставления государственных и муниципальных услуг // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск N 33. Август 2012 г.

⁸ Бондаренко С.В. Особенности формирования научно-го дискурса изучения «электронного правительства» / Многоликий дискурс: монография. Под общ. ред. В.Е. Хвощева и М.А. Малышева. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, Изд-во НОЦ «КПОН», – 2012. – С. 315–327.

ФЗ от 27 июля 2006 года¹, «Об электронной подписи» N 63-ФЗ, от 6 апреля 2011 года² и «О персональных данных» N 152-ФЗ 7 июля 2006 года³ и ряд других. А в 2010–2011 годах началась работа по созданию Стратегии развития информационного общества в России и Государственной информационной программы РФ «Информационное общество 2011–2020 гг.». Целью разработки данных документов было получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий⁴. Эти шаги предусматривали создание возможностей равного доступа к информационным ресурсам, формирование широчайшего цифрового контента, что должно было привести к существенному повышению эффективности государственного управления при обеспечении безопасности информационного пространства. Акцент делался на подготовку и принятие решений и на электронное голосование. В частности, в Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года предусматривались следующие инструменты электронной демократии: «электронное голосование», сетевые коммуникации и коллективное обсуждение значимых проблем в режиме on-line; формирование онлайн-сообществ; сетевая коммуникация граждан с органами власти и механизмы общественного онлайн-управления на муниципальном уровне. Интересно также и то, что важным аспектом Концепции развития в РФ механизмов электронной демократии до 2020 года было создание нового уровня взаимодействия граждан друг с другом за счет электронной демократии. То есть, Концепция предусматривала активность граждан за счет электронного взаимодействия с органами власти, эффективность и скорость публичного взаимодействия граждан с органами власти и другими субъектами; формирование культуры сетевой коммуникации; самоорганизацию граждан и применение информационно-коммуникационных технологий в сфере общественно-политической деятельности⁵. И параллельно совершенствовалось законодательство в сфере электронных инструментов системы управления и самой системы законодательства. И этот процесс продолжается до настоящего времени. Здесь целесообразно как отдельные вехи выделить следующие документы: Указ № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» от 5 де-

¹ N 149-ФЗ от 27 июля 2006 года «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

² http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/

³ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/

⁴ Голева Е. В. Технология «Электронное правительство» как форма проявления электронной демократии в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 1. С. 27–30

⁵ Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года (проект) / Сайт «Модератор». – URL: <http://mosmediator.narod.ru/index/0–2265>.

кабря 2016 г.⁶; Указ № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» от 9 мая 2017 г.⁷; Указ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г.⁸ То есть, можно с уверенностью говорить о том, что процесс расширения использования IT технологий шел непрерывно, хотя и с разной интенсивностью. Внедрение электронного парламента способствовало, с одной стороны, участию граждан и организаций гражданского общества в законотворчестве, а, с другой, – выявлению потребностей в правовом регулировании определенных общественных отношений. Появилось больше возможностей планирования законопроектной работы и разработки законопроектов до его внесения и рассмотрения в законодательном органе.

Важно подчеркнуть, что парламенты многих стран внедряли подобные системы. Это можно проследить по данным «The World e-Parliament Report 2008»⁹ – одному из первых исследований в этой области, подготовленному Департаментом ООН по экономике и социальным отношениям (United Nations Department of Economic and Social Affairs), Межпарламентским союзом (Inter-Parliamentary Union) и Глобальным центром исследований применения ИКТ в парламентах (Global Centre for ICT in Parliament). Доклад был создан на основе ответов на анкету, разосланную парламентариям 263 палат однопалатных и двухпалатных парламентов 188 государств. Были получены ответы от 105

палат из 89 стран. Также региональный законодательный орган Европы тоже участвовал в опросе и представил свои ответы. Большинство участников анкетирования подчеркивали, что возможности ИКТ активно используются парламентами, но методы следует делать более эффективными, подотчетными и прозрачными.

В РФ электронный парламент начал внедряться с октября 2011 года после того, как

на заседании Президиума Совета при Президенте РФ по развитию информационного общества в Российской Федерации был одобрен проект концепции формирования электронного парламента до 2015 года¹⁰. И в Государственной Думе поэтапно начал реализовываться комплекс мер по развитию информационно-технологической и телекоммуникационной инфраструктуры ГАС «Законотворчество». Создавался открытый инструмент – открытыми были этапы планирования и реализации проектов, обсуждения, возможность критики и т.д. Планировалось использовать интеллектуальный краудсорсинг, привлекались другие площадки, как например, экспертная сеть по вопросам государственно-

⁶ <https://base.garant.ru/71556224/>

⁷ <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>

⁸ <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

⁹ <file:///Users/nataladavletsina/Downloads/wep2008-e.pdf>

¹⁰ <https://digital.gov.ru/ru/events/29086/альных>

го управления. Активно изучался и использовался международный опыт. Сегодня ни у кого не вызывает удивление возможность смотреть заседания федеральных законодательных органов «живьем или использовать значительное количество материалов онлайн, без труда найти парламентария за которого ты голосовал, задать ему вопрос или обратиться с петицией, участвовать в подготовке экспертных оценок законопроекта и т.д. По зарубежному опыту российские парламентарии учились популяризировать свою работу в социальных сетях. Изменился способ работы парламентов: практика удаленной работы, большая задействованность облачных инструментов и цифровых решений сделали ИКТ центральными инструментами работы парламентариев. К концу 2020 года 65% парламентов имели виртуальные или гибридные комитеты, возможности которых использовались при подготовке заседаний, а 33% парламентов имели возможность проводить пленарные заседания либо виртуально, либо в гибридных режимах. Ускоренными темпами продвигалась парламентская модернизация, широко использовались программы модернизации, позволяющие парламентам быстрее принимать решения. Были разработаны правила удаленной работы, деятельность парламентов стала более гибкой. Росли парламентские бюджеты, выделяемые на ИКТ. В 2019 году на эти цели во многих парламентах выделялось более 9% бюджетных средств, тогда как парламентов, тратящих на эти цели около 1% сократилось с 23% в 2012 г. до 16% в 2019 г. Интересными нам видятся следующие показатели – в 20% парламентов поощрялись инновации в IT, дополнительные средства на IT выделялись 59% парламентами. А в 35 парламентах хотя бы один человек официально занимался развитием инноваций в парламенте. Таким образом, опыт, приобретенный парламентами в период пандемии свидетельствует, что 55% парламентов могут на сегодняшний день безболезненно работать удаленно, а в 69% парламентах считают, что их аппараты могут работать удаленно. Исходя из этих выводов целесообразно отметить, что уже сегодня переход от физической среды к цифровой будет существенно влиять на работу парламентов. Более того в этот же период нашим федеральным законодательным органам удалось расширить межпарламентское сотрудничество, к сожалению, в значительной степени прерванное после февраля 2022 года. Сегодня существенно изменилась география межпарламентского сотрудничества. Ну а страны так называемого «коллективного запада» в любой момент могут восстановить прерванные связи и вернуться к диалогу с Россией, поскольку мы не перед кем не закрывали двери межпарламентского сотрудничества. Также опыт деятельности государственных исполнительных и законодательных структур в условиях пандемии отчетливо продемонстрировал, что парламенты, вложившие средства в удаленный доступ и облачные решения до пандемии, имели серьезные преимущества. И данный тренд имеет тенденцию только ускоряться, поскольку, когда речь идет о digital

понятия статичности практически не существует. Это всегда динамичное развитие и речь можно вести о скорости, причем в категориях высокая очень высокая. Нам необходимо четкое понимание этих трендов и максимально активного их использования. И, наконец, хотелось бы подчеркнуть, что федеральные законодательные органы РФ, в частности, Совет Федерации ведет очень активную деятельность по взаимодействию с парламентами зарубежных государств как на многосторонней, так и на двусторонней основе. Среди них Парламентская Ассамблея Организации Договора о коллективной безопасности (ПА ОДКБ), Межпарламентский союз (МПС), Азиатско-Тихоокеанский парламентский форум (АТПФ), Азиатская парламентская ассамблея (АПА), Центральноамериканский парламент (ПАРЛАСЕН), Межпарламентская ассамблея АСЕАН (АИПА), Парламентское измерение БРИКС. В частности, например, в АТПФ полноправными членами является 28 стран, среди которых Австралия, Вьетнам, Индонезия, Канада, Камбоджа, Китай, Колумбия, Коста-Рика, Лаос, Малайзия, Маршалловы острова, Мексика, Монголия, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, Перу, Республика Корея, Сингапур, США, Таиланд, Фиджи, Филиппины, Чили, Эквадор, Япония. Россия – постоянный член организации с 1993 года. За это время наша страна дважды выступала организатором пленарных сессий (15-й в Москве в 2007 г. и 21-й во Владивостоке в 2013 г.). Деятельность АТПФ осуществляется как в очном, так и в виртуальном форматах. Российская Федерация достаточно часто инициирует обсуждение различных вопросов и принятие решений по ним. Это и вопросы укрепления регионального мультилатерализма, экономического сотрудничества, углубление культурного разнообразия в АТР, продвижение гендерной повестки и т.д. Большую работу российский парламент осуществляет в рамках сотрудничества с ПАРЛАСЕН, на площадке которой регулярно организуются форумы по региональной и глобальной повестки дня, в числе которых международная информационная безопасность, мирный космос и др. Остается только сожалеть, что до сегодняшнего дня межпарламентское взаимодействие недостаточно активно освещается в литературе. Эта проблематика еще ждет своих исследователей.

Литература

1. Corrado, A. Elections in Cyberspace: Towards a New Era in American Politics / A. Corrado, C. Firestone. Washington, 1996
2. Eizioni, A. The Spirit of Community: Rights, Responsibilities and the Communitarian Agenda. N. Y., 1993
3. Masuda, I. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, 1981. P. 10.
4. Абрамова Д.С. Электронная демократия в России: проблемы политической коммуникации // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/01/2145>

5. Белов В.Г. Электронная демократия в современной России // Ценности и смыслы. 2012. № 4 (20). 129–138.
6. Бобров А.М. Еще раз к вопросу об определении понятий «Электронная демократия» и «Электронное правительство» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2009. № 2. С. 26–36.
7. Голева Е.В. Технология «Электронное правительство» как форма проявления электронной демократии в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 1. С. 27–30.
8. Дятлов С.А. «Электронное правительство»: понятие, структура, функции // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: труды V Всероссийской объединенной конференции. СПб., 25–29 ноября 2002 г. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – С. 283–286.
9. Казьмина Е.А. Конституционно-правовые аспекты становления и развития электронной демократии в России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 45–47.
10. Мироненко Н.В. Многофункциональные центры как модель сетевого партнерства предоставления государственных и муниципальных услуг // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск N 33. Август 2012 г.
11. Сморгун Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3
12. Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). М.: ИД «Юриспруденция», 2015. 192 с. 9
13. Телешина Н.Н. Понятие и сущность электронной демократии // Диалог. 2015. № 1 (1). С. 56–61
14. Хохлов, Ю.Е. Создание условий для развития информационного общества в странах СНГ. – М.: Институт развития информационного общества, 2004. – 220 с.
15. Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года / Сайт «Модератор». – URL: <http://mosmediator.narod.ru/index/0–2265>. [Дата обращения: 12.01.2018 г.].
16. United Nations E-Government Survey 2016: E-Government in Support of Sustainable Development. P. 157. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2016>
17. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf
18. Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 4 февраля 2002 г. № 5. ст. 531. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90180/
19. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/
20. <https://sozd.duma.gov.ru/>.
21. <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/55159.html/>
22. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

FROM THE EXPERIENCE OF DIGITALIZATION OF PARLIAMENTARY ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND INTERPARLIAMENTARY COOPERATION

Davletshina N.V.

Russian State University for the Humanities

The article attempts to consider the most important directions and prospects for the digitalization of parliamentarism as an important strategic resource of states using examples of the activities of legislative bodies of different countries, including the Russian Federation. The steps to introduce IT tools in the legislative activity of the Russian Federation within the framework of the implementation of the GAS “Lawmaking” program are analyzed and a comparison is made with the parliaments of other countries according to the “The World e-Parliament Report 2008”, a report created on the basis of responses from 105 chambers from 89 countries to a questionnaire sent to parliamentarians of 263 chambers of unicameral and bicameral parliaments of 188 states. Thus, in the period from 2018 to 2020. More than 65% of parliaments created virtual or hybrid committees, the capabilities of which were used in preparing for meetings, 33% of parliaments had the opportunity to hold plenary sessions either virtually or in hybrid modes. Rules for remote work were developed, the activities of parliaments became more flexible. Parliamentary budgets allocated for ICT increased. In 2019, more than 9% of budget funds were allocated for these purposes in many parliaments, while the number of parliaments spending about 1% on these purposes decreased from 23% in 2012 to 16% in 2019. Innovations in IT were encouraged in 20% of parliaments, additional funds for IT were allocated by 59% of parliaments. And in 35 parliaments, at least one person was officially engaged in innovation development. That is, the experience gained by parliaments during the pandemic shows that 55% of parliaments were able to work remotely without any problems. The transition from the physical to the digital environment will continue to significantly affect the work of parliaments. During the same period, Russian legislative bodies managed to expand inter-parliamentary cooperation, which, unfortunately, was largely interrupted after February 2022. And although the geography of inter-parliamentary cooperation has changed significantly, the countries of the so-called “collective West” can at any time restore the interrupted ties and return to dialogue with Russia, since the doors of inter-parliamentary cooperation are open.

Keywords: GAS “Lawmaking”; e-democracy; rules for remote work; digitalization of parliamentary activity; inter-parliamentary cooperation; virtual or hybrid committees of legislative bodies; parliamentary budgets allocated for ICT; E-Parliament

References

1. Corrado, A. Elections in Cyberspace: Towards a New Era in American Politics / A. Corrado, C. Firestone. Washington, 1996
2. Eizioni, A. The Spirit of Community: Rights, Responsibilities and the Communitarian Agenda. N. Y., 1993
3. Masuda, I. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, 1981. P. 10.
4. Abramova D.S. Electronic Democracy in Russia: Problems of Political Communication // Humanitarian Scientific Research. 2013. No. 1 [Electronic resource]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/01/2145>

5. Belov V.G. Electronic Democracy in Modern Russia // Values and Meanings. 2012. No. 4 (20). 129–138.
6. Bobrov A.M. Once again on the issue of defining the concepts of “Electronic democracy” and “Electronic government” // Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2009. No. 2. P. 26–36.
7. Goleva E.V. Technology “Electronic government” as a form of manifestation of electronic democracy in the Russian Federation // Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology. 2014. No. 1. P. 27–30.
8. Dyatlov S.A. “Electronic government”: concept, structure, functions // Technologies of the information society – the Internet and modern society: works of the V All-Russian united conference. SPb., November 25–29, 2002 – SPb.: Publishing house of St. Petersburg. University, 2002. – P. 283–286.
9. Kazmina E.A. Constitutional and legal aspects of the formation and development of electronic democracy in Russia // Constitutional and municipal law. 2016. No. 5. P. 45–47.
10. Mironenko N.V. Multifunctional centers as a model of network partnership for the provision of state and municipal services // Public administration. Electronic Bulletin. Issue No. 33. August 2012
11. Smorgunov L.V. Network approach to politics and management // Polis. 2001. No. 3
12. Talapina E.V. Public administration in the information society (legal aspect). Moscow: ID “Jurisprudence”, 2015. 192 p. 9
13. Teleshina N.N. Concept and essence of electronic democracy // Dialogue. 2015. No. 1 (1). P. 56–61
14. Khokhlov, Yu.E. Creating conditions for the development of the information society in the CIS countries. – M.: Institute for the Development of the Information Society, 2004. – 220 p.
15. The concept of development of electronic democracy mechanisms in the Russian Federation until 2020 / Moderator website. – URL: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-2265>. [Accessed: 12.01.2018].
16. United Nations E-Government Survey 2016: E-Government in Support of Sustainable Development. P. 157. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-GovernmentSurvey-2016>
17. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf
18. Resolution of the Government of the Russian Federation of January 28, 2002 No. 65 “On the federal target program “Electronic Russia (2002–2010)” // Collection of Legislation of the Russian Federation. February 4, 2002 No. 5. Art. 531. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90180/
19. Federal Law of 12.06.2002 No. 67-FZ “On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 24. Art. 2253. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/
20. <https://sozd.duma.gov.ru/>.
21. <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/55159.html/>
22. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

Концепция индивидуального административного акта в Российской Федерации и странах Средней Азии

Живалева Анна Константиновна,

преподаватель кафедры конституционного и административного права Сибирского университета потребительской кооперации; аспирант Новосибирского государственного университета экономики и управления

Исследование направлено на проведение сравнительно-правового анализа концепции индивидуального административного акта в Российской Федерации и странах Средней Азии (Республика Таджикистан, Кыргызская Республика, Туркменистан, Республика Узбекистан), для выявления общих закономерностей и национальных особенностей правового регулирования. Актуальность работы обусловлена значимостью феномена индивидуального административного акта в системе публичного права. Методологическая основа представлена общенаучными методами научного исследования, среди которых были применены анализ, синтез, индукция, аналогия, а также частным формально-юридическим методом, документальным и сравнительно-правовым методами научного исследования.

Несмотря на общее историческое прошлое постсоветских стран, концепция индивидуального административного акта в странах Средней Азии выстраивается на основе законодательства об административных процедурах. Применительно к Российской Федерации, исследование содержит основные направления по пути совершенствования законодательства об административных актах в Российской Федерации.

Ключевые слова: административное право, административный акт, правовой акт управления, индивидуальный административный акт, административная процедура.

Введение

Феномен индивидуального административного акта занимает центральное место в механизме публичного управления, выступая основным инструментом реализации властных полномочий органов публичной власти и их должностных лиц и необходимым средством в решении управленческих задач. Индивидуальный административный акт – необходимый балансир, обеспечивающий гармонию публичного управления в условиях защиты прав, свобод и законных интересов частных лиц, гарантирующий эффективность государственного управления. Полагаем, что исследование концепции индивидуального административного акта приобретает особую актуальность, обусловленную значимостью рассматриваемого правового института в системе публичного права. Несмотря на общее историческое прошлое постсоветских стран, современные правовые системы Российской Федерации и стран Средней Азии демонстрируют значительную вариативность в вопросах принятия, действия и обжалования административных актов. Так, в странах Средней Азии были приняты законы об административных процедурах, в то время как в Российской Федерации правовое регулирование осуществляется нормативными правовыми актами различной юридической силы. Таким образом, **целью исследования** является проведение сравнительно-правового анализа концепций индивидуального административного акта в Российской Федерации и странах Средней Азии, а также выработка основных направлений в поисках путей совершенствования законодательства об административных актах в Российской Федерации.

Основные идеи и положения

Ретроспективный анализ исследований, посвященных разработке проблемы индивидуального административного акта, позволяет сделать вывод, что она становилась предметом научных изысканий на протяжении нескольких исторических периодов: дореволюционного [6, 7], советского [2, 16] и современного периода развития российского государства [3, 5].

В осмыслении «переходного» и современного этапов развития Российской Федерации, основы правового понимания индивидуального административного акта были заложены во второй половине XX века, в контексте исследования управленческих процедур, а также «управленческого» («широкого») подхода к пониманию административного процесса. Как отмечал основоположник данного

подхода В.Д. Сорокин, нормативный акт государственного управления является юридической основой для последующего применения норм административного права, в то время как административный акт – основная форма применения административного права [17, с. 41–44]. На современном этапе развития теории административного акта, усиление внимания к последней связано с очевидным родством исследуемого правового феномена с институтом административных процедур [4].

Иными словами, взаимосвязь и взаимодействие административных процедур и актов не вызывают сомнений. Одновременно с этим, феномен административного акта не должен быть сведен исключительно к административной процедуре. Административный акт – это то, что является фундаментом публичного права, находится в основе каждого из подходов к административному процессу.

Нельзя не заметить, что при кажущейся многоаспектности и обширности исследования феномена административного акта, многие свойства индивидуального административного акта требуют дополнительного рассмотрения. Как известно, в юридической литературе и в отечественном законодательстве отсутствует общетеоретическая концепция индивидуального административного акта, объединяющая в себе понятие, принципы правоприменительной деятельности, требования к форме и содержанию административного акта, условия принятия и отмены акта, последствия процессуальных и формальных ошибок в акте, и другие.

Традиционное понимание правовой природы индивидуального административного акта формируется на основе признаков, присущих ненормативному (индивидуальному) правовому административному акту. Данная разновидность правового акта:

1. не устанавливает общих правил поведения (норм права);
2. издается по организационно-распорядительным вопросам во исполнение актов большей юридической силы;
3. принимается уполномоченным органом и их должностными лицами, в том числе, уполномоченными органами в инициативном порядке, поэтому имеет односторонний характер;
4. имеет установленную законом форму, либо такая форма может быть не определена;
5. имеет индивидуальный (персональный) характер;
6. имеет функцию юридического факта, направленного на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей индивидуально-определенных лиц;
7. содержит властные предписания, обязательные для исполнения субъектами правовых отношений, кому адресован правовой акт;
8. исчерпывается однократным применением (исполнением) [9, с. 12].

Таким образом, концепция индивидуального административного акта не была сформирована

законодателем. Правовое регулирование индивидуальных административных актов осуществляется актами различной юридической силы. Однако положительным шагом в становлении теории актов, определении критериев благоприятствующих и обременяющих административных актов, формировании системы процедурных гарантий стало принятие Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 года № 21 [11]. Оно позволяет определить пределы деятельности органов публичной администрации и их должностных лиц, оказывая влияние на изменение вектора восприятия сущности публичной деятельности.

В осмыслении концепции индивидуального административного акта в законодательстве стран Средней Азии оговоримся, что результатом полномасштабных изменений в области формирования национального законодательства стало прекращение существования СССР и образование новых независимых государств. Они столкнулись с необходимостью организации систем государственного управления и законодательства. В условиях перехода к рыночной экономике, некоторые из впервые возникших правовых институтов нуждались в обеспечении надлежащего правового регулирования. Отсутствие административной практики в области административной юстиции и административных процедур стимулировало проведение полномасштабных административных реформ в странах СНГ, в числе которых особое положение занимают страны Средней Азии (Республика Таджикистан, Кыргызская Республика, Туркменистан, Республика Узбекистан). Иными словами, институт административного акта выходит на новый виток развития во взаимосвязи с институтом административных процедур.

В 2007 году в Республике Таджикистан был принят Кодекс об административных процедурах (далее – Кодекс) [8]. Как следует из положений статьи 2 Кодекса, административные органы принимают административно-правовые акты на основании закона или иных нормативных правовых актов. Сами административно-правовые акты подразделяются на административные и нормативные административно-правовые акты. Под административным актом понимается «индивидуальный административно-правовой акт, принятый административным органом на основании закона или иного нормативного правового акта, устанавливающий, изменяющий, разрешающий или подтверждающий права и обязанности лица или ограниченного круга лиц» [8]. Кодексом определены требования к форме административно-правового акта (Статья 13), реквизиты административно-правового акта (Статья 14), обязанность мотивировать принятый административно-правовой акт (Статья 15); требования о порядке вступления в силу (Статья 16), опубликовании (ст. ст. 17, 18) и обнародовании административно-правового акта (Статья 19); исправлении ошибок (Статья 21) и признании акта утратившим силу (ст. ст. 23, 24). Одна-

ко можно предположить, что в отсутствии строгой регламентации определенных групп общественных отношений, сфера применения Кодекса может вызывать проблемы в практической деятельности.

Исторически первым в законодательстве стран Средней Азии был принят Закон «Об административных процедурах» Кыргызской Республики [12] в 2004 году. В исследовании проблем обеспечения эффективности законодательства об административных процедурах, У.О. Аманалиев указывает, что данный законодательный акт почти не применялся в деятельности государственных органов по причине чрезмерного числа декларативных и отсылочных норм [1, с. 466]. Структура нового Закона Кыргызской Республики, принятого в 2015 году (далее – Закон) [13], напротив, отвечает современным стандартам принятия данного рода правовых актов. Примерами тому служат положения о формах (письменная, устная, конклюдентная) и возможном характере принимаемого административного акта (благоприятствующий или обременяющий); установлении оснований признания административного акта ничтожным, а также определения условий отмены законного и незаконного административного акта. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что для должной работы законодательного акта «потребуется организационная, правовая и даже психологическая перестройка государственного аппарата, пропаганда и даже разъяснение нового института среди населения» [1, с. 466].

Закон Туркменистана «Об административных процедурах» (далее – Закон Туркменистана), принятый в 2017 году, дополнительно определяет порядок принятия особого письменного документа, именуемого как обещание административного акта. Выдача административным органом обещания административного акта предполагает «обязательство издать определенный административный акт позднее либо отказаться от его издания» [14] или установленный порядок получения одним административным органом согласия другого административного органа, которое необходимо для принятия индивидуального административного акта. Другой особенностью Закона Туркменистана является закрепление права административного органа в пределах своих полномочий применять меры принудительного исполнения без административного акта, в случаях, когда его «немедленное исполнение необходимо для предотвращения какого-либо противоправного деяния, являющегося преступлением или административным правонарушением, или грозящей опасности» [14].

Закон Республики Узбекистан «Об административных процедурах» [15] подчеркивает специфику индивидуального административного акта как итогового правового результата в терминологическом значении, закрепляя дефиницию «процессуальный акт». Закон также предусматривает общие положения о порядке выдачи административным органом нового документа или его дубликата в случае утраты или порчи ранее выданного документа, вы-

данного на основе индивидуального административного акта.

Выводы. Результаты проведенного нами сравнительно-правового анализа законодательства об административных процедурах в странах Средней Азии позволяют сделать некоторые частные выводы, представляющие интерес для нашего исследования. Каждый из проанализированных нормативных правовых актов имеет свой контекст принятия и индивидуальные черты. Однако положения об индивидуальных административных актах зачастую отличаются, за исключением некоторых особенностей. С другой стороны, принципиально важным критерием надлежащей деятельности публичной администрации и их должностных лиц является обеспечение гарантий правовой защиты частных лиц в процессе принятия индивидуальных административных актов. Это является объединяющим фактором, способствующим формированию концепции индивидуального административного акта в Российской Федерации и в странах Средней Азии.

Опыт стран Средней Азии заслуживает внимания и помогает нам сделать соответствующие выводы о состоянии законодательства об административных актах в Российской Федерации. К сожалению, в Российской Федерации отсутствует как общее законодательство об административных процедурах, так и комплексное законодательство об индивидуальных административных актах. Далее, представляется возможным определить некоторые направления развития концепции индивидуального административного акта в Российской Федерации.

Первое направление – принятие Федерального закона «Об административных процедурах в Российской Федерации». Данным нормативным правовым актом могли бы быть определены материальные положения об индивидуальном административном акте: понятия и признаках административного акта, его отдельных видах; требования, предъявляемые к административным актам, его обоснованию, юридической силе и действию; требования о действительности и недействительности акта; правила его отмены. Как отмечает А.Д. Майле, Россия «едва ли не единственная из постсоветских государств, в которой в настоящее время отсутствует законодательный акт, устанавливающий общие принципы административных процедур (производств), применяемых для принятия (издания) административных правовых актов» [10, с. 206].

Второе направление – принятие Федерального закона «Об административных актах в Российской Федерации», имеющего автономный характер в отсутствие отечественного законодательства об административных процедурах. Утверждение может получить разный вектор развития, исходя из содержательного наполнения категории «административный акт». Сферой действия будущего закона могут охватываться не только индивидуальные административные акты, но и нормативные

административные акты, имеющие на сегодняшний день правовое регулирование на уровне подзаконного законодательства.

Полагаем, что основная задача разработки концепции индивидуального административного акта в Российской Федерации и в странах Средней Азии состоит не столько в обеспечении детальной законодательной регламентации деятельности публичной администрации, сколько в обеспечении эффективного государственного управления, направленного на обеспечение и защиту прав и свобод граждан.

Литература

1. Аманалиев У.О. Некоторые проблемы обеспечения эффективности действия административно-процедурного законодательства Киргизской Республики / У.О. Аманалиев // Бюллетень науки и практики. Т. 8. № 4. 2022. С. 463–471.
2. Васильев Р.Ф. Правовые акты органов управления. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. – 108 с.
3. Давыдов К.В. Административные процедуры: российский и зарубежный опыт: монография / К.В. Давыдов; отв. ред. Ю.Н. Стариков. – Новосибирск: Академиздат, 2020. – 516 с.
4. Давыдов К.В. Административные процедуры: концепция правового регулирования: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.14 / Константин Владимирович Давыдов. – Нижний Новгород, 2020. – 655 с.
5. Домченко А.С. Методологические проблемы теории административного акта / А.С. Домченко // Российский юридический журнал, 2023. № 4. С. 98–108.
6. Евтихийев А.Ф. Законная сила актов администрации: монография / А.Ф. Евтихийев; Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина (ЭБС). – Люблин: Губернская тип., 1911. – 292 с.
7. Елистратов А.И. Основные начала административного права / А.И. Елистратов; Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина (ЭБС). – Москва: изд. 2-е, испр. и доп. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. – 294 с.
8. Кодекс об административных процедурах Республики Таджикистан: Закон Республики Таджикистан от 05.03.2007 № 232 [Электронный ресурс]. – URL: www.ncz.tj. (дата обращения: 21.05.2025).
9. Методические рекомендации по определению нормативности актов субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов в целях ведения федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов и регистров муниципальных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации / авторы: Атагимова Э.И., Рыбакова О.С. – М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2019. – 140 с.
10. Майле А.Д. Законодательство об административных процедурах: опыт Германии // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 2. С. 204–215.
11. О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 № 21 // Российская газета, № 149, июль, 2022.
12. Об административных процедурах: Закон Кыргызской Республики от 01.03.2004 № 16 (утратил силу) [Электронный ресурс]. – URL: www.cbd.minjust.gov.kg. (дата обращения: 21.05.2025).
13. Об основах административной деятельности и административных процедурах: Закон Кыргызской Республики от 31.07.2015 № 210 [Электронный ресурс]. – URL: www.cbd.minjust.gov.kg. (дата обращения: 21.05.2025).
14. Об административных процедурах: Закон Туркменистана от 03.06.2017 № 566-V [Электронный ресурс]. – URL: www.base.spinform.ru. (дата обращения: 21.05.2025).
15. Об административных процедурах: Закон Республики Узбекистан от 08.01.2018 № ЗПУ-457 [Электронный ресурс]. – URL: www.lex.uz. (дата обращения: 21.05.2025).
16. Слесарева Е.С. Индивидуальные акты управления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Елена Сергеевна Слесарева. – Москва, 1984. – 187 с.
17. Сорокин В.Д. Административный процесс и административно-процессуальное право. – СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург). – 2002. – 474 с.

THE CONCEPT OF AN INDIVIDUAL ADMINISTRATIVE ACT IN THE RUSSIAN FEDERATION AND IN THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA

Zhivaleva A.K.

Siberian University of Consumer Cooperatives, Novosibirsk State University of Economics and Management

The study is aimed at conducting a comparative legal analysis of the concept of an individual administrative act in the Russian Federation and the countries of Central Asia (the Republic of Tajikistan, the Kyrgyz Republic, Turkmenistan, the Republic of Uzbekistan) to identify common patterns and national characteristics of legal regulation. The relevance of the work is due to the significance of the phenomenon of an individual administrative act in the public law system. The methodological basis is presented by general scientific methods of scientific research, among which were applied analysis, synthesis, induction, analogy, as well as a private formal-legal method, documentary and comparative-legal methods of scientific research. Despite the common historical past of the post-Soviet countries, the concept of an individual administrative act in the countries of Central Asia is built on the basis of legislation on administrative procedures. With regard to the Russian Federation, the study contains the main directions for improving the legislation on administrative acts in the Russian Federation.

Keywords: administrative law, administrative act, legal act of management, individual administrative act, administrative procedure.

References

1. Amanaliev U.O. Some problems of ensuring the effectiveness of the administrative-procedural legislation of the Kyrgyz Republic / U.O. Amanaliev // *Bulletin of Science and Practice*. Vol. 8. No. 4. 2022. Pp. 463–471.
2. Vasiliev R.F. *Legal acts of governing bodies*. – M.: Publishing house of Moscow University, 1970. – 108 p.
3. Davydov K.V. *Administrative procedures: Russian and foreign experience: monograph* / K.V. Davydov; ed. Yu.N. Starilov. – Novosibirsk: Akademizdat, 2020. – 516 p.
4. Davydov K.V. *Administrative procedures: concept of legal regulation: dis. ... doc. jurid. sciences: 12.00.14* / Konstantin Vladimirovich Davydov. – Nizhny Novgorod, 2020. – 655 p.
5. Domchenko A.S. *Methodological problems of the theory of administrative act* / A.S. Domchenko // *Russian Law Journal*, 2023. No. 4. Pp. 98–108.
6. Evtikhiev A.F. *Legal force of administrative acts: monograph* / A.F. Evtikhiev; Presidential Library named after B.N. Yeltsin (EBS). – Lublin: Gubernskaya type., 1911. – 292 p.
7. Elistratov A.I. *Basic principles of administrative law* / A.I. Elistratov; Presidential Library named after B.N. Yeltsin (EBS). – Moscow: 2nd ed., corr. and add. G.A. Leman and S.I. Sakharov, 1917. – 294 p.
8. *Code of Administrative Procedures of the Republic of Tajikistan: Law of the Republic of Tajikistan dated 05.03.2007 No. 232* [Electronic resource]. – URL: www.ncz.tj. (date of access: 21.05.2025).
9. *Methodological recommendations for determining the normative nature of acts of constituent entities of the Russian Federation and municipal legal acts for the purpose of maintaining the federal register of regulatory legal acts of constituent entities of the Russian Federation, the federal register of municipal regulatory legal acts and registers of municipal regulatory legal acts of constituent entities of the Russian Federation* / authors: Atagimova E.I., Rybakova O.S. – M.: FBU NCPI under the Ministry of Justice of Russia, 2019. – 140 p.
10. Maile A.D. *Legislation on administrative procedures: the experience of Germany* // *Siberian Legal Review*. 2021. Vol. 18. No. 2. Pp. 204–215.
11. *On some issues of application by courts of the provisions of Chapter 22 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and Chapter 24 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2022 No. 21* // *Rossiyskaya Gazeta*, No. 149, July, 2022.
12. *On administrative procedures: Law of the Kyrgyz Republic of 01.03.2004 No. 16 (no longer in force)* [Electronic resource]. – URL: www.cbd.minjust.gov.kg. (date of access: 21.05.2025).
13. *On the Fundamentals of Administrative Activity and Administrative Procedures: Law of the Kyrgyz Republic dated July 31, 2015 No. 210* [Electronic resource]. – URL: www.cbd.minjust.gov.kg. (date of access: May 21, 2025).
14. *On Administrative Procedures: Law of Turkmenistan dated June 3, 2017 No. 566-V* [Electronic resource]. – URL: www.base.spinform.ru. (date of access: May 21, 2025).
15. *On Administrative Procedures: Law of the Republic of Uzbekistan dated January 8, 2018 No. ZRU-457* [Electronic resource]. – URL: www.lex.uz. (date of access: May 21, 2025).
16. Slesareva E.S. *Individual acts of management: dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.02* / Elena Sergeevna Slesareva. – Moscow, 1984. – 187 p.
17. Sorokin V.D. *Administrative process and administrative-procedural law*. – St. Petersburg: Publishing House of the Law Institute (St. Petersburg). – 2002. – 474 p.

Конституционные принципы и защита Отечества по законодательству Российской Федерации как явление конституционной культуры

Каландаришвили Зураб Нодарович,

кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования РГПУ им. А.И. Герцена
E-mail: zurab.kalandarishvili@yandex.ru

Козниченко Станислав Владимирович,

аспирант кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
E-mail: st.k.84@mail.ru

В статье анализируется диалектическая взаимосвязь конституционных принципов и норм права Конституции РФ регулирующих конституционные права и обязанности связанные с защитой Отечества, как явление конституционной культуры, благодаря чему в правосознании граждан формируется образ конституционного государства, строящегося на действующих конституционных нормах и принципах, ценностях и представлениях о себе как о гражданах, обладающими объективными правами, соблюдение которых является высшим смыслом деятельности государства и общества.

Ключевые слова: конституционная культура, конституция, конституционные права, конституционные обязанности, граждане, конституционные принципы.

Согласно статье 59 Конституции Российской Федерации:

1. Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации.

2. Гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с федеральным законом.

3. Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданиям противоречит несение военной службы, а также в иных установленных Федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой [3].

Понятие обязанность – это юридическое понятие, когда она предполагает наличие принудительной меры воздействия государства, а также ответственность за ее несоблюдение.

Защита Отечества, интересов государства, забота о его безопасности – одна из важнейших обязанностей гражданина, тем более, что история Российского государства неразрывно связана с военной историей, историей Вооруженных сил и развитием военного законодательства начиная с эпохи средневековья.

Суть воинского долга заключается в защите государственного суверенитета и территориальной целостности, обеспечении безопасности государства, отражении вооруженного нападения, а также выполнении задач в соответствии с международными обязательствами страны.

Постоянная готовность выполнить воинский долг – это дело чести и совести каждого мужчины это не только правовое, но и нравственное требование каждому гражданину мужского пола, это его моральный долг.

Об этом говорится и в п. 5 Указа Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6].

Данные нормы права полностью согласуются с общими принципами права и конституционными принципами и представляют собой явление конституционной культуры.

По мнению экс-судьи Конституционного суда РФ Г.А. Гаджиева, все общие принципы права относятся к конституционным принципам в России. Он позиционирует следующую иерархию принципов: общие принципы права проявляются в конституционных принципах, которые, в свою очередь, преломляются в отраслевых принципах и нормах [2, с.286].

К числу принципов права, которые являются основой для формирования правовых, в том числе

конституционных, принципов, Г.А. Гаджиев относит: «а) принцип справедливости; б) принцип соразмерности (пропорциональности) и сбалансированности при ограничении субъективных прав; в) принцип юридической безопасности; г) принцип добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами» [2, с.62–63].

Следует полностью согласиться с утверждениями Г.А. Гаджиева, что все общеправовые принципы должны быть конституционными по сути и вытекать из положений Конституции или быть четко закрепленными в ней. Тем не менее, в демократическом обществе более актуально говорить о тождественности общеправовых принципов принципам конституционализма, поскольку содержание рассматриваемого понятия шире его общепринятого обозначения («конституционные принципы»). Оно включает в себя не только собственно принципы, закрепленные в тексте Конституции, но и общепризнанные нормы и принципы международного права, а также принципы, интерпретируемые Конституционным Судом Российской Федерации.

Вполне справедливо и мнение И.А. Алешковой, что «сформированные в результате обобщения рационального опыта взаимоотношения между человеком, обществом и государством и конституционные принципы в большинстве своем получили формальное выражение в конституциях государств мира. Вместе с тем отсутствие их формального выражения на конституционном уровне не означает отсутствие принципов как правовых явлений, полагая, что конституционные принципы – это разновидность принципов права, и считает, что конституционный принцип – это формально устойчивый авторитетный императив, определяющий вектор развития права, содержащий правовую информацию, сформированную на основе обобщения закономерностей и опыта правового и индивидуального регулирования, являющуюся достоверной и социально значимой для регулирования общественных отношений в сфере действия конституционного права» [1, с.28–29].

Наряду с нормами права конституционные принципы являются действенными и признаваемыми в развитом обществе и государстве регуляторами общественных отношений. Появление конституционных принципов, следует считать важным этапом в плане развития конституционной культуры, так как они способствуют реализации ценности более высокого порядка осмысления основ права – «достоинство человека и гражданина».

Прав в этой связи А.А. Ливеровский, полагая, что «появление конституционных принципов сформировала история цивилизации – последовательность бунтов, восстаний, революций, общественных конфликтов с государственной властью. Индивидуумы боролись против рабства и крепостничества – правовых институтов, легитимность которых устанавливала власть, отдавали жизнь за свободу, за равенство гражданских прав – за человеческое достоинство» [4, с.238].

Следует отметить, по мнению авторов статьи, что сегодня в юридической науке целесообразно под конституционными принципами считать прежде всего способы реализации идей и «начал» – как регуляторов конституционных отношений, то есть их следует признать регуляторами общественных отношений, отличающимися от норм по содержанию и механизму воздействия на сами общественные отношения.

Конституционные принципы содержат не только непосредственный регулятивный потенциал, но в силу своего естественного происхождения воплощают культурно-нравственные ценности общества, выработанные и осознанные людьми как необходимые условия цивилизованного человеческого бытия. Это проявляется в наличии в Конституции РФ ряда статей, не носящих нормативно-регулятивную или перформативную функции. К таким положениям, например, может быть отнесена и главная норма права Конституции РФ – статья 2, устанавливающая высшую ценность жизни, прав и свобод человека [3].

В отличие от конституционных ценностей, конституционные принципы равноценны, поскольку они выражают различные, но принципиально равноценные социальные притязания (интересы). Фундаментальные конституционные принципы существуют не изолированно, а образуют систему во взаимосвязи друг с другом [5, с.131].

В этой связи, уже упомянутая нами статья 59 Конституции РФ, связанная с защитой Отечества, является полным отражением нами вышеизложенного.

К основополагающим конституционным принципам следует отнести конституционное провозглашение в качестве высшей ценности человека, его прав и свобод, а также конституирование демократической, правовой, республиканской, федеративной, социальной и светской государственности как основы организации и функционирования страны. Каждый из принципов насыщен определенным доктринальным содержанием с конкретизирующим его элементным составом, который частично обнаруживается среди иных сформулированных в первой главе Конституции РФ «основ» – рядовых принципов.

Исходя из этого, можно сказать, что конституционные принципы – это социально-правовые феномены, представляющие собой рациональные формы конституционного регулирования общественных отношений, выражающие идеи конституционализма и доктринально закрепленные в Конституции.

Доктринальное закрепление конституционных принципов и норм права в виде конкретного нормативного правового акта приводит к созданию конституции как основного правового акта, осуществляющего конституционное регулирование общественных отношений, обеспечивающее связь между социальными ценностями, правовыми формами их реализации и нормативными практиками их воспроизводства.

Таким образом, базовую основу любой конституции, составляют конституционные принципы, которые происходят из базовых представлений о естественном происхождении закрепленных в правовых документах прав и свобод личности.

Конституционные принципы выступают ценностным ориентиром для правотворчества и правоприменения, в том числе это относится и к военному законодательству. Конституционные принципы являются моделью для всех других нормативных правовых актов, которые определяют систему принципов, так как в соответствии со своим назначением сама конституция, прежде всего, отражает отношения между государством и обществом, государством и человеком.

Конституционные принципы сочетают в себе как обязательные на данный момент правила, так и юридический вектор правовой системы, определяющий ее развитие в настоящем и будущем. Конституционные нормы и принципы в сфере военного законодательства формируют специфическую правовую парадигму, так как они отражают и в то же время создают целостную концепцию военного законодательного развития государства и обязанности и права граждан и представляют собой явление конституционной культуры.

При этом законодателям следует всегда помнить, что конституционные принципы олицетворяют собой различные научные идеи, школы, учения, доктринальные установки (например, идея высшей ценности человека, его прав и свобод в сравнении с иными общественными ценностями; идея разделения и взаимного сбалансирования ветвей государственной власти и пр.). Тем самым они определяют основные направления развития правовой и конституционной мысли в том числе в такой важной и специфической сфере государства и общества как защита Отечества. Каждая из таких идей должна находить понимание и признание в кругах политических, правовых и экономических элит страны, научной общественности, общественных организаций и граждан олицетворяя социальный контроль в обществе, благодаря чему в правосознании граждан формируется образ демократического конституционного государства, строящегося на действующих конституционных нормах и принципах, ценностях и представлениях о себе как о гражданах, обладающими объективными и субъективными правами, соблюдение которых является высшим смыслом деятельности государства и общества.

Литература

1. Алешкова И.А. Понятие и признаки принципов конституционного права // Право и государ-

ство: теория и практика. 2019. № 4(172). С. 28–29.

2. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М.: Юристъ, 2004. С. 286.
3. См.: Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.05.2025).
4. Ливеровский А.А. Развитие понятийного аппарата конституционного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 238.
5. Ливеровский А.А. Заметки на правовых полях конституционной экономики // Ежегодник конституционной экономики. М.: Лум, 2018. С. 131.

CONSTITUTIONAL PRINCIPLES AND PROTECTION OF THE FATHERLAND UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kalandarishvili Z.N., Koznichenko C.V.

St. Petersburg University of Trade Unions for the Humanities, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

The article analyzes the dialectical relationship of constitutional principles and legal norms of the Constitution of the Russian Federation regulating constitutional rights and obligations related to the protection of the Fatherland, as a phenomenon of constitutional culture, due to which the image of a constitutional state is formed in the legal consciousness of citizens, built on current constitutional norms and principles, values and ideas about themselves as citizens with objective rights, the observance of which is the highest meaning of the activities of the state and society.

Keywords: constitutional culture, constitution, constitutional rights, constitutional obligations, citizens, constitutional principles.

References

1. Aleshkova I.A. Concept and features of the principles of constitutional law // Law and state: theory and practice. 2019. No. 4 (172). P. 28–29.
2. Gadzhiev G.A. Constitutional principles of a market economy. (Development of the foundations of civil law in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation). Moscow: Jurist, 2004. P. 286.
3. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets on 10.07.1918) // SU RSFSR. – 1918. – No. 51. – Art. 582.
4. Liverovsky A.A. Development of the conceptual apparatus of constitutional law // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 2. P. 238.
5. Liverovsky A.A. Notes on the legal fields of constitutional economics // Yearbook of constitutional economics. Moscow: Lum, 2018. P. 131.
6. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 09.11.2022 “On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 46. – Art. 7977.

Цифровизация и местное самоуправление: современные вызовы и перспективы

Кудинов Алексей Сергеевич,

аспирант, Тверской государственный университет

Статья посвящена проблемам и перспективам цифровизации местного самоуправления в России. В ней рассматриваются актуальные вызовы, с которыми сталкиваются органы местной власти при внедрении информационных технологий в систему муниципального управления. Особое внимание уделено вопросам безопасности данных, унификации стандартов для электронных муниципальных услуг, а также обеспечению равного доступа граждан к цифровым сервисам. Оценены существующие нормативно-правовые акты, регулирующие цифровизацию, и предложены направления для улучшения правовой базы. Статья акцентирует внимание на необходимости усиления кибербезопасности, повышения цифровой грамотности населения и создании условий для эффективного функционирования цифровых платформ на всех уровнях местного самоуправления.

Ключевые слова: цифровизация, местное самоуправление, муниципальные услуги, электронные сервисы, кибербезопасность, персональные данные, цифровая грамотность, информационные технологии, равный доступ, правовая база, электронное голосование, стандарты цифровых услуг, вовлеченность граждан, технологические инновации, регулирование цифровизации.

Цифровизация муниципального управления является одним из важнейших направлений государственной политики в России. С каждым годом муниципальные органы власти все активнее внедряют информационные технологии, направленные на улучшение качества обслуживания граждан, повышение прозрачности и доступности управления, а также на улучшение оперативности в решении вопросов местного значения. Введение электронных сервисов и использование новых технологий открывает перед местным самоуправлением большие возможности, однако оно также создает новые вызовы, которые необходимо преодолеть для эффективного функционирования местной власти в цифровую эпоху.

Цель данной статьи – анализировать основные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются органы местного самоуправления в процессе цифровизации, а также рассмотреть перспективы развития цифровых технологий в муниципальном управлении в России.

Цифровизация местного самоуправления в России стала активной частью реформ в последние десятилетия. Федеральные законы, такие как Федеральный закон № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления», послужили основой для перехода к электронным муниципальным услугам, однако этот процесс еще далек от завершения/

На текущий момент в большинстве крупных городов внедрены электронные сервисы для подачи заявлений на получение документов, регистрацию в очередях, получение справок и другие функции. Например, Портал государственных и муниципальных услуг города Москвы позволяет гражданам подавать заявки на получение различных документов и управлять своими данными в электронном формате. В Санкт-Петербурге действует «Система межведомственного электронного взаимодействия Санкт-Петербурга». Она обеспечивает обмен данными между информационными системами органов власти и организаций, предоставляющих государственные и муниципальные услуги в Санкт-Петербурге в электронной форме.

Однако, несмотря на прогресс в крупных городах, в малых и средних муниципальных образованиях цифровизация остается ограниченной. Множество местных властей сталкиваются с нехваткой ресурсов и инфраструктуры для создания и поддержки электронных платформ, что влечет за собой значительные различия в уровне качества

муниципальных услуг в разных регионах страны. В некоторых случаях, даже если электронные сервисы внедрены, они не всегда соответствуют стандартам безопасности и удобства для пользователей, что ограничивает их эффективность.

Цифровизация местного самоуправления связана с рядом проблем, которые необходимо решать для успешной реализации этой трансформации:

1. Отсутствие единого стандарта для электронных услуг. Одной из основных проблем является отсутствие унифицированных стандартов для предоставления муниципальных услуг в электронном виде. В то время как крупные города уже используют современные платформы для взаимодействия с гражданами, малые и средние города часто сталкиваются с трудностью выбора и внедрения подходящих цифровых решений. Каждое муниципальное образование может разрабатывать свои системы, что приводит к разнородности в предоставляемых услугах и увеличивает нагрузку на граждан, которым нужно адаптироваться к разным системам.
2. Проблемы с обеспечением безопасности данных. Цифровизация муниципальных услуг требует большого объема обработки персональных данных граждан, что порождает проблемы с их безопасностью. В условиях, когда данные о гражданах хранятся и передаются в электронном виде, возрастает угроза их утечек, взломов и утрат. Несмотря на существование Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных», проблемы с кибербезопасностью остаются актуальными, особенно в муниципальных образованиях. Кроме того, злоумышленники могут создавать фальшивые группы в социальных сетях, чтобы обманом получить доступ к личной информации пользователей. Например, они могут отправлять сообщения со ссылками на фишинговые сайты, где пользователи вводят свои данные, что приводит к их краже.
3. Низкий уровень цифровой грамотности населения. Одной из ключевых проблем цифровизации является цифровое неравенство. Не все граждане могут пользоваться цифровыми сервисами из-за недостатка цифровых навыков, а также из-за ограниченного доступа к интернету в удаленных и сельских районах. Это особенно важно для пожилых людей и граждан с ограниченными возможностями. В связи с этим возникает необходимость не только в создании цифровых платформ, но и в обучении граждан пользованию этими платформами, чтобы избежать исключения части населения из процесса цифрового управления.
4. Инфраструктурные проблемы в малых муниципалитетах. В малых муниципальных образованиях отсутствуют необходимые технические и финансовые ресурсы для эффективной цифровизации. Муниципалитеты часто сталкива-

ются с нехваткой квалифицированных кадров, недостаточностью финансов на закупку оборудования и программного обеспечения, что замедляет процесс перехода к цифровому управлению.

Несмотря на существующие проблемы, цифровизация местного самоуправления в России имеет значительные перспективы. Для этого необходимо принять целый ряд мер, направленных на преодоление вызовов и создание условий для устойчивого и эффективного цифрового управления:

1. Создание единого цифрового стандарта для муниципальных услуг. Для того чтобы граждане могли получать одинаково качественные услуги в любом регионе страны, необходимо разработать единый федеральный стандарт для всех муниципальных платформ. Это включает в себя требования к интерфейсу, удобству пользования, защите персональных данных, а также стандартам безопасности для защиты информации. Единый стандарт позволит унифицировать процессы предоставления муниципальных услуг и упростить взаимодействие граждан с органами местной власти.
2. Укрепление инфраструктуры и кибербезопасности. Одним из ключевых направлений должно стать укрепление инфраструктуры, включая создание мощных серверных и защищенных систем хранения данных, а также повышение уровня кибербезопасности. Многие страны уже реализуют системы, направленные на укрепление инфраструктуры и повышение уровня кибербезопасности, особенно в контексте предоставления государственных и муниципальных услуг. Например, Великобритания разработала Государственную стратегию кибербезопасности на 2022–2030 годы, которая направлена на создание киберустойчивого государственного сектора. Важно разработать программы по обучению и сертификации специалистов в области информационных технологий и защиты данных, чтобы обеспечить высокий уровень безопасности и надежности цифровых платформ.
3. Обучение граждан цифровым навыкам. Для преодоления проблемы цифрового неравенства необходимо организовать масштабные образовательные программы для граждан всех возрастных категорий, направленные на повышение цифровой грамотности. Это важно не только для пользователей, но и для работников местных органов власти, чтобы обеспечить эффективное использование цифровых сервисов на всех уровнях управления. Задача по устранению цифрового неравенства между жителями городского и сельского населения была поставлена в Федеральном законе (ФЗ) «О связи». Так, например, в программе по цифровому неравенству в России отображен целый ряд положений, который демонстрирует статистику изменений с 2012 года о доступности сети Интернет. Также стоит

предусмотреть альтернативные способы получения муниципальных услуг для тех граждан, которые не могут пользоваться интернет-услугами.

4. Стимулирование цифровых инициатив на местном уровне. Важно поддерживать и стимулировать инновационные инициативы в сфере цифровизации на уровне муниципалитетов. Федеральные и региональные органы власти должны предоставлять муниципалитетам финансовую помощь и ресурсы для внедрения цифровых решений, а также разрабатывать программы субсидирования для малых городов и сельских территорий, которые испытывают трудности с цифровизацией.
5. Развитие электронного участия граждан. Цифровизация дает уникальную возможность для цифрового участия граждан в принятии решений местной властью. Для этого необходимо развивать и поддерживать платформы для онлайн-голосования, общественных обсуждений и петиций, которые позволят гражданам непосредственно участвовать в управлении на местах. Это повысит доверие к местным властям и усилит демократическую составляющую на уровне муниципального управления.

Цифровизация местного самоуправления в России открывает новые возможности для улучшения качества муниципальных услуг, повышения прозрачности и вовлеченности граждан в процессы управления. Однако для успешной реализации этих возможностей необходимо решать ряд проблем, связанных с обеспечением безопасности данных, унификацией цифровых стандартов, обучением граждан и преодолением инфраструктурных барьеров.

Реализация цифровой трансформации в местном самоуправлении потребует комплексного подхода, который будет включать в себя создание эффективных цифровых платформ, защиту персональных данных, улучшение цифровой грамотности населения и развитие инновационных технологий на местном уровне. В будущем цифровизация должна стать не только инструментом улучшения качества жизни граждан, но и важной составляющей успешного функционирования местной власти в условиях цифровой экономики.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О персональных данных» Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/be83e944acb-538254bfc9bf073ece847ea189143/
2. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ (последняя редакция) 27 июля 2006 года N 149-ФЗ Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

3. Григорьев, А.И. Теория и практика местного самоуправления в России. – М.: Юрайт, 2019, с. 134–145.
4. Беляев, П.В. Местное самоуправление как основа демократии. – СПб.: Питер, 2018, с. 78–83.
5. Храмов, В.А. Конституционные принципы местного самоуправления. – М.: Норма, 2020, с. 110–115.
6. Афанасьев, М.В. Правовое регулирование местного самоуправления в России. – М.: Статут, 2020, с. 56–60.
7. Мельников, И.С. Цифровизация муниципального управления в России: проблемы и перспективы. – СПб.: Питер, 2020, с. 97–105.
8. Юдин, С.А. Электронное голосование в России: правовые и технические проблемы. – М.: РГГУ, 2020, с. 55–62.
9. ВикиВиза. (2022). Государственная стратегия кибербезопасности Великобритании: с 2022 по 2030 год. Доступно по ссылке: <https://vikivisa.ru/gosudarstvennaya-strategiya-kiberbezopasnosti-velikobritanii-s-2022-po-2030-god/>
10. Новый этап реформирования правовых основ российского местного самоуправления, Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации и зарубежных странах: сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием. Москва, РУДН, 25–29 апреля 2022 г. / под ред. д.ю.н., проф. Л.Т. Чихладзе, к.ю.н. Е.Ю. Комлева. – Москва: РУДН, 2022. – с. 87.

DIGITALIZATION AND LOCAL SELF-GOVERNMENT: CONTEMPORARY CHALLENGES AND PROSPECTS

Kudinov A.S.
Tver State University

The article addresses the challenges and prospects of the digitalization of local government in Russia. It explores the current issues faced by local authorities in implementing information technologies into the municipal governance system. Special attention is given to data security, the unification of standards for electronic municipal services, and ensuring equal access to digital services for citizens. The article evaluates existing legal regulations governing digitalization and proposes directions for improving the legal framework. It emphasizes the need for enhanced cybersecurity, increased digital literacy of the population, and the creation of conditions for the effective functioning of digital platforms at all levels of local government.

Keywords: Digitalization, local government, municipal services, electronic services, cybersecurity, personal data, digital literacy, information technologies, equal access, legal framework, electronic voting, digital services standards, citizen engagement, technological innovations, digitalization regulation.

References

1. Federal Law of July 27, 2006 N 152-FZ (as amended on February 6, 2023) "On Personal Data" Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/be83e944acb-538254bfc9bf073ece847ea189143/
2. Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" of July 27, 2006 N 149-FZ (latest revision) July 27, 2006 N 149-FZ Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
3. Grigoriev, A.I. Theory and practice of local self-government in Russia. – M.: Yurait, 2019, pp. 134–145.

4. Belyaev, P.V. Local self-government as the basis of democracy. – St. Petersburg: Piter, 2018, pp. 78–83.
5. Khramov, V.A. Constitutional principles of local self-government. – M.: Norma, 2020, pp. 110–115.
6. Afanasyev, M.V. Legal regulation of local self-government in Russia. – M.: Statut, 2020, pp. 56–60.
7. Melnikov, I.S. Digitalization of municipal government in Russia: problems and prospects. – St. Petersburg: Piter, 2020, pp. 97–105.
8. Yudin, S.A. Electronic voting in Russia: legal and technical problems. – M.: RSUH, 2020, pp. 55–62.
9. WikiVisa. (2022). UK National Cybersecurity Strategy: 2022–2030. Available at: <https://wikivisa.ru/gosudarstvennaya-strategiya-kiberbezopasnosti-velikobritanii-s-2022-po-2030-god/>
10. New Stage of Reforming the Legal Foundations of Russian Local Self-Government, Problems and Prospects for the Development of Local Self-Government in the Russian Federation and Foreign Countries: Collection of Materials from the All-Russian Conference with International Participation. Moscow, RUDN, April 25–29, 2022 / edited by D.Sc. (Law), prof. L.T. Chikhladze, Ph.D. (Law). – Moscow: RUDN, 2022. – p. 87.

Сервитут как инструмент вовлечения в оборот неиспользуемых земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения

Берестов Николай Ильич,

аспирант кафедры земельного, природоресурсного, аграрного и экологического права, Государственный университет по землеустройству
E-mail: nicholaz@yandex.ru

Основным направлением в рамках аграрной политики является вовлечение в оборот земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения. В настоящее время в законодательстве предусмотрена один механизм эффективного использования земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения. Вместе с тем, необходимо расширять перечень возможных инструментов, позволяющих эффективно вовлекать в сельскохозяйственный оборот земельные участки. Одним из таких инструментов может стать сервитут. При наличии беспрепятственного доступа к земельным участкам из состава земель сельскохозяйственного назначения, сельхозтоваропроизводители смогут более рационально использовать такие земельные участки. Кроме того, цифровизация информации о наличии установленных сервитутов на земельных участках из состава земель сельскохозяйственного назначения позволит сохранить большую площадь таких участков для использования с наибольшей эффективностью и меньшими потерями как площади сельскохозяйственных угодий, так и урожая.

Ключевые слова: земельные ресурсы, земельная политика, государственное управление, земельные отношения, сервитут, публичный сервитут, вовлечение в сельскохозяйственный оборот.

Введение

Российская Федерация является самой большой по площади страной. При этом на 01.01.2024 общая площадь земель сельскохозяйственного назначения составляет 371 621,5 тыс. га (21,7%). Однако данный показатель ежегодно уменьшается. В целях сохранения продовольственной безопасности страны перед законодателем стоит задача по рациональному, а также надлежащему использованию земель и земельных участков сельскохозяйственного назначения.

Одним из инструментов вовлечение в оборот земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения может стать сервитут либо публичный сервитут.

Результаты исследований

Вовлечение в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения – одна из приоритетных задач в сфере управления земельными ресурсами.

Земельные участки из состава земель сельскохозяйственного назначения имеют особый значимый статус и в соответствии со статьей 79 Земельного кодекса Российской Федерации имеют приоритет в использовании и подлежат особой охране.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 14.05.2021 № 731 была утверждена Государственную программу эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации (далее – Государственная программа).

В рамках вышеуказанной Государственной программы будут проведены следующие мероприятия:

- установление актуальных границ земель сельскохозяйственного назначения, включая сельскохозяйственные угодья, в отношении 83 субъектов Российской Федерации;
- проведение оценки состояния плодородия неиспользуемой пашни, включающая сбор и обобщение результатов агрохимического, эколого-токсикологического и почвенного обследований, вовлечение которой необходимо для отрасли растениеводства;
- подготовка проектов межевания земельных участков, выделяемых в счет невостребованных земельных долей, находящихся в собственности муниципальных образований;
- осуществление государственного кадастрового учета земельных участков из состава зе-

мель сельскохозяйственного назначения, государственная собственность на которые не разграничена, и земельных участков, выделяемых в счет не востребованных земельных долей, находящихся в собственности муниципальных образований, с внесением в Единый государственный реестр недвижимости сведений о таких земельных участках, в том числе об их границах, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации;

- вовлечение в оборот выбывших сельскохозяйственных угодий за счет проведения культуротехнических мероприятий;
- обеспечение эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации путем внедрения цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления, в том числе в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства, посредством создания сервисов эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения с интеграцией с Единым государственным реестром недвижимости путем межведомственного взаимодействия и сервисов развития мелиоративного комплекса, а также обеспечения их функционирования.

При этом необходимо отметить, что при осуществлении государственного кадастрового учета земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения может возникнуть ситуация, когда поставленный на государственный кадастровый учет земельный участок, который будет инвестиционно привлекательным для ведения сельскохозяйственной деятельности, не будет иметь выхода к землям общего пользования, либо к иным благам.

Кроме того, если указанный земельный участок находится в государственной или муниципальной собственности, лицо, которому земельный участок предоставлен на правах аренды не в праве требовать установления сервитута, в целях получения отсутствующих благ.

Статьей 274 Гражданского кодекса Российской Федерации установлен перечень лиц, которые могут требовать установления сервитута.

1. Собственник соседнего земельного участка или другой недвижимости.
2. Собственник другого земельного участка (соседнего участка).
3. Лицо, которому земельный участок предоставлен на праве пожизненного наследуемого владения или праве постоянного (бессрочного) пользования.
4. иное лицо в случаях, предусмотренных федеральными законами.

С вышеуказанной нормой, корреспондируется норма земельного законодательства, содержащаяся в статье 39.23 Земельного кодекса Российской Федерации, согласно которой соглашение об установлении сервитута в отношении земель-

ного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается в случаях, установленных гражданским законодательством, Земельным кодексом Российской Федерации, другими федеральными законами, и, в частности, в следующих случаях:

- 1) размещение линейных объектов, сооружений связи, специальных информационных знаков и защитных сооружений, не препятствующих разрешенному использованию земельного участка;
- 2) проведение изыскательских работ;
- 3) осуществление пользования недрами.

При этом в указанном случае может обратиться, например, подрядная организация, которая строит линейный объект.

Так в 2024 году в Министерство сельского хозяйства Российской Федерации обратилась подрядная организация с целью установления сервитута для строительства водозабора и водопровода на земельном участке, предоставленном на праве постоянного (бессрочного) пользования федеральному государственному бюджетному учреждению в сфере мелиорации, находящемуся в ведении Министерства сельского хозяйства Российской Федерации.

При этом вышеуказанная организация была подрядчиком у арендатора смежного земельного участка.

По итогам рассмотрения обозначенного обращения Министерством сельского хозяйства Российской Федерации было принято решение о согласовании заключения соглашения об установлении сервитута в отношении земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения, предоставленного подведомственному Министерству сельского хозяйства Российской Федерации федеральному государственному бюджетному учреждению в сфере мелиорации.

Однако, как уже отмечалось ранее арендатор земельного участка не в праве требовать установления сервитута.

Так в Министерство сельского хозяйства Российской Федерации обратился сельхозтоваропроизводитель, которому земельный участок, находящийся в муниципальной собственности был предоставлен на праве аренды, для согласования установления сервитута для прохода и проезда к арендованному земельному участку, так как проход на данный земельный участок мог осуществляться через земельный участок, предоставленный подведомственной Министерству сельского хозяйства Российской Федерации организации.

Рассмотрев указанное обращение Министерство сельского хозяйства Российской Федерации указало на, то что для установления сервитута необходимо чтобы с таким заявлением обратился собственник земельного участка.

Однако от органов местного самоуправления обращения в Министерство сельского хозяйства Российской Федерации так и не поступило. Кроме того, в связи с отсутствием доступа на обозна-

ченный земельный участок, а также его обработки данный земельный участок начал заселяться.

На обозначенных примерах видно, что в первом случае земельный участок смог эффективно быть вовлечен в оборот, во втором – нет.

Для целей эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения одним из инструментов может быть сервитут и (или) публичный сервитут.

Так, в случае если на законодательном уровне будет установлено, что арендатор земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения вправе требовать от собственников и пользователей смежных земельных участков установления сервитута, то большая часть земельных участков, у которых отсутствует иной доступ кроме как через иные земельные участки, смогут быть рационально использованы.

При этом в целях рационального использования земель сельскохозяйственного назначения необходимо при установлении сервитута в отношении таких земельных участков использовать существующие полевые дороги.

Также в целях обеспечения эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации предлагаем рассмотреть установление в законодательстве Российской Федерации норму, в соответствии с которой для строительства мелиоративного комплекса будет устанавливаться публичный сервитут.

Помимо вышеизложенного для эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения необходимо проведение оценки состояния плодородия неиспользуемой пашни, включающая сбор и обобщение результатов агрохимического, экологотоксикологического и почвенного обследований.

Вышеуказанное обследование, а также рекомендации по использованию вовлекаемых в оборот земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения позволят рационализировать использование обозначенных земельных участков. Кроме того, вышеуказанная информация позволит сельхозтоваропроизводителям планировать свою деятельность, а также минимизировать риски.

При этом, информация об обследовании вовлекаемых земельных участках должна быть в общедоступном информационном ресурсе.

Помимо обозначенного, в рамках внедрения цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления, в том числе в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства предлагается на общедоступной платформе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» представлять данные обо всех сервитутах и публичных сервитутах, установленных на землях сельскохозяйственного назначения.

Однако в законодательстве Российской Федерации в настоящее время предусмотрен только один единственный механизм, способствующий

эффективному использованию земельного участка сельскохозяйственного назначения. Данным механизмом является, установленное статьей 6 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» изъятие земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения, который не используется по целевому назначению или используется с нарушением законодательства Российской Федерации.

Так земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения может быть изъят у его собственника по решению суда в случае, если:

1) в рамках федерального государственного земельного контроля (надзора) на дату проведения контрольного (надзорного) мероприятия выявлен факт неиспользования такого земельного участка по целевому назначению в течение трех и более лет;

2) в рамках федерального государственного земельного контроля (надзора) на дату проведения контрольного (надзорного) мероприятия такой земельный участок используется с нарушением законодательства Российской Федерации не менее трех лет подряд с даты выявления в рамках федерального государственного земельного контроля (надзора) данного нарушения;

3) такой земельный участок используется с нарушением законодательства Российской Федерации, повлекшим за собой существенное снижение плодородия земель сельскохозяйственного назначения или причинение вреда окружающей среде;

4) приобретенный в соответствии с настоящей статьей такой земельный участок не используется по целевому назначению по истечении одного года с даты его приобретения.

Вместе с тем, указанный механизм не может гарантировать, что новый правообладатель изъяттого земельного участка сможет его эффективно использовать.

Законодатель, совершенствуя нормативную базу, постоянно стремится к созданию более четкой и беспристрастной системы регулирования возникновения, применения и прекращения сервитутов на сельскохозяйственных угодьях. Это направлено на уменьшение числа правовых противоречий и защиту прав как владельцев земельных участков, так и лиц, использующих сервитут.

При этом, ключевым моментом остается достижение равновесия между интересами всех участников и учет особенностей сельскохозяйственной деятельности. Важно соблюдать баланс, чтобы ни одна из сторон не была ущемлена, и чтобы сельскохозяйственное производство могло осуществляться эффективно и беспрепятственно.

Заключение

Сервитут может является одним из инструментов для вовлечения в оборот земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения. Для этого в законодательство Российской Федерации необхо-

димо внести ряд изменений, таких как возможность установления сервитута по требованию арендатора земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения, а также предусмотреть возможность установления публичного сервитута для строительства мелиоративного комплекса.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.10.2024) // [Электронный ресурс] // www.consultant.ru.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // в ред. от 20.03.2025 // [Электронный ресурс] // www.consultant.ru.
3. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // в ред. от 10.03.2025 // [Электронный ресурс] // www.consultant.ru.
4. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // в ред. от 26.12.2024 // [Электронный ресурс] // www.consultant.ru.
5. Постановление Правительства РФ от 14.05.2021 № 731 «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации» (ред. от 24.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // [Электронный ресурс] // www.consultant.ru.
6. Воронина Н.П. Земельное право // Воронина Н.П., Онищенко И.С. Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики. Вологда, 2023 Издательство: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний (Вологда) – С. 181–206.
7. Поздняков Д.Г. Актуальность совершенствования систем мониторинга земель для целей вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения // Студенческий вестник. № 19–9 (211) – Москва. Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Интернаука», 2022. С. 59–64.
8. Потоцкая Л.Н. Исследование концептуальных основ механизма сельскохозяйственного землепользования в условиях цифровизации экономики // АПК: ЭКОНОМИКА, УПРАВЛЕНИЕ № 10 – Саратов, 2022. С. 60–67.
9. Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2020 году. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2022. – 384 с. Текст: электронный // Минсельхоз России [сайт]. – URL: [chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://cctmcx.ru/upload/iblock/859/85939bcfc-c1153e193246538bf900ea0.pdf](https://cctmcx.ru/upload/iblock/859/85939bcfc-c1153e193246538bf900ea0.pdf)
10. Процесс вовлечения в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения

ускорен на законодательном уровне – Текст: электронный // Россельхознадзор [сайт]. – URL: <https://81.fsvps.gov.ru/news/process-vovlechenija-v-оборот-neispolzuemyh-zemel-selskohozjajstvennogo-naznachenija-uskoren-na-zakonodatelnom-urovne/>

EASEMENT AS A TOOL FOR INVOLVING AGRICULTURAL LAND PLOTS IN THE TURNOVER

Berestov N.I.

State University of Land Management

The main direction in the framework of agrarian policy is the involvement of land plots from agricultural lands in the turnover. Currently, the legislation provides for one mechanism for the effective use of land plots from agricultural land. At the same time, it is necessary to expand the list of possible tools that make it possible to effectively involve land plots in agricultural turnover. An easement may be one of these tools. If there is unhindered access to land plots from agricultural lands, agricultural producers will be able to use such land plots more efficiently. In addition, digitalization of information on the availability of established easements on land plots from agricultural lands will allow to save a large area of such plots for use with the greatest efficiency and less losses as agricultural areas.

Keywords: land resources, land policy, public administration, land relations, easement, public easement, involvement in agricultural turnover.

References

1. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994. № 51-FZ (as amended on August 8, 2024) (as amended and supplemented, entered into force on October 31, 2024) // [Electronic resource] // www.consultant.ru.
2. Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001 № 136-FZ // as amended on March 20, 2025 // [Electronic resource] // www.consultant.ru.
3. Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 № 20 “On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation” // as amended on March 10, 2025 // [Electronic resource] // www.consultant.ru.
4. Federal Law of 24.07.2002 № 101-FZ “On the Circulation of Agricultural Land” // as amended on 26.12.2024 // [Electronic resource] // www.consultant.ru.
5. Resolution of the Government of the Russian Federation of 14.05.2021 № 731 “On the State Program for the Effective Involvement of Agricultural Land into Circulation and the Development of the Land Reclamation Complex of the Russian Federation” (as amended on 24.12.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2025) // [Electronic resource] // www.consultant.ru.
6. Voronina N.P. Land law // Voronina N.P., Onishchenko I.S. Federal Penitentiary Service, Vologda Institute of Law and Economics. Vologda, 2023 Publisher: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service (Vologda). – pp. 181–206.
7. Pozdnyakov D.G. Relevance of improving land monitoring systems for the purposes of involving agricultural lands into circulation // Student Bulletin. № 19–9 (211). – Moscow. Publisher: Limited Liability Company “Internauka”, 2022. – pp. 59–64.
8. Potockaya L.N. Study of the conceptual foundations of the mechanism of agricultural land use in the context of digitalization of the economy // APK: ECONOMICS, MANAGEMENT № 10 – Saratov, 2022. – pp. 60–67.
9. Report on the status and use of agricultural lands of the Russian Federation in 2020. – M.: FGBNU “Rosinformagrotech”, 2022. – 384 p. Text: electronic // Ministry of Agriculture of Russia [website]. – URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://cctmcx.ru/upload/iblock/859/85939bcfc-c1153e193246538bf900ea0.pdf
10. The process of involving unused agricultural lands into circulation has been accelerated at the legislative level – Text: electronic // Rosselkhoz nadzor [website]. – URL: <https://81.fsvps.gov.ru/news/process-vovlechenija-v-оборот-neispolzuemyh-zemel-selskohozjajstvennogo-naznachenija-uskoren-na-zakonodatelnom-urovne/>

Соглашения о передаче полномочий между МВД России и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации: возможность или обязательство?

Курашова Мария Михайловна,

адъюнкт института, ФГКОУ ВО «Воронежский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
E-mail: km4498@yandex.ru

Статья посвящена исследованию административно-договорных механизмов взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в части, касающейся реализации административно-деликтного законодательства. В качестве предмета исследования выступают соглашения о передаче полномочий между МВД России и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Используя общие и частные методы научного познания, в частности сравнительно-правовой метод, автор приходит к выводу об объективной необходимости распространения опыта заключения подобных соглашений, обусловленной не только особенностями действующего сегодня административного законодательства, но и самой юридической природой таких соглашений. В заключении также формулируется вывод об особой значимости дискреционной составляющей в административно-договорных отношениях, позволяющей реализовывать диспозитивный потенциал административных договоров.

Ключевые слова: публичное управление, исполнительная власть, административно-договорной механизм, делегирование полномочий, взаимодействие, соглашение о передаче полномочий.

В современных условиях развития федеративных отношений в Российской Федерации не теряет актуальности исследование механизмов взаимодействия между федеральными органами исполнительной власти (далее – ФОИВ) и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (далее – ОИВ субъектов РФ). Одним из ключевых инструментов такого взаимодействия выступают соглашения о передаче полномочий, возможность заключения которых предусмотрена ч. 2 ст. 78 Конституции РФ.

Особую значимость данный вопрос приобретает в контексте деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), поскольку от эффективности реализации передаваемых полномочий напрямую зависит обеспечение правопорядка и общественной безопасности на территории субъектов РФ. При этом практика заключения и реализации соглашений о передаче полномочий между МВД России и региональными органами власти характеризуется рядом существенных особенностей и противоречий, требующих научного осмысления.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления баланса между возможностью и обязательностью передачи полномочий, определения оптимальных механизмов взаимодействия между федеральным центром и субъектами РФ в рамках рассматриваемого правового института.

Следует отметить, что проблематика делегирования полномочий в публично-правовой сфере многоаспектна. Неоднозначность определения делегирования, вопросов легитимности, контроля и ответственности, качества услуг, сопутствующие политические и социальные факторы, распределение ресурсов, надлежащие правовые рамки такого делегирования – вот лишь некоторые проблемные моменты, с которыми сталкиваются правоприменители в процессе разработки и заключений соглашений о передаче полномочий. Полагаем, каждый из представленных нами выше аспектов заслуживает самостоятельного глубокого исследования. Именно поэтому в настоящей статье будут отражены результаты анализа, на наш взгляд, наиболее важных из них – вопроса целесообразности и уместности применения административно-договорной формы в качестве инструмента эффективного публичного управления. Основой анализа будет являться одна из разновидностей таких административных договоров – соглашения о пе-

передаче полномочий между МВД России и органами исполнительной власти субъектов РФ.

Генезис научной дискуссии по вопросам договорного регулирования отношений, возникающих в публично-правовой сфере, восходит к началу XX века. Однако ввиду особенностей политического и экономического развития нашего государства в советский период административно-договорной опыт не получил должной теоретико-правовой поддержки. Только принятие в 1993 году Конституции РФ сделало административный договор заметным на всех уровнях органов исполнительной власти и придало рассматриваемой форме управленческой деятельности особое значение не только с позиции законодательства, но и в юридической литературе [1, с. 167].

На сегодняшний день основные нормативно-правовые положения о соглашениях о передаче полномочий между МВД России и органами исполнительной власти субъектов РФ являются:

1. Ст. 71–73 Конституции РФ;
2. Ст. 7, ст. 51 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – ФЗ № 414);
3. Абз. 2 ч. 6 ст. 28.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) и др.

Далее обратимся к существующей на сегодняшний день практике заключения подобных соглашений в сфере внутренних дел. Так, согласно данным, размещенным в портале Минюста России «Нормативные правовые акты в Российской Федерации», в настоящее время действуют 77 соглашений и дополнительных соглашений о передаче полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях между территориальными органами МВД России и ОИВ субъектов РФ.

Анализ рассматриваемых соглашений позволил выделить наиболее «популярные» составы региональных административных правонарушений:

Нарушение тишины и покоя граждан;

1. Нарушение общественного порядка, выразившееся в приставании к гражданам с целью гадания, навязывания религиозных убеждений, выпрашивания денег (попрашайничества) или материальных ценностей;
2. Нарушение общественного порядка, выразившееся в отправлении естественных надобностей человека в не предусмотренных для этого местах (общественных местах);
3. Нарушение установленных запретов в сфере защиты детей от фактов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие;
4. Нарушение общественного порядка при проведении (посещении) массовых и спортивных мероприятий;
5. Нанесение надписей, рисунков, графических изображений, размещение, расклеивание, вывешивание информационных материалов вне

отведенных для этих целей мест или в общественных местах.

Важно отметить, что необходимость заключения таких соглашений возникла в 2014 году, когда сотрудники полиции на законодательном уровне лишились прямых полномочий документировать указанные выше региональные составы административных правонарушений.

Вместе с тем, далеко не во всех субъектах Российской Федерации заключены соглашения о передаче полномочий между региональными ОИВ и МВД России. Например, п. 1 ч. 2 ст. 8 Закона Воронежской области от 31 декабря 2003 г. № 74-ОЗ «Об административных правонарушениях на территории Воронежской области» уполномочивает должностных лиц полиции составлять протоколы о совершении административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.2, ст. 20, ст. 20.2 и других.

В следующем абзаце указанного выше п. 1 ч. 2 ст. 8 устанавливается и обязательное условие, при котором рассматриваемая правовая норма «работает» – наличие соглашения о передаче полномочий. Однако несмотря на подготовленную нормативную базу в настоящее время Правительство Воронежской области не имеет подобного соглашения с ГУ МВД России по Воронежской области.

Возникает вопрос: заключение соглашений о передаче полномочий между МВД России и ОИВ субъектов РФ – это объективная потребность, рожденная правоприменительной практикой (возможность), или способ нивелирования последствий правовой коллизии (обязательство)? Ведь зачастую реализация указанных соглашений состоит скорее из преодоления препятствий, нежели должным образом обеспечивается на всех уровнях.

Так, основным препятствием на пути к заключению таких соглашений является отсутствие единого мнения по принципиальному вопросу финансирования передаваемых полномочий. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 51 ФЗ № 414 передача части полномочий ОИВ субъекта РФ в рамках соглашения с ФОИВ может быть осуществлена только с передачей необходимых материальных и финансовых средств. А.В. Швецов и К.А. Султанов справедливо отмечают, что зачастую ОИВ субъектов РФ не устраивает сам принцип возмездной реализации полицией передаваемых ей отдельных региональных полномочий [2, с. 272]. Об опасности идеи «возмездности», платности услуг федеральных правоохранителей заявляют и представители научного сообщества [3, с. 119]. Полагаем, какого-либо иного толкования или «взгляда» на положения, прямо предусмотренные федеральным законодательством, быть не должно, особенно в вопросах охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Анализ процесса передачи полномочий МВД России выявляет ряд и других существенных проблем. Прежде всего, отмечается передача, так называемых «мёртвых» полномочий, реализация ко-

торых затруднена из-за отсутствия необходимых механизмов исполнения. Дополнительно осложняет ситуацию процедура двустороннего согласования проектов соглашений, которая характеризуется высокой степенью бюрократизации. Существенное влияние оказывает также сам процесс калькуляции материальных и финансовых ресурсов, выделяемых ОИВ субъектов РФ для реализации соглашений о передаче полномочий. Совокупность указанных факторов позволяет констатировать, что рассматриваемые соглашения заключаются преимущественно вопреки объективным обстоятельствам, а не благодаря наличию оптимальных условий для их реализации.

Абсолютно очевиден тот факт, что совершенствование административно-договорной формы реализации полномочий ФОИВ требует унификации договорной практики и разработки типовых форм административных договоров для различных сфер государственного управления. При этом необходимо также обеспечить прозрачность заключения административных договоров, в том числе путем создания эффективного механизма контроля за их исполнением, позволяющего повысить качество государственного управления и обеспечить защиту прав участников административно-договорных отношений.

Вместе с тем в контексте нашего исследования не может быть проигнорирован положительный опыт города Москвы. Так, на протяжении почти 10 лет между МВД России и Правительством Москвы действует соглашение о передаче городу Москве части федеральных полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 5 ст. 12.16 КоАП – Несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части дороги, запрещающими остановку или стоянку транспортных средств, совершенное в городе федерального значения Москве или Санкт-Петербурге.

Согласно данным Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области, на 1 января 2025 года численность только постоянного населения г. Москвы составляет 13.274.285 человек [4]. При этом современные условия общественной жизни диктуют необходимость каждой семье иметь как минимум одно транспортное средство, а в лучшем случае – по одному на каждого взрослого члена семьи. Вновь обратимся к статистическим данным: в период с 2000 по 2023 год количество собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения г. Москвы увеличилось с 189,1 до 278,4 соответственно [5]. А говорить о том, какое количество человек посещает столицу нашей страны для осуществления трудовой деятельности, с целью туризма, обучения, а также по иным причинам, просто не представляется возможным.

К слову, аналогичное соглашение заключено также и между Правительством Санкт-Петербурга и МВД России.

Статистические данные демонстрируют прямую корреляцию между демографическими показателями и объемом административной нагрузки на сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД), осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях в различных сферах общественной жизни. Проведенный анализ позволяет констатировать, что исследуемые соглашения обладают существенным потенциалом в контексте оптимизации административно-юрисдикционной деятельности ОВД. В рамках проведенного анализа представляется представляется обоснованным сделать вывод о распространении практики заключения рассматриваемых соглашений не только на субъекты Российской Федерации, имеющие статус городов федерального значения (Москва и Санкт-Петербург).

Итак, соглашения о передаче полномочий между МВД России и органами исполнительной власти субъектов РФ являются удобной формой, прежде всего, эффективного реального взаимодействия и координации органов исполнительной власти на всех уровнях публичной власти. Ключевыми факторами, обуславливающими значимость административных договоров в современной системе публичного управления, на наш взгляд, выступают: гибкость управления, согласованность действий, эффективная реализация функций, способствование развитию институтов публичного управления. Уверены в очевидности следующих преимуществ использования административных договоров в целях координации действий между различными органами публичной власти: четкая юридическая регламентация, возможность долгосрочного планирования, защита интересов всех участников договорных отношений, предусмотренная процедура заключения, а также наличие юридической ответственности за несоблюдение условий договора. Наиболее важным достоинством рассматриваемых соглашений тот факт, что закрепляемое ими взаимодействие публичных органов осуществляется именно в том объеме и порядке, который будет удовлетворять обе стороны соглашения.

В контексте нашего рассуждения важно напомнить и о принципе реализации свободы административных договоров в публичных правоотношениях, который означает возможность субъектов административного права заключать договоры на основе добровольного согласия и в соответствии с законодательством [6, с. 28]. Одними из основных аспектов указанного принципа являются: 1) добровольность заключения договора: субъекты административного права могут свободно выбирать, заключать ли им административный договор, при условии соблюдения законодательства и установленных правил, и 2) соблюдение баланса интересов: при заключении административного договора необходимо учитывать интересы государства, органов местного самоуправления и других участников договора. Договор должен быть направлен на достижение целей публичного ин-

тереса и обеспечение эффективного управления. Убеждены, указанное обстоятельство является реальным отражением дискреции, выступающей в качестве одной из ключевых составляющих компетенции должностных лиц публичных органов. Административно-договорная сущность таких соглашений – это не способ исполнения обязанности, а предусмотренная законом возможность проявления диспозитивности там, где ее природа имеет публично-правовой характер.

На наш взгляд, выявленные трудности, возникающие в процессе заключения соглашений о передаче полномочий представляют собой преодолимые препятствия, требующие системного подхода к их устранению. Их актуализация и последующая проработка в рамках совершенствования нормативно-правовой базы являются не только возможными, но и объективно необходимыми для обеспечения эффективного функционирования механизма межвластных отношений в контексте разграничения полномочий.

Литература

1. Завьялова И. С., Махина С.Н. Административный договор в системе организации государственно-управленческой деятельности Российской Федерации // Территория науки. 2014. № 1. С. 166–172.
2. Швецов А. В., Султанов К.А. К вопросу о финансовом обеспечении передаваемых полиции полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных законодательством субъектов Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 270–274.
3. Соколова Ю. А. О правовых проблемах заключения соглашений между МВД России и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, предусмотренных кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 118–120.
4. Оценка численности постоянного населения муниципальных образований Московской области на 1 января 2025 года и в среднем за 2024 год // Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области [Электронный ресурс]. URL: <https://77.rosstat.gov.ru/folder/64634> (дата обращения: 20.03.2025).
5. Количество собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения по субъектам Российской Федерации // Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс].

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 20.03.2025).

6. Попов А.И. Реализация принципа свободы договора в административно-договорных правоотношениях // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 4 (45). С. 26–32.

AGREEMENTS ON THE TRANSFER OF POWERS BETWEEN THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA AND THE EXECUTIVE AUTHORITIES OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: AN OPPORTUNITY OR AN OBLIGATION?

Kurashova M.M.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

The article is devoted to the study of administrative and contractual mechanisms of interaction between federal executive authorities and executive authorities of the subjects of the Russian Federation in terms of the implementation of administrative and tort legislation. The subject of the study is agreements on the transfer of powers between the Ministry of Internal Affairs of Russia and the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation. Using general and particular methods of scientific knowledge, in particular the comparative legal method, the author comes to the conclusion that there is an objective need to spread the experience of concluding such agreements, due not only to the peculiarities of current administrative legislation, but also to the very legal nature of such agreements. The conclusion also formulates a conclusion about the special importance of the discretionary component in administrative-contractual relations, which makes it possible to realize the dispositive potential of administrative contracts.

Keywords: public administration, executive power, administrative and contractual mechanism, delegation of authority, interaction, agreement on transfer of authority.

References

1. Zav'ialova, I. S., Makhina, S.N. Administrative contract in the system of organizing public administration activities of the Russian Federation // Territory of Science. 2014. № 1. P. 166–172. (In Russ.).
2. Shvetsov, A. V., Sultanov, K.A. On the issue of financial support for the powers transferred to the police to draw up protocols on administrative offenses provided for by the legislation of the constituent entities of the Russian Federation // Bulletin of Economic Security. 2019. № 2. P. 270–274. (In Russ.).
3. Sokolova, Iu.A. On legal problems of concluding agreements between the Ministry of Internal Affairs of Russia and executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation, provided for by the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses // Gaps in Russian legislation. 2017. № 3. P. 118–120. (In Russ.).
4. Assessment of the permanent population of the municipalities of the Moscow Region as of January 1, 2025 and on average for 2024 // Official website of the Office of the Federal State Statistics Service for Moscow and the Moscow Region [Electronic resource]. URL: <https://77.rosstat.gov.ru/folder/64634> (date of access: 03/20/2025).
5. The number of own passenger cars per 1000 people in the subjects of the Russian Federation // Official website of the Office of the Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (date of request: 03/20/2025).
6. Popov, A.I. Implementation of the principle of freedom of contract in administrative-contractual legal relations // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4 (45). P. 26–32. (In Russ.).

Правовое регулирование использования земельных участков в Российской Федерации

Малиевская Дарья Ивановна,

частнопрактикующий юрист, член Ассоциации юристов России

E-mail: darya.malievskaya@yandex.ru

В статье рассмотрены дефиниции понятия «земельный участок». Представлены типологии земельных участков по критериям целевого назначения и использования. Рассмотрены отличия между понятиями «целевое назначение» и «вид использования» земельного участка. Разрешённое использование земельного участка – параметр, сочетающий в себе цели использования, объем прав и обязанностей лица, которому принадлежит земельный участок. Вид разрешённого использования земельного участка следует считать ключевым индивидуализирующим признаком земельного участка. Описана система правового регулирования использования земельных участков в Российской Федерации. Описаны ситуации принудительного прекращения использования участка.

Ключевые слова: земельный участок, земельное право, вид разрешенного использования, целевое назначение земельного участка, охрана окружающей среды, землепользование

Земельный участок представляет собой не только объект гражданских прав, но и природный ресурс, несущий определённую экономическую, экологическую и социальную нагрузку. По этой причине вопросы правового регулирования землепользования занимают ключевое место в системе земельного законодательства и требуют комплексного научного анализа.

Земельное право представляет собой одним из наиболее значимых сегментов отечественного законодательства, положения которого направлены на регулирование правоотношений, возникающих в связи со владением, использованием, распоряжением и охраной земель. *Актуальность* изучения вопросов земельного права можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, земельное законодательство Российской Федерации претерпевает регулярные изменения, что требует обновления соответствующих научных представлений. Современное правовое регулирование стремится к гармонизации публичных и частных интересов, что также требует выработки и обоснования новых доктринальных подходов и законотворческих решений. Во-вторых, с экономической точки зрения земля выступает ключевым фактором производства, а земельные участки – основой для осуществления предпринимательской, сельскохозяйственной, строительной и иной экономической деятельности. В условиях ограниченности и неравномерности распределения земельных ресурсов особую значимость приобретает правовое обеспечение эффективного землепользования. В-третьих, изучение земельного права также представляет собой актуальную задачу с точки зрения охраны окружающей среды и устойчивого развития государства.

Особое значение в данном контексте приобретает категория вида разрешённого использования, выступающая ключевым инструментом определения допустимых форм эксплуатации участка.

Прежде всего требуется обратиться к основной терминологической категории рассматриваемого сегмента правовой системы – «земельный участок». Понятие земельного участка, безусловно, имеет системообразующее значение для отрасли земельного права и регулирования отношений, складывающихся в его рамках. Данная категория определена в положениях п. 3 ст. 6 Земельного кодекса Российской Федерации, согласно которым земельный участок является «недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи» [5]. Данная дефиниция впоследствии была

дополнена положениями ст. 11.1 Гл. 1. Земельного Кодекса, в которых земельный участок также определяется как «часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами» [5]. Таким образом, земельный участок в российском законодательстве выступает плоскостным понятием, измеряемым по площади [8, с. 268]. Еще одну дефиницию можно встретить в тексте Гражданского Кодекса Российской Федерации, где в п. 1 ст. 141.2 земельный участок определяется как «часть поверхности земли, границы которой определены в порядке, установленном законом» [4]. По мнению ряда исследователей, наличие нескольких дефиниций одного и того же понятия существенно осложняет дальнейший законотворческий процесс и правоприменительную практику, и по этой причине предлагается выработать единую дефиницию, содержательно включающую в себя компоненты всех существующих определений [11, с. 76].

Земельные участки российский законодатель дифференцирует по критерию целевого назначения (п. 1 ст. 7 Земельного Кодекса). В рамках подобной классификации земельные участки, предоставляемые в собственность, разделяются на (1) земли сельскохозяйственного назначения и (2) земли населенных пунктов. Подобная типология и разделение разных типов участков земельного фонда имеет прикладную значимость, так как выступает базисом для определения вида применения и использования выделенных земель. Все это позволяет также сделать вывод о наличии классификации по критерию целей использования земельных участков: (1) участки, используемые для ведения сельского хозяйства; (2) участки, занятые под садоводство и огородничество; (3) участки, выделенные под строительство; (4) участки, связанные с предпринимательской деятельностью. При этом цель использования участка не следует считать константным, зафиксированным параметром: в практике возможны изменения целей использования земельного участка, обусловленного изменением характера осуществляемой на участке деятельности [8, с. 269]. Разрешение на использование земельного участка можно интерпретировать как «расширение сферы и способов использования земли (земельных участков), поскольку ведет к извлечению из него больших экономических ресурсов и возможностей» [6, с. 72].

Целевое назначение земельного участка в общем виде можно определить как юридически (законодательно) закреплённую характеристику земельного участка, детерминирующую допустимые способы его использования в соответствии с отношением данного участка к определённой категории земель, с установленным видом разрешённого использования. При этом целевое назначение участка определяется не произвольно или по запросу владельца участка, а на основании учета различных факторов, исходя из соображений о сохранении баланса между государственными и частными интересами, а также принимая во внимания раз-

личные факторы рационального землепользования и охраны окружающей среды.

В зависимости от типа земельного участка, его значимости для общества и государства, региона и экономико-хозяйственного потенциала тот или иной критерий для категоризации может оказаться преобладающим. Так, к примеру, критерий охраны окружающей среды является доминирующим при регулировании земель, расположенных в Арктической зоне. Ключевым мотивом особенно жесткого правового режима в данном случае является стремление законодателя к экологически ответственному ведению деятельности в данном регионе [2, с. 184].

Определение категории земельного участка на основании его целевого использования влечет за собой установление правового режима, специфика которого обусловлена целевым назначением земли. При этом следует разграничивать понятия «целевое назначение» и «вид использования» земельного участка. Так, одна и та же категория земель может быть использована по-разному, следовательно, параметр вида использования превагирует с юридической точки зрения над параметром целевого назначения.

В данной связи особенно важно проанализировать понятие «разрешённое использование земельного участка». Дефиниции этой категории в отечественном законодательстве пока не закреплена. Тем не менее, переход от обобщенных формулировок к конкретным правовым нормам необходим, так как он позволит усовершенствовать правовые концепции и унифицировать правоприменительную практику в области землепользования [13, с. 415].

Анализ положений земельного права позволяет прийти к выводу о том, что разрешенное использование земельного участка можно трактовать в качестве совокупного параметра, сочетающего в себе цели использования, объем прав и обязанностей лица, которому принадлежит земельный участок. Разрешенное использование земельного участка можно, кроме того, интерпретировать как результат градостроительного зонирования. Градостроительное право как подsegment земельного права регулирует вопросы, связанные с разрешенным использованием земельных участков. В частности, следует отметить положения п. 6 ст. 30 Градостроительного кодекса Российской Федерации, в которых отмечается необходимость указания в градостроительном регламенте виды разрешённого использования земельных участков. Подп. 9 п. 1 ст. 1 Градостроительного кодекса определяет понятие «градостроительный регламент» как виды разрешенного использования земельных участков, включая объекты и среды, расположенные над и под поверхностью земельных участков, устанавливаемые в пределах границ соответствующей территориальной зоны [3].

По мнению отечественных правоведов, вид разрешённого использования земельного участка следует считать ключевым индивидуализиру-

щим признаком категории «земельный участок», так как именно вид использования детерминирует характер проводимой на нем деятельности и его границы [11, с. 79]. Значимость критерия «вид разрешенного использования» в отношении земельных участков подчеркивается и в тексте Земельного Кодекса; так, ст. 42 обязывает собственников и обладателей иных вещных прав на земельный участок использовать землю согласно разрешенному использованию [5].

Согласно Земельному кодексу, виды разрешенного использования земельных участков классифицируются следующим образом: (1) основной вид разрешенного использования – приоритетный и не требующий дополнительного согласования; (2) условно разрешенный вид разрешенного использования – требует согласования с органами власти; (3) вспомогательный вид – может осуществляться только в сочетании с основным. Перечень возможных видов разрешенного использования утверждён приказом Минэкономразвития РФ

№ 540 от 01.09.2014 «Классификатор видов разрешенного использования земельных участков» (редакция от 01 октября 2024 года, в т.ч. с изменениями вступила в силу с 30.03.2025).

Отметим, кроме того, положения Федерального закона от 30 декабря 2021 года № 493-ФЗ «О внесении изменений в статью 7 Земельного кодекса Российской Федерации» и статью 8 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости», которые определили, что с момента внесения сведений об основном или условно разрешенном виде использования земельного участка в ЕГРН подобный вид разрешенного использования считается выбранным для земельного участка [9]. Данные положения, безусловно, внесли ясность в порядок фиксации видов разрешенного использования земельных участков [7, с. 91].

Систему правового регулирования использования земельных участков в Российской Федерации можно представить в виде поуровневой структуры (Таблица 1):

Таблица 1. Структура системы правового регулирования использования земельных участков в Российской Федерации

Уровень	Содержание уровня
Конституционно-правовой	Конституция Российской Федерации (в частности, ст. 9, ст. 36, ст. 72 и проч.).
Федеральное законодательство	(1) Общеотраслевые законы и кодексы (Земельный кодекс Российской Федерации, Градостроительный кодекс, Гражданский кодекс); (2) законы, регулирующие конкретные сегменты земельного права (Федеральный закон «О кадастровой деятельности» от 24.07.2007 N 221-ФЗ, Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 N 218-ФЗ и др.).
Подзаконные нормативные акты	Указы Президента (Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. N 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»), постановления и распоряжения Правительства, ведомственные нормативные акты.
Региональные нормативные акты	Законы субъектов РФ о регулировании землепользования (Закон г. Москвы от 25.06.2008 N 28 (ред. от 13.11.2024) «Градостроительный кодекс города Москвы»).
Муниципальные нормативные акты	Правила землепользования и застройки, генеральные планы поселений и городских округов, решения местных советов депутатов и др.
Правоприменение	Постановления Пленумов Верховного Суда, определения Конституционного Суда, практика арбитражных судов по делам о нецелевом использовании и др.

Примечание: источник – составлено автором

На первый взгляд, факт владения земельным участком предоставляет владельцу всеобъемлющее право на его использование. Тем, не менее, более глубокий анализ позволяет сделать вывод о том, что правовой режим, распространяемый на земельные участки, способен существенно ограничивать это право [7, с. 89].

Помимо предоставления права на использование земельного участка определенным образом, отечественный законодатель также предусматривает ситуации принудительного прекращения использования. Так, в частности, ст. 284 Гражданского Кодекса легитимизирует изъятие участка в ситуации, когда участок предназначен для сельскохозяйственного производства или жилищного и иного строительства, но не используется для соответствующей цели в течение трех лет. Текст ст. 285 Гражданского Кодекса гласит, что земельный участок может быть изъят у собственника, который использует его вразрез с законодательством, в особенности – при несоответствии целе-

вого назначения или использования участка, что пагубно воздействует на плодородие сельскохозяйственных земель, причиняет вред окружающей среде [4]. Включение подобных норм в гражданское законодательство позволяет утверждать, что использование земельного участка в целях, не предусмотренных его категорией, считается гражданским правонарушением, за совершение которого право собственности на участок может быть утрачено.

Алгоритм и основания для принудительного прекращения прав на земельные участки по причине ненадлежащего использования регулируются ст.ст. 284–287 Гражданского Кодекса, ст.ст. 25, 46, и 54 Земельного Кодекса, ст. 6 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 N 101-ФЗ [10].

При этом положения данных актов не дублируют друг друга и направлены на регулирование различных ситуаций и видов правоотношений. Так, в частности, кодифицированное земельное право

регулирует основания изъятия земельных участков у землевладельцев и землепользователей, но не затрагивает право собственности. Гражданское законодательство и вышеотмеченный закон фиксируют основания прекращения права собственности на земельный участок, который используется не по целевому назначению либо с нарушением законодательства [1, с. 293].

В условиях процессов урбанизации, эффективизации сельского хозяйства, застройки площадей в городах и в сельской местности, роста инвестиционного спроса на земельные участки и трансформации моделей землепользования, проблема гибкости и адаптивности действующих законодательных норм приобретает особую значимость. Законодательство должно не только ограничивать недопустимые формы использования, но и создавать юридические механизмы для легитимного изменения вида разрешенного использования, перераспределения земельных ресурсов и защиты интересов всех участников правоотношений.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Земельный участок – недвижимая вещь, которая представляет собой часть земной поверхности и индивидуально определенную часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральным законодательством.
- Земельные участки российский законодатель дифференцирует по критерию целевого назначения (земли сельскохозяйственного назначения и земли населенных пунктов). По критерию целей использования земельных участков выделяются участки, используемые для ведения сельского хозяйства, занятые под садоводство и огородничество, выделенные под строительство, участки, связанные с предпринимательской деятельностью.
- Следует разграничивать понятия «целевое назначение» и «вид использования» земельного участка. Параметр вида использования превалирует с юридической точки зрения над параметром целевого назначения.
- Разрешенное использование земельного участка можно трактовать в качестве совокупного параметра, сочетающего в себе цели использования, объем прав и обязанностей лица, которому принадлежит земельный участок. Вид разрешенного использования земельного участка следует считать ключевым индивидуализирующим признаком категории «земельный участок», так как именно вид использования детерминирует характер проводимой на нем деятельности.
- Виды разрешенного использования земельных участков классифицируются следующим образом: основной вид разрешенного использования, условно разрешенный вид и вспомогательный вид.
- Систему правового регулирования использования земельных участков в российской феде-

рации можно представить в виде поуровневой структуры: конституционно-правовой уровень, уровень федерального законодательства, уровень подзаконных нормативных актов, уровень региональных нормативных актов, уровень муниципальных нормативных актов и уровень правоприменения.

- Факт владения земельным участком не предоставляет владельцу всеобъемлющее право на его использование. Отечественный законодатель также предусматривает ситуации принудительного прекращения использования.

Литература

1. Белякова, А.Н. Ненадлежащее использование земельного участка и его изъятие у субъекта права / А.Н. Белякова // Вестник науки. – 2024. – № 1 (70). – С. 292–297.
2. Будникова, Ю.Е. Особенности использования земель Арктической зоны РФ: правовые аспекты / Ю.Е. Будникова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8 (224). – С. 184–186.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/. – Дата доступа: 07.05.2025.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Дата доступа: 07.05.2025.
5. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/. – Дата доступа: 07.05.2025.
6. Корнеев, А.Л. Особенности действия норм об использовании земли (земельных участков) без предоставления / А.Л. Корнеев // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2022. – № 2. – С. 69–82.
7. Культюгина, А.Т. Разрешенное использование земельных участков: новеллы законодательства / А.Т. Культюгина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 5 (209). – С. 89–92.
8. Симоян, К.Р. Земельный участок как правовая дефиниция: текущее состояние и перспективы / К.Р. Симоян // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – № 4. – С. 267–273.
9. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 7 Земельного кодекса Российской Федерации и статью 8 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» от 30.12.2021 N 493-ФЗ (последняя ре-

дакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405504/. – Дата доступа: 07.05.2025.

10. Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 N 101-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37816/. – Дата доступа: 07.05.2025.
11. Шарифулин, А. А., Романова, О.А. Понятие «земельный участок» в свете легализации его определения в Гражданском кодексе Российской Федерации / А.А. Шарифулин, О.А. Романова // Уральский журнал правовых исследований. – 2023. – № 1 (22). – С. 75–80.
12. Щебленков, М. Е. К вопросу об определении понятия «виды разрешенного использования земельных участков» / М.Е. Щебленков // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 4 (69). – С. 95–98.
13. Щебленков, М.Е. Разрешенное использование земельных участков: исторический обзор / М.Е. Щебленков // Право и управление. – 2024. – № 1. – С. 411–416.

LEGAL REGULATION OF LAND USE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Malievskaya D.I.

Association of Lawyers of Russia

The article considers the definitions of the concept of land plot. Typologies of land plots according to the criteria of intended purpose and use are presented. The differences between the concepts of intended purpose and type of use of a land plot are considered. Permitted use of a land plot is a parameter that combines the purposes of use, the scope of rights and obligations of the person who owns the land plot. The type of permitted use of a land plot should be considered a key individualizing feature of a land plot. The system of legal regulation of land use in the Russian Federation is described. Situations of forced termination of land use are described.

Keywords: land plot, land law, type of permitted use, target purpose of a land plot, environmental protection, land use.

References

1. Belyakova, A.N. Improper use of a land plot and its seizure from a subject of law / A.N. Belyakova // Bulletin of Science. – 2024. – No. 1 (70). – P. 292–297.
2. Budnikova, Yu.E. Features of the use of lands of the Arctic zone of the Russian Federation: legal aspects / Yu.E. Budnikova // Law and state: theory and practice. – 2023. – No. 8 (224). – P. 184–186.
3. Urban development code of the Russian Federation dated 29.12.2004 N 190-FZ (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/. – Access date: 05/07/2025.
4. Civil Code of the Russian Federation // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Access date: 05/07/2025.
5. Land Code of the Russian Federation of 10/25/2001 N 136-FZ (as amended on 03/20/2025) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/. – Access date: 05/07/2025.
6. Korneev, A.L. Features of the action of the norms on the use of land (land plots) without provision / A.L. Korneev // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. – 2022. – No. 2. – P. 69–82.
7. Kultugina, A.T. Permitted use of land plots: legislative innovations / A.T. Kultugina // Law and state: theory and practice. – 2022. – No. 5 (209). – P. 89–92.
8. Simoyan, K.R. Land plot as a legal definition: current state and prospects / K.R. Simoyan // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. – 2022. – No. 4. – P. 267–273.
9. Federal Law “On Amendments to Article 7 of the Land Code of the Russian Federation and Article 8 of the Federal Law “On State Registration of Real Estate” dated 30.12.2021 N 493-FZ (latest revision) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405504/. – Access date: 05/07/2025.
10. Federal Law “On the Turnover of Agricultural Land” dated 07/24/2002 N 101-FZ // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37816/. – Access date: 05/07/2025.
11. Sharifulin, A. A., Romanova, O.A. The concept of “land plot” in light of the legalization of its definition in the Civil Code of the Russian Federation / A.A. Sharifulin, O.A. Romanova // Ural Journal of Legal Research. – 2023. – No. 1 (22). – P. 75–80.
12. Shchebленков, M.E. On the issue of defining the concept of “types of permitted use of land plots” / M.E. Shchebленков // Eurasian Advocacy. – 2024. – No. 4 (69). – P. 95–98.
13. Shchebленков, M.E. Permitted use of land plots: historical review / M.E. Shchebленков // Law and Management. – 2024. – No. 1. – P. 411–416.

Малютов Дмитрий Александрович,

аспирант, Международный инновационный университет
E-mail: dmitrij-malyutov@yandex.ru

В статье рассмотрен круг проблем, связанных с правовой коллизией. Акцентируется внимание на том, что традиционным является разделение коллизий по предмету на два вида – юридические и фактические; по причинам и условиям возникновения – на извинительные и непримиримые; по значению – на существенные и несущественные; а также на виновные коллизии и коллизии, исключаящие вину субъекта. Отмечены подходы к понятию «коллизия» в различных отраслевых юридических науках. Выявлено, что коллизия присуща как деятельности человека, так и результатам этой деятельности – материальным или идеальным. Сделан вывод о том, что в современной юриспруденции постепенно формируется и развивается теория правовых коллизий. Этот процесс характеризуется сложностью и противоречивостью основных подходов к коллизии как явлению правовой жизни и правовой категории.

Ключевые слова: коллизия, право, юридическая наука, генезис, анализ.

Теория правовой коллизии, которая формируется в современной юридической науке, характеризуется плюрализмом подходов к пониманию самого понятия «правовая коллизия», имеющее как свои преимущества, так и недостатки.

Бесспорно, положительно следует оценивать стремление исследователей к всестороннему и глубокому познанию этого понятия, имеющего чрезвычайно сложную юридическую природу. Однако отсутствие единства в подходах затрудняет научное осмысление феномена правовой коллизии. Очевидно, согласование имеющихся исследовательских позиций и заполнения пробелов между ними является актуальной задачей общетеоретической юриспруденции.

Сегодня даже на энциклопедическом уровне термин «правовая коллизия» толкуется довольно неоднозначно. Правовая коллизия заключается в неправильном осознании юридических свойств деяния и его последствий. В уголовном праве коллизия может исключать или смягчать уголовное наказание. При полном отсутствии вины лица наступление общественно опасных последствий рассматривается как случай (казус). Когда же коллизия обусловлена только незнанием законов, то за общим правилом это не исключает возможности привлечения виновного лица к уголовной ответственности. В гражданском праве коллизия в основном рассматривается как специфическая форма обмана при заключении сделки. Поэтому коллизия в праве может стать основанием для признания сделки недействительной [2].

Считаем это определение неполным и неточным, поскольку в нем, во-первых, отождествляются «правовая коллизия» и «обман», во-вторых, выделяются лишь коллизии в уголовном и гражданском праве, коллизии как общеправовую категорию обходят вниманием. Другое энциклопедическое издание, позиционируемое как «первое в Российской Федерации систематизированное сведение современных знаний об основных понятиях, наиболее значимых концепциях и целостных доктринах, выдвинутых и проработанных общей теорией права как фундаментальной юридической научной дисциплиной», вообще не содержит статьи о правовой коллизии [1]. Отправной точкой для правильного понимания правовой коллизии, по мнению практически всех исследователей, выступает общее понятие «коллизия», считающаяся многозначной.

Большой толковый словарь современного русского языка дает следующие значения слова «коллизия»: 1) неправильность в подсчетах, написании слова и др., 2) неправильность, неточность в ка-

ком-либо механизме, устройстве, в какой-то схеме, карте и др., 3) неправильность в поступках, действиях и т.д. [6].

Из приведенных определений следует, что коллизия присуща как деятельности человека, так и результатам этой деятельности – материальным или идеальным. В таких аспектах толкуется понятие «правовая коллизия» в юридической науке.

Больше всего внимания правовым коллизиям традиционно уделяют представители науки уголовного права. Очевидно, это обусловлено тем, что становление основных доктринальных положений в этой сфере началось еще со второй половины XVIII-в нач. XX в. в работах А.Ф. Бернера, Р. фон Гипеля, И.З. Гелера, С.В. Познышева, А. Фейербаха, Б.Д. Фридмана и других ученых – к такому выводу пришел в своем исследовании А.Ю. Прохоров [9].

Традиционным осталось и разделение коллизий по предмету на два вида – юридические и фактические; по причинам и условиям возникновения – на извинительные и непримиримые; по значению – на существенные и несущественные; а также на виновные коллизии и коллизии, исключаящие вину субъекта [4].

Различая юридическую и фактическую коллизии, М.С. Таганцев выделял и другие их виды. В частности, по содержанию он разграничивал коллизию, которая касается деяния и его последствий, и коллизию, касающуюся мотивов деятельности лица [5]. Современные российские исследователи считают наиболее оптимальным разделение коллизии в уголовном праве на юридическую и фактическую [7].

Помимо развития теории уголовно-правовой коллизии, исследователи разрабатывают практические рекомендации по законодательной регламентации положений о коллизии в Уголовном кодексе Российской Федерации, при этом обоснованием в основном выступает соответствующий опыт зарубежных государств. В частности, А.Д. Комаров считает необходимым дополнение уголовного закона «статьей универсального характера, которая бы устанавливала правила оценки фактической коллизии в обстоятельствах, которые исключают преступность деяния»; правда, в авторской редакции такой статьи речь идет лишь о необходимой обороне, крайней необходимости и задержание лица, совершившего преступление [10].

По мнению Т.А. Мартыановой, «возможны ситуации, когда лицо, нарушившее уголовно-правовой запрет, не только не знало о ней, но и не могло знать в тех условиях, в которых оно находилась на момент нарушения этого запрета (скажем, было в командировке за границей или тяжело болело). В таких случаях уголовную ответственность нельзя применить из-за отсутствия вины. Считаю, что вероятность таких ситуаций не является высокой, это скорее исключение, чем правило. Потому считаем не совсем корректным употребление терминов «правовая коллизия» и «юридическая коллизия» как синонимы, поскольку последний обозначает

только один из разновидностей коллизии в уголовном праве. В гражданском праве, как и в уголовном, выделяются фактическая и юридическая коллизии. Констатируя отсутствие в теории гражданского права Единой классификации коллизий, исследовательница предлагает поделить их на три большие группы: 1) простые коллизии и квалифицированные коллизии; 2) односторонние и двусторонние коллизии; 3) существенные и несущественные коллизии [3].

Такое понимание коллизии, как основания для признания сделки недействительной, согласуется с международной практикой в этой сфере. В частности, Принципы международных коммерческих договоров (принципы UNIDROIT содержат ряд норм относительно коллизии. Согласно ст. 3.4, коллизией является ложное предположение, относящиеся к фактам или правовым нормам, которые существуют в момент заключения договора. Статья 3.5 закрепляет: сторона может отказаться от договора из-за коллизии, если в момент заключения договора коллизия была настолько значительной, что здравомыслящее лицо в аналогичной ситуации заключила бы договор на существенно иных условиях или не заключила бы его вообще, если бы было известно о действительном положении вещей [1].

В исследовании И.В. Давыдовой есть и другие спорные утверждения, в частности, обман можно охарактеризовать как «квалифицированную» коллизию [2]. Речь идет о том, что воля участника сделки формируется неправильно и в результате коллизии, и вследствие обмана, однако это не дает оснований называть обман квалифицированной коллизией. Например, О.И. Дугин коллизию и обман как основания недействительности сделки разграничивает. «Коллизия как дефект воли при совершении сделки – это неправильное восприятие участником сделки природы (правовой цели) сделки, прав и обязанностей сторон, таких свойств и качеств вещи, которые значительно снижают ее ценность или возможность использования по целевому назначению, возникшему в результате ее собственной небрежности или неосторожного поведения контрагента (лица, в пользу которого совершена сделка)», зато обман при совершении сделки – это умышленное введение в заблуждение контрагентом (лицом, в пользу которого совершена сделка) или третьим лицом с ведома контрагента (лица, в пользу которого совершена сделка) участника сделки, приводящая к неправильному восприятию им природы (правовой цели) сделки, прав и обязанностей сторон, таких свойств и качеств вещи, которые значительно снижают ее ценность или возможность использования по целевому назначению» [7]. Единственным недостатком приведенных определений можно считать их громоздкость.

По нашему мнению, позиция Верховного суда позволяет окончательно разграничить обман и коллизию, имеющую важное значение для выяснения сущностных характеристик последней категории, как в рамках правоприменительной практики, так и в общетеоретическом плане.

Круг проблем, связанных с правовой коллизией, требующих первоочередного решения наукой гражданского процесса, очертил А.В. Лопатин. Среди них стоит назвать следующие:

1) четкое определение понятия судебной коллизии с учетом исторических условий развития гражданского процесса, позиций известных ученых, материалов судебной практики, а также современных импульсов развития новой модели правосудия в Российской Федерации;

2) выделение признаков и классификация судебных коллизий, что остановит дискуссии среди ученых и позволит установить условия и основания допущения коллизий последних;

3) сосредоточение внимания на соответствующих механизмах, обуславливающих допущение судебной коллизии, содержащихся как в нормах материального, так и процессуального права;

4) уточнение и конкретизация существующих процессуальных способов устранения судебной коллизии, а также создание новых способов, с учетом современных тенденций развития общественных отношений;

5) проведение комплексного исследования судебных коллизий в гражданском судопроизводстве не только для разработки теоретических положений, но и конкретных изменений действующего законодательства с целью недопущения судебных коллизий и значительного повышения качества отправления правосудия по гражданским делам [5]. Нет сомнений, что решение этих задач в целом будет способствовать формированию целостной теории правовой коллизии.

Очевидно, это утверждение может касаться не только гражданского, но и других видов судопроизводства, при совершении которых возможны коллизии из-за объективных обстоятельства, например, вновь открывшиеся или исключительные.

Следовательно, подходы к понятию «коллизия» в различных отраслевых юридических науках характеризуются разнообразием, что в определенной степени обусловлено многозначностью самого слова «коллизия».

Отметим, что исследование правовых коллизий и их отдельных видов в теории государства и права советского периода были фрагментарными и идеологизированными. В частности, термин «коллизия в праве», характеризующий качество именно объективного права, встречается в конце 60-х гг. XX в. в работах В.В. Лазарева. Со своей стороны, В.М. Баранов, изучая в рамках господствующей в то время идеологии истинность норм советского права, уделил внимание правотворческим коллизиям. Результатом правотворческой коллизии признавалось недостижение целей правового регулирования. В.М. Баранов едва ли не первым выступил за разработку теории правотворческих коллизий как части общей теории правовых коллизий [8].

Объективная потребность разработки целостной научной доктрины коллизий в юридической науке побудила А.Б. Лисюткина осуществить комплексное общетеоретическое исследование фе-

номена коллизии в правовой действительности [3]. Для уточнения юридического значения коллизии была применена четкая типология и разветвленная классификация коллизий, которая, по нашему мнению, делает возможным выделение различных типов и видов коллизий в правовой реальности, при этом каждый вид коллизии отражает отдельные признаки родового понятия. Ученый исследовал и соотношение категории «коллизия» с другими правовыми явлениями (правосознанием, юридическими фактами, правовыми отношениями, риском, юридической техникой, законностью).

Хотя предложенные исследователем меры по выявлению, предупреждению и исправления коллизий нельзя считать исчерпывающими, стоит признать их научную и практическую значимость для формирования целостной теории правовых коллизий.

Проведенный анализ юридической научной литературы делает возможным вывод, что в современной юриспруденции постепенно формируется и развивается теория правовых коллизий. Этот процесс характеризуется сложностью и противоречивостью основных подходов к коллизии как явлению правовой жизни и правовой категории.

Литература

1. Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. М.: СТАТУТ, 2023. – 709 с.
2. Баймаханов М.Т. Противоречия в развитии правовой надстройки / М.Т. Баймаханов. Алма-Ата: Изд-во «НАУКА», 2021. – 356 с.
3. Барциц И.Н. Правовое пространство России. Вопросы конституционной теории и практики / И.Н. Барциц. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2020. 496 с.
4. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в праве / Н.А. Власенко. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 2023. – 99 с.
5. Волкова В.Н. Основы теории систем и системного анализа / В.Н. Волкова, А.А. Денисов. С-Пб.: Изд-во СПбГУ, 2021. – 512 с.
6. Комаров С.А. Общая теория государства и права / С.А. Комаров. – М.: Юрайт, 2025. – 416 с.
7. Сомов С. Единство правового пространства / С. Сомов // Законность. 2021. – № 2. – С. 30–33.
8. Тадевосян Э.В. О моделировании в теории федерализма и проблеме ассиметричных федераций / Э.В. Тадевосян // Государство и право. – 2023. – № 8. – С. 58–68.
9. Тихомиров Ю.А. О правилах законодательной техники / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. 2024. – № 11. – С. 110–114.
10. Цалиев А.М. Правовые акты субъектов РФ важная составляющая законодательной базы Российской Федерации / А.М. Цалиев // Журнал российского права. 2021. – № 6. – С. 74–79.

GENESIS OF THE THEORY OF LEGAL CONFLICT IN MODERN LEGAL SCIENCE

Malyutov D.A.

Mezhdunarodnyy innovatsionnyy universitet

The article examines a range of problems related to legal collisions. Attention is focused on the fact that traditionally, collisions are divided into two types by subject – legal and factual; by reasons and conditions of occurrence – into excusable and irreconcilable; by meaning – into essential and insignificant; as well as into guilty collisions and collisions that exclude the guilt of the subject. Approaches to the concept of “collision” in various branch legal sciences are noted. It is revealed that a collision is inherent in both human activity and the results of this activity – material or ideal. It is concluded that in modern jurisprudence, the theory of legal collisions is gradually formed and developed. This process is characterized by the complexity and inconsistency of the main approaches to a collision as a phenomenon of legal life and a legal category.

Keywords: collision, law, legal science, genesis, analysis.

References

1. Alekseev S.S. Law. ABC. Theory. Philosophy. Experience of a comprehensive study / S.S. Alekseev. Moscow: STATUT, 2023. – 709 p.
2. Baimakhanov M.T. Contradictions in the development of the legal superstructure / M.T. Baimakhanov. Alma-Ata: Publishing house “NAUKA”, 2021.-356 p.
3. Bartsits I.N. Legal space of Russia. Issues of constitutional theory and practice / I.N. Bartsits. – Moscow: Publishing house of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 2020. 496 p.
4. Vlasenko H.A. Conflict of laws rules in law / H.A. Vlasenko. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk University, 2023. – 99 p.
5. Volkova V.N. Fundamentals of systems theory and systems analysis / N.V. Volkova, A.A. Denisov. St. Petersburg: Publishing house of SPSTU, 2021. – 512 p.
6. Komarov S.A. General theory of state and law / S.A. Komarov. – Moscow: Yurait, 2025.-416 p.
7. Somov S. Unity of legal space / S. Somov // Legality. 2021. – No. 2. – P. 30–33.
8. Tadevosyan E.V. On modeling in the theory of federalism and the problem of asymmetric federations / E.V. Tadevosyan // State and Law. – 2023.-№ 8.-P. 58–68.
9. Tikhomirov Yu.A. On the rules of legislative technique / Yu.A. Tikhomirov // Journal of Russian Law. 2024. – No. 11. – P. 110–114.
10. Tsaliev A.M. Legal acts of the constituent entities of the Russian Federation are an important component of the legislative base of the Russian Federation / A.M. Tsaliev // Journal of Russian Law. 2021. – No. 6. – P. 74–79.

Очирова Полина Игоревна,

аспирант Байкальского государственного университета

Актуальность темы определяется тем, что традиционные правовые механизмы регулирования банковской деятельности изначально разрабатывались применительно к традиционным централизованным системам управления финансами. DLT (технология распределённого реестра) использует принципиально иной подход, основанный на децентрализации и использовании смарт-контрактов, что требует пересмотра существующих правовых норм. Объект исследования – финансовое право. Предмет исследования – технология распределённого реестра (DLT). Отсутствие единообразия в регулировании DLT на международном уровне создает правовые коллизии, усложняющие взаимодействие участников глобальной финансовой системы. Исследование перспектив внедрения DLT в банковский сектор в рамках юриспруденции и финансового права направлено на выявление правовых пробелов и разработку рекомендаций по их устранению. Особое внимание уделяется анализу нормативно-правовых актов, регулирующих использование данной технологии, оценке их соответствия современным условиям общественного развития. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования законодательства, обеспечивающего баланс между стимулированием инноваций, защитой интересов всех участников финансовой системы и эффективностью законодательских инициатив. Данное исследование призвано внести вклад в развитие правовой базы, способной поддерживать устойчивое внедрение и развитие DLT в банковском секторе.

Ключевые слова: финансовое регулирование, финансовое право, правовое регулирование, нормотворчество, законодательство.

Введение

Современный этап развития мировой финансовой системы характеризуется масштабной цифровизацией, что ставит перед правовыми системами вопросы адаптации нормативно-правового регулирования к новым реалиям развития общественного пространства. Ключевое инновационное направление, оказывающее значительное влияние на банковский сектор – технология распределённых реестров (англ. Distributed Ledger Technology, DLT). Данная технология представляет собой децентрализованную систему хранения и обработки данных, которая обеспечивает высокий уровень прозрачности транзакций, безопасности и автоматизации банковских процессов. В контексте юриспруденции и финансового права анализ зарубежных практик позволяет выявить как успешные модели внедрения данной технологии, так и проблемы, с которыми сталкиваются другие страны, способствуя формированию эффективной правовой базы в России. Изучение международного правового опыта позволяет понять, какие нормативно-правовые механизмы наиболее эффективны для обеспечения баланса между стимулированием инноваций, защитой интересов участников финансовой системы и её эффективностью. Анализ правовых подходов к регулированию технологий распределённого реестра других стран потенциально может помочь России учесть культурные, экономические и технологические особенности при разработке собственных правовых механизмов регулирования и внедрения технологий распределённого реестра.

Материалы и методы

Для анализа перспектив внедрения технологий распределённых реестров (DLT) в банковский сектор в рамках юриспруденции и финансового права в данной статье использовались как теоретические, так и эмпирические методы анализа. Теоретическая база исследования включает анализ нормативно-правовых актов, научных трудов, международных стандартов и рекомендаций, касающихся регулирования DLT. Особое внимание уделено сравнительно-правовому анализу законодательства различных стран – это позволило выявить общие тенденции и уникальные подходы к правовому регулированию данной технологии: «В контексте регулирования криптовалют юрисдикции всех стран стремятся обеспечить защиту инвесторов, но все они применяют различные правовые стратегии и инструменты, а также преследуют частично несовпадающие цели» [1, с. 241]. Эмпирическая часть исследования основывается на изучении практических примеров

использования DLT в банковской сфере, а также оценке их соответствия действующему правовому полю России. Методология исследования также включала анализ судебной практики и правоприменительных актов, связанных с DLT, что позволило выявить пробелы в существующем законодательстве и определить направления для его совершенствования. Использовались методы системного анализа и моделирования для прогнозирования последствий внедрения DLT в российский банковский сектор. «Блокчейн и лежащая в его основе технология распределенных реестров могут нарушить способ управления, защиты и монетизации интеллектуальной собственности. Там, где доступ и распространение контента были революционизированы Интернетом, технология распределенных реестров может предложить альтернативный путь, помогающий праву интеллектуальной собственности войти в цифровую эпоху и реализовать свое первоначальное предназначение, которое в его основе заключается в защите и вознаграждении создателей, обеспечении открытого доступа к знаниям в целях содействия инновациям» [2, с. 229]. Одним из ключевых методов исследования стал сравнительный анализ правового регулирования DLT в разных юрисдикциях – США представляют собой пример многоуровневого подхода (правовая иерархия) к регулированию блокчейн-технологий. На федеральном уровне ответственность за контроль над криптоактивами возложена на Комиссию по ценным бумагам и биржам (SEC) и Управление по контролю за денежными операциями (FinCEN). При этом отдельные штаты имеют собственные законы, регулирующие использование DLT, например, штат Вайоминг принял ряд прогрессивных законов, которые легализуют децентрализованные автономные организации (DAO) и предоставляют налоговые льготы для компаний, работающих с блокчейном¹. Подобный подход к правовому регулированию требует гибкости правовой системы, но одновременно создает системные сложности в обеспечении единообразия регулирования на национальном уровне.

Европейский Союз в правовом поле стремится к унификации правил через принятие общеевропейских директив и регламентов: Регламент о рынках криптоактивов (англ. MiCA), который устанавливает единые требования для эмитентов и провайдеров услуг, связанных с цифровыми активами. MiCA направлен на обеспечение защиты потребителей, предотвращение отмывания денег и поддержание стабильности финансовой системы. Документ также регулирует использование смарт-контрактов, что особенно важно для банковского сектора, где автоматизация процессов становится все более распространенной практикой: «Основными мотивами являются более высокая финансовая стабильность, более высокая безопасность и эффективность платежных систем и более высокая степень автоматизации бизнес-процессов» [3].

¹ DAOs Are Legalized in Wyoming. – <https://coinspaidmedia.com/news/daos-legalized-wyoming/>

Швейцария представляет собой еще один полезный пример правового регулирования DLT – страна известна своим либеральным подходом к инновациям и созданием благоприятных условий для развития блокчейн-индустрии. В 2021 году Швейцария приняла поправки к федеральному закону о финансовых услугах, которые легализовали торговлю ценными бумагами на основе блокчейна [4]. Правовые изменения позволили банкам и другим финансовым учреждениям использовать DLT для создания технической и цифровой инфраструктуры, поддерживающей выпуск и оборот цифровых активов, что способствовало привлечению инвестиций и развитию технологического сектора.

Правовой опыт Сингапура также заслуживает внимания благодаря своему прогрессивному подходу к регулированию DLT. Управление денежного обращения Сингапура (англ. MAS) активно сотрудничает с частным сектором для тестирования новых технологий, включая блокчейн, так проект Ubin, реализованный MAS совместно с рядом международных банков, стал одним из первых примеров использования DLT для межбанковских расчетов. Правовой опыт Сингапура демонстрирует важность государственного участия в создании правовой и технологической базы для внедрения инноваций в финансовую сферу с целью достижения социально-экономического эффекта: «В конце концов, известное правило Тэйлора (Taylor rule) – правило денежно-кредитной политики, суть которого заключается в стабилизации кредитно-денежной политики центральным банком, когда номинальная ставка федеральных фондов растёт выше, чем уровень инфляции» [5, с. 100].

Результаты исследования

В ходе исследования были выявлены ключевые вопросы правового регулирования технологий распределенных реестров (DLT) в России, которые требуют немедленного разрешения с целью эффективного внедрения инновационной технологии в банковский сектор. Анализ показал, что основные сложности связаны: 1. с отсутствием четкого законодательного определения DLT; 2. несовершенством нормативно-правовой базы; 3. противоречиями между традиционными правовыми принципами и новыми технологическими реалиями. Для России, стремящейся к цифровой трансформации финансовой системы, решение этих вопросов является стратегически важной задачей

Первой задачей является необходимость формулировки точного юридического определения DLT и смежных понятий, таких как блокчейн, смарт-контракты и цифровые активы. В настоящее время российское законодательство не предоставляет исчерпывающего толкования этих терминов. Например, Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах»² устанавливает неко-

² https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/?ysclid=m8wq812qyq578688856

торые правовые рамки для работы с криптоактивами, но не охватывает широкий спектр возможностей, предоставляемых DLT. Отсутствие четкого определения создает правовую неопределенность, которая затрудняет внедрение технологии в банковский сектор, поэтому решение этой проблемы может заключаться в разработке специального федерального закона, посвященного регулированию DLT, который бы определил базовые принципы их использования, права и обязанности участников сети, а также механизмы контроля.

Вторым ключевым вопросом является правовое регулирование смарт-контрактов, которые представляют собой автоматизированные программы, выполняющие условия договора без участия человека, которые в России пока не имеют полноценного правового статуса, что создает сложности при их использовании в банковских операциях. Как пример: смарт-контракт выполняется некорректно или возникает ошибка в коде, то остается неясным, кто несет ответственность за убытки: программист, банк или участник сети. Для решения этой проблемы необходимо внести изменения в Гражданский кодекс РФ, установив правовой режим смарт-контрактов как электронных аналогов традиционных договоров и важно предусмотреть механизмы проверки корректности кода и разработать процедуры разрешения споров, связанных с их исполнением.

Третья важная правовая задача касается защиты персональных данных в контексте прикладного использования DLT, так как российское законодательство, основанное на Федеральном законе № 152-ФЗ «О персональных данных» требует чтобы данные хранились на территории страны и подлежали удалению по запросу субъекта, но DLT, будучи децентрализованной системой, не позволяет изменять или удалять информацию после ее записи в реестр. Это создает конфликт между требованиями законодательства и техническими особенностями технологии. Возможным решением может стать введение специальных исключений для DLT в законе о персональных данных, например, путем разрешения использования анонимизированных данных или создания специальных протоколов, обеспечивающих соответствие технологии требованиям законодательства.

Четвертым правовым вопросом, требующим разрешения выступает регулирование трансграничных операций с использованием DLT. Поскольку распределенные реестры часто функционируют вне границ отдельных государств, это создает сложности в применении национального законодательства, когда банк использует DLT для проведения трансграничных платежей, возникает вопрос о том, какое право применяется к данной операции: право страны отправителя, получателя или юрисдикция, в которой зарегистрирована сеть. Для решения этой проблемы Россия могла бы инициировать разработку международных соглашений, направленных на гармонизацию правил регулирования DLT, то есть на национальном уровне следу-

ет разработать механизм определения применимого права и юрисдикции для операций, совершаемых с использованием распределенных реестров.

Следующий вопрос связан с предотвращением отмывания денег и финансирования терроризма в рамках использования DLT. Российское законодательство согласно Федеральному закону № 115-ФЗ «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем»¹, требует идентификации участников финансовых операций и отслеживания транзакций. Децентрализованный характер DLT затрудняет выполнение этих требований, так как участники сети могут оставаться анонимными, поэтому для решения этой проблемы необходимо разработать специальные правила, регулирующие использование DLT в банковском секторе, включая обязательную идентификацию участников через цифровые идентификаторы или биометрические данные [6]. Следует предусмотреть механизмы мониторинга операций в реальном времени с использованием технологий искусственного интеллекта.

Далее правовая задача касается регулирования ответственности за ошибки и сбои в работе DLT, так как технология находится на стадии активного развития, вероятность технических сбоев остается высокой. Если сбой в работе распределенного реестра приводит к потере данных или неправильному исполнению транзакции, возникает вопрос о том, кто несет ответственность: разработчики технологии, банк или участники сети. Для решения этой проблемы необходимо ввести в законодательство положения, устанавливающие ответственность за материальный ущерб (экономического характера), причиненный в результате использования DLT и предусмотреть механизмы страхования рисков, связанных с внедрением данной технологии.

Также важный правовой вопрос связан с обеспечением безопасности DLT, то есть разработать стандарты безопасности, которые бы регулировали защиту данных, предотвращение кибератак и обеспечение целостности реестра. Для этого можно использовать опыт других стран, таких как США и страны Европейского Союза, где уже существуют подобные стандарты. В России следует создать специализированный орган, ответственный за сертификацию DLT-систем и контроль их соответствия установленным требованиям.

Исходя из вышеизложенного механизм правового регулирования DLT в России должен быть многоуровневым и включать следующие элементы:

1. Законодательное определение DLT и смежных правовых, технических и цифровых понятий, которое будет служить основой для дальнейшего регулирования.

2. Внесение актуальных изменений в действующее законодательство, включая Гражданский кодекс РФ, закон о персональных данных и закон о противодействии отмыванию денег.

¹ <https://www.zakonrf.info/zakon-o-legalizacii-prestupnyh-dohodov/>

3. Разработка специальных нормативных актов, регулирующих использование DLT в банковском секторе, включая правила идентификации участников, мониторинга операций и ответственности за сбои.

4. Создание международных соглашений для гармонизации правил регулирования DLT и разрешения правовых коллизий при проведении трансграничных банковских операций.

5. Установление стандартов безопасности и создание специализированного органа для контроля за их соблюдением.

Заключение

Правовое регулирование DLT в России требует комплексного многофункционального подхода, учитывающего как технические особенности технологии, так и правовые, экономические и социальные аспекты. Реализация предложенных в данном исследовании мер позволит создать благоприятные условия для внедрения DLT в отечественный банковский сектор, обеспечивая баланс между внедрением цифровых технологий и защитой прав всех участников финансовой системы и финансовых отношений.

Литература

1. Очирова, П.И. Эмиссия стейблкоинов: сравнительно-правовой анализ / П.И. Очирова // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 11(198). – С. 241–242. – EDN JMMPPY.
2. Bonnet S., Teuteberg F. Impact of blockchain and distributed ledger technology for the management, protection, enforcement and monetization of intellectual property: a systematic literature review // Information Systems and e-Business Management. – 2023. – Т. 21. – № 2. – С. 229–275. DOI 10.1007/s10257-022-00579-y.
3. Gross J., Klein M., Sandner P. Central Bank Digital Currencies: Benefits, Risks and the Role of Blockchain Technology/Digitale Zentralbankwahrungen: Chancen, Risiken und Blockchain-Technologie // Wirtschaftsdienst. – 2020. – Т. 100. – № 7. – С. 545–550.
4. Zehnder F.O. An Analysis of the Adaptability of Switzerland's Financial Regulatory Framework to Blockchain and Digital Currency Innovations // Frontiers in Management Science. – 2024. – Т. 3. – № 5. – С. 47–55.
5. Хайруллин, В.А. Инерция в социально-экономических системах: теоретико-эвристический анализ феномена / В.А. Хайруллин, С.В. Макара, Э.Н. Ямалова // Дискуссия. – 2021. – № 5(108). – С. 88–104. – DOI

10.46320/2077-7639-2021-5-108-88-104. – EDN ZNUDXK.

6. Финансовая устойчивость банковской системы в условиях глобальной экономической нестабильности / Т.О. Селина, Д.В. Юдина, М.А. Решаев [и др.] // Human Progress. – 2024. – Т. 10, № 10. – DOI 10.46320/2073-4506-2024-10a-15. – EDN YUWIWP.

PROSPECTS FOR THE INTRODUCTION OF DLT IN THE BANKING SECTOR

Ochirova P.I.

Baikal State University

The relevance of the topic is determined by the fact that traditional legal mechanisms for regulating banking activities were initially developed in relation to traditional centralized financial management systems. DLT (distributed ledger technology) uses a fundamentally different approach based on decentralization and the use of smart contracts, which requires a review of existing legal norms. The object of research is financial law. The subject of the research is distributed ledger technology (DLT). The lack of uniformity in DLT regulation at the international level creates legal conflicts that complicate the interaction of participants in the global financial system. The study of the prospects for the introduction of DLT in the banking sector within the framework of jurisprudence and financial law is aimed at identifying legal gaps and developing recommendations for their elimination. Special attention is paid to the analysis of regulatory legal acts regulating the use of this technology, assessing their compliance with modern conditions of social development. The results of the study can be used to improve legislation that provides a balance between stimulating innovation, protecting the interests of all participants in the financial system and the effectiveness of legislative initiatives. This study aims to contribute to the development of a legal framework capable of supporting the sustainable implementation and development of DLT in the banking sector.

Keywords: financial regulation, financial law, legal regulation, rule-making, lawmaking.

References

1. Ochirova, P.I. The issue of stablecoins: a comparative legal analysis / P.I. Ochirova // Eurasian Law Journal. – 2024. – № 11(198). – Pp. 241–242. – EDN JMMPPY.
2. Bonnet S., Teuteberg F. Impact of blockchain and distributed ledger technology for the management, protection, enforcement and monetization of intellectual property: a systematic literature review // Information Systems and e-Business Management. – 2023. – Vol. 21. – No. 2. – pp. 229–275. DOI 10.1007/s10257-022-00579-y.
3. Gross J., Klein M., Sandner P. Central Bank Digital Currencies: Benefits, Risks and the Role of Blockchain Technology/Digitale Zentralbankwahrungen: Chancen, Risiken und Blockchain-Technologie // Wirtschaftsdienst. – 2020. – Vol. 100. – No. 7. – pp. 545–550.
4. Zehnder F.O. An Analysis of the Adaptability of Switzerland's Financial Regulatory Framework to Blockchain and Digital Currency Innovations // Frontiers in Management Science. – 2024. – Vol. 3. – No. 5. – pp. 47–55.
5. Khairullin, V.A. Inertia in socio-economic systems: a theoretical and heuristic analysis of the phenomenon / V.A. Khairullin, S.V. Makar, E.N. Yamalova // Discussion. – 2021. – № 5(108). – Pp. 88–104. – DOI 10.46320/2077-7639-2021-5-108-88-104. – EDN ZNUDXK.
6. Financial stability of the banking system in the context of global economic instability / T.O. Selina, D.V. Yudina, M.A. Reshaev [et al.] // Human Progress. – 2024. – Vol. 10, No. 10. – DOI 10.46320/2073-4506-2024-10a-15. – EDN YUWIWP.

Прокурорский надзор в Российской Федерации: к вопросу адаптации к вызовам и угрозам современности

Потапова Лариса Валерьевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета
E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы осуществления прокурорского надзора в современных социальных, экономических и политических условиях. Подчеркивается, что прокурорский надзор Российской Федерации, являясь уникальной формой осуществления государственной деятельности, в последние годы подвергся динамичным трансформациям. В условиях стихийно изменяющихся общественных отношений органы прокуратуры испытывают максимальные нагрузки.

Прокуратура РФ, выступая важнейшим государственным органом, обеспечивающим законность и правопорядок, сталкивается с многочисленными вызовами и угрозами, преодоление которых рассматривается как одна из ее базовых задач.

В тексте уделено внимание следующим вопросам, в частности: внедрение и повсеместное распространение цифровых технологий, информационных сервисов, платформ, которые активно встраиваются в организацию работы прокурорской системы. Исследуется проблема многократного увеличения объема интернет-контента, нарушающего законодательство Российской Федерации, кроме того, существенно обострилась угроза террористических и экстремистских проявлений.

Подвергается анализу сфера миграционных отношений через призму прокурорской деятельности, при этом сформировано двойное восприятие: во первых, миграционная среда часто используется для совершения различных преступлений, таких как организация незаконной миграции, торговля людьми, подделка документов, легализация преступных доходов.

Отмечается, что обозначенная в данной статье проблематика не носит исчерпывающего характера.

В заключение сформулирован вывод о том, что прокурорский надзор Российской Федерации, являясь уникальной формой осуществления государственной деятельности, в последние годы подвергся динамичным трансформациям. В условиях стихийно изменяющихся общественных отношений органы прокуратуры испытывают максимальные нагрузки, преодоление которых требует от прокурорских работников переосмысления подходов к реализации полномочий в надзорной и ненадзорной сферах деятельности.

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации; прокурорский надзор; актуальные проблемы прокурорской деятельности.

Прокуратура РФ, выступая важнейшим государственным органом, обеспечивающим законность и правопорядок, сталкивается с многочисленными вызовами и угрозами, преодоление которых рассматривается как одна из ее базовых задач.

Рассуждения об актуальных угрозах и вызовах современности, стоящими перед органами российской прокуратуры, позволяют расставлять акценты.

Первое

К числу факторов, оказывающих серьезное влияние на надзорную работу органов прокуратуры, относятся сложности внедрения и повсеместного распространения цифровых технологий, информационных сервисов, платформ, которые активно встраиваются в организацию работы прокурорской системы.

В частности, внедрение цифровых новаций в организационные процессы осуществляется в соответствии и на основании приказа Генерального прокурора РФ № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» от 14.09.2017 г. [1].

Последовательно в органах прокуратуры Российской Федерации проводятся мероприятия по уменьшению бумажного документооборота. С июня 2021 года в большинстве прокуратур субъектов федерации в опытную эксплуатацию запущена ведомственная система электронного документооборота. Вместе с тем, цифровизация в органах прокуратуры сталкивается с многочисленными сложностями, выступающими препятствиями на пути совершенствования работы в контексте встраивания в цифровое пространство.

К числу наиболее актуальных проблем этого сегмента можно отнести: несовершенство технического оснащения при внедрении цифровых технологий; технические сбои, преодоление которых требует приложения больших (чем обычно) ресурсов; обеспечение информационной безопасности в части сохранности данных; неготовность определенной категории прокурорских работников к новым условиям, которые на первых этапах использования технических новшеств требуют увеличения продолжительности рабочего времени, а также получения новых умений и навыков.

Развитие цифровой инфраструктуры и повсеместное ее внедрение в повседневную работу органов прокуратуры – отражение современной реальности, диктующей важность пересмотра привычных методов и способов труда, где в качестве

ключевой цели видится уменьшение затрат, повышение эффективности деятельности прокуратуры Российской Федерации в целом.

Второе

Вплоть до 2012 года отношения России с Западом складывались не всегда безоблачно, но не обострялись до предела, за которым в ход идут санкции. Все изменилось после смерти в «Матросской тишине» юриста Сергея Магнитского, вследствие чего санкционное давление на Россию многократно усилилось. Установление ограничительных и запретительных мер вызвало трансформации во всех сферах общественных отношений, что, безусловно, сказалось и на работе органов прокуратуры. В частности, существенное влияние западные санкции оказали на международное сотрудничество органов прокуратуры при реализации разнообразных его форм, а также на координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью на уровне взаимодействия с рядом государств.

Третье

Начиная с 2022 года можно наблюдать катастрофическую эскалацию обострения мировой геополитической обстановки, спровоцировавшей полномасштабную нестабильность на мировой политической арене. Разрыв сложившихся и относительно устойчивых связей в рамках мирового пространства поставил под угрозу безопасность всего человеческого сообщества. В условиях особой нестабильности органы прокуратуры вынуждены противостоять различного рода негативной информации, формирующей общественное мнение таким образом, чтобы дискредитировать органы государственной власти в глазах народа. Многократно возрос объем интернет-контента, нарушающего законодательство Российской Федерации, кроме того, существенно обострилась угроза террористических и экстремистских проявлений.

Четвертое

Начало Специальной военной операции Российской Федерации на **Украине** 24 февраля 2022 года стало ответом на усиление агрессии со стороны Украины и коллективного Запада, определило важность достижения ключевых целей: «Демилитаризация» Украины; «Денацификация» Украины в русле противостояния неонацистским и ультраправым группировкам; «Защита населения Донбасса»; «Обеспечение нейтрального статуса Украины» посредством установления состояния, при котором Украина не будет вступать в НАТО и другие военные блоки, представляющие угрозу для России, интересам ее национальной безопасности.

Прокуратура Российской Федерации активно вовлечена в процессы, способствующие достижению обозначенных целей. Так, к примеру, совместно с иными правоохранительными органа-

ми прокуратура осуществляет уголовное преследование лиц, совершивших преступления в зоне Специальной военной операции; в качестве приоритетного направления надзорной работы прокуратуры выступают вопросы защиты прав, свобод участников военных действий, а также членов их семей. Используя правовые механизмы, прокуратура обеспечивает восстановление нарушенных прав и свобод военнослужащих, членов их семей в различных сферах жизни, прежде всего: в области социального обеспечения, здравоохранения, труда, образования и пр.

Пятое

Миграционные процессы, надзор за исполнением миграционного законодательства РФ – ключевой аспект работы прокуратуры. Деятельность в данной области регламентируется различными правовыми актами, а также организационно-распорядительными документами Генерального прокурора РФ, среди которых – приказ Генерального прокурора РФ от 15.03.2023 № 175 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» [2].

Сфера миграционных отношений через призму прокурорской деятельности воспринимается двояко: во первых, миграционная среда часто используется для совершения различных преступлений, таких как организация незаконной миграции, торговля людьми, подделка документов, легализация преступных доходов. Прокурорский надзор направлен на выявление и пресечение этих преступлений, привлечение виновных лиц к ответственности; во вторых, мигранты могут создавать угрозы национальной безопасности, способствовать росту преступности, экстремизма и терроризма. Прокурорский надзор нацелен на выявление и пресечение каналов незаконной миграции, борьбу с фиктивными браками и другими способами незаконного получения миграционного статуса.

Шестое

Развитие новых форм преступности в условиях глобальной цифровизации потребовало от органов прокуратуры усиления работы по защите прав и свобод наиболее уязвимых слоев населения. Представляется, данные вызовы требуют внедрения и активного использования технических средств, усиления профилактической работы прокуратуры по вопросам правового информирования и просвещения, в особенности несовершеннолетних и лиц пожилого возраста.

Одна из острых проблем – кибермошеничество, жертвами которого ежегодно становятся множество людей. Усиление правового информирования граждан с использованием всех доступных форм и площадок, интернет – ресурсов – являются действенными способами решения данных проблем. Организация этой работы осуществляется на основании приказа Генерального прокурора РФ

от 17.05.2018 N 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью». Кроме того, не менее важна дальнейшая активизация работы прокуратуры по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью[3].

Седьмое

Пандемия коронавирусной инфекции была официально объявлена Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) **11 марта 2020 года**. Она стала одним из серьезных вызовов, с которыми столкнулось человечество на современном этапе своего существования. Включенные государством защитные механизмы ограничений и запретов повлекли за собой многочисленные нарушения в различных сферах общественных отношений; это потребовало от прокуратуры активизации надзора в данных областях.

В частности, был усилен надзор прокуратуры за исполнением трудового законодательства, соблюдением трудовых прав и свобод; надзор за исполнением законодательства о здравоохранении и соблюдением соответствующих прав граждан: как пациентов, так и лиц, оказывающих медицинскую помощь; надзор за исполнением законодательства об образовании; надзор за исполнением законодательства в сфере предпринимательской деятельности.

До настоящего времени негативные последствия пандемии в части ослабления состояния законности продолжают оставаться предметом пристального внимания органов прокуратуры.

Восьмое

По-прежнему, в числе проблем – коррупция как негативное явление общества и государства. Стремления к минимизации ее проявления – приоритет работы прокуратуры всех видов и уровней. Проведение мероприятий, направленных на снижение коррупционных проявлений, – систематическая деятельность органов прокуратуры как в надзорной, так и в ненадзорной сферах. Максимально активно данная работа ведется через реализацию надзорных полномочий, через проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов, осуществляемой на основании положений Федерального закона «О прокуратуре РФ» [4], а также приказа Генерального прокурора РФ «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» от 10.10.2022 № 581 [5] и др.

Девятое

Демографический кризис как актуальная проблема современной России требует от органов прокуратуры особого подхода к вопросам эффективной реализации полномочий на определенных участках надзора. Деятельность органов прокуратуры

в данной плоскости носит комплексный характер, прежде всего усилия направлены на защиту прав семьи, материнства и детства через осуществление полномочий по надзору за исполнением законодательства о социальной поддержке семей с детьми; по надзору за соблюдением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; через противодействие семейному насилию; через надзор за исполнением законодательства об охране здоровья матери и ребенка и пр.

Обозначенная проблематика не носит исчерпывающего характера. Перечень угроз и вызовов, стоящих перед органами прокуратуры Российской Федерации, весьма широк и многообразен. Работа прокуратуры по их преодолению должна осуществляться на систематической основе с использованием всего арсенала правовых средств.

Литература

1. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» от 14.09.2017 г. / Журнал «Законность». 2017, № 10;
2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 175 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» от 15.03.2023 г./ Журнал «Законность». 2023, № 4;
3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации N 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью» от 17.05.2018 г./ Журнал «Законность». 2018, № 6;
4. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202–1 //РГ, № 39, 18.02.1992 г.;
5. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» от 10.10.2022 г. / Журнал «Законность». 2022, № 11.

PROSECUTOR'S SUPERVISION IN THE RUSSIAN FEDERATION: ADAPTING TO MODERN CHALLENGES AND THREATS

Potapova L.V.
Ural State Law University

This article addresses the pressing issues of prosecutor's supervision within the contemporary social, economic, and political landscape. It emphasizes that the prosecutor's supervision in the Russian Federation, as a unique form of state activity, has undergone significant transformations in recent years. The Prosecutor's Office of the Russian Federation, as a key state body responsible for maintaining law and order, faces numerous challenges and threats, which are considered fundamental tasks for its operation.

The text focuses on several critical issues, particularly the introduction and widespread use of digital technologies, information services, and platforms that are increasingly integrated into the organizational framework of the prosecutor's system. It examines the substantial increase in the volume of Internet content that violates the

laws of the Russian Federation. Additionally, the threat of terrorist and extremist activities has become significantly more pronounced. The article analyzes the sphere of migration relations through the lens of prosecutorial activity, highlighting a dual perspective: on one hand, the migration environment is often exploited for various criminal activities, such as organizing illegal migration, human trafficking, document forgery, and the legalization of criminal proceeds. It is important to note that the problems identified in this article are not exhaustive.

In conclusion, the article asserts that prosecutorial supervision in the Russian Federation, as a unique state activity, has experienced dynamic transformations in recent years. Given the rapidly changing social relations, the prosecutor's office faces increasing demands, necessitating a reevaluation of approaches to the execution of powers in both supervisory and non-supervisory areas of activity.

Keywords: prosecutor's office of the Russian Federation; prosecutor's supervision; topical problems of prosecutor's activity.

References

1. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 627 'On Approval of the Concept of Digital Transformation of Prosecutor's Office Bodies and Organisations until 2025' dated 14.09.2017 / Journal 'Legality'. 2017, № 10;
2. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 175 'On Organisation of Prosecutor's supervision over the execution of laws in the sphere of migration' dated 15.03.2023 / Journal 'Legality'. 2023, № 4;
3. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation N 296 'On the interaction of prosecutor's offices with the media and the public' from 17.05.2018 / Journal 'Legality'. 2018, № 6;
4. Federal Law 'On the Prosecutor's Office of the Russian Federation' from 17.01.1992 № 2202-1 //RG, № 39, 18.02.1992;
5. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 581 'On the implementation of prosecutorial supervision and the implementation of other powers by prosecutors in the field of combating corruption' dated 10.10.2022 / Journal 'Legality'. 2022, № 11.

Монетов Антон Геннадиевич,

преподаватель кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина
E-mail: monetov62@mail.ru

Радаева Софья Андреевна,

независимый исследователь
E-mail: S9969103831.sofya@yandex.ru

В статье рассматривается развитие правовых основ налогообложения игорного бизнеса в России, закрепленных в действующем налоговом законодательстве. Актуальность комплексного анализа налога на игорную зону обуславливается тем фактом, что этот вид налога позволяет аккумулировать в региональные бюджеты значительные размеры денежных средств, при этом в настоящее время функционируют различные субъекты, осуществляющие игорную деятельность. Анализируется изменение статуса налога – из федерального он перешёл в разряд региональных. Отдельное внимание уделено трудностям, возникающим при организации игорных зон: из пяти официально созданных фактически полноценно работают лишь две-три. Кроме того, исследуются различные модели взимания этого налога, которые зависят от законодательства страны или конкретного субъекта, а также рассматриваются отдельные элементы налога на игорную зону.

Ключевые слова: налог, игорный бизнес, налоговое право, бюджет, игорная зона, объект налогообложения.

Сегодня, в структуре налогообложения России, налог на игорный бизнес классифицируется как региональный налог, установление которого в пределах определённого региона Федерации относится к компетенции властей субъекта РФ.

В результате эволюции рыночной экономики в России начали активно развиваться предприятия, занимающиеся азартными играми, с наблюдаемым ростом их числа на протяжении времени. Это потребовало от государственных структур разработку и внедрение специфической системы налогообложения для регулирования этой отрасли.

Начиная с 1990 года в России отсутствовали законодательные акты, специально регулирующие налогообложение сферы игорного бизнеса. Предприятия, занимающиеся азартными играми, вносили вклад в государственную казну, исходя из общей системы налогообложения. Это означало, что их налоговые обязательства складывались на основе стандартной ставки налога на прибыль предприятия, которая на тот период составляла 90%. Полученные налоговые отчисления направлялись в бюджеты субъектов Российской Федерации, способствуя тем самым их финансовому пополнению.

С последующими изменениями в системе налогообложения, начиная с 1998 года вводится налог на игорный бизнес, являющийся отражением уникальности данного сектора и акцентирующий на важности налогообложения соответствующих организаций. Налоговая политика определяет игорный бизнес как сферу предпринимательства, где не происходит продажа товаров, а основной акцент делается на генерировании дохода через выигрыши и сборы за участие в азартных играх и ставках.

Налог на игорный бизнес – это обязательный платеж в бюджет, который взимается с организаций, занимающихся организацией и проведением азартных игр. Проще говоря, это налог, который платят казино, букмекерские конторы, организаторы лотерей и другие подобные компании [3, С. 435].

В свою очередь игорный бизнес представляет собой разновидность предпринимательской деятельности, направленной на извлечение прибыли, поэтому все вышеуказанные плательщики налога являются юридическими лицами, при этом следует отметить, что физические лица не могут выступать в качестве субъектов, организующих игорный бизнес, так как это в свою очередь образует состав преступления и является основанием для привлечения к уголовной ответственности.

Механизм расчета налога на игорный бизнес может быть разным в разных странах и даже в разных регионах одной страны. Обычно он зависит от нескольких факторов [2]:

1. Вид игорного бизнеса.
2. Количество игровых столов, автоматов и другого оборудования.
3. Доход от игорного бизнеса.
4. Местоположение.

Игорные зоны – это закрытые территории с жёстким регулированием. Основная налоговая нагрузка – ежемесячные платежи за игровые объекты, а не стандартные корпоративные налоги. Для игроков важно помнить о налоге на крупные выигрыши [4, С. 117].

По данным ФНС, в 2024 году поступления от налога на игорный бизнес составили ~27,5 млрд руб. (рост на ~12% по сравнению с 2023 годом) [10].

Основные регионы с высокими поступлениями [8, С. 69]:

- Краснодарский край (игорная зона «Азов-Сити»);
- Калининградская область (игорная зона «Янтарная»);
- Алтайский край, Приморский край (игорные зоны «Сибирская монета» и «Приморье»);
- Москва и Московская область (букмекеры и онлайн-ставки);
- Республика Крым (игорная зона «Золотой берег»).

Однако, не смотря на возможность и создания ряда игорных зон на территории Российской Федерации, проблема легализации азартной деятельности так и не получила окончательного разрешения. Одновременно с этим как в обществе, так и в среде практиков, представителей научной сферы возникают вопросы о целесообразности существования вышеуказанных игорных зон, их экономической обоснованности.

В частности, некоторые авторы отмечают, что большинство потенциальных посетителей игорных зон, так и не смогут реализовать свое право на их посещение, в связи с тем, что они находятся в отдаленных регионах, что затрудняет проезд к ним. В связи с этим значительно снижаются объемы поступлений с налога на игорный бизнес. Кроме того, в связи с избирательностью в размещении игорных зон, данный налог действует только в некоторых субъектах Российской Федерации, тем самым пополняя только их бюджеты, делая их в более выгодном экономическом положении и наоборот, бюджеты других субъектов РФ могут испытывать дефицит, в результате чего регион будет вынужден обратиться к внешним источникам финансирования, в том числе и к получению государственного кредита, что во многом поставит под угрозу финансовую самостоятельность целого региона.

Рассматривая целесообразность создания игорных зон именно в вышеуказанных субъектах Российской Федерации, следует отметить, что их существование является достаточно обоснованным, так как они расположены в местностях, привлекающих значительное количество туристов, что в свою очередь положительно повлияет на материальное состояние данных субъектов Российской

Федерации, с учетом того, что в настоящее время туристическая сфера активно развивается.

Так, например, одной из наиболее развитой игорной зоной на текущий момент является «Приморье», на территории которой функционируют не только казино и игровые зоны, но и создается большое количество гостиниц, развлекательных и иных туристических объектов. Кроме того, созданы благоприятные условия для привлечения международных инвестиций, благодаря к которым уже в 2023 году были реализованы проекты по застройке недвижимых объектов на общую сумму 78 миллиардов, при этом инвестиции были привлечены из ряда государств Азиатского региона, например, КНР, Гонконга.

В то же время возникает вопрос об окупаемости вышеуказанных денежных вложений, так как в регион является достаточно малочисленным в силу своего географического местоположения, уровень материального обеспеченности населения также ожидает желать лучшего, что сказывается на количестве потенциальных игроков, в силу чего основной упор будет сделан не только на внутренний туристический поток, но и на внешний.

Однако, не все игровые зоны являются такими эффективными, в частности игорная зона «Сибирская монета», расположенная в Алтайском крае, что связано с удаленностью субъекта от центральных регионов, отсутствием крупных туристических и развлекательных объектов инфраструктуры. Помимо этого, игорная зона была создана в значительном удалении от объектов транспортной инфраструктуры. Так, железнодорожная станция расположена в 130 километрах, аэропорт в 45 километрах, а федеральная трасса в 15 километрах от «Сибирской монеты», в результате чего снижается поток посетителей игорной зоны. Создание вышеуказанной игорной зоны также проходило в значительной удаленности от населенных пунктов, что привело к необходимости дополнительных расходов, связанных с подведением инженерных коммуникаций.

О низкой эффективности функционирования рассматриваемой игровой зоны свидетельствует статистика посещаемости «Сибирской монеты» по сравнению с другими игорными зонами, представленная Ассоциацией операторов индустрии развлечений и событийного туризма. В частности, за 2024 год «Сибирскую монету» посетили 27 870 гостей, а «Красную поляну» 241 379 гостей, что непосредственно сказывается и на объеме налоговых отчислений.

Игорная зона «Янтарная» функционирует на территории Калининградской области. Согласно государственной программе Калининградской области «Туризм» игровой комплекс должен содействовать реализации следующих задач: увеличение количества иностранных туристов, посещающих Калининградскую область, создать дополнительные рабочие места для местного населения, создание собственного бренда региона, возведение объектов транспортной и туристической

инфраструктуры. Согласно статистическим данным АИРИС следует, что в 2024 году игорную зону «Янтарная» посетило 55 309 гостей. В связи с этим можно сделать вывод, что для повышения эффективности игровой зоны Калининградской области необходимо увеличить количество гостиниц, отелей и иных объектов, предназначенных для принятия туристов.

Игорная зона «Красная поляна», расположена в Сочи, и является одной из самых успешных, так в 2024 году ее посетили – 241 379 гостей. Во многом это связано с тем, что ежегодно Сочи посещает большой объем туристов, а также на территории города расположены развитые объекты туристической инфраструктуры.

На территории республики Крым была создана игорная зона «Золотой берег», реализация проекта по созданию игровой зоны был начат в 2018 году. Создание игровой зоны в Крыму во многом обосновано в силу экономических показателей, а также из-за необходимости реализовать инвестиции в новый регион Российской Федерации. Создание игровой зоны позволило значительно увеличить налоговые поступления в региональный бюджет.

Новеллой законодательства явилось то, что были установлены точные дефиниции, используемые при исчислении и уплаты налогов, связанных с осуществлением игровой деятельности. Казино, ставки, азартные игры, игровые столы, слот-машины, кассы казино. Все вышеуказанные понятия получили легализацию в правовом регулировании налогообложения игровой сферы.

Кроме того, следует отметить, что первоначально налоговые ставки определялись в зависимости от размера минимально установленного оплаты труда. В частности, минимальная сумма налога, которая подлежала к уплате за игровой стол составляла 200 МРОТ в месяц, а за слот-машину следовало уплатить налог в размере 7,5 МРОТ. Законодательство предусматривало возможность использования налоговых льгот, так налоговая ставка уменьшалась на 20%, если налогоплательщик имеет в своей собственности значительное количество игровых объектов: более 30 игровых столов или более 40 игровых автоматов.

Первоначально налог на игорную зону рассматривался не в качестве регионального налога, а в качестве федерального налога. Однако, несмотря на это, часто полученных средств направлялись не только в федеральный, но и бюджет субъекта РФ. Разделение уплачиваемого налога на игорную зону осуществлялось по следующему принципу: средства, полученные от налогообложения по базовой ставке, направлялись в федеральный бюджет, а средства, полученные по повышенной ставке, в свою очередь направлялись в региональные бюджеты.

Плательщиками налога на игорную зону являются организации, ведущие предпринимательскую деятельность в азартной сфере. Помимо этого, такие организации должны соответствовать опреде-

ленным критериям, при соответствии которым деятельность таких организаций является законной.

К таким требованиям относятся [2]:

а) заведения, в которых проводятся азартные игры, могут быть размещены только в тех зданиях и строениях, которые являются объектами капитального строительства;

б) игорное заведение должно быть разделено на две зоны: первая – место проведение азартных игр, вторая – зона, предназначенная для служебно-го функционирования;

в) игровое оборудование должно принадлежать на праве собственности организации, осуществляющей игровую деятельность;

г) средний процент выигрыша для каждого автомата должен составлять 90% и более;

д) в зоне обслуживания игорного заведения, где расположены игровые автоматы, их количество должно быть не менее чем 50 штук.

На данный момент в Российской Федерации предусмотрено пять так называемых игорных зон в следующих субъектах РФ [7, С. 95]:

1. «Крым» – Республика Крым – фактически не развита.

2.. «Азов-Сити» (Краснодарский край) – фактически не развита.

3. «Янтарная» (Калининградская область) – единственная активно работающая зона (казино «Sofit»).

4. «Сибирская монета» (Алтайский край) – малопопулярна, одно казино.

5. «Приморье» (Приморский край) – казино «Shambala», но активность снижена.

Налоговый период рассматриваемого нами налога составляет один календарный месяц, в свою очередь точный размер налога определяется в зависимости от налогооблагаемой базы и ставки.

Сумма налога, подлежащего уплате, определяется его плательщиком самостоятельно. Кроме того, в этом случае налогоплательщику следует учитывать тот факт, что если игровой стол включает в себя сразу несколько игровых полей, то это приводит к увеличению налоговой ставки несмотря на то, что не изменяется количество игровых столов.

По общему правилу следует, что плательщик налога обязан предоставить налоговую декларацию в уполномоченный орган до 20 числа следующего месяца после истекшего налогового периода, при этом необходимо учитывать, что декларация предоставляется в налоговый орган по месту регистрации. Однако, наиболее крупные налогоплательщики могут предоставлять декларации в налоговый орган, по месту учета в качестве налогоплательщика.

НДС не применяется к выигрышам, но услуги казино облагаются НДС (20%). Налог на прибыль (20%) платится с доходов вне игорного налога. Однако призы свыше 15 000 руб. облагаются НДФЛ (13% для резидентов, 30% для нерезидентов). В рамках данной деятельности казино выступает

налоговым агентом и удерживает налог автоматически [9, С. 129].

Следовательно, можно сделать вывод, что рассматриваемый нами налог по своему содержанию относится к категории вмененных налогов, так как налог установлен на использование игровых автоматов, игровых столов.

Соответственно региональные власти имеют полномочия, при помощи которых могут устанавливать ставки налога на игорную зону, при этом данная ставка будет действовать только в пределах конкретного субъекта РФ.

Разброс таких ставок значителен: за использование игрового стола налог может колебаться от 25 до 125 тысяч рублей, за эксплуатацию игрового автомата – от 2500 до 7500 рублей.

Отчетный период по этому налогу составляет один календарный месяц. Субъектами налогообложения признаются юридические лица, действующие в сфере игорного бизнеса. Базой для исчисления налога служит общее количество объектов игорного бизнеса, принадлежащих компании. Налоговую отчетность необходимо представлять в налоговую инспекцию не позднее 20-го числа месяца, следующего за отчетным периодом.

Обсуждение эффективности и последствий положений нового законодательства, известного как Глава 29 НК РФ, представляется преждевременным, однако уже сейчас, основываясь на тщательном анализе нормативных актов, можно предвидеть некоторые выводы. Ключевым преимуществом является улучшенная прозрачность и недвусмысленность формулировок, что является значительным улучшением по сравнению с предыдущей редакцией закона. Одной из основных проблем, связанных с азартными играми, является их вредное воздействие на общество, особенно на молодежь. Решением может стать введение возрастных ограничений для клиентов игорных заведений. Крайне важно также обеспечить разработку и поддержку инфраструктуры, направленной на диагностику, лечение и восстановление людей, страдающих от игровой зависимости, включая подготовку квалифицированных специалистов, строительство специализированных медицинских центров и реализацию поддерживающих социальных программ.

Проблема незаконных активностей является значительным аспектом в данной отрасли бизнеса. В юридической практике случаи такого рода встречаются довольно часто. К примеру, рассматривая события января 2024 года, стоит отметить, что Шолоховский районный суд Ростовской области постановил по иску, поданному городским прокурором Александровска, о конфискации в бюджет государства денежных средств, заработанных незаконным образом, с 31-летнего местного жителя.

Между ноябрем 2017 и ноябрем 2018 года, вопреки запрету на азартные игры во Владимирской области, один мужчина установил игровые автоматы в нескольких торговых точках и заведениях общественного питания района Александрова, тем

самым организовав незаконную игорную деятельность.

В результате искового заявления, поданного прокуратурой, доходы, полученные мужчиной от ведения незаконной игорной деятельности, были конфискованы в казну государства. В соответствии с вердиктом суда, сумма в 368 тысяч рублей была зачислена в федеральный бюджет РФ [5, С. 237].

Проблематика пересмотра налоговой нагрузки также поднимается в контексте игорного бизнеса. В 2024 году были проведены дебаты о модификации налоговой стратегии в сфере азартных игр, спровоцированные увеличением прибыльности данной отрасли и растущим числом инцидентов легализации незаконных средств через букмекерские конторы и азартные онлайн-платформы. Рассмотрение и корректировка налоговых обложений в этом сегменте предполагает скоординированную работу Федеральной налоговой службы, Росфинмониторинга, Банка России и органов правопорядка.

В 2024 году парламентарий Сергей Миронов выступил с инициативой увеличения налоговых обязательств для сектора азартных игр, акцентируя внимание на тех организациях, доходность которых генерируется исключительно за счет финансовых транзакций, минуя промышленное производство.

Несмотря на ряд уже внедренных и продолжающихся вводить мер, направленных на сокращение доступности азартных игр, данная тематика все еще остается значимой для общества. Для более эффективной борьбы с этой проблематикой необходимо принять более строгие законодательные инициативы, к примеру, увеличение налоговых ставок на игровое оборудование, обеспечение беспристрастности судебной и исполнительной систем через борьбу с коррупцией, а также усилить роль и повысить активность инспекционных рейдов со стороны надзорных инстанций по отношению к казино и другим игровым площадкам [4, С. 117–118].

Сокращение доступности азартных игр осуществляется также во многом за счет ограничений, предъявляемых к субъектам, намеревающимся осуществлять азартную деятельность. В частности, организаторами азартных игр могут выступать только те юридические лица, зарегистрированные исключительно на территории Российской Федерации. Публично-правовые образования, а именно Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования напрямую не могут выступать в качестве учредителей юридических лиц, организующих азартные игры. Достаточно жесткие условия также предъявляются и к размеру уставного капитала организатора азартных игр, который в силу установленных законодательством требования должен составлять не менее 100 миллионов рублей, при этом они должны быть собраны исключительно за счет средств участников (учредителей) юридического лица, а также в их отношении

должна быть проведена проверка законности их происхождения. Кроме того, потенциальные организаторы азартных игр при формировании уставного капитала не могут привлекать заемные денежные средства.

Отдельные требования предъявляются к организаторам азартных игр в форме букмекерских контор, тотализаторов, в частности, для начала осуществления азартной деятельности им необходимо заключить договор банковской гарантии. Как правило, вышеуказанный договор заключается на срок действия лицензии, разрешающий организацию азартных игр.

В связи со всем вышеперечисленным можно сделать вывод о том, что размер поступлений от налога на игорный бизнес зависит от эффективности функционирования игорных зон. Налог на игорный бизнес играет важную роль в материальном обеспечении субъектов Российской Федерации, на территории которых функционируют эти игорные зоны.

Таким образом, налог на игорный бизнес – это важный инструмент государственного регулирования, который позволяет пополнять бюджет, контролировать игорную индустрию и компенсировать возможные негативные последствия азартных игр. Механизм расчета налога может быть сложным и зависит от множества факторов, поэтому организациям, занимающимся игорным бизнесом, необходимо тщательно изучать законодательство и консультироваться со специалистами.

В заключение, стоит подчеркнуть важность строгого государственного регулирования в сфере азартных игр. Недостаточно четкие и открытые для понимания законодательные рамки, касающиеся операторов игровых заведений и игроков, влияют на непостоянство и незначительность налоговых поступлений в бюджеты на всех уровнях при каждой попытке реформировать систему налогообложения данной индустрии.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть 2) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ (принят ГД ФС РФ 19.07.2000 г. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.04.2025).
2. Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2006 N 244-ФЗ. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.04.2025).
3. Анциферов Д.С. Функционирование налога на игорный бизнес в России / Д.С. Анциферов // Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «Сфера». – 2020. – С. 117–122.
4. Бобошко Н.М. Анализ схем уклонений от уплаты налога на игорный бизнес как инструмент совершенствования методики противодей-

ствия незаконной предпринимательской деятельности / Н.М. Бобошко, А.О. Разуваева // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 1. – 236–243.

5. Залега А.С. Игорный бизнес в России: развитие, налогообложение, проблематика / А.С. Залега, Е.В. Павлова. // Молодой ученый. – 2017. – № 4 (138). – С. 435–437.
6. Кондратьева М.Н. Налоги и налогообложения: учебно – практическое пособие / М.Н. Кондратьева, Е.В. Баландин; Ульян. Гос. Техн. Ун-т – Ульяновск: УлГТУ, 2025. – 95 с.
7. Кривоносова Н.Я. Налог на игорный бизнес как источник доходов региональных бюджетов / Н.Я. Кривоносова, А.А. Бурцева // Майкоп: ООО «Электронные издательские технологии», 2024. – С. 68–75.
8. Левшукова О.А. Налогообложение игорных зон на примере Краснодарского края / О.А. Левшукова, А.Э. Шаповалова // Энигма. – 2019. – № 10–1. – С. 129–136.
9. Почему российские игорные зоны так и не заработали за 10 лет [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru> (Дата обращения: 17.04.2025).

GAMBLING ZONES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR TAXATION

Monetov A.G., Radaeva S.A.

Ryazan State University named after S.A. Yesenin

The article examines the development of the legal foundations of gambling taxation in Russia, which are fixed in the current tax legislation. The relevance of a comprehensive analysis of the gambling zone tax is due to the fact that this type of tax allows significant amounts of money to be accumulated in regional budgets, while various entities engaged in gambling activities are currently operating. The article analyzes the change in the status of the tax – it has moved from the federal to the regional category. Special attention is paid to the difficulties encountered in organizing gambling zones: of the four officially established, only two or three actually work. In addition, various models of levying this tax are being investigated, which depend on the legislation of the country or a specific entity, and individual elements of the gambling zone tax are also being considered.

Keywords: tax, gambling, tax law, budget, gambling zone, object of taxation.

References

1. Tax Code of the Russian Federation (Part 2) of 05.08.2000. No. 117-FZ (adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on July 19, 2000. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: April 25, 2025).
2. Federal Law «On State Regulation of Activities Related to the Organization and Conduct of Gambling and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated December 29, 2006 N 244-FZ. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: April 25, 2025).
3. Antsiferov D.S. Functioning of the Gambling Tax in Russia / D.S. Antsiferov // Volgograd: Limited Liability Company «Sfera». – 2020. – P. 117–122.
4. Boboshko N.M. Analysis of Gambling Tax Evasion Schemes as tool for improving the methodology for combating illegal entrepreneurial activity / N.M. Boboshko, A.O. Razuvaeva // Bulletin of Economic Security. – 2020. – No. 1. – 236–243.
5. Zalega A.S. Gambling business in Russia: development, taxation, problems / A.S. Zalega, E.V. Pavlova. // Young scientist. – 2017. – No. 4 (138). – P. 435–437.

6. Kondratieva M.N. Taxes and taxation: a textbook and practical guide / M.N. Kondratieva, E.V. Balandin; Ulyan. State Tech. University – Ulyanovsk: UISTU, 2025. – 95 p.
7. Krivososova N. Ya. Tax on gambling business as a source of income for regional budgets / N. Ya. Krivososova, A.A. Burtseva // Maykop: ООО «Electronic Publishing Technologies», 2024. – P. 68–75.
8. Levshukova O.A. Taxation of gambling zones on the example of Krasnodar Krai / O.A. Levshukova, A.E. Shapovalova // Enigma. – 2019. – No. 10–1. – P. 129–136.
9. Why Russian gambling zones have not started working in 10 years [Electronic resource]. – URL: <https://www.vedomosti.ru> (Accessed: 04/17/2025).

Сравнительный анализ институтов президентства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки

Родионов Владислав Алексеевич,

аспирант, Московский финансово-юридический университет
E-mail: Vrodio4647@gmail.com

В данной статье проводится сравнительный анализ институтов президентства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Исследуются исторические особенности формирования данных институтов, их конституционно-правовой статус, характер и объем полномочий глав государств, порядок их избрания и механизмы прекращения полномочий. Особое внимание уделяется месту президентов в системе разделения властей: в США глава государства возглавляет исполнительную власть, тогда как в России президент занимает надведомственное положение, не входя формально ни в одну из ветвей власти. Подробно рассматриваются военные полномочия президентов обеих стран, включая практику принятия решений об использовании вооруженных сил. Проанализирован порядок взаимодействия глав государств с законодательными органами, в том числе через посредство посланий парламенту, законодательной инициативы и права вето. Детально разбираются правовые механизмы импичмента и иных форм прекращения полномочий, а также статус и гарантии экс-президентов в сравнительном аспекте. Автор анализирует поправки к Конституции РФ 2020 года, изменившие ряд положений о президентской власти. На основе проведенного исследования предлагается совершенствование российского законодательства в части комплексной регламентации статуса президента и экс-президента в едином нормативно-правовом акте.

Ключевые слова: Институт президентства, конституционно-правовой статус, система разделения властей, полномочия президента, импичмент, система сдержек и противовесов, президентское послание, Конституция.

Компаративный анализ президентской власти в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки позволяет выявить существенные различия в моделях государственного управления двух держав. Методология сравнительного исследования служит эффективным инструментом для понимания специфики властных институтов.

Американская модель президентства, берущая начало с 1787 г., характеризуется длительной эволюцией и устоявшимися традициями. Российский институт главы государства, сформированный в 1991 г., находится в стадии активного развития, что подтверждают конституционные преобразования 2020 г., существенно изменившие нормативно-правовую базу функционирования президентской власти.

Принципиальное различие между моделями заключается в положении главы государства в системе разделения властей. Президент США совмещает функции руководителя государства и исполнительной власти. Российская конституционная модель характеризуется особым статусом президента, который не входит непосредственно ни в одну ветвь власти. Управление исполнительной властью в РФ осуществляет председатель Правительства, что создает уникальную конфигурацию властных полномочий.

Ключевая особенность американской системы состоит в четком закреплении президента как лидера исполнительной власти, тогда как российская модель демонстрирует более сложную архитектуру государственного управления с особым конституционным статусом главы государства. В Германии – это Федеральный президент, он же глава государства, хотя исполнительная власть сосредоточена в руках федерального канцлера, кандидатура которого предлагается федеральным президентом. Также в зарубежных странах предъявляются требования к должности президента, претендент на пост главы государства должен быть гражданином, например, в Соединенных Штатах. В таких странах как Колумбия, Монголия, Филиппины на законодательном уровне закреплено требование, что гражданин должен родиться в конкретной стране, то есть быть «прирожденным гражданином» [4].

Согласно Конституции РФ, российский президент избирается на определенный срок, в смешанных и президентских республиках главу государства в большинстве случаев выбирают с помощью прямых выборов, то есть избирателями-народом. В России же существует смешанная система выборов, но президента избирают согласно всеоб-

щему равному и прямому избирательному праву при тайном голосовании. Побеждает тот кандидат, за которого отдано большинство голосов избирателей. Обращаясь снова к выборной системе в американском государстве, где также легализованы косвенные выборы президента – избиратели выбирают выборщиков, а те в свою очередь главу государства. Есть и те, кто возражает против избрания президента путем косвенных выборов и напротив хотели бы избирать путём прямых выборов. Конституция Соединенных Штатов Америки провозглашает всеобщее избирательное право, а на уровне штатов и на местном уровне могут быть проведены прямые выборы.

Конституционные требования к кандидатам на пост президента в РФ и США демонстрируют как схожие черты, так и существенные различия. Российское законодательство устанавливает следующие критерии для претендентов на высший государственный пост: достижение 35-летнего возраста, отсутствие иностранного гражданства, факт постоянного проживания в РФ на протяжении 25 лет.

Конституционная реформа 2020 г. внесла значительные коррективы в регламентацию президентских полномочий. Обновленная редакция Основного закона РФ ограничивает возможность занятия президентского поста двумя сроками. Примечательно, что данная норма не имеет ретроактивного действия, что позволяет действующему главе государства участвовать в последующих избирательных кампаниях вне зависимости от длительности предшествующего пребывания в должности.

Законодательство США предъявляет сходные базовые требования к возрастному цензу кандидатов. Однако американская модель отличается менее жестким условием резидентства – 14 лет проживания на территории страны. Существенным ограничением выступает требование наличия гражданства США по рождению.

Принципиальное различие между двумя системами заключается в регламентации количества президентских сроков. 22-я поправка к Конституции США категорически запрещает занятие президентского поста более двух сроков, независимо от их последовательности или наличия временных промежутков между ними. Данное ограничение носит абсолютный характер и не предусматривает исключений.

В части избрания на определенный срок необходимо сказать, некоторые авторы, считают, что срок полномочий четырехлетний для главы американского государства, сравнительно небольшой и явно недостаточен для реализации его предвыборной программы. Более того, считается что выборы – это процесс достаточно сложный и весьма затратный требующий подготовки, не зря будущие кандидаты начинают подготовку за несколько месяцев, заранее подготавливая предвыборную программу, участвуют в предвыборных дебатах. Важно заметить, что выдвигаются отдельные предложения по увеличению продолжительности нахож-

дения президента у власти, предлагается увеличить срок полномочий президента США до 6 или 7 лет по примеру российской или французской практик [3]. Конституционное законодательство США устанавливает четырехлетний срок президентских полномочий с возможностью однократного переизбрания. Единственное исключение зафиксировано в период Второй мировой войны, когда Ф. Рузвельт был переизбран на четвертый срок ввиду чрезвычайных обстоятельств военного времени. Последующее принятие 22-й поправки к Конституции США [1] законодательно закрепило лимит президентских сроков.

Базовые функции Президента РФ включают обеспечение конституционного порядка, защиту прав граждан, сохранение суверенитета и территориальной целостности государства. Специфика российской модели президентской власти заключается в её надведомственном характере: институт президентства, взаимодействуя со всеми ветвями власти, сохраняет автономность и выступает гарантом государственной стабильности.

Американская модель наделяет президента широким спектром полномочий. Глава США вправе запрашивать отчетность министерств, осуществлять помилование (кроме дел по импичменту), а также по согласованию с Сенатом заключать международные договоры и производить кадровые назначения высших должностных лиц, включая судей Верховного суда и послов. Президентские полномочия распространяются на самостоятельное смещение назначенных им должностных лиц [6].

Военно-стратегические полномочия Президента РФ охватывают руководство Вооруженными силами РФ в статусе Верховного главнокомандующего, председательство в Совете Безопасности, формирование военной доктрины. Глава государства осуществляет кадровые назначения высшего военного руководства. Статья 87 Конституции РФ предоставляет президенту право введения военного положения при наличии внешней агрессии или её непосредственной угрозы. Первый прецедент реализации данного полномочия зафиксирован в Указе Президента РФ № 756 от 19.10.2022 г. [5], установившем военное положение на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей.

В США же, президент также является верховным главнокомандующим вооруженными силами США. Он вправе использовать национальную гвардию любого штата по своему усмотрению. Хотелось бы привести несколько случаев, когда президент, не дожидаясь соответствующих согласований, принимал решения самостоятельно в обход определенной законодательством процедуре. Так, чтобы президенту США объявить о ведении боевых действий на территории иностранного государства ему необходимо заручиться поддержкой со стороны Конгресса. Так, в феврале 1917 году тогдашний президент США Вудро Вильсон обратился к Конгрессу об объявлении войны Германии с призывом «объявить войну, чтобы закончить все

войны», в своей речи он заявил, что «если бы США не включились в войну, вся западная цивилизация могла быть разрушена», США вступили в Первую Мировую войну. Официальным считается объявление США войны Японии в 1941 году, при атаке Японии на военно-морскую инфраструктуру США в Перл-Харборе. Тогдашний президент Рузвельт обратился к конгрессу с речью, которая собственно и явилась поводом для объявления войны Японии. Стоит отметить, так как право объявления войны есть только у Конгресса, некоторые главы американских государств все же обходили данное конституционное положение.

Практика принятия военно-политических решений в США демонстрирует значительную автономность президентской власти. Показательны примеры действий американских лидеров в ближневосточном регионе: Дж. Буш-старший инициировал военную кампанию в Персидском заливе против Ирака, запросив одобрение Конгресса постфактум. Администрация Б. Клинтона совместно с британским правительством Т. Блэра реализовала операцию «Пустынный лис» в декабре 1998 г., направленную на ликвидацию иракского потенциала производства оружия массового поражения. Операция, проведенная без санкции Совета Безопасности ООН, стала ответом на отказ Ирака от сотрудничества с международной комиссией ООН. Подобные прецеденты свидетельствуют о фактическом игнорировании «Резолюции о военных полномочиях», предусмотренной Конгрессом США.

Институт президентского вето выступает ключевым инструментом влияния на законодательный процесс. Данное конституционное полномочие отражает концепцию отцов-основателей о предотвращении монополизации власти одной из ветвей государственного управления. Преодоление безотлагательного вето требует квалифицированного большинства голосов конгрессменов. Сочетание права вето с всенародным избранием формирует механизм сдержек и противовесов в системе государственной власти.

Полномочия президента США имеют определенные ограничения со стороны Конгресса. Отсутствие права роспуска законодательного органа при наличии у последнего механизма импичмента создает асимметрию властных возможностей. Как отмечает Ю.И. Матвеев, приоритет в государственной системе принадлежит Конгрессу, а не главе государства [2].

В системе разделения властей американский президент функционирует преимущественно в рамках исполнительной ветви. Институт вице-президента США обеспечивает преемственность власти в случаях прекращения полномочий действующего главы государства вследствие смерти, отречения или отставки.

Не лишним считаю выделить еще некоторые отличия, будучи формально «лишенным» конституционного права влиять на законодательную инициативу, американский президент фактически реализует своё право в палатах конгресса США (т.е.

через представителей и сенаторов-членов своей партии, лидером которой он является), таким образом, воздействуя, на лоббирование значимых законопроектов в высший законодательный орган. В своих посланиях Конгрессу он излагает своё видение и оценку ситуации в стране и описывает законодательные инициативы, которые необходимо проработать. Вместе с тем, особо заострить внимание хотелось бы, на Посланиях российского главы государства к Федеральному Собранию Российской Федерации в которых он обращает внимание органов исполнительной власти на экономику, социальную сферу, в целом на складывающуюся ситуацию в стране, по сути определяет поручения для Правительства Российской Федерации, Государственной Думы, Совета Федерации, глав субъектов. Президентское Послание от 21.02.2023 акцентировало внимание на комплексной программе развития новых субъектов РФ, охватывающей восстановление промышленного потенциала, формирование рабочих мест и модернизацию транспортной инфраструктуры. Правовая природа президентских посланий раскрывается в исследованиях Т.Я. Хабриевой, которая отмечает дуализм данного института: директивный характер установок и поручений сочетается с отсутствием нормативного статуса, исключающего возможность противоречия федеральному законодательству или ограничения правотворческой компетенции Федерального Собрания РФ.

Практическая значимость президентских посланий находит отражение в деятельности парламента. Государственная Дума ФС РФ формирует специализированные рабочие группы, обеспечивающие законодательную реализацию программных положений ежегодных посланий главы государства. Данный механизм способствует трансформации президентских инициатив в конкретные нормативные решения.

Анализ правового статуса президентских посланий позволяет выявить дифференцированный характер их юридической силы: императивность для исполнительной власти сочетается с рекомендательностью для законодательной ветви. Послания можно рассматривать как особую форму законодательной инициативы, где глава государства артикулирует необходимость конкретных правовых изменений. Однако принцип разделения властей исключает возможность прямого обязывания парламента к принятию соответствующих законодательных актов, что обеспечивает сохранение системы сдержек и противовесов.

В ходе послания, президент России акцентировал внимание на многих сферах, это и дальнейшее развитие Вооруженных сил РФ, экономика, социальная сфера, здравоохранение, особое внимание уделялось образованию, на которые стоит обратить внимание соответствующим министерствам и ведомствам. Необходимо отметить, президент сформулировал конкретный посыл для правительства и парламентариев, которым необходимо внести соответствующие поправки в законодатель-

ство об образовании, о рынке труда: к ним относятся отдельные предложения по действующим программам высшего образования (возвращение к программам высшего образования – уровня специалитет, магистратуры), также глава государства предложил увеличить величину минимального размера оплаты труда с 1 января 2024 года. Формат президентских посланий демонстрирует глубокую вовлеченность главы государства в актуальную повестку страны. Практика реализации поручений характеризуется адресным подходом: конкретные задачи направляются руководителям ключевых государственных институтов – Председателю Государственной Думы, Председателю Верховного Суда, Генеральному Прокурору. Президентские послания формируют концептуальную основу межведомственного взаимодействия и определяют механизмы предупреждения политико-правовых конфликтов.

Конституционные механизмы прекращения президентских полномочий в РФ включают три основных сценария. Первый – естественное завершение конституционного срока с последующим назначением выборов. Второй – добровольная отставка по медицинским показаниям. Третий – процедура отрешения от должности, инициируемая Государственной Думой ФС РФ при наличии обвинений в государственной измене или совершении тяжкого преступления. Легитимность процедуры обеспечивается заключениями Верховного Суда РФ о наличии состава преступления и Конституционного Суда РФ о соблюдении процессуальных норм. Окончательное решение принимается Советом Федерации квалифицированным большинством в две трети голосов в трехмесячный срок.

Американская модель прекращения президентских полномочий демонстрирует схожие основания: отставка, импичмент, смерть, истечение срока полномочий. Исторический прецедент добровольной отставки связан с 36-м президентом США Р. Никсоном. Процедура импичмента, реализуемая Конгрессом, предусматривает отстранение президента или вице-президента за государственную измену и иные серьезные правонарушения. Попытки импичмента предпринимались в отношении Э. Джексона (1868 г.) и Б. Клинтона (1999 г.), однако не привели к отстранению от должности. Однако двое президентов смогли заручиться незначительным перевесом голосов в свою пользу, тем самым не позволив запустить официальную процедуру импичмента. За сравнительно небольшой период существования института президента в нашей стране не была запущена процедура отрешения от должности, путем официального порядка, установленного Конституцией РФ, будь это отрешение от должности или отставка ввиду невозможности осуществлять свои полномочия по состоянию здоровья. Лишь в 1999 году Б.Н. Ельцин – первый президент России, ушел с поста добровольно объявив о своей отставке, однако в 1993, 1999 годах были предприняты попытки в отношении Б.Н. Ельцина инициировать процедуру импичмента, но они ока-

зались безуспешными. Итак, пока что, ни в Российской Федерации, ни в Соединенных Штатах Америки не увенчалась успехом процедура импичмента в отношении главы государства.

Также необходимо отметить, сегодня в Конституции Российской Федерации, роль Президента Российской Федерации, который занимает особое положение, ему посвящена отдельная глава в ней, но вместе с тем, отсутствует отдельный нормативно-правовой акт (Федеральный Конституционный закон или Федеральный закон), который бы закрепил особый статус президента, как по аналогии это сделано в Республиках бывшего СССР (Республике Беларусь, Республике Казахстан). Например, в Законе о президенте Республики Казахстан, существует отдельная Глава VI: «Бывшие президенты Республики Казахстан» (определен их статус экс-глав государств, обеспечение и гарантии).

Обращаясь к практике, в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации, те гарантии, которые уже установлены, например, неприкосновенность президента, прекратившего исполнение своих полномочий, за ним сохраняется его иммунитет, только обвинение в государственной измене со стороны Государственной Думы и Совета Федерации может повлиять на неприкосновенность статуса, запустив определенную процедуру. К слову сказать, гарантии, не предусмотрены экс-президенту США, например, это неприкосновенность, хотя положен ряд определенных бенефиций: пожизненная пенсия, медицинские льготы, защита секретной службы экс-президента и членам его семьи, предоставление обслуживающего персонала, служебные расходы. В продолжение отмечу, что в странах Евросоюза также существует система гарантий экс-президентам, так во Франции положена пожизненная дотация, соответствующая зарплате государственного советника, предусмотрено служебное жильё, пожизненная охрана. В Германии гарантии положены для экс-канцлеров, федеральных президентов к ним относятся пожизненная почетная заработная плата, служебный автомобиль, охрана, экс-президенту Чехии выплачивается пожизненная пенсия и иные социальные гарантии аналогичные экс-канцлеру Германии и федеральному президенту Германии.

Комплексное совершенствование законодательной базы института президентства в РФ требует систематизации нормативно-правового регулирования. Целесообразно разработать единый федеральный закон, консолидирующий положения о конституционно-правовом статусе главы государства, объеме его полномочий и системе государственных гарантий после прекращения президентских полномочий.

Предлагаемая законодательная инициатива предполагает отмену Федерального закона от 12.02.2001 № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» с последующей интеграцией его ключевых положений

в новый комплексный нормативный акт. Подобная консолидация правовых норм позволит оптимизировать систему регулирования президентской власти и обеспечить единообразный подход к регламентации статуса главы государства на всех этапах реализации конституционных полномочий.

Унификация законодательства в данной сфере будет способствовать повышению эффективности функционирования института президентства и укреплению системы конституционных гарантий. Поскольку в данном нормативно-правовом акте урегулированы положения, предусматривающие только гарантии и некоторые особые права, которые значатся за экс-главой государства, а новый нормативный акт включил бы в себя все основные особые правомочия, полномочия, гарантии, в том числе те гарантии, которые предусмотрены экс-главе государства, то есть закрепить особый правовой статус в официальном документе, как это уже сделано в некоторых странах постсоветского пространства.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что институты глав государств все же различаются по уровню полномочий, степени ответственности, как было отмечено ранее, ряд новелл, которые затронули статус президента в России в 2020 году по итогам внесенных поправок в Конституцию Российской Федерации. Безусловно, нельзя не отметить тот факт, что институт президентства в Соединенных Штатах Америки берет своё начало в восемнадцатом веке, гораздо ранее, чем в нашей стране, соответственно и развивался он намного длительнее также, как и Конституция США 1787 года, которая является основой и в некотором роде «образцом» для других демократических Конституций, в ней содержатся основные демократические принципы, базисные составляющие демократии.

Итак, проводя подробный анализ двух глав государств, отмечается, что каждый президент имеет свои особенности, неповторимые отличия, в части избрания, порядка исполнения своих полномочий, гарантий. В рамках своих конституционных прав и обязанностей, каждый глава государства, оценивает масштаб тех задач, которые перед ним стоят, те, которые он изложил в начале своего срока избрания и тех, которые возникают в повседневной жизни.

Литература

1. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. // Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты: Перевод с английского / Сост.: Лафитский В.И., под ред. и со вступ. ст.: Жидков О.А. – М.: Прогресс-Универс, 1993. – С. 12–25.
2. Матвеев Ю.И. Политико-правовая специфика института президентства в современной России / Ю.И. Матвеев // Политические процессы и технологии. – 2015. – № 1. – С. 84–92.
3. Сравнительная политология: Учебник / под ред. О.В. Гаман-Голтувиной. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 752 с.
4. Страшун Б.А. Часть общая: Конституционное (государственное) право и его основные институты [Электронный ресурс] / Б.А. Страшун. – 2000. – URL: <http://textarchive.ru/c-1188296-pall.html> (дата обращения: 20.05.2025).
5. Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 43. – Ст. 7345.
6. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран / В.Е. Чиркин. – Москва: Юрист, 2001. – 622 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE INSTITUTIONS OF THE PRESIDENCY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED STATES OF AMERICA

Rodionov V.A.

Moscow University of Finance and Law

This article provides a comparative analysis of the institutions of the presidency of the Russian Federation and the United States of America. The article examines the historical features of the formation of these institutions, their constitutional and legal status, the nature and scope of powers of the heads of state, the procedure for their election and the mechanisms for terminating their powers. Particular attention is paid to the place of presidents in the system of separation of powers: in the United States, the head of state heads the executive branch, while in Russia the president occupies a supradepartmental position, not formally entering into any of the branches of government. The military powers of the presidents of both countries are examined in detail, including the practice of making decisions on the use of armed forces. The procedure for interaction between heads of state and legislative bodies is analyzed, including through messages to parliament, legislative initiative and the right of veto. The article examines in detail legal mechanisms of impeachment and other forms of termination of powers, as well as the status and guarantees of ex-presidents in a comparative aspect. The author analyzes the amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020, which changed a number of provisions on presidential power. Based on the conducted research, it is proposed to improve Russian legislation in terms of comprehensive regulation of the status of the president and ex-president in a single normative legal act.

Keywords: Institute of the presidency, constitutional and legal status, system of separation of powers, powers of the president, impeachment, system of checks and balances, presidential address, Constitution.

References

1. Constitution of the United States of America 1787 // United States of America. Constitution and Legislative Acts: Translated from English / Comp.: Lafitsky V.I., Ed. and with introd. art.: Zhidkov O.A. – Moscow: Progress-Universal, 1993. – pp. 12–25.
2. Matveenko Y.I. Political and Legal Specifics of the Institution of Presidency in Modern Russia / Y.I. Matveenko // Political Processes and Technologies. – 2015. – No. 1. – pp. 84–92.
3. Comparative Political Science: Textbook / ed. by O.V. Gaman-Golutvina. – Moscow: Aspect Press, 2015. – 752 p.
4. Strashun B.A. General Part: Constitutional (State) Law and Its Main Institutions [Electronic resource] / B.A. Strashun. – 2000. – URL: <http://textarchive.ru/c-1188296-pall.html> (accessed: 20.05.2025).
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 756 dated October 19, 2022 «On the Introduction of Martial Law in the Territories of the Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, Zaporizhzhia and Kherson Regions» // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 43. – Art. 7345.
6. Chirkin V.E. Constitutional Law of Foreign Countries / V.E. Chirkin. – Moscow: Jurist, 2001. – 622 p.

Юсифов Умид Мушфигович,

аспирант, Самарский государственный экономический университет
E-mail: umidyusifov3004@gmail.com

Цельникер Григорий Феликсович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Самарский государственный экономический университет
E-mail: grigorij-celniker@yandex.ru

В представленном исследовании раскрывается вопрос о целесообразности института административной ответственности юридических лиц как самостоятельной категории публично-правовой ответственности в современном российском праве. Проблема анализируется с позиций сравнительного, экономико-правового и теоретико-правового подходов на основе широчайшего обзора доктрины, судебной практики, истории законодательства и международного опыта. Рассмотрены причины формирования в правовом порядке России и других стран института публично-правовой (в т.ч. административной) ответственности организаций, обоснованы его самостоятельные превентивные функции, проведена дискуссия о границах оптимальной конструкции, механизмах вменения вины, выборе между уголовной и административной моделями, а также целесообразности распространения ответственности на отдельные виды организаций. Особое внимание уделено вопросам докзывания вины и стандартам презумпции невиновности, с анализом их правовой и социальной эффективности. На основании проведённого многоаспектного анализа аргументировано утверждается, что именно административная ответственность, в отличие от уголовной, является наиболее эффективным и гибким инструментом публично-правового реагирования на противоправное (общественно вредное) поведение юридических лиц. Обосновываются направления совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: административная ответственность, юридические лица, публично-правовая ответственность, вина организации, презумпция невиновности, правовая политика, экономический анализ права, КоАП РФ.

Современное правовое регулирование отношений, связанных с административной ответственностью юридических лиц, отражает сложный и многоуровневый процесс трансформации представлений о правосубъектности, целях и функциях публично-правовых санкций, а также о пределах государственного вмешательства в сферу экономической и организационной автономии корпораций и других субъектов, обладающих статусом юридического лица. Анализируя вопрос о целесообразности введения и существования административной ответственности юридических лиц, необходимо выходить за узко позитивистские рамки описания и рассматривать заявленную проблему в контексте противоречия между эффективностью правового регулирования, экономическим анализом (*cost-benefit analysis*), доктринальной когерентностью и обеспечением баланса публичного и частного интереса [5].

В первую очередь ключевым исходным пунктом теоретико-правового анализа выступает выявление самостоятельных социальных и юридических оснований для возложения на организации публично-правовой ответственности, выходящей за рамки возмещения вреда и индивидуальной ответственности физических лиц – представителей, сотрудников или учредителей. Применительно к российскому контексту, как и к моделям развитых правовых порядков, именно в полной или частичной неспособности гражданско-правовых (или даже уголовных санкций, адресованных должностным лицам) инструментов обеспечить эффективную защиту публичных интересов – когда вред рассредоточен, потерпевшие разобщены, а стимулы к инициации преследования у них минимальны – возникает и легитимируется императив введения публично-правовой ответственности организации как социального института. Эта идея подкрепляется примерами из истории права, в том числе формированием ответственности за нарушения экологических стандартов или правил рыночной конкуренции, ставших невозможными к адекватному преследованию через частноправовые механизмы [13].

Далее, основной аргумент в пользу самостоятельного института административной ответственности организаций базируется на превентивном и побудительном эффектах этой ответственности – создании комплексной системы стимулов участникам и контролирующим субъектам внутри юридического лица по обеспечению соблюдения норм, охраняющих публичный порядок или интерес [8]. При отсутствии экономического воздействия (штрафа либо ликвидационных мер) на ак-

тивы юридического лица предотвращение риска нарушения закона или публичного вреда с точки зрения участников превращается в внешне второстепенный вопрос, особенно если личная ответственность руководителей ограничена либо трудно реализуема из-за сложной организационной структуры или корпоративных соглашений. Таким образом, административная ответственность выполняет не просто штрафную, но и системообразующую функцию в корпоративном управлении, формируя внутренние институты compliance, реализации принципов risk management.

Особое внимание требует экстраполяция этой аргументации на вопрос о допустимости и границах публично-правовой ответственности юридических лиц наряду и вместо ответственности физических лиц [9]. Эффективность дисциплинарного и уголовного преследования индивидуальных лиц заведомо недостаточна в случае «корпоративного рецидива», распространенной институциональной порочности или возникновения ситуаций, когда нарушающее поведение институционально детерминировано, а отыскание реального виновника невозможно ни доказательно, ни логически (например, анонимность решений в крупных транснациональных корпорациях). Это подтверждается сравнительно-правовым анализом англо-американской доктрины (*respondeat superior, identification theory*), в которой поиск индивидуального субъекта вины не исключает, но и не отменяет необходимости вменения ответственности организации в целом, что парадоксально делает процедуру закрепления административной субъектности юридических лиц в российском праве даже более последовательной [12].

Вместе с тем, вопрос о выборе оптимальной модели публично-правовой ответственности юридических лиц – административной или уголовной – не решается однозначно только с точки зрения возможности или невозможности вменения самостоятельной вины организации. Истинное различие лежит на уровне соотношения издержек и полезности (*deterrence vs administrative costs*), применимости процессуальных гарантий и объективно различающегося веса последствий ошибочного осуждения. Аргументация современных сторонников уголовной ответственности корпораций (в духе моделей США, Великобритании, Франции и др.) строится на двух тезисах – желании повысить стигматизационный и превентивный эффект наказания, а также якобы увеличения эффективности расследования за счет предоставления органам уголовной юрисдикции широчайших полномочий, включая оперативно-розыскные средства и объединенного процесса в отношении корпорации и ее сотрудников. Однако, как показывает экономико-правовой анализ уголовная процедура неоправданно увеличивает расходы на поддержание правопорядка применительно к организациям, лишённым свободы в уголовно-правовом смысле личности, а также не имеет убедительных предпосылок для распространения на них специфических

процессуальных гарантий (жюри, поворот к худшему, бесплатная защита), легитимных только в контексте защиты личных прав физического лица [2]. Более того, введение криминального ярлыка для юридического лица не только не имеет долговременного практического значения, но и способно привести к искусственному подавлению нормального хозяйственного риска, избыточной осторожности и правовой неуверенности участников бизнеса [11].

С другой стороны, российская модель административной ответственности юридических лиц избегает перегибов стандартов уголовного процесса, сохраняет необходимую гибкость, отказ от стигматизирующих процедур и чрезмерных процессуальных гарантий, фокусируясь на имущественном воздействии (штраф, присуждение конфискации, административное приостановление деятельности), что гармонирует с экономической природой корпоративного субъекта [4]. Легкое маневрирование между различными категориями санкций позволяет адаптивно соотносить тяжесть ответственности с характером и вредоносностью деяния, не парализуя функцию компаний на рынке, но оставляя действенный превентивный потенциал.

Разумеется, данная конструкция оптимальна при условии корректного нормативного описания состава правонарушений (объекте, субъекте, субъективной стороне) и исчерпывающего, системного подхода к перечню санкций. Модель частичной административной ответственности юридических лиц, закреплённая в КоАП РФ, где для каждой статьи специально указывается применимость к организациям, обеспечивает разумный баланс между правовой определённостью (*legal certainty*), гибкостью и предотвращением злоупотреблений, в частности, не позволяет привлекать к юридически абсурдным составам наподобие аналогий с чисто личными преступлениями.

Однако представляется чрезвычайно важным пересмотреть принципиальные вопросы вины юридического лица. Российская практика и норма ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ формально ориентирует на концепцию самостоятельной вины (корпоративной), то есть возможностного анализа: если не доказано, что предприняты все меры, юридическое лицо виновно [10]. Несмотря на удобство данной модели для органов контроля, фактически она эквивалентна объективному вменению и противоречит сложившимся в развитых правопорядках минимальным стандартам справедливого процесса. В большинстве юрисдикций вина юридического лица определяется через вину определенного круга управленческих работников (доктрины *alter ego/identification, ricochet, restrictive respondeat superior*), причём часто существует возможность организации доказать свою добросовестность и внедрение эффективных процедур compliance. Поддерживать формулу абстрактной корпоративной вины – значит, искусственно облегчать работу прокурора в ущерб балансу интересов и рациональным стимулам к саморегулированию: не сталкиваясь с ре-

альной угрозой установления виновного физического лица, корпорации будут склонны к принятию формализованных, а не существенных мер по предотвращению нарушений [7].

Критически значимо также пересмотреть применяемый стандарт доказывания и принципы презумпции невиновности. Хотя на уровне закона в РФ закреплена презумпция невиновности юридического лица, фактическая судебная и административная практика демонстрирует смещение бремени доказывания на защиту, что оказывается более оправданным с точки зрения распределения доказательственных возможностей между государственными органами и организацией. Административный процесс объективно не располагает ресурсами уголовного преследования, а фундаментальные (уголовные) стандарты доказывания «вне разумных сомнений» не релевантны в ситуации, когда последствия санкции ограничиваются имущественными изъятиями или запретами на деятельность. Соответственно, внедрение стандартов «баланс вероятностей» или «ясные и убедительные доказательства», перекладывание на организацию обязанности (в рамках *contestatio*) доказывать надлежащие меры внутреннего контроля с возможностью убедительного опровержения – это путь к гармонизации российской модели с зарубежной практикой и доктринальными ожиданиями любого современного юридического сообщества.

Касаясь субъекта административной ответственности, обоснованным представляется применение её к коммерческим и некоммерческим организациям (при наличии самостоятельного имущественного интереса или влияния на объём активов), а вот привлечение к ответственности унитарных предприятий, учреждений, муниципальных образований (т.е. публичных собственников), воспринимается скорее как перекладывание бюджетных средств и де-факто лишено стимульного эффекта, ради которого и построен институт ответственности организации. Применение санкций к лицам, не обладающим статусом юридического лица, возможно только при наличии обособленного имущественного фонда и в части организационно ограниченных воздействий (приостановление деятельности, запрет на осуществление определённых видов действий, предупреждение).

Что касается перечня возможных санкций, сравнительно-правовой анализ однозначно указывает на недостаточность исключительно штрафных мер, особенно при рецидиве, грубых нарушениях или наличии корпоративных нарушительных схем. Дополнение перечня наказаний возможностью применения ликвидации, закрытия предприятия, запрета деятельности как карательных санкций, а также расширение спектра мягких административных воздействий (например, публикация информации, ограничение доступа к государственному финансированию) одновременно вводят элемент дифференциации и усиливают воспитатель-

ный, дисциплинирующий потенциал административного права [3].

В заключительном обобщении можно утверждать, что:

1) автономное существование института административной ответственности юридических лиц объективно обусловлено интересами эффективной защиты публичных интересов, невозможностью подмены её гражданско-правовыми либо индивидуально-уголовными механизмами;

2) оптимальная модель ответственности – административно-правовая, как наиболее соразмерная природе юридического лица и структуре современного хозяйственного оборота (включая качество процедур, отсутствие избыточных процессуальных препятствий, гибкость мер реагирования);

3) для обеспечения справедливости и эффективности необходим пересмотр как механизма вменения вины, так и стандартов доказывания, с учётом сравнительного опыта и внутренних особенностей российского правопорядка;

4) расширение спектра применимых санкций, изъятие из сферы действия ответственности откровенно публичных структур, а также отказ от объективного вменения – ключевые средства эволюции института [1].

Это исследование приводит к выводу, что, если целью правового регулирования является балансировка интересов общества в предотвращении вреда и поощрение организационной автономии с развитием эффективных корпоративных процедур, именно административная ответственность юридических лиц, в её модернизированном виде, является наиболее релевантным инструментом публично-правовой политики и обеспечения верховенства права в экономическом обороте.

Литература

1. Аникеевко А.Б. Административная ответственность юридических лиц (материально-правовое исследование): автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.Б. Аникеевко. Екатеринбург, 2005. 26 с.
2. Аникеевко Ю.Б. Понятие вины юридических лиц в проектах КоАП РФ и судебной практике // Административное право и процесс. 2022. № 8. С. 54–57.
3. Аштоян А.Р. Административная ответственность юридических лиц: основания и санкции // Право и управление. XXI век. 2013. № 1 (26). С. 111–116.
4. Головки Л.В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции *criminal matter* (уголовной сферы) // Международное правосудие. 2013. № 1. С. 42–52.
5. Ермолаева Е.В. Презумпция вины юридического лица в совершении административного правонарушения / Е.В. Ермолаева // Административное право и процесс. 2022. № 11. С. 20–23.

6. Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ (Вестник экономического правосудия Российской Федерации). 2019. № 5. С. 3–96.
7. Кисин В.Р. Особенности административной ответственности юридических лиц: материально-правовой и процессуальный аспекты / В.Р. Кисин // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 45–49.
8. Кисин В.Р. Субъект административного правонарушения и субъект административной ответственности: сходство и различия / В.Р. Кисин // Административное право и процесс. 2019. № 6. С. 13–18.
9. Конев С.И. Административная ответственность юридических лиц в контексте нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9 (189). С. 266–268.
10. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 04.04.2019. URL: <http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBlwIAY7khO7NA-t9EL.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).
11. Куракин А.В. Вина юридического лица в нарушениях в финансовой сфере: формально-юридический и правоприменительный ракурсы проблемы // Административное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 49–65.
12. Лагвилава Т.В. Соотношение понятий «конфискация» и «изъятие» в рамках законодательства российской федерации об административных правонарушениях // Юстиция. 2019. № 3. С. 7–11.
13. Трофимова И.А. Некоторые проблемы административной ответственности юридических лиц / И.А. Трофимова // Экономика, социология и право. 2017. № 12. С. 50–54.

FEASIBILITY OF ADMINISTRATIVE LIABILITY OF LEGAL ENTITIES

Yusifov U.M., Tselniker G.F.
Samara State University of Economics,

The presented study reveals the issue of the feasibility of the institution of administrative liability of legal entities as an independent category of public law liability in modern Russian law. The problem is analyzed from the standpoint of comparative, economic-legal and theoretical-legal approaches based on the broadest review of doctrine, judicial practice, history of legislation and international experience. The article examines the reasons for the formation of the institution of public-law (including administrative) liability of organizations in the legal order of Russia and other countries, substanti-

ates its independent preventive functions, discusses the boundaries of the optimal design, mechanisms for imputing guilt, choosing between criminal and administrative models, and the advisability of extending liability to certain types of organizations. Particular attention is paid to issues of proving guilt and standards of the presumption of innocence, with an analysis of their legal and social effectiveness. Based on the conducted multi-aspect analysis, it is argued that it is administrative liability, in contrast to criminal liability, that is the most effective and flexible instrument of public-law response to illegal (socially harmful) behavior of legal entities. The directions for improving the current legislation are substantiated.

Keywords: administrative liability, legal entities, public-law liability, organization's guilt, presumption of innocence, legal policy, economic analysis of law, Code of the Russian Federation on Administrative Offences.

References

1. Anikeenko A.B. Administrative liability of legal entities (substantive and legal research): abstract of the dissertation of the candidate of legal sciences / A.B. Anikeenko. Yekaterinburg, 2005. 26 p.
2. Anikeenko Yu.B. The concept of guilt of legal entities in the draft Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and judicial practice // Administrative Law and Process. 2022. No. 8. Pp. 54–57.
3. Ashtoyan A.R. Administrative liability of legal entities: grounds and sanctions // Law and Management. XXI century. 2013. No. 1 (26). Pp. 111–116.
4. Golovko L.V. The ratio of criminal offenses and administrative offenses in the context of the concept of criminal matter (criminal sphere) // International justice. 2013. No. 1. Pp. 42–52.
5. Ermolaeva E.V. Presumption of guilt of a legal entity in committing an administrative offense / E.V. Ermolaeva // Administrative law and process. 2022. No. 11. Pp. 20–23.
6. Karapetyan A.G., Kosarev A.S. Standards of proof: analytical and empirical study // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation (Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation). 2019. No. 5. Pp. 3–96.
7. Kisin V.R. Features of administrative liability of legal entities: substantive and procedural aspects / V.R. Kisin // Administrative law and process. 2023. No. 8. Pp. 45–49.
8. Kisin V.R. Subject of an administrative offense and subject of administrative liability: similarities and differences / V.R. Kisin // Administrative law and process. 2019. No. 6. Pp. 13–18.
9. Konev S.I. Administrative liability of legal entities in the context of the new Code of the Russian Federation on Administrative Offenses // Law and State: Theory and Practice. 2020. No. 9 (189). Pp. 266–268.
10. Concept of the new Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated 04.04.2019. URL: <http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBlwIAY7khO7NA-t9EL.pdf> (date accessed: 08.05.2025).
11. Kurakin A.V. The guilt of a legal entity in violations in the financial sector: formal-legal and law enforcement aspects of the problem // Administrative and municipal law. 2017. No. 10. Pp. 49–65.
12. Lagvilava T.V. The relationship between the concepts of “confiscation” and “seizure” within the framework of the legislation of the Russian Federation on administrative offenses // Justice. 2019. No. 3. Pp. 7–11.
13. Trofimova I.A. Some problems of administrative liability of legal entities / I.A. Trofimova // Economy, sociology and law. 2017. No. 12. Pp. 50–54.

Правовой статус объектов недвижимости на примере сравнительного анализа регулирования в РФ и зарубежных странах

Акимов Алексей Федорович,

аспирант Государственного университета по землеустройству

Современное недвижимое имущество представляет собой уникальный объект гражданских прав и является одним из важнейших элементов системы национального богатства той или иной страны. Вместе с тем само понятие недвижимости, его составные части в зависимости от правового регулирования каждой отдельно взятой страны значительно отличается.

В указанной научной статье будут рассмотрены правовое регулирование и статус самих объектов недвижимости на примере регулирования отдельных государств, таких как Франция, Германия, США, Канада, РФ и др.

Ключевые слова: объект недвижимости, гражданское право, правовое регулирование.

Разделение имущества на движимое и недвижимое изначально появилось во времена римского права. Само понятие недвижимости в российском законодательстве впервые появилось во время правления Петра I в указе от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах». [11]

Существуют различия в содержании самого понятия недвижимости, его составных частей, правового регулирования в законодательных актах различных государств.

Так, согласно Римскому праву недвижимостью считались не только земельные участки (*praedia, fundi*) и недра земли, но и все созданное чужим трудом на земле собственника. Оно признавалось естественной или искусственной частью поверхности земли – *res soli*. Сюда относились постройки, посевы, насаждения. Все эти предметы, связанные с землей или фундаментально скрепленные с ее поверхностью, считались ее составными частями. Они подлежали правилу *superficies solo cedit* – сделанное над поверхностью следует за поверхностью. Невозможной представлялась отдельная собственность на дом и на землю. Воздушное пространство над участком тоже рассматривалось как часть поверхности. [9]

Вместе с тем если смотреть как на сам термин «недвижимость», так и на правовое регулирование и режим указанной категории объектов в разрезе иных государств следует отметить следующее.

Например, во Франции в 1804 году под эгидой великого французского императора принят Гражданский кодекс (Кодекс Наполеона) который действует по сегодняшний день и является основой основ современного французского гражданского общества, который еще два столетия назад по праву завоевал славу нормативно-правового эталона во всем мире.

Понятие объектов недвижимости во французском гражданском кодексе (Кодексе Наполеона) включает несколько категорий:

1. Недвижимость в силу природных свойств. Земельные участки и строения являются недвижимым имуществом по своей природе (статья 518 Кодекса Наполеона).
2. Недвижимость в силу назначения. К ней относятся объекты, которые собственник земельного участка поместил на нём для обслуживания и ведения на нём хозяйства. Например, сельскохозяйственные животные и инвентарь, семенной материал, солома и удобрения, кролики в садках, ульи, голуби в голубятнях, чаны и бочки. Также к этой категории относятся все

движимые вещи, присоединённые собственником навсегда к земельному участку (статья 525 Кодекса Наполеона).

3. Недвижимости по предмету, к которому относятся. К ним относятся, например, пользование недвижимым имуществом, сервитуты или обременения земельных участков, право на иски о недвижимом имуществе (статья 526 Гражданского кодекса Франции).

Вместе с тем хотелось уделить особое внимание отдельным положениям французского гражданского кодекса, а именно статье 520, которая гласит: «Урожай на корню и плоды, еще не снятые с деревьев, равным образом являются недвижимым имуществом. С того момента, как зерновые культуры скошены, а плоды сняты, даже если они и не убраны, они являются движимым имуществом. Если только часть урожая скошена, движимым имуществом является лишь эта часть.» [3]

В отличии от французского законодательства в Германии 01.07.1896 года рейхстагом принят основополагающий закон Германии – Германское гражданское уложение (Гражданский кодекс), который вступил в силу с 01.01.1900 и действует по настоящее время.

В Германском гражданском уложении нет понятия «недвижимой вещи». Оно оперирует лишь понятиями «движимые вещи» и «земельный участок».

Согласно 94 статье к существенным составным частям земельного участка принадлежат вещи, прочно связанные с землей и почвой, в частности строения, а также продукты земельного участка, пока они соединены с почвой. Семя становится существенной составной частью земельного участка с момента посева, растение – с момента его посадки. К существенным составным частям строения относятся вещи, которые включены в него для его возведения. [4]

Вместе с тем в соответствии со статьей 95 Германского гражданского уложения вещи, присоединенные к строению лишь для временных целей, не принадлежат к его составным частям.

Что касается прав на земельные участки статья 905 германского гражданского уложения гласит: «Вещи, присоединенные к строению лишь для временных целей, не принадлежат к его составным частям. Право собственника земельного участка распространяется на пространство над и под поверхностным слоем участка.»

Правовой режим недвижимого имущества в США регулируется как федеральным законодательством, так и законодательством штатов, причем последние могут иметь существенные различия. Однако во всех штатах признается, что основу недвижимого имущества составляет земля, которая включает не только ее почвенный слой, но и все объекты, которые с ней прочно связаны. При этом речь идет об объектах как созданных природой, так и руками человека и которые находятся как под землей, так и на поверхности.

К недвижимости также относится растительность, которая не требует ежегодной сельскохозяйственной обработки, получившая название *fructus naturals* (деревья, кустарник, многолетние травы). Растения, которые выращиваются человеком и каждый год вынимаются им из земли, относятся к движимому имуществу. Таким образом, выделяют три компонента недвижимого имущества: собственно землю, растительность и принадлежности к земле (*fixtures*).

Одним из штатов, где понятие недвижимости (совпадающего с понятием земли) разработано достаточно подробно является Калифорния.

В 1872 году Законодательным собранием штата Калифорния был принят Гражданский кодекс Калифорнии. Согласно § 659 Гражданского кодекса Калифорнии «землей признается твердая часть суши независимо от того, состоит ли она из почвенного слоя, камня или иных веществ; понятие земли охватывает также все находящееся под ней пространство независимо от высоты или глубины с учетом ограничений, установленных законом в целях использования воздушного пространства.»

Гражданские кодексы в США имеются только в Луизиане, Джорджии, Калифорнии, Монтане, Северной и Южной Дакоте. В прочих штатах вопросы гражданского права регулируются законами по отдельным вопросам.

В рамках анализа Гражданского кодекса канадской провинции Квебек 1991 г., можно констатировать, что понимание недвижимости наиболее близкое к определению Кодекса Наполеона, которое предусматривает как телесную недвижимость, так и бестелесную недвижимость – вещные права на недвижимое имущество и иски, направленные на защиту прав и законных интересов, а также на приобретение владения недвижимостью (ст. 899–904 ГК Квебека).

В Российской Федерации же понятие имущества и его разделение на движимое и недвижимое появилось еще во времена римского права. Само понятие недвижимости в российском законодательстве впервые появилось во время правления Петра I в указе от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах». [11]

В современной России понятие недвижимость впервые встречается в Основах гражданского законодательства СССР от 31 мая 1991 года в связи с установлением статуса частной собственности на землю. В последующем данный термин упоминается в указе Президента РФ от 27.10.1993 года № 1767 «О регулировании земельных отношений и развития аграрной реформы в России» и в последующем, уже в современном правовом регулировании, окончательно закреплен в Гражданском кодексе Российской Федерации.

Статья 130 ГК РФ раскрывает непосредственно само понятие объектов недвижимости и устанавливает непосредственное разграничение с объектами являющиеся движимым имуществом.

Согласно ч. 1 ст. 130 ГК РФ понятие недвижимой вещи звучит следующим образом: « К недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства.»

Вместе с тем Гражданский кодекс к недвижимым вещам также относит подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания (абз. 2, ч. 1 ст. 130 ГК РФ).

Вместе с тем согласно обзору судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019 года. [2] осуществление государственной регистрации прав на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости.

При разрешении вопроса о признании вещи недвижимостью независимо от осуществления кадастрового учета или государственной регистрации права собственности на нее Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что следует устанавливать наличие у вещи признаков, способных относить ее в силу природных свойств или на основании закона к недвижимым объектам.

Государственной регистрации прав в ЕГРН (равно как и постановке на государственный кадастровый учет) должна предшествовать проверка наличия у объекта признаков недвижимого имущества.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 29 Закона N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» государственная регистрация прав включают в себя проведение правовой экспертизы документов, представленных для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав, на предмет наличия или отсутствия установленных Законом N 218-ФЗ оснований для приостановления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав либо для отказа в осуществлении государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав.

Подводя итоги данного исследования можно сделать вывод, что у каждой страны существует свое видение относительно предмета недвижимого имущества.

Вместе с тем, во всех странах к недвижимости, без исключения, относят земельный участок и непосредственно связанные с ней вещи, неотделимые от земли без ущерба для них, – здания, сооружения, растения на корню и пр., хотя многие из них могут стать движимыми вещами и как таковые предметом самостоятельных обязательств. Остальные вещи, как и в российском праве, рассматриваются как движимые в силу юридической фикции. Вместе с тем, в национальных системах права имеются различия в квалификации таких объектов гражданских прав, что предопределе-

но в многом, их экономическими, политическими и историческими особенностями, в том числе, фискальными целями. В основном это относится к признанию недвижимыми некоторых вещей, являющихся по своим «природным» свойствам и характеристикам движимыми, в том числе, прав на такие вещи.

Литература

1. Конституция РФ / Информационно-правовая система Консультант плюс – Текст: электронный
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 10, октябрь, 2019
3. Гражданский кодекс Франции
4. Германское гражданское уложение (Гражданский кодекс)
5. Гражданский кодекс канадской провинции Квебек
6. Гражданский кодекс Калифорнии
7. Земельное право, учебник / С.А. Липски/ Москва, 2023 г
8. Обзор судебной практики Верховного суда РФ № 3, утв. Президиумом Верховного суда РФ 10.11.2021
9. И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский. Римское частное право. Москва, 2024
10. Л.Г. Ибрагимов, Н.М. Габдуллин. Экономика недвижимости. Москва, 2024
11. С.Г. Стерник. Рынок недвижимости и тенденции его развития. Москва, 2023
12. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.12.2015 по делу N 304-ЭС15–11476, А27–18141/2014
13. Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости»
14. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»
15. Нарушкевич, С.В. Имущественный комплекс в гражданском праве России: вопросы теории и практики / С.В. Нарушкевич. М: Директ-Медиа, 2014

LEGAL STATUS OF REAL ESTATE OBJECTS ON THE EXAMPLE OF A COMPARATIVE ANALYSIS OF REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Akimov A.F.

State University of Land Management

Modern real estate is a unique object of civil rights and is one of the most important elements of the national wealth system of a particular country. At the same time, the very concept of real estate, its components, depending on the legal regulation of each individual country, differs significantly.

In this scientific article, legal regulation and the status of real estate objects themselves will be considered on the example of regulation of individual states, such as France, Germany, the USA, Canada, the Russian Federation, etc.

Keywords: real estate, civil law, legal regulation.

References

1. Constitution of the Russian Federation / Information and legal system Consultant Plus – Text: electronic
2. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation N 1 “Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation”, N 10, October, 2019
3. Civil Code of France
4. German Civil Code (Civil Code)
5. Civil Code of the Canadian Province of Quebec
6. Civil Code of California
7. Land Law, textbook / S.A. Lipsky / Moscow, 2023
8. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3, approved. by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 11/10/2021
9. I.B. Novitsky, I.S., Peretersky. Roman private law. Moscow, 2024
10. L.G. Ibragimov, N.M. Gabdullin. Real Estate Economics. Moscow, 2024
11. S.G. Sternik. Real estate market and its development trends. Moscow, 2023
12. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.12.2015 in case No. 304-ES15–11476, A27–18141/2014
13. Federal Law dated 24.07.2007 No. 221-FZ “On the State Real Estate Cadastre”
14. Federal Law dated 13.07.2015 No. 218-FZ “On State Registration of Real Estate”
15. Narushkevich, S.V. Property complex in the civil law of Russia: issues of theory and practice / S.V. Narushkevich. M: Direct-Media, 2014

Аламова Светлана Мухаметовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Учреждение высшего образования «Университет управления «ТИСБИ»
E-mail: sm-alamova@mail.ru

В условиях роста объемов цифрового контента, его возрастающей дифференциации и трансграничности цифровой среды, вопрос эффективной защиты интеллектуальных прав приобретает особую актуальность. Технологическое развитие, распространение искусственного интеллекта, а также возрастающая коммерческая ценность интеллектуальной собственности в цифровую эпоху, обуславливают необходимость глубокого осмысления фундаментальных принципов, лежащих в основе правового регулирования в данной сфере.

Статья посвящена исследованию основных принципов защиты интеллектуальных прав в условиях цифровой трансформации. Автором проводится критический анализ существующих теоретико-правовых подходов к определению понятия «принцип» и предлагается его уточнение с акцентом на строгий и универсальный характер принципов как ключевых правил, лежащих в основе правового регулирования. Особое внимание уделяется этическим аспектам принципов защиты интеллектуальных прав, включая принципы авторства, добросовестного использования, социальной ответственности и справедливости, которые рассматриваются как основа формирования добросовестного поведения субъектов в данной сфере.

На основе правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации выделяются конституционные принципы защиты интеллектуальных прав, такие как справедливость и соразмерность мер ответственности, равенство участников гражданского оборота, учёт всех значимых обстоятельств дела и недопустимость чрезмерного вторжения в имущественную сферу. Кроме того, анализируются принципы защиты интеллектуальной собственности, выявленные на основании иных нормативных и доктринальных источников, включая принципы законности, справедливости, прозрачности, охраны, международного сотрудничества, адаптивности и ответственности.

Проводится сравнительный анализ различных подходов к определению принципов защиты интеллектуальной собственности, выявляется их комплементарность и подчёркивается важность достижения баланса между интересами правообладателей и общественными интересами, а также необходимость адаптации правового регулирования к динамично развивающейся цифровой среде.

Ключевые слова: интеллектуальные права, защита интеллектуальной собственности, интеллектуальная собственность, принципы права, авторское право, информационные технологии.

Создание эффективной и адаптивной системы защиты интеллектуальной собственности, способной отвечать на вызовы, связанные с цифровой трансформацией, предполагает необходимость понимания и критического осмысления таких категорий, как принципы и методы защиты интеллектуальных прав [1, с. 148].

В качестве рабочих определений примем, что защита интеллектуальных прав – это комплекс реактивных мер, которые обеспечивают поддержание и реализацию этих прав в конкурентной среде; меры защиты направлены на восстановление уже нарушенных прав и предотвращение дальнейших нарушений (в последнем случае защита частично сближается с охраной, которая носит проактивный характер и включает в себя совокупность превентивных действий по юридическому оформлению и закреплению прав интеллектуальной собственности); принципы – это фундаментальные положения, на которых строится система защиты интеллектуальных прав и которые служат ориентиром для разработки законодательства, политик и практик в сфере интеллектуальной собственности.

Принципы задают общие направления и цели защиты интеллектуальных прав.

Применительно к цифровой среде значимость уяснения принципов защиты интеллектуальных прав определяется такими факторами, как:

увеличение объёмов цифрового контента и его возрастающая дифференциация, включая программное обеспечение, музыку, фильмы, текстовые материалы и т.д., при том, что нужны гарантии равного доступа к защите прав для всех создателей и пользователей контента;

трансграничность цифровой среды, обуславливающая необходимость единства подходов к защите интеллектуальной собственности;

технологическое развитие, в результате которого совершенствуются новые технологии – блокчейн, искусственный интеллект и большие данные;

возрастающая в цифровую эпоху коммерческая ценность интеллектуальной собственности, поскольку она позволяет создателям и компаниям сохранять конкурентные преимущества и получать прибыль от своих разработок.

Этот перечень не является полным, но даже и в таком усечённом виде позволяет сделать вывод, что принципы защиты интеллектуальных прав в цифровой среде можно рассматривать в качестве своеобразного ключа к обеспечению справедливости, инноваций и устойчивого развития в условиях быстро меняющегося технологического ландшафта. Рассмотрим эту проблематику подробнее.

В теоретико-правовой научной и учебной литературе наиболее распространено истолкование

термина «принцип» с помощью понятия «идея», например:

принципы права – это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права (М.И. Байтин) [2, с. 6];

принципы права – основополагающие идеи, начала, выражающие сущность права и вытекающие из генеральных идей справедливости и свободы (В.К. Бабаев) [3, с. 208].

принципы права – это основные исходные положения, юридически закрепляющие объективные закономерности общественной жизни (В.Н. Хропанюк) [4, с. 28–29].

Не ставя под сомнение корректность и эвристическую ценность этих и множества аналогичных определений, внесём небольшое уточнение.

По нашему мнению, на фоне многовековой философской и лингвистической традиции, а именно – термин «идея» происходит от греческого «ἰδέα» = «вид», «образ» или «понятие» и является центральным в учении Платона и всей «платоновской линии» мировой философии – само слово «идея» ассоциируется с наиболее абстрактным, максимально широким и гибким пониманием какого-либо предмета или явления.

Вместе с тем принципы, хотя бы и формируемые на базе идей, носят более строгий и универсальный характер: они являются ключевыми правилами, некими незыблемыми истинами, которые служат основой для рассуждений, принятия решений, действий, систематизации знаний или формирования норм поведения.

Принципы защиты интеллектуальных прав, которые содержатся в таких источниках, как Конституция РФ, федеральные законы и иные нормативные правовые акты, правовые позиции суда, а также специальная юридическая литература, могут иметь эксплицитное (от лат. *explicitus* = явный, открытый) либо имплицитное (от лат. *implicitus* = включенный, скрытый) выражение. В первом случае они детально объяснены, представлены в прямой, ясной и понятной форме, без необходимости в интерпретации, а во втором – не обозначены напрямую, но могут быть поняты из контекста или подразумеваются в ситуации. При этом эксплицитный либо имплицитный характер изложения принципов не меняет их существо: принципы защиты интеллектуальных прав – это положения, составляющие первооснову правового регулирования в данной сфере.

Разделяя убеждение относительно нравственных оснований права, отметим следующие этические аспекты принципов защиты интеллектуальных прав:

принцип авторства, подчёркивающий право автора на признание своего труда и заслуг, основан на моральном убеждении, что создатели должны получать признание за свои творения, что поддерживает личную связь между автором и его произведением;

принцип добросовестного использования, позволяющий ограниченное использование защищённых произведений без разрешения правообладателя в определённых случаях, таких как критика, комментарии, образование и исследование – устанавливает моральный баланс между правами авторов и интересами общества [5, с. 99];

принцип социальной ответственности означает, что создатели и компании, обладающие интеллектуальной собственностью, принимают на себя моральные обязательства перед обществом, а именно – ответственность за последствия своих разработок и инноваций, что особенно ярко проявляется в области технологий искусственного интеллекта и генетических технологий;

принцип справедливости исходит из признания равенства и указывает на то, как права должны быть распределены и защищены, чтобы учитывать интересы всех участников.

Совокупное действие этих принципов в итоге формирует добросовестное поведение субъектов правоотношений в сфере интеллектуальной собственности, а уважение права других – это не столько юридическое, сколько этическое обязательство.

Принципиальные конституционные ориентиры, которые должны учитываться при законодательном регулировании и судебной защите интеллектуальных прав, обозначены в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24.07.2020 г. № 40-П по делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации [6].

Таким образом, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ при защите интеллектуальных прав должны соблюдаться следующие принципы:

принцип справедливости и соразмерности мер ответственности – размер компенсации за нарушение интеллектуальных прав не должен многократно превышать размер причинённых убытков;

принцип равенства участников гражданского оборота – отсутствие возможности снижения компенсации создаёт дисбаланс между правами правообладателя и нарушителя-предпринимателя, нарушая принцип равенства;

принцип учёта всех значимых обстоятельств дела – суды должны иметь возможность учитывать характер нарушения, материальное положение ответчика и другие обстоятельства при определении размера компенсации;

принцип недопустимости чрезмерного вторжения в имущественную сферу – снижение компенсации должно происходить с целью не допустить избыточного вторжения в имущественную сферу ответчика.

Условно обозначим данные принципы как конституционные, указывая тем самым на источник их выявления и обоснования.

На основании иных источников нормативного и доктринального характера можно назвать сле-

дующие принципы защиты интеллектуальной собственности.

Принцип законности состоит в том, что интеллектуальная собственность охраняется законами, которые определяют права и обязанности субъектов. Законодательство должно отвечать критерию правовой определённости, то есть быть чётким и доступным для всех участников правоотношений и иных заинтересованных лиц. В условиях цифровизации возникает необходимость в разработке новых юридических норм, таких как законы о защите данных и права на изображение в интернете.

Принцип справедливости означает, что защита интеллектуальной собственности должна обеспечивать баланс между интересами создателей и общества [7, с. 185]. Авторы имеют право на вознаграждение за свои труды, однако не менее важно, чтобы произведения становились доступны для использования другими после определённого срока. С лёгкостью распространения контента через интернет возникают вопросы о справедливом вознаграждении авторов. Например, платформы Spotify и YouTube используют модели распределения дохода, но часто авторы получают лишь небольшую часть от общего дохода, что ставит под сомнение справедливость таких систем.

Принцип прозрачности предполагает, что для эффективной защиты прав интеллектуальной собственности необходимо, чтобы информация о зарегистрированных объектах, включая базы данных патентов и товарных знаков, была доступна и понятна. В цифровой среде этот принцип усиливается, так как электронные реестры прав на интеллектуальную собственность делают процесс регистрации и поиска прав более прозрачным, что значительно повышает уровень доверия к соответствующей информации.

Принцип охраны выражается в том, что интеллектуальная собственность должна быть защищена от несанкционированного использования. В цифровой среде существуют мониторинговые системы, основанные на технологиях машинного обучения, которые автоматически выявляют пиратский контент и помогают правообладателям защищать свои права. Вместе с тем такие технологии могут ошибаться, что приводит к ложным блокировкам.

Принцип международного сотрудничества обусловлен тем, что интеллектуальная собственность может пересекать границы, а потому для обеспечения защиты прав на глобальном уровне необходимо международное сотрудничество. В связи со всемирным распространением интернета требуется разработка новых международных стандартов и соглашений, учитывающих цифровую среду [8, с. 167–168].

Принцип адаптивности заключается в том, что по мере появления новых реалий законодательство в области интеллектуальной собственности должно эволюционировать, адаптируясь к новым условиям. В цифровой среде эффект действия данного принципа особенно заметен, поскольку

новые формы творчества и инноваций требуют оперативного реагирования. Так, с развитием технологий искусственного интеллекта возникает вопрос о том, кто является автором произведений, созданных искусственным интеллектом, и как защитить такие произведения [9, с. 37–41].

Принцип ответственности находит своё выражение в том, что лица, использующие объекты интеллектуальной собственности, должны нести ответственность за их использование, в том числе соблюдать лицензионные соглашения и уважать права других владельцев. В цифровом пространстве действие данного принципа затруднено в силу того обстоятельства, что платформы, на которых пользователи размещают контент, могут не нести юридической ответственности за нарушения, в связи с чем от них требуется разработка более строгих правил и механизмов для защиты прав.

Более детализированная версия принципов защиты интеллектуальной собственности содержится в популярном пособии по интеллектуальной собственности, составленном в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) совместно с Национальным управлением интеллектуальной собственности Китая (CNIPA) и сводится к следующему [10].

1. Признание и защита творческого и инновационного вклада.

Центральное место в системе защиты интеллектуальной собственности занимает признание значимости и уникальности вклада, вносимого авторами, изобретателями и создателями. Это признание выражается через присвоение им личных неимущественных прав, которые не только защищают их творческую идентичность, но и обеспечивают признание их инновационной деятельности на уровне общества.

2. Экономическое стимулирование и поддержка инноваций.

Основной целью прав интеллектуальной собственности является создание экономических стимулов, которые способствуют поощрению авторов и изобретателей к дальнейшему развитию их творческой и инновационной деятельности. Путём предоставления исключительных экономических прав, данная система позволяет правообладателям извлекать финансовую выгоду из своих произведений и изобретений, что, в свою очередь, способствует экономическому росту и стимулирует новые открытия и разработки.

3. Достижение сбалансированности интересов.

Одной из важнейших задач правового регулирования интеллектуальной собственности является достижение баланса между интересами правообладателей и общественными интересами. Это обеспечивается через доступность знаний и культурных ценностей для общества, при одновременной защите прав создателей, что предотвращает их ущемление и способствует справедливому распределению ресурсов.

4. Предотвращение злоупотреблений и ограничение монопольных прав.

Несмотря на предоставление исключительных прав, интеллектуальная собственность подлежит временным и территориальным ограничениям. Эти ограничения необходимы для предотвращения злоупотребления монопольным положением и обеспечения условий для здоровой конкуренции, что в конечном итоге способствует развитию рынка и инноваций.

5. Обеспечение культурного и научного прогресса.

По истечении срока действия прав интеллектуальная собственность переходит в общественное достояние, что способствует культурному и научному развитию, обеспечивая более широкий доступ к накопленным знаниям и достижениям человечества, а также стимулируя дальнейшее творческое развитие общества.

6. Международное сотрудничество и унификация правовых стандартов.

В условиях глобализации правовое регулирование интеллектуальной собственности основывается на международных соглашениях и конвенциях, таких как Бернская конвенция и соглашение ТРИПС. Это необходимо для обеспечения трансграничной защиты прав и содействия международному сотрудничеству в области инноваций и творчества, что позволяет унифицировать стандарты и облегчить взаимодействие между различными юрисдикциями [11, с. 6].

7. Адаптация к технологическим изменениям и новым вызовам.

Правовые нормы в области интеллектуальной собственности постоянно эволюционируют, чтобы соответствовать быстро меняющимся технологическим условиям и учитывать появление новых форм интеллектуальной собственности. Это позволяет не только поддерживать инновации, но и гибко реагировать на изменяющиеся потребности общества и рынка, обеспечивая защиту интересов как создателей, так и потребителей.

Таким образом, сравнивая все приведённые выше версии принципов, обратим внимание на их комплементарность – они дополняют друг друга, раскрывая различные аспекты защиты интеллектуальной собственности. Спектр задач по защите интеллектуальной собственности представляется весьма широким, соответствующая терминология – не унифицированной, но важно, что в каждой версии предполагается:

во-первых, необходимость баланса между интересами правообладателей и общественными интересами;

во-вторых, обязательность адаптации правового регулирования к технологическим изменениям.

Литература

1. Болтанова, Е.С. Принципы права интеллектуальной собственности как подотрасли российского гражданского права // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 34. – С. 148–159.

2. Сидоркин, А.С. Принципы права: понятие и роль в правовом регулировании // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2009. – № 4. – С. 5–12.

3. Лазарев, В.В. Функциональная характеристика принципов права // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 207–212.

4. Дробязко, С.Г. Принципы в праве // Проблемы развития юридической науки и совершенствование правоприменительной практики: сборник научных трудов. – Минск: БГУ, 2005. – С. 27–33.

5. Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты / А.А. Богустов, Н.В. Щербак, А.А. Никифоров [и др.]. – М.: Государственный академический университет гуманитарных наук, 2023. – 438 с.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.07.2020 № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 32. – Ст. 5362.

7. Ситдикова Р.И. Философская категория «Справедливость» в авторском праве // Вопросы экономики, права и социологии (ВЭПС). – 2013. – № 1. – С. 184–186.

8. Питулина А.И. Роль коллизионных принципов в регулировании трансграничных авторско-правовых отношений // Юридическая наука. – 2022. – № 6. – С. 167–171.

9. Калятин, В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 4. – С. 24–50.

10. CNIPA. Основы интеллектуальной собственности: вопросы и ответы для студентов. – Пекин; Женева: Национальное управление интеллектуальной собственности Китая; Всемирная организация интеллектуальной собственности, 2019. – URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_1056.pdf (дата обращения: 25.01.2025).

11. Леанович Е.Б. Трансграничные аспекты охраны прав интеллектуальной собственности в условиях глобализации // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2009. – № 10. – С. 6–12.

KEY PRINCIPLES OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS PROTECTION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Alamova S.M.
The University of Management

In the context of increasing volumes of digital content, its growing differentiation, and the cross-border nature of the digital environment, the issue of effective protection of intellectual property rights is acquiring significance. Technological development, the spread of artificial intelligence, and the increasing commercial value of intellectual property in the digital age necessitate a deeper understand-

ing of the fundamental principles underlying legal regulation in this area.

The article explores the core principles of intellectual property rights protection in the context of digital transformation. The author conducts a critical analysis of existing theoretical and legal approaches to the concept of “principle” and suggests its clarification that emphasizes its strict and universal nature as a key regulatory norm. Special attention is paid to the ethical aspects of intellectual property protection principles, including authorship, fair use, social responsibility, and fairness, which are viewed as the foundation for shaping good faith conduct among stakeholders.

Based on the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the article identifies constitutional principles such as fairness and proportionality of liability measures, equality of participants in civil turnover, consideration of all relevant circumstances, and the inadmissibility of excessive interference in the proprietary sphere. In addition, the article analyzes principles of intellectual property protection derived from other legal and doctrinal sources, including legality, transparency, protection, international cooperation, adaptability, and accountability.

A comparative analysis of various approaches to defining the principles of intellectual property protection is conducted, highlighting their complementarity and underlining the importance of balancing the interests of rightsholders and the public, as well as the need to adapt legal regulation to the rapidly evolving digital environment.

Keywords: intellectual rights, intellectual property protection, intellectual property, legal principles, copyright, information technology.

References

1. Boltanova, E.S. Principles of Intellectual Property Law as a Sub-Branch of Russian Civil Law. *Tomsk State University Journal of Law*. 2019. No. 34, pp. 148–159.
2. Sidorkin, A.S. Principles of Law: Concept and Role in Legal Regulation. *RUDN Journal of Law*. 2009. No. 4, pp. 5–12.
3. Lazarev, V.V. Functional Characteristics of Legal Principles. *Legal Technique*. 2020. No. 14, pp. 207–212.
4. Drobyazko, S.G. Principles in Law. In: *Problems of the Development of Legal Science and Improvement of Law Enforcement Practice: Collection of Scientific Papers*. Minsk: Belarusian State University, 2005, pp. 27–33.
5. Bogustov, A.A., Shcherbak, N.V., Nikiforov, A.A. [et al.]. *Intellectual Rights in the Digital Age: Selected Aspects*. Moscow: State Academic University for the Humanities, 2023. 438 p.
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.07.2020 No. 40-P “On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Subparagraph 2 of Paragraph 4 of Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with the Request of the Fifteenth Arbitration Appellate Court”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 32, Art. 5362.
7. Sitdikova, R.I. The Philosophical Category of “Justice” in Copyright Law. *Voprosy Ekonomiki, Prava i Sotsiologii (Issues of Economics, Law and Sociology)*. 2013. No. 1, pp. 184–186.
8. Pitulina, A.I. The Role of Conflict-of-Law Principles in Regulating Cross-Border Copyright Relations. *Legal Science*. 2022. No. 6, pp. 167–171.
9. Kalyatin, V.O. Determining the Holder of Rights to the Results of Intellectual Activity Created Using Artificial Intelligence. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2022. No. 4, pp. 24–50.
10. CNIPA. *Intellectual Property Basics: Q&A for Students*. Beijing; Geneva: China National Intellectual Property Administration; World Intellectual Property Organization, 2019. Available at: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_1056.pdf (accessed: 25.01.2025).
11. Leanovich, E.B. Cross-Border Aspects of Intellectual Property Rights Protection in the Context of Globalization. *Property Relations in the Russian Federation*. 2009. No. 10, pp. 6–12.

Основания применения обеспечительных мер: размышления о правовой природе

Алфимова Александра Сергеевна,

преподаватель кафедры гражданского и административного судопроизводства им. М.С. Шакарян Университета им. О.Е. Кутафина
E-mail: alf.alexandra@yandex.ru

Статья посвящена правовой природе основания применения обеспечительных мер в арбитражном судопроизводстве. Автором исходя из теории государства и права, гражданского права, а также гражданского процессуального права рассмотрено несколько гипотез относительно основания применения обеспечительных мер: юридический факт, факт процессуально-правового характера. В итоге выявлена особая правовая природа оснований применения обеспечительных мер. Исходя из ситуационного характера нормы, устанавливающей основания применения обеспечительных мер, а также обусловленности обеспечительных мер материально-правовыми отношениями сторон и иных лиц доказано, что основания применения обеспечительных мер необходимо определять как обстоятельство, которые, будучи установленными судом, свидетельствуют о наличии реальной или потенциальной угрозы неисполнения, затруднения исполнения судебного акта в будущем или причинения значительного ущерба заявителю.

Ключевые слова: обеспечительные меры, юридический факт, факт процессуально-правового характера, обстоятельство, доказательственный факт, ситуационная норма.

Введение

Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2024 году в рамках арбитражного судопроизводства (по всем категориям дел, за исключением дел о банкротстве) заявления о применении обеспечительных мер удовлетворялись примерно в 39% случаях (14 109). При этом впоследствии часть из мер была отменена (5 076), следовательно, реальная возможность применения обеспечительных мер в арбитражном судопроизводстве равна 25%.

Как указывают современные исследователи, «обеспечительные меры в арбитражном и в гражданском процессе являются важным инструментом предварительной защиты нарушенных или оспариваемых прав лиц» [1, с. 31].

При этом в юридической науке не сложилось единого подхода относительно определения правовой природы основания применения обеспечительных мер. В свою очередь на практике это вызывает негативные тенденции в применении обеспечительных мер [2, с. 39]. Суды отказывают в их применении со ссылкой на недоказанность оснований применения.

В этой связи представляется актуальным исследовать основания применения обеспечительных мер, определить их правовую природу, а также особенности доказывания указанных оснований.

Ситуационная норма, устанавливающая основания применения обеспечительных мер

Согласно действующему правовому регулированию (часть 2 статьи 90 АПК РФ) выделяются два основания применения обеспечительных мер: 1) если непринятие этих мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта, в том числе если исполнение судебного акта предполагается за пределами РФ; 2) в целях предотвращения причинения значительного ущерба заявителю. В соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ эти основания являются альтернативными, то есть обеспечительная мера применяется в случае наличия хотя бы одного из них [3, с. 6].

Норма, регулирующая основания применения обеспечительных мер, определяется нами как ситуационная. Развернутое обоснование существования ситуационных норм впервые дал профессор С.С. Алексеев. Он исчерпывающим образом классифицировал нормы на абсолютно определенные, не предусматривающие возможность индивидуального усмотрения, и относительно опре-

деленные, которые предоставляют право судьям рассмотреть дело с учетом индивидуальных обстоятельств. В свою очередь, относительно определенные нормы могут быть ситуационными, альтернативными и факультативными. Ситуационные нормы предусматривают возможность «прямого конкретизированного регулирования актом правоприменительного органа в зависимости от особенностей конкретной ситуации» [4, с. 73].

Ситуационный характер нормы, регулирующей основания применения обеспечительных мер, обусловлен тем, что наличие или отсутствие основания применения обеспечительных мер суд устанавливает исходя из конкретных материально-правовых отношений сторон и иных лиц. Комплексность правового института обеспечительных мер и взаимовлияние материального и процессуального права при их применении поддерживается в науке [5, с. 79].

Правовая природа основания применения обеспечительных мер

Для определения правовой природы основания применения обеспечительной меры нами было рассмотрено несколько гипотез.

Первая гипотеза, которая была проверена нами, это квалификация оснований применения обеспечительных мер как *фактов процессуально-правового характера* (процессуальные факты).

Исследование фактов процессуально-правового характера сначала осуществлялось учеными в рамках анализа процессуальных правоотношений, затем факты процессуально-правового характера стали предметом самостоятельного изучения.

Так, профессор Н.А. Чечина, исследуя динамику процессуальных правоотношений, указывает, что фактами, порождающими процессуально-правовые последствия, являются «действия или бездействие суда и участников процесса, регулируемые нормами процессуального права и совершаемые в определенной последовательности, предусмотренной правом» [6, с. 47].

Профессор М.А. Рожкова под процессуальным фактом понимает «реальное действие (бездействие) участника судебного процесса, с правовой моделью которого процессуальное право связывает определенные процедурные последствия и фактическое осуществление которого влечет соответствующие последствия применительно к элементарному процессуальному отношению или сложному процессуальному правоотношению» [7, с. 75].

Профессор В.В. Ярков применительно к обеспечительным мерам указывает, что для применения обеспечительных мер устанавливается локальный предмет доказывания, который представляет собой «самостоятельную группу процессуальных фактов, не входящих в общий предмет доказывания по делу, установление которых необходимо для совершения отдельного процессуального действия» [8, с. 139].

Учитывая особое место заявления о применении обеспечительных мер среди всех процессуальных ходатайств, мы не можем согласиться с тем, что основания применения обеспечительных мер – это факты процессуально-правового характера. Полагаем, что удовлетворение судом заявления о применении обеспечительных мер при наличии соответствующих оснований воздействует прежде всего на материально-правовые отношения сторон и иных лиц, следовательно, основание применения обеспечительных мер не может быть признано фактом процессуально-правового характера, порождающим процессуально-правовые последствия.

Вторая гипотеза, которая подлежит проверке, являются ли основания применения обеспечительных мер *юридическими фактами*. На первый взгляд, представляется, что нет, т.к. суду необходимо установить наличие реальной или потенциальной угрозы неисполнения решения суда, затруднения его исполнения в будущем или причинения значительного ущерба заявителю.

Если исходить из сложившегося в отечественной науке теории государства и права представления о юридическом факте как факте, который имеет место в настоящем или произошел в прошлом и с которым норма права связывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений, то основания применения обеспечительных мер такими характеристиками в полной мере не обладают.

В этой связи для того, чтобы определить правовую природу основания применения обеспечительной меры необходимо обратиться к исследованиям в области теории государства и права, гражданского права, а также гражданского процессуального права.

Значительный вклад в развитие теории юридического факта внес профессор О.А. Красавчиков, который отмечал, что «факты – это явления, наступившие или по крайней мере длящиеся до настоящего момента. Не имевшее место в действительности явление или обстоятельство, наступление которого хотя и не вызывает сомнения, не может рассматриваться в качестве факта. Оно становится таковым лишь с момента наступления. В этом смысле для права «будущих фактов» не существует» [9, с. 15].

Профессор С.С. Алексеев определял юридические факты как «конкретные жизненные обстоятельства, с которыми нормы права связывают возникновение, изменение и прекращение правоотношений» [4, с. 163].

В свою очередь профессор М.А. Рожкова под юридическим фактом понимает «реальное жизненное обстоятельство, с правовой моделью которого гражданское право связывает определенные юридические последствия и фактическое наступление которого влечет такие последствия в сфере гражданских правоотношений» [7, с. 8].

Как видно из приведенных понятий, юридический факт определяется через факт, явление или

обстоятельство. Если обратиться к толковым словарям Д.Н. Ушакова, С.Ю. Ожегова, то мы обнаружим, что этимология слова «факт» связана с латинским словом «factum» (сделанное, свершившиеся), а сам факт определяется в том числе через явление. В частности, в словаре Д.Н. Ушакова указано, что факт – это «действительное событие, явление, то, что произошло в действительности». В свою очередь в словаре С.Ю. Ожегова факт определяется как «действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло, происходит, существует».

Обстоятельство, в свою очередь, в русском языке традиционно подразумевает более абстрактную категорию. Так, в словарях Д.Н. Ушакова и С.Ю. Ожегова дается следующее определение обстоятельства: «явление, сопутствующее чему-нибудь, сопровождающее что-нибудь, та или иная сторона дела».

В свою очередь в процессуальной науке, процессуальном законе и практике его применения понятия фактов и обстоятельств, на первый взгляд, четко не разграничиваются и иногда используются как синонимичные понятия, с чем мы не можем согласиться.

Для начала рассмотрим содержание искового заявления согласно части 2 статьи 131 ГПК РФ, где указано, что в нем должно быть указано, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца и его требования; а также обстоятельства, на которых истец основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства.

Как видно из указанной нормы, нарушение или угроза нарушения права будут устанавливаться судом на основании обстоятельств.

В свою очередь, в части 2 статьи 125 АПК РФ установлено, что истец обязан указать в исковом заявлении требования к ответчику со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты; а также обстоятельства, на которых основаны искомые требования, и подтверждающие эти обстоятельства доказательства. Соответственно, в пункте 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении АПК РФ при рассмотрении дел в суде первой инстанции» под изменением основания иска понимается изменение именно обстоятельств, на которых истец основывает свое требование к ответчику.

Таким образом, истец, обосновывая свой иск, ссылается именно на обстоятельства, а не на факты. В этой связи необходимо разобраться в соотношении этих понятий.

Полагаем, что ответ, в частности, мы можем найти в пунктах 1–2 части 4 статьи 170 АПК РФ, где закреплено, что в мотивировочной части решения суд указывает установленные им *фактические и иные обстоятельства дела*, а также описывает доказательства, на которых основаны *выводы суда об обстоятельствах дела*.

Также в пункте 47 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О приме-

нии АПК РФ при рассмотрении дел в суде первой инстанции» указано, что в судебных прениях лица, участвующие в деле, их представители обосновывают свою позицию по делу с учетом *фактических и иных обстоятельств дела*, доказательств, законов и иных нормативных правовых актов, которые, по их мнению, следует принимать во внимание при разрешении спора.

Как видно из указанных положений, законодатель и Верховный Суд РФ предполагают, что существуют фактические обстоятельства, а также иные обстоятельства, которые устанавливаются судом и выступают основанием для выводов.

Соответственно, в пунктах 1–2 части 1 статьи 270 АПК РФ установлено, что основанием для отмены судебного акта в апелляционном порядке является, в том числе, неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела; недоказанность имеющих значение для дела обстоятельств, которые суд считал установленными.

Из этих положений законодательства и разъяснений Верховного Суда РФ можно сделать вывод, что понятие обстоятельство в арбитражном судопроизводстве шире, чем юридический факт. В этой связи мы соглашаемся с О.А. Красавчиковым относительно того, что юридический факт не может быть «будущим», а вот обстоятельство, на основании которого суд принимает судебный акт, может носить в некоторых случаях гипотетический характер.

Подтвердим указанный тезис относительно более абстрактной природы обстоятельства конкретными примерами из действующего законодательства.

Например, в частях 1 и 2 статьи 157 ГК РФ понятие сделки под отменительным или отлагательным условием сформулировано через *обстоятельство*, относительно которого *неизвестно, наступит оно или не наступит*. В части 2 статьи 174 ГК РФ для признания недействительной сделки, совершенной представителем юридического лица в ущерб интересам юридического лица, необходимо установить, что другая сторона сделки знала или должна была знать о явном ущербе для юридического лица, либо имели место *обстоятельства, которые свидетельствовали о сговоре либо об иных совместных действиях представителя и другой стороны сделки в ущерб интересам юридического лица*. В части 1 статьи 188.1 ГК РФ указано, что безотзывная доверенность может быть отменена в любое время в случае злоупотребления представителем своими полномочиями, равно как и при возникновении *обстоятельств, очевидно свидетельствующих* о том, что данное злоупотребление может произойти. В части 2 статьи 328 ГК РФ установлено, что при наличии *обстоятельств, очевидно свидетельствующих* о том, что исполнение по договору не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков.

Если обратиться к разъяснениям Верховного Суда РФ, например, в части взыскания упущенной выгоды, то также можно увидеть, что речь идет не о фактах, а об обстоятельствах неполучения дохода, на который увеличилась бы имущественная масса лица, право которого нарушено, если бы нарушения не было (пункт 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»). Указанный вывод относительно предмета доказывания по спорам о взыскании упущенной выгоды подтверждается комментариями А.Г. Карапетова и В.В. Байбака к статье 15 ГК РФ: «закон приравнивает реальное нарушение обязательства к возникновению *обстоятельств, очевидно свидетельствующих* о предвидимом нарушении, и предусматривает основание для взыскания убытков при отсутствии формального правонарушения» [10, с. 1220].

Исходя из изложенного, мы определяем основания применения обеспечительных мер как *обстоятельства*, которые, будучи установленными судом, свидетельствуют о наличии реальной или потенциальной угрозы неисполнения, затруднения исполнения судебного акта в будущем или причинении значительного ущерба заявителю. При установлении таких обстоятельств суд принимает положительное решение о применении обеспечительных мер. В этой связи необходимо сделать несколько важных замечаний.

Во-первых, наличие таких обстоятельств устанавливается судом в результате *анализа материально-правовых отношений сторон и иных лиц*, из которого следует наличие реальной или потенциальной угрозы неисполнения решения суда, затруднения его исполнения в будущем или причинения значительного ущерба заявителю.

Во-вторых, принимая во внимание ситуационный характер нормы, закрепляющей основания применения обеспечительных мер, установлению подлежит именно *конкретное состояние материально-правовых отношений сторон и иных лиц*. Соответственно, если состояние материально-правовых отношений сторон и иных лиц изменится, это будет основанием для отмены или замены мер при обращении в суд с соответствующим ходатайством. К такому гибкому подходу призывают и современные исследователи [11, с. 128].

В-третьих, установление оснований применения обеспечительных мер происходит посредством *доказательственных фактов*. Под доказательственными фактами в процессуальной науке понимаются «факты, которые не имеют самостоятельного юридического значения, но в случае их доказанности с помощью доказательств позволяют сделать вывод о других юридически значимых фактах» [12, с. 271].

Устанавливая наличие оснований применения обеспечительных мер, суд будет анализировать конкретное состояние материально-правовых отношений сторон и иных лиц, искомым юридически

значимым обстоятельством для него будет наличие реальной или потенциальной угрозы неисполнения решения суда, затруднения его исполнения в будущем или причинения значительного ущерба заявителю. Доказательственными фактами будут, например, отчуждение имущества должником, действия, предпринимаемые для уменьшения ценности имущества, наличие в отношении ответчика возбужденных исполнительных производств [3, с. 7].

Соответственно, при рассмотрении заявления о применении обеспечительных мер необходимо рассматривать предмет доказывания в широком смысле, включая туда и доказательственные факты. Исторически ученые-процессуалисты не включали в предмет доказывания доказательственные факты, затем был предложен компромиссный подход, включающий доказательственные факты в пределы доказывания (М.К. Треушников). Сейчас все больше распространяется и поддерживается расширительное понимание предмета доказывания, включающее и доказательственные факты [13, с. 69]. Полагаем, что восприятие предмета доказывания в широком смысле отвечает как теоретическим, так и практическим потребностям современного арбитражного судопроизводства, существующего и развивающегося в условиях постоянного усложнения материальных правоотношений.

В-четвертых, наличие обстоятельства-основания применения обеспечительной меры недостаточно, чтобы меры были применены. Обстоятельство-основание применения обеспечительной меры повлечет юридические последствия (применение обеспечительных мер) только, если соблюдены *условия применения обеспечительных мер*.

Среди условий применения обеспечительных мер мы выделяем обеспечение баланса интересов сторон и иных лиц; предотвращение нарушения при принятии обеспечительных мер публичных интересов и интересов третьих лиц; соразмерность конкретной обеспечительной меры заявленному требованию; связь конкретной обеспечительной меры с предметом заявленного требования.

Как видно из перечня условий, они также как основания применения мер тесно связаны с материально-правовыми отношениями сторон и иных лиц, поэтому аналогичным образом мы не можем признать их фактами процессуально-правового характера. Также мы не можем определить их в качестве отдельных юридических фактов, т.к. они сами по себе не порождают юридические последствия и аналогично основаниям носят некоторый абстрактный характер. Учитывая изложенное, условия применения обеспечительных мер также могут быть признаны обстоятельствами и также подлежат доказыванию посредством доказательственных фактов.

Заключение

Таким образом, основания применения обеспечительных мер являются обстоятельствами, которые,

будучи установленными судом, свидетельствуют о наличии реальной или потенциальной угрозы неисполнения судебного акта, затруднения его исполнения в будущем или причинении значительного ущерба заявителю. Указанные обстоятельства устанавливаются судом посредством доказательственных фактов исходя из анализа конкретного состояния материально-правовых отношений сторон и иных лиц.

Литература

1. Юдин А.В. Совпадение обеспечительных мер с заявленными исковыми требованиями: проблемы допустимости // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 4. С. 31–41.
2. Смола А.А. Актуальные проблемы применения арбитражными судами обеспечительных мер // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 4. С. 37–52.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Российская газета. 2023. № 123. 16 с.
4. Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2-х томах. – Москва: Юридическая литература, 1982. – 719 с.
5. Фокин Е.А. Юридический дайджест: о некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15) // Цивилист. 2023. № 4. С. 78–82.
6. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1962. – 68 с.
7. Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. – Москва: Статут, 2009. – 330 с.
8. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. – 523 с.
9. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1958. – 304 с.
10. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2020. 1469 с.
11. Тай Ю.В., Бudyлин С.В. Обеспечительные меры. Как нам обустроить Россию?! // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 89–130.
12. Треушников М.К. Гражданский процесс: учебник для вузов / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др.; под ред. М.К. Треушни-

ва. – 5-ое издание, перераб. и доп. – Москва: Статут, 2014. – 960 с.

13. Нахова Е.А. К вопросу о правовой природе норм, регулирующих предмет доказывания в арбитражном процессе // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 4. С. 65–73.

FOUNDINGS FOR THE APPLICATION OF INTERIM MEASURES: REFLECTIONS ON LEGAL NATURE

Alfimova A.S.

Kutafin Moscow State Law University

The article is devoted to the legal nature of the grounds for the application of interim measures in arbitration proceedings. The author, based on the theory of state and law, civil law and civil procedural law, examined several hypotheses regarding the grounds for applying interim measures: a legal fact, a procedural fact. As a result, the author comes to a conclusion about special legal nature of the grounds for applying interim measures. Based on the situational rule of law establishing the grounds for applying interim measures, as well as the conditionality of interim measures by the substantive legal relations of the parties and other subjects, it was proven that the grounds for applying interim measures are necessary to define as circumstances that, being established by the court, indicate the presence of a real or potential threat of non-performance, difficulty in executing a judicial act in the future, or causing significant damage to the applicant.

Keywords: interim measures, legal fact, procedural fact, circumstance, evidentiary fact, situational rule of law.

Referents

1. Yudin A.V. Coincidence of interim measures with the stated claims: admissibility issues // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2024. № 4. P. 31–41.
2. Smola A.A. Actual problems of the application of interim measures by arbitration courts // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2019. № 4. P. 37–52.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 01, 2023 № 15 “On certain issues of the adoption by courts of measures to secure a claim, interim measures and preliminary protection measures” // Rossiyskaya Gazeta. 2023. № 123. 16 p.
4. Alekseev S.S. General Theory of Law: course in 2 volumes. – Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1982. – 719 p.
5. Fokin E.A. Legal Digest: On Some Issues of Adoption by Courts of Measures to Secure a Claim, Interim Measures, and Preliminary Protective Measures (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 1, 2023, № 15) // Tsivilist. 2023. № 4. P. 78–82.
6. Chechina N.A. Civil Procedural Relations. – Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1962. – 68 p.
7. Rozhkova M.A. Legal Facts of Civil and Procedural Law: Agreements on the Protection of Rights and Procedural Agreements. – Moscow: Statut, 2009. – 330 p.
8. Yarkov V.V. Legal Facts in the Mechanism for Implementing the Norms of Civil Procedural Law: Dis. ... Doctor of Law. Yekaterinburg, 1992. – 523 p.
9. Krasavchikov O.A. Legal facts in Soviet civil law. – Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1958. – 304 p.
10. Fundamental provisions of civil law: article-by-article commentary to Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation / A.V. Asoskov, V.V. Baibak, R.S. Bevzenko et al.; ed. A.G. Karapetyan. – Moscow: M-Logos, 2020. 1469 p.
11. Tai Yu. V., Budylin S.V. Security measures. How can we organize Russia?! // Bulletin of civil process. 2020. № 4. P. 89–130.
12. Treushnikov M.K. Civil Procedure: Textbook for Universities / V.V. Argunov, E.A. Borisova, N.S. Bocharova, et al.; edited by M.K. Treushnikov. – 5th edition, revised and enlarged. – Moscow: Statut, 2014. – 960 p.
13. Nakhova E.A. On the Legal Nature of the Rules Governing the Subject of Proof in Arbitration Proceedings // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2024. № 4. P. 65–73.

Афанасьев Алексей Борисович,

канд. юрид. наук, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
E-mail: afanasev.67@yandex.ru

Сыропятова Наталья Владимировна,

канд. юрид. наук, доцент кафедры предпринимательского права, декан юридического факультета, гражданского и арбитражного процесса, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
E-mail: Syropiatova@yandex.ru

В статье проанализирован законопроект о введении в гражданский оборот договора жилищных сбережений. Договор жилищных сбережений сопоставлен с существующим правовым регулированием договора банковского вклада. В процессе исследования выявлены терминологические противоречия в действующем законодательстве и законопроекте. Сделан вывод о том, что в предложенном законопроекте отсутствуют нормы, посвященные отношениям, связанным с переходом прав по договору жилищных сбережений при наследовании. Поставлен вопрос о целесообразности перерасчета процентов как по вкладу до востребования при использовании вклада не в целях улучшения жилищных условий.

Ключевые слова: законопроект, договор, жилищные сбережения, банковский вклад, кредитование, проценты по вкладу, возмещение по вкладу, жилищные условия.

Государственной Думой Федерального Собрания РФ 02.04.2024 г. в первом чтении был принят Федеральный закон «О стимулировании жилищных сбережений граждан и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Проект закона № 461846–8). Данный законопроект был разработан в целях реализации подпункта «а» пункта 5 перечня поручений Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 21.02.2023 г. № Пр-528, в соответствии с которым Правительству РФ совместно с Банком России поручено обеспечить внесение в российское законодательство изменений, необходимых для реализации программы долгосрочных сбережений граждан.

Договор жилищных сбережений, предусмотренный указанным законопроектом, предназначен для максимально широкого вовлечения физических лиц в реализацию жилищных программ посредством создания механизма аккумулирования сбережений населения на улучшение жилищных условий.

Анализ опубликованного законопроекта позволяет утверждать, что терминология, предложенная законодателем, отличается от традиционной гражданско-правовой терминологии. С одной стороны, инициаторы законопроекта называют лицо, вносящее вклад, «вкладчиком», специально оговаривают, что на лиц, заключающих договоры жилищных сбережений, распространяются положения гл. 44 ГК РФ о договоре банковского вклада, нормы, устанавливающие порядок информирования вкладчиков-физических лиц об условиях, на которых они заключают данный договор¹. В то же время, в законопроекте используется категория «договор жилищных сбережений», что приводит к терминологическому противопоставлению ее договору банковского вклада. Данное утверждение подкрепляется и пп. 2 и 4 ст. 2 законопроекта «О страховании вкладов в банках Российской Федерации», где договор жилищных сбережений перечислен наряду с договорами банковского счета и банковского вклада, что позволяет сделать вывод об их существенных различиях. Давая определение договору жилищных сбережений, законодатель в качестве лица, принимающего денежные средства, называет кредитную организацию. Думается, что использование данной категории не соответствует действующему регулированию, поскольку только банки, имеющие соответствующую лицензию ЦБ РФ, могут привлекать вклады

¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

граждан (п. 1 ст. 835 ГК РФ). Законопроект использует некорректные с точки зрения права термины, такие, например, как «правила гражданского законодательства», «правила законодательства». В определении договора жилищных сбережений законодатель вместо суммы вклада и начисленных на нее процентов оперирует иной терминологией («сумма сбережений»), что вряд ли следует признать обоснованным, поскольку содержательно они идентичны. Законопроект также использует такую категорию, как «договор кредита», что явно не соотнобразуется с терминологией, которую использует законодатель в ГК РФ («кредитный договор»). Таким образом, в предложенном законопроекте отсутствует терминологическое единообразие по сравнению с уже действующими правовыми нормами.

Законопроект (ст. 36.3) предусматривает применение к договору жилищных сбережений норм, закрепленных в гл. 44 ГК РФ, если иное регулирование не закреплено в Федеральном законе РФ «О банках и банковской деятельности»¹ (далее – Закон о банках). В этой связи необходимо проанализировать нормы законопроекта на предмет их соответствия действующей гл. 44 ГК РФ, а также выявить положения ГК РФ, не применимые к договору жилищных сбережений.

Предложенная в законопроекте конструкция договора жилищных сбережений предполагает наделение его признаком консенсуальности: «кредитная организация обязуется принимать...», в то время как согласно ч. 1 ст. 834 ГК РФ договор банковского вклада обозначен в качестве реального договора². В доктрине имеют место и иные подходы. По мнению С.В. Сарбаша, моментом заключения договора банковского вклада следует признать открытие банком счета по вкладу. Данный вывод обосновывается тем, что вне зависимости от внесения денежных средств вкладчиком, кредитная организация не вправе отказаться от принятия суммы вклада, т.к. у нее уже возникло соответствующее обязательство по приему вклада³. Думается, что в предложенном законопроекте не следовало отступать от уже закрепленного в ГК РФ определения договора банковского вклада, указав в качестве особенностей договора жилищных сбережений целевой характер использования вклада и способы возврата суммы вклада вкладчику. Необходимо указать, что и ранее законодатель вносил радикальные и необъяснимые с точки зрения правовой логики изменения в регулирование отношений по договору банковского вклада, меняя сущность данного договора. Речь идет о введении в законодательство (ч. 2 ст. 29 Закона о банках)

¹ О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 28.02.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.05.2025) // Собрание законодательства РФ. 05.02.1996. № 6. Ст. 492.

² Ефимова Л.Г. Денежные обязательства и финансовые сделки // Учебник для магистратуры. М.: ООО «Проспект», 2023. С. 275.

³ Сарбаш С.В. Мы доживаем эпоху старого нормативного регулирования: Интервью номера // Закон. 2018. № 9. С. 14.

так называемых отрицательных процентных ставок, возникающих у юридических лиц, если они передали во вклад банку иностранную валюту⁴.

Часть 2 статьи 839 ГК РФ предусматривает начисление и выплату процентов вкладчику ежеквартально, если иное не установлено соглашением сторон. При этом сумма не востребуемых вкладчиком процентов причисляется к сумме вклада («капитализация процентов»). Законопроект предусматривает начисление процентов по договору жилищных сбережений ежегодно, при этом начисленные проценты должны увеличивать сумму вклада. Данное регулирование не допускает возможность сторонам договора жилищных сбережений установить иные условия договора (изменить периодичность начисления процентов, их выплаты вкладчику в течение срока действия договора). В этой связи остается неразрешенным вопрос относительно судьбы процентов по договору жилищных сбережений, если в отношении банка наступил страховой случай. В ст. 1310–1 Федерального закона РФ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»⁵ (в редакции законопроекта) соответствующее регулирование отсутствует. Согласно действующему закону правоотношение между банком и вкладчиком по поводу договора банковского вклада прекращается, поскольку обязанность произвести выплату страхового возмещения законодатель возлагает на Агентство по страхованию вкладов. Реализация этой обязанности, согласно законопроекту, осуществляется Агентством строго определенным образом: АСВ перечисляет сумму страхового возмещения в другой банк, с которым вкладчик заключил новый договор жилищных сбережений. Во избежание потерь вкладчиков по договору жилищных сбережений необходимо предусмотреть механизмы, не позволяющие вкладчикам понести потери в виде процентов, которые не были начислены банком, утратившим лицензию или в отношении которого введен мораторий, на день наступления страхового случая. Таким образом, законопроект должен предусмотреть обязанность Агентства по страхованию вкладов перечислить в новый банк не только сумму вклада с учетом причисленных процентов, но и процентов, которые должны быть начислены на день наступления страхового случая. Иное привело бы к необоснованным потерям вкладчиком процентов за указанный период (а максимальный период таких потерь может достигать один год).

Предложенный законопроект оставил без внимания еще один очень существенный момент, свя-

⁴ Афанасьев А.Б. Измененная сущность договора банковского вклада // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы международной научной конференции (Омск, 24 марта 2023 г.) / отв. ред. Т.Ф. Яцук. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2023. С. 280–284; Габов А.В., Хаванова И.А. Отрицательные процентные ставки: правовые аспекты // Труды Института государства и права РАН. М., 2022. Т. 17. № 4. С. 46.

⁵ О страховании вкладов в банках Российской Федерации: Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства РФ. 29.12.2003. № 52 (часть 1). Ст. 5029.

занный с переходом права на вклад по договору жилищных сбережений в порядке наследования. У наследников, получивших права вкладчика по договору жилищных сбережений, могут отсутствовать основания для улучшения жилищных условий, например, в силу достаточности собственного жилья. Действующее регулирование не может обязать их направить сумму сбережений (вклад) на реализацию этой цели, равно как и возложить на них обязанность по выполнению условий кредитования, которые были включены в договор, поскольку иное не соответствует положениям статей 34 и 35 Конституции РФ¹. Полагаем, что законодателю следует предусмотреть трансформацию договора жилищного страхования в «классический» договор срочного банковского вклада в случаях правопреемства в результате наследования.

Законопроект предполагает разрешить проблемы лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий, посредством предоставления комплекса банковских услуг: накопления собственных денежных средств физического лица с учетом причисленных процентов и кредитования вкладчика на сумму недостающих для покупки жилья денежных средств. Необходимо отметить, что законодатель предусмотрел два варианта реализации права вкладчика на получение кредита. Во-первых, законопроект предусматривает право любого вкладчика, заключившего договор жилищных сбережений, обратиться в банк по поводу заключения с ним кредитного договора в течение всего срока действия договора жилищных сбережений. Во-вторых, банк и вкладчик могут предусмотреть условия кредитования непосредственно в договоре жилищных сбережений. Во втором случае договор жилищных сбережений можно квалифицировать как договор смешенного типа, включающий элементы договора жилищных сбережений и предварительного кредитного договора. Данная договорная конструкция не обязывает заемщика к безусловному получению кредита именно в этом банке. В случае получения кредита в другой кредитной организации вкладчик может отказаться от получения кредита в банке, заключившим с ним договор жилищных сбережений и потребовать от него перечислить сумму сбережений (вклад и начисленные проценты) в кредитную организацию, где был получен кредит на улучшение жилищных условий, для уплаты первоначального взноса, предусмотренного кредитным договором, либо направить их на оплату основного долга и начисленных процентов.

Определенные проблемы могут возникнуть при установлении в смешанном договоре жилищных сбережений размера процентной ставки по кредиту, поскольку до момента получения кредита может пройти достаточно длительный период, что, в условиях волатильности процентных ставок по креди-

ту не позволит адекватно спрогнозировать ставку по кредиту. Единственной возможностью может стать только использование определяемой («плавающей») ставки, размер которой будет определяться, например, с учетом ставки рефинансирования.

Особого внимания заслуживает анализ предлагаемого в законопроекте регулирования возврата «сбереженных денежных средств». Согласно законопроекту, вкладчик может распорядиться вкладом только определенным образом, связанным с расходами по улучшению его жилищных условий.

В случае использования суммы вклада на иные, не предусмотренные законопроектом цели, банк произведет перерасчет процентов, рассчитав их за весь период, на который был размещен вклад, как по вкладу до востребования. Например, вкладчик вместо обусловленных договором 20% годовых получит 0,01% годовых за весь срок, на который были размещены денежные средства.

Полагаем, что такое регулирование нельзя признать справедливым по отношению к физическим лицам. Несмотря на то, что ч. 5 ст. 837 ГК РФ устанавливает аналогичные последствия в случаях, если вкладчик потребовал от банка вернуть денежные средства до момента, определенного договором срочного банковского вклада, договор банковского вклада может предусматривать иной размер процентов, подлежащих начислению. В частности, соглашением сторон может быть установлено, что проценты за полные месяцы (кварталы) начисляются по ставке срочного вклада, а за неполные месяцы (кварталы) по ставке вклада до востребования. В этом случае уже начисленные и причисленные ко вкладу или выплаченные вкладчику проценты не подлежат перерасчету.

У вкладчика по договору жилищных сбережений потенциально могут отпасть основания для реализации целей, установленных договором жилищных сбережений, могут появиться препятствия для получения кредита для улучшения жилищных условий:

- изменение семейного положения в результате развода;
- улучшение жилищных условий в результате дарения жилья;
- непрогнозируемый рост стоимости жилья;
- улучшение жилищных условий в результате получения жилья по договору социального найма;
- ухудшение финансового положения вкладчика, не позволяющего ему претендовать на получение ипотечного кредита.

Законопроект устанавливает основания, позволяющие банку отказаться от заключения с вкладчиком кредитного договора или от предоставления предусмотренного заключенным договором кредита, если необходимая для улучшения жилищных условий сумма превышает размер суммы вклада с процентами по договору жилищных сбережений. Эти основания связаны с неудовлетворительным финансовым состоянием вкладчика, недостаточным обеспечением кредита, нахождение вкладчи-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://www.pravo.gov.ru>.

ка в перечнях лиц, причастных к экстремизму, терроризму или распространению оружия массового уничтожения.

Данный перечень оснований, по которым вкладчику может быть отказано в кредитовании, может быть дополнен банком, поскольку законопроект предусматривает возможность включения в договор жилищных сбережений дополнительных условий, при несоблюдении которых вкладчик теряет право на получение кредита.

Естественно, что, заключая с банком договор жилищных сбережений на срок более года (например, на пять лет), вкладчик не предполагает и не может осознавать возможность таких изменений в своей жизни. Вследствие этого предусмотренное законопроектom снижение процентов в случае нецелевого использования вклада по договору жилищных сбережений является чрезмерным, не соответствующим конституционным нормам. Статья 8 Конституции РФ, гарантируя свободу экономической деятельности, в то же время провозглашает право на свободное использование своих способностей и свободное использование своего имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34, 35). Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 23.02.1999 № 4-П¹, свобода договора, закрепленная п. 1 ст. 1 ГК РФ, не может признаваться абсолютной, поскольку она не может отрицать или умалять другие общепризнанные права и свободы. Только федеральный закон, и только в исключительных случаях может допускать их ограничение (например, в целях защиты конституционного строя, прав и законных интересов других лиц). Регулирование отношений, связанных с договором жилищных сбережений, должно особо учитывать интересы слабой стороны в правоотношении, обеспечивая в законодательстве соблюдение принципа соразмерности. В наибольшей степени реализация этого требования необходима в отношении лиц, намеревающихся улучшить свои жилищные условия посредством заключения договора жилищных сбережений. При предложенном в законопроекте регулировании банк находится в явно преимущественном правовом положении, поскольку при неиспользовании вкладчиком накопленной суммы на улучшение жилищных условий, банк получает в свое гарантированное распоряжение на длительный срок денежные средства вкладчика по ставке вклада до востребования (фактически бесплатно). Как справедливо указал Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 03.07.2001 № 10-П, сбережения населения являются источником ресурсной базы, необходи-

мой для инвестиций и долгосрочного кредитования, поэтому законодатель не должен допускать необоснованного обогащения банков в результате неиспользования вкладчиком накопленных денежных средств на улучшение жилищных условий, что приведет к утрате доверия к банковской системе и нарушению основополагающих конституционных принципов².

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что законопроект, посвященный договору жилищных сбережений, является своевременным, поскольку в гражданском обороте появляется новый инструмент, позволяющий с одной стороны, аккумулировать физическим лицам денежные средства для улучшения своих жилищных условий, а с другой стороны, создающий для банков долгосрочную ресурсную базу. В целях надлежащей защиты прав вкладчиков по договору жилищных сбережений законодателю следует учесть высказанные замечания и восполнить указанные правовые пробелы.

Литература

1. Афанасьев А.Б. Измененная сущность договора банковского вклада // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы международной научной конференции (Омск, 24 марта 2023 г.) / отв. ред. Т.Ф. Ящук. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2023. С. 280–284.
2. Габов А.В., Хаванова И.А. Отрицательные процентные ставки: правовые аспекты // Труды Института государства и права РАН. М., 2022. Т. 17. № 4. С. 38–78.
3. Ефимова Л.Г. Денежные обязательства и финансовые сделки // Учебник для магистратуры. М.: ООО «Перспект», 2023. 671 с.
4. Сарбаш С.В. Мы доживаем эпоху старого нормативного регулирования: Интервью номера // Закон. 2018. № 9. С. 6–17.

HOUSING SAVINGS AGREEMENT

Afanasyev A.B., Syropiatova N.V.
Perm State National Research University

The article analyzes a draft law on the introduction of a housing savings contract into civil circulation. The housing savings agreement is compared with the existing legal regulation of the bank deposit agreement. The research revealed terminological contradictions in the current legislation and the draft law. It is concluded that the proposed draft law lacks norms on relations related to the transfer of rights under a housing savings agreement upon inheritance. The question was raised about the expediency of recalculating interest as a demand deposit when using the deposit not for the purpose of improving housing conditions.

Keywords: draft law, contract, housing savings, bank deposit, lending, deposit interest, deposit repayment, housing conditions.

¹ По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4-П // Собрание законодательства РФ. 08.03.1999. № 10. Ст. 1254.

² По делу о проверке конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций» и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» в связи с жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 03.07.2001 № 10-П // Собрание законодательства РФ. 16.07.2001. № 29. Ст. 3058.

References

1. Afanasyev A.B. The amended essence of the bank deposit agreement // Law enforcement in public and private law: materials of the international scientific conference (Omsk, March 24, 2023) / ed. T.F. Yashchuk. Omsk: Publishing house of Omsk State University, 2023. Pp. 280–284.
2. Gabov A.V., Khavanova I.A. Negative interest rates: legal aspects // Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2022. Vol. 17. No. 4. Pp. 38–78.
3. Efimova L.G. Monetary obligations and financial transactions // Textbook for the master's degree. Moscow: OOO Prospect, 2023. 671 p.
4. Sarbash S.V. We are living through the era of the old regulatory framework: Interview of the issue // Law. 2018. No. 9. P. 6–17.

Особенности прекращения статуса залогодержателя доли (акций) хозяйственного общества

Берестень Дмитрий Сергеевич,

аспирант, Финансовый университет при Правительстве РФ; старший юрист и руководитель корпоративного блока, ООО «Афонин, Божор и партнеры»
E-mail: 232141@edu.fa.ru

В статье поднимается вопрос касательно прекращения статуса залогодержателя бизнес-активов на основании закона (по примеру ипотеки). На практике возникают случаи, когда после удовлетворения требований залогодержателя последний продолжает владеть и пользоваться корпоративными правами, что нарушает интересы участников (акционеров) хозяйственного общества.

Ключевые слова: корпоративное право, залог, акции, доли, общество с ограниченной ответственностью, акционерное общество, залогодержатель, ипотека.

Залог как способ обеспечения исполнения обязательств активно используется в корпоративной сфере как инструмент защиты прав кредиторов в рамках договорных отношений. Согласно нормам корпоративного законодательства владелец бизнес-активом вправе передать его в залог, если это не запрещено уставом общества, а также с согласия общего собрания. Как отметил К.А. Новиков, «условие о предмете залога считается согласованным при наличии в договоре залога сведений об основаниях возникновения указанного обязательства и о должнике в нём (без перечисления всех требований, которые могут из него возникнуть)» [8, с. 63]. У залогодержателя есть много вариантов защитить свои права. По общим правилам он вправе проверять документы, а также состояние предмета залога, условия использования и есть ли какие-то обременения (п. 2 ст. 343 ГК РФ). В случае нарушения прав залогодержателя у него появляется право принятия мер в части сохранения заложенного имущества или досрочного исполнения залогодателем своих обязательств.

Залогодержатель – это частное лицо, которое лично определяет, что ему необходимо и в каких пределах, он не связан с хозяйственным обществом вкладом, корпоративным договором, уставом, внутренними документами и т.д. В случае с участниками (акционерами) «общая цель определяется, и действия по её достижению совершаются всяким и каждым членом коллектива сообща с другими, а значит – не осуществляется никем в полной мере автономно, без постороннего влияния». Залогодержатель, в первую очередь, рассматривается в качестве кредитора, чьё требование обеспечено долей (акциями) хозяйственного общества и чей интерес должен учитываться хозяйственным обществом.

По мнению Р.А. Мухамадеевой, правовой статус залогодержателя связан с тем, что он является собственным кредитором участника корпорации, а не хозяйственного общества в целом, соответственно, его статус может быть урегулирован с помощью корпоративного договора между участниками общества и залогодержателем. В рамках данного института предусмотрены охраняемые законом интересы третьих лиц, которые подлежат ограничению с помощью термина «фактический контроль». Иными словами, залогодержатель вправе обрести полноценный правовой статус по отношению к хозяйственному обществу путем осуществления фактического контроля, урегулированного положениями корпоративного договора (если использовать «интересы третьих лиц»,

то квазикорпоративного). Однако предполагается, что не все субъекты хозяйственного общества готовы допускать залогодержателей к управлению корпорацией ввиду сложности ведения режима коммерческой тайны и соблюдения конфиденциальности в целом, а также возможного злоупотребления правом со стороны залогодержателя. Кроме того, залогодержатель не может де-факто осуществлять права участника (акционера), поскольку он, прежде всего, действует в пределах своего неисполненного обязательства (со стороны залогодателя). В свою очередь, участник (акционер) хозяйственного общества, хочет получить прибыль за счёт реализации своих корпоративных прав в пределах имеющихся имущественных прав.

С одной стороны, сложность урегулирования статуса залогодержателя в сфере корпоративного права заключается в том, что он не становится автоматически участником или акционером хозяйственного общества по причине разных законных интересов. С другой стороны, российское законодательство постепенно подходит к тому, что управлять хозяйственным обществом могут и третьи лица, о чем свидетельствуют институты квазикорпоративного договора, договора конвертируемого займа, опциона, которые обеспечивают защиту интересов субъектов за счёт установления максимального размера будущей доли (акций) и её номинальной стоимости.

В соответствии с нормами гражданского права кредитор приобретает статус залогодержателя на основании закона, на договорной основе, а также на основании решения суда. Как отмечает Л.Ф. Нетишинская, право залога возникает у залогодержателя на основании договора залога, а также проявления воли и действий в своём интересе за счёт стоимости предмета залога преимущественно перед другими кредиторами [7, с. 110]. Также основания приобретения статуса залогодержателя закреплены в разъяснениях Верховного Суда РФ [10].

Залогодержатель вправе приобрести свой статус на основании закона (ст. 387 ГК РФ). В первую очередь, речь идёт об обращении взыскания на заложенное имущество в судебном порядке, когда, допустим, залогодатель уклоняется от совершения сделки, в этом случае «судебное решение заменяет собой волеизъявление кредитора, направленное на переход права требования» [11]. То же самое касается случаев наличия внедоговорного обязательства, тогда в судебном порядке устанавливается принудительный перевод права. Тем не менее, как отмечает А.Г. Карапетов, «является спорным вопрос о том, можно ли здесь говорить о переходе права на основании закона, а не в силу распорядительного соглашения, заключаемого в судебном порядке» [5, с. 448].

Возникает вопрос касательно приобретения статуса залогодержателя на основании закона по аналогии с нормами об ипотеке (залоге недвижимости) [12]. Здесь закон предусматривает возможность заключения сторонами соглашения, тем

не менее, предусмотрена обязательность регистрации залога на основании правовых норм. Как отметила Р.А. Мухамадеева, необходимо также регистрировать залог бизнес-активов на основании закона как по отношению к акциям [3], так и по отношению к долям в уставном капитале хозяйственных обществ: «...необходимо законодательно урегулировать данный вопрос и предусмотреть необходимость регистрации залога корпоративных прав не только в силу договора, но и при возникновении залога в силу закона согласно статье 334.1 ГК РФ» [6, с. 92]. В этом есть необходимость, для аналогии приведём пример с корпоративным договором: вследствие того, что законом закреплена лишь обязанность уведомить общество о факте заключения данной сделки, на практике возникают случаи, когда при продаже доли (акций) хозяйственных обществ возникает обязанность присоединиться к корпоративному договору, о котором добросовестный приобретатель не был уведомлен надлежащим образом. К тому же, необходимо оценивать риски в части ограничений корпоративных прав, предусмотренных корпоративным договором. То же самое касается ситуации с опционом. В случае с государственной регистрацией залога бизнес-активов появляется возможность применить по аналогии положения, предусмотренные нормами об ипотеке (залоге недвижимости), а также обеспечить защиту прав, свобод и законных интересов добросовестных приобретателей.

Теперь рассмотрим основания прекращения статуса залогодержателя бизнес-активов. Одним из главных принципов акцессорности залога является его следование за главным требованием (кроме случаев отмены залога при уступке права требования по основному обязательству). Также действует принцип акцессорности прекращения, в соответствии с которым «прекращение основного обязательства влечёт за собой прекращение акцессорного обязательства» [1, с. 63]. Возникает вопрос: а будет ли считаться обязательство исполненным при обращении взыскания на заложенное имущество вследствие неисполнения основного обязательства? С одной стороны, статья 309 ГК РФ предусматривает именно надлежащее исполнение, однако, как подчеркнули в своей работе А.Г. Карапетов, А.А. Павлов, «...осуществлённое должником ненадлежащее исполнение прекращает изначальное обязательство, хотя и может служить основанием для возникновения дополнительных охранительных притязаний» [4, с. 1087].

В соответствии с нормами пункта 4 статьи 346 ГК РФ все права залогодержателя прекращаются:

- 1) с момента обращения взыскания на предмет залога (в судебном порядке);
- 2) с момента возникновения права собственности у приобретателя (во внесудебном порядке) [11].

В случае обращения взыскания на заложенное имущество и вступления в корпоративные правоотношения основаниями их прекращения являются:

- 1) инициатива залогодержателя – выход из состава участников, требование выкупа акций, уступка, продажа или иное отчуждение.
- 2) инициатива общества – исключение из состава участников (акционеров) в судебном порядке;
- 3) по требованию иных лиц – при обращении взыскания на долю или акции общества путём отчуждения либо выплаты действительной стоимости.

По мнению Т.Н. Вязовской, «можно выделить два критерия классификации последствий прекращения залога. Первый – это влияние на прекращение основного обязательства, второй – степень материального удовлетворения кредитора после прекращения залога. Указанные критерии являются взаимосвязанными» [2, с. 7].

Залог создаёт гарантии для залогодержателя в части удовлетворения его требований, за исключением случаев (пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ), когда заложенное имущество приобретено добросовестным покупателем. В этом случае залог прекращается.

Залогодержатель может утратить свой статус при передаче бизнес-актива залогодателем в пользу другого должника в порядке привативного перевода. Как отмечает А.Г. Карапетов, «исключение составляет случай, когда предмет залога отчуждён исходным должником новому должнику как обременённый залогом» [4, с. 747].

Таким образом, правовой статус залогодержателя бизнес-активов возникает на основании договора залога, где предметом договора могут быть только доли (акции) хозяйственных обществ. После проведённого исследования было установлено, что залог прав участников хозяйственных партнерств пока не может быть реализован по причине отсутствия прозрачной системы корпоративного управления, правоприменительной практики взаимодействия с хозяйственными партнерствами, а также правовых положений, ограничивающих злоупотребление правом со стороны участников хозяйственного партнерства. Более того, вызывает вопросы правовой статус иных лиц, которые вправе принимать участие в корпоративном управлении хозяйственным партнерством.

Правовой статус залогодержателя может возникать на основании решения суда (п. 5 ст. 334 ГК РФ). Тем не менее, в процедуре банкротства залоговый приоритет не может возникать с точки зрения принципа добросовестности и разумности: залоговый кредитор при заключении договора залога изначально предусмотрел риски, потратил больше на это ресурсов в части их оценки, оформил надлежащим образом, следовательно, у него возникает больше прав на залоговый приоритет, чем у кредитора, который с целью удовлетворения своих обязательств (не оценивая риски изначально) намеревается лишь получить судебный акт.

Правовой статус залогодержателя может прекратиться в соответствии с законом, когда залогодатель, хозяйственное общество или иные участ-

ники (акционеры) исполняют обязательство перед залогодержателем в денежном эквиваленте. Однако возникает вопрос: прекращается ли статус залогодержателя при исполнении обязательств, когда уже обращено взыскание и он стал участником (акционером) хозяйственного общества? На каком основании тогда залогодержатель должен выйти из состава общества (выход, купля-продажа, уступка) и должен ли вообще покидать его? По нашему мнению, статус залогодержателя прекращается после исполнения залогодателем своих обязательств, а статус участника (акционера) залогодержатель приобрел только для того, чтобы залогодатель погасил долг, но никак не для извлечения прибыли в целом (иная экономическая деятельность).

Предлагается установить, что статус залогодержателя в случае вхождения в состав бенефициаров хозяйственного общества прекращается при исполнении обязательств должником (или третьими лицами), в этом случае залогодержатель должен выйти из состава бенефициаров в соответствии с законом либо по соглашению сторон без права выплаты действительной стоимости доли. Сложность правового статуса залогодержателя заключается в интересе, который отличается от интереса участника (акционера) хозяйственного общества, заинтересованного в систематизированном извлечении прибыли за счёт предпринимательской деятельности. И действительная стоимость доли – это результат использования его имущества в рамках комплекса вместе с другим имуществом.

Литература

1. Бевзенко Р.С. Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции – дисс. ... д.ю.н. – Москва. 2022–493 с.
2. Вязовская Т.Н. Гражданско-правовая природа залоговых отношений: автореферат дисс. ... к.ю.н. – Краснодар: 2004–215 с.
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.01.2002 № 67 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением норм о договоре о залоге и иных обеспечительных сделках с ценными бумагами» // Вестник ВАС РФ. № 3. 2002.
4. Карапетов А.Г. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации – Москва: М-Логос. 2022–1494 с.
5. Карапетов А.Г. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации – Москва: М-Логос. 2022–1582 с.
6. Мухамадеева Р.А. Залог корпоративных прав по российскому законодательству – дисс. ... к.ю.н. – Москва. 2022–216 с.

7. Нетишинская Л.Ф. Интерес как предпосылка возникновения договорных обязательств // Журнал российского права. 2006. № 6 (114). С. 108–112.
8. Новиков К.А. Правила о залоге отдельных видов имущества в новой редакции Гражданского кодекса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 10. С. 55–68.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // Российская газета. № 149. 10.07.2023.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 140. 30.06.2015.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Российская газета. № 297. 29.12.2017 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Российская газета. № 297. 29.12.2017.
12. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 12.06.2024) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Собрание законодательства РФ. 20.07.1998. № 29. ст. 3400.

STATUS' TERMINATION' FEATURES OF THE PLEDGEE'S STATUS OF BUSINESS COMPANY'S SHARE (SHARES)

Beresten D.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article raises a question regarding the termination of the status of the guarantor of business assets on the basis of law (as in the case of mortgages). In practice, there are cases when after the

satisfaction of the requirements of the collateral holder continues to own and enjoy corporate rights, which violates the interests of participants (shareholders) of the economic company.

Keywords: corporate law, pledge, shares, stakes, limited liability company, joint stock company, guarantor, mortgage.

References

1. Bevzenko R.S. Real security: collateral, retention and title security structures – dis. ... d.y.n. – Moscow. 2022–493 p.
2. Vyazovskaya T.N. Civil-legal nature of collateral relations: auto-abstract of the diss. ... c.y.u.n. – Krasnodar: 2004–215 c.
3. Information letter of the Presidium of the Russian Economic Commission dated 21.01.2002 67 «Review of the practice of resolving disputes related to the application of the rules on the contract of pledge and other security transactions with securities» // Bulletin of the Russian Economic Commission for Economic Affairs. 3. 2002.
4. Karapetov A.G. Performance and termination of obligation: comment to articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation – Moscow: M–Logos. 2022–1494 s.
5. Karapetov A.G. Change of persons in obligation and responsibility for breach of obligation: comment on articles 330–333, 380–381, 382–406.1 of the Civil Code of the Russian Federation – Moscow: M–Logos. 2022–1582 s.
6. Mukamadeeva R.A. Bail of corporate rights under Russian law – diss. ... c.y.u.n. – Moscow. 2022–216p.
7. Netyshina L.F. Interest as a prerequisite for the formation of contractual obligations // Journal of Russian Law. 2006. 6 (114). P. 108–112.
8. Novikov K.A. Rules on the collateral of certain types of property in the new edition of the Civil Code // Bulletin of economic justice of the Russian Federation. 2016. 10. p. 55–68.
9. Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.06.2023 23 «On the application by courts of the rules on collateral» // Russian Gazette. 149. 10.07.2023.
10. Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.06.2015 25 «On the application by courts of certain provisions of section I of part one of the Civil Code of the Russian Federation» // Russkaya gazeta. 140. 30.06.2015.
11. Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.12.2017 54 «On certain issues of application of the provisions of chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation on the change of persons in obligation on the basis of a transaction» // Russkaja gazeta. 297. 29.12.2017 «On some issues of application of the provisions of chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation on the change of persons in obligation on the basis of a transaction» // Russkaya gazeta. 297. 29.12.2017.
12. Federal Law of 16.07.1998 102-FZ (Ed. from 12.06.2024) «On mortgage (mortgage)» // Assembly of legislation of the Russian Federation. 20.07.1998. 29 st. 3400.

Блинкова Елена Викторовна,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

Багиров Роман Ясарович,

студент Института государства и права, Тюменский государственный университет

Статья посвящена комплексному анализу имущественных отношений в семье как правового явления, охватывающего владение, распоряжение и защиту собственности супругов, детей и иных членов семьи. Особое внимание уделяется правовому регулированию совместной и личной собственности супругов, механизм их раздела, а также защите имущественных прав несовершеннолетних. Рассматриваются ключевые виды имущественных отношений – от алиментных обязательств до наследования, включая роль брачных договоров и участия органов опеки. На основе действующего законодательства обоснована необходимость дальнейшего совершенствования нормативной базы с целью обеспечения баланса интересов и устойчивости семейных правовых институтов в условиях социальных трансформаций.

Ключевые слова: Имущественные отношения, семейное право, совместная собственность, имущественные права детей, брачный договор.

Имущественные отношения в семье – это важный элемент правового регулирования, который затрагивает интересы как супругов, так и других членов семьи, включая детей. В условиях современного общества эти отношения играют ключевую роль в обеспечении справедливости, защиты прав и интересов каждой стороны. С развитием семейного права в России и мире имущественные вопросы становятся все более актуальными, особенно в контексте разводов, наследства, защиты прав несовершеннолетних детей и других юридических аспектов, касающихся семьи. Понимание сущности имущественных отношений, их видов и содержания необходимо для создания правовой базы, которая будет отвечать вызовам времени и обеспечивать равенство и справедливость между всеми членами семьи.

Актуальность исследования имущественных отношений в семье обусловлена несколькими факторами: изменения в социально-экономической ситуации общества, включая повышение числа разводов, конфликты между супругами и вопросы, связанные с имущественным наследованием, требуют четкой правовой регламентации; вопросы защиты прав несовершеннолетних детей на имущество становятся все более важными, так как в условиях разводов родители часто оказываются в конфликте, что может негативно повлиять на будущее детей; развитие правовых институтов, направленных на регулирование имущественных отношений между супругами и детьми, а также усиление роли международного правового регулирования, которое оказывает влияние на национальные системы.

Имущественные отношения в семье – это совокупность правовых и фактических взаимодействий, которые возникают между супругами, детьми и другими членами семьи, касающихся владения, пользования, распоряжения и распределения имущества. Эти отношения становятся особенно актуальными в ситуациях, когда возникает необходимость урегулирования прав на имущество в случае брака, его расторжения, а также в процессе наследования. Имущественные отношения являются неотъемлемой частью семейных правоотношений, так как имущество, как правило, играет важную роль в социальной и экономической жизни семьи [1, с. 45].

Совместная собственность супругов – это категория имущества, которое было приобретено в период брака. Согласно российскому семейному законодательству, имущество, нажитое супругами во время брака, независимо от того, на имя кого оно было оформлено, считается совместной собственностью обоих супругов, если только иной режим собственности не установлен брачным до-

говором. Совместная собственность включает не только материальные активы, такие как недвижимость, транспортные средства и денежные средства, но и иные ценности, например, авторские права, акции, доли в предприятиях и другие виды собственности. Это имущество, как правило, подлежит равному разделу при расторжении брака, что отражает принцип равенства супругов в имущественных отношениях. В случае если супруги договорились о другом способе раздела имущества, например, через брачный контракт, это будет являться законным. Однако если брачный договор не был заключен, и супруги не могут договориться о разделе, то в таком случае раздел имущества осуществляется в судебном порядке, где судья определяет порядок раздела в зависимости от вклада каждого из супругов в приобретение того или иного имущества и иных обстоятельств, влияющих на решение [10, с. 106].

Личная собственность одного из супругов – это имущество, которое принадлежит одному из супругов до заключения брака или полученное им в дар, по наследству, а также имущество, которое было получено в личное пользование в период брака, если оно не связано с общей деятельностью семьи. Личная собственность одного из супругов не подлежит разделу при расторжении брака. Однако если личное имущество одного из супругов было преобразовано или использовано в целях приобретения совместной собственности, то возникновение совместной собственности может быть признано, например, через использование денежных средств из совместного бюджета на приобретение того или иного имущества. Важным моментом в отношении личной собственности является также имущество, которое супруги получают в результате выполнения личных обязательств или в ходе своей профессиональной деятельности. Например, если один из супругов работает в творческой сфере (например, писатель, художник), то авторские права на созданные произведения будут являться его личной собственностью, а не совместно нажитым имуществом [6, с. 88].

Права несовершеннолетних детей на имущество являются отдельной категорией в имущественных отношениях семьи. Прежде всего, это связано с тем, что дети в силу своего возраста и недостаточной правовой грамотности не могут полноценно управлять своим имуществом. Право детей на имущество охватывает несколько аспектов. Во-первых, это имущественные права детей, возникающие в связи с их отношениями с родителями, например, право на алименты или обеспечение средствами на воспитание и обучение. Во-вторых, это право на имущество, которое дети могут получить по наследству, если они являются наследниками умершего родителя. При этом следует отметить, что российское законодательство выделяет специальную категорию «защищенных прав» детей в имущественных отношениях. Это связано с тем, что в случае развода родителей, дети часто оказываются в центре имуще-

ственных споров, и их интересы требуют особой защиты. Право детей на имущество также касается средств, получаемых для их содержания (алименты, наследственные средства, компенсации за ущерб). В случае смерти одного из родителей или разводов, алименты, как правило, обеспечивают материальное содержание ребенка, а также могут выступать в качестве компенсации за утрату благосостояния из-за изменений в семейной ситуации. Существует определенная правовая практика, связанная с защитой имущественных прав детей при продаже или передаче имущества. Например, если имущество продается или отчуждается, и один из родителей решает передать право собственности на имущество несовершеннолетнего, для этого требуется обязательное согласие органа опеки и попечительства, что гарантирует защиту интересов ребенка [4, с. 33].

Основной идеей имущественных отношений в семье является обеспечение справедливости, равенства прав и законности в вопросах владения и распоряжения имуществом. Это выражается в необходимости соблюдения принципа равенства супругов в вопросах раздела имущества, защиты имущественных прав детей и защиты интересов более слабых членов семьи. Важнейшими аспектами таких отношений являются обеспечение правомерного раздела имущества при разводе, защита имущественных прав несовершеннолетних детей в случае развода родителей и защита наследственных прав.

Задача современного семейного законодательства – выстраивание справедливых и прозрачных механизмов регулирования имущественных отношений, которые должны обеспечивать гармонию и сбалансированность интересов всех членов семьи. В конечном итоге, такой подход способствует укреплению правовых норм и обеспечению социальной стабильности в семье, что в свою очередь положительно влияет на общественные отношения в целом [2, с. 25].

Имущественные отношения в семье включают несколько важных аспектов, каждый из которых имеет свою специфику:

1. Раздел имущества супругов: в случае развода одним из главных вопросов является раздел совместно нажитого имущества. Законодательство России (например, Семейный кодекс Российской Федерации) предполагает, что имущество, приобретенное в период брака, должно быть разделено между супругами поровну, если не был заключен брачный договор. Однако существует ряд исключений, когда имущество может быть признано личной собственностью одного из супругов (например, имущество, полученное в дар или по наследству) [3, с. 40].
2. Брачные контракты: в последние десятилетия все большее значение приобретают брачные контракты, которые могут определять режим имущественных отношений между супругами. Это позволяет избежать длительных и за-

тратных судебных разбирательств при разводе и установить четкие правила относительно того, какое имущество будет оставаться в собственности каждого из супругов [7, с. 56].

3. Имущественные права несовершеннолетних детей: Вопросы имущественных прав детей, особенно несовершеннолетних, являются важной частью семейных отношений. На них распространяется особая защита, в том числе при разводах родителей. Дети могут быть наследниками имущества, получать алименты, а также имеют право на имущество, которое родители обязаны им передать для их нужд. Существует ряд норм, направленных на защиту интересов детей, включая правила наследования имущества, и установление обязанностей родителей по содержанию детей [5, с. 23].
4. Наследственные правоотношения: в случае смерти одного из супругов, имущественные отношения переосмысливаются с учетом законодательства о наследовании. Это включает права наследников, которые могут быть как супругами, так и детьми умершего. Здесь также важным элементом является наличие завещания, которое может изменить стандартное распределение имущества.

Виды имущественных отношений в семье:

1. Общие имущественные отношения супругов: Это отношения, связанные с приобретением и использованием совместного имущества супругов, разделом имущества при разводе. Здесь важную роль играет определение того, какое имущество будет считаться совместно нажитым, а какое – личной собственностью.
2. Имущественные отношения между родителями и детьми: Они включают вопросы алиментов, наследования, а также распоряжения имуществом, принадлежащим детям. Эти отношения регулируются семейным и гражданским законодательством, а также нормами о защите прав несовершеннолетних.
3. Имущественные отношения при разводе: Развод часто становится катализатором для сложных имущественных споров. Здесь важным аспектом является раздел совместно нажитого имущества и возможные алиментные обязательства, как для супругов, так и для детей.
4. Имущественные отношения в рамках наследования: При смерти одного из членов семьи возникают отношения, связанные с разделом наследства. Вопросы, связанные с наследованием, также тесно связаны с имущественными отношениями, поскольку они определяют права и обязанности членов семьи после смерти наследодателя [9, с. 78].

Таки образом, имущественные отношения в семье являются важной частью семейного права и тесно связаны с регулированием прав и обязанностей супругов и детей в различных ситуациях. С развитием законодательства все более актуальными становятся вопросы защиты имущественных прав несовершеннолетних детей, а также справед-

ливого и прозрачного раздела имущества при разводах. Понимание сущности и видов имущественных отношений позволяет обеспечить защиту интересов каждого члена семьи, будь то в случае раздела имущества, защиты прав детей или в контексте наследования. Важно, чтобы законодательные нормы продолжали развиваться, учитывая социальные изменения и новые вызовы времени, с целью создания эффективной и справедливой правовой системы.

Литература

1. Горбатов А.М. Совместная собственность супругов: правовые аспекты и судебная практика / А.М. Горбатов, Е.В. Савельева // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 45–54.
2. Давыдов М.И. Влияние международного права на развитие имущественных отношений в семье в странах ЕС и России / М.И. Давыдов // Международное право и правозащитная практика. 2021. № 6. С. 24–32.
3. Иванов Д.В. Проблемы правового регулирования имущественных отношений при разводе в Российской Федерации / Д.В. Иванов // Современные правовые исследования. 2022. № 2. С. 39–46.
4. Кислова Н.А. Совместная собственность супругов и ее особенности в российском праве / Н.А. Кислова // Журнал семейного права. 2023. № 1. С. 33–42.
5. Кузнецова И.В. Брачные контракты в российской правовой системе: особенности заключения и применения / И.В. Кузнецова // Семейное и наследственное право. 2022. № 1. С. 22–30.
6. Мищенко В.И. Защита прав несовершеннолетних детей в имущественных спорах / В.И. Мищенко // Право и общество. 2023. № 2. С. 88–96.
7. Романова Т.В. Имущественные права детей и их защита в России / Т.В. Романова // Образование и право. 2021. № 4. С. 56–64.
8. Сидоров А.Л. Наследственные правоотношения в семейном праве: теоретический и практический аспекты / А.Л. Сидоров, Е.Ю. Андреева // Юридический журнал. 2020. № 5. С. 12–19.
9. Шевченко Н.В. Проблемы раздела имущества при расторжении брака в России: судебная практика и правовые изменения / Н.В. Шевченко // Российский юридический журнал. 2020. № 8. С. 77–85.
10. Яковлева О.П. Имущественные отношения супругов в российском семейном праве / О.П. Яковлева // Правоведение и практика. 2021. № 3. С. 105–113.

THE CONCEPT. THE CONTENT AND TYPES OF PROPERTY RELATIONS IN THE FAMILY

Blinkova E.V., Bagirov R.Ya.

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Tyumen State University

The article is devoted to a comprehensive analysis of property relations in the family as a legal phenomenon covering the ownership, disposal and protection of property of spouses, children and other family members. Special attention is paid to the legal regulation of joint and personal property of spouses, the mechanisms of their division, as well as the protection of property rights of minors. The key types of property relations are considered, from alimony obligations to inheritance, including the role of marriage contracts and the participation of guardianship authorities. Based on the current legislation, the need for further improvement of the regulatory framework is substantiated in order to ensure a balance of interests and stability of family legal institutions in the context of social transformations.

Keywords: property relations, family law, joint ownership, property rights of children, marriage contract.

References

1. Gorbatov A.M. Joint property of spouses: legal aspects and judicial practice / A.M. Gorbatov, E.V. Savelyeva // *Journal of Russian Law*. 2021. No. 6. Pp. 45–54.
2. Davydov M.I. The influence of international law on the development of property relations in the family in the EU countries and Russia / M.I. Davydov // *International law and human rights practice*. 2021. No. 6. Pp. 24–32.
3. Ivanov D.V. Problems of legal regulation of property relations during divorce in the Russian Federation / D.V. Ivanov // *Modern legal research*. 2022. No. 2. Pp. 39–46.
4. Kislova N.A. Joint property of spouses and its features in Russian law / N.A. Kislova // *Journal of Family Law*. 2023. No. 1. P. 33–42.
5. Kuznetsova I.V. Marriage contracts in the Russian legal system: features of conclusion and application / I.V. Kuznetsova // *Family and inheritance law*. 2022. No. 1. P. 22–30.
6. Mishchenko V.I. Protection of the rights of minors in property disputes / V.I. Mishchenko // *Law and Society*. 2023. No. 2. P. 88–96.
7. Romanova T.V. Property rights of children and their protection in Russia / T.V. Romanova // *Education and Law*. 2021. No. 4. P. 56–64.
8. Sidorov A.L. Inheritance legal relations in family law: theoretical and practical aspects / A.L. Sidorov, E. Yu. Andreeva // *Legal Journal*. 2020. No. 5. Pp. 12–19.
9. Shevchenko N.V. Problems of division of property during divorce in Russia: judicial practice and legal changes / N.V. Shevchenko // *Russian Law Journal*. 2020. No. 8. Pp. 77–85.
10. Yakovleva O.P. Property relations of spouses in Russian family law / O.P. Yakovleva // *Jurisprudence and practice*. 2021. No. 3. Pp. 105–113.

Боброва Полина Сергеевна,

магистрант, ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: bobrovapolina1999@gmail.com

Тропина Дарья Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: DVTropina@fa.ru

Статья посвящена исследованию правового регулирования наследственного договора, выявлению основных проблем теории и практики применения данного института в контексте наследования бизнеса. Методологическую основу исследования составили диалектический и метафизический методы. Актуальность темы обусловлена тем, что наследственные договоры являются относительно новым и интересным, однако не обретшим должной распространенности за шесть лет его существования инструментом наследования. Автор статьи пришел к выводу о том, правовое регулирование наследственных договоров имеет определенные пробелы, которые нуждаются в дальнейшем урегулировании, поскольку в случае их устранения данный вид договоров может стать одним из самых распространенных инструментов наследования, в том числе для целей сохранения семейного бизнеса.

Ключевые слова: наследование бизнеса, наследодатель, наследник, наследственный договор, механизм наследования бизнеса.

Стабильное существование бизнеса зачастую оказывается под угрозой после смерти наследодателя в связи с отсутствием четких и отлаженных правовых механизмов наследования. На сегодняшний день недостаток правовой определенности в вопросах наследования активов все еще приводит к тому факту, что многие предприниматели не могут эффективно осуществлять наследственное планирование, не зная, каким именно образом их наследники получат доступ к существующим и будущим активам после их смерти.

Наследственный договор, как новая инструмент распоряжения наследственной массой появился в России в 2018 году, его правовые основы были закреплены с принятием статьи 1140.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Некоторые исследователи отмечают в качестве пробела в правовом регулировании уже тот факт, что законодателем не было предусмотрено выделение норм, регулирующих наследственные договоры, в отдельную главу кодекса, и эти нормы помещены в гл. 62 «Наследование по завещанию», полагая, что нормы о наследственном договоре, как отдельном основании при наследовании должны быть размещены в отдельной главе¹.

Следует отметить, что российский законодатель в целом избрал методiku постепенного внедрения в гражданский оборот различных инструментов наследования, и для всех из них не были предусмотрены отдельные главы, что является лишь проблемой юридической техники, но не критично для понимания и применения данных норм на практике. Более детальное регламентирование отдельных аспектов наследственных договоров возможно и в рамках текущей структуры ГК РФ.

В юридических исследованиях рассматриваются самые различные проблемы правового регулирования наследственного договора. В первую очередь данные проблемы связаны с тем, что крайне сложно учесть все нюансы, связанные с конкретными аспектами наследования бизнеса, в том числе в рамках грамотной фиксации прав и обязанностей заключившими его сторонами.

Кроме того, могут возникнуть сложности с установлением истинной воли наследодателя, особенно если речь идет о сложных бизнес-структурах, наличии у юридического лица иных учредителей или множестве наследников. Все эти вопросы требуют детального анализа, поскольку могут привести к дестабилизации бизнеса или к затяжным конфликтам между наследниками.

¹ Демьяненко Е.В., Шпак А.В. Наследственный договор: понятие, особенности // Юрист – Правоведь. – 2022. – № 3 (102). – С. 100–104.

К «плюсам» заключения наследственного договора следует отнести, в частности, сложность признания его недействительным после смерти наследодателя, поскольку наследник являлся стороной наследственного договора еще до момента открытия наследства, а значит он не может не знать, какими правами и обязанностями наделяет его данный договор.

Еще одной положительной чертой является возможность заключения наследственного договора под каким-либо условием. Например, в наследственный договор может быть включено положение, согласно которому потенциальный наследник не сможет вступить в наследство, если он к моменту открытия наследства был признан в установленном порядке несостоятельным (банкротом)¹. В контексте наследования бизнеса это означает, что предприятие не будет унаследовано исключительно с целью удовлетворения требований кредиторов, что несомненно привело бы к прекращению его существования, а наоборот – может в случае возникновения таких условий перейти к иным наследникам, которые смогут сохранить бизнес, пусть это частично и противоречит первоначальным намерениям наследодателя о наделении правомпреемством конкретного лица. Возможность продолжения осуществления хозяйственной деятельности конкретным предприятием должна быть в данном случае в приоритете.

Если же говорить о «минусах» наследственного договора, то следует, в первую очередь, отметить, что при реализации данного механизма не отпадает необходимость в назначении доверительного управляющего на тот период, пока нотариус не выдал свидетельство о праве на наследство, поскольку в течение данного шестимесячного срока к нотариусу могут также обратиться наследники, претендующие на обязательную долю и не являющиеся стороной наследственного договора.

Однако данная проблема может быть несложным путем нивелирована условиями самого наследственного договора. Так, стороны могут указать в договоре на кандидатуру конкретного доверительного управляющего (например, на самого наследника по договору). В таком случае бизнес останется в надежных профессиональных руках и на переходный период. Также и в части соблюдения прав наследников на обязательную долю можно предусмотреть, каким именно образом наследники смогут на эту долю претендовать таким образом, чтобы не препятствовать бизнес-процессам. К примеру, можно наделить этих наследников правами выгодоприобретателей на правах дивидендов, получаемых с прибыли компании, но не ниже определенной фиксированной суммы.

Одним из самых главных пробелов, касающихся правового регулирования наследственного договора, является возможность наследодателя заключать бесконечное множество наследственных

договоров в отношении одного и того же имущества². При этом о факте заключения последующих договоров стороны-наследники по этим договорам узнают только после открытия наследства, когда все вместе обратятся к нотариусу с идентичными требованиями о вступлении в наследство.

Всё имущество, указанное в договоре, при этом достанется первому заключившему договор наследнику, в силу прямого указания на это закона. При этом обязательства по договорам иными наследниками к этому моменту также уже могут быть выполнены добросовестно и в полном объеме, а наследственная масса, скорее всего, не сможет полностью удовлетворить требования пострадавших наследников даже в денежном эквиваленте³.

Отсутствие действенных механизмов строгого пресечения подобного недобросовестного поведения со стороны наследодателей влечет за собой непривлекательность применения на практике наследственных договоров в силу возникающей многолетней правовой неопределенности.

В связи с этим следует признать более чем справедливым предположение о необходимости закрепления обязанности наследодателя уведомлять контрагентов по наследственным договорам о заключении любых сделок, совершаемых в отношении имущества, являющегося предметом наследственного договора⁴, в том числе о совершении тех или иных сделок в отношении бизнеса, а также о заключении иных наследственных договоров в последующем.

Но если прорабатывать данную проблему более основательно, то необходимо сделать обязательным не просто уведомление, а согласие наследника на совершение сделок с являющимся предметом наследственного договора имуществом обязательным. Причем такое согласие должно стать нотариальным, что позволит свести к минимуму риски его фальсификации. При отсутствии нотариально заверенного согласия потенциального наследника сделка должна признаваться недействительной.

Кроме того, важным шагом в совершенствовании механизма прозрачности заключения наследственных договоров может стать также обязательная регистрация сведений о его заключении в Едином государственном реестре недвижимости, поскольку именно недвижимое имущество зачастую составляет наиболее дорогостоящую часть наследственной массы, в том числе в составе предприятия, как имущественного комплекса.

В таком случае приобретатель или потенциальный наследник по заключенному позднее наслед-

² Акименко А.Е., Попович М.М. Реализация наследодателем имущества, являющегося предметом наследственного договора // Журнал прикладных исследований. – 2025. – С. 128–137.

³ Конопляникова Т.В., Шагивалеева И.З. Правовая природа наследственного договора // Право и государство: теория и практика. – 2023. – С. 229–233.

⁴ Дымский Д.А. Актуальные проблемы наследственного договора в российском праве // Образование и право. – 2022. – № 4. – С. 168–174.

¹ Лапина Е.В., Еременко Д.Е. Развитие института наследования прав, связанных с участием в хозяйственных обществах // Юридическая наука. – 2023. – № 5. – С. 142–148.

ственному договору, не смогут ссылаться на свою добросовестность, так как проверка наличия заключенного в отношении данного имущества наследственного договора сводилась бы к простому заказу выписки из Единого государственного реестра недвижимости и проверке зарегистрированных в нем обременений.

Несмотря на существующие проблемы, наследственный договор может стать эффективным инструментом для наследования бизнеса в России. Установление чётких правил и разъяснений, касающихся применения этого института, поможет как наследодателям, так и наследникам в организации наследственного процесса. Расширение возможностей использования наследственного договора и его адаптация к специфике бизнеса может значительно улучшить правовую защищённость активов и избежать множества противоречий в вопросах наследования.

Настоящие проблемы наследования бизнеса в России требуют не только внимания со стороны законодательства, но и активных действий от самих владельцев в подготовке и планировании преемственности.

Только в этом случае можно будет говорить о реальной защите прав наследников и устойчивом развитии бизнеса при заключении наследственных договоров, как одного из инструментов наследования бизнеса.

Литература

1. Акименко А.Е., Попович М.М. Реализация наследодателем имущества, являющегося предметом наследственного договора // Журнал прикладных исследований. – 2025. – С. 128–137.
2. Демьяненко Е.В., Шпак А.В. Наследственный договор: понятие, особенности // Юрист – Правоведъ. – 2022. – № 3 (102). – С. 100–104.
3. Дымский Д.А. Актуальные проблемы наследственного договора в российском праве // Об-

разование и право. – 2022. – № 4. – С. 168–174.

4. Конопляникова Т.В., Шагивалеева И.З. Правовая природа наследственного договора // Право и государство: теория и практика. – 2023. – С. 229–233.
5. Лапина Е.В., Еременко Д.Е. Развитие института наследования прав, связанных с участием в хозяйственных обществах // Юридическая наука. – 2023. – № 5. – С. 142–148.

INHERITANCE CONTRACT AS A METHOD FOR BUSINESS INHERITANCE

Bobrova P.S., Tropina D.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the study of legal regulation of the inheritance contract, identifying the main problems of the theory and practice of applying this institution in the context of business inheritance. The methodological basis of the research was made up of dialectical and metaphysical methods. The relevance of the topic is due to the fact that inheritance contracts are a relatively new and interesting, but not yet widely used instrument of inheritance in the six years of its existence. The author of the article came to the conclusion that the legal regulation of inheritance contracts has certain gaps that need further regulation, since if they are eliminated, this type of contract can become one of the most common instruments of inheritance, including for the purpose of preserving the family business.

Keywords: business inheritance, testator, heir, inheritance contract, business inheritance mechanism.

References

1. Akimenko A.E., Popovich M.M. Sale by the testator of property that is the subject of an inheritance contract // Journal of Applied Research. – 2025. – P. 128–137.
2. Demyanenko E.V., Shpak A.V. Inheritance contract: concept, features // Jurist – Pravoved. – 2022. – No. 3 (102). – P. 100–104.
3. Dymsky D.A. Actual problems of an inheritance contract in Russian law // Education and Law. – 2022. – No. 4. – P. 168–174.
4. Konoplyannikova T.V., Shagivaleeva I.Z. Legal nature of an inheritance contract // Law and State: Theory and Practice. – 2023. – P. 229–233.
5. Lapina E.V., Eremenko D.E. Development of the institution of inheritance of rights associated with participation in business entities // Legal Science. – 2023. – No. 5. – P. 142–148.

Крупные сделки. Новый взгляд на соотношение качественного и количественного критериев с учётом позиций Верховного Суда РФ

Бондаренко Александр Юрьевич,

независимый исследователь
E-mail: bondarenkos02@mail.ru

В статье исследуется развитие подходов к соотношению качественного и количественного критериев в сфере специально-регулируемого крупными сделками. Дается оценка актуальным правовым позициям Верховного Суда РФ (2023–2025 гг.), которые свидетельствуют о стремительном переходе от стандартных правил, связанных с необходимостью установления обоим критериев, в пользу более гибкой системы, имеющей качественные отличия. С учётом системного анализа правоприменительной практики автор выводит основные тенденции, связанные с квалификацией крупных сделок. К их числу относятся: необходимость установления приоритета качественного критерия при отчуждении ключевого актива, преимущество количественного критерия при существенном превышении установленного законом стоимостного порога, а также сохранение классического подхода к соотношению критериев для случаев, не имеющих критических отклонений. С опорой на указанные тенденции автором предлагается тест для оценки крупных сделок, который позволяет комплексно подойти к анализу спорных правоотношений, учитывая права и законные интересы сторон. Особое внимание уделяется проблеме терминологической неопределенности понятия «ключевой актив». На основании проведенного исследования обосновывается необходимость внесения изменений в законодательство о хозяйственных обществах в части регулирования крупных сделок.

Ключевые слова: Крупные сделки, качественный критерий, количественный критерий, Верховный Суд РФ, корпоративное право, хозяйственные общества, балансовая стоимость, ключевой актив.

Введение

Институт крупных сделок существует в национальном правовом порядке достаточно давно. Основной его целью является обеспечение защиты имущества юридического лица, а также опосредованно интересов его участников, что достигается за счёт установления специального правового режима. В судебной практике нередко указывается на необходимость установления надлежащего контроля со стороны участников за сделками, которые способны затрагивать саму суть хозяйственной деятельности юридического лица. Связано это с тем, что подобные сделки могут приводить к серьезным имущественным последствиям, которые близки по своей природе к ликвидации или реорганизации [1]. Правоприменителем также отмечается, что правильная регламентация института крупных сделок направлена на обеспечение эффективного механизма контроля со стороны участников за такими действиями, которые способны оказать существенное влияние на хозяйственную деятельность общества [2]. Подобный правовой режим позволяет ограничить ситуации объективно неравноценного обмена – возможности свободного отчуждения значительных для хозяйственного общества активов по заниженной цене и их приобретения по завышенной. Особая ценность данного института в сфере корпоративного права предопределяет необходимость установления качественного регулирования, которое не только отвечает современным тенденциям правоприменительной практики, но и в наибольшей степени учитывает права и законные интересы субъектов спорных отношений. Поскольку практика Верховного Суда не отличается своей однородностью, основной целью настоящей работы является комплексный анализ нормативного регулирования и судебной практики для решения ключевого вопроса в рамках данного института – выявления оптимального подхода к соотношению качественного и количественного критериев крупной сделки.

Законодательное регулирование и подходы к соотношению критериев

Регулирование крупных сделок, включающее в себя особый порядок и критерии их совершения, установлено действующим законодательством, а именно положениями ст. 78, 79 Федерального закона от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее: ФЗ об АО) и ст. 46 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее: ФЗ об ООО).

Немаловажное значение имеет и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 N 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» (далее: Постановление ВС РФ № 27).

Учитывая представленное регулирование, а также п. 9 Постановления ВС РФ № 27 признание сделки крупной связано с установлением двух критериев – количественного (стоимостного) и качественного. Первый из них выполняется в тех случаях, когда предметом сделки выступает имущество, цена или балансовая стоимость которого составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов юридического лица. Второй же связан с выходом сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности. В законодательстве содержание данного критерия традиционно определяется от обратного. Так, сделка не может быть признана выходящей за пределы обычной хозяйственной деятельности, если её совершение не приводит к прекращению деятельности общества или изменению ее вида либо существенному изменению ее масштабов [3, с. 3–4].

Следует отметить, что на сегодняшний день в силу неоднородной практики Верховного Суда при разрешении споров, связанных с заключением крупных сделок, вопрос о соотношении качественного и количественного критериев стоит довольно остро. Для разрешения указанной неопределенности и выявления оптимального решения обратимся к оценке действующего законодательства и актуальной судебной практики.

Прежде всего, определимся с тем, какие существуют позиции о соотношении критериев крупной сделки. В законах о хозяйственных обществах данный вопрос решается довольно просто. Анализ их содержания позволяет прийти к выводу о том, что сделка может быть признана крупной, если выполняются одновременно два условия – такая сделка выходит за пределы обычной хозяйственной деятельности, и цена (балансовая стоимость) имущества, составляющего её предмет, превышает 25% балансовой стоимости активов юридического лица (п. 1 ст. 78 ФЗ об АО, п. 1 ст. 46 ФЗ об ООО). В научной литературе, посвященной данной тематике встречается аналогичная точка зрения. Например, Шиткина И.С, Брызгалина А.В, Козлова Н.В указывают на то, что наличие количественного и качественного критериев должно быть одновременным и устанавливаться на момент совершения соответствующей сделки [4, с. 217–220],[5, с. 7–11],[6, с. 4–8].

В то же время, по сравнению с представленной позицией практика Верховного Суда не отличается своим единообразием. В подтверждение указанного тезиса приведём основные решения правоприменителя по данному вопросу. Начать, безусловно, следует с Постановления Верховного Суда № 27, согласно которому для квалификации сделки в качестве крупной необходимо одновременное наличие у сделки на момент ее совершения двух признаков, а именно – качественного и количествен-

ного. Близкая по своему содержанию позиция отражена в п. 20 Обзора судебной практики Верховного Суда от 25 декабря 2019, в котором также отмечается, что для признания сделки крупной необходимо установление как количественного, так и качественного критериев [7]. При этом делается акцент на том, что даже существенное превышение количественного не презюмирует наличие качественного. Таким образом, на момент принятия данных решений судебная практика в полной мере учитывала подход законодателя, подчеркивая важность одновременного соблюдения двух критериев.

Однако в дальнейшем позиция правоприменителя претерпела некоторые изменения. В частности, в Определении Верховного Суда от 15 августа 2024 был сделан следующий вывод. При оспаривании сделок приоритет должен отдаваться качественному критерию даже в тех случаях, когда балансовая стоимость выбывшего имущества формально не превысила установленный количественный критерий (25 процентов общей балансовой стоимости активов) [8]. Представленное решение позволяет по-новому взглянуть на вопрос соотношения классических критериев. В указанном случае ключевое значение имеет именно качественный критерий, тогда как количественный отходит на второй план.

В том же году, в развитие представленной ранее идеи Верховный Суд принял новое решение, содержащее в себе более гибкий подход, который состоит в следующем. Разрешая спор об оспаривании сделки, основной акцент должен быть сделан на выявлении качественного критерия (он имеет приоритет). В то же время, сделка может быть признана крупной даже если формально балансовая стоимость выбывших активов не превысила 25 процентов общей балансовой стоимости активов (количественный критерий), но отчужденный актив являлся ключевым [9]. Анализ данной позиции позволяет прийти к выводу о том, что качественный признак сохраняет свой приоритет. Однако работает это лишь в тех случаях, когда актив, составляющий предмет сделки, представляет особую ценность для общества (является ключевым).

Наконец четвертая позиция, которая имеет принципиальные отличия от тех, которые были указаны ранее, отражена в Определении Верховного Суда от 8 июля 2024 года [10]. В данном решении судом было отмечено, что при существенном превышении количественного критерия (в два и более раза), выход сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности общества предполагается. На практике презюмирование качественного критерия происходило в ситуациях, при которых, цена одобряемых сделок превышала 100% активов должника [11], составляла 161,32% от балансовой стоимости активов [12], а также равнялась показателю, который в 10 раз больше стоимости активов (см. дело «СП Русь», указанное ранее). Следует обратить внимание на то, что представленный подход входит в противоречие с указанной ранее по-

зицией правоприменителя, в которой недвусмысленно указывалось на то, что даже существенное превышение количественного критерия не способно презюмировать наличие качественного [13].

Гармонизация регулирования. Тест на соотношения качественного и количественного критерия

С опорой на приведённую практику можно заметить, что позиция Верховного Суда в вопросе соотношения качественного и количественного критерия постоянно менялась. Однако означает ли это, что правоприменитель свободен в каждом конкретном деле самостоятельно выбирать, какого из представленных подходов придерживаться? С нашей точки зрения, ответ на поставленный вопрос должен быть отрицательным. Наличие единообразия судебной практики по данному вопросу является необходимым условием достижения правовой определённости, а также гарантии надлежащей защиты прав и законных интересов для сторон спорной сделки. Важно заметить, что выбор того или иного подхода далеко не всегда связан с произвольным решением правоприменителя – в основе большинства из них лежит системный анализ обстоятельств, оказывающих влияние на существо спорного правоотношения. С опорой на сложившуюся судебную практику по данному вопросу полагаем, что выбор модели соотношения критериев должен осуществляться с опорой на следующий правовой тест.

В первую очередь, необходимо выяснить, имеется ли существенное превышение цены предмета сделки над законодательно установленным порогом количественного критерия (25 процентов балансовой стоимости активов общества)? При отрицательном ответе на поставленный вопрос возможны два варианта развития событий. Первый из них выполняется тогда, когда отчуждаемый актив не является ключевым для юридического лица. В указанном случае подлежит применению общее правило, которое предусмотрено законом, а именно необходимость одновременного установления как количественного, так и качественного критериев. Второй же вариант связан с ситуациями, при которых отчуждаемый актив, составляющий предмет сделки, является ключевым для юридического лица. Установление данного обстоятельства влечёт изменение в соотношении рассматриваемых критериев. В такой ситуации качественный критерий является необходимым и достаточным для признания сделки крупной [14].

Иначе дела обстоят в ситуации, при которой цена (балансовая стоимость) предмета сделки существенно или в кратном размере превышает порог количественного критерия. В таком случае ключевое значение будет иметь уже количественный критерий, тогда как выполнение качественного должно презюмироваться [15]. Следует обратить внимание на то, что вне рамок указанного теста остаётся ситуация, при которой стоимость пред-

мета сделки превышает 25% от балансовой стоимости активов юридического лица, однако такое превышение не является существенным. Учитывая представленный ранее подход Верховного Суда за основу «существенности» целесообразно брать показатель, равный или превышающий 50% балансовой стоимости активов хозяйственного общества (превышение количественного критерия в два и более раза) [16]. Поскольку условия для рассмотрения качественного критерия в роли презумптивного в таком случае не выполняются, полагаем, что руководствоваться необходимо правилами, указанными ранее – вопрос будет решаться в зависимости от характеристики отчуждаемого актива (существуют ли основания для признания его ключевым или нет).

С нашей точки зрения, представленный тест, включающий системное применение позиций Верховного Суда с опорой на конкретные обстоятельства спорного правоотношения, может претендовать на статус универсального. Следует признать, что используемый ранее подход, согласно которому установление одновременно двух критериев являлось обязательным для применения к сделке особого режима одобрения, утратил свою актуальность. Он может применяться лишь в качестве общего правила. Однако установление определённых условий, например кратного превышения цены предмета сделки над стоимостью активов общества или отчуждения имущества, которое является для общества ключевым, должно оказывать влияние на объем бремени доказывания и его перераспределение.

В то же время, несмотря на то, что комплексный подход к соотношению качественного и количественного критериев является гибким, позволяющим достичь баланса интересов сторон в процессе выявления характеристик крупной сделки, он не лишён ряда спорных вопросов. Наиболее важный из них, на наш взгляд, связан с тем, что же следует понимать под «ключевым» активом, и как данная категория соотносится с общим содержанием качественного критерия. Для разрешения указанной коллизии постараемся выявить содержание каждого из понятий.

Из рассмотренной нами ранее позиции по делу «Алекс Трейд» следует, что для признания сделки крупной, по общему правилу, необходимо одновременное наличие двух критериев: качественного и количественного. Однако если судом будет установлено, что актив является ключевым, то выполнение количественного критерия становится не обязательным [17]. На данном этапе можно заключить, что правоприменитель рассматривает содержание качественного критерия крупной сделки как родовую категорию по отношению к «ключевому» активу. Соответствует ли данный вывод действительности?

Так, если обратиться к п.п.2 п. 9 Постановления ВС РФ № 27, то для выполнения качественного критерия совершение сделки должно приводить к прекращению деятельности общества или изме-

нению ее вида либо существенному изменению ее масштабов. В то же время, согласно позиции, которая находит своё отражение в судебной практике, отчуждаемый актив может быть охарактеризован как ключевой, если его утрата не позволяет юридическому лицу вести свою деятельность или ее отдельные виды [18], [19], [20]. Как мы можем заметить, рассматриваемые категории имеют близкое содержание. Каждая из них связана с передачей имущества, которое имеет существенное значение для корпорации. Тем не менее, отчуждение ключевого актива охватывает собой лишь определённый круг ситуаций, входящих в содержание качественного критерия. По всей видимости, к ним следует отнести только те, которые неминуемо приводят к невозможности дальнейшего осуществления юридическим лицом своей деятельности.

В качестве примера следует привести правовую позицию Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда, где вывод ключевого актива был связан с отчуждением объектов интеллектуальной собственности, без которых общество было лишено возможности продолжать свою деятельность (производство продукции бытовой химии под своим брендом) [21]. В данном деле Верховный Суд подчеркнул критическую важность отчуждаемого актива, ведь коммерческая реализация продукции становится невозможной без обладания правами на товарные знаки и промышленные образцы, которые были отчуждены по спорным сделкам [22, с. 2–3].

Следует отметить, что на практике существует большое количество примеров, которые могут свидетельствовать об отчуждении (утрате) ключевого актива. Их квалифицирующим признаком выступает последствие в виде юридической или фактической невозможности осуществления хозяйственным обществом своей деятельности. К наиболее распространённым из них следует отнести: утрату правоспособности (исключение из ЕГРЮЛ), прекращение субъективного права осуществлять определённую деятельность (отзыв лицензии, прекращение членства в СРО), нарушение судебного или административного запрета (совершение операций при наложении ареста), утрату имущества, без которого продолжение деятельности становится невозможным и множество других примеров [23, с. 5–6].

В то же время перечень ситуаций, которые подпадают под общее содержание качественного критерия, значительно шире. Наряду с представленными выше они также включают в себя обстоятельства, при которых совершение сделки способствует изменению вида деятельности общества или существенному изменению её масштабов. Как правило, это связано с сокращением территории ведения деятельности, созданием ограничений для ведения текущей деятельности с одновременным формированием условий для ведения новой, уменьшение корпоративного контроля и иные.

С учётом представленных рассуждений можно заключить, что отчуждение ключевого актива,

действительно, является специальным (квалифицированным) случаем выполнения качественного критерия для признания сделки крупной. Он наличествует тогда, когда речь идёт об отчуждении (утрате) критически важного для общества актива, без которого последнее не может продолжать ведение своей деятельности. Поскольку в указанном случае налицо явное выполнение качественного критерия, дополнительное установление количественного не требуется. То есть стоимостный признак должен выступать в качестве презумптивного условия, не требующего отдельного доказывания.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что соотношение качественного и количественного критериев в рамках особого правового режима крупных сделок, постоянно менялось. В результате активной деятельности правоприменителя классический подход к толкованию и соотношению рассмотренных критериев претерпел серьезные изменения. Традиционное регулирование, предусматривающее необходимость одновременного установления двух признаков крупной сделки, перестало иметь безусловный эффект и применяется лишь в ограниченных случаях.

С опорой на комплексный анализ позиций Верховного Суда нами был предложен правовой тест, прохождение которого позволяет учесть необходимые обстоятельства спорного правоотношения и выявить такое соотношение качественного и количественного критериев, которое в наибольшей степени отвечает балансу интересов сторон и целям законодательного регулирования крупных сделок. Содержание данного теста сводится к тому, что каждый из критериев целесообразно разделять на два уровня – обычный и существенный (критический).

В первом случае предполагается, что оба критерия отвечают обычному ходу вещей и только их совместное установление позволяет сделать вывод о том, что сделка затрагивает саму суть хозяйственной деятельности общества, способна привести к серьезным имущественным последствиям. Во втором же случае, установление значительного превышения одного из критериев в виде существенного превышения цены предмета сделки над законодательно установленным порогом количественного критерия или отчуждения актива, который имеет ключевое значение для юридического лица, является достаточным для признания сделки крупной. При таких обстоятельствах второй критерий презюмируется и не требует отдельного доказывания.

Учитывая представленные рассуждения и комплексный анализ судебной практики, считаем необходимым закрепить дифференцированный подход к соотношению качественного и количественного критерия на нормативном уровне. Для этого требуется внести соответствующие изменения в законы о хозяйственных обществах в части регулирования

содержания и порядка заключения крупных сделок (ст. 78 ФЗ об АО и ст. 46 ФЗ об ООО).

Литература

1. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.01.2025 N Ф09–7593/24 по делу N А76–838/2023 // СПС КонсультантПлюс.
2. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.03.2025 N Ф06–11139/2024 по делу N А57–21815/2023 // СПС КонсультантПлюс.
3. Бельчева Е.С. Совершение крупных сделок хозяйственными обществами: возможности диспозитивного регулирования // Вестник арбитражной практики. 2022. № 2. С. 3–4.
4. Шиткина И.С. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» (том 2) // Статут. 2021. С. 217–220.
5. Брызгалина А.В. Корпоративные отношения, договоры и прочее: из практики гражданско-правового консультирования // Налоги и финансовое право. 2021. № 12. С. 7–11.
6. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Качественный критерий квалификации крупной сделки, совершаемой хозяйственным обществом // Российский юридический журнал. 2020. № 6. С. 4–8.
7. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // СПС КонсультантПлюс.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2024 N 305-ЭС24–8216 по делу N А41–62370/2021 // СПС КонсультантПлюс.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2024 N 308-ЭС24–3124 по делу N А53–16963/2022 // СПС КонсультантПлюс.
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.07.2024 N 308-ЭС24–2859 по делу N А63–20262/2022 // СПС КонсультантПлюс.
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11.10.2024 N Ф08–9021/2024 по делу N А32–14208/2023 // СПС КонсультантПлюс.
12. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2024 по делу N А56–131513/2022 // СПС КонсультантПлюс.
13. Пункт 20 «Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // СПС КонсультантПлюс.
14. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.11.2024 N Ф08–9171/2024 по делу N А61–6839/2022; Уральско-го округа от 12.02.2025 N Ф09–7899/24 по делу N А07–6612/2024 // СПС КонсультантПлюс.
15. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2024 по делу N А56–131513/2022 // СПС КонсультантПлюс.
16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.07.2024 N 308-ЭС24–2859 по делу N А63–20262/2022 // СПС КонсультантПлюс.
17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2024 N 308-ЭС24–3124 по делу N А53–16963/2022 // СПС КонсультантПлюс.
18. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13.03.2025 по делу N 88–8436/2025 // СПС КонсультантПлюс.
19. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.01.2025 N Ф09–7593/24 по делу N А76–838/2023 // СПС КонсультантПлюс.
20. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.03.2025 N Ф06–11139/2024 по делу N А57–21815/2023 // СПС КонсультантПлюс.
21. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2024 N 305-ЭС24–8216 по делу N А41–62370/2021 // СПС КонсультантПлюс.
22. Курганский Г.В. Новые подходы Верховного Суда РФ при толковании качественного и количественного критериев крупных сделок. 2024. С. 2–3.
23. Ефимов А.В. Судебная оценка экономических характеристик при разрешении корпоративных, обязательственных и банкотных споров // Российский юридический журнал. 2024. № 2. С. 5–6.

MAJOR DEALS. A NEW LOOK AT THE RELATIONSHIP BETWEEN QUALITATIVE AND QUANTITATIVE CRITERIA, TAKING INTO ACCOUNT THE POSITIONS OF THE SUPREME COURT

Bondarenko A.Yu.

This article examines the development of approaches to the correlation of qualitative and quantitative criteria in the field of special regulation of large transactions. An assessment is given of the current legal positions of the Supreme Court (2023–2025), which indicate a rapid transition from standard rules related to the need to establish both criteria in favor of a more flexible system with qualitative differences. Taking into account the systematic analysis of law enforcement practice, the author deduces the main trends related to the qualification of large transactions. These include: the need to establish the priority of a qualitative criterion when disposing of a key asset, the advantage of a quantitative criterion when the legal value threshold is significantly exceeded, as well as maintaining the classical approach to the ratio of criteria for cases that do not have critical deviations. Based on these trends, the author proposes a test for evaluating large transactions, which allows for a comprehensive approach to the analysis of disputed legal relations, taking into account the rights and legitimate interests of the parties. Special attention is

paid to the problem of terminological uncertainty of the concept of "key asset". Based on the conducted research, the need for amendments to the legislation on business entities regarding the regulation of large transactions is substantiated.

Keywords: Large transactions, qualitative criterion, quantitative criterion, Supreme Court of the Russian Federation, corporate law, business entities, book value, key asset.

References

1. Resolution of the Arbitration Court of the Urals District dated 24.01.2025 No. F09–7593/24 in case No. A76–838/2023 // SPS ConsultantPlus.
2. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated 07.03.2025 No. F06–11139/2024 in case No. A57–21815/2023 // SPS ConsultantPlus.
3. Belycheva E. S. Execution of major transactions by business entities: possibilities of discretionary regulation // Bulletin of Arbitration Practice. 2022. No. 2. Pp. 3–4.
4. Shitkina I.S. Scientific and practical commentary to the Federal Law "On Limited Liability Companies" (Volume 2) // Statute. 2021. P. 217–220.
5. Bryzgalina A.V. Corporate relations, contracts, etc.: from the practice of civil law consulting // Taxes and financial law. 2021. No. 12. P. 7–11.
6. Kozlova N.V., Filippova S. Yu. Qualitative criterion for qualifying a major transaction concluded by a business entity // Russian Law Journal. 2020. No. 6. P. 4–8.
7. Review of judicial practice on certain issues of application of legislation on business entities (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 12/25/2019) // SPS ConsultantPlus.
8. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15.08.2024 No. 305-ES24–8216 in case No. A41–62370/2021 // SPS ConsultantPlus.
9. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.09.2024 No. 308-ES24–3124 in case No. A53–16963/2022 // SPS ConsultantPlus.
10. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.07.2024 No. 308-ES24–2859 in case No. A63–20262/2022 // SPS ConsultantPlus.
11. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 11.10.2024 No. F08–9021/2024 in case No. A32–14208/2023 // SPS ConsultantPlus.
12. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated 11.10.2024 in case No. A56–131513/2022 // SPS ConsultantPlus.
13. Clause 20 of the "Review of judicial practice on certain issues of application of legislation on business entities" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 25.12.2019) // SPS ConsultantPlus.
14. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 14.11.2024 No. F08–9171/2024 in case No. A61–6839/2022; of the Ural District dated 12.02.2025 No. F09–7899/24 in case No. A07–6612/2024 // SPS ConsultantPlus.
15. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated 11.10.2024 in case No. A56–131513/2022 // SPS ConsultantPlus.
16. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.07.2024 No. 308-ES24–2859 in case No. A63–20262/2022 // SPS ConsultantPlus.
17. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.09.2024 No. 308-ES24–3124 in case No. A53–16963/2022 // SPS ConsultantPlus.
18. Determination of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated 13.03.2025 in case No. 88–8436/2025 // SPS ConsultantPlus.
19. Resolution of the Arbitration Court of the Urals District dated 24.01.2025 No. F09–7593/24 in case No. A76–838/2023 // SPS ConsultantPlus.
20. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated 07.03.2025 No. F06–11139/2024 in case No. A57–21815/2023 // SPS ConsultantPlus.
21. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15.08.2024 No. 305-ES24–8216 in case No. A41–62370/2021 // SPS ConsultantPlus.
22. Kurgansky G.V. New approaches of the Supreme Court of the Russian Federation in interpreting the qualitative and quantitative criteria of major transactions. 2024. P. 2–3.
23. Efimov A.V. Judicial assessment of economic characteristics in resolving corporate, contractual and banknote disputes // Russian Law Journal. 2024. No. 2. P. 5–6.

Юридические гарантии прав членов жилищного накопительного кооператива

Воскресенский Илья Николаевич,

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права,

СПбГЭУ

E-mail: iliya.voskresenskiy@yandex.ru

Статья посвящена юридическим гарантиям прав членов жилищного накопительного кооператива. Мы считаем, что это важный аспект, и степень его разработанности в правовой и научной литературе может определить распространенность юридических лиц такого типа в отечественной правовой системе.

В настоящей статье автором приводится определение юридических гарантий прав членов жилищного накопительного кооператива, а также приводятся основные гарантии.

Цель такого исследования – определить правовую природу юридических гарантий прав членов жилищного накопительного кооператива, выделить основные из них, а также выявить пути к их усовершенствованию. Автором были использованы социально-философские и общенаучные принципы познания, а также следующие научно-исследовательские методы: исторический, диалектический, формально-юридический, правовое моделирование, статистический метод.

Ключевые слова: Жилищно-накопительный кооператив, юридические гарантии, потребительские кооперативы, некоммерческие организации.

Введение

Жилищные накопительные кооперативы (далее по тексту – ЖНК, жил.-нак. кооп.) направлены на удовлетворение важной потребности граждан – обеспечение их жилыми помещениями. В виду важности такой потребности для граждан, а также большой цены таких объектов возрастает необходимость предоставления определенных гарантий участникам таких правоотношений.

Формакидов Д.В., опираясь именно на юридические гарантии, предлагает лишить отечественное гражданское право такой организационной формы: «Представляется, что такая организационно-правовая форма, как ЖНК, является негативным явлением в действующем гражданском и жилищном законодательстве, ведь такое непомерное количество возможных пайщиков, непрозрачная схема управления кооперативом и другие факторы, несмотря на все усилия законодателя, способны породить определенную финансовую пирамидальность» [1; 35].

Литературный обзор

Вопрос юридических гарантий прав членов жил.-нак. кооп. не так активно освещен в научной литературе. Вызвано это, в первую очередь, тем, что ЖНК в отечественной правовой системе появились с принятием Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах» (далее по тексту – ФЗ № 215 «О ЖНК»), а, во вторую очередь, недостаточной распространенностью такой формы юридического лица и именно такого вида кооператива.

Тем не менее, на уровне диссертационных работ данный вопрос поднимался в диссертациях на соискание ученой степени кандидата наук Ги-мадрисламовой О.Р. и Коршунова П.Н.

Кроме этого, на уровне статей в научных журналах проблема юридических гарантий членов ЖНК как юридического принципа поднималась как с позитивной (Коршунов П.Н.), так и с негативной точек зрения (Формакидов Д.А.).

Таким образом, в доктрине гражданского права на данный момент остается некоторая полемика относительно защищенности членов ЖНК с позиции юридических гарантий (в онтологическом их понимании).

Обсуждение

Деятельность жил.-нак. кооп. регулируется соответствующим законом, принятым в начале двадцатого столетия.

Часть 1 статьи 1 Закона о ЖНК формируют всю правовую природу юридических лиц такого типа. Она закрепляет все аспекты деятельности жил.нак. кооп., как с правовых позиций, так и финансового-экономических. Данной нормой закрепляются принципы формирования фондов жил.-нак. кооп. и обстоятельства их расходования в соответствии с целями такого кооператива. Немаловажный фактор, что данная норма также устанавливает гарантии прав членов ЖНК, что является предметом настоящего исследования. Остановимся более подробно именно на этой формулировке закона.

Как отмечалось выше, именно потребность граждан в жилье является крайне важной потребностью, с социологической точки зрения ее можно одновременно считать и витальной, и экзистенциальной.

В связи с этим, особенно важна научная разработка юридических гарантий прав членов жил.-нак. кооп. с последующим закреплением в нормативно-правовых актах и использовании в правоприменительной практике.

Первое научное выделение юридических гарантий прав членов жил.-нак. кооп. можно встретить в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Коршунова П.Н., написанной в 2008 году, то есть спустя 5 лет после вступления в силу профильного закона.

Среди гарантий, предоставляемых нормами Закона о ЖНК можно выделить следующие: «1) специальная правоспособность ЖНК, включающая ограничения на совершение сделок; 2) публичный контроль за деятельностью ЖНК, в том числе контроль за расходованием привлеченных им средств; 3) меры принудительного воздействия, применяемые к ЖНК и его органам в случаях нарушения требований законодательства, прежде всего в области защиты прав инвесторов; 4) меры обеспечения финансовой устойчивости (включая резервный фонд); 5) обязательная аудиторская проверка; 6) право судебного обжалования решений органов ЖНК».

Если останавливаться на данных юридических гарантиях более подробно, то можно отметить, что первая юридическая гарантия – специальная правоспособность – является всеобъемлющей и главенствующей по отношению к другим.

Ввиду того, что правоотношения в жилищном накопительном кооперативе построены на полном делегировании – пайщики вверяют исполнительным органам юридического лица свои сбережения с определенной целью (удовлетворение их жилищных потребностей соответствующим образом), то именно ограничение правоспособности жилищного накопительного кооператива направлено на сохранение этих отношений делегирования и исполнения такого наказа.

В соответствии с Законом о жилищных накопительных кооперативах предусматривается, что жилищно-накопительные кооперативы принимают на себя обязательства по приобретению (строительству) для своих членов жилых помещений

с выбранными ими характеристиками и в согласованном месте. Член кооператива добровольно вносит в жилищно-накопительный кооператив паенакопления в соответствии с используемыми формами участия в деятельности по привлечению и использованию накоплений граждан. После внесения членом кооператива определенной части паенакоплений жилищно-накопительный кооператив приобретает или строит для него жилое помещение и передает в его пользование. По окончании выплаты оставшейся части паенакопления жилищно-накопительному кооперативу, равной оставшейся доле стоимости жилого помещения, член кооператива приобретает право собственности на выбранное им жилое помещение. Аналогичная норма предусмотрена для членов жилищно-строительных и жилищных кооперативов в ст. 218 (п. 4) Гражданского кодекса РФ.

Соответственно, иные гарантии являются второстепенными по отношению к особой правоспособности.

Так, публичный контроль за деятельностью жилищных накопительных кооперативов направлен на контроль за исполнением жилищными накопительными кооперативами их специальной правоспособности.

К примеру, так была пресечена деятельность жилищного накопительного кооператива «Жилье в кредит» в рамках совместной проверки Центрального Банка РФ и органов внутренних дел.

Меры принудительного воздействия на жилищный накопительный кооператив и его исполнительные органы также призваны вернуть специальную правоспособность жилищного накопительного кооператива и направить ее на последовательное удовлетворение жилищной потребности всех его пайщиков.

Меры обеспечения финансовой устойчивости (включая резервный фонд), на наш взгляд, не являются юридической гарантией. Отношения создания фондов, их наполнения и распределения выходят за рамки отношений, регулируемых гражданским правом, и входят исключительно в финансовую область знаний. Несмотря на это, необходимость создания мер финансовой устойчивости также направлена на возможность поддержания жилищным накопительным кооперативом своей специальной правоспособности.

Контроль за такими мерами регламентирован Указанием Банка России от 26.03.2015 № 3608-У «О сроках и порядке составления и представления в Банк России отчетности жилищного накопительного кооператива».

Обязательная аудиторская проверка также должна проводиться для возможности контроля со стороны пайщиков и публичных органов за специальной правоспособностью жилищного накопительного кооператива. В случае, если аудит находит выход за рамки специальной правоспособности, то могут быть задействованы другие юридические гарантии – в первую очередь, публичный

контроль и меры принудительного воздействия на исполнительные органы.

Право судебного обжалования решений органов ЖНК – также призвано вернуть жилищный накопительный кооператив к его специальной правоспособности, если по какой-либо она была нарушена.

Таким образом, все юридические гарантии прав членов жилищного накопительного кооператива взаимосвязаны и могут использоваться только комплексно.

Заключение

В результате исследования автором были выявлены юридические гарантии прав членов жилищного накопительного кооператива. Приведены основные гарантии и предложено авторское видение значимости каждой из соответствующих гарантий.

Полагаем, что в дальнейшем проблемы юридических гарантий прав членов жилищного накопительного кооператива должны разрабатываться, в том числе на уровне принятия нормативно-правовых актов по регулированию жилищных накопительных кооперативов с целью большей безопасности вложения денежных средств пайщиков в данные юридические лица.

Литература

1. Бирюкова (Цисс) Т.А., Марченко Ю.А. Комментарий к Федеральному закону от 30.12.2004 № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах» (постатейный) // СПС Консультант-Плюс. 2012.
2. Коршунов П.Н. Юридические гарантии прав членов жилищного накопительного кооператива // Семейное и жилищное право. 2010. № 1. С. 44–46.
3. Свит Ю.П. Саморегулируемые организации жилищных накопительных кооперативов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 4. С. 52–56.
4. Сокол П.В. Новый Закон о жилищных накопительных кооперативах // Законодательство и экономика. 2005. № 11. С. 28–40.

5. Сулова С.И., Формакидов Д.А. Аналогия закона при разрешении жилищных споров // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 1. С. 88–111.
6. Формакидов Д.А. Жилищные, жилищно-строительные и жилищные накопительные кооперативы: сравнительно-правовая характеристика и недопустимость смешения понятий // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 35–37.

LEGAL GUARANTEES OF THE RIGHTS OF MEMBERS OF A HOUSING SAVINGS COOPERATIVE

Voskresenskiy I.N.

Saint Petersburg State University of Economics

The article is devoted to legal guarantees of the rights of members of a housing savings cooperative. We believe that this is an important aspect, and the degree of its development in the legal and scientific literature can determine the prevalence of legal entities of this type in the domestic legal system.

In this article, the author provides a definition of legal guarantees of the rights of members of the housing savings cooperative, as well as the main guarantees.

The purpose of such research is to determine the legal nature of legal guarantees of the rights of members of the housing savings cooperative, to identify the main ones, as well as to identify ways to improve them. The author used socio-philosophical and general scientific principles of cognition, as well as the following private-scientific methods: historical, dialectical, formal-legal, legal modeling, statistical method.

Keywords: Housing and savings cooperative, legal guarantees, consumer cooperatives, non-profit organizations.

References

1. Biryukova (Tsiss) T.A., Marchenko Yu.A. Commentary on the Federal Law of 30.12.2004 No. 215-FZ “On Housing Savings Cooperatives” (article by article) // SPS ConsultantPlus. 2012.
2. Korshunov P.N. Legal guarantees of the rights of members of a housing savings cooperative // Family and housing law. 2010. No. 1. Pp. 44–46.
3. Svit Yu.P. Self-regulatory organizations of housing savings cooperatives // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. No. 4. Pp. 52–56.
4. Sokol P.V. New Law on Housing Savings Cooperatives // Legislation and Economics. 2005. No. 11. P. 28–40.
5. Suslova S.I., Formakidov D.A. Analogy of the law in resolving housing disputes // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2024. No. 1. P. 88–111.
6. Formakidov D.A. Housing, housing construction and housing savings cooperatives: comparative legal characteristics and inadmissibility of mixing concepts // Family and housing law. 2023. No. 4. P. 35–37.

Действия в чужом интересе без поручения: сущность и правовые последствия

Гриценко Богдан Витальевич,

аспирант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия»

В статье исследуется сущность и правовые последствия института действия в чужом интересе без поручения. Акцентируется внимание на возникновении и развитии данного института, начиная с римского права, изучается нормативное закрепление института в действующем законодательстве РФ. Кроме того, рассматриваются особенности и отличительные черты относительно иных правовых конструкций таких как: договор дарения, договор поручения, представительство и др. Углубленно изучаются категории действий, установленные нормами гл. 50 Гражданского кодекса РФ. Исследуется актуальность данного института в период активного процесса цифровизации. Делаются выводы о нынешнем состоянии норм, регулирующих институт действия в чужом интересе, а также предлагается ряд изменений для устранения неточностей и пробелов с целью минимизации неоднозначности в спорах.

Ключевые слова: действия в чужом интересе, гестор, доминус.

Введение

Понятие действия в чужом интересе и основные особенности

Институт действий в чужом интересе без поручения берет свое начало со времен римского права. Как один из видов квазидоговоров он имел большое значение и был подробно закреплен законами того времени (*negotiorum gestio*).

Однако в Российской империи не получил должного законодательного регулирования: был кратко регламентирован и содержал множество пробелов, а в СССР вовсе законодательно не установлен. При этом на доктринальном уровне указывалось на значимость данного института и его необходимость в гражданском праве¹. Это было связано в первую очередь с тем, что справедливое и необходимое действие лица в пользу защиты интересов другого в большинстве случаев считалось безвозмездным актом, не требующим возмещения расходов, для установления гражданских правоотношений таких как представительство требовалось изначальное получение согласие на совершение конкретных юридических и фактических действий. Следовательно, ряд добросовестных поступков с точки зрения морали и нравственности не поощрялся законодателем.

В современном российском праве гл. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – РФ) закреплен институт действий в чужом интересе без поручения, в результате совершения которых у сторон возникают обязательства². Действующее лицо (гестор) без предварительного согласия заинтересованного лица выполняет действия, направленных на защиту или предотвращения еще большего ущерба последнему. Решая предпринять подобные меры гестор не преследует цели обогатиться, но рассчитывает, что при имущественных потерях (понесенных расходах) законом будет дано право на их возмещение хозяином дела. В данном случае сохраняется необходимый баланс интересов, с одной стороны которого компенсация, а с другой информирование хозяина дела и либо получение одобрения последующих действий, либо же воздержание от их совершения.

В ходе анализа норм законодательства, касающихся *negotiorum gestio*, были подробно изучены

¹ Рясенцев В.А. Лекция на тему «Ведение чужих дел без поручения» // Представительство и сделки в современном гражданском праве. С. 566.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая [Электронный ресурс] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, гл. 50 // СПС Консультант Плюс.

такие аспекты как общая характеристика данного института, условия квалификации совершаемых действий в качестве *negotiorum gestio*, элементы возникающих вследствие обязательств и их отграничения от схожих правовых явлений.

Давая общую характеристику, можно обозначить, что действия в чужом интересе без поручения представляют собой правомерные с точки зрения закона действия, выраженные как в качестве актов, так и поступков. Гестор совершает их преследуя альтруистические мотивы, основывается на морали, нравственности и общественной взаимопомощи. Так же стоит отметить, что совершающий действия придерживается интересов хозяина дела, соблюдает очевидную выгоду и пользу для доминуса.

Для квалификации действий в соответствии с гл. 50 Гражданского кодекса РФ следует подчеркнуть еще ряд отличительных особенностей: личная инициатива гестора, проявление заботливости и осмотрительности с его стороны, не выраженность воли доминуса перед началом совершения действий, уведомление хозяина дела при первой же возможности, учет выгоды и пользы для доминуса, не противоправность целей гестора.

Совершаемые гестором действия не обязательно должны приводить к результату, при этом для возмещения расходов достижение или недостижение определенной цели не имеет значения.

Особое внимание уделяется вопросу обязанности гестора уведомить доминуса о совершаемых действиях при первой возможности. В современном мире с учетом технологического прогресса и возможности быстрых звонков и сообщений уведомить хозяина дела стало легче и быстрее. Тогда расширяется круг ситуаций, которые судом будут признаны, в качестве неисполнение гестором обязанности по уведомлению **при первой возможности** в аспекте неиспользования технологий сотовой связи и Интернета. Также «быстрое» уведомление позволит получить во многих случаях предварительное согласие хозяина дела.

Тем не менее данный факт не является подтверждением того, что *negotiorum gestio* утратил свою актуальность. Для ряда ситуаций институт остается важным и имеет решающее значение для установления справедливости в правоотношениях сторон.

Несмотря на перечисленные отличительные черты *negotiorum gestio* схож со многими институтами как общей части Гражданского кодекса РФ (ст. 313), так и специальных положений. Так несмотря на схожесть обязательств из неосновательного обогащения мотив их совершения – получение собственной выгоды, позволят их разграничить. Нормы о представительстве не применимы, так как содержат иной субъектный состав. Договорные правоотношения будут отличаться предварительным согласием заинтересованного лица (лиц), однако стоит подчеркнуть, что в результате полученного согласия доминуса после его уведомления гестором, к правоотношениям сторон начинают применяться нормы соответствующего института.

Говоря о вреде, причиненный вследствие действий гестора, доминусу или третьим лицам, условия его возмещения будут регулироваться положения об обязательствах вследствие причинения вреда Гражданского кодекса РФ.

Основная часть

Становление и развитие института действий в чужом интересе без поручения

Институт действий в чужом интересе без поручения исходит из Институций Юстиниана. *Negotiorum gestio* относился к квазиконтрактным обязательствам, которые означали, что при наступлении определенных условий к ним бы применялись договорные правоотношения, однако условия не наступили, но несмотря на это обстоятельства напоминают договорные, поэтому при разрешении спора будут применяться нормы соответствующего контракта.

Положения римского права закрепляли, что ведущий дело именуется *negotiorum gestor*, а получающий выгоду от совершенных действий – *dominus*¹.

Стоит отметить, что нормы о действии в чужом интересе без поручения являются важной составляющей для регулирования складывающихся гражданских отношений, так, в советском праве они не получили должного законодательного закрепления, в связи с чем на доктринальном уровне

в 1946 г. В.А. Рясенцев указывал о его необходимости².

Обращаясь к современной литературе и законодательству, можно сделать вывод о том, что во многом критерии определения действий как в чужом интересе без поручения схожи с римским правом: гестор исполняет дело, которое изначально не было его, данное лицо не связано договорной обязанностью, ведение дела осуществляется за счет хозяина имущества. А суды также подчеркивают квазидоговорный характер обязательств³. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – РФ), устанавливает, что постодобрение влечет применение к правоотношениям сторон правил о соответствующем договоре.

Российское законодательство сейчас характеризует различные действия, которые могут попадать под указанный институт и включает в себя как фактические действия, так и юридические действия, основным критерием же выступает преследуемый интерес хозяина дела.

Выше уже было упомянуто, что отличительной чертой *negotiorum gestio* является объективная

¹ Римское частное право: учебник для вузов / И.Б. Новицкий [и др.]; ответственные редакторы И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский. М.: Юрайт, 2023. С. 571.

² Рясенцев В.А. Лекция на тему «Ведение чужих дел без поручения» // Представительство и сделки в современном гражданском праве. С. 566.

³ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.06.2015 N 33–10707/2015 по делу № 2–68/2015, Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 16.12.2014 по делу № 33–10442 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

польза и выгода для хозяина дела. Совершающий действия предполагает какие из действий объективно являются выгодными и полезными для хозяина дела. Более того, разумно предположить, что, если гестору известен субъективный интерес доминуса, то он не должен им пренебрегать, помимо специальных норм о действиях в чужом интересе без поручения, указанное можно вывести из общих норм гражданского права о добросовестности и разумности. Рассматривая вопрос разумности следует исходить из отсутствия чрезмерности, когда инициативность совершающего действия, его расходы, значительно превышают те усовершенствования, которые получены в результате действия. В таком случае будут расходы будут неоправданны, так как достигнутые цели несоизмеримы затратам, о чем в своих трудах упоминает И.Б. Новицкий¹.

Неточностью правовой техники можно назвать использование в ст. 980 Гражданского кодекса РФ разграничительного союза «или» между терминами «выгода» и «польза» при описании должных действий гестора. Обозначенное создает неопределенность того, могут ли действия гестора быть выгодны, но бесполезны для доминуса. В теоретической плоскости представить такую ситуацию возможно, однако, во-первых, толковые словари часто определяют значение одного из терминов через другое, во-вторых в научной литературе преобладает мнение, что должны быть соблюдены два критерия. Судебной практики по этому поводу найти не удалось, на данный момент проблему можно определить в качестве незначительной, при этом для будущей определенности представляется важным точные формулировки законодательных актов в целях избежания непредсказуемых последствий. Представляется более правильным для квалификации действий гестора оценивать оба критерия и изменить формулировку, заменив союз «или» на «и».

Положения Гражданского кодекса РФ об уведомлении хозяина дела также вызывают неоднозначность в прочтении. Ранее указывалось, что гестор обязан сообщить хозяину дела о сложившихся обстоятельствах и предпринятых мерах, получить согласие на последующее совершение от доминуса или прекратить осуществление действий. Ст. 983 Гражданского кодекса РФ указывает, что после отрицательного ответа от хозяина дела, действия гестора не порождают возмещение расходов в рамках данного правового института. Высшие судебные инстанции подчеркивают, что если хозяина дела остается не уведомленным, то на гестора возлагается полная ответственность. При этом на данный момент законом четко не определено надлежащее поведение гестора после уведомления, но до получения ответа доминуса. Российские ученые придерживаются мнения, что гестор после уведомления должен приостановить действия, так как первые предпринятые меры являются основ-

¹ Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательствах. М.: Госюриздат, 1950, С. 187.

ными и неотложными, когда появляется возможность уведомления это означает, что степень необходимости принятия мер снизилась, следовательно, есть возможность дождаться получения ответа. Однако не всегда данный подход оправдан и разумен, например, в случае если при тушении пожара в доме после уведомления, пламя снова охватит территорию с учетом, например, климатических изменений, источника возгорания и т.д.

При буквальном толковании ст. 983 Гражданского кодекса РФ можно сделать вывод о том, что основной точкой отсчета, когда гестор не имеет законно права совершать действия является именно получение отказа хозяина дела.

Еще одно мнение, которое высказывают в доктрине, соответствует логике законодателя, согласно которой если бездействие приведет к существенному ущербу, то гестор должен предпринимать действия независимо от того, были ли уже получены ответ от хозяина дела. Если же острая необходимость отпала, то вероятно это может быть в целом квалифицировано как те меры, которые не попадают под институт *negotiorum gestio*.

В судебной практике встречаются иные варианты толкования, при которых правильным считается поведение, когда гестор обязан продолжать действовать до получения ответа от хозяина дела, или же альтернативным мнением является, что действующее лицо после уведомления предпринимает меры по своему усмотрению и желанию, что обоснованно может подвергаться критике. Суд указывал, что для отказа от требований по возмещению расходов на доминусе лежит обязанность по доказыванию того факта, что гестор предпринимал меры после того, как узнал, что они не одобряются². Такое мнение суда указывает, что точкой отсчета может являться именно ответ хозяина дела.

Для устранения неточностей и пробелов в ст. 981 Гражданского кодекса РФ следует внести изменения, которые более точно описывают порядок поведения гестора, это бы также позволило избежать неопределенности и четко определить возможный объем возмещения гестором, распределить равноправно бремя доказывания при возникающих спорах.

Еще одним вопросом является разумный срок для получения ответа от доминуса, так как «разумность» является оценочным понятием, при его определении стоит исходить из окружающих факторов таких как территориальное расположение сторон, наличие связи и средств коммуникации, личность сторон. В современных реалиях риски долго ответа и как следствие неопределенности для гестора уменьшаются с учетом цифровизации и глобализации общественных отношений.

Развитость сети Интернет и мобильной связи ставит также под сомнение актуальность института действий в чужом интересе без поручения. В первую очередь это связано с тем, что у гестора достаточно быстро появляется возможность про-

² Определение Московского городского суда от 09.02.2016 № 4г-674/2016 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

информировать хозяина дела, так как сейчас сделать это не составляет большого труда и времени, мессенджеры, телефонная связь позволяют сделать это достаточно оперативно. Доминусу же это также позволяет быстро узнать о происходящей ситуации во многих, даже самых экстренных ситуациях и принять решение о последующих шагах. Постодобрение выводит меры, принимающиеся лицом в пользу хозяина дела, из под норм о *negotiorum gestio* и позволяет сторонам заранее договориться и согласовать условия.

Но несмотря на значительное сокращение случаев действия в чужом интересе без поручения положения не утратили свое значение. Во-первых, согласно ст. 981 Гражданского кодекса РФ существуют случаи, когда хозяин дела находится рядом с гестором, при совершении последним действий. Во-вторых, существует ряд ситуаций, когда в соответствии со ст. 983 Гражданского кодекса РФ не требуется волеизъявления доминуса на их совершение. В-третьих, цифровые технологии пока не всегда бывают доступны, не стоит полностью исключать случаи, когда предварительное одобрение от доминуса получить невозможно. Итак, несмотря на сужение случаев применения *negotiorum gestio* исключение данных норм из закона негативно скажется на практике, альтруистические намерения гестора перестанут быть защищены, исчезнет конструкция в законе, позволяющая разумно распределить расходы и полученную выгоду между сторонами.

При этом добросовестность гестора предполагается. Например, если у гестора была возможность получить «предодобрение» его действий, например, оперативно позвонив доминусу, можно ли рассматривать неполучение такого одобрения как недобросовестность действующего лица. Полагается, что да. При ином толковании будет не учтен основной признак института *negotiorum gestio* такой как соблюдение интереса хозяина дела, потому как гестор пренебрегает и не использует все возможные способы для установления воли заинтересованного лица.

Проблема получения согласия доминуса и стадия, на которой должно быть получено указанное одобрение, порождает также проблему соотношения специальной ст. 984 Гражданского кодекса РФ и ст. 313 из общей части Гражданского кодекса РФ.

Согласно ст. 313 Гражданского кодекса РФ кредитор обязан принять исполнение обязательства, предложенное третьим лицом, в случае если должник возложил на последнего подобные действия. Пленум Верховного суда Российской Федерации отмечает, что при договорной конструкции отношений, суброгации прав не произойдет.

Ст. 313 Гражданского кодекса РФ указывает, что если должником возложены обязательства на действующее лицо не были, у кредитора существует обязанность принять исполнение при просрочке исполнения денежного обязательства и опасность третьим лицом утратить право на имущество должника в результате обращения взыска-

ние на имущество. В описанных случаях происходит суброгация прав. Системное толкование позиции Верховного суда РФ и положений Гражданского кодекса РФ позволяет сделать, что общее правило исполнение обязательств за заинтересованного лица – это получение его согласия, тогда ст. 313 Гражданского кодекса РФ следует рассматривать в качестве исключения, конкретно выделенных допустимых случаев.

Итак, рассмотрим ситуацию, где действующее лицо намеревается погасить долг доминуса при просрочке платежа последним. Установим мотив лица, гестор действует во благо хозяина дела, личную выгоду при этом не преследует, тогда мотив соответствует условиям ст. 980 Гражданского кодекса РФ. При неодобрении последующих действий согласно п. 1 ст. 984 Гражданского кодекса РФ необходимые расходы и иной реальный ущерб, понесенные лицом, действовавшим в чужом интересе, подлежат возмещению заинтересованным лицом, за исключением расходов, которые вызваны действиями после отрицательного ответа доминуса (п. 1 ст. 983 Гражданского кодекса РФ). В противовес этому рассмотренная ранее ст. 313 Гражданского кодекса РФ позволяет совершить оплату долга за третье лицо, тогда к совершившему переходят права требования.

Правила *negotiorum gestio* применяться не будут, так как не соблюдены принципиальные условия. Но существуют альтернативные варианты способов защиты прав, ст. 313 Гражданского кодекса РФ в ряде случаев также позволяет получить возмещение понесенных расходов, так как к предпринявшему меры лицу перейдет права кредитора, указанное позволяет соблюсти баланс прав сторон.

В доктрине высказывается мнение, что отрицательный ответ доминуса на погашение долга означает полную блокировку перехода долга. Однако такой вывод можно сделать только если рассматривать возможность применения правил действия в чужом интересе без поручения, не рассматривая иные правовые конструкции, установленные законодателем.

Итак, для применения норм главы 50 Гражданского кодекса РФ следует комплексно подходить к оценке совершенных действий, отталкиваться как от самой сути произошедшего, так и от описанных выше критериев, выделяющих особенности института действий в чужом интересе без поручения.

Отграничивая *negotiorum gestio* от иных правовых явлений, рассмотрим некоторые из них:

1. Обязательства из неосновательного обогащения.

Стоит отметить, что в советский период, когда институт *negotiorum gestio* не применялся, при разрешении споров по аналогии применяли именно нормы об обязательствах, возникающих из неосновательного обогащения, однако в научных трудах встречалось мнение, что указанное было лишь

вынужденной мерой, которая не восполняла пробелы в праве¹.

Итак, общим является то, что обязательства являются внедоговорными, у стороны есть права восстановления экономического положения, существовавшего до предпринятых действий, предмет требований – возмещение утраченного. Главным отличием служат мотив и условия возникновения.

Стоит отметить, что если действия не направлены на обеспечение интересов другого лица, при этом приводят к неосновательному обогащению, то к ним применяются нормы, касающиеся неосновательного обогащения. Таким образом, обязательства из неосновательного обогащения отталкиваются от принципа «верни чужое», то институт действий в чужом интересе без поручения можно характеризовать как: «оплати оказанную тебе услугу, даже если ты ее и не заказывал»².

2. Договор дарения.

Правовая природа договора дарения существенно отличается прежде всего тем, что стороны выражают свою волю, а также заранее осведомлены о совершаемых действиях, в отличие от *negotium gestio*, согласно которому доминус не имеет сведений о предпринятых действиях.

3. Договор поручения.

Объединяющими признаками служит то, что вместо заинтересованного лица действия осуществляет иная сторона правоотношений, возникает как бы «предоставление услуг» другому.

Однако нормы о договоре поручения говорят только о совершении юридических действий, фактические же будут в качестве вспомогательных для достижения основной цели. Институт *negotiorum gestio* включает в себя осуществления как фактических, так и юридических действий. В поручении также обязательства возникают между третьим лицом и поручителем, для действий в чужом интересе без поручения моментальный переход прав и обязанностей на доминуса не предусмотрен.

Иным разграничением двух правовых явлений будет то, было ли получено предварительный акцепт заинтересованного лица, характерное для института поручения.

4. Представительство.

Представительством связаны такие стороны как представитель и третье лицо. Институт *negotiorum gestio* регулируют сложившиеся внутренние отношения между гестором и доминусом.

Положения ст. 183 ГК РФ связаны с гл. 50 ГК РФ тем, что, не обладая полномочиями, которые получены от хозяина дела, действия гестора совершающего сделку с третьим лицом будут подчиняться нормам ст. 183 ГК РФ. Лицо будет предпринимать необходимые меры без отсутствия на то полномочий. Сделка, совершенная гестором, устанавливает связь между доминусом и третьим лицом только при одобрении.

В свою очередь, М.И. Брагинский и В.В. Витрянский приходят к выводу о том, что одобрение осуществляется в полном соответствии со ст. 183 ГК РФ (общая норма), законодатель не счел необходимым включать в Кодекс дополнительные положения на этот счет³.

Заключение

Исследование института действий в чужом интересе без поручения позволяют сделать вывод о том, что он остается актуальным в современных реалиях даже в период цифровизации. Он имеет свои особенности и отличительные черты относительно иных правовых конструкций, установленных законодательством. Намерения гестора, основанные в большем на моральных и нравственных личностных качествах, объединяют социальную сторону вопроса общественных взаимоотношений и дают возможность действующему лицу соблюсти баланс интересов, не предпринимать меры на безвозмездной основе в ущерб собственным интересам. Так, хозяин дела обязан возместить понесенные гестором расходы, последний же, соблюдая принцип невмешательства в частную жизнь лица, обязан уведомить доминуса при первой же возможности о совершаемых шагах. Категория действий, установленная нормами гл. 50 Гражданского кодекса РФ неоднородна, она объединяет как фактические, так и юридические действия лица, делая практику применения разнообразной. При этом в положениях закона остаются пробелы и неточности, которые могут привести к неоднозначности в спорах, что порождает необходимость дополнения правил, касающихся *negotiorum gestio*.

Литература

1. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.06.2015 N 33–10707/2015 по делу № 2–68/2015 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
2. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 16.12.2014 по делу № 33–10442 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая [Электронный ресурс] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, гл. 50 // СПС Консультант Плюс.
4. Определение Московского городского суда от 09.02.2016 № 4г-674/2016 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
5. Брагинский, М.И. Договорное право / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. 2-е изд. М: Статут. Книга 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 2011. С. 392.
6. Римское частное право: учебник для вузов / И.Б. Новицкий [и др.]; ответственные редак-

¹ Брагинский, М.И. Договорное право / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. 2-е изд. С. 386.

² Там же.

³ Брагинский, М.И. Договорное право / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. 2-е изд. М: Статут. Книга 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 2011. С. 392.

торы И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский. М.: Юрайт, 2023. С. 571.

7. Рясенцев В.А. Лекция на тему «Ведение чужих дел без поручения» // Представительство и сделки в современном гражданском праве. С. 566.
8. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательствах. М.: Госюриздат, 1950, С. 187.

ACTIONS IN THE INTERESTS OF OTHERS WITHOUT AN ORDER: ESSENCE AND LEGAL CONSEQUENCES

Gritsenko B.V.

Moscow University "Synergy"

The article examines the essence and legal consequences of the institution of action in the interests of others without an order. Attention is focused on the emergence and development of this institution, starting with Roman law, the normative consolidation of the institution in the current legislation of the Russian Federation is studied. In addition, the features and distinctive features of other legal structures such as a gift agreement, an agency agreement, representation, etc. are considered. The categories of actions established by the norms of Chapter 50 of the Civil Code of the Russian Federation are studied in depth. The relevance of this institution in the period of active digitalization is examined. Conclusions are made about the current state of the rules governing the institution of action in the interests of others, and a number of changes are

proposed to eliminate inaccuracies and gaps in order to minimize ambiguity in disputes.

Keywords: actions in the interests of others, gestor, dominus.

References

1. Appellate ruling of the St. Petersburg City Court dated 23.06.2015 N 33–10707/2015 in case No. 2–68/2015 [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus.
2. Appellate ruling of the Nizhny Novgorod Regional Court dated 16.12.2014 in case No. 33–10442 [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus.
3. Civil Code of the Russian Federation. Part One [Electronic resource] // Coll. legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32, ch. 50 // SPS Consultant Plus.
4. Definition of the Moscow City Court dated 09.02.2016 No. 4g-674/2016 [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus.
5. Braginsky, M.I. Contract law / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. 2nd ed. M: Statut. Book 3: Contracts for the performance of work and the provision of services. 2011. Page 392.
6. Roman private law: textbook for universities / I.B. Novitsky [et al.]; editors-in-chief I.B. Novitsky, I.S. Peretersky. Moscow: Yurait, 2023. Page 571.
7. Ryasentsev V.A. Lecture on the topic "Conducting other people's affairs without an assignment" // Representation and transactions in modern civil law. P. 566.
8. Novitsky I.B., Lunts L.A. General doctrine of obligations. Moscow: Gosyurizdat, 1950, P. 187.

Институт кассационного производства в Республике Казахстан: история и современность

Громов Антон Петрович,

аспирант кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления им. П.А. Столыпина – филиал ФБГОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»

Статья посвящена изучению института кассации в Республике Казахстан. Казахстан, как и Россия, является постсоветской страной, что обуславливает определенную схожесть правовых систем и проблем, с которыми они сталкиваются. Изучение опыта Казахстана в сфере осуществления кассационного производства может способствовать сближению правовых систем стран-членов ЕАЭС и созданию единого правового пространства, что, в свою очередь, может облегчить разрешение споров, возникающих в рамках экономической интеграции. На основе рассмотрения и анализа законодательства Казахстана с момента провозглашения им независимости в 1991 году и по настоящее время автором выделено несколько этапов становления и развития института кассации в Республике Казахстан: с 1990 года по 2000; с 2000 по 2010-е гг.; с 2010 по 2024; современный этап, сопряженный с принятием поправок в законодательство Казахстана и созданием кассационных судов с 1 июля 2025 года.

Ключевые слова: институт кассации, кассационное производство, рассмотрение дела в кассационном порядке, пересмотр судебных актов, Республика Казахстан.

Институт кассационного производства играет важную роль в обеспечении законности и справедливости судебных решений в правовом государстве. Как известно, кассация представляет собой стадию пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу, с целью исправления судебных ошибок и нарушений норм материального и процессуального права. Исследование и анализ зарубежного опыта становления и функционирования института кассации, кассационного производства, в частности, опыта стран ближнего зарубежья – на постсоветском пространстве – позволяет увидеть успешные подходы и решения, выявить лучшие практики, которые могут быть адаптированы и внедрены в российскую правовую систему. Кроме традиционной причины изучения иностранного опыта нельзя не отметить, что полезными могут стать и неудачные решения и практики, поскольку станет очевидно, повторения каких ошибок стоило бы избежать при реформировании российской модели кассации. Безусловно, взгляд на опыт других государств «оголяет» сильные и слабые стороны каждой системы, помогает определить направления дальнейшего совершенствования правового регулирования выбранной сферы в России.

Выбор именно Республики Казахстан для проведения сравнительного исследования был сделан не случайно: Казахстан, как и Россия, является постсоветской страной, что обуславливает определенную схожесть правовых систем и проблем, с которыми они сталкиваются. Изучение опыта Казахстана в сфере осуществления кассационного производства может способствовать сближению правовых систем стран-членов ЕАЭС и созданию единого правового пространства, что, в свою очередь, может облегчить разрешение споров, возникающих в рамках экономической интеграции.

Часть 2 статьи 13 Основного закона Республики Казахстан в действующей редакции закрепляет за каждым право на судебную защиту своих прав и свобод [1].

Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132-II «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2025 г.) [2] в первых статьях провозглашает, что правосудие в Республике осуществляется только судом, и устанавливает запрет на «передачу исключительных полномочий суда другим органам» (статья 1) [3]. И далее здесь же: «Каждому гарантируется судебная защита от любых неправомерных решений и действий государственных органов, организаций, должностных и иных

лиц, ущемляющих или ограничивающих права, свободы и законные интересы, предусмотренные Конституцией и законами Республики» (статья 1) [4]. В дополнение к этому указано, что «Судебная власть осуществляется посредством гражданского, уголовного и иных установленных законом форм судопроизводства» [5]. Рассматривая правовые основы функционирования института кассации и конкретно упомянутый закон, важно отметить, что в минувшем году президентом Казахстана К-Ж.К. Токаевым был подписан Конституционный закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан» от 5 июля 2024 года № 109-VIII. Так, согласно закону изменениям подверглась статья 3 Конституционного закона 2000 года: она была дополнена пунктом 3–2, предусмотревшим образование Президентом Республики кассационных судов со статусом межрегиональных судов [6]. Подчеркнем, что указанные изменения вводятся в действие только с 1 июля 2025 года, что означает, что как таковой, практики функционирования в Республике Казахстан отдельных самостоятельных кассационных судов пока еще не сложилось. В этой связи важно проследить, какой путь прошла правовая и судебная системы Казахстана прежде, чем в Республике было принято решение о передаче функции кассационного производства от Верховного Суда Республики к специальным кассационным судам (с июля 2025 года) и что этому способствовало.

Учитывая изложенное, полагаем, будет уместно изучить вопрос становления института кассации в Казахстане. Изучение соответствующих нормативных и научных источников в рамках выбранной темы позволило нам прийти к следующим умозаключениям. Формирование института кассационного производства в Республике Казахстан (далее – РК) после распада СССР и обретения статуса независимого суверенного государства происходило условно в несколько этапов, каждый из которых был инициирован с целью совершенствования системы правосудия в РК. До обретения независимости Казахстан входил в состав Советского Союза, таким образом его судебная система функционировала в рамках советской правовой модели. Кассационное производство в этот период было регламентировано законодательством самого Союза и Казахской ССР. Распад СССР и обретение независимости Республикой потребовали создания собственной, соответствующей новым реалиям правовой системы, включая институт кассации.

Еще раз подчеркивая, что выделение этапов становления и развития института кассации в Республике Казахстан очень условно, обозначим и рассмотрим более подробно каждый из этапов.

Первый этап условно длился с момента провозглашения суверенитета 16 декабря 1991 году по начало 2000 годов. Он был сопряжен с необходимостью формирования основ нового законодательства, еще продолжали действовать акты, принятые в 1990-е годы, в них вносились измене-

ния и поправки: так, были приняты законы, регулирующие судопроизводство и судопроизводство, в частности, Закон Казахской Советской Социалистической Республики от 23 ноября 1990 года «О судопроизводстве Казахской ССР» [7] (закон действовал вплоть до 2000 года, 24 июня 1992 года была принята новая редакция закона). Структурно закон включает 76 статей. Примечательно, что закон неоднократно оперирует категорией «рассмотрение дела в кассационном порядке». Так, часть 2 статьи 11, статья 38, 43, 46 (о полномочиях Верховного суда Казахской ССР), 56 (о полномочиях судебных коллегий ВС Казахской ССР), 67 (о полномочиях военного суда войск на территории Республики Казахстан) указанного закона предусматривала возможность рассмотрения гражданских и уголовных дел различными судами Казахстана в кассационном порядке в составе трёх судей [8].

Второй этап – с 2000 года по 2010-е гг. характеризуется дальнейшим развитием и совершенствованием законодательной базы Республики в области судопроизводства, направленными на повышение эффективности судебной системы. Указанный этап, очевидно, можно связать с принятием Конституционного закона Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132 «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» [9], который заменил закон 1990 года. Анализ положений данного закона в их первоначальной редакции [10] позволяет прийти к выводу об отсутствии в целом даже термина «кассация» и иных связанных с ним понятий – «кассационное производство», «пересмотр в кассационном порядке», «рассмотрение дела в кассационном порядке». Статьи закона, посвященные полномочиям суда разных уровней в области отправления правосудия, содержат следующие общие формулировки: «рассматривает судебные дела и материалы, отнесенные к его подсудности», «осуществляет другие полномочия, предусмотренные законом» и некоторые иные. Одновременно с этим, закон изобилует формулировками, содержащими термин «надзор» в его вариациях («надзорная», «надзорный»): в структуре областного (статья 11) и Верховного (статья 18) судов выделены надзорные коллегии. Часть 1 статьи 17 закона, определяя статус Верховного Суда РК как высшего судебного органа по гражданским, уголовным и иным делам, наделяет его полномочием осуществлять в предусмотренных законом процессуальных формах надзор за деятельностью судов общей юрисдикции [11].

Анализируя третий этап, который, по нашему мнению, можно отсчитывать условно с 2010-х гг., важно отметить, что в рамках него, по-прежнему, действует закон 2000 года, но вместе с тем, учитывая многочисленные внесенные изменения и дополнения, справедливым будет замечание относительно серьезных содержательных различий между первоначальной (на втором этапе) и действующей редакциями исследуемого закона. Изменения и дополнения к закону 2000 года вносились в 2006 году, в 2008 году, 2010 году, дважды

в 2012 и 2014 годах, трижды в 2015 году, в 2016 году, четыре раза в 2017 году, в 2018 и 2019 годах, трижды в 2021 году, четыре раза в 2022 году, три раза в 2023 году, пять раз в 2024 году, последние поправки вступят в силу с 1 июля 2025 года [12]. Нельзя также обойти стороной и ряд других законов Казахстана, регламентирующих возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов. Именно в этот период – 2014–2015 годы – были приняты новые процессуальные кодексы, которые закрепили современные принципы и процедуры кассационного производства. Так, возможность кассационного пересмотра в развитие положений Конституционного закона 2000 года, описывается следующими нормативными источниками:

- Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК (глава 52): регулирует кассационное производство по уголовным делам;
- Гражданский процессуальный кодекс от 31 октября 2015 года № 377-V ЗРК (глава 47): устанавливает порядок кассационного производства по гражданским делам.

Детальное рассмотрение и сделанное на основе этого обобщение всего объёма упомянутого нормативного материала на третьем этапе становления и развития института кассационного производства позволяет заключить следующее. Во-первых, в настоящее время кассационное производство в Республике Казахстан осуществляется Верховным Судом Республики. Действуя в качестве кассационной инстанции Верховный Суд рассматривает дела по жалобам и протестам на вступившие в законную силу судебные решения. Во-вторых, основания для пересмотра судебных решений в кассационном порядке ограничены. Так, кассационная инстанция проверяет законность и обоснованность судебных решений только в пределах доводов жалобы или протеста. Основаниями для отмены или изменения судебных актов являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, которые повлияли на исход дела (статья 485 ГПК РК, статья 484 УПК РК) [13].

Завершение третьего и начало четвертого (с июля 2025 года), современного, этапа становления и эволюции института кассации в Республике Казахстан предлагается связывать с принятием Конституционного закона Республики Казахстан от 5 июля 2024 года № 109-VIII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан» [14]. На основании этого закона с 1 июля 2025 года Конституционный закон 2000 года предстанет в новой редакции, а именно его структура будет дополнена новой главой 2.1 «Кассационные суды», содержащей 5 новых статей (статьи 16–2 – 16–6). Содержательно новая глава будет регламентировать вопросы образования кассационных судов (статья 16–2), структуру и состав кассационного суда (статья 16–3),

Согласно поправкам, вопросы образования, реорганизации, переименования и упразднения кас-

сационных судов, равно как и вопрос утверждения общего количества судей кассационных судов, решаются главой государства по представлению Председателя Верховного Суда РК, согласованного с Высшим Судебным Советом (статья 16–2). Высший Судебный Совет, в свою очередь, является органом, сформированным для обеспечения конституционных полномочий главы государства в сфере формирования судов, гарантий независимости судей и их неприкосновенности [15]. Кассационные суды РК действуют в составе председателя и судей, в их структуре возможно образование специализированных составов председателем соответствующего кассационного суда (статья 16–3). Нормами отдельной статьи – 16–4 – определены полномочия кассационных судов: рассмотрение судебных дел и материалов в качестве суда кассационной инстанции; изучение судебной практики и на основе ее обобщения обсуждение вопросов соблюдения законности при отправлении правосудия нижестоящими судами; реализация иных полномочий, предусмотренных в законе [16]. Кроме того, внесенные поправки коснулись и определения статуса председателя кассационного суда, который наряду с выполнением стандартного набора судейских функций также осуществляет и организационные полномочия в сфере обеспечения судопроизводства, созыва пленарных заседаний, утверждения планов работы кассационного суда и некоторые иные полномочия (статья 16–5). Статья 16–6 посвящена регламентации пленарного заседания кассационного суда как одного из форматов его работы: пленарные заседания должны проводиться не реже двух раз в год с целью заслушивания информации от председателя суда, обсуждения судебной практики и после ее обобщения обсуждения вопросов соблюдения законности при осуществлении правосудия нижестоящими судами [17]. Вместе с тем, закон указывает, что порядок работы пленарного заседания утверждается отдельным регламентом суда.

В связи с тем, что поправки будут введены в действие только с 1 июля 2025 года, оценить результаты реформы на данный момент еще не представляется возможным. Тем не менее, нельзя не отметить, что новая веха становления и развития института кассационного производства призвана внести существенные изменения с систему отправления правосудия в Республике Казахстан и обеспечить более эффективную и полноценную реализацию права человека на судебную защиту и на справедливое судебное разбирательство.

Изучение нормативно-правовых основ кассационного производства в Республике Казахстан позволило автору прийти к следующим выводам. Становление института кассации в Казахстане можно определить как комплексный и многогранный процесс, в ходе которого изменениям и корректировкам подвергалось значительное число нормативно-правовых и иных актов государства. Законодательство Республики в рассматриваемой сфере прошло долгий и сложный путь в направ-

лении развития и совершенствования института кассации, который не завершен и в настоящее время с учетом предстоящей в 2025 году реформы, предполагающей создание кассационных судов в структуре судебной системы Казахстана.

Все уже осуществленные и планируемые к реализации в будущем изменения отражают стремление Республики Казахстан к построению подлинно правового государства, основанного на принципах законности, справедливости и защиты прав человека. Политика Казахстана в области совершенствования института кассационного производства показывает приверженность международным стандартам судопроизводства для обеспечения эффективного механизма пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу. Рассматриваемый вопрос особенно актуален в контексте дискутируемого вопроса о необходимости членства Республики в Совете Европы. В отличие от большинства республик постсоветского пространства (Азербайджан, Армения, Грузия, Латвия, Литва, Молдавия, Украина, Эстония) Казахстан не является участником Совета Европы. Как отмечают специалисты, это, в частности, может быть связано с тем, что правовая и судебная системы Казахстана по-прежнему находятся «на стадии своего развития и определения эффективной модели отправления правосудия» [18]. Очевидно, что довлеющее наследие Советского Союза все еще в значительной степени влияет на функционирование всех правоохранительных органов, и судебной системы, поэтому сфера отправления правосудия не стала исключением. Во многом именно эти факторы в совокупности обуславливают масштабные реформы судебной системы, проводимые в Казахстане на протяжении последних лет.

Литература

1. См.: Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&pos=139;-56#pos=139;-56 (дата обращения: 02.02.2025).
2. См.: Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132-II «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2025 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021164&pos=84;-111#pos=84;-111 (дата обращения: 02.02.2025)
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. См.: Конституционный закон Республики Казахстан от 5 июля 2024 года № 109-VIII «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37911809&pos=37;-57#pos=37;-57 (дата обращения: 02.02.2025).
7. См.: Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z900001400_ (дата обращения: 02.02.2025).
8. См.: Закон Казахской Советской Социалистической Республики от 23 ноября 1990 года «О судостроительстве Казахской ССР» // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z900001400_ (дата обращения: 02.02.2025).
9. См.: Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z900001400_ (дата обращения: 02.02.2025).
10. См.: Текст закона в первоначальной редакции: Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан в электронном виде // URL: <http://law.gov.kz/client/#!/doc/7833/rus/25.12.2000> (дата обращения: 02.02.2025).
11. См.: Там же.
12. См.: История изменений. Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан в электронном виде // URL: <http://law.gov.kz/client/#!/history/7833/rus> (дата обращения: 02.02.2025).
13. См.: Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V ЗПК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377> (дата обращения: 02.02.2025); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗПК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 02.02.2025).
14. См.: Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан в электронном виде // URL: <http://law.gov.kz/client/#!/doc/198610/rus> (дата обращения: 02.02.2025).
15. См.: Высший Судебный Совет Республики Казахстан // URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/vss/about?lang=ru> (дата обращения: 02.02.2025).
16. См.: Конституционный закон Республики Казахстан от 5 июля 2024 года № 109-VIII ЗПК «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан» // Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан в электронном виде. URL: <http://law.gov.kz/client/#!/doc/198610/rus> (дата обращения: 02.02.2025).
17. См.: Там же.
18. Калдыбаев А. Казахстану необходимо присоединиться к Европейской конвенции по правам человека // URL: [https://aca.kz/articles/view/kazahstanu-neobhodimo-](https://aca.kz/articles/view/kazahstanu-neobhodimo)

prisoedinitsa-k-evropejskoj-konvencii-po-pravam-celovekai18ni18n (дата обращения: 20.02.2025).

INSTITUTE OF CASSATION PROCEEDINGS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: HISTORY AND CURRENT ISSUES

Gromov A.P.

Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the study of the institute of cassation in the Republic of Kazakhstan. Kazakhstan, as well as Russia, is a post-Soviet country, which determines a certain similarity of legal systems and problems they face. The study of Kazakhstan's experience in the field of cassation proceedings may contribute to the convergence of the legal systems of the EAEU member states and the creation of a common legal space, which, in turn, may facilitate the resolution of disputes arising within the framework of economic integration. On the basis of consideration and analysis of the legislation of Kazakhstan since the proclamation of its independence in 1991 and up to the present time the author has singled out several stages of formation and development of the institute of cassation in the Republic of Kazakhstan: from 1990 to 2000; from 2000 to 2010; from 2010 to 2024; the modern stage connected with the adoption of amendments to the legislation of Kazakhstan and the creation of cassation courts from July 1, 2025.

Keywords: institute of cassation, cassation proceedings, consideration of a case in cassation procedure, revision of judicial acts, the Republic of Kazakhstan.

References

1. See: Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted at the republican referendum on August 30, 1995) (with amendments and additions as of 19.09.2022) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&pos=139;-56#pos=139;-56 (access date: 02.02.2025).
2. See: Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan dated December 25, 2000 № 132-II "On the Judicial System and Status of Judges of the Republic of Kazakhstan" (with amendments and additions as of 01.01.2025) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021164&pos=84;-111#pos=84;-111 (access date: 02.02.2025).
3. Ibid.
4. Ibid.
5. Ibid.
6. See: Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan dated July 5, 2024 № 109-VIII "On Amendments and Additions to Some Constitutional Laws of the Republic of Kazakhstan" // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37911809&pos=37;-57#pos=37;-57 (access date: 02.02.2025).
7. See: Information-legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z900001400_ (access date: 02.02.2025).
8. See: Law of the Kazakh Soviet Socialist Republic of November 23, 1990 "On the judicial system of the Kazakh SSR" // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z900001400_ (access date: 02.02.2025).
9. See: Information-legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z900001400_ (access date: 02.02.2025).
10. See: The text of the law in the original version: Reference control bank of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan in electronic form // URL: <http://law.gov.kz/client/#!/doc/7833/rus/25.12.2000> (access date: 02.02.2025).
11. See: Ibid.
12. See: History of changes. Reference control bank of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan in electronic form // URL: <http://law.gov.kz/client/#!/history/7833/rus> (access date: 02.02.2025).
13. See: Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated October 31, 2015 № 377-V ZRC // Information-legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377> (access date: 02.02.2025); Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 № 231-V ZRC // Information-legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (access date: 02.02.2025).
14. See: Reference control bank of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan in electronic form // URL: <http://law.gov.kz/client/#!/doc/198610/rus> (access date: 02.02.2025).
15. See: Supreme Judicial Council of the Republic of Kazakhstan // URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/vss/about?lang=ru> (access date: 02.02.2025).
16. See: Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan dated July 5, 2024 № 109-VIII ZRC "On Amendments and Additions to Some Constitutional Laws of the Republic of Kazakhstan" // Reference control bank of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan in electronic form. URL: <http://law.gov.kz/client/#!/doc/198610/rus> (access date: 02.02.2025).
17. See: Ibid.
18. Kaldybaev A. Kazakhstan needs to join the European Convention on Human Rights // URL: <https://aca.kz/articles/view/kazakhstanu-neobhodimo-prisoedinitsa-k-evropejskoj-konvencii-po-pravam-celovekai18ni18n> (access date: 20.02.2025).

К вопросу о предоставлении государственных медицинских услуг: административно-правовой аспект

Даунгли Алина Валерьевна,

преподаватель кафедры административного, финансового и корпоративного права Новосибирского государственного университета экономики и управления; ведущий юрист-консульт, ГБУЗ НСО «ГДКБСМП»
E-mail: fraualina@yandex.ru

В статье автором выявлены особенности, присущие административным правоотношениям в сфере предоставления государственных медицинских услуг гражданам. Автором проанализирован теоретический аспект проблемы разграничения на законодательном уровне правовых категорий «медицинские услуги» и «медицинская помощь». Проанализирована правоприменительная практика защиты нарушенных прав пациентов.

Ключевые слова: медицинские услуги, административное регулирование, публичные интересы, здравоохранение.

Современное российское административное право стремительно развивается, и в реалиях нового времени все более становится очевидным необходимость анализа его доктринальных положений сквозь призму практической реализации административного законодательства в различных отраслях государственного управления.

Государственная система здравоохранения, являясь объектом административно – правового регулирования, направлена на обеспечение прав каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь. Эти базовые права граждан закреплены статьей 41 Конституции РФ¹. Так, посредством установления конституционных правовых гарантий, государство принимает на себя обязательства по осуществлению комплекса мер по получению каждым необходимой медикосоциальной помощи. А в соответствии со Стратегией развития здравоохранения в Российской Федерации до 2025 г.,² «повышение доступности граждан качественной, современной медицинской помощи» определено главой государства как наиболее приоритетное направление развития здравоохранения в Российской Федерации. Таким образом права граждан в сфере здравоохранения носят декларативный характер и находятся в области регулирования административного права.

Особенности административных отношений в сфере государственного управления здравоохранением связаны с отраслевым характером регулирования. Так, в процессе администрирования рассматриваемой сферы решаются не только задачи, непосредственно связанные с управлением, но и с тем, что эти управленческие отношения затрагивают сферу действия конституционных прав граждан, связанных с их личными неимущественными правами: жизнью, здоровьем, реализацией прав на доступную и качественную медицинскую помощь, что требует от участников данных правоотношений строгого соблюдения действующего законодательства как в сфере государственного управления, так и в сфере обеспечения прав граждан, связанных с охраной здоровья.

И вместе с тем, зачастую возникают проблемы регулирования административных правоотно-

¹ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок] // Собрание законодательства Российской Федерации. –2014. – № 31. – Ст. 4398

² Указ президента Российской Федерации от 06 июня 2019 г. «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации до 2025 года» № 254 URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/c6zjQF82Y5ZKwoEiziMVNZY76MgZS9X1.pdf> (дата обращения 01.11.2024)

шений в системе здравоохранения, в том числе из – за непроработанности понятийного аппарата. Ярким примером служит отсутствие дефиниции «медицинская помощь». Так, административным правоотношениям в сфере оказания медицинской помощи гражданам присущи такие черты как: конституционность, высокая социальная значимость, и публичность.

К сожалению, «законодательная база в отношении правового регулирования оказания медицинской помощи гражданам все еще не имеет достаточной степени проработки и требует дальнейшего совершенствования»¹.

В сфере публичного права медицинская помощь выступает как инструмент защиты здоровья граждан и общества в целом, находящийся под государственным надзором. В то время как в рамках частного права более уместно говорить о медицинских услугах, поскольку они ориентированы на удовлетворение индивидуальных потребностей конкретных пациентов.

Несмотря на то, что среди правоведов высказывается мнение, что «административно – правовые средства регулирования все больше отходят на второй план, однако публичные начала играют первостепенную роль в сфере оказания медицинских услуг»². Полагаю, отсюда и возникает вопрос об отраслевой природе отношений по оказанию медицинской помощи: публично-правовой или частноправовой.

Так, С.С. Алексеев, говоря о публичной природе права граждан на медицинскую помощь, ставит акцент на юридической форме правовых отношений в данной сфере – гражданско – правовом соглашении (договоре), но при этом указывает, что «переводить высокозначимую государственную деятельность по оказанию медицинской помощи на плоскость деятельности по оказанию услуг едва было бы оправданным»³. Можно сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства и разграничения правовых категорий «медицинская помощь» и «медицинские услуги» для надлежащей квалификации возникающих в сфере здравоохранения правовых отношений.

В современном российском правовом поле происходит замещение термина «медицинская помощь» на «медицинская услуга» де-факто. Этому поспособствовало принятие п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»⁴, которым было четко указано, что к отношениям по предо-

ставлению гражданам медицинских услуг, оказываемых медицинскими организациями в рамках добровольного и обязательного медицинского страхования, должно применяется законодательство о защите прав потребителей. Таким образом правоотношения по оказанию медицинской помощи «сковали рамками» цивилистических норм. Отечественный государствовед, специалист по административному праву А. Елистратов в своей работе «Основные начала административного права» еще в начале XX века говорил о недопустимости переноса понятий из гражданского права в сферу публичного⁵. Данный тезис актуален и в современной России.

Особого внимания заслуживает тот факт, что несмотря на то, что право граждан на медицинскую помощь в Российской Федерации исходит из Конституции РФ и требует строгого соблюдения действующего законодательства, это, к сожалению, не исключает вероятность причинения вреда жизни и здоровью пациента. Это может быть связано как с субъективными факторами ввиду возможных непрофессиональных действий сотрудников медицинских учреждений, так и с объективными факторами, примером которого может являться недостаточное материально-техническое и фармакологическое оснащение.

А исследование и анализ материалов практики Верховного суда и судов общей юрисдикции за период с 2017 по 2024 года (при помощи государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие») лишь подтверждает негативные аспекты. Неуклонный рост судебных споров по исковым заявлениям граждан к государственным учреждениям здравоохранения, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг о возмещении вреда здоровью и компенсации морального вреда, требует системного анализа, целью которого является совершенствование действующего законодательства в сфере предоставления гражданам гарантированных Конституцией РФ государственных медицинских услуг.

Анализ судебной практики показал три основные тенденции правоприменительной практики.

Заключение судебной экспертизы играет важную роль в судебном процессе

Судам при разрешении «медицинских» дел для установления фактических обстоятельств дела, а именно: наличия или отсутствия вреда жизни или здоровью гражданина, противоправности действий (бездействия) медицинского учреждения, а также для установления причинно-следственных связей между противоправным поведением и наступившим вредом, вины причинителя, необходимы специальные познания. Обостряется ситуация тем, что

consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/ (дата обращения 01.11.2024)

⁵ Елистратов А.И. Основные начала административного права/ Г.А. Леман и С.И. Сахаров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1917. с 78.

¹ Гибадуллина Л. Т. О правовой природе правоотношений по оказанию медицинских услуг// Сборник научных трудов по итогам международной научно – практической конференции. – 2015. – № 2. – с. 23.

² Там же., с. 25

³ Алексеев С.С. Собрание сочинений в 10 т. Том 2: Специальные вопросы правоповедения. – М.: Статут, 2010. – с 379.

⁴ п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» URL: <https://www.>

в большинстве случаев ответчики – медицинские учреждения, в отличие от истцов, обладают специальными познаниями в области медицины.

Именно с этим обстоятельством связана ключевая роль заключения судебной медицинской экспертизы как важнейшего доказательства по делу. А в случае, если иные доказательства по делу прямо не противоречат судебной медицинской экспертизе, такое заключение может быть и само по себе положено в основу решения суда.

Приведем наиболее распространенные формулировки, используемые судами: «У суда не имеется оснований сомневаться в компетенции судебных экспертов»¹, «Суд при разрешении спора принимает во внимание заключение судебной экспертизы»², «Выводы экспертов научно обоснованы, мотивированы, не допускают двойного толкования, и экспертиза принимается судом как относимое и допустимое, основное и наиболее существенное доказательство».

В ряде случаев, при разрешении «медицинских дел», судами за основу вынесенного решения берется исключительно само экспертное медицинское заключение³. Считаем необходимым отметить, что в противовес таким решениям, складывается правоприменительная практика, когда помимо заключения судебно-медицинской экспертизы основными доказательствами по делу могут являться постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, приказы отделов здравоохранения, акты служебных расследований, внутренние приказы учреждения здравоохранения.

Так, непосредственно в ходе судебного заседания нашел свое подтверждение факт нарушения врачом медицинской этики и деонтологии по отношению к истцу, а сам факт оказания некачественной медицинской услуги послужил основанием для взыскания компенсации морального вреда: «нарушение медицинской этики и деонтологии является нарушением качества оказания медицинской услуги», «нарушение медицинской этики и деонтологии является нарушением качества оказания медицинских услуг подтверждается документами,

¹ Решение Черногорского городского суда Республики Хакасия от 25 февраля 2019 г. по делу № 2–1/2019 // <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-chernogorskii-gorodskoi-sud-respublika-khakasiia/> (дата обращения 01.11.2024)

² Решение Промышленного районного суда г. Смоленска от 28 сентября 2023 г. по делу № 2–1450/2023 // <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-promyshlennyi-raionnyi-sud-g-smolenska-smolenskaia-oblast/> (дата обращения 01.11.2024), Решение Ступинского городского суда Московской области от 17 мая 2019 г. по делу № 2–1/2019 // <https://www.mos-gorsud.ru/rs/butyrskiy/services/cases/civil?page=90> (дата обращения 01.11.2024), Решение Краснокаменского городского суда Забайкальского края от 06 июля 2023 г. по делу № 2–8/2023 // <https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-zabaikalskogo-kraia/> (дата обращения 01.11.2024)

³ Решение Ступинского городского суда Московской области от 17 мая 2019 г. по делу № 2–1/2019 // <https://www.mos-gorsud.ru/rs/butyrskiy/services/cases/civil?page=90> (дата обращения 01.11.2024), Решение Краснокаменского городского суда Забайкальского края от 06 июля 2023 г. по делу № 2–8/2023 // <https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-zabaikalskogo-kraia/> (дата обращения 01.11.2024)

представленными при проведении служебной проверки в учреждении»⁴.

Анализ судебной практики указывает на ошибки, связанные с назначением судебной экспертизы по делу. Так, при ненадлежащем подходе сторон к этапу назначения экспертизы, судами могут быть не указаны сведения, перечисленные в статьях 80 и 225 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, а именно: название экспертизы, ошибки в поставленных вопросах, неверное определение предмета экспертизы или вида экспертизы.

Распределение судебных расходов между сторонами процесса при назначении судебной медицинской экспертизы

Анализируя судебную практику за период с 2017 по 2024 г.г., стоит отметить, что суды, при разрешении споров между пациентами и медицинскими организациями, возлагают судебные расходы при назначении судебной экспертизы по делу на государственное медицинское учреждение. Однако ранее, в период с 2010 по 2017 года именно на истце – пациенте лежало бремя доказывания факта нарушения его прав, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг о возмещении вреда здоровью и компенсации морального вреда.

Полагаю, изменением данной тенденции связано с Определением Верховного Суда РФ от 24 июня 2019 г. № 74-КГ19–5, в котором решения нижестоящих судов по делу отменены ввиду того, что суды подошли к нему формально, возложив на истцу бремя доказывания обстоятельств, касающихся некачественного оказания ей медицинской помощи и, как следствие, причинения вреда ее здоровью.

Таким образом, в настоящее правоприменительная практика возлагает бремя доказывания отсутствия вины на медицинское учреждение.

Использование частноправовых норм права

Хотелось бы отметить, что при рассмотрении указанных категорий дел у судов сложилась единая правоприменительная практика, которая способствует смещению административно-правовых средств регулирования защиты прав пациентов в сфере охраны здоровья на второй план, выдвигая на первый частноправовые.

Так, суды при вынесении решений руководствуются Конституцией Российской Федерации, Всеоб-

⁴ Решение Ленинского районного суда г. Ульяновск от 04 февраля 2019 г. № 2–417/2019 // <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-leninskii-raionnyi-sud-g-ulianovska-ulianovskaia-oblast/> (дата обращения 01.11.2024), Решение Артемовского городского суда Свердловской области от 11 октября 2018 г. № 2–720/2018 // <https://artemovskiy.svd.sudrf.ru/> (дата обращения 01.11.2024), Решение Тындинского районного суда Амурской области от 02 июля 2020 г. № */ // <https://tindinskiy.amr.sudrf.ru/> (дата обращения 01.11.2024), Решение Пермского районного суда Пермского края от 11 сентября 2023 г. № 2–184/2023 // <https://tindinskiy.amr.sudrf.ru/> (дата обращения 01.11.2024).

щей декларации прав человека, Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Гражданским кодексом Российской Федерации, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел о защите прав потребителей», Законом Российской Федерации от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда».

В современном российском правовом поле происходит замещение термина «медицинская помощь» на «медицинская услуга» де-факто. Полагаю, отсюда возникает вопрос об отраслевой природе отношений по оказанию медицинской помощи: публично-правовой или частноправовой.

Теоретико – правовой анализ предоставления государственных медицинских услуг сквозь призму теории административного права и изложенные основные выводы по обзору судебной практики современной России, связанные с защитой прав пациентов при предоставлении государственных медицинских услуг, подчеркивают проблемы, связанные с отсутствием единого правового механиз-

ма регулирования защиты прав пациентов и необходимостью детальной проработки законодательства в данной сфере.

Литература

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений в 10 т. Том 2: Специальные вопросы правоведения. – М.: Статут, 2010. – 471с.
2. Гибадуллина Л. Т. О правовой природе правоотношений по оказанию медицинских услуг// Сборник научных трудов по итогам международной научно – практической конференции. – 2015. – № 2. – с. 23–26.
3. Елистратов А.И. Основные начала административного права/ Г.А. Леман и С.И. Сахаров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1917. –301 с.

ON THE ISSUE OF PROVIDING STATE MEDICAL SERVICES: ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECT

Daungli A.

Novosibirsk State University of Economics and Management, City Children's Clinical Hospital of Emergency Medical Care

In this article, the author identifies the features inherent in administrative legal relations in the provision of public medical services to citizens. The author analyzes the theoretical aspect of the problem of differentiation at the legislative level of the legal categories “medical services” and “medical care”. The law enforcement practice of protecting the violated rights of patients is analyzed.

Keywords: medical services, administrative regulation, public interests, healthcare.

References

1. Alekseev S.S. Collected Works in 10 Volumes. Volume 2: Special Issues of Jurisprudence. – M.: Statut, 2010. – 471 p.
2. Gibadullina L.T. On the Legal Nature of Legal Relationships for the Provision of Medical Services // Collection of Scientific Papers Based on the Results of the International Scientific and Practical Conference. – 2015. – No. 2. – pp. 23–26.
3. Elistratov A.I. Basic Principles of Administrative Law / G.A. Lehman and S.I. Sakharov. – 2nd ed., revised. and add. – M., 1917. –301 p.

Правовое обеспечение защиты прав пациента в случае причинения вреда здоровью при оказании медицинской услуги

Загвоздина Юлия Александровна,

магистрант, ФБГОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

E-mail: y.a.zagvozsina@mail.ru,

Шереметьева Анна Константиновна,

кандидат юридических наук, доцент, ФБГОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

E-mail: 004798@togudv.ru

В данной статье рассмотрены правовые аспекты защиты прав пациента в случае причинения вреда его здоровью при оказании медицинской помощи; проанализирован механизм реализации права пациента на компенсацию причиненного вреда здоровью в случае возникновения каких-либо проблем: проведена комплексная оценка правовых механизмов защиты интересов граждан, пострадавших от недобросовестных или некачественных медицинских услуг.

Результатом исследования стало выявление пробелов в законодательстве, на основании которых разработаны предложения по совершенствованию правового регулирования защиты прав пациента, в частности предложены меры по дополнению статьи Закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Областью применения полученных результатов может стать нормативно-правовая практика, работа системы досудебного урегулирования медицинских споров, образовательные программы по медицинскому праву.

Ключевые слова: правовые аспекты защиты прав пациента, вред здоровью, медицинская услуга, механизм защиты пациента, гарантия прав пациента.

Введение

В современных условиях развитие системы здравоохранения сопровождается значительным ростом объема и качества оказываемых медицинских услуг. В паре с этим заметно увеличилось и число споров, связанных с нарушением прав пациентов.

Достаточно часто случается, что здоровью пациент наносится вред. Страдают не только личные интересы граждан, но и доверие общества к лечебным учреждениям в целом. Этот момент определяет особую актуальность исследования правового механизма обеспечения защиты пациентов при наступлении неблагоприятных последствий медицинского вмешательства.

Законодательство России дает обратившемуся к медицинским работникам гражданину гарантии при причинении вреда здоровью. Но в реальной жизни реализация этих прав сопряжена с рядом трудностей: от сложности доказывания вины медицинских работников до недостаточной правовой грамотности граждан. В этой связи возрастает потребность в комплексном исследовании механизмов правового регулирования, судебной практики и процедур защиты интересов пациента в случае нарушения его прав.

Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения надлежащего правового ответа на случаи профессиональных нарушений. Результаты исследования могут быть использованы в правоприменительной практике, при разработке нормативных актов в сфере здравоохранения, а также, – в образовательной деятельности для подготовки специалистов в области медицинского права.

Цель статьи, – анализ правовых оснований и механизмов защиты прав пациента при причинении вреда здоровью медицинскими работниками.

Для достижения поставленной цели в работе ставятся следующие задачи: охарактеризовать правовой статус пациента в контексте действующего законодательства;

- рассмотреть основания наступления гражданско-правовой ответственности медицинских организаций;
- провести анализ судебной практики по теме работы;
- определить пути повышения эффективности правового механизма защиты интересов пациента.

Предмет исследования – нормы гражданского, административного и медицинского права, регулирующие ответственность медицинских организаций перед пациентом.

Методология исследования основывается на системном и сравнительно-правовом подходах, анализе нормативно-правовых актов, судебной практики, правовых позиций высших судебных инстанций. Рассмотрены судебные дела по теме исследования.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении механизмов защиты пациента как субъекта гражданских прав. Также, – в разработке статьи с перечислением основных нормативных правовых актов, составляющих основу правового обеспечения защиты прав пациента.

Основная часть

Защита прав пациента – это совокупность правовых, организационных и этических механизмов, направленных на обеспечение законных прав и интересов пациента при получении медицинской помощи [8].

Правовое обеспечение защиты прав пациента реализуется через систему нормативно-правовых актов и механизмов контроля. Существуют институты, которые обеспечивают соблюдение, восстановление и защиту прав граждан при получении медицинской помощи. Эта система направлена на то, чтобы каждый пациент мог получить качественную, своевременную и безопасную медицинскую услугу, и, – при этом, – быть защищённым (в случае нарушения его прав).

Основой правового обеспечения прав пациента выступает множество законодательных актов (рис. 1). Реализация защиты этих прав осуществляется через институциональные механизмы – Росздравнадзор, Федеральный фонд ОМС, прокуратура, суды, а также, – через институт страховых медицинских организаций. В случаях нарушений пациент может подать жалобу, обратиться за медико-правовой экспертизой, предъявить иск в суд. Кроме того, активно развиваются досудебные механизмы разрешения споров. Сегодня активно развиваются комиссии по защите прав пациентов и медиация. Они способствуют более быстрому и менее конфликтному урегулированию конфликтных ситуаций [9].

Основываясь на правовых нормах [1–5], судьи выносят решения в пользу защиты прав пациента [7]. Например, житель подмосковной Дубны Николай Козлов столкнулся с отказом в медицинской помощи, несмотря на то что имел подтверждённую запись к врачу-неврологу. После травмы и продолжительных болей в пояснице он пытался попасть на приём, но, оказавшись в нужное время у кабинета, услышал отказ. Мотивировка была такая: приём проводится лишь для сотрудников прикрепленной организации. Подобное поведение вызвало у пациента ухудшение состояния. Он не дождался помощи. Затем он решил обратиться в суд, потребовав компенсацию за моральный вред. Судебное разбирательство подтвердило, что отказ был неправомерным, врач нарушила регламент.

То есть учреждение допустило организационные недоработки.

Суд признал действия медицинского персонала незаконными. Обязал учреждение выплатить пациенту компенсацию в размере 50 000 рублей. Кроме того, невролога, отказавшего в приёме, уволили. Заведующему отделением было объявлено замечание за ненадлежащий контроль.

Это дело подчёркивает важность соблюдения врачами прав пациента и установленного порядка оказания медицинской помощи (особенно в рамках системы ОМС). Подобные случаи наносят удар не только по здоровью граждан, но и подрывают доверие к российской системе здравоохранения.

Еще одним примером судебного дела, в котором рассматривался вопрос о предоставлении пациенту полной информации о рисках лечения, является пример, когда пациентка не была осведомлена о тактике лечения. Лечение прошло неудачно. Когда бывшая пациентка пошла в суд, то получила отказы в судах первой и даже апелляционной инстанции. Но Верховный Суд РФ отменил эти решения и направил дело на новое рассмотрение. Он указал на необходимость предоставления пациенту полной и достоверной информации о состоянии здоровья. Информация о предполагаемом лечении, включая возможные риски и последствия, может быть очень важна [6].

Рассмотренное дело подчёркивает важность соблюдения медицинскими организациями обязанности по информированию пациентов, как то предусмотрено ст. 22 ФЗ № 323. Непредоставление полной информации может повлечь за собой юридическую ответственность. Необходимость возмещения вреда, причинённого пациенту, можно избежать, если вовремя информировать пациентов о всех рисках предстоящего вмешательства.

В рамках статьи можно предложить следующую корректировку ст. 22 ФЗ № 323: Медицинская организация обязана предоставлять пациенту (или его представителю, по нотариальной доверенности) письменную информацию о возможных рисках лечения, и последствиях отказа от него. Пациент обязан ознакомиться с указанной информацией под подпись. В случае отказа от подписи, – составляется соответствующий акт с участием не менее двух свидетелей.

Цель изменения, – это повышение юридической защищенности медицинских организаций в спорах с пациентами. Планируется, что за счет такого изменения в статье Закона снизится количество случаев злоупотребления своими правами со стороны пациентов, утверждающими, что они были не информированы.

Также, предложенное уточнение повысит уровень доверия и прозрачности между врачом и пациентом.

Выводы

Сегодня в России защита прав пациента реализуется через ряд законодательных норм. Существует

также ряд судебных и досудебных механизмов, которые помогают соблюдать законность в этой сфере.

Соблюдение прав пациента в случае ненадлежащего оказания медицинской помощи обеспечивается с помощью как государственных структур (Росздравнадзор), так и страховых (негосударственных) структур. Страховые медицинские организации системы ОМС, работающие по системе обязательного медицинского страхования (ОМС), – важный контрольный механизм. При обращении пациента, его страховая может инициировать экспертизу качества медицинской помощи от той или иной поликлиники, клиники или больницы. При выявлении нарушений страховая компания будет требовать (от лица своего клиента) от медицинской организации устранения нарушений. Кроме того, – будут наложены финансовые санкции, взыскан моральный ущерб. В случае с платным медицинским учреждением возможен отказ от оплаты некачественно оказанных услуг со стороны клиента.

А Росздравнадзор является государственным органом, который осуществляет контроль за качеством и безопасностью медицинской помощи. Пациент или его законный представитель может подать жалобу в территориальное управление этого ведомства. После рассмотрения обращения обычно проводится проверка лечебного учреждения, включающая анализ медицинской документации. Иногда проверка включает опрос персонала и, – даже, – экспертизу качества оказанных медицинских услуг. По итогам проверки Росздравнадзор выдает предписание, привлекает виновных к административной ответственности (в случае наличия нарушений). Иногда он передает материалы в правоохранительные органы, – в том случае, если нарушение имеет признаки уголовного преступления.

По результатам анализа, проведенного в статье, можно сделать вывод о необходимости системного подхода к регулированию ответственности в сфере медицинской деятельности. В рамках этого предложено внести дополнение в ст. 22 ФЗ № 323-ФЗ об обязанности фиксации факта ознакомления пациента с тактикой лечения, и возможными рисками лечебных процедур. Данное уточнение призвано сделать более прозрачным момент информирования пациента о возможных рисках медицинского вмешательства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 21.04.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/efb-

369d62297d28291f2ee0a965fd1bcb2dd49e7/(дата обращения: 21.04.2025).

3. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 21.04.2025).
4. Закон «Об обязательном медицинском страховании», URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 21.04.2025).
5. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/(дата обращения: 21.04.2025).
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.05.2022 № 18-КГПР22–28-К4 (УИД 23RS0036–01–2019–005185–54). URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16052022-n-18-kgpr22-28-k4/?utm_source (дата обращения: 21.04.2025).
7. Житель Подмосковья с больной поясницей засудил врачей за отказ в приеме, URL: https://mk.ru/mosobl/2024/03/26/zhitel-podmoskovya-s-bolnoy-poyasnicey-zasudil-vrachey-za-otkaz-v-prieme.html?utm_source (дата обращения: 21.04.2025).
8. Павлушкина Ю.Г., Чеботарева И.А. Защита прав пациентов в рамках системы обязательного медицинского страхования // Вестник науки. 2024. № 3 (72). С. 128–134.
9. Шоваева М. В., Монтаев А.Б. Способы защиты прав пациентов // Теория и практика современной науки. 2019. № 4 (46). С. 273–276.

LEGAL SUPPORT FOR THE PROTECTION OF PATIENT RIGHTS IN CASE OF HARM TO HEALTH DURING THE PROVISION OF MEDICAL SERVICES

Zagvozdina Yu.A., Sheremetyeva A.K.
Pacific State University

This article considers the legal aspects of protecting the legal aspects of protection of patient's rights in case of harm to his/her health in the course of medical care are considered.

The mechanism of realisation of the patient's right to compensation for health damage in case of any problems has been analysed.

The mechanism of realisation of the patient's right to compensation for harm to health in case of any problems is analysed.

A comprehensive assessment of legal mechanisms for the protection of the interests of citizens who have suffered from unfair or low-quality medical services.

The study resulted in the identification of gaps in the legislation, on the basis of which proposals were developed to improve the legal regulation of the protection of patient's rights, in particular, measures to supplement the article of Law No. 323-FZ 'On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation'.

The area of application of the results obtained can be normative and legal practice, the work of the system of pre-trial settlement of medical disputes, educational programmes on medical law.

Keywords: legal aspects of protecting patient rights, harm to health, medical service, patient protection mechanism, guarantee of patient rights.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of reference: 21.04.2025).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) from 26.01.1996 No. 14-FZ (ed. from 13.12.2024) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/efb369d62297d28291f2ee0a965fd1bcb2dd49e7/ (date of reference: 21.04.2025).
3. Federal Law 'On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation' dated 21.11.2011 No. 323-FZ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (date of reference: 21.04.2025).
4. Law 'On Compulsory Medical Insurance', URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (date of access: 21.04.2025).
5. Law of the Russian Federation from 07.02.1992 № 2300-1 (ed. from 08.08.2024) 'On Protection of Consumer Rights' URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (date of reference: 21.04.2025).
6. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.05.2022 № 18-KG-PR22-28-K4 (UID 23RS0036-01-2019-005185-54). URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-pograzhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16052022-n-18-kgpr22-28-k4/?utm_source (date of circulation: 21.04.2025).
7. A Moscow Region resident with a sore lower back sued doctors for refusing to admit him, URL: https://mk.ru/mosobl/2024/03/26/zhitel-podmoskovya-s-bolnoy-poyasnicey-zasudil-vrachey-zatokaz-v-prieme.html?utm_source (accessed 21.04.2025).
8. Pavlushkina Y.G., Chebotareva I.A. Protection of patients' rights within the system of compulsory medical insurance // *Vestnik nauki*. 2024. № 3 (72). P. 128–134.
9. Shovaeva M. V., Montaeв A.B. Ways to protect the rights of patients // *Theory and practice of modern science*. 2019. № 4 (46). P. 273–276.

Виды гражданско-правовых последствий при совершении сделок в обход закона и их реализация в судебной практике

Иванов Сергей Вадимович,

аспирант, НОЧУ ВО «Московский университет «Синергия»
E-mail: ivanovsv98@mail.ru

В статье исследуются гражданско-правовые механизмы противодействия сделкам, направленным на обход закона, в российской правовой системе. Автор анализирует основные меры правового воздействия, включая признание сделок недействительными, отказ в защите права, возмещение убытков и специальные санкции в корпоративных и обязательственных отношениях. Особое внимание уделяется судебной практике, в том числе применению антиуклонительных норм, а также новейшим тенденциям в контрсанкционном регулировании. Рассматриваются проблемы квалификации косвенных сделок с участием иностранных лиц, включая ограничения корпоративных прав инвесторов из «недружественных» стран и механизмы взыскания убытков. Анализируются процессуальные особенности доказывания обхода закона, включая перераспределение бремени доказывания и применение презумпций. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования критериев квалификации обхода закона и формирования единой судебной практики для обеспечения баланса частных и публичных интересов.

Ключевые слова: обход закона, недействительность сделок, злоупотребление правом, гражданско-правовые последствия, контрсанкции, корпоративные споры, судебная практика, отказ в защите права, возмещение убытков, правоприменение.

Целью настоящего исследования является определение гражданско-правовых механизмов, которые используются правоприменителями в целях недопущения совершения сделок, направленных на обход закона.

Так, в целях пресечения обхода закона государство применяет гражданско-правовые меры воздействия, включая ограничение корпоративных прав, запрет на выплату дивидендов, признание сделок недействительными и иные санкции.

Гражданско-правовые последствия обхода закона представляют собой сложную систему мер правового воздействия, направленных на восстановление нарушенного правопорядка и предотвращение подобных нарушений в будущем. В российской правовой системе данные последствия можно классифицировать по нескольким основаниям, что позволяет создать целостную картину механизма противодействия рассматриваемому явлению.

Общие положения о гражданско-правовых последствиях за совершение сделок, направленных на обход закона

Прежде всего следует выделить основные виды гражданско-правовых последствий, которые наступают при выявлении факта обхода закона: недействительность сделок и иных юридически значимых действий; отказ в защите права; возмещение убытков; применение иных мер гражданско-правовой ответственности. Каждый из этих видов имеет свою специфику применения и особенности реализации в правоприменительной практике.

Институт недействительности сделок, совершенных с целью обхода закона, занимает центральное место в системе гражданско-правовых последствий. Согласно сложившейся судебной практике, такие сделки могут быть признаны недействительными по правилам статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации о злоупотреблении правом либо по специальным основаниям, предусмотренным для мнимых и притворных сделок (статья 170 ГК РФ). При этом важной особенностью является то, что суды, как правило, применяют последствия недействительности ничтожной сделки, даже если формально она не подпадает под признаки мнимости или притворности. Такой подход нашел отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», где прямо указано, что сделка, совершенная с целью обхода закона, мо-

жет быть признана недействительной как противоречащая основам правопорядка или нравственности (пункт 2 статьи 169 ГК РФ).

Особую категорию гражданско-правовых последствий составляет отказ в защите права, который применяется судами в случаях, когда установлено, что лицо злоупотребило правом путем обхода закона. Данная мера, предусмотренная пунктом 2 статьи 10 ГК РФ, имеет превентивный характер и направлена на лишение нарушителя возможности воспользоваться преимуществами, полученными в результате противоправного поведения. В судебной практике сложился ряд критериев применения этого последствия: наличие доказательств умысла на обход закона; явная искусственность правовой конструкции; причинение вреда охраняемым законом интересам; отсутствие разумной деловой цели в действиях лица. Примечательно, что отказ в защите права может применяться как самостоятельная мера, так и в сочетании с другими последствиями, например с признанием сделки недействительной.

Возмещение убытков как следствие обхода закона имеет свои процессуальные особенности. В отличие от обычных случаев деликтной ответственности, при обходе закона сложность составляет доказательство причинно-следственной связи между действиями нарушителя и наступившими негативными последствиями. Это связано с тем, что обход закона часто представляет собой сложную многоступенчатую схему, в которой участвуют несколько субъектов. Судебная практика выработала подход, согласно которому бремя доказывания отсутствия убытков или отсутствия причинной связи может быть возложено на нарушителя, если истец представил достаточные доказательства факта обхода закона. Кроме того, в ряде случаев суды признают возможность взыскания упущенной выгоды, особенно когда обход закона был направлен на недопущение или ограничение конкуренции.

Отдельного рассмотрения заслуживают специальные гражданско-правовые последствия, применяемые в отдельных сферах правоотношений. Например, в корпоративных отношениях обход закона может повлечь применение последствий в виде признания недействительными решений органов управления юридического лица, взыскания убытков с контролирующих лиц, привлечения их к субсидиарной ответственности. В сфере обязательственных отношений распространенным последствием является изменение условий договора судом в целях устранения элементов обхода закона. В наследственных правоотношениях суды могут отказывать в признании права наследования, если установят, что наследодатель совершил действия по обходу закона о наследовании.

Анализ судебной практики позволяет выделить несколько тенденций в применении гражданско-правовых последствий обхода закона. Во-первых, наблюдается расширительное толкование оснований для признания сделок недействительными,

когда формальные признаки мнимости или притворности отсутствуют, но имеется явный умысел на обход закона. Во-вторых, прослеживается усиление превентивной функции гражданско-правовых последствий, что проявляется в более частом применении мер, направленных на предотвращение возможных нарушений в будущем. В-третьих, отмечается развитие процессуальных механизмов доказывания факта обхода закона, включая презумпции и перераспределение бремени доказывания в определенных ситуациях.

Особую проблему представляет определение объема гражданско-правовых последствий при обходе закона. В доктрине обсуждается вопрос о том, должны ли последствия ограничиваться восстановлением положения, существовавшего до нарушения, или могут включать дополнительные санкции. Судебная практика в этом вопросе неоднородна: в некоторых случаях суды ограничиваются двусторонней реституцией, в других – применяют дополнительные меры, такие как взыскание всего полученного по сделке в доход государства. Этот вопрос требует дальнейшего осмысления и выработки единых подходов.

Интересным представляются и меры воздействия в виде ограничения корпоративных прав иностранных учредителей. С 2022 года в России действуют нормы, ограничивающие права иностранных инвесторов из «недружественных» стран. В частности, Федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» от 29.04.2008 № 57-ФЗ позволяет вводить внешнее управление в компаниях, где иностранные владельцы приостановили деятельность или пытаются вывести активы. Кроме того, акционеры из недружественных стран могут быть лишены права голоса по ключевым вопросам.

Если действия иностранной компании нанесли ущерб российским контрагентам или государству, возможно также взыскание убытков (ст. 15 ГК РФ). Например, при незаконном выводе активов суд может обязать вернуть средства, а при нарушении обязательств по контрактам из-за санкций возможны штрафные санкции.

Практика применения контрсанкционных положений, свидетельствующая о применимости гражданско-правовой ответственности к сделкам, направленным на обход контрсанкционного регулирования

В настоящее время поиск эффективного механизма предотвращения нарушений контрсанкционных мер остается актуальным для законодателя [1–8]. Действующие контрсанкционные акты не содержат прямых норм, предусматривающих недействительность сделок, совершенных с нарушением установленных ограничений. Однако первые признаки формирования соответствующего подхода уже

прослеживаются в законодательстве и судебной практике. В частности, внесенные изменения в процессуальные кодексы наделили прокурора правом обращаться в суд с требованиями о признании недействительными сделок, нарушающих контрсанкционное законодательство, и о применении последствий их недействительности [9].

Ярким примером реализации данного подхода стало рассмотренное в октябре 2023 года Арбитражным судом Московского округа дело № А41–101031/2022 [10]. Предметом спора явилась сделка по отчуждению недвижимого имущества, при которой российское общество, контролируемое «недружественным» нерезидентом (немецкой компанией), продало объект российскому физическому лицу без получения предварительного разрешения Правительственной комиссии. Последующая смена руководства компании привела к инициации судебного оспаривания данной сделки. Суд, установив обязательность получения разрешения Правительственной комиссии для совершения такой сделки, признал ее ничтожной.

Параллельно с институтом недействительности сделок, развитие правоприменительной практики в сфере контрсанкционного регулирования может привести к реализации механизма обращения полученного по сделке в доход государства на основании статьи 169 ГК РФ. Подобный подход уже апробирован в отношении сделок с активами стратегических предприятий [8], что позволяет прогнозировать его возможное распространение и на нарушения контрсанкционного характера. Формирование такой практики будет зависеть от дальнейшей позиции законодателя и правоприменительных органов относительно квалификации соответствующих правонарушений.

Особую сложность в правоприменительной практике вызывает вопрос о квалификации сделок, формально совершаемых между иностранными лицами, но приводящих к косвенному изменению контроля над российскими компаниями. В соответствии с пунктом 1 Указа Президента РФ от 08.09.2022 № 618, действие контрсанкционных ограничений распространяется не только на сделки с непосредственным участием российских юридических лиц, но и на операции между:

- «Недружественными» нерезидентами;
- «Недружественными» и «дружественными» нерезидентами [7].

При этом под регулирование подпадают сделки, влекущие прямое или косвенное изменение прав владения, пользования или распоряжения долями в уставном капитале российских обществ, а также иных прав, позволяющих определять условия их управления или предпринимательской деятельности.

На практике это создает правовую неопределенность в ситуациях, когда сделка формально совершается на уровне иностранных юрисдикций. Например, при продаже доли в кипрской компании, которая через цепочку владения контролирует российское общество, между двумя «недру-

жественными» нерезидентами. Хотя прямое право собственности на доли в российской компании не изменяется, фактически происходит смена конечного бенефициарного контроля над российской компанией.

В настоящее время отсутствуют официальные разъяснения, распространяется ли требование о получении разрешения Правительственной комиссии на подобные косвенные сделки. В случае утвердительного ответа правоприменительной практики это повлечет:

- Обязанность «недружественных» нерезидентов получать предварительное разрешение на совершение таких операций;
- Потенциальное привлечение российской компании к ответственности за валютные нарушения, поскольку налоговые органы могут возложить на нее негативные последствия сделки, совершенной ее иностранными контрагентами.

Аналогичный подход к оценке косвенных операций уже применялся в налоговой сфере, о чем свидетельствует Инструментарий Платформы по сотрудничеству в области налогообложения 2020 года [11], где рассматривались сопоставимые ситуации с офшорными переводами.

Перспективы развития системы гражданско-правовых последствий обхода закона связаны с совершенствованием законодательных формулировок, разработкой более четких критериев квалификации действий как обхода закона, а также формированием единообразной судебной практики. Особого внимания заслуживает вопрос о дифференциации последствий в зависимости от степени общественной опасности нарушения, наличия или отсутствия умысла, размера причиненного вреда. Решение этих задач будет способствовать повышению эффективности гражданско-правовых механизмов противодействия обходу закона при сохранении баланса частных и публичных интересов.

Литература

1. Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 (ред. от 30.09.2023) «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями иностранных государств и международных организаций».
2. Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных экономических мерах по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации».
3. Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами».
4. Указ Президента РФ от 03.05.2022 № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций».

5. Указ Президента РФ от 04.05.2022 № 254 «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств и международных организаций».
6. Указ Президента РФ от 27.05.2022 № 322 «О временном порядке осуществления прав и обязанностей в рамках внешнеэкономической деятельности».
7. Указ Президента РФ от 08.09.2022 № 618 «Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами».
8. Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ (ред. от 04.03.2024) «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства».
9. Федеральный закон от 07.10.2022 № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.10.2023 по делу № А41–101031/2022.
11. The Taxation of Offshore Indirect Transfers – A Toolkit // Platform for Collaboration on Tax (PCT), 2020. URL: https://www.tax-platform.org/sites/pct/files/publications/PCT_Toolkit_The_Taxation_of_Offshore_Indirect_Transfers.pdf (дата обращения: 21.04.2025)

TYPES OF CIVIL LAW CONSEQUENCES OF CIRCUMVENTION OF THE LAW AND THEIR IMPLEMENTATION IN JUDICIAL PRACTICE

Ivanov S.V.

Moscow University "Synergy"

The article examines civil law mechanisms for countering transactions aimed at circumventing the law in the Russian legal system. The author analyzes key legal measures, including invalidation of transactions, denial of legal protection, recovery of damages, and special sanctions in corporate and contractual relations. Particular attention is paid to judicial practice, such as the application of anti-abuse provisions, as well as recent trends in countersanctions regulation. The study addresses challenges in qualifying indirect transactions involving foreign entities, including restrictions on cor-

porate rights of investors from "unfriendly" states and mechanisms for recovering damages. The procedural aspects of proving circumvention of the law are analyzed, including the shifting of the burden of proof and the application of presumptions. The author concludes that refining the criteria for identifying circumvention and establishing consistent judicial practice are essential to balancing private and public interests.

Keywords: circumvention of the law, invalidity of transactions, abuse of rights, civil law consequences, countersanctions, corporate disputes, judicial practice, denial of legal protection, damages, law enforcement.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 79 of February 28, 2022 (as amended on September 30, 2023) "On the Application of Special Economic Measures in Connection with Unfriendly Actions by Foreign States and International Organizations."
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 81 of March 1, 2022 "On Additional Temporary Economic Measures to Ensure Financial Stability of the Russian Federation."
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 95 of March 5, 2022 "On the Temporary Procedure for Fulfilling Obligations to Certain Foreign Creditors."
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 252 of May 3, 2022 "On the Application of Retaliatory Special Economic Measures in Response to Unfriendly Actions by Certain Foreign States and International Organizations."
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 254 of May 4, 2022 "On Measures of Impact (Counteraction) Against Unfriendly Actions by Foreign States and International Organizations."
6. Decree of the President of the Russian Federation No. 322 of May 27, 2022 "On the Temporary Procedure for Exercising Rights and Obligations in Foreign Economic Activity."
7. Decree of the President of the Russian Federation No. 618 of September 8, 2022 "On a Special Procedure for Conducting (Executing) Certain Types of Transactions (Operations) Between Certain Persons."
8. Federal Law No. 57-FZ of April 29, 2008 (as amended on March 4, 2024) "On the Procedure for Foreign Investments in Business Entities of Strategic Importance for National Defense and State Security."
9. Federal Law No. 387-FZ of October 7, 2022 "On Amendments to Article 52 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation and Article 45 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation."
10. Ruling of the Moscow District Arbitration Court of October 23, 2023, in Case No. A41–101031/2022.
11. The Taxation of Offshore Indirect Transfers – A Toolkit // Platform for Collaboration on Tax (PCT), 2020. URL: https://www.tax-platform.org/sites/pct/files/publications/PCT_Toolkit_The_Taxation_of_Offshore_Indirect_Transfers.pdf (accessed: April 21, 2025).

Полномочия представителя (органа) хозяйственного общества на основании видимости права

Бондаренко Владислав Юрьевич,

студент, НИУ ВШЭ СПб
E-mail: vladbond322@mail.ru

Князев Алексей Николаевич,

канд. юр. наук, адвокат, Адвокатская палата г. Москвы
E-mail: advokat.knyazev@yandex.ru

Целью данной статьи является анализ концепции полномочий на основании видимости права (apparent authority) в контексте деятельности представителей и органов юридических лиц, а также разработка предложений по реформированию российского законодательства с учётом зарубежного опыта. В работе использованы сравнительно-правовой и аналитический методы, позволившие изучить подходы к регулированию видимых полномочий в Германии, Франции, а также странах англосаксонской правовой семьи.

Результаты исследования показали, что в зарубежных правовых системах сформирована универсальная триада условий применения концепции: наличие объективных обстоятельств, свидетельствующих о наличии полномочий, вклад представляемого в создание видимости и добросовестность контрагента. В российской правовой системе институт видимых полномочий регламентирован фрагментарно, что приводит к противоречиям.

Автор обосновывает необходимость унификации регулирования для случаев отсутствия и превышения полномочий, а также расширения сферы рассматриваемой концепции.

Практическая значимость работы заключается в предложениях по совершенствованию законодательства, направленных на защиту добросовестных участников гражданского оборота и обеспечение стабильности правоотношений. Исследование может быть полезно для правоприменительной практики и дальнейших научных разработок в области представительского и корпоративного права.

Ключевые слова: видимость полномочий, полномочия представителя, условия, представляемый, третье лицо, превышение полномочий, добросовестность, контрагент.

Введение

В настоящее время происходит активное развитие гражданского оборота – появляются новые способы взаимодействия между гражданами, развиваются цифровые технологии и технические устройства, существенно упрощающие проведение денежных операций и осуществление документооборота. Всё это значительно ускоряет обмен экономическими благами и ведет к снижению трансакционных издержек.

Тем не менее имеется и обратная сторона медали. Указанные достижения науки и техники всё чаще используются злоумышленниками, преследующими преступные цели, в том числе связанные с незаконным завладением чужим имуществом и присвоением денежных средств обманным путём. Особенно часто это происходит в сфере банковского обслуживания, когда мошенники получают доступ к электронной подписи (личному кабинету онлайн банка) клиента или представляются уполномоченными сотрудниками кредитной организации.

Данная проблема в общих чертах была отмечена ещё в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [1], однако по сей день так и не была решена должным образом.

Именно поэтому актуальным на сегодня вопросом является разработка способов защиты добросовестных участников гражданского оборота. В связи с этим цель данной работы состоит в исследовании одного из наиболее действенных правовых механизмов, активно применяемого в зарубежных правовых системах, но не получившего должной регламентации в отечественной правовой системе – института видимых полномочий, который является проявлением более общей доктрины – видимости права. Как отмечали ещё римские юристы: “*Bona fides tantundem possidenti praestat, quantum veritas, quotiens lex impedimento non est*” – добросовестность гарантирует столько же, сколько и истина, когда закон тому не препятствует [2, с. 258].

Для достижения указанной цели будут исследованы подходы, используемые в иностранных правовых системах (континентальной и англосаксонской), а также проанализированы идеи, развиваемые российскими исследователями.

Напоследок будет дана оценка норме п. 1 ст. 174 ГК РФ, отражающей идею о необходимости защиты правомерных ожиданий участников оборота, вступающих во взаимодействие с пред-

ставителями (органами) юридических лиц, а также предложены пути по её реформирования с учётом проведённого анализа.

Концепция видимых полномочий в праве Германии

Одним из первых государств, в которых доктрина видимых полномочий стала активно использоваться, является Германия. Немецкие суды ещё в середине прошлого столетия сформулировали общие правила её применения, а учёные внесли существенный вклад в их доработку, что позволило создать гибкую правовую конструкцию, учитывающую интересы сторон. Именно поэтому подход, используемый в данном правопорядке, будет исследован в первую очередь.

Начать стоит с того, что в ГГУ [3] данная концепция не получила детальной регламентации. Имеются лишь отдельные нормы, в основе которых лежит данный институт (§ 170–173 ГГУ).

Немецкая концепция видимости полномочия, защищая добросовестных третьих лиц, полагающихся на внешние обстоятельства, возникающие в сфере контроля представляемого, по сути своей приравнивает видимость представительства к реально существующему полномочию (несмотря на то, что уполномочие *de facto* не состоялось) и не требует последующего одобрения со стороны представляемого.

Именно по той причине, что такое полномочие не проистекает из волевого акта уполномочивающего, а основывается на видимости права, некоторые немецкие исследователи предлагают именовать его *Quasivollmacht* (квазиполномочие), поскольку по своему внешнему выражению для третьего лица оно максимально приближено к добровольному представительству и под вопросом оказывается факт молчаливого уполномочивания [4, р. 74]. Российские исследователи критикуют такой подход, отмечая, что указанное полномочие возникает при соблюдении установленных законом условий, а потому речь в данном случае идёт о законном представительстве [5, с. 171].

В свою очередь, предпосылками для возникновения полномочия на основании видимости права являются: видимость существования полномочия, поведение мнимого представляемого, способствующее созданию соответствующей обстановки и добросовестность третьего лица, полагающегося на такую видимость [6, р. 566]. Все указанные условия должны соблюдаться одновременно. В обратном случае полномочие на основании видимости права не возникнет, поскольку речь будет идти о заключении сделки неуполномоченным лицом со всеми вытекающими из такого обстоятельства последствиями.

Говоря о подходе, выработанном немецкими цивилистами и правоприменительной практикой, нельзя не сказать, что он предполагает разделение полномочия на основании видимости – *Rechtsschein*, на два разных вида: *Duldungsvollmacht*

и *Anscheinsvollmacht* – «претерпеваемое» и «кажущееся» полномочие.

Разграничение проводится по тому, знает ли мнимый представляемый, ответственный за организацию сферы своей деятельности (а потому и за создание видимости наличия отношений представительства), в интересах которого действует неуполномоченное лицо, о совершении таких действий или же он только должен знать о них. По этой причине ряд немецких исследователей отмечают, что *Duldungsvollmacht* по сути своей представляет «сознательно принятое» *Anscheinsvollmacht* [7, р. 630–661].

Согласно позиции Федерального суда Германии (BGH), *Duldungsvollmacht* имеет место в том случае, когда представляемое лицо сознательно позволяет другому субъекту действовать от своего имени, а его контрагент добросовестно полагает, что лицо, выступающее в качестве представителя, обладает необходимым полномочием [8]. При этом, согласно сложившейся судебной практике, для возникновения полномочия на основании видимости права достаточно одного акта «претерпевания» [9]. В рассматриваемом контексте также заслуживает внимания позиция суда о том, что доктрина видимых полномочий не может применяться в том случае, когда представляемый не знает и не должен знать о недействительности выданной доверенности (даже если сделка совершается в его присутствии). В обратном случае защитная цель нормы, устанавливающей ничтожность сделки, была бы полностью утрачена, поскольку недействительная доверенность всегда бы исцелялась концепцией видимости [10].

В случае же с *Anscheinsvollmacht*, речь идёт о неосмотрительности представляемого, который не знает о том, что в его интересах действует другое лицо, однако причастен к созданию видимости у добросовестного контрагента, поскольку именно на него возложен риск ненадлежащей организации хозяйственной деятельности. При этом важно, чтобы представляемый имел реальную возможность предотвратить выступление мнимого представителя при соблюдении должной осмотрительности [11]. По этой причине в целях защиты его интересов немецкий правоприменитель установил несколько иное правило – для возникновения полномочия на основании видимости, помимо вышеперечисленных условий, требуется неоднократное выступление лица в качестве представителя в течение длительного периода времени [12].

Концепция видимых полномочий в праве Франции

Во французском гражданском праве концепция видимости (*l'apparence en droit civil*) также получила активное развитие. Некоторые положения, свидетельствующие о защите третьего лица, полагающегося на видимость полномочий, прямо закреплены в законе [13]. Так, например, из ст. 1156 ФГК следует, что действие, совершенное представителем

без полномочий или с их превышением, не может быть принудительно осуществлено в отношении представляемой стороны, если только третье лицо не имело законных оснований полагать о реальности полномочий представителя, в частности, из-за поведения или заявлений самого представляемого.

Концепция видимости прослеживается и в других нормах ФГК. Так, например, из положений статей 2005, 2008 и 2009 ФГК, посвящённых договору поручения (имеющему ряд отличий от российской модели), следует, что отмена или прекращение действия мандата, в соответствии с которым лицу было поручено действовать от имени и в интересах другого лица, не прекращает статуса мандатария в отношении третьих лиц, которые не знали об отсутствии полномочий.

Тем не менее несложно заметить, что французский Гражданский кодекс не содержит однозначных условий применения концепции видимых полномочий. Даже из самой нормы ст. 1156 ФГК неясно, является ли поведение представляемого, способствующего созданию видимости, обязательной предпосылкой для применения доктрины, или же доверие третьей стороны к фактическим обстоятельствам может быть обусловлено и другими причинами: «Le tiers contractant ... cru en la réalité des pouvoirs du représentant, notamment en raison du comportement ou des déclarations du représenté» – «контрагент... поверил в реальность полномочий представителя, в частности, из-за поведения или заявлений представителя».

Основные правила, связанные с применением данного института, были выработаны судебной практикой и закреплены трудами учёных. Одним из наиболее видных французских деятелей, который занимался исследованием данного вопроса, был Рене Демог (René Demogue), труды которого были посвящены статической и динамической безопасности. Рассуждая о противопоставлении статики и динамики, юрист обращается к работам Огюста Конта, который высказал следующую мысль: «большой проблемой является согласование порядка и движения». В его работах также имеются ссылки на труды Габриеля Тарда о законах подражания [14, р. 67, 72–85]. По его мнению, одна «sécurité» неизбежно противостоит другой, в связи с чем необходимо сделать выбор в пользу одного – сохранить существующее состояние или защитить оборот (du commerce), который находится в вечной динамике – предпочесть безопасность действительных правообладателей или же правоприобретателей. Особенно остро данная проблема стоит в том случае, если с обеих сторон выступают добросовестные лица.

Автор отдаёт предпочтение защите оборота, отмечая, что концепция видимости полномочий, несомненно, ставит действительного правообладателя в худшее положение, однако безопасность, к которой он стремится основана на «сидячем положении» (fortune assise), тогда как безопасность добросовестных третьих лиц есть «премия», предоставляемая предприимчивым людям, что явля-

ется эффективным рычагом для развития коммерческого оборота и экономики в целом. «Тот, кто заключил договор с лицом, имеющим полную видимость права, не должен быть обманут. Разумная видимость права должна в отношениях с третьими лицами производить тот же эффект, что и само право» [14, р. 67].

Данное доктринальное соображение было поддержано и правоприменителем в известном кассационном постановлении от 13 декабря 1962 г., закрепившим концепцию видимости и отдавшим предпочтение защите добросовестных третьих лиц [15]. В указанном деле генеральный директор от имени банка дал гарантию компании по подъему затонувших судов. Когда другая сторона (администрация) потребовала выплаты гарантийной суммы, банк отказался, сославшись на то, что его устав требует наличия подписи двух уполномоченных должностных лиц. Суд встал на сторону администрации, указав, что принципал может быть связан на основе явного поручения (d'un mandat apparent), если у третьего лица возникает законная убежденность в объеме полномочий агента.

Таким образом, следует признать, что во французском праве уже довольно длительное время существует неписанный принцип, согласно которому ошибочное убеждение добросовестных третьих сторон порождает правовые последствия (защита видимости фактического состава).

Далее необходимо перейти к условиям признания видимости полномочий во французском праве, которые были выработаны более поздней практикой судов. Прежде всего, требуется наличие видимой реальности, которую наблюдатель может принять за правовую ситуацию. У видимости, соответственно, есть объективный (материальный) и субъективный (психологический) элементы.

Материальный элемент – фактическая обстановка, не требующая дополнительных размышлений конкретного субъекта. При установлении данного критерия необходимо определить характер объективных действий, совершённых мнимым представителем в отношении третьего лица [16], а также обоснованность отсутствия проверки полномочий предполагаемого представителя контрагентом. Кроме того, во внимание принимается продолжительность деловых отношений между сторонами [17].

Психологический элемент предполагает наличие добросовестного заблуждения: под защиту попадают только те третьи лица, которые добросовестно, с достаточной степенью осмотрительности, полагались на увиденное. Соответственно, оценке подлежат: личность третьего лица, его навыки, квалификация, занимаемая должность и прочие обстоятельства, способные сказаться на восприятии действий другого субъекта.

Наконец, третье условие касается действий самого представляемого. Он своими действиями, пусть и по неосторожности, или вовсе вследствие бездействия должен создавать условия видимости наличия полномочий у другого лица [18].

При этом концепция видимости полномочий распространяется и на юридических лиц, несмотря на правила юридической гласности, касающиеся назначения и прекращения полномочий их законных представителей. Исключением является ситуация, когда факт прекращения функций единоличного исполнительного органа был заблаговременно опубликован (дело бывшего руководителя) [19].

Таким образом, несложно заметить, что, несмотря на отсутствие разделения видимых полномочий на «кажущиеся» и «претерпеваемые», общие условия применения рассматриваемой концепции во французском правопорядке в целом совпадают с упомянутым ранее подходом немецких цивилистов.

Концепция видимых полномочий в праве Англии и США

Начать стоит с того, что в англосаксонской системе права представительство регулируется преимущественно прецедентами (в США они собраны в *Restatement of the Law of Agency*) [20]. Кроме того, ни английское право, ни право Соединённых Штатов не содержит разделения представительства на прямое и косвенное, законное и договорное.

В связи с этим в США и Англии концепция видимых полномочий имеет некоторые особенности. Прежде всего стоит отметить, что в странах общего права данный институт, как и представительство в целом, связан с доктриной агентского права и близок к более фундаментальному принципу – эстоппель (но не тождественен ему), поскольку добросовестное третье лицо действует на основании устойчивых убеждений о наличии полномочий, возникших в результате действий или бездействий принципала [21, р. 168]. Последний считается связанным действиями мнимого агента и тогда, когда сделка заключается в его присутствии (*presence of the principal*), но третьему лицу не заявляется об отсутствии полномочий. Это напоминает конструкцию «претерпеваемого» полномочия, о котором шла речь выше применительно к немецкому правопорядку.

Из доктрины агентских отношений следует, что полномочия агента могут быть фактическими (*actual authority*), которые делятся на явные (*express*) и подразумеваемые (*implied*), видимыми (*apparent authority*) и неотъемлемыми (*inherent authority*). При этом даже если агент не обладает одним из этих трех видов полномочий, принципал может нести ответственность в соответствии с доктринами эстоппеля или одобрения (*the doctrine of Estoppel or Ratification*).

Остановимся более подробно на видимых полномочиях (*apparent authority*). Они представляют собой полномочия агента или иного субъекта оказывать воздействие на правоотношения принципала с третьими лицами, когда третье лицо обоснованно полагает, что субъект имеет полномочия действовать от имени принципала, и это убеждение прослеживается из поведения самого пред-

ставляемого (см. *Agency Restatement (3rd)*, par. 2.03.)

Основное отличие видимых полномочий от фактических заключается в том, что последние исходят от принципала к агенту, а видимые от принципала к третьему лицу. Иными словами, если действия принципала заставят разумного человека на месте агента поверить, что он обладает фактическими полномочиями действовать от имени принципала, то агент обладает фактическими полномочиями. Если же поведение принципала убедит третье лицо в том, что агент имеет право действовать от имени принципала, то речь будет идти о видимых полномочиях агента.

Важно здесь отдельно подчеркнуть, что видимые полномочия не могут возникнуть исключительно в результате действий агента – ключевым является участие (прямое или косвенное) самого представляемого.

Соответственно, в одних обстоятельствах объем видимых полномочий агента будет эквивалентен объему его фактических полномочий, а в других будет отличаться. Кроме того, видимые полномочия могут существовать даже при отсутствии отношений между принципалом и агентом.

Из анализа системы общего права видно, что общие условия для применений концепции видимости полномочий в целом схожие: третье лицо должно действовать добросовестно и полагаться либо на прямые заявления принципала, либо объективную на обстановку, возникшую при наличии вклада последнего.

Концепция видимых полномочий в Российской правовой системе

Начать стоит с того, что институт видимых полномочий не получил детальной регламентации в российском законодательстве. Отдельные статьи Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закрепляют единичные положения, свидетельствующие о точечном проникновении рассматриваемой доктрины в систему российского права.

Так, например, из п. 2 ст. 189 ГК РФ следует, что в случае, когда контрагент не знал и не мог знать о прекращении полномочий по предъявленной ему доверенности, лицо действующее без полномочий, связывает своими действиями мнимого представляемого и контрагента.

Нельзя не обратить внимание на положение абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК РФ, посвященное полномочиям представителя из обстановки. К данной норме нередко обращаются суды в целях защиты добросовестного лица, полагающегося на видимость существования полномочий. Тем не менее, не останавливаясь на соотношении видимых полномочий и полномочий из обстановки, отметим только, что большинство исследователей придерживаются подхода, согласно которому данная статья касается именно наделения полномочием посредством поручения уполномочиваемому действовать в определённой среде, которая свидетельствует

о наличии у него прав выступать в качестве представителя. Иными словами, речь в указанной норме идёт о добровольном представительстве [22, с. 487–489; 23, с. 653–654].

Многочисленные споры среди исследователей в контексте рассматриваемой концепции вызывает п. 1 ст. 174 ГК РФ. Своими корнями они уходят в дискуссии о природе полномочия, являющегося неотъемлемым элементом института представительства.

Итак, в научных трудах можно встретить позицию о том, что в п. 1 ст. 174 ГК РФ установлен один из примеров превышения представителем своего полномочия – выход за пределы полномочия при наличии видимости его существования (например, при предъявлении третьему лицу доверенности, в которой объём полномочия шире, чем в договоре, опосредующем внутренние правоотношения). При соблюдении условий применения концепции *apparent authority*, которую исследователи усматривают в тексте данного положения, у лица, нарушившего ограничения, возникает полномочие на основании видимости права в части их превышения (законное представительство). По этой же причине рассматриваемая норма подвергается критике, поскольку при недобросовестности третьего лица, то есть несоблюдении одного из условий исследуемой доктрины, закон устанавливает лишь оспоримость совершённой за пределами полномочий сделки, что прямо противоречит п. 1 ст. 183 ГК РФ [24, с. 3].

Другие учёные, стремясь примирить упомянутые законоположения (п. 1 ст. 174, п. 1 ст. 183 ГК РФ), отмечают, что при представительстве возникают два уровня правовых эффектов: внутренних – отношения между представителем и представляемым и внешний – формирование у третьих лиц представления о наличии полномочий на совершение сделки. При этом ограничения, о которых идёт речь в п. 1 ст. 174 ГК РФ, представляя собой не ограничение полномочий, а исключительно внутренние обязательства, регламентирующие порядок их осуществления. Полномочия, в свою очередь, являются внешним аспектом представительства. Отсюда следует, что, например, полномочие органа юридического лица определяется корпоративным законодательством, а добровольного представителя – доверенностью.

Такое толкование, по мнению исследователей, наиболее точно отражает идею абстрактности сделки по выдаче полномочия [22, с. 487], направлено на обеспечение стабильности оборота, а также позволяет избежать коллизии с п. 1 ст. 183 ГК РФ. Обоснованность данного подхода, по их мнению, подкрепляется и тем, что если ограничения прямо выражены и известны третьему лицу (внешняя сторона представительства), то именно на него и должны быть возложены негативные последствия, вызванные его же неосмотрительностью. Соответственно, применению в таком случае подлежит п. 1 ст. 183 ГК РФ.

В случае же, когда нарушаются исключительно внутренние ограничения, защите подлежат разум-

ные ожидания добросовестной стороны, а потому сделка признаётся действительной и может быть оспорена представляемым только при недобросовестности другой стороны (п. 1 ст. 174 ГК РФ) [25, с. 619–623].

На наш взгляд, несмотря на то, что второй подход на сегодняшний день является доминирующим, он также не лишён ряда недостатков. Так, не вполне обоснованной представляется идея о том, что в случае неосмотрительности контрагента, проигнорировавшего ограничения, содержащиеся в доверенности или следующие из закона, применению подлежат правила п. 1 ст. 183 ГК РФ, а в случае явной недобросовестности третьего лица, осведомлённого о нарушении внутренних обязательств представителем (органом), совершённая последним сделка порождает права и обязанности на стороне представляемого.

В последнем случае, несмотря на более грубое поведение контрагента, представляемый оказывается в менее благоприятном положении, поскольку вместо института последующего одобрения сделки он может лишь прибегнуть к механизму оспаривания, сохраняя риск пропуска исковой давности. При этом и в той, и в другой ситуации контрагент знает или должен знать о выходе представителем за пределы установленных ограничений, а потому не имеет принципиального значения, являются ли они внутренними или выраженными вовне.

Иными словами, хотя в данной норме содержится в целом верная идея о необходимости защиты правомерных ожиданий участников гражданского оборота, полагающихся на видимость наличия полномочия, отражена она не совсем последовательно. Закон не должен устанавливать более благоприятные правовые последствия для недобросовестного субъекта, осведомлённого о наличии внутренних ограничений на осуществление полномочия представителем, по сравнению с лицом, проявившим невнимательность при определении объёма полномочий в их внешнем выражении (доверенности, законе).

Из сказанного следует, что в действующей редакции рассматриваемое положение закона лишь отчасти позволяет достичь баланса интересов сторон с учётом различной степени осведомлённости контрагента о принадлежности представителю полномочия. В связи с этим норма п. 1 ст. 174 ГК РФ требует реформирования.

Более правильным представляется подход, применяемый во многих зарубежных правовых системах: если установлено, что третье лицо не могло не знать о нарушении представителем внутренних ограничений, то при отсутствии последующего одобрения со стороны представляемого сделка считается заключённой от имени совершившего её лица. Именно он в полной мере соответствует концепции *apparent authority*, принятой в большинстве развитых правовых систем и предполагающей, что для возникновения действительного полномочия требуется соблюдение трёх обязательных пред-

посылок, к числу которых относится добросовестность контрагента.

Поэтому норму п. 1 ст. 174 представляется необходимым изложить в следующем виде:

«Если полномочия лица на совершение сделки ограничены договором или положением о филиале или представительстве юридического лица либо полномочия действующего от имени юридического лица без доверенности органа юридического лица ограничены учредительными документами юридического лица или иными регулирующими его деятельность документами по сравнению с тем, как они определены в доверенности, в законе либо как они могут считаться очевидными из обстановки, в которой совершается сделка, и при ее совершении такое лицо или такой орган вышли за пределы этих ограничений, сделка считается заключённой от имени в интересах представляемого лица, за исключением случаев, когда доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать об этих ограничениях. В последнем случае применению подлежит п. 1 ст. 183 ГК РФ.»

Заключение

Подводя итог настоящему исследованию, следует отметить, что концепция полномочий на основании видимости права является одним из наиболее действенных правовых механизмов защиты добросовестных третьих лиц. В зарубежных правовых порядках он успешно применяется уже длительное время и по-прежнему продолжает показывать свою эффективность благодаря проверенной временем триаде универсальных взаимосвязанных предпосылок, позволяющих достичь баланса интересов сторон при их строгом соблюдении.

Тем не менее в российской правовой системе имеются лишь единичные проявления данной доктрины, отражённые в законодательстве весьма непоследовательно. Такое положение дел порождает путаницу у правоприменителя и не позволяет раскрыть весь потенциал данного правового института.

Отдельные же положения ГК РФ вовсе идут вразрез с общепринятой концепцией видимости и устанавливают непоследовательное регулирование, нарушающее баланс интересов сторон. Так, п. 1 ст. 174 ГК РФ закрепляет более благоприятные правовые последствия для недобросовестного контрагента, осведомлённого о наличии внутренних ограничений, по сравнению с теми, что установлены законом в отношении лица, проявившего невнимательность при оценке объема полномочий в их внешнем выражении – п. 1 ст. 183 ГК РФ. По этой причине указанное положение закона нуждаются в реформировании. За основу могут быть приняты рекомендации, изложенные в данном исследовании.

Литература

1. «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена

решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009), п. 6.4. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902248128> (Дата обращения: 25.04.2025).

2. Черепахин Б.Б. Юридическая природа и обоснование приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя // Труды по гражданскому праву. М., 2001.
3. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) vom 02.01.2002. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BGB.pdf> (Дата обращения: 25.04.2025).
4. Tuhr A. Allgemeiner Teil des schweizerischen Obligationenrechts. Halbbd. 1. P. 291.; Keller M., Schöbi Ch. Das Schweizerische Schuldrecht. 3 Aufl. Basel und Frankfurt a. M., 1988. Bd. 1.
5. Байгушева Ю.В. Представительство по российскому гражданскому праву (к разработке отечественной доктрины с учётом западноевропейской цивилистики). СПб., 2015.
6. Larenz K. Allgemeiner Teil des deutschen bürgerlichen Rechts. München, 1967.
7. Larenz K., Wolf M., Neuner J. Allgemeiner Teil des bürgerlichen Rechts. 12 Aufl. München, 2020.
8. Bundesgerichtshof, Urteil vom 11.05.2011 – VIII ZR 289/09* // BGHZ. URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=56120&pos=0&anz=1> (дата обращения: 25.04.2025).
9. Oberlandesgericht Frankfurt am Main, Beschluss vom 10.05.2005–9 U 73/05 // openJur. – 2012. – Nr. 26232. URL: <https://openjur.de/u/228848.html> (дата обращения: 25.04.2025); Oberlandesgericht Düsseldorf, Urteil vom 11.04.2013 – I-5 U 127/12. URL: http://www.justiz.nrw.de/nrwe/olgs/duessel-dorf/j2013/I_5_U_127_12_Urteil_20130411.html (дата обращения: 25.04.2025).
10. Bundesgerichtshof, Urteil vom 21.06.2005 – XI ZR 88/04* // BGHZ. URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&sid=10f69f32811a1e-5231b4a6e009e75191&nr=33331&anz=1&pos=0> (дата обращения: 25.04.2025).
11. Bundesgerichtshof, Urteil vom 09.05.2014 – V ZR 305/12* // BGHZ URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=68078&pos=0&anz=1> (дата обращения: 25.04.2025).
12. Bundesgerichtshof, Urteil vom 05.03.1998 – III ZR 183/96* // Wolters Kluwer Online. URL: <https://research.wolterskluwer-online.de/document/a7c-c07d8-5ddf-44df-b13a-f8475bec4149> (дата обращения: 25.04.2025).
13. Le Code civil des Français, le 21 mars 1804 (version en vigueur au 09 avril 2025). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (Дата обращения: 25.04.2025).
14. R. Demogue. Notions fondamentales du droit prive. Paris, 1911.
15. La Cour de cassation, de l'Assemblée plénière du 13 décembre 1962. URL: <https://www.legifrance.>

gouv.fr/juri/id/JURITEXT000006963028/ (Дата обращения: 25.04.2025).

16. Cour de Cassation, Chambre civile 1, du 13 juin 1967. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000006975479> (Дата обращения: 25.04.2025).
17. Cour de cassation, Chambre commerciale, du 15 mars 1984, 82–15.081. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007013576?init=true&page=1&query=82-15.081&search-Field=ALL&tab_selection=all (Дата обращения: 25.04.2025).
18. Cour de cassation, civile, Chambre commerciale, 9 mars 2022, 19–25.704; Cour de Cassation, Chambre commerciale, du 12 décembre 1973, 72–12.979; Cour de Cassation, Chambre commerciale, du 9 mars 1999, 96–13.782; Cour de Cassation, Assemblée plénière, du 13 décembre 1962, 57–11.569. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (Дата обращения: 25.04.2025).
19. Cour de Cassation, Chambre commerciale, du 4 mai 1993, 91–14.616. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007030809?init=true&page=1&query=+91-14.616&search-Field=ALL&tab_selection=all (Дата обращения: 25.04.2025).
20. Restatement of the Law – Agency Restatement (3rd) of Agency Current through April 2006 URL: <https://studylib.net/doc/8168533/restatement-of-the-law—agency-restatement-third-of-a...> (Дата обращения: 25.04.2025).
21. Jeffrey Lehman, Shirelle Phelps. West's Encyclopedia of American Law. Т. 1. Detroit, 2005.
22. Суханов Е.А. Гражданское право. Уч. в 4-х томах. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2019.
23. Сергеев А.П. Гражданское право. Учебник. Том 1. 2-е издание / Под общ. ред.: А.П. Сергеев. М., 2018.
24. Байгушева Ю.В. Представительство (замечания к Постановлению Пленума ВС РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации») // КонсультантПлюс. 2015.
25. Карапетов А.Г. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2018.

THE POWERS OF A REPRESENTATIVE (BODY) OF A LEGAL ENTITY BASED ON THE APPEARANCE OF LAW

Bondarenko V.Yu., Knvazev A.N.

National Research University Higher School of Economics, Moscow Law Chamber

The purpose of this article is to analyze the concept of apparent authority in the context of the activities of representatives and bodies of legal entities, as well as to develop proposals for reforming Russian legislation, taking into account foreign experience. Comparative legal and analytical methods were used in the work, which made it possible to study approaches to the regulation of visible powers in

Germany, France, as well as the countries of the Anglo-Saxon legal family.

The results of the study showed that a universal triad of conditions for the application of the concept has been formed in foreign legal systems: the presence of objective circumstances indicating the presence of authority, the contribution of the representative to the creation of visibility and the integrity of the counterparty. In the Russian legal system, the institution of visible powers is regulated in fragments, which leads to contradictions.

The author substantiates the need to unify regulation for cases of absence and abuse of authority, as well as expand the scope of the concept under consideration.

The practical significance of the work lies in proposals to improve legislation aimed at protecting bona fide participants in civil turnover and ensuring the stability of legal relations. The research may be useful for law enforcement practice and further scientific developments in the field of representation and corporate law.

Keywords: apparent authority, powers of a representative, conditions, represented party, third party, abuse of authority, good faith, counterparty.

References

1. “Concept for the Development of Civil Legislation of the Russian Federation” (approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation dated 07.10.2009), paragraph 6.4. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902248128> (Accessed: 25.04.2025).
2. Cherepakhin B.B. Legal nature and rationale for acquiring ownership from an unauthorized alienator // Works on civil law. Moscow, 2001.
3. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) vom 02.01.2002. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BGB.pdf> (Accessed: 25.04.2025).
4. Tuhr A. General principles of legal obligations. Halbbd. 1. P. 291.; Keller M., Schöbi Ch. The Swiss Law. 3rd edition. Basel and Frankfurt a. M., 1988. Vol. 1.
5. Baigusheva Yu.V. Representation under Russian civil law (towards the development of a domestic doctrine taking into account Western European civil law). St. Petersburg, 2015.
6. Larenz K. General principles of legal obligations. Munich, 1967.
7. Larenz K., Wolf M., Neuner J. General principles of legal obligations. 12th edition. Munich, 2020.
8. Federal Court of Justice, Report from 11.05.2011 – VIII ZR 289/09* // BGHZ. Available at: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=56120&pos=0&anz=1> (Accessed: 25.04.2025).
9. Oberlandesgericht Frankfurt am Main, Report from 10.05.2005–9 U 73/05 // openJur. – 2012. – Nr. 26232. Available at: <https://openjur.de/u/228848.html> (Accessed: 25.04.2025).; Oberlandesgericht Düsseldorf, Urteil vom 04/11/2013 – I-5 U 127/12. URL: http://www.justiz.nrw.de/nrwe/olgs/duesseldorf/j2013/I_5_U_127_12_Urteil_20130411.html (access date: 04/25/2025).
10. Bundesgerichtshof, Urteil vom 21.06.2005 – XI ZR 88/04* // BGHZ. URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&sid=10f69f32811a1e5231b4a6e009e75191&nr=33331&anz=1&pos=0> (accessed on 25.04.2025).
11. Federal Court of Justice, Decision of 09.05.2014 – V ZR 305/12* // BGHZ URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=68078&pos=0&anz=1> (accessed on 25.04.2025).
12. Bundesgerichtshof, Urteil vom 03/05/1998 – III ZR 183/96* // Wolters Kluwer Online. URL: <https://research.wolterskluwer-online.de/document/a7cc07d8-5ddf-44df-b13a-f8475bec4149> (access date: 04/25/2025).
13. Le Code civil des Français, le 21 mars 1804 (version en vigueur au 09 avril 2025). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (Date of access: 04/25/2025).
14. R. Demogue. Notions fondamentales du droit privé. Paris, 1911.
15. La Cour de cassation, de l'Assemblée plénière du 13 December 1962. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000006963028/> (Date of access: 04/25/2025).

16. Cour de Cassation, Chambre civile 1, du 13 juin 1967. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000006975479> (Date of access: 04/25/2025).
17. Cour de cassation, Chambre commerciale, du 15 mars 1984, 82–15.081. URL: [https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT00007013576?init=true&page=1&query=82–15.081&search-Field=ALL&tab_selection=all](https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT00007013576?init=true&page=1&query=82-15.081&search-Field=ALL&tab_selection=all) (Date of access: 04/25/2025).
18. Cour de cassation, civile, Chambre commerciale, 9 Mars 2022, 19–25.704; Cour de Cassation, Chambre commerciale, 12 December 1973, 72–12.979; Cour de Cassation, Chambre commerciale, du 9 mars 1999, 96–13.782; Cour de Cassation, Assemblée plénière, 13 December 1962, 57–11.569. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (Date of access: 04/25/2025).
19. Cour de Cassation, Chambre commerciale, du 4 May 1993, 91–14.616. URL: [https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT00007030809?init=true&page=1&query=+91–14.616&search-Field=ALL&tab_selection=all](https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT00007030809?init=true&page=1&query=+91-14.616&search-Field=ALL&tab_selection=all) (Accessed: 25.04.2025)
20. Restatement of the Law – Agency Restatement (3rd) of Agency Current through April 2006 URL: [https://studylib.net/doc/8168533/restatement-of-the-law—agency-restatement – third – of-a...](https://studylib.net/doc/8168533/restatement-of-the-law—agency-restatement-third-of-a...) (Accessed: 25.04.2025).
21. Jeffrey Lehman, Shirelle Phelps. West's Encyclopedia of American Law. T. 1. Detroit, 2005.
22. Sukhanov E.A. Civil law. Manual in 4 volumes. 2nd revised and enlarged edition. Moscow, 2019.
23. Sergeev A.P. Civil law. Textbook. Volume 1. 2nd edition / Under the general editorship: A.P. Sergeev. Moscow, 2018.
24. Baigusheva Yu.V. Representation (comments on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 N 25 “On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation”) // ConsultantPlus. 2015.
25. Karapetyan A.G. Transactions, representation, statute of limitations: article-by-article commentary on Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation / Ed. A.G. Karapetyan. Moscow, 2018.

Правовая природа субсидиарной ответственности по долгам юридических лиц

Исаев Кирилл Михайлович,
аспирант, МГЮА
E-mail: isaeeff@gmail.com

В условиях современности проблема правовой природы субсидиарной ответственности по долгам юридических лиц приобретает как теоретическое, так и практическое значение. Наблюдаемая в правоприменении трансформация этого института из вспомогательного механизма в самостоятельный способ перераспределения имущественных рисков обнажает фундаментальные противоречия между частноправовой и публично-правовой его интерпретацией. Целью в рамках данного исследования является концептуальное прояснение юридической сущности рассматриваемого института. В научной литературе обнаруживаются значительные расхождения – одни авторы настаивают на деликтной природе субсидиарной ответственности, другие же указывают на обязательственный, корпоративный либо смешанный характер данной ответственности. Указанные разногласия и разнообразие мнений усугубляются отсутствием единообразных критериев привлечения контролирующих лиц к ответственности, правовой неопределённостью понятий «контроль», «виновность», «причинно-следственная связь» в контексте процедур банкротства. Автор приходит к выводу, что модель субсидиарной ответственности имеет выраженную деликтную природу. Попытки интерпретировать её в рамках обязательственного, корпоративного, договорного подходов не выдерживают критики ввиду отсутствия соответствующих юридических связей между субъектами ответственности. Работа адресована научному сообществу, юристам, специалистам в области корпоративного права, а также лицам, участвующим в процедурах банкротства.

Ключевые слова: банкротство, долги юридических лиц, контролирующие лица, корпоративное управление, несостоятельность, обязательства, субсидиарная ответственность.

Введение

В условиях развития рыночной экономики институт субсидиарной ответственности по долгам юридических лиц приобретает всё более важное значение. Современная практика показывает, что юридические лица, обладая самостоятельностью и ограниченной ответственностью участников, нередко становятся инструментами для недобросовестного перераспределения рисков. В подобных ситуациях перед правоприменителем встаёт задача эффективной защиты прав кредиторов без разрушения фундаментальных принципов корпоративного права.

С учётом вышеизложенного ключевым вопросом становится установление правовой природы субсидиарной ответственности – является ли она продолжением обязательственных отношений, порождённых между должником и кредиторами; следует ли её рассматривать как проявление внутрикорпоративных обязанностей контролирующих лиц; или же она представляет собой отдельный вид гражданско-правовой ответственности за причинение вреда.

Ответ на этот вопрос определяет как процессуальные особенности привлечения лиц к ответственности, так и пределы их защиты, основания освобождения, критерии оценки вины. Невзирая на наличие в научной литературе множества подходов, единая позиция выработана не была. Особенно остро проблема стоит в сфере банкротства, где субсидиарная ответственность используется как средство восстановления нарушенного баланса имущественных интересов сторон.

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу существующих подходов к пониманию субсидиарной ответственности по долгам юридических лиц, их критической оценке, а также обоснованию деликтного характера субсидиарной ответственности, который в настоящее время получает официальное признание в судебной практике и юридической доктрине.

Материалы и методы

При раскрытии обсуждаемой темы в литературе применяется комплекс методологических подходов, сочетающий как общенаучные, так и частно-юридические методы. Центральное место занимает диалектический метод, позволяющий рассматривать субсидиарную ответственность как динамически развивающийся правовой феномен, формирующийся на стыке публичных и частных интересов

[8, 12], а также в контексте эволюции доктрины ограниченной ответственности [9, 10, 14] и современной судебной практики. Широко используется системный метод, с помощью которого исследуются взаимосвязи между нормами гражданского и корпоративного права, а также выстраивается целостное понимание института субсидиарной ответственности как элемента более широкой правовой конструкции защиты кредиторов [9, 14, 15].

Наряду с этим, важную роль играет формально-юридический метод, посредством которого осуществляется анализ нормативных положений, прежде всего, статьи 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а также ст. 1064 ГК РФ, норм главы 59 ГК РФ и положений Постановлений Пленума ВС РФ. Он применяется для выявления понятийных границ, определения правовой квалификации. Сравнительно-правовой метод позволяет исследовать зарубежный опыт, в частности, доктрину «прокалывания корпоративной вуали» (*piercing the corporate veil*), и выявить различия в подходах к дополнительной ответственности контролирующих лиц в иных правовых порядках.

Применение историко-правового метода позволяет проследить генезис рассматриваемой категории, прослеживая эволюцию принципов ограниченной ответственности и моменты, когда интересы кредиторов начали получать приоритет над формальным признанием юридической автономии компаний [8, 13].

Наконец, критический анализ судебной практики представляет собой важный инструмент, дающий возможность выявить устойчивые правовые позиции и противоречия, а также обосновать доминирующее в доктрине деликтное понимание характеризующей категории.

Сочетание указанных методов позволяет обеспечить комплексный подход к изучению анализируемого правового института, раскрыть его сущность, обосновать природу.

Результаты и обсуждение

Проблематика правовой природы субсидиарной ответственности по долгам юридических лиц на протяжении длительного времени остаётся одной из центральных в российской гражданско-правовой науке. Вопрос о сущности имеет не только теоретическое значение, но и практическую ценность, поскольку от правильной квалификации зависят как основания привлечения к ней, так и пределы защиты прав участников оборота. На фоне развития института банкротства и усиления требований к контролирующим лицам интерес к соответствующей теме закономерно усиливается.

Так, в научной литературе можно выделить несколько основных подходов к пониманию правовой природы субсидиарной ответственности.

Сторонники первого подхода рассматривают субсидиарную ответственность как разновидность дополнительного обязательства между основным

должником и лицом, обязанным отвечать перед кредитором при неисполнении обязательства основным должником. В рамках этой концепции субсидиарное обязательство возникает как производное от основного и предполагает его наличие в качестве предпосылки [8, 11].

Вместе с тем, критика этих воззрений базируется на том основании, что в классических случаях рассматриваемой ответственности по долгам юридических лиц, особенно при банкротстве, между контролирующим лицом и кредиторами отсутствует какая-либо обязательственная связь. Следовательно, применение обязательственно-правовой конструкции к характеризующим отношениям представляется необоснованным.

В рамках корпоративного подхода анализируемая категория исследуется как следствие нарушения контролирующим лицом корпоративных обязанностей – прежде всего, фидуциарных (обязанности добросовестности и разумности). При этом подчеркивается особая природа ответственности в корпоративных структурах; исследователи оперируют понятием «прокалывания корпоративной вуали» (*piercing the corporate veil*). Это метафора, которая описывает обособленность юридического лица от его участников или контролирующих лиц. ООО или АО имеет собственную правосубъектность и отвечает по долгам своим имуществом, а участники не несут ответственности по его обязательствам. «Прокалывание корпоративной вуали» – это особая юридическая практика, когда суд допускает отступление от принципа самостоятельности юридического лица и возлагает ответственность на лиц, стоящих за ним (учредителей, директоров, бенефициаров) [14].

Тем не менее, описываемый подход также сталкивается с критикой, поскольку корпоративные обязанности возникают исключительно внутри соответствующей структуры и не связывают контролирующего субъекта напрямую с кредиторами, чьи права нарушаются. Поэтому характеризующие воззрения на природу анализируемой категории не способны в полной мере объяснить механизм возникновения ответственности перед третьими лицами.

Отдельные авторы выделяют договорный подход, в рамках которого субсидиарная ответственность возникает из добровольного принятия лицом обязательств по долгам юридического лица (например, в форме поручительства) [8]. Однако это применимо исключительно к отношениям, которые возникают на основании прямого соглашения сторон – подход не даёт возможность объяснить природу ответственности в случаях, когда она возлагается *ex lege*, как при банкротстве.

Итак, важно разграничение – классическая субсидиарная ответственность (например, по ст. 399 ГК РФ [1] или нормам о банкротстве [2]) возникает из закона, а не из договора. Поэтому рассматриваемый подход применим к тем ситуациям, где описываемая категория конструируется волей сторон,

но он не объясняет природу законной субсидиарной ответственности в чистом виде.

Наибольшее распространение в современной науке и судебной практике получил деликтный подход, согласно которому изучаемый институт трактуется как разновидность гражданско-правовой ответственности за причинение вреда. Соответствующие представления о природе базируются на признании того, что противоправные действия контролирующего лица, приведшие к банкротству юрлица, нарушают права и законные интересы кредиторов [10, 12, 15].

Как справедливо отмечает А. Егоров [10], институт ответственности контролирующих лиц (ст. 61.11 Закона о банкротстве [2]) построен именно на конструкции деликта: оно отвечает за свои противоправные действия, а не за деяния должника.

Наконец, ряд исследователей предлагает комплексные модели, сочетающие элементы обязательственной, корпоративной и деликтной природы [8, 13]. Однако такие вариации нередко страдают методологической эклектичностью и не способны предложить ясные критерии разграничения.

Далее предлагается более подробно остановиться на описании деликтной природы, поскольку соответствующий подход находит наибольшую поддержку в научной среде.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» прямо указывается, что при привлечении к субсидиарной ответственности применяются положения глав 25 и 59 ГК РФ, регулирующих ответственность за нарушение обязательств и за причинение вреда соответственно [4–6]. Более того, в ряде конкретных дел (например, банкротство ООО «ЯрославльТрейд» [3]) ВС РФ подчеркнул деликтную природу этой ответственности, ориентируя суды на необходимость установления состава правонарушения:

- противоправности поведения;
- вины;
- причинения вреда;
- причинной связи.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 21.05.2021 № 20-П «по делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук» подтвердил, что требование о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности ориентировано на компенсацию последствий их противоправных действий, приведших к банкротству юридического лица. В качестве генерального основания такого иска названа статья 1064 ГК РФ.

КС РФ также указал, что субсидиарная ответственность исполняет функцию защиты прав кредиторов и восстановления их имущественного положения, что полностью соответствует деликтной природе правонарушения [7].

Достаточно убедительным является и теоретическое обоснование характеризуемого подхода. К примеру, А. Егоров обоснованно отмечает, что между контролирующим лицом и кредиторами отсутствует обязательственная связь, а значит, единственно возможным объяснением субсидиарной ответственности является её деликтный характер [10]. Принятие иной квалификации (например, договорной или корпоративной) не имеет достаточных правовых оснований и приводит к подмене сущности анализируемого института.

Выводы

Проведённый анализ позволяет с полной обоснованностью утверждать, что деликтный подход к пониманию сущности субсидиарной ответственности по долгам юридических лиц представляет собой наиболее адекватное отражение её правовой природы. Основными признаками в случае банкротства юрлица являются: наличие противоправного поведения контролирующих субъектов, причинение вреда имущественным интересам кредиторов, а также прямая причинная связь между действиями и наступившими неблагоприятными последствиями.

В отличие от обязательственного и корпоративного подходов, деликтная модель позволяет логически связать возникновение ответственности с нарушением общих гражданско-правовых обязанностей не причинять вред другим лицам. Отсутствие прямой обязательственной связи между контролирующим лицом и кредиторами исключает возможность договорной квалификации, а характер нарушенных обязанностей выходит за пределы корпоративных внутренних отношений.

Подтверждение деликтной природы характеризуемой категории содержится как в постановлениях Верховного Суда РФ, так и в правовых позициях Конституционного Суда РФ, что свидетельствует о формировании устойчивой линии в официальной интерпретации законодательства.

Как представляется, установление деликтного характера субсидиарной ответственности имеет важное практическое значение – оно влияет на правила доказывания, пределы ответственности, критерии освобождения от неё, определяет специфику защиты прав участников оборота.

Таким образом, принятие деликтной конструкции содействует укреплению баланса интересов в корпоративных отношениях и справедливому перераспределению рисков между их участниками.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 18.04.2025).
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу

с 01.03.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 18.04.2025).

3. Определение ВС РФ от 07.12.2015 № 307-ЭС15–5270 // «КонсультантПлюс».
4. Определение ВС РФ от 30.01.2020 № 305-ЭС18–14622(4,5,6) // «КонсультантПлюс».
5. Определение ВС РФ от 24.08.2020 № 305-ЭС20–5422(1,2) // «КонсультантПлюс».
6. Определение ВС РФ от 31.08.2020 № 305-ЭС19–24480 // «КонсультантПлюс».
7. Определение ВС РФ от 02.02.2024 № 305-ЭС19–27802(6,7,8,9) // «КонсультантПлюс».
8. Баязитов Т. Дамоклов меч российского банкрота: субсидиарная ответственность // URL: <https://delo.press.ru/journals/law/v-fokuse/49942-damoklov-mech-rossiyskogo-bankrota-subsidiarnaya-otvetstvennost/> (дата обращения: 18.04.2025).
9. Вохидов М.А. Возникновение института субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного юридического лица // Российское право: образование, практика, наука. – 2022. – № 2. – С. 72–77.
10. Егоров А. Субсидиарная ответственность по долгам юридического лица: концептуальные вопросы // Цивилистика. – 2024. – Т. 1. – № 3. – С. 37–96.
11. Жульева О.Е. Правовая природа субсидиарной ответственности по долгам юридических лиц (на примере обществ с ограниченной ответственностью) // Вестник ВИАПП. – 2023. – № 2. – С. 116–125.
12. Исмагулов Р.Р. Привлечение к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, исключенного из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо // Вестник арбитражной практики. – 2024. – № 4 (113). – С. 72–83.
13. Кудрявцев Д.В. Соотношение солидарной и субсидиарной ответственности лиц, ответственных за принятие решений по долгам юридических лиц // Современная школа России. Вопросы модернизации. – 2022. – № 4–2 (41). – С. 50–51.
14. Петухов С.В. Субсидиарная ответственность по обязательствам юридического лица // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 6. – С. 192–200.
15. Руднев В.О. Понятие и юридическая природа субсидиарной ответственности // Образование и право. – 2024. – № 4. – С. 177–181.

THE LEGAL NATURE OF SUBSIDIARY LIABILITY FOR THE DEBTS OF LEGAL ENTITIES

Isaev K.M.

Moscow State Law Academy

In the contemporary legal landscape, the issue of the legal nature of subsidiary liability for the debts of legal entities has acquired not only theoretical relevance but also acute practical significance. The transformation of this legal construct—from an auxiliary mechanism into an independent means of redistributing financial risk – has exposed fundamental contradictions between its private-law and public-law interpretations. The purpose of this study is to conceptually clarify the legal essence of the institution in question, relying on a structured review of modern scholarly publications. The academic literature reveals substantial divergence: some authors argue for the tort-based nature of subsidiary liability, while others advocate for its contractual, corporate, or hybrid character. These disagreements are further exacerbated by the absence of uniform criteria for holding controlling persons accountable and by legal uncertainty surrounding key notions such as “control,” “fault,” and “causality” within the context of insolvency procedures. The author concludes that the model of subsidiary liability has a distinctly tortious character. Attempts to interpret it through the lens of contractual, corporate, or obligation-based approaches fail to withstand scrutiny, given the lack of corresponding legal relationships between the parties involved. This article is intended for the academic community, litigators, corporate law specialists, and individuals involved in insolvency proceedings.

Keywords: insolvency, corporate debt, controlling persons, corporate governance, bankruptcy, obligations, subsidiary liability.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 08/08/2024, as amended. dated 31.10.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of application: 04/18/2025).
2. Federal Law No. 127-FZ of 10/26/2002 (as amended on 12/26/2024) “On Insolvency (Bankruptcy)” (as amended and supplemented, intro. effective from 03/01/2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (date of application: 04/18/2025).
3. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/07/2015 No. 307-ES15–5270 // “ConsultantPlus”.
4. Definition of the Armed Forces of the Russian Federation dated 30.01.2020 No. 305-ES18–14622(4,5,6) // “ConsultantPlus”.
5. Definition of the Armed Forces of the Russian Federation dated 08/24/2020 No. 305-ES20–5422(1,2) // “ConsultantPlus”.
6. Definition of the Armed Forces of the Russian Federation dated 08/31/2020 No. 305-ES19–24480 // “ConsultantPlus”.
7. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02.02.2024 No. 305-ES19–27802(6,7,8,9) // ConsultantPlus.
8. Bayazitov T. Damocles sword of the Russian bankrupt: subsidiary liability // URL: <https://delo.press.ru/journals/law/v-fokuse/49942-damoklov-mech-rossiyskogo-bankrota-subsidiarnaya-otvetstvennost/> (date of application: 04/18/2025).
9. Vohidov M.A. The emergence of the institution of subsidiary liability for debts of an insolvent legal entity // Russian law: education, practice, science. – 2022. – No. 2. – Pp. 72–77.
10. Egorov A. Subsidiary liability for debts of a legal entity: conceptual issues // Civil Law. – 2024. – Vol. 1. – No. 3. – Pp. 37–96.
11. Zhulieva O.E. The legal nature of subsidiary liability for debts of legal entities (on the example of limited liability companies) // Bulletin of the RESP. – 2023. – No. 2. – Pp. 116–125.
12. Ismagulov R.R. Bringing to subsidiary responsibility for the obligations of a debtor excluded from the Unified State Register of Legal Entities as an inactive legal entity // Bulletin of Arbitration Practice. – 2024. – No. 4 (113). – Pp. 72–83.
13. Kudryavtsev D.V. The ratio of joint and subsidiary responsibility of persons responsible for making decisions on debts of legal entities // Modern School of Russia. Modernization issues. – 2022. – No. 4–2 (41). – Pp. 50–51.
14. Petukhov S.V. Subsidiary liability for obligations of a legal entity // Issues of Russian justice. – 2020. – No. 6. – Pp. 192–200.
15. Rudnev V.O. The concept and legal nature of subsidiary liability // Education and law. – 2024. – No. 4. – Pp. 177–181.

Расторжение договора строительного подряда по инициативе подрядчика: основания, порядок, последствия

Каретин Марк Георгиевич,

аспирант кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: m.karetin@mail.ru

Специфика отношений, регулируемые договором строительного подряда, состоит в том, что гражданское законодательство предоставляет его сторонам право на расторжение договора по инициативе одной из сторон, причем, если такое право для заказчика может быть безусловным, то есть реализованным практически в любой момент, то подрядчик такое право приобретает в процессе исполнения договора только в том случае, если основание для возникновения права на расторжение договора прямо установлено законом. Сделан вывод о том, что возможность реализации подрядчиком права на расторжение договора строительного подряда не позволяет говорить о наличии «сильной» и «слабой» сторон договора, а также о необходимости нормативного определения ряда дефиниций оценочного характера, прежде всего таких правовых категорий, как разумность в осуществлении гражданских прав и исполнения обязанностей и «существенный характер нарушения договора».

Ключевые слова: договор, договор строительного подряда, подрядчик, заказчик, прекращение договора строительного подряда, расторжение договора строительного подряда.

Изменения в гражданско-правовом регулировании обязательственных отношений, сказавшиеся и на правовом регулировании отношений строительного подряда), которые состоялись в 2015 и 2023 гг. (Федеральные законы от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ и от 24.07.2023 г. № 347-ФЗ) наряду с ростом практики разрешения правовых споров между сторонами договора строительного подряда в судебном порядке актуализировали проблемы, связанные с реализацией сторон рассматриваемого обязательственного договора права на расторжение договора в одностороннем порядке.

Особенностью понимания сущности права на расторжение договора строительного подряда в Гражданском кодексе (РФ (далее: ГК РФ) стало то, что, по большей части, нормативное обеспечение реализации такого права сторонами договора определяется нормами общего порядка, устанавливающими общие для обязательственных отношений и их формы – договора –, которые содержатся в Части первой ГК РФ, что, в свою очередь, привело к формированию в российской цивилистической доктрине мнения об отсутствии специальных правил, регулирующих отношения, оформленные данным договором [10], с чем совершенно невозможно согласиться, поскольку именно в части регулирования расторжения договора строительного подряда, как по инициативе подрядчика, так и по инициативе заказчика, законодателем предусматривается конкретизация оснований в сравнении с общими нормами о расторжении обязательственных договоров. Наоборот, в научно-исследовательской литературе преобладает мнение о специальном характере регулирования отношений, оформленных договором строительного подряда, что можно увидеть, например, в исследовании М.Г. Розенберга [13], что доказывается, например, и тем обстоятельством, что законодатель первоначально предусмотрел обязанность сторон договора строительного подряда сотрудничать в период исполнения обязательств, вытекающих из договора, и только с 2015 г. такая обязанность является общей для сторон любого обязательственного договора в связи с внесением изменений в ст. 307 ГК РФ [14].

Право подрядчика на расторжение договора строительного подряда существенно отличается от аналогичного права заказчика именно тем, что общие нормы, предусматривающие право заказчика на отказ от исполнения я обязательства по договору подряда в одностороннем порядке, то есть нормы, применимые ко всем видам договоров подряда и содержащиеся в ст. 717 ГК РФ,

допускают односторонний отказ, право подрядчика на расторжение договора строительного подряда в одностороннем порядке возникает только в том случае, если правовое основание для этого прямо определено законом, то есть в тех ситуациях исполнения договора, которые предусматриваются не общими нормами, регулирующими подрядные отношения, а специальными нормами.

Расторжение договора строительного подряда как по инициативе заказчика, так и по инициативе подрядчика следует рассматривать как экстраординарную ситуацию, поскольку законодателем неоднократно указывается на необходимость сотрудничества сторон договора в процессе его исполнения как при возникновении спорных ситуаций. При возникновении правового спора, предметом которого является обоснованность расторжения договора по инициативе подрядчика, им должно быть доказано наличие такого основания, то есть правовое обоснование законности и обоснованности принятого подрядчиком решения должно быть основой его доказательной базы. Такими основания могут быть, например, отказ заказчика от пересмотра технической документации (п. 3 ст. 743 ГК РФ) как при подготовке к проведению работ, так и в процессе выполнения работ (ст. 750 ГК РФ), при этом при установлении фактически обязанности сторон договора устранять на основе согласительных процедур препятствия для надлежащего исполнения своих обязанностей нормами ст. 750 ГК РФ предусматривается следование правовой презумпции разумности при определении сторонами мер для устранения препятствий, что соответствует положению п. 4 ст. 10 ГК РФ, но в связи с применением оценочного понятия оставляет неопределенным правовую оценку разумности действий для сторон договора, что, в свою очередь, является основанием для возникновения правовых споров, которые разрешаются преимущественно в судебном порядке на основании норм п. 2 ст. 450 ГК РФ, когда разумность в действиях сторон договора строительного подряда оценивается судом, примеры чего можно увидеть в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.12.2016 г. по делу № 303-ЭС16-11985, № А37-593/2015 [11], Определении ВАС РФ от 24.04.2014 г. № ВАС-4645/14 по делу № А09-7541/2011 [12], ряде других судебных постановлений.

Общие основания расторжения обязательственных договоров, установленные п. 2 ст. 450 ГК РФ, применимы как для стороны заказчика, так и для стороны подрядчика, о чем свидетельствует правовая конструкция «одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут», но только в судебном порядке по одному из двух оснований, указанных в п. 2 ст. 450 ГК РФ. Обращает на себя внимание, что законодатель в данном случае избегает использования дефиниции «отказ», речь идет о требовании, право на выдвигание которого в равной мере принадлежит обеим сторонам. Причем, если первое основание вполне понятно,

хоть и содержит дефиницию оценочного характера (существенное нарушение договора), то норма пп. 2 п. 2 ст. 450 ГК РФ содержит бланкетную норму, но вполне применима к реализации подрядчиком права на обращении в судебном порядке с требованием к заказчику о расторжении договора строительного подряда. В качестве примера можно привести п. 3 ст. 745 ГК РФ, согласно которому подрядчик имеет право на отказ от исполнения договора строительного подряда, что влечет при отсутствии согласия заказчика исправить выявленные недостатки в предоставленных материалах и оборудовании, при этом у подрядчика появляется дополнительное право: в отношении уже выполненной части работ потребовать их досрочной оплаты [10], а также в одностороннем порядке потребовать расторжения договора, поскольку указанное обстоятельство следует рассматривать как существенное нарушение со стороны заказчика условий договора в соответствии с нормой пп. 1 п. 1 ст. 450 ГК РФ.

В научно-исследовательской литературе под существенным нарушением условий договора принято понимать такое действие или бездействие стороны обязательственного правоотношения, которое направлено против оптимального баланса интересов его сторон [4], но при этом признается, что сам институт существенного нарушения договора остается неразработанным, а применение носит казуистический характер [6], что приводит к необходимости в рамках судебного спора устанавливать характер нарушения: возможно ли его оценить как существенное, или нет.

Следует отметить, что законодателем в абзаце четвертом п. 2 ст. 450 ГК РФ приводится дефинитивная норма, позволяющая раскрыть смысл легального понимания сущности правовой категории «существенное нарушение договора», однако данное определение само по себе, во-первых, имеет оценочный характер, во-вторых, не совпадает с доктринальным пониманием сущности института существенного нарушения договора.

Основанием расторжения договора строительного подряда по инициативе подрядчика следует также считать и односторонний отказ от исполнения обязательства. Право подрядчика в одностороннем порядке отказаться от исполнения обязательств из договора строительного подряда закреплено в п. 3 ст. 745 ГК РФ, основанием чего законодатель определяет невозможность использования предоставленных заказчиком материалов и отказ от их замены. К основаниям расторжения договора строительного подряда в интересах подрядчика следует также отнести установление обстоятельства, указанного в п. 6 ст. 709 ГК РФ и применяемого в совокупности с нормами ст. 451 ГК РФ, поскольку существенное возрастание стоимости материалов и оборудования, предоставленных подрядчиком (при выполнении работ иждивением подрядчика, что в соответствии с п. 1 ст. 704 ГК РФ следует считать наиболее приемлемым вариантом обеспечения выполнения работ в подряд-

ных отношениях, а также удорожание услуг третьих лиц, приводит к недостижению исполнения договора строительного подряда стороной подрядчика: поскольку подрядчик является субъектом предпринимательской деятельности, заключая договор, он преследует цель получения прибыли, но именно существенное удорожание материалов может стать препятствием не только для получения прибыли, но и вообще для исполнения договора. В данном случае при отказе заказчика пересмотреть цену договора подрядчик для защиты своих прав может опираться на нормативные положения п. 2 ст. 450 ГК РФ, а также на положения п. 6 ст. 709 ГК РФ, применяемые в единстве с нормами ст. 451 ГК РФ.

Следует учитывать, что отказ подрядчика от исполнения обязательств по договору строительного подряда возможен и в случае нарушения заказчиком своей обязанности учесть предупреждения подрядчика о возникновении обстоятельств, предусмотренных в п. 1 ст. 716 ГК РФ, поскольку отказ или бездействие заказчика в связи с вынесением подрядчиком в его адрес соответствующего предупреждения рассматривается как основание для одностороннего отказа подрядчика от исполнения обязательств по договору и вынесения им требований о возмещении убытков, причиненных прекращением договора [8].

Обычным порядком расторжения договора строительного подряда следует считать расторжение договора посредством заключения его сторонами соответствующего соглашения в том понимании, которое зафиксировано нормой п. 1 ст. 450 ГК РФ. Однако практика исполнения договоров строительного подряда показывает обратное: относительно спорных моментов, связанных с исполнением договора как подрядчиком, так и заказчиком, основным способом решения возникших правовых споров между сторонами договора является судебный порядок, а результатом рассмотрения спора зачастую является расторжение договора [5].

Анализ судебной практики показывает, что самостоятельным предметом спора может стать и само требование о досрочном расторжении договора строительного подряда со стороны подрядчика, причиной чего могут стать различные обстоятельства, проявившиеся в процессе исполнения договора: нарушение порядка и условий оплаты выполненных работ, если таковые выполняются по согласованным этапам или в виде авансовых выплат; непредоставление заказчиком материалов и оборудования или их предоставление, но не соответствующих условиям о качестве при условии, что работы выполняются иждивением заказчика в форме натурального обязательства; установление факта препятствия заказчика по выполнению работ, особенно в том случае, если подрядчиком установлены нарушения в технической документации, а также обстоятельства, которые требуют согласования дополнительных работ, изначально не предусмотренных ни в техническом задании, ни в сметах; заключение заказчиком договора строительного подряда с третьим лицом,

которому поручается выполнение части работ, согласованных с первоначальным подрядчиком; непредоставление или предоставление технической документации, не соответствующей требованиям СНиП, а также предоставление ложной информации о земельном участке, на котором предполагается проведение строительных работ; существенное изменение условий проведения строительных работ, в том числе и не зависящих от воли сторон договора. Кроме того, следует полагать, что общим для обращения подрядчика в суд за защитой своих прав является невозможность достижения с заказчиком соглашения о преодолении возникших разногласий, что также должно быть предметом доказывания, а бремя доказывания данного обстоятельства ложится на истца, при этом полагается, что соблюдения одного претензионного порядка в данном случае для возникновения права на иск должно быть недостаточно, необходимо проведение согласительных процедур, и только недостижение согласия по спорным моментам должно рассматриваться как достаточное условие для обращения подрядчика в суд с иском о расторжении и договора, причем, данное требование должно быть основным.

Последствия досрочного расторжения договора строительного подряда по инициативе подрядчика заключаются в обязанности заказчика оплатить уже произведенные работы, а также в возмещении убытков, причиненных расторжением договора в связи с недостижением результата, который предполагался при его заключении.

Негативные для заказчика последствия досрочного расторжения договора строительного подряда по инициативе подрядчика в виде возмещения убытков, вызванных расторжением договора, законодатель предусматривает в нормах п. 3 ст. 716, 717, п. 1 ст. 718, п. 2 ст. 719, п. 3 ст. 745 ГК РФ. Общими же основаниями требования подрядчиком возмещения убытков, причиненных расторжением договора, являются соответствующие нормы ст. ст. 450–453 ГК РФ.

Правовая сущность возмещения убытков, причиненных в связи с расторжением договора строительного подряда в отечественной литературе рассматривается в качестве компенсационной выплаты [7], либо как штрафная санкция за нарушения заказчиком условий договора [1], что само по себе дискуссионно, поскольку убытки при возникновении правового спора относительно порядка и правовых последствий расторжения договора подлежат расчету и связаны с неполучением подрядчиком ожидаемого финансового результата от исполнения договора.

Право на возмещение убытков может возникнуть у подрядчика и на основании п. 3 ст. 743 и п. 4 ст. 744 ГК РФ, поскольку реализация им права приостановления работ может повлечь за собой и расторжение договора, если заказчик игнорирует требование привести техническую документацию в надлежащее состояние. В данном случае законодатель ограничивает право подрядчика на воз-

мещение понесенных приостановлением работ убытков оценочной дефиницией разумности, что также может приводить к возникновению правовых споров между сторонами договора, в которых только судебное усмотрение может привести к их разрешению.

Кроме того, в ст. 729 ГК РФ устанавливается специальное основание возникновения последствий прекращения договора строительного подряда до приемки заказчиком выполненных работ, которые состоят в обязанности заказчика осуществить в адрес подрядчика компенсационные выплаты произведенных им затрат, что оценивается отечественными цивилистами как немотивированный отказ заказчика от исполнения договора строительного подряда [3]. Использование термина «компенсационные выплаты» объясняется тем, что возмещению подлежат не убытки, которые в данном случае отсутствуют, а понесенные подрядчиком расходы на материалы, оборудование, оплату работ, произведенных третьими лицами, привлечение которых было согласовано с заказчиком, то есть речь идет о затратах при проведении работ иждивением подрядчика.

Одной из проблем, характерных для современного понимания сущности отношений строительного подряда, является проблема применения принципов гражданского права в правовом регулировании рассматриваемых отношений, прежде всего, принципа свободы договора, что является основанием спора о равенстве сторон договора строительного подряда в определении их прав и обязанностей. В цивилистической доктрине нашла отражение концепция «сильной» и «слабой» сторон обязательственного договора, согласно которой одна из сторон, а в случае с договором строительного подряда это заказчик, получает возможность влиять определяющим образом на его содержание, ограничивая подрядчика в реализации его прав, в том числе и в правах на расторжение договора, если только закон позволяет это сделать, признавая большую силу за нормами, включенными в договор. Следует согласиться с мнением Д.И. Васютина, согласно которому подрядчик при заключении договора строительного подряда может столкнуться с положением «слабой стороны» [2], но он перестает быть «слабой стороной» в процессе исполнения обязательств, вытекающих из договора в том случае, если заказчик недобросовестно пользуется своими правами, особенно в тех ситуациях, в которых подрядчик, опираясь на соответствующие положения закона, позволяющие либо отказаться от исполнения договора в определенной части в связи с существенным нарушением его условий заказчиком, либо реализовать право на отказ от дальнейшего исполнения договора.

Таким образом, право подрядчика на расторжение договора строительного подряда, которое он может реализовать, опираясь на соответствующие положения гражданского законодательства при соблюдении порядка расторжения договора и воз-

можности доказывания возникновения оснований для расторжения договора, дают ему возможность избавиться от порока «слабой стороны» договора, который может возникнуть при заключении договора строительного подряда, когда подрядчик вынужден соглашаться с условиями, отражающими преимущественно интерес заказчика.

Право на возмещение убытков, понесенных подрядчиком при досрочном расторжении договора строительного подряда, является дополнительной гарантией не только соблюдения имущественного интереса подрядчика в данных отношениях, но и гарантией исполнения заказчиком своих обязательств, вытекающих из договора, вследствие опасности несения дополнительных расходов, вызванных ненадлежащим исполнением договора строительного подряда.

Следует признать, что требуется дальнейшее развитие нормативной базы правового регулирования отношений, связанных с реализацией подрядчиком в отношениях строительного подряда права на вынесение в адрес заказчика требования о расторжении договора, поскольку в ряде норм гражданского законодательства используются правовые категории оценочного характера, применение которых требует обращения в суд, поскольку только суд в процессе рассмотрения правового спора может дать справедливую, объективную и законную оценку применения таких правовых категорий, как добросовестность, разумность, существенное нарушение договора.

Литература

1. Алексанова Ю.А. Проблемы взыскания убытков при отказе стороны от договора строительного подряда // Гражданское право. 2017. № 2. С. 23–25.
2. Васютин Д.И. Способы защиты прав подрядчика // Интерактивная наука. 2023. № 4 (80). С. 95–98.
3. Воробьева О.В. Право заказчика на немотивированный отказ от договора подряда и механизм возмещения убытков подрядчика // Хозяйство и право. 2024. № 1. С. 48–57.
4. Груздев В.В. Существенные условия договора и последствия их несогласования сторонами // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 86–97.
5. Джауба И.В. Особенности рассмотрения споров, вытекающих из договора строительного подряда // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 4. С. 64–67.
6. Егорова М.А., Арсланов К.М. Особенности изменения и расторжения договора при существенном нарушении его условий // Гражданское право. 2017. № 2. С. 3–6.
7. Ердякова А.Э. Иски о возмещении убытков при расторжении договора подряда // Молодой ученый. 2013. № 41 (488). С. 166–169.
8. Ефимцева Т.В., Воронцова А.В. Основания досрочного расторжения договора строительного

го подряда в Российской Федерации // *Хозяйство и право*. 2023. № 2. С. 56–66.

9. Кузбагаров М.Н., Кузбагарова Е.В. Проблемные аспекты изменения и расторжения договора строительного подряда в современных реалиях // *Новеллы права, экономики и управления 2022: Материалы VIII научно-практической конференции*. Т. 1. Гатчина, 2023. С. 96–100.
10. Мокров С.Н. Договор строительного подряда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 24 с.
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.12.2016 г. по делу № 303-ЭС16–11985, № А37–593/2015 // Документ опубликован не был / доступ: СПС КонсультантПлюс.
12. Определение ВАС РФ от 24.04.2014 г. № ВАС-4645/14 по делу № А09–7541/2011 // Документ опубликован не был / доступ: СПС КонсультантПлюс.
13. Розенберг М.Г. Международная купля-продажа товаров: комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров. 4-е изд., испр. и доп. М., 2010. 462 с.
14. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. «Антивирусная» договорная стратегия: есть ли альтернатива ссылкам на непреодолимую силу, невозможность исполнения обязательств и существенное изменение обстоятельств? // *Арбитражные споры*. 2020. № 3. С. 73–88.

TERMINATION OF A CONSTRUCTION CONTRACT AT THE INITIATIVE OF THE CONTRACTOR: GROUNDS, PROCEDURE, CONSEQUENCES

Karetin M.G.

Kutafin Moscow State Law University

The specificity of relations regulated by a construction contract is that civil legislation grants its parties the right to terminate the contract at the initiative of one of the parties, and if such a right for the customer can be unconditional, that is, realized at almost any time, then the contractor acquires such a right in the process of executing the contract only if the basis for the emergence of the right to terminate the contract is directly established by law. It is concluded that the possibility of the contractor exercising the right to terminate the construction contract does not allow us to speak of the existence of a «strong» and «weak» side of the contract, as well as the need

for a normative definition of a number of definitions of an evaluative nature, primarily such legal categories as reasonableness in the exercise of civil rights and the performance of obligations and the «material nature of the breach of contract».

Keywords: contract, construction contract, contractor, customer, termination of the construction contract, termination of the construction contract.

References

1. Aleksanova Yu.A. Problems of recovery of losses when a party refuses a construction contract // *Civil law*. 2017. No. 2. pp. 23–25.
2. Vasyutin D.I. Ways to protect the contractor's rights // *Interactive science*. 2023. No. 4 (80). pp. 95–98.
3. Vorobyova O.V. The right of the customer to an unmotivated refusal of the contract and the mechanism of compensation for the contractor's losses // *Economy and law*. 2024. No. 1. pp. 48–57.
4. Gruzdev V.V. Essential terms of the contract and the consequences of their disagreement by the parties // *Journal of Russian Law*. 2019. No. 10. pp. 86–97.
5. Jauba I.V. Features of the consideration of disputes arising from the construction contract // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. No. 4. pp. 64–67.
6. Egorova M.A., Arslanov K.M. Features of changing and terminating a contract in case of a significant violation of its terms // *Civil law*. 2017. No. 2. pp. 3–6.
7. Yerdyakova A.E. Claims for damages upon termination of the contract // *Young Scientist*. 2013. No. 41 (488). pp. 166–169.
8. Efimtseva T.V., Vorontsova A.V. Grounds for early termination of a construction contract in the Russian Federation // *Economy and law*. 2023. No. 2. pp. 56–66.
9. Kuzbagarov M.N., Kuzbagarova E.V. Problematic aspects of changing and terminating a construction contract in modern realities // *Novellas of law, economics and management 2022: Proceedings of the VIII scientific and practical conference*. Vol. 1. Gatchina, 2023. pp. 96–100.
10. Mokrov S.N. Construction contract: abstract. dis. ... cand. Jurid. sciences'. Volgograd, 2006. 24 p.
11. The ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/15/2016 in case No. 303-ES16–11985, No. А37–593/2015 // The document was not published / access: SPS ConsultantPlus.
12. The definition of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 04/24/2014 No. VAC-4645/14 in case no. А09–7541/2011 // The document was not published / access: SPS ConsultantPlus.
13. Rosenberg M.G. International purchase and sale of goods: a commentary on legal regulation and dispute resolution practice. 4th ed., ispr. and additional M., 2010. 462 p.
14. Sergeev A.P., Tereshchenko T.A. «Anti-virus» contractual strategy: is there an alternative to References to force majeure, the impossibility of fulfilling obligations and a significant change in circumstances? // *Arbitration disputes*. 2020. No. 3. pp. 73–88.

Гражданско-правовые аспекты ответственности за причинение вреда здоровью гражданина при организации дистанционного образования в сфере физической культуры и спорта

Кулаков Максим Петрович,
аспирант, УВО «Университет управления «ТИСБИ»

Муллагалиев Нияз Ирекович,
аспирант, УВО «Университет управления «ТИСБИ»

В современных условиях высокой спортивной конкуренции и повышенного интереса граждан к занятиям физической культурой и спортом, возрастает нагрузка на организм человека, что может привести к получению различных травм. При занятиях спортом сегодня активно используются дистанционные формы учебно-тренировочного процесса с использованием информационно-коммуникационных технологий. Правоотношения, складывающиеся в данной относительно новой сфере, на сегодняшний день не урегулированы должным образом, что обуславливает необходимость установления в том числе гражданско-правовых мер ответственности, применяемых к лицам, виновным в получении повреждений в ходе онлайн-обучения. Также пробельными остаются вопросы которые касаются оказания услуг в сфере организации правильного питания. В законодательстве не установлены требования к исполнителям данного вида услуг и не обеспечивается надлежащий контроль за осуществления подобной деятельности. Важно определить меру ответственности всех сторон рассматриваемых правоотношений.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, дистанционное образование, электронное обучение, вред, здоровье, травма, гражданско-правовая ответственность.

Третье десятилетие двадцать первого века характеризуется тенденциями цифровизации и информатизации всех сфер деятельности общества и государства. Даже наименее гибкие к изменениям бюрократические процессы переходят в электронный формат.

Образовательная деятельность до распространения коронавирусной инфекции, шла по пути информатизации, однако вполне умеренными темпами. Пандемия сильно изменила роль и значение реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, что нашло отражение и в отраслевом законе¹. В настоящий момент действительно можно свидетельствовать о наличии в России образовательной экосистемы [1].

С учетом роста применения данных технологий в образовательном процессе, в России начался настоящий «бум» онлайн-образования, который затронул многие сферы деятельности, в том числе спортивную.

Идентифицировать точное количество лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью в сфере онлайн-образования представляет определенную сложность, так как с одной стороны, складывается практика дробления бизнеса и не всегда количество лиц – индивидуальных предпринимателей будет объективным показателем количества онлайн-школ. С другой стороны, часто бывает ситуация, при которой лица в принципе не отражают свою прибыль от подобной деятельности. Однако, по данным некоторых средств массовой информации приводятся цифры в 199.33 млрд рублей оборота онлайн образования только за 2023 год².

При этом разнообразие направлений предлагаемого онлайн-образования едва ли не превышает по ассортименту классическое обучение. От обучения на фитнес тренера, и инструктора по йоге, до достаточно травмоопасных направлений, таких как обучению боевым искусствам.

Физическая культура и спорт как общественное и социальное явление не могут сегодня оставаться вне сферы интересов и деятельности государства [2]. С учетом того, что в Российской Федерации занятие физической культурой и спортом признается в качестве деятельности, способствующей укреп-

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

² Деловой портал Tadveser. Статистика онлайн-образования в России / URL: <https://www.tadviser.ru>.

плению здоровья человека¹, а также гарантирует охрану здоровья граждан при занятиях физической культурой и спортом², подобное разнообразие онлайн-курсов должно контролироваться государственными органами.

Так, необходимо учитывать особенности требований к образовательной лицензии для тренера-преподавателя при организации дистанционного учебно-тренировочного процесса. Сама по себе процедура лицензирования осуществляется на основании отраслевого закона, а также отдельных нормативных правовых актов государственных органов.

Лицензирование образовательной деятельности, осуществляемой с применением дистанционных образовательных технологий, имеет некоторые отличия в связи с особенностями обучения. В случае, если лицо оказывает образовательные онлайн услуги лично, закон не обязывает его получать образовательную лицензию. Таким образом, в настоящий момент при личном обучении с применением онлайн-технологий, государство не обязывает Исполнителя по договору оказания образовательных услуг иметь лицензию. Кроме того, даже в случае привлечения третьих лиц в качестве участника в судебном процессе, государственный контроль и надзор в этой сфере не является строгим, и максимальный размер административного штрафа, который грозит Исполнителю, составляет пять тысяч рублей и таким образом установления законодательством столь мягкая санкция не является достаточным стимулом для соблюдения законодательства в данной сфере.

Гражданское законодательство своими специфическими средствами обеспечивает защиту прав профессиональных спортсменов и содержит в себе механизм гражданско-правовой ответственности за причинение вреда их жизни и здоровью. Так за причинение вреда здоровью гражданина в адрес нарушителя применимы санкции, предусмотренные статьями главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее – ГК РФ). В соответствии со ст. 1064 ГК РФ причиненный вред подлежит возмещению в полном объеме как самим, так и лицом, таковым не являющимся.

Важно учитывать особый характер образовательной деятельности в сфере физической культуры и спорта, а также сферах, непосредственно с ними связанными. Так, например, важной частью спортивной и оздоровительной деятельности является питание. На сегодняшний день в сети «Интернет» имеется множество образовательных

онлайн-курсов, которые индивидуально оказывают услуги по нутрициологии, в том числе так называемой «фитнес-нутрициологии»⁴, либо данные услуги оказываются при организации тренировочного процесса.

Однако, при получении недостоверной информации от нутрициолога в ходе онлайн-обучения последствия для организма человека могут быть негативными и неотвратимыми. Кроме того, нутрициолог, оказывающий услуги может и не обладать специальными знаниями в данной области, либо не учесть особенностей здоровья конкретного клиента. В таком случае, большую сложность представляет определение ответственности, так как подобная деятельность не является, например, медицинской, и соответственно, не подлежит лицензированию, также спорным становится вопрос действительно ли причинителем вреда является нутрициолог, следование советам которого привело к причинению вреда здоровью. Также необходимо доказать, что специалисты были даны данные рекомендации, что является затруднительным в случае отсутствия видео-записи обучения или переписки [5].

В последние годы наблюдается повышенный интерес к нутрициологии – науке о питании и рост числа соответствующих специалистов. В рамках конгресса «Нутрициология и диетология для здоровьесбережения населения России» (ноябрь 2023 года) указывалось о наличии 150 тысяч таких специалистов. По альтернативным оценкам, их количество может достигать от 300 тыс. до 500 тыс. человек⁵. При этом лишь малая часть из них имеет медицинское или иное смежное высшее образование».

В настоящий момент на уровне Государственной Думы Российской Федерации ведутся обсуждения о введении профессионального стандарта и сертификации нутрициологов, в целях недопущения случаев причинения вреда здоровью граждан, однако конкретных мер по урегулированию возникающих в данной сфере правоотношений в настоящий момент не принято⁶.

Нельзя обойти стороной и проблему оказания образовательных услуг по обучению боевым искусствам.

Во-первых, вопросы возникают относительно контроля качества оказания услуг. Алексеев С.В. справедливо относит боевые единоборства к одним из самых травмоопасных видов спортивной деятельности [3] и обучение ним предполага-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. – 2022.

² Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

⁴ Официальный сайт АНО ДПО Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Волгоградская Гуманитарная Академия профессиональной подготовки специалистов социальной сферы» // <https://vgaps.ru/seminar/fitnes-nutriciolog> (Дата обращения: 12.03.2025).

⁵ Здоровью не навредить: в России хотят ввести профстандарт для нутрициологов // URL: <https://iz.ru/1674128/natalia-bashlykova/zdoroviu-ne-navredit-v-rossii-khotiat-vvesti-profstandart-dlia-nutritciologov> (дата обращения: 02.03.2025).

⁶ Эксперты заявили об отсутствии в РФ профстандарта для нутрициологов // URL: <https://tass.ru/obschestvo/21476797> (дата обращения: 02.04.2025).

ют личное взаимодействие между обучающимся и тренером-преподавателем. В качестве одного из негативных аспектов проведения онлайн тренировок отмечается «отсутствие тактильного контакта с обучающимся (направляющей помощи при совершенствовании элементов и исправлении возникающих ошибок)» [4]. Даже при наличии видеозвонка, тренер не всегда видит, как реагируют мышцы обучающегося на те или иные упреждения, и кроме того, ощущения самого заказчика услуги могут быть субъективными и не отражать полученную микротравму, которую обязан зафиксировать тренер – преподаватель при классическом обучении. Таким образом, ставится вопрос относительно ответственности тренера-преподавателя за получение травмы обучающимся.

Во-вторых, большое значение в данном виде спорта имеет спортивный инвентарь, а также условия в которых происходят занятия.

В соответствии с ч. 6 ст. 37. Федерального закона «О физической культуре и спорте» лица, в собственности или во владении которых находятся объекты спорта, обеспечивают надлежащее техническое оборудование мест проведения физкультурных или спортивных мероприятий в соответствии с требованиями технических регламентов, национальных стандартов, нормами, правилами и требованиями, установленными органами государственного контроля (надзора), санитарными правилами, и несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации за причинение вреда жизни или здоровью лиц, осуществляющих занятия физической культурой и спортом на таких объектах спорта. Согласно п. 9 ч. 2 ст. 37.1 указанного федерального закона Всероссийский реестр объектов спорта содержит перечень объектов спорта с указанием сведений о соответствии объекта спорта требованиям техники безопасности и санитарно-гигиеническим нормам.

Так в ходе занятия спортивными единоборствами большое значение имеет покрытие пола, которое должно быть безопасным, не скользким для ученика. Также важно наличие свободного пространства. Однако, при занятиях дома, у ученика может не быть обеспечена подобная безопасность оказания услуг, что является проблемой при установлении гражданско-правовой ответственности в случае причинения вреда.

Организация дистанционного учебно-тренировочного процесса предполагает также юридическое оформление правоотношений – подписание договора (либо акцепт оферты в соответствии со ст. 434–438 ГК РФ¹). Договорное регулирование заключается в акцепте оферты, размещенной на сайте, в связи с чем, отдельно договор со стороны не подписывается. Оплата подтверждает акцепт оферты. Также важно пояснение правил техники безопасности, а в случае с оказанием услуг

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

в онлайн-формате, и ознакомление с политикой конфиденциальности, в случае покупки обучения в рассрочку – ознакомление с банковскими документами.

В целом, можно отметить, что оказание услуг в онлайн-формате сопровождается значительными юридическими процедурами, в нюансах которых Заказчик как потребитель может не разбираться и подписать различные документы, не понимая их смысл.

Здесь следует отметить о гражданско-правовых рисках уже финансового характера при приобретении услуги в режиме онлайн, Заказчику в дальнейшем может быть сложнее защитить свои права, так как у Исполнителя отсутствует непосредственно офис, сами расчетные счета индивидуального предпринимателя на которые зачисляются денежные средства, могут меняться и отличаться от лица, которое оказало услуги. Это является общей проблемой онлайн-образования для Заказчика, однако характерно это и для исследуемой сферы.

Таким образом, в настоящий момент можно констатировать фрагментарное и недостаточное регулирование гражданско-правовой ответственности при организации дистанционного учебно-тренировочного процесса по направлению физической культуры и спорта. Представляется, что законодателю еще предстоит разработать актуальные методики и ввести их в практику для охраны здоровья граждан при занятиях физической культурой и спортом.

Литература

1. Кулаков М.П., Салиева Р.Н. Дистанционное образование как элемент образовательной экосистемы: законодательство и практика. Сборник Международной научно– практической конференции: «Переход от образовательной среды к образовательной экосистеме в интересах устойчивого развития», посвященной 70-летию вхождения СССР (России) в ЮНЕСКО. – С. 101–104.
2. Муллагалиев Н.И. Правовые вопросы эффективного взаимодействия региональных спортивных федераций с профессиональными клубами – Спортивное право в Республике Беларусь. – № 10. – 2020. – С. 68–74.
3. Алексеев С.В. Спортивное право. Трудовые отношения в спорте. Учебник // М.: Юнити-Дана, 2015. – 647 с.
4. Тагиров Д. Т., Тагирова Н.П., Калина И.Г., Айдаров Р.А. Особенности организации дистанционного учебно-тренировочного процесса по греко-римской борьбе с учащимися тсс 4 Г.О. // МНИЖ. – 2020. – № 12–4 (102). С. 104–107.
5. Кучина Ю.А. К вопросу о повышении эффективности инвестирования в образование человека труда в условиях дефицита кадров // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 1(188). – С. 244–246.

CIVIL LAW ASPECTS OF LIABILITY FOR CAUSING HARM TO A CITIZEN'S HEALTH WHEN ORGANIZING DISTANCE EDUCATION IN THE FIELD OF PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS

Kulakov M.P., Mullagaliev N.I.
The University of Management

In modern conditions of high sports competition and increased interest of citizens in physical education and sports, the load on the human body increases, which can lead to various injuries. Today, remote forms of the educational and training process using information and communication technologies are actively used in sports. Legal relations in this relatively new area have not been properly regulated to date, which makes it necessary to establish, among other things, civil liability measures applied to persons guilty of injury during online training. here are also gaps in the issues related to the provision of services in the field of proper nutrition. The legislation does not establish requirements for the Contractors of this type of service and does not provide proper control over the implementation of such activities. It is important to determine the degree of responsibility of all parties to the legal relationship in question.

Keywords: physical education, sports, distance education, e-learning, harm, health, injury, civil liability.

References

1. Kulakov M.P., Salieva R.N. Distance education as an element of the educational ecosystem: legislation and practice. Collection of the International Scientific and Practical Conference: "Transition from an educational environment to an educational ecosystem in the interests of sustainable development", dedicated to the 70th anniversary of the USSR (Russia) joining UNESCO. pp. 101–104.
2. Mullagaliev N.I. Legal issues of effective interaction between regional sports federations and professional clubs – Sports law in the Republic of Belarus. – No. 10. – 2020. – pp. 68–74.
3. Alekseev S.V. Sports law. Labor relations in sports. Textbook // Moscow: Unity-Dana, 2015. – 647 p.
4. Tagirov D. T., Tagirova N.P., Kalina I.G., Aidarov R.A. Features of the organization of the distance learning and training process in Greco-Roman wrestling with students of tss 4 G.O. // MNIZH. – 2020. – № 12–4 (102). Pp. 104–107.
5. Kuchina Yu.A. On the issue of increasing the effectiveness of investing in human education

Перспективы развития нотариата как института защиты прав и свобод человека

Леонова Наталья Александровна,
независимый исследователь

В статье автором произведено исследование нормативных правовых актов, регламентирующих нотариальную деятельность на современном этапе.

На основании проведенного исследования, определены основные векторы осуществления деятельности нотариата в области защиты прав и свобод человека и гражданина, выявлены проблемные аспекты, связанные с осуществлением нотариальных действий. Также проведен анализ изменений действующего законодательства в области нотариата, затрагивающих исследуемую проблематику.

На основе проведенного анализа, даны авторские предложения по совершенствованию законодательства в области нотариата и нотариальной деятельности по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: нотариус, нотариальная деятельность, нотариальная тайна, персональные данные, нотариальные услуги.

Конституция Российской Федерации¹ гарантирует основные права и свободы человека. Статья 45 Конституции РФ предусматривает государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, а в соответствии с положениями статьи 48 – каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи.

Институт нотариата в Российской Федерации призван обеспечивать в соответствии с Конституцией Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации, федеральным законодательством защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации².

Исходя из правозащитной направленности, нотариат не зря причисляется к системе правоохранительных органов Российской Федерации. Главная особенность нотариата состоит в том, что в его лице государство опосредованно выражает свою волю, а решения, принимаемые нотариусами, носят статус государственных.

Правоохранительная функция нотариата выражается в обеспечении законности и правомерности юридических действий участников правоотношений (оборота), снижая возможную вероятность гражданских нарушений (деликтов) и иных правонарушений, в том числе и уголовно-правового характера.

Отметим статью 5 Основ законодательства Российской Федерации³ о нотариате, в которой обозначены основные гарантии нотариальной деятельности, к числу которых законодатель относит:

- 1) беспристрастность;
- 2) независимость;

3) руководство нотариата при совершении нотариальных действий исключительно Конституцией,

¹ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 17.04.2025)

² См. абз. 1 ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1 (в ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/10102426/> (дата обращения: 17.04.2025)

³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1 (в ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/10102426/> (дата обращения: 17.04.2025)

федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации;

4) нотариальную тайну.

Раскроем содержание этих гарантий подробнее.

Под беспристрастностью нотариуса понимается основной принцип деятельности, в соответствии с которым, он представляет орган, действующий от имени государства, одинаково защищающий права сторон, которые обращаются за совершением нотариального действия.

Согласно данному принципу нотариус не должен быть заинтересован в результатах таких нотариальных действий. Таким образом, при осуществлении нотариальных действий между участниками определенных правоотношений (физическими, юридическими лицами) нотариус не имеет права отдавать предпочтения каким-либо вариантам защиты прав и законных интересов обратившихся к нему лиц, он должен не допускать предпочтений в сторону какой-либо из обратившихся в нотариат сторон.

Независимость нотариуса при реализации своих должностных полномочий и совершении нотариальных действий выражается в самостоятельной деятельности, основанной на нормативных правовых актах соответствующего уровня, и осуществляются независимо от каких-либо органов или должностных лиц.

Действия, которые может осуществлять нотариус, должны входить в круг его профессиональных полномочий, определенных законодательством о нотариате.

К таким профессиональным действиям обобщенно можно отнести:

- удостоверение сделок (купли-продажи, дарения, завещания и пр.) путем придания им юридической силы;
- консультирование по вопросам, связанными с реализациями законных прав и интересов участников правоотношений, что помогает избежать ошибок при осуществлении нотариальных действий;
- осуществление действий по хранению документов и доказательств;
- составление проектов документов, свидетельствование документов и выдача свидетельств о реализации прав граждан на имущество;
- принятие мер к охране наследственного имущества;
- удостоверение фактов и документов;
- депозитарная деятельность.

Разглашение сведений, ставших известными нотариусу при совершении нотариальных действий третьим лицам, кроме как самим участникам правоотношений и их представителям, категорически запрещено. Допускается предоставление таких сведений федеральным органам исполнительной власти и правоохранительным органам только в случаях, прямо указанных в статье 5 Основ законодательства о нотариате¹.

¹ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1 (в ред. от 28.12.2024)

Как можно отметить, круг профессиональной деятельности нотариуса охватывает широкий спектр правоотношений, большинство из которых относятся к реализации основных прав и свобод человека и гражданина, обозначенных в Конституции Российской Федерации: право на жилище (статья 25), право граждан на объединение (статья 30), право на обращение (статья 33), право на использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34), право частной собственности и наследования (статья 35), право на жилище (статья 40) и пр.

Конституционность совершаемых нотариальных действий является базовой гарантией правозащиты в деятельности нотариусов.

Нотариальная тайна представляет собой особый правовой режим информации, которая становится доступной нотариусу в связи с совершаемыми им нотариальными действиями.

В соответствии со частью 5 статьи 9 Федерального закона об информации² «информация, полученная гражданами (физическими лицами) при исполнении ими профессиональных обязанностей или организациями при осуществлении ими определенных видов деятельности (профессиональная тайна), подлежит защите в случаях, если на эти лица федеральными законами возложены обязанности по соблюдению конфиденциальности такой информации».

Таким образом, сведения, которые становятся известными нотариусу в связи с осуществлением им профессиональной деятельности, носят статус профессиональной тайны; нотариус обязан обеспечивать конфиденциальность сведений, ставших ему известными об участниках правоотношений, нотариальные действия в связи с которыми он осуществлял.

Отметим, что понятие нотариальной тайны официально не предусмотрено действующим законодательством о нотариальной деятельности.

Однако, ранее предпринимались действия по введению указанного института защиты прав и законных интересов граждан.

Так, в проекте Федерального закона № 398234–6 «О нотариате и нотариальной деятельности и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ предусматривалось понятие нотариальной тайны, под которой понималась «любая информация, которая стала известна нотариусу, сотруднику нотариуса, иному работнику нотариуса, лицу, замещающему временно отсутствующего нотариуса, а также другому

(с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/10102426/> (дата обращения: 17.04.2025)

² Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения: 17.04.2025)

³ Внесен 25.05.2015 депутатами ГД П.В. Крашенинниковым, А.В. Кретовым // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/57720535/> (дата обращения: 17.04.2025)

лицу, участвующему в нотариальной деятельности или осуществляющему контроль за нотариальной деятельностью, в связи с исполнением ими своих профессиональных или служебных обязанностей».

Мы отмечаем важность принципа нотариальной тайны в профессиональной деятельности нотариусов в современных условиях и поддерживаем инициативу о включении указанной формы профессиональной тайны в текущее законодательство о нотариате.

К примерам такой тайны следует относить всю информацию, содержащуюся в нотариальных документах и записях, включая договоры, доверенности и прочие юридически значимые документы; персональные данные – сведения о личностях и имущественном положении клиентов, их семейных и деловых отношениях; информацию, полученную нотариусом в ходе консультаций и переговоров, независимо от итогов выполнения нотариальных действий.

Важность введения института нотариальной тайны также является необходимым инструментом недопущения злоупотреблений в связи с осуществлением нотариальной деятельности.

Как отмечается в официальных источниках¹, Минюстом России при содействии МВД России в ходе мероприятий, проведенных в 2021–2022 гг., было выявлено наличие судимости в разные периоды времени у более чем 180 частнопрактикующих нотариусов. Среди составов совершенных преступлений фигурировали мошенничество, подделка документов, хищение денежных средств, присвоение имущества, злоупотребление полномочиями частного нотариуса.

Нередко нарушения в части доступности нотариальной деятельности для граждан относятся и к повышенным тарифам за осуществления нотариальных действий, в связи с отсутствием более четкой регламентации условий их реализации в зависимости от характера таких действий. Мы также полагаем, что институт нотариата должен быть ближе к гражданам, независимо от уровня их достатка или финансовых возможностей.

Во многом, данные обстоятельства указывают на необходимость усиления контрольно-надзорных функций федеральных органов исполнительной власти и прокуратуры за деятельностью нотариусов в части обеспечения законности совершения нотариальных действий.

Последняя редакция законопроекта, подготовленного Министерством юстиции Российской Федерации «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации»², направлена на пересмотр формирования стоимости оказания нотариальных услуг, расширяет полномочия Минюста России по контролю за нотариальной дея-

¹ Официальный сайт Адвокатской газеты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/institut-notariata-podvergnetsya-masshtabnomu-reformirovaniyu/> (дата обращения: 17.04.2025)

² Подготовлен Минюстом России 13.02.2025 // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/57014178/> (дата обращения: 17.04.2025)

тельностью, а также уточняет требования к нотариусу и допуску кандидатов на должность нотариуса в профессию.

Отметим, что законодательство о нотариальной деятельности давно уже нуждается в изменениях – при том, что большая его часть имеет бланкетный характер и регулируется широким спектром законов и подзаконных актов.

Мы поддерживаем расширение контрольных полномочий Минюста России. Согласно последней редакции рассматриваемого законопроекта, Минюст России получает исключительные компетенции по разработке и принятию нормативных актов, регламентирующих деятельность нотариата, а также сможет приостанавливать полномочия нотариусов и ходатайствовать о лишении лицензий нотариусов в судебном порядке.

Расширение сферы контроля Минюста России за деятельностью нотариусов позволит существенно снизить факты злоупотребления полномочиями со стороны нотариусов, обеспечить защиту гарантий прав и свобод человека при осуществлении нотариальной деятельности.

Кроме того, реформированию подвергнется и система согласования ставок по тарифам на услуги нотариусов – определение предельных размеров тарифов нотариальных услуг будет также отнесено к полномочиям Минюста России, а конкретные размеры будут определяться региональными органами государственной власти с учетом социально-экономической обстановки конкретного региона.

Защита персональных данных – важный аспект в осуществлении нотариальных действий.

Так, в соответствии с Основами законодательства о нотариате³, нотариус обязан удостоверить в личности клиентов или их представителей перед осуществлением нотариальных действий.

Для установления или подтверждения личности обратившихся лиц, их представителей, нотариус использует соответствующие государственные ресурсы, доступ к которым ему предоставляет федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Для подтверждения документов нотариус также вправе использовать специальное программное обеспечение и технические средства, позволяющие установить подлинность таких документов.

При этом, нотариус также вправе удостоверить личность клиента посредством обращения к «Единой системе идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных»⁴.

³ См. ст. 42 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1 (в ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/10102426/> (дата обращения: 17.04.2025)

⁴ См. абз. 5 ст. 42 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1 (в ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/10102426/> (дата обращения: 17.04.2025)

Отметим, что совершение таких действий, как удостоверение личности и ведение специальных банков данных, является отдельной мерой государственного принуждения, относящегося к ведению полиции¹.

Анализируя положения статьи 42 Основ законодательства о нотариате с позиции реализации исключительных полномочий по осуществлению идентификации или отождествления личности клиента нотариусами, мы приходим к выводу о необходимости дополнительного законодательного раскрытия процедуры и порядка осуществления таких действий, поскольку, любые действия, направленные на получение сведений о персональных данных и личной жизни граждан должны соответствовать Конституции Российской Федерации и законодательству о персональных данных.

Отметим, что в текущей редакции части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных»² не содержится оснований, согласно которым персональные данные подлежат обработке должностными лицами нотариата.

В качестве оснований для осуществления такой обработки в числе прочих условий указывается правоохранительная деятельность – в связи с участием в конституционном, гражданском, административном, арбитражном или уголовном судопроизводстве, или для исполнения органами государственной власти полномочий по предоставлению государственных или муниципальных услуг по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 27.07.2010 № 210-ФЗ³, где нотариальная деятельность также не обозначена.

В таком случае, осуществление любых операций в связи с отождествлением личности участника правоотношений, в том числе обработка его персональных данных, без согласия этого участника (когда об этом ему не объявляется под расписку), является прерогативой иных органов государственной власти, прямо уполномоченных на осуществление таких действий в порядке, установленном законом, – например, органов внутренних дел.

Таким образом, мы предлагаем дополнить положения законодательства о нотариате и нотариальной деятельности требованиями по осуществлению процедур такой идентификации при осуществлении нотариальных действий или утвердить соответствующий административный регламент, рассматривающий процедуры такой проверки.

Введение положений, определяющих административные процедуры в связи с осуществлением отождествления личностей обращающихся за оказанием нотариальных услуг, обработкой их пер-

сональных данных, даст возможность нивелировать возможности злоупотребления полномочиями со стороны нотариусов или третьих лиц, представляющих интересы обратившихся за нотариальными услугами или выступающих контрагентами этих лиц, сократить факты совершения мошеннических действий по отдельным видам сделок – например, договорам дарения недвижимого имущества, – в том числе и путем расширения межведомственного контроля за осуществлением указанных категорий сделок – в таком случае отождествление личностей или их идентификация будут осуществляться через информационно-аналитические, оперативно-справочные и иные учеты правоохранительных органов.

В случаях установления наличия негативных сведений о личностях участников нотариальных действий нотариус сможет своевременно препятствовать осуществлению сделки или приостанавливать заключение договоров между лицами, в чьих намерениях или действиях сомневается нотариус, что позволит нотариусам гарантировать права и законные интересы собственников имущества и защищать их от необоснованных действий со стороны третьих лиц.

Отметим, что в 2024 году нотариусы уже получили доступ к Единой информационной системе (ЕИС) для получения данных о смерти наследодателя и подтверждения родства наследников. Так, нотариусы самостоятельно запрашивают информацию из органов ЗАГС, что избавляет наследников от необходимости собирать документы.

Таким образом, предложенная нами инициатива в части использования межведомственных информационных ресурсов нотариусами имеет широкие перспективы и важность в области защиты прав и свобод граждан от преступных посягательств.

Перевод делопроизводства нотариусов в электронную форму также, по нашему мнению, существенно повышает доступность нотариальной деятельности для государственного контроля.

Также отметим, что в соответствии с Федеральными законами от 08.08.2024 №№ 222-ФЗ и 224-ФЗ⁴ законодатель существенно расширил полномочия нотариусов в области противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма.

Для реализации требований Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁵ с 30 декабря 2024 года нотариусы обязаны соблюдать «анти-

¹ См. ст. 17 ФЗ «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/12182530/> (дата обращения: 17.04.2025)

² Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/12148567/> (дата обращения: 17.04.2025)

³ Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/12177515/> (дата обращения: 17.04.2025)

⁴ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 222-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/409493099/>; Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 46 федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1746693/> (дата обращения: 17.04.2025)

⁵ Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ // СПС

отмывочные процедуры» при совершении следующих действий:

- при удостоверении сделок, виды которых будут определены Росфинмониторингом и Федеральной нотариальной палатой;
- при совершении исполнительных надписей;
- при приеме в депозит денежных сумм и ценных бумаг;
- при осуществлении нотариальных действий, связанных с увеличением уставного капитала компаний по договору займа.

Законодательство предусматривает возможность нотариуса отказать в совершении нотариальных действий, если есть подозрения, что с их помощью легализуется преступный доход.

Нотариусы обязаны отвечать на прямые запросы Росфинмониторинга, самостоятельно направлять регулятору информацию о любой подозрительной операции или сделке, находящейся в производстве нотариальной конторы. На такое уведомление дается не более трех рабочих дней.

Также отметим, что с 01.09.2024 вступил в силу Федеральный закон от 08.08.2024 № 287-ФЗ¹, которым внесены изменения в законы о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, об обществах с ограниченной ответственностью, а также основы законодательства Российской Федерации о нотариате.

Законодатель определил, что избрание нового руководителя (генерального директора) любого предприятия обязательно нужно удостоверять у нотариуса. В свою очередь нотариусы теперь обязаны подписывать и направлять заявления о внесении изменений в реестр, содержащий сведения о юридических лицах (ЕГРЮЛ) в регистрирующий орган в электронном виде. Ранее это обязанность возлагалась на нового руководителя организации.

Аналогичное правило установлено и при удостоверении нотариусом обстоятельств избрания или назначения единоличного исполнительного органа единственным участником юридического лица.

Такие изменения являются полезными с позиции противодействия возможным рейдерским захватам объектов, принадлежащих юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям.

Рассмотренные инновации подтверждают правоохранительный характер нотариальной деятельности, одновременно расширяя спектр контролируемых действий за нотариальными операциями со стороны федеральных органов исполнительной власти, что, по нашему мнению, позволяет в полной мере реализовать заложенные законодателем функции по обеспечению прав и законных интересов граждан и юридических лиц на современном этапе.

«Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/12123862/> (дата обращения: 17.04.2025)

¹ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/409495209/> (дата обращения: 17.04.2025)

Между тем, мы отмечаем, что действующее законодательство о нотариате нуждается в совершенствовании, прежде всего, посредством инкорпорирования норм, затрагивающих нотариальные действия, и принятия соответствующих административных регламентов в связи осуществлением нотариусами действий от имени государства, непосредственно затрагивающих законные права и интересы граждан и юридических лиц.

Литература

1. Горбаконенко В.А. Реформа нотариата в России // Политика и право: Ученые записки / отв. ред. С.В. Чердаков. Том Выпуск 14. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2014. – С. 148–152.
2. Нотариат: учеб. Пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Л.В. Щербачева и др.]; под ред. Н.А. Волковой. Л.В. Щербачевой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. – 367 с.
3. Патращук Ж.В. Защита конституционных прав человека и гражданина нотариатом Российской Федерации: специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право», 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Патращук Жанна Викторовна. – Москва, 2003. – 195 с.
4. Правовые основы нотариальной деятельности в Российской Федерации: Учебник / Под ред. Е.А. Борисовой. – М.: Юстицинформ, 2016. – 480 с.
5. Ралько В.В. Теория правовой деятельности нотариата: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Ралько Василий Васильевич. – Москва, 2010. – 375 с.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE NOTARY PROFESSION AS AN INSTITUTION FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

Leonova N.A.

In this article, the author has conducted a study of regulatory legal acts governing notarial activity at the present stage.

Based on the conducted research, the main vectors of the notary profession's activities in the field of protecting human and civil rights and freedoms have been determined, and problematic aspects related to the implementation of notarial acts have been identified. An analysis of changes in the current legislation in the field of notaries affecting the issues under study has also been conducted.

Based on the conducted analysis, the author's proposals for improving the legislation in the field of notaries and notarial activity to protect the constitutional rights and freedoms of man and citizen are given.

Keywords: notary, notarial activity, notarial secrecy, personal data, notarial services.

References

1. Gorbakonenko V.A. Notary reform in Russia // Politics and law: Scientific notes / ed. S.V. Cherdakov. Volume Issue 14. – Blagoveshchensk: Amur State University, 2014. – Pp. 148–152.
2. Notary: textbook. Manual for university students studying in the specialty “Jurisprudence” / [L.V. Shcherbacheva et al.]; edited by N.A. Volkova. L.V. Shcherbacheva. – 3rd ed., revised. and additional – M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2017. – 367 p.
3. Patrashchuk Zh.V. Protection of constitutional rights of man and citizen by the notary office of the Russian Federation: specialty 12.00.02 “Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law”, 12.00.11 “Judicial activity, prosecutorial activity, human rights and law enforcement activity”: dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Patrashchuk Zhanna Viktorovna. – Moscow, 2003. – 195 p.
4. Legal foundations of notarial activity in the Russian Federation: Textbook / Ed. E.A. Borisova. – Moscow: Yustitsinform, 2016. – 480 p.
5. Ralko V.V. Theory of legal activity of notaries: specialty 12.00.01 “Theory and history of law and state; History of the Doctrines of Law and State”: dissertation for the degree of Doctor of Law / Ralko Vasily Vasilyevich. – Moscow, 2010. – 375 p.

Процедура взыскания неосновательного обогащения с субъектов электроэнергетики в результате незаконного применения тарифов

Луговой Евгений Алексеевич,

аспирант, НОЧУ ВО «Московский университет «Синергия»
E-mail: eugenelugovoi@yandex.ru

Куровский Станислав Валерьевич,

руководитель научно-исследовательского подразделения,
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 8917564@gmail.com

В условиях усиления государственного контроля в сфере электроэнергетики вопросы правомерности применения тарифов приобретают особую актуальность. Незаконное применение тарифов субъектами электроэнергетики нередко приводит к возникновению излишней финансовой нагрузки на потребителей, формируя правовые основания для возврата излишне уплаченных денежных средств как неосновательного обогащения. В настоящей статье рассматриваются теоретико-правовые основы института неосновательного обогащения в контексте специфики публично-правового регулирования электроэнергетических отношений. Анализируется действующее гражданское, антимонопольное и отраслевое законодательство, регулирующее тарифообразование и порядок разрешения споров в данной сфере. Отдельное внимание уделяется специфике применения норм Гражданского кодекса Российской Федерации в условиях регулируемой экономики и публично-правовой природы тарифов. Особое внимание уделено судебной практике, включая позиции Верховного Суда РФ по вопросу квалификации незаконно полученных сумм и условий их возврата в рассматриваемой сфере. Выявляются основные проблемы правоприменения по рассматриваемому вопросу, а также предлагаются направления совершенствования законодательства в части института неосновательного обогащения. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в нормотворческой деятельности, правоприменительной практике и научных разработках в области энергетического и гражданского права.

Ключевые слова: неосновательное обогащение, тариф, электроэнергетика, ценообразование, правовое регулирование, публичные обязательства.

Тарифное регулирование в электроэнергетике занимает ключевое место в обеспечении баланса интересов потребителей, государства и энергоснабжающих организаций. Вместе с тем ошибки или нарушения в процессе установления или применения тарифов могут приводить к неправомерному обогащению субъектов электроэнергетики. В таких случаях у потребителей возникает право на возврат излишне уплаченных средств как неосновательного обогащения.

Однако взыскание таких сумм сопряжено с рядом правовых трудностей, поскольку тарифы в электроэнергетике имеют публично-правовой характер, а отношения сторон нередко регулируются смешанным (публично и частноправовым) способом [5, с. 188]. Настоящая статья направлена на анализ действующего порядка взыскания неосновательного обогащения, формулирование проблем и предложений по совершенствованию частного и публично-правового регулирования данного института.

Согласно статье 1102 Гражданского кодекса РФ, лицо, без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований, получившее или сберегшее имущество за счет другого лица, обязано возвратить данному лицу это имущество (неосновательное обогащение).

Основу квалификации неосновательного обогащения составляют такие признаки, как наличие имущественной выгоды у одного лица, обусловленного за счёт другого, отсутствие правового основания для получения либо удержания соответствующего имущества или средств, а также причинно-следственная связь между обогащением одного лица и обеднением другого.

Важным элементом квалификации неосновательного обогащения выступает объективное отсутствие права, обосновывающего соответствующее приобретение, что отличает неосновательное обогащение от правомерного владения или получения имущества по сделке, закону или иному юридическому основанию [2, с. 461].

Данная совокупность признаков предполагает, что обязательство по возврату неосновательного обогащения носит характер реституционного возмещения, направленного на восстановление имущественного баланса между сторонами. Следует отметить, что наличие договора между сторонами не исключает возможности применения норм о неосновательном обогащении, если исполнение происходило вне пределов установленного соглашения либо на условиях, противоречащих законо-

дательству (например, с применением неправомерного тарифа) [3, с. 51].

В контексте регулируемых правоотношений в сфере электроэнергетики институт неосновательного обогащения приобретает особую значимость как инструмент защиты интересов потребителей при нарушении публично-правовых норм ценообразования.

Так, сфере электроэнергетики этот институт имеет особенности в силу действия публично-правовых норм (тарифы устанавливаются государственными органами, обязательны для применения), что порождает споры о допустимости применения гражданско-правовых механизмов в таких отношениях.

Центральным органом регулирования тарифной политики в сфере электроэнергетики является Федеральная антимонопольная служба (ФАС России), которая с 2015 года осуществляет полномочия, ранее принадлежавшие Федеральной службе по тарифам.

ФАС России разрабатывает методики, утверждает регулируемые тарифы федерального значения, а также контролирует их соблюдение. В субъектах РФ действуют региональные службы по тарифам, наделённые правом устанавливать тарифы на электроэнергию для населения и прочих потребителей, а также регулировать цены на услуги территориальных сетевых организаций [1, с. 31].

Основные нормативные акты, регулирующие тарифную деятельность в сфере электроэнергетики, формируют многоуровневую систему правового регулирования, охватывающую как федеральный, так и региональный уровни.

К числу ключевых источников относится, прежде всего, Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», который определяет общие принципы функционирования электроэнергетики, включая вопросы тарифообразования, полномочия регулирующих органов и особенности договорных отношений в отрасли. Федеральным законом от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях», устанавливаются общие правила государственного контроля за регулируемыми организациями в сфере электроэнергетики, включая порядок установления регулируемых тарифов, методы регулирования и требования к их прозрачности.

В развитие положений вышеуказанных федеральных законов действует Постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 «Об основах ценообразования в сфере регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике», которое содержит методологические подходы к формированию тарифов, структуру затрат, подлежащих учёту, а также особенности тарифного регулирования для различных субъектов рынка, а также методические указания и подзаконные акты ФАС России, которые детализируют подходы к регулированию в сфере электроэнергетики.

Тариф представляет собой нормативный правовой акт, в ряде случаев – акт индивидуального

правового характера, принимаемый уполномоченным исполнительным органом субъекта Российской Федерации, либо федеральным регулятором. Он устанавливается в порядке, определённом федеральным законодательством, и подлежит обязательному применению всеми субъектами электроэнергетики при осуществлении расчетов за поставляемую электрическую энергию (мощность). Правовая природа тарифа обуславливает его императивный характер: стороны не могут по своему усмотрению изменять или игнорировать установленную тарифную величину в договорных отношениях.

Таким образом, тариф выполняет не только экономическую, но и правовую функцию, являясь формой реализации публичных интересов в условиях естественной монополии и ограниченной конкуренции. Его обязательность вытекает из публично-правового характера регулирования в сфере электроэнергетики, направленного на недопущение злоупотреблений со стороны поставщиков и обеспечение социальной справедливости в доступе к энергоресурсам [4, с. 355]. Нарушение порядка применения тарифа, в том числе использование неутверждённых либо отменённых величин, влечёт за собой правовые последствия, в том числе возможность квалификации полученных денежных средств как неосновательного обогащения [3, с. 51].

Нарушения в сфере применения тарифов субъектами электроэнергетики могут проявляться в различных формах, каждая из которых имеет юридически значимые последствия, как для поставщика, так и для потребителя. К числу наиболее распространённых нарушений относятся:

- применение неутверждённого или отменённого тарифа, то есть использование величин тарифа, не обладающих юридической силой на момент начисления платы за электроэнергию, что прямо противоречит установленному порядку тарифного регулирования и нарушает принцип легитимности нормативных предписаний уполномоченных органов;
- неправильный расчёт платы за энергоснабжение в зависимости от категории потребителя, что выражается в использовании тарифа, не соответствующего статусу или характеристикам конкретного потребителя (например, применение тарифа для населения к иным потребителям);
- превышение предельных уровней тарифа, установленных ФАС России, что представляет собой грубое нарушение антимонопольного законодательства и может квалифицироваться как злоупотребление доминирующим положением на рынке;
- применение тарифа с нарушением установленных сроков его действия, включая досрочное применение будущего тарифа или сохранение расчётов по тарифу, срок действия которого истёк.

Каждое из указанных нарушений способно повлечь за собой возникновение обязанности по возврату неосновательно полученных денежных средств, а также привлечение к административной ответственности, предусмотренной действующим законодательством Российской Федерации.

В судебной практике по спорам, связанным с возвратом излишне уплаченных сумм в результате неправомерного применения тарифов в сфере электроэнергетики, сложились различные и порой противоречивые подходы к квалификации указанных денежных средств. Наиболее распространёнными из них являются следующие:

- суды при рассмотрении дел, исходят из того, что неправомерное применение тарифа – в частности, неутверждённого, отменённого либо превышающего предельный уровень – свидетельствует об отсутствии законного основания для получения денежных средств (определение ВС РФ № 305-ЭС17-22541, дела №№ А40-1614/2020, А40-112673/2019, А40-287984/2018, 2-2673/2024). В связи с этим в соответствии со статьёй 1102 ГК РФ такие суммы подлежат возврату как неосновательно приобретённые. Данный подход получил подтверждение, в том числе, в постановлении пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 63 «О рассмотрении судами споров об оплате энергии в случае признания недействующим нормативного правового акта, которым установлена регулируемая цена»;
- согласно альтернативной позиции, отношения, возникающие в связи с применением тарифов, являются административно-правовыми по своей природе, поскольку тарифы устанавливаются государством в публичных интересах и имеют обязательную силу. Некоторые суды считают, что оспаривание применения тарифа должно осуществляться исключительно в рамках процедур, предусмотренных законодательством о регулировании цен и тарифов, а не через конструкции гражданско-правовой ответственности. В этих случаях иски о взыскании неосновательного обогащения отклоняются, поскольку отсутствует надлежащее основание для применения главы 60 ГК РФ (дела №№ А50-14180/2013, А50-10442.2014, А02-2053/2022).

Таким образом, в судебной практике имеется двойственность подходов, что негативно сказывается на предсказуемости правоприменения. Отсутствие единообразия в квалификации неправомерно полученных сумм препятствует эффективной защите прав потребителей и требует как разъяснений со стороны высших судебных инстанций, так и возможной корректировки законодательства с целью уточнения правовых последствий нарушения порядка тарифного регулирования.

Кроме того, проблемы правоприменения в сфере взыскания неосновательного обогащения с субъектов электроэнергетики в результате незаконного применения тарифов носят комплексный

характер и связаны как с нормативно-правовыми, так и с практическими аспектами регулирования.

Недостаточная конкретизация нормативной базы

В законодательстве отсутствуют чёткие критерии и механизмы, регламентирующие порядок выявления, подтверждения и взыскания неосновательного обогащения именно в сфере электроэнергетики. Недостаток методических указаний и разъяснений затрудняет правильное применение норм и приводит к разночтениям.

Проблемы с доказательственной базой

В практике часто возникают сложности с подтверждением факта незаконного применения тарифа, обоснованием отсутствия правового основания для получения денежных средств, а также с определением объёма неосновательного обогащения. Недостаток технических знаний и компетенций у судей и сторон усложняет оценку специфики расчетов в электроэнергетике.

Сложности исполнения судебных решений

Даже при положительном решении суда фактическое возвращение средств может затягиваться из-за сложности процесса ценообразования конечной цены электрической энергии, подробных методик расчёта излишне уплаченных сумм по незаконному тарифу.

Недостаточный уровень правовой грамотности потребителей

Многие потребители не осведомлены о своих правах и возможностях защиты в случае неправомерного применения тарифов, что снижает эффективность правоприменения на практике.

В качестве основных вариантов совершенствования законодательства в области взыскания неосновательного обогащения с субъектов электроэнергетики в результате незаконного применения тарифов представляется возможным выделить:

- включение в главу 60 ГК РФ положений, подтверждающих допустимость применения норм о неосновательном обогащении в случае нарушения публичных норм;
- введение чётких законодательных критериев, которые помогут разграничить случаи, когда неправомерно полученные суммы подлежат возврату, и случаи, регулируемые иными правовыми механизмами. Это повысит правовую определённость и снизит количество спорных ситуаций в судах;
- разработка единых разъяснений высших судов (например, Постановления Пленума ВС РФ), а также о потребности в законодательной конкретизации соотношения публичных и частных правовых способов защиты при нарушении по-

рядка применения тарифов в электроэнергетике;

- формирование подробных методик расчёта излишне уплаченных сумм, правил оформления претензий и документов, подтверждающих незаконность тарифа, а также порядка досудебного урегулирования споров. Это облегчит процесс взаимодействия сторон и снизит нагрузку на судебные органы;
- предоставление уполномоченным органам более широких прав для мониторинга и контроля за соблюдением тарифных норм, а также для инициирования процедуры возврата неосновательного обогащения без необходимости обращения в суд;
- создание специализированных процедур или упрощённых механизмов в арбитражных судах для рассмотрения споров, связанных с неосновательным обогащением в электроэнергетике, что ускорит разрешение дел и повысит их качество;
- организация обучающих программ и информационных кампаний для потребителей и поставщиков электроэнергии о порядке применения тарифов, правах и обязанностях, а также способах защиты в случае нарушений;
- рассмотрение вопроса о создании института энергетического омбудсмена – независимого органа, уполномоченного: рассматривать жалобы потребителей в досудебном порядке, выявлять системные нарушения, представлять интересы граждан в судебных и административных органах, в том числе с коллективными (групповыми) исками в контексте споров о неосновательном обогащении в результате незаконного применения тарифов.
- содействие использованию медиации, арбитража и других форм внесудебного разрешения конфликтов для оперативного и менее затратного урегулирования вопросов возврата неосновательного обогащения.

Процедура взыскания неосновательного обогащения с субъектов электроэнергетики в результате незаконного применения тарифов представляет собой важный механизм защиты имущественных интересов потребителей и обеспечения законности в сфере тарифного регулирования. Анализ нормативно-правовой базы и судебной практики выявляет ряд проблем, связанных с неоднозначностью правоприменения, недостаточной конкретизацией законодательных норм и сложностями в доказывании фактов нарушения.

Для повышения эффективности данного механизма необходимы системные изменения, включающие кодификацию и уточнение критериев неосновательного обогащения, разработку методических рекомендаций, расширение полномочий регулирующих органов, а также совершенствование судебных процедур. Особое значение имеет повышение правовой грамотности участников рынка и внедрение альтернативных способов разрешения споров.

В итоге совершенствование законодательства и практики взыскания неосновательного обогащения в электроэнергетике будет способствовать укреплению доверия между субъектами рынка, повышению прозрачности тарифообразования и защите прав потребителей, что является важным условием устойчивого развития отрасли и обеспечения энергетической безопасности государства.

Литература

1. Королев В.Г. Регулирование электроэнергетической отрасли РФ: проблемный аспект / В.Г. Королев // *Инновации и инвестиции*. – 2020. – № 11. – С. 26–273.
2. Лозинский П.О. Способы взыскания неосновательного обогащения // *Экономика и социум*. – 2021. – № 2–2 (81). – С. 460–463.
3. Макарова Л.А. Неосновательное обогащение в результате бездоговорного потребления тепловой энергии // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Право*. – 2024. – № 1. – С. 49–55.
4. Степанов В.В. Проблемы судебного возмещения переплаты потребителю коммунального ресурса ввиду установления нормативным правовым актом необоснованной цены (тарифа) или норматива потребления // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2017. – № 3 (37). – С. 350–360.
5. Свирков С.А. Соотношение частноправовых и публично-правовых начал в энергетическом законодательстве // *Актуальные проблемы российского права*. – 2024. – № 8 (165). – С. 186–193.

PROCEDURE FOR RECOVERY OF UNJUST ENRICHMENT FROM ELECTRIC POWER INDUSTRY ENTITIES AS A RESULT OF UNLAWFUL APPLICATION OF TARIFFS

Lugovoi E.A., Kurovsky S.V.

Moscow University «Synergy», LLC “Higher School of Education”

In the conditions of strengthening of state control in the sphere of electric power industry the issues of legitimacy of tariffs application become especially important. Illegal application of tariffs by electric power industry entities often leads to the emergence of excessive financial burden on consumers, forming legal grounds for the return of overpaid funds as unjust enrichment. This article considers the theoretical and legal foundations of the institute of unjust enrichment in the context of the specifics of public-law regulation of electric power relations. It analyzes the current civil, antimonopoly and sectoral legislation regulating tariff formation and the procedure for dispute resolution in this area. Special attention is paid to the specifics of applying the norms of the Civil Code of the Russian Federation in a regulated economy and the public-law nature of tariffs. Particular attention is paid to judicial practice, including the positions of the Supreme Court of the Russian Federation on the issue of qualification of illegally received amounts and conditions for their return in this area. The main problems of law enforcement on the issue in question are identified, and the directions of improvement of legislation in terms of the institute of unjust enrichment are proposed. The results of the conducted research can be used in law-making activity, law enforcement practice and scientific developments in the field of energy and civil law.

Keywords: unjust enrichment, tariff, electric power industry, pricing, legal regulation, public obligations.

References

1. Korolev V.G. Regulation of the electric power industry of the Russian Federation: problem aspect / V.G. Korolev // Innovation and Investment. G. Regulation of the electric power industry of the Russian Federation: problem aspect / V.G. Korolev // Innovations and Investments. – 2020. – № 11. – С. 26–273.
2. Lozinsky P.O. Methods of unjust enrichment recovery // Economics and Socium. – 2021. – № 2–2 (81). – С. 460–463.
3. Makarova L.A. Unjust enrichment as a result of contractless consumption of heat energy // Bulletin of SUSU. Series: Law. – 2024. – № 1. – С. 49–55.
4. Stepanov V.V. Problems of judicial reimbursement of overpayment to the consumer of communal resource due to the establishment of unreasonable price (tariff) or consumption norms by a normative legal act // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. – 2017. – № 3 (37). – С. 350–360.
5. Sergey A.S. Correlation of private and public-law principles in energy legislation // Actual problems of Russian law. – 2024. – № 8 (165). – С. 186–193.

Разработка и оценка эффективности политики устойчивого развития и внедрения инструментов экологического менеджмента в организациях транспортной отрасли на примере АО «ФПК» и ОАО «РЖД»

Люляхина Арина Александровна,

студент Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет транспорта»
E-mail: qrlnq@mail.ru

Пономаренко Анастасия Юрьевна,

студент Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет транспорта»
E-mail: kolomina2001@list.ru

Боландова Юлия Константиновна,

кандидат технических наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет транспорта»
E-mail: jbolandova@gmail.com

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты разработки и внедрения инструментов экологического менеджмента в организациях транспортной отрасли на примере ОАО «РЖД» и АО «ФПК». Проведен комплексный анализ эффективности экологической политики компаний за период 2021–2023 гг., включая оценку динамики ключевых показателей воздействия на окружающую среду. Исследованы основные направления природоохранной деятельности, реализуемые инвестиционные программы и достигнутые результаты в области сокращения выбросов загрязняющих веществ, управления отходами и рационального водопользования. Представлены рекомендации по дальнейшему совершенствованию систем экологического менеджмента в транспортном секторе.

Ключевые слова: экологический менеджмент, устойчивое развитие, транспортная отрасль, природоохранная деятельность, экологическая политика, железнодорожный транспорт, экологическая эффективность, система управления окружающей средой.

Введение

Современная транспортная отрасль находится в процессе активной трансформации, направленной на снижение негативного воздействия на окружающую среду. Ведущие компании железнодорожного сектора России – ОАО «РЖД» и АО «ФПК» – демонстрируют системный подход к внедрению инструментов экологического менеджмента, что соответствует глобальным трендам устойчивого развития [1]. В условиях возрастающих экологических требований и необходимости сохранения природных ресурсов для будущих поколений особую актуальность приобретает анализ эффективности экологической политики транспортных компаний.

Методология исследования

Исследование базируется на комплексном анализе документов, регламентирующих экологическую деятельность ОАО «РЖД» и АО «ФПК», включая внутренние нормативные акты, отчеты об устойчивом развитии и экологической результативности. Применяется системный подход к оценке эффективности экологического менеджмента с использованием количественных и качественных показателей [2]. Методология включает сравнительный анализ динамики ключевых экологических индикаторов за период 2021–2023 гг.

Результаты и обсуждение

В условиях возрастающей экологической ответственности бизнеса внедрение эффективных инструментов экологического менеджмента становится стратегическим приоритетом для организаций транспортной отрасли. Транспортный сектор оказывает существенное воздействие на окружающую среду, что обуславливает необходимость системного подхода к управлению экологическими аспектами деятельности [4].

Фундаментальной основой построения системы экологического менеджмента в транспортных организациях выступает ГОСТ Р ИСО 14001–2016 Национальный стандарт Российской Федерации. Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по применению» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 29.04.2016 N 285-ст), который определяет ключевые требования к разработке, внедрению и функционированию экологического менеджмента [1]. Данный стандарт обеспечивает методологическую базу для интегра-

ции экологических целей в общую систему управления организацией и способствует достижению баланса между экономической эффективностью и снижением негативного воздействия на окружающую среду.

Цифровая трансформация транспортной отрасли открывает новые возможности для совершенствования инструментов экологического менеджмента. Внедрение цифровых технологий позволяет оптимизировать маршруты, снижать расход топлива, обеспечивать непрерывный мониторинг экологических показателей [14]. Интеграция экологического менеджмента в цифровую среду транспортного предприятия способствует повышению эффективности природоохранных мероприятий и обеспечению экологической безопасности [15].

Особую роль в развитии систем экологического менеджмента играет управление экологическими рисками. Транспортные организации разрабатывают и внедряют методики идентификации, оценки и минимизации экологических рисков, что позволяет предупреждать потенциальные негативные воздействия на окружающую среду [13]. Важным аспектом является проведение регулярных экологических аудитов, позволяющих оценивать результативность природоохранных мероприятий [2].

Современные тенденции развития экологического менеджмента в транспортной отрасли включают декарбонизацию производственных процессов, внедрение энергоэффективных технологий, развитие альтернативных видов топлива [10]. Организации транспортного сектора активно участвуют в международных инициативах по снижению выбросов парниковых газов и повышению экологической ответственности бизнеса [9].

В контексте устойчивого развития транспортной отрасли особое значение приобретает эффективное управление проектами в сфере экологического менеджмента. Успешная реализация экологических проектов требует тщательного планирования, координации действий всех участников и контроля достижения поставленных целей [12]. При этом важно обеспечить интеграцию экологических аспектов на всех этапах жизненного цикла проекта.

Оценка эффективности политики устойчивого развития и экологического менеджмента должна основываться на комплексном анализе экологических, экономических и социальных показателей [8]. Необходимо регулярно проводить мониторинг достижения целевых экологических показателей и корректировать природоохранные мероприятия с учетом изменяющихся условий внешней среды [5].

Анализ экологического менеджмента крупнейших транспортных компаний России демонстрирует планомерное развитие систем управления природоохранной деятельностью. ОАО «РЖД» сохраняет лидерство по энергоэффективности и экологичности перевозок, производя всего 1% от общего объема вредных выбросов всеми видами транспорта [7].

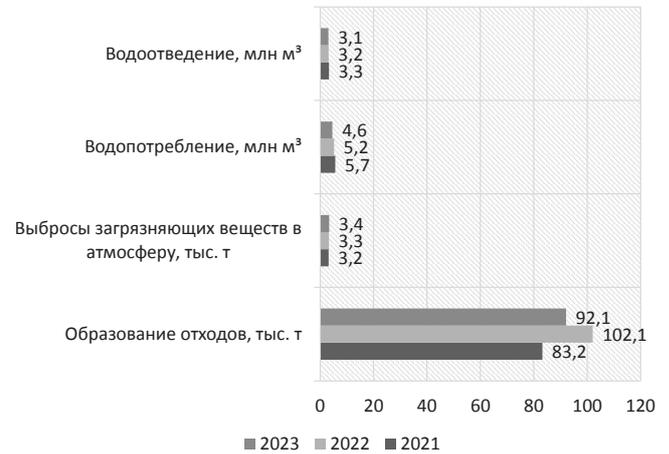

Рис. 1. Динамика ключевых экологических показателей АО «ФПК» за 2021–2023 гг. [6]

Анализ данных рисунка 1 показывает положительную динамику в области управления отходами и водопотребления. АО «ФПК» достигло значительного сокращения образования отходов – на 9,8% по сравнению с 2022 годом, что свидетельствует об эффективности внедренных мер по оптимизации производственных процессов [6].

Далее рассмотрим структуру образования отходов по классам опасности (таблица 1).

Таблица 1. Валовой объем образования отходов АО «ФПК» с разбивкой по классам опасности, тыс. т [6]

Класс опасности	2021	2022	2023	Изменение к 2022 году, %
I класс	0,013	0,009	0,008	-11,1
II класс	0,205	0,240	0,211	-12,1
III класс	0,147	0,200	0,158	-21,0
IV класс	65,705	84,561	69,516	-17,8
V класс	17,197	17,078	22,244	+30,2

Представленные в таблице 1 данные демонстрируют существенное снижение образования отходов высоких классов опасности при увеличении доли малоопасных отходов V класса. Это указывает на эффективность внедрения технологий раздельного сбора и утилизации отходов [8].

В области снижения негативного воздействия на атмосферный воздух компании реализуют комплексные программы модернизации. ОАО «РЖД» проводит масштабную работу по следующим направлениям [7]:

- внедрение нового энергоэффективного подвижного состава;
- перевод объектов теплоэнергетики на низкоуглеродные виды топлива;
- электрификация действующих железнодорожных линий;
- модернизация инфраструктуры для снижения вибрации и шума.

Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу ОАО «РЖД», тыс.т., представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу ОАО «РЖД», тыс. т [7]

Анализируя данные рисунка 2, можно отметить незначительный рост выбросов загрязняющих веществ, обусловленный увеличением производственной активности. При этом компании активно внедряют природоохранные технологии

для минимизации воздействия на окружающую среду [13].

Особого внимания заслуживает инвестиционная программа АО «ФПК» по обустройству парков подготовки пассажирских поездов энергоснабжающими устройствами на период 2018–2025 годов с общим объемом финансирования 3,7 млрд рублей. За 2019–2023 годы построено 15 пунктов высоковольтного отопления, что позволило сократить выбросы парниковых газов на 41,4 тыс. т (24%) [15].

В сфере водопользования обе компании демонстрируют положительную динамику снижения потребления водных ресурсов. Реализуются проекты по модернизации очистных сооружений, внедрению оборотного водоснабжения на вагономоечных комплексах, реконструкции водопроводно-канализационного хозяйства [14].

Для комплексной оценки систем экологического менеджмента проводится сравнительный анализ подходов ОАО «РЖД» и АО «ФПК» (таблица 2).

Таблица 2. Сравнительный анализ систем экологического менеджмента ОАО «РЖД» и АО «ФПК» [6, 7]

Критерий	ОАО «РЖД»	АО «ФПК»
Организационная структура	Департамент экологии и техносферной безопасности, региональные центры охраны окружающей среды на 16 полигонах	Централизованная система управления природоохранной деятельностью в структуре компании
Масштаб деятельности	Комплексное воздействие на окружающую среду по всей сети железных дорог	Локальное воздействие в местах размещения депо и пунктов обслуживания
Основные экологические аспекты	Выбросы от локомотивов, отходы инфраструктуры, шумовое воздействие	Отходы от обслуживания пассажирских вагонов, локальные выбросы от стационарных источников
Инвестиционные программы	Масштабные программы модернизации инфраструктуры и подвижного состава	Целевые программы по обновлению оборудования и внедрению энергоэффективных технологий
Преимущества	Системный подход к экологическому менеджменту Развитая инфраструктура экологического мониторинга Значительные финансовые ресурсы	Гибкость в принятии решений Фокус на конкретных экологических аспектах Быстрое внедрение новых технологий
Недостатки	Сложность координации действий в масштабах сети Высокие затраты на модернизацию инфраструктуры	Ограниченность ресурсов Зависимость от инфраструктуры ОАО «РЖД»

Анализ данных таблицы 2 показывает, что обе компании демонстрируют системный подход к управлению экологическими аспектами, но имеют различия в масштабах и специфике воздействия на окружающую среду. ОАО «РЖД» как владелец инфраструктуры реализует более масштабные экологические программы, охватывающие все аспекты железнодорожной деятельности. АО «ФПК», в свою очередь, концентрируется на специфических экологических аспектах пассажирских перевозок, что позволяет достигать более быстрых результатов в отдельных направлениях [6, 7].

Сравнительный анализ выявил необходимость усиления координации экологических программ между компаниями для достижения синергетического эффекта. В частности, перспективным направлением является интеграция систем экологического мониторинга и обмен опытом внедрения природоохранных технологий.

Важно отметить, что обе компании активно внедряют современные цифровые технологии в системы экологического менеджмента, что способствует повышению эффективности природоохранной деятельности. Это включает автоматизированные системы контроля выбросов, цифровой учет образования отходов и потребления ресурсов.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Анализ систем экологического менеджмента ОАО «РЖД» и АО «ФПК» за период 2021–2023 гг., демонстрирует значительный прогресс в реализации политики устойчивого развития и внедрении природоохранных инструментов в транспортной отрасли.

Комплексная оценка экологической эффективности показала, что обе компании достигли существенных результатов в ключевых направ-

лениях природоохранной деятельности. В частности, АО «ФПК» добилось сокращения образования отходов на 9,8% по сравнению с предыдущим годом, при этом наблюдается устойчивая тенденция к снижению объемов отходов высоких классов опасности. Реализация инвестиционной программы по обустройству парков подготовки пассажирских поездов энергоснабжающими устройствами позволила сократить выбросы парниковых газов на 41,4 тыс. т (24%).

ОАО «РЖД», являясь крупнейшим транспортным оператором, демонстрирует системный подход к экологическому менеджменту, что подтверждается комплексными программами модернизации инфраструктуры и подвижного состава. Компания сохраняет лидирующие позиции по показателям энергоэффективности и экологичности перевозок, производя лишь 1% от общего объема вредных выбросов всех видов транспорта.

Внедрение цифровых технологий в системы экологического менеджмента обеих компаний способствует повышению эффективности природоохранных мероприятий через автоматизацию контроля выбросов и цифровой учет ресурсопотребления. При этом выявлена необходимость усиления межкорпоративного взаимодействия для достижения синергетического эффекта в реализации экологических программ.

Для дальнейшего совершенствования систем экологического менеджмента рекомендуется: расширить применение цифровых технологий в природоохранной деятельности, усилить координацию экологических программ между компаниями транспортного сектора, продолжить модернизацию инфраструктуры с внедрением энергоэффективных технологий, а также развивать системы экологического мониторинга с использованием современных методов контроля воздействия на окружающую среду.

Таким образом, опыт ведущих компаний железнодорожного транспорта демонстрирует эффективность системного подхода к экологическому менеджменту и может служить ориентиром для других организаций транспортной отрасли в реализации политики устойчивого развития.

Литература

1. «ГОСТ Р ИСО 14001–2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по применению» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 29.04.2016 N 285-ст). [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://pro-iso.ru/assets/files/gost-iso/gost-r-iso-14001-2016.pdf>
2. «СМ N 04.1–1.0012. Руководство по определению продолжительности аудита системы менеджмента качества, системы экологического менеджмента и системы менеджмента охраны здоровья и безопасности труда (IAF MD 5:2023, IDT). Версия 01. Июль 2023 г.» (утв. Росаккре-
3. «СМ N 04.1–1.0017. Руководство по свидетельской деятельности по аккредитации органов по сертификации систем менеджмента (IAF MD 17:2023, IDT). Версия 01. Июль 2023 г.» (утв. Росаккредитацией 28.07.2023). [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483184/
4. Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/
5. Федеральный закон от 23.11.1995 N 174-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экологической экспертизе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8515/
6. Экологический менеджмент АО «ФПК». [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://ar2023.fpc.ru/ru/sustainable-development/managing-environmental-impact>
7. Экологический менеджмент ОАО «РЖД». [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://gudok.ru/content/upravlenie/1671079/>
8. Бархатова, А.П. Применение системы экологического менеджмента в организации / А.П. Бархатова, О.В. Плешакова, С.А. Эмралиева // Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), 2023. – С. 368–374. – EDN MCZHQN.
9. Вякина, И.В. Внедрение системы экологического менеджмента на предприятиях энергетической отрасли как фактор снижения нагрузки на окружающую среду / И.В. Вякина, Г.Г. Скворцова, Л.Ф. Гараникова // Современные тенденции в развитии экономики энергетики: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, Минск, 01 декабря 2023 года. – Минск: Белорусский национальный технический университет, 2023. – С. 23–25. – EDN KKRTVG.
10. Декарбонизация цементной отрасли и развитие систем экологического и энергетического менеджмента / И.А. Башмаков, Е.Н. Потапова, К.Б. Борисов [и др.] // Строительные материалы. – 2023. – № 9. – С. 4–12. – DOI 10.31659/0585-430X-2023-817-9-4-12. – EDN DVGDSP.
11. Лисюкова, Е.В. Сущность и роль менеджмента в организации современного транспортного производства / Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, 2024. – С. 181–184. – EDN ELJDKM.
12. Майорова, Т.И. Организация проекта во времени как важная составляющая проектного менеджмента в транспортной отрасли / Т.И. Май-

орова, Е.Р. Беляева // Донецк: Государственная образовательная организация высшего профессионального образования «Донецкий институт железнодорожного транспорта», 2023. – С. 95–97. – EDN GNWPWB.

13. Назаров, Е.А. Методы и принципы управления экологическими рисками в транспортной отрасли / Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2023. – С. 276–279. – EDN TUUINY.
14. Цифровизация бизнес-процессов в транспортной отрасли России: новые ориентиры менеджмента / В.М. Свистунов, Т.В. Богданова, В.В. Лобачев, П.В. Метелкин // Транспортное дело России. – 2022. – № 1. – С. 52–55. – DOI 10.52375/20728689_2022_1_52. – EDN BSK-KKT.
15. Экологическая безопасность в интегрированных системах менеджмента цифрового транспортного предприятия / М.А. Василенко, Е.А. Василенко, А.М. Гасанов [и др.] // Качество. Инновации. Образование. – 2024. – № 5(193). – С. 58–67. – DOI 10.31145/1999–513x-2024–5–58–67. – EDN WENRDC.

DEVELOPMENT AND EVALUATION OF THE EFFICIENCY OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT POLICY AND IMPLEMENTATION OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT TOOLS IN TRANSPORT ORGANIZATIONS USING THE EXAMPLE OF JSC FPC AND JSC RUSSIAN RAILWAYS

Lyulyakhina A.A., Ponomarenko A.Yu., Bolandova Yu.K.
Russian University of Transport

The article examines the theoretical and practical aspects of the development and implementation of environmental management tools in transport organizations using the example of JSC Russian Railways and JSC FPC. A comprehensive analysis of the effectiveness of the environmental policies of companies for the period 2021–2023 was conducted, including an assessment of the dynamics of key indicators of environmental impact. The main areas of environmental protection activities, implemented investment programs and achieved results in the field of reducing pollutant emissions, waste management and rational water use were studied. Recommendations for further improvement of environmental management systems in the transport sector are presented.

Keywords: environmental management, sustainable development, transport industry, environmental protection activities, environmental policy, rail transport, environmental efficiency, environmental management system.

References

1. “GOST R ISO 14001–2016. National standard of the Russian Federation. Environmental management systems. Requirements and guidance for use” (approved and put into effect by Order of Rosstandart dated 29.04.2016 N 285-st). [Electronic resource]. – Access mode. – URL: <https://pro-iso.ru/assets/files/gost-iso/gost-r-iso-14001-2016.pdf>
2. “CM N 04.1–1.0012. Guidelines for determining the duration of the audit of a quality management system, environmental

- management system and occupational health and safety management system (IAF MD 5:2023, IDT). Version 01. July 2023” (approved by Rosaccreditation on 20.07.2023). [Electronic resource]. – Access mode. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483185/
3. «CM N 04.1–1.0017. Guidelines for witness activities for accreditation of management systems certification bodies (IAF MD 17:2023, IDT). Version 01. July 2023» (approved by Rosaccreditation on July 28, 2023). [Electronic resource]. – Access mode. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483184/
4. Federal Law of January 10, 2002 N 7-FZ (as amended on August 8, 2024) «On Environmental Protection» (as amended and supplemented, entered into force on September 1, 2024). [Electronic resource]. – Access mode. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/
5. Federal Law of 23.11.1995 N 174-FZ (as amended on 08.08.2024) “On Environmental Expertise” (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2025). [Electronic resource]. – Access mode. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8515/
6. Environmental management of JSC FPC. [Electronic resource]. – Access mode. – URL: <https://ar2023.fpc.ru/ru/sustainable-development/managing-environmental-impact>
7. Environmental management of JSC Russian Railways. [Electronic resource]. – Access mode. – URL: <https://gudok.ru/content/upravlenie/1671079/>
8. Barkhatova, A.P. Application of the environmental management system in the organization / A.P. Barkhatova, O.V. Pleshakova, S.A. Emralieva // Siberian State Automobile and Highway University (SibADI), 2023. – P. 368–374. – EDN MCZHQH.
9. Vyakina, I.V. Implementation of the environmental management system at energy enterprises as a factor in reducing the burden on the environment / I.V. Vyakina, G.G. Skvortsova, L.F. Garanikova // Modern trends in the development of energy economics: Collection of materials of the IV International scientific and practical conference, Minsk, December 01, 2023. – Minsk: Belarusian National Technical University, 2023. – P. 23–25. – EDN KKRTVG.
10. Decarbonization of the cement industry and development of environmental and energy management systems / I.A. Bashmakov, E.N. Potapova, K.B. Borisov [et al.] // Construction materials. – 2023. – No. 9. – P. 4–12. – DOI 10.31659/0585–430X-2023–817–9–4–12. – EDN DVGDSP.
11. Lisyukova, E.V. The essence and role of management in the organization of modern transport production / Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Transport, 2024. – P. 181–184. – EDN ELJDKM.
12. Mayorova, T.I. Project organization in time as an important component of project management in the transport industry / T.I. Mayorova, E.R. Belyaeva // Donetsk: State educational organization of higher professional education “Donetsk Institute of Railway Transport”, 2023. – P. 95–97. – EDN GNWPWB.
13. Nazarov, E.A. Methods and principles of environmental risk management in the transport industry / Moscow: Publishing and Trading Corporation “Dashkov i K”, 2023. – P. 276–279. – EDN TUUINY.
14. Digitalization of business processes in the transport industry of Russia: new management guidelines / V.M. Svistunov, T.V. Bogdanova, V.V. Lobachev, P.V. Metelkin // Transport business of Russia. – 2022. – No. 1. – P. 52–55. – DOI 10.52375/20728689_2022_1_52. – EDN BSKKKT.
15. Environmental safety in integrated management systems of a digital transport enterprise / M.A. Vasilenko, E.A. Vasilenko, A.M. Gasanov [et al.] // Quality. Innovations. Education. – 2024. – No. 5(193). – P. 58–67. – DOI 10.31145/1999–513x-2024–5–58–67. – EDN WENRDC.

Модернизация гражданского права в условиях информатизации и диджитализации: вызовы и перспективы

Новиков Сергей Алексеевич,

аспирант Московского финансово-юридического университета МФЮА (МФЮА)

В статье исследуются ключевые аспекты трансформации классического гражданского права в условиях стремительной цифровизации экономики и общественных отношений. Автор анализирует принципиально новые вызовы, связанные с появлением цифровых активов, смарт-контрактов и систем искусственного интеллекта, которые требуют переосмысления традиционных гражданско-правовых институтов. Особое внимание уделяется проблемам правовой квалификации криптоактивов, автоматизированным договорным отношениям и вопросам ответственности в цифровой среде.

В работе проводится сравнительно-правовой анализ современных подходов к регулированию цифровой экономики в ЕС, Китае и России, выделяются ключевые тенденции и противоречия правоприменительной практики. На основе исследования международного опыта и российских законодательных инициатив автор предлагает комплекс мер по модернизации гражданского законодательства, направленных на создание сбалансированной системы регулирования цифровых отношений.

Статья представляет интерес для исследователей в области гражданского и цифрового права, законодателей и практикующих юристов, сталкивающихся с новыми вызовами цифровой эпохи. Материал основан на актуальной судебной практике и новейших законодательных изменениях 2023–2024 годов.

Ключевые слова: гражданское право, цифровизация, смарт-контракты, блокчейн, искусственный интеллект, данные, кибербезопасность.

Цифровая революция XXI века радикально изменила социально-экономические отношения, создав новые объекты и формы взаимодействия. Классическое гражданское право, сформированное в эпоху материальных активов и прямых договоренностей, сталкивается с необходимостью адаптации к реалиям цифровой экономики. Актуальность исследования обусловлена:

1. Ростом доли цифровых сделок (NFT, криптовалюты, облачные сервисы).
 2. Появлением самоисполняемых контрактов (смарт-контракты) на базе блокчейна.
 3. Правовыми пробелами в регулировании данных как объекта гражданских прав.
- Цель статьи – предложить модель модернизации гражданского права, сочетающую традиционные принципы и цифровые инновации.

Классическая система гражданского права, сформированная в условиях доминирования материальных активов, сталкивается с необходимостью переосмысления традиционных категорий в связи с появлением принципиально новых объектов регулирования. Если ранее гражданский оборот преимущественно оперировал вещами, имущественными правами и денежными средствами, то современная цифровая экономика выдвигает на первый план такие феномены, как данные, криптоактивы и виртуальные объекты, которые не укладываются в привычные правовые конструкции.

Особую сложность представляет юридическая квалификация цифровых активов. Российский законодатель, следуя мировым тенденциям, принял попытку систематизации этих новых явлений через внесение изменений в Гражданский кодекс. В частности, Федеральный закон № 259-ФЗ ввел понятие «цифровых прав», однако содержащееся в нем определение вызывает ряд вопросов у правоприменителей. Судебная практика демонстрирует разнородные подходы: если одни суды признают криптовалюту имуществом (что следует из позиции Верховного Суда РФ, выраженной в Обзоре практики 2019 года), то другие отказывают в такой квалификации, ссылаясь на отсутствие материального носителя.

Феномен смарт-контрактов, представляющих собой самоисполняемые алгоритмы на базе блокчейн-технологий, бросает вызов традиционным представлениям о договорном праве. Основная теоретическая проблема заключается в определении природы этих цифровых конструкций: являются ли они новой формой традиционного договора или принципиально иным правовым явлением?

Анализ технических особенностей смарт-контрактов позволяет выделить их ключевые характеристики, значимые с правовой точки зрения. Автоматизированный характер исполнения исключает возможность традиционного толкования воли сторон, что противоречит фундаментальным принципам гражданского права. При этом судебная практика только начинает формироваться – показателен кейс американского суда по делу SEC v. Wahi (2022), где впервые была предпринята попытка юридической квалификации смарт-контракта как ценной бумаги.

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) порождает дискуссии о необходимости признания ограниченной правосубъектности автономных систем. Европейский опыт (в частности, Резолюция Европарламента 2020/2212) демонстрирует осторожный подход к этому вопросу, предлагая ввести специальный статус «электронного лица» для сложных ИИ-систем.

В российской доктрине преобладает скептическое отношение к наделению ИИ элементами правосубъектности. Однако практические потребности (например, вопросы ответственности за действия автономных транспортных средств или алгоритмических торговых систем) требуют разработки новых правовых механизмов. Особую сложность представляет проблема распределения ответственности между разработчиками, операторами и самими ИИ-системами при причинении вреда.

Таким образом, цифровая трансформация гражданского права требует глубокого переосмысления его базовых институтов с сохранением фундаментальных принципов справедливости и баланса интересов. Теоретическая проработка этих вопросов должна предшествовать законодательным новациям, чтобы избежать правовой неопределенности в быстро меняющейся цифровой среде.

Современное гражданское право сталкивается с принципиально новым вызовом – необходимостью обеспечения эффективной защиты персональных данных в условиях их массового использования цифровыми платформами. Российское законодательство, следуя общемировым тенденциям, закрепляет специальный режим регулирования в Федеральном законе № 152-ФЗ, однако практическая реализация этих норм вызывает серьезные сложности.

Ключевая проблема заключается в противоречии между технологическими возможностями глобальных цифровых корпораций и национальными юрисдикциями. Европейский регламент GDPR установил жесткие стандарты обработки данных, однако их соблюдение международными компаниями зачастую носит формальный характер. В российской практике особую остроту приобрел вопрос локализации персональных данных, требующий от операторов размещения серверов на территории страны. Судебная практика демонстрирует рост числа дел, связанных с нарушением этого требования, что свидетельствует о недостаточной эффективности существующих механизмов контроля.

Цифровая трансформация экономики привела к появлению новых форм противоправного поведения, связанного с киберугрозами. Традиционные нормы о возмещении вреда оказываются недостаточно приспособленными для регулирования последствий масштабных утечек данных или хакерских атак.

Особую сложность представляет проблема доказывания в делах о киберпреступлениях. В отличие от классических деликтов, где причинно-следственная связь обычно очевидна, в цифровой среде установление вины конкретного лица требует специальных технических знаний. Российские суды только начинают формировать практику по таким делам, о чем свидетельствует Постановление Пленума Верховного Суда № 25, в котором впервые были систематизированы подходы к рассмотрению споров, связанных с цифровыми рисками.

Доминирование глобальных цифровых платформ на рынке порождает новые вызовы для конкурентного права. Традиционные антимонопольные механизмы, разработанные для «аналоговой» экономики, зачастую оказываются неэффективными против практик цифровых гигантов.

Российская правоприменительная практика демонстрирует попытки адаптации классических инструментов к новым реалиям. Ярким примером стало дело ФАС России против компании Google (№ 07–14/123–2022), в котором антимонопольный орган впервые применил нормы о доминирующем положении к цифровой платформе. Однако отсутствие специального законодательства о регулировании цифровых рынков создает серьезные препятствия для формирования последовательной судебной практики.

Совокупность этих вызовов требует глубокого пересмотра традиционных подходов к гражданско-правовому регулированию с учетом специфики цифровой среды. Разработка адекватных правовых механизмов должна основываться на комплексном анализе технологических, экономических и социальных аспектов цифровой трансформации.

Европейский Союз предпринимает системные усилия по созданию комплексного регулирования цифровой экономики. Особого внимания заслуживает Регламент MiCA (Markets in Crypto-Assets), вступивший в силу в 2023 году. Этот документ устанавливает единые правила для эмитентов криптоактивов и поставщиков услуг на крипторынке, вводя лицензирование деятельности и требования к прозрачности операций. Европейский подход отличается стремлением найти баланс между инновационным развитием и защитой прав потребителей, что проявляется в обязательствах по раскрытию информации и механизмах компенсации убытков.

Примечательно, что европейские регуляторы уделяют особое внимание стабильным монетам (stablecoins), вводя для них дополнительные ограничения по размеру операций и требования к резервированию. Российский законодатель пока со-

храняет более осторожную позицию в отношении криптовалют, что создает дисбаланс в регулировании цифровых активов на международном уровне.

Китай демонстрирует уникальный опыт системной интеграции цифровых технологий в правоприменительную практику. Пионерским проектом стало внедрение блокчейн-платформы «Человеко-подобный суд», которая автоматизирует часть судебных процедур. Эта система позволяет не только хранить доказательства в неизменном виде, но и прогнозировать исход дел на основе анализа прецедентов.

Особенностью китайского подхода является активное использование технологий искусственного интеллекта в правоприменении при сохранении жесткого государственного контроля над цифровым пространством. Российские разработки в области электронного правосудия пока носят более фрагментарный характер, хотя эксперименты с ИИ-ассистентами судей в арбитражных судах демонстрируют движение в этом направлении.

Российская практика цифровизации гражданского права развивается по пути точечных законодательных новаций и экспериментальных правовых режимов. Наиболее значимым проектом стало введение цифрового рубля, который тестируется в пилотном режиме с 2023 года. Этот эксперимент позволит оценить последствия внедрения централизованной цифровой валюты для гражданского оборота и банковской системы.

Параллельно в России формируется практика использования технологий распределенного реестра в корпоративном управлении. Отдельные компании начали применять блокчейн для ведения реестров акционеров, что повышает прозрачность корпоративных действий. Однако отсутствие системного подхода к регулированию цифровых технологий пока сдерживает их широкое внедрение в гражданско-правовую практику.

Сравнительный анализ международного опыта показывает, что разные юрисдикции выбирают различные стратегии адаптации права к цифровым реалиям. Россия стоит перед выбором между европейской моделью баланса инноваций и регулирования и китайской моделью технологического развития при усиленном государственном контроле. Формирование оптимальной национальной стратегии требует тщательного учета как международных тенденций, так и специфики отечественной правовой системы.

Цифровизация требует переосмысления классических институтов гражданского права без отказа от их фундаментальных принципов. Ключевыми направлениями модернизации должны стать: унификация терминологии, внедрение технологий в правоприменение и усиление международной кооперации.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024).

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 14.07.2022).
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» (ред. от 02.07.2021).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2023 № 25 «О некоторых вопросах применения законодательства о защите персональных данных».
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40–123456/2023.
7. Регламент (ЕУ) 2023/1114 Европейского парламента и Совета от 31.05.2023 «О рынках криптоактивов» (MiCA).
8. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023), утв. Президиумом ВС РФ 15.03.2023.
9. Аристархов В.В. Цифровые активы в системе объектов гражданских прав. – М.: Статут, 2023. – 288 с.
10. Белов В.А. Смарт-контракты и блокчейн: правовая природа и проблемы регулирования // Журнал российского права. – 2022. – № 8. – С. 45–62.
11. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Искусственный интеллект и право: вызовы XXI века. – М.: Проспект, 2024. – 352 с.
12. Петров Д.А. Персональные данные в цифровую эпоху: проблемы защиты и ответственности // Закон. – 2023. – № 5. – С. 78–94.
13. Синюков А.В. Кибербезопасность и гражданско-правовая ответственность. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2023. – 210 с.
14. European Parliament Resolution of 20 October 2020 on a framework for the ethical aspects of artificial intelligence, robotics and related technologies (2020/2212(INL)).
15. Zetzsche D.A., Buckley R.P., Arner D.W. The Distributed Liability of Distributed Ledgers: Legal Risks of Blockchain // University of Illinois Law Review. – 2022. – Vol. 4. – P. 1361–1402.
16. Werbach K. The Blockchain and the New Architecture of Trust. – MIT Press, 2023. – 408 p.
17. China's Blockchain Judicial Whitepaper 2023. – Beijing: Supreme People's Court, 2023. – URL: [официальный сайт ВКНР].
18. Официальный сайт Банка России: «Цифровой рубль» // URL: cbr.ru/digital_ruble (дата обращения: 10.06.2024).
19. Отчет ФАС России «Антимонопольное регулирование цифровых платформ» (2023). – URL: [fas.gov.ru/reports].
20. Annual Report on Crypto-Asset Markets (MiCA Implementation Review). – European Securities and Markets Authority (ESMA), 2024.

MODERNIZATION OF CIVIL LAW IN THE CONTEXT OF INFORMATIZATION AND DIGITALIZATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

Novikov S.A.

Moscow University of Finance and Law

The article examines the key aspects of the transformation of classical civil law in the context of rapid digitalization of the economy and public relations. The author analyzes fundamentally new challenges associated with the emergence of digital assets, smart contracts and artificial intelligence systems, which require a rethinking of traditional civil law institutions. Particular attention is paid to the problems of legal qualification of crypto assets, automated contractual relations and liability issues in the digital environment.

The work provides a comparative legal analysis of modern approaches to regulating the digital economy in the EU, China and Russia, highlighting key trends and contradictions in law enforcement practice. Based on a study of international experience and Russian legislative initiatives, the author proposes a set of measures to modernize civil legislation aimed at creating a balanced system for regulating digital relations. The article is of interest to researchers in the field of civil and digital law, legislators and practicing lawyers facing new challenges of the digital era. The material is based on current judicial practice and the latest legislative changes of 2023–2024.

Keywords: civil law, digitalization, smart contracts, blockchain, artificial intelligence, data, cybersecurity.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 24.02.2024).
2. Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ “On Personal Data” (as amended on 14.07.2022).
3. Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency” (as amended on 02.07.2021).
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 “On the Application of Part One of the Civil Code of the Russian Federation”.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.12.2023 No. 25 “On Certain Issues of Application of Legislation on the Protection of Personal Data”.
6. Decision of the Arbitration Court of Moscow in Case No. A40–123456/2023.
7. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31.05.2023 “On Markets in Cryptoassets” (MiCA).
8. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2023), approved. by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 15.03.2023.
9. Aristarkhov V.V. Digital Assets in the System of Civil Rights Objects. – M.: Statut, 2023. – 288 p.
10. Belov V.A. Smart Contracts and Blockchain: Legal Nature and Regulatory Issues // Journal of Russian Law. – 2022. – No. 8. – P. 45–62.
11. Kashkin S. Yu., Chetverikov A.O. Artificial Intelligence and Law: Challenges of the 21st Century. – M.: Prospect, 2024. – 352 p.
12. Petrov D.A. Personal Data in the Digital Age: Problems of Protection and Liability // Law. – 2023. – No. 5. – P. 78–94.
13. Sinyukov A.V. Cybersecurity and Civil Liability. – St. Petersburg: Legal Center Press, 2023. – 210 p.
14. European Parliament Resolution of 20 October 2020 on a framework for the ethical aspects of artificial intelligence, robotics and related technologies (2020/2212(INL)).
15. Zetzsche D.A., Buckley R.P., Arner D.W. The Distributed Liability of Distributed Ledgers: Legal Risks of Blockchain // University of Illinois Law Review. – 2022. – Vol. 4. – P. 1361–1402.
16. Werbach K. The Blockchain and the New Architecture of Trust. – MIT Press, 2023. – 408 p.
17. China’s Blockchain Judicial Whitepaper 2023. – Beijing: Supreme People’s Court, 2023. – URL: [official website of the HCPR].
18. Official website of the Bank of Russia: “Digital Ruble” // URL: cbr.ru/digital_ruble (date of access: 10.06.2024).
19. FAS Russia report “Antimonopoly regulation of digital platforms” (2023). – URL: [fas.gov.ru/reports].
20. Annual Report on Crypto-Asset Markets (MiCA Implementation Review). – European Securities and Markets Authority (ESMA), 2024.

Макаров Никита Андреевич,
аспирант, НОЧУ ВО «Московский университет «Синергия»
E-mail: nikitamakarov3010@mail.ru

В статье проведен комплексный анализ нормативно-правового регулирования критериев отнесения сделок к категории крупных в соответствии с положениями Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – «Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» и «Федеральный закон «Об акционерных обществах» соответственно). Методологическую основу исследования составили догматический и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебной практики, включая акты Верховного Суда РФ. В результате исследования выявлены системные проблемы в применении качественного и количественного критериев, предложены направления совершенствования законодательства. Полученные результаты имеют практическое значение для правоприменительной деятельности и могут быть использованы при разработке корпоративных стандартов одобрения крупных сделок.

Ключевые слова: крупные сделки, качественный критерий, количественный критерий, корпоративное право.

Введение

Институт крупных сделок в российском корпоративном праве представляет собой важный механизм защиты интересов участников хозяйственных обществ и стабильности гражданского оборота. Однако современная правоприменительная практика выявила существенные проблемы в квалификации таких сделок, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Научная проблема исследования заключается в отсутствии единообразного подхода к толкованию и применению критериев отнесения сделок к категории крупных. Это приводит к правовой неопределенности, создает риски оспаривания сделок и существенно осложняет корпоративное управление.

Целью исследования является комплексный анализ критериев отнесения сделок к крупным, выявление проблем правоприменения и разработка предложений по совершенствованию законодательного регулирования.

Значимость исследования определяется его практической направленностью. Полученные результаты могут быть использованы в первую очередь при разработке внутрикорпоративных стандартов одобрения крупных сделок, а также в правоприменительной практике при квалификации спорных сделок и в законотворческой деятельности по совершенствованию корпоративного законодательства.

Методологическую основу исследования составили: догматический метод, сравнительно-правовой анализ, изучение судебной практики, включая акты Верховного Суда РФ. Особое внимание уделено анализу последних изменений законодательства и современным тенденциям правоприменения.

Современные критерии квалификации крупных сделок

Современное регулирование крупных сделок, действующее с 2017 года, устанавливает два взаимосвязанных критерия их квалификации: количественный и качественный [3].

Количественный критерий (денежный) определяет сделку как крупную, если стоимость приобретаемого, отчуждаемого или потенциально отчуждаемого имущества (прямо или косвенно) составляет 25% и более от балансовой стоимости активов общества.

Из определения количественного критерия следует, что в случае отчуждения или возникновения возможности отчуждения имущества с балансовой стоимостью активов общества сопоставляется наибольшая из двух величин – балансовая стоимость такого имущества либо цена его отчуждения. Как справедливо отмечает Шиткина И.С., такой подход обусловлен необходимостью компенсировать возможное занижение балансовой стоимости активов из-за отсутствия регулярной переоценки [9].

Качественный критерий направлен на определение того, какие последствия повлечет совершение рассматриваемой сделки, а именно – выходит ли она за пределы обычной хозяйственной деятельности общества [8]. Согласно п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 27, такой критерий крупной сделки устанавливает, что ее совершение приведет к прекращению деятельности общества, изменению ее вида либо существенному изменению масштабов [7].

Как верно отмечают специалисты, законодатель обязывает участников правоотношений самостоятельно оценивать возможные последствия сделки для функционирования организации [10]. При этом решение о необходимости корпоративного одобрения должно основываться на анализе степени влияния сделки на деятельность компании, включая оценку объема изменений при отчуждении или приобретении активов. Однако на практике юристы часто избегают применения качественного критерия из-за высокой степени неопределенности и риска признания сделки недействительной. В результате преобладает формальный подход, основанный исключительно на анализе стоимостных показателей, что противоречит изначальному замыслу законодателя.

Стоит также отметить, что в отличие от сделок с заинтересованностью законодательство не позволяет устанавливать собственный порядок одобрения крупных сделок и фиксировать критерии обычной хозяйственной деятельности в уставе юридического лица [2]. То есть положение в учредительном документе вида «сделки, совершенные в процессе обычной хозяйственной деятельности – это сделки, связанные с приобретением/отчуждением недвижимого имущества» не является юридически значимым, и необходимо опираться исключительно на нормы закона, а именно – анализировать последствия совершения такой сделки в рамках деятельности общества.

Сложившаяся практика демонстрирует системную проблему: из-за неопределенности качественного критерия компании вынуждены ориентироваться преимущественно на количественные показатели. Особенно ярко это проявляется в банковском секторе, где сделки, превышающие 25% балансовой стоимости активов, автоматически признаются крупными без анализа их фактического влияния на деятельность организации. Такой подход, хотя и снижает риски оспаривания, существенно ограничивает сферу применения качественного критерия.

Соотношение количественного и качественного критерия друг с другом

До недавнего времени было четко определено, что оба критерия являются самостоятельными, но подлежат совокупному применению, то есть сделка признается крупной только при одновременном соответствии качественному и количественному критериям.

Однако современная судебная практика по вопросу квалификации крупных сделок демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию соответствующих положений корпоративного законодательства.

Презумпция наличия качественного критерия крупной сделки при существенном превышении количественного критерия

В Определении ВС РФ от 08.07.2024 № 308-ЭС24–2859 указано, что если количественный критерий существенно превышает балансовую стоимость активов общества, существует риск того, что совершение сделки приведет к прекращению деятельности общества, изменению ее вида либо существенному изменению масштабов [4].

Установление качественного критерия исключительно на основании количественного показателя, без четкого определения понятия «существенного превышения», усугубляет правовую неопределенность и фактически исключает понятие качественного критерия из определения крупной сделки. Суд, признавая возможность такой презумпции, не устанавливает конкретных градаций или пороговых значений, оставляя широкий простор для судебного усмотрения. Это приводит к ситуации, когда практически любая сделка, превышающая установленный 25-процентный порог, потенциально может быть признана соответствующей качественному критерию, даже если фактически она не влечет существенных изменений в деятельности общества. Отсутствие законодательно закрепленных критериев «существенного превышения» ставит участников сделки перед необходимостью усматривать не только прямо закрепленные законом параметры сделки, но и возможные судебные интерпретации, что существенно осложняет корпоративное планирование и повышает риски оспаривания сделок.

Именно на основании данной позиции большинство практикующих юристов, с целью исключения негативных последствий и принятия на себя рисков оспаривания сделки, при анализе сделки на предмет необходимости получения корпоративного одобрения, рассматривают преимущественно стоимостной критерий. Однако, несмотря на то, что данный подход по мнению большинства является наиболее безопасным, существует и обратная позиция, которая увеличивает риск признания сделки крупной, даже при цене ниже 25% балансовой стоимости активов.

Достаточность качественного критерия для квалификации сделки в качестве крупной, даже если количественный критерий не выполнен

Верховный Суд РФ в ряде своих решений пришел к выводу о возможности признания сделки крупной исключительно на основании качественного критерия, даже если она не достигает 25%-ного порога по количественному показателю [1]. Более того, при оценке последствий сделки суд исходит из необходимости учета не только ее непосредственных результатов, но и потенциальных отдаленных последствий (например, если после совершения сделки формально отсутствовали признаки невозможности осуществления обществом деятельности, но в будущем исполнение обязательств может привести к таким последствиям) [6].

Суд указывает, что сделка может быть признана крупной, даже если балансовая стоимость отчуждаемого имущества не превышает 25% балансовой стоимости активов общества, но актив являлся ключевым для его деятельности – его утрата делает невозможным ведение бизнеса или отдельных его направлений [5].

Данная позиция является обоснованной, так как предметом сделки могут выступать активы, не отраженные в балансовой стоимости имущества, но определяющие саму возможность ведения предпринимательской деятельности [6].

Например, для медиакомпании таким активом является лицензия на телерадиовещание. При уступке этой лицензии третьему лицу количественный критерий крупной сделки зачастую неприменим, поскольку лицензия, как правило, не отражается на балансе общества. Тем не менее утрата данного актива фактически ведет к полному прекращению профильной деятельности, что безоговорочно указывает на необходимость применения качественного критерия.

Аналогичный подход применим и к иным критически важным для бизнеса активам. Например, результаты интеллектуальной деятельности, являющиеся основным источником дохода организации, при их отчуждении должны квалифицироваться как крупная сделка. Это справедливо даже в случае, когда формальный количественный критерий отсутствует (например, при нулевой или низкой балансовой стоимости РИД), поскольку отчуждение лишает компанию ее основного источника дохода и возможности продолжать ключевую деятельность.

Однако подобная правоприменительная практика порождает серьезные юридические сложности. Основная проблема заключается в отсутствии четких законодательных критериев оценки обычной хозяйственной деятельности и последствий сделки, что приводит к избыточной субъективности при квалификации. Существует риск ретроспективного пересмотра характера сделки в зависимости от последующих обстоятельств, не связанных с первоначальными намерениями сторон. Юристы

сталкиваются с практической невозможностью достоверного прогнозирования отдаленных последствий заключаемых сделок, особенно в условиях динамичной экономической среды.

Проведенный анализ судебных актов Верховного Суда РФ позволяет сделать вывод о потенциально расширительном толковании норм Федерального закона «Об акционерных обществах» и Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», регулирующих институт крупных сделок. Сформулированные правовые позиции, направленные в том числе на защиту интересов добросовестных участников гражданского оборота, создают предпосылки для возможной модификации законодательства. Подобная практика свидетельствует о высокой вероятности законодательной корректировки в случае устойчивого формирования новой судебной доктрины.

Вывод

Проведенное исследование критериев отнесения сделок к категории крупных в российском корпоративном праве демонстрирует, что их применение по-прежнему сопряжено с серьезными трудностями. Институт крупной сделки выполняет важнейшую функцию защиты интересов акционеров, участников и кредиторов, а также обеспечения прозрачности и предсказуемости деятельности хозяйственных обществ. Однако достижение этой цели осложняется рядом факторов.

Современное регулирование строится на сочетании количественного и качественного критериев. Количественный критерий, основанный на соотношении стоимости имущества к балансовой стоимости активов, более определен, тогда как основные сложности возникают при применении качественного критерия, требующего оценки потенциальных последствий сделки для масштабов, вида или даже возможности продолжения деятельности общества.

Главной проблемой является субъективность качественного критерия и отсутствие четких законодательных ориентиров для его оценки. Законодатель не дает исчерпывающего определения «обычной хозяйственной деятельности» и не позволяет закрепить ее признаки в уставе, вынуждая каждый раз анализировать фактические обстоятельства и потенциальные последствия. Эта неопределенность создает для юристов и менеджмента компаний серьезные трудности при квалификации сделок и оценке рисков их оспаривания при отсутствии необходимого корпоративного одобрения. Стремление избежать этих рисков часто приводит к избыточному формализму и ориентации исключительно на количественный показатель.

Двойственность критериев (количественного и качественного) не всегда способствует однозначной квалификации сделок. В частности, выявленная в ходе анализа неопределенность в определении содержательного наполнения качественного критерия, касающегося выхода сделки за пределы

обычной хозяйственной деятельности, становится ключевым источником проблем.

Отсутствие четких законодательных ориентиров для оценки «существенного изменения масштабов или вида деятельности общества» порождает правовую неопределенность. Это не только затрудняет разграничение крупных сделок от всех прочих, но и несет в себе значительные риски признания сделок недействительными уже после их совершения, зачастую на основании оценки последствий, зависящих от внешних, неконтролируемых сторонами факторов.

Таким образом, для эффективного функционирования института крупных сделок законодателю необходимо закрепить более четкие критерии, которые минимизировали бы субъективизм при оценке последствий. Только при достижении большей определенности в этом вопросе институт крупных сделок сможет в полной мере реализовать свою защитную функцию и способствовать укреплению стабильности корпоративных отношений и гражданского оборота в целом.

Литература

1. Гренадерский Р. Крупные сделки хозяйственных обществ: теория и практика // *Цивилистика*. 2022. Т. 1. № 2. С. 82–112.
2. Мусатов В. В., Старикова Н.А. Выход за пределы обычной хозяйственной деятельности как квалифицирующий признак крупной сделки. // *Гуманитарные и правовые проблемы современной России*. 2019. С. 184–186
3. Осипенко О.В. Институт корпоративных традиций в управлении российской компанией // *Современная конкуренция*. 2024. Т. 18. № 6 (102). С. 51–67.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.07.2024 № 308-ЭС24–2859 по делу № А63–20262/2022 // [<https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08072024-n-308-es24-2859-po-delu-n-a63-202622022/>] (дата обращения 20.05.2025).
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2024 № 308-ЭС24–3124 по делу № А53–16963/2022 // [<https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06092024-n-308-es24-3124-po-delu-n-a53-169632022/>] (дата обращения 20.05.2025).
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2024 № 305-ЭС24–8216 по делу № А41–62370/2021 // [<https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15082024-n-305-es24-8216-po-delu-n-a41-623702021/>] (дата обращения 20.05.2025).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // «Российская газета», № 145, 06.07.2018.
8. Шиткина И.С. Выход сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности // *Вестник Арбитражного суда Московского округа*. 2019. № 1. С. 44–59.
9. Шиткина И.С. Крупные сделки и сделки, в особый порядок одобрения которых предусмотрен уставом хозяйственного общества // *Закон*. 2016. № 11. С. 100–115.
10. Шиткина И.С. Новый режим совершения крупных сделок // «ЭЖ-Юрист». 2017. № 9. С. 12.

CRITERIA FOR CLASSIFYING TRANSACTIONS AS MAJOR TRANSACTIONS

Makarov N.A.

Moscow University "Synergy"

The article provides a comprehensive analysis of the legal framework governing the criteria for classifying transactions as major transactions in accordance with the provisions of Federal Law No. 14-FZ dated February 8, 1998, "On Limited Liability Companies," and Federal Law No. 208-FZ dated December 26, 1995, "On Joint-Stock Companies" (hereinafter referred to as the "Federal Law 'On Limited Liability Companies'" and the "Federal Law 'On Joint-Stock Companies,'" respectively). The methodological basis of the study includes dogmatic and comparative legal methods, as well as an analysis of judicial practice, including rulings of the Supreme Court of the Russian Federation. The study identifies systemic issues in the application of qualitative and quantitative criteria and proposes directions for legislative improvement. The findings have practical significance for law enforcement and can be used in developing corporate standards for the approval of major transactions.

Keywords: major transactions, qualitative criterion, quantitative criterion, corporate law.

References

1. Grenaderskiy R. (2022). Major transactions of business entities: Theory and practice. *Civilistika*, 1(2), 82–112.
2. Musatov V.V., Starikova N.A. (2019). Exceeding the scope of ordinary business activities as a qualifying feature of a major transaction. *Humanitarian and Legal Issues of Modern Russia*, 184–186.
3. Osipenko O.V. (2024). The institute of corporate traditions in the management of a Russian company. *Modern Competition*, 18(6), 51–67.
4. Ruling of the Judicial Chamber on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 8, 2024, No. 308-ES24–2859 in case No. A63–20262/2022. Retrieved May 20, 2025, from [<https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08072024-n-308-es24-2859-po-delu-n-a63-202622022/>]
5. Ruling of the Judicial Chamber on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 6, 2024, No. 308-ES24–3124 in case No. A53–16963/2022. Retrieved May 20, 2025, from [<https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06092024-n-308-es24-3124-po-delu-n-a53-169632022/>]
6. Ruling of the Judicial Chamber on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 15, 2024, No. 305-ES24–8216 in case No. A41–62370/2021. Retrieved May 20, 2025, from [<https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15082024-n-305-es24-8216-po-delu-n-a41-623702021/>]

suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15082024-n-305-es24-8216-podelu-n-a41-623702021/]

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 27 dated June 26, 2018, "On challenging major transactions and transactions involving conflicts of interest." Rossiyskaya Gazeta, No. 145, July 6, 2018.
8. Shitkina I.S. (2019). A transaction exceeding the scope of ordinary business activities. Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District, 1, 44–59.
9. Shitkina I.S. (2016). Major transactions and transactions requiring special approval under the charter of a business entity. Zakon, 11, 100–115.
10. Shitkina I.S. (2017). The new regime for major transactions. EZh-Yurist, 9, 12.

Никольский Даниил Александрович,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Московская государственная юридическая академия)
E-mail: danikolskiy@gmail.com

В статье рассматривается устав непубличной корпорации в контексте договорной теории юридического лица, согласно которой устав является ядром пучка контрактов, составляющего корпорацию. Делается вывод о том, что устав является основной частью корпоративной сделки, в которой участники корпорации оформляют свою волю в отношении основных условий деятельности корпорации. Автор анализирует механизм внесения изменений в устав как основной способ модификации условий корпоративной сделки и выделяет основные подходы, применяемые законодателями для регулирования этой процедуры. Особое внимание в работе уделяется норме пункта 3 статьи 66.3 ГК РФ, предоставляющей участникам непубличной корпорации особые права при составлении устава. Автор делает вывод о том, что указанный механизм содержит определенные теоретические и практические недоработки, которые могут быть устранены в рамках судебной практики.

Ключевые слова: корпоративное право, устав, учредительные документы, корпоративная сделка, непубличное общество.

Устав как учредительный документ корпорации являлся предметом обширного изучения ученых-юристов, которые в различных работах выделяли его организационную, нормативную и договорные природы [3], которые в своем сочетании формируют уникальное представление об этом учредительном документе, выполняющим ряд важнейших функций для учреждения и дальнейшей деятельности корпораций. При этом правовой режим устава непосредственно определяется корпоративными законами, которые своими положениями очерчивают, что возможно и невозможно согласовать в его тексте соответствующим решением участников корпорации, и действительность таких положений устава полностью зависит от признания тех или иных норм корпоративного законодательства императивными или диспозитивными. В связи с этим для российского корпоративного права наиболее остро встанут вопросы автономии воли участников корпорации при первоначальном формировании и изменении уставов, а также границ диспозитивности законодательства, определяющих то, насколько устав может «отходить» от предложенного законодателем регулирования.

Для целей настоящей работы мы предлагаем проанализировать устав непубличной корпорации¹ с позиций договорной теории юридического лица, воспринимающей корпорацию как пучок контрактов (*nexus of contracts*), возникающих между ее участниками, менеджерами и третьими лицами, с которыми корпорация вступает в гражданские отношения [13, с. 830]. Подобное понимание, в первую очередь, позволяет применять к корпоративным отношениям принцип свободы договора, который преобразуется и применяется к условиям корпоративной сделки в части свободы участников корпорации посредством внесения изменений в учредительные или внутренние документы общества. Такие документы в совокупности с иными формами, среди которых корпоративный договор, решения общего собрания участников и иные акты корпорации, образуют единый договор, комплексно регулирующий деятельность каждой отдельной корпорации. Условия такого договора субсидиарно дополняются диспозитивными и императивными положениями закона и иных источников права так же, как осуществляется восполнение в рамках концепции неполноты контракта [2, с. 421–426].

Наиболее интересной для научного изучения является судьба устава в «динамике», когда внеш-

¹ Анализ уставов публичных корпораций, по нашему мнению, может быть осуществлен исключительно с учетом особенностей публично-правового регулирования рынка ценных бумаг, инвестирования и защиты прав миноритарных акционеров, что находится за рамками настоящего исследования.

ние или внутренние факторы, влияющие на деятельность корпорации, вынуждают участников корпоративной сделки прибегнуть к ее модификации, важно отметить, что экономическим основанием такой модификации является неполнота корпоративной сделки, вызванная ограниченными возможностями законодателя и самих участников корпоративной сделки по разрешению в законе и уставе, соответственно, всех потенциальных ситуаций, связанных с деятельностью общества, и существованием внешних факторов, к которым относятся, в том числе, изменения законодательства, требующие отражения в учредительных документах. При этом институт внесения изменений в учредительные документы, которые составляют ядро корпоративной сделки, по своему существу в значительной степени отличается от принятия учредительных документов при учреждении корпорации. В последнем случае каждый из учредителей обязан проголосовать «за» учреждение корпорации с определенным уставом, и голос «против» будет означать отказ такого учредителя становиться стороной корпоративной сделки с определенными условиями. На этапе учреждения такой отказ имеет четкие последствия – лицо просто не включается в перечень учредителей корпорации и не сковывает себя какими-либо корпоративными отношениями.

В свою очередь, изменение условий учредительных документов уже после учреждения корпорации связано с проблемой того, что отказ отдельных участников от голосования «за» такие изменения не означает их отказ от участия в корпоративной сделке в целом и не влечет их исключение из перечня участников. Как описывал в своих исследованиях Л.А. Бебчук, разрешение описанной проблемы возможно тремя базовыми способами [12].

Во-первых, установлением единогласного голосования всех участников корпорации для внесения соответствующих изменений в устав. Следуя примерам, предлагаемым Законом об ООО, законодатель применяет такие требования только к таким изменениям, которые непосредственно затрагивают права всех участников корпорации (предоставление дополнительных прав и обязанностей, принятие нового участника, заключение договора конвертируемого займа и пр.), тем самым гарантируя, что модификация условий корпоративной сделки происходит по единому волеизъявлению всех участников корпорации. При отсутствии такого волеизъявления сохраняется *status quo* – корпоративная сделка продолжает свое существование в изначальном виде, и не наступают какие-либо иные юридические последствия.

Во-вторых, базовое требование о голосовании квалифицированным большинством за внесение изменений в устав активизирует действия принципа подчинения воли большинства, в рамках которого участники, голосовавшие против и не обладающие существенной долей корпоративных прав, позволяющей им заблокировать принятие решения, вынуждены претерпевать изменение условий корпо-

ративной сделки в нарушение их волеизъявления. Действие этого принципа необходимо для эффективной адаптации корпорации к изменившимся условиям и, несмотря на явное ограничение автономии воли голосовавших против участников, обусловлено интересами корпорации в целом.

В-третьих, участникам, голосовавшим против внесения изменений, может быть предоставлено право выйти из корпоративной сделки с выплатой им надлежащей компенсации. Экономически такой подход обосновывается необходимостью обеспечения выхода инвестора из объекта инвестирования в случае, если он не согласен с подходом к управлению последним. На практике же корпорации могут столкнуться с оппортунистским поведением участников, реализующих такое право безотносительно влияния одобренных изменений на судьбу корпорации и их согласия с такими изменениями. Ввиду этого российский законодатель ограничил случаи возникновения права участника общества с ограниченной ответственностью на выкуп его доли обществом только голосованием против заключения обществом крупной сделки¹ или увеличения уставного капитала за счет дополнительных вкладов участников².

Комплексное применение трех описанных выше подходов используется в большинстве современных систем корпоративного права, в том числе российской, и обеспечивает баланс, с одной стороны, интереса корпорации по продолжению своей деятельности в условиях изменившихся внешних или внутренних факторов, и, с другой стороны, интереса каждого участника по учету его волеизъявления для определения условий корпоративной сделки. При этом мы обращаем внимание, что исключение одного или нескольких из указанных подходов или, например, снижение большинства голосов, требующегося для принятия изменений устава, может создать значительные риски для участников, голосующих против таких изменений, в части злоупотреблений со стороны контролирующих участников или неконтролируемого изменения условий корпоративной сделки. Из-за этого законодатель в большинстве случаев отказывается от диспозитивного регулирования соответствующих механизмов или позволяет устанавливать только более строгие режимы внесения изменений в учредительные документы общества.

Как мы уже отметили, основным способом модификации условий корпоративной сделки является изменение устава корпоративного юридического лица. В понимании Д.И. Степанова устав как основной юридический факт, встречаемый в корпоративно-правовой сфере, имеет намного больше общего со сделками и общим учением о сделке, и, исходя из этого, по природе своей яв-

¹ Отдельно отметим, что заключение обществом крупной сделки также может быть квалифицировано в качестве экономического изменения условий корпоративной сделки, определяющего судьбу общества как финансовой инвестиции, ввиду чего оно входит в предмет нашего анализа.

² Пункт 2 статьи 23 Закона об ООО.

ляется многосторонней сделкой, но с учетом действующего в российском гражданском праве принципа единогласия, как конституирующего признака понятия многосторонней сделки, устав необходимо квалифицировать как сделкоподобный юридический факт, сущностно различающийся со сделкой только в одном моменте – не единогласном характере принятия решения, являющегося волеизъявлением субъектов, к которому в принципе могли бы применяться общие нормы о сделках, однако, исходя из текущего момента развития корпоративного законодательства, а тем более возможных перспектив его дальнейшего совершенствования, следует отходить от применения таких общих норм, замещая их специальными правилами, отражающими специфику корпорации как субъекта права [8, с. 33]. Отдельные ученые прикладывают определенные попытки оспорить такое понимание, указывая на организационную функцию устава, необходимость его регистрации в корпоративном реестре и реализацию принципа большинства, но их аргументы не выдерживают критики [1]. С опорой на понимание устава как формы сделки и, соответственно, юридического лица как определенного гражданского сообщества, необходимо отметить право его участников связать себя своими же решениями в отношении организации и порядка деятельности, в котором выражается именно организационная функция устава, что, в свою очередь, не исключает сделочную природу устава и корпоративной сделки в целом, но подчеркивает особый характер этого механизма в сравнении с более привычными договорными формами и его значение для построения правил взаимодействия внутри каждой конкретной корпорации.

Существенные изменения в подходе к диспозитивности устава как основополагающей части корпоративной сделки произошли в 2014 году вместе с реформой общих положений ГК РФ о юридических лицах за появившимся делением обществ на публичные и непубличные произошел отход от этой парадигмы: норма пункта 3 статьи 66.3 ГК РФ наделила участников непубличного общества правом своим единогласным решением внести в устав ограниченный набор положений, которые, следуя логике законодателя, выполняют три критерия:

- во-первых, они отличаются от установленного корпоративными законами регулирования непубличных обществ;
- во-вторых, их содержание соответствует принципам корпоративного управления, принятым в непубличных обществах или желаемых их участниками; и
- в-третьих, они настолько затрагивают систему корпоративного управления в обществе, что требуют единогласного голосования всех его участников.

Как будет рассмотрено далее, указанные критерии не выполняются в отношении отдельных предложенных законодателем положений, из-за чего ставится вопрос о необходимости доработки вве-

денного института хотя бы по причине нарушения его внутренней целостности. Новелла пункта 3 статьи 66.3 ГК РФ на практике усложнила приведенный ранее алгоритм, добавив в него тест на соответствие включенных в устав корпорации положений пункту 3 статьи 66.3 ГК РФ. Само по себе такое усложнение не создает для правовой определенности значительной угрозы, но формирует систему параллельного регулирования, которая лишь частично унифицирована с действующими положениями корпоративных законов и в основном полагается на норму Федерального закона № 99 [9], которым механизм был добавлен в ГК РФ, устанавливающей приоритет норм ГК РФ над нормами специальных законов, которые за 10 лет не были в полной мере приведены в соответствие. Анализ актуальной практики судов показывает, что это правило, несмотря на противоречие принципу приоритета специальных норм, работает вполне эффективно, и судьи не настаивают на неприменении механизма пункта 3 статьи 66.3 ГК РФ исключительно из-за отсутствия в корпоративных законах норм о диспозитивности соответствующих положений.

Рассуждая о судебной практике, необходимо отметить достаточное скудное по сравнению с другими институтами, введенными в ГК РФ одновременно с упомянутым механизмом, количество решений, в которых затронуты конкретные случаи его применения участниками непубличных обществ. Сторонники императивного корпоративного регулирования могут сделать из этого вывод об отсутствии в обороте потребности в диспозитивном регулировании непубличных корпораций и удовлетворении текущими нормами корпоративных законов, но, апеллируя к ранее сказанному, с большей вероятностью участники оборота предпочитают оставаться в границах ясных правил Закона об ООО и об АО как более привычной парадигме, обеспечивающей правовую определенность, нежели самостоятельно, без каких-либо руководящих указаний Верховного Суда РФ, на практике определять границы применения пункта 3 статьи 66.3 ГК РФ, рискуя действительностью устава. Так, подавляющее большинство доступных решений связаны с включением в уставы положений об ином порядке созыва и проведения общих собраний.

Например, для закрепления права акционера самостоятельно провести общее собрание при отказе со стороны совета директоров [4, 5] или при передаче полномочий на созыв собрания от совета директоров генеральному директору общества [6]. Таким образом, участники упрощают заложенную корпоративными законами процедуру созыва общих собраний в степени большей, чем позволяют сами законы. Оба таких упрощения кажутся достаточно нейтральными с точки зрения содержащегося в норме подпункта 5 пункта 3 статьи 66.3 ГК РФ ограничения, согласно которому включаемые положения не должны лишать участников прав на участие в заседании или заочном голосовании, а также на получение информации на них, но вста-

ет вопрос о том, где наступает граница «лишения» и какие условия будут считаться нарушающими такое условие.

Например, будет ли считаться подобным «лишением» закрепление положения о том, что общее собрание проводится на следующий день после принятия решения о его созыве или, приводя более радикальное изменение, положения о возможности составления письменных решений участников как иного способа принятия решений общего собрания? Ни судебная практика, ни Банк России как орган, отстаивающий права акционеров, не обращали внимание на это ограничение и не выпускали каких-либо разъяснений, из-за чего существует значительная неопределенность границ диспозитивности при включении в устав именно этих условий. Полагаем, если законодатель устанавливает такие границы, то либо он должен в достаточной степени определить их, либо на выручку должен прийти Верховный Суд РФ – в данном случае видится очевидный пробел, не позволяющий эффективно использовать заложенный в ГК РФ механизм.

Другие пробелы заключены в конкретных формулировках положений, упомянутых в пункте 3 статьи 66.3 ГК РФ. Обратимся к подпункту 3: положения «о передаче единоличному исполнительному органу общества функций коллегиального исполнительного органа общества». Сама по себе она не представляет интереса, но если взглянуть на положения корпоративных законов о коллегиальном исполнительном органе¹ становится ясно, что его регулирование и так в полной мере диспозитивно, и вопрос его полномочий может быть свободно определен в уставе общества, независимо от его непубличного статуса, из-за чего норма ГК РФ на практике лишается какого-либо юридического смысла. Здесь, полагаем, нашла свое выражение проблема параллельного регулирования и отсутствия унификации ГК РФ с корпоративными законами в редакции, действующей на момент имплементации механизма и не подверженной изменениям до настоящего момента. Можно представить, что эта проблематика может быть усугублена при дальнейшей модификации законодательства и продолжающемся независимом развитии параллельных систем регулирования, что наблюдается на более высоком уровне при оценке положений ГК РФ о хозяйственных обществах и правил корпоративных законов.

При этом отметим кажущиеся усилия законодателя по достижению такой унификации: уже после вступления в силу нормы пункта 3 статьи 66.3 ГК РФ в корпоративных законах появились положения, допускающие отсутствие ревизионной комиссии в обществах с ограниченной ответственностью² и непубличных акционерных обществах³. Но и здесь встает вопрос техники: по отношению

¹ Абзац 3 статьи 41 Закона об ООО, пункт 1 статьи 70 Закона об АО.

² Пункт 6 статьи 32 Закона об ООО.

³ Пункт 1.1 статьи 85 Закона об АО.

к обществам с ограниченной ответственностью норма закона сформулирована как *opt-in* – то есть участники должны своим решением утвердить создание ревизионной комиссии, когда как норма ГК РФ построена по модели *opt-out*. К тому же, в Законе об ООО отсутствует указание на едиогласное принятие такого решения. Подобная юридическая техника свидетельствует о том, что унификация произошла скорее случайно, и законодатель не преследовал цели приблизить нормы Закона об ООО к положениям ГК РФ и «свести» вместе параллельные системы регулирования.

Помимо этого, если вдаваться в подобные детали, возникает проблема коллизии: можем ли мы говорить о том, что Закон об ООО, несмотря на более актуальные поправки, противоречит норме пункта 3 статьи 66.3 ГК РФ как преваляющей на основании упомянутой ранее нормы Федерального закона № 99? С системной точки зрения – да, с практической же суды даже не поднимают такого вопроса и руководствуются только положениями Закона об ООО.

Далее продемонстрируем определенное несовершенство формулировки подпункта 7 пункта 3 статьи 66.3 ГК РФ и его коллизию с нормами Закона об ООО о преимущественном праве. Согласно этой норме возможно закрепление в уставе непубличного общества положений о порядке осуществления преимущественного права покупки доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Арбитражный суд Ивановской области рассматривал спор [7], одним из вопросов которого являлась правомерность включения в устав ООО нормы о том, что в случае «внутренней» – то есть совершенной между участниками – продажи доли все участники реализуют свое преимущественное право покупки посредством ее распределения среди других участников пропорционально их долям в уставном капитале общества. Суд счел, что в случае внутренней продажи в целом невозможно говорить о преимущественном праве и отказал в применении соответствующих положений устава, то есть полностью остался в границах, установленных статьей 21 Закона об ООО. В свою очередь, формулировка ГК РФ ничего не говорит о модификации установленного Законом об ООО порядка осуществления преимущественного права или ее распространении только на порядок его осуществления при «внутренней» продаже. Со значительной вероятностью можно предположить, что авторы подпункта 7 пункта 3 статьи 66.3 ГК РФ имели в виду только «внешнее» преимущественное право, но, к сожалению, не отразили этого в приведенной формулировке, из-за чего участники минимум одного общества ошибочно оценили границы диспозитивности, обозначенные законодателем.

Оппонируя этой позиции, необходимо задать вопрос, насколько соответствует духу непубличного общества запрет на установление его уставом «внутреннего» преимущественного права и иных процедур, не ограничивающих права участ-

ника на выход из корпоративной сделки? За этим вопросом следует более общий – не имеет ли смысла расширения перечня приведенных положений с целью обеспечить большую диспозитивность? Это может являться одним из направлений для повышения эффективности регулирования непубличных обществ посредством обеспечения его диспозитивности.

Итак, описав основные проблемы механизма п. 3 ст. 66.3 ГК РФ и заданных им границ диспозитивности уставов непубличных обществ, необходимо отметить, что нормы п. 3 ст. 66.3 ГК РФ требуют дальнейшей унификации с нормами корпоративных законов, и идеальной формой такой унификации будет являться продолжение заданной в Законах об ООО и об АО парадигмы диспозитивности с расширением перечня правил, отход от которых разрешен в уставе непубличных обществ.

Также необходимо прояснить границы диспозитивности в отношении наиболее часто используемого на практике положения об изменении порядка созыва и проведения общих собраний посредством, например, выпуска постановления пленума ВС РФ или расширенной мотивировки по этому вопросу в решении ВС РФ по отдельному спору. Помимо этого, целесообразно будет пересмотреть формулировки отдельных положений, разрешенных для включения в уставы непубличных обществ, для исключения коллизий и устранения лишенных юридического смысла норм. Наряду с этим возможно расширение перечня таких положений либо через включение их большего количества, либо посредством полного «раскрытия» нормы, указав, что устав непубличного общества может отходить от любого регулирования корпоративных законов и общей части ГК РФ при условии единогласного голосования участников. Полагаем, такой подход наиболее соответствует, на теоретическом уровне, природе непубличной и принципу автономии воли его участников, а также на практическом – коммерческим запросам гражданского оборота.

Литература

1. Дроздов П.В. О проблеме правовой природы устава юридического лица // *Хозяйство и право*. 2023. N 5. С. 3–10.
2. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016. 528 с.
3. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. 476 с.
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа 09.08.2022 № Ф05–13144/2022 по делу № А40–269429/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.09.2021 № Ф05–22231/2021 по делу № А41–78352/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 17.01.2024 по делу № А40–265055/23–173–2059 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Решение Арбитражного суда Ивановской области от 23.03.2022 по делу N А17–8949/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Степанов Д.И. Устав как форма сделки // *Вестник гражданского права*. 2009. N 1. С. 4–62.
9. Федеральный закон от 05.05.2014 N 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Bebchuk L.A. Limiting Contractual Freedom in Corporate Law: The Desirable Constraints on Charter Amendments. *Harvard Law Review* 102. 1989. P. 1820–1860.
13. Eisenberg M.A. The Conception That the Corporation Is a Nexus of Contracts, and the Dual Nature of the Firm // *The Journal of Corporation Law*. 1999. Vol. 24. No. 4. P. 819–836.

THE CHARTER OF A NON-PUBLIC CORPORATION AS THE CORE OF A CORPORATE TRANSACTION

Nikolskiy D.A.

Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Academy of Law)

The article reviews the charter of a non-public corporation in the context of the contractual theory of legal entity, according to which the charter is the core of the nexus of contracts that constitutes the corporation. It is concluded that the charter is the principal part of the corporate transaction in which the members of the corporation formalize their will as to the essential terms of the corporation. The author analyzes the mechanism of amending the charter as the main way to modify the terms of the corporate transaction and highlights the main approaches used by legislators to regulate this procedure. Particular attention is paid to the norm of paragraph 3 of Article 66.3 of the Civil Code of the Russian Federation, which provides the participants of a non-public corporation with special rights regarding drafting of the charter. The author concludes that this mechanism contains certain theoretical and practical deficiencies, which can be eliminated within the framework of judicial practice.

Keywords: corporate law, charter, constituent documents, corporate transaction, non-public company.

References

1. Drozdov P.V. On the problem of the legal nature of the charter of a legal entity // *Khozyaistvo i pravo*. 2023. N 5. P. 3–10.
2. Karapetov A.G. Economic analysis of law. M., 2016. 528 p.
3. Kozlova N.V. Legal personality of a legal entity. Moscow: Statute, 2005. 476 p.
4. Resolution of the Moscow District Arbitration Court of 09.08.2022 No. F05–13144/2022 in case No. A40–269429/2021 // RLS «ConsultantPlus».
5. Resolution of the Moscow District Arbitration Court of 10.09.2021 No. F05–22231/2021 in case No. A41–78352/2020 // RLS «ConsultantPlus».
6. Decision of the Arbitration Court of Moscow dated 17.01.2024 in case N A40–265055/23–173–2059 // RLS «ConsultantPlus».
7. Decision of the Arbitration Court of Ivanovo Region dated 23.03.2022 in case N A17–8949/2021 // RLS «ConsultantPlus».
8. Stepanov D.I. Charter as a form of transaction // *Vestnik of Civil Law*. 2009. N 1. P. 4–62.
9. Federal Law dated 05.05.2014 N 99-FZ “On Amending Chapter 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation and

- on the Annulment of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation" // RLS «ConsultantPlus».
10. Federal Law of 08.02.1998 N 14-FZ "On Limited Liability Companies" // RLS «ConsultantPlus».
 11. Federal Law dated 26.12.1995 N 208-FZ "On Joint Stock Companies" // RLS «ConsultantPlus».
 12. Bebchuk L.A. Limiting Contractual Freedom in Corporate Law: The Desirable Constraints on Charter Amendments. *Harvard Law Review* 102. 1989. P. 1820–1860.
 13. Eisenberg M.A. The Conception That the Corporation Is a Nexus of Contracts, and the Dual Nature of the Firm // *The Journal of Corporation Law*. 1999. Vol. 24. No. 4. P. 819–836.

Правовая защита цифровых прав в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития

Новиков Сергей Алексеевич,

аспирант, Московский финансово-юридический университет
МФЮА (МФЮА)

E-mail: sergeinikov69@gmail.com

Статья посвящена исследованию цифровых прав в российском законодательстве и практике их судебной защиты. Целью работы является выявление пробелов в регулировании цифровых прав и разработка мер по повышению эффективности их защиты. Методология исследования основывается на формально-юридическом методе, сравнительно-правовом анализе и обобщении судебной практики. В результате выявлены несовершенства правовой регламентации различных видов цифровых активов, проанализирована противоречивость судебной практики, проведен сравнительный анализ зарубежных моделей регулирования (ЕС, Китай, США, Сингапур). Выводы работы могут применяться в совершенствовании нормативно-правовой базы в сфере оборота цифровых активов. В исследовании впервые обосновывается «гибридная» модель регулирования, сочетающая либерализацию оборота цифровых активов с усилением мер противодействия их использованию для отмывания доходов. В заключении выделяется необходимость специального нормативного акта, дифференцирующего статус различных категорий цифровых активов, устанавливающего эффективные механизмы защиты прав их владельцев и прозрачные процедуры разрешения споров.

Ключевые слова: цифровые права, токены, NFT, блокчейн, гражданское законодательство, судебная защита, смарт-контракты, правовое регулирование.

Введение

Современный этап развития цифровой экономики характеризуется стремительным появлением новых форм активов, основанных на технологиях распределённого реестра. В 2019 г. в Гражданский кодекс РФ была введена ст. 141.1, закрепившая понятие «цифровые права» [1]. Однако темпы технологического прогресса (блокчейн, смарт-контракты, NFT) опережают развитие правового регулирования, что формирует значительные риски для участников гражданского оборота.

Актуальность исследования обусловлена устойчивым ростом числа споров, связанных с цифровыми активами, отсутствием отработанных механизмов защиты прав владельцев токенов и NFT, а также необходимостью гармонизации российского законодательства с международными стандартами.

Целью работы является выявление пробелов в регулировании цифровых прав и выработка мер по повышению эффективности их защиты. Для достижения этой цели требуется, во-первых, определить правовую природу цифровых прав в российской правовой системе; во-вторых, проанализировать судебную практику, связанную с цифровыми активами; в-третьих, изучить зарубежный опыт регулирования; и, наконец, сформулировать предложения по совершенствованию национального законодательства.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ и обобщение судебной практики; именно их сочетание обеспечивает системность и достоверность полученных выводов.

Правовая природа цифровых прав в российском законодательстве

Согласно ст. 141.1 ГК РФ цифровые права представляют собой обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы [1]. Несмотря на наличие легальной дефиниции, её применение сопровождается целым рядом правовых неопределённостей.

Ключевую проблему представляет отсутствие чёткого разграничения между различными видами цифровых активов (токены, NFT, криптовалюты), что затрудняет их квалификацию и применение специальных норм. Более того, законодатель до настоящего времени не урегулировал порядок обращения взыскания на цифровые права, что су-

щественно ограничивает их использование в качестве предмета обеспечения обязательств и снижает привлекательность подобных активов для инвесторов. Остаётся нерешённым и вопрос защиты владельцев от неправомерного списания либо блокировки цифровых активов, вследствие чего повышается риск их утраты и снижается доверие к цифровой инфраструктуре в целом.

Особую дискуссию вызывает правовая квалификация токенов [2]. В судебной практике наблюдаются противоречивые подходы: одни суды приравнивают их к имуществу по аналогии с ценными бумагами, другие – квалифицируют как обязательственные права. Существует и позиция, согласно которой токены следует считать принципиально новым объектом гражданских прав, нуждающимся в специальном правовом регулировании. Подобная неоднозначность подчёркивает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере [3]. Таким образом, несмотря на формальное закрепление цифровых прав в ГК РФ, их правовая природа требует более детальной регламентации, включая уточнение классификации цифровых активов, механизмов их защиты, а также порядка обращения взыскания.

Судебная практика по защите цифровых прав

Анализ арбитражных решений за период 2022–2024 гг. свидетельствует о формировании устойчивых тенденций в рассмотрении споров, связанных с цифровыми активами. При этом суды сталкиваются с рядом системных проблем, вызванных пробелами действующего регулирования. Одной из наиболее распространённых категорий дел являются споры о возврате криптовалюты. Так, в деле № А40–12456/2023 суд применил правила о неосновательном обогащении (ст. 1102 ГК РФ); однако решение осложняло вопрос определения стоимости актива ввиду отсутствия унифицированной методики оценки [4]. Не менее показательны дела, связанные с попытками взыскания NFT. В рамках дела № А56–7890/2022 суд отказал в удовлетворении исковых требований, сославшись на отсутствие чёткого правового статуса таких токенов в российском законодательстве [5]. Подобная позиция наглядно демонстрирует ограниченную готовность правовой системы к однозначной квалификации NFT в качестве объектов имущественных прав.

Особую дискуссию вызывает правовая квалификация токенов. В судебной практике наблюдаются противоречивые подходы: одни суды приравнивают их к имуществу по аналогии с ценными бумагами, другие – квалифицируют как обязательственные права. Существует и позиция, согласно которой токены следует считать принципиально новым объектом гражданских прав, нуждающимся в специальном правовом регулировании. Подобная неоднозначность подчёркивает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере. Таким образом, несмотря на формальное закрепление цифровых прав в ГК

РФ, их правовая природа требует более детальной регламентации, включая уточнение классификации цифровых активов, механизмов их защиты, а также порядка обращения взыскания.

Судебная практика по защите цифровых прав

Анализ арбитражных решений за период 2022–2024 гг. свидетельствует о формировании устойчивых тенденций в рассмотрении споров, связанных с цифровыми активами. При этом суды сталкиваются с рядом системных проблем, вызванных пробелами действующего регулирования. Одной из наиболее распространённых категорий дел являются споры о возврате криптовалюты. Так, в деле № А40–12456/2023 суд применил правила о неосновательном обогащении (ст. 1102 ГК РФ); однако решение осложняло вопрос определения стоимости актива ввиду отсутствия унифицированной методики оценки. Не менее показательны дела, связанные с попытками взыскания NFT. В рамках дела № А56–7890/2022 суд отказал в удовлетворении исковых требований, сославшись на отсутствие чёткого правового статуса таких токенов в российском законодательстве. Подобная позиция наглядно демонстрирует ограниченную готовность правовой системы к однозначной квалификации NFT в качестве объектов имущественных прав.

Особую сложность в судебной практике представляют дела о мошенничестве с использованием цифровых активов. Одним из ключевых вопросов становится доказательство факта передачи токенов и установление их принадлежности конкретным лицам. Отсутствие централизованных реестров и признанных механизмов фиксации операций значительно усложняет этот процесс и удлиняет судебные разбирательства.

Современная судебная практика демонстрирует потребность в дальнейшей эволюции законодательства о цифровых правах. Судам приходится адаптировать существующие нормы к стремительно меняющимся технологическим реалиям, что не всегда обеспечивает единообразие судебных актов и предсказуемость вывода. Создание специализированных правовых механизмов могло бы повысить устойчивость и воспроизводимость решений в данной сфере.

Зарубежный опыт регулирования цифровых прав: сравнительно-правовой анализ

Европейский Союз: гармонизированный подход. Регламент о рынках криптоактивов (MiCA), принятый в 2023 г., является первым наднациональным актом, комплексно регулирующим оборот цифровых активов [6]; его основные положения начнут применяться поэтапно с 2024–2025 гг. В соответствии со ст. 3 MiCA криптоактивы подразделяются на три категории:

1. e-money tokens, номинированные в официальной валюте и предназначенные преимущественно для платежей;

2. asset-referenced tokens, стоимость которых привязана к корзине активов;

3. utility-токены, предоставляющие доступ к определённым товарам или услугам.

Биткойн и иные децентрализованные криптовалюты относятся к «другим» криптоактивам и регулируются менее строго. Эмитентам e-money и asset-referenced tokens требуется разрешение национального компетентного органа, при этом надзор осуществляет Европейское банковское управление (EBA). Обязательно опубликование подробной «криптовалютной белой книги» (crypto-asset white paper); в дополнение предусмотрены требования к резервированию средств и механизмам страхования для защиты инвесторов.

NFT, являющиеся уникальными невзаимозаменяемыми токенами, пока остаются вне рамок MiCA [7]; Европейская комиссия планирует представить отдельные правила их регулирования до 2025 г. Основными вызовами европейской модели считаются высокие административные барьеры для стартапов, а также потенциальные противоречия принципам децентрализации, заложенным в технологии блокчейн.

Китай: запретительная модель с элементами инноваций

Китайская модель регулирует рынок криптоактивов преимущественно посредством строгих запретов при одновременном стимулировании государственных блокчейн-проектов. С сентября 2021 г. в КНР признаны незаконными операции с криптовалютами, проведение ICO и деятельность децентрализованных бирж; за серьёзные нарушения предусмотрена уголовная ответственность.

Несмотря на это, страна демонстрирует существенные достижения в области распределённых реестров. Наиболее показательные примеры – цифровой юань (e-CNY) с функцией программируемых платежей, блокчейн-платформа Baidu Hyperchain для токенизации культурных объектов, а также судебная сеть «Чанъань», обеспечивающая неизменяемое хранение цифровых доказательств. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, на китайских заявителей приходится около 68% мировых патентных заявок, связанных с блокчейном, что подчёркивает целенаправленную государственно-технологическую стратегию. Дополнительную роль играют региональные пилотные зоны, в которых апробируются smart-contracts для муниципальных услуг, включая контроль за цепочками поставок.

США: регулирование через судебные прецеденты

Американский подход опирается на прецедентное право при отсутствии унифицированного федерального закона о цифровых активах. Ключевым регулятором выступает Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC), применяющая тест Хауи: цифровой актив признаётся ценной бумагой при (1) вложении средств, (2) наличии разумного ожидания прибыли и (3) зависимости дохода от усилий третьей стороны.

Показательным является дело SEC v. Ripple Labs Inc. (2023), где суд постановил, что продажи XRP на вторичном рынке не подпадают под регулирование ценных бумаг, тогда как первичное размещение институциональным инвесторам подпадает. Налоговая служба США квалифицирует криптовалюты как имущество; операции свыше 10 000 USD подлежат декларированию (Internal Revenue Code § 6050I). В 2023 г. SEC впервые применила нормы о ценных бумагах к NFT-проекту Stoner Cats, расширив юрисдикцию регулятора на данный сегмент рынка и подтвердив, что оценка «инвестиционной сущности» распространяется и на невзаимозаменяемые токены.

Сингапур: либеральный подход с акцентом на AML

Сингапурская модель «разумного регулирования», реализуемая Денежно-кредитным управлением (MAS), сочетает благоприятный деловой климат с жёстким надзором за операциями по отмыванию преступных доходов. Криптовалютные компании могут либо получить лицензию в соответствии с Payment Services Act 2019 (PSA), либо тестировать инновационные продукты в контролируемых регулятором «песочницах».

Налоговые стимулы – прежде всего освобождение операций с платёжными токенами от налога на добавленную стоимость (GST, функциональный аналог НДС) и практическое отсутствие налога на прирост капитала – способствовали регистрации в стране более чем 700 блокчейн-компаний, среди которых Binance и Coinbase. Сформированная судебная практика, подтверждённая решением по делу B2C2 v. Quoine, закрепляет юридическую силу смарт-контрактов и повышает правовую определённость цифровых транзакций.

Выводы для российской правовой системы

Проведённый анализ позволяет обозначить перспективные направления совершенствования отечественной нормативной базы. Из европейского опыта целесообразно заимствовать детализированную классификацию токенов и комплексные механизмы защиты инвесторов; китайская практика демонстрирует эффективность государственных блокчейн-платформ и контролируемого оборота NFT; американский опыт подчёркивает значимость гибкой судебной практики, а сингапурская модель – преимущества регуляторных «песочниц».

Оптимальной видится «гибридная» модель, одновременно обеспечивающая либерализацию оборота цифровых активов и усиление мер противодействия их использованию для отмывания доходов. Такой подход позволит стимулировать технологическое развитие при сохранении необходимого уровня правовой защищённости всех участников рынка.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает необходимость дальнейшего развития правового регули-

рования цифровых прав в Российской Федерации. Особое значение имеет выработка чётких нормативных положений, определяющих правовой режим NFT и иных токенов, поскольку действующее законодательство пока не отражает их технические, экономические и социокультурные особенности.

Для формирования сбалансированной правовой среды целесообразно принятие специального нормативного акта, комплексно регулирующего обращение цифровых активов [2, 3]. В таком акте следует дифференцировать правовой статус различных категорий цифровых активов, предусмотреть эффективные механизмы защиты прав их владельцев и установить прозрачные процессуальные процедуры разрешения споров.

Ключевым направлением правового развития является внедрение инфраструктурных решений: цифровых реестров для фиксации прав на криптоактивы, методик их надёжной оценки, а также специальных правил доказывания в судебном процессе. Реализация указанных мер снизит правовые риски, повысит предсказуемость судебной практики и укрепит доверие участников рынка.

Перспективным объектом последующих исследований остаются смарт-контракты как инструмент автоматизации сделок с цифровыми правами. Их широкое применение требует глубокого анализа юридической силы, условий действительности, процедур исполнения и других особенностей правового регулирования.

Формирование комплексного правового режима цифровых активов должно учитывать как текущие потребности участников оборота, так и долгосрочные траектории развития блокчейн-технологий. Такой системный подход позволит Российской Федерации укрепить позиции в глобальном цифровом экономическом пространстве, обеспечивая при этом устойчивость и конкурентоспособность национального рынка.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
2. Терещенко Л.К. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 45–60.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.
4. Постановление Арбитражного суда г. Москвы от 12.03.2023 по делу № А40–12456/2023.
5. Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга от 05.11.2022 по делу № А56–7890/2022.
6. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on Markets in Crypto-assets.
7. Воронцов О.В. Криптовалюта и NFT: правовые риски в России и за рубежом // Закон. 2022. № 8. С. 72–85.

LEGAL PROTECTION OF DIGITAL RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Novikov S.A.

Moscow Finance and Law University

The research is devoted to the study of digital rights in Russian legislation and judicial protection practices. The purpose is to identify gaps in digital rights regulation and develop measures to improve their protection. The research methodology is based on formal legal method, comparative legal analysis, and court practice generalization. Research results include identified imperfections in legal regulation of various digital assets, analysis of contradictory judicial practice, and comparative analysis of foreign regulatory models (EU, China, USA, Singapore). The application area is improvement of the regulatory framework for digital assets circulation. The novelty lies in substantiating a “hybrid” regulatory model combining liberalization of digital asset circulation with strengthened measures against money laundering. Conclusions: a special regulatory act is needed to differentiate the status of various digital asset categories, establish effective mechanisms to protect rights of their owners, and create transparent dispute resolution procedures.

Keywords: digital rights, tokens, NFT, blockchain, civil legislation, judicial protection, smart contracts, legal regulation.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 01.09.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation.
2. Tereshchenko L.K. Digital Rights in the System of Civil Rights Objects // Journal of Russian Law. 2023. No. 5. Pp. 45–60.
3. Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation.
4. Resolution of the Arbitration Court of Moscow dated 12.03.2023 on case No. A40–12456/2023.
5. Decision of the Arbitration Court of St. Petersburg dated 05.11.2022 on case No. A56–7890/2022.
6. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on Markets in Crypto-assets.
7. Vorontsov O.V. Cryptocurrencies and NFT: Legal Risks in Russia and Abroad // Zakon. 2022. No. 8. Pp. 72–85.

Образцова Валентина Игоревна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права, ФГАО ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»; адвокат, член Адвокатской палаты Московской области
E-mail: v9035285237@gmail.com

В статье рассматриваются особенности существенных условий договоров с участием потребителей. Автор исследует проблемы правового регулирования содержания потребительского договора. В статье содержится анализ судебной практики по рассматриваемым проблемам.

Ключевые слова: потребитель, существенные условия, потребительский договор, договор розничной купли-продажи, договор проката, договор бытового подряда, принцип равенства сторон, условия, ущемляющие права потребителей.

Договор с участием потребителей, по общему правилу, считается заключенным, когда между потребителем и его контрагентом (продавцом, арендодателем, подрядчиком и др.), в требуемой в подлежащих случаях форме, будет достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. П.В. Кириллов, в этой связи замечает, что существенные условия договора являются одним из центральных понятий договорного права¹.

Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ существенными условиями договора, в том числе потребительского договора, являются: 1) условия о предмете договора; 2) условия, названные в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида; 3) условия, о достижении соглашения по которым при заключении договора, заявила хотя бы одна сторона договора. Исходя из смысла данной нормы, можно сделать вывод, что в заключенном договоре все условия являются существенными и присоединиться к позиции авторов, утверждающих, что в каждом конкретном договоре все условия являются существенными².

В то же время по вопросу определения существенных условий конкретных потребительских договоров, можно отметить известную непоследовательность законодателя, которая проявляется в том, что в одних договорах существенные условия прямо перечислены в законе, а в других – о характере того или иного условия можно сделать вывод только при толковании соответствующих норм законодательства. Так, например, в ст. 942 ГК РФ к существенным условиям договора имущественного страхования относятся условия: 1) об определенном имуществе либо ином имущественном интересе, являющимся объектом страхования; 2) о характере события, на случай наступления которого осуществляется страхование (страхового случая); 3) о размере страховой суммы; 4) о сроке действия договора. В этой же норме исчерпывающим образом определены существенные условия договора личного страхования.

Согласно ст. 10 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»³ к существенным условиям договора о реализации тури-

¹ Кириллов П.В. Существенные условия контракта на выполнение подрядных работ // Право в Вооруженных силах. 2016. № 1. С. 76.

² См.: Шевченко Е.Е. Заключение гражданско-правовых договоров: проблемы теории и судебно-арбитражной практики. М., Берлин: Infotropic media, 2012. С. 124; Степанова И.Е. Существенные условия договора: проблемы законодательства // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 7. С. 62.

³ Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

стского продукта относятся: 1) полное и сокращенное наименование, адрес (место нахождения), почтовый адрес и реестровый номер туроператора; 2) размер финансового обеспечения ответственности туроператора, номер, дата и срок действия договора или договоров страхования ответственности туроператора и (или) банковской гарантии или банковских гарантий, наименование, адрес, место нахождения организации, предоставившей финансовое обеспечение ответственности туроператора, в случае, если фонд персональной ответственности туроператора не достиг максимального размера; 3) сведения о туристе, а также об ином заказчике и его полномочиях (если турист не является заказчиком) в объеме, необходимом для реализации туристского продукта; 4) общая цена туристского продукта в рублях; 5) информация о потребительских свойствах туристского продукта – о программе пребывания, маршруте и об условиях путешествия, включая информацию о средствах размещения, об условиях проживания (месте нахождения средства размещения, категории гостиницы) и питания, услугах по перевозке туриста в стране (месте) временного пребывания, о наличии экскурсовода (гида), гида-переводчика, инструктора-проводника, а также о дополнительных услугах; 6) права, обязанности и ответственность сторон; 7) условия изменения и расторжения договора; 8) сведения о порядке и сроках предъявления туристом и (или) иным заказчиком претензий к туроператору в случае нарушения туроператором условий договора; 9) информация о порядке и сроках предъявления туристом и (или) иным заказчиком требований о выплате страхового возмещения по договору страхования ответственности туроператора либо требований об уплате денежной суммы по банковской гарантии, а также требований о возмещении реального ущерба туристу и (или) иному заказчику за счет средств фонда персональной ответственности туроператора при условии, что денежных средств страховщика или гаранта для выплаты страхового возмещения по договору страхования ответственности туроператора или уплаты денежной суммы по банковской гарантии оказалось недостаточно в случае, если фонд персональной ответственности туроператора не достиг максимального размера; 10) информация о порядке и сроках предъявления туристом и (или) иным заказчиком требований о возмещении реального ущерба туристу и (или) иному заказчику за счет средств фонда персональной ответственности туроператора в случае, если фонд персональной ответственности туроператора достиг максимального размера; 11) условие выдачи туристу и (или) иному заказчику, приобретающим услугу по перевозке, оказываемую туроператором отдельно либо в составе туристского продукта, электронного перевозочного документа (билета), подтверждающего право туриста на перевозку до пункта назначения и обратно либо по иному согласованному в договоре о реализации туристского продукта маршруту и оформленного на ос-

новании данного документа, удостоверяющего личность пассажира. Если договор о реализации туристского продукта заключен ранее чем за 24 часа до начала путешествия, такой документ (билет) должен быть выдан туристу и (или) иному заказчику не позднее чем за 24 часа до начала путешествия; 12) условие выдачи туристу и (или) иному заказчику, приобретающим у туроператора услугу по размещению в гостинице или ином средстве размещения отдельно либо в составе туристского продукта, документа о бронировании и получении места в гостинице или ином средстве размещения (ваучера) на условиях, согласованных с туристом и (или) иным заказчиком в договоре о реализации туристского продукта.

Следует, однако, пояснить, что по поводу целесообразности включения столь многочисленных существенных условий названного договора в доктрине продолжается дискуссия. Так, Н.В. Сирик полагает, что такой обширный перечень существенных условий договора не может являться необходимым; к существенным должны относиться условия, выражающие природу соглашения, – характерные черты соответствующего договорного типа... Однако, названный автор полагает, что большинство из данных условий не обладают указанными признаками¹. К.С. Свиридов, в свою очередь, отмечает: «Существенные условия договора на туристическое обслуживание установлены Законом без учета ст. 432 ГК РФ»². Другие исследователи признают перечень указанных существенных условий договора необходимым и достаточным³.

В отличие от указанных выше договоров, в параграфе 2 «Розничная купля – продажа» главы 30 ГК РФ «Купля – продажа», параграфе 2 «Прокат» главы 34 ГК РФ «Аренда», параграфе 2 «Бытовой подряд» главы 37 ГК РФ «Подряд» и др. существенные условия соответствующих договоров, по сути, не определены.

Более того до настоящего времени продолжается дискуссия о сроках по договору подряда как одного из существенных условий данного договора и, соответственно, договора бытового подряда. Поэтому вопрос о квалификации условия договора в качестве существенного решается с учетом общих положений купли-продажи, аренды, подряда.

Представляется, что к установлению существенных условий потребительских договоров необходим другой подход. Следует признать, что потребитель в названных договорах является слабой стороной: экономически неподготовленной, не владеющей юридическими знаниями (обраща-

¹ Сирик Н.В. Существенные условия договора о реализации туристского продукта // Современное право. 2011. № 3. С. 71–72.

² Свиридов К.С. Правовое регулирование деятельности по оказанию туристических услуг: автореф. дис. канд. юрид. наук. СПб, 2003. С. 51.

³ См.: Парций Я.Е. Научно – практический комментарий Закона «Об основах туристской деятельности в РФ». М.: Фонд, 1998. С. 17; Волошин Н.И. Правовые основы туристской деятельности: учебное пособие. М.: Советский спорт, 2002. С. 72–73.

ет на себя внимание то, что согласно ст. 205 ГК РФ в нашем государстве признана возможность существования общей неграмотности, то тем более возможно существование юридической неграмотности), не обладающий технической подготовкой и т.д..

Поэтому правовое регулирование договоров с участием потребителей должно быть более детализованным, а именно, законодательство должно содержать сформулированный перечень существенных условий таких договоров. Если рассматривать перечень существенных условий договора о реализации туристского продукта, то каждое условие представляется необходимым и, в известной мере, облегчающим жизнь потребителя, поскольку одни из этих условий могут потребоваться при определении надлежащего ответчика в случае предъявлении иска к туроператору, другие – содержат сведения для содержания самого искового заявления и т.д.

Отмечая важность существенных условий договора, О.С. Иоффе указал, что перечень данных условий необходим для отражения природы соответствующего договора¹. Однако, перечень существенных условий необходим не только для моделирования правовой природы соответствующего договора, но и для отражения его специфики, а в потребительских договорах – социальной сущности.

Договоры с участием потребителей (договор розничной купли-продажи, договор проката, договор бытового подряда, договор на оказание туристских услуг и др.) опосредуют отношения по удовлетворению самых различных бытовых потребностей граждан, без которых невозможна их жизнь. Поэтому в таких договорах имеет место ряд специальных условий, отличающихся от тех условий, которые предусмотрены законом в общих положениях договоров подряда, купли-продажи и т.д.. В связи с изложенным, представляется ошибочным мнение, что закрепление в законе перечня существенных условий ограничивает свободу договора, и он должен быть сокращен².

Общей задачей законодательства, регулирующего договорные отношения, является обеспечение достижения сторонами договора баланса интересов. В юридической литературе проблема обеспечения баланса интересов сторон договора исследуется давно. Еще Н.М. Коркунов отмечал, что право необходимо предполагает противоположение нескольких самостоятельных интересов, друг другу противопоставляемых и друг друга ограничивающих. Назначение права и заключается именно в разграничении сталкивающихся между собой интересов³.

¹ Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. С. 28.

² Шевченко Л.И. Проблемы определения существенных условий при заключении договоров в сфере топливно-энергетического комплекса // Право и экономика. 2013. № 6. С. 29–31.

³ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб: Юридический центр Пресс, 2003. С. 40.

В отношениях с участием потребителей достижение баланса интересов осуществляется с известным отходом от принципа равенства сторон, что обусловлено специальным правовым статусом потребителя. В этой связи, законодатель пошел по пути установления в императивном порядке прав и обязанностей сторон в таких договорах, чтобы, как пишет А.М. Ширвиндт, лишить потребителя возможности причинить себе вред своим собственным волеизъявлением. Обладающий меньшей переговорной силой, плохо осведомленный и не слишком интересующийся юридической стороной дела, потребитель зачастую готов согласиться на самые невыгодные для него условия договора, предлагаемые сильным и юридически подкованным предпринимателем⁴. На основании изложенного видится необходимость детализировать перечень существенных условий потребительских договоров с целью более эффективной защиты прав потребителей.

Литература

1. Волошин Н.И. Правовые основы туристской деятельности: учебное пособие. М.: Советский спорт. 2002. С. 72–73.
2. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература. 1975. С. 28.
3. Кириллов П.В. Существенные условия контракта на выполнение подрядных работ // Право в Вооруженных силах. 2016. № 1. С. 76.
4. Парций Я.Е. Научно – практический комментарий Закона «Об основах туристской деятельности в РФ». М.: Фонд. 1998. С. 17.
5. Сирик Н.В. Существенные условия договора о реализации туристского продукта // Современное право. 2011. № 3. С. 71–72.
6. Свиридов К.С. Правовое регулирование деятельности по оказанию туристических услуг: автореф. дис. канд. юрид. наук. СПб. 2003. С. 51.
7. Степанова И.Е. Существенные условия договора: проблемы законодательства // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 7. С. 62.
8. Шевченко Е.Е. Заключение гражданско-правовых договоров: проблемы теории и судебно-арбитражной практики. М., Берлин: Infotropic media. 2012. С. 124.
9. Шевченко Л.И. Проблемы определения существенных условий при заключении договоров в сфере топливно-энергетического комплекса // Право и экономика. 2013. № 6. С. 29–31.
10. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб: Юридический центр Пресс. 2003. С. 40.
11. Ширвиндт А.М. Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве / под

⁴ Ширвиндт А.М. Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве / под общ. ред. д.ю.н., проф. А.Л. Маковского. М.: Статут, 2014. С. 28.

общ. ред. д. ю. н., проф. А. Л. Маковского. М.: Статут. 2014. С. 28.

ESSENTIAL TERMS OF CONTRACTS INVOLVING CONSUMERS

Obraztsova V.I.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Bar Association of Moscow Region

The article discusses the specifics of the essential terms of contracts involving consumers. The author explores the problems of legal regulation of the content of the consumer contract. The article contains an analysis of judicial practice on the issues under consideration.

Keywords: consumer, essential conditions, consumer agreement, retail purchase and sale agreement, rental agreement, household contract, the principle of equality of the parties, conditions that infringe on the rights of consumers.

References

1. Voloshin N.I. The legal foundations of tourist activity: a textbook. Moscow: Soviet sport. 2002. pp. 72–73.
2. Ioffe O.S. Law of obligations. Moscow: Legal literature. 1975. p. 28.
3. Kirillov P.V. Essential terms of the contract for the performance of contract work // Law in the Armed Forces. 2016. No. 1. P. 76.
4. Partiy Ya.E. Scientific and practical commentary on the Law "On the basics of tourism activity in the Russian Federation." Moscow: Fond. 1998. p. 17.
5. Sirik N.V. Essential terms of the agreement on the sale of a tourist product // Modern law. 2011. No. 3. pp. 71–72.
6. Sviridov K.S. Legal regulation of activities in the provision of tourist services: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. nauk. SPb. 2003. p.
7. Stepanova I.E. Essential terms of the contract: problems of legislation // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2007. No. 7. P. 62.
8. Shevchenko E.E. Conclusion of civil law contracts: problems of theory and judicial arbitration practice. Moscow, Berlin: Infotropic media. 2012. P. 124.
9. Shevchenko L.I. Problems of determining essential conditions when concluding contracts in the field of fuel and energy complex // Law and Economics. 2013. No. 6. pp. 29–31.
10. Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law. St. Petersburg: Law Center Press. 2003. p. 40.
11. Shirvindt A.M. Restriction of freedom of contract in order to protect consumer rights in Russian and European private law / under the general editorship of Doctor of Law, Professor A.L. Makovsky. Moscow: Statute. 2014. p. 28.

Проблематика, правовые основания и механизмы обеспечения выполнения пациентом своих обязанностей

Паша Ольга Сергеевна,

магистрант Юридического института Тихоокеанского государственного университета
E-mail: cdmkms@mail.ru

Махарадзе Наталья Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент с ученой степенью кандидат наук и ученым званием доцент, высшая школа частного права юридического института Тихоокеанского государственного университета

Статья посвящена исследованию правовых оснований и механизмов, направленных на обеспечение исполнения пациентом своих обязанностей в рамках правоотношений в сфере охраны здоровья. Рассмотрены общие положения действующего законодательства, регулирующего обязанности пациента: в части соблюдения режима лечения, предоставления достоверной информации о состоянии здоровья, а также уважительного отношения к медицинскому персоналу.

Предметом исследования является система здравоохранения Российской Федерации. Целью работы стало исследование правовых оснований и механизмов, направленных на обеспечение исполнения пациентом своих обязанностей при получении медицинской помощи.

При написании статьи использованы системный и социолого-правовой методы. Социолого-правовой метод в данном исследовании применялся для анализа конкретных случаев неисполнения пациентами своих обязанностей. Была изучена судебная практика и публикации СМИ. Системный подход позволил рассматривать институт обязанностей пациента не изолированно, а как элемент более широкой структуры здравоохранения: где осуществляется взаимодействие между пациентами, медицинскими специалистами, учреждениями и государственными органами. Все это обеспечило более глубокое понимание правовых и организационных взаимосвязей.

Результатами исследования стали авторские разработки: таблица, где собраны наиболее частые сегодня нарушения своих обязанностей пациентами с примерами, а также анализ случаев подделки медицинских документов (или предоставлением недостоверной информации о состоянии здоровья). В результате сделан вывод о том, что сегодня за некоторые нарушения наказание для пациентов не соответствует возможному ущербу обществу.

Новизна исследования заключается в отсутствии такого анализа за последние годы.

Данное исследование может быть использовано для правового регулирования системы здравоохранения; при разработке и совершенствовании нормативно-правовых актов, регламентирующих поведение пациентов; в образовательных целях для подготовки юристов и медиков.

Ключевые слова: права пациентов, обязанности пациентов, система здравоохранения, медицинские услуги, фальшивые медицинские справки.

Введение

Современная система здравоохранения строится на принципах партнерства между пациентом и медицинской организацией. Вопросы соблюдения пациентом своих обязанностей становятся особенно актуальными в условиях увеличения количества споров, возникающих в сфере медицинских услуг. Несмотря на развитие нормативного регулирования в области охраны здоровья, внимание в основном сосредоточено на правах пациента, тогда как его обязанности остаются менее определенными и редко подлежат правовому принуждению.

Данная статья посвящена исследованию правовых основ, закрепляющих обязанности пациента; рассматриваются существующие механизмы обеспечения их исполнения. Особое внимание уделено проблематике неисполнения обязанностей пациентом и последствиям такого поведения. Исследование опирается на действующее законодательство и судебную практику.

Целью данной статьи является комплексный анализ правовых оснований и механизмов, обеспечивающих выполнение пациентом своих обязанностей. Будут выявлены проблемы, связанные с их неисполнением.

Задачи статьи:

1. проанализировать действующее законодательство, регламентирующее обязанности пациента в системе здравоохранения Российской Федерации;
2. изучить существующие механизмы правового воздействия, возможные меры, применяемые при неисполнении пациентом своих обязанностей;
3. выявить правовые и организационные проблемы, возникающие в медицинской практике при уклонении пациента от исполнения предписаний;
4. рассмотреть примеры судебной практики, на их примере проанализировать возможные последствия недобросовестного поведения пациента;
5. на основе проведенного анализа сформулировать выводы.

Основная часть

Правовые основания выполнения пациентом своих обязанностей закреплены в ряде нормативных актов, основным из которых является Федераль-

ный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4]. В нём предусмотрено, что пациент обязан соблюдать режим лечения, уважительно относиться к медицинскому персоналу, своевременно предоставлять достоверные сведения о состоянии своего здоровья, а также выполнять иные обязанности, необходимые для качественного оказания медицинской помощи. Эти положения обеспечивают базу для взаимодействия между сторонами медицинского процесса [7].

На практике выполнение пациентами своих обязанностей требует не только законодательного регулирования, но и эффективных механизмов правоприменения. Одним из таких механизмов является возможность отказа в дальнейшем лечении в случае систематического нарушения пациентом предписаний врача или агрессивного поведения в отношении медперсонала (однако есть условие, – если такая мера не угрожает жизни пациента). Кроме того, важным инструментом являются внутренние регламенты медицинских учреждений, предусматривающие меры дисциплинарного характера. Сегодня есть возможность фиксации нарушений, информирования об этом надзорных органов. Данные сведения можно использовать в случае возникновения правового спора.

Обязанности пациента в системе здравоохранения Российской Федерации регулируются рядом нормативно-правовых актов. Основные из них:

1. Федеральный закон № 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4]. Это основной нормативный акт, регламентирующий как права, так и обязанности пациента. Статьи закона прямо указывает на обязанности граждан в сфере охраны здоровья, в том числе:

- заботиться о сохранении своего здоровья,
- проходить медицинские осмотры, диспансеризацию,
- выполнять назначения и рекомендации медицинских работников,
- соблюдать режим лечения,
- уважительно относиться к медперсоналу и другим пациентам.

2. Федеральный закон № 326-ФЗ от 29.11.2010 «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [3]. Этот закон уточняет порядок получения медпомощи по полису ОМС, а также обязанности застрахованных лиц.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [1]. Гражданско-правовые нормы применяются, если между пациентом и медицинской организацией заключён договор на оказание платных медицинских услуг. В этом случае на пациента также распространяются обязанности сторон по договору (к примеру, своевременная оплата и соблюдение условий оказания услуг).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [2]. Это нормативный акт применяется, если пациент нарушает нормы поведения, например, – например, нарушает санитарный режим (ст. 6.3 КоАП РФ и др.).

5. Федеральный закон № 52-ФЗ от 30.03.1999 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [5]. Устанавливает обязанности граждан по соблюдению санитарных правил и профилактике инфекционных заболеваний. Там прописаны обязанности пациента в условиях эпидемий, карантина и т.п.

Механизмы правового воздействия дополняются просветительской и информационной деятельностью, направленной на формирование у граждан правовой культуры и понимания своей ответственности за здоровье. Без активного участия пациента в лечебном процессе невозможно достижение положительного результата, особенно при хронических заболеваниях.

Механизмы обеспечения выполнения пациентом своих обязанностей представляют собой совокупность правовых, организационных и этических инструментов, направленных на формирование ответственного поведения в процессе получения медицинской помощи. Одним из ключевых механизмов является нормативное закрепление обязанностей пациента в федеральных и подзаконных актах, прежде всего в Федеральном законе № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ». Это создает основу для правоприменения, поскольку любое уклонение от установленных обязанностей может повлечь правовые последствия. К гражданину можно применить ограничение в доступе к неотложной помощи или возбуждение споров в рамках гражданского или административного судопроизводства.

Рассмотрим примеры судебных дел, например, по факту агрессивного поведения пациента в медицинском учреждении: в Москве гражданин Казанцев Константин Валерьевич был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.1 КоАП РФ, и приговорён к административному аресту сроком на 15 суток за мелкое хулиганство. В городской поликлинике он разлил растительное масло на лестничных пролётах и перилах травматологического отделения, а также засорил санитарное помещение [10].

Неявка на обязательную диспансеризацию или профилактический осмотр также чревата проблемами, однако, лишь в случае, если человек принадлежит к определенным профессиям. Обязательная диспансеризация предусмотрена законодательством Российской Федерации для ряда профессий, связанных с повышенными требованиями к состоянию здоровья работников, особенно если они несут ответственность за безопасность других лиц. Правовые основания данных требований:

- статья 213 Трудового кодекса РФ;
- Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;
- Приказ Минздрава России от 28.01.2021 № 29н;
- СанПиН 2.1.3.2630–10.

Отказ от вакцинации в условиях эпидемии тоже мог повлечь за собой последствия. Пролетарский

районный суд города Тулы принял к рассмотрению 18 исков, поданных сотрудниками АО «Щегловский вал» против руководства предприятия, оспаривающих законность их отстранения от работы за отказ от вакцинации против COVID-19[8]. Информацию о разрешении дел найти не удалось, но в подобном судебном деле в водителем суд встал на сторону организации [9].

Прекращение лечения по инициативе пациента тоже может вылиться в исковое заявление. Пример судебного дела, иллюстрирующего ситуацию, когда пациент самовольно прекратил лечение, что привело к ухудшению его состояния, а последующий иск о компенсации был отклонён судом, представлен в Апелляционном определении Пен-

зенского областного суда от 20 сентября 2016 года по делу № 33–3399/2016. Пациент, проходивший платное стоматологическое лечение, выразил недовольство качеством оказанных услуг и самостоятельно прекратил лечение, не завершив курс. Позднее он обратился в суд с требованием возобновить лечение и взыскать компенсацию морального вреда [6].

Эти примеры подчёркивает важность соблюдения пациентом своих обязанностей, включая следование медицинским рекомендациям и завершение назначенного курса лечения.

В таблице 1 приведены примеры нарушений пациентом своих обязанностей, рассмотрены последствия этого.

Таблица 1. Наиболее частые примеры нарушений пациентом своих обязанностей

Ситуация	Нарушенная обязанность пациента	Последствия
Пациент самовольно покинул стационар до завершения лечения	Соблюдать режим лечения, предписанный врачом	Ухудшение состояния, повторная госпитализация, отказ суда в компенсации вреда
Агрессивное поведение во время приёма (оскорбления, угрозы)	Проявлять уважение к медперсоналу	Вызов полиции, административный штраф по ст. 20.1 КоАП РФ
Отказ от обязательной вакцинации без медотвода (например, COVID-19)	Проходить профилактические мероприятия, установленные законодательством	Отстранение от работы, признание действий работодателя законными судебным решением
Подделка данных о здоровье или отказ от предоставления достоверной информации	Предоставлять полную и достоверную информацию о состоянии здоровья	Неправильное лечение, возможные риски для жизни и здоровья, прерывание медпомощи

При этом, особую роль сегодня играют судебные дела по последнему основанию. Примеры судебных дел в России, связанных с подделкой медицинских документов или предоставлением недостоверной информации о состоянии здоровья в основном сводятся к следующему:

1. Подделка справки об отсутствии ВИЧ-инфекции;
2. Подделка медицинских документов для страховых выплат;
3. Использование поддельной медицинской справки при трудоустройстве.

Эти случаи демонстрируют серьёзность последствий за подделку медицинских документов или предоставление ложной информации о состоянии здоровья. Однако, чаще всего сами пациенты остаются без наказания.

Проблематика неисполнения пациентом своих обязанностей является одной из актуальных тем в сфере здравоохранения, поскольку затрагивает как правовые, так и медицинские аспекты оказания помощи. Пациент, не соблюдающий предписанный режим лечения, может существенно осложнить не только собственное выздоровление, но и повлиять на организацию работы медицинского учреждения.

Неисполнение обязанностей провоцируют юридические конфликты между пациентом и медицинской организацией. Нередки случаи, когда пациенты, нарушившие предписания, тем не менее подают в суд, обвиняя врачей в ненадлежащем

медицинском сопровождении. Судебная практика показывает, что при отсутствии доказательств вины врача, суды, как правило, встают на сторону медиков. Но такие судебные дела требуют времени, ресурсов и наносят репутационный ущерб медицинским учреждениям. Отдельной проблемой является отсутствие у многих пациентов достаточной медицинской и правовой грамотности.

Сегодня законодательство в большей степени направлено на защиту прав пациента, а не на обеспечение исполнения его обязанностей. Это создаёт правовой дисбаланс: медицинская организация несёт значительную ответственность, включая уголовную, за любое отклонение от протокола, а пациент, – в то же время, – может без последствий отказаться от лечения или нарушить режим. Необходимо совершенствовать правовой механизм в данной части.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) URL: //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/d987f8aecdea90060f74c0c6bdfе46d28f528d7e/ (дата обращения: 21.04.2025).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) URL: //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661(дата обращения: 21.04.2025)./

3. Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 N 326-ФЗ, URL: //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/ (дата обращения: 21.04.2025).
4. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ, URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 21.04.2025).
5. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 N 52-ФЗ URL: //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481 (дата обращения: 21.04.2025)./
6. Апелляционное определение Пензенский областной суд (Пензенская область) / Дело № 33–3399/2016, апелляция URL: //actofact.ru/case-58 OS0000–33–3399–2016–2016–09–13–0–1/ (дата обращения: 21.04.2025).
7. Кацитадзе Г.Т. Проблемы нормативно-правового регулирования обязанностей пациентов // Образование и право. 2023. № 6. С. 147–152
8. Первый пошел, URL: //www.hr-director.ru/news/72647-pervyy-poshl-rabotniki-obratilas-v-sud-iz-za-otstraneniya-posle-otkaza-ot-vaktsinatsii(дата обращения: 21.04.2025).
9. Пятый апелляционный суд общей юрисдикции (г. Новосибирск) отказал в удовлетворении искового заявления истца о признании недействующим Постановление Главного государственного санитарного врача по Республике Хакасия от 27.06.2021 № 8 «О проведении профилактических прививок против коронавирусной инфекции, вызываемой вирусом SARS-CoV-2, отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям», URL: //19.rospotrebнадzor.ru/254/ (дата обращения: 21.04.2025).
10. Тимирязевский суд назначил административный арест по делу о мелком хулиганстве в городской поликлинике, URL: //domodedovo.mos-gorsud.ru/rs/timiryazevskij/news/timiryazevskij-sud-naznachil-administrativnyj-arrest-po-delu-o-melkom-huliganstve-v-gorodskoj-poliklinike (дата обращения: 21.04.2025).

PROBLEMS, LEGAL GROUNDS AND MECHANISMS FOR ENSURING THAT PATIENTS FULFILL THEIR OBLIGATIONS

Pasha O.S., Makharadze N.S.
Pacific State University

The article is devoted to the study of legal bases and mechanisms aimed at ensuring the patient's fulfillment of his/her duties within the framework of legal relations in the field of health care. The general provisions of the current legislation regulating the patient's duties are considered: in terms of compliance with the treatment regimen, provision of reliable information about the state of health, as well as respectful attitude towards medical personnel.

The subject of the work was the healthcare system of the Russian Federation. The purpose of the work was to study the legal bases

and mechanisms aimed at ensuring the patient's fulfillment of his/her duties when receiving medical care.

When writing the article, the systemic and sociological-legal methods were used. The sociological-legal method in this study was used to analyze specific cases of failure of patients to fulfill their duties. Judicial practice and media publications were studied. The systemic approach made it possible to consider the institution of patient duties not in isolation, but as an element of a broader healthcare structure: where interaction between patients, medical specialists, institutions and government agencies takes place. All this provided a deeper understanding of legal and organizational relationships.

The results of the study were the author's developments: a table containing the most frequent violations of their duties by patients today with examples, as well as an analysis of cases of forgery of medical documents (or provision of false information about the state of health). As a result, a conclusion was made that today, for some violations, the punishment for patients does not correspond to the possible damage to society.

The novelty of the study lies in the absence of such an analysis in recent years.

This study can be used for legal regulation of the healthcare system; in the development and improvement of regulatory legal acts governing the behavior of patients; for educational purposes for the training of lawyers and doctors.

Keywords: patient rights, patient responsibilities, healthcare system, medical services, fake medical certificates.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of 11/30/1994 N 51-FZ (as amended on 08/08/2024, as amended. dated 31.10.2024) URL: //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/d987f8aecdca90060f74c0c6bdfc46d-28f528d7e / (date of application: 04/21/2025).
2. Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 N 195-FZ (as amended on 04/07/2025) URL: //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (date of request: 04/21/2025)./
3. Federal Law "On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation" dated 29.11.2010 N 326-FZ, URL: //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289 / (date of application: 04/21/2025).
4. Federal Law "On the Basics of Public Health protection in the Russian Federation" dated 11/21/2011 N 323-FZ, URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895 / (date of application: 04/21/2025).
5. Federal Law "On Sanitary and Epidemiological welfare of the population" dated 30.03.1999 N 52-FZ URL: //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481 (date of request: 04/21/2025)./
6. Appeal ruling Penza Regional Court (Penza region) / Case No. 33–3399/2016, appeal URL: //actofact.ru/case-58 OS0000–33–3399–2016–2016–09–13–0–1 / (date of reference: 04/21/2025).
7. Katsitadze G.T. Problems of regulatory regulation of patients' duties // Education and Law. 2023. No. 6. pp. 147–152
8. The first went, URL: //www.hr-director.ru/news/72647-pervyy-poshl-rabotniki-obratilas-v-sud-iz-za-otstraneniya-posle-otkaza-ot-vaktsinatsii(date of request: 04/21/2025).
9. The Fifth Court of Appeal of General Jurisdiction (Novosibirsk) dismissed the plaintiff's claim for invalidation of the Resolution of the Chief State Sanitary Doctor for the Republic of Khakassia dated 06/27/2021 No. 8 "On preventive vaccinations against coronavirus infection caused by the SARS-CoV-2 virus to certain groups of citizens for epidemic indications", URL: //19.rospotrebнадzor.ru/254 / (date of access: 04/21/2025).
10. Timiryazevsky court ordered administrative arrest in the case of minor hooliganism in the city polyclinic, URL: //domodedovo.mos-gorsud.ru/rs/timiryazevskij/news/timiryazevskij-sud-naznachil-administrativnyj-arrest-po-delu-o-melkom-huliganstve-v-gorodskoj-poliklinike (date of request: 04/21/2025).

Петров Артем Геннадьевич,
независимый исследователь
E-mail: petrovtart2001@gmail.com

В статье проблема противопоставимости судебных актов в делах о банкротстве рассматривается как косвенное влияние судебного акта на права и обязанности другого лица, например, когда в одном судебном споре могут быть установлены факты, относящиеся одновременно к другому судебному спору с участием иных лиц. Анализируется правовая ситуация, при которой судебное решение о взыскании с должника денег в пользу одного кредитора влияет на права других кредиторов, уменьшая их долю в конкурсной массе, в результате чего они получают меньше голосов в собрании кредиторов и меньше выручки от продажи объектов, вошедших в конкурсную массу. Особое внимание автор уделяет вопросам исполнительного производства, связанного с процедурой банкротства. Он приходит к выводу, что проблема соотношения процедуры банкротства и исполнительного производства выступает важным ориентиром, которого стоит придерживаться при ведении дискуссии, касающейся правовой природы эффекта противопоставимости «добанкротных» судебных актов, пример которого рассмотрен в настоящем исследовании. В статье приводятся основные нормативно-правовые документы, регулирующие процедуру банкротства и взаимоотношения между должником и кредиторами: Законы, Постановления, Определения и т.д. Работа написана с применением серьезного теоретического материала — ведущих монографий и научных статей по теме исследования.

Ключевые слова: противопоставимость судебных актов, процедура банкротства, должник, кредиторы, исполнительное производство, дискуссия, судопроизводство, конкурсная масса, собрание кредиторов, судебный спор, арбитражный управляющий, закон, долг, права, обязанности.

Одним из дискуссионных вопросов доктрины гражданского и арбитражного судопроизводства, имеющих ключевой интерес для решения практико-ориентированных задач, является проблема противопоставимости судебных актов в делах о банкротстве. Краеугольный камень существующей полемики – ответ на вопрос о том, распространяет ли «добанкротный» судебный акт рефлекторное действие на иных кредиторов, участвующих в деле о банкротстве, связывая их обязательностью судебного постановления. По нашему мнению, первым уровнем рассуждений в данной проблеме служит вопрос соотношения процедуры банкротства (Закон о банкротстве) с процедурой исполнительного производства (Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ).

Анализ отдельных норм в упомянутых правовых актах (ст. 129, 134 Закона о банкротстве и ст. 34, 111 Закона об исполнительном производстве) позволяет прийти к выводу, что конкурсное производство, являющееся факультативной (возможной) стадией процедуры несостоятельности, представляет собой сводное исполнительное производство. Отметим, что мы не считаем «стечение» кредиторов конститутивным условием процедуры банкротства. Между тем, вопрос противопоставимости судебных актов актуален только в ситуации множественности кредиторов (взыскателей). Точки зрения, согласно которой конкурсное производство является исполнительным производством, в свое время придерживался Г.Ф. Шершеневич [7, с. 126–127]. Из современных авторов соответствующую позицию отстаивают, например, В.Ф. Попондопуло и Е.В. Слепченко, которые пишут: «конкурсное производство – это особый вид исполнительного производства, правила которого определены Законом о банкротстве» [4, с. 67–68]. Настоящее воззрение на природу процедуры несостоятельности актуально, в частности, и для германской правовой системы, в которой «процедура несостоятельности рассматривается как сводное исполнительное производство (*Gesamtvollstreckung*) или как исполнительное производство особого вида», – отмечает Т.П. Шишмарева [8, с. 26].

Как указывает Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в Постановлении от 23.04.2013 № 18245/12, практическая преломляемость научных изысканий заключается в восприятии процедуры возбуждения дела о банкротстве в качестве ординарного способа принудительного исполнения судебного акта. В контексте развития указанной позиции в судебной практике отмечается, что «процедуры банкротства, наряду с исполнитель-

ным производством, представляют собой публичный порядок принудительного исполнения судебного акта о взыскании долга, в рамках которого соответствующая функция государства осуществляется арбитражным управляющим под контролем арбитражного суда» (Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2023 № 08АП-13736/2022). Говоря иными словами, у кредитора, имеющего «просуженные» требования, существует право выбора, к какой процедуре ему обратиться. Смежный характер процедур раскрывается и в том, что истечение срока предъявления исполнительного листа влечет невозможность возбуждения дела о банкротстве на основании соответствующего документа (Определение ВС РФ от 22.10.2019 № 303-ЭС19–18455).

Весомым аргументом, свидетельствующим о схожести процедур, является тот факт, что, как и процедура банкротства, исполнительное производство содержит механизм очередности удовлетворения требований взыскателей при недостаточности имущества должника (ст. 111). Поэтому представляется неубедительным довод о том, что только в процедуре банкротства спор между кредитором и должником фактически «трансформируется» в спор между кредиторами, стремящимися удовлетворить свои требования в большем размере [2]. В свою очередь, кредиторы в сводном исполнительном производстве (ст. 34), в условиях недостаточности взысканной денежной суммы, никак не могут противостоять исполнительным документам, то есть их судебные акты противопоставляются друг другу.

На основании изложенного, одним из допустимых заключений может служить предположение, что если анализируемые процедуры имеют существенные сходства, то проблема эффекта противопоставимости должна решаться одинаковым образом.

Рассмотрим смоделированную ситуацию, при которой должник «А» имеет двух кредиторов – «В» и «С». При этом у «В» имеется вступившее в законную силу судебное решение по требованию о взыскании задолженности по договору, а вот кредитор «С» еще не успел подтвердить свои притязания в судебном порядке, несмотря на то, что правоотношения между «А» и «С» вступили в охранительную стадию.

У «В» существует право выбора, к какой процедуре ему обратиться. Как пишет С.С. Трушников, «... решение данного вопроса оставлено на усмотрение кредитора, который на основе имеющейся у него информации прогнозирует преимущества и недостатки того или иного способа принуждения должника к выполнению своих обязательств» [5, с. 89]. При этом, если будет возбуждено исполнительное производство, то «С» и иные возможные кредиторы, чьи права требования еще не актуализировались, будут наблюдать за «таянием» имущества должника, не имея возможности как-то на это повлиять, например, подать заявление о призна-

нии должника банкротом (п. 2 ст. 7 Закона о банкротстве).

На основании вышеизложенного, можно построить силлогизм, в котором большая посылка означает то, что процедура банкротства, являющаяся альтернативой исполнительного производства, – это сводное исполнительное производство; меньшая посылка – это, когда в процедуре исполнительного производства судебное решение противопоставляется другим кредиторам. При верности заключения, позиция авторов, размышляющих об ошибочности противопоставления судебных актов в делах о банкротстве со ссылкой на действие субъективных пределов законной силы судебного решения, игнорируя правовую природу конкурсного производства, не является обоснованной. Тем не менее, необходимо критически отнестись к предложенному нами логическому умозаключению, проанализировав каждый из представленных терминов и дав ответ на вопрос о том, существуют ли все же такие ключевые особенности процедуры банкротства, которые требуют решить проблему противопоставимости иным образом.

Первым аргументом, порочащим большую посылку, может являться то обстоятельство, что исполнительное производство и процедура банкротства не должны рассматриваться в качестве опций для кредиторов. В ряде зарубежных стран, например, в Германии, суд может не установить законный интерес в признании должника банкротом, если кредитор, как указывает Г. Папе, «... имеет возможность реализовать свои притязания иным, более простым и целесообразным путем» [3, с. 34].

Вторым аргументом, не столько бросающим тень на содержание меньшей посылки, сколько на выводимое заключение, является предположение о том, что в рамках исполнительного производства противопоставимость является фактической, как для других взыскателей, так и для кредиторов, не «просудивших» свои требования, так как они не вовлечены в судебные процессы друг друга, тогда как в процедуре банкротства противопоставимость является юридической, потому что кредиторы выступают участниками обособленных споров, в частности, спора о включении притязаний в реестр требований кредиторов (далее – РТК).

Наконец, выдвинем третий аргумент против предложенного нами заключения, согласно которому свойственной характеристикой процедуры банкротства, отличающей ее от исполнительного производства, является тот факт, что в рамках нее правоспособность должника подлежит ограничению, при этом восполняясь фигурой арбитражного управляющего и реализацией исключительной компетенции собрания кредиторов. Кредиторы посредством принятия решения на специальном собрании могут определить процедуры, применяемые в деле о банкротстве (ст. 12, 27), принять решение об оспаривании сделки (ст. 61.9), о выборе арбитражного управляющего, о подаче заявления по поводу привлечения к субсидиарной ответственности (ст. 61.14) и т.д. При этом конкурсный

кредитор обладает на собрании числом голосов, пропорциональным размеру требований к общей сумме притязаний, включенных в РТК (п. 3 ст. 12).

В условиях законодательного предоставления возможности кредиторам принимать активное участие в процедуре банкротства, в частности, в наполнении конкурсной массы должника, у них, помимо материальных притязаний, существуют права, связанные с управлением процедурой. Нельзя не привести слова Д.А. Жестовской, которая указывает, что до банкротства кредиторы обладают лишь правами требований к имущественной массе должника, а в момент наступления несостоятельности эти права, «преобразуются в права участия в управлении массой» [1, с. 51]. Несомненно, правообразующими являются именно материальные требования кредиторов, так как основополагающая цель процедуры банкротства заключается в их пропорциональном, справедливом удовлетворении. Однако, в отличие от исполнительного производства, где пристав обладает всей полной «властью», необходимой для достижения целей, процедура банкротства предусматривает исключительную компетенцию органа сообщества кредиторов. Вместе с тем кредиторы, чьи требования не подтверждены судебными актами, должны мириться с безусловным характером процессуальных (процедурных) прав кредиторов, имеющих «просушенные» требования.

Критическим для кредиторов может являться обстоятельство, что принимать участие в голосовании собрания кредиторов (за исключением ряда случаев) могут также и аффилированные должнику лица, чьи требования подтвердились судебными решениями, однако не были понижены (субординированы) в очередности удовлетворения (п. 14 «Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц» (утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020).

Как указано в судебной практике, «каких-либо специальных норм, содержащих запрет на участие в голосовании конкурсных кредиторов, являющихся заинтересованными лицами по отношению к должнику, действующее законодательство не содержит» (постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.06.2016 № 19АП-3203/2015). Не исключены ситуации, при которых аффилированные лица имеют противоположные «внешним» кредиторам интересы, выражающиеся, например, в нежелании введения реабилитационных процедур (Определение СКЭС ВС РФ от 17.05.2016 № 305-ЭС16-1045), привлечении к субсидиарной ответственности, препятствовании обжалованию сделок должника, и т.д. [6]. Например, кредитор, чей процент требований в РТК не превышает 10-ти, самостоятельно не может подать заявление о признании сделок должника недействительными (п. 2 ст. 61.9). Единственным способом для последнего остается лишь обращение к арбитражному управляющему, а также

обжалование действий (бездействий) последнего (Определение ВС РФ от 04.12.2017 № 305-ЭС15-5231(4)). И здесь возникает вопрос, должен ли «внешний» кредитор мириться с использованием заинтересованными лицами процедуры банкротства не с целью наиболее полного удовлетворения своих требований, а, наоборот, с намерением необоснованно понизить объем удовлетворения иных кредиторов. На основании изложенного, нельзя не прийти к выводу, что в процедуре банкротства противопоставление судебного акта другим кредиторам влияет не только на потенциальность наиболее полного удовлетворения своих требований, но также и на возможность управления процедурой банкротства, что делает допустимым предположение о необходимости иного подхода к исследуемому феномену.

Подводя итоги, отметим, что именно проблема соотношения процедуры банкротства и исполнительного производства является тем вектором рассуждений, которого, по нашему мнению, стоит придерживаться при построении дискуссии по вопросу правовой природы эффекта противопоставимости «добанкротных» судебных актов в рассматриваемом примере его проявления.

Литература

1. Жестовская Д.А. О «парадоксе противопоставимости» судебных актов в американском банкротном праве / Д.А. Жестовская // К 20-летию действующего закона о банкротстве и 30-летию первого современного российского закона о банкротстве: сб. науч. ст. / под ред. А.И. Шайдуллина, Р.Т. Мифтахутдинова и О.Р. Зайцева. – М.: Изд. НАС по банкротству и управлению проблемными активами «Банкротный Клуб», 2023. – 37–55.
2. Ноздрачева А.Ю. Конкуренция судебных актов, принятых в рамках дела о банкротстве и за его пределами [Электронный ресурс] / А.Ю. Ноздрачева, Г.А. Скутин // Арбитражные споры. № 4. – 2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Папе Г. Институт несостоятельности: общие проблемы и особенности правового регулирования в Германии: Комментарий к действующему законодательству / Пер. с нем. М.: БЕК, 2002. – 260 с.
4. Попондопуло В.Ф. Производство по делам о банкротстве в Арбитражном суде / В.Ф. Попондопуло, Е.В. Слепченко. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 346 с.
5. Трушников С.С. Возбуждение производства по делам о несостоятельности в Федеративной Республике Германия: дис. ... канд. юр. наук. / С.С. Треушников. – Екатеринбург, 2003. – 181 с.
6. Шайдуллин А.И. Особенности участия связанных с должником кредиторов в процедурах банкротства [Электронный ресурс] // А.И. Шай-

дуллин / Закон. № 9. – 2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. Шершеневич Г.Ф. Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Юрайт, 2023. – 453 с.
8. Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии / Т.П. Шишмарева. – М.: Статут, 2015. – 332 с.

ON THE PROBLEM OF OPPOSABILITY OF JUDICIAL ACTS IN BANKRUPTCY CASES

Petrov A.G.

In this article, the problem of opposability of judicial acts in bankruptcy cases is considered as an indirect influence of a judicial act on the rights and obligations of another person, for example, when facts can be established in one judicial dispute that simultaneously relate to another judicial dispute involving other persons. The legal situation is analyzed in which a court decision to collect money from a debtor in favor of one creditor affects the rights of other creditors, reducing their share in the bankruptcy estate, as a result of which they receive fewer votes at the creditors' meeting and less revenue from the sale of objects included in the bankruptcy estate. The author pays special attention to issues of enforcement proceedings related to the bankruptcy procedure. He comes to the conclusion that the problem of the relationship between the bankruptcy procedure and enforcement proceedings is an important guideline that should be followed when conducting a discussion regarding the legal nature of the effect of the opposability of "pre-bankruptcy" judicial acts, an example of which is considered in this study. The article provides the main regulatory documents governing the bankruptcy procedure and the relationship between the debtor and creditors: Laws, Resolutions, Definitions, etc. The work is written using serious theoretical material – leading monographs and scientific articles on the topic of the study.

Keywords: opposability of judicial acts, bankruptcy procedure, debtor, creditors, enforcement proceedings, discussion, legal proceedings, bankruptcy estate, creditors' meeting, litigation, arbitration manager, law, debt, rights, obligations.

References

1. Zhestovskaya D.A. On the "paradox of opposability" of judicial acts in American bankruptcy law / D.A. Zhestovskaya // On the 20th anniversary of the current bankruptcy law and the 30th anniversary of the first modern Russian bankruptcy law: collection of scientific articles / edited by A.I. Shaidullin, R.T. Miftakhutdinov and O.R. Zaitsev. – М.: Publ. NAS on bankruptcy and management of problem assets "Bankruptcy Club", 2023. – 37–55.
2. Nozdracheva A. Yu. Competition of judicial acts adopted within the framework of a bankruptcy case and outside it [Electronic resource] / A. Yu. Nozdracheva, G.A. Skutin // Arbitration disputes. No. 4. – 2019. Access from the SPS "ConsultantPlus".
3. Pape G. Insolvency Institute: General Problems and Features of Legal Regulation in Germany: Commentary on Current Legislation / Translated from German. Moscow: BEK, 2002. – 260 p.
4. Popondopulo V.F. Bankruptcy Proceedings in the Arbitration Court / V.F. Popondopulo, E.V. Slepchenko. – St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. – 346 p.
5. Trushnikov S.S. Initiation of Insolvency Proceedings in the Federal Republic of Germany: Dis. ... Cand. of Law. / S.S. Treushnikov. – Yekaterinburg, 2003. – 181 p.
6. Shaidullin A.I. Features of Participation of Creditors Associated with the Debtor in Bankruptcy Procedures [Electronic Resource] // A.I. Shaidullin / Law. № 9. – 2020. Access from the SPS "ConsultantPlus".
7. Shershenovich G.F. Trade process. Bankruptcy process / G.F. Shershenovich. – М.: Yurait, 2023. – 453 p.
8. Shishmareva T.P. Insolvency Institute in Russia and Germany / T.P. Shishmareva. – М.: Statut, 2015. – 332 p.

Цифровизация гражданско-правового оборота в России: правовые, технологические и социальные вызовы

Новиков Сергей Алексеевич,

аспирант, Московский финансово-юридический университет
МФЮА (МФЮА)

E-mail: sergeinikov69@gmail.com

Статья посвящена исследованию процесса цифровизации гражданско-правового оборота в Российской Федерации. Целью работы является систематизация основных проблем, возникающих в ходе цифровой трансформации правовых отношений, и определение возможных направлений их решения. Методология исследования опирается на комплексный междисциплинарный анализ правовых, технологических и социальных аспектов цифровизации. В результате выявляются ключевые вызовы в сферах правового режима цифровых активов, смарт-контрактов, электронного документооборота, кибербезопасности и цифрового неравенства. Область применения результатов включает совершенствование законодательства, разработку программ цифровой грамотности и создание механизмов защиты прав участников оборота. Новизна работы заключается в установлении взаимосвязи между технологическими инновациями и их социально-правовыми последствиями. Сделаны выводы о необходимости сбалансированной правовой политики и сохранения гуманистической сущности гражданско-правовых отношений при их цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровизация, гражданско-правовой оборот, смарт-контракты, цифровые активы, электронный документооборот, цифровое неравенство, кибербезопасность, правовое регулирование.

Введение

Современное общество переживает глобальную цифровую трансформацию, затрагивающую все сферы жизни, в том числе гражданско-правовые отношения [1]. В Российской Федерации цифровизация гражданского оборота проявляется в расширении электронного документооборота, использовании цифровых платформ для заключения сделок, а также во внедрении смарт-контрактов и распределённых реестров [2, 3]. Перечисленные инновации повышают скорость, прозрачность и доступность правовых взаимодействий, однако одновременно ставят задачи по своевременной адаптации законодательства, обеспечению кибербезопасности и сохранению баланса между технологическим прогрессом и эффективной защитой прав участников оборота.

Цель настоящей статьи заключается в систематизации основных проблем, возникающих в ходе цифровизации гражданско-правового оборота в России, и в определении возможных направлений их решения.

Правовые вызовы цифровизации гражданского оборота

Цифровизация гражданско-правового оборота сопровождается комплексом правовых вызовов, требующих всестороннего анализа и последовательного регулирования. Действующее законодательство, несмотря на активную нормотворческую деятельность последних лет, заметно отстаёт от темпов развития цифровых технологий [4]. Указанный разрыв проявляется по нескольким ключевым направлениям.

Одним из наиболее острых вопросов является правовой режим цифровых активов. Российское право до настоящего времени не выработало единой позиции относительно правовой природы криптовалют, токенизированных активов и NFT [5, 6]. Отсутствие унифицированного подхода к их квалификации создаёт существенные риски для участников оборота, затрудняет судебную защиту их прав и сдерживает развитие новых экономических моделей. В современной доктрине продолжается дискуссия о том, возможно ли применять к цифровым активам традиционные институты вещного права или требуется формировать специальный, автономный правовой режим.

Нормативное регулирование смарт-контрактов и блокчейн-технологий по-прежнему представляет значительную методологическую сложность [7,

8]. Автоматизированное исполнение обязательств в смарт-контрактах ставит под сомнение традиционные гражданско-правовые принципы свободы договора и диспозитивности. Остаются дискуссионными вопросы о моменте заключения договора при использовании распределённых реестров, о юридических последствиях технических сбоев, а также о возможности оспаривания автоматически исполненных условий. Дополнительную проблематику формирует коллизия между необратимостью транзакций в публичных блокчейнах и институтом недействительности сделок, затрагивающая, в частности, защиту добросовестной стороны и порядок реституции.

Сопоставимые вызовы возникают при развитии электронного документооборота. Несмотря на действие законодательства об электронной подписи, на практике сохраняются трудности обеспечения юридической значимости электронных документов [9]. Наиболее остро стоит вопрос процессуальной равнозначности электронных и бумажных носителей: доказательственная сила первых нередко подвергается сомнению из-за сложности подтверждения их подлинности и неизменности, а также из-за недостаточной интероперабельности технических форматов. Дополнительные барьеры создаёт отсутствие эффективного механизма взаимного признания электронных документов в трансграничном обороте, что ощутимо сдерживает международные сделки.

Цифровая идентификация субъектов гражданского оборота остаётся сферой, требующей более глубокой проработки [10, 11]. Действующие системы верификации личности, включая Единую биометрическую систему, сталкиваются с задачами защиты персональных данных и предотвращения мошенничества. В центр внимания неизбежно выходит поиск баланса между удобством цифровой идентификации и гарантиями прав граждан, особенно в условиях делегирования полномочий искусственному интеллекту и автоматизированным системам принятия решений, а также обеспечения устойчивости инфраструктуры идентификации.

Адаптация гражданского законодательства к цифровой экономике требует не механического включения новых норм, а пересмотра традиционных правовых конструкций и согласованности терминологии [12, 13]. Необходимо обеспечить равновесие между гибкостью регулирования, способствующей технологическому развитию, и правовой определённостью, защищающей интересы участников оборота. Особое значение продолжает иметь гармонизация российского законодательства с международными стандартами цифровой экономики как ключевое условие интеграции России в глобальное правовое пространство.

сопровождается множественными технологически и инфраструктурными вызовами, требующими всестороннего и системного анализа. Эти вызовы обладают многослойной природой, затрагивая, с одной стороны, сугубо технические параметры функционирования цифровых платформ, а с другой – фундаментальные вопросы универсальной доступности цифровых решений для всех субъектов правовых отношений, вне зависимости от их социально-экономического статуса или географического положения.

Кибербезопасность остаётся одной из наиболее острых и комплексных проблем современного цифрового оборота. Наблюдаемое увеличение числа целенаправленных атак на финансовые и правовые информационные системы демонстрирует уязвимость действующей цифровой инфраструктуры. Особое беспокойство вызывает рост сложных фишинговых схем, нацеленных на получение персональных данных и средств аутентификации. Дополнительную угрозу представляет распространение технологий контентной манипуляции, таких как deepfake, позволяющих злоумышленникам правдоподобно имитировать личности участников сделок. Традиционные механизмы защиты информации зачастую не успевают адаптироваться к стремительно эволюционирующим киберугрозам, что существенно повышает риски для всех участников гражданского оборота.

Развитие систем цифровой идентификации, прежде всего Единой биометрической системы, порождает новые вызовы в сфере охраны персональных данных. Массовые утечки биометрической информации формируют риск её неправомерного использования в преступных целях, тогда как существующие механизмы возмещения ущерба остаются недостаточно проработанными с правовой точки зрения. Дополнительную сложность представляет распределение ответственности между операторами биометрических систем, владельцами цифровых платформ и конечными пользователями в случае компрометации данных, что до сих пор не получило однозначного нормативного решения.

Проблема цифрового неравенства приобретает в гражданско-правовом обороте особую значимость [14]. Существенный разрыв в уровне цифровой грамотности между различными социальными группами и регионами приводит к тому, что значительная часть населения фактически исключается из цифровых правовых отношений. Это не только ограничивает их возможности по защите собственных прав, но и создаёт почву для злоупотреблений со стороны более технологически подкованных участников оборота. Особенно остро данная проблема проявляется среди представителей старшего поколения и жителей отдалённых территорий, где доступ к современным цифровым технологиям всё ещё остаётся ограниченным, а образовательные инициативы по повышению цифровой компетентности развиты недостаточно.

Инфраструктурная готовность государственных и коммерческих организаций к полноценной цифровой трансформации остаётся недостаточной [15]. Многие учреждения, прежде всего государственные, продолжают использовать устаревшие информационные системы, изначально проектировавшиеся под иные задачи и неспособные обеспечить необходимый уровень интеграции с современными цифровыми платформами. Это порождает «цифровые разрывы» в цепочках правовых взаимодействий, когда отдельные этапы сделок вынужденно переводятся в бумажный формат. Дополнительным негативным фактором выступает ограниченная техническая компетентность персонала, что снижает отдачу от внедряемых решений и удлиняет сроки их адаптации.

Технологическая зависимость от зарубежных продуктов формирует самостоятельный комплекс рисков [16]. Санкционное давление и ограничения доступа к иностранным технологиям демонстрируют уязвимость российской цифровой инфраструктуры. Особую актуальность приобретают задачи импортозамещения критически важного программного обеспечения, используемого в гражданско-правовом обороте. Однако переход на отечественные аналоги нередко сопровождается уменьшением функциональных возможностей и надёжности систем, что отрицательно влияет на эффективность правовых взаимодействий.

Высокая скорость технологических изменений создаёт дополнительные вызовы для правового регулирования [6, 7]. Законодательство, по своей природе консервативное, не успевает адаптироваться к появлению принципиально новых технологий, в результате чего многие перспективные инновации оказываются в «серой зоне» с неопределённым правовым статусом. Особенно острая нормативная неопределённость наблюдается в сферах распределённых реестров, искусственного интеллекта и Интернета вещей, где темпы практического внедрения опережают разработку соответствующей правовой базы.

Социально-экономические последствия цифровизации гражданско-правового оборота

Глубокая трансформация гражданско-правовых отношений под влиянием цифровых технологий порождает комплекс социально-экономических последствий, выходящих далеко за рамки чисто технических вопросов. Эти изменения затрагивают фундаментальные основания взаимодействия субъектов права, постепенно трансформируя традиционные модели экономического поведения и социального доверия.

Фундаментальным следствием цифровизации является перераспределение ролей в системе правовых отношений. Традиционные институты-гаранты – нотариат и регистрационные органы – вынуждены пересматривать свои функции, поскольку технологии распределённых реестров и смарт-контрактов постепенно берут на себя зна-

чительную часть их удостоверительных полномочий [7, 14]. В результате возникает парадокс: автоматизация одновременно снижает транзакционные издержки субъектов оборота и лишает их привычных механизмов защиты, основанных на авторитете государства. Особенно явно это проявляется в регистрации прав на недвижимое имущество и оформлении крупных сделок, где цифровые инструменты планомерно вытесняют традиционные способы легитимации.

Экономика цифрового гражданского оборота порождает новые модели зависимости и стимулирует процессы монополизации [6, 13]. Крупные технологические платформы, выступая посредниками в цифровых правоотношениях, фактически формируют правила рынка. Это создаёт риски злоупотребления доминирующим положением и навязывания контрагентам неэквивалентных условий. Концентрация данных в распоряжении ограниченного круга операторов подрывает конкуренцию и ставит под сомнение равный доступ участников к цифровым правовым инструментам. Проблема усугубляется тем, что антимонопольное регулирование, как показывает практика последних лет, не успевает адаптироваться к стремительно меняющейся цифровой среде.

Социокультурные эффекты цифровизации проявляются в трансформации самого понимания правового взаимодействия [13]. Деперсонализация отношений, при которой стороны сделки взаимодействуют через алгоритмы и интерфейсы, размывает традиционные механизмы формирования доверия. В потребительской сфере, где цифровая среда сводит личностный компонент к минимуму, это особенно ощутимо. Парадокс заключается в том, что, несмотря на формальную прозрачность, обеспечиваемую распределёнными реестрами, многие участники испытывают ощущение утраты контроля над процессами, что, в свою очередь, порождает психологическое сопротивление инновациям.

Феномен цифровой усталости постепенно превращается в серьёзное препятствие развитию электронного гражданского оборота. Постоянная необходимость многофакторной аутентификации личности, отслеживания многочисленных цифровых следов и одновременного управления несколькими учётными записями формирует у участников правоотношений устойчивую когнитивную нагрузку. Наиболее остро она проявляется у представителей старших возрастных групп, которым приходится параллельно осваивать новые технологии и придерживаться сложных норм цифровой гигиены. В итоге ожидаемого упрощения процедур не происходит: пользователи всё чаще испытывают повышенное психологическое напряжение, что нередко приводит к сознательному отказу от цифровых инструментов, даже если это противоречит их собственным интересам.

Образовательный разрыв в области цифровых компетенций превращается в новую форму социального неравенства [11]. Цифровая грамотность утрачивает статус дополнительного навыка и ста-

новится необходимым условием полноценного участия в гражданском обороте. Лица, не обладающие соответствующими компетенциями, фактически оказываются в положении «правовых инвалидов», лишённых возможности эффективно отстаивать свои интересы. Особенно уязвимы в этом отношении социально незащищённые группы населения, для которых барьеры доступа к цифровым технологиям накладываются на уже существующие экономические ограничения, усиливая их маргинализацию.

Экономика внимания внутри электронного гражданского оборота создаёт новые риски манипулятивного воздействия. Дизайн пользовательских интерфейсов, алгоритмы рекомендательных систем и методы поведенческой аналитики всё активнее применяются для влияния на правовые решения участников. Это поднимает вопрос о границах допустимого воздействия и о сохранении свободы волеизъявления в условиях, когда технологии позволяют прогнозировать и частично программировать юридически значимое поведение субъектов. Особенно остро проблема проявляется в сфере массовых потребительских сделок, где цифровые платформы получают беспрецедентные возможности тонко настраивать условия договоров под индивидуальные поведенческие профили, что делает традиционные механизмы правовой защиты менее эффективными.

Трансформация трудовых отношений в условиях цифровизации гражданского оборота заслуживает отдельного рассмотрения [16]. Появление новых цифровых профессий и постепенное отмирание ряда традиционных юридических специальностей создают выраженные структурные сдвиги на рынке труда. Юристы сталкиваются с необходимостью глубокой переквалификации, поскольку рутинные функции договорной работы и правового сопровождения всё чаще автоматизируются. Одновременно формируется устойчивый спрос на специалистов нового типа, способных уверенно работать на стыке права и технологий, что ведёт к перераспределению доходов в профессиональной среде и к изменению привычной стратификации юридического сообщества.

Заключение

Проведённый анализ позволяет констатировать, что процесс цифровизации гражданско-правового оборота в России представляет собой сложный многогранный феномен, требующий всестороннего междисциплинарного осмысления. Технологическая трансформация правовых отношений – это не просто внедрение новых инструментов, а глубинный сдвиг всей системы социально-правовых взаимодействий, затрагивающий фундаментальные основы гражданского оборота.

Особую значимость приобретает необходимость разработки сбалансированной правовой политики в сфере цифровизации [1, 6]. Такой подход должен сочетать три взаимосвязанных аспекта:

во-первых, создание гибкого нормативного регулирования, способного адаптироваться к стремительно меняющимся технологическим реалиям; во-вторых, обеспечение надёжных гарантий защиты прав участников цифрового оборота; в-третьих, формирование эффективных механизмов кибербезопасности и системной защиты персональных данных. При этом особое внимание следует уделять гармонизации российского законодательства с актуальными международными стандартами цифровой экономики [14].

Социальное измерение цифровой трансформации диктует необходимость разработки комплексной программы преодоления цифрового неравенства. Речь идёт не только о развертывании современной технической инфраструктуры, но и о масштабной, непрерывной образовательной работе, направленной на повышение цифровой грамотности всех слоёв населения. Принципиальную важность приобретает создание доступных, понятных и инклюзивных интерфейсов правового взаимодействия, учитывающих потребности различных социальных групп, включая лиц с ограниченными возможностями здоровья и представителей старшего поколения.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в более углублённом изучении нескольких ключевых направлений. Во-первых, требуется разработать верифицируемую методологию оценки эффективности цифровых правовых инструментов с точки зрения фактического обеспечения прав и законных интересов участников оборота. Во-вторых, актуален сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного опыта цифровизации гражданско-правовых отношений. В-третьих, необходимы междисциплинарные исследования на стыке юриспруденции, цифровой экономики и когнитивной психологии, призванные выявить глубинные механизмы трансформации правового поведения в цифровой среде.

Практическая значимость проведённой работы заключается в том, что её результаты могут быть использованы для совершенствования законодательства в сфере цифровой экономики, разработки комплексных программ цифровой грамотности и создания более действенных механизмов защиты прав участников гражданского оборота. Особую ценность представляет установленная взаимосвязь технологических, правовых и социальных аспектов цифровизации, учёт которой необходим для формирования взвешенной и сбалансированной государственной политики.

Успешная цифровая трансформация гражданско-правового оборота возможна лишь при сохранении его гуманистической сущности: технологии должны расширять правовые возможности граждан, а не порождать новые формы отчуждения или неравенства. Обеспечение указанного баланса остаётся ключевой задачей законодателей, правоприменителей и всего юридического сообщества в условиях стремительной цифровой трансформации общества.

Литература

1. Кашкин С.Ю. Правовое регулирование цифровой экономики: вызовы и перспективы. – М.: Проспект, 2023. – 352 с.
2. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 30.12.2021).
3. Морозов А.Г. Блокчейн и право: теория и практика. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2021. – 210 с.
4. Абрамов Р.А. Правовые риски цифровизации гражданского оборота // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 45–60.
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
6. Белов В.А. Цифровые активы в системе объектов гражданских прав. – М.: Статут, 2022. – 288 с.
7. Петров М.А. Смарт-контракты: правовая природа и проблемы регулирования. – М.: Инфотропик, 2022. – 176 с.
8. Werbach K. The Blockchain and the New Architecture of Trust. – Cambridge: MIT Press, 2022. – 280 p.
9. Козырь Н.И. Электронный документооборот: проблемы доказательственной силы // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 55–72.
10. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 02.07.2023).
11. Гаврилов Э.В. Кибербезопасность и защита персональных данных в условиях цифровой трансформации // Закон. 2022. № 8. С. 32–47.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024).
13. Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. – N.Y.: Basic Books, 2020. – 320 p.
14. Ершов Ю.Л. Цифровое неравенство как вызов современному праву // Государство и право. 2023. № 3. С. 88–102.
15. Официальный сайт Банка России: Цифровая трансформация финансового рынка (дата обращения: 10.06.2024).
16. Аналитический отчет «Цифровая экономика РФ – 2024» // Центр стратегических разработок. URL: <https://www.csr.ru> (дата обращения: 12.06.2024).

DIGITALIZATION OF CIVIL LEGAL RELATIONS IN RUSSIA: LEGAL, TECHNOLOGICAL, AND SOCIAL CHALLENGES

Novikov S.A.

Moscow Finance and Law University

The research is devoted to the study of the digitalization process of civil legal relations in the Russian Federation. The purpose of the work is to systematize the main problems arising during the digital transformation of legal relations and determine possible solutions. The research methodology relies on a comprehensive interdisciplinary analysis of legal, technological, and social aspects of digitalization. The results identify key challenges in the areas of legal status of digital assets, smart contracts, electronic document management, cybersecurity, and digital inequality. The application area of the results includes improving legislation, developing digital literacy programs, and creating mechanisms to protect the rights of market participants. The novelty of the work lies in establishing the relationship between technological innovations and their socio-legal consequences. The conclusions emphasize the need for a balanced legal policy and preserving the humanistic essence of civil legal relations during their digital transformation.

Keywords: digitalization, civil legal relations, smart contracts, digital assets, electronic document management, digital inequality, cybersecurity, legal regulation.

References

1. Kashkin S. Yu. Legal Regulation of the Digital Economy: Challenges and Prospects. – Moscow: Prospect, 2023. – 352 p.
2. Federal Law dated 06.04.2011 No. 63-FZ “On Electronic Signature” (as amended on 30.12.2021).
3. Morozov A.G. Blockchain and Law: Theory and Practice. – St. Petersburg: Legal Center Press, 2021. – 210 p.
4. Abramov R.A. Legal Risks of Digitalization of Civil Turnover // Journal of Russian Law. 2023. No. 5. P. 45–60.
5. Federal Law dated 31.07.2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”.
6. Belov V.A. Digital Assets in the System of Civil Rights Objects. – Moscow: Statut, 2022. – 288 p.
7. Petrov M.A. Smart Contracts: Legal Nature and Regulatory Issues. – Moscow: Infotropic, 2022. – 176 p.
8. Werbach K. The Blockchain and the New Architecture of Trust. – Cambridge: MIT Press, 2022. – 280 p.
9. Kozyr N.I. Electronic Document Management: Problems of Evidentiary Value // Bulletin of Civil Law. 2021. No. 6. P. 55–72.
10. Federal Law dated 27.07.2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection” (as amended on 02.07.2023).
11. Gavrillov E.V. Cybersecurity and Personal Data Protection in the Context of Digital Transformation // Zakon. 2022. No. 8. P. 32–47.
12. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 24.02.2024).
13. Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. – N.Y.: Basic Books, 2020. – 320 p.
14. Ershov Yu.L. Digital Inequality as a Challenge to Modern Law // State and Law. 2023. No. 3. P. 88–102.
15. Official Website of the Bank of Russia: Digital Transformation of the Financial Market (accessed: 10.06.2024).
16. Analytical Report “Digital Economy of the Russian Federation – 2024” // Center for Strategic Research. URL: <https://www.csr.ru> (accessed: 12.06.2024).

Возможность включения отлагательного или отменительного условия в договор безвозмездного пользования имуществом

Пузаткин Станислав Вадимович,

соискатель кафедры гражданского права и процесса,
Иркутский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста
России)
E-mail: stas_pyzatkin@mail.ru

Условная сделка приобретает все большую популярность в гражданском обороте российского государства. Однако в настоящий момент остаются нерешенными ряд научных вопросов, касающихся данной категории. В первую очередь это вопрос о возможности постановки под условие различных видов договоров. Договор безвозмездного пользования хоть и не является самой популярной договорной конструкцией, однако вопрос о возможности включения в данный договор отменительного (отлагательного) условия все еще стоит. Настоящее исследование посвящено вопросу о возможности включения отлагательного или отменительного условия в договор безвозмездного пользования имуществом. Была проанализирована конструкция договора безвозмездного пользования с точки зрения единства и взаимосвязи входящих в нее элементов, а также сам договор безвозмездного пользования как правовое средство, входящее в механизм правового регулирования. Правовая природа договора безвозмездного пользования (ссуды) не отменяет возможности помещения в данный договор отменительного или отлагательного условий, данный вывод вытекает из анализа конструкции данного договора и его в качестве элемента в механизме правового регулирования.

Ключевые слова: ссуда, договор безвозмездного пользования, условная сделка, отлагательное (отменительное) условие.

Введение

Обмен товаров на рынке совершается путем соотношения их стоимости и носит в основном эквивалентно-возмездный характер [1].

Большинство современных исследователей также делают акцент на товарно-денежном характере имущественных отношений, входящих в сферу гражданско-правовой регламентации. Например, по мнению Н.Д. Егорова, нормы гражданского права регулируют только имущественно-стоимостные отношения, которые предполагают взаимную оценку участниками этих отношений количества и качества закрепленного в производстве материальных благ труда [2, с. 208].

Однако широкий обзор содержания статей ГК РФ и научной литературы, посвященной возмездности и безвозмездности, позволяет судить как о возмездном, так и безвозмездном характере гражданских правоотношений.

Результатом дискуссии о возмездности или безвозмездности гражданских правоотношений стало закрепление в ГК РФ статьи 423, фиксирующей определение данных категорий. В соответствии с данной статьей возмездным считается такой договор, по которому за исполнение обязанностей стороны договора получает оплату или иное встречное предоставление. Безвозмездным будет являться такой договор, согласно которому обязательный передает другой стороне какое-либо имущество без предоставления от нее платы или иного предоставления [1].

Однако, по мнению М.И. Бару, для характеристики договора как возмездного или безвозмездного надо исходить из взаимности и встречности действий (предоставлений), имеющих материальное содержание, и наличия связи между затраченными средствами и полученными результатами [3, с. 48–49]. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский считают, что возмездными являются договоры, предполагающие получение каждой из сторон от ее контрагента определенной компенсации, ради которой заключается договор, а безвозмездными – соответственно, не предполагающие такой компенсации [4, с. 384].

Я считаю, что данные представления о содержании безвозмездности в гражданском праве имеют право на существование, они были выработаны учеными при анализе различных случаев проявления безвозмездных, когда его отличие от возможного возмездного договора не столь явно.

Договор безвозмездного пользования (ссуды) исторически считается договором безвозмездным,

наименование гл. 36 ГК РФ «Безвозмездное пользование» отражает главную существенную особенность данного договора.

Конструкция рассматриваемого договора складывается из определенного числа обязательных элементов. В самом схематичном виде они могут быть сведены к трем, а именно: вещь как предмет договора (1), передача ее в пользование (2) и, наконец, возвращение вещи (3). Фундаментом всей соответствующей конструкции служит безвозмездное отношение сторон [4, с. 741].

Основная задача данного исследования – определить юридические особенности условных элементов в конструкции договора безвозмездного пользования, данная задача может быть решена только при определении характера взаимодействия безвозмездности как конституирующего элемента договора безвозмездного пользования и отменительных (отлагательных) условий.

Сразу стоит отметить, что не все ученые, в отличие от автора данной работы, разделяют позиции об априорном значении безвозмездности в конструкции договора безвозмездного пользования. Например, наиболее четко эта проблема проявляется при привлечении одной из сторон безвозмездного договора к ответственности [5, с. 106]. В случае отсутствия в законодательстве четких правил, касающихся условий и размера данной ответственности, что должен делать правоприменитель – опираясь на безвозмездность договора, определить специальные правила для данного случая или обратиться к общим положениям об ответственности? Каким бы ни был ответ на данный вопрос, безвозмездность договора в любом случае должна быть учтена, иначе правоприменитель рискует прийти к явно несправедливому результату.

Методы

Обобщение, сравнения, описания, системный метод, дедукция, индукция, анализ, синтез, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод.

Результаты и обсуждения

Ученые на протяжении существования российского государства не раз предпринимали попытку выявить роль безвозмездности в формировании договорных правовых институтов.

Так, один из современных исследователей А.А. Косоруков указывает, что гражданское законодательство прямо не закрепляет каких-либо особенностей безвозмездных договоров, однако выделяет ряд закономерностей, источником которых является безвозмездность:

1. Безвозмездные договоры не относятся к группе коммерческих договоров, регулирующих рыночные отношения.
2. Безвозмездный договор не характерен для субъектов предпринимательской деятельности, его сторонами являются в основном граждане.

3. Для безвозмездных договоров юридически важным являются мотивы сторон и предыдущие отношения.
4. Как правило, сторона, исполняющая безвозмездное обязательство, не несет ответственность за неисполнение своих обязанностей в полном объеме.
5. Применение обеспечения обязательств в безвозмездных договорах ограничено.
6. Безвозмездным отношениям присущ внесудебный характер разрешения конфликтов.
7. Присущи особенные личные мотивы заключения безвозмездных договоров.
8. Как правило, безвозмездный договор не бывает ни договором присоединения, ни публичным [6, с. 9].

С наличием данных особенностей безвозмездных договоров можно только согласиться, однако, на наш взгляд, недостатком сделанных ученым выводов является невыделение им каких-либо исключений, а также отсутствие интересного в рамках нашего исследования вопроса о правоспособности сторон договора безвозмездного пользования.

Огромный вклад в приращение научных знаний о безвозмездности был сделан дореволюционным ученым А.А. Симолиным, им было проведено актуальное и для современной науки исследование влияние момента безвозмездности в гражданском праве.

А.А. Симолин обобщил все имеющиеся на тот момент как у российского права, так и права европейских государств знания о безвозмездности и сформулировал важные для настоящего исследования особенности правоотношения с признаками безвозмездности. В своей работе «Влияние момента безвозмездности в гражданском праве» [7] А.А. Симолин сформулировал общие для правового регулирования закономерности, являющиеся следствием существования категории безвозмездности в законодательстве.

Ниже мы дадим анализ данных особенностей в свете современных правовых реалий, а также задач настоящего исследования.

1. А.А. Симолин в качестве первой особенности безвозмездных обязательств выделяет особое законодательное правило создать гарантию от необдуманных решений предоставить имущество безвозмездно. В частности, А.А. Симолин указывает на возможность заключения реального безвозмездного договора, а также судебного и нотариального его утверждения.

Отсутствие встречного предоставления от ссудополучателя дает ссудодателю особое преимущество – его имущество имеет возможность не быть изъятым в пользу ссудополучателя в случае отказа его передать.

Однако в целом безвозмездность договора ссуды не исключает важности интересов сторон, реализация которых находит свое удовлетворение в процессе его исполнения. Ссудополучатель, рассчитывающий на получение в безвозмездное пользование жилого помещения, в случае неисполне-

ния ссудодателем своих обязанностей может серьезно пострадать.

Поэтому данное положение А.А. Симолина является неким компромиссом между интересами ссудодателя и ссудополучателя. Главная его идея, пусть и не буквально, получила свое законодательное закрепление в нормах ГК РФ.

Действующее законодательство предусмотрело, что договор безвозмездного пользования может быть заключен в виде как реального, так и консенсуального договора (ч. 1 ст. 689 ГК РФ). В случае заключения консенсуального договора – если ссудодатель отказывается передать объект договора ссудополучателю, последний вправе потребовать расторжения договора и возмещения реального ущерба (ст. 692 ГК РФ).

Таким образом, законодателем была сделана некая уступка ссудодателю, дающая ему возможность до момента фактической передачи имущества в пользование определиться с вопросом о исполнении договора ссуды. Не забыл при этом учесть законодатель и интересы ссудополучателя – он получил право компенсации своих издержек.

Также А.А. Симолиным был затронут обсуждаемый в настоящее время вопрос о форме договора безвозмездного пользования. С данной точки зрения было бы рационально предусмотреть в законодательстве требование к письменной форме договора с жилым помещением, а также предусмотреть требование к его государственной регистрации или нотариального удостоверения, однако в настоящий момент таких норм законодательство не содержит.

2. А.А. Симолин предлагает дать возможность принявшей на себя безвозмездное обязательство стороне отказаться от его исполнения на случай, если данное бремя ставит его в стесненное материальное положение.

Данное положение тесно связано с предыдущим и наиболее четко было реализовано в главе 32 ГК РФ, посвященной договору дарения. Касательно же договора безвозмездного пользования в современном законодательном исполнении можно сказать, что данная идея полностью поглощается описанным выше механизмом, введенным ст. 692 ГК РФ.

Также отметим, что механизм, приведенный в ст. 692 ГК РФ, действует до момента передачи имущества в безвозмездное пользование и в дальнейшем расторжение договора по инициативе ссудодателя недопустимо, за исключением случаев привлечения ссудополучателя к ответственности согласно ст. 698 ГК РФ.

3. А.А. Симолин отмечает особый порядок вступления сторон в правоотношение на основании безвозмездного договора. Автор отмечает возможность возникновения таких отношений лишь с согласия обогащаемой стороны, которое может быть получено как при подписании письменной сделки, так и при предоставлении или совершившейся передаче имуще-

ства обогащаемому (конклюдентные действия).

Данное положение является теоретически очень интересным, хотя и не безупречным с логической точки зрения – каким образом можно **предоставить** имущество без ведома получателя? С точки зрения современного законодательства данная идея охватывается полностью общими положениями о заключении договора, предусмотренными ГК РФ, но в случае реальных договоров дарения или безвозмездного пользования все не так просто. Например, при анализе реального договора дарения можно прийти к выводу, что как до передачи предмета дарения, так и после его передачи какие-либо права и обязанности из данного договора у сторон не возникают – договор возникает и прекращается передачей. Данная особенность была замечена юристами еще во времена римского права и стала основанием помещения подобных конструкций не среди различных видов договоров, а среди способов возникновения вещных прав.

Данная идея достаточно полезна, но не получила выражения в действующем российском законодательстве. Можем предположить, что законодатель не пошел по данному пути, предполагая, что передача как акт возможна только на основании предварительной договоренности.

4. А.А. Симолин отмечает особый статус стороны, предоставившей имущество безвозмездно безвозмездное предоставление, отличный от статуса субъекта в возмездных правоотношениях. Безвозмездность дает поклажепринимателю, ссудодателю или дарителю особую привилегию в рамках количества обязанностей и размера ответственности. Автор предполагает, что данное правило относится ко всем безвозмездным сделкам.

Статья 693 ГК РФ очень похожа на положения ст. 612 ГК РФ, закрепляющей статус арендодателя и арендатора в случае выявления недостатков арендованной вещи.

Однако ст. 693 ГК РФ также имеет два исключения: ссудодатель как сторона, которая в отличие от арендодателя, не имеет выгоды в результате исполнения договора, несет ответственность за недостатки переданного в пользование имущества лишь тогда, когда умышленно (или по грубой неосторожности) не указал на эти недостатки при заключении договора, а ссудополучатель имеет право в случае ненадлежащего исполнения противоположной стороной обязательства на возмещение только реального ущерба (но не убытков, включая упущенную выгоду, как пострадавший арендатор) [8].

5. А.А. Симолин определенную роль уделяет принципу справедливости в безвозмездных отношениях. В частности, он отмечает, что сторона, исполнившая безвозмездное обязательство, в случае изменения своего имущественного положения в худшую сторону, когда оно не позволяет поддерживать свое существование или же содержать своих близких родствен-

ников (настоящую или бывшую супругу), имеет право потребовать обратно свое имущество от обогатившегося по правилам о неосновательном обогащении.

Стоит сразу отметить: автор при формировании данного вывода исходил из того, что должник в безвозмездном обязательстве не может произвольно отказаться от исполнения своей обязанности.

Однако согласно действующему законодательству ссудодатель имеет право, хоть и под страхом компенсировать причиненный вред, отказаться от исполнения своей обязанности передать имущество в безвозмездное пользование. Поэтому вмешательство третьего лица в исполнение обязательств по договору безвозмездного пользования будет невозможно и не сможет повлечь последствия, предложенные А.А. Симолиным.

6. А.А. Симолин указывает на общее правило, регулирующее действия сторон на случай неблагодарности одаряемого, – данные действия дают право требования возвращения переданного предоставившему данное имущество.

Неблагодарность как юридический факт и ее последствия не получили своего закрепления в конструкции договора безвозмездного пользования, предусмотренной действующим гражданским законодательством, однако данная идея получила свое воплощение в ст. 578 ГК РФ касательно договора дарения.

7. Особо отмечает А.А. Симолин отношения безвозмездности, возникшие в силу принятия исполнившим безвозмездное обязательство на себя особых положительных нравственных требований. Безвозмездность в данном случае окрашена отсутствием возможности на общих основаниях возврата переданного имущества.

На смену данным отношениям пришли современные алиментные обязательства, ранее же, в период классического патриархата, было естественно для родителей наделять, к примеру, свою выходящую замуж дочь приданым. Подобные поступки случались часто и играли важную роль в жизни получающих такой дар, поэтому право не могло оставить без внимания данное явление. Однако в современном договоре о безвозмездном пользовании данная идея не получила полного воплощения, это было сделано лишь частично, о чем будет сказано ниже.

8. Отдельное внимание А.А. Симолин уделяет модусу, данная категория приобретает особую природу в безвозмездных отношениях. Автор указывает, что если модус имел место быть в договорном безвозмездном отношении, но не будет исполнен по праву получившего безвозмездное предоставление в двухстороннем договоре, то имущество, полученное данной стороной, подлежит возврату по требованию предоставившей его стороной. Отдельно автор отмечает, что право на возврат не при-

знается за стороной, когда притязаниями на исполнение модуса обладает третье лицо.

Речь идет о так называемом модусе, а именно о принятии одной стороной обязанностей по выполнению действий в пользу контрагента, или в пользу определенных или неопределенных третьих лиц, или в «общепользовательских» целях [5, с. 26]. Модус может содержаться в возмездном, так и в безвозмездном договоре.

Действующее гражданское законодательство не содержит каких-либо прямых норм, направленных на регулирование подобных отношений, однако, опираясь на Общую часть ГК РФ, можно предположить, что такое условие будет регулироваться подходящим обязательством конкретного вида. Именно примененный договорной институт и должен дать ответ на вопрос о возможности возврата имущества, переданного для исполнения модуса.

9. А.А. Симолин указывает, что основанием прекращения безвозмездных отношений является смерть субъекта, получающего безвозмездное представление.

Появление данной идеи стало результатом констатации ученым особого характера отношений между сторонами безвозмездного договора, в частности договора безвозмездного пользования. Альтруизм ссудодателя является реальным мотивом заключения договора с его стороны. Такой мотив является, как правило, результатом особых, лично-доверительных отношений между сторонами, поэтому когда ссудополучатель умирает, приходящий на его место наследник такого отношения может не иметь.

В связи с чем в современном гражданском законодательстве была закреплена ст. 701 ГК РФ, которая содержит в себе правило, что договор безвозмездного пользования (ссуды) прекращается в случае ликвидации юридического лица или смерти физического лица – ссудополучателя, если иное не содержится в договоре безвозмездного пользования (ссуды).

Таким образом, мы получили не только общее представление о доктрине безвозмездности в договорном праве в дореволюционный период российского государства, но и такое, каким оно представляет себя в настоящее время. Отношение к безвозмездности в юриспруденции получило частичное освобождение от моральных устоев российского общества и было приведено к современным требованиям гражданского оборота.

Однако конструкция договора безвозмездного пользования сохранила свои основные характеристики. Первое, на что обращают внимание, – это ее сложность. В период существования заключенного договора безвозмездного пользования его структура меняется: после заключения договора безвозмездного пользования до момента передачи имущества в пользование и после его передачи. До момента передачи имущества ссудодатель имеет несравненное преимущество перед ссудополучателем и обладает неограниченным правом оставить имущество за собой, если же передача

состоялась, то ссудодатель данное право теряет, и ссудополучатель уже не может быть произвольно лишен переданного в пользование имущества, только в виде ответственности.

Данная особенность конструкции договора безвозмездного пользования, связанная с его безвозмездностью, должна быть учтена при постановке данного договора под отменительное (отлагательное) условие, так как определяет специфику его действия и прекращения – условность не может вступить в противоречие с безвозмездностью и отменить имеющиеся у ссудодателя и ссудополучателя права.

Можно согласиться с Р.Х. Миннебаевым, что в юридических конструкциях отражается структурно-системное строение исследуемых объектов [9, с. 11]. Однако, на наш взгляд, хоть такой анализ является полезным с научной точки зрения, он не дает понимания о договоре с точки регулирующе-деятельного подхода. Рассмотрение договора с данной позиции позволяет выявить его особенности как одного из элементов механизма правового регулирования.

С.С. Алексеев впервые закрепил понятие механизма правового регулирования и сформулировал элементы. Было выработано определение данного термина: «...взятая в единстве вся совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения» [10, с. 30]. Из данного определения следует, что С.С. Алексеев выделяет в механизме правового регулирования два аспекта: механизм правового регулирования как средство обеспечения эффективности правового регулирования и как отдельные элементы правового регулирования, выполняющие определенные функции, взятые в единстве. В качестве основных элементов механизма правового регулирования С.С. Алексеев выделил правовую культуру, правосознание, индивидуальные акты, правоотношения, нормативные акты, нормативную основу [10, с. 106–182].

В индивидуальные акты С.С. Алексеев включает акты, направленные на регулирование индивидуальных, конкретных случаев, выделяя среди них правообеспечительные акты, акты индивидуальной регламентации общественных отношений и акты соблюдения и исполнения юридических норм. В первом из данных видов С.С. Алексеев выделяет гражданские договоры. В настоящее время также нет разногласий в вопросе, относится договор к индивидуальным актам или нет.

С.С. Алексеев писал, что гражданско-правовой договор в механизме правового регулирования выполняет особую регулиующую роль – его задача индивидуализировать норму права применительно к отдельному случаю, создать для участников правоотношения конкретные права и обязанности. Однако, на наш взгляд, ученый не учел, что условная сделка не создает права и обязанности, это соглашение, которое касается правоспособности, тем не менее индивидуализирующая роль при заключении условной сделки все же сохраняется.

Договор как элемент механизма правового регулирования занимает промежуточную роль между нормой права и правоотношением и отражает их основные особенности. Описанная мною выше конструкция договора безвозмездного пользования выражает данные особенности правового регулирования применительно к данному договору. Очевидно, что отражение императивных условий законодательства является не единственной характеристикой договора как средства правового регулирования. Договор и норма коррелируют между собой как два взаимосвязанных регулятора с тем только отличием, что первый имеет конкретный характер, а второй всеобщий. П.Г. Виноградов писал, что «юридический акт подобен акту законодательства. Последний выполняется обществом, – между тем как первый выполняется членами общества, последний творит и отменяет нормы, первый творит и отменяет права, – постольку, поскольку общество позволяет индивидуальным его членам создавать и отменять права» [11, с. 63]. Данная особенность дает основание говорить, что договор подчиняется тем же требованиям как регулятор, что и норма.

Из закрепленных в Конституции РФ принципов равенства всех перед законом и судом, правового государства, справедливости следует требование недвусмысленности, ясности, определенности норм права и согласованности с системой права (Постановление Конституционного суда РФ от 06 апреля 2004 г. № 7-П). Исходя из данного положения, вновь вводимые нормативно-правовые акты должны иметь определенные предмет, объем и цели, а содержащиеся в них нормы – точно сформулированы [12].

На мой взгляд, Конституционный суд РФ в данном постановлении ясно сформулировал требования к правовой норме, которые могут быть также отнесены к договору. Данное требование применительно к условной сделке как соглашению о правоспособности приобретает особый характер. Когда мы говорим об определенности, ясности, недвусмысленности условной сделки, мы имеем ввиду в первую очередь отлагательное (отменительное) условие, а также обязательство, которое должно возникнуть или прекратиться. Данное требование полностью относится к поставленному под условие договору безвозмездного пользования.

К сожалению, российская судебная практика применительно к условному договору безвозмездного пользования весьма скудна, поэтому мы вынуждены привести пример из зарубежной судебной практики. Данный пример, несмотря на свою курьезность, является весьма показательным и вошел в состав хрестоматийных.

Наш закон гласит: «Оферта должна содержать существенные условия договора» (ст. 435 ГК). Английское право говорит то же самое. **Первое правило оферты. Предложение заключить договор должно быть четким, ясным, определенным.** Правило сформировалось, в частности, в деле *Guthing v. Lynn* (1831) 2B AD 232, где:

Лин (покупатель) предложил Гатингу (продавец) заключить договор купли-продажи лошади. Гатинг дал на это согласие. Покупатель заплатил стоимость лошади, забрал товар, но пообещал дополнительно заплатить дополнительно 5 фунтов, если лошадь ему «принесет удачу». Однако от дальнейшей оплаты покупатель отказался. Продавец обратился за защитой своих прав в суд, где ему было отказано, так как обязанность заплатить 5 фунтов сверху, поставленная под условие «удача», лишена определенности. Следовательно, в данной части договор не может считаться заключенным [13, с. 80].

Заключение

Таким образом, была проанализирована конструкция договора безвозмездного пользования с точки зрения единства и взаимосвязи входящих в нее элементов, а также сам договор безвозмездного пользования как элемент в механизм правового регулирования. Анализ показал, что политико-правовые и догматические особенности данного договора ссуды не препятствуют возможности включения в данный договор отлагательных или отменительных условий.

Литература

1. Астахова М.А. Возмездность и безвозмездность в гражданском праве / М.А. Астахова // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. Москва, 1997. Загл. с титул. экрана. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.05.2025).
2. Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация / Н.Д. Егоров. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1988. 208 с.
3. Бару М.И. Понятие и содержание возмездности и безвозмездности в советском гражданском праве / М.И. Бару // Харьковский юридический институт: Учен. зап. Харьков. 1959. № 13. С. 19–64.
4. Брагинский М.И. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. 2-е изд., испр. / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. Москва: Статут, 1999. 735 с.
5. Максоцкий Р.А. Возмездность и безвозмездность в современном гражданском праве: учеб. пособие / Р.А. Максоцкий. Москва: Проспект, 2002. 174 с.
6. Косоруков А.А. Самостоятельные безвозмездные договоры в гражданском праве Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 193 с.
7. Симолин А.А. Влияние момента безвозмездности в гражданском праве / А.А. Симолин. Казань: Типо-лит. Ун-та, 1916. 365 с.
8. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: В 3 т. (том 1) / Под ред. П.В. Крашенинникова /

КонсультантПлюс: справочно-правовая система. Москва, 1997. Загл. с титул. экрана. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.05.2025).

9. Миннебаев Р.Х. Теоретические проблемы оптимизации фактического состава: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. 33 с.
10. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. Москва: Юридическая литература, 1966. 190 с.
11. Виноградов П.Г. Очерки теории права / П.Г. Виноградов. Москва: Скл. изд.: т-во А.А. Левенсон, 1915. 153 с.
12. Постановление Конституционного суда РФ от 14 апреля 2008 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. Москва, 1997. Загл. с титул. экрана. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.05.2025).
13. Оробинский В.В. Английское договорное право: просто о сложном / В.В. Оробинский. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 345 с.

POSSIBILITY OF INCLUDING A SUSPENSIVE OR RESOLUTORY CONDITION IN A CONTRACT FOR THE GRATUITOUS USE OF PROPERTY

Puzatkin S.V.

Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice

A conditional transaction is becoming increasingly popular in the civil turnover of the Russian state. However, at the moment, a number of scientific issues related to this category remain unresolved. First of all, it is a question of the possibility of stipulating various types of contracts. Although the contract of gratuitous use is not the most popular contractual construction, however, the question of the possibility of including a cancellative (suspensive) condition in this contract is still standing. This study is devoted to the question of the possibility of including a suspensive or cancellable condition in a contract for the gratuitous use of property. The design of the contract of gratuitous use was analyzed from the point of view of the unity and interrelation of the elements included in it, as well as the contract of gratuitous use itself as a legal means included in the mechanism of legal regulation. The legal nature of the gratuitous use agreement (loan) does not preclude the possibility of placing cancellative or suspensive conditions in this agreement, this conclusion follows from an analysis of the design of this agreement and its role as an element in the mechanism of legal regulation.

Keywords: loan, gratuitous use agreement, conditional transaction, suspensive (canceling) condition.

References

1. Astakhova M.A. Retribution and gratuitousness in civil law / M.A. Astakhova // ConsultantPlus: legal reference system. Moscow, 1997. Title page. the screen. – URL: <https://www.consultant.ru/> (date of request: 10.05.2025).
2. Egorov N.D. Civil law regulation of public relations: unity and differentiation / N.D. Egorov. Leningrad: LSU Publishing House, 1988. 208 p.
3. Baru M.I. The concept and content of retribution and non-liability in Soviet civil law / M.I. Baru // Kharkov Law Institute: Scientific Journal. Kharkiv. 1959. No. 13. pp. 19–64.

4. Braginsky M.I. Contractual law. Book 1: General provisions. 2nd ed., ispr. / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. Moscow: Statute, 1999. 735 p.
5. Maksotsky R.A. Retribution and gratuitousness in modern civil law: textbook. the manual / R.A. Maksotsky. Moscow: Prospekt Publ., 2002. 174 p.
6. Kosorukov A.A. Independent gratuitous contracts in the civil law of the Russian Federation: diss. ... kand. jurid. sciences'. Kazan, 2006. 193 p.
7. Simolin A.A. The influence of the moment of gratuitousness in civil law / A.A. Simolin. Kazan: Tipo-lit. University, 1916. 365 p.
8. Article-by-article Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, Part Two: In 3 volumes (volume 1) / Edited by P.V. Krashennnikov / ConsultantPlus: legal reference system. Moscow, 1997. Title page. the screen. – URL: <https://www.consultant.ru/> (date of request: 10.05.2025).
9. Minnebaev R.H. Theoretical problems of optimizing the actual composition: the abstract. diss. ... kand. jurid. sciences'. Nizhny Novgorod, 2011. 33 p.
10. Alekseev S.S. The mechanism of legal regulation in the socialist state / S.S. Alekseev. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1966. 190 p.
11. Vinogradov P.G. Essays on the theory of law / P.G. Vinogradov. Moscow: Skl. publishing house: A.A. Levenson Publishing House, 1915. 153 p.
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 14, 2008 No. 7-P “On the case of checking the constitutionality of the second paragraph of Article 1 of the Federal Law “On Horticultural, Horticultural and Suburban Non-profit Associations of Citizens” in connection with complaints from a number of citizens” // ConsultantPlus: legal reference system. Moscow, 1997. Title from the title. the screen. – URL: <https://www.consultant.ru/> (date of request: 10.05.2025).
13. Orobinsky V.V. English contract law: just about the complex / V.V. Orobinsky. Rostov n/D: Phoenix, 2015. 345 p.

Адаптация права европейского союза к специальному антимонопольному регулированию цифровых платформ

Саяпин Сергей Петрович,

кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН
E-mail: spsayapin@yandex.ru

В статье анализируется правовая модель антимонопольного регулирования в Европейском союзе, которую отличает интеграция международных договоров и обязательных норм, представленных в Договоре о функционировании ЕС (ДФЕС). В рамках ДФЕС статьи 101–109 формируют основные принципы недопустимости картелей и злоупотребления доминирующим положением, требуя от государств-членов гармонизации национального законодательства. Особое внимание уделяется механизму контроля за нарушениями, осуществляемому Комиссией ЕС, а также недавним реформам, направленным на адаптацию законодательства к цифровой экономике. Анализируются действия против крупных цифровых платформ, таких как Amazon и Google, в контексте обеспечения конкурентоспособности и защиты прав потребителей. Текст подчеркивает важность судов ЕС в формировании юриспруденции и правоприменительной практики, влияющей на конкурентные отношения в регионе.

Ключевые слова: правовое регулирование, цифровые платформы, тенденции развития законодательства ЕС, цифровые рынки, законодательство Европейского союза, антимонопольное законодательство, антимонопольное регулирование, Европейский союз.

В отличие от американского антимонопольного (антитрастового) законодательства, правовая модель построения законодательства о защите конкуренции в Европейском союзе определяется как модель международно-правового регулирования отношений конкуренции, в основе которой лежат международные договоры и акты межгосударственных организаций, которые имеют юридически-обязательный характер на всей территории ЕС [1, с. 111]. Нормы о защите конкуренции, содержащиеся в правовых актах Европейского союза, применяются государствами-членами ЕС непосредственно, т.е. обладают для них прямым юридическим действием. Государства-члены ЕС обязаны обеспечивать гармонизацию своего национального законодательства с наднациональным законодательством, принятым на уровне Европейского союза [2, с. 16].

Основным правовым актом в сфере защиты конкуренции в ЕС является Договор о функционировании ЕС 1957 года [3] (далее по тексту – ДФЕС). Нормы статей 101–109 которого составляют базис конкурентного права Европейского союза, ориентированного на межгосударственную взаимную торговлю государств-членов ЕС. Указанные нормы разделены на два отдела: о правилах конкуренции, относящихся к предприятиям (статьи 101–106), и о правилах, регулирующих государственную помощь (статьи 107–109) [4, с. 70].

Статья 101 запрещает картели, т.е. соглашения, в которых две или более организации пытаются ограничить конкуренцию на рынке. Формы коллективной антиконкурентной деятельности могут быть трех форм:

- соглашения между предприятиями,
- решения объединений компаний,
- согласованные действия [5, с. 8].

Таким образом, соглашения могут быть горизонтальными (между конкурентами на одном уровне цепочки поставок, устанавливающими цены или ограничивающими производство) и вертикальными (например, между производителем и дистрибьютором). Однако в соответствии со статьей 101(3) ограничительные соглашения могут быть разрешены, если они вызывают больше положительных, чем отрицательных последствий (например, если они улучшают производство или распределение продукции).

Статья 102 запрещает организациям злоупотреблять своим доминирующим положением (т.е. значительной долей рынка) путем установления неоправданно низких цен с целью препятствовать выходу на рынок других лиц или проведения дис-

криминации между коммерческими партнерами. Как справедливо отмечает в своем диссертационном исследовании В.А. Горбачев, указанные выше статьи сходны своими нормативными положениями с законом Шермана в США [6, с. 57].

Статья 103 устанавливает, что регламенты и директивы во исполнение статей 101 и 102 принимаются Советом ЕС по предложению Комиссии ЕС после консультации с Парламентом ЕС. Ст. 104 установила переходный период до вступления в силу положений ст. 103. На основании ст. 105 Комиссия ЕС получила право осуществлять контроль за исполнением положений статей 101 и 102, т.е., в том числе, проводить антимонопольные расследования. Статьи 106–109 определяют порядок предоставления государствами – членами ЕС государственной помощи публичным предприятиям и предприятиям, которым предоставлены специальные или исключительные права в сфере экономики.

К нормам статей 101–109 ДФЕС принято немало правовых актов Совета ЕС и Комиссии ЕС, которые развивают и уточняют их положения. В частности, принят Регламент ЕС от 16 декабря 2002 г. № 1/2003 о выполнении правил конкуренции, изложенных в статьях 81 и 82 Договора ДФЕС [7] (сейчас это статьи 101 и 102 ДФЕС).

На основании указанного нормативного документа, известного также под названием «Постановление о модернизации», в Европейском союзе была проведена существенная реформа – разграничены сферы компетенции между Комиссией ЕС и антимонопольными органами государств-членов ЕС, за Комиссией ЕС закреплены широкие полномочия по расследованию антимонопольных дел, национальные суды государств-членов ЕС наделены правом самостоятельно применять статьи 101 и 102 ДФЕС, кроме того, в соответствии с Регламентом № 1/2003 создана Европейская конкурентная сеть (далее также – ЕКС), ставшая механизмом для оптимального распределения дел и установления правил обмена информацией как между антимонопольными органами государств-членов ЕС и Комиссией, так и между самими государствами.

Кроме того, во исполнение норм 101 и 102 ДФЕС были приняты: Регламент ЕС от 20 января 2004 г. № 139/2004 по контролю над операциями по концентрации предприятий (Регламент ЕС о слияниях) [8], Директива Европейского парламента и Совета ЕС от 26.11.2014 г. № 2014/104/ЕС о некоторых правилах, регулирующих иски о возмещении ущерба в соответствии с национальным законодательством в связи с нарушением положений законодательства о конкуренции государств-членов и Европейского союза [9], цель принятия которой заключалась в стимулировании подачи частных антимонопольных исков с учетом опыта частного правоприменения в странах ЕС, а также норм антимонопольного законодательства США. Также в сфере антимонопольного регулирования в ЕС приняты и действуют некоторые другие правовые акты.

Важная роль в антимонопольном регулировании и конкурентной политике принадлежит Суду ЕС, решения которого также формируют наднациональный правовой порядок в области конкурентных отношений на территории Европейского союза.

В связи с началом активной цифровизации экономики ЕС была принята Директива Европейского парламента и Совета ЕС от 8 июня 2000 г. № 2000/31/ЕС о некоторых правовых аспектах услуг информационного общества, в частности, электронной торговле на внутреннем рынке (общее наименование данного документа – Директива «Об электронной торговле») [10]. Указанный документ гармонизировал основные принципы трансграничного предоставления услуг и стал базовым актом по правовому регулированию цифровых услуг на территории ЕС. Как указано в п. 8 Директивы «Об электронной торговле» – основная цель принятия указанного документа заключается в установлении общих начал правового регулирования перемещения информационных услуг между государствами-членами ЕС. Информационной услугой в контексте Директивы является, например, продажа товаров с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Появление, развитие и значительное усиление роли цифровых платформ (под понятием платформы в экономической литературе понимается организация, которая объединяет две или более группы участников на двустороннем и (или) многостороннем рынке) на многосторонних рынках [11, с. 27; 12, с. 990] в процессе общей цифровой трансформации европейской экономики послужило триггером к принятию ряда специальных документов по цифровым платформам [13, с. 187].

Так, в 2017 году был опубликован документ: «Обращение Европейской комиссии к Европейскому парламента, Европейскому совету, Европейскому экономическому и социальному комитету и Комитету регионов, в отношении борьбы с противоправным контентом в сети «Интернет» и повышению ответственности онлайн-платформ» (далее также – Обращение) [14]. В указанном документе были изложены основные принципы, являющиеся базовым руководством для операторов цифровых платформ в противодействии распространению противоправных материалов в сети. В Обращении отмечалось, что развитие сети «Интернет» повлекло за собой бесконтрольное распространение противоправного контента, в том числе, где содержатся призывы к терроризму, ксенофобии, расизму и другим уголовно-наказуемым деяниям. Так как цифровые платформы предоставляют доступ к различным материалам миллионам пользователей сети «Интернет», то, соответственно, операторы платформ обязаны нести повышенную ответственность: принимать меры по мониторингу и упреждению публикации таких материалов на цифровых платформах (т.н. «упреждающие меры»); незамедлительно блокировать доступ и удалять те материалы, которые нарушают

законодательство ЕС; исполнять решения административных и судебных органов ЕС, своевременно реагировать на уведомления правоохранительных органов, а также отвечать на сообщения пользователей цифровой платформы и др.

В 2019 году был разработан и принят Регламент Европейского парламента и Совета ЕС от 20 июля 2019 г. № 2019/1150 о содействии справедливости и прозрачности онлайн-посреднических услуг для коммерческих пользователей (далее также – Регламент № 2019/1150) [15]. Отметим, что деятельность операторов цифровых платформ в Европейском союзе рассматривается, в первую очередь, в контексте оказания посреднических услуг. Указанный нормативный документ возложил на оператора цифровой платформы (в том числе на оператора поисковой системы, который также рассматривается как оператор платформы) перечень обязанностей по отношению к поставщикам товаров и услуг, которые ведут профессиональную коммерческую деятельность на цифровой платформе. В частности, оператору платформы необходимо установить в правилах платформы ясные основания для ограничения и (или) прекращения предоставления услуг на цифровой платформе. Если предоставление услуг оператором ограничивается либо полностью прекращается, то оператор платформы обязан подробно изложить причины своих действий. Оператор платформы также обязан определить порядок и основные параметры ранжирования товаров и услуг на цифровой платформе. Кроме того, оператор платформы обязан разработать и ввести в действие на цифровой платформе внутреннюю систему по рассмотрению жалоб. Регламент № 2019/1150 также устанавливает и иные обязанности оператора платформы по отношению к поставщикам товаров и услуг. Регламент № 2019/1150 вступил в законную силу 12 июля 2020 г.

В ноябре 2020 года Комиссия ЕС возбудила антимонопольное дело в отношении компании Amazon [16]. Поводом для начала расследования стало поступившие в Комиссию ЕС сведения о возможном нарушении Amazon антимонопольного законодательства Европейского союза. Дело в том, что Amazon является оператором цифровой платформы и, одновременно с этим, с использованием своей же цифровой платформы, осуществляет деятельность продавца. При этом, Amazon обладает неограниченным доступом к коммерческой информации иных продавцов на платформе, в частности: о количестве заказанных и отгруженных единиц товаров; о доходах продавцов на цифровой платформе; о количестве заказов, отказов в отгрузке и доставке; о сведениях, касающихся стоимости расчета доставки в те или иные регионы мира; а также об иных данных, имеющих важное значение в предпринимательской деятельности.

Предварительные выводы Комиссии ЕС показали, что значительные объемы данных о продавцах доступны сотрудникам розничного бизнеса Amazon и поступают непосредственно в автоматизи-

рованные системы цифровой платформы, там эти данные агрегируются, тщательно анализируются и используются для внесения изменений в стратегию предложений Amazon своих товаров и услуг в ущерб иным продавцам на двустороннем рынке цифровой платформы Amazon. Предварительное мнение Комиссии ЕС, изложенное в заявлении, заключалось в том, что использование данных о деятельности продавцов на цифровой платформе позволяет компании практически полностью избежать рисков и использовать свое доминирующее положение на двустороннем рынке.

Дело в отношении компании Amazon было окончено Комиссией ЕС в марте 2023 г. путем согласования перечня обязательств компании по устранению выявленных нарушений и воздержанию от их совершения в будущем [17].

22 июня 2021 Комиссия ЕС объявила о начале процедуры предварительного антимонопольного расследования в отношении компании Google. По мнению Комиссии ЕС Google нарушила нормы ст. 102 ДФЕС о запрете злоупотребления доминирующим положением на рынке рекламных услуг в сети «Интернет» на территории ЕС [18].

Рынок цифровой рекламы и рекламных технологий в сети «Интернет» представлен тремя основными видами услуг:

- по предоставлению рекламного места за плату;
- по автоматизированному управлению рекламой (рекламными кампаниями);
- по поиску, купле-продаже и размещению рекламы. По сути – услуг цифровой платформы.

По информации Комиссии ЕС Google предоставляет услуги во всех трех указанных сегментах, злоупотребляя доминирующим положением на рынке с использованием своей цифровой платформы AdX [19]. 14 июня 2023 г. на основе результатов предварительного антимонопольного расследования Европейская Комиссия возбудила дело в отношении компании Google.

Таким образом, значительное увеличение роли ключевых крупных технологических компаний в экономике ЕС, а также, параллельно с этим, стремительное увеличение числа антимонопольных нарушений с использованием цифровых платформ – подтолкнуло европейского законодателя к необходимости скорейшей адаптации права к регламентации деятельности цифровых платформ путем разработки специального нормативного регулирования – Регламента ЕС 2022/1925 о цифровых рынках (англ. Digital Markets Act – сокр. DMA) [20].

Литература

1. Истомин В.Г. Антимонопольное регулирование в странах Европейского союза // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18. – № 2. С. 108–120. DOI: 10.12737/jfld.2022.027. EDN: OSHFHJ.
2. Толоконников А.Н. Правовая защита конкуренции в Европейском Союзе: диссертация ... кан-

- дидата юридических наук: 12.00.10. – Москва, 2007. – 172 с. EDN: NOMSKR.
3. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union (2016) – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/580893> (дата обращения: 26.05.2025).
 4. Кашкин С.Ю., Жупанов А.В. Тенденции развития антимонопольной политики ЕС и права конкуренции в рамках Европейского экономического пространства // *Международно-правовые чтения*. – 2013. – № 11. – С. 63–80. EDN: TOSGGV.
 5. Кутькина А.А. Соглашение и согласованные действия как виды сговора в конкурентном праве Европейского Союза // *Конкурентное право*. – 2015. – № 3. – С. 8–11. EDN: UDSJQX.
 6. Горбачев В.А. Правовое регулирование конкурентных отношений на товарных рынках стран Европейского Союза и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Горбачев Вячеслав Александрович; [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. – Москва, 2010. – 212 с. EDN: QFBJKD.
 7. Council Regulation (EC) № 1/2003 of 16 December 2002 on the implementation of the rules on competition laid down in Articles 81 and 82 of the Treaty (Text with EEA relevance). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32003R0001&from=EN> (дата обращения: 26.05.2025).
 8. Council Regulation (EC) № 139/2004 of 20 January 2004 on the control of concentrations between undertakings (the EC Merger Regulation) (Text with EEA relevance). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32004R0139> (дата обращения: 26.05.2025).
 9. Directive 2014/104/EU of the European Parliament and of the Council of 26 November 2014 on certain rules governing actions for damages under national law for infringements of the competition law provisions of the Member States and of the European Union. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014L0104> (дата обращения: 26.05.2025).
 10. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (Directive on electronic commerce). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32000L0031&qid=1691332436723> (дата обращения: 26.05.2025).
 11. Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // *Гражданское право*. – 2019. – № 3. – С. 25–28. DOI: 10.18572/2070-2140-2019-3-25-28. EDN: MTPLWZ.
 12. Rochet J.-Ch., Tirole J. Platform Competition in Two-Sided Markets // *Journal of the European Economic Association*. – 2003. – No. 4.
 13. Чурилов А.Ю. Проблемы антимонопольного регулирования цифровых платформ // *Право цифровой экономики* – 2022 (18): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. д.ю.н. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2022. – (серия «Анализ современного права / IP & Digital Law»). – С. 187–201.
 14. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions «Tackling Illegal Content Online Towards an enhanced responsibility of online platforms». – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017DC0555> (дата обращения: 26.05.2025).
 15. Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on promoting fairness and transparency for business users of online intermediation services. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019R1150&qid=1691332985832> (дата обращения: 26.05.2025).
 16. Opening of Proceedings. – URL: https://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/dec_docs/40703/40703_67_4.pdf (дата обращения: 26.05.2025).
 17. Final commitments. – URL: https://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/202252/AT_40703_8825092_1476_4.pdf (дата обращения: 26.05.2025).
 18. The European Commission initiated formal anti-trust proceedings against Google and Alphabet for a suspected breach of EU rules. – URL: https://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/dec_docs/40670/40670_2307_3.pdf (дата обращения: 27.05.2025).
 19. Antitrust: Commission sends Statement of Objections to Google over abusive practices in online advertising technology. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_23_3207 (дата обращения: 27.05.2025).
 20. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022R1925&qid=1678699337458&from=en> (дата обращения: 26.05.2025).

ADAPTING EUROPEAN UNION LAW TO ANTITRUST REGULATION OF DIGITAL PLATFORMS

Sayapin S.P.

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

The article analyzes the legal model of antitrust regulation in the European Union, which is distinguished by the integration of international treaties and binding norms presented in the Treaty on the Functioning of the EU (TFEU). Within the framework of the TFEU, articles 101–109 form the basic principles of inadmissibility of cartels and abuse of dominant position, requiring member states to harmonize national legislation. Particular attention is paid to the infringement control mechanism of the EU Commission, as well as

recent reforms to adapt legislation to the digital economy. Actions against major digital platforms such as Amazon and Google are analyzed in the context of competitiveness and consumer protection. The text emphasizes the importance of EU courts in shaping jurisprudence and enforcement practices affecting competitive relations in the region.

Keywords: legal regulation, digital platforms, EU law trends, digital markets, European Union law, antitrust law, antitrust regulation, European Union.

References

1. Istomin V.G. Antimonopoly regulation in the countries of the European Union // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. – 2022. – Т. 18. – № 2. С. 108–120. DOI: 10.12737/jfld.2022.027. EDN: OSHFHJ.
2. Tolokonnikov A.N. Legal protection of competition in the European Union: dissertation ... candidate of juridical sciences: 12.00.10. – Moscow, 2007. – 172 c. EDN: NOMSKR.
3. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union (2016) – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/580893> (date of reference: 26.05.2025).
4. Kashkin S.Y., Zhupanov A.V. Trends in the development of EU antitrust policy and competition law within the European Economic Area // *International Legal Readings*. – 2013. – № 11. – С. 63–80. EDN: TOSGGV.
5. Kutkina A.A. Agreement and concerted actions as types of collusion in the competition law of the European Union // *Competition Law*. – 2015. – № 3. – С. 8–11. EDN: UDSJQX.
6. Gorbachev V.A. Legal regulation of competitive relations in the commodity markets of the European Union and the Russian Federation: a comparative legal analysis: dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.03 / Gorbachev Vyacheslav Aleksandrovich; [Place of defense: Moscow State Institute of International Relations]. – Moscow, 2010. – 212 c. EDN: QFBJKD.
7. Council Regulation (EC) No. 1/2003 of December 16, 2002 on the implementation of the rules on competition laid down in Articles 81 and 82 of the Treaty (Text with EEA relevance). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32003R0001&from=EN> (accessed on 26.05.2025).
8. Council Regulation (EC) No. 139/2004 of January 20, 2004 on the control of concentrations between undertakings (the EC Merger Regulation) (Text with EEA relevance). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32004R0139> (accessed on 26.05.2025).
9. Directive 2014/104/EU of the European Parliament and of the Council of November 26, 2014 on certain rules governing actions for damages under national law for infringements of the competition law provisions of the Member States and of the European Union. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014L0104> (accessed on 26.05.2025).
10. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of June 8, 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (Directive on electronic commerce). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32000L0031&qid=1691332436723> (accessed on 26.05.2025).
11. Kartskhia A.A. Digital technological (online) platforms: Russian and foreign experience of regulation // *Civil Law*. – 2019. – № 3. – С. 25–28. DOI: 10.18572/2070-2140-2019-3-25-28. EDN: MTPPLWZ.
12. Rochet J.-Ch., Tirole J. Platform Competition in Two-Sided Markets // *Journal of the European Economic Association*. – 2003. – No. 4.
13. Churilov A. Yu. Problems of antimonopoly regulation of digital platforms // *Digital Economy Law – 2022* (18): Yearbook-antology / Ruk. and scientific ed.d.j.s. M.A. Rozhkova. – Moscow: Statute, 2022. – (series “Analysis of Modern Law / IP & Digital Law”). – С. 187–201.
14. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions “Tackling Illegal Content Online Towards an enhanced responsibility of online platforms”. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017DC0555> (accessed on 26.05.2025).
15. Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of June 20, 2019 on promoting fairness and transparency for business users of online intermediation services. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019R1150&qid=1691332985832> (accessed on 26.05.2025).
16. Opening of Proceedings. – URL: https://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/dec_docs/40703/40703_67_4.pdf (accessed on 26.05.2025).
17. Final commitments. – URL: https://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/202252/AT_40703_8825092_1476_4.pdf (accessed on 26.05.2025).
18. The European Commission initiated formal antitrust proceedings against Google and Alphabet for a suspected breach of EU rules. – URL: https://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/dec_docs/40670/40670_2307_3.pdf (accessed on 27.05.2025).
19. Antitrust: Commission sends Statement of Objections to Google over abusive practices in online advertising technology. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_23_3207 (дата обращения: 27.05.2025).
20. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022R1925&qid=1678699337458&from=en> (дата обращения: 26.05.2025).

Сергеев Алексей Михайлович,

аспирант 2 курса, Финансовый университет при Правительстве РФ; руководитель проекта в Бюро перспективных продуктов Акционерного общества «Информационные спутниковые системы» имени академика М.Ф. Решетнёва» (входит в структуру ГК «Роскосмос») E-mail: alexei_sergeev@mail.ru

В статье приведено несколько определений из сферы инновационного транспорта: автоматизированное транспортное средство, беспилотное транспортное средство, инновационное транспортное средство и другие. Автором проведён анализ с целью формирования уникального определения, которое будет применяться унифицированно в рамках действующего законодательства.

Ключевые слова: инновационный транспорт, автоматизированное средство, беспилотное транспортное средство, высокоавтоматизированное транспортное средство, летательный аппарат, пилот, автоматизация.

Если рассматривать роль транспорта в контексте достижения национальной цели «Технологическое лидерство», то одной из задач для государства является обеспечение транспортной мобильности (включая автономные транспортные средства), технологической независимости, а также сокращение числа дорожно-транспортных происшествий (далее – Указ № 309) [20]. Обращает на себя внимание термин «автономные транспортные средства» (далее – АТС), который применим с учетом удовлетворения инновационных потребностей. В рамках Стратегии развития автомобильной промышленности определены такие проблемы внедрения АТС как отсутствие правовых норм (ответственность, кибербезопасность) [13]. Схожим с АТС термином является «инновационное транспортное средство» (далее – ИТС), который закреплён в техническом регламенте Таможенного союза 2011 года как транспортное средство, «в котором применены новые конструктивные решения, качественно изменяющие его основные эксплуатационные показатели» [18] (далее – Технический регламент). Данный регламент закрепляет и понятие транспортного средства как устройство на колесном ходу для перевозки людей, грузов или оборудования, что схоже с аналогичным правовым регулированием Правилами дорожного движения [11].

Если возвращаться к понятию ИТС, то оно закреплено Техническим регламентом, регулирующим правовую природу колесных транспортных средств, не охватывая воздушный, железнодорожный, морской транспорт. Технический регламент является специальной нормой, разработанной на основании Соглашения о единых принципах и правилах технического регулирования колесных транспортных средств в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации [19] в целях обеспечения социально приемлемого уровня безопасности и государствами (членами Таможенного союза) своих обязательств в сфере обеспечения безопасности данного вида транспорта. Другими словами, данная норма является основой для последующего нормотворчества в регулировании колёсного транспорта на территории интеграционного объединения.

В июне 2021 года Министерством транспорта России был подготовлен законопроект о высокоавтоматизированных транспортных средствах (далее – ВАТС) с целью установления особенностей перевозки пассажиров и багажа, а также грузов ВАТС во исполнение дорожных карт и комплекса мероприятий (далее – Проект № 116763) [14], а также в рамках Комплекса мероприятий по тестированию ВАТС [5]. Иными словами, основная

функция транспортного средства, определённая во многих правовых отраслях, сохраняется. Проект № 116763 предлагает нормы, которые не будут распространяться на публичную составляющую термина «транспортное средство» (в частности, Министерство внутренних дел, Министерство обороны, Федеральная служба войск нацгвардии России и т.д.). В соответствии с данным законопроектом ВАТС – это «инновационное транспортное средство, оснащённое автоматизированной системой управления» [12]. Последнее осуществляет управление транспортом, то есть выполнение в реальном времени функций с целью обеспечения его передвижения.

При первичном рассмотрении обеих норм (Технического регламента и Проекта № 116763) явных отличий не выявить, но при более детальном рассмотрении становится очевидным, что в рамках Технического регламента понятие ИТС шире, чем понятие ВАТС (в состав которого включено понятие ИТС) в рамках законопроекта. Предусмотренное проектом акта определение не позволяет однозначно и в полной мере отнести такое транспортное средство к инновационным и как следствие, вывести регулирование таких видов транспорта из-под действия Технического регламента, для которых требования безопасности определяются решением уполномоченного государственного органа. Исходя из предложенного в Проекте № 116763 определения и содержащихся в нём положений, ВАТС отнесены к колесным транспортным средствам, а не к инновационным. Следовательно, они должны регулироваться действующей специальной нормой (о чём было сказано в заключении Минэкономразвития России № 23237-ТИ/Д26и от 24.06.2022 к Проекту № 116763 [4]). Также в замечании к Проекту № 116763 было отмечено, что ИТС и ВАТС не соотносятся друг с другом в части того, кто определяет требования безопасности: Таможенный регламент или Российская Федерация. Также в Проекте № 116763 есть термины, которые не могут использоваться в правовой системе России в связи с правовой определённой и системностью (к примеру, обеспечение системой управления «безопасного и предсказуемого взаимодействия»; производитель несёт ответственность в связи с «недостатками» системы автоматического управления).

Также ИТС, АТС можно сравнить с понятием беспилотных транспортных средств (далее – БТС), которое является предметом обсуждения многих отечественных учёных. По мнению С.В. Лукашевич, для БТС уязвимым фактором развития с правовой точки зрения является повышение угрозы безопасности дорожного движения из-за риска кибератак [8, с. 4]. Кроме того, зачастую БТС именуют как беспилотные мобильные средства, что, по мнению А.И. Коробеева, А.И. Чучаева, «недостаточно точно передаёт сущность рассматриваемых средств именно как транспортных» [7, с. 15], ведь «беспилотные мобильные средства» как понятие шире, чем БТС, поскольку в первом случае

учитываются не только транспортные функции. Понятие БТС важно рассмотреть в сфере воздушного транспорта, где используется понятие беспилотного летательного аппарата (далее – БПЛА), то есть без пилота, но с применением технологий [22, с. 105]. Понятие БПЛА закреплено на международном уровне [6], а также на уровне интеграционных объединений (к примеру, в Европейском Союзе действует Регламент № 2021/821 [16], в Евразийском экономическом сообществе – Решение от 21.09.2004 № 190 [17]). В России данное определение закреплено в пункте 5 статьи 32 Воздушного кодекса России [1], а также понятие беспилотной авиационной системы – совокупности беспилотных воздушных судов, средств обеспечения, средств управления. На уровне подзаконных актов определение БПЛА было отражено в Указе Президента № 1661 [21] (утратил силу после издания Постановления Правительства России № 1299 [9]). Наиболее содержательным считается определение, в соответствии с которым беспилотным признается «летательный аппарат, выполняющий полёт без пилота на борту и управляемый в полёте автоматически оператором с пункта управления или сочетанием указанных способов» [10].

Если обратиться к автомобильной сфере, то понятие БТС используется в утвержденной Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием БТС на автомобильных дорогах общего пользования, принятой в марте 2020 года (далее – Концепция) [15]. В качестве основных целей Концепции выделяются снижение нагрузки на улично-дорожную сеть с помощью инновационных технологий, повышение экспортного потенциала российских компаний с помощью беспилотных технологий, а также принятие нормативных актов, позволяющих регулировать применение беспилотных технологий управления транспортными средствами. Концепция подчёркивает отсутствие единого и общепризнанного термина, подчёркивающего автоматизацию транспортного средства (наземного), но есть различные определения: самоуправляемое транспортное средство, роботизированный автомобиль, полностью АТС, ВАТС, автономный автомобиль и т.д. Под БТС, согласно Концепции, подразумевается АТС, которое действует без ручного управления со стороны водителя, но за счёт автоматизированной системы. В данном случае понятие БТС шире понятия АТС (об ИТС не упоминается). При сравнении БТС с понятием ВАТС в Концепции отмечается приоритет последнего над первым, поскольку первый не учитывает промежуточные уровни автоматизации, к тому же, слово «беспилотный» может восприниматься исключительно как «без пилота, без участия человека».

Важно отметить, что в понятии ВАТС содержится термин «программно-аппаратные средства», который рассматривается как объект, включающий в себя программы, правила для функционирования системы, а автоматизированная система – система, включающая в себя комплекс средств автома-

тизации для реализации информационной технологии выполнения функций, а также обеспечивающий персонал [2].

Таким образом, предлагается разработать общее понятие транспортного средства в сфере цифровых инноваций с учётом следующего.

- 1) В настоящее время правовое регулирование различных видов транспорта не систематизировано и не унифицировано, при этом понятие АТС закреплено указом Президента РФ как одна из задач для достижения национальной цели «Технологическое лидерство».
- 2) АТС является наиболее общим понятием, в отличие от БТС (не учитываются степени автоматизации транспорта), ИТС (инновация по отношению к данному виду транспорта со временем может стать неактуальной по истечении времени), ВАТС (отражает лишь часть уровней автоматизации транспорта).
- 3) Понятие АТС учитывает наличие автоматизированной системы управления, под которой понимается система, включающая в себя комплекс средств автоматизации для реализации информационной технологии выполнения функций, а также обеспечивающий персонал.
- 4) Следовательно, за основу предлагается взять АТС, под которым понимается транспортное средство, которое оснащено автоматизированной системой вождения, действует в пределах штатной эксплуатации без необходимости вмешательства человека в качестве запасного варианта обеспечения безопасности дорожного движения.

Литература

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства России. 24.03.1997. № 12. ст. 1383.
2. ГОСТ Р 59853–2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 19.11.2021 № 1520-ст) // М.: ФГБУ «РСТ». 2022.
3. ГОСТ Р ИСО/МЭК 12207–2010. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационная технология. Системная и программная инженерия. Процессы жизненного цикла программных средств // М.: Стандартинформ, 2011.
4. Заключение Минэкономразвития России № 23237-ТИ/Д26и от 24.06.2022 об оценке регулирующего воздействия на проект федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npalD=116763> (Дата обращения: 05.02.2025).
5. Комплекс мероприятий по тестированию и поэтапному вводу в эксплуатацию на дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств без присутствия инженера-испытателя в салоне транспортного средства, предусматривающих их опытную коммерческую эксплуатацию в отдельных субъектах Российской Федерации, от 12.03.2021 № 2189п-П50 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Конвенция о международной гражданской авиации (заключена в г. Чикаго 07.12.1944) (с изм. от 26.10.1990) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Коробеев А.И., Чучаев А.И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex russica. 2019. № 2. С. 9–28.
8. Лукашевич С.В. Беспилотное транспортное средство: смена парадигмы как следствие цифровизации экономики // Транспортное право. 2019. № 3. С. 3–5.
9. Постановление Правительства РФ от 19.07.2022 № 1299 (ред. от 16.03.2024) «Об утверждении списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль» // Собрание законодательства РФ. 25.07.2022. № 30. ст. 5630.
10. Постановление Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 (ред. от 29.03.2024) «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.04.2010. № 14. ст. 1649.
11. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 27.03.2025) «О Правилах дорожного движения» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 22.11.1993. № 47. ст. 4531.
12. Проект Федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минтранс России, ID проекта 02/04/06–21/00116763) [Электронный ресурс] // URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npalD=116763> (Дата обращения: 05.02.2025).
13. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2022 № 4261-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 02.01.2023. № 1 (часть III). ст. 422.
14. Распоряжение Правительства РФ от 05.11.2020 № 2871-р (ред. от 14.02.2024) «Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») реализации механизма управления систем-

ными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности «Трансформация делового климата» // Собрание законодательства РФ. 16.11.2020. № 46. ст. 7318.

15. Распоряжение Правительства РФ от 25.03.2020 № 724-р «Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» // Собрание законодательства РФ. 30.03.2020. № 13. ст. 1995.
16. Регламент № 2021/821 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об установлении режима Союза для контроля экспорта, брокерской деятельности, технической помощи, транзита и трансфера в отношении продукции двойного назначения» [рус., англ.] // Official Journal of the European Union № L 206. 11.06.2021.
17. Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 21.09.2004 № 190 (ред. от 19.11.2010) «О Типовых списках товаров и технологий, подлежащих экспортному контролю, и Общих требованиях к порядку контроля за осуществлением внешнеэкономических операций с товарами и технологиями, подлежащими экспортному контролю» // СПС «Консультант-Плюс».
18. Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 877 (ред. от 27.09.2023) «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза <http://www.tsouz.ru/>. 15.12.2011.
19. Соглашение о единых принципах и правилах технического регулирования в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации от 18.11.2010 (прекратило действие с 01.01.2015 на основании международного договора от 29.05.2014) // Бюллетень международных договоров. № 6. 2011 год. № 3. 2013. год.
20. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 13.05.2024. № 20. ст. 2584.
21. Указ Президента РФ от 17.12.2011 № 1661 (ред. от 19.02.2021) «Об утверждении Списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль» // Собрание законодательства России. 26.12.2011. № 52. ст. 7563.
22. Фетисов В.С., Неугодникова Л.М., Адамовский В.В., Красноперов Р.А. Беспилотная авиация. Терминология, классификация, современное состояние – Уфа: ФОТОН. 2014–217 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF INNOVATIVE VEHICLE'S CONCEPTS

Sergeev A.M.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Bureau of Advanced Products of the JSC Academician M.F. Reshetnev "Information Satellite Systems"

The article gives several definitions from the field of innovative transport: automated vehicle, unmanned vehicle, innovative vehicle and others. The author has carried out an analysis in order to form a unique definition that will be applied uniformly within the framework of the current legislation.

Keywords: Innovative transport, automated vehicle, unmanned vehicle, highly automated vehicle, aircraft, pilot, automation.

References

1. Air Code of the Russian Federation dated 19.03.1997 60-FZ (ed. dated 21.04.2025) // Assembly of Russian legislation. 24.03.1997. 12. Art. 1383.
2. GOST R 59853–2021. National standard of the Russian Federation. Information technologies. Set of standards for automated systems. Automated systems. Terms and definitions (see also introduced by the Order of the Rosstandard from 19.11.2021 1520-st) // М.: FBG «PCT». 2022.
3. GOST R ISO/IEC 12207–2010. National standard of the Russian Federation. Information technology. Systems and software engineering. Software Lifecycle Processes // М.: Standards, 2011.
4. Opinion of the Ministry of Economic Development of Russia 23237-TI/D26i dated 24.06.2022 on the assessment of regulatory impact on the draft federal law «On highly automated vehicles and on the introduction of amendments to individual legislative acts of the Russian Federation» [Electronic resource] // URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=116763> (Date of issue: 05.02.2025).
5. Set of activities for testing and phased commissioning on public roads of highly automated vehicles without the presence of a test engineer in the vehicle cabin, providing for their experimental commercial operation in selected entities of the Russian Federation, from 12.03.2021 2189p-P50 // JSA «KonsultantPlice».
6. Convention on International Civil Aviation (concluded in Chicago 07.12.1944) (Ism. of 26.10.1990) // ATP «ConsultantPlaces».
7. Korobeyev A.I., Chychev A.I. Unmanned vehicles: new challenges to public safety // Lex russica. 2019 2. p. 9–28.
8. Lukashovich S.V. Unmanned vehicle: paradigm shift as a consequence of digitalization of the economy // Transport law. 2019 3. С. 3–5.
9. Decree of the Government of the Russian Federation dated 19.07.2022 1299 (ed. dated 16.03.2024) «On approval of a list of goods and technologies of dual purpose, which can be used in the creation of weapons and military equipment and for which export controls are carried out» // Assembly of legislation of the Russian Federation. 25.07.2022. 30. st. 5630.
10. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 11.03.2010 138 (Ed. dated 29.03.2024) «On the approval of the Federal Rules for the use of airspace of the Russian Federation» // Assembly of legislation of the Russian Federation. 05.04.2010. 14. St. 1649.
11. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 23.10.1993 1090 (ed. from 27.03.2025) «On Rules of Traffic» // Assembly of acts of the President and the Government of the Russian Federation. 22.11.1993. 47. Art. 4531.
12. Draft of the Federal Law «On highly automated vehicles and on making changes in individual legislative acts of the Russian Federation» (prepared by the Ministry of Transport of Russia, ID of the project 02/04/06–21/00116763) [Electronic resource] // URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=116763> (Date of issue: 05.02.2025).
13. Decree of the Government of the Russian Federation dated 28.12.2022 4261-p (ed. from 21.10.2024) «On approval of the Strategy for the development of the automotive industry of the Russian Federation until 2035» // Assembly of legislation of the Russian Federation. 02.01.2023. 1 (part III). art. 422.

14. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05.11.20202871-e (Ed. from 14.02.2024) «On the approval of the Plan of activities («road map») for implementing the mechanism of management of systemic changes of regulatory and legal regulation of entrepreneurial activity «Transformation of business climate» // Assembly of legislation of the Russian Federation. 16.11.2020. 46. art. 7318.
15. Order of the Government of the Russian Federation dated 25.03.2020724-p «On approval of the Concept of road traffic safety with participation of unmanned vehicles on public highways» // Assembly of legislation of the Russian Federation. 30.03.2020. 13. art. 1995.
16. Regulation 2021/821 of the European Parliament and the Council of the European Union «On the establishment of a regime of the Union for the control of exports, brokerage activities, technical assistance, transit and transfer in respect of dual-use products» [Russian version.] // Official Journal of the European Union L 206. 11.06.2021.
17. Decision of the Inter-State Council of the EurAsEC of 21.09.2004190 (ed. of 19.11.2010) «On the Standard Lists of Goods and Technologies Subject to Export Controls and General Requirements for the Control of Foreign Economic Transactions with Goods and Technologies Subject to Export Controls» // CFS «ConsultantPlux».
18. Decision of the Commission of the Customs Union dated 09.12.2011877 (Ed. from 27.09.2023) «On adoption of technical regulation of the Customs Union «About safety of wheeled vehicles» // Official website of the Commission of the Customs Union <http://www.tsouz.ru/>. 15.12.2011.
19. Agreement on common principles and rules of technical regulation in the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation dated 18.11.2010 (terminated with effect from 01.01.2015 on the basis of international treaty dated 29.05.2014) // Bulletin of international treaties. 6. 2011. 3. 2013. year.
20. Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2024309 «On national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and in the future until 2036» // Assembly of legislation of the Russian Federation. 13.05.2024. 20. st. 2584.
21. Decree of the President of the Russian Federation dated 17.12.20111661 (ed. from 19.02.2021) «On approval of the list of goods and technologies of dual purpose, which can be used in the creation of armaments and military equipment and for which export controls are carried out» // Russian Legislative Assembly. 26.12.2011. 52 St. 7563.
22. Fetishov V.S., Niesfavorikov L.M., Adamovsky V.V., Krasnoperov R.A. Unmanned Aerial Vehicles. Terminology, classification, current state – Ufa: PHOTON. 2014–217 s.

Ограничение на использование англицизмов и иностранных слов в информации, предназначенной для потребителей: правовая оценка и перспективы развития

Суворова Алёна Алексеевна,

аспирант кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

E-mail: animadoc@yandex.ru

Статья посвящена правовому анализу ограничений на использование англицизмов и иностранных слов в информации, предназначенной для потребителей.

Особое внимание уделяется роли русского языка как основного элемента национальной идентичности и культурного единства российского общества, а также значению языка для обеспечения прозрачности и доступности информации для потребителей. В статье подчеркивается, что использование англицизмов и иностранных слов в рекламе и публичной информации оказывает прямое влияние на восприятие потребителями рекламных сообщений, что может приводить к искажению смысла и усложнению реализации прав граждан.

В связи с этим, авторами выдвигается мнение о необходимости ужесточения норм действующего законодательства в данной сфере в силу того, что существующие нормы устанавливают только общие требования к использованию русского языка. В то время как в настоящей статье разделяется мнение относительно законопроекта, направленного на введение строгих требований к идентичности и техническому оформлению информации, что позволит сократить влияние англицизмов и иностранных слов на современное общество и обеспечить защиту государственного языка.

Ключевые слова: реклама; информация; англицизмы; правовое регулирование; иностранные слова; русский язык; государственный язык.

Русский язык, согласно Конституции РФ (ст. 68) и Федеральному закону от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», являющийся государственным языком Российской Федерации и языком межнационального общения, сегодня переживает не лучшие времена.

Таким образом, русский язык, обладая статусом государственного языка Российской Федерации, выступает фундаментом национальной идентификации, единства многонационального общества и основой российской государственности. Его роль как языка межнационального общения и культурного наследия обуславливает обязательность использования государственного языка во всех сферах жизни общества. В условиях глобализации и постоянного влияния англицизмов и иностранных слов сохранение лингвистической целостности русского языка является важной задачей, которая направлена на укрепление суверенитета, культурной самобытности и информационной безопасности государства.

Правовая база ограничений на использование англицизмов и иностранных слов основана на существующих законах и нормативных правовых актах, которые уже содержат ограничения, связанные с использованием иностранных слов в рекламе и на вывесках, если они могут ввести в заблуждение потребителей. Однако, несмотря на существующие нормы, наблюдается активное и повсеместное использование иностранных слов в публичном пространстве, что снижает эффективность текущего законодательного регулирования. В связи с этим законодательство требует дальнейшего урегулирования данного вопроса и введения еще более жестких ограничительных мер, направленных на приоритетное использование русского языка как государственного во всех сферах публичной деятельности, включая рекламу, коммерческие обозначения и информационные материалы для потребителей.

1. Так, согласно п. 1 ст. 8 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» (ред. от 08.08.2024) потребитель вправе получить необходимую и достоверную информацию об изготовителе (исполнителе, продавце), режиме его работы и реализуемых им товарах (работах, услугах) в наглядной и доступной форме на русском языке, а дополнительно, по усмотрению изготовителя (исполнителя, продавца), на государственных языках субъектов Российской Фе-

дерации и родных языках народов Российской Федерации.

2. Далее рассмотрим нормы Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. 26.12.2024), который, во-первых, п. 11 ст. 5 выдвигает требование о соблюдении законодательства о государственном языке Российской Федерации при производстве, размещении и распространении рекламы, а, во-вторых, пп. 1 п. 5 ст. 5 устанавливает запрет на использование в рекламе иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации. Данный запрет связан с тем, что реклама играет значительную роль в современном обществе и экономике, формируя потребительский спрос, информируя о новинках на рынке и влияя на предпочтения и поведение потребителей [1, с. 594], в связи с чем возникает прямое воздействие на восприятие и интерпретацию информации, включая использование англицизмов и иностранных слов, что может приводить к искажению смысла, снижению прозрачности коммуникации и ослаблению роли государственного языка в публичном пространстве.

3. Последним рассмотрим нормы Федерального закона от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»», которым были внесены изменения, в соответствии с которыми государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию в информации, предназначенной для потребителей товаров (работ, услуг) (п. 9.4 статьи 3 Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (ред. от 22.04.2024)). Помимо данного нововведения, законом также введены положения, регулирующие использование нормативных словарей, справочников и грамматик, в которых фиксируются нормы современного русского литературного языка, обязательные для соблюдения при использовании русского языка в качестве государственного языка Российской Федерации в различных сферах деятельности.

Таким образом, мы приходим к выводу, что действующее законодательство устанавливает лишь общие требования к использованию русского языка и ограничению англицизмов и иностранных слов в информации, которая непосредственно предназначена для потребителей. Однако ранее рассмотренные нормативные правовые акты не содержат прямой обязанности на обеспечение полной идентичности по содержанию информации, представленной на государственных языках субъектов Российской Федерации, языках народов Российской Федерации и иностранных языках, так же и на русском языке как государственном языке Российской Федерации. Отсутствие данных обязанностей создает ситуацию, при которой информация на разных языках может существенно отличаться по смыслу и объему, что значительно будет снижать прозрачность и доступность информации для потребителей.

Кроме того, действующее законодательство не предусматривает обязательного равнозначного размещения и единого технического оформления информации на русском языке и на других языках. Такая правовая неопределенность способствует неравномерному использованию языков и ослабляет статус русского языка во всех сферах публичной деятельности.

В связи с этим видятся перспективными изменения, предложенные инициаторами законопроекта 468229–8, направленного на внесение изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации, который был принят в первом чтении Государственной Думой Российской Федерации 11.02.2025 г. Пояснительная записка к законопроекту дает нам понять, что предложенные изменения направлены на укрепление статуса русского языка как государственного путем введения значительных ограничений на использование англицизмов и иных иностранных слов на всей территории Российской Федерации. В первую очередь, данные меры касаются публичного пространства, включая сферу рекламы, реализацию товаров, выполнение работ и оказание услуг потребителям, а также информационное пространство средств массовой информации и градостроительную деятельность. Также в пояснительной записке раскрывается цель законопроекта, которая направлена на обеспечение приоритета русского языка и его защиты, повышение его роли в общественной коммуникации и предотвращение чрезмерного использования англицизмов и иностранных слов в основных сферах общественной жизни российского общества.

Так, законопроект предлагает важные изменения, в частности, в такие нормативные правовые акты как Федеральный закон от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300–1 «О защите прав потребителей», а также в Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе», которые устанавливают обязательное требование к информации, выполненной на языках народов Российской Федерации либо на иностранном языке, в части того, что такая информация должна быть идентичной по содержанию информации в рекламе, а также информации, предназначенной для публичного ознакомления потребителей, выполненной на государственном языке Российской Федерации, а также равнозначной по размещению и техническому оформлению в соответствии с Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации», если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации.

Выражая авторскую позицию следует отметить, что предлагаемые изменения представляют собой необходимый и важный шаг в укреплении роли русского языка как государственного и обеспечении равноправного и прозрачного информирования потребителей. Предлагаемые законодателями

меры способствуют не только защите культурно-языкового пространства России, но и обеспечивают равный доступ всех граждан к достоверной и понятной информации, что является важным аспектом реализации их прав и свобод в условиях многоязычного общества.

Также в современном дискурсе авторы видят и другие проблемы. Так, например, Ю.Н. Фольгерова поднимает проблему неясности в действующей редакции Федерального закона от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», касающейся использования иностранных слов в русском языке [1, с. 32]. С одной стороны, именно отсутствие четкого перечня иностранных слов без общеупотребительных аналогов выступает основной причиной повсеместного распространения иностранных заимствований, что, как правило, оказывает в большей степени как негативное влияние на государственный язык. С другой стороны, новая редакция рассматриваемого закона, которая раскрывает источники разрешенных заимствований, способна обеспечить регулирование использования иностранных слов и сохранить культурную и национальную идентичность русского языка. Однако не стоит забывать и о том, что язык постоянно эволюционирует, в связи с чем некоторые заимствования со временем могут стать неотъемлемой частью современного русского языка, что, в свою очередь, требует сбалансированного и продуманного подхода к их регулированию.

Формулируя собственную точку зрения, можно сказать о том, что установление обязанности использования русского языка в информации для потребителей и введение использования нормативных словарей будет оказывать положительное влияние. Во-первых, эти обязанности способствуют существенному сохранению и развитию русского языка, обеспечивая его доминирование во всех сферах жизни. Во-вторых, рассмотренные меры, как правило, значительно сокращают влияние иностранных заимствований, что позволяет русскому языку оставаться полноценным и самодостаточным средством для коммуникации в обществе.

Таким образом, будет логичным сделать вывод о том, что русский язык как государственный язык РФ является основным и наиболее важным элементом культурного и национального единства российского общества. Нет сомнений, что именно он сохраняет исторические и культурные ценности государства, формируя основу национального самосознания. В условиях глобализации поддержка и развитие русского языка как государственного языка имеют важное значение для сохранения национального единства и преемственности культурных традиций в современном обществе. Именно поэтому введение обязательного требования о полной идентичности по содержанию информации, представленной на языках народов

Российской Федерации или иностранных языках, с информацией на русском языке, а также установление равнозначных условий по размещению и техническому оформлению таких материалов, позволит устранить существующие правовые проблемы и повысить качество коммуникации в публичной сфере.

Литература:

1. Суворова, А.А. Общая характеристика рекламы и рекламной деятельности в Российской Федерации / А.А. Суворова, А.В. Кузьмин, М.В. Колмогоров // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение: сборник научных трудов X Международной научно-практической конференции. – СПб: ООО «Поволжская научная корпорация», 2024. – С. 593–598.
2. Фольгерова, Ю.Н. Защита государственного языка Российской Федерации: анализ изменений правового регулирования / Ю.Н. Фольгерова // Право и общество. – 2023. – № 1(10). – С. 30–33.

RESTRICTION ON THE USE OF ENGLICISMS AND FOREIGN WORDS IN INFORMATION INTENDED FOR CONSUMERS: LEGAL ASSESSMENT AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Suvorova A.A.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

This article is devoted to the legal analysis of restrictions on the use of Anglicisms and foreign words in information intended for consumers.

Special attention is paid to the role of the Russian language as the main element of national identity and cultural unity of Russian society, as well as the importance of the language for ensuring transparency and accessibility of information for consumers. The article emphasizes that the use of Anglicisms and foreign words in advertising and public information has a direct impact on consumers' perception of advertising messages, which can lead to a distortion of meaning and complicate the realization of citizens' rights.

In this regard, the authors put forward the opinion that it is necessary to tighten the norms of current legislation in this area due to the fact that the existing norms establish only general requirements for the use of the Russian language. While this article divides opinion on the draft law aimed at introducing strict requirements for identity and technical design of information, which will reduce the influence of Anglicisms and foreign words on modern society and ensure the protection of the state language.

Keywords: advertising; information; Anglicisms; legal regulation; foreign words; Russian; state language.

References

1. Suvorova, A.A. General characteristics of advertising and advertising activities in the Russian Federation / A.A. Suvorova, A.V. Kuzmin, M.V. Kolmogorov // Human rights activities in modern Russia: problems and their solution: proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg: Volga Scientific Corporation, LLC, 2024. pp. 593–598.
2. Folgerova, Y.N. Protection of the state language of the Russian Federation: analysis of changes in legal regulation / Y.N. Folgerova // Law and society. – 2023. – № 1(10). – Pp. 30–33.

Ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по договору конвертируемого займа

Телибекова Дамира Бакытбековна,

аспирант кафедры правового регулирования
экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве РФ
E-mail: damira98.kz@mail.ru

Статья посвящена детальному анализу правовой ответственности участников договорных отношений по конвертируемому займу в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения ими своих обязанностей. Рассматриваются теоретические основы института гражданско-правовой ответственности, а также механизмы правового обеспечения исполнения обязательства, вытекающего из договора конвертируемого займа, в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации. Особое внимание уделяется специфике договора конвертируемого займа как новой правовой конструкции в системе гражданского права, что требует комплексного подхода к формированию мер ответственности. Автор анализирует применение мер ответственности для обеспечения добросовестного исполнения обязанностей сторонами договора, защиты интересов сторон и снижения рисков нарушений его условий. В заключении делается вывод о необходимости совершенствования правоприменительной практики и правового регулирования в области конвертируемых займов с целью повышения правовой защиты участников сделки и стабильности гражданского оборота.

Ключевые слова: договор конвертируемого займа, гражданско-правовая ответственность, исполнение обязательства, обязанности сторон договора конвертируемого займа, ненадлежащее исполнение, защита интересов сторон, права и интересы сторон, займодавец, заемщик.

Федеральным законом от 2 июля 2021 года № 354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 354) в российское законодательство была официально интегрирована новая договорная конструкция – договор конвертируемого займа [1]. Существенной особенностью данного договора, отличающей его от классического договора займа, является наличие предусмотренного механизма, позволяющего при наступлении срока возврата займа либо при наступлении квалифицированного события осуществить возврат предоставленных средств с процентами либо конвертировать заем в уставный капитал общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) либо в акции непубличного акционерного общества (далее – НПАО).

Сторонами по договору являются заемщик и займодавец. Согласно закону, заемщиком по договору конвертируемого займа может быть только два вида хозяйственных общества: ООО и НПАО. Ограничения действуют только на кредитные или не кредитные финансовые организации или общества имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также общества которые созданы в процессе приватизации и акции которых находятся в государственной или муниципальной собственности – такие организации не могут быть заемщиками по договору конвертируемого займа. Касаясь займодавцев, законодатель не ограничивает круг лиц, которые могут быть займодавцами по данному виду договора. Представляется, что займодавцами по договору конвертируемого займа могут быть как физические, так и юридические лица.

В договоре конвертируемого займа стороны обладают определёнными правами и обязанностями, которые возникают при его заключении. Согласно традициям российского гражданского права в сфере заёмных правоотношений, займодавец обязуется передать денежные средства заемщику, что является его ключевой обязанностью. Позицию подтверждает Е.А. Суханов, уточняя что: «... Обязанность кредитора (займодавца – прим. автора) в данном договоре составляет предоставление безналичных денежных средств заемщику в соответствии с условиями заключенного договора...» [2, с. 415]. В свою очередь, заемщик несет основную обязанность по возврату полученных денежных средств в установленный срок, что отражает суть заёмного обязательства.

Однако правовая природа конвертируемого займа порождает дополнительные обязанности обе-

их сторон, связанные с возможностью конвертации займа в долю участия или акции:

Обязанности заемщика:

1. Конвертировать заемные средства займодателю в долю или акции в уставном капитале общества либо осуществить возврат займа.
2. Выплатить проценты за пользование займом (если установлено в договоре).
3. Исполнять иные условия договора, например, не совершать сделки, уменьшающие стоимость бизнеса без согласия инвестора.

Обязанности займодателя:

1. Предоставить оговоренную сумму займа в установленном размере и срок.
2. Выполнить формальности, связанные с конвертацией (например, подписать необходимые корпоративные документы).

Представляется, что данные обязанности можно дополнить следующими обязанностями, вытекающими из предусмотренных законом:

Обязанности займодателя:

1. Соблюдать конфиденциальность в отношении информации, полученной в ходе исполнения договора (если предусмотрено).
2. Осуществить согласованные действия по инициированию процедуры конвертации (при необходимости).

Обязанности заемщика:

1. Предоставить займодателю информацию, необходимую для принятия решения о конвертации.

В юридической практике нередки ситуации, при которых одна из сторон договорных отношений проявляет недобросовестность, уклоняясь от выполнения взятых на себя обязательств по договору. Такое поведение потенциально приводит к нарушению прав и законных интересов контрагента. Нарушение ключевых условий договора влечет наступление договорной ответственности, в том числе по обязательствам, возникающим из договора конвертируемого займа.

Правовое регулирование ответственности участников обязательственных правоотношений установлено положениями Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3]. Следует подчеркнуть, что ФЗ № 354 не содержит специальных норм, определяющих меры ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение заемщиками обязанностей по договору конвертируемого займа. В данном нормативном акте зафиксирована лишь общая возможность займодателя обратиться в судебные органы при отказе заемщика от конвертации займа, без детального описания процедур взыскания либо санкций за неисполнение. Однако представляется, что право займодателя обращаться в суд не может рассматриваться как достаточная правовая гарантия его интересов. Обращение в судебные органы сопряжено с временными финансовыми затратами и вовсе не гарантирует взыскателю положительного исхода, что зачастую приводит к дополнительным рискам для займодателя.

В условиях пробела специального регулирования в ФЗ № 354 можно сделать вывод о применении к отношениям сторон по договору конвертируемого займа общих норм ГК РФ, регулирующих ответственность по договору займа.

В.В. Витрянский и М.И. Брагинский в своем труде подчеркивают, что понятие надлежащего исполнения обязательства включает комплекс требований, охватывающих определение субъекта и объекта исполнения, способ исполнения (т.е. предмет исполнения), а также место и время его осуществления [4, с. 419]. Аналогичную позицию занимает В.И. Синайский, отмечал, что исполнение считается надлежащим только при условии его совершения четко определенной договором стороне, в согласованные сроки и установленным способом, что непосредственно влияет на возможность реализации конвертации займа в акции, минимизируя риски споров между сторонами [5, с. 332]. Учитывая специфику конвертируемого займа, надлежащее исполнение становится инструментом поддержки баланса интересов займодателя и заемщика.

Что касается гражданско-правовой ответственности, то она представляет собой механизм правового воздействия, обладающий триадой характерных черт: предупреждение, принуждение и наказание. Данные характеристики подчеркивает К.М. Арсланов, акцентируя внимание на том, что ответственность служит не только средством восстановления нарушенных прав, но и превентивным фактором, стимулирующим надлежащее исполнение договорных обязательств, что особенно актуально в контексте конвертируемого займа, где нарушение сроков или условий исполнения чревато потерей возможности конверсии и, следовательно, имущественными убытками литературе верно отмечается, что ответственности присущи «... такие характеристики, как предупреждение, принуждение и наказание» [6, с. 10].

С целью формирования должной мотивации участников обязательственных правоотношений к добросовестному исполнению своих договорных обязательств, гражданское законодательство предусматривает инструменты обеспечения исполнения и специальные механизмы ответственности за нарушение либо ненадлежащее исполнение обязательств. Л.Н. Хасимова справедливо отмечает, что совокупность прав и обязанностей заемщиков и займодателей по договору займа образуют их правовой статус. В состав данного статуса, наряду с правами и обязанностями, целесообразно включать также и институт ответственности как обязательный компонент, представляющий собой обязанность субъекта нести определенные неблагоприятные последствия за свое неправомерное поведение [7, с. 193].

Так, гл. 25 ГК РФ закрепляет основные положения о гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств. В контексте отношений, вытекающих из договора конвертируемого займа, возмож-

но предусмотреть применение следующих видов ответственности, отраженных в указанной главе:

1. Обязанность должника возместить убытки (ст. 393 ГК РФ).
2. Убытки и неустойка (ст. 394 ГК РФ).
3. Ответственность за неисполнение денежного обязательства (ст. 395 ГК РФ).
4. Возмещение потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств (ст. 406.1 ГК РФ).

Представляется, что положения ст. 811 ГК РФ о последствиях нарушения заемщиком договора займа также могут быть применены к конвертируемому займу, к примеру в части неправомерного удержания денежных средств, уклонения от их возврата и иных просрочек в их уплате. А.П. Анисимов обращает внимание на то, что в любом из перечисленных случаев применяется нормы гражданского законодательства (ст. 811 ГК РФ [8]), и на сумму долга, включая проценты по договору займа, начисляются проценты за пользование чужими денежными средствами, основание и порядок взыскания которых предусмотрены в ст. 395 ГК РФ [9, с. 192].

Следует указать, что хотя положения ст. 811 и главы 25 ГК РФ применимы к договорам конвертируемого займа, законодатель по-прежнему не урегулировал детализированный порядок и объем возмещения убытков, а также методы их исчисления. На практике это создает сложности для определения критериев убытков и расчета их размера. Например, если стороны договорились о конвертации займа, но ее заемщик не осуществил, и прошло значительное время после соглашения о конвертации, то займодавец может потребовать возместить разницу между обещанной и фактической стоимостью доли. Также займодавец может сослаться и на понесенные убытки, потребовав от заемщика компенсацию и выплату неустойки. В таких обстоятельствах возникает ряд существенных затруднений:

1. Отсутствие закрепленного в законе срока, в течение которого заемщик обязан совершить конвертацию займа.
2. Необходимость доказывания займодавцем как факта изменения параметров доли, так и роста ее рыночной стоимости.
3. Обоснование суммы причиненных убытков.
4. Корректный расчет размера убытков.

По мнению О.В. Савенковой возмещение убытков выступает в трех ипостасях: для правонарушителя – это ответственность перед потерпевшим, т.е. обязанность претерпеть имущественные лишения; для потерпевшего – это способ защиты нарушенного права, который выражен в принадлежащем ему субъективном праве; а та правовая взаимосвязь, которая установилась между ними, и есть обязательство. Кроме того, как замечает автор, возмещение убытков признано ГК РФ субъективным правом, а потому подлежит защите, как и всякое другое субъективное гражданское право [10, с. 6].

В.С. Евтеев считает, что убытки это: «...выражение в денежной форме утраты или уменьшения имущественных благ либо утрата возможности приобретения имущественных благ, которые являются результатом событий либо неправомерных действий третьих лиц...» [11, с. 16]. Следует согласиться с данной позицией поскольку с точки зрения конвертируемого займа, представляется что займодавец утрачивает возможность приобретения имущественных благ в виде права на долю в установленный срок. В рамках действующего законодательства именно на займодавце будет лежать бремя доказывания вины заемщика и размера понесенных убытков, что значительно осложняет процесс взыскания компенсации ввиду отсутствия соответствующего регулирования.

Если говорить о неустойке, которая применяется в качестве меры гражданско-правовой ответственности, то согласно точке зрения В.В. Витрянского, она ориентирует должника на «... исполнение обязательства в натуре под угрозой применения ответственности, которая носит реальный характер, поскольку взыскание неустойки или пени в фиксированном размере не требует от кредитора больших усилий, как, например, в случае с возмещением убытков, где нужно обосновывать и доказывать их размер» [12]. Предполагается что заемщик будет платить в том числе и неустойку в качестве одной из мер гражданско-правовой ответственности при просрочке конвертации займа. Соглашаясь с вышеназванными авторами, представляется необходимым включить в договор конвертируемого займа условия о неустойке.

Необходимо отметить, что в законе также не определен срок, в течение которого заемщик обязан конвертировать заемные средства в долю или акции в уставном капитале общества. В целях преодоления данных проблем представляется необходимым на законодательном уровне закрепить максимальный срок конвертации займа, например – один год, начиная со дня наступления срока возврата займа либо наступления квалифицированного события. При этом стороны могут свободно определять конкретный срок в договоре в пределах установленного максимума. Реализация подобной нормы позволит повысить предсказуемость исполнения обязанностей и уменьшит правовые и финансовые риски для займодавца. Также представляется возможным закрепить неустойку как способа обеспечения надлежащего исполнения обязанностей в случае просрочки конвертации.

Таким образом, в результате анализа ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по договору конвертируемого займа выявлено, что недобросовестное поведение одной из сторон способно существенно образом нарушить права и законные интересы другой стороны. Это в свою очередь влечет правовые последствия в виде применения договорной ответственности на основе положений ст. 811 и гл. 25 ГК РФ. Вместе с тем, в российском

законодательстве имеют место пробелы в регулировании порядка возмещения убытков, методов их исчисления и сроков конвертации займа. Отсутствие установленного законом срока, в течение которого заемщик обязан осуществить конвертацию, наряду с необходимостью доказательства причиненных убытков займодавцем и сложностями в корректном расчете их размера, создают правовые неопределенности и затруднения в правоприменительной практике.

Необходимо отметить, что конвертация по сути является основным исполнением обязанности по договору конвертируемого займа, в возврат заемных денежных средств – альтернативным исполнением, которое допустимо только в случаях форс-мажора (по независящим от сторон обстоятельствам). В этом ключе рассуждает и Р.В. Аняев, который пишет, что договор конвертируемого займа является альтернативным обязательством ввиду наличия в нем вторичного права выбора предмета исполнения у заемщика (наряду с наличием иных усложняющих элементов) [13, с. 49].

Предоставление законодателем права заемщику не осуществлять конвертацию при наступлении квалифицированного события и использования последней возможности альтернативного исполнения обязательства лишает договор его смыслового содержания о конвертации. Кроме того, займодавец при заключении договора конвертируемого займа преследует цель в виде приобретения доли в хозяйственном обществе взамен предоставленных им заемных средств. В противном случае, займодавцу можно было бы для получения процентов сверх предоставленной им суммы «занять» эти денежные средства банковской организации, положив их на депозит, либо заключить традиционный договор займа на условиях возврата заемной суммы с процентами.

Предполагается, что именно заемщик должен ставить займодавца в известность о наступлении квалифицированного события, поскольку последний, не будучи участником корпоративных отношений, не может знать о наступлении этого события. Это обусловлено тем, что займодавец не имеет доступ к конфиденциальной информации заемщика, к которой относятся сведения о финансовых операциях заемщика, увеличении его финансовых активов, результатах успешной реализации им стартапа и т.д. В этой связи предполагается, что предъявление требования займодавцем о конвертации в течение трех месяцев со дня наступления квалифицированного события следует считать его правом, а не обязанностью.

С учетом изложенного выше, принимая во внимание права сторон договора конвертируемого займа, представляется возможным изложить его понятие в следующей редакции: «Договор конвертируемого займа – это соглашение между займодавцем и заемщиком (в виде непубличного акционерного общества или в виде общества с ограниченной ответственностью), по которому займодавец обязан предоставить сумму займа, а заемщик обя-

зан, сообщив займодавцу о наступлении обозначенного договором квалифицированного события, осуществить основное исполнение (конвертацию) путем размещения акций либо доли в уставном капитале, а в случае не наступления квалифицированного события либо не предъявления требования о конвертации займодавцем, заемщик обязан осуществить альтернативное исполнение в виде возврата предоставленного займа и выплаты проценты за его использование».

Также на основании проведенного исследования представляется целесообразным законодательное закрепление максимального срока конвертации, например, одного года с момента наступления срока возврата займа или квалифицированного события, с возможностью сторон определить более конкретные сроки в договоре в пределах максимального. Определенные временные рамки уменьшают количество споров и судебных разбирательств, облегчая правоприменительную практику. Для займодавцев это снижает риски неопределенности, связанные с возможной задержкой конвертации займа в долю или акции в уставном капитале общества. Законодательное установление разумного максимального срока конвертации, дополненного возможностью сторон более конкретно урегулировать данный вопрос в договоре, является необходимым шагом на пути совершенствования гражданско-правового регулирования договора конвертируемого займа.

Литература

1. Федеральный закон от 02.07.2021 № 354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5182.
2. Гражданское право: В 4 т. Том 4: Обязательственное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Витрянский В.В. и др.]; отв. ред. – Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 816 с.: ил. – (Серия «Классический университетский учебник» / Моск. гос. Ун-т им. М.В. Ломоносова). – Авт. указаны на V с. текста. – ISBN 5-466-00184-8 (в пер.).
3. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон [принят Государственной Думой 30 ноября 1994 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Брагинский, М.И. Договорное право: общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 4-е изд. – Москва: Статут, 2020. – 847 с. – (Золотой фонд издательства «Статут»). – ISBN 978-5-8354-1666-0. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1225764> (дата обращения: 11.05.2025). – Режим доступа: по подписке.

5. Синайский, В.И. Русское гражданское право / В.И. Синайский // Серия «Классика российской цивилистики». Москва: Статут, 2002. – 638 с.
6. Арсланов, К.М. Понятие гражданско-правовой ответственности по германскому праву / К.М. Арсланов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155, № 4. – С. 101–108.
7. Хасимова, Л.Н. Формы, способы и средства как элементы механизма гражданско-правовой защиты прав сторон по договору займа / Л.Н. Хасимова // Бизнес. Образование. Право. – 2024. – № 1(66). – С. 191–196.
8. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (редакция от 24.07.2023): [принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года]. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 08.05.2025).
9. Анисимов, А.П. Гражданское право России. Особенная часть: учебник для вузов / А.П. Анисимов, М.Ю. Козлова, А.Я. Рыженков, С.А. Чаркин. – 7-е изд. пер. и доп. – Москва: Юрайт, 2023. – 288 с. – (Серия: Высшее образование).
10. Савенкова, О.В. Проценты на убытки: теоретические и правовые предпосылки / О.В. Савенкова // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: сборник статей / Исследовательский центр частного права. – Москва: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2010. – С. 293–333.
11. Евтеев, В.С. Возмещение убытков как вид ответственности в коммерческой деятельности. Учеб. пособие. – Москва: ИКД «Зерцало-М», 2005. – 184 с. ISBN 5-94373-107-5.
12. Брагинский М.И. Договорное право: общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 3-е изд. – Москва: Статут, 2001. – С. 479. – (Золотой фонд издательства «Статут»).
13. Ананьев, Роман Викторович. Договор конвертируемого займа по российскому гражданскому праву: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.3. / Ананьев Роман Викторович; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»; Диссовет ПДС 0900.009]. – Москва, 2024. – 194 с.

LIABILITY OF THE PARTIES FOR FAILURE TO PERFORM OR IMPROPER PERFORMANCE OF OBLIGATIONS UNDER A CONVERTIBLE LOAN AGREEMENT

Telibekova D.B.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to a detailed analysis of the legal liability of participants in contractual relations under a convertible loan in the event of failure to perform or improper performance of their obligations. The theoretical foundations of the institution of civil liability are considered, as well as the mechanisms of legal support for the fulfillment of an obligation arising from a convertible loan agreement in

accordance with the civil legislation of the Russian Federation. Particular attention is paid to the specifics of a convertible loan agreement as a new legal structure in the civil law system, which requires an integrated approach to the formation of liability measures. The author analyzes the application of liability measures to ensure the conscientious fulfillment of obligations by the parties to the agreement, protection of the interests of the parties and reduction of the risks of violation of its terms. In conclusion, a conclusion is made on the need to improve law enforcement practice and legal regulation in the field of convertible loans in order to increase the legal protection of the parties to the transaction and the stability of civil turnover.

Keywords: convertible loan agreement, civil liability, fulfillment of an obligation, obligations of the parties to a convertible loan agreement, improper performance, protection of the interests of the parties, rights and interests of the parties, lender, borrower.

References

1. Federal Law of 02.07.2021 No. 354-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // SZ RF. 2021. No. 27 (Part I). Art. 5182.
2. Civil Law: In 4 volumes. Volume 4: Law of Obligations: textbook for university students studying in the direction of 521400 “Jurisprudence” and in the specialty 021100 “Jurisprudence” / [Vitryansky V.V. et al.]; ed. – E.A. Sukhanov. – 3rd ed., revised and enlarged. – M.: Wolters Kluwer, 2006. – 816 p.: ill. – (Series “Classical University Textbook” / Moscow State University named after M.V. Lomonosov). – Authors are indicated on page 5 of the text. – ISBN 5-466-00184-8 (in translation).
3. Russian Federation. Laws. Civil Code of the Russian Federation (Part One): federal law [adopted by the State Duma on November 30, 1994] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 05.12.1994. – No. 32. – Art. 3301.
4. Braginsky, M.I. Contract Law: General Provisions / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. – 4th ed. – Moscow: Statut, 2020. – 847 p. – (Golden Fund of the Statut Publishing House). – ISBN 978-5-8354-1666-0. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1225764> (date of access: 11.05.2025). – Access mode: by subscription.
5. Sinaisky, V.I. Russian civil law / V.I. Sinaisky // Series “Classics of Russian civilistics”. Moscow: Statut, 2002. – 638 p.
6. Arslanov, K.M. The concept of civil liability under German law / K.M. Arslanov // Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities. – 2013. – Vol. 155, No. 4. – P. 101–108.
7. Khasimova, L.N. Forms, methods and means as elements of the mechanism of civil-law protection of the rights of the parties under a loan agreement / L.N. Khasimova // Business. Education. Law. – 2024. – No. 1 (66). – P. 191–196.
8. Russian Federation. Laws. Civil Code of the Russian Federation (part two): federal law of 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended on 24.07.2023): [adopted by the State Duma on December 22, 1995]. – Reference and legal system “Consultant Plus”. – Text: electronic. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (date of access: 08.05.2025).
9. Anisimov, A.P. Civil law of Russia. Special part: textbook for universities / A.P. Anisimov, M. Yu. Kozlova, A. Ya. Ryzhenkov, S.A. Charkin. – 7th ed. trans. and add. – Moscow: Yurait, 2023. – 288 p. – (Series: Higher education).
10. Savenkova, O.V. Interest on losses: theoretical and legal background / O.V. Savenkova // Security measures and liability measures in civil law: collection of articles / Research center of private law. – Moscow: ООО “Izdatelstvo” STATUT, 2010. – P. 293–333.
11. Evteev, V.S. Compensation for losses as a type of liability in commercial activity. Textbook. manual. – Moscow: IKD “Zertsalo-M”, 2005. – 184 p. ISBN 5-94373-107-5.
12. Braginsky M.I. Contract law: general provisions / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. – 3rd ed. – Moscow: Statut, 2001. – P. 479. – (Golden fund of the Statut publishing house).
13. Ananyev, Roman Viktorovich. Convertible loan agreement under Russian civil law: dissertation ... candidate of legal sciences: 5.1.3. / Ananyev Roman Viktorovich; [Place of protection: FGAOU VO “Patrice Lumumba Peoples’ Friendship University of Russia”; Dissertation Council PDS 0900.009]. – Moscow, 2024. – 194 p.

Тенденции антимонопольного регулирования цифровых платформ в Европейском союзе

Саяпин Сергей Петрович,

кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН
E-mail: spsayapin@yandex.ru

Регламент ЕС 2022/1925 о цифровых рынках (Digital Markets Act, DMA), вступивший в силу в ноябре 2022 года, представляет собой значимый шаг в регулировании деятельности крупных цифровых платформ, таких как Google и Amazon, с целью борьбы с антиконкурентными практиками. Согласно DMA, ключевые цифровые платформы, именуемые «посредниками», подвергаются специфическим требованиям и обязательствам, направленным на обеспечение справедливой конкуренции и предотвращение злоупотреблений доминирующим положением. Регламент выделяет десять основных услуг, охватываемых его нормами, и устанавливает критерии для отнесения организаций к категории посредников. Он также включает механизмы контроля за соблюдением предписаний, а также санкции за нарушения. Актуальность DMA подтверждается первыми антимонопольными делами, инициированными против крупных технологических компаний, подчеркивающими его важность для современного рынка.

Ключевые слова: правовое регулирование, цифровые платформы, тенденции развития законодательства Европейского союза, цифровые рынки, антимонопольное законодательство, DMA, Digital Markets Act.

В целях борьбы с антиконкурентными действиями операторов крупных цифровых платформ, таких как Google, Amazon и др., в декабре 2020 г. был предложен, а в ноябре 2022 г. вступил в силу Регламент ЕС 2022/1925 о цифровых рынках (англ. Digital Markets Act – сокр. DMA, далее также – Регламент) [1]. Как отмечается в зарубежных научных работах – DMA является одним из наиболее важных законодательных актов Европейского союза за прошедшие десятилетия [2, с. 85].

В рамках первоначального обсуждения законопроекта многократно отмечалось, что несколько крупных онлайн-платформ монополично контролируют важные сферы цифровой экономики Европы, став их центральными узлами, сосредоточив на себе движение финансовых потоков и передачу информации, агрегируют огромное количество пользователей: поставщиков товаров и услуг (в DMA такие пользователи именуются – бизнес-пользователями, т.е. юридическими или физическими лицами, которые используют платформу для предоставления товаров и услуг конечным пользователям), с одной стороны, и потребителей (в терминах DMA – конечный пользователь, т.е. юридическое или физическое лицо, использующее платформу для приобретения товаров и услуг поставщиков) таких товаров и услуг, с другой стороны. Выступая, таким образом, третьей стороной в правовых отношениях.

Именно поэтому для крупных цифровых платформ DMA вводит понятие посредника (англ. – Gatekeeper) (в некоторых научных работах указанный термин переводится на русский язык как «привратник», однако, мы сознательно отходим от указанного перевода и полагаем, что русский эквивалент «посредник» (либо «информационный посредник») более точно отражает суть данного иностранного термина. Термин «посредник» вполне допустим в качестве перевода «Gatekeeper» на русский язык).

У Регламента есть несколько важных особенностей (которые являются его же ограничениями). Во-первых, сфера действия DMA распространяется не на все цифровые услуги, а только на те, которые квалифицируются Регламентом как «основные услуги платформы» (сокр. англ. аббр. – CPS). Ст. 2(2) DMA содержит закрытый перечень, состоящий из десяти таких услуг:

- услуги онлайн-посредничества (электронной торговли);
- услуги поисковых систем;
- услуги социальных сетей;
- услуги обмена видеоматериалами;

- услуги связи без подключения отдельного номера в национальном или международном формате;
- услуги операционных систем;
- услуги веб-браузера;
- услуги виртуальных-помощников;
- услуги облачных вычислений;
- услуги интернет-рекламы.

Выбор европейским законодателем именно этих услуг обусловлен их широким распространением и наибольшим использованием. С этой точки зрения выбор очевиден – в перечень вошли только те услуги, которые вызывают европейского законодателя наибольшие опасения в плане нарушений в области конкуренции.

Кроме приведенных десяти основных услуг платформы (CPS) сфера действия Регламента ограничена также и тем, что обязанность соблюдения требований DMA распространяется не на все организации оказывающие услуги CPS, а только на те, которые имеют статус «посредника». Таким образом, само по себе оказание «основных услуг платформы» еще не влечет за собой автоматическую квалификацию организации в качестве посредника.

Для этого DMA предусматривает особый механизм. Так, ст. 3(1) устанавливает три критерия для квалификации организации (англ. – Undertaking) (следует отметить, что указанное понятие переводится на русский язык также как субъект предпринимательской деятельности или субъект экономической деятельности. Термин охватывает любое лицо, занимающееся экономической деятельностью, независимо от его юридического статуса и способа финансирования. Суд ЕС рассматривает понятие предприятия как экономическую общность, состоящую из совокупности человеческих, материальных и нематериальных ресурсов. При этом важнейшим является не юридический критерий правоспособности, а экономический: способность участвовать в экономической деятельности) в качестве посредника, а ст. 3(2) устанавливает соответствующие им «пороговые значения». Т.е. в DMA предусмотрены качественные и количественные критерии определения посредников.

В итоге, организации может быть присвоен статус посредника, если она:

- оказывает значительное влияние на внутренний рынок Европейского союза, а именно, если годовой оборот такой организации больше или равен 7.5 млрд евро в каждый из последних трех финансовых лет (или средняя рыночная капитализация или эквивалентная справедливая рыночная стоимость больше или равна 75 млрд евро) и CPS предоставляется как минимум в 3 государствах-членах Европейского союза;
- обладает «сильной посреднической позицией», позволяющей взаимодействовать большому числу поставщиков с большим количеством потребителей, а именно, число активных пользователей в Европейском союзе боль-

ше или равно 45 миллионов человек в месяц, а число активных бизнес-пользователей (т.е. организаций-поставщиков товаров и услуг) в Европейском союзе больше или равно 10 000 в год за последний финансовый год;

- обладает устойчивым положением на рынке, или можно предвидеть, что организация будет занимать такое положение в ближайшем будущем. Здесь важно отметить, что организация должна соответствовать второму критерию не менее трёх лет подряд.

Отдельно стоит сказать о том, что DMA предусматривает два способа присвоения организации статуса посредника:

- первый способ, если все пороговые значения, указанные в ст. 3(2), соблюдены. В этом случае, организация, являющаяся оператором цифровой платформы, в течение 2 месяцев обязана уведомить об этом Европейскую комиссию. В своем уведомлении организация может указать на то, что, несмотря на соблюдение, указанных в ст. 3(2) пороговых значений, она не соответствует критериям, установленным в ст. 3(1) DMA;
- второй способ, если не все пороговые значения, указанные в ст. 3(2) соблюдены, но, тем не менее, организация соответствует всем критериям, закрепленным в ст. 3(1). В этом случае, Европейская комиссия присваивает статус посредника любой организации, которая, хотя и не соответствует пороговым значениям ст. 3(2), но удовлетворяет критериям ст. 3(1). При этом, Европейская комиссия должна провести подробный анализ данной организации в соответствии со ст. 17 DMA и сообщить о своих предварительных результатах в течение 6 месяцев после начала исследования в соответствии со ст. 15(2), а полностью завершить исследование в течение 12 месяцев после его начала (ст. 15(1)).

Стоит также отметить, что в обязанности Комиссии ЕС входит контроль над тем, продолжают ли посредники соответствовать требованиям ст. 3(1). Контроль такого рода должен осуществляться не реже одного раза в три года, а новые организации, соответствующие требованиям ст. 3(1) и 3(2), должны проверяться не реже одного раза в год (ст. 4(2)). Комиссия ЕС может присвоить организации статус посредника, если Комиссии ЕС очевидно, что в ближайшем будущем такая организация займет прочную позицию на европейском рынке (как видим, указанная норма ст. 17 (4) носит, в большей степени, оценочный характер, нежели те, о которых мы говорили ранее).

Что касается обязанностей посредников, то в DMA они распределены весьма условно, в ст. 5 и ст. 6 соответственно. Надо сказать, что в общей своей массе они представляют собой весьма несистематизированный список, который основан на идеях и выводах, изложенных Комиссией ЕС в процессе рассмотрения антимонопольных дел, многие из которых к моменту принятия DMA даже

не были завершены и все еще находились на стадии рассмотрения. Поэтому к указанным в ст. 5 и ст. 6 перечням обязанностей нужно относиться с определенной долей критичности. Приведем примеры некоторых из них:

- посредник обязан не препятствовать, а поставщики имеют право свободно предлагать свои товары или услуги потребителям на других цифровых платформах или на своих личных сайтах по более низким ценам. Например, посредник не вправе требовать от издателя электронной книги повысить цену на эту книгу, если издатель реализует эту книгу по более низкой цене на других цифровых платформах или с использованием своего личного сайта. В ином случае, это было бы нарушением регламента;
- посредник обязан не препятствовать поставщикам товаров и услуг бесплатно предлагать и заключать договоры с потребителями с помощью CPS посредника, доступ к которым уже был ранее приобретен ими (поставщиками);
- посредник обязан не препятствовать и не ограничивать потребителей в свободном получении доступа и использовании приобретенных ими за пределами платформы посредника материалов и функций иных программных приложений;
- посредник обязан не препятствовать праву пользователей платформы свободно обращаться в государственные или иные органы власти. Например, посредник не имеет права запрещать или каким-либо образом ограничивать поставщиков товаров и услуг или потребителей в праве обращаться в любые государственные органы по вопросу о несоблюдении посредником законодательства ЕС или национального законодательства какого-либо государства-члена ЕС. Также, по смыслу данной нормы регламента, посредник не имеет права штрафовать поставщика, который ранее подал иск в суд на незаконные действия посредника;
- посредник обязан не навязывать пользователям дополнительные услуги.

Отдельно стоит оговорить механизм контроля за посредниками в части соблюдения ими обязанностей, которые предусмотрены ст. 5 и ст. 6 регламента DMA.

По общему правилу, в соответствии со ст. 8(1), посредник обязан принять все необходимые меры для обеспечения соблюдения предусмотренных регламентом DMA обязанностей. С этой целью, в течение шести месяцев после того, как организации будет присвоен статус посредника, она обязана предоставить Комиссии ЕС соответствующий отчет.

Ст. 7 регламента DMA закрепляет два способа получения разъяснений от Комиссии ЕС о соответствии или несоответствии принятых посредником мер:

- Комиссия ЕС может сделать это по собственной инициативе, т.е. возбудить производство и в своем решении указать на те меры, которые

должен предпринять посредник для эффективного соблюдения им возложенных на него обязанностей;

- либо, инициатива может исходить от самого посредника. В таком случае он формирует самостоятельный запрос в Комиссию ЕС с просьбой определить, достаточны ли меры, которые он уже предпринял и реализовал.

Комиссия ЕС, как мы отметили выше, имеет право самостоятельно принять решение о возбуждении производства в отношении посредника. Если такое решение принято, то сообщение о его предварительных результатах должно быть сформулировано в течение трех месяцев. Конечным результатом проверки является акт, в котором будут определены меры, которые посредник обязан предпринять для обеспечения соблюдения возложенных на него обязанностей. Такой акт составляется в течение шести месяцев с момента возбуждения производства.

По мотивированному запросу посредника либо по собственной инициативе Комиссия ЕС вправе предоставить посреднику возможность временно не соблюдать нормы ст. 5, 6, 7 регламента DMA. Соответствующее решение Комиссия ЕС принимает в течение трех месяцев после получения мотивированного запроса. Надо сказать, что Комиссия ЕС вправе полностью освободить посредника от исполнения обязанностей, однако такое право предоставляется посреднику только в исключительных случаях (в целях защиты общественной безопасности).

Конечно, по общему правилу, посредник обязан соблюдать ст. 5, 6, 7. (ст. 8(1)), предоставить Комиссии ЕС отчет о реализованных мерах в течение 6 месяцев после присвоения статуса посредника в соответствии со ст. 3. (ст. 11(1)) и воздерживаться от совершения действий, которые подрывают эффективное исполнение обязанностей, предусмотренных ст. 5, 6 и 7 (ст. 13(4)), однако так происходит не всегда. Если Комиссия ЕС обнаружит, что посредник не соблюдает указанные нормы, то Комиссия ЕС вправе наложить на такого посредника штраф.

Регламент DMA предусматривает три вида штрафов, два из них выплачиваются одновременно, а один – периодически:

- единовременная выплата штрафа налагается на посредников, в том случае, когда они умышленно или по неосторожности нарушают норму ст. 29. По общему правилу размер штрафа составляет до 10% от общего оборота за предыдущий финансовый год. Однако DMA предусматривает право Комиссии ЕС повысить размер штрафа применительно к конкретному посреднику вплоть до 20% от его общего оборота за предыдущий финансовый год, если Европейская комиссия установит, что посредник совершил такое же или аналогичное нарушение обязательства, предусмотренного статьями 5, 6 или 7 DMA, в отношении той же основной ус-

луги платформы, если такое решение принято в течение 8 предыдущих лет.

- единовременная выплата штрафа налагается на организации (включая посредников), когда ими преднамеренно или по небрежности представляется неверная или неполная информация в рамках ст. 3, 14, 15, 21, 22, 22, 23, 26 или 34. Максимальный размер единовременной выплаты – до 1% от общего оборота за предыдущий финансовый год;
- периодические штрафные платежи (выплачиваются в день) налагаются на организации (включая посредников) за нарушение ст. 8, 18, 21, 23, 24, 25 и 29. Максимальный размер выплаты – до 5% от среднего дневного оборота за предыдущий финансовый год.

При наложении штрафных санкций Комиссия ЕС обязана учитывать все существенные обстоятельства и тяжесть правонарушения.

После вступления DMA в силу и последовавшего затем первичного анализа рынка на предмет правонарушений, Комиссия ЕС в 2024 году возбудила первые антимонопольные дела в отношении компаний Alphabet, Apple и др. крупных технологических компаний США.

В частности, о нарушении Alphabet и Apple статьи 5 (4) DMA. В соответствии с нормой указанной статьи посредник обязан предоставить право любому разработчику программного продукта, размещенного на цифровой платформе, бесплатно предлагать потребителям товаров и услуг ознакомиться с иными своими программными продуктами, размещенными за пределами цифровой платформы посредника. Комиссия ЕС также полагает, что поисковая система Google отдает предпочтение собственным сервисам холдинговой компании Alphabet (которая управляет Google и ее дочерними компаниями), что является нарушением статьи 6 (5) DMA.

О нарушении компанией Apple статьи 6 (3) DMA. По мнению Комиссии ЕС компания Apple разработала дизайн своего веб-браузера Safari таким образом, что возможность пользователя изменять настройки и пользоваться альтернативными поисковыми системами внутри данного программного продукта значительно затруднены.

В соответствии с опубликованным информационным сообщением [3] Комиссия ЕС намерена завершить расследование всех существенных обстоятельств указанных дел в течение 12 месяцев с момента их возбуждения (т.е. к марту-апрелю 2025 года). К этому времени Комиссия ЕС проинформирует указанные выше организации о полученных предварительных результатах и разъяснит, какие меры обязан предпринять посредник для устранения выявленных Комиссией ЕС нарушений.

Как мы отмечали выше, в случае выявления нарушений, Комиссия ЕС вправе наложить на посредника штраф в размере до 10% от общего оборота компании за предыдущий финансовый год. Указанный штраф может достигать и до 20%.

Подводя некоторые итоги, следует обозначить три основных тенденции современного антимонопольного регулирования деятельности цифровых платформ на цифровых рынках в Европейском союзе с учетом вступившего в юридическую силу регламента DMA:

- во-первых, в Европейском союзе доминирует общий подход, согласно которому одного действующего антимонопольного законодательства недостаточно для эффективного решения проблем, возникающих в связи с цифровизацией экономики и деятельностью цифровых платформ. Именно поэтому и был разработан DMA. Основная идея DMA – более точно дополнить существующие нормы антимонопольного законодательства Европейского союза специальными нормами о регулировании деятельности наиболее крупных (ключевых) цифровых платформ на цифровых рынках ЕС [4, с. 543]. Именно поэтому в Регламенте прослеживаются существенные ограничения, касающиеся узкого подхода к определению тех цифровых платформ, которые подпадают под регулирование Регламента, и в количественных критериях, которые также исключают из регулирования многие действующие цифровые платформы. Первые примеры применения норм DMA на практике как раз и свидетельствуют о том, что нормы DMA носят узко-специальный (цифровой) характер и направлены, прежде всего, на устранение цифровых механизмов, позволяющих занимать некоторым крупным цифровым платформам доминирующее положение на цифровых рынках ЕС. Насколько оправдаются ожидания европейского регулятора покажет время;
- во-вторых, по мнению европейского регулятора, для эффективного применения антимонопольного законодательства, к наиболее крупным цифровым платформам необходимо применять практику регулирования *ex ante*. Поскольку применение современного антимонопольного законодательства, как правило, происходит *post factum* и требует в каждом конкретном случае проведения весьма тщательного расследования, что, зачастую, является очень сложной процедурой, на которую могут уходить месяцы и даже годы [5]. Именно поэтому нормы DMA являются дополнением к традиционным антимонопольным нормам, путем введения ряда обязательств *ex ante* для цифровых платформ, обладающих на территории Европейского союза статусом посредника (указанный список основан на результатах обобщения практики Комиссии ЕС по антимонопольным спорам с участием крупных технологических компаний), что позволяет правоприменителю также отказаться от трудоемкого процесса определения товарных рынков, доминирования доминирующего положения и др.;
- также, необходимо обратить внимание и на другую немаловажную тенденцию. В связи с введением в действие DMA некоторые

государства-члены Европейского союза в соответствии со ст. 114 ДФЕС начали применять к деятельности наиболее крупных цифровых платформ обновленные национальные нормы антимонопольного законодательства. Так, например, немецкий Бундестаг принял поправку в закон «О противодействии ограничениям конкуренции» (GWB), включив новый раздел 19a, на основании которого Федеральное управление по борьбе с картелями Германии было наделено новыми полномочиями в отношении хозяйствующих субъектов, которые имеют т.н. «первостепенное значение для поддержания конкуренции на нескольких рынках», что напрямую касается операторов цифровых платформ. На основе норм нового раздела 19a в Германии были возбуждены антимонопольные дела в отношении Google [6], Amazon [7] и др. Отсюда, в некоторых научных работах зарубежных ученых-исследователей, высказывается мысль о том, что DMA, скорее всего, не унифицирует, а, наоборот, фрагментирует регулирование ЕС [8, с. 580].

Автор полагает необходимым принять во внимание формирующийся европейский опыт регулирования цифровых платформ. Как показывает практика – платформы можно и следует регулировать именно специальными нормами, в том числе, специальными нормами антимонопольного законодательства. Задача отечественного законодателя в ближайшее время сводится к тому, чтобы сформулировать и разработать концепцию регулирования платформ в России. Возможно, такого рода концепция будет предусматривать наличие единого закона о цифровых платформах, а также отдельных, отраслевых нормативных актов (некоторые из них уже разработаны и действуют с 2019 года), которые бы развивали общие идеи, заложенные в основном нормативном правовом акте о платформах. В любом случае, идеи, зафиксированные в европейском DMA, могут оказаться в этом плане для нас весьма полезными.

Литература

1. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022R1925&qid=1678699337458&from=en> (дата обращения: 26.05.2025).
2. Akman P. Regulating competition in digital platform markets: a critical assessment of the framework and approach of the EU Digital Markets Act // *European Law Review*. – 2022. – Vol. 47, No. 1. P. 85–114.
3. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_1689 (дата обращения 26.05.2025).
4. Larouche P., De Streel A. The European Digital Markets Act: A Revolution Grounded on Traditions // *Journal of European Competition Law & Practice*. – 2021. – Vol. 12, No. 7. P. 542–560. DOI: 10.1093/jeclap/lpab066. EDN: SMRDTL.
5. Cabral L., Haucap J., Parker G., Petropoulos G., Valletti T., Van Alstyne M. The EU Digital Markets Act // *Publications Office of the European Union*. – Luxembourg, 2021.
6. Bundeskartellamt examines Google News Showcase – URL: https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Meldung/EN/Pressemitteilungen/2021/04_06_2021_Google_Showcase.html (дата обращения: 27.05.2025).
7. Proceedings against Amazon based on new rules for large digital companies (Section 19a GWB). – URL: https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Meldung/EN/Pressemitteilungen/2021/18_05_2021_Amazon_19a.html (дата обращения: 27.05.2025).
8. Lamadrid de Pablo A., Fernandez N.B. Why the proposed DMA might be illegal under article 114 TFEU, and how to fix it // *Journal of European Competition Law & Practice*. – 2021. – Vol. 12, No. 7. P. 576–589. DOI: 10.1093/jeclap/lpab059. EDN: XRVGYN.

TRENDS IN ANTITRUST REGULATION OF DIGITAL PLATFORMS IN THE EUROPEAN UNION

Sayapin S.P.

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

The EU Regulation 2022/1925 on Digital Markets Act (DMA), which came into force in November 2022, represents a significant step in regulating major digital platforms such as Google and Amazon to combat anti-competitive practices. Under the DMA, key digital platforms, referred to as “intermediaries”, are subject to specific requirements and obligations aimed at ensuring fair competition and preventing abuse of dominance. The regulation identifies ten core services covered by its rules and sets out criteria for categorizing entities as intermediaries. It also includes mechanisms to monitor compliance with the regulations, as well as sanctions for violations. The relevance of the DMA is confirmed by the first antitrust cases initiated against large technology companies, emphasizing its importance for the modern market.

Keywords: legal regulation, digital platforms, trends in the development of European Union legislation, digital markets, antitrust legislation, DMA, Digital Markets Act.

References

1. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022R1925&qid=1678699337458&from=en> (дата обращения: 26.05.2025).
2. Akman P. Regulating competition in digital platform markets: a critical assessment of the framework and approach of the EU Digital Markets Act // *European Law Review*. – 2022. – Vol. 47, No. 1. P. 85–114.
3. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_1689 (дата обращения 26.05.2025).
4. Larouche P., De Streel A. The European Digital Markets Act: A Revolution Grounded on Traditions // *Journal of European Competition Law & Practice*. – 2021. – Vol. 12, No. 7. P. 542–560. DOI: 10.1093/jeclap/lpab066. EDN: SMRDTL.

5. Cabral L., Haucap J., Parker G., Petropoulos G., Valletti T., Van Alstyne M. The EU Digital Markets Act // Publications Office of the European Union. – Luxembourg, 2021.
6. Bundeskartellamt examines Google News Showcase – URL: https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Meldung/EN/Pressemitteilungen/2021/04_06_2021_Google_Showcase.html (дата обращения: 27.05.2025).
7. Proceedings against Amazon based on new rules for large digital companies (Section 19a GWB). – URL: https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Meldung/EN/Pressemitteilungen/2021/18_05_2021_Amazon_19a.html (дата обращения: 27.05.2025).
8. Lamadrid de Pablo A., Fernandez N.B. Why the proposed DMA might be illegal under article 114 TFEU, and how to fix it // Journal of European Competition Law & Practice. – 2021. – Vol. 12, No. 7. P. 576–589. DOI: 10.1093/jeclap/lpab059. EDN: XRVGYN.

Правовое регулирование раздела имущества супругов, вовлеченного в коммерческий оборот: проблемы и пути их решения.

Терехов Евгений Александрович,
аспирант, ФГБОУ ВО «НГУЭУ»
E-mail: eaterehov@mail.ru

В статье анализируются актуальные проблемы правового регулирования раздела имущества супругов, вовлеченного в коммерческий оборот. Рассматриваются особенности раздела долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, и раздел цифровых, инвестиционных и иных нетрадиционных активов. На основе анализа судебной практики и законодательства Российской Федерации выявлены правовые пробелы, предлагаются пути совершенствования нормативного регулирования и судебной практики. Особое внимание уделено необходимости развития института брачных договоров и обеспечения баланса интересов супругов в коммерческом обороте.

Ключевые слова: раздел имущества супругов, доля в ООО, совместная собственность, коммерческий оборот, брачный договор, предпринимательские долги, ипотека, цифровые активы, судебная практика.

Введение

Раздел общего имущества супругов при разводе – сложная процедура, которая усложняется еще больше, если в состав этого имущества входят активы, вовлеченные в коммерческий оборот (бизнес-активы, доли в компаниях, инвестиционные инструменты и пр.) Современная экономическая жизнь приводит к тому, что многие супруги во время брака вместе ведут бизнес или инвестируют средства. При расторжении брака каждый из супругов обычно претендует на половину всего нажитого имущества, включая половину бизнеса, если таковой имеется. Однако специфика коммерческих активов такова, что их раздел порой затрагивает интересы третьих лиц (компаний, кредиторов) и может негативно сказаться на самом бизнесе.

Российское законодательство устанавливает режим общей совместной собственности супругов на имущество, нажитое в браке – к такому имуществу относятся, в том числе доходы от предпринимательской деятельности, приобретенные на эти доходы движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, доли участия в капитале организаций и так далее [1]. Однако специальные нормы, напрямую регулирующие порядок раздела бизнес-активов между супругами, отсутствуют. При разрешении соответствующих споров, суды руководствуются общими положениями законодательства о разделе совместно нажитого имущества. В результате к 2025 году в правоприменительной практике выявился ряд проблем и пробелов: отсутствует единообразие в подходах, закон не учитывает особенностей коммерческого оборота, что порождает противоречивые судебные решения. Ниже рассматриваются ключевые проблемы раздела имущества, вовлеченного в предпринимательскую деятельность, проанализирована судебная практика и предложены возможные пути решения – как путем совершенствования законодательства, так и с помощью иных механизмов.

Литературный обзор

Правовая основа исследования включает нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы раздела имущества супругов, вовлеченного в коммерческий оборот. В основе исследования лежат положения Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса РФ, Гражданского процессуального кодекса РФ, Налогового кодекса РФ, Семейного кодекса РФ. Эмпирическую основу исследования составляют акты судебной практи-

ки, включая определения Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также определения и обзоры Верховного Суда РФ и арбитражных судов. Также проанализированы работы множества авторов в данной сфере. Большое количество исследований посвящены брачному договору, но реже брачному договору супругов-предпринимателей (Г.А. Трофимова, С.Г. Побережный). Попытку комплексного анализа правового режима доходов супругов от предпринимательской деятельности предпринимает О.В. Яшин. Традиционно большое внимание уделяется разделу имущества при расторжении брака супругов, в том числе и супругов-предпринимателей (А.Н. Левушкин, Н.В. Летова, Т.В. Краснова, Ю.А. Метелева). Особо стоит отметить вклад в развитие доктринальных исследований предпринимательской деятельности супругов доктора юридических наук, профессора А.Н. Левушкина, работы которого затрагивают вопросы семейного предпринимательства как феномена с позиций правовых исследований в цивилистической парадигме, проблемы применения прав супругов при осуществлении предпринимательской деятельности. Левушкин говорит о семейном бизнесе как о сложной категории на стыке экономики и права, социально-экономической связи членов семьи, которая представляет собой совокупность имущественных и неимущественных отношений, в рамках которых реализуются права и обязанности супругов в сфере предпринимательской деятельности и непосредственное её ведение.

Материалы и методы

Методология исследования включает использование общих научных и специальных правовых методов. Общие методы, такие как анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнительный и исторический методы, а также системный подход, позволяют детально изучить предмет исследования, выявить его внутренние связи и зависимости. Правовые методы включают формально-юридический метод для анализа законодательства и судебных актов, метод толкования права для глубокого понимания содержания правовых норм и их применения.

Результаты исследования и их обсуждение

Если в совместную собственность супругов входит доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью либо пакет акций акционерного общества, при разделе имущества неизбежно возникает вопрос: каким образом поделить эту корпоративную принадлежность. Доля в бизнесе – особый объект, отличающийся от обычных вещей. Закон рассматривает долю как имущество, принадлежащее одному из супругов, и признает ее совместно нажитой, если она приобретена в период брака на общие средства. При этом имущество самой коммерческой организации не становится совместной собственностью супругов только на том основании, что один из них является участником или акционе-

ром. Разделу подлежит именно доля участия (корпоративные права), а не имущество, принадлежащее юридическому лицу [2, с. 150].

Действующее семейное и гражданское законодательство не содержит специальных норм о разделе долей в бизнесе между супругами. Это приводит к тому, что при разводе используются общие правила: в идеале доля должна быть разделена пополам (то есть каждый супруг получает половину корпоративных прав) либо одному супругу может быть присуждена доля целиком с выплатой другому компенсации, равной половине ее стоимости. Какой из этих способов применить – на усмотрении суда, поскольку закон не дает четких критериев. Отсюда вытекает отсутствие единообразия в практике. В некоторых случаях суды прямо делят долю в ООО между супругами в натуре, делая бывшего второго супруга совладельцем бизнеса, в иных случаях – отходят от принципа натуре и присуждают компенсацию деньгами, чтобы не вводить постороннего участника в состав общества. Например, обзоры судебных решений показывают, что часто на практике долю в уставном капитале делят в натуре, а затем производится её реализация и выплата денежной компенсации, что в итоге оказывается более целесообразным для сторон. Считается, что для супруга, не участвовавшего ранее в деятельности общества, выгоднее получить денежную компенсацию, поскольку он может не иметь возможностей эффективно управлять долей в бизнесе. С другой стороны, лишение супруга права получить именно долю (если он желает участвовать в бизнесе) ограничивает его имущественные права.

Возникают и корпоративно-правовые коллизии: устав ООО может содержать ограничения на вход новых участников, другие участники общества нередко возражают против передачи доли бывшему супругу. Закон об ООО предусматривает правила отчуждения долей, в том числе продажу третьим лицам с преимущественным правом покупки для остальных участников, однако раздел доли по решению суда напрямую в этом законе не урегулирован. В случае смерти участника его доля переходит наследникам, либо общество выплачивает им действительную стоимость доли, если уставом запрещен вход наследников. По аналогии подобный механизм мог бы применяться и при разделе имущества супругов, но в действующем законодательстве он не прописан, что ставит суд перед простой дилеммой.

В практике Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции встречаются различные подходы. Так, суды признают, что доля в бизнесе относится к совместно нажитому имуществу, подлежащему разделу, даже если формально она зарегистрирована на одного супруга. В одном деле, рассмотренном судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда, бывшая супруга участника ООО требовала выделить ей половину доли. Суд указал, что с учётом положений устава и позиции других участников передача ей доли в натуре затрудни-

тельна, поэтому справедливым разделом будет оставление доли за мужем-предпринимателем с обязанностью выплаты жене компенсации в размере половины рыночной стоимости доли. В другом случае, напротив, суд разделил долю поровну, признав за каждым из ex-супругов право на 50% в уставном капитале, поскольку оба супруга активно участвовали в создании и развитии бизнеса. Как отмечается в исследованиях, единого подхода в судебной практике не выработано: суды исходят из обстоятельств дела, учитывая мнение других участников общества и реальную возможность выплатить компенсацию.

Отдельного внимания заслуживает вопрос оценки доли при разделе. Номинальная стоимость уставного капитала ООО зачастую не отражает реальной ценности бизнеса. Если одному супругу присуждается доля целиком, другому должна быть определена компенсация исходя из действительной (рыночной) стоимости этой доли [3, с. 180]. Проблема в том, что законодательство прямо не устанавливает методику оценки; требуются заключения экспертов, финансовые отчеты и т.п., что усложняет процесс и нередко становится предметом спора между сторонами. Так, в практике известны случаи, когда супруг оспаривал оценку бизнеса, считая её заниженной, и добивался назначения судебной экспертизы. Верховный Суд РФ в ряде определений подчеркивал, что при разделе имущества следует учитывать рыночную стоимость активов на момент рассмотрения дела, чтобы обеспечить баланс интересов сторон.

Отсутствие специальных норм о разделе корпоративных прав ведет к тому, что судьба бизнеса при разводе оказывается непредсказуемой. Для устранения этого пробела представляется целесообразным внести изменения в законодательство. Один из вариантов – дополнить Семейный кодекс РФ положением о порядке раздела долей в хозяйственных обществах. Например, можно закрепить право супруга на получение денежной компенсации вместо доли по его выбору либо в случаях, когда передача доли в натуре невозможна или существенно затруднена уставными ограничениями. Также следовало бы предусмотреть механизм определения стоимости доли (например, исходя из данных бухгалтерской отчетности). Параллельно можно внести изменения в закон об ООО, указав, что раздел совместно нажитой доли по решению суда допускается и не требует согласия общества или других участников, но при этом им может предоставляться право преимущественного выкупа доли у супруга, получившего её при разделе, по рыночной цене.

Кроме законодательных мер, важны и превентивные механизмы. Супруги, вовлеченные в предпринимательскую деятельность, могут заранее урегулировать судьбу бизнеса в случае развода путем заключения брачного договора [4, с. 116]. В договоре можно определить режим отдельной собственности на доли в компаниях или установить конкретный способ раздела (например, выплата

компенсации по заранее согласованной методике). К сожалению, в российском обществе институт брачного договора пока не получил широкого распространения – многие предприниматели скептически относятся к нему, хотя на Западе такие соглашения являются обычной практикой и позволяют упростить раздел имущества [5, с. 9]. Распространение брачных контрактов в предпринимательской среде могло бы снизить число конфликтов при разделе бизнеса.

К имущественным отношениям супругов в последние годы добавились новые объекты, ранее не существовавшие либо не имевшие массового характера. Речь идет о цифровых активах (криптовалюта, токены, цифровые права), инвестициях в иностранные компании, виртуальном имуществе (например, аккаунты в социальных сетях, онлайн-бизнес). Законодательство зачастую отстает от появления таких объектов, из-за чего их правовой режим в брачно-семейных отношениях не до конца ясен [6, с. 153]. Тем не менее, ценность этих активов может быть значительной, и при разводе возникает вопрос об их учете и разделе.

Возьмем криптовалюту как пример. На 2025 год в России законодательно признано понятие цифровой валюты и цифровых финансовых активов, однако они не являются законным средством платежа и их правовой режим особый [7, стр.47]. Тем не менее, суды уже сталкиваются с необходимостью раздела криптовалютных накоплений супругов. Проблем несколько: определение наличия и объема этого актива, его правовая квалификация (имущество или нет) и способ раздела. Криптовалюта хранится децентрализованно, и установить факт ее владения непросто, если только один из супругов не представит соответствующую информацию. Отсутствие механизмов раскрытия таких активов позволяет недобросовестным супругам скрывать их при разводе. Даже если информация о наличии, например, биткоинов, всплывает, возникает вопрос оценки – курсы криптовалют крайне волатильны. Как зафиксировать стоимость, по какому курсу и дате – закон не отвечает. Кроме того, технически разделить криптовалюту можно, переведя половину на кошелек другого лица, но суду трудно обеспечить исполнение такого решения: нужно обязать супруга передать условно X биткоинов другому, а если он откажется или заявит, что потерял ключ доступа, реального рычага воздействия может не оказаться.

Аналогичные сложности связаны с иными цифровыми правами – например, токенами, NFT, цифровыми активами на инвестиционных платформах. Пока нет прямых норм, относящих их к совместному имуществу, но по общему принципу «иное нажитое имущество» их следует включать в состав общих активов [8, с. 214]. Значит, суды по аналогии с иными объектами признают за каждым супругом право на половину стоимости таких активов. Однако отсутствие методик оценки и механизмов принудительного исполнения затрудняет реальное получение причитающегося.

Недобросовестные супруги иногда пытаются спрятать капиталы, регистрируя компании или счета на доверенных лиц, оффшорные трасты и т.п. Формально такое имущество не принадлежит супругу-де-факто, значит, и не подпадает под раздел. Тем не менее, суды уже признали, что косвенное владение (через номинальных держателей) может учитываться, если имеются доказательства. В одном из дел Верховного Суда РФ разбиралась ситуация, где муж являлся бенефициаром оффшорной компании, хотя официально долей не владел – через цепочку доверенных лиц. Бывшая супруга настаивала, что бизнес приобретен в браке на общие средства и скрыт мужем. Верховный Суд указал, что для правильного разрешения спора важно установить фактическое владение и источник инвестиций, если будет доказано, что компания приобретена на семейные средства, ее стоимость может учитываться при разделе. При этом Суд подчеркнул, что бремя доказательства лежит на том, кто утверждает о наличии скрытого актива, и нужны убедительные доказательства (документы, подтверждающие переводы денег, контроль со стороны супруга и т.д.), иначе такие требования удовлетворены не будут. В реальности собрать подобные доказательства крайне трудно, особенно если активы за рубежом. Таким образом, значительные суммы могут ускользнуть от раздела просто из-за невозможности их обнаружить и доказать принадлежность.

Российская судебная практика по разделу криптовалют только формируется. Из известных прецедентов можно отметить дело в г. Москве в 2020 году, где суд впервые столкнулся с требованием разделить биткоины, добытые супругами во время брака. Суд квалифицировал криптовалюту как имущественное право, подлежащее учету при разделе, однако из-за отсутствия законодательной базы отказался прямо присудить жене половину в виде биткоинов. Вместо этого суд обязал мужа выплатить компенсацию в рублях, эквивалентную половине стоимости криптовалюты на определенную дату. Этот случай показал один из возможных подходов – компенсировать стоимость цифрового актива, минуя проблему передачи самого актива. Тем не менее, вопрос исполнения решения (уплаты компенсации) остался открытым, если у должника нет иных активов, кроме собственно криптовалюты, которую трудно отследить.

В другой ситуации, фигурировавшей в юридической прессе, жена пыталась доказать наличие у мужа скрытого криптокошелька с крупной суммой. Через суд были истребованы сведения о переводах со счетов мужа, которые показывали регулярные покупки криптовалюты. На основании этих косвенных доказательств суд включил предполагаемый остаток криптовалюты в состав делимого имущества и оценил его по курсу на дату раздела, распределив стоимость между сторонами. Однако из-за отсутствия прямого контроля над кошельком фактически решение повисло в воздухе. Этот пример демонстрирует ограниченность судебной власти в отношении децентрализованных активов.

Что касается активов оффшорных компаний, известны громкие бракоразводные процессы с участием крупных бизнесменов, где жены пытались отсудить долю в иностранных активах. В одном из таких дел (2019 г.) бывшей супруге не удалось доказать принадлежность мужу активов, записанных на оффшорный траст – суд указал на недостаточность доказательств, связи траста с супругом. А вот в другом случае суд установил, что сразу после подачи женой иска о разделе имущества муж совершил серию сделок, передав свои доли в российских компаниях аффилированному лицу. Суд признал эти сделки притворными и включил соответствующие доли в раздел. Хотя это было имущество в России, пример важен тем, что суды могут применять механизм признания сделок недействительными, если видят попытку вывести активы из-под раздела. По аналогии, если бы была доказана фиктивность передачи зарубежного актива, результат мог быть схожим, но международные элементы осложняют ситуацию.

Раздел нетрадиционных активов – новая область, где законодательство явно отстает. Требуются своевременные изменения и дополнения. В отношении цифровых активов назрела необходимость прямо закрепить в Семейном кодексе, что криптовалюта и иные цифровые права, приобретенные в браке, являются совместной собственностью. Это устранило бы сомнения в правовой квалификации при рассмотрении споров. Также следует разработать процедуру обеспечения иска при подозрении на наличие криптовалюты – например, возможность по решению суда временно ограничивать операции с криптокошельками, если известны их идентификаторы, или обязывать лицо раскрыть свои криптоактивы под угрозой ответственности. Понимая сложности с исполнением, возможно, стоило бы ввести презумпцию: если установлено, что за счет общих средств приобретались криптоактивы, но их точное количество скрыто ответчиком, суд вправе присудить истцу денежную компенсацию, а бремя возможных потерь от колебания курса возложить на скрывающую сторону. Это стимулировало бы честность: скрывая актив, можно потерять на разнице курсов или на оценке суда.

Для активов, находящихся за рубежом или на третьих лицах, ключевое – международное сотрудничество и обмен информацией. Законодательно можно расширить полномочия судов по истребованию сведений, в том числе из иностранных юрисдикций, о собственности супругов (например, через договоры о правовой помощи). Стоит установить обязанность декларирования зарубежных активов при бракоразводном процессе: например, требовать от сторон письменного заявления о принадлежащих им иностранных счетах, компаниях, трастах, под угрозой привлечения к ответственности за ложные сведения. Конечно, недобросовестный супруг может солгать, но наличие такой процедуры и наказуемости станет сдерживающим фактором.

Также следует обратить внимание на виртуальные ценности, которые прямо не являются вещами или имущественными правами, но имеют косвенную ценность (например, монетизированные аккаунты, онлайн-бизнесы без образования юр.лица). Возможно, потребуется обновление понятий объектов гражданских прав в ГК РФ, чтобы охватить такие феномены, и тогда их можно будет легче квалифицировать в составе супружеского имущества.

Наконец, повышать финансовую грамотность и правовую культуру супругов. Как показывает практика, пока лишь немногие заключают брачные договоры, а ведь именно в отношении новых типов активов договор мог бы сыграть большую роль. Например, супруги могут специально оговорить в договоре порядок доступа к информации о счетах и инвестициях, способы раздела виртуальных активов (вплоть до передачи паролей или использования условного депонирования криптоключей у нотариуса). Пока такие меры скорее теоретичны, но с развитием цифровой экономики подобные условия в брачных соглашениях могут стать нормой.

Заключение

Действующее семейное и гражданское законодательство России не обеспечивает достаточной ясности и защиты интересов сторон при разделе долей в бизнесе, цифровых активов и зарубежного имущества. Судебная практика демонстрирует разнообразные подходы, нередко противоречащие друг другу, что снижает предсказуемость исходов бракоразводных процессов и может подрывать доверие к судебной системе.

Для устранения правовых пробелов необходим комплекс законодательных изменений: введение специальных норм в Семейный кодекс и законы о хозяйственных обществах, регулирующих порядок раздела корпоративных прав, механизмов оценки и компенсации, а также правовой режим цифровых и виртуальных активов. Важной задачей становится также обеспечение прозрачности имущественного положения супругов, особенно при наличии активов за границей или зарегистрированных на третьих лиц.

Наряду с законодательными мерами требуется развитие превентивных инструментов – прежде всего института брачного договора, который может существенно упростить раздел имущества, если оформлен грамотно и с учётом новых реалий. Повышение финансовой и правовой грамотности супругов, распространение правовой культуры договорных отношений – не менее важные шаги на пути к снижению конфликтов и судебной нагрузки.

Таким образом, совершенствование правового регулирования имущественных отношений между супругами должно учитывать изменения в экономической и социальной структуре общества, обеспечивать баланс интересов сторон и актуальность правоприменительной практики в современных условиях.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. Закон от 29.12.1995 № 223–ФЗ: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г.: [ред. от 31 июля 2023 г.] // Собрание законодательства РФ. – 01.01.1996. – № 1. – ст. 16.
2. Пьянкова, А.Ф. Раздел общего имущества супругов в Российской Федерации: спорные вопросы теории, законодательства и правоприменения / А.Ф. Пьянкова, Т.В. Шершень // *Ex jure*. – 2023. – № 3. – С. 145–167.
3. Ибрагимова, Е.О. Современные проблемы раздела бизнес-активов супругов / Е.О. Ибрагимова // *Вестник науки*. – 2025. – № 4 (85). – С. 176–187.
4. Васильев, Д.В. Брачный договор как инструмент минимизации рисков при разделе бизнеса / Д.В. Васильев // *Хозяйство и право*. – 2020. – № 7. – С. 114–118.
5. Локтионова, Е.Ю. Актуальные вопросы правового регулирования раздела супружеского имущества / Е.Ю. Локтионова // *Скиф*. – 2020. – № 12(52). – С. 7–13.
6. Лучинина, Д.А. Раздел виртуального имущества при разводе / Д.А. Лучинина // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2024. – № 12–1 (99). – С. 153–156.
7. Мустафин, Р.Ф. Особенности международного правового режима «раздела» криптовалюты как имущества в бракоразводном процессе / Р.Ф. Мустафин, С.А. Мустафина, А.А. Ашотовна // *Аграрное и земельное право*. – 2022. – № 2 (206). – С. 46–48.
8. Сынкova, Е.Н. Цифровая валюта как объект общего имущества супругов / Е.Н. Сынкova // *Аграрное и земельное право*. 2022. № 2 (206). – С. 213–216.
9. Локтионова, Е.Ю. Актуальные вопросы правового регулирования раздела супружеского имущества / Е.Ю. Локтионова // *Скиф*. – 2020. – № 12(52). – С. 7–13.

LEGAL REGULATION OF THE DIVISION OF SPOUSES' PROPERTY INVOLVED IN COMMERCIAL TRANSACTIONS: ISSUES AND SOLUTIONS

Terekhov E.A.

Novosibirsk State University of Economics and Management

The article analyzes current issues in the legal regulation of the division of marital property involved in commercial circulation. It examines the specifics of dividing shares in the authorized capital of limited liability companies, as well as the division of digital, investment, and other non-traditional assets. Based on an analysis of judicial practice and legislation of the Russian Federation, legal gaps are identified, and proposals are made for improving regulatory frameworks and judicial practices. Special attention is given to the need for the development of the institution of prenuptial agreements and ensuring a balance of interests between spouses in commercial transactions.

Keywords: division of spouses' property, LLC shares, joint property, commercial transactions, prenuptial agreement, entrepreneurial debts, mortgage, digital assets, judicial practice.

References

1. Family Code of the Russian Federation: Federal Law of 29.12.1995 No. 223-FZ: adopted by the State Duma on 8 December 1995: [as amended on 31 July 2023] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 01.01.1996. – No. 1. – Art. 16.
2. Pyankova, A.F. Division of common property of spouses in the Russian Federation: controversial issues of theory, legislation and law enforcement / A.F. Pyankova, T.V. Shershen // *Ex jure*. – 2023. – No. 3. – P. 145–167.
3. Ibragimova, E.O. Modern problems of division of business assets of spouses / E.O. Ibragimova // *Bulletin of science*. – 2025. – No. 4 (85). – P. 176–187.
4. Vasiliev, D.V. Marriage contract as a tool for minimizing risks in business division / D.V. Vasiliev // *Business and law*. – 2020. – No. 7. – P. 114–118.
5. Loktionova, E. Yu. Current issues of legal regulation of the division of marital property / E. Yu. Loktionova // *Skif*. – 2020. – No. 12 (52). – P. 7–13.
6. Luchinina, D.A. Division of virtual property in divorce / D.A. Luchinina // *International journal of humanitarian and natural sciences*. – 2024. – No. 12–1 (99). – P. 153–156.
7. Mustafin, R.F. Features of the international legal regime of the “division” of cryptocurrency as property in divorce proceedings / R.F. Mustafin, S.A. Mustafina, A.A. Ashotovna // *Agrarian and land law*. – 2022. – No. 2 (206). – P. 46–48.
8. Synkova, E.N. Digital currency as an object of common property of spouses / E.N. Synkova // *Agrarian and land law*. 2022. No. 2 (206). – P. 213–216.
9. Loktionova, E. Yu. Current issues of legal regulation of the division of marital property / E. Yu. Loktionova // *Skif*. – 2020. – No. 12 (52). – P. 7–13.

Изъятие имущества для государственных и муниципальных нужд: проблемы теории и правоприменения

Черни Данил Владимирович,

студент, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: work.life.03@bk.ru

Ломидзе Эдуард Юрьевич,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: pismabudut@yandex.ru

Статья посвящена изучению проблематики изъятия имущества для публичных нужд в Российской Федерации. Автором рассматривается исторический аспект института изъятия для государственных и муниципальных нужд, выделяются условия изъятия, описывается процедура изъятия в общем виде. Большое внимание в работе выделяется земельному законодательству, так как без изъятия земельных участков изъятие имущества невозможно. Выделяются проблемы возмещения за изъятие: описываются формы возмещения, анализируются проблемы денежной формы возмещения, выражающиеся в: занижении выкупной стоимости, вопросы налогообложения данных сумм, в частности, в контексте налога на прибыль организаций, проблематика оплаты налога при продаже земельных участков, вновь созданных после разделения при изъятии для публичных нужд, а также автором поднимается проблематика расчета упущенной выгоды. Предлагаются пути решения и внесение изменений в отдельных нормативно-правовые акты.

Ключевые слова: изъятие имущества, процедура изъятия имущества, условия изъятия имущества, государственные и муниципальные нужды, возмещение за изъятие имущества.

Актуальность института изъятия имущества для публичных нужд обусловлена необходимостью обеспечения баланса между публичными и частными интересами. Изъятие имущества представляет собой сложный состав юридических фактов, затрагивающих конституционные права субъектов гражданского оборота. В условиях интенсивного развития инфраструктуры, реализации национальных и региональных проектов, расширения общественно значимых объектов вопрос правового регулирования изъятия имущества становится всё более значимым.

За последующие столетия правовое регулирование представленных общественных отношений усложнилось, так как акты стали более подробными и комплексными. Также в научной доктрине стали возникать различные подходы к институту изъятия земельных участков государством для собственных нужд. Большинство представителей дореволюционного периода использовали для характеристики этого процесса термин «экспроприация».

В дореволюционный период процедура изъятия земельных участков предусматривала специальное представление. Его необходимо было направлять в орган по делам о принудительном отчуждении недвижимого имущества, и владелец получал за это вознаграждение. В соответствии с этим документом необходимо было издать именной высочайший указ об экспроприации. После того, как оформлялся переход права собственности, выплачивалось вознаграждение. Проценты на сумму возмещения нужно было начислять с того момента, как земельный участок был фактически изъят. В рассматриваемый период времени закон предоставлял возможность собственнику вернуть участок в том случае, если тот объект недвижимости, ради которого его изымали, не удалось возвести. Реализация этого права происходила в формате выкупа в течение 10 лет. [1]

Конституция Российской Федерации в статье 35 закрепляет право частной собственности и допускает её отчуждение только при условии предварительного и равноценного возмещения. Именно это положение отражает стремление законодателя устанавливать справедливый баланс между интересами общества и частными лицами, обеспечивая тем самым защиту собственности от произвольного вмешательства. Однако реализация этой нормы потребует чёткой правовой регламентации для минимизации рисков злоупотреблений со стороны органов государственной власти и местного самоуправления.

Практическое значение данного исследования заключается в том, что оно позволяет раскрыть проблемные аспекты изъятия имущества через исследование судебной практики, а органы власти и суды смогут реализовать процедуры изъятия в соответствии с законодательством, избегая нарушений прав собственников и сводя к минимуму любые споры. Чёткие и прозрачные правила изъятия способствуют формированию доверия граждан к государству. Оптимизация процедур изъятия недвижимости и земельных участков также способствует улучшению инвестиционного климата.

Ст. 235 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) содержит объемный перечень оснований прекращения права собственности, однако наиболее интересующим в рамках рассматриваемой темы является изъятие для государственных и муниципальных нужд. [2]

В соответствии со ст. 49 Земельного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ЗК РФ) изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд осуществляется в исключительных случаях по следующим основаниям: [3]

1) выполнение международных договоров РФ

2) строительство, реконструкция объектов различного уровня по значению, при отсутствии других возможных вариантов. Сюда относятся объекты энергетических систем и так далее.

3) иные основания, предусмотренными федеральными законами.

Как мы можем увидеть, перечень оснований для изъятия не является закрытым. Ярким примером изменения оснований изъятия может служить проведение в 2014 году Олимпийских игр в Сочи и принятия ФЗ от 01.12.2007 г. № 310-ФЗ [4], проведение Чемпионата Мира по футболу в 2018 году (ФЗ от 07.06.2013 г. № 108-ФЗ) [5], присоединение к городу Москве территорий (ФЗ от 05.04.2013 г. № 43-ФЗ). Справедливо отметить, что изменения в основания изъятия для государственных и муниципальных нужд могут вноситься лишь на федеральном уровне, что дает дополнительную защиту частным субъектам. Важно отметить, что понятия государственных и муниципальных нужд законодательно не закреплено, но указания на дефиницию данного термина встречается в судебных актах Верховного Суда Российской Федерации (далее по тексту – ВС РФ). Так, в Постановлении Пленума ВС РФ от 02.07.2009 г. № 14 под государственными или муниципальными нуждами при изъятии земельных участков понимаются потребности Российской Федерации, субъекта РФ или муниципального образования, связанные с обстоятельствами, установленными соответственно федеральными законами или законами субъектов РФ, удовлетворение которых невозможно без изъятия земельных участков. [6] Также в одном из определений ВС РФ государственные и муниципальные нужды рассматриваются как существующие у публично-правовых субъектов потребности, реализация которых имеет цель удовлетворения общественных интересов. [7]

В ранее действовавшем ФЗ от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» в статье 3 раскрывались понятия государственных нужд, муниципальных нужд и нужд бюджетных учреждений, где под первыми понимались обеспечиваемые за счет средств бюджета потребности РФ, государственных заказчиков, необходимых для осуществления функций и полномочий, исполнения международных обязательств. [8] Однако, в 2014 году данный нормативно-правовой акт утратил силу, и был принят Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ, в который норма права, содержащаяся в статье 3 ФЗ-94, перенесена не была. [9] В доктрине также существует мнение, что отсутствие легальной дефиниции рассматриваемого понятия не является проблематикой, так как довольно сложно вложить в один термин всю совокупность факторов и критериев отнесения чего-либо к нуждам государства.

Процедура изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд предусмотрена главой VII.1 ЗК РФ. Субъектный состав состоит из публично-властных субъектов и частных собственников. Требования к условиям изъятия содержатся в ст. 56.3 ЗК РФ, согласно которым изъятие допускается, если это предусмотрено утвержденными документами территориального планирования и утвержденными проектами планировки территории. Однако, из этих условий есть исключения. Изъятие возможно в отсутствие упомянутой документации, если решение обосновано созданием или расширением особо охраняемой природной зоны, лицензией на пользование недрами, признание многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции. Решение об изъятии принимается уполномоченным органом власти, который в течение 10 дней осуществляет размещение информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также направляет копии решения правообладателям и орган регистрации прав. Важно отметить, что срок действия решения составляет 3 года со дня его принятия, а Кодексом устанавливается пресекательный срок обжалования решения – 3 месяца. Процедура заканчивается разработкой и подписанием соглашения об изъятии. Однако, если частный собственник по истечении 90 дней не обжалует и не подписывает соглашение, властный субъект правомочен в судебном порядке требовать принудительного изъятия.

В контексте рассматриваемого института важно сказать о таком непоименованном основании изъятия земельных участков как комплексное развитие территорий (далее по тексту – КРТ). Данное понятие появилось в законодательстве совсем недавно, в 2020 году, путем внесения изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – ГрК РФ) Федеральным законом

от 30.12.2020 г. № 494-ФЗ, в соответствии с которым в кодифицированном акте появилась глава 10. [10] КРТ представляет собой совокупность мероприятий в соответствии с утвержденной документацией по планировке территории, направленное на благоустройство инфраструктуры, обновление среды жизнедеятельности, территорий общего пользования. Во многом появление данного института связано с Стратегией развития строительной отрасли и ЖКХ до 2030 года с прогнозом до 2035 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 31.12.2022 г. № 3268-р) и является приоритетным направлением градостроительной деятельности государства.[11] О появлении данного института ведутся дискуссии. Часть авторов считает, что с помощью КРТ у законодателя имеется больше возможностей обращения к собственности частных лиц, так как были расширены основания изъятия, список субъектов, имеющих право инициировать процедуру. Таким образом, можно сделать вывод, что природа института комплексного развития территорий определена, однако необходим детальный контроль за действиями законодателя, чтобы избежать злоупотребления правом и ущемлении частного владельца.

Возмещение за изъятие имущества для публичных нужд осуществляется в 2 формах: денежной и натуральной. Состав первой формы возмещения содержится в ст. 281 ГК РФ, включая в себя рыночную стоимость имущества, убытки, в том числе упущенную выгоду. Законодатель здесь же закрепляет и 2 основных условия изъятия: предварительное и равноценное возмещение. Вторая форма возмещения есть нечто иное, как предоставление собственнику взамен альтернативного участка, с соблюдением вышеупомянутых условий.

Основы расчета размера возмещения содержатся в Федеральном законе от 29.07.1998 года № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». [12] Говоря о проблематике денежной формы возмещения, законодательно не закреплена методика расчета экономической обоснованности упущенной выгоды при изъятии. В случае, если изымаемый объект сдается в наем, аренду, не определено, за какой период будет компенсирована упущенная выгода. Размер упущенной выгоды производится с учетом разумного срока, необходимого для восстановления нарушенного права. Так, по одному из дел в Арбитражном суде Краснодарского края предметом спора являлось определение возмещения за изымаемый земельный участок. Судом была назначена экспертиза, в результате которой размер возмещения был определен более, чем в 40 раз больше, от первоначального, предоставленного отчета об оценке, истцом. [13] Эксперт указал, что расчет упущенной выгоды произведен за период 10 месяцев, исходя из платы за аренду сопоставимого по характеристикам земельного участка, так как спорный земельный участок не сдавался в аренду, а за основу брались затраты собственника на поиск нового земельного участка на период экспози-

ции. По аналогичному делу, рассмотренному кассационной инстанцией, расчет упущенной выгоды был также произведен за период 10 месяцев. [14] Таким образом, можно сделать вывод, что в судебной практике сложился средний период расчета упущенной выгоды – 10 месяцев.

Также одним из проблемных аспектов денежной формы возмещения являются вопросы налогообложения, в частности налога на прибыль организаций. В соответствии со ст. 247 НК РФ объектом налогообложения по налогу на прибыль организаций признается прибыль, полученная налогоплательщиком. [15] Исчерпывающий перечень доходов, не учитываемых при определении налоговой базы по данному виду налога, установлен в ст. 251 НК РФ и в данной норме не упоминается доход в виде компенсаций за изъятие для государственных и муниципальных нужд. Соответственно, можно сделать вывод, что эти выплаты учитываются в составе доходов при формировании налоговой базы по налогу на прибыль организаций. Однако в Письме Минфина РФ от 06.10.2021 г. № 03–11–09/80781 указано, что «поскольку изъятие у компании находящегося в собственности земельного участка и недвижимости в пользу государства производится без учета его воли, такое изъятие не должно иметь для компании налоговых последствий». [16] Аналогичная позиция была изложена и в другом письме Минфина № 03–11–09/70420, с опорой на нормы НК РФ и позицию Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации [17]

Еще одним пробелом законодательного регулирования являлся вопрос уплаты налога при продаже вновь созданного земельного участка, получившегося в результате разделения первоначального участка при изъятии для государственных и муниципальных нужд. До 1 января 2025 года собственникам при продаже такого участка приходилось оплачивать НДФЛ в размере 13%, если не выжидался пятилетний срок владения. С этого года с момента внесения изменений Федеральным законом «О внесении изменений в статью 217.1 части второй Налогового кодекса Российской Федерации и статью 8 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 12.12.2024 N 449-ФЗ. [18] Ныне срок владения вновь созданным земельным участком при изъятии будет считаться не с момента государственной регистрации нового участка, а со времени владения исходным участком. Законодателем устанавливаются категории земель, на которые распространяется данная норма:

1. предназначенные для ИЖС
2. для ведения ЛПХ
3. для размещения гаражей для собственных нужд
4. для ведения садоводства или огородничества для собственных нужд

При изъятии земельного участка могут возникнуть спорные ситуации, которые касаются изъятия его части. Здесь основной аспект в том, что законом запрещается нарушать минимальный размер участка, поскольку при этом нарушаются права граждан. Обратимся к кассационному определению от 04.06.2024 года № 88–17328/2024. [19] Основным предметом спора стала законность и обоснованность изъятия части земельного участка площадью 357 м² из общего участка площадью 641 м², принадлежащего физическому лицу в пользу Администрации города Ростова-на-Дону. Апелляционный суд, отменяя ранее вынесенное решение суда первой инстанции, пришёл к выводу об отсутствии основания для удовлетворения иска об изъятии земли, но кассационная инстанция признала этот вывод преждевременным и юридически несостоятельным. Кассационный суд указал на ключевую правовую ошибку: апелляционный суд при разрешении спора необоснованно использовал нормы статьи 11.9 ЗК РФ и статью 55 Правил землепользования и застройки города Ростова-на-Дону. Предметом рассмотрения в этом случае являлся существующий и ранее сформированный участок, часть которого подлежит изъятию для муниципальных нужд. Следовательно, применение вышеуказанных норм являлось некорректным, поскольку они не относятся к отношениям по изъятию земель в публичных интересах. Это указывает на допущенное судом смешение правовых режимов – образование участка и его изъятия, что представляло собой неправильное понимание и применение законодательства. Таким образом, кассационный суд пришёл к выводу об отмене апелляционного определения Ростовского областного суда от 17 января 2024 года, так и нового решения, в котором было полностью отказано в удовлетворении иска администрации. Решение суда первой инстанции, частично удовлетворившего иск, изначально было ближе к принципу баланса интересов, чем подход апелляционной инстанции. В целом, данное кассационное определение из материалов судебной практики подтверждает необходимость точного разграничения между процедурами изъятия и формирования участков, демонстрируя важность гибкости в применении градостроительных норм при защите имущественных прав граждан.

Немаловажным для анализа и обобщения судебной практики по данному вопросу служит одно из Определений ВС РФ. [20] Сущность спора заключается в том, что истец, после принятия решения об изъятии части принадлежащего ему на праве собственности земельного участка для муниципальных нужд Администрацией г. Ростова-на-Дону, обратился с требованиями о выкупе всего земельного участка, так как пользоваться вновь созданным (разделенным) участком технически не представляется возможным. Судебный акт устоял в апелляционной и кассационной инстанции. Однако, после поданной кассационной жалобы, ВС РФ указал, что по смыслу действующих норм права, после изъятия части земельно-

го участка изначальный объект прекращает свое существование, вместо него образуются два земельных участка, каждый из которых должен соответствовать требованиям, предъявляемым законодательством. С опорой на нормы ЗК РФ и Правила землепользования и застройки г. Ростова-на-Дону, судебный орган указал, что для ведения садоводства спорный земельный участок должен быть не менее 400 м², к тому же, в заключении комплексной судебной экспертизы, проведенной еще при рассмотрении дела в суде первой инстанции, сделан вывод о том, что использовать земельный участок, оставшийся после выдела, технически не представляется возможным. Дело было направлено на новое рассмотрение.

Таким образом, можно сделать вывод, что институт изъятия имущества для государственных или муниципальных нужд имеет свою проблематику, в частности, в рассмотренных вопросах налогообложения и методики расчета компенсации за изъятие, в частности, упущенной выгоды. Дальнейшее развитие видится в совершенствовании законодательства, в части внесения изменений в Налоговый кодекс РФ, унификации позиций финансовых и налоговых органов по вопросам налогообложения компенсаций, появлению обусловленной спецификой методики расчета убытков и компенсаций, а также совершенствовании стандартов оценочной деятельности.

Литература

1. Чистяков, О.И. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 томах. / О.И. Чистяков. – М., Юридическая литература, 1988. – Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. – 432 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.01.2006) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994 – № 32 – ст. 3301
3. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – ст. 4147
4. Федеральный закон «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.12.2007 N 310-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: consultant.ru (дата обращения: 26.04.2025)
5. Федеральный закон «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.06.2013 N 108-ФЗ (ред. от 20.04.2021) // КонсультантПлюс:

- [сайт]. – URL: consultant.ru (дата обращения: 26.04.2025)
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: consultant.ru (дата обращения: 26.04.2025)
 7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.10.2015 N 309-КГ15–5924 по делу N A07–21632/2013 // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: consultant.ru (дата обращения: 26.04.2025)
 8. Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21.07.2005 N 94-ФЗ (утратил силу) // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: consultant.ru (дата обращения: 26.04.2025)
 9. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: consultant.ru (дата обращения: 26.04.2025)
 10. Федеральный закон «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» от 30.12.2020 N 494-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: consultant.ru (дата обращения: 26.04.2025)
 11. Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 N 3268-р «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» (ред. от 21.10.2024) // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: consultant.ru (дата обращения: 26.04.2025)
 12. Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 N 135-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: consultant.ru (дата обращения: 26.04.2025)
 13. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 20.04.2021 г. по делу № А32–24431/2020 // Картотека арбитражных дел: [сайт]. – URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 26.04.2025)
 14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.03.2023 г. № Ф05–3051/2023 по делу № А40–121219/2021 // Картотека арбитражных дел: [сайт]. – URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 26.04.2025)
 15. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340; 2013. – № 19. – Ст. 2321»
 16. Письмо Минфина России от 06.10.2021 г. № 03–11–09/80781 // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: consultant.ru (дата обращения: 26.04.2025)
 17. Письмо Минфина России от 21.07.2022 г. № 03–11–09/70420 // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: consultant.ru (дата обращения: 26.04.2025)
 18. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 217.1 части второй Налогового кодекса Российской Федерации и статью 8 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 12.12.2024 N 449-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: consultant.ru (дата обращения: 26.04.2025)
 19. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 04.06.2024 года по делу № 88–17328/2024 // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.05.2025)
 20. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2024 № 41-КГ24–40-К4 // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.05.2025)

SEIZURE OF PROPERTY FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS: PROBLEMS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT

Cherni D.V., Lomidze E.Yu.

The South Russian Institute of Management is a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article is devoted to the study of the problems of confiscation of property for public needs in the Russian Federation. The author examines the historical aspect of the institution of seizure for state and municipal needs, highlights the conditions of seizure, describes the procedure of seizure in a general way. Much attention is paid to land legislation in the work, since it is impossible to seize property without the seizure of land. The problems of compensation for withdrawal are highlighted: the forms of compensation are described, the problems of the monetary form of compensation are analyzed, which are expressed in: underestimation of the purchase price, issues of taxation of these amounts, in particular, in the context of corporate income tax, the problems of paying tax on the sale of land newly created after division during withdrawal for public needs, and the author also raises the problem of calculating lost profits. Solutions and amendments to certain regulatory legal acts are proposed.

Keywords: seizure of property, procedure for seizure of property, conditions for seizure of property, state and municipal needs, compensation for seizure of property.

References

1. Chistyakov, O.I. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 volumes. / O.I. Chistyakov. – M., Legal literature, 1988. – Vol. 6: Legislation of the first half of the nineteenth century. – 432 p.
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 01/3/2006) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1994 – No. 32 – art. 3301
3. The Land Code of the Russian Federation: Federal Law No. 136-FZ dated 25.10.2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 44. – art. 4147

4. Federal Law "On the organization and holding of the XXII Olympic Winter Games and the XI Paralympic Winter Games 2014 in Sochi, the development of Sochi as a mountain climate resort and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 12/01/2007 N 310-FZ (as amended on 02/14/2024) // ConsultantPlus: [website]. – URL: consultant.ru (date of request: 04/26/2025)
5. Federal Law "On the Preparation and Holding in the Russian Federation of the 2018 FIFA World Cup, the 2017 FIFA Confederations Cup, the 2020 UEFA European Football Championship and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 06/07/2013 N 108-FZ (as amended on 04/20/2021) // ConsultantPlus: [website]. – URL: consultant.ru (date of request: 04/26/2025)
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/02/2009 No. 14 "On some issues that have arisen in judicial practice in the application of the Housing Code of the Russian Federation" // ConsultantPlus: [website]. – URL: consultant.ru (date of appeal: 04/26/2025)
7. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10/27/2015 N 309-KG15–5924 in case N A07–21632/2013 // ConsultantPlus: [website]. – URL: consultant.ru (date of request: 04/26/2025)
8. Federal Law "On Placing Orders for the Supply of Goods, Performance of Works, and Provision of Services for State and Municipal Needs" dated 07/21/2005 No. 94-FZ (expired) // ConsultantPlus: [website]. – URL: consultant.ru (date of application: 04/26/2025)
9. Federal Law "On the Contract System in the field of procurement of goods, Works, and services for State and Municipal Needs" dated 04/05/2013 N 44-FZ (as amended on 12/26/2024) // ConsultantPlus: [website]. – URL: consultant.ru (date of request: 04/26/2025)
10. Federal Law "On Amendments to the Urban Planning Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to ensure the Integrated Development of Territories" dated 12/30/2020 N 494-FZ (latest edition) // ConsultantPlus: [website]. – URL: consultant.ru (date of request: 04/26/2025)
11. Decree of the Government of the Russian Federation dated 31.10.2022 N 3268-r "On approval of the Strategy for the Development of the Construction Industry and Housing and Commu-
nal Services of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2035" (as amended on 21.10.2024) // ConsultantPlus: [website]. – URL: consultant.ru (date of reference: 04/26/2025)
12. Federal Law "On Valuation Activities in the Russian Federation" dated 07/29/1998 N 135-FZ (as amended on 02/14/2024) // ConsultantPlus: [website]. – URL: consultant.ru (date of request: 04/26/2025)
13. Decision of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory dated 04/20/2021 in case no.A32–24431/2020 // File of arbitration cases: [website]. – URL: kad.arbitr.ru (date of application: 04/26/2025)
14. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 03/21/2023 No. F05–3051/2023 in case No. A40–121219/2021 // File of arbitration cases: [website]. – URL: kad.arbitr.ru (date of reference: 04/26/2025)
15. The Tax Code of the Russian Federation (part two) dated 08/05/2000 No. 117-FZ (as amended on 12/28/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2000. – No. 32. – Art. 3340; 2013. – № 19. – Article 2321"
16. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated 06.10.2021 no.03–11–09/80781 // ConsultantPlus: [website]. – URL: consultant.ru (date of application: 04/26/2025)
17. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated 07/21/2022 no.03–11–09/70420 // ConsultantPlus: [website]. – URL: consultant.ru (date of request: 04/26/2025)
18. Federal Law "On Amendments to Article 217.1 of Part Two of the Tax Code of the Russian Federation and Article 8 of the Federal Law "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation, Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation" dated 12.12.2024 N 449-FZ // ConsultantPlus: [website]. – URL: consultant.ru (date of request: 04/26/2025)
19. Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated 06/04/2024 in case no.88–17328/2024 // // ConsultantPlus: [website]. – URL: consultant.ru (date of appeal: 05/12/2025)
20. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/10/2024 No.41-KG24–40-K4 // ConsultantPlus: [website]. – URL: consultant.ru (date of request: 05/12/2025)

Актуальные проблемы гражданского иска прокурора в уголовном судопроизводстве при приостановлении производства по уголовному делу в связи с прохождением лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, военной службы

Баграмян Валерий Викторович,

аспирант кафедры уголовного процесса, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»

E-mail: advokat126@bk.ru

Статья посвящена анализу правовых коллизий и процессуальных сложностей, возникающих при заявлении гражданского иска прокурором в защиту интересов уязвимых категорий граждан в условиях приостановления уголовного судопроизводства в связи с прохождением подозреваемым (обвиняемым, подсудимым) военной службы. Автор исследует противоречия между необходимостью защиты публичных интересов, гарантиями прав потерпевших и спецификой правового статуса военнослужащих, предлагая критерии балансировки процессуальных механизмов в подобных ситуациях. Отмечается, что особенность уголовно-процессуального законодательства заключается в ограничении прав потерпевших на защиту своих интересов. Обозначена необходимость внесения изменений в соответствующие нормы УПК. Подчеркивается особый статус прокурора, связанный с защитой прав потерпевшего. Отдельное внимание автор уделяет проблеме возмещения причиненного ущерба.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, гражданский иск, прокурор, возмещение ущерба, потерпевший, обвиняемый, защита прав несовершеннолетних, несовершеннолетний гражданский истец, законный представитель, привлечение к уголовной ответственности, военная служба, приостановление производства по уголовному делу.

В соответствии с Федеральным законом от 23 марта 2024 № 64-ФЗ введена новая статья в уголовно-процессуальный кодекс, а именно ст. 28.2 УПК РФ, а также внесены изменения в следующие нормы УПК – ст. 110, 119, 238, 239, 253, 254, 389.7, 389.11, 389.13, 389.26 [1]. Данная норма ст. 28.2 УПК РФ предусматривает новое основание для приостановления производства по уголовному делу, согласно которой уголовное преследование прекращается в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время.

Новая статья, введенная в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 02 октября 2024 № 340-ФЗ (78.1 УК РФ) закрепляет особое материально-правовое основание, а также механизм освобождения от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившее в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а равно лицо, совершившее преступление в период прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время. Согласно данной норме, на военные действия не смогут пойти лишь подозреваемые (обвиняемые), подсудимые по уголовным делам, связанных с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних, шпионажем, терроризмом и госизменой. Лицо, заключившее контракт с Министерством обороны и прошедшее военную службу может быть освобождено от уголовной ответственности в следующих случаях:

- Со дня их награждения государственной наградой в период прохождения военной службы;
- Со дня увольнения с военной службы по достижению предельного возраста;
- Со дня увольнения с военной службы по состоянию здоровья в случае признания военно-врачебной комиссией негодных к дальнейшему прохождению военной службы;

- С момента совершения преступления в период прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время;
- Со дня окончания периода мобилизации, отмены военного положения и (или) истечением военного времени [2].

С момента вступления в силу законодательных новаций в сфере уголовного права и процесса, подозреваемые, обвиняемые (подсудимые) получили право на приостановление уголовного преследования – при условии заключения контракта о службе в Вооруженных Силах РФ. Данный механизм позволяет временно прекратить уголовное преследование в обмен на исполнение воинских обязанностей, но при этом формируется новая правоприменительная практика, способная вызвать значительный общественно-правовой резонанс.

Результатом реализации этих норм стало активное заключение контрактов о прохождении военной службы с Министерством обороны Российской Федерации лицами, в отношении которых возбуждены уголовные дела. Важно отметить, что, на основании заявленного командованием воинской части ходатайства уголовные дела приостанавливаются на любой стадии – как в ходе предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства.

Тем не менее, анализ нормативного регулирования показывает, что в новых положениях законодательства отсутствуют какие-либо механизмы, обеспечивающие реализацию процессуальных прав потерпевших. Особенно остро встает вопрос о гарантиях возмещения причиненного преступлением ущерба и (или) морального вреда. Подобная правовая неоднозначность создает предпосылки для системного искажения фундаментального принципа уголовного процесса – гарантии охраны прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, что прямо противоречит духу и букве статьи 6 УПК РФ.

В настоящее время, после введения данных норм в действие мы имеем следующие проблемные случаи на практике:

1. Приостановление уголовного дела на стадии предварительного следствия.

В некоторых случаях уголовные дела приостанавливаются уже на раннем этапе предварительного расследования – сразу после возбуждения дела и получения первичных объяснений от подозреваемого, поскольку законодательно не определено, с какого момента допустимо приостанавливать уголовное преследование. В результате чего, приостановление может быть осуществлено до того, как потерпевший будет признан таковым в процессуальном порядке, допрошен, и соответственно заявит гражданский иск. Более того, в таком случае следователем часто не будет полноценно установлен размер причиненного ущерба потерпевшему [3].

Если интересы потерпевшего представляет прокурор, он оказывается лишен возможности реализовать положения ч. 3 ст. 44 УПК РФ, предоставляющей ему право заявить гражданский иск в защиту интересов потерпевшего [4].

Такая ситуация противоречит приказу Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов», согласно которому прокуроры ориентированы на необходимость обеспечения системного и своевременного прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов, исходя из того, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России [5].

2. Приостановление уголовного дела на стадии судебного разбирательства. Рассмотрим пример, когда прокурором заявлен гражданский иск в соответствии с ч. 3 ст. 44 УПК РФ в защиту интересов несовершеннолетних. Однако при поступлении ходатайства от командования воинской части о приостановлении уголовного дела в связи с прохождением подсудимым военной службы, тот же прокурор (государственный обвинитель) выражает согласие с данным ходатайством, фактически подерживая прекращение уголовного дела на основании статьи 78.1 УК РФ, а также статей 28.2 и 208 УПК РФ. Считаю, что в такой ситуации права потерпевшего на компенсацию причиненного ущерба (морального вреда) нарушены. С одной стороны, прокурор признает наличие обоснованных требований потерпевшего о возмещении вреда, подтверждая это заявлением иска. С другой стороны, он фактически лишает потерпевшего возможности реализовать свое право на компенсацию, не возражая против прекращения производства по делу.

На практике имеются случаи, когда подсудимый, совершивший преступление и заключивший контракт с Министерством обороны РФ, фактически глумится над потерпевшим, сообщив ему о том, что он избежит ответственности, получит денежные средства от Министерства обороны РФ и при этом никаким образом не компенсирует причиненный преступлением имущественный ущерб (моральный вред) [6].

Аналогичная ситуация складывается и при заявлении прокурором гражданского иска в защиту интересов государства, когда преступлением причинен значительный имущественный ущерб государству. В таком случае при поступлении ходатайства о приостановлении уголовного дела от командования воинской части, прокурор также высказывает мнение о возможном прекращении уголовного дела. В таком случае получается, что подсудимый, обвиняемый в хищении бюджетных средств в особо крупном размере не только уйдет от уголовной ответственности и не возместит причиненный государству ущерб, но и дополнительно

от государства получит денежные средства в соответствии с заключением контракта и прохождением военной службы в Министерстве обороны.

При опросе судей Октябрьского района г. Ставрополя, Промышленного района г. Ставрополя, Шпаковского районного суда Ставропольского края относительно вопроса о нарушении прав потерпевшего при приостановлении уголовного дела в связи с прохождением подсудимым военной службы—мнения судей разделились. Четверо из опрошенных судей сообщили о том, что действительно остается неразрешенным вопрос о возмещении причиненного преступлением вреда, и данный вопрос может быть решен лишь при возобновлении рассмотрения уголовного дела. Однако время его возобновления может исчисляться годами, ведь при прохождении военной службы в настоящее время неизвестно, когда основания для возобновления рассмотрения уголовного дела возникнут, что ставит потерпевшего в зависимое от стечения обстоятельств положение.

Восемь из опрошенных судей посчитали, что в настоящее время наша страна подвергается серьезным угрозам, в связи с чем прохождение военной службы в Министерстве обороны РФ, защита государственных интересов и территориальной целостности страны приоритетны перед возмещением причиненного преступлением ущерба. В условиях отсутствия гарантий военной и политической стабильности невозможна полноценная реализация функций государственных институтов, включая деятельность органов правосудия.

Однако, считаем необходимым учитывать не только государственные интересы в виде его безопасности, территориальной целостности, но также и частные интересы потерпевшего. Закрепленные в статье 52 Конституции Российской Федерации гарантии обеспечения потерпевшим доступа к правосудию и компенсации ущерба, причиненного преступлением, является неотъемлемым элементом правового государства [7]. В уголовном судопроизводстве эти конституционные гарантии реализуются, в том числе, посредством подачи гражданского иска, который может содержать требования как возмещения материального ущерба, причиненного преступным деянием, так и компенсации морального вреда [8]. В настоящее время нельзя допускать, чтоб одно из назначений уголовного судопроизводства в виде защиты прав лиц и организаций потерпевших от преступлений, а также положения ст. 52 Конституции Российской Федерации стояли в прямом зависимом положении от стечения иных обстоятельств.

В целях устранения данной несбалансированности в уголовно-процессуальной системе представляется необходимым внести соответствующие изменения в действующее законодательство. В частности, целесообразно дополнить п. 21.1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ положениями, обязывающими органы предварительного расследования и суд информировать потерпевшего о фактах освобождения обвиняемого, либо подозреваемого от уголовной

ответственности или наказания, включая основания такого освобождения.

Подобная мера будет способствовать укреплению процессуальных гарантий потерпевшего, а также обеспечит реализацию принципов гласности, предсказуемости и правовой определенности. Более того, информирование потерпевшего о статусе обвиняемого или подозреваемого является необходимым предварительным условием для реализации права на обжалование или инициирование гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства.

Судам при заявлении ходатайства командования воинской части о приостановлении уголовного дела в связи с прохождением военной службы учитывать отношение подсудимого к совершенному ему деянию, признание им вины и раскаяние в содеянном, а также вопрос о полном или частичном признании (непризнании) заявленного потерпевшим, либо прокурором в интересах потерпевшего гражданского иска, возмещение вреда причиненного преступлением потерпевшему и мнение самого потерпевшего относительно приостановления уголовного дела.

Обязать следственные органы приостанавливать предварительное следствие, выполнив все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого или обвиняемого, необходимые для установления размера причиненного преступлением ущерба, с учетом интересов потерпевшего, его возможности в дальнейшем реализовать свои законные права.

В противном случае создается опасный прецедент, при котором государственные интересы (в виде комплектования вооруженных сил) начинают превалировать над правами жертв преступлений, что противоречит принципам правового государства и подрывает доверие к институтам уголовной юстиции.

Исходя из анализа проекта Федерального закона «О потерпевших от преступлений», размещенного на официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации мы видим, что в рамках поступательного развития правовых механизмов защиты граждан государственные институты активизируют усилия по разработке действенных инструментов фактического восстановления имущественных прав и соразмерной компенсации нематериального ущерба для лиц, пострадавших от преступных действий [9]. Представленный законопроект закладывает основу для системной трансформации подходов к защите жертв преступлений, предлагая не только формальное подтверждение их правового статуса, но и конкретизацию процедур гарантированного восстановления справедливости через механизмы принудительного взыскания убытков и объективной оценки морального вреда. Данная инициатива призвана преодолеть разрыв между декларативными нормами и их практической реализуемостью, формируя правовую экосистему с акцентом на результативность защиты интересов потерпевших.

Существенным достижением законопроекта является конкретизация дополнительных гарантий защиты прав потерпевших, закрепление принципов и механизмов реализации этих прав, а также детальная регламентация порядка исчисления размера компенсации. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с защитой уязвимых категорий граждан, в частности несовершеннолетних. В том числе в ст. 12 вышеуказанного проекта установлено, что надзор за исполнением законов о защите прав потерпевших осуществляют Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации».

Принципиально новым элементом, не имеющим ранее регламентации в российском праве, является предложение о создании специализированного государственного внебюджетного Федерального фонда помощи потерпевшим. Законопроект закрепляет правовые основы деятельности данного фонда, предполагая, что его материальная база будет формироваться за счет взысканных с осужденных уголовных штрафов, средств, полученных от реализации конфискованного имущества, вещественных доказательств, сумм залогов, а также добровольных взносов физических и юридических лиц. Такая структура финансирования создаст устойчивую экономическую базу для компенсационных выплат, минимизируя нагрузку на государственный бюджет.

Следует отметить, что концепция компенсационных фондов не является уникальной для правовой системы. Подобная модель успешно реализуется в международной практике. Так, в Соединенных Штатах Америки с 1984 года действует Федеральный закон «О жертвах преступлений» (Victims of Crime Act – VOCA), на основании которого был создан аналогичный фонд. Средства фонда формируются за счет уголовных штрафов, конфискации, денежных залогов, а также взносов, собираемых органами прокуратуры, судами и исправительными учреждениями. На сегодняшний день фонд пополняется также за счет денежных сборов от осужденных. Каждый штат имеет собственную программу компенсации ущерба жертвам преступлений, а общий контроль за функционированием фонда осуществляется Министерством юстиции США. Практика США демонстрирует высокую степень эффективности подобных механизмов: сборы в фонды исчисляются миллионами долларов, а выплаты охватывают широкий спектр компенсационных оснований – от медицинских расходов до морального вреда.

В условиях правовой неопределенности, вызванной, в частности, практикой приостановления уголовных дел в связи с прохождением обвиняемыми или подозреваемыми военной службы, особенно актуальным становится вопрос надежных механизмов возмещения ущерба, независимых от хода уголовного преследования. Включение соответствующих положений в законопроект «О потерпевших от преступлений» будет способствовать

формированию эффективной системы, обеспечивающей защиту прав потерпевших даже в тех случаях, когда уголовное преследование не завершится вынесением обвинительного приговора.

Таким образом, принятие данного законопроекта, с последующей доработкой с учетом современных реалий – в том числе связанных с особенностями уголовного преследования лиц, проходящих военную службу, – будет способствовать созданию в Российской Федерации полноценной системы защиты потерпевших от преступлений. Такая система должна быть ориентирована не только на формальное признание статуса потерпевшего, но и на предоставление ему реального доступа к правосудию и компенсации ущерба, что отвечает как конституционным гарантиям, закрепленным в ст. 52 Конституции Российской Федерации, так и основополагающим международно-правовым стандартам.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Постановление Следователя СО ОМВД «Шпаковский» о приостановлении предварительного следствия от 22.10.2024 года
4. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2020 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 12. декабрь.
5. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 13.12.2021 № 744 // Законность. 2022. № 2.
6. Постановление Шпаковского районного суда Ставропольского края от 12.02.2025 г.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета. – 2020. – 4 июля (№ 144)
8. Уголовный процесс: учебное пособие / А.А. Казаков, Н.В. Азаренок, Л.А. Александрова и др. Москва: Инфотропик Медиа, 2016. С. 59; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л.Н. Башкатов, Б.Т. Безлепкин, М.В. Боровский и др. М.: Проспект, 2023. С. 248.
9. Проект федерального закона «О потерпевших от преступлений» <https://sledcom.ru/document/1130>

ACTUAL PROBLEMS OF A PROSECUTOR'S CIVIL CLAIM IN CRIMINAL PROCEEDINGS WHEN SUSPENDING CRIMINAL PROCEEDINGS IN CONNECTION WITH THE PASSAGE OF MILITARY SERVICE BY A PERSON SUBJECT TO CRIMINAL LIABILITY

Bagramyan V.V.

Kuban State University

The article is devoted to the analysis of legal conflicts and procedural difficulties that arise when filing a civil claim by a prosecutor in defense of the interests of vulnerable categories of citizens in the context of the suspension of criminal proceedings in connection with the military service of a suspect (accused, defendant). The authors explore the contradictions between the need to protect public interests, guarantees of victims' rights, and the specifics of the legal status of military personnel, offering criteria for balancing procedural mechanisms in such situations. It is noted that the peculiarity of the criminal procedure legislation is to limit the rights of victims to protect their interests. The need for amendments to the relevant norms of the CPC is indicated. The special status of the prosecutor, related to the protection of the rights of the victim, is emphasized. The author pays special attention to the problem of compensation for damage caused.

Keywords: criminal proceedings, civil action, prosecutor, compensation for damages, victim, accused, protection of the rights of minors, minor civil plaintiff, legal representative, criminal prosecution, military service, suspension of criminal proceedings.

References

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on 05/29/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Article 4921.
2. The Criminal Code of the Russian Federation of 06/13/1996, No. 63-FZ (as amended on 04/21/2025) (with amendments and additions, intro. effective from 05/02/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
3. Resolution of the Investigator of the OMVD "Shpakovsky" on the suspension of the preliminary investigation dated 10/22/2024
4. On the practice of consideration by courts of a civil claim in a criminal case: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.10.2020 No. 23 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. No. 12. December.
5. On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on minors, observance of their rights and legitimate interests: Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated 12/13/2021 No. 744 // Legality. 2022. No.
6. Resolution of the Shpakovsky District Court of the Stavropol Territory dated 12.02.2025
7. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. – 2020. – July 4 (No.144)
8. Criminal procedure: a textbook / A.A. Kazakov, N.V. Azarenok, L.A. Alexandrova et al. Moscow: Infotropik Media, 2016. p. 59; Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article) / L.N. Bashkatov, B.T. Bezlepkin, M.V. Borovsky et al. Moscow: Prospekt, 2023. p. 248.
9. Draft federal law "On Victims of Crimes" <https://sledcom.ru/document/1130>

Бреев Денис Егорович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: d.breev@mail.ru

Статья посвящена комплексному анализу проблем, связанных с практической реализацией судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Институт судебного контроля возрожден в российском законодательстве в сложный социально-политический период, что во многом предопределило его несовершенство и незрелость. Сравнительное исследование с КАС РФ, принятого в условиях большей политической независимости, показало гораздо лучшее его соответствие своему социальному назначению. Схожий характер судебного контроля в административном и уголовном судопроизводстве подталкивает к необходимости разработки и принятия кодифицированного нормативного акта для регулирования последнего. Предложенные наработки могут послужить в дальнейших исследованиях и нормотворческом процессе, посвященных изложенным проблемам.

Ключевые слова: судебный контроль, судебские полномочия, уголовное судопроизводство, ограничение прав и свобод.

Введение в российское уголовно-процессуальное законодательство института судебного контроля было нацелено на взвешенное применение мер процессуального ограничения основных прав и свобод, особенно предварительного заключения под стражу. Конец девяностых – начало двухтысячных знаменуется большим количеством научных работ по теме правового регулирования судебного контроля, места и роли судебной власти на стадии предварительного расследования.

Постепенно первоначальное ожидание от реформ сменилось полным разочарованием, выводами о бессмысленности института судебного контроля, недостижении тех целей, которыми обосновывалось его возрождение и большей эффективности прокурорского надзора [1][2][3].

Согласно статистике Судебного департамента Верховного, суда РФ удовлетворено 90% и более ходатайств о заключении под стражу, из них свыше 40% в отношении лиц, впервые привлекаемых к уголовной ответственности, более 85% в отношении женщин, более 70% в отношении несовершеннолетних. Удовлетворено почти 98% ходатайств о продлении срока содержания под стражей, превышающего 12 месяцев, более чем в 98% случаев удовлетворяются ходатайства о производстве обыска (выемки) в жилище, о контроле и записи телефонных переговоров. Статистика по рассмотрению ходатайств о проведении иных процессуальных действий отличается незначительно. Более 77% жалоб, направленных в суд, не получили своего разрешения по существу, данный показатель с 2012 по 2021 вырос на 22%, из них только четвертая часть жалоб удовлетворена.

При снижении числа удовлетворенных судом жалоб, в то же время возросло число дел, возвращенных прокурору в связи с нарушениями, допущенными органами предварительного расследования, отмечается рост удельного веса дел, по которым суд изменил квалификацию деяния, а также существенно возросло число дел, по которым осужденные освобождены из-под стражи после вынесения приговора. В 2022 году таких было 13058, а в отношении 1788 лиц, содержащихся под стражей дела прекращены. Таким образом, необходимость содержать в 2022 году под стражей 14846 лиц по большому счету отсутствовала, при этом суды отказали в удовлетворении ходатайств о заключении под стражу всего в 9624 случаях [4].

Несовершенство практики и правового регулирования повлекло более чем 90 изменений в руководящие Постановления Пленума ВС РФ, посвященные вопросам судебного контроля, вынесению нескольких сотен Постановлений и Определений Конституционного суда, более 120 измене-

ний в УПК РФ. Однако все попытки законодателя и высших судов не приводят к видимым результатам, о чем свидетельствуют вышеприведенные статистические данные.

В смешанном типе уголовного судопроизводства, к которому относится, и российская модель на досудебной стадии нет и не может быть никакой состязательности [5], предполагающей равенство сторон. В связи с чем суд в досудебном производстве не может быть сторонним наблюдателем состязającychся участников. Однако, вопреки этой логике, российский уголовный процесс по типу американской модели объявлен полностью состязательным несмотря на то, что досудебной стадии в американской модели как таковой нет, «для американских специалистов (в отличие от большинства континентальных) важен сам факт обращения в суд, а не результат такого обращения...» [6]. Обозначенный подход привел к тому, что суды рассматривают представленные органами уголовного преследования материалы сугубо формально, без их материальной оценки.

В ходе настоящего исследования анкетированы 41 действующий судья Красноярского края. На вопрос проводились ли ими дополнительные процессуальные действия в судебном заседании, кроме исследования материалов, предоставленных стороной обвинения и допроса непосредственных участников судебного заседания, отрицательно ответили 77% респондентов при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ и 69% при рассмотрении ходатайств в порядке ст. 165 УПК РФ так как не видят в этом необходимости.

Внешнеполитические и внутригосударственные условия, в которых вводился институт судебного контроля в последние 10 лет сильно изменились. Начался обратный процесс выхода из всевозможных союзов и комиссий, членство в которых ограничивало политическое руководство в принятии решений, отвечающих национальным интересам. Со временем потребность в реформировании законодательства, в том числе уголовно-процессуального в общем и института судебного контроля в нем, в частности, будет только нарастать. Однако в последнее десятилетие количество научных публикаций, связанных с законодательным регулированием судебного контроля в уголовном судопроизводстве, значительно снизилось, а диссертационные исследования практически исчезли, чем, отчасти, обусловлена актуальность настоящего исследования.

В исследованиях, посвященных проблемам реализации контрольной деятельности суда, выделяют связанные с несовершенством правового регулирования и те, что связаны с организацией самой судебной системы. Настоящее исследование посвящено первой категории.

Среди проблем правового регулирования контрольной деятельности можно выделить: исключительно формально-юридическую проверку судом действий и решений органов уголовного преследования; неясность предмета судебного обжа-

вания и территориальной подсудности; неопределенность состава участников судопроизводства, отсутствие механизма контроля и исполнения судебных решений, отсутствие порядка проведения судебных заседаний по каждой форме судебного контроля, а также вопросов, связанных с исполнением судебного решения.

Вместе с тем, юридическая природа судебного контроля в уголовном судопроизводстве в целом схожа с судебным контролем административного судопроизводства, а отличается от него многообразием форм реализации [7], уголовно-процессуальной природой действий и решений, подлежащих проверке сконцентрированных в кодифицированном правовом акте.

В отличие от остального уголовного судопроизводства судебный контроль в нем выделяется собственной целью [8][9], спецификой предмета и соотношением методов правового регулирования. Система принципов правового регулирования судебного контроля требует дополнения и в отличие от остального уголовного судопроизводства характеризуется особенностью реализации принципа состязательности.

Как известно в основе деления законодательства по отраслям лежит особенность предмета и метода правового регулирования. Достаточно вспомнить, что идея разработки и принятия КАС РФ объяснялась необходимостью иной методологии правового регулирования, основанной на фактическом неравенстве сторон и усилении в связи с данными условиями роли суда для обеспечения состязательности сторон [10].

Первое, предмет правоотношений. Уголовно-процессуальные правоотношения складываются по поводу уголовно-правовых отношений, последние составляют их материальную основу. Сказанное справедливо как для досудебного, так и для судебного судопроизводства при рассмотрении дела по существу. Однако судебный контроль в досудебном судопроизводстве такой материальной основы не имеет.

Правоотношения судебного контроля основаны на применении органами уголовного преследования уголовно-процессуального закона, точнее тех его положений, которые ограничивают конституционные права и свободы. Положения материального права затрагивают судебный контроль только как одно из обстоятельств, имеющих значение для дела, но не составляют сам предмет регулирования. Содержанием правоотношений, в которые вступают участники контрольного судопроизводства с судом является, сама процедура проверки [11] и оценки действий, и решений органов уголовного преследования или контроль. Иными словами, суд осуществляет правоприменение по поводу правоприменения.

Второе, методы правового регулирования. Уголовно-процессуальные отношения всегда инициированы государством, за исключением дел частного обвинения, однако последние вообще не имеют досудебной стадии. Даже обраще-

ние гражданина с заявлением о совершенном преступлении не влечет обязательной уголовно-процессуальной деятельности, поскольку может быть расценено государством как не нуждающиеся в уголовно-процессуальной проверке и оценке. Судебный контроль диспозитивен [12]. Органы уголовного преследования не обладают достаточной властью применить меры принуждения или ограничить отдельные конституционные права (почтовых и иных переговоров, неприкосновенность жилища и т.д.). Сам факт необходимости органов уголовного преследования прибегнуть к процедуре судебной проверки своих действий и решений резко уменьшает приоритет публичности. Подозреваемый, потерпевший, другие участники, не обладающие властными полномочиями, могут обжаловать действия органов государственной власти, последние в свою очередь должны представить суду доказательства собственной правоты и формально для суда равны. Институт судебного контроля позволил конкретному индивиду своим активным правовым поведением существенно влиять на развитие правоотношений в достаточно публичной сфере. Пока к суду не обратится одна из сторон (в том числе наделенная определенными властными полномочиями) властного решения не возникнет. Даже отказ суда принять к рассмотрению жалобу, порождает контрольные правоотношения поскольку требует принятия властного судебного решения. Таким образом, в отношении судебного контроля одна из сторон, наделенных властью временно эту власть, теряет, хотя продолжает ей пользоваться в общем производстве по делу.

Третье, цели судопроизводства. Целями досудебного производства является сбор и фиксация доказательств для суда в отношении конкретных лиц, совершивших преступление, а цель судебного производства установление вины. Речь идет именно о главных целях обоих производств, понятно, что в ходе производства решаются и иные задачи, но последние служат только достижению главной цели. «Целеполагание – направленность в будущее; задачи – конкретика сегодняшнего дня: решая задачи, приближаем будущее» [13]. Так, Ковтун Н.Н. отождествляет задачи с конкретной формой деятельности, в то время как цель характерна для судопроизводства в целом, задачи подчинены достижению цели [11].

Главная цель судебного контроля не совпадает ни с тем, ни с другим. Суд в досудебном контрольном производстве вообще не касается вопросов обеспечения следующей судебной стадии и стоящих перед ней задач. Контрольное судопроизводство направлено на разрешение вопроса о соблюдении норм уголовно-процессуального законодательства [14]. Цели контрольной деятельности суда в уголовном процессе не только самостоятельные, они узкие в предметном отношении. После судебного заседания и вынесения индивидуального правового акта, дальнейшая деятельность суда в досудебном производстве прекращается, в то время как всё производство по делу нет. Признание, на-

пример, обыска незаконным совершенно не ограждает от дальнейшего уголовного преследования и не ограничивает передачу дела в суд для рассмотрения его по существу.

Четвертое, принципы судопроизводства. Достаточно бегло сравнить редакции ст. 15 УПК РФ и ст. 14 КАС РФ (принцип состязательности), чтобы увидеть одну существенную деталь. КАС РФ возлагает на суд обязанность в принятии мер для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств дела. Именно в этом и заключается особенность реализации принципа состязательности в контрольном производстве. Суд как бы дополняет возможности более слабой стороны в сборе доказательств. Здесь нет никаких противоречий с принципом независимости суда, поскольку в оценке этих самых доказательств суд остается свободен.

Поскольку принцип состязательности носит характер межотраслевого и фундаментального, из него вытекают и основываются два других: 1) принцип благоприятствования защите; 2) объективное, всестороннее и полное установление судом обстоятельств о соответствии действий и решений органов уголовного преследования закону. Первый из них обеспечивает равные возможности реализации процессуальных прав, второй достижение главной цели судебного контроля.

Третий принцип, которым следует дополнить контрольное судопроизводство принцип минимально возможного ограничения прав и свобод. Пленум Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 предпринял попытку внедрить для судов правило избрания более строгой меры пресечения при невозможности избрания более мягкой (п. 8). Однако усилия высшей судебной инстанции успехом не увенчались, о чем свидетельствует соотношение арестов и иных мер пресечения, избранных судами, согласно данным Судебного департамента Верховного суда РФ. Так, анализ судебной практики отдельными учеными правоведками, показал, что наименьшей обоснованностью обладают как раз выводы судов о необходимости избрания самой строгой меры пресечения [15]. Названное обстоятельство свидетельствует именно об отсутствии оснований для её применения.

Таким образом, отмечаются следующие признаки самостоятельности судебного контроля, несмотря на его связь с досудебным производством или вытекающим из последнего: 1) собственная материально-правовая база (сильно несовершенная в настоящее время); 2) в его основе лежит определенный круг правоотношений; 3) имеет определенные особенности в деятельности правоохранительных органов; 4) обладает существенными отличиями, позволяющими отграничить от других производств; 5) имеет самостоятельный порядок оформления материалов (не подшиваются в основное производство, а формируют самостоятельное дело) [14].

Сюда следует также добавить специфику механизма правоприменения судебного контроля.

Не всем и не всегда ясно распространяются ли правила и общая процедура проведения судебного заседания при рассмотрении дела по существу на судебные заседания в контрольном производстве, и в какой мере, Кальницкий В.В. обоснованно пишет, «не уделяется внимания таким важнейшим вопросам, как статус участвующих лиц, порядок получения от них сведений, правовая природа этих сведений, пределы полномочий председательствующего, возможность вызова свидетелей и т.д.».

Как отмечает Колоколов Н.А., субъекты контрольного судопроизводства не совпадают с субъектами уголовного судопроизводства, перечисленных в разделе II УПК РФ и могут вообще не являться участниками последнего, что отдельными учеными и объясняется особенностями правоотношений.

Ну и наконец, механизм контроля исполнения уже вступивших в законную силу решений. Специфика уголовно-процессуальных отношений заключается также в том, что одной из сторон всегда являются правоохранительные органы с набором властных полномочий, средств и аппаратом силового принуждения. В связи с изложенным довольно оправданным видится возложение полномочий по контролю за исполнением судебных решений на сам суд.

Все в совокупности предполагает собственный механизм правового регулирования судебного контроля, а широта вышеперечисленных особенностей не позволяет устранить имеющиеся пробелы путем простого внесения изменений в УПК РФ или включением в него отдельной главы, посвященной судебному контролю. Кроме того, судебный контроль в уголовном судопроизводстве имеет много проблем, связанных с организацией самой судебной системы, которые все больше диктуют необходимость создания отдельных специализированных судов типа «следственных судей». Поскольку на нормативном акте, регулирующем судебный контроль будет основана вся процессуальная деятельность целой самостоятельной структуры специализированных судов, то представляется, что формой данного нормативного акта следует избрать кодекс.

В связи с изложенным решение видится в разработке и конечном введении в действие отдельного нормативного-правового акта, с техническим названием «Кодекс уголовно-контрольного судопроизводства». Он должен предусмотреть: 1) систему принципов контрольного судопроизводства, ориентиром которой служат его цель и задачи, а также особенности реализации общих принципов правосудия, в частности состязательности; 2) субъектов правоотношений; 3) компетенцию, права и обязанности участников судопроизводства, а также порядок их осуществления и реализации; 4) формы судебного контроля, его предмет и пределы относительно каждой из них; 5) виды процессуальных решений, принимаемых в ходе и по результатам судебного рассмотрения, а также порядок обжалования; 6) механизм контроля и порядка исполнения судебных решений.

Литература

1. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Избрание меры пресечения судом: научно-практическое пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / А.В. Агутин [и др.]; под ред. Н.А. Колоколова. – Москва: ЮНИТИ: Закон и право, 2012. С. 288–289.
2. Шаров А. Генпрокуратура смотрит в камеру. Юрий Чайка побывал в худшем СИЗО страны // Российская Газета. – 2008. – № 188 (4547). С. 3.
3. Петрухин И.Л. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. 2007. № 2. С. 92.
4. Данные судебной статистики: [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: сайт. 2023. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения 05.12.2024).
5. Определение Конституционного Суда РФ от 25.03.2004 № 124-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 115 и 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Конституционный Суд Российской Федерации: [Сайт]. Решения Конституционного суда РФ. 2008–2022. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата последнего обращения 25.07.2022).
6. Головки Л.В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального переосмысления // Государство и право. 2013. № 9. С. 23.
7. Лазарева В.А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара: Самарский университет, 2000. С. 53–54.
8. Рыгалова К.А. Судебный контроль как самостоятельная уголовно-процессуальная функция // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 99.
9. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград: Ленинградский университет, 1976. С. 41–45
10. Пояснительная записка к Кодексу административного судопроизводства // СОЗД ГАЗ «Законотворчество»: [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/246960-6> (дата обращения: 12.12.2022)
11. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: Понятие, сущность, формы: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.09 / Ковтун Николай Николаевич, Нижний Новгород. – 2002. С. 63.
12. Ласточкина Р. Н., Язева Е.Е., Кулев А.Г. Судебный контроль в уголовном процессе:

учебно-методическое пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2017. С. 12.

13. Володина Л.М. Назначение, функции и задачи уголовного судопроизводства // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2/2 (86). С. 14–18.
14. Якимович Ю. К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса. Томск: Томский университет, 2001. 297 с.
15. Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 184

ON THE NEW REGULATION OF JUDICIAL CONTROL IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Breev D.E.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the complex analysis of problems related to the practical implementation of judicial control in criminal proceedings. The institute of judicial control was revived in the Russian legislation in a difficult socio-political period, which largely predetermined its imperfection and immaturity. A comparative study with the CAS of the Russian Federation, adopted in conditions of greater political independence, showed much better compliance with its social purpose. The similar nature of judicial control in administrative and criminal proceedings prompts the need to develop and adopt a codified normative act to regulate the latter. The proposed developments can serve in further research and rule-making process devoted to the problems outlined.

Keywords: judicial control, judicial powers, criminal proceedings, restriction of rights and freedoms.

References

1. Topical problems of criminal proceedings. Election of preventive measures by the court: a scientific and practical manual for students of higher educational institutions, studying on specialty 030501 "Jurisprudence" / A.V. Agutin [et al]; ed. by N.A. Kolokolov. – Moscow: UNITI: Law and Law, 2012. С. 288–289
2. Sharov A. General Prosecutor's Office looks into the camera. Yuri Chaika visited the worst pre-trial detention center of the country // Rossiyskaya Gazeta. – 2008. – № 188 (4547). С. 3.
3. Petrukhin I.L. On the effectiveness of judicial control over the investigation and operative-search activity // Criminal Law. 2007. № 2. С. 92
4. Data of judicial statistics: [Electronic resource] // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: website. 2023. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>&item=7645 (date of address 05.12.2024).
5. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25.03.2004 № 124-О "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vlasov Valery Alexandrovich on violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 115 and 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // Constitutional Court of the Russian Federation: [Website]. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2008–2022. URL: <http://www.ksrf.ru> (date of last access 25.07.2022).
6. Golovko L.V. Post-Soviet theory of judicial control in pre-trial stages of criminal proceedings: an attempt of conceptual rethinking // State and Law. 2013. № 9. С. 23.
7. Lazareva V.A. Theory and practice of judicial defense in criminal proceedings. Samara: Samara University, 2000. С. 53–54.
8. Rygalova K.A. Judicial control as an independent criminal procedural function // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1 (73). С. 99;
9. Elkind P.S. Goals and means of their achievement in the Soviet criminal procedural law. Leningrad: Leningrad University, 1976. С. 41–45
10. Explanatory note to the Code of Administrative Proceedings // SOZD GAZ "Legislation": [Electronic resource]. 2022. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/246960-6> (date of address: 12.12.2022)
11. Kovtun, N.N. Judicial control in criminal proceedings of Russia: Notion, essence, forms: diss. ... dr. Jurid. sciences: 12.00.09 / Kovtun Nikolai Nikolaevich, Nizhny Novgorod. – 2002. С. 63
12. Lastochkina R. N., Yazeva E.E., Kulev A.G. Judicial control in the criminal process: educational and methodological manual. Yaroslavl: YarGU, 2017. С. 12
13. Volodina L.M. Purpose, functions and tasks of criminal proceedings // Izvestiya Altai State University. 2015. № 2/2 (86). С. 14–18.
14. Yakimovich Y. K. K., Lensky A.V., Trubnikova T.V. Differentiation of criminal procedure. Tomsk: Tomsk University, 2001. 297 с.
15. Barabash A.C. Goals and grounds for the election of a preventive measure in criminal proceedings // Actual problems of Russian law. 2015. № 12. С. 184

Актуальные проблемы противодействия незаконной вырубке лесных насаждений

Горошко Олег Евгеньевич,

аспирант Югорского государственного университета
E-mail: 79124154182@mail.ru

Тема статьи является актуальной, поскольку незаконная вырубка лесных насаждений – это глобальная проблема со значительными негативными экономическими, экологическими и социальными последствиями. Данное преступление приводит к упущенным доходам и другим экономическим потерям, а также к обезлесению, изменению климата и утрате биоразнообразия. Россия наиболее обеспечена лесными ресурсами. В связи с этим на наше государство налагается дополнительная ответственность по сохранению и охране, в том числе от преступных посягательств, лесных насаждений.

Целью статьи является глубокий анализ и выявление проблем по противодействию незаконной вырубке лесных насаждений. К задачам исследования можно отнести изучение состояния преступности, связанной с незаконной вырубкой лесных насаждений, обобщение существующих проблем в рамках противодействия указанным преступлениям, а также выявление факторов, как способствующих криминализации лесного сектора, так и декриминализирующих его.

В качестве базы исследования является анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнительно-правовой анализ и метод статистического анализа.

Результатами этого исследования являются выводы о необходимости повышения качества оперативно-розыскной деятельности по противодействию данным преступлениям и совершенствования правового регулирования работы оперативных подразделений в данной сфере.

Ключевые слова: рубка, экология, расследования, инновации, оптимизация, природоохрана, природонадзор.

В целом леса и лесные ресурсы – это самые ценные природные богатства нашей планеты, значение их нельзя переоценить. Они являются очень важной частью биосферы, леса Земли помогают сохранять углерод и насыщают кислородом нашу атмосферу, влияют на укрепление почвенного, водного и биологического разнообразия, смягчают последствия изменения климата, используются для рекреационной деятельности, а также служат источником отопления (топить печь) и располагают повышенным экономическим потенциалом.

Начнем вместе разбирать исторические события в России по незаконным рубкам лесных насаждений. Допетровская эпоха характеризовалась относительно свободным отношением к лесным ресурсам. Самовольная рубка деревьев для личных нужд допускалась с выплатой компенсации владельцу леса. Служилые люди имели право на рубку в любом частном лесу без разрешения и не привлекались к уголовной ответственности, так как данные лица имели особый статус и привилегии. Первые ограничения появились в период Ивана IV (1547 г.), когда появилась первая Охранная грамота. Революция ж произошла в лесном законодательстве при Петре I. Лес эволюционировал в государственный ресурс. В 1703 году был издан указ о запрете рубки деревьев вдоль рек с установлением штрафных полос. За нарушение предусматривались строгие меры наказания, вплоть до смертной казни. Централизованное управление лесными насаждениями началось в 1719 году с созданием адмиралтейства, а в 1722 году была учреждена служба вальдмейстеров. Появились первые правила охраны лесов от пожаров и незаконной вырубки. В 19 веке началась интенсивная рубка в связи с развитием промышленности, городов и железнодорожного строительства. В 1864 году был принят Судебный устав, предусматривающий штрафы за незаконную рубку. Основным моментом стал Лесоохранительный закон 1888 года, который признал природоохранную ценность лесов. В 1903 году рубка лесных насаждений стала отдельным преступлением. Именно в советском периоде произошла национализация лесов (1918 г.), когда все леса были объявлены всенародным достоянием. Торговля лесом стала государственной монополией. Не совсем строгое наказание было введено в 1922 году. Произошли изменения в 1926 году в сторону ужесточения наказания, в дополнение появились новые понятия: полезащитные, почвозащитные, берегозащитные леса. И вот пришли к прекрасному современному законодательству, которое относит незакон-

ную рубку к экологическим преступлениям. Хотя некоторые положения о систематической порубке и рубке специальных категорий деревьев были исключены из кодекса.

На каждом историческом этапе государство стремилось найти баланс между необходимостью использования лесных ресурсов и их сохранения для будущих поколений, усиливая меры контроля и наказания за незаконную вырубку.

Согласно официальным данным за 2024 год около 4 миллиардов гектаров составляет лесные насаждения. Это более 30% от общей площади суши. Необходимо выделить несколько стран на которые приходится больше лесов по сравнению с другими. (Россия, Бразилия, Канада, США, Китай). На Россию приходится ориентировочно 20% всех мировых лесов, в то время как на Бразилию – 12% на Канаду – 9%, на Соединенные Штаты Америки – 8%, на Китай – 5%. В данных государствах находится значительно больше половины всех лесов Земли. Нужно учитывать, что площадь лесов продолжает сокращаться, но темп убывания лесов уменьшается.

К несчастью, на каждый год количество лесов медленно сокращается – в среднем на 4,5 миллиона гектаров в год. Причинами такой негативной тенденции является влияние на лес нескольких факторов, которые отрицательно сказываются на их здоровье и жизнеспособности. К таким негативным явлениям относятся: лесные пожары, воздействие вредных организмов и болезней, неблагоприятные погодные условия, человеческий фактор.

Доля незаконной вырубки лесов в мире варьируется в зависимости от региона и методологии оценки. В тропических странах, где проблема наиболее остра, этот показатель достигает 50–90% от общего объема лесозаготовок. Например: в Бразилии до 80% вырубки в Амазонии в 2000–2012 гг. было незаконным. В Индонезии 80% в 2000–2012 гг. в сфере лесозаготовок были нарушены законы. Либерия и Камерун 80–90% древесины добывают нелегально. Приведем глобальную оценку, которая показывает, что незаконная вырубка составляет 15–30% от общего объема лесной торговли. По данным ООН и Интерпола, до 50% тропической вырубки связано с организованной преступностью. Основные причины незаконной вырубки лесных насаждений являются: коррупция, слабый контроль и огромный спрос на дешевую древесину. Например, в 2023 году Бразилия сократила незаконную вырубку на 50%, а Индонезия – на 90%, что демонстрирует эффективность усиленных мер. К сожалению, по нашему мнению, точные цифры сложно определить из-за скрытого характера деятельности, но очевидно, что проблема остается критической для биоразнообразия и климата.

По данным Рослесхоза в 2024 году площадь лесовосстановления и лесоразведения должна была быть доведена до 7,7 млн гектаров. За 5 лет реализации федерального проекта «Сохранение ле-

сов», площадь лесовосстановления и лесоразведения в России составила 6,3 млн гектара.

Объемы заготовки древесины именно в нашей стране постоянно растут. Так, за 2021 г. было заготовлено 224,9 млн куб. м древесины, что на 3,7%, больше, чем 2020 г., и составило 30,9% от допустимого объема изъятия. А вот за 2023 г. было заготовлено 188 млн куб м древесины, что на 3,4% меньше, чем в 2022 г., и составило 25,9% от допустимого объема изъятия. В сравнении с 2022 г., чем в 2023 г. наблюдалось незначительное снижение объемов заготовленной древесины. В целом наблюдается общая тенденция к уменьшению заготовки древесины по сравнению с 2018 г. (что составляет 238,58 млн куб м).

Имеются леса, расположенные на землях, не относящихся к землям лесного фонда. Согласно информации государственного лесного реестра они занимают 42,3 млн га и выполняют преимущественно защитные функции. В 2023 г. площадь этих лесов снизилась до 52,5 тыс. га по сравнению с 2022 г., но увеличилась на 895,2 тыс. га по сравнению с 2019 годом.

Теперь разберем процедуру под наименованием «оперативные мероприятия» по борьбе с незаконной вырубкой лесов, которые включают комплекс технологических, правовых и образовательных мер. Приведем ключевые подходы: Спутниковый мониторинг и ИИ делятся на системы ILDAP (Illegal Logging Detection and Prediction) анализируют данные спутников Sentinel-1 и Sentinel-2 для обнаружения вырубок в режиме реального времени и прогнозирования рисков. Алгоритмы выявляют изменения лесного покрова, строительство дорог и поселений. PlanetScore предоставляет ежедневные снимки с разрешением до 3 м, что позволяет фиксировать даже небольшие незаконные рубки. В Бразилии эта система сократила время расследования с месяцев до недель. Автономные дроны с LIDAR и тепловизорами патрулируют труднодоступные районы. В Румынии и Панаме они выявляют до 30% скрытых рубок, незаметных спутникам. Существуют также пятидневные курсы Global Conservation Force (ЮОП) включают тактику слежения, криминалистику на месте преступления и медицину в полевых условиях. Выпускники получают трудоустройство в заповедниках. Программа TECC (Tactical Emergency Casualty Care) учит рейнджеров оказывать экстренную помощь в условиях перестрелок, используя реалистичные симуляции с искусственной кровью. Предусматриваются правовые меры такие как электронные сопроводительные документы для древесины (как в РФ с 2024 г.), которые отслеживают цепочку поставок от вырубки до экспорта. Нарушители штрафуются на сумму до 500% от стоимости партии. Одна из самых надежных мер – это конфискация техники. Например, в Бразилии с 2023 г. техника, используемая в незаконных рубках, изымается и передается заповедникам. Не стоит забывать про международные операции, можно привести пару ярких примеров. Операция Thunder (INTERPOL

и Всемирная таможенная организация): В 2021 г. в 118 странах изъято 75 тыс. тонн незаконной древесины, включая редкие породы (палисандр, красное дерево). Следующая операция по списку является Amazonas IV (2018 г.) В Латинской Америке задержано 209 преступных групп, конфисковано 12 тыс.м. куб. древесины.[7]

Также продолжим мысль о том, что борьба с незаконной вырубкой и иными преступлениями в сфере оборота леса в нашей стране ведется достаточно давно, на сегодняшний день проблема не разрешилась. На это обратил свое внимание В.В. Путин, выступая на совещании по вопросам развития и декриминализации лесного комплекса 29 сентября 2020 года. В частности, Президент РФ отметил, что для искоренения такой застарелой проблемы, как незаконные вырубки лесных насаждений «необходимы качественно новые, более эффективные, современные и, главное, результативные подходы».

Теперь разберем изменения, внесенные в Лесное законодательство в нашей стране. Произошел полноценный запуск ФГИС ЛК с 1 января 2025 года, который включает в себя объединение данных о лесах, учет древесины и информации о сделках с ней, оказание государственных услуг в электронном виде. Также стала обязательна фотофиксация в эту же дату, включая в себя: мероприятия по охране лесов, работы по защите лесов, мероприятия по воспроизводству лесов. Оптимизация работы спутниковой навигации: оснащение техники для заготовки древесины, оборудование техники для транспортировки древесины, техника для тушения лесных пожаров. Данный приказ об оснащении вступил в силу с 1 марта 2025 года. В эту же дату введены новые требования к лесовосстановлению. Перечислим несколько из них: минимум 30% площадей искусственного и комбинированного лесовосстановления, восполнение посадкой сеянцев или саженцев с закрытой корневой системой. Возможно, эти изменения смогут создать эффективную систему управления лесным хозяйством и повысить качество проводимых работ по охране, защите и воспроизводству лесов. [8]

По данным изменениям на 2025 год ученые правоведа еще не высказали свое мнение, предполагаем, что недостаточно прошло времени с момента запуска ФГИС ЛК, чтобы действительно убедиться, что произошли положительные сдвиги в сторону улучшения и снижения преступности в сфере экологии. [8]

На сегодняшний день, можем согласиться с вышеупомянутым научным сообществом в том, что недостаточно данных чтобы выдвигать определённые мнения по поводу ФГИС ЛК. Но можем предположить, что не всегда может работать данное устройство, так как возможен факт взлома. В нашем понимании факт взлома разделяется на два вида: механический (непосредственный), электронный (дистанционный).

Про первый тип взлома (механический) является непосредственный вход в систему данных

устройств, при котором вскрываются либо подделываются сведения, что впоследствии становятся лживыми. Но так как не каждый человек способен бороться со своей деструктивностью, то специальное лицо вполне может изменять данные как угодно ему.

Про второй тип взлома (электронный) возможен путем внесения вредоносного программного обеспечения в саму систему и приведение к дальнейшим неполадкам. Помимо разбора взлома, вполне может быть сильные перегрузки от загруженных данных и во время огромного количества пользователей информационной системы, что впоследствии сервера не могут работать без сбоев. Предполагаем, что если смотреть в относительно далекое будущее, то возможно разрешение данной проблемы путем применения нейросети и присвоения особого статуса.

Литература

1. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 50, 11.12.2006, ст. 5278.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 25, 17.06.1996, ст. 2954.
3. О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и статьи 14 и 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федеральный закон от 02.07.2021 № 304-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, № 27 (ч. I), 05.07.2021, ст. 5132.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»: Федеральный закон от 11.06.2021 № 170-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, № 24 (ч. I), 14.06.2021, ст. 4188.
5. Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития и декриминализации лесного комплекса: поручение Президента РФ от 6 ноября 2020 г. № Пр-1816 // Документ опубликован не был.
6. Гагарин Ю. Н., Добровольский А.А., Смирнов А.П. Состояние и перспективы охраны лесов от незаконных рубок в Российской Федерации // Вопросы лесной науки. 2019. Т. 2. № 4. С. 1–22.
7. Глобальная оценка лесных ресурсов 2020 года – Основной отчет. URL: <https://www.fao.org/documents/card/en/c/ca9825ru>.
8. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2023 году. URL: <https://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/526/f3e9m4efiz0bcw->

shcs0vhcso6iaaxoko/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%2520%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%8B%25202023.PDF

9. Рейтинги субъектов Российской Федерации в области лесного хозяйства: объем незаконной рубки лесных насаждений. URL: https://rosleshoz.gov.ru/rates/illegal_felling.
10. Совещание о развитии и декриминализации лесного комплекса. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64116>.
11. Совещание по развитию лесопромышленного комплекса. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70494>.
12. Телков А.В. Некоторые аспекты выявления и раскрытия подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями незаконных рубок лесных насаждений // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 5. С. 159–161.
13. Чуvasов Е.В., Щеголев А.А., Тугова К.В. Декриминализация российской лесной отрасли. План правительства // ЛесПромИнформ. 2020. № 1 (155). С. 14–21.

CURRENT ISSUES OF COUNTERING ILLEGAL FORESTRY DEFINING

Goroshko O.E.

Yugra State University

The topic of this article is relevant because illegal logging is a global problem with significant negative economic, environmental and social consequences. This crime leads to lost revenue and other economic losses, as well as deforestation, climate change and loss of biodiversity. Russia is the country with the largest supply of forest resources. In this regard, our state has an additional responsibility for the preservation and protection of forests, including from criminal encroachment.

The purpose of the article is to deeply analyze and identify problems in combating illegal logging.

The objectives of the study include studying the state of crime related to illegal logging, generalizing existing problems in the context of combating these crimes, as well as identifying factors that both contribute to the criminalization of the forest sector and decriminalize it. The basis of the research is analysis, synthesis, induction, deduction, comparative legal analysis and the method of statistical analysis. The results of this research are conclusions about the need to improve the quality of operational investigative activities to combat

these crimes and improve the legal regulation of the work of operational units in this area.

Keywords: logging, ecology, investigations, innovations, optimization, environmental protection, environmental supervision.

References

1. Forest Code of the Russian Federation of 04.12.2006 No. 200-FZ (as amended on 29.12.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 50, 11.12.2006, Art. 5278.
2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 29.12.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 25, 17.06.1996, Art. 2954.
3. On Amendments to the Forest Code of the Russian Federation and Articles 14 and 16 of the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation": Federal Law of 02.07.2021 No. 304-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation, No. 27 (Part I), 05.07.2021, Art. 5132.
4. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation": Federal Law of 11.06.2021 No. 170-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation, No. 24 (Part I), 14.06.2021, Art. 4188.
5. List of instructions following the meeting on the development and decriminalization of the forestry complex: instruction of the President of the Russian Federation dated November 6, 2020 No. Pr-1816 // The document was not published.
6. Gagarin Yu. N., Dobrovolsky A.A., Smirnov A.P. State and prospects of forest protection from illegal logging in the Russian Federation // Issues of forest science. 2019. Vol. 2. No. 4. Pp. 1–22.
7. Global Forest Resources Assessment 2020 – Main Report. URL: <https://www.fao.org/documents/card/en/c/ca9825ru>.
8. State report on the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2023. URL: <https://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/526/f3e9m4efiz0bcwshcs0vhcso6iaaxoko/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%2520%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%8B%25202023.PDF>
9. Ratings of the constituent entities of the Russian Federation in the field of forestry: the volume of illegal logging of forest stands. URL: https://rosleshoz.gov.ru/rates/illegal_felling.
10. Meeting on the development and decriminalization of the forest complex. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64116>.
11. Meeting on the development of the forestry complex. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70494>.
12. Telkov A.V. Some aspects of detection and disclosure of illegal logging of forest stands by units for combating economic crimes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 5. P. 159–161.
13. Chuvasov E.V., Shchegolev A.A., Tugova K.V. Decriminalization of the Russian forestry industry. Government plan // LesPromInform. 2020. No. 1 (155). P. 14–21.

Особенности противодействия противоправным и деструктивным действиям граждан в цифровой среде

Григорянц Сергей Анушаванович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Колено Полина Александровна,

студент, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Григорянц Андрей Сергеевич,

студент, Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»

Исследование посвящено рассмотрению проблем, связанных с противодействием противоправным и деструктивным действиям, совершаемым гражданами в цифровой среде. Растущая популяризация онлайн-платформ и относительная анонимность, которую они обеспечивают, способствовали экспансии незаконной деятельности, варьирующейся от кибербуллинга до распространения дезинформации и подстрекательства к насилию в обществе. Особое внимание в исследовании уделяется анализу правовых, технологических и социально-психологических аспектов данного вопроса. Анализ включает критическую оценку существующих правовых рамок, технологических инструментов и инициатив по повышению осведомленности общественности с целью выявления пробелов в законодательстве и разработки научно-обоснованных рекомендаций для повышения эффективности противодействия такому поведению. Кроме того, рассматриваются этические аспекты, связанные с наблюдением, цензурой и защитой конфиденциальности. Результаты подчеркивают необходимость комплексного совместного подхода с участием государства и профильных ведомств правоохранительной направленности, а также технологических компаний, образовательных учреждений и иных некоммерческих общественных организаций. Данное исследование закладывает теоретическую основу для понимания ключевых факторов, которые способствуют росту цифрового девиантного поведения, и предоставляет практические идеи для предупреждения его негативных последствий.

Ключевые слова: цифровое, девиантное поведение, киберпреступность, дезинформация, онлайн-экстремизм, модерация контента, кибербезопасность, цифровая грамотность, правовые рамки, политические интервенции, онлайн-безопасность, социальная инженерия, киберпсихология.

Введение

Актуальность

На современном этапе развития общественных отношений, цифровая среда стала неотъемлемой частью жизни, предлагая беспрецедентные возможности для коммуникации, доступа к информации и социального взаимодействия [3; 5]. Вместе с тем, появляются и негативные факторы, связанные с противоправными и деструктивными действиями, совершаемыми гражданами в данной сфере.

Анонимность и транснациональный охват, обеспечиваемые онлайн-платформами, способствовали распространению различных форм цифрового девиантного поведения, включая кибербуллинг, язык вражды, распространение дезинформации и подстрекательство общества к насилию в отношении друг-друга [2].

Необходимость решения складывающейся проблемы обусловлена негативным характером подобного рода действий. В частности, кибербуллинг может привести к психологическому стрессу и даже самоубийству, в то время как язык вражды может подстрекать к насилию и дискриминации в отношении маргинализированных групп граждан, а распространение дезинформации может подорвать общественное доверие к государственным институтам власти, неся в себе прямую угрозу национальной безопасности государства [7].

В научных исследованиях изучались различные аспекты цифрового девиантного поведения, включая его распространенность, причины и последствия [8, с. 122; 9, с. 18]. Однако сохраняется необходимость в более полном понимании конкретных проблем, связанных с противодействием этим действиям, особенно в свете развивающегося характера технологий и растущей изоционности преступников.

Данное исследование направлено на устранение этого пробела путем предоставления целостного анализа правовых, технологических и социально-психологических факторов, которые способствуют росту цифрового девиантного поведения. Оно направлено на выявление эффективных стратегий профилактики, обнаружения и реагирования, а также на рассмотрение этических последствий этих стратегий. Новизна этой работы заключается в ее комплексном подходе, который объединяет идеи из различных дисциплин, чтобы предложить более предметное и практическое понимание проблемы.

Цель работы – это комплексный анализ тенденций противодействия противоправным и деструктивным действиям в цифровой среде.

Исследование имеет как теоретическое, так и практическое значение. Для науки оно вносит вклад в более глубокое понимание динамики цифрового девиантного поведения и проблем регулирования поведения в интернете. Для практики оно предоставляет действенные идеи для политиков, правоохранительных органов, технологических компаний и педагогов, стремящихся смягчить вредные последствия противоправных и деструктивных действий в цифровой среде.

Методология данного исследования построена на сочетании качественного и количественного подходов, что позволяет получить более глубокое и всестороннее понимание сложной проблемы противодействия противоправным и деструктивным действиям граждан в цифровой среде. Качественный анализ включает в себя углубленное изучение существующих научных работ, нормативных правовых актов, политических документов, а также отчетов аналитических центров и международных организаций, занимающихся вопросами кибербезопасности, цифровой этики и прав человека в цифровой среде. Этот этап исследования направлен на выявление ключевых тенденций, проблем и пробелов в существующих подходах к регулированию и контролю за деятельностью в цифровой среде. Особое внимание уделяется анализу различных моделей регулирования, применяемых в разных странах, и оценке их эффективности в контексте конкретных социально-культурных и политических условий. Кроме того, проводится контент-анализ публикаций в СМИ и социальных сетях, с целью выявления распространенных форм деструктивного поведения и анализа мотивов и стратегий, используемых нарушителями.

Количественный анализ предполагает использование статистических данных, собранных из различных источников, включая правоохранительные органы, интернет-провайдеров, социальные сети и другие платформы, а также результаты социологических опросов и исследований общественного мнения. Эти данные используются для оценки масштабов и распространенности различных видов противоправных и деструктивных действий в цифровой среде, а также для выявления факторов, способствующих их возникновению и распространению. В частности, анализируются данные о киберпреступлениях, случаях разжигания ненависти, распространения дезинформации и других формах онлайн-девиантности, а также о возрастных, гендерных и социальноэкономических характеристиках нарушителей и жертв.

Кроме того, проводится сравнительный анализ данных, собранных из разных стран и регионов, с целью выявления общих тенденций и специфических особенностей проблемы противодействия противоправным и деструктивным действиям в цифровой среде.

Результаты исследования

Эмпирические результаты проведенного исследования подтверждают тезис о том, что противодействие противоправным и деструктивным проявлениям в цифровой среде представляет собой сложную и многоаспектную задачу, требующую комплексного и иерархически организованного подхода, охватывающего как международный, так и национальный законодательный уровень. Отсутствие единой стратегии и фрагментарность принимаемых государством превентивных мер, препятствуют достижению существенного прогресса в обеспечении безопасности и правопорядка в онлайн-пространстве.

Так, первичный анализ действующей нормативно-правовой базы выявил существенные недостатки в регулировании поведения в цифровой среде. Существующие правовые нормы, в большинстве своем, разрабатывались на этапе, предшествующем повсеместному распространению информационно-телекоммуникационных технологий и социальных сетей, что обуславливает их ограниченную применимость к специфическим реалиям массово развитого онлайн-пространства в настоящее время. Особую остроту приобретают вопросы юрисдикции, поскольку трансграничный характер сети «Интернет» создает прецеденты, когда деликты, совершенные в цифровой среде, порождают последствия в различных государствах, затрудняя определение применимого законодательства и компетентного органа для рассмотрения дела. Более того, значительную проблему представляет идентификация лиц, совершающих противоправные действия, в связи с широким использованием анонимных учетных записей и сервисов VPN, затрудняющих процесс установления личности и привлечения к ответственности.

Вторичная оценка эффективности применяемых технологических инструментов для обнаружения и предотвращения противоправных деяний в сети «Интернет» показала их ограниченную результативность. Алгоритмы автоматизированного мониторинга контента и выявления административных правонарушений, а также уголовно-наказуемых деяний в силу своей алгоритмической природы, подвержены систематическим ошибкам и ложным срабатываниям, что потенциально может приводить к необоснованной цензуре и ограничению конституционного права на свободу выражения мнений граждан. Кроме того, субъекты, преследующие деструктивные цели, непрерывно разрабатывают новые методы обхода существующих систем защиты, что требует постоянной модернизации и адаптации используемых технологических решений со стороны правоохранительных органов и иных заинтересованных учреждений. Данный факт обуславливает необходимость разработки проактивных методов защиты, основанных на анализе поведенческих паттернов и предсказании потенциальных угроз.

Третичный анализ социально-психологических факторов, влияющих на поведение пользователей в цифровой среде, позволил установить, что мотивация, система ценностей и социальное окружение оказывают существенное влияние на склонность к совершению противоправных и деструктивных действий в сети Интернет. Чувство анонимности и мнимой безнаказанности, а также подверженность групповому давлению и воздействию деструктивной пропаганды зачастую провоцируют пользователей на совершение действий, которые они не совершили бы в реальной жизни. Кроме того, значительную роль играют индивидуальные психологические особенности, такие как повышенная агрессивность, склонность к зависти и низкая самооценка, которые могут усиливаться в условиях онлайн-коммуникации [11, с. 27].

В результате комплексного анализа эмпирических данных, полученных в ходе исследования, и теоретических положений были сформулированы следующие научно-практические рекомендации, направленные на существенное совершенствование системы противодействия противоправным и деструктивным действиям, совершаемым в цифровой среде:

I. Необходимо со стороны государства активизировать научные исследования и опытно-конструкторские разработки в области искусственного интеллекта, машинного обучения, анализа больших данных и других перспективных технологий с целью создания инновационных инструментов и алгоритмов, способных с высокой точностью и минимальным количеством ложных срабатываний выявлять и идентифицировать нарушения действующего законодательства, а также деструктивный контент (экстремистские материалы, призывы к насилию, пропаганду терроризма, порнографические изображения с участием несовершеннолетних и т.п.) в режиме реального времени [6, с. 22]. При этом необходимо соблюдать основы, неприкосновенности частной жизни и уважения прав и свобод человека и гражданина, обеспечивая прозрачность и подотчетность алгоритмов и исключая возможность их использования для цензуры, политического преследования и дискриминации.

Вместе с тем, следует учитывать при разработке технологических решений – специфические особенности различных социальных сетей и онлайн-платформ, а также языковые и культурные особенности различных регионов мира. Это позволит повысить точность выявления нарушений и избежать блокировки законного контента [1].

II. Профильным ведомствам и учреждениям представляется необходимым активнее содействовать развитию цифровой грамотности населения и формированию культуры ответственного и этичного поведения в сети «Интернет», основанной на уважении прав других пользователей, соблюдении закона и противодействии деструктивному контенту [10, с. 244]. В частности, предлагается необходимо разработать и внедрить комплексные образовательные программы, ориентированные

на различные возрастные и социальные группы населения, направленные на повышение осведомленности о потенциальных рисках и угрозах, связанных с использованием цифровых технологий, а также на формирование навыков безопасного, ответственного и этичного поведения в цифровой среде [4, с. 18]. Эти программы должны включать в себя обучение основам кибербезопасности, правилам защиты персональных данных, навыкам критического мышления, распознавания дезинформации и фейковых новостей, а также умению противостоять кибербуллингу, троллингу и другим формам онлайн-агрессии.

Реализация этих рекомендаций позволит в значительной мере повысить эффективность системы противодействия противоправным и деструктивным действиям в цифровой среде, создать более безопасную и надежную среду для всех граждан и обеспечить устойчивое развитие информационного общества, основанного на принципах свободы, безопасности и уважения прав человека.

Выводы

Проведенное исследование, посвященное анализу особенностей противодействия противоправным и деструктивным действиям граждан в цифровой среде, позволило выявить ряд ключевых выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение для разработки эффективных стратегий обеспечения безопасности и правопорядка в онлайн-пространстве.

Анализ эмпирических данных, полученных в ходе исследования, а также теоретических концепций, разработанных в рамках различных научных дисциплин (правоведение, информатика, социология, психология), подтвердил, что проблема противодействия девиантности в цифровой среде представляет собой сложный, многогранный и динамично развивающийся феномен, требующий комплексного и скоординированного подхода на всех уровнях, в частности:

1. Действующие правовые рамки, регулирующие отношения в цифровой среде, часто оказываются неадекватными для эффективного противодействия современным формам киберпреступности и онлайн-девиантности [12, с. 11]. Законодательство многих стран, включая и Россию, было разработано в период, предшествующий массовому распространению интернета и социальных сетей, и не учитывает специфических особенностей онлайн-пространства. Это приводит к проблемам юрисдикции в трансграничных киберпреступлениях, сложностям в идентификации и привлечении к ответственности виртуальных преступников, использующих средства анонимизации (VPN, криптовалюта), а также к неэффективному регулированию распространения дезинформации и экстремистского контента. Необходимость актуализации и совершенствования законодательства, гармонизации национальных правовых норм с международными стандартами, а также развитие эффек-

тивных механизмов международного правового сотрудничества, становятся ключевыми вызовами для обеспечения правопорядка в цифровой среде. Важно отметить, что новые законы должны не только карать за совершённые преступления, но и содержать эффективные механизмы профилактики.

2. Анализ технологических инструментов, используемых для обнаружения и предотвращения противоправной деятельности в сети Интернет, показал их ограниченную эффективность и уязвимость перед постоянно эволюционирующими методами обхода защиты, разрабатываемыми киберпреступниками. Алгоритмы автоматического мониторинга контента, хотя и способствуют выявлению определенного количества нарушений, часто дают ложные срабатывания, блокируя легитимный контент, а также подвержены манипуляциям со стороны злоумышленников. Более того, существующие системы не всегда способны своевременно реагировать на новые виды угроз, а также эффективно противодействовать использованию анонимизирующих сервисов. Поэтому, необходимо разработка и внедрение более совершенных технологических решений, основанных на искусственном интеллекте, машинном обучении и анализе больших данных, которые позволят не только выявлять противоправную деятельность, но и предсказывать ее, предупреждая тем самым совершение преступлений. Важно подчеркнуть, что внедрение новых технологий должно сопровождаться строгим соблюдением этических норм, защитой прав человека и обеспечением прозрачности алгоритмов.

3. Чувство анонимности, безнаказанности, подверженность групповому давлению и воздействию деструктивной информации, а также индивидуальные психологические особенности (агрессивность, склонность к импульсивным действиям, низкая самооценка) влияют на склонность к совершению противоправных и деструктивных действий в онлайн-пространстве. Понимание этих факторов является критически важным для разработки эффективных профилактических мер. Необходимо разработать программы по повышению цифровой грамотности, формированию критического мышления, развитию навыков медиаграмотности и способности противостоять манипуляциям и дезинформации. Особое внимание следует уделить работе с молодежью, пропаганде толерантности и предупреждению кибербуллинга.

4. В целом, исследование подтвердило, что эффективное противодействие противоправным и деструктивным действиям в цифровой среде невозможно без комплексного и скоординированного подхода, объединяющего усилия государства, частного сектора, гражданского общества и международного сообщества [11, с. 128]. Необходимо совершенствование правовой базы, разработка и внедрение инновационных технологий, проведение масштабных образовательных программ, а также укрепление международного сотрудничества в сфере кибербезопасности. При этом, все

принимаемые меры должны быть сбалансированы с необходимостью защиты основных прав и свобод человека, включая свободу выражения мнений и право на неприкосновенность частной жизни. Критически важным является создание системы, где технологическое решение не подменяет собой правовую и этическую оценку действий пользователей. Необходимо разработать четкие критерии определения противоправных действий в цифровой среде, обеспечить прозрачность алгоритмов и технологий, используемых для мониторинга контента, и создать механизмы обжалования решений о блокировке контента или ограничении доступа к информации.

5. Несмотря на значительный объем собранных данных и проделанной работы, исследование выявило ряд направлений для дальнейших исследований. Необходимо проведение более углубленного анализа эффективности различных методов противодействия онлайн-девиантности в разных странах и регионах мира. Важно изучить влияние новых технологий (например, метавселенных) на распространение противоправных и деструктивных действий, а также разработать новые методы борьбы с искусственным интеллектом, используемым злоумышленниками. Особое внимание следует уделить изучению долгосрочных социальных и психологических последствий противоправных действий в цифровой среде, а также разработке более эффективных программ реабилитации жертв киберпреступлений.

В заключение, следует подчеркнуть, что проблема противодействия противоправным и деструктивным действиям в цифровой среде является одной из самых актуальных и сложных проблем современности, требующей постоянного внимания, инновационного мышления и скоординированных усилий всех заинтересованных сторон. Только комплексный и системный подход, основанный на синтезе достижений различных научных дисциплин, позволит обеспечить безопасность и правопорядок в онлайн-пространстве, сохраняя при этом основные права и свободы человека.

Цифровая среда представляет собой не только поле для распространения противоправной деятельности, но и огромный потенциал для развития и прогресса. Поэтому, необходимо создавать условия, которые позволили бы реализовать этот потенциал в полной мере, обеспечивая при этом защиту прав и свобод граждан и соответствие действий правовым и этическим нормам.

Литература

1. Алгоритм (порядок) взаимодействия заинтересованных органов при выявлении противоправного контента в сети «Интернет» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: <https://rkn.gov.ru/masscommunications/p753/p1028/?ysclid=lf057rd7x4647121784>.

2. Более 10 млн детей в России подписаны на деструктивные группы и сообщества в интернете [Электронный ресурс] // Информационное агентство «ТАСС». URL: <https://tass.ru/obschestvo/15758099?ysclid=I9cqfs79t5329120456>.
3. ВЦИОМ: соцсетями ежедневно пользуются 89% подростков [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190306/1551577366.html7ysclid4ee2b8uwmu370665191>.
4. Гольяпина И.Ю. Административно-правовые средства обеспечения информационной безопасности в России [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Ирина Юрьевна Гольяпина. – Омск, 2008. – 26 с.
5. Информационное агентство «ТАСС» [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12698757>.
6. Корнаухова Т.В. Административно-правовые средства противодействия терроризму в Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Татьяна Викторовна Корнаухова. – Саратов, 2013. – 29 с.
7. Крупнейшие российские IT-компании и СМИ подписали в ТАСС меморандум о борьбе с фейками [Электронный ресурс] // Официальный сайт информационного агентства «ТАСС». URL: <https://tass.ru/ekonomika/12604685?ysclid=Id23g6cxkc384257722>.
8. Курносенко А.А. Интернет в процессе формирования правовой культуры молодежи в условиях трансформирующегося российского общества [Текст]: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Андрей Анатольевич Курносенко. – Краснодар, 2016. – 172 с.
9. Разуваев В.Э. Правовые средства противостояния информационным войнам [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Владимир Эдуардович Разуваев. – Москва, 2007. – 25 с.
10. Рыдченко К.Д. Административно-правовое обеспечение информационно-психологической безопасности органами внутренних дел Российской Федерации [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Кирилл Дмитриевич Рыдченко. – Воронеж, 2011. – 312 с.
11. Смирнов А.А. Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.13 / Александр Александрович Смирнов. – Москва, 2022. – 444 с.
12. Чеботарева А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.13 / Анна Александровна Чеботарева. – Москва, 2017. – 56 с.

FEATURES OF COUNTERING ILLEGAL AND DESTRUCTIVE ACTIONS OF CITIZENS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Grigoryants S.A., Koleno P.A., Grigoryants A.S.

Rostov State University of Economics, Rostov Branch of the Lebedev Russian State University of Justice

This study is devoted to the consideration of problems related to countering illegal and destructive actions committed by citizens in the digital environment. The increasing prevalence of online platforms and the relative anonymity they provide have contributed to the proliferation of illegal activities ranging from cyberbullying to spreading disinformation and inciting violence in society. The study pays special attention to the analysis of the legal, technological, and socio-psychological aspects of this issue. The analysis includes a critical assessment of existing legal frameworks, technological tools, and public awareness initiatives in order to identify gaps in legislation and develop evidence-based recommendations to improve the effectiveness of countering such behavior. In addition, ethical aspects related to surveillance, censorship, and privacy protection are considered. The results emphasize the need for a holistic and collaborative approach involving the government and relevant law enforcement agencies, as well as technology companies, educational institutions and other non-profit public organizations. This study provides a theoretical basis for understanding the key factors that contribute to the growth of digital deviant behavior, and provides practical ideas for preventing negative consequences from it.

Keywords: digital, deviant behavior, cybercrime, disinformation, online extremism, content moderation, cybersecurity, digital literacy, legal framework, political interventions, online security, social engineering, cyber psychology.

References

1. Algorithm (procedure) of interaction of interested bodies in the detection of illegal content on the Internet [Electronic resource] // Official website of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. URL: <https://rkn.gov.ru/masscommunications/p753/p1028/?ysclid=If057rd7x4647121784>.
2. More than 10 million children in Russia are subscribed to destructive groups and communities on the Internet [Electronic resource] // TASS News Agency. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15758099?ysclid=I9cqfs79t5329120456>.
3. VTsIOM: 89% of teenagers use social networks daily [Electronic resource] // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20190306/1551577366.html7ysclid4ee2b8uwmu370665191>.
4. Golyapina I.Y. Administrative and legal means of ensuring information security in Russia [Text]: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. Sciences: 12.00.14 / Irina Yurievna Golyapina. – Omsk, 2008. – 26 p.
5. TASS News Agency [Electronic resource] // Official website. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12698757>.
6. Kornaukhova T.V. Administrative and legal means of countering terrorism in the Russian Federation [Text]: abstract of the dissertation of the cand. jurid. Sciences: 12.00.14 / Tatiana Viktorovna Kornaukhova. – Saratov, 2013. – 29 p.
7. The largest Russian IT companies and mass media signed a memorandum on combating fakes at TASS [Electronic resource] // Official website of the TASS news agency. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12604685?ysclid=Id23g6cxkc384257722>.
8. Kurnosenko A.A. The Internet in the process of forming the legal culture of youth in the conditions of a transforming Russian society [Text]: dissertation of the Candidate of Social Sciences: 22.00.04 / Andrey Anatolyevich Kurnosenko. –Krasnodar, 2016. – 172 p.
9. Razuvaev V.E. Legal means of countering information wars [Text]: abstract of the dissertation of the cand. jurid. Sciences: 12.00.14 / Vladimir Eduardovich Razuvaev. – Moscow, 2007. – 25 p.
10. Rydchenko K.D. Administrative and legal support of information and psychological security by the internal affairs bodies of the Russian Federation [Text]: dissertation of the cand. jurid. Sciences: 12.00.14 / Kirill Dmitrievich Rydchenko. – Voronezh, 2011. – 312 p.
11. Smirnov A.A. Formation of a system of legal support for information and psychological security in the Russian Federation [Text]: dissertation by Dr. Yurid. Sciences: 12.00.13 / Alexander Alexandrovich Smirnov. – Moscow, 2022. – 444 p.
12. Chebotareva A.A. Legal provision of personal information security in the global information society [Text]: abstract of the dissertation of Dr. Yurid. Sciences: 12.00.13 / Anna Alexandrovna Chebotareva. –Moscow, 2017. – 56 p.

Аналитический обзор деятельности ОВД субъектов Российской Федерации по предварительно расследованным преступлениям

Даровских Ольга Игоревна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: darovskikhoi@gmail.com

Кетенчиева Елена Сергеевна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: ketenchiyeva00@bk.ru

В статье представлен аналитический обзор деятельности органов внутренних дел субъектов Российской Федерации по предварительному расследованию преступлений за 2023–2024 гг. Цель исследования – выявить взаимосвязь между эффективностью расследований и динамикой уровня преступности в регионах. На основе данных ГИАЦ МВД России проведен сравнительный анализ количества зарегистрированных и расследованных преступлений в федеральных округах, выделены регионы с положительной и негативной динамикой раскрываемости.

Установлено, что несмотря на снижение темпов прироста расследованных преступлений в ряде субъектов (например, Костромская, Орловская области), в отдельных регионах (Москва, Республика Дагестан) наблюдается повышение эффективности следственной деятельности. Авторы акцентируют внимание на факторах, влияющих на результаты расследований: кадровый дефицит в МВД, рост киберпреступности, миграционные вызовы, недостаток материально-технического обеспечения. Особое значение придается необходимости внедрения цифровых технологий (например, ИТ-системы «ИБД-Регион») и повышения квалификации сотрудников.

Ключевые слова: уголовный процесс; предварительное расследование; региональная преступность; правоохранительные органы; деятельность следователя, уголовное судопроизводство, аналитический обзор.

Одна из задач любого государства – это обеспечение правопорядка на своей территории. Решение данной задачи осуществляется государством различными методами и способами, к которым ученые относят как предупреждение совершения преступлений, профилактические меры, выраженные в выявлении и устранении причин и условий их совершения, так и эффективные средства противодействия подготавливаемым, совершаемым и совершенным преступлениям [3, С. 18]. К таким средствам, наравне с другими, можно отнести и способность правоохранительных органов своевременно выявлять факт совершения преступного деяния, устанавливать виновное лицо, собирать доказательства о причастности его к совершенному преступлению и после осуществления всех необходимых процедур и оформления процессуальных документов направлять уголовное дело в суд.

Ученые, разрабатывающие данную тему, не пришли к единодушному мнению относительно того влияет ли процедура расследования преступлений и ее результат, на снижение уровня преступности и если влияет, то каким образом [3, С. 18].

Полагаем, что подготовленность сотрудников правоохранительных органов, опыт расследования преступлений и главное положительный результат данной деятельности, т.е. выявление лица, совершившего преступление, не может не влиять на снижение уровня преступности в стране. Понимание того, что он совершает противозаконные действия, что данное преступление будет выявлено, что будут предприняты результативные меры для установления лица, его совершившего, не может не останавливать потенциального преступника, и задумываться о наступлении возможной и вполне реальной ответственности за содеянное. Конечно, данное обстоятельство не всегда выступает преградой и (или) поводом для отказа от совершения преступления, но полностью исключать влияние деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование, нельзя. Таким образом можно отметить, что успешная деятельность по раскрытию и расследованию преступлений выступает неким сдерживающим фактором в отношении роста преступности.

Целью настоящей научной работы является аналитический обзор и акцентирование внимания на результатах предварительного расследованных органами внутренних дел субъектов Российской Федерации преступлений и влияние рассматриваемой деятельности на снижение уровня преступности. Авторы не ставили перед собой задачу выявления всего комплекса причин и условий,

повлекших снижение или увеличение количества преступлений и повышение эффективности их раскрытия и расследования в отдельных регионах страны, а стремились к выявлению взаимосвязи и взаимозависимости успешного раскрытия и расследования совершенных преступлений органами внутренних дел различных субъектов РФ, с общей тенденцией, влияющей на уровень криминогенной ситуации в Российской Федерации.

Определение уровня роста либо снижения преступности осуществляется путем установления количества преступлений, совершенных на определенной территории за определенный промежуток времени. Данный метод применяется достаточно давно. Однако, латентность отдельных видов преступности не позволяет в полной мере сделать выводы о криминогенности. В настоящее время для ученых доступны лишь данные официальной статистики, т.е. количества зарегистрированных преступлений на определенной территории за определенный период.

Анализируя статистические сборники ГИАЦ МВД России, позволяющие определить эффективность деятельности правоохранительных органов в сфере расследования преступлений, мы опираемся на данные 2023 и 2024 годов, а также рассматриваем сложившееся положение в ряде субъектов Российской Федерации, входящих в восемь федеральных округов.

В Центральном федеральном округе (Далее ЦФО) из 18 субъектов федерации и в том числе городе Москве, больше всего предварительно рас-

следованных преступлений как в 2023 году, так и в 2024 году, приходится на г. Москву, Московскую и Воронежскую области. Однако, сравнивая с другими показателями преступности мы видим, что количество расследованных преступлений, например, в г. Москве составляет лишь треть от количества зарегистрированных и процент раскрываемости составляет лишь 34,4%. Несмотря на это темп прироста количества предварительно расследованных преступлений по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года составляет 2,9%, что является положительной динамикой.

В 2024 году в г. Москве сохраняется положительная динамика по количеству предварительно расследованных преступлений. Таким образом, можно предположить, что тактика, кадровое решение и политика, выбранные руководящим составом ОВД г. Москвы в 2023–2024 годах, привела к постепенному повышению эффективности предварительного расследования (Таблица 1).

Однако, несмотря на положительную динамику в г. Москве, в Воронежской, Костромской и Орловской областях в 2024 году наблюдается резкое снижение темпа прироста количества предварительно расследованных преступлений. В связи с этим процент раскрываемости в Костромской и Орловских областях значительно снизился.

В целом в Центральном ФО за 2024 год было предварительно расследовано 194484 преступления (–7,8% прироста к АППГ), что составило 48,3% раскрываемости.

Таблица 1. Сведения о регионах с наибольшим и наименьшим количеством расследованных преступлений за 2023–2024 года в Центральном ФО

Субъект РФ	Количество зарегистрированных преступлений		Количество предварительно расследованных преступлений		Темпы прироста к АППГ в %		Процент раскрываемости	
	2023	2024	2023	2024	2023	2024	2023	2024
Воронежская область	29255	26101	12440	10899	–8,1	–12,4	43,8	44,5
г. Москва	137364	134597	46280	47374	2,9	2,4	34,4	37,4
Московская область	72742	72567	45531	43878	–1,1	–3,6	66,6	65,1
Костромская область	8949	8306	4193	3548	–5,8	–15,4	52,1	47,5
Орловская область	8244	7788	3559	3090	–8,4	–13,2	46,3	42,5

В Северо-Западном ФО куда входят 11 субъектов РФ, в выбранных нами субъектах, в городе Санкт-Петербург, в Ленинградской, Вологодской, Псковской, Архангельской областях и Ненецком автономном округе большинство преступлений было расследовано в Вологодской и Ленинградской областях и в Санкт-Петербурге. Отметим, что темп прироста количества предварительно расследованных преступлений по сравнению с 2022 годом в данных субъектах Российской Федерации является положительным, что говорит о позитивной динамике уменьшения преступности в 2023 году. Однако, анализируя показатели 2024 года, можно заметить, что в рассматриваемых субъектах Российской Федерации значительно уменьшился темп прироста количества предва-

рительно расследованных преступлений. Вместе с тем, данный показатель в значительной степени отрицательно повлиял на процент раскрываемости лишь в Ненецком АО и Псковской области (Таблица 2).

В 2024 году одним из регионов с наибольшим количеством предварительно расследованных преступлений также стала Архангельская область. Там было зарегистрировано 18250 преступлений, из которых 8290 были расследованы, что составило 49,8% раскрываемости.

Таким образом показатель зарегистрированных и предварительно расследованных преступлений в регионах Северо-Западного ФО в 2024 году составил 83282 преступления (–15,58% прироста к АППГ), что составило 45,7% раскрываемости.

Таблица 2. Сведения о регионах с наибольшим количеством расследованных преступлений за 2023–2024 года в Северо-Западном ФО

Субъект РФ	Количество зарегистрированных преступлений		Количество предварительно расследованных преступлений		Темпы прироста к АППГ в %		Процент раскрываемости	
	2023	2024	2023	2024	2023	2024	2023	2024
Вологодская область	17741	17075	9417	7840	5,2	-16,7	52,5	51,3
Ленинградская область	26479	23726	12018	10308	8,9	-14,2	46,5	48,2
Санкт-Петербург	69976	67797	27474	24584	4,9	-10,5	41,3	39,1
Ненецкий АО	875	956	455	363	0,7	-20,2	56,7	44,4
Псковская область	9257	9944	4943	4138	-5,9	-16,3	58,0	45,5

В Северо-Кавказском ФО, охватывающем 7 субъектов федерации положительную динамику по раскрываемости преступлений, мы можем наблюдать лишь в Республике Дагестан, где процент раскрываемости в 2024 году вырос на 1,5%. По данным МВД по Республике Дагестан в 2024 году в этом регионе был реализован комплекс мер по обеспечению стабильной оперативной и криминогенной обстановки. Так, например, по итогам 2024 года Дагестан стал регионом с наибольшей раскрываемостью ИТ-преступлений – 48,6%. Отметим, что процент раскрываемости в рассматриваемом субъекте

РФ является самым высоким и составляет 81,3% (Таблица 3).

В 2024 году значительно снизилось количество предварительно расследованных преступлений в Республике Ингушетия и Ставропольском крае.

Акцентируем внимание, что согласно рейтингу ГИАЦ МВД России по количеству зарегистрированных преступлений на 10 тысяч жителей со лидером в 2024 году стала Чеченская Республика (17 преступлений на 10 тысяч жителей). На втором месте – Республика Ингушетия (37 преступлений на 10 тысяч жителей), на третьем – Республика Дагестан (43 преступления).

Таблица 3. Сведения о регионах с наибольшим количеством расследованных преступлений за 2023–2024 года в Северо-Кавказском ФО

Субъект РФ	Количество зарегистрированных преступлений		Количество предварительно расследованных преступлений		Темпы прироста к АППГ в %		Процент раскрываемости	
	2023	2024	2023	2024	2023	2024	2023	2024
Ставропольский край	34498	32059	15523	12922	-9,0	-16,8	46,5	45,0
Республика Дагестан	15114	15128	10513	10928	-10,4	3,9	79,8	81,3
Республика Северная Осетия-Алания	10480	12314	4710	4420	-14,6	-6,2	59,2	45,7
Республика Ингушетия	2194	2029	1380	1028	8,5	-25,5	63,9	59,5
Чеченская Республика	2453	2724	1841	1836	-9,8	-0,3	80,4	78,0

Согласно проанализированным статистическим данным ГИАЦ МВД России в 2024 году, в Южном ФО темп прироста количества предварительно расследованных преступлений отрицательный во всех восьми субъектах данного макрорегиона.

Председатель Законодательного Собрания Ростовской области А.В. Ищенко подчеркивает, что для решения вопроса о снижении преступности и повышении раскрываемости преступлений «на федеральном уровне был принят целый ряд мер с точки зрения корректировки законодательства и правоприменительной деятельности правоохранительных органов для того, чтобы противостоять киберпреступлениям» [8]. Результатом стало увеличение почти на 4% число раскрытых преступлений данной категории в 2023 года.

Значительно снизился процент раскрываемости в 2024 году в Республике Адыгее (-5,7%) и Республике Калмыкия (-5,3%) (Таблица 4). Несмотря на это Республика Адыгеея остается в числе субъ-

ектов Российской Федерации с благоприятной оперативной обстановкой.

Республика Адыгеея также является регионом с наименьшими темпами прироста преступности, с наименьшим количеством числа нераскрытых преступлений, и с наименьшим количеством преступлений, совершенных в общественных местах [9].

За 2024 год в Южном ФО всего было расследовано 94036 преступлений (-9,5% темпа прироста к АППГ), что составило 47,7% раскрываемости.

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России в 2024 году в Приволжском ФО из 14 субъектов федерации по количеству преступлений на 10 тысяч человек на лидирующих позициях находились Ульяновская область (91,4 преступления), Чувашия (105,2) и Нижегородская область (109,5).

Самая неблагоприятная ситуация в округе наблюдалась в Удмуртии (177,8 преступлений на 10 тысяч жителей), Пермском крае (174,3) и Кировской области (171,7).

Таблица 4. Сведения о регионах с наибольшим количеством расследованных преступлений за 2023–2024 года в Южном ФО

Субъект РФ	Количество зарегистрированных преступлений		Количество предварительно расследованных преступлений		Темпы прироста к АППГ в %		Процент раскрываемости	
	2023	2024	2023	2024	2023	2024	2023	2024
Краснодарский край	76248	75656	32990	29767	-6,3	-9,8	44,8	41,5
Волгоградская область	34672	34795	15791	14713	-8,5	-6,8	48,5	48,3
Ростовская область	55271	52846	27031	24076	-2,9	-10,9	48,9	47,3
Республика Адыгея	3953	4741	2286	2266	-23,3	-0,9	61,5	55,8
Республика Калмыкия	2786	2981	1573	1521	-20,9	-3,3	63,5	58,2

Что касается количества предварительно расследованных преступлений, то стоит отметить негативную тенденцию к резкому скачкообразному уменьшению показателей в 2024 году в Республиках Башкортостан, Татарстан, Марий Эл и Мордовия (Таблица 5).

Анализируя криминогенную обстановку в данных регионах, авторы выдвигают несколько гипотез. Во-первых, в Республике Мордовия в 2024 году выросло число преступлений, совершённых иностранными гражданами и лицами без гражданства на 65%, что в том числе могло способствовать снижению процента раскрываемости на 20,6% и количества предварительно расследованных преступ-

плений на 28,8%. Во-вторых, в 2024 году в рассматриваемом регионе выросло число преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации на 87%, что также негативно сказалось на раскрываемости. В-третьих, нельзя утверждать, что снижение количества предварительно расследованных преступлений стало результатом снятия их с учета, т.к. их удельных вес от количества уголовных дел, которые находились в производстве составило лишь 6,6%.

За 2024 год в Приволжском ФО было расследовано 171249 преступлений (-13,7% темпа прироста к АППГ), что составило 46,0% раскрываемости.

Таблица 5. Сведения о регионах с наибольшим количеством расследованных преступлений за 2023–2024 года в Приволжском ФО

Субъект РФ	Количество зарегистрированных преступлений		Количество предварительно расследованных преступлений		Темпы прироста к АППГ в %		Процент раскрываемости	
	2023	2024	2023	2024	2023	2024	2023	2024
Республика Башкортостан	54681	52481	25884	21947	-3,6	-15,2	50,4	45,0
Республика Татарстан	58048	58589	23750	19822	-5,2	-16,5	45,1	35,3
Самарская область	49879	50076	25470	23141	-1,6	-9,1	55,3	50,0
Республика Марий Эл	8610	10989	3899	3310	-0,7	-15,1	47,0	33,5
Республика Мордовия	8434	10201	4116	2932	-13,4	-28,8	53,0	32,4

В 2024 году один из шести субъектов Уральского ФО стал вторым регионом по Российской Федерации с самым высоким уровнем зарегистрированной преступности. Так, в Ненецком автономном округе было зарегистрировано более 208 преступлений на 10 тысяч жителей.

Несмотря на отрицательные темпы прироста количества предварительно расследованных пре-

ступлений в целом в регионах Уральского ФО процент раскрываемости, кроме Тюменской области, достаточно высок.

За 2024 год в Уральском ФО было расследовано 89481 преступление (-9,6% темпа прироста к АППГ), что составило 54,6% раскрываемости (табл. 6).

Таблица 6. Сведения о регионах с наибольшим количеством расследованных преступлений за 2023–2024 года в Уральском ФО

Субъект РФ	Количество зарегистрированных преступлений		Количество предварительно расследованных преступлений		Темпы прироста к АППГ в %		Процент раскрываемости	
	2023	2024	2023	2024	2023	2024	2023	2024
Свердловская область	51854	20322	28834	28413	-5,0	-1,5	58,6	61,0
Тюменская область	55668	24932	27748	11233	-2,7	-10,1	56,5	48,5
Челябинская область	64459	57483	33918	29122	-4,7	-14,1	56,4	54,3
Курганская область	13610	12448	8479	6933	-6,6	-18,2	65,3	60,9

Субъект РФ	Количество зарегистрированных преступлений		Количество предварительно расследованных преступлений		Темпы прироста к АППГ в %		Процент раскрываемости	
	2023	2024	2023	2024	2023	2024	2023	2024
Ямало-Ненецкий АО	8098	7444	4143	3328	7,1	-19,7	59,8	53,8

В Сибирский федеральный округ входит 10 субъектов. Согласно данным ГИАЦ МВД России Республика Алтай в 2024 году, заняла третье место как самый криминогенный регион, где на 10 тысяч жителей приходится 203 преступления. Отметим, что видимых причин снижения количества предварительно расследованных преступлений, например, увеличение киберпреступности, в 2024 зафиксировано не было. При этом в целом в субъекте сохраняется достаточно высокий уровень раскрываемости преступлений – 66,9%.

Несмотря на отрицательные результаты по приросту количества расследованных преступлений ОВД Кузбасса остаются одними из лучших в России по раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений. А ГУ МВД России по Кемеровской области входит в десятку наиболее эффективных по качеству розыскной работы [11].

За 2024 год в Сибирском ФО было расследовано 125126 преступлений (-12,8% темпа прироста к АППГ), что составило 50,3% раскрываемости (табл. 7).

Таблица 7. Сведения о регионах с наибольшим количеством расследованных преступлений за 2023–2024 года в Сибирском ФО

Субъект РФ	Количество зарегистрированных преступлений		Количество предварительно расследованных преступлений		Темпы прироста к АППГ в %		Процент раскрываемости	
	2023	2024	2023	2024	2023	2024	2023	2024
Красноярский край	51678	50022	23401	21583	-9,1	-7,8	49,1	46,4
Иркутская область	38180	37436	20613	19226	-8,6	-6,7	56,8	56,4
Кемеровская область – Кузбасс	44804	38478	24764	20699	-4,5	-16,4	56,9	55,2
Республика Алтай	4605	4461	3315	2745	-10,4	-17,2	76,0	66,9
Республика Тыва	5879	5579	3902	3294	-8,8	-15,6	67,1	66,5

Аккумуляция сведений о преступности в Дальневосточном ФО, охватывающей одиннадцать субъектов федерации, показало, что количество предварительно расследованных преступлений в округе в 2024 году снизилось.

Хабаровский край занял не самое почетное 57 место в рейтинге регионов России по уровню преступности за 2024 год. В данном регионе на каждые десять тысяч жителей в 2024 году пришлось 156,5 преступлений.

Одной из причин прокурор Дальневосточного ФО Д.В. Бурко назвал рост случаев мошенничества при получении пособий с использованием поддельных документов о регистрации или получении фиктивной регистрации на территории Чукотского автономного округа» [10].

За 2024 год в Дальневосточном ФО было расследовано 64043 преступления (-8,8% темпа прироста к АППГ), что составило 48,4% раскрываемости (табл. 8).

Таблица 8. Сведения о регионах с наибольшим количеством расследованных преступлений за 2023–2024 года в Дальневосточном ФО

Субъект РФ	Количество зарегистрированных преступлений		Количество предварительно расследованных преступлений		Темпы прироста к АППГ в %		Процент раскрываемости	
	2023	2024	2023	2024	2023	2024	2023	2024
Приморский край	32863	33102	14233	12905	-5,6	-9,3	44,2	42,1
Хабаровский край	21963	20558	10069	9297	-8,1	-7,7	48,0	47,1
Забайкальский край	19267	19165	11287	9290	-11,0	-17,7	62,1	53,4
Еврейская АО	2900	3044	1537	1221	-9,2	-20,6	55,1	45,7
Чукотский АО	996	939	496	506	-11,3	2,0	62,1	64,7

Таким образом, самая низкая раскрываемость и самый низкий прирост количества предварительно расследованных преступлений в Северо-Западном ФО соответственно 45,7% и -15,58%,

нельзя сказать, что в других регионах обстановка складывается лучше.

На такое положение бесспорно влияют различные причины, носящие как объективный, так

и субъективный характер. Среди причин снижения количества предварительно расследованных преступлений можно выделить несколько.

Во-первых, это уровень криминогенного состояния региона. Бесспорно, что если территория региона небольшая и количество жителей меньше, чем в соседнем, то и количество предварительно расследованных, на данной территории преступлений будет выше. На количество преступлений влияют многие факторы и особенности региона, состав жителей по полу, возрасту, образованию и пр. данные. Определенную проблему, влияющую на количество преступлений и на их первоначальное расследование, в настоящее время представляет нерегулированный приток мигрантов из стран Азии. Выступая на расширенном заседании коллегии Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин указал, что «в 2024 году под усиленным контролем со стороны правоохранительных органов оставалась ситуация в миграционной среде. В суд передано 2978 дел, что на 18% больше, чем в 2023 году, в отношении более чем 3200 иностранных граждан. Из общего числа переданных в суд дел каждое десятое – об убийствах. За указанный период времени раскрыто более 1500 различных видов преступлений, совершенных мигрантами в отношении несовершеннолетних. Материалы уголовных дел показывают, что зачастую совершающие преступления мигранты находятся в России на незаконном положении, бесконтрольно перемещаются по ее территории, систематически нарушают предписания миграционного законодательства» [6]. Принятие кардинальных мер, в том числе создание на базе Главного Управления по вопросам миграции МВД России Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан на основании Указа Президента России от 2 апреля 2025 года № 205, будет способствовать уменьшению количества преступлений совершенных на территории России мигрантами.

Во-вторых, сложное положение с кадровым составом МВД РФ. На расширенном заседании коллегии МВД, на котором присутствовал Президент России В.В. Путин, состоявшейся 5 марта 2025 года министр МВД В.А. Колокольцев сообщил, что общее число вакансий в системе превысило уже 172 тысячи человек. Не хватка сотрудников в регионах достигает от 20 до 40 процентов, а в органах предварительного следствия некомплект персонала достиг – 22,7 процентов.

В.В. Путин в своем выступлении также признал, что в системе МВД, особенно в первичном звене, растет некомплект личного состава. «Министр постоянно ставит такие вопросы и проблема конечно комплексная, системная, требующая решений по всем направлениям, – подчеркнул глава государства. Он отметил, что речь идет об укреплении социальных гарантии, повышения денежного содержания сотрудников, «которое должно быть конкурентоспособным», решением жилищных вопросов [7].

Решение кадрового вопроса непосредственным образом влияет на результаты следственной деятельности, поскольку снизят количество дел, находящихся в производстве у каждого следователя, что позволит им больше времени уделять расследованию каждого отдельного дела.

В-третьих, уровень обеспечения подразделений МВД материально-техническими ресурсами. Критическая оценка Министром внутренних дел Российской Федерации, Коллегией МВД России и руководства Департамента тыла МВД России, а также исследования, фактического положения дел показали, что меры, предпринимаемые МВД России по обеспечению подразделений ОВД материально-техническими и финансовыми ресурсами до настоящего времени не соответствуют современным требованиям. Необходимо совершенствование нормативно– правовой базы по направлениям тыловой деятельности, изменение количественных и качественных показателей поставляемых ресурсов, рациональное использование финансовых и материально-технических средств в условиях ограниченного финансирования. Основные отрицательные тенденции в тыловом обеспечении связаны со снижением обеспеченности подразделений ОВД материально-техническими средствами до предельно допустимого уровня – 70–75% от нормативов, при этом доля эксплуатируемой техники, подлежащей списанию, составляет от 15 до 40% [1, С. 3].

Применимо к следственным подразделениям структуры МВД это проявляется также в недостаточности финансирования для обеспечения следственных подразделений средствами связи, транспортом, помещениями, в том числе и хранилищами.

В-четвертых, в необходимости внедрения новых и совершенствования используемых технологий в деятельности органов МВД при расследовании готовящихся, совершаемых и совершенных преступлений, например работа с типовыми программно-техническими комплексами «ИБД-Регион» позволившими автоматизировать формирование и использование оперативно-справочных, розыскных и криминалистических учетов, использование системы автоматизированной дактилоскопической информации, объем которой в настоящее время порядка 100 миллионов дактилокарт [2]. Использование дронов, робототехники, систем видеонаблюдения, искусственного интеллекта, позволяющего выявлять пробелы и противоречия в законах и т.д. [4] Использование указанных технологий позволит лучше расследовать обстоятельства происшествий.

Однако указанная проблема, увеличения внедрения в работу следственных подразделений МВД информационных технологий, не решаема без качественной подготовки сотрудников их применяемых, в силу чего необходима оптимизация учебного процесса в специализированных учебных заведениях, готовящих специалистов для службы в органах МВД России и развитие системы кур-

сов по повышению квалификации в рамках каждого из субъектов Федерации, поскольку совершенствование технологий требует постоянного совершенствования знаний их пользователей. Кроме того, отмечается рост преступлений совершаемых с использованием информационных технологий и снижение раскрываемости таких преступлений до 23% [5], что требует принятия комплексных мер для оптимизации положения.

Выявление причин, влияющих на эффективность первоначального расследования преступлений, бесспорно представляет собой первый, но важный шаг в направлении минимизации негативных последствий, вызванных указанными причинами.

Считаем целесообразным проведение отдельных исследований о причинах и условиях снижения количества предварительно расследованных преступлений и процента раскрываемости в отдельных регионах.

Литература

1. Абиркин В.В. Материально-техническое обеспечение органов внутренних дел как фактор повышения экономической безопасности России, организационно-экономический аспект. автореф. дисс. канд. экон. наук. М., 2010. – 29 с.
2. Амелина О., Рудычева Н. Какие ИТ-системы использует МВД? // CNews. Аналитика. URL: https://www.cnews.ru/reviews/free/gov2008/articles/08_02_IKT_security.shtml (дата обращения: 20.04.2025).
3. Герасимов С.И. Концептуальные основы и научно-практические проблемы предупреждения преступности. Дисс. на соис. уч. степени докт. юрид. наук. М., 2001 год. 446 с.
4. Острякова А.Ф., Митряев И.С. Использование современных технологий в правоохранительных органах // Аграрное и земельное право. 2023. № 7 (223). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sovremennyh-tehnologiy-v-pravoohranitelnyh-organah> (дата обращения: 28.04.2025).
5. Выступление Президента России Путина В.В. на расширенном заседании коллегии МВД России 5 марта 2025 года // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76408> (дата обращения: 20.04.2025).
6. Выступление Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина на расширенном заседании коллегии СК // URL: <https://gvsu.gov.ru/news/predsedatel-sledstvennogo-komiteta-rossiyskoy-federatsii-podvel-itogi-raboty-voennykh-sledstvennykh/>
7. Колокольцев заявил о нехватке в МВД более 170 000 сотрудников. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/society/532078-kolokol-cev-zaavil-o-nehvatke-v-mvd-bolee-170-000-sotrudnikov>

8. 5-е заседание ЗС РО: В Ростовской области снижен уровень преступности // Единая Россия. – URL: <https://rostov.er.ru/activity/news/5-e-zasedanie-zs-ro-v-rostovskoj-oblasti-snizhen-uroven-prestupnosti> (дата обращения: 21.03.2025).
9. Отчет министра внутренних дел по Республике Адыгея о деятельности полиции Адыгеи за 2023 год // МВД по Республике Адыгея. – URL: https://01.mvd.rpf/деятельность/Otcheti_Ministra_vnutrennih_del_po_Respu/otchet-za-2023-god/otchet-ministra-za-2023-god (дата обращения: 21.03.2025).
10. В прокуратуре округа состоялось расширенное заседание коллегии об итогах работы органов прокуратуры Чукотского автономного округа за 2024 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2025 год // Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Дальневосточному федеральному округу. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_dvfo/mass-media/news/archive?item=100675862 (дата обращения: 21.03.2025).
11. В 2024 году количество преступлений в Кузбассе сократилось на 14% // РЦТК ИА «Город Новостей». – URL: <https://www.city-n.ru/view/476293.html> (дата обращения: 21.03.2025).

ANALYTICAL REVIEW OF THE ACTIVITIES OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION ON PREVIOUSLY INVESTIGATED CRIMES

Darovskikh O.I., Ketenchieva E.S.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article presents an analytical review of the activities of the internal affairs bodies of the subjects of the Russian Federation for the preliminary investigation of crimes in 2023–2024. The purpose of the study is to identify the relationship between the effectiveness of investigations and the dynamics of the crime rate in the regions. Based on the data of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, a comparative analysis of the number of registered and investigated crimes in the federal districts was carried out, regions with positive and negative detection dynamics were identified.

It has been established that despite a decrease in the growth rate of investigated crimes in a number of subjects (for example, Kostroma, Oryol regions), in some regions (Moscow, the Republic of Dagestan) there is an increase in the effectiveness of investigative activities. The authors focus on the factors influencing the results of investigations: the personnel shortage in the Ministry of Internal Affairs, the growth of cybercrime, migration challenges, lack of logistical support. Particular importance is attached to the need to introduce digital technologies (for example, the IT system “IBD-Region”) and professional development of employees.

Keywords: criminal procedure; preliminary investigation; regional crime; law enforcement agencies; investigator’s activity, criminal proceedings, analytical review.

References

1. Abirkin V.V. Material and technical support of internal affairs bodies as a factor in increasing Russia’s economic security, organizational and economic aspect. author’s abstract. diss. candidate of economic sciences. M., 2010. – 29 p.
2. Amelin O., Rudycheva N. What IT systems does the Ministry of Internal Affairs use? // CNews. Analytics. URL: https://www.cnews.ru/reviews/free/gov2008/articles/08_02_IKT_security.shtml (date of access: 20.04.2025).

3. Gerasimov S.I. Conceptual foundations and scientific and practical problems of crime prevention. Diss. for the co-dissertation degree of Doctor of Law. M., 2001. 446 p.
4. Ostryakova A.F., Mitryaev I.S. Use of modern technologies in law enforcement agencies // Agrarian and land law. 2023. No. 7 (223). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sovremennyh-tehnologiy-v-pravoohranitelnyh-organah> (date of access: 04/28/2025).
5. Speech by the President of Russia V.V. Putin at the expanded meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of Russia on March 5, 2025 // President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76408> (date of access: 04/20/2025).
6. Speech by the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation A.I. Bastrykina at an extended meeting of the Investigative Committee board // URL: <https://gvsu.gov.ru/news/predsedatel-sledstvennogo-komiteta-rossiyskoy-federatsii-podvel-itogi-raboty-voennykh-sledstvennykh/>
7. Kolokoltsev announced a shortage of more than 170,000 employees in the Ministry of Internal Affairs. Access mode: <https://www.forbes.ru/society/532078-kolokol-cev-zaavil-o-nehvatke-v-mvd-bolee-170-000-sotrudnikov>
8. 5th meeting of the Rostov Region Legislative Assembly: The crime rate has decreased in the Rostov Region // United Russia. – URL: <https://rostov.er.ru/activity/news/5-e-zasedanie-zs-ro-v-rostovskoj-oblasti-snizhen-uroven-prestupnosti> (date of access: 21.03.2025).
9. Report of the Minister of Internal Affairs of the Republic of Adygea on the activities of the Adygea police for 2023 // Ministry of Internal Affairs of the Republic of Adygea. – URL: https://01.мвд.рф/деятельно/Отчети_Ministra_vnutrennih_del_po_Respu/отче-за-2023-год/отче-минита-за-2023-год (date of access: 21.03.2025).
10. An extended meeting of the board was held in the district prosecutor's office on the results of the work of the prosecutor's offices of the Chukotka Autonomous Okrug for 2024 and the tasks of strengthening law and order in 2025 // Office of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation for the Far Eastern Federal District. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_dvfo/mass-media/news/archive?item=100675862 (date of access: 03/21/2025).
11. In 2024, the number of crimes in Kuzbass decreased by 14% // RCTK IA "Gorod Novosti". – URL: <https://www.city-n.ru/view/476293.html> (date of access: 03/21/2025).

Криминалистическая типология предметов археологического значения как объект незаконного поиска и изъятия

Древецкий Владимир Вячеславович,

аспирант, кафедра криминалистики и правовой информатики,
КубГУ

E-mail: 89885252544@bk.ru

Статья посвящена криминалистической типологии археологических объектов как объекта незаконного поиска и изъятия. В работе рассматриваются ключевые проблемы правового регулирования, связанные с охраной археологических памятников, такие как отсутствие четкого определения понятия «археологический предмет», а также методологические сложности в расследовании преступлений. Рассмотрены различные виды археологических объектов, включая бытовые изделия, культовые предметы, вооружение и денежные знаки, и приведены особенности их криминалистической типологии. Особое внимание уделено вопросам использования современных технических средств, таких как металлодетекторы и экскаваторы, для незаконных раскопок. Приведены примеры реальных уголовных дел, подтверждающие необходимость применения комплексных методик расследования, включая судебную экспертизу, с привлечением специалистов по археологии, трасологии и биологии. Также подчеркивается важность создания единой базы данных для учета фактов незаконного изъятия археологических ценностей. В заключение, авторы предлагают меры для совершенствования законодательства и развития специализированных методик расследования.

Ключевые слова: археологические объекты, криминалистическая типология, незаконные раскопки, культурное наследие, судебная экспертиза, металлодетекторы, уголовное законодательство, охрана культурных ценностей.

Охрана археологических объектов от противоправного поиска и изъятия по праву рассматривается в качестве одного из краеугольных элементов государственной стратегии в области защиты культурного наследия. Следует подчеркнуть, что в последние годы указанная проблема обострилась, чему способствовали несколько факторов. В частности, рост активности так называемой «черной археологии», динамичное развитие технологий поиска артефактов, а также стабильно возрастающий интерес к историческим реликвиям на рынке антиквариата. Несмотря на закрепленную в российском уголовном законодательстве норму – статью 243.2 УК РФ [1] прямо направленную на противодействие подобным правонарушениям, фактическое положение вещей свидетельствует, что преступления в данной области продолжают носить систематический характер, а их расследование сопряжено с существенными методологическими и юридическими сложностями. В качестве одного из основных препятствий, как обоснованно указывает И.В. Одоева, выступает отсутствие легального определения понятия «археологический предмет» [3, с. 77–82]. Данный пробел в правовом регулировании порождает трудности при квалификации обнаруженных объектов и признании их культурной ценностью, что нередко приводит к утрате важнейших элементов научного и культурного наследия [4, с. 92–109].

Переходя к вопросу о криминалистической типологии археологических объектов, следует отметить, что ее построение базируется на выделении совокупности признаков, обладающих ключевым значением для эффективного расследования преступлений в данной сфере.

Прежде всего, классификация осуществляется по функциональному назначению. К бытовым изделиям относятся, к примеру, керамическая посуда и орудия труда; к культовым предметам – религиозные артефакты; отдельную категорию составляют объекты вооружения, денежные знаки и клады. Такая структуризация позволяет еще на этапе первичного осмотра места происшествия установить ориентировочную ценность находок и принять решение о целесообразности привлечения специализированных археологических экспертов. Существенную роль играет также материал изготовления: металл, керамика, органические вещества – каждый требует индивидуального подхода к процессам фиксации и консервации. Не менее важной является классификация объектов по условиям их залегания: сухопутные, подводные, курганные или пещерные находки требуют разных методик исследования и оценки повреждений культурного

слоя. При определении статуса археологического объекта необходимо учитывать ряд признаков: возраст, превышающий сто лет, стратиграфическую привязку, а также следы естественного взаимодействия с окружающей средой, что подлежит экспертной оценке.

Необходимо отдельно подчеркнуть, что криминалистическая типология должна включать в себя не только характеристики самих объектов, но и особенности преступного изъятия культурных ценностей. Следственная практика демонстрирует, что наибольшую угрозу представляют действия, совершенные с использованием технических средств – таких как металлодетекторы, георадары и землеройная техника. Яркой иллюстрацией является уголовное дело № 22–113/2022 Верховного Суда Республики Адыгея [2]. В данном случае три гражданина осуществляли незаконные раскопки на территории курганного могильника, применяя металлодетекторы и экскаваторы, что привело к разрушению стратиграфических пластов и безвозвратной утрате археологической информации. Установленные факты предварительного сговора и применения специальной техники позволили квалифицировать их действия по пунктам «а» и «в» части 3 статьи 243.2 УК РФ [1], а организатор группы был приговорен к реальному сроку лишения свободы.

Рассматривая методику расследования подобных преступлений, необходимо подчеркнуть, что каждое уголовное дело требует проведения всесторонней судебной экспертизы с привлечением экспертов в области археологии, трасологии и биологии. Только посредством точного установления возраста предметов, определения их культурной принадлежности, тщательного анализа следов на объектах и орудиях труда, а также исследования стратиграфической структуры места происшествия можно восстановить полную картину совершенного преступления. Как отмечает А.Н. Панфилов особую сложность представляет фиксация маловыраженных следов раскопок, особенно в тех случаях, когда преступники предпринимают целенаправленные действия для сокрытия следов своей деятельности [4, с. 92–109]. В связи с этим научное сообщество обоснованно поднимает вопрос о необходимости унификации методик фиксации следов незаконных археологических работ и создания единой базы данных известных фактов противоправного изъятия археологических ценностей.

Вопрос незаконного поиска и изъятия археологических объектов как разновидности уголовно наказуемого деяния отличается сложной, многослойной структурой, включающей ряд обязательных элементов, требующих тщательной доказательной проработки уже на этапе предварительного расследования. Как следует из содержания статьи 243.2 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] объективная сторона данного состава преступления находит свое выражение в осуществлении действий, направленных на поиск или извлечение археологических предметов из культурного слоя без наличия открытого листа – специального

разрешительного документа. Важно отметить, что, по справедливому замечанию И.В. Одоева одного лишь факта проведения подобных работ для привлечения к уголовной ответственности недостаточно [3, с. 77–82]. В обязательном порядке должно быть установлено причинение ущерба культурному слою, выражающееся в нарушении стратиграфических связей, перемещении элементов либо в утрате научно ценной археологической информации. Вывод о наличии такого ущерба может быть сделан исключительно на основании результатов специализированной судебной экспертизы, основной задачей которой является выявление характера повреждений и установление их связи с действиями конкретных лиц.

Обращаясь к субъективной стороне анализируемого состава, следует отметить, что в его основе лежит прямой умысел. Иными словами, лицо осознает общественную опасность собственных действий, предвидит их возможные последствия для культурного наследия и целенаправленно стремится к их наступлению. При этом особую значимость приобретают квалифицирующие признаки, перечисленные в частях 2 и 3 статьи 243.2 УК РФ [1]. К таковым относятся, совершение преступления на территории памятника культурного наследия, применение технических средств для поиска артефактов, групповой способ совершения преступления по предварительному сговору, а также использование служебного положения в целях совершения противоправных действий. Несомненно, наличие указанных признаков усиливает общественную опасность деяния и обуславливает назначение более строгих видов наказания. В качестве иллюстрации можно привести дело, рассмотренное в Тверской области в 2021 году, где обвиняемый, используя металлодетектор, обнаружил клад серебряных монет XVIII века и попытался реализовать находку посредством сети Интернет [5, с. 200–205]. Несмотря на отсутствиеотягчающих обстоятельств в виде применения разрушительных технологий или группового участия, суд принял во внимание факт ущерба культурному слою и назначил виновному наказание в виде штрафа с конфискацией найденных ценностей.

Продолжая анализ доказательственной стороны вопроса, необходимо подчеркнуть, что установление факта повреждения культурного слоя занимает центральное место в процессе расследования преступлений указанного вида. Как показывает практика, данное обстоятельство фиксируется в ходе осмотра места происшествия, осуществляемого с участием специалистов-археологов, обладающих необходимыми компетенциями для выявления нарушений стратиграфии, перемещений находок и разрушения пространственных связей между элементами культурного слоя. Существенное значение имеет строгая регламентация процесса осмотра. Обязательным становится проведение фотосъемки, составление планов, схем, подробное описание местонахождения найденных объектов с их привязкой к координатной сетке местности.

Следует отдельно акцентировать внимание на трудностях, возникающих в случае использования преступниками землеройной техники и попыток сокрытия факта проведения работ. В подобных ситуациях требуется проведение трасологической экспертизы, направленной на выявление следов воздействия технических средств на почву или объекты археологического значения.

Отдельной задачей органов предварительного следствия является установление связи между конкретными подозреваемыми и незаконно изъятыми предметами. В этом контексте особую доказательственную ценность приобретают такие факты, как обнаружение у фигурантов специализированных технических средств, наличие на одежде или обуви частиц почвы, совпадающих по составу с грунтом места происшествия, а также следы биологического происхождения на изъятых орудиях труда и их криминалистическое сопоставление с отпечатками пальцев. В данном аспекте справедливо будет сослаться на мнение А.Н. Панфилова, подчеркивающего, что без активного использования комплекса традиционных криминалистических методов в сочетании с достижениями судебной археологии и молекулярно-генетического анализа, эффективное расследование преступлений против археологического наследия в современных условиях представляется невозможным [4, с. 92–109]. Применение интегративного научного подхода позволяет существенно повысить результативность раскрытия подобных деяний, а также содействовать восстановлению нарушенных прав и интересов общества.

Подводя итог изложенному, необходимо констатировать, что криминалистическая типология археологических объектов представляет собой важнейший инструмент повышения эффективности борьбы с преступлениями, посягающими на культурное наследие. В современных условиях возрастающих угроз сохранности археологических памятников требуется не только дальнейшее совершенствование законодательства, регулирующего их защиту, но и развитие специализированных методик расследования. Особое значение приобретает также подготовка специалистов нового профиля, сочетающих знания в области археологии и криминалистики. Только комплексный, междисциплинарный подход способен обеспечить полноценную и эффективную охрану археологического достояния Российской Федерации.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28.02.2025) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Судебное дело № 22–113/2022. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Адыгея от 21 марта 2022 г. // *Архив судебных*

решений (cntd.ru). – URL: <https://sudrf.cntd.ru/> (дата обращения: 04.04.2025).

3. Одоева, И.В. Уголовная ответственность за незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания: некоторые вопросы теории и практики // *Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки*. – 2024. – № 3 (26). – С. 77–82.
4. Панфилов, А.Н. Проблемы правового регулирования использования металлоискателей для целей, не связанных с поиском и изъятием археологических предметов из мест залегания // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 92–109.
5. Тарасова, О. Е., Закирова, Э. Ф., Латыпова, Э. Ю., Гильманов, Э.М. Незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания: исторические аспекты и современные проблемы уголовно-правового регулирования // *Вестник экономики, права и социологии*. – 2024. – № 4. – С. 200–205.

FORENSIC TYPOLOGY OF OBJECTS OF ARCHAEOLOGICAL SIGNIFICANCE AS AN OBJECT OF ILLEGAL SEARCH AND SEIZURE

Drevetskiy V.V.

Kuban State University

The article focuses on the forensic typology of archaeological objects as the subject of illegal search and seizure. The paper discusses key legal issues related to the protection of archaeological heritage, such as the lack of a clear definition of the concept of “archaeological item,” and the methodological difficulties in investigating related crimes. Various types of archaeological objects are considered, including household items, religious artifacts, weapons, and coins, with a focus on their forensic typology. Special attention is given to the use of modern technical means such as metal detectors and excavators for illegal excavations. Real criminal cases are presented, illustrating the need for a comprehensive investigation methodology, including forensic expertise, with the involvement of specialists in archaeology, traceology, and biology. The authors also emphasize the need for a unified database to track instances of illegal removal of archaeological values. In conclusion, the article suggests measures to improve legislation and develop specialized investigative methods.

Keywords: archaeological objects, forensic typology, illegal excavation, cultural heritage, forensic expertise, metal detectors, criminal legislation, protection of cultural values.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on February 28, 2025) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
2. Court case No. 22–113 / 2022. Appellate ruling of the Criminal Collegium of the Supreme Court of the Republic of Adygea dated March 21, 2022 // *Archive of court decisions (cntd.ru)*. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/> (date accessed: 04.04.2025).
3. Odoeva, I.V. Criminal liability for illegal search and (or) seizure of archaeological objects from sites: some issues of theory and practice // *Vector of Science, TSU. Series: Legal Sciences*. – 2024. – No. 3 (26). – P. 77–82.
4. Panfilov, A.N. Problems of legal regulation of the use of metal detectors for purposes not related to the search for and removal of archaeological objects from their locations // *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies*. – 2020. – Vol. 6, No. 2. – P. 92–109.
5. Tarasova, O. E., Zakirova, E. F., Latypova, E. Yu., Gil'manov, E.M. Illegal search and (or) removal of archaeological objects from their locations: historical aspects and modern problems of criminal law regulation // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. – 2024. – No. 4. – P. 200–205.

Некоторые аспекты криминологической характеристики преступной иерархии в преступном сообществе

Емельянов Иван Владимирович,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии

В статье автором проведен анализ некоторых ключевых аспектов криминологической характеристики преступной иерархии в преступном сообществе, вследствие чего выявлены проблемы квалификации деяния, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ.

Ключевые слова: уголовное законодательство, преступное сообщество, лидер преступной иерархии, криминологический анализ, преступная иерархия.

Специалисты-криминологи и эксперты в сфере уголовного права отмечают наличие кризисных явлений в уголовно-правовой политике России. Они указывают, что активные реформы Уголовного кодекса РФ, осуществляемые под предлогом гуманизации законодательства, его усовершенствования и внедрения международных правовых норм, приводят к утрате Кодексом важных характеристик стабильности и последовательности. Некоторые законодательные инициативы оцениваются как недостаточно обоснованные, продиктованные скорее политическими амбициями, нежели научными исследованиями, что еще больше усиливает дезинтеграцию существующего уголовного законодательства. Отмечается, что хаотичные изменения порождают правовые пробелы и несоответствия, затрудняя работу практиков, которым становится сложно отслеживать постоянные нововведения [6].

Преступное сообщество – это наивысшая форма организации группы лиц, созданная специально для совершения тяжких преступлений. Этот тип организации является одним из самых опасных видов соучастия, и само создание такой структуры уже считается уголовно наказуемым деянием, даже если она пока не совершила ни одного преступления. Преступное сообщество характеризуется высокой степенью структурированности, наличием четкой иерархической системы и внутреннего разделения на функциональные группы. В состав такого сообщества могут входить различные организованные преступные группировки, и оно способно координировать и направлять их деятельность.

Недостатки, выявленные в процессе модернизации УК РФ, также сказались на качестве юридической техники, применяемой при разработке и корректировке уголовно-правовых норм, направленных против организованных преступных группировок и криминальных элементов. После десятилетия затишья в 2019 году возобновились интенсивные законотворческие процессы, нацеленные на улучшение борьбы с высшими формами организованной преступности, такими как преступные сообщества и криминальные авторитеты.

Преступное сообщество отличается высокой степенью устойчивости, стабильностью своего состава, жесткой подчиненностью членов группы друг другу и представляет собой сложное иерархически выстроенное криминальное образование. Преступная иерархия имеет сложную многоуровневую структуру, включающую различные степени и градации. Она может быть рассмотрена в трёх основных аспектах [3, с. 47]:

Иерархия охватывает всю страну и отражает общую картину взаимоотношений между различными преступными элементами и группировками. Здесь выделяются ключевые фигуры, такие как «воры в законе», которые занимают лидирующие позиции и оказывают значительное влияние на криминальные процессы.

Внутри отдельных регионов или частей страны формируются собственные иерархические структуры, где действуют конкретные лидеры и представители организованных групп. Эти локальные иерархии могут существенно отличаться друг от друга, отражая особенности региона и специфику местных криминальных процессов.

Каждая отдельная преступная организация или группа имеет свою внутреннюю иерархию, состоящую из нескольких уровней. Здесь четко распределены роли и функции участников, начиная от лидеров и заканчивая низшими звеньями. Внутренние отношения и распределение полномочий играют ключевую роль в обеспечении функционирования такой группы.

Эта многослойная структура подчёркивает сложность и разнообразие преступной среды, что требует тщательного анализа и учёта при расследовании и судебном разбирательстве связанных с ней дел.

Другие ученые придерживаются версии, что преступная иерархия представляет собой единый организм, построенный по принципу синергии, следовательно, он не подлежит дифференциации (Ф.А. Алиев, А.Н. Мондохонов, И.В. Никитенко, Т.В. Якушева) [4, с. 14].

При рассмотрении вопроса о привлечении к уголовной ответственности по статье 210.1 УК РФ возникают несколько серьезных проблем:

Первый проблемный вопрос: Существует ли в российском законодательстве нормативный правовой акт, который устанавливает понятие «преступная иерархия» и описывает её организационную структуру, включает наименования должностей, среди которых наивысшая позиция называется «высшее положение», а также содержит порядок назначения на эту должность?

Анализ судебной практики показывает, что зачастую уголовному преследованию подвергаются лица, прошедшие в криминальной среде процесс «коронования» и получившие статус «вор в законе». Правила этой процедуры и критерии отбора кандидатов были выработаны внутри криминальной среды и сформировали систему «норм традиций» – воровской закон.

Второй проблемный вопрос: Если лица привлекаются к уголовной ответственности по статье 210.1 УК РФ исключительно за прохождение процедуры «коронования» и получение статуса «вор в законе», означает ли это, что российское государство признаёт «воровские законы» и результаты криминальных сходов юридически равнозначными государственным нормативным правовым актам? Становятся ли нормы криминаль-

ного мира эквивалентными законам российского государства?

Преступное сообщество от иных форм организованной преступной деятельности отличается четко выраженной структурой, устойчивостью взаимосвязей его членов, наличия целей функционирования и уставных (программных) документов, пусть и не публично-правового характера.

Вместе с тем, руководитель преступного сообщества не обязательно должен обладать рангом «вора в законе», так как с течением времени подобный статус постепенно приобретает черты архаического и вымещается новыми преступными группами и организациями, иначе воспринимаемыми криминальные традиции и устои. Поэтому возникает необходимость определить – является ли преступная иерархия в отечественном правовом пространстве единым и универсальным явлением или же существуют параллельные преступные иерархии и системы, которые имеют свои отличные от иных признаки, структурные особенности и правила.

Место, занимаемое лицом в преступной иерархии, влияет на оценку общественной опасности его поведения следующим образом:

- Руководящая роль: Лидер или организатор принимает ключевые решения, планирует преступления, что делает его деятельность особенно опасной.
- Иерархическая структура: Чем выше положение в иерархии, тем сильнее влияние на остальных членов группы.
- Дисциплина: Авторитет лидера способствует строгой дисциплине среди участников группы, обеспечивая исполнение приказов.
- Привлечение новых членов: Иногда участники присоединяются к группе благодаря личным качествам и авторитету лидера.

Представленная точка зрения вызывает сомнения, поскольку анализ оперативной обстановки, следственной и судебной практики демонстрирует отсутствие единого преступного мира в России, способного сформировать единую иерархию.

Действительно, преступные сообщества, действующие на территории России, разнородны и не одинаковы. Они различаются по сферам преступной деятельности, специализации, направленности, а также по внутренним и внешним отношениям. Часть из них основывается на этнических принципах, религиозных убеждениях и принципах землячества, что добавляет сложности в понимание их структуры и взаимодействия.

Примером могут служить «чеченско-ингушское», «азербайджанское» и «грузинское» криминальные сообщества, чьи лидеры нередко незнакомы друг с другом и действуют независимо. Более того, многие из этих групп находятся в постоянном конфликте и борьбе за контроль над криминальными территориями, что создает дополнительные трудности в формировании общей иерархической структуры [5, с. 115–121].

Преступная иерархия России является многогранным феноменом, охватывающим различные аспекты криминальной активности. Одним из ключевых компонентов этой иерархии выступает «тюремная иерархия», представляющая собой отдельную подсистему, основанную на специфичных правилах и традициях, сформировавшихся в условиях мест лишения свободы.

Важно понимать, что помимо традиционных криминальных сообществ в отечественной уголовно-правовой практике встречаются террористические, экстремистские и диверсионные сообщества, которые также являются подвидами преступных организаций с противоправными целями.

Так, например, целями террористических сообществ является продвижение мировоззрения разрешения существующих в обществе противоречий насильственным путем, положительное отношение к идеологии насилия и практике воздействия на принятие решений органами государственной власти и органами местного самоуправления Российской Федерации, связанных с устрашением населения и иными формами противоправных насильственных действий, т.е. к террористической деятельности.

Целями экстремистских сообществ является продвижение и пропаганда идеологии и практики насилия и дискредитации по признаку расы, пола, национальности, вероисповедания, а также насильственного изменения основ конституционного строя.

Уголовно-правовой новеллой было введение в практику диверсионного сообщества, целью которого является совершение преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ, то есть диверсии – взрыва или поджога с целью нанесения ущерба экономической безопасности и обороноспособности РФ [1].

При этом, безусловно, отличительной чертой преступной иерархии в преступных сообществах террористической, экстремистской, диверсионной направленности отличаются политической направленностью, то есть у большинства членов такого сообщества ключевым мотивом противоправной деятельности будет мотив политической, религиозной, расовой, национальной ненависти.

Вместе с тем условная структура, то есть преступная иерархия подобного рода сообществ будет типичная – организатор, которые, однако преследует отличные от классического преступного сообщества политические, а не экономические интересы, пособники, финансисты, исполнители.

Для более глубокого понимания данного понятия важно определить преступную иерархию как сложную систему взаимоотношений, развивавшуюся в течение долгого времени в криминальной среде. Эта система регулирует порядок подчинённости низших звеньев преступных сообществ высшим, а также устанавливает правила взаимодействия между участниками, приверженными традициям криминального мира.

Рассмотрим подробнее отдельные сегменты преступной иерархии:

Объединения лидеров, организаторов и представителей организованных преступных групп, действующих на определённой территории или в конкретных сферах преступной деятельности. Такие объединения представляют особую опасность, так как, действуя совместно, главари могут оказывать существенное влияние на ситуацию в регионах, координируя деятельность подконтрольных криминальных структур.

Преступная иерархия в контексте преступных сообществ и организаций – ч. 4 ст. 35 УК РФ законодатель установил основные характеристики преступного сообщества и преступной организации, выделяя два главных типа [2]:

- Объединение организованных групп, действующих под общим руководством, с целью совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений.
- Структурированные организованные группы, представляющие собой более сложную форму организации.

Эти формы преступных образований считаются наиболее распространёнными в России и носят характер монофункциональных сообществ, ориентированных на совершение конкретных видов преступлений.

Примерами крупных преступных группировок, действовавших в 1990-е годы, могут служить «Ореховская», «Щелковская» и «Измайловская» ОПГ.

Таким образом, преступный мир России состоит из множества независимых и часто конкурирующих между собой элементов, что делает невозможным существование единой и монолитной преступной иерархии. Единство и нерушимость преступной иерархии могло бы констатироваться лишь наличием общего консолидированного лидера, которого нет и быть не может априори.

Подводя итог второму параграфу настоящего диссертационного исследования необходимо резюмировать следующее:

В учреждениях уголовно-исполнительной системы России каждый заключённый имеет свой неформальный статус, основанный на нормах и традициях преступного мира – так называемых «понятиях». Этот статус определяется через общественное признание или осуждение в криминальной среде и официально утверждается представителями высших уровней криминальной иерархии («вором», «положенцем», «смотрящим» или «блатными») на специальных собраниях («сходках»).

Неформальное положение заключённого может меняться в зависимости от его поступков или заслуг перед криминальным сообществом. Переходы между разными уровнями иерархии возможны путём повышения или понижения статуса, что связано с изменением положения заключённого в структуре преступной среды.

Таким образом, преступная иерархия в местах лишения свободы, несмотря на своё кажущееся постоянство, фактически подвержена динамиче-

ским изменениям, связанным с перемещениями заключённых между различными уровнями.

Во-первых, в Российской Федерации не существует единообразной преступной иерархии, так как отсутствует единое преступное сообщество. Преступное сообщество является условным социальным критерием, как сообщество любого социального класса, то есть носит абстрактный характер. Преступная иерархия в свою очередь также отлична, то есть у каждого ее руководителя, в т.ч. «вора в законе» имеется собственноручно выстроенная им структура, созданная на основе его личных взглядов, криминальных традиций и эмпирического опыта, безусловно, имеют место быть общие архитипичные черты, однако они вторичны.

Во-вторых, наличие иных видов преступных сообществ – террористических, экстремистских, диверсионных позволяет судить о неоднородности преступных организаций, их целей, которые дифференцируются не только на экономические, но и на политические, религиозные, военные и т.д., что накладывает свой отпечаток и на структуру, исходя из целей и на функционал, а, следовательно, на роль и статус лица, занимающего в преступной иерархии высшее положение.

В-третьих, наличие большого количества различных преступных группировок априори нивелирует единую преступную иерархию и преступное сообщество, так как в нем не имеется единого органа управления, структуры и уставных (программных) документов. Все эти сегменты создают крайне разрозненную и неоднородную преступную иерархию в Российской Федерации, что в том числе влияет и на сложившуюся следственно-судебную практику.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2022 № 586-ФЗ.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08 января 2025). // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кутякин С.А., Морозов А.С. Структура и содержание современного состояния преступной иерархии в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2023. № 1. С. 47.
4. Новожилов С.С. Преступная иерархия России: особенности и характеристики // Право и политика. 2023. № 7. С. 14.
5. Баранов А.А., Кириллов С.И., Соломатина Е.А. к вопросу о криминологических аспектах совершения преступлений этническими преступными группировками и их предупреждение органами внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 115–121.
6. Голенко Д. В. О тенденциях развития особенной части уголовного кодекса Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2021. № 4.

SOME ASPECTS OF CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMINAL HIERARCHY IN A CRIMINAL COMMUNITY

Yemelyanov I.V.

In this article, the author analyzed some key aspects of the criminological characteristics of the criminal hierarchy in a criminal community, as a result of which problems in the qualification of the act provided for in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation were identified.

Keywords: criminal legislation, criminal community, leader of criminal hierarchy, criminological analysis, criminal hierarchy.

References

1. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Federal Law of 29.12.2022 No. 586-FZ.
2. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on January 08, 2025). // SPS "ConsultantPlus".
3. Kutyakin S.A., Morozov A.S. Structure and Content of the Current State of the Criminal Hierarchy in Places of Deprivation of Liberty // Man: Crime and Punishment. 2023. No. 1. P. 47.
4. Novozhilov S.S. Criminal Hierarchy of Russia: Features and Characteristics // Law and Politics. 2023. No. 7. P. 14.
5. Baranov A.A., Kirillov S.I., Solomatina E.A. on the issue of criminological aspects of the commission of crimes by ethnic criminal groups and their prevention by internal affairs bodies // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 6. P. 115–121.
6. Golenko D.V. On the development trends of the special part of the criminal code of the Russian Federation // Legal Bulletin of Samara University. 2021. No. 4.

Особенности судебного разбирательства по делам несовершеннолетних: между наказанием и воспитанием

Зацепина Олеся Геннадиевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»

В статье рассматриваются ключевые особенности судебного разбирательства по делам несовершеннолетних, особое внимание уделяется балансу между карательными и воспитательными мерами. Проанализированы процессуальные нормы, регламентирующие производство по таким делам, основные принципы ювенальной юстиции, задачи, которые ставятся перед судьями, а также психолого-педагогические аспекты, влияющие на принятие судебных решений. Кроме того, в статье исследуются меры реабилитации и профилактики, направленные на ресоциализацию несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова: несовершеннолетние, судебное разбирательство, ювенальная юстиция, воспитательные меры, наказание, ресоциализация.

Согласно статистике МВД России, в 2024 году нарушили закон более 21 тыс. несовершеннолетних, это на 6% меньше, чем в 2023-м. Из них 15,5 тыс. (74%) – учащиеся и студенты, 4 тыс. – ранее совершали преступления, 1,5 тыс. – уже были судимы. В производстве следователей СК России в прошедшем году находилось 17,5 тыс. уголовных дел о преступлениях, совершенных детьми, более 7,5 тыс. были направлены в суд [1].

Состояние преступности среди несовершеннолетних вызывает глубокую озабоченность и необходимость поиска новых эффективных средств ее предупреждения, принятия дополнительных мер со стороны государственных органов и общественности, которые способствовали бы постепенному сокращению преступных проявлений среди таких лиц. Важное значение по предупреждению преступлений, совершаемых несовершеннолетними, принадлежит процессуальной деятельности органов расследования, прокуратуры и суда, осуществляющих производство по уголовным делам указанной категории.

Вопросы уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних являлись предметом научных изысканий Г.Н. Ветровой, И.В. Гречаной, О.В. Левченко, В.Я. Рыбальской, С.Ю. Тетюева и других ученых. Несмотря на широкую разработку вопросов, связанных с производством по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, особенности их судебного рассмотрения изучены в отечественной науке недостаточно.

Установление минимального возраста уголовной ответственности обусловлено естественным процессом развития человека: только по мере взросления у личности формируется способность осознавать смысл своих поступков, контролировать их, и адекватно оценивать потенциальную опасность. Представляется очевидным, что понимание противоправности действий и способность нести за них ответственность развиваются постепенно, в связи с чем уголовное наказание применяется лишь к тем, кто достиг определенного уровня психической и интеллектуальной зрелости.

Учитывая данные обстоятельства, законодатель использовал дифференцированный подход к решению вопроса о минимальных возрастных границах уголовной ответственности. По общему правилу последняя наступает по достижении лицом возраста 16 лет (ч. 1 ст. 20 УК РФ) и как исключение из этого правила – 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ).

Возраст лица, совершившего преступление, является ключевым фактором, определяющим не только возможность привлечения к уголовной

ответственности, но и влияющим на степень строгости назначаемого наказания, выбор применяемых мер воздействия, особый порядок судебного производства. Такой подход обусловлен в первую очередь необходимостью учета психофизиологических и социальных особенностей несовершеннолетних правонарушителей.

По делам такой категории уголовно-процессуальный закон предусматривает особые правила проведения досудебного следствия и судебного рассмотрения.

Особый правовой статус несовершеннолетних, а также особые правила судопроизводства в отношении них обусловлен спецификой их возраста, включающего эмоционально-волевую незрелость, отсутствие социального опыта, недостаточную сформированность поведенческих стереотипов, что обуславливает ограниченную способность несовершеннолетнего в полной мере осознавать противоправный характер своих деяний, адекватно оценивать степень общественной опасности совершаемых действий, осуществлять полноценный контроль над собственным поведением.

Исходя из приведенных выше особенностей несовершеннолетних, законодатель предусматривает двуединый механизм правового регулирования: с одной стороны, устанавливает усиленные меры их уголовно-правовой защиты, с другой – закрепляет специальные процедуры досудебного и судебного производства по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними.

Рассмотрение судом уголовных дел в отношении несовершеннолетних представляет собой особую сферу правосудия, требующую повышенного внимания со стороны правоприменителей, поскольку судопроизводство в отношении данной категории лиц должно не только обеспечивать справедливое наказание за совершенные преступления, но и способствовать их исправлению, ресоциализации и профилактике повторных правонарушений.

В условиях роста подростковой преступности, влияния социальных и экономических факторов, а также изменений в законодательстве особую значимость приобретает анализ судебной практики, выявление проблемных аспектов и разработка эффективных мер, способствующих гуманизации уголовной политики в отношении несовершеннолетних.

Судебное разбирательство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних представляет собой судебный процесс, в котором рассматривается и разрешается по существу уголовно-правовой спор о виновности несовершеннолетнего подсудимого, обладающего признаком возрастной незащищенности в инкриминируемом ему деянии.

Глава 50 УПК РФ посвящена вопросам производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Законом установлены необходимые требования, обязательные для исполнения лицом, проводящим предварительное расследование по такому уголовному делу, а также судьей при рассмотрении дела по существу.

Статья 421 УПК РФ предусматривает, что в ходе судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, наряду с доказыванием обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ (время, место, способ совершения преступления и др.), устанавливается: 1) возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения; 2) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности; 3) влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. При наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, устанавливается также, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

Условия жизни и воспитания несовершеннолетнего должны исследоваться и оцениваться судом на основании данных о семейном положении подсудимого, внутрисемейных отношениях, качестве выполнения родителями своих обязанностей по воспитанию ребенка, материально-бытовых условиях проживания семьи, о посещении несовершеннолетним образовательного учреждения, его успеваемости, организации досуга. В данном контексте в ходе рассмотрения уголовного дела подлежит тщательному изучению внутрисемейная обстановка и ближайшее социальное окружение подростка, которые способствовали формированию преступных мотивов, и как результат содействовали совершению общественно опасного деяния.

Помимо обстоятельств, указанных в ст. 421 УПК РФ, в каждом случае рассмотрения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего судье надлежит устанавливать: не потерял ли контроль родителей или законных представителей над несовершеннолетним, состоит ли он на учете в полиции, либо на внутришкольном учете, обсуждалось ли его поведение на заседаниях комиссии по делам несовершеннолетних, применялись ли к нему профилактические меры педагогического характера.

Указанные обстоятельства проверяются, а в некоторых случаях и устанавливаются судом в ходе заслушивания показаний самого несовершеннолетнего подсудимого, свидетелей, потерпевших, оглашения иных доказательств, которые представлены в материалах уголовного дела. Кроме того, суд исследует и новые доказательства, которые не были добыты в стадии предварительного расследования.

С целью установления указанных выше вопросов суд вправе допросить в качестве свидетелей педагогов, одного из родителей либо близких родственников несовершеннолетнего подсудимого, психолога, который в силу осуществления профессиональных обязанностей работал с ним, а также иных лиц, показания которых смогут воспроизвести социальную картину воспитания и развития подростка.

Для реализации такого права в соответствии со ст. 428 УПК РФ в судебное заседание вызываются законные представители несовершеннолетнего подсудимого, а с учетом обязанности установления условий его жизни – представители учебно-воспитательных учреждений или общественных организаций по месту его жительства, учебы или работы.

Именно указанные выше лица своим участием в судебном разбирательстве объективно способствуют разрешению вопросов, содержащихся в ст. 421 УПК РФ.

Особенностью отправления правосудия в отношении несовершеннолетних является то, что оно должно быть направлено на обеспечение максимально индивидуального подхода к исследованию обстоятельств совершенного деяния, а также на исследование личности и специфики социальной адаптации несовершеннолетнего. Правосудие в отношении несовершеннолетних должно быть соизмеримо как с особенностями их личности, так и с обстоятельствами совершенного деяния, а также способствовать предупреждению экстремистских противозаконных действий и преступлений среди несовершеннолетних.

Возникает справедливый вопрос: почему именно при отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних подлежит максимально тщательному изучению вопрос специфики их личности, условий жизни и воспитания, а впоследствии возможности минимизации объема репрессивных мер в отношении виновных в совершении преступлений.

Специальные правила рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних детально разъяснены постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

Согласно п. 2 указанного судебного акта при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних судам, наряду с соблюдением уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, надлежит учитывать положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Конвенции о правах ребенка (1989 г.), Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил, 1985 г.), Миланского плана действий и Руководящих принципов в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка (1985 г.), Руководящих принципов Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядских руководящих принципов, 1990 г.). Также подлежат учету и другие официальные документы, например, Рекомендации N Rec (2003) 20 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о новых под-

ходах к преступности среди несовершеннолетних и о значении правосудия по делам несовершеннолетних.

Исходя из основных принципов, закрепленных международными правовыми актами, к основным стандартам отправления правосудия в отношении несовершеннолетних относятся следующие правила: 1) меры воздействия всегда должны быть соизмеримы не только с обстоятельствами и тяжестью содеянного, но и с положением и потребностью несовершеннолетнего; 2) ограничение прав и свобод несовершеннолетнего должно быть сведено до минимума; 3) при рассмотрении дела в отношении несовершеннолетнего вопрос о его благополучии должен служить решающим фактором.

Как справедливо отмечает В.Н. Ткачев, в центре судебного процесса должна находиться личность несовершеннолетнего, которой подчинена вся судебная процедура, куда включены правила, не предусмотренные общим правосудием [2, с. 5].

Именно с целью реализации принципа гуманизма уголовный закон предусматривает различные виды освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности, а также возможность назначения уголовного наказания с определением различных вариантов его отбывания, а также замену наказания иными мерами уголовно-правового характера.

Согласно ч. 1 ст. 90 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Следует обратить внимание, что в последнем требовании закона заложен значительный оценочный компонент. Соответствующий вывод может быть сделан судом при надлежащей оценке всех обстоятельств совершенного преступления, личности несовершеннолетнего, условий его жизни и воспитания, механизма совершения преступления, постпреступного поведения и иных факторов, на основании которых может быть сделан вывод о том, что несовершеннолетний для своего исправления не нуждается в применении мер уголовной ответственности.

Применение принудительных мер воспитательного воздействия является приоритетной формой разрешения уголовно-правового конфликта, в котором участвует несовершеннолетний. Следует отметить, что данное положение непосредственно вытекает из постановления Пленума Верховного суда РФ 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», которым разъяснено, что если суд по находящемуся в его производстве уголовному делу в отношении несовершеннолетнего обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести при-

дет к выводу о том, что отсутствуют основания для освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности в соответствии с положениями статей 75–78 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим и т.д.), но при этом его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ, то суд выносит постановление (определение) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия в соответствии со статьей 90 УК РФ.

Из указанных положений следует, что судом в каждом случае при наличии к тому оснований подлежат обсуждению вопросы об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением сторон, назначением судебного штрафа, истечением сроков давности. При рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести суд вправе при вынесении обвинительного приговора освободить несовершеннолетнего от наказания и применить к нему принудительные меры воспитательного воздействия.

Следует отметить, что согласно ч. 2 ст. 90 УК РФ несовершеннолетнему могут быть назначены следующие принудительные меры воспитательного воздействия: 1) предупреждение; 2) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; 3) возложение обязанности загладить причиненный вред; 4) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Если несовершеннолетний за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления осужден к лишению свободы, суд вправе освободить его от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа применяется как принудительная мера воспитательного воздействия в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода.

При этом, определяя срок действия принудительной меры воспитательного воздействия, суд не ограничен сроком наказания, предусмотренного санкцией статьи УК РФ, по которой квалифицировано деяние несовершеннолетнего. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 92 УК РФ несовершеннолетний может быть помещен в указанное учреждение только до достижения им 18 лет и не более чем на 3 года.

Важно отметить, что для решения вопросов, связанных с освобождением несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением мер воспитательного воздействия, а также помещением в специальное учебно-воспитательное

учреждение закрытого типа, опять же фундаментальное значение имеет вопрос изучения личности несовершеннолетнего обвиняемого.

Исходя из основных задач уголовного закона, а также принципов назначения уголовного наказания, основополагающее значение при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних имеет предупреждение преступлений и влияние уголовного преследования на их дальнейшее исправление.

Специфика правосудия в отношении несовершеннолетних имеет ряд особенностей, направленных на реализацию воспитательных задач, среди которых, на наш взгляд, следует отметить формирование правосознания подростка, профилактику рецидивной преступности, социальную реабилитацию, а также воспитательное воздействие на общество.

Безусловно, судебное разбирательство в отношении несовершеннолетнего способствует осознанию подростком противоправности своих действий, недопустимости совершения в последующем делинквентных поступков. Разъяснение в судебном заседании положений уголовного закона, способствует формированию у несовершеннолетнего осознанного восприятия уголовной ответственности и понимания недопустимости противоправного поведения.

Важной задачей, которая стоит перед судом при производстве по делам в отношении несовершеннолетних, является профилактика рецидивной преступности. Как отмечалось выше, в судебное заседание вызываются законные представители несовершеннолетнего подсудимого, а также представители учебно-воспитательных учреждений или общественных организаций по месту жительства, учебы или работы несовершеннолетнего, а также психолог. Полагаем, что именно психолого-педагогическое сопровождение в ходе процесса снижает риск повторных правонарушений. Таким образом, профилактическая функция суда реализуется через комплекс мер, сочетающих правовое воздействие и педагогическое влияние, что соответствует целям ювенальной юстиции.

Кроме того, вовлечение специалистов (психологов, педагогов, социальных работников) помогает выявить причины противоправного поведения, а также пути последующей реинтеграции подростка в общество.

Не стоит недооценивать функцию воспитательного воздействия судебных процессов на общество. Публичность судебных процессов (в допустимых законом пределах) служит превентивной мерой для других несовершеннолетних, а также содействует формированию общественного мнения о недопустимости противоправного поведения.

Исходя из основных задач ювенальной юстиции, судам следует повышать воспитательное значение судебных процессов по делам о преступлениях несовершеннолетних, уделяя особое внимание их профилактическому воздействию. По каждому уголовному делу необходимо в обязательном поряд-

ке устанавливать причины и условия, способствовавшие совершению несовершеннолетними преступлений. Не стоит оставлять без реагирования установленные в судебном заседании недостатки и упущения в работе комиссий по делам несовершеннолетних, учебных заведений и общественных организаций, факты нарушения прав подростков, и выносить частные определения (постановления) с указанием конкретных обстоятельств.

Кроме того, при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних судам следует избегать волокиты. Эта позиция обусловлена тем, что, закрепляя в уголовно-процессуальном законодательстве специальные нормы, регламентирующие производство по делам о преступлениях несовершеннолетних, законодатель нацеливал правоприменителя на быстрое, беспристрастное, без каких-либо задержек их рассмотрение. В свою очередь лица, осуществляющие производство по таким делам, должны обладать соответствующей квалификацией, а при выборе мер пресечения или наказания исходить из принципа «минимальной достаточности».

В контексте рассматриваемой проблемы полагаем, что судебный процесс по делам несовершеннолетних представляет собой специфическую деятельность, направленную на обеспечение воспитательно-предупредительного воздействия на несовершеннолетнего подсудимого, его родителей или опекунов, нейтрализацию возможного влияния возрастных особенностей на дальнейшее развитие подростка, и не ограничивается только назначением наказания за содеянное.

На наш взгляд, уголовное судопроизводство должно быть ориентировано на более эффективное обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних участников процесса с неукоснительным соблюдением принципов уголовно-процессуальной деятельности, особенностей исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию, и обеспечения баланса прав всех участников процесса.

Литература

1. Бастрыкин назвал тревожным уровень подростковой преступности в РФ // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/23596255>
2. Ткачев В.Н. Специализация судей по делам несовершеннолетних как модель будущего ювенального суда в России (опыт Ростовской области) / В.Н. Ткачев // Российская юстиция. – 2007. – № 5. – С. 2–5.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой 24 мая 1996 года. Одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891&rdk=0>
4. Уголовно-процессуальный кодекс российской Федерации. Принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года. Одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942>
5. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8276/>

FEATURES OF JUVENILE JUDICIAL PROCEEDINGS BETWEEN PUNISHING AND EDUCATING

Zatsepina O.G.

Lugansk State University Vladimir Dahl

The article discusses the key features of juvenile judicial proceedings, with special attention paid to balance between punitive and educational measures. Analyzed procedural norms governing proceedings in such cases basic principles of juvenile justice, tasks that set before judges and also psychological and pedagogical aspects that impact on influence judicial decisions. In addition, the article examines the rehabilitation and prevention measures that focused on resocialization of juvenile offenders.

Keywords: juveniles, judicial proceedings, juvenile justice, educational measures, punishing, resocialization.

References

1. Bastyrykin nazval trevozhnym uroven' podrostkovoj prestupnosti v RF // Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <https://tass.ru/politika/23596255>
2. Tkachev V.N. Specializaciya sudej po delam nesovershennoletnih kak model' budushchego yuvenalnogo suda v Rossii (opyt Rostovskoj oblasti) / V.N. Tkachev // Rossijskaya yusticiya. – 2007. – № 5. – S. 2–5.
3. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii. Prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 24 maya 1996 goda. Odobren Sovetom Federacii 5 iyunya 1996 goda // Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891&rdk=0>
4. Ugolovno-processual'nyj kodeks rossijskoj Federacii. Prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 22 noyabrya 2001 goda. Odobren Sovetom Federacii 5 dekabrya 2001 goda // Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942>
5. Postanovleniem Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 1 fevralya 2011 goda № 1 «O sudebnoj praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugolovnoj otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnih» // Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8276/>

Зашляпин Леонид Александрович,

кандидат юридических наук, преподаватель Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева
E-mail: simple.teacher@outlook.com

Статья посвящена исследованию процессуального положения врача при осмотре трупа в уголовном судопроизводстве России. Рассматриваются нормативные и доктринальные подходы в конструировании статуса врача в различные исторические периоды развития отечественного уголовно-процессуального законодательства: по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., советским уголовно-процессуальным кодексам 1923 и 1960 гг., а также действующему УПК РФ. Для определения тенденций использован хронодискретный моногеографический метод, в результате выявлены основные тренды конструирования правового положения врача на протяжении нескольких исторических периодов, подчеркивается циклический характер неопределенности этого положения в анализируемые исторические периоды и зависимости врача от решений следователя. Установлено отсутствие единого теоретического понимания процессуального положения врача в осмотре трупа в отечественной юриспруденции. Сформулирован вывод *de lege ferenda* о неэффективности имеющейся модели регулирования и возможном устранении данного участника осмотра трупа из закона.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, участники, врач, специалист, судебно-медицинский эксперт, осмотр трупа, статус врача, процессуальная правоспособность, процессуальная дееспособность.

Введение

Действующий уголовно-процессуальный закон России включает множество участников, уголовно-процессуальный статус которых не определен. К таковым относится врач, упоминаемый законодателем отдельно от специалиста, судебно-медицинского эксперта, эксперта. Неопределенность статуса врача создает дефект процессуального порядка осмотра трупа, который может быть использован для последующего признания доказательств в качестве недопустимых. Предполагается, что критерий надлежащего субъекта собирания доказательств является общезначимым для всех процессуальных действий. В силу этого процессуальное положение врача требует необходимого обоснования (доказывания) при производстве по уголовным делам. Это определяет *актуальность* настоящей статьи.

Подтверждая это, представители теории уголовного процесса обращаются к исследованию данной проблематики. Ее разработка представлена, например, в публикациях Н.С. Юшеевой, А.В. Кудрявцевой, А.В. Петрова [1, 196–199; 2, с. 224–228], наших статей на эту же тему [3, с. 330–334]. Отличие настоящей работы от имеющихся состоит в том, что в ней объектной областью исследования выступает законодательство Российской империи, советские уголовно-процессуальные законы и действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), соответствующие им доктринальные позиции.

Особенность объектной области предопределила применения особого же хронодискретного метода, позволяющего сравнить процессуальное положение врача (институт конкретного участника) в различные исторические периоды по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС), советскому уголовно-процессуальному законодательству и действующему Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее – УПК РФ). В качестве исходного постулата, позволяющего применить указанный метод, используется положение о наличии в отечественном законодательстве совокупности норм, согласно которым врач является участником осмотра трупа; субъектом, замещающим судебно-медицинского эксперта по должности; имеющим в уголовном процессе положение, отличающееся от статусов судебно-медицинского эксперта и других специалистов.

Подтверждение данного предположения позволит выявить инвариантные признаки данного участника уголовно-процессуальных отношений и сформулировать суждения о тенденциях в конструировании процессуального положения врача.

Нормативные и доктринальные подходы периода действия УУС

Термин «врач» в УУС упоминался многократно в различных вариантах: «врачи в качестве сведущих людей» (ст. 326), «судебный врач» (ст. 336), «городовой или полицейский врач» (ст. 337), «гражданский или вольнопрактикующий врач» (ст. 337). Очевидно, что законодатель того времени предполагал понятие «врач» родовым, а остальные – видовыми. При этом существовавшая тогда система взаимосвязанных понятий подчеркивала общую правосубъектность врача, имеющую не уголовно-процессуальную природу.

Терминологическая множественность создавала проблему понимания. Так, в судебном уставе 1864 г. рассматриваемый участник упоминался в подразделе «Осмотр и освидетельствование чрез врачей», что свидетельствует о его правосубъектности и предполагаемой правоспособности. В отличие от УПК РФ, допускающего равное положение врача и судебно-медицинского эксперта при осмотре трупа, УУС предусматривал участие в осмотре трупа только судебного врача (ст. 336) то есть лица, имеющего общеправовой статус «судебно-медицинский эксперт», преобразуемый в специальный процессуальный статус (специальную правоспособность и дееспособность). При этом процессуальное действие «осмотр через врача» мог являться эквивалентом современного судебно-медицинского вскрытия трупа (производства экспертизы трупа). Одновременно Устав судебной медицины 1857 г., который дополнял УУС, устанавливал, что осмотр трупов – обязанность судебного врача (ст. 1736), формируя тренд на конструирование процессуального положения врача и в других, помимо уголовно-процессуального, законах. Использование термина «врач», влекущее соответствующую интерпретацию на основе общей правоспособности врача, оказывалось не совсем точным. Ординарный врач (не судебный врач в УУС или судебно-медицинский эксперт на юридическом языке УПК РФ) в этом случае замещал судебного врача, а нормативное содержание раздела «осмотр и освидетельствование чрез врачей» не раскрывало специальную правоспособность и дееспособность ординарного врача как такового.

Правовой статус рассматриваемого субъекта в осмотре трупа по УУС мог определяться не только через подраздел «Осмотр чрез врачей», но посредством норм подраздела «Осмотр чрез следователя» (ст. 315), предусматривавшем процессуальное действие, проводимое следователем с участием сведущих лиц. В качестве последних мог привлекаться и медицинский работник (ст. 325–326), решение следователя о этом образовывало обязанность врача, а неявка влекла ответственность (ст. 328). Очевидно, что врач, становясь сведущим лицом, приобретал процессуальное положение, подчиненное статусу следователя. Следователь задавал врачу свои вопросы (ст. 332), присутствовал при осмотре (ст. 331), его

осмотр предшествовал действиям врача (ст. 330). Одновременное проведение осмотра трупа врачом и следователем не предусматривалось, что исключало статусные коллизии. Важно, что в правовом положении сведущего лица не выделялись особо медицинские знания. Сведущим лицом мог быть любой человек, обладающий особой опытностью (ст. 326).

Это указывало на то, что процессуальное положение ординарного врача в осмотре трупа не образовывало процессуального статуса, сводилось к зависимому от следователя положению сведущего лица, которое совершало внешний осмотр трупа и отвечало на вопросы следователя, касающиеся этого действия. Нормативно, положение всякого сведущего лица могло интерпретироваться через соотношение со статусом следователя и свидетеля. Автономное толкование правового положения врача (независимого от статуса следователя) в осмотре трупа, несмотря на упоминаемую правосубъектность, было невозможным.

Юриспруденция соответственно отражала и отражает проблемы нормативного конструирования положения медицинского работника в уголовном процессе. Так, современный исследователь Н.С. Юшеева выводит различную правоспособность судебных врачей и ординарных врачей в осмотре трупа по УУС [1, с. 197]. Более того, она подчеркивает применение медицинских знаний лишь судебным медиком, а не врачом как сведущим лицом при осмотре трупа [1, с. 196–199]. Это позволяет усматривать статусность судебного врача (эксперта в современном понимании), наличие у него соответствующей специальной правоспособности и дееспособности. Наоборот, правовое положение обычного врача оказывалось более низким (менее статусным), предполагая ограниченную процессуальную правоспособность и дееспособность, что сводило ее до положения сведущего лица.

Приведенная позиция – не исключение. Так, революционный ученый П.В. Макалинский также различал положение судебных врачей и врачей как сведущих лиц. Он сравнивал судебного врача с должностным лицом действующим совместно со следователем, а ординарного врача, привлеченного к осмотру трупа, считал сведущим лицом [4, с. 293]. Это подчеркивало нормативное разграничение процессуальных ролей, где судебный врач выступает экспертом, а сведущее лицо – дополнительным участником (специалистом на языке действующего уголовно-процессуального закона). При этом само положение ординарного врача фактически имело второстепенное значение. Основным являлось процессуальное положение сведущего лица.

Следует отметить, что современное восприятие врача как участника осмотра трупа по УУС характеризуется коллизионностью. В уголовно-процессуальной науке присутствуют точки зрения, авторы которых утверждают, что УУС «не делает различия» между положением судебного врача и врача как сведущего лица [2, с. 227]. Однако и в этом случае исследователи выделяют две

формы использования специальных знаний: осмотр трупа с участием врача (ст. 341 УУС) и исследование трупа судебным врачом (ст. 342 УУС). Мы же полагаем, что процессуальное положение ординарного врача в этом случае тяготеет к его пониманию как положения сведущего лица (специалиста в современном понимании), отличающегося от статуса судебного врача. Наоборот, когда врач замещал судебного врача, он приобретал статус судебного врача.

Авторитетный дореволюционный ученый Л.Е. Владимиров связывал неопределенность положения врача в осмотре трупа с тем, что в юриспруденции XIX в. это процессуальное действие преимущественно рассматривалось как экспертное исследование и указывал на то, что сущность осмотра не соответствует сущности экспертизы [5, с. 18]. Из этого, по нашему мнению, следует и различие статусов. Подтверждая позицию Л.Е. Владимирова, Б. Вронский отмечал, что отсутствие в УУС терминов «эксперт» и «экспертиза» с одновременным использованием термина «осмотр» для разных действий создавало неясность [6, с. 132]. Именно это могло быть фактором для теоретических попыток конструирования статуса ординарного врача в осмотре трупа.

Доктринальные подходы, таким образом, аналогично не выделяли автономного статуса врача (соответствующей правоспособности и дееспособности) в осмотре трупа.

Нормативные и доктринальные подходы периода действия советского законодательства

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 г. (далее – УПК 1923 г.) регулирование правового положения врача было менее детальным по сравнению с УУС. Упомянув в данном законе врача как участника осмотра трупа, первоначальный советский законодатель основное внимание уделял регулированию статуса эксперта, что предполагало неопределенность положения врача.

Характеристика положения рассматриваемого участника сводилась к тому, что в УПК 1923 г. отсутствовала дефиниция врача как участника уголовного процесса, предопределяя неясность его статуса; предполагалось факультативное участие врача в осмотре трупа, которое зависело от усмотрения следователя и рассматривалось как замена судебно-медицинского эксперта в случае отсутствия последнего (ст. 193 УПК 1923 г.); действия врача при осмотре могли быть оспорены (ст. 194 УПК 1923 г.). При этом законодатель демонстрировал некоторое пренебрежение фактическими медицинскими компетенциями данного участника, поскольку допускалось участие в осмотре трупа «ближайшего врача», что могло толковаться как любого врача (ч. 2 ст. 193 УПК 1923 г.)

В итоге правоспособность врача данного исторического периода носила номинальный характер, ее объем был неопределенным, а процессуальная дееспособность оставалась не ясной.

Правовое положение врача в период действия УПК 1923 г. имело специфическое советское понимание, проявляющееся во мнениях представителей медицинской науки. Они, например, обращали внимание на возможность произвольных арестов врачей должностными лицами правоохранительных органов. Причиной этому могло служить возложение на них широкого и нечетко определенного круга обязанностей, которые не имели под собой юридической определенности, порождая произвольную интерпретацию их действий властными участниками уголовно-процессуальных отношений [7, с. 16; 8, с. 181]. Медицинский работник в советской правовой системе занимал позицию слабого субъекта, чья общая правосубъектность ограничивалась внеправовыми мерами.

Представители дореволюционной науки уголовного процесса, например, П.И. Люблинский и Н.Н. Полянский, подчеркивали приоритет привлечения судебно-медицинских экспертов к осмотру трупа, допуская участие «ближайшего врача» лишь в исключительных случаях [9, с. 181]. Таким образом, в теории уголовного процесса врач воспринимался скорее как лицо, временно замещающее эксперта. В связи с этим схоже с УУС, врач не рассматривался в качестве автономного участника с комплексом соответствующих прав и обязанностей. Гипотеза нормы ч. 1 ст. 193 УПК 1923 г., подтверждая это, предполагала единое действие «осмотр и вскрытие трупа», субъектом которого должен быть судебно-медицинский эксперт.

Аналогичной позиции придерживались М.С. Строгович и Д.А. Карницкий, критиковавшие практику привлечения к следственным действиям «случайных врачей» [10, с. 205]. Очевидно, что для уголовно-процессуальной доктрины того времени врач не считался полноценным участником, конструирование его теоретического статуса не рассматривалось. Его отнесение к какой-либо определенной категории субъектов процесса с конкретной функцией не было четким. Процессуальная правоспособность ординарного врача, или «ближайшего врача», оставалась предполагаемой, не подкрепленной реальной дееспособностью, что размывало границы его возможной деятельности в рамках уголовного процесса. В период действия УПК 1923 г. проявилась тенденция к использованию в законе не определенной законодателем конструкции правового положения врача как участника уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. (далее – УПК 1960 г.) также содержал ряд упоминаний термина «врач», признавая правосубъектность данного участника, но при этом законодатель по-прежнему основное внимание уделял статусу эксперта, используя более детальное регулирование положения последнего.

Подтверждая сформированный вектор конструирования правового положения врача, уголовно-процессуальный закон не содержал определения соответствующего термина. В силу господствующей

щей правовой идеологии основное внимание в законе уделялось государственным органам и их должностным лицам, действующим в уголовном судопроизводстве, но медицинские учреждения и их сотрудники оставались вне рамок регулирования кодекса, что было логично поскольку эти учреждения и лица не являлись правоохранительными органами и их уполномоченными лицами, но затрудняло определение процессуальной правоспособности и дееспособности врача в условиях доминирования публичного интереса, реализуемого должностными лицами.

Для характеристики правового положения медицинского работника, что было присуще и предыдущим законам, можно было использовать нормы ст. 180 УПК 1960 г., регулирующей осмотр трупа. Согласно которым осмотр производился следователем, а врач как самостоятельный субъект не упоминался; процессуальные права и обязанности врача не были определены; участие врача в осмотре трупа предусматривалось лишь при невозможности участия судебно-медицинского эксперта, что допускало произвольность решения следователя о привлечении врача к осмотру трупа.

В итоге специальная процессуальная правоспособность и дееспособность врача как участника следственного действия не была регламентирована. Ранее сформированный тренд сохранялся, нормативное конструирование правового положения врача в качестве определенного уголовно-процессуального статуса не предусматривалось.

Теория уголовного процесса периода действия УПК 1960 г. прямо не рассматривала интересующую нас проблематику. Ученые-процессуалисты даже в работах об участниках уголовного процесса не касались положения врача [11; 12]. Одновременно существовали позиции, предлагавшие рассматривать врача как специалиста, содействующего правосудию [13, с. 161], и обозначавшие его как «врача-специалиста в области судебной медицины при наружном осмотре трупа» [13, с. 55]. Такой подход нивелировал необходимость формулирования идей о статусе врача.

В медицинской науке статус врача рассматривался только в отраслевом контексте [14; 15], его права и обязанности не связывались с содействием следователю [15, с. 156]. Совокупно юридическая и медицинская науки советского периода не выходили на поставку проблем о специальной процессуальной правоспособности и дееспособности врача, оставляя его процессуальное положение неопределенным.

Современные нормативные и доктринальные подходы

Российский законодатель, следуя сложившейся тенденции, упоминает врача в качестве участника осмотра трупа, но не определяя его в ст. 5 и разделе II УПК РФ (ст. 178 УПК РФ). Его правовое положение, как и в советское время, определяется решением следователя, что подчеркивает продолжительность

действия тенденции дискреционного регулирования его прав и обязанностей (процессуальной правоспособности и дееспособности). Используемый режим регулирования не позволяет формировать автономный статус врача, что детерминирует его процессуальную пассивность. Самостоятельный осмотр трупа врачом исключен.

Отсутствие в ст. 178 УПК РФ субъективных прав врача сопровождается и отсутствием его юридических обязанностей и ответственности за отказ от участия в осмотре трупа.

В современной юриспруденции констатируется неопределенность правового положения врача при осмотре трупа, что повторяет вектор теоретических исследований предыдущего исторического периода [1, с. 424]. Это обуславливает сохранение научной проблемы.

Проблема доктринального осмысления процессуального положения врача осложняется тем, что термин «врач» используется в нескольких отраслях права, каждая из которых имеет собственное нормативное регулирование, исключающее универсальное понимание статуса. Пытаясь разрешить данную проблему, представители теории медицины вводят для науки уголовного процесса конструкции «врач судебно-медицинский эксперт» или «врач – судебно-медицинский эксперт» [16, с. 138–141; 17, с. 66], что противоречит ч. 1 ст. 178 УПК РФ и отражает консервативный подход, ориентированный на общеправовой статус врача, игнорирующий проблему невозможности преобразования общей правосубъектности врача в его специальную процессуальную правоспособность (дееспособность).

Представители науки уголовного процесса указывают на отсутствие единообразного понимания уголовно-процессуального положения врача, исключая его смешение с положением судебно-медицинского эксперта и специалиста [18, с. 90, 92]. В криминалистических рекомендациях врач рассматривается как обязательный участник осмотра трупа в качестве специалиста [19, с. 10], что свидетельствует об отсутствии единого понимания процессуального положения врача в отечественной юриспруденции.

Необходимо поддержать подход Ю.Н. Кириченко и Е.А. Семенова, выделяющих в качестве существенных признаков процессуального положения врача его функциональную принадлежность, правоспособность, дееспособность, а также наличие субъективных прав и обязанностей в качестве возможных признаков процессуального статуса врача [18, с. 90], что является лишь установкой на поиски единого внутриотраслевого понимания. Фактически же мы должны фиксировать отсутствие общепринятых аргументов, обосновывающих наличие единства позиций о статусе врача при осмотре трупа.

Заключение

Проблема определения процессуального положения врача при осмотре трупа остается нерешенной.

Российское законодательство последовательно реализует тенденцию уклонения от формулирования прав и обязанностей врача, не определяя его ясную процессуальную правоспособность и дееспособность, оставляя определение роли медицинского работника на усмотрение следователя.

Указанная тенденция проявляла и проявляет свою устойчивость для нескольких исторических периодов изменения отечественного уголовно-процессуального закона, реализована в УУС, УПК 1923 г., УПК 1960 г. и ныне действующем кодексе.

Теория уголовного процесса, проявляя нормозависимость и следуя траектории конструирования статуса врача в осмотре трупа законодателем, не генерирует общепринятых теоретических аргументов, которые обосновывали бы позиции о наличии у врача четко определенного уголовно-процессуального статуса.

Проблемы нормативного регулирования и теоретического понимания статуса врача в осмотре трупа формулируют вопрос о необходимости сохранения врача как участника осмотра трупа. Уголовно-процессуальные нормы должны отвечать критерию эффективности воздействия на регулируемые уголовно-процессуальные отношения [20, с. 69–83]. Имеющаяся модель регулирования не содержит в себе указанного потенциала эффективности.

Литература

1. Юшеева, Н.С. Исторические особенности использования медицинских знаний в уголовном судопроизводстве России / Н.С. Юшеева // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 2. – С. 196–199. – EDN XMTNAL.
2. Кудрявцева, А.В. Использование знаний сведущих лиц в дореволюционном законодательстве России: вопросы теории / А.В. Кудрявцева, А.В. Петров // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2014. – № 2(39). – С. 224–228. – EDN SFIOIL.
3. Чайка, О.О. Статус врача в уголовном судопроизводстве / О.О. Чайка, Л.А. Зашляпин // Юридическая наука. – 2025. – № 4. – С. 330–334.
4. Макалинский, П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах / сост. бывшим с.-петерб. столич. судеб. следователем, присяж. поверенным П.В. Макалинским. – 7-е изд. (посмертное). – Петроград: Типография М. Меркушева, 1915. – 842 с.
5. Владимиров, Л. О значении врачей-экспертов в уголовном судопроизводстве / Л. Владимиров. Харьков, 1870. – 136 с.
6. Вронский, Б. Судебно-медицинская экспертиза на трупах и свидетельские показания в уголовном процессе / Б. Вронский // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. – Кн. 8 (октябрь). – С. 128–168.

7. Н. М. К вопросу о правах и обязанностях сельских врачей // Бюллетень Народного комиссариата здравоохранения. – № 6. – 1925. – С. 16.
8. С. Ч. К вопросу о правовом положении участковых врачей // Бюллетень Народного комиссариата здравоохранения. – № 18. – 1925. – С. 17–18.
9. Люблинский, П.И. Уголовно-процессуальный кодекс: Научно-популярный практический комментарий / П.И. Люблинский, Н.Н. Полянский. – Москва: Право и жизнь, – 1928. – 428 с.
10. Строгович, М.С. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: текст и постатейный комментарий / М.С. Строгович, Д.А. Карницкий. – Москва: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1928. – 534 с.
11. Кокорев, Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам / Л.Д. Кокорев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1971. – 160 с.
12. Стрёмовский, В.А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе / В.А. Стрёмовский. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1966. – 260 с.
13. Шпилев, В.Н. Участники уголовного процесса / В.Н. Шпилев. – Минск: Изд-во БГУ, 1970. – 176 с.
14. Лисицын, Ю.П. Врач в социалистическом обществе / Ю.П. Лисицын // Положение и задачи врача в обществе в различные исторические периоды: Тезисы докл. / IV Симпоз. по истории медицины СССР – ГДР, г. Вильнюс, 25–27 нояб. 1981 г. – Москва, 1981. – с. 141–145.
15. Кузьмин, М.К. Особенности и характерные черты врача социалистического общества / М.К. Кузьмин // Положение и задачи врача в обществе в различные исторические периоды: Тезисы докл. / IV Симпоз. по истории медицины СССР – ГДР, г. Вильнюс, 25–27 нояб. 1981 г. – Москва, 1981. – С. 153–156.
16. Организация работы врача судебно-медицинского эксперта на месте происшествия и ее совершенствование в Республике Татарстан на основе подходов менеджмента качества / Р.М. Газизянова, А.Х. Низамов, М.И. Тимерзянов [и др.] // Вестник современной клинической медицины. – 2016. – Т. 9, № 6. – С. 138–143. – DOI 10.20969/VSKM.2016.9(6).138–143. – EDN XAYZWF.
17. Буромский, И.В. Правовые аспекты участия врача в процессуальных действиях: учебное пособие / И.В. Буромский. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 96 с.
18. Кириченко, Ю.Н. Правовая дефиниция участников уголовного процесса при производстве осмотра трупа: пути совершенствования законодательства / Ю.Н. Кириченко, Е.А. Семенов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2014. – № 3. – С. 90–93. – EDN TBR SQN.
19. Сиделев, В.В. Осмотр места происшествия при обнаружении трупа: альбом схем / Московская акад. Следственного комитета Российской

ской Федерации; под общ. ред. А.М. Багмета; авт.-сост. С.Ю. Скобелин [и др.]. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 119 с.

20. Курочкин, С.А. Эффективность правовых норм как условие результативности правового воздействия (на примере норм процессуального права) / С.А. Курочкин // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 162, № 2. – С. 69–83. – DOI 10.26907/2541–7738.2020.2.69–83. – EDN JH-DWPO.

TRENDS IN CONSTRUCTING THE STATUS OF A DOCTOR IN EXAMINING A CORPSE

Zashlyapin L.A.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article is devoted to the study of the procedural status of a doctor during the examination of a corpse in criminal proceedings in Russia. The article examines normative and doctrinal approaches to constructing the status of a doctor in various historical periods of the development of domestic criminal procedural legislation: according to the Charter of Criminal Procedure of 1864, the Soviet Criminal Procedure Codes of 1923 and 1960, as well as the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation. A chronodiscrete monogeographic method was used to determine the trends, as a result of which the main trends in constructing the legal status of a doctor over several historical periods were identified, the cyclical nature of the uncertainty of this position in the analyzed historical periods and the dependence of the doctor on the decisions of the investigator are emphasized. The absence of a unified theoretical understanding of the procedural status of a doctor during the examination of a corpse in domestic jurisprudence is established. A de lege ferenda conclusion is formulated about the ineffectiveness of the existing regulatory model and the possible elimination of this participant in the examination of a corpse from the law.

Keywords: criminal process, criminal proceedings, participants, doctor, specialist, forensic expert, examination of a corpse, status of a doctor, procedural legal capacity, procedural legal capacity.

References

1. Yusheeva, N.S. Historical Features of the Use of Medical Knowledge in Criminal Proceedings in Russia / N.S. Yusheeva // Problems of Economics and Legal Practice. – 2018. – No. 2. – P. 196–199. – EDN XMTHAL.
2. Kudryavtseva, A.V. Use of Knowledge of Knowledgeable Persons in Pre-Revolutionary Legislation of Russia: Theoretical Issues / A.V. Kudryavtseva, A.V. Petrov // Bulletin of Omsk University. Series: Law. – 2014. – No. 2 (39). – P. 224–228. – EDN SFIOIL.
3. Chaika, O.O. Status of a Doctor in Criminal Proceedings / O.O. Chaika, L.A. Zashlyapin // Legal Science. – 2025. – No. 4. – P. 330–334.
4. Makalinsky, P.V. Practical Guide for Forensic Investigators Serving in District Courts / compiled by former St. Petersburg capital forensic investigator, attorney P.V. Makalinsky. – 7th ed. (posthumous). – Petrograd: M. Merkushev Printing House, 1915. – 842 p.
5. Vladimirov, L. On the Importance of Medical Experts in Criminal Proceedings / L. Vladimirov. Kharkov, 1870. – 136 p.
6. Vronsky, B. Forensic medical examination of corpses and witness testimony in criminal proceedings / B. Vronsky // Journal of Civil and Criminal Law. 1890. – Book 8 (October). – P. 128–168.
7. N. M. On the issue of the rights and responsibilities of rural doctors // Bulletin of the People's Commissariat of Health. – No. 6. – 1925. – P. 16.
8. S. Ch. On the issue of the legal status of district doctors // Bulletin of the People's Commissariat of Health. – No. 18. – 1925. – P. 17–18.
9. Lyublinsky, P.I. Criminal Procedure Code: Popular scientific practical commentary / P.I. Lyublinsky, N.N. Polyansky. – Moscow: Pravo i zhizn, – 1928. – 428 p.
10. Strogovich, M.S. Criminal Procedure Code of the RSFSR: text and article-by-article commentary / M.S. Strogovich, D.A. Karnitsky. – Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1928. – 534 p.
11. Kokorev, L.D. Participants in criminal justice / L.D. Kokorev. – Voronezh: Voronezh University Publishing House, 1971. – 160 p.
12. Stremovsky, V.A. Participants in preliminary investigation in Soviet criminal proceedings / V.A. Stremovsky. – Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House, 1966. – 260 p.
13. Shpilev, V.N. Participants in criminal proceedings / V.N. Shpilev. – Minsk: BSU Publishing House, 1970. – 176 p.
14. Lisitsyn, Yu.P. Doctor in a socialist society / Yu.P. Lisitsyn // The position and tasks of the doctor in society in different historical periods: Abstracts of reports / IV Symposium. on the history of medicine of the USSR – GDR, Vilnius, November 25–27, 1981 – Moscow, 1981. – pp. 141–145.
15. Kuzmin, M.K. Features and characteristic traits of a doctor in a socialist society / M.K. Kuzmin // The position and tasks of a doctor in society in different historical periods: Abstracts of reports / IV Symposium on the history of medicine of the USSR – GDR, Vilnius, November 25–27, 1981 – Moscow, 1981. – pp.153–156.
16. Organization of the work of a forensic medical expert at the scene of a crime and its improvement in the Republic of Tatarstan based on quality management approaches / R.M. Gazizyanova, A. Kh. Nizamov, M.I. Timerzyanov [et al.] // Bulletin of modern clinical medicine. – 2016. – Vol. 9, No. 6. – P. 138–143. – DOI 10.20969 / VSKM.2016.9 (6). 138–143. – EDN XAYZWF.
17. Buromsky, I.V. Legal aspects of a doctor's participation in procedural actions: a tutorial / I.V. Buromsky. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. – 96 p.
18. Kirichenko, Yu.N. Legal definition of participants in criminal proceedings during the examination of a corpse: ways to improve legislation / Yu.N. Kirichenko, E.A. Semenov // Bulletin of the South-West State University. Series: History and Law. – 2014. – No. 3. – P. 90–93. – EDN TBRSQN.
19. Sidelev, V.V. Inspection of the scene of a crime upon discovery of a corpse: album of diagrams / Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; under the general editorship of A.M. Bagmet; author-compiler S. Yu. Skobelin [and others]. – Moscow: UNITY-DANA, 2019. – 119 p.
20. Kurochkin, S.A. Effectiveness of legal norms as a condition for the effectiveness of legal impact (on the example of procedural law norms) / S.A. Kurochkin // Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities. – 2020. – Vol. 162, No. 2. – P. 69–83. – DOI 10.26907/2541–7738.2020.2.69–83. – EDN JHDWPO.

Некоторые криминалистические и процессуальные аспекты обвинительной речи прокурора в судебном разбирательстве по уголовным делам о присвоении или растрате

Ильин Федор Ильич,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: i.ilin@mail.ru

Повышению эффективности деятельности по поддержанию государственного обвинения способствует разработка научно-практических вопросов, связанных с особенностями подготовки и выступления государственного обвинителя в прениях сторон. Предлагаются рекомендации научно-практического характера и конкретные алгоритмы действий по подготовке и произнесению обвинительной речи в прениях сторон, определению особенностей, форм подготовки, построения и произнесения обвинительной речи, ее задач, композиционной структуры, элементов и тактических аспектов, подведению итогов судебного следствия, обоснованию позиции обвинения, использованию тактических приемов, позволяющих опровергнуть доводы стороны защиты, оценить исследованные доказательства, представить на рассмотрение суда доводы о доказанности обвинения, квалификации преступления, о виде и мере наказания. Результаты теоретического и эмпирического исследования данных вопросов включены в соответствующий раздел разработанной автором практико-ориентированной частной криминалистической методики поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции по уголовным делам о хищениях в форме присвоения или растраты с использованием своего служебного положения, оснащенной доктринальным обоснованием и многочисленными информационно-аналитическими ссылками на материалы судебной практики.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, речь государственного обвинителя в прениях сторон, присвоение или растрата.

Введение

Судебное разбирательство по уголовному делу является завершающей частью двуединого процесса деятельности по расследованию преступления, направленной на раскрытие преступления, что предопределяет необходимость использования криминалистического обеспечения поддержания государственного обвинения и обуславливает отнесение данной деятельности к предмету криминалистики. Недостаточное внимание к вопросам поддержания и обоснования обвинительного тезиса в судебных прениях, подготовке и произнесению обвинительной речи, препятствует соблюдению высоких критериев, предъявляемых к деятельности государственного обвинителя в состязательном процессе, снижает эффективность осуществления уголовного преследования и авторитет государственного обвинения. Укрепление принципов состязательности и равноправия сторон, отказ от признания суда органом уголовного преследования, разделение функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела должно сопровождаться повышением уровня комплексной интеллектуально-творческой деятельности государственного обвинителя, поскольку ее несоответствие критериям уголовного процесса состязательного характера осложняет достижение целей правосудия.

Повышению эффективности деятельности государственного обвинителя способствует разработка частных криминалистических методик поддержания государственного обвинения, которые, по нашему мнению, должны быть четко структурированы, иметь практико-ориентированный характер, содержать не только теоретические, но и конкретные научно-практические выводы и рекомендации по применению криминалистических методов и тактики, алгоритмы действий государственного обвинителя, сведения о типичных способах и доказательствах совершения деяний, типичных ошибках уголовно-правового, уголовно-процессуального и криминалистического характера, допускаемых в ходе предварительного расследования, способах их выявления и исправления, типичных версиях защиты, особенностях подготовки и участия государственного обвинителя на различных этапах судебного разбирательства. В разработанную автором частную криминалистическую методику поддержания государственного обвинения по уголовным делам о хищениях в форме присвоения или растраты с использованием своего слу-

жебного положения включен раздел «Особенности подготовки и выступления в прениях», содержащий рекомендации научно-практического характера и конкретные алгоритмы действий по подготовке и произнесению обвинительной речи в прениях сторон, определению ее особенностей, форм подготовки, построения и произнесения, задач, композиционной структуры, элементов и тактических аспектов, подведению итогов судебного следствия, обоснованию позиции обвинения.

С целью выявления особенностей содержания обвинительной речи и выступления государственного обвинителя в прениях сторон по делам о присвоении или растрате автором в судебных архивах проведено эмпирическое исследование материалов 133 уголовных дел о присвоении или растрате, совершенных с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 160 УК РФ), различных по степени сложности, специфике, субъектному составу и обстоятельствам совершения деяний, которые были рассмотрены в судах Санкт-Петербурга в 2004–2024 годах (далее – «судебная практика»).

Необходимость использования криминалистических знаний, частных криминалистических методик поддержания государственного обвинения при подготовке и произнесении обвинительной речи в целом подтверждается результатами анкетирования, проведенного автором 24–26 февраля 2025 года в Санкт-Петербургском Юридическом институте (филиале) ФГКОУ УВО «Университет прокуратуры РФ» 79 слушателей программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации руководящих работников прокуратуры различных субъектов РФ, имеющих значительный опыт поддержания государственного обвинения в суде, в том числе по делам о присвоении или растрате (далее – «результаты анкетирования»). В ходе анкетирования государственным обвинителям было предложено ответить, в частности, на вопросы, касающиеся необходимости изучения материалов уголовного дела, исследования и изложения доказательств, методов и способов изложения обстоятельств дела, структуры, содержания и формы обвинительной речи, необходимости корректировки ее плана и структуры в зависимости от динамики развития судебной ситуации.

Выступление в прениях является неотъемлемой частью структуры поддержания государственного обвинения в суде. Произнесение главной речи – это решающая часть деятельности судебного оратора, в которой говорящий прилагает значительные усилия, чтобы оказать необходимое воздействие на разум и волю участников уголовного судопроизводства. В римском праве и судопроизводстве обстоятельную главную речь тяжущихся сторон именовали перорацией (лат. *Peroratio* – обстоятельная главная речь тяжущихся сторон)[17]. Завершение перорации должно сопровождаться таким просмотром обвинительных тезисов, который позволяет наглядно представить его содержание судье. Любое публичное выступление в суде является судоворечием и поэтому необходимо при-

нять во внимание, что такая речь, хотя и преследует общественно-значимые, воспитательные цели, но, прежде всего, служит задаче убедить первичную аудиторию – суд в правильности высказываемых обвинительных тезисов, аргументов и выводов. Речь прокурора в прениях узкопрофильна, она применяется именно и только в суде, то есть является официальным, специализированным выступлением государственного обвинителя, наделенного в судебном процессе конкретным процессуальным статусом и полномочиями представителя органа государственной власти.

Как справедливо отмечается в правовой доктрине, прения сторон являются «стадией судебного разбирательства, в которой активность прокурора достигает кульминации» [12, с. 35], обвинитель не может пренебречь возможностью усилить свою позицию [11, с. 45–49]; стороны высказывают позицию по делу, основанную на результатах судебного следствия [19, с. 362], обвинением используются тактические особенности, посредством которых могут быть опровергнуты доводы защиты, обеспечено вынесение приговора [14, с. 296]. Обоснованно утверждается, что задачами участников судебных прений является формирование у суда внутреннего убеждения в правильности и обоснованности позиции [13, с. 260], отмечается необходимость дать оценку преступлению и личности подсудимого, сформулировать состав преступления, проанализировать доказательства виновности, обосновать позицию в части квалификации, наказания, гражданского иска [16, с. 166].

Не вызывает сомнения, что в уголовном процессе состязательного характера государственный обвинитель должен добросовестно подготовиться к участию в прениях сторон. 41% опрошенных автором государственных обвинителей подтвердили, что часто заявляют ходатайство о предоставлении судом времени, необходимого для подготовки к прениям, 53% указали, что соответствующее ходатайство заявляется ими редко, и только 6% сообщили, что не заявляют данного ходатайства. Однако, необходимо согласиться, что привычным для большинства государственных обвинителей остается пересказ в обвинительной речи положений обвинительного заключения [18, с. 198]. Вынуждены признать, что в проанализированных автором материалах судебной практики, к сожалению, не удалось выявить выступления, которые могли бы быть использованы в качестве модели речи государственного обвинителя.

Подготовка обвинительной речи может быть выполнена в различных формах, поскольку преступление, как явление объективной действительности, обладает уникальным, неповторимым набором характеристик в зависимости, например, от субъекта, которым может быть не только продавец магазина, но и начальник следственного изолятора [2], или от размеров хищения, которые могут составлять, как незначительные суммы – 2778 рублей [7], так и особо крупные размеры – 33453 500 рублей [6].

Опрошенные автором государственные обвинители указали, что наиболее эффективной формой подготовки обвинительной речи является написание речи целиком – 78%, подготовка тезисов выступления – 19%, составление письменного плана – 3%, составление мысленного плана и выступление «экспромтом» – 1%. При изложении обстоятельств уголовного дела могут использоваться хронологический, систематический и смешанный способ изложения: 47% опрошенных автором государственных обвинителей подтвердили, что наиболее эффективный способ изложения обстоятельств уголовного дела определяется конкретной судебной ситуацией, 28% высказались за использование хронологического способа, 10% – систематического способа, 10% – за смешанный способ.

В обвинительной речи необходимо раскрыть общественную опасность деяния, указать обстоятельства, способствовавшие его совершению, высказать предложения по их устранению, не ограничиваясь заявлениями, как, например, «подробное описание преступных событий изложено в обвинительном заключении, сторона обвинения поддерживает их в полном объеме»; необходимо проанализировать исследованные доказательства и высказать соображения по разрешаемым судом вопросам, доказанности события преступления; недостаточно использовать такие формулировки, как «полагаю, что сам факт совершения этих преступлений не вызывает сомнения, поскольку в деле имеются заявления потерпевших и иные доказательства, подтверждающие, что вышеуказанные преступные деяния имели место» или «вина подсудимых в совершении преступлений подтверждается письменными материалами, исследованными в порядке ст. 285 УПК РФ, заявлениями потерпевших...» без указания конкретных доказательств и их характеристики [1].

Необходимо обосновать виновность подсудимого, не ограничиваясь такими характерными высказываниями, как, «вина подсудимого в совершении преступления при изложенных обстоятельствах подтверждается совокупностью следующих документов: показаниями свидетелей, представителей потерпевшего и иными документами, исследованными в ходе судебного следствия» [7]. Квалификация деяния должна быть обоснована по каждому пункту, части и статье уголовного закона, также, как и предложения о применении меры наказания, исходя из степени общественной опасности деяния и личности подсудимого. Недостаточно обосновывать квалификацию действий такими заявлениями, как «...полагаю, что квалификация действий А. верна, поскольку она совершила преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 160 УК РФ» [5] или типовой формулировкой «по мнению стороны государственного обвинения квалификация действий подсудимого дана верно» [9], «квалификацию преступления поддерживаю» [7] или, например, «Н. Совершил преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 160 УК РФ. Событие преступления имело место быть. Деяние совершил именно Н. Обвинение

считает верной квалификацию действий Н., как совершившего преступление, то есть в полном объеме обвинительного заключения» [2].

Такая лаконичная формулировка, как «при назначении наказания прошу учесть характеристику личности» [7] или «с учетом явки с повинной и чистосердечного раскаяния М., кроме того активно способствовавшего раскрытию преступлений... считаю необходимым назначить наказание с применением ст. 73 УК РФ» [2] не отражает характеристику подсудимого, смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства.

Рассматривая вопросы, связанные с композиционной структурой речи, профессор Н.П. Кириллова обоснованно указывает на необходимость ее определения через призму требований ст. 299 УПК РФ [13, с. 270]; с данным выводом согласны 81% опрошенных обвинителей. Метод, способ и порядок изложения, содержание структуры и элементов речи должны учитывать судебную ситуацию, требования ст. 299, 307, 308, 309, 313 УПК РФ. 67% опрошенных государственных обвинителей указали, что на структуру и содержание обвинительной речи оказывает существенное влияние позиция стороны защиты, признание или непризнание обвиняемым вины, 81% согласились, что композиционная структура речи должна корреспондироваться с содержанием ст. 299 УПК РФ, 91% считают необходимой корректировку плана обвинительной речи и выбор тактических приемов в зависимости от динамики развития судебной ситуации.

Структура обвинительной речи должна содержать введение, в котором целесообразно кратко изложить фабулу дела с учетом оценки социальной значимости и общественной опасности конкретного деяния. Целесообразно начать речь с оценок деяния, осуществить анализ условий, способствовавших его совершению, что, например, отсутствовало в обвинительной речи по делу начальника следственного изолятора, в которой отсутствует характеристика социальной значимости дела, не раскрыто социальное и морально-этическое значение, отсутствует указание на целесообразность принятия мер для устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления [2]. Аналогичные недостатки усматриваются из протоколов судебных заседаний по делу о присвоении 12275 111 рублей начальником отдела управления федерального агентства, в котором установлено, что электронная цифровая подпись руководителя использовалась подсудимым «в связи с доверительными отношениями» [8], о присвоении начальником участка стройматериалов, устными распоряжениями которого неоднократно руководствовалась охрана, например, что «руководство акционерного общества перевозит строительный материал на другой объект и необходимо пропустить автомобиль» [10].

Особенности преступлений, совершаемых в экономической сфере, требуют изложения сведений финансово-экономического характера со ссылкой на письменные доказательства – учетные доку-

менты (например, в деле генерального директора открытого акционерного общества – коммерческая и строительная документация по устранению аварийного состояния нежилого строения, проведении торгов, «обналичивании» [4]), характерные более для гражданского процесса, что устанавливает ограничения в возможности и целесообразности использования приемов ораторского мастерства. Совершение хищений с использованием своего служебного положения предполагает необходимость уделить внимание вопросам наличия полномочий, связанных с распоряжением вверенным имуществом. Игнорирование данного вопроса может привести к исключению судом из квалификации указания на квалифицирующий признак совершения преступлений «с использованием своего служебного положения».

Речь прокурора – это устный выпад участника «юридической дуэли» в состязательном процессе, выраженный в судебном противостоянии и прениях сторон, при этом ограниченный уголовно-процессуальными рамками. При осуществлении анализа доказательств, обосновании и опровержении отдельных тезисов могут быть использованы «логический» и «ораторский» приемы изложения. Используя приемы формальной логики, обвинитель «очищает» речь процессуального противника от излишних «украшений» и фигур речи, напоминая о первичной простоте исследуемого факта, и устанавливая только то, что истинно и твердо подтверждается доказательствами. Приемы ораторского мастерства, используемые с поправкой на особенности прокурорского судебного выступления, определяют, какие выражения, цитаты, речевые формулы и фигуры речи могут добавить силу и убедительность тезису обвинения и доказательствам, представленным стороной обвинения. Недопустимо использование стилистически сниженной лексики, например, таких формулировок как: «относительно показаний свидетелей, то думаю, что ...врать им не было никакого резона», «считаю, что это вопрос культуры, но хотелось бы сказать, что уши надо мыть, напомним для тех, кто плохо мыл уши» [5].

После произнесения основных речей каждая из сторон может выступить с репликой – замечанием или возражением на высказывания другого участника разбирательства; при этом на практике имеет место, как отказ государственного обвинителя от реплики [7], так и выступление с лаконичной репликой, например, «возражаю против изменения категории преступления на менее тяжкую и прекращения уголовного дела в отношении Ш. за деятельным раскаянием» [9].

По результатам эмпирического исследования были выявлены некоторые характерные недостатки обвинительных речей по уголовным делам о присвоении или растрате, рассмотренных с применением как особого, так и общего порядка принятия судебного решения:

- использование чрезмерно лаконичных формулировок при изложении обстоятельств дела,

в недостаточной степени раскрывающих особенности совершенного деяния, таких как, например, «подробное описание преступных событий изложено в обвинительном заключении, сторона обвинения поддерживает их в полном объеме» или в типовой формулировке «вина подсудимого в совершении преступлений подтверждается письменными материалами, исследованными в порядке ст. 285 УПК РФ» (81% дел);

- отсутствие обстоятельного изложения результатов исследования совокупности существенных доказательств, подтверждающих совершение деяния, использование чрезмерно лаконичных формулировок, как, например «факт совершения этих преступлений не вызывает сомнений, поскольку в деле имеются заявления потерпевших и другие доказательства» [3] либо «показания подтверждаются документами, имеющимися в деле и исследованными в судебном заседании» (72% дел, рассматриваемых в общем порядке);
- отсутствие достаточного обоснования правильности правовой квалификации действий подсудимого, использование чрезмерно лаконичных формулировок, например, «квалификация действий верна», «квалификацию преступления поддерживаю» (83% дел);
- характеристика личности не содержит основных результатов исследования совокупности существенных доказательств, в достаточной степени характеризующих личность подсудимого, раскрывающих особенности субъективного отношения к деянию, наличие/отсутствие осознания общественной опасности деяния и чистосердечного деятельного раскаяния в его совершении; характеристика ограничивается признанием факта отсутствия у подсудимого психических заболеваний и расстройств (76% дел);
- изложение и оценка обстоятельств, смягчающих/отягчающих наказание, не содержит результатов исследования доказательств и обстоятельств дела, необходимых для индивидуализации наказания, подтверждающих наличие обстоятельств, смягчающих/отягчающих наказание, раскрывающих обоснованность применения указанного обстоятельства к наказанию; использование чрезмерно лаконичных формулировок, например, «обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание, не установлено», «к обстоятельствам, смягчающим наказание прошу отнести активное содействие раскрытию и расследованию преступления» (83% дел).

По результатам эмпирического исследования материалов судебной практики предлагается использовать следующий алгоритм действий государственного обвинителя при подготовке обвинительной речи:

1. Определить структуру обвинительной речи, корреспондирующую с содержанием ст. 299 УПК

РФ, определяющей вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора, включив в речь следующие разделы: 1) Вступление, краткая характеристика, оценка социальной значимости и опасности деяния; 2) Существенные обстоятельства, нашедшие подтверждение при осуществлении судебного разбирательства; 3) Оценка результатов исследования доказательств события деяния и совершения его обвиняемым; 4) Правовой анализ деяния, наличия в нем фактического состава преступления, нашедшего подтверждение при осуществлении судебного разбирательства, обоснование квалификации, с указанием соответствующего пункта, части и статьи УК РФ; 5) Обоснование виновности/невиновности подсудимого, подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное преступление; 6) Обстоятельства, причины и условия, способствовавшие совершению преступления; 7) Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание с учетом личности подсудимого; 8) Наличие/отсутствие оснований для изменения категории преступления на менее тяжкую, переквалификации, постановления оправдательного приговора; 9) Наказание: основное, дополнительное, вид, срок, условия отбывания, основания для замены наказания, постановления приговора без назначения наказания, наказания в виде штрафа, освобождения от наказания, прекращения уголовного дела с освобождением от уголовной ответственности и назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, применения отсрочки отбывания, назначения условного осуждения и испытательного срока, определение вида исправительного учреждения и режима; 10) Гражданский иск: признание права на удовлетворение гражданского иска, в чью пользу и в каком размере, возможность удовлетворения или отказа в удовлетворении иска в уголовном процессе, необходимость передачи гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства; 11) Судьба имущества, на которое наложен арест для обеспечения исполнения наказания или гражданского иска, а также вещественных доказательств; 12) Мера пресечения: отмена/изменение; 13) Совершение нескольких преступлений: изложение вышеуказанных вопросов по каждому преступлению в отдельности; 14) Совершение преступления несколькими подсудимыми: изложение вышеуказанных вопросов в отношении каждого подсудимого в отдельности, с определением роли и степени его участия в совершенном деянии.

2. Оценить доказанность вины и существенных обстоятельств дела с учетом основных результатов судебного следствия.

3. Учесть в делах, рассматриваемых с применением особого порядка принятия судебного решения, что в прениях затрагиваются только вопросы, являющиеся предметом исследования при проведении судебного разбирательства в особом порядке: характеристика личности подсудимого, обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание. Государственный обвинитель не вправе игно-

рировать сведения (в том числе, положительные) о личности подсудимого, обстоятельствах личной жизни, поскольку они могут иметь отношение к доказыванию корыстной цели, мотивов деяния, назначению наказания. Оценка личности осуществляется с учетом доказанных фактов, имеющих юридическое значение для вынесения приговора.

4. Определить, хронологический, систематический или смешанный способ целесообразно использовать для изложения обстоятельств дела, избрав хронологический способ (изложение обстоятельств в последовательности, в которой они имели место в действительности) или систематический способ (изложение в последовательности, в которой обстоятельства устанавливались следствием). При изложении обстоятельств многоэпизодных дел использовать смешанный способ, сочетающий элементы хронологического и систематического. Доказательства многоэпизодного дела излагать после каждого эпизода либо после изложения всех эпизодов уголовного дела.

5. В случае, если подсудимый признал себя виновным, а судебным следствием подтверждено предъявленное обвинение, рекомендуется начать обвинительную речь с показаний подсудимого, изложение фактических обстоятельств дела может быть сокращено, а морально-психологические и профилактические элементы речи усилены. В случае, если подсудимый не признал себя виновным или признает себя виновным в совершении иного, менее тяжкого преступления или обстоятельства преступного деяния подтвердились в судебном следствии частично, отдельные доказательства были исключены или опровергнуты, изложение фактических обстоятельств должно быть более подробным, а их изложение рекомендуется начать с наиболее убедительных, подтверждающих вину.

6. Выбрать для использования наиболее существенные доказательства и сведения, отраженные в учетной документации, основные выводы судебных экспертиз, заключений специалистов, актов проверок, контроля, отказавшись от использования части цифрового и фактического материала, которая не имеет непосредственного отношения к доказыванию вины и квалификации деяния.

7. Обосновать при изложении обстоятельств многоэпизодных дел, совершения субъектом противоправных действий в течение длительного периода или в отношении нескольких лиц, охватывается ли рассматриваемое деяние единым умыслом, рассматривается ли оно как длящееся или продолжаемое преступление, состоящее из тождественных преступных действий или как совокупность самостоятельных преступлений.

8. Выделить для более подробного изложения по многоэпизодным делам характерные, существенные однотипные эпизоды совершения хищения тождественным образом, в той же обстановке и условиях, которые убедительно подтверждены достаточной совокупностью допустимых доказательств.

9. Раскрыть и доказательно подтвердить наличие у подсудимого прямого умысла, корыстной цели, отсутствие намерения возратить похищенное или временно использовать его без обращения в свою собственность, отсутствие действительно или предполагаемого права на имущество.

10. Оценить законность, обоснованность гражданского иска, расчета суммы иска, поддержав требования о возмещении прямого ущерба в размере, причиненном преступлением. Если иск включает сложные для проверки уголовным судом расчеты, требования о возмещении не прямых убытков, упущенной выгоды, морального вреда рекомендуется предложить передать рассмотрение гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства.

11. Изменить обвинение в сторону смягчения, в том числе путем исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание, или переквалифицировать деяние в соответствии с нормой УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание, или отказаться от обвинения при наличии достаточных исследованных в судебном следствии доказательств, безусловно опровергающих выводы обвинительного заключения.

12. При подготовке реплики: 1) использовать лаконичные формулировки, восстанавливающие истинный смысл и содержание искаженных стороной защиты тезисов обвинения, 2) указать на допущенные стороной защиты неточности, ошибочную интерпретацию результатов судебного следствия, смысла правовых норм, 3) возразить против использования защитой недопустимых или неисследованных судом доказательств.

13. По возможности подготовить для предоставления суду проект формулировок решений по вопросам, указанным в п. 1–6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ в письменном виде в соответствии с требованиями ч. 7 ст. 292 УПК РФ.

Выводы

1. Содержание и структура обвинительной речи, объем, содержание и последовательность расположения элементов определяются конкретными особенностями и обстоятельствами дела, судебносудебной ситуацией, результатами исследования совокупности доказательств, позицией стороны защиты, признанием или непризнанием вины подсудимым, особенностями его личности, правовой и фактической сложностью и трудоемкостью дела.

2. Обвинительная речь прокурора должна быть убедительной, юридически грамотной, лаконичной, стилистически корректной, с использованием лексики, характерной для официально-делового стиля. Речь предлагается произносить «в связном и последовательном изложении, со спокойным достоинством исполняемого долга, без пафоса, негодования и преследования какой-либо иной цели, кроме правосудия, которое достигается не непременно согласием суда с доводами обвинителя, а непременно выслушиванием их» [15, с. 125].

Рекомендуется воздержаться от излишнего ускорения темпа речи, неуместных высказываний, логических и риторических приемов и чрезмерных оценок, использования просторечной или узкоспециальной финансово-экономической лексики, что может привести к нежелательной эмоциональной окраске речи, снижению ее интеллектуального уровня и понимания, созданию впечатления необъективности или некомпетентности государственного обвинителя.

3. Целесообразно отказаться от выступления «экспромтом», ввиду практической невозможности без достаточной подготовки полно, логично и безошибочно изложить вопросы, касающиеся финансово-экономической и хозяйственной деятельности, сведения, содержащиеся в учетной документации, заключениях экспертов и специалистов, цифровой материал. Рекомендуется составить письменный план, содержащий аргументированное, основанное на исследованных доказательствах изложение тезисов либо с учетом правовой и фактической сложности и трудоемкости подготовить речь в письменном виде.

4. Рекомендуется руководствоваться нормативно установленными рамками изложения и доказывания обвинительного тезиса, с учетом требований ст. 299 УПК РФ, логических законов построения судебной речи и ее аргументации, использовать формулу тезиса, аргументов и демонстрации.

5. Первичную аудиторию обвинительной речи составляет суд, в связи с чем рекомендуется исходить из предпосылки, что основной задачей перорации является оказание интеллектуального воздействия на процесс формирования внутреннего убеждения судьи в доказанности, законности, обоснованности обвинительного тезиса. Вторичную аудиторию составляют подсудимый и иные участники уголовного судопроизводства, в связи с чем рекомендуется включать в обвинительную речь элементы воспитательного и профилактического воздействия в целях исполнения функции надзора за соблюдением законодательства, прав и свобод человека и гражданина, разъяснения участникам судопроизводства целей, содержания и задач уголовного преследования лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния.

6. Для дел существенной правовой и фактической сложности и трудоемкости характерно наличие значительного количества таких доказательств, как первичные учетные документы, содержащие сведения финансово-экономического характера. При использовании указанных материалов целесообразно избегать перегруженности речи цифровыми данными, имеющими дополнительный характер, обильного цитирования, сплошного зачитывания «с листа». При использовании материалов судебных экспертиз и заключений специалистов, актов ревизий и проверок рекомендуется акцентировать внимание на выводах, имеющих непосредственное значение для оценки доказательств и разрешения уголовного дела.

Литература

1. Материалы уголовного дела № 2–34/2004/Архив Санкт-Петербургского городского суда
2. Материалы уголовного дела № 2–148/2012 (2–42/2013)/Архив Санкт-Петербургского городского суда
3. Материалы уголовного дела № 1–36/2020/Архив Санкт-Петербургского городского суда
4. Материалы уголовного дела № 1–7/2021/Архив Санкт-Петербургского городского суда
5. Материалы уголовного дела № 2–6/2022/Архив Санкт-Петербургского городского суда
6. Материалы уголовного дела № 1–328/2023/Архив Санкт-Петербургского городского суда
7. Материалы уголовного дела № 1–350/2018/Архив Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга
8. Материалы уголовного дела № 1–306/2022/Архив Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга
9. Материалы уголовного дела № 1–534/2022/Архив Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга
10. Материалы уголовного дела № 1–163/2023/Архив Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга
11. Гатауллин, З.Ш. Обоснование обвинения в прениях сторон / З.Ш. Гатауллин // Российская юстиция. – 2009. – № 6. – С. 45–49.
12. Кириллова, Н.П. Процессуальные и криминалистические особенности поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции / Н.П. Кириллова. – Санкт-Петербург: Институт повышения квалификации прокурорско-следственных работников Генеральной прокуратуры РФ, 1996. – 56 с.
13. Кириллова, Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел / Н.П. Кириллова; Н.П. Кириллова. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. – 408 с.
14. Кисленко, С.Л. Концептуальные основы криминалистического обеспечения деятельности по поддержанию государственного обвинения в суде первой инстанции: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Кисленко Сергей Леонидович, 2023. – 514 с.
15. Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1967. – 544с.
16. Ломакина Н.Г. Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения по делам о неправомерном завладении автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угоне): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ломакина Наталья Георгиевна, 2008. – 208с.

17. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей: Первое послереволюц. изд. на основе пер. В. Модестова и чл. О-ва клас. филологии и педагогики Ф. Гельбке [и др.: В 3 т.]. – М.: Олма-Пресс, 2001. 575с.
18. Посохина И.В. Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Посохина Ирина Валерьевна, 2006. – 235с.
19. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008. – 704 с.

SOME CRIMINALISTIC AND PROCEDURAL ASPECTS OF THE PROSECUTOR'S ACCUSATORY SPEECH IN COURT PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES OF EMBEZZLEMENT OR MISAPPROPRIATION.

Ilin F.I.

St. Petersburg State University

The improvement of the effectiveness of activities related to the maintenance of state prosecution is facilitated by the development of scientific and practical issues related to the peculiarities of preparing and presenting the arguments of the state prosecutor during the parties' presentations. Recommendations of a scientific and practical nature are proposed, along with specific action algorithms for the preparation and delivery of the accusatory speech during the parties' presentations. These include determining the peculiarities, forms of preparation, structure, and delivery of the accusatory speech, its objectives, compositional structure, elements, and tactical aspects. Additionally, they cover summarizing the judicial investigation, justifying the prosecution's position, employing tactical techniques to refute the arguments of the defense, evaluating the examined evidence, presenting arguments to the court regarding the proof of guilt, qualification of the crime, and the type and measure of punishment. The results of theoretical and empirical study of these issues are included in the relevant section of the practice-oriented private criminalistic methodology developed by the author to support the state prosecution in the court of first instance in criminal cases of theft in the form of embezzlement or misappropriation with the usage of one's official position, equipped with doctrinal justification and numerous information and analytical references to judicial practice materials.

Keywords: Criminalistic support, prosecutor's accusatory speech in the parties' presentations, embezzlement and misappropriation.

References

1. Criminal case materials No. 2–34/2004/Archive of the St. Petersburg City Court
2. Criminal case materials No. 2–148/2012 (2–42,2013)/Archive of the St. Petersburg City Court
3. Criminal case materials No. 1–36/2020/Archive of the St. Petersburg City Court
4. Criminal case materials No. 1–7/2021/Archive of the St. Petersburg City Court
5. Criminal case materials No. 2–6/2022/Archive of the St. Petersburg City Court
6. Criminal case materials No. 1–328/2023/Archive of the St. Petersburg City Court
7. Criminal case materials No. 1–350/2018/Archive of the Vasileostrovsky District Court of St. Petersburg
8. Criminal case materials No. 1–306/2022/Archive of the Vasileostrovsky District Court of St. Petersburg
9. Criminal case materials No. 1–534/2022/Archive of the Vasileostrovsky District Court of St. Petersburg
10. Criminal case materials No. 1–163/2023/Archive of the Vasileostrovsky District Court of St. Petersburg

11. Gataullin, Z.SH. Justification of prosecution in hearing of arguments / Z.SH. Gataullin // Russian justice. – 2009. – № 6. – P. 45–49.
12. Kirillova, N.P. Procedural and criminalistic peculiarities of maintaining the state prosecution in the court of first instance / N.P. Kirillova. – St. Petersburg: Institute for professional development of prosecutors and investigators of General Prosecutor's Office of Russian Federation, 1996. – 56 c.
13. Kirillova N.P. Procedural functions of professional participants in adversarial criminal proceedings. Monograph. / N.P. Kirillova – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2007. – 408 p.
14. Kislenco, S.L. Conceptual Foundations of Criminalistic Support for the Maintenance of Public Prosecution in the Court of First Instance: dissertation for the degree of Doctor of Legal Sciences/ Kislenco Sergey Leonidovich, 2023. – 514 p.
15. Koni A.F. Techniques and Tasks of the Prosecutor's Office // Collected Works. In 8 vols. Vol. 4. Moscow: Iuridicheskaya literatura, 1967. – 544p.
16. Lomakina, N.G. Criminalistic aspects of maintaining the public prosecution in cases of unlawful possession of a car or other vehicle without the purpose of theft (hijacking): dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Lomakina Natalia Georgievna, 2008. – 208p.
17. Lubker, F. The Real Dictionary of Classical Antiquity: First post-revolutionary edition with additions and corrections by Professor V. Modestov. [et al: In 3 vols.]. – Moscow: Olma-Press, 2001. – 575p.
18. Posokhina, I.V. Criminalistic Aspects of Maintaining Public Prosecution in Cases of Bribery: dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Posokhina Irina Valerievna, 2006. – 235p.
19. Criminal procedure: textbook / Smirnov A.V., Kalinovskii K.B.; Smirnov A.V. (Ed.). 4th edition, revised and enlarged. –Moscow: KNORUS, 2008, – 704 p.

Сравнительно-правовой анализ понятий «объективная истина» и «юридическая истина» в контексте принципа состязательности уголовного процесса

Крипиневич Светлана Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной
E-mail: s.kripinevich@yandex.ru

Канаев Владимир Николаевич,

студент Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
E-mail: v.kanaev04@list.ru

Манилов Антон Александрович,

студент Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
E-mail: Trojan32.win@inbox.ru

В статье исследуются понятия истины в уголовном процессе, рассматриваются различные подходы к пониманию истины – формально-материальной (юридической) и объективной. Анализируются историко-правовые аспекты формирования отечественной правовой традиции, а также влияние зарубежных правовых систем на современное уголовное судопроизводство. Делается вывод о том, что российское уголовное судопроизводство, будучи процессом смешанного типа, сочетает в себе элементы как англо-саксонской правовой семьи, так и романо-германской (континентальной). На основе проведённого анализа предлагается внести изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство с целью обеспечения справедливости при отправлении правосудия.

Ключевые слова: объективная (материальная) истина, формально-юридическая истина, состязательность, меры пресечения, судопроизводство, правовая семья.

Находясь постоянно в социуме, вступая в многочисленные общественные и правовые отношения с другими людьми, человек ежедневно вынужден анализировать происходящие события для принятия им того или иного решения. Принятие решения – это важное действие, предопределяющее дальнейшее поведение субъекта, которое отразится на его судьбе. Инструментом, выступающим ориентиром в области сложных и запутанных логических цепочек, позволяющим правильно понять ситуацию, выступает такое понятие, как истина. В науке есть множество точек зрения относительно того, каким критериям должна отвечать истина, среди которых можно выделить: соответствие логическим законам, соответствие фундаментальным законам и аксиомам, возможность практического применения, ясность и очевидность. В числе множества критериев главенствующее положение, на наш взгляд, занимает возможность практического применения. Данный тезис можно подтвердить высказыванием великого русского полководца А.В. Суворова: «Теория без практики мертва, практика без теории слепа». Действительно, пока какое – то положение, выраженное в форме суждения, теории, концепции не будет проверено на практике, оно останется в форме гипотезы. Таким образом, возможность практического применения является элементом, формирующим истину из обычного предположения.

Для дальнейшего раскрытия отдельных аспектов и сравнительно-правового анализа исследуемого понятия представляется необходимым начать с ее (истины) определения. Аристотель полагал, что истина – это соответствие знания объекту, действительности. Фома Аквинский говорил: «Истина есть тождество вещи и представления». Отмечая ценность приведенных позиций ученых, позволим себе сформулировать собственное теоретическое определение понятия истины.

Истина – это объективное и конкретное знание, соответствующее своему предмету, отраженное в сознании познающего субъекта независимо от его воли и желания.

Гегель, к примеру, рассматривает истину как процесс, в котором абсолютная истина реализуется через относительные истины. Эти относительные истины представляют собой временные и неполные соответствия между мышлением и реальностью, которые со временем уточняются и развиваются. Истина не является статичной или универсальной; она всегда зависит от конкретных

условий и контекста. Любое истинное утверждение может потерять свою актуальность, если его условия изменяются, подчеркивая предельный характер истины в философском дискурсе; абсолютная истина, представленная фиксированными законами, противоречит единству мышления. Эти законы, будучи изолированными, теряют свою форму и не являются истинными для мышления, так как воспринимаются как абсолютные. Они должны рассматриваться как моменты знания, а не как законы. Процесс наблюдения лишь преобразует объект, указывая на недействительность законов мышления. Истина этих законов заключается в целостном мыслительном процессе, который представляет само знание [1; С.156].

Истина существует во всех сферах жизнедеятельности людей, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства, где она приобретает особую роль и значение при разрешении уголовно-правовых конфликтов.

Как известно, уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

- 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод¹.

Очевидно, что для достижения установленных законодателем целей от лиц, осуществляющих уголовное преследование и суда, требуется принятие всех необходимых мер к установлению истинных знаний по уголовному делу.

Институт объективной истины в уголовном процессе берет свое начало со времен правления Алексея Михайловича. В 1649 году было принято Соборное уложение, которое стало главным нормативным актом Русского царства. Данный свод законов устанавливал, что судам нужно рассматривать дела с целью установления истины, то есть осуществлять правосудие «в правду». Для того что бы установить истину, а затем вынести справедливое решение, суд должен был внимательно изучить позиции участников судопроизводства и предоставленные ими доказательства. При Петре I был принят кодекс «Краткое изображение процессов или судебных тяжб», регламентировавший вопросы, касающиеся судебного процесса. Данный документ устанавливал «знать права и разуметь правду, ибо не разумеющий правды не может рассудить её», что обязывало суд устанавливать истину при рассмотрении дела.

Александр II в судебной реформе 1864 года четко закрепил такой правовой институт, как установление истины судом по уголовному делу. «Устав уголовного судопроизводства» 1864 года устанавливал целью уголовного процесса – обнаружение материальной истины, получение объективных и достоверных знаний. На продолжительном периоде истории, начиная с судебной реформы 1864 и до принятия УПК РФСФСР 1922 года в россий-

ском уголовном процессе последовательно прослеживалась идея о том, что целью судопроизводства является выявление и установление объективной истины произошедшего события.

Наиболее четко положение об объективной истине было закреплено в УПК РСФСР 1960 года, который установил полноту, объективность и всесторонность в качестве базовых принципов уголовного процесса. В ситуациях, когда прямые доказательства не позволяли установить все существенные обстоятельства дела, допускалось использование косвенных доказательств. Действующий УПК РФ 2001 года, в отличие от всех своих предшественников, не содержит прямого требования устанавливать объективную истину по уголовному делу. В 2002 году законодатель, отменяя принцип установления объективной истины по делу при обосновании своей позиции указывал на то, что установление объективной истины не соответствует современным тенденциям уголовного процесса, где основополагающим принципом является состязательность сторон, поскольку в таких условиях на первый план выходит *юридическая истина*. Данная истина формируется в результате «противоборства» сторон обвинения и защиты, каждая из которых стремится убедить суд в своей правоте, представляя доказательства и аргументы при отстаивании своей позиции. Суд, руководствуясь процессуальными нормами, оценивает представленные материалы и выносит решение, не претендуя на полное соответствие фактам. Необходимо отметить, что в качестве цели доказывания истина определена, например, в Уголовно-процессуальном кодексе Федеративной Республики Германия (абзац 2 параграфа 244), а также в Уголовно-процессуальном кодексе Франции (статья 310) как базовая ценность романо-германского уголовного процесса, к которому традиционно тяготеет российское уголовное судопроизводство².

Однако в 2014 году была предпринята попытка вернуть институт объективной истины в уголовно – процессуальное законодательство. Так, 29.01.2014 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 440058–6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». В пояснительной записке обосновывалась значимость данного законопроекта, в связи с этим можно выделить следующее положение: ориентированность процесса доказывания по уголовному делу на достижение объективной истины является необходимым условием правильного разрешения уголовного дела и отправления справедливого правосудия³. Далее приводился тезис о том, что

² Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sledcom.ru/document/1136> (дата обращения: 14.03.25)

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института

¹ Ст. 6 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» – от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025)

в действующем законодательстве реализована модель судопроизводства, содержащая черты англо-американской модели судопроизводства, для которой характерно наличие суда, имеющего роль пассивного наблюдателя, который не принимает активного участия в сборе доказательств, поскольку это может нарушать другой принцип судопроизводства – беспристрастность. В рамках такой системы полномочия суда сосредоточены на обеспечении благоприятных условий для представления сторонами своих доводов и формирования позиций, при этом решающее значение отводится убедительности аргументации сторон, на основе которой и принимается судебное решение. При этом судья не должен принимать меры к выяснению действительных обстоятельств уголовного дела, поэтому в таком процессе приоритетной является не объективная, а формально-юридическая истина, определяемая позицией стороны, победившей в споре, даже если она не соответствует действительности¹. В отличие от англосаксонской модели, континентальная (к которой традиционно тяготеет Российская Федерация) ставит целью достижение подлинного, всестороннего и объективно истинного понимания произошедшего преступления. Это понимание является основополагающим при принятии итогового решения по уголовному делу.

При этом, многие ученые и практические работники такое «возвращение» к истокам восприняли неоднозначно. Например, Верховный суд Российской Федерации не поддержал законопроект об объективной истине.

Так, Владимир Александрович Давыдов, председатель Судебной коллегии Верховного суда по уголовным делам, заявлял, что если следователь не проверил все версии и не собрал все необходимые доказательства, то неправильно возлагать эти обязанности на суд. По мнению В.А. Давыдова, задача суда состоит в том, чтобы восстановить картину преступления и установить истинные обстоятельства произошедшего. Для этого судьи используют различные инструменты, например, имеют право назначать дополнительные экспертные исследования или вернуть дело в орган предварительного расследования для дальнейшего расследования.

Противоположную позицию по данному законопроекту заняли представители Следственного комитета Российской Федерации. Так, Александр Иванович Бастрюкин заявил, что для обеспечения конституционных гарантий справедливого правосудия и повышения доверия общества к судебной системе, необходимо закрепить в Уголовно-

установления объективной истины по уголовному делу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/440058-6?ysclid=m81bnx6smd940932269#bh_note (дата обращения: 14.03.25)

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/440058-6?ysclid=m81bnx6smd940932269#bh_note (дата обращения: 14.03.25)

процессуальном кодексе РФ принцип установления объективной истины по уголовному делу.

Современная модель уголовного судопроизводства, ориентированная на состязательность сторон, зачастую ограничивает роль суда функцией пассивного наблюдателя. Распространенный аргумент против активной роли суда в собирании доказательств заключается в опасениях относительно возможной утраты беспристрастности суда, что потенциально может привести к формированию обвинительного или оправдательного уклона. В действующей системе судопроизводства суд преимущественно обеспечивает реализацию процессуальных прав сторон и соблюдение установленного порядка судебного разбирательства, не имея достаточных полномочий для самостоятельного поиска и оценки доказательств, необходимых для установления всех обстоятельств дела. В 2014 году Генеральный прокурор Юрий Яковлевич Чайка критично отозвался о законопроекте восстановления института «объективной истины», который был разработан в Следственном комитете. По мнению Ю.Я. Чайки, принятие законопроекта будет относить суд к стороне обвинения, что противоречит конституционным принципам осуществления правосудия.

Исходя из приведенных позиций, можно сделать вывод, что Верховный суд РФ и Генеральная прокуратура РФ выступили против законопроекта, поскольку принятие законопроекта будет означать возложение дополнительной нагрузки на суд для установления объективной истины путем активных действий, а значит это может нарушить базовый принцип беспристрастности суда. Однако Следственный комитет РФ выступал за принятие законопроекта, поскольку это способствовало бы установлению истинного знания об обстоятельствах дела; стимулированию суда к активному сбору доказательств; вероятному сокращению обвинительного уклона при постановлении приговоров, так как в большинстве случаев доказательства «сильнее» у стороны обвинения, поскольку это обусловлено тем, что сторона обвинения обладает всей полнотой доказательственной базы, собранной на стадии предварительного расследования.

Проанализируем положения УПК РСФСР 1960 года, и сравним с действующей редакцией.

1. Применение мер пресечения (Ст. 89) УПК РСФСР 1960 года: применение мер пресечения в случае наличия достаточных оснований для опасений, что обвиняемый может скрыться, **воспрепятствовать установлению истины** или продолжать преступную деятельность. В качестве мер пресечения предлагались подписка о невыезде, личное поручительство и заключение под стражу.

Применение мер пресечения (Ст. 97): в действующем УПК РФ меры пресечения могут быть применены дознавателем, следователем или судом при наличии оснований полагать, что подозреваемый может скрыться, продолжать преступную деятельность или угрожать участникам процесса.

2. Отложение и приостановление разбирательства (Ст. 257 УПК РСФСР): суд откладывал разбирательство в случае неявки вызванных лиц или необходимости истребования новых доказательств. Если подсудимый скрывался или имел тяжелое заболевание, исключающее его явку, производство в отношении него приостанавливалось до розыска или выздоровления. Если раздельное разбирательство **затруднит установление истины**, все производство по делу приостанавливается.

УПК РФ Статья 253¹ «Отложение и приостановление судебного разбирательства»: Суд может отложить разбирательство в случае неявки вызванных лиц или технических неполадок, принимая меры к вызову неявившихся и истребованию доказательств. При сокрытии подсудимого или его тяжелом заболевании, препятствующем его участию в судебном разбирательстве, производство приостанавливается до его розыска или выздоровления, с возможностью продолжения судебного разбирательства в отношении остальных подсудимых.

В УПК РСФСР акцент был сделан на установлении истины как одной из причин применения мер пресечения, что подчеркивало важность обеспечения эффективности правосудия. Наличие положения об истине указывает на то, что отложение или приостановление судебного разбирательства рассматривалось как способ обеспечить справедливый процесс и установление истины.

Следовательно, необходимо заключить, что, несмотря на отсутствие в действующем УПК РФ прямого указания закона на необходимость установления истины по уголовному делу, основные принципы обеспечения правосудия и защиты интересов участников процесса остаются. Однако, как представляется, такое изменение акцентов может повлиять на восприятие роли истины в уголовном процессе и на практическое применение норм.

Приведем позиции ученых касательно вопроса соотношения истины материальной (объективной) и формально-юридической.

Так, А.А. Тарасов в своем научном труде приходит к выводу о том, что исследуемые понятия не имеют отличий, а все возникающие споры базируются на искусственном антинормии ключевых понятий [2; С.203].

В.С. Шадрин, проанализировав оба понятия, пришел к выводу о том, что российское уголовное судопроизводство, будучи смешанным типом процесса, сочетает в себе оба исследуемых понятия, что обосновывается, с одной стороны, состязательностью процесса, характерного для стран англо-саксонской правовой семьи, а с другой стороны, верховенством закона, [3; С.226].

П.С. Пастухов, исследуя юридическую истину, отмечает, что установление истины в процессе уголовного разбирательства должно быть гибким и адаптивным. Если стороны достигают компромисса, который устраивает всех участников или по крайней мере не вызывает возражений, то со-

стязательность не должна перерастать в бесполезный конфликт. В таких случаях нет необходимости стремиться к абсолютно полному и исчерпывающему установлению истины, поскольку она может не иметь той же значимости, как в условиях активного спора. Таким образом, цели уголовного процесса, заключающиеся в защите прав его участников, могут и должны достигаться через компромисс, основанный на законодательных нормах или в ходе состязательного разбирательства. При условии, что уголовное дело рассматривается в суде на общих основаниях, правильное и профессиональное применение принципа состязательности позволяет судебной власти найти разумный баланс между интересами обвиняемых и необходимостью достижения истины, достаточной для реализации уголовной ответственности [4; С.162].

Интересной, наш взгляд, представляется позиция З.В. Макаровой, которая пришла к выводу о том, что истина является постижимой разумом и не может зависеть от личных мнений, особенно в контексте уголовного процесса. В этом процессе истина проявляется через юридическую оценку преступления и личности правонарушителя, основанную на логически обоснованных процессуальных решениях. В современном постмодернистском обществе распространено мнение о том, что истины не существует, а есть лишь разнообразие мнений и текстов, которые считаются равноправными. Это создает психологическую выгоду как для авторов, так и для читателей, позволяя им чувствовать себя выше тех, кто придерживается традиционных знаний. Если мы принимаем идею о том, что истины не существует ни в каких вопросах, это может привести к тому, что в уголовном процессе мнения различных участников – следователя, прокурора, адвоката и суда – становятся равнозначными, а сама истина теряет свое значение. В связи с этим предлагается исключить из требований к приговору Уголовно-процессуального кодекса РФ необходимость обоснованности и справедливости, оставив лишь требование законности. Однако без истины невозможно достичь справедливости в уголовном процессе; истину необходимо осознать и обосновать, а не ограничиваться лишь собственным мнением [5; С.127].

В результате проведенного исследования следует сделать вывод о том, что истина в уголовном процессе до сих пор является неоднородным понятием. Ввиду технологического прогресса, активной цифровизации общественных отношений, а также ввиду того, что российский уголовный процесс является процессом смешанного типа, однозначно прийти к единообразному мнению о правовой природе истины современного отечественного уголовного процесса не представляется возможным. Следовательно, полагаем целесообразным дальнейшее развитие и совершенствование законодательства, так как, с одной стороны, установлена состязательность процесса, характерная для стран запада, с другой стороны, правовая семья Российской Федерации – континентальная

¹ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025)

(романо-германская), ввиду чего судебный прецедент не является основным источником права.

Признавая позиции Верховного суда РФ, Генеральной прокуратуры РФ и Следственного комитета, приведенные ранее, предлагаем внести изменения в статью 15 УПК РФ и ввести новый подход к установлению истины по уголовному делу. Как представляется, этот подход будет аналогичен объективной истине и будет соответствовать романо-германской системе уголовного процесса, к которой стремится Российская Федерация.

В этой связи предлагаем внести изменения в действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, а именно в ч. 3 ст. 15 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Суд не выступает в роли органа уголовного преследования и не занимает сторону обвинения или защиты. Он создает необходимые условия для выполнения сторонами процессуальных обязанностей и реализации предоставленных им прав. В случае недостатка доказательств, представленных сторонами, суд должен проявлять активность для выяснения истинных обстоятельств дела с целью вынесения обоснованного и справедливого решения.

Таким образом суд будет осуществлять активное собирание доказательств исключительно в ситуациях, когда представленные сторонами доводы оказываются недостаточными, а не в качестве приоритетной функции. Полагаем, что данный подход позволит оптимизировать нагрузку на судебную систему и содействовать более точному установлению фактических обстоятельств рассматриваемого дела.

Снижение нагрузки на суд за счет активного собирания доказательств только в случаях недостаточности представленных сторонами данных позволит оптимизировать процессуальные ресурсы, уменьшить количество повторных заседаний, стимулировать стороны к тщательной подготовке, снизить риски судебных ошибок. Это приведет к более быстрому и эффективному разрешению дел, повышая при этом качество правосудия.

Литература

1. Гегель Георг Вильгельм Фридрих Феноменология духа. М.: Наука, 2000–495 с. (Серия «Памятники философской мысли»)
2. Тарасов, А.А. Юридическая истина – правовой инструмент или предмет спекуляций/ А.А. Тарасов // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16–17 марта 2018 года / Под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 196–204.
3. Шадрин, В.С. Истины объективная и юридическая (формальная) и средства их достижения в уголовном процессе/ В.С. Шадрин // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: Ма-

териалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16–17 марта 2018 года / Под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 218–228.

4. Пастухов, П.С. Какой характер истины достаточен для реализации механизма уголовной ответственности? / П.С. Пастухов // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16–17 марта 2018 года / Под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 153–164.
5. Макарова, З.В. Что есть истина в уголовном процессе / З.В. Макарова // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16–17 марта 2018 года / Под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 125–130.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE CONCEPTS OF “OBJECTIVE TRUTH” AND “LEGAL TRUTH” IN THE CONTEXT OF THE PRINCIPLE OF ADVERSARIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Kripinevich S.S., Kanaev V.N., Manilov A.A.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article explores the concepts of truth in criminal proceedings, examines various approaches to understanding the truth – formal, material (legal) and objective. The article analyzes the historical and legal aspects of the formation of the national legal tradition, as well as the influence of foreign legal systems on modern criminal proceedings. It is concluded that Russian criminal proceedings, being a mixed-type process, combine elements of both the Anglo-Saxon legal family and the Romano-Germanic (continental) one. Based on the analysis, it is proposed to amend the current criminal procedure legislation in order to ensure fairness in the administration of justice.

Keywords: objective (material) truth, formal and legal truth, competition, preventive measures, judicial proceedings, legal family.

References

1. Hegel, Georg Wilhelm Friedrich, *The Phenomenology of the Spirit*. Moscow: Nauka, 2000–495 p. (Series “Monuments of philosophical thought”)
2. Tarasov, A.A. Legal truth – a legal instrument or a subject of speculation/ A.A. Tarasov // *Legal truth in criminal law and process: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, March 16–17, 2018* / Under the general editorship of K.B. Kalinovskiy, L.A. Zashlyapin. Saint Petersburg, 2018. pp. 196–204.
3. Shadrin, V.S. Objective and legal (formal) truths and means of achieving them in criminal proceedings / V.S. Shadrin // *Legal truth in criminal law and process: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, March 16–17, 2018* / Under the general editorship of K.B. Kalinovskiy, L.A. Zashlyapin. Saint Petersburg, 2018. pp. 218–228.
4. Pastukhov, P.S. What kind of truth is sufficient to implement the mechanism of criminal responsibility? / P.S. Pastukhov // *Legal truth in criminal law and trial: Mothers*
5. Makarova, Z.V. What is truth in criminal procedure / Z.V. Makarova // *Legal truth in criminal law and process: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, March 16–17, 2018* / Under the general editorship of K.B. Kalinovskiy, L.A. Zashlyapin. – St. Petersburg, 2018. – pp. 125–130.

Противоречия между общей и особенной частью УК РФ: на примере ст. 282.1 УК РФ

Коваленко Азамат Александрович,

аспирант кафедры уголовно-правовых наук Северо-Осетинского Государственного Университета имени К.Л. Хетагурова
E-mail: azambzik@gmail.com

Автором анализируются преступления, предусмотренные ст. 282.1 УК РФ, признаки состава преступления, как объективные, так и субъективные его уголовно-правовые особенности связанным с его экстремистской направленностью. Разобраны объективные и субъективные признаки, и противоречивые особенности, конкретно в нашем случае: признак организованности сообщества как элемент преступного сообщества, противоречия гипотезы и диспозиции статей УК РФ, проявляющиеся в несогласованности общих признаков преступного сообщества и его вида – экстремистского сообщества, которые не являются определяющим для деятельности экстремистской направленности и являются рудиментом. Помимо прочего автором раскрывается понятие экстремистского сообщества, его виды, отношение законодателя к данному преступному формированию и отличительные особенности, выделяющие экстремистское сообщество от прочих преступных групп, а также цель создания экстремистского сообщества, которая присуща только преступным сообществам.

Автор также предлагает рассмотреть новую редакцию ч. 4 ст. 35 и ч. 1 ст. 282.1 УК РФ, для приведения общей и специальной частей в соответствие относительно друг друга и остальных статей УК РФ, а также возраст уголовной ответственности для субъекта ч. 2 ст. 282.1 УК РФ в связи с повышенной общественной опасностью такого рода преступлений.

Ключевые слова: экстремистское сообщество; преступления в соучастии; организованная группа; организованная преступность; экстремистская деятельность; уголовный кодекс; общая часть.

Одним из направлений улучшения правоприменительной практики противодействия преступлениям выступает устранение законодательных противоречий и соответственно, правильная их квалификация.

За период с 2020 года по 2024, количество уголовных дел по статьям за совершение преступлений экстремистской направленности увеличилось более почти в два раза, с 833 до 1719 дел. В связи с этим актуальность рассмотрения и устранения противоречий в положениях УК РФ и предложить возможные варианты решения противоречий (рис. 1).

Рис. 1. [1]

И при этом необходимо также учитывать, что в вышеуказанную статистику МВД не включены административные правонарушения.

Экстремизм характеризуется радикальными взглядами носителей идей, ненавистью к группе лиц, объединенных одним или несколькими признаками, будь то расовая принадлежность, религиозная, национальная и т.д.

Преступления, совершаемые организованными группами, также являются более опасными для государства и граждан, т.к. их совершение характеризуется систематичностью, «профессионализмом» деятельности. И, при этом, еще более общественно опасными является организованная преступность, подкрепляемая экстремистской идеологией.

Логично будет предположить, что организованная преступность экстремистской направленности вбирает в себя все элементы вышеуказанных видов преступлений, выделяющие их повышенную общественную опасность.

Однако уголовное законодательство РФ содержит в себе ряд правовых казусов, и как следствие, затрудняет органам правопорядка применение соответствующих норм. Одним из таких составов является ст 281.1 УК РФ. Необходимо подробнее рассмотреть данный состав преступления для анализа и вычленения несоответствия признаков конкретного состава преступления в соотношении со статьей общей части уголовного кодекса РФ.

Родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ, является группа однородных, взаимосвязанных общественных отношений по обеспечению государственной власти. Видовым, как и непосредственным, является отношения по обеспечению основ конституционного строя и безопасности государства.

Объективной стороной преступления выступает ряд однородных действий, в ч. 1 создание, руководство, в ч. 1.1. – подстрекательство, в ч. 2 – участие.

Необходимо отметить, что организованность как признак группы, не характерен преступному сообществу или преступной организации, в связи с чем и связана неоднозначность определения экстремистского сообщества конкретному виду преступной группы.

Субъективная сторона выражается в прямом умысле. Состав преступления формальный. Субъект – общий, однако ч. 3 ст. 282.1 предусматривает специальный субъект – лицо использующее свое служебное положение.

При этом, в научном сообществе существует позиция, согласно которой законодателю следует снизить возраст уголовной ответственности с 16 до 14 лет за совершение данного преступления в связи с повышенным уровнем общественной опасности экстремистских преступлений. Данное мнение является, как минимум интересным для обсуждения, поскольку, например, ч. 2 ст. 208, ч. 2 ст. 205.4 УК РФ, по своей природе являющиеся аналогичными преступлениями предусматривают ответственность лица с 14-ого возраста. Таким образом законодатель наказывает 14-летних за участие в незаконном вооруженном формировании, целью которого не является совершение преступления и не наказывает за участие в экстремистском сообществе созданным с целью совершения преступлений.

Сироткина Т.Г. пишет следующее: «... общественная опасность таких преступлений достаточно высока, так как многие преступления экстремистской направленности, связанные с возбуждением вражды, ненависти и розни, относятся к категории тяжких преступлений».[2]

Не трудно заметить, что законодатель наделил состав преступления признаками, принадлежащими разным видам соучастия. Например, указывает на возможность объединения структурных подразделений, что характерно исключительно преступным сообществам (организациям) – организованной группе.

Большинство авторов считают, что «... в норме ст. 282.1 УК речь идет о создании организованной группы». [3] Данное мнение основывается на том, что для признания преступного сообщества экстремистским отсутствует необходимость в установлении структурированности этой группы и как следствие это противоречит ч. 4 ст. 35 УК РФ.

Горемычкин И.Е. высказывает следующие мысли: «... экстремистское сообщество может существовать как в виде организованной группы, так

и в виде преступного сообщества (преступной организации)». [4] В таком случае, если группа лиц не имеет необходимой структурированностью, то по мнению автора, такую группу все равно можно расценивать как экстремистское сообщество и, соответственно, это допускает «законное злоупотребление» со стороны правоприменителя.

Иные же считают экстремистское сообщество видом преступного сообщества (преступной организации). О.А. Зубалова пишет: «... наличие структурных подразделений в организованной группе (ст. 282¹ УК РФ) переводит ее в структурированную организованную группу, которая присуща только преступному сообществу, а, следовательно, и экстремистскому сообществу». [5] Такой подход, по нашему мнению, самый верный, поскольку отталкивается от наличия в статье признаков преступления неотчуждаемых от преступного сообщества в рамках уголовного права. А также

«Видами преступного сообщества являются: ... 5) экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК)». [6]

Таким образом тезис о том, что статья сформирована неоднозначно и оставляет слишком много возможностей для неоднообразного толкования подтверждается и тем, что в доктрине существует много противоположных мнений об отнесения экстремистского сообщества к тому или иному виду преступного образования.

По нашему мнению, законодатель, используя разные конструкции при определении однородных, по своей сути, явлений только усложняет органам правоприменения корректно квалифицировать деяния, а также нарушает принцип справедливости, так как приравнивает две формы соучастия, отличающиеся разной общественной опасностью.

Такая позиция подтверждается и судебным приговором: «... по смыслу закона, под экстремистским сообществом понимается преступное сообщество, созданное для подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности...

... отсутствуют доказательства сплоченности и организованности до степени преступной организации и группы...». [7] Таким образом Суд оценив деяния лиц не усмотрел в нем признаков преступления, предусмотренных ч. 1 ст. 282.1 УК РФ именно в связи с отсутствием в их межличностных преступных связях необходимую сложность и близость отношений.

В связи с этим, предлагаем следующую формулировку ч. 1 ст. 282.1 УК РФ – «Создание экстремистского сообщества, в целях совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности ...».

Приведение ч. 1 ст. 282.1. УК РФ в соответствие с определением преступного сообщества является необходимым, но не устраняет всех существующих правовых проблем, о которых мы поговорим подробнее ниже.

Цель создания экстремистского сообщества – совершении преступлений экстремистской направленности. «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются

преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса». [8]

Цель как признак субъективной стороны преступления противоречит общей части по необходимой тяжести совершаемых преступлений, а также их мотиву их совершения.

Для понимания правового казуса необходимо обратиться к общей части УК РФ. При определении вида группы лиц необходимо руководствоваться ст. 35 УК РФ. Согласно ч. 4 данной статьи преступное сообщество имеет цель «совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Выходит, что все преступные сообщества предусмотренные должны вбирать в себя все признаки статьи общей части». [8]

При этом необходимо отметить тот факт, что УК РФ содержит ряд преступлений экстремистской направленности как небольшой, так и средней тяжести (например, ч. 2 ст. 115 или ч. 2 ст. 119). В таком случае, совершая ряд преступлений в составе структурированной организованной группы лиц она не может квалифицироваться как экстремистское сообщество, в связи с отсутствием в составе преступления необходимой минимальной тяжести преступлений.

Также, преступления экстремистской направленности не всегда носят, а чаще и вовсе не преследуют цель получения финансовой или иной материальной выгоды. Отличительной чертой данных преступлений все же является мотив разжигания межнациональной розни и т.д., при этом самая по себе корыстный мотив является средство достижения цели, путем финансирования экстремистских ячеек, создания лагерей подготовки, вербовки и т.п.

На лицо явное несоответствие общей и специальной частей УК РФ по ряду признаков. В связи с этим необходимо комплексное коррекция положений о преступных сообществах общей части как общей, так и специальной частях.

Таким образом, анализирую все вышесказанное, необходимо обратить внимание неоднозначность позиции в отношении правовой природы экстремистского сообщества в судебном сообществе. По нашему мнению, стоит исключить саму возможность того, что обвиняемые могут быть приговорены судом по ст. 282.1 УК РФ только по причине субъективного трактования нормы одним или другим судьей иначе неизбежность принципов справедливости и законности в конкретных случаях мнимы.

В связи с упомянутым, предлагаем следующую редакцию ч. 4 ст. 35: «..., члены которых объединены в целях совместного совершения одного или не-

скольких преступлений, разработки планов и (или) условий для совершения преступлений».

Таким образом, с учетом вышеуказанной редакции статьи особенной части предусматривающие наказание за создание преступного сообщества будут согласованы с гипотезой общей части УК РФ и правоприменитель будет иметь возможность единообразно толковать нормы, относящиеся к преступным сообществам.

Подводя итоги, можно выделить ряд правовых несоответствий и упущений подлежащих устранению. Как в целях приведения текста уголовного законодательства в единый вид и устранения противоречий внутри единого кодифицированного нормативно-правового акта, так и в целях прикладных, для расширения возможности органов правоприменения в квалификации преступных деяний экстремистских сообществ.

Литература

1. Состояние преступности. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф>
2. Сироткина, Т.Г. Возникновение и развитие института уголовной ответственности несовершеннолетних за экстремизм в России / Т.Г. Сироткина // Вестник Российского университета кооперации. – 2021. – № 3(45). – С. 140–146. – DOI 10.52623/2227–4383–3–45–27. – EDN JOGXQA.
3. Тюнин, В. Организация экстремистского сообщества / В. Тюнин // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 51–54. – EDN KXKQAF.
4. Горемычкин, И.Е. Нормативная регламентация преступных групп экстремистской направленности / И.Е. Горемычкин. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 23 (261). – С. 443–446. – URL: <https://moluch.ru/archive/261/60159/> (дата обращения: 20.04.2025).
5. Зубалова, О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Зубалова Оксана Александровна. – Нижний Новгород, 2013. – 180 с. – EDN SUWVOX.
6. Клименко, Ю.А. Классификация соучастия: формы, виды, значение для уголовно-правовой оценки преступления / Ю.А. Клименко // Lex Russica (Русский закон). – 2016. – № 5(114). – С. 156–168. – DOI 10.17803/1729–5920.2016.114.5.156–168. – EDN WJXCSF.
7. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 04.02.2010 по делу № 47–009–82 // СПС «Консультант Плюс».
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.04.2025) // СЗ

ILLEGAL ARMED FORMATION – DISTINCTIVE SIGNS AND FEATURES OF ACTUS REUS

Kovalenko A.A.

North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov

The author analyzes the crime provided for in Article 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the objective and subjective elements of the crime, its criminal and legal features related to its extremist orientation. Objective and subjective signs and contradictory features are analyzed, specifically in our case: a sign of community organization as an element of a criminal community, contradictions in the hypothesis and disposition of articles of the Criminal Code of the Russian Federation, manifested in the inconsistency of the general features of a criminal community and its type – an extremist community, which in themselves are not decisive for extremist activity and are a vestige. Among other things, the author reveals the concept of an extremist community, its types, the attitude of the legislator to this criminal formation and the distinctive features that distinguish the extremist community from other criminal groups, as well as the purpose of creating an extremist community, which is inherent only in criminal communities.

The author also suggests considering a new version of Part 4 of Article 35 and Part 1 of Article 282.1 of the Criminal Code to bring the general and special parts into line with each other and other articles of the Criminal Code, as well as amend Article 20 of the Criminal Code and lower the age of criminal responsibility for the subject of Part 2 of Article 282.1 of the Criminal Code in connection with the increased public danger of such acts.

Keywords: extremist community; crimes of complicity; organized group; organized crime; extremist activity; criminal code; general part.

References

1. The state of crime. The official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: <https://мвд.рф>
2. Sirotkina, T.G. The emergence and development of the institution of juvenile criminal responsibility for extremism in Russia / T.G. Sirotkina // Bulletin of the Russian University of Cooperation. – 2021. – № 3(45). – Pp. 140–146. – DOI 10.52623/2227–4383–3–45–27. – EDN JOGXQA.
3. Tyunin, V. Organization of an extremist community / V. Tyunin // Criminal law. – 2006. – No. 3. – pp. 51–54. – EDN KXKQAF.
4. Goremychkin, I.E. Normative regulation of criminal groups of extremist orientation / I.E. Goremychkin. – Text: direct // Young scientist. – 2019. – № 23 (261). – Pp. 443–446. – URL: <https://moluch.ru/archive/261/60159/> (date of application: 04/20/2025)
5. Zubalova, O.A. Criminal law measures to combat the organization of an extremist community: specialty 12.00.08 “Criminal law and criminology; penal enforcement law”: dissertation for the degree of Candidate of Law / Zubalova Oksana Aleksandrovna. Nizhny Novgorod, 2013. 180 p. – EDN SUWWOX.
6. Klimenko, Yu.A. Classification of complicity: forms, types, significance for the criminal assessment of a crime / Yu.A. Klimenko // Lex Russica (Russian law). – 2016. – № 5(114). – Pp. 156–168. – DOI 10.17803/1729–5920.2016.114.5.156–168. – EDN WJXCSF.
7. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/04/2010 in case No. 47–009–82 // SPS Consultant Plus.
8. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 04/21/2025) (as amended and supplemented, intro. effective from 04/21/2025) // Federal Law of the Russian Federation. 1996. № 25. art. 2954. Provided by the SPS ConsultantPlus.

Судебно-бухгалтерская экспертиза на ЖД-транспорте как источник доказательств в суде

Маркова Вера Витальевна,

адъюнкт, Восточно-Сибирский институт МВД России

E-mail: vera.katarina2011@mail.ru

В данной статье рассматривается судебно-бухгалтерская экспертиза на железнодорожном транспорте как источник доказательств в суде. Актуальность темы обусловлена тем, что данный вид экспертизы приобретает особую значимость в условиях цифровизации учета, усложнения экономических операций и увеличения числа экономических преступлений. Данная экспертиза способствует выявлению и доказательству различных финансовых нарушений. Цель написания статьи заключается в определении значимости судебно-бухгалтерской экспертизы в сфере железнодорожного транспорта как источника доказательств для судебных разбирательств. Для достижения цели необходимо решить задачи, направленные на рассмотрение теоретических основ судебно-бухгалтерской экспертизы, выявление проблем ее применения и путей их решения. В качестве методов исследования используются анализ научной литературы и нормативно-правовой базы, сравнительный, системный и функциональный методы. Теоретическая значимость обусловлена тем, что работа расширяет научные представления о судебно-бухгалтерской экспертизе, уточняет ее место и роль в правовой системе. Практическая значимость состоит в том, что предложенные рекомендации могут быть применены в деятельности судебно-экспертных учреждений, правоохранительных органов и юристов, работающих с делами, связанными с железнодорожным транспортом. При написании статьи установлено, что судебно-бухгалтерская экспертиза является важным инструментом доказывания в делах, связанных с финансовыми нарушениями на железнодорожном транспорте.

Ключевые слова: судебно-бухгалтерская экспертиза, источник доказательств, экономические преступления, экспертная деятельность, доказательства в суде.

Введение

Железнодорожный транспорт занимает особое место в системе национальной экономики, обеспечивая перевозки товаров и пассажиров, являясь составляющей транспортной инфраструктуры. Его роль в экономике страны определяется объемами транспортируемых грузов и уровнем социального и экономического взаимодействия между регионами, эффективностью функционирования всей транспортной сети. В этой связи вопросы контроля, учета и защиты финансовых интересов на железнодорожном транспорте становятся ключевыми для предотвращения экономических преступлений и обеспечения правопорядка в этой сфере. Основой борьбы с экономическими преступлениями является судебно-бухгалтерская экспертиза, которая помогает выявить, расследовать и документировать нарушения в сфере бухгалтерии и финансовой отчетности, установить масштабы ущерба.

Для успешного судебного разбирательства по экономическим преступлениям необходимо привлечение специальных знаний, что подчеркивают многие исследователи, включая таких авторов, как Ш.И. Алибеков, Н.Т. Белуха, С.Г. Еремин, Е.Р. Россинская, Ю.В. Предеус, Е.В. Чиненов, В.И. Щукин, С.В. Пахомов, А.Л. Пермяков, С.В. Прохоров, В.М. Прошин, С.Л. Никонович, Е.Ф. Новиков, А.А. Шаевич, А.В. Шмонин, О.В. Трубкина, Е.И. Третьякова, И.Н. Сорокотягин, А.А. Эйсман и ряд других ученых.

Научные труды, посвященные вопросам применения судебно-бухгалтерской экспертизы в расследовании экономических преступлений, разработаны такими исследователями, как В.И. Головачев, А.В. Горбачева, А.А. Дрога, А.М. Каунов, А.С. Усенко, М.А. Кравченко, А.А. Количенко, В.А. Мельников, Е.А. Тришкина, Е.В. Токарева, А.Р. Хаметова, А.М. Стародубцев, Л.Г. Шапиро и другими.

Материалы и методы

Основу исследования составляют федеральные законы и нормативные документы, изданные государственными органами. Эмпирическая база исследования сформирована на основе судебной практики, касающейся экономических правонарушений. В качестве методологической базы были использованы общенаучные методы, такие как анализ, синтез, обобщение и сравнение, а также дополнительно применены системный и функциональный подходы.

Результаты

Судебно-бухгалтерская экспертиза представляет собой процессуальное действие, в ходе которого квалифицированный эксперт, обладающий специальными знаниями в области бухгалтерии и финансов, анализирует бухгалтерскую документацию, финансовые отчеты, первичные документы и другие материалы, которые могут иметь значение для расследования экономических преступлений [11, с. 71].

Как указывает В.А. Мельников «под судебно-бухгалтерской экспертизой понимается экспертное исследование первичных и сводных документов бухгалтерского учета и отчетности, которые содержат (могут содержать) сведения, необходимые для разрешения вопросов, важных при производстве по уголовному делу» [7, с. 71]. По мнению М. Викторовой «судебно-бухгалтерская экспертиза исследует производственную и финансово – хозяйственную деятельность предприятий с различными формами собственности, которые допустили убытки, потери, хищения ценностей, бесхозяйственность и другие негативные явления, отраженные в бухгалтерском учете и отчетности, в результате стали объектами расследования правоохранительными органами» [2, с. 40].

Таким образом, данная экспертиза используется для выявления неправомерных действий, таких как хищение средств, уклонение от налогов, фальсификация финансовой отчетности, для оценки ущерба, нанесенного железнодорожным компаниям в результате этих преступлений.

Для железнодорожных компаний судебно-бухгалтерская экспертиза является ключевым инструментом в установлении фактов экономических преступлений. Учитывая масштаб и сложность операций, связанных с перевозкой грузов и пассажиров, множество взаимодействующих между собой организаций (поставщики, подрядчики, налоговые органы, контрагенты), такие нарушения могут быть крайне сложно выявляемыми без специализированного подхода.

Судебно-бухгалтерская экспертиза позволяет выявить такие виды преступлений, как [3, с. 68]:

- присвоение или растрата денежных средств, в том числе через манипуляции с денежными потоками в процессе закупок, перевозок или оплаты услуг;
- хищение товарно-материальных ценностей, таких как запчасти для железнодорожного оборудования, топливо или другие ресурсы, необходимые для функционирования железнодорожной сети;
- фальсификация бухгалтерской отчетности – изменение данных в финансовых документах с целью скрытия реального положения дел и уклонения от уплаты налогов или других обязательных платежей.

В процессе судебно-бухгалтерской экспертизы эксперт тщательно анализирует бухгалтерскую документацию, отчетность, первичные документы (счета, накладные, акты выполненных работ,

контракты), проверки соблюдения установленной финансовой дисциплины. Эксперт проверяет наличие неоправданных расходов, транзакций, которые могут свидетельствовать о недобросовестности работников компании, анализирует наличие признаков манипуляций с отчетностью, таких как фиктивные документы или завышение стоимости услуг и товаров [8, с. 179].

Основной задачей судебного эксперта является определение размеров ущерба, который был причинен предприятию в результате совершения экономических преступлений. Это может включать прямые убытки (например, потери от хищений) и косвенные (например, недополученные доходы вследствие уклонения от налогов). Эксперт должен не только выявить нарушения, но и помочь следствию установить, в чем именно заключаются преступные действия, на каком уровне и в каких подразделениях предприятия они были совершены.

Для того чтобы судебно-бухгалтерская экспертиза была проведена правильно, она должна соответствовать нормам действующего законодательства [9, с. 56]. В первую очередь следует отметить ряд ключевых законов и правовых актов, которые регулируют экономическую деятельность на железнодорожном транспорте и могут стать основой для проведения экспертизы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации – в рамках уголовного законодательства России важнейшей нормой является статья 105 УК РФ «Убийство», но для судебно-бухгалтерской экспертизы в контексте экономических преступлений выделяется раздел статья 160 УК РФ «Присвоение или растрата», статья 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов». Все эти статьи могут быть использованы для квалификации нарушений, выявленных в процессе экспертизы.

2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» – этот закон регулирует вопросы экологической и финансовой отчетности на транспортных предприятиях, в том числе железнодорожных.

3. Федеральный закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» – этот закон регулирует вопросы информационной системы, в том числе учет и контроль за финансовыми операциями в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

4. Федеральный закон от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» – этот закон определяет обязанности поставщиков услуг, включая железнодорожные компании, требования к качеству оказываемых услуг и защите интересов потребителей.

5. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» – данный акт регулирует цифровизацию экономики, включая использование электронных систем учета и отчетности на предприятиях, вклю-

чая железнодорожный транспорт. Для судебной экспертизы необходимо отслеживать, как компании используют эти технологии в бухгалтерии.

6. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» – этот указ регулирует развитие цифровых технологий в экономике и может быть использован для анализа использования этих технологий на железнодорожных предприятиях.

Судебно-бухгалтерская экспертиза на железнодорожном транспорте основывается на детальном анализе этих и других нормативных актов, которые регулируют финансовую деятельность железнодорожных предприятий. Эксперт должен учитывать требования законодательства при анализе бухгалтерских документов и отчетности, использовать их для выявления нарушений, которые могут быть связаны с экономическими преступлениями.

Эксперты используют различные методы для анализа бухгалтерской документации и выявления возможных финансовых нарушений [12, с. 284]. Одним из наиболее распространенных методов является анализ сопоставимых данных. Это может включать сопоставление различных отчетных периодов, проверку на наличие несоответствий в цифрах, анализ тенденций и выявление аномальных отклонений, которые могут указывать на незаконные действия.

Математическое моделирование играет ключевую роль в судебно-бухгалтерской экспертизе. С помощью специальных программ можно выявить скрытые операции или фальсификацию данных, провести расчеты для определения ущерба, оценить экономическую эффективность тех или иных операций.

В процессе применения судебно-бухгалтерской экспертизы на железнодорожном транспорте возникают различные проблемы, которые могут затруднять выявление экономических преступлений и снижать эффективность экспертизы. Одной из таких проблем является отсутствие стандартизации бухгалтерского учета в железнодорожной отрасли. В разных компаниях могут использоваться различные учетные системы, что приводит к трудностям при проведении экспертизы, особенно при сравнении и анализе данных [4, с. 17]. Решением этой проблемы может стать внедрение единых стандартов бухгалтерского учета и унификация систем отчетности на уровне всей отрасли, что обеспечит сопоставимость данных и упростит работу экспертов. Для этого следует принять отраслевые стандарты и методики, обязательные для всех участников рынка.

Еще одной проблемой является недостаточная квалификация специалистов в области судебно-бухгалтерской экспертизы, что затрудняет правильную интерпретацию финансовых данных, особенно если эксперт не знаком со спецификой работы в железнодорожной отрасли [5, с. 97]. В некоторых случаях эксперты не обладают достаточным уровнем знаний, что может привести к недооценке

или неправильному анализу данных. Для решения этой проблемы следует организовать специализированные курсы и тренинги для повышения квалификации экспертов, направленные на изучение особенностей бухгалтерского учета в железнодорожной отрасли и применения соответствующих правовых норм. имеет смысл привлекать экспертов с опытом работы в самой отрасли, чтобы обеспечить более глубокое понимание специфики экономических процессов.

Другая проблема заключается в невозможности получения полного объема информации из-за закрытости финансовых данных некоторых компаний. Железнодорожные компании, особенно государственные или частные, могут скрывать часть финансовых данных, что затрудняет проведение полноценной экспертизы. Например, информация о контрактных обязательствах, партнерах или состоянии бухгалтерской отчетности может быть недоступна или искажена. Чтобы решить эту проблему, необходимо усилить контроль со стороны государственных органов за прозрачностью финансовой деятельности транспортных компаний. Для этого можно внедрить обязательные отчетные формы и проводить регулярные проверки, создать системы цифрового мониторинга финансовых потоков в реальном времени.

Использование устаревших или несовершенных технологий учета является значимой проблемой [10, с. 93]. Многие компании продолжают использовать старые методы ведения бухгалтерии и отчетности, что делает анализ данных сложным и трудоемким, особенно если документация хранится в бумажном виде. Внедрение современных информационных технологий для автоматизации учета и отчетности позволит значительно повысить точность и эффективность экспертизы. Применение специализированных программных продуктов для бухгалтерского учета и анализа финансовых данных обеспечит более быстрый и точный процесс экспертизы.

Эксперты часто сталкиваются с необходимостью тратить значительное количество времени на выявление манипуляций с отчетностью [6, с. 1296]. Мошенники могут использовать сложные схемы, чтобы скрыть свои действия, что требует от экспертов глубоких знаний и значительных временных затрат. Для решения этой проблемы целесообразно разработать и внедрить более совершенные методы анализа, включая алгоритмы машинного обучения и искусственного интеллекта, которые помогут автоматизировать процесс выявления аномальных данных и скрытых манипуляций с отчетностью.

Отмечается отсутствие эффективного взаимодействия между правоохранительными органами и экспертами, что может затруднить оперативное расследование экономических преступлений. В некоторых случаях недостаточная координация между сторонами приводит к замедлению процессов расследования. Для улучшения координации работы экспертов и правоохранительных органов целе-

сообразно создать специализированные рабочие группы или межведомственные комиссии, которые будут заниматься расследованием экономических преступлений в железнодорожной отрасли. Стоит наладить систему быстрого обмена информацией и формирования отчетности для ускорения процессов расследования.

Одной из сложностей является и проблема недостаточности доказательной базы. В некоторых случаях эксперты сталкиваются с нехваткой доказательств для подтверждения финансовых нарушений. Иногда оригиналы документов или доказательства хищений могут быть скрыты [1, с. 588]. Для решения этой проблемы необходимо усилить меры по сбору и сохранению доказательств с использованием современных технологий. Можно внедрить электронный документооборот и системы автоматической фиксации данных.

Недостаточная четкость процедур проведения судебно-бухгалтерской экспертизы может быть источником правовой неопределенности. Если процедуры проведения экспертизы не имеют четких регламентов, это может повлиять на качество ее результатов. Для решения этой проблемы нужно разработать и внедрить методические рекомендации и стандарты, которые будут направлены на регламентацию процесса проведения судебно-бухгалтерской экспертизы в железнодорожной отрасли. Это повысит качество работы экспертов и минимизирует вероятность ошибок в ходе анализа финансовой отчетности. Следует создать такие условия, при которых судебно-бухгалтерская экспертиза будет эффективно работать для обеспечения правопорядка и борьбы с экономическими преступлениями в железнодорожной отрасли.

Заключение

Таким образом, судебно-бухгалтерская экспертиза представляет собой важнейший инструмент в расследовании экономических преступлений на железнодорожном транспорте. Правильное применение правовых норм, методик анализа и современных технологий позволяет эффективно выявлять и предотвращать нарушения финансовой дисциплины, повышая уровень доверия к финансовым операциям на железнодорожном транспорте и обеспечивая защиту экономических интересов компании.

Кроме того, оптимизация процессов судебно-бухгалтерской экспертизы способствует не только обеспечению правопорядка, но и улучшению общего финансового состояния предприятий в данной области. Устойчивое внимание к детальной аналитике и идентификации потенциальных рисков позволяет не только минимизировать убытки, но и разработать стратегии для их предотвращения в будущем. Важно также выделить, что взаимодействие экспертов с правоохранительными органами и высокой квалификацией сотрудников может значительно повлиять на эффективность расследований и выполнение требований законодательства. Это, в свою очередь, создает условия

для долгосрочного развития и стабильности в сфере железнодорожного транспорта.

Автором были даны некоторые рекомендации, направленные на улучшение эффективности расследования преступлений в сфере экономики:

Во-первых, следует внедрить регулярное обучение и повышение квалификации специалистов в области судебно-бухгалтерской экспертизы, что позволит им быть в курсе последних изменений законодательства и технологий.

Во-вторых, рекомендуется установить более тесное взаимодействие между экспертами, правоохранительными органами и представителями транспортных компаний, что позволит обеспечить своевременное реагирование на возникающие риски и четкую координацию действий при проведении расследований.

В-третьих, важно разрабатывать стандартизированные методики и протоколы для упрощения процессов экспертизы, что увеличит их прозрачность и воспроизводимость.

Также предлагается наладить систему мониторинга и оценки результатов экспертных заключений, что позволит выявлять слабые места в методах расследования и вносить необходимые улучшения.

Наконец, следует акцентировать внимание на повышении общественной осведомленности о важности судебно-бухгалтерской экспертизы, что может способствовать созданию более ответственного отношения к финансовым операциям на железнодорожном транспорте.

Как справедливо отмечают Е.В. Чиненов и В.И. Щукин, что эффективность расследования экономических преступлений, совершаемых в железнодорожном секторе, зависит от способности следователя понимать процессы, происходящие в экономике, также умения использовать специальные знания при производстве следственных действий, оценивать мнение специалиста и заключение эксперта [13, с. 93].

Литература

1. Ахадова Х.Р. Теоретические и организационно-правовые основы судебно-бухгалтерской экспертизы // Экономика и социум. 2023. № 11–1 (114). С. 586–589.
2. Викторова, М. Актуальные проблемы судебно-бухгалтерских экспертиз при расследовании экономических преступлений / М. Викторова // перспективы науки и общества в условиях инновационного развития: сборник статей Международной научно-практической конференции, Волгоград, 26 марта 2019 года. Том Часть 1. – Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2019. – С. 39–42.
3. Генералов А.С. Проблемные вопросы назначения судебно-бухгалтерской экспертизы // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96–5. С. 67–70.

4. Горгинян О.М. Роль и значение судебно-бухгалтерской экспертизы // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 108–5. С. 16–18.
5. Маркова В.В. Особенности назначения судебно-бухгалтерской экспертизы при расследовании преступлений в сфере железнодорожного транспорта // Экономика и безопасность. 2024. № 7. С. 95–99.
6. Маркова В.В. Роль судебно-бухгалтерской экспертизы при расследовании преступлений на объектах железнодорожного транспорта // Научный аспект. 2024. Т. 11. № 2. С. 1291–1299.
7. Мельников, В.А. Производство судебно-бухгалтерских экспертиз при расследовании преступлений экономической направленности / В.А. Мельников // актуальные вопросы современного права. Пути теоретического и практического решения проблем: сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 16 октября 2017 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2017. – С. 70–72.
8. Попов В.Л. Правовое регулирование производства экспертиз в транспортной сфере // Публично-правовые проблемы транспортного права. Москва, 2023. С. 175–185.
9. Попов В.Л. Процессуальные и методологические основы судебных экспертиз по транспорту // Транспортное право и безопасность. 2021. № 1 (37). С. 53–65.
10. Попов В.Л. Транспортная судебная экспертиза, парадигма и реальность // Транспортное право и безопасность. 2023. № 1 (45). С. 87–100.
11. Усачева Е.А. Особенности назначения и производства судебных экспертиз по уголовным делам о преступлениях, совершенных на железнодорожном транспорте // Искусство правоведа. 2024. № 2 (10). С. 68–72.
12. Чиненов Е.В. Тактика назначения судебных экспертиз в расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (104). С. 280–296.
13. Чиненов, Е.В. Теоретические основы производства судебно-экономической экспертизы при расследовании преступлений на объектах железнодорожного транспорта / Е.В. Чиненов, В.И. Щукин // Общество и право. – 2018. – № 4(66). – С. 93–98.

FORENSIC ACCOUNTING EXAMINATION ON RAILWAY TRANSPORT AS A SOURCE OF EVIDENCE IN COURT

Markova V.V.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article examines the forensic accounting examination on railway transport as a source of evidence in court. The relevance of the topic is due to the fact that this type of expertise is becoming particularly important in the context of digitalization of accounting, increasing complexity of economic transactions and an increase in

the number of economic crimes. This examination helps to identify and prove various financial irregularities. The purpose of this article is to determine the importance of forensic accounting expertise in the field of railway transport as a source of evidence for court proceedings. To achieve this goal, it is necessary to solve problems aimed at considering the theoretical foundations of forensic accounting expertise, identifying problems of its application and ways to solve them. The research methods used are the analysis of scientific literature and the regulatory framework, comparative, systemic and functional methods. The theoretical significance is due to the fact that the work expands scientific ideas about forensic accounting expertise, clarifies its place and role in the legal system. The practical significance lies in the fact that the proposed recommendations can be applied in the activities of forensic expert institutions, law enforcement agencies and lawyers working with cases related to railway transport. When writing the article, it was established that forensic accounting expertise is an important tool of proof in cases related to financial violations in railway transport.

Keywords: forensic accounting examination, source of evidence, economic crimes, expert activity, evidence in court.

References

1. Akhadova H.R. Theoretical and organizational and legal foundations of forensic accounting expertise // Economics and Society. 2023. No. 11–1 (114). pp. 586–589.
2. Viktorova, M. Actual problems of forensic accounting examinations in the investigation of economic crimes / M. Viktorova // Prospects of science and society in the context of innovative development: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Volgograd, March 26, 2019. Volume Part 1. Volgograd: OMEGA SCIENCES Limited Liability Company, 2019. pp. 39–42.
3. Generalov A.S. Problematic issues of appointment of forensic accounting expertise // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96–5. pp. 67–70.
4. Gorginyan O.M. The role and significance of forensic accounting expertise // Trends in the development of science and education. 2024. No. 108–5. pp. 16–18.
5. Markova V.V. Features of the appointment of forensic accounting expertise in the investigation of crimes in the field of railway transport // Economics and security. 2024. No. 7. pp. 95–99.
6. Markova V.V. The role of forensic accounting expertise in the investigation of crimes at railway transport facilities // Scientific aspect. 2024. Vol. 11. No. 2. pp. 1291–1299.
7. Melnikov, V.A. The production of forensic accounting examinations in the investigation of economic crimes / V.A. Melnikov // actual issues of modern law. Ways of theoretical and practical problem solving: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Ufa, October 16, 2017. Ufa: Aeterna Limited Liability Company, 2017. pp. 70–72.
8. Popov V.L. Legal regulation of the production of expertise in the transport sector // Public law problems of transport law. Moscow, 2023. pp. 175–185.
9. Popov V.L. Procedural and methodological foundations of forensic examinations on transport // Transport law and security. 2021. No. 1 (37). pp. 53–65.
10. Popov V.L. Transport forensic examination, paradigm and reality // Transport law and security. 2023. No. 1 (45). pp. 87–100.
11. Usacheva E.A. Features of appointment and production of forensic examinations in criminal cases of crimes committed on railway transport // The art of jurisprudence. 2024. No. 2 (10). pp. 68–72.
12. Chinenov E.V. Tactics of appointment of forensic examinations in the investigation of economic crimes committed in railway transport and transport infrastructure facilities // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (104). pp. 280–296.
13. Chinenov, It's Me.V. Theoretical basis for the production of sudebno-empiricomicomparticipspertiz. V. Chinenov, V. And. Society and law. 2018. No. 4 (66). – pp. 93–98.

Раянова Эльвира Талгатовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры Теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова»
E-mail: ilvirat@mail.ru

Ильина Диана Анатольевна,

начальник сектора партнерства и сотрудничества первичной профсоюзной организации студентов и курсантов, ФГБОУ ВО «ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова» при Северо-Западной территориальной организации профсоюза работников водного транспорта РФ
E-mail: diana.ilina.10.03@mail.ru

В статье описаны ключевые особенности исследования почерка. Авторами рассмотрены основные типы почерков и их отличительные черты. Особое внимание уделено историческим аспектам почерковедческих экспертиз. Поскольку полноценно графометрическое направление появилось лишь в XX веке, в силу отсутствия продвинутых технологий специалистам ежедневно приходилось обрабатывать большое количество рукописных материалов, детально изучая наклоны, особенности букв и др. Однако сам факт того, что в сложный исторический период начинали работать с почерком, говорит о том, что криминалистика не стоит на месте, развиваясь и совершенствуя методику поиска доказательной базы. Также в работе авторами приведены: статистика, собранная после опроса лиц большинства возрастных категорий; прецедент, в котором почерковедческая экспертиза стала решающей в судебной практике. В результате исследования выявлены основные проблемы, возникающие у экспертов в процессе выполнения почерковедческой экспертизы и представлены предложения с целью совершенствования почерковедческой экспертизы.

Ключевые слова: криминалистика, почерк, исследование рукописей, расследование, преступление, почерковедческая экспертиза, судебная практика.

Актуальность подробного рассмотрения данной темы обусловлена тем, что в современном обществе эффективность борьбы с преступностью напрямую зависит от скорости и качества найденных на месте преступления доказательств, одним из которых может выступать почерк человека, оставленный, например, на случайно выроненной записке.

Ключевым объектом исследования почерковедческого исследования является письмо. Поскольку в настоящее время использование записок на бумаге производится все реже из-за присутствия в жизни человека мобильных устройств, многие ученые, исследующие данную тему, уверены в том, что при использовании письма человек нацелен не столько на личное использование, сколько на передачу конкретной информации другим людям.

Наиболее часто исследование почерка применяется при расследовании преступлений в сфере экономики либо мошенничества, когда присутствует необходимость подтвердить подлинность того или иного документа [4].

В качестве подтверждения приведем пример из судебной практики. В одном из дел во время рассмотрения спора о наследовании движимого имущества возник вопрос о подлинности завещания, на котором стояла подпись наследодателя. Для разрешения спора судья назначил почерковедческую экспертизу, в рамках которой были собраны подписи умершего из старых официальных документов. По окончании работы эксперт пришел к выводу о том, что подпись была подделана. В связи с этим суд признал завещание недействительным, установив порядок наследования в порядке закона.

Для подробного исследования почерка важно изучить признаки, влияющие на разность написания текстов:

1. Размер букв;
2. Наклон букв;
3. Связность;
4. Уровень владения навыком;
5. Сила нажима;
6. Возрастные и индивидуальные особенности

[1]. В совокупности данные характеристики помогают различать почерки людей и создают несколько типов почерков, условно существующих в сфере криминалистики (рис. 1,2). К ним относятся [3]:

1. Маловыработанный почерк – чаще всего встречается у людей школьного возраста или малописущих. Отличительной особенностью являются низкий уровень координации движений и неравномерность направления движений.

2. Средневыработанный почерк – встречается у людей, чье формирование почерка было окончено в период обучения в школе. Отличается остаточной неравномерностью направления движений и протяженности слов, однако размещение элементов текста на бумаге соответствует правильному, если за «правильное» брать равномерные абзацы и отсутствие «волн» в строчках.

3. Высоковыработанный почерк – отличается высоким темпом написания букв и слов, что можно заметить по отсутствию ярко выраженной связности букв между собой. Как правило, присутствует большое количество смен направлений движений при написании знаков и простым строением почерка с элементами упрощения в виде сокращений.

Для наглядности представлены виды почерков, где (1) и (2) относятся к маловыраженному почерку, (3) – к средневыработанному, а (4) – к высоковыработанному (рис. 1).

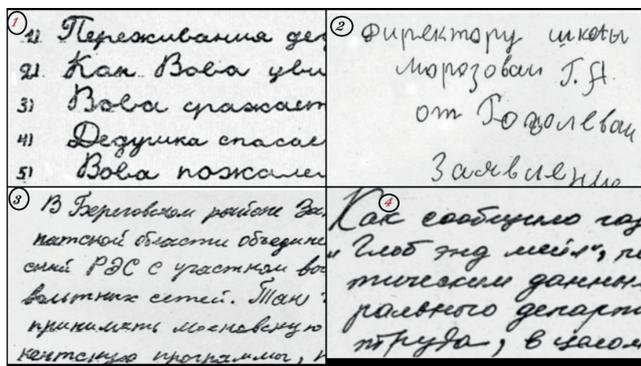

Рис. 1. Типы почерка

После проведения опроса среди лиц от 16 до 35 лет можно сказать о том, что 40,4% респондентов относят свой почерк к высоковыработанному. Частично это может быть связано с их деятельностью, поскольку подавляющее число участников являются работниками сфер, где работа с написанием рукописных отчетов составляет большой процент должностных обязанностей. Необходимо заметить, что лица старше 25 лет не относили себя к низковыработанному почерку. Исходя из этого, можно сделать вывод, что из поколения в поколение почерк людей становится хуже. Это связано с появлением и постоянным совершенствованием технологий, позволяющих писать от руки всё меньше (рис. 2).

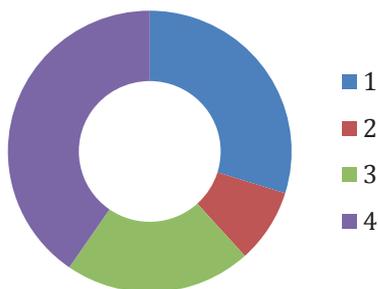

Рис. 2. Сравнительная диаграмма типов почерка: 1,2. – низковыработанный; 3 – средневыработанный; 4 – высоковыработанный

Однако отметим, что графология была особенно популярна в 18–19 века. Именно тогда было написано большинство учений, в ходе которых их авторы пытались связать между собой почерк и основные характеристики человека. Так, аббат Гипполит Мишон, автор термина «графология», в своей работе «Тайны письма» составил список зависимости облика человека от его почерка. Например, он писал «Положение строчек. Строчки, идущие вверх, говорят о горячности, энергии, жажде власти; опускающиеся вниз характеризуют физическую и моральную слабость, отчаяние, печаль, таким почерком пишут обыкновенно больные. // Наклоненные буквы (вправо) свидетельствуют о чувствительности, и эта черта проявляется тем сильнее, чем больше наклон букв. Почерк без наклона присущ хладнокровному человеку; левонаклонный свидетельствует об отсутствии чувствительности, часто о притворстве. Почерк прямой указывает на непоколебимую энергию и стойкость. Почерк извилистый, неровный говорит о гибкости характера, изменчивости убеждений. Такие люди умеют, когда нужно, легко поменять свои убеждения». [1]

Позже многие ученые утверждали, что по почерку могут предугадать расположенность человека к разного рода заболеваниям. Однако со временем представители науки пришли к выводу, что трактовать один и тот же почерк можно сразу несколькими способами, и в большинстве случаев он может меняться в зависимости от совокупности факторов. Это делало почерковедческую экспертизу затруднительной, поскольку было очевидно, что в средние века существовала проблема нехватки соответствующего оборудования.

Затрагивая исторические аспекты почерковедческих экспертиз, необходимо обратиться и к родоначальнику данной отрасли криминалистики – Эдмону Локару. Поскольку полноценно графометрическое направление появилось лишь в XX веке, он в своих работах говорил о том, что очевидным недостатком отрасли являлись объемы работ, которые было необходимо провести. В силу отсутствия продвинутых технологий специалистам ежедневно приходилось обрабатывать большое количество рукописных материалов, детально изучая наклоны, особенности букв и т.п. Однако сам факт того, что в сложный исторический период начинали работать с почерком, говорит о том, что криминалистика не стоит на месте, развиваясь и совершенствуя методику поиска доказательной базы [2].

В настоящее время наиболее часто почерковедческие экспертизы применяются для определения обстоятельств, в которых находился пишущий в момент написания графических символов. Так, на почерк человека могут повлиять как субъективные, так и объективные факторы. К субъективным факторам относят анатомическое строение лица, в том числе посадки глаз, и рук, а также особенности нервной системы и возможные проблемы со зрением [3]. К объективным факторам относят позу, посадку, состояние человека (напри-

мер, опьянение, болезнь или испуг из-за внешнего воздействия) и условия письма (например, отсутствие освещения, написание текста не преобладающей рукой или неестественное нахождение рук во время письма) [4]. Объективные факторы особо внимательно изучаются экспертами во время проведения исследований, возникших в результате расследования преступлений, квалифицированных по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако в высоковыработанном почерке выявить факторы, в которых находился человек во время написания текста, становится сложнее, поскольку в подобных случаях лицо использует привычную для него технику, не задумываясь, что может усложнить процесс доказывания, например, внешнего воздействия на человека во время написания им важного документа, играющего роль в уголовном деле.

Задачи, решаемые в рамках данного вида экспертизы, подразделяются на 3 основные группы:

Решение *идентификационных* задач предполагает установление факта:

- индивидуальной идентификации, т.е. наличия или отсутствия тождества конкретного исполнителя рукописи, выполнения одним и тем же либо разными лицами нескольких различных текстов и их фрагментов, подписей;
- групповой принадлежности лица, исполнившего рукопись (по степени выработанности, степени совершенства системы движений и иным общим признакам почерка).

Сами по себе идентификационные задачи предполагают под собой ответы на вопросы, касающиеся того, точно ли автором текста он написан, не было ли факта подлога.

Решение *диагностических* задач направлено на установление условий, в которых выполнялась исследуемая рукопись, – обычных или необычных. Такими задачами являются установление:

- факта наличия или отсутствия необычности письма;
- характера необычности: постоянный или временный;
- группы естественных (не связанных с намеренным изменением) либо искусственных (связанных с ним) факторов необычности письма;
- группы естественных внутренних (стресс, болезнь, алкогольное опьянение и пр.) или внешних (необычная поза, выполнение рукописи без очков и пр.) необычных факторов;
- группы искусственных факторов (подражание подписи или почерку другого лица, замена пишущей руки и пр.);
- конкретного сбивающего фактора.

Диагностические задачи отвечают на вопросы, в каких условиях был написан тот или иной текстовый материал, не было ли факта насилия, под воздействием которого был написан материал.

Решение *классификационных* задач:

- установление пола исполнителя текста большого и среднего объема, выполненного в обычных условиях;

- установление возраста исполнителя текста большого и среднего объема, выполненного в обычных условиях.

Классификационные задачи помогают найти ответы на вопросы более общего характера, например, «Мужчиной или женщиной была написана расписка?», «Каков возраст человека, который написал расписку?» и им подобные.

В качестве примера из судебной практики приведем дело из Прокуратуры Псковской области. В рамках разбирательства по уголовному делу, согласно которому совершеннолетнее дееспособное лицо (Петров В.А.) умышленно расписалось вместо вышестоящего руководства (Иванов Т.И.) для вывода денежных средств в размере 35 000 000 (тридцати пяти миллионов) рублей, была проведена почерковедческая экспертиза. Перед экспертом была поставлен вопрос: «Была ли подпись поставлена Ивановым Т.И.?». Согласно заключению, Иванов подпись не ставил, что в последствие подтвердилось и иными обстоятельствами дела. Поскольку иных лиц, имеющих мотив или доступ к документации, выявлено не было, объявление было предъявлено Петрову В.А. Позднее он соznался в содеянном.

Однако, несмотря на многообразие возможностей в области почерковедческой экспертизы, существуют и проблемы в сфере. Например, данную экспертизу невозможно провести в следующих случаях [5]:

- недостаточность образцов почерка/подписи. В этом случае эксперт не может выявить совокупность характерных признаков, которые позволили бы определить тип почерка и выявить индивидуальные характеристики;
- слишком простая подпись. В случае отсутствия достаточного количества идентификационных признаков, то есть слишком упрощенного варианта подписи, её подделку будет выявить практически невозможно;
- непреднамеренные или умышленные изменения почерка/подписи. Особенно данный фактор влияет на экспертизу в случае, если изменение почерка встречается у лица на частой или постоянной основе;
- значительная степень изменчивости (вариативности) подписи, почерка. Если во время изучения почерка, эксперты сталкиваются с тем, что в разных документах у лица разный почерк или разная подпись, то выявить поддельную становится невозможно. Именно по этой причине при получении паспорта в подразделениях МВД РФ сотрудники предупреждают о необходимости выбрать одну подпись, повторить которую лицо сможет в дальнейшем без значимых проблем и необходимости упрощать.

Не менее значимой проблемой в настоящее время является развитие нейросетей. Технологии совершенствуются стремительно, и некоторые искусственные интеллекты (далее – ИИ) уже сейчас способны воспроизвести необходимый текст лю-

бым почерком, для этого необходимо лишь разобратся в работе ИИ.

В связи со всем вышеизложенным авторами предлагается следующее:

- совершенствование методик почерковедческой экспертизы;
- применение современных технологий и создание программного обеспечения, которое сможет оперативно выявлять нарушения, что будет способствовать привлечению к ответственности виновных лиц.

Литература

1. Винберг Л.А., Шванкова М.В. Почерковедческая экспертиза. – Волгоград, 1977. – 206 с
2. Маяцкий, В. Графология / В. Маяцкий. – М.: ЁЁ Медиа, 2022. – 537 с.
3. Раскин, А. Очерки и почерки: монография/ А. Раскин. – М.: Советский писатель. Москва, 2017. – 132 с.
4. Соколова, Т. Орнамент – почерк эпохи / Т. Соколова. – М.: Аврора, 2021. – 176 с.
5. Чернушенко Н.В. Криминалистическое исследование рукописных текстов: проблемы теории и практики // Информационная безопасность регионов. 2010. – № 2.

FORENSIC EXAMINATION OF HANDWRITING

Rayanova E.T., Ilina D.A.

State University of Maritime and Inland Shipping named after Admiral S.O. Makarov

This article describes the key features of handwriting research. The authors consider the main types of handwriting and their distinctive features. Special attention is paid to the historical aspects of handwriting expertise. Since the graphometric field appeared only in the 20th century, due to the lack of advanced technologies, specialists had to process a large number of handwritten materials every day, studying in detail the inclinations, letter features, etc. However, the very fact that in a difficult historical period they began to work with handwriting suggests that criminology does not stand still, developing and improving the methodology for finding evidence. The authors also present in the work: statistics collected after interviewing people of most age categories; a precedent in which handwriting expertise has become decisive in judicial practice. As a result of the research, the main problems that experts have in the process of performing handwriting expertise have been identified and proposals have been presented to improve handwriting expertise.

Keywords: criminology, handwriting, manuscript research, investigation, crime, handwriting expertise, judicial practice.

References

1. Vinberg L.A., Shvankova M.V. Handwriting expertise. – Volgograd, 1977. – 206 p.
2. Mayatsky, V. Graphology / V. Mayatsky. – M.: HER Media, 2022. – 537 p.
3. Raskin, A. Essays and handwriting: a monograph / A. Raskin. – M.: Soviet writer. Moscow, 2017. – 132 p.
4. Sokolova, T. Ornament – the handwriting of the epoch / T. Sokolova. – M.: Aurora, 2021. – 176 p.
5. Chernushenko N.V. Criminalistic investigation of handwritten texts: problems of theory and practice // Information security of regions. 2010. – № 2.

Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за посягательства на свободу совести и вероисповедания

Смирнова Анастасия Сергеевна,

аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации
E-mail: smnans@mail.ru

В работе поднимается и исследуется проблема законодательной регламентации уголовной ответственности за посягательства на свободу совести и вероисповедания на примере объекта преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 148 Уголовного кодекса Российской Федерации. Использование конкретно-социологического метода (анкетирование) и обращение к точкам зрения отдельных ученых, позволило подтвердить данные об отсутствии единого подхода к пониманию объекта посягательства, заложенного в часть 1 статьи 148 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Обращено внимание, что при изложении нормы в тексте уголовного закона были допущены отдельные нарушения языковых правил законодательной техники, например использование терминов, заимствованные из иных составов преступления, существенно отличающихся по объекту уголовно-правовой охраны.

Одновременно установлено, что объект преступлений против свободы совести и вероисповедания является разновидностью сложно структурированного объекта, правильное определение которого, в совокупности с необходимостью устранения нарушений языковых правил законодательной техники, поможет нивелировать отдельные вопросы, возникающие при квалификации исследуемой нормы как со смежными составами (статья 213, 214, 282 Уголовного кодекса Российской Федерации), так и с административным законодательством (статья 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Ключевые слова: регламентация уголовной ответственности, объект преступления, преступления против свободы совести и вероисповедания, законодательная техника, заимствованные термины.

Введение

Ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания закреплена в статье 148 УК РФ. В названной статье закреплено два самостоятельных состава преступления, один из которых закреплён в части 1 статьи и заключается в совершении лицом «публичных действий, выражающих явное неуважение к обществу и совершенных в целях оскорбления религиозных чувств верующих» [11].

К подобной формулировке часть 1 статьи 148 УК РФ приведена в 2013 году в связи с принятием Федерального закона от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [10], который послужил реакцией законодателя на печально известный «панк-молебен» феминистской панк-группы Pussy Riot в Богоявленском соборе в Москве в августе 2012 года.

Однако в первоначальной редакции текст, на тот момент еще законопроекта, значительно отличался от того, что позднее было принято.

Так, изначально предлагалось внесение изменений в главу 25 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» путем дополнения ее статьей 243.1 «Оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан и/или осквернение объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест, предназначенных для совершения религиозных обрядов и церемоний» [7]. В данной редакции законопроект прошел только первое чтение и уже ко второму чтению был переработан, и представлен в том виде, который в дальнейшем лег в основу действующей редакции статьи 148 УК РФ.

Немаловажным представляется и тот факт, что еще в период рассмотрения законопроекта в редакции, в дальнейшем воплощенной в статье 148 УК РФ, уже поднимались вопросы об отсутствии в содержании статьи защиты «свободы совести», употреблении в законе понятий, не имеющих правовой определенности и возможной конкуренции со ст. 5.26 КоАП РФ [9]. В дальнейшем, как мы можем наблюдать, эти вопросы из предполагаемых проблем превратились в реальные, которые теперь являются предметом не только научной дискуссии, но и «ахиллесовой пятой» в правоприменительной практике статьи 148 УК РФ.

Часть 1 статьи 148 УК РФ признает уголовно-наказуемым «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих».

Литературный обзор

Наиболее часто в литературе встречается подход, согласно которому объектом преступного посягательства выступают конституционные права граждан на свободу совести и вероисповедания. Также в качестве дополнительного объекта посягательства выделяют общественные отношения, которые возникают по поводу беспрепятственной законной деятельности религиозных организаций, совершения обрядов [4, с. 149], или честь и достоинство личности [12, с. 59].

В учебной литературе также высказывается позиция, что непосредственным объектом преступления является «свобода деятельности религиозных организаций и совершения религиозных обрядов» [13, с. 99].

В.Г. Беспалько, например, в качестве объекта уголовно-правовой охраны, применимого и к статье 148 УК РФ, выделяет религиозную безопасность [1, с. 43] «как существенный элемент духовной безопасности общества» [1, с. 42–43] и, следовательно, общественной безопасности.

Кроме того, отдельным авторами выдвигается точка зрения, в соответствии с которой, объектом посягательства, в части 1 и 2 статьи 148 УК РФ, выступают не отдельные конституционные права конкретного лица, а «..общественные отношения, складывающиеся в сфере общественного порядка и общественной нравственности по поводу уважительного и терпимого отношения к любой религии, догматы которой не противоречат Конституции России и законодательству страны» [2, с. 165–166].

Е.Н. Карабанова относит статью 148 УК РФ к преступлениям с интегративным объектом [3, с. 69], обращая внимание, что, «защищая посредством уголовно-правовых норм свободу совести и вероисповедания, государство тем самым защищает общественную нравственность» [3, с. 73].

А.В. Матецкая, рассматривая оскорбление чувств верующих «в контексте проблемы девиаций, связанных с религией», — отмечает, — «что оскорбительные действия, на которые реагируют верующие, не ограничивают их права придерживаться своей религии, а значит, не имеют отношения к защите свободы вероисповедания от осквернения, богохульства и кощунства» [5, с. 40], тем самым, также не поддерживая объект посягательства, определенный законодателем.

Таким образом, разнообразие представленных позиций свидетельствует о том, что до настоящего времени единого подхода к пониманию объекта преступления, предусмотренного частью 1 статьи 148 УК РФ, не сформировалось.

Материалы и методы

Результаты проведенного в 2024 и 2025 году анкетирования 104 сотрудников органов прокуратуры свидетельствуют о том, что правоприменители, в большинстве своем, придерживаются подхода к определению объекта преступления исходя из его расположения в структуре Особенной части УК РФ. Так, 60,4% опрошенных в качестве объекта посягательства в статье 148 УК РФ определяют свободу совести и вероисповедания (39,6%) или только свободу вероисповедания (20,7%). 34,3% опрошенных придерживаются понимания объекта посягательства в виде общественных отношений в сфере охраны общественной безопасности и порядка (18,1%) или общественной нравственности (16,2%) и лишь 5,4% относят к объекту честь и достоинство личности.

Результаты и обсуждение

Подобный подход, когда посягательство на свободу совести и вероисповедания определяется через ущерб скорее интересам общества и государства, но не отдельной личности, исторически обусловлен и связан с сохранившимся в национальном сознании дореволюционным подходом к уголовно-правовой охране названных правоотношений, который не успел трансформироваться в разрезе первостепенной охраны личности, в связи с чередой революционных событий. Данное обстоятельство еще в 1906 году описывал в своей работе С.В. Познышев: «Россия в настоящее время переживает великий момент рождения гражданской свободы. В развитии русской государственной жизни наступила эпоха...когда личность сбрасывает с себя полицейско-бюрократическую опеку государства и завоевывает неотъемлемые права свои. Вместе с другими «свободами» в нашу государственную жизнь неизбежно проникнет и свобода религиозная» [6, с. 292]. Из указанного следует, что для нашего общества исторически обусловлен подход к охране свободы совести и свободы вероисповедания скорее как общественного блага, но не как индивидуальных прав и свобод лица.

И, действительно, обращаясь к диспозиции части 1 статьи 148 УК РФ, мы видим формулировку «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу», которую достаточно сложно сопоставить с личными конституционными правами отдельного гражданина. Данные термины отсылают нас, скорее к тому самому «общественному», охрана которого осуществляется посредством установления ответственности в нормах иных глав УК РФ.

Подобная ситуация стала возможна, как нам представляется, в связи с тем, что при внесении изменений в статью 148 УК РФ федеральным законом от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия

оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [10], законодателем частично использована отмеченная выше терминология, которую сложно соотнести с охраной личных конституционных прав отдельного лица, что дополнительно накладывается на сложно структурированный объект, соединяющий в себе и частный, и общественный интерес.

Кроме того, уже при обсуждении проекта федерального закона № 142303–6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний» [7] основным лейтмотивом криминализации описанных в нем деяний выступала потребность «законодательно обеспечить государственную и общественную безопасность» [8], «...на корню пресекать любые попытки дестабилизировать обстановку и породить межконфессиональную рознь среди наших граждан» [8]. Также авторами законопроекта отмечалось, что «уголовная ответственность, для того чтобы на корню пресекать попытки провоцировать наше общество на беспорядки, должна быть» [8].

Выводы

Из указанного можно сделать вывод, что при криминализации в 2013 году деяний, предусмотренных частью 1 и 2 статьи 148 УК РФ, отечественным законодателем фактически применен подход, реализованный отдельными зарубежными странами, когда через установление уголовной ответственности за посягательства на свободу совести и вероисповедания осуществляется охрана не только личных конституционных прав граждан, но и общественного блага, в частности, общественной нравственности или общественной безопасности (спокойствия) (в зависимости от конкретной страны).

Конструирование сложно структурированного объекта преступления, когда конституционное право на свободу совести и вероисповедания интегрируется в общественную нравственность, наряду с терминологическими дефектами нормы (использование терминологии, употребление которой характерно для описания диспозиций статей, родовых и видовой объекты которых не связаны с личностью и ее конституционными правами), акцентирует внимание на проблеме определения объекта преступления, ответственность за которое установлена статьей 148 УК РФ, что напрямую влияет на квалификацию посягательств и отграничение статьи 148 УК РФ от смежных составов.

Одновременно с этим определено, что при регламентации уголовной ответственности за преступления, совершенные с целью «оскорбления религиозных чувств верующих», были нарушены языковые правила законодательной техники, предписывающие при конструировании уголовно-

правовых норм использовать простые и доступные для понимания термины, являющиеся однозначными и непротиворечивыми, устоявшимися и имеющими широкое применение.

При формулировании уголовно-правового запрета, предусмотренного частью 1 статьи 148 УК РФ, использованы три группы терминов, толкование содержания которых вызывают затруднения, а в своей совокупности, превращают норму в неопределенную:

- к первой группе относятся оценочные термины, которые допустимы к использованию в уголовном законе, но проблемы их толкования связаны с отсутствием легального определения и динамичностью правоотношений, в которых эти термины применяются (публичность, оскорбление);
 - ко второй группе относятся термины, заимствованные из иных составов преступления, существенно отличающихся по объекту уголовно-правовой охраны («выражение явного неуважения к обществу» также используемое в статье 213 УК РФ, излишне включено в диспозицию части 1 статьи 148 УК РФ, поскольку создает проблемы для разграничения указанных составов в правоприменительной практике);
 - к третьей группе относятся термины, используемые в других областях знаний, которые возможно заменить на общеупотребимые либо более сопоставимые с регулируемыми правоотношениями (религиозные чувства, верующие).
- В целях устранения нарушений языковых правил законодательной техники необходимо минимизировать использование второй и третьей групп терминов при конструировании составов преступлений. Использование же первой группы оценочных признаков допустимо при условии их единообразного толкования и отражения в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, с учетом динамичности регулируемых право- и социальных отношений.

Литература

1. Беспалько В.Г. Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Журнал российского права. 2014. № 7 (211).
2. Бахметьев П.В. Уголовно-правовые гарантии свободы совести и вероисповедания: отечественный опыт и международные стандарты: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Бахметьев Павел Владимирович; [Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т]. – Краснодар, 2017.
3. Карабанова Е.Н. Многообъектные преступления: теория, законодательство, практика: дис. ... доктора юридических наук: 12.00.08 / ФГ-КОУ ВО Университет прокуратуры Российской Федерации. – Москва, 2020.
4. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / В.М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор

- В.М. Лебедев. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 371 с. – (Профессиональные комментарии). – ISBN 978-5-534-00046-7. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. С. 149/
5. Матецкая А.В. Оскорбление религиозных чувств верующих: Российский контекст // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6.
 6. Познышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы: К реформе нашего законодательства о религ. преступлениях: Исслед. прив.-доц. Имп. Моск. ун-та С.В. Познышева. – Москва: Унив. тип., 1906.
 7. Пояснительная записка к проекту федерального закона О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6>.
 8. Стенограмма рассмотрения в первом чтении проекта федерального закона № 142303-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний» (заседание 88) [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6..>
 9. Стенограммы обсуждений Законопроекта № 142303-6 «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6>.
 10. Федеральный закон от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201306300002?index=5>.
 11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // СПС «Консультант Плюс.
 12. Уголовное право России: состояние и перспективы (преступления против личности): IV Всероссийская научно-практическая конференция. Волженкинские чтения, Санкт-Петербург, 30 ноября 2018 года: материалы / под общ. ред. А.А. Сапожкова. – Санкт-Петербург: Санкт-

Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019.

13. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / В.Б. Боровиков, А.А. Смердов; под редакцией В.Б. Боровикова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 505 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-17301-7. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. С. 99.

PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR ATTACKS ON FREEDOM OF CONSCIENCE AND RELIGION

Smirnova A.S.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The paper raises and explores the problem of legislative regulation of criminal liability for attacks on freedom of conscience and religion using the example of the object of crimes provided for in Part 1 of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation. The use of a specific sociological method (questionnaire) and an appeal to the points of view of individual scientists allowed us to confirm the data on the lack of a unified approach to understanding the object of encroachment, laid down in part 1 of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Attention is drawn to the fact that when presenting the norm in the text of the criminal law, certain violations of the linguistic rules of legislative technique were committed, for example, the use of terms borrowed from other crimes that differ significantly in the object of criminal law protection.

At the same time, it has been established that the object of crimes against freedom of conscience and religion is a type of complexly structured object, the correct definition of which, together with the need to eliminate violations of linguistic rules of legislative technique, will help to offset certain issues arising in the qualification of the norm under study both with related compounds (Articles 213, 214, 282 of the Criminal Code of the Russian Federation), and with administrative legislation (Article 5.26 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation).

Keywords: regulation of criminal liability, object of crime, crimes against freedom of conscience and religion, legislative technique, borrowed terms.

References

1. Bepalko V.G. Criminal and legal protection of religious relations // Journal of Russian Law. 2014. № 7 (211).
2. Bakhmetyev P.V. Criminal law guarantees of freedom of conscience and religion: domestic experience and international standards: dissertation ... Candidate of Law: 12.00.08 / Pavel Vladimirovich Bakhmetyev; [Place of defense: Kuban State Agrarian University. university]. Krasnodar, 2017.
3. Karabanova E.N. Multi-object crimes: theory, legislation, practice: dis. ... Doctor of Law: 12.00.08 / FGKOU HE University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. – Moscow, 2020.
4. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation in 4 volumes. Volume 2. The special part. Sections VII–VIII / V.M. Lebedev [et al.]; executive editor V.M. Lebedev. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 371 p. (Professional comments). – ISBN 978-5-534-00046-7. – Text: electronic // Educational platform Yurait [website]. p. 149.
5. Matetskaya A.V. Insulting religious feelings of believers: The Russian context // Humanities and Social Sciences. 2015. № 6.
6. Poznyshv S.V. Religious crimes from the point of view of religious freedom: Towards the reform of our religious law. crimes: Research. priv.-assoc. Imp. Moscow. S.V. Poznyshv University. Moscow: Univ. tip., 1906.
7. Explanatory Note to the draft Federal Law On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to counteract the

insult to Religious beliefs and feelings of citizens, desecration of objects and objects of religious worship (pilgrimage), places of religious rituals and ceremonies [Electronic resource] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6>.

8. Transcript of the first reading of draft Federal Law No. 142303-6 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to counteract the insult to Religious Beliefs and Feelings of Citizens, desecration of objects and objects of religious worship (pilgrimage), places of religious rites and ceremonies» (session 88) [Electronic resource] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6>.
9. Transcripts of discussions on Draft Law No. 142303-6 «On Amendments to Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to Counteract Insulting Religious beliefs and Feelings of Citizens» [Electronic resource] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6>.
10. Federal Law No. 136-FZ dated 06/29/2013 «On Amendments to Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to Counteract Insulting Religious Beliefs and Feelings of Citizens» [Electronic resource] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201306300002?index=5>.
11. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 08/04/2023) (as amended and supplemented, intro. effective from 12.10.2023) // SPS «Consultant Plus.
12. Russian Criminal Law: status and prospects (crimes against the person): IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Volzhenkin Readings, St. Petersburg, November 30, 2018: materials / under the general editorship of A.A. Sapozhkov. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2019.
13. Criminal law. Special part: textbook for universities / V.B. Borovikov, A.A. Smerdov; edited by V.B. Borovikov. – 7th ed., revised and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 505 p. (Higher education). – ISBN 978-5-534-17301-7. – Text: electronic // Educational platform Yurayt [website]. p. 99.

Смоляр Максим Борисович,

аспирант, кафедра уголовно-правовых дисциплин
и правоохранительной деятельности, НОЧУ ВО «Московский
университет «Синергия» (Университет «Синергия»)
E-mail: 700m500@mail.ru

В статье рассматриваются особенности квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Анализируются правовые проблемы, возникающие при применении действующего уголовного законодательства к деяниям, осуществляемым в киберпространстве. Автор акцентирует внимание на пробелах правового регулирования, затрудняющих установление состава преступления, субъектного состава и причинно-следственных связей между деянием и наступившими последствиями. Особое внимание уделяется необходимости адаптации уголовно-правовых норм к трансформации способов совершения преступлений в текущих условиях.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, квалификация преступлений, киберпреступность, уголовное право, цифровизация, правовое регулирование.

Цифровизация, глобализация, увеличение скорости Интернет-подключения и массовое распространение электронных устройств – все это привело к беспрецедентному росту преступных деяний, осуществляемых посредством информационно-коммуникационных технологий. Практически в каждой стране фиксируется рост числа т.н. киберпреступлений. По некоторым оценкам, число киберпреступлений составляет 30% от общего числа преступлений [9, с. 142]

Киберпреступность имеет место в принципиально новой среде для криминальной активности – киберпространстве. Киберпространство представляет собой особую виртуальную среду, порожденную развитием информационных технологий. Благодаря таким свойствам киберпространства, как анонимность, высокая степень автоматизации, децентрализованность и трансграничность, киберпреступность обрела статус устойчивой формы криминального бизнеса, приносящей колоссальные доходы и наносящей ощутимый ущерб национальным социально-экономическим системам.

Киберпреступность демонстрирует высокую динамику эволюции – если ранее общество сталкивалось с последствиями простых, единичных злонамеренных инцидентов, сегодня мировая общественность, правительства и корпорации подвергаются сложным кибератакам, имеющим необратимый и разрушительный эффект [4, с. 147]. В данной связи национальные законодательные массивы дополняются новыми положениями, регулирующими виртуальные правоотношения. Тем не менее, в попытках урегулировать функционирование онлайн-пространства, законодатели и правоприменители сталкиваются со множеством затруднений, препятствий и рисков.

Прежде всего, следует сказать о неопределенности терминологического аппарата в данной области. Так, в отношении дефиниции понятий «киберпреступление» и «киберпреступность» до сих пор не наблюдается единства мнений. В общем виде киберпреступление определяется как преступление, совершаемое (1) с использованием компьютерной системы или сети (Интернета), (2) в пространстве компьютерной системы или сети или (3) направленное против компьютерной системы или сети [9, с. 143].

Так, российское уголовное законодательство до сих пор не содержит закрепленного понятия «киберпреступность». Как правило, под киберпреступлением исследователи понимают «противозаконные действия, осуществляемые через цифровые устройства и информационные системы, включающие умышленное нарушение функцио-

нирования компьютерного оборудования, непропорциональное изменение цифровых данных и прочие преступные деяния в виртуальной среде» [2, с. 52].

Множество дискуссий, в частности, возникает вокруг понятия «компьютерная информация». Данный термин зафиксирован в ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [УК], но, при этом, его дефиниция не в полной мере отражает его цифровую природу [Пекаева, с. 263]. В примечании к ст. 272 УК РФ [11] компьютерная информация понимается как совокупность электронных данных, передаваемых посредством электрических импульсов. Данное определение было расширено положениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 [10]: компьютерная информация – это любые электронные сигналы, базы данных и иная информация, обрабатываемая и хранящаяся с помощью различных технических средств. Исследователи предлагают заменить понятие «компьютерная информация» на термин «цифровые данные» – как более обширный и при этом точный.

Кроме того, существенным недостатком вышепредставленных дефиниций является указание на компьютерные устройства. Тем не менее, киберпреступления совершаются не только посредством компьютера и компьютерных сетей, но и с использованием планшетов, смартфоном, «умных» устройств, носимых гаджетов и т.п. Кроме того, критике подвергается нечеткая и во многом устаревшая формулировка «электрические сигналы».

Квалификация преступлений, совершаемых посредством компьютерных систем или сети, существенно осложняется нечеткостью толкования этих и других терминов. Причинами данной проблемы, по нашему мнению, выступают: новизна феномена киберпреступности и междисциплинарный характер данной области правового регулирования (инженерия, программирование, финансы, право, экономика и про.). Законодатель, к сожалению, отстает от реальных темпов развития киберпреступности, и не всегда фиксирует новые явления, процессы и технологии, которые применяются киберпреступниками. Следовательно, возникает необходимость в законодательном определении терминов, а также выработку таких формулировок, которые могут быть адаптированы к новым реалиям и потенциальным изменениям.

Трудности при квалификации киберпреступлений возникают при определении предмета преступления. Некоторые специалисты рассматривают компьютерное оборудование и информационные системы хранения информации в качестве основного предмета преступных посягательств в киберпространстве. Другие же считают, что предметом преступления выступает компьютерная информация. В реальной практике, в свою очередь, можно наблюдать, что компьютерная информация может выступать одновременно и предметом посягательства, и инструментом совершения противоправного деяния. То же касается компьютерных систем – целью преступника может быть ее деструк-

ция или же система используется лишь в качестве вспомогательного инструмента.

Квалификация киберпреступлений осложняется также отсутствием законодательных положений об ответственности за ознакомление с информацией [2, с. 54]. Правонарушитель может ознакомиться информацией, успев при этом совершить «основное» противоправное деяние. При этом, необходимо ввести ответственность за проникновение в информационные системы – серьезное посягательство на права владельца компьютерной информации. Согласно положениям ч. 1 ст. 272 УК РФ, уголовная ответственность наступает лишь при наличии последствий ознакомления с информацией [11]. Подобными последствиями, по мнению законодателя, выступают блокировка, модификация, копирование или уничтожение данных. Тем не менее, ущерб наносится уже в момент несанкционированного проникновения в компьютерную систему.

На текущий момент непропорциональным доступом к информации считается доступ, в результате которого осуществляется копирование, изменение, блокировка, удаление информации [1, с. 422]. Ознакомление, таким образом, не подпадает под категорию «незаконный доступ», хотя доведение некоторых сведений до сведения злоумышленника уже само по себе может причинить ущерб владельцу данных или лицам, которых эти данные непосредственно или косвенно затрагивают.

Данный тезис также порождает вопрос о том, что следует считать правомерным доступом к компьютерной информации [7, с. 262]. Правомерность доступа в подобном контексте детерминирована не только наличием разрешения от владельца информации или уполномоченного лица, но и целью, способом и последствиями осуществления такого доступа. Таким образом, разграничение между правомерным и непропорциональным доступом требует комплексной юридической оценки. В частности, значимым критерием является наличие либо отсутствие у субъекта доступа должностных, контрактных или иных правовых оснований для взаимодействия с соответствующей компьютерной системой. Кроме того, учитывается, осуществляется ли доступ в пределах предоставленных полномочий, с соблюдением установленных политик информационной безопасности, или же действия субъекта выходят за рамки допустимого.

Вопрос о правомерности доступа приобретает особую значимость. Это обусловлено, с одной стороны, высокой степенью автоматизации процессов, а с другой – невозможностью немедленного выявления субъекта доступа, особенно при наличии «маскирующих» технологий, таких как VPN, прокси-серверы или сети Tor. В этой связи законодательство и правоприменительная практика нуждаются в уточнении критериев квалификации деяний, связанных с доступом к информации, и пересмотре доктринального подхода к моменту наступления уголовной ответственности за посягательства на информационную безопасность.

Говоря об отечественном нормативном правовом массиве, следует отметить, что уголовная ответственность за совершение киберпреступлений описывается в тексте гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации». Российский законодатель представил перечень из пяти видов правонарушений: ст. 272 описывает ситуации неправомерного доступа к компьютерной информации, ст. 273 – разработку, применение и распространение вредоносного программного обеспечения, ст. 274 – нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и сетей), ст. 274.1 – оказание неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, ст. 274.2 – нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации сети Интернет и иных локальных и внешних сетей [11].

По мнению некоторых исследователей, квалификацию правонарушений в рассматриваемой нами области затрудняет само название гл. 28 УК РФ. Речь идет об игнорировании российским законодателем термина «киберпреступления» и употреблении вместо него термина «преступления в сфере компьютерной информации» [6, с. 363]. При этом на веб-сайтах официальных ведомств, в отчетности Министерства внутренних дел и иных государственных Интернет-ресурсах широко используется термин «киберпреступление».

Правоведы указывают, что больше всего трудностей в квалификации связано с правоприменением положений ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации». В большинстве случаев за указанные преступления суд назначает альтернативные наказания в виде исправительных или принудительных работ, ограничения свободы, штрафов; максимальная мера наказания за совершение преступлений данной категории составляет от трех до пяти лет [6, с. 363].

Подобная мягкая мера наказания не всегда согласуется с тяжестью преступления, что, в свою очередь, можно расценивать как нарушение принципов справедливости и соразмерности наказаний. Следует учесть факт недостаточной детализации видов правонарушений, описанных в ст. 272 УК РФ. Законодатель, можно сказать, не предусматривает ужесточение наказаний даже в случае, когда правонарушители обладают высоким уровнем специальной подготовки, демонстрируют повышенную скрытность, или когда преступление носит трансграничный, дистанционный и масштабный характер. Единственным исключением выступает преступное деяние, наказание за которое описано в положениях ч. 4 ст. 272 УК РФ – неправомерный доступ к компьютерной информации, повлекший тяжкие последствия или создавший угрозу наступления таких последствий (лишение свободы на срок до семи лет).

При этом квалификация подобных правонарушений существенно затруднена вследствие отсутствия критериев, позволяющих считать правонарушение тяжким. Кроме того, критике подвергается формулировка «создавший угрозу наступления тяжких последствий». Данная размытость не позволяет правоприменителям эффективно квалифицировать соответствующие правонарушения и назначать за них соразмерные наказания. В попытках детализировать вышеотмеченные критерии и раскрыть содержание понятия «тяжкие последствия» Пленум Верховного Суда РФ опубликовал постановление № 37 от 15 декабря 2022 г., в тексте которого содержалась дефиниция тяжких последствий («длительная приостановка или нарушение работы предприятия, учреждения или организации, получение доступа к информации, составляющей охраняемую законом тайну, предоставление к ней доступа неограниченному кругу лиц, причинение смерти по неосторожности, тяжкого вреда здоровью» [10]). Тем не менее, и этот документ не смог в полной мере усовершенствовать вышеописанные аспекты правового регулирования. Так, в частности, исследователи обращают внимание на отсутствие единого мнения по поводу содержания критерия «длительная приостановка деятельности организаций».

Проблемы в квалификации рассматриваемой нами группы преступлений сопряжены также и с тем, что сам по себе термин «преступления в сфере компьютерной информации» уже можно сказать, утратил актуальность. Дело в том, что на современном этапе развития технологий объектами неправомерного воздействия могут быть не только данные из компьютеров или сети, но и другие цифровые конструкты – программы искусственного интеллекта, нейросети, облачные хранилища, сервера и проч. Все это порождает парадоксальную ситуацию: российский законодатель называет подобные деяния «преступлениями в сфере компьютерной информации», но далеко не все они связаны с использованием самого компьютера.

В качестве примера несоответствия действующих законодательных формулировок фактическому состоянию научно-технического прогресса можно привести злонамеренные манипуляции с оборудованием, обеспечивающим поддержание жизни лица. Все более активное использование искусственного интеллекта и робототехники в медицине, в т.ч. паллиативной, приводит к риску неправомерного доступа к медицинскому программному обеспечению. Так, еще в середине 1980-х гг. аппарат лучевой терапии Therac-25 из-за ошибки в программном обеспечении ввел ошибочную дозу препарата пациентам, что привело к шести случаям передозировок радиации и двум смертям. Данные ошибки не являются единственными, приведшими к смерти и передозировкам людей от аппаратов. В 2016 г. было совершено одно из первых целенаправленных убийств с использованием робота. Пациент погиб от подачи в капельни-

цу смертоносного состава вместо предписанного лекарства. Уголовно-правовая оценка подобных действий не отражает специфики подобных преступлений [8, с. 92]. При этом не вполне понятно, к какой категории преступлений относить такие деяния, итогом которых является убийство или непреднамеренная смерть лица, но, при этом, данное действие было опосредовано цифровым инструментарием.

Подобное «удаленное убийство» не встречается в отечественном нормативном правовом массиве. Данные действия осуществляются без непосредственного физического воздействия одного человека на другого, что затрудняет их квалификацию в качестве «классического» убийства, но, при этом, тяжесть данного преступления также не позволяет включить его в разряд компьютерных преступлений.

Помимо прочих трудностей, описанных нами в тексте статьи, можно отметить еще одну. При квалификации компьютерных преступлений российский законодатель фактически игнорирует такое деяние, как приобретение компьютерной программы, подпадающей под диспозицию ст. 273 УК РФ. Некоторые правоведы считают необходимым дополнение соответствующей статьи положениями об ответственности за приобретение вредоносной программы, ведь это действие фактически является таким же общественно опасным деянием, как и разработка такой программы [5, с. 336].

Помимо прочего, появляются новые способы причинения вреда личности, ответственность за которые не предусмотрена уголовным законодательством (дипфейки, stalking, кибербуллинг). Данные формы деструктивного поведения приобретают всё более распространённый характер в условиях стремительной цифровизации общественных отношений. Подобные деяния нуждаются в правовой оценке ввиду возникновения сложностей при их квалификации в правоприменении. Дипфейк – технология модификации аудио- и видеоконтента с применением искусственного интеллекта. Данная технология используется в целях дезинформации, для нанесения репутационного ущерба, шантажа и манипуляции мнением широкой общественности. Stalking, выражающийся в навязчивом и систематическом преследовании лица в цифровой среде, в отечественной правовой системе не имеет самостоятельной уголовно-правовой квалификации. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении кибербуллинга, особенно в контексте подростковой и молодёжной среды, где последствия психологического давления и агрессии могут иметь долгосрочные травматические эффекты.

В заключение отметим: на текущий момент наблюдается объективная необходимость адаптации уголовного законодательства к новым социально-цифровым реалиям. Это требует комплексного пересмотра уголовно-правовых норм, обновления терминологического аппарата, разработки новых составов преступлений.

Литература

1. Батюкова, В. Е. К вопросу о квалификации киберпреступлений / В.Е. Батюкова // Право и управление. – 2023. – № 10. – С. 419–423.
2. Гильмутдинова, Ю.Ю. Проблемы уголовно-правовой квалификации киберпреступлений по законодательству Российской Федерации / Ю.Ю. Гильмутдинова // Lex criminalis scientiarum. – 2025. – № 1 (3). – С. 51–55.
3. Гришин, А.С. Проблемы квалификации преступлений, связанных с обращением прав на цифровые активы / А.С. Гришин // Имущественные отношения в РФ. – 2020. – № 6 (225). – С. 50–55.
4. Козаев, Н.Ш. Киберпреступность в современном мире: тенденции, вызовы и стратегии противодействия / Н.Ш. Козаев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 11. – С. 146–153.
5. Коркин, М. С. К вопросу о квалификации преступлений в сфере компьютерной информации: проблемы теории / М.С. Коркин, П.О. Рубан, И.С. Утва // Право и управление. – 2024. – № 6. – С. 334–340.
6. Никульченкова, Е.В. Неопределенность терминологии и проблемы квалификации киберпреступлений (по материалам судебной практики) / Е.В. Никульченкова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2024. – № 3 (98). – С. 361–366.
7. Пекарева, В.В. Прикладные проблемы квалификации противоправных деяний в сфере компьютерной информации / В.В. Пекарева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9–3 (96). – С. 262–264.
8. Перина, А.С. Квалификация цифровых преступлений против личности: проблемные вопросы / А.С. Перина // Вестник ЮГУ. – 2023. – № 2 (69). – С. 87–102.
9. Плотникова, Т.В. Феномен киберпреступности в условиях XXI века / Т.В. Плотникова, О.В. Котельникова // Право: история и современность. – 2020. – № 3 (12). – С. 141–150.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 N 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации ...» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/. – Дата доступа: 17.05.2025.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Дата доступа: 17.05.2025.

SPECIFIC FEATURES OF QUALIFICATION OF DIGITAL CRIMES

Smolyar M.B.

Moscow University "Synergy"

The article describes the features of qualification of crimes committed with the use of information and communication technologies (ICT). The author analyzes the legal problems that arise when applying the current criminal legislation to acts carried out in cyberspace. The author focuses on the gaps in legal regulation that complicate the establishment of the *corpus delicti*, the subject composition and the cause-and-effect relationships between the act and the consequences. Particular attention is paid to the need to adapt criminal law norms to the transformation of the methods of committing crimes in the current conditions.

Keywords: information and communication technologies, qualification of crimes, cybercrime, criminal law, digitalization, legal regulation.

References

1. Batyukova, V.E. On the issue of qualification of cybercrimes / V.E. Batyukova // *Law and Management*. – 2023. – No. 10. – P. 419–423.
2. Gilmutdinova, Yu.Yu. Problems of criminal-legal qualification of cybercrimes under the legislation of the Russian Federation / Yu.Yu. Gilmutdinova // *Lex criminalis scientiarum*. – 2025. – No. 1 (3). – P. 51–55.
3. Grishin, A.S. Problems of qualification of crimes related to the circulation of rights to digital assets / A.S. Grishin // *Property relations in the Russian Federation*. – 2020. – No. 6 (225). – P. 50–55.
4. Kozaev, N. Sh. Cybercrime in the Modern World: Trends, Challenges, and Counteraction Strategies / N. Sh. Kozaev // *Humanities, Socio-Economic, and Social Sciences*. – 2024. – No. 11. – P. 146–153.
5. Korkin, M.S. On the Issue of Qualifying Crimes in the Sphere of Computer Information: Theoretical Problems / M.S. Korkin, P.O. Ruban, I.S. Utva // *Law and Management*. – 2024. – No. 6. – P. 334–340.
6. Nikulchenkova, E.V. Ambiguity of Terminology and Problems of Qualifying Cybercrimes (Based on Case Law) / E.V. Nikulchenkova // *Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies*. – 2024. – No. 3 (98). – P. 361–366.
7. Pekareva, V.V. Applied problems of qualification of illegal acts in the field of computer information / V.V. Pekareva // *International journal of humanitarian and natural sciences*. – 2024. – No. 9–3 (96). – P. 262–264.
8. Perina, A.S. Qualification of digital crimes against the individual: problematic issues / A.S. Perina // *Bulletin of SUSU*. – 2023. – No. 2 (69). – P. 87–102.
9. Plotnikova, T.V. The phenomenon of cybercrime in the 21st century / T.V. Plotnikova, O.V. Kotelnikova // *Law: history and modernity*. – 2020. – No. 3 (12). – P. 141–150.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 N 37 "On certain issues of judicial practice in criminal cases on crimes in the field of computer information ..." // *ConsultantPlus* [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/. – Access date: 17.05.2025.
11. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 21.04.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 02.05.2025) // *ConsultantPlus* [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Access date: 17.05.2025.

К вопросу о посредственном причинении преступного вреда при уклонении от уплаты таможенных и иных платежей

Спирин Павел Николаевич,

Дальневосточный федеральный университет
E-mail: pn.spirin@gmail.com

Целью проведения исследования является рассмотрение вопроса посредственного причинения преступного вреда при уклонении от уплаты таможенных и иных платежей, взимаемых с физического лица или организации, ответственность за которое предусмотрена статьей 194 УК РФ. Проблемный характер указанному вопросу придает, во-первых, возможность фактического занятия внешнеэкономической деятельностью с 14 лет, то есть до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности по рассматриваемому составу преступления, во-вторых, то обстоятельство, что субъект указанного противоправного деяния является специальным, то есть обладающим дополнительными характеристиками, социальными ролями, позволяющими рассматривать его в качестве непосредственного (а также опосредованного) исполнителя, что следует из взаимосвязанных положений статей 33, 34 Уголовного закона. В свою очередь, согласно позиции исследователя при посредственном уклонении от уплаты пошлин, налогов, а также иных платежей лицом, использующее не подлежащее привлечению к уголовной ответственности в силу возраста другое лицо, может признаками специального субъекта (таможенно-правовым статусом) не обладать, что не позволяет в указанной ситуации рассматривать его как посредственного причинителя вреда по статье 194 УК РФ. Указанное лицо также не может быть субъектом преступления по статье 150 УК РФ при подстрекательстве лица в возрасте от 14 до 16 лет к такому уклонению ввиду недостижения подстрекаемым лицом возраста уголовной ответственности, что позволяет утверждать об отсутствии состава преступления. С учетом изложенного автором предлагается внести изменения в статью 34 УК РФ, которые представят правовую возможность в исключительном порядке рассматривать при посредственном причинении преступного вреда лицо, не обладающее статусом специального субъекта преступления, в качестве его исполнителя.

Ключевые слова: уклонение, таможенные платежи, посредственное причинение, преступный вред, специальный субъект преступления, 194 УК РФ, возраст привлечения, уголовная ответственность.

Проблема ответственности при посредственном причинении преступного вреда на протяжении длительного периода времени обращает на себя внимание множества исследователей в области уголовного права. И небезосновательно. Трудно оспорить утверждение о том, что указанный тип преступного поведения обладает повышенной степенью общественной опасности, поскольку для достижения замысла «остающееся в тени» виновное лицо использует не осознающих общественной опасности своего поведения лиц, то есть совершает преступление как бы «чужими руками».

Посредственное причинение (или посредственное исполнение, если вести речь о выполнении объективной стороны преступления введенным в заблуждение лицом), характеризуется исследователями как совершение преступления с использованием другого лица, которое не подлежит уголовной ответственности [8, с. 15; 12, с. 166; 2, с. 54; 11, с. 60], или же невиновно действующего лица [6, с. 222; 10, с. 156].

Являясь поистине архаичным явлением (упоминание о необходимости привлечения к ответственности виновных, использующих других лиц для совершения преступлений, уже встречается в древнеегипетском Поучении Мерикара [4, с. 98], а также в Дигестах Юстиниана [2, с. 54]), институт ответственности за посредственное причинение, усиливающее латентность преступлений, не утрачивает своей актуальности и по сей день, в особенности для преступлений в сфере экономической деятельности, и так по своей сути являющихся сложно раскрываемыми и трудно доказуемыми.

Среди оснований применения положений Уголовного закона о посредственном причинении преступного вреда частью 2 статьи 33 Уголовного кодекса России предусмотрено и недостижение лицом, посредством использования которого совершается преступление, возраста привлечения к уголовной ответственности.

Указанное основание в контексте привлечения к уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных и иных платежей, предусмотренной статьей 194 УК, представляет для нас особый интерес.

Стоит отметить, что вопросу определения возраста уголовной ответственности в контексте рассматриваемого состава преступления как одной из фундаментальных характеристик субъекта исследователи, в своем большинстве, должного внимания не уделяют. Отдельные ученые ограничиваются формулировкой, что таковой субъект должен обладать базовыми характеристиками, предъяв-

ляемыми уголовным законодательством к общему субъекту. Указанную позицию в своих диссертационных исследованиях выражают В.М. Андреева [3, с. 107] и К.С. Степанов [9, с. 9].

В свою очередь, Х.А. Абдуллаева при рассмотрении признаков субъекта анализируемого преступления приходит к выводу, что таковым по общему правилу должно выступать лицо, достигшее возраста 18 лет, поскольку Гражданский кодекс РФ именно с наступлением этого возраста связывает приобретение гражданами полной дееспособности, а значит и возможности в полной мере заниматься внешнеэкономической деятельностью [1, с. 14].

Действительно, как следует из положений статьи 21 ГК РФ по общему правилу способность не только иметь права, но и создавать для себя обязанности и исполнять их граждане приобретают с восемнадцатилетнего возраста, что означает, в том числе, появление возможности занятия коммерческой деятельностью в сфере внешней торговли, а, соответственно, и обязанности по уплате таможенных и иных платежей, возникающей в связи с перемещением через границу товаров.

Однако, как упоминает сам автор, законодательством допускаются исключения из указанного правила. В том числе, Х.А. Абдуллаевой говорится об эмансипации несовершеннолетнего. Так, статья 27 ГК РФ допускает возможность признать достигшего шестнадцатилетнего возраста гражданина полностью дееспособным, если последний осуществляет трудовую или предпринимательскую деятельность с согласия законных представителей. Изложенное свидетельствует об абсолютно полной и неограниченной возможности осуществления внешнеэкономической деятельности несовершеннолетним эмансипированным гражданином пусть и в порядке некоего исключения.

Далее обратим внимание на порядок декларирования перемещаемых физическими лицами через границу товаров для личного пользования. Пунктом 14 статьи 260 ТК ЕАЭС установлено, что декларантами таких товаров могут выступать физические лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста. А коль лицо выступает декларантом таких товаров, то, соответственно, обладает всеми предоставленными и налагаемыми таможенным законодательством правами и обязанностями, включая обязанность по уплате таможенных и иных платежей.

Учитывая вышеперечисленное, на первый взгляд, противоречий между гражданским, таможенным и уголовным законодательством в части возраста установления ответственности не возникает.

Сложнее обстоит вопрос в случае индивидуальными предпринимателями, осуществляющими деятельность в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, поскольку правоприменители в рассматриваемой ситуации рискуют столкнуться с противоправной безнаказанной деятельностью в сфере таможенного дела.

Возможность занятия предпринимательством с четырнадцати лет допускается на основании взаимосвязанных положений статей 23, 26 ГК РФ, а также статьи 22.1 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Так, в качестве законного основания занятия предпринимательской деятельностью Гражданский кодекс определяет регистрацию гражданина в качестве индивидуального предпринимателя. Подпунктом «з» пункта 1 статьи 22.1 Закона № 129-ФЗ установлено, что в случае регистрации несовершеннолетнего предпринимателя в налоговый орган наряду со всеми необходимыми документами представляется нотариально удостоверенное согласие законных представителей на осуществление такой деятельности. Положения статьи 26 ГК РФ позволяют совершать несовершеннолетнему предпринимателю сделки с письменного согласия законных представителей. Изложенное подтверждается и позициями исследователей в сфере гражданского права [5, с. 82]. В свою очередь, в силу положений статьи 20 Уголовного закона возраст привлечения к уголовной ответственности по статье 194 УК общий, составляющий 16 лет на момент совершения преступления.

В связи с чем и утверждение В.В. Лавринова о том, что нельзя однозначно говорить о том, что субъектом преступления, предусмотренного статьей 194 УК РФ, может выступать лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, ввиду его недееспособности [7, с. 78] представляется нам несправедливым.

Более того, на основании перечисленных законоположений следует вывод, что при уклонении от уплаты таможенных и иных платежей, совершенным «юным» предпринимателем, не достигшим на момент содеянного 16 лет, вопрос о привлечении к уголовной ответственности рассматриваться не может ввиду отсутствия субъекта преступления.

Однако, на наш взгляд, проблема здесь состоит не столько в том, что сами несовершеннолетние предприниматели разрабатывают и реализуют схемы уклонения от уплаты таможенных и иных платежей, поскольку даже занятие «легальной» внешнеэкономической деятельностью требует большой интеллектуальной вовлеченности, знания огромного массива правовых норм и подзаконных нормативно-правовых актов, нюансов таможенного законодательства, что под силу не каждому четырнадцатилетнему лицу, не говоря уже о преступной деятельности в обозначенной сфере. «Корень зла» кроется в возможности использования лицами, реально уклоняющимися от исполнения публично-правовой обязанности по уплате платежей, таких предпринимателей в качестве подставных лиц для ухода от уголовной ответственности.

Как мы упоминали выше, положения части 2 статьи 33 УК допускают привлечение в качестве исполнителей к уголовной ответственности лиц,

непосредственно не совершавших деяния, направленные на причинение вреда объекту преступного посягательства, но использующих для претворения преступного замысла в жизнь лиц, не подлежащих уголовной ответственности, в том числе в силу возраста. Указанное также усматривается из позиции Верховного Суда РФ, отраженной в абзаце 5 пункта 42 Постановления Пленума от 1 февраля 2011 г. № 1, внесшим ясность по ряду вопросов, связанных с привлечением к уголовной ответственности несовершеннолетних.

Однако нам думается, что родители, опекуны, представляющие законные интересы несовершеннолетнего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, или иные лица, вовлекающие его в преступную деятельность, в случае посредственного причинения вреда к уголовной ответственности по статье 194 УК России привлечены быть не могут, поскольку они, как правило, не обладают специальным таможенно-правовым статусом, то есть не являются специальными субъектами рассматриваемого преступления, что не позволяет рассуждать о них как об исполнителях преступления при посредственном причинении вреда. Упомянутое также косвенно подтверждается положениями части 4 статьи 34 УК РФ, согласно которой лица, не обладающие признаками специального субъекта преступления, участвующие в его совершении, в качестве исполнителей не рассматриваются.

Не может в рассматриваемом случае указанному причинителю вреда быть вменено и противоправное деяние, предусмотренное статьей 150 Уголовного закона, поскольку в деяниях лиц моложе 16 лет отсутствует состав преступления ввиду недостижения ими необходимого возраста. Изложенное корреспондируется с абзацем 6 пункта 42 вышеупомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1, согласно которому действия взрослого лица по подстрекательству несовершеннолетнего к совершению преступления могут быть квалифицированы по статье 150 УК РФ только при наличии полной совокупности признаков состава преступления, к совершению которого предпринимаются меры по подстрекательству.

Следовательно, в нынешних законодательных реалиях привлечение в качестве исполнителя к уголовной ответственности за преступление со специальным субъектом в связи с посредственным причинением вреда возможно только при наличии специального правового статуса у лица.

Однако, как правило, лица, совершающие преступления «чужими руками», характеризующиеся наличием специального субъекта, таким статусом не обладают. В дополнение к указанному отсутствию у формального исполнителя «базовых» характеристик общего субъекта не позволяет утверждать о наличии состава преступления, а значит, и о соучастии в нем. В связи с изложенным нам видится правовой барьер, препятствующий привлекать к установленной законом ответственности

лиц, фактически осуществляющих преступную деятельность, не только как исполнителей, но и в качестве организаторов, пособников или подстрекателей.

Решение обозначенной проблемы видится нам во внесении изменений в часть 4 статьи 34 УК, предусматривающих оговорку касательно возможности привлечения к ответственности при посредственном причинении в преступлении со специальным субъектом. В связи с чем предлагается ввести оговорку в обозначенную уголовно-правовую норму, при которой в случае совершения преступления лицом, не являющимся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части УК РФ, посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных Уголовным законом, такое лицо, совершившее преступление, признается его исполнителем.

Таким образом, возможность введения данного изъятия из общего правила о привлечении к ответственности в качестве исполнителя лица, обладающего статусом специального субъекта, обосновывается тем, что предложенные нововведения позволят распространить превентивную функцию уголовного права на случаи совершения преступлений лицами, обладающими признаками общего субъекта преступления, с использованием лиц, выступающих специальными субъектами, но не обладающих в силу возраста признаками общего субъекта, а также пресекать попытки использования последних в целях ухода от уголовной ответственности.

Литература

1. Абдуллаева, Х.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика уклонения от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Абдуллаева Хадижат Абдулкадыровна. – М., 2009. – 26 с.
2. Алексеев, С.В. Уголовно-правовые особенности посредственного причинения вреда в групповом преступлении / С.В. Алексеев // Право и практика. – 2021. – № 1. – С. 53–57.
3. Андреева, В.М. Уголовно-правовое противодействие уклонения от уплаты таможенных платежей: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Андреева Виктория Михайловна. – М., 2014. – 188 с.
4. Георгиевский, Э.В., Кравцов, Р.В. Развитие нормы о посредственном причинении вреда в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран / Э.В. Георгиевский, Р.В. Кравцов // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 2 (97). – С. 98–104.
5. Казиханова, С.С., Галахтин, М.Г. Предпринимательская деятельность несовершеннолетних / С.С. Казиханова, М.Г. Галахтин // Акту-

альные проблемы российского права. – 2016. – № 9 (70). – С. 81–92.

6. Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев – М.: Госюриздат, 1960. – 244 с.
7. Лавринов, В.В. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Лавринов Вячеслав Викторович – Ростов-на-Дону, 2003. – 205 с.
8. Луньков, Д.А. Посредственное причинение вреда: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Луньков Дмитрий Александрович. – Екатеринбург, 2013. – 29 с.
9. Степанов, К.С. Уголовно-правовая характеристика уклонения от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Степанов Константин Сергеевич. – М., 2007. – 28 с.
10. Церетели, Т.В. Причинная связь в уголовном праве / Т.В. Церетели – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1957. – 276 с.
11. Шеслер, А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью: Монография / А.В. Шеслер – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 1999. – 74 с.
12. Янина, И.Ю. О правомерности регламентирования посредственного причинения в рамках главы 7 «Соучастие в преступлении» уголовного кодекса Российской Федерации / И.Ю. Янина // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 6 (67). – С. 165–173.

ON THE ISSUE OF MEDIATED CRIMINAL DAMAGE CAUSED BY EVASION FROM CUSTOMS AND OTHER PAYMENTS

Spirin P.N.

Far Eastern Federal University

The purpose of this study is to consider the issue of mediated criminal harm caused by evading customs and other payments levied on an individual or organization, the responsibility for which is provided for in Article 194 of the Criminal Code of the Russian Federation. The problematic nature of this issue is given, firstly, by the possibility of actually engaging in foreign economic activity from the age of 14, that is, until reaching the age of criminal responsibility for the offence in question, and secondly, by the fact that the subject of the said unlawful act is special, that is, possessing additional characteristics and social roles that allow it to be considered as a direct (as well as indirect) perpetrator, which follows from the interrelated provisions of articles 33, 34 of the Criminal Code. In turn, according to the researcher's position, with mediated evasion of duties, tax-

es, and other payments, a person who uses another person who is not subject to criminal liability due to his age may not have the characteristics of a special entity (customs and legal status), which does not allow him to be considered as a mediated cause of harm in this situation, according to Article 194 of the Criminal Code of the Russian Federation. The said person also cannot be the subject of a crime under Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation when inciting a person aged 14 to 16 to such evasion due to the failure of the incited person to reach the age of criminal responsibility, which allows us to assert the absence of *corpus delicti*. Taking into account the above, the author proposes to amend Article 34 of the Criminal Code of the Russian Federation, which will provide an exceptional legal opportunity to consider a person who does not have the status of a special subject of a crime as its perpetrator in the case of mediated criminal harm.

Keywords: tax evasion, customs payments, mediated infliction, criminal harm, special subject of crime, 194 of the Criminal Code of the Russian Federation, age of involvement, criminal liability.

References

1. Abdullayeva, H.A. Criminal law and criminological characteristics of evasion from customs duties levied on an organization or an individual: abstract of the dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.08 / Abdullayeva Khadzizhat Abdulkadyrovna. – Moscow, 2009–26 p.
2. Alekseev, S.V. Criminal law features of mediated harm in a group crime / S.V. Alekseev // Law and practice. – 2021. – № 1. – PP. 53–57.
3. Andreeva, V.M. Criminal law counteraction to customs evasion: abstract of the dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.08 / Andreeva Victoria Mikhailovna. – Moscow, 2014. – 188 p.
4. Georgievsky, E.V., Kravtsov, R.V. The development of the law of mediated harm in the criminal legislation of some foreign countries / E.V. Georgievsky, R.V. Kravtsov // Siberian Law Bulletin. – 2022. – № 2 (97). – PP. 98–104.
5. Kazikhanova, S.S., Galakhtin, M.G. Entrepreneurial activity of minors / S.S. Kazikhanova, M.G. Galakhtin // Actual problems of Russian law. – 2016. – № 9 (70). – PP. 81–92.
6. Kudryavtsev, V.N. The objective side of crime / V.N. Kudryavtsev – Moscow: Gosyurizdat, 1960. – 244 p.
7. Lavrinov, V.V. Criminal liability for customs evasion: abstract of the dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.08 / Lavrinov Vyacheslav Viktorovich – Rostov-on-Don, 2003. – 205 p.
8. Lunkov, D.A. Mediated harm: criminal law and criminological aspects: abstract of the dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.08 / Lunkov Dmitry Alexandrovich. – Yekaterinburg, 2013. – 29 p.
9. Stepanov, K.S. Criminal and legal characteristics of evasion from customs duties levied from an organization or an individual: abstract of the dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.08 / Konstantin Sergeevich Stepanov, Moscow, 2007–28 p.
10. Tsereteli, T.V. Causal relationship in criminal law / T.V. Tsereteli – Tbilisi: Publishing House of Tbil. University, 1957. – 276 p.
11. Shesler, A.V. Criminal law means of combating group crime: A monograph / A.V. Shesler – Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1999. – 74 p.
12. Yanina, I.Y. On the legality of regulating mediocre infliction within the framework of Chapter 7 “Complicity in a crime” of the Criminal Code of the Russian Federation / I.Y. Yanina // Actual problems of Russian law. – 2016. – № 6 (67). – PP. 165–173.

Вопросы понятия «правоохранительная деятельность» в юридической теории

Суховецкая Елена Юрьевна,

кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: suhoveckaya74@mail.ru

Кабанова Жанна Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: KabanovaJU@yandex.ru

Емельянов Михаил Иванович,

курсант, «Правовое обеспечение национальной безопасности» Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: mishaemela2@mail.ru

Понятие «правоохранительная деятельность» представляет собой одну из наиболее дискуссионных конструкций в юридической теории, в которой пересекаются многие координаты – прежде всего, правовые, институциональные, идейно-ценностные. Актуальность обсуждаемой темы аргументируется как нормативной неопределённостью термина в действующем законодательстве, так и отсутствием теоретического консенсуса среди учёных относительно пределов, субъектного состава, а также смыслового содержания этого термина. Целью в рамках данной статьи служит систематизация внутренних противоречий в существующих дефинициях, установление границ понятия, выявление его структурной целостности вне традиционного отождествления с функционированием конкретных правоохранительных органов. Проанализированы и охарактеризованы подходы, варьирующиеся от узкоинституциональных до интегративных, включая нормативно-деонтологические и аксиологические модели. Авторы приходят к выводу, что современные научные исследования в данной области характеризуются фрагментарностью и теоретической разобщённостью. Авторский вклад проявляется в уточнении границ термина, в обозначении противоречий в понятийном аппарате, в обосновании необходимости использования многоуровневого подхода, где принимаются во внимание не только формально-правовые, но и ценностные компоненты. Излагаемые материалы адресованы специалистам в области общей теории права, а также тем, кто занимается концептуальным совершенствованием правовых категорий в условиях законодательного регулирования.

Ключевые слова: дефиниция, понятие, правоохранительная деятельность, правозащитный механизм, правопорядок, теория права, юридическая теория

Введение

Несмотря на широкое использование категории «правоохранительная деятельность» в юридической науке, единое и концептуально стройное её определение до сих пор не выработано. Термин продолжает оставаться полисемантическим, что обуславливает методологические сложности при его теоретическом осмыслении, затрудняет формализацию в правотворческой практике.

Существуют очевидные разногласия между нормативным значением понятия, его доктринальным содержанием, а также реалиями функционирования правоохранительных органов. Проблема заключается в неопределённости критериев, которые позволили бы однозначно выделить данную сферу деятельности из более широкой категории государственной функции по обеспечению правопорядка.

Итак, исследование сущностных признаков и гносеологических границ понятия «правоохранительная деятельность» представляется актуальной научной задачей, имеющей как теоретическую значимость, так и практическую ценность – в контексте институциональной систематизации государственной власти.

Материалы и методы

В современной литературе, посвящённой раскрытию темы, прослеживаются несколько устойчивых методологических направлений.

Значительная часть авторов сосредоточена на дефиниционном анализе и выделении сущностных признаков понятия. Так, Ф.С. Сибгатуллин рассматривает правоохранительную деятельность как специфический вид публичной функции, в основе которой лежит государственное принуждение, правозащитная направленность, юридическая формализованность [6]. Сходный подход демонстрирует З.Ш. Оздоева, дополняя концепцию акцентом на легитимации субъекта через закон [3], а Н.А. Тиванкова развивает идею о многоуровневой структуре этой деятельности, связывая её с механизмами реализации правового регулирования [8]. С.А. Косенко, в свою очередь, утверждает, что институциональный аспект не исчерпывает содержание правоохранительной функции [1].

Другую группу составляют изыскания, которые посвящены понятийным разграничениям. А.С. Советкина анализирует различие между правозащитной и правоохранительной деятельностью, указывая на существенные функциональные и целевые

отличия [7]. М.А. Оношко рассматривает термин сквозь призму государственной безопасности, обосновывая пересечение целей и задач в системе органов исполнительной власти [4]. Т.Т. Шиктыбаев, А.З. Ибраев, Р.С. Каспаева поднимают вопрос об идейно-ценностных основаниях [10].

Ещё один весьма значимый подход сфокусирован на практическом и прикладном анализе понятия, в том числе, в контексте борьбы с преступностью. С.Л. Лось анализирует роль правоохранительной деятельности как инструмента криминологического реагирования, указывая на необходимость её институциональной адаптивности к изменяющимся формам преступности [2]. Н.А. Охотник акцентирует внимание на направлениях реализации функции правоохранения в российском обществе, включая профилактику, контроль, санкционирование, что позволяет видеть в понятии не только теоретическую конструкцию, но и управленческий ресурс [5]. Р.Ш. Шарофзода исследует развитие дефиниции в контексте эволюции концепций, отмечая тенденцию к расширению и неопределённости в современном правоведении [9].

Таким образом, в проанализированных источниках наблюдаются противоречия, прежде всего, в понимании субъектного состава характеризующей деятельности и критериев её отграничения от смежных правовых феноменов. Отсутствие консенсуса в вопросе об участии негосударственных институтов (адвокатура, правозащитные организации) порождает разнонаправленные трактовки. Помимо этого, мало внимания уделяется анализу правоохранительной деятельности в транснациональном и сравнительно-правовом контексте.

При раскрытии темы в рамках данной статьи задействованы следующие методы: формально-юридический, системный, сравнительно-правовой, логико-семантический, а также элементы институционального анализа.

Результаты и обсуждение

Системный анализ доктринальных подходов помогает выявить значительное расхождение в трактовке обсуждаемого понятия. Одни исследователи [1, 4, 9] склонны ограничивать его рамками компетенции специализированных государственных органов:

- полиции;
- прокуратуры;
- суда;
- органов безопасности.

Другие [5, 8], напротив, акцентируют внимание на функциональной стороне, трактуя правоохранительную деятельность как совокупность мер по защите прав, свобод, законных интересов граждан (вне зависимости от институционального субъекта). Указанные различия не являются сугубо семантическими – они отражают глубинные расхождения в понимании самого механизма функционирования правового государства.

Далее предлагается привести несколько примеров, демонстрирующих различное понимание.

Так, интерес представляет институционально-функциональный подход. Он прослеживается в работе Ф.С. Сибгатуллина, из содержания которой вытекает, что правоохранительная деятельность – это форма осуществления публичной власти, реализуемая уполномоченными государственными органами и иными субъектами в целях защиты права, пресечения правонарушений, восстановления нарушенного правового порядка, отличающаяся юридической формализованностью, императивным характером в сочетании с возможностью применения мер принуждения [6].

В указанном определении делается упор на институциональной структуре и функциональных характеристиках – признаётся как субъектная специфика, так и целевые ориентиры.

Следующий вариант носит интегративный характер. Так, при ознакомлении со статьёй С.Л. Лось, делается вывод о том, что правоохранительная деятельность представляет собой совокупность целенаправленных юридически значимых действий государственных и негосударственных субъектов, которые ориентированы на обеспечение реализации, охрану, восстановление субъективных прав, интересов, а также защиту правопорядка, осуществляемую в правовых формах и в пределах законодательно закреплённой компетенции [2].

Данное понимание интегрирует подходы, в рамках которых признаётся участие негосударственных субъектов (например, адвокатуры, правозащитных НКО) и подчёркивается юридическая легитимность всех процедур.

Следующая формулировка характеризуется нормативно-деонтологическим содержанием, что прослеживается в публикации З.Ш. Оздоевой, в которой правоохранительная деятельность определена как установленная государством система правовых обязанностей и полномочий, посредством которой обеспечиваются соблюдение и защита норм права с помощью правоприменительных процедур, юридической ответственности, надзора за законностью (с целью поддержания устойчивого правопорядка, защиты общественных ценностей) [3].

В данном случае акцент сделан на нормативной основе и регулятивной природе деятельности – правоохранительная функция рассматривается как реализация предписаний правовой системы.

Целесообразно обратиться к идейно-ценностным основам рассматриваемого понятия, которые раскрываются Т.Т. Шиктыбаевым, А.З. Ибраевым, Р.С. Каспаевой. Применительно к правоохранительной деятельности они формируются вокруг принципа верховенства права, приоритета защиты свобод личности, обеспечения справедливости как фундаментальной категории общественного устройства. Эта деятельность выражает правовую миссию государства по поддержанию законности, недопущению произвола, восстановлению нарушенного правового порядка, основанная на справедливом устройстве власти, недопустимо-

сти безнаказанности. Важной ценностью здесь выступает доверие к правовой системе как к гарантии устойчивости и предсказуемости общественных отношений [10].

Как представляется, концепция, сводящая правоохранительную деятельность исключительно к функционалу специализированных органов, имеет упрощенный характер.

С опорой на неё игнорируется участие в правоохранительных процессах таких субъектов, как адвокатура, нотариат, омбудсмен, а также институтов гражданского общества, действующих в правозащитной парадигме. Вместе с тем, чрезмерное расширение границ понятия до уровня всеобъемлющей «защиты права» нивелирует его аналитическую ценность.

Попытки найти универсальные критерии, дающие возможность объективно определить исследуемую деятельность, чаще всего апеллируют к триаде признаков (рис. 1)

Рис. 1. Признаки, учитываемые при установлении критериев, позволяющих определить правоохранительную деятельность (составлено на основе [7, 9])

Указанная триада, на первый взгляд, предлагает логичный и стройный алгоритм разграничения. Однако при ближайшем рассмотрении каждый из критериев оказывается не вполне исчерпывающим.

Так, правозащитность, как основной признак, отличается значительной абстрактностью. Многие виды юридической деятельности (включая правотворчество, правоприменение, правовое консультирование) могут реализовывать защиту прав и законных интересов, но при этом не определяются как правоохранительные. Юридическая форма – также весьма обобщённый критерий, который не позволяет отличить, например, деятельность органов исполнительной власти от функций судебной власти. В свою очередь, признак государственного принуждения, несмотря на свою специфику, не охватывает всей полноты правоохранительного поля (так, адвокат не обладает властными полномочия-

ми, но его участие в уголовном процессе является неотъемлемой частью механизма правоохранения) [4, 8, 9].

В результате уместно резюмировать, что универсального критерия, предоставляющего возможность однозначно характеризовать правоохранительную деятельность, на сегодняшний день не выработано. Это свидетельствует о необходимости пересмотра концептуального аппарата в пользу более гибких и комплексных методологических подходов.

На уровне институционального анализа представляется весьма значимым разграничение между субъектами, обладающими правоохранительной компетенцией в полном объёме, и теми, кто участвует в соответствующих процессах лишь косвенно. Суд, прокуратура, органы дознания, следствия наделены властными полномочиями, включая право на применение принудительных мер, таких как, возбуждение уголовных дел, вынесение обязательных решений. Обозначенные характеристики сближают их по логике действия и структуре задач.

В то же время, такие правовые институты, как адвокатура, правозащитные организации, действуют в иной плоскости – не обладая принудительными рычагами, они обеспечивают составительный баланс, контроль за соблюдением законности, осуществляют независимую юридическую экспертизу. Их функционал принципиально отличается по средствам, но сопряжён с системой обеспечения прав и свобод, что делает их неотъемлемым звеном правоохранения.

Итак, с учётом институционального подхода рекомендуется учитывать не только формальный статус субъекта, но и характер взаимодействия с другими элементами системы, форму участия в процессе защиты права, степень нормативной регламентации их полномочий.

Далее обратимся к исторической динамике понятия. В советской юридической науке правоохранительная деятельность трактовалась в жёстких рамках государственной монополии на принуждение. Её связывали с репрессивным аппаратом, противопоставляя системе «общественного контроля». Подобная узость была обусловлена идеологической доктриной [9].

С переходом к правовому государству и плюралистической модели правопорядка произошло расширение подходов – в обиход вошли концепции гражданского участия, адвокатского самоуправления, правозащитного мониторинга. Это существенно преобразило как сам понятийный аппарат, так и структуру дефиниции. В современных условиях правозащитная функция делегирована множеству институтов, в том числе, частноправовым и негосударственным образованиям, что требует переосмысления прежних теоретических конструкций [5].

Исходя из вышеизложенного, уместно утверждать, что понятие «правоохранительная деятельность» нуждается в многоуровневом определении, с опорой на которое принимаются в учёт как инсти-

туциональные, так и функциональные параметры. Предлагается использовать дифференцированную модель, в которой центральное «ядро» составляют органы, реализующие государственно-властную защиту права с применением принудительных механизмов, а периферия – субъекты, обеспечивающие гарантии прав и свобод в контексте:

- юридической состоятельности;
- экспертной поддержки;
- мониторинга;
- правозащитной деятельности.

Указанный подход, как представляется, позволяет избежать как ненужного сужения, так и неопределенности понятия, сохранив его аналитическую эффективность и применимость в научной и практической сфере.

Выводы

Понятие «правоохранительная деятельность» не может быть сведено к простой совокупности функций или перечню органов. Как показано и аргументировано в данной статье, оно представляет собой многогранную правовую категорию, находящуюся на пересечении нормативного, институционального, социокультурного измерений.

Юридическая наука сегодня стоит перед необходимостью разработки адаптивных методологических подходов, способных отразить динамику развития правовых институтов на фоне совершенствования законодательного регулирования.

С прицелом на перспективу важно обеспечить теоретическую и практическую значимость понятийного аппарата, в том числе, и в отношении дефиниции «правоохранительная деятельность».

Литература

1. Косенко С.А. Правоохранительный орган и правоохранительная деятельность: разграничение понятий // Инновационные научные исследования 2022: право и экономика. Сборник материалов VIII международной очно-заочной научно-практической конференции. – Москва: 2022. – С. 68–72.
2. Лось С.Л. Понятие правоохранительной деятельности и ее роль в борьбе с преступностью // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXIII международной научно-практической конференции. – Красноярск: 2020. – С. 79–82.
3. Оздоева З.Ш. К вопросу о понятии и признаках правоохранительной деятельности // Гражданин и право. – 2024. – № 2. – С. 85–88.
4. Онопко М.А. Соотношение понятий «государственная безопасность» и «правоохранительная деятельность» применительно к системе органов исполнительной власти Российской Федерации // Юридический факт. – 2020. – № 102. – С. 18–23.
5. Охотник Н.А., Суховецкая Е.Ю. Понятие и основные направления правоохранительной де-

ятельности в современном российском обществе // Новый юридический вестник. – 2021. – № 4 (28). – С. 27–29.

6. Сибгатуллин Ф.С. Понятие правоохранительной деятельности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 3. – С. 152–160.
7. Советкина А.С. Соотношение понятий «правозащитная деятельность» и «правоохранительная деятельность» // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2022. – № 2–2. – С. 203–206.
8. Тиванкова Н.А. Правоохранительная деятельность: понятие, сущность, механизмы // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 20. – С. 411–417.
9. Шарофзод Р.Ш. Развитие понятия «правоохранительная деятельность» в рамках углубления теоретических подходов // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXVI международной научно-практической конференции. – Иркутск: 2021. – С. 364–370.
10. Шиктыбаев Т.Т., Ибраев А.З., Каспаева Р.С. Идеино-ценностные основы понятия правоохранительной деятельности и некоторые методологические аспекты ее осмысления // Вестник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. – 2023. – № 1 (79). – С. 172–179.

ISSUES OF THE CONCEPT OF “LAW ENFORCEMENT ACTIVITY” IN LEGAL THEORY

Sukhovetskaya E.Yu., Kabanova Zh.Yu., Emelyanov M.I.

Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation

The concept of law enforcement activity is among the most contested constructs in legal theory, positioned at the intersection of legal, institutional, and axiological dimensions. The relevance of the topic stems from the normative ambiguity of the term in current legislation and the lack of scholarly consensus regarding its scope, subject composition, and semantic content. The aim of this article is to systematize internal contradictions within existing definitions, to delineate the conceptual boundaries of law enforcement activity, and to reveal its structural coherence beyond the traditional identification with the operation of specific institutions. The paper analyzes and characterizes various theoretical approaches, ranging from narrowly institutional to integrative models, including normative-deontological and axiological frameworks. The author concludes that the contemporary academic discourse is marked by fragmentation and conceptual disunity. The contribution of the study lies in refining the semantic contours of the term, identifying distortions in the conceptual apparatus, and justifying the need for a multi-level approach that incorporates not only formal-legal but also value-oriented components. The article is intended for scholars in the field of general legal theory as well as for those engaged in the conceptual reconstruction of legal categories under conditions of normative diffusion.

Keywords: concept, definition, law enforcement activity, legal order, legal theory, mechanism of rights protection, theory of state and law.

References

1. Kosenko S.A. Law enforcement agency and law enforcement activity: differentiation of concepts // Innovative scientific re-

- search 2022: law and economics. Collection of materials of the VIII International correspondence scientific and practical conference. – Moscow: 2022. – Pp. 68–72.
2. Lonin S.L. The concept of law enforcement and its role in combating crime // Actual problems of combating crime: issues of theory and practice. Materials of the XXIII International scientific and practical conference. – Krasnoyarsk: 2020. – Pp. 79–82.
 3. Ozdoeva Z.S. On the question of the concept and signs of law enforcement activity // Citizen and law. – 2024. – No. 2. – Pp. 85–88.
 4. Onopko M.A. The relationship between the concepts of “state security” and “law enforcement activities” in relation to the system of executive authorities of the Russian Federation // Legal fact. – 2020. – No. 102. – Pp. 18–23.
 5. Okhotnik N.A., Sukhovetskaya E.Y. The concept and main directions of law enforcement activity in modern Russian society // New Legal Bulletin. – 2021. – No. 4 (28). – Pp. 27–29.
 6. Sibgatullin F.S. The concept of law enforcement activity // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. – 2023. – Vol. 9 (75). – No. 3. – Pp. 152–160.
 7. Sovetkina A.S. Correlation of the concepts of “human rights activity” and “law enforcement activity” // Science of the XXI century: current directions of development. – 2022. – No. 2–2. – Pp. 203–206.
 8. Tivankova N.A. Law enforcement activity: concept, essence, mechanisms // Innovations. Science. Education. – 2020. – No. 20. – Pp. 411–417.
 9. Sharofzoda R.S. The development of the concept of “law enforcement activity” in the framework of deepening theoretical approaches // The activities of law enforcement agencies in modern conditions. Collection of materials of the XXVI International scientific and practical conference. – Irkutsk: 2021. – Pp. 364–370.
 10. Shiktybaev T.T., Ibraev A.Z., Kaspaeva R.S. Ideological and value foundations of the concept of law enforcement and some methodological aspects of its understanding // Bulletin of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov. – 2023. – No. 1 (79). – Pp. 172–179.

Криминологические особенности личности преступника, совершающего мошенничество (ст. 159 УК РФ) с использованием сети Интернет

Ховатов Антон Анатольевич,

адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета
МВД России
E-mail: anton-khovatov98@mail.ru

Данная статья посвящена изучению криминологических особенностей личности преступника, совершающего мошенничество с использованием сети «Интернет». Автор анализирует специфические особенности личности преступников, использующих сеть «Интернет» для совершения мошеннических действий, и на основе этого анализа вырабатывает их криминологический портрет. В ходе работы резюмируется практическая значимость исследования для разработки мер по предупреждению мошенничеств, совершаемых с использованием сети «Интернет».

Ключевые слова: личность преступника; информационно-телекоммуникационные технологии; мошенничество, совершаемое с использованием сети «Интернет»; предупреждение преступлений; хищение или приобретение права на чужое имущество.

Президент Российской Федерации В.В. Путин на совещании с кабинетом министров 5 марта 2025 года заявил, что ущерб для граждан, а значит, и для государства со стороны телефонных и интернет-мошенников приобрел просто недопустимые размеры, очень большие, поэтому действовать нужно быстро[4].

Более того, заявление главы государства также подтверждается данными официальной статистики. В 2024 году было зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации[5].

Статистика также указывает на устойчивый ежегодный рост числа подобных преступлений. Так, за период с января по декабрь 2024 года их количество увеличилось на 13,1% по сравнению с тем же периодом 2023 года.

Одним из способов снижения роста совершенных преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, заключается в проведении предупредительной деятельности по отношению к лицам, совершающим данные преступления.

Профилактическое воздействие на процессы криминализации личности представляет собой чрезвычайно важную задачу, так как это позволяет предотвратить возникновение преступных наклонностей и уменьшить количество совершаемых преступлений. Для повышения эффективности профилактического воздействия целесообразным представляется проведение исследования особенностей личности преступника, которое поможет определить факторы, способствующие его криминальной активности.

Исследование криминологических особенностей личности преступника требует многоаспектного подхода, так как влияние различных факторов на процесс криминализации является сложным и многогранным. Некоторые из основных аспектов характеристики личности преступника включают его социальное окружение, психологические особенности, биологические факторы и наличие predispositionности к антисоциальному поведению.

Следует определить какое деяние квалифицируется как мошенничество, совершаемое с использованием сети «Интернет». Вопрос о квалификации данного деяния разъясняет Верховный Суд Российской Федерации. Если хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Ин-

тернет» (например, создание поддельных сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использование электронной почты), то такое мошенничество следует квалифицировать по статье 159, а не 159.6 УК РФ[1].

Под понятием «лицо, совершившее мошенничество, предусмотренное ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, с использованием сети «Интернет»» следует понимать лицо, которое похитило чужое имущество или приобрело право на чужое имущество, путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Исследование криминологических особенностей личности преступника, совершающего мошенничество с использованием сети «Интернет» требует обращения к комплексу отдельных свойств подструктуры личности, которые помогут выявить детерминанты его преступного поведения.

Поведение человека, в том числе и преступное, определяется и проявляется через призму его социально-демографических и психологических характеристик. Поэтому при изучении личности интернет-мошенника важно учитывать эти факторы.

Лица определенного пола, возраста, образования, социального положения, тех или иных интеллектуальных, волевых, эмоциональных, физических качеств имеют относительно большую или меньшую вероятность оказаться среди совершивших те или иные преступления[2, с. 45].

Одной из проблем настоящего исследования является ограниченность общедоступных статистических данных о личности преступника, совершающего мошенничество с использованием сети «Интернет». К примеру, статистические сведения, представленные в отчетах Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, отражают количественные показатели демографических и социальных характеристик личности преступников, которые совершили мошенничество (ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации), однако не содержат количественных показателей о личности преступника, дифференцированных по способу совершения мошенничеств (например: с использованием сети «Интернет»; с использованием средств мобильной связи и т.д.). Это обуславливает невозможность использования статистических данных, представленные в отчетах Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, поскольку они не отражают специфику личностных особенностей преступников, совершающих мошенничество с использованием сети «Интернет».

В этой связи, был проведен социологический опрос 143 сотрудников правоохранительных органов на тему: «Мошенничество, совершаемое с использованием сети «Интернет»» (далее – опрос), а также запрошены статистические сведения о мошенничестве, совершаемом с использованием сети «Интернет», на территории г. Санкт-Петербурга

и Ленинградской области с 2020 по 2024 год¹, полученные из Информационного центра Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – ИЦ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). Данные, полученные в ходе опроса и анализа статистических сведений, позволили выявить определенные демографические и психосоциальные особенности личности преступника, совершающего мошенничество с использованием сети «Интернет», которые впоследствии могут быть использованы в предупреждении данных преступлений.

С 2020 по 2024 год на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области было совершено 89240 мошенничеств с использованием сети «Интернет». При этом лицо, совершившее данное деяние, было установлено и привлечено к установленной законом ответственности только в 2011 случаях (2,3%). Мужчины совершали данное преступление в 1541 (77,2%) случаев. Данные лица были, как правило, не судимы. Только 16,5% лиц имели судимость за 1, 2 и более преступлений.

Исследуя криминологические особенности преступника, совершающего мошенничество с использованием сети «Интернет» следует обратиться к его возрасту, поскольку именно возраст лица определяет его жизненные потребности, цели, а также интересы и образ жизни.

Согласно статистическим данным ИЦ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в 1008 случаях, когда было установлено лицо, совершившее мошенничество с использованием сети «Интернет», оно имело возраст от 30 до 49 лет, что составляет 50,1% от общего числа лиц, совершивших данное преступление, с 2020 по 2024 год на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

С точки зрения психологии, возраст является способностью осознания внутреннего «Я» в окружающем мире. Однако с точки зрения криминологии возраст позволяет исследовать личность с позиции его социального статуса, ролей и функций, выполняемых им в связи с достижением определенного возраста, опыта, привычек, мотивационных аспектов, побуждающих к совершению определенных поступков, а также реакции личности на возникающие конфликтные ситуации и т.п. Общественная опасность преступного поведения лиц в возрасте от 30 до 49 лет, по общему правилу, имеет большую степень, нежели преступления совершенные лицами в ином возрасте. Это объясняется тем, что у лиц в данной возрастной категории имеется устоявшееся мировоззрение и характер, сформированы интересы, привычки, а также потребности. В данном возрасте вышеуказанные элементы направленности личности редко подвергаются какому-либо изменению, а модель криминальной активности формировалась на протяжении

¹ Статистические данные получены в ходе профессиональной деятельности автора на основании запроса № 411 от 27.03.2025.

нии определенного количества лет и, как правило, неискоренима. Зачастую криминальная активность данных преступников начинала формироваться еще в более юном возрасте, однако реальное воплощение нашла в возрасте от 30 до 49 лет.

Однако, несмотря на то, что половина всех мошенничеств с использованием сети «Интернет», совершаются лицами в возрасте от 30 до 49 лет, примечательным является тот факт, что данная преступность «молодеет». За последние два года количество лиц в возрасте от 18 до 24 лет, совершивших мошенничество с использованием сети «Интернет», заметно возросло и составляет 332 человека, по сравнению с периодом с 2020 по 2022 год (165 человек). Количество лиц в возрасте от 18 до 24 лет, совершивших мошенничество с использованием сети «Интернет», составляет 24,7% от общего числа лиц, совершивших данное преступление.

Данный факт свидетельствует о том, что в настоящее время требуется более тщательная выработка и скорейшее внедрение профилактических мер, которые будут способствовать снижению количества лиц в возрасте от 18 до 24 лет, совершающих мошенничество с использованием сети «Интернет». Предупредить криминальную активность лиц в возрасте ранней зрелости чрезвычайно важно не только с целью снижения уровня преступности, но и с тем, чтобы лицо осуществляло свою жизнедеятельность и трудовую активность на благо общества. Поскольку данный возрастной период характеризуется наибольшими изменениями при высоких показателях развития интеллектуальных функций, а также является финалом созревания личности.

Стоит отметить, что количество лиц, совершивших мошенничество с использованием сети «Интернет», в возрасте от 16 до 29 лет примерно равно количеству лиц в возрасте от 30 до 49 лет (868 и 1008 человек соответственно).

В этой связи стоит однозначно убедиться в «омоложении» возрастной категории лиц, совершающих данное преступление. Данный факт также подтверждается опросом, согласно которому 127(88,8%) респондентов (сотрудников правоохранительных органов) заявили о том, что возраст лиц, совершающих мошенничество с использованием сети «Интернет», составляет от 16 до 29 лет.

Научные изыскания о криминологической характеристике личности мошенника в своем большинстве свидетельствуют о том, что он выделяется из числа других преступников уровнем образования. Именно уровень образования, как правило, формирует общие представления о ценностях и моральных нормах у лица, но, безусловно, не представляется в качестве криминогенного фактора.

Согласно статистическим сведениям лица, совершившие мошенничество с использованием сети «Интернет», распределяются по уровню образования следующим образом: высшее образова-

ние – 25,7%, среднее профессиональное образование – 30,3%, среднее общее образование – 33,5%.

Анализ нравственно-психологической подструктуры личности мошенника позволяет выявить отношение указанного лица к тем социальным ценностям, которые господствуют в обществе, обязанностям как гражданина, его моральным установкам, интересам, взглядам, а также его отношению к нормам морали и права, и в этой связи избираемыми им способами удовлетворения своих потребностей.

По мнению В.Е. Эминова, материальные потребности вызывают корыстную мотивацию поступков. Слабая материальная обеспеченность, характерная для преступников, часто выступает причиной совершения корыстного преступления[3, с. 115].

Помимо этого, согласно проведенному опросу, в котором респондентам было предложено ответить на вопрос: «Как Вы считаете, что является мотивом данных преступных деяний?» (мошенничеств, совершаемых с использованием сети «Интернет»), 88 (61,5%) респондентов выбрали вариант ответа «корысть». В данном случае мнения ученых-криминологов и правоприменителей идентичны, а приведенные выше аргументы дают возможность с уверенностью констатировать о том, что причиной совершения мошенничества с использованием сети «Интернет» является, прежде всего, корысть.

Таким образом, по характеру антисоциальной направленности, личности мошенника присущи доминирующие корыстные побуждения, которые движут его на совершение преступления в целях личной наживы и обеспечения своей материальной выгоды.

Лицо, совершающее мошенничество с использованием сети «Интернет», идет на преступление исходя из стойкой корыстной мотивации, при этом характеризуется уверенностью в себе, стремлением к самоутверждению и получению средств к достойному существованию. Колоссальная материальная выгода, которую мошенник может получить преступным путем, невзирая на нормы права и морали, предопределяет стойкую направленность на совершение им ряда однородных преступлений.

Анализ статистических данных о роде занятий (социальном положении) лиц, совершивших мошенничество с использованием сети «Интернет», с 2020 по 2024 год свидетельствуют о том, что лица, совершающие данное противоправное деяние, являются:

- трудоспособными, не имеющими постоянного источника дохода (56,1%);
- лицами, имеющими рабочую специальность (25%);
- учащимися и студентами (4,1%).

Данное распределение свидетельствует о том, что противоправное поведение, заключающееся в совершении мошенничества, обусловлено экономическими обстоятельствами, именно поэтому у большинства лиц отсутствует постоянный источ-

ник дохода, при этом они являются трудоспособными гражданами.

Опираясь на работы ученых-криминологов и статистические данные о роде занятий (социальном положении) мошенников, можно смело говорить, о том, что имеется очевидная взаимосвязь, складывающаяся между отсутствием стабильного источника доходов и увеличивающимся уровнем совершенных преступлений корыстной направленности.

Таким образом, следует подвести черту под исследованием криминологических особенностей личности преступника, совершающего мошенничество с использованием сети «Интернет». Проведенное исследование предоставляет возможность сформулировать его криминологический портрет.

Это, как правило, лицо мужского пола, относящееся к возрастной категории от 30 до 49 лет, имеющее среднее образование, не нашедшее постоянного и легального источника дохода, которому присущи доминирующие корыстные побуждения, движущие его на совершение преступления в целях личной наживы и обеспечения своей материальной выгоды.

Практическая значимость исследования особенностей личности преступника, совершающего мошенничество с использованием сети «Интернет», проявляется через разработку мер, направленных на предупреждение возникновения преступного умысла, как у лиц, уже совершивших данное преступление, так и у неопределенного круга лиц, наиболее схожего по демографическим и психосоциальным особенностям личности преступников.

Таковыми мерами могут являться:

1. Индивидуальная профилактика правонарушений с лицами, поставленными на профилактический учет (подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными за совершение преступлений корыстной направленности, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных технологий);

2. Профилактическая работа с гражданами о недопустимости совершения мошенничеств с использованием сети «Интернет» и наступления негативных последствий за его совершение. Повышенную эффективность и наибольший охват данная профилактическая работа может принять, если она будет осуществляться путем рассылки таргетированных сообщений от лица государственных органов или администраторов социальных сетей, направленных узкой целевой аудитории, сегментированной по демографическим признакам, схожей с криминологическим портретом лица, совершающего мошенничество с использованием сети «Интернет»;

3. Проведение работодателем профилактических бесед с работниками о недопустимости совершения преступлений (в том числе мошенничеств) и использования сети «Интернет» в противоправных целях;

4. В виду «омоложения» возрастной категории лиц, совершающих мошенничество с использованием сети «Интернет», целесообразным представляется проведение профилактических бесед с обучающимися образовательных организаций о недопустимости совершения мошенничеств с использованием сети «Интернет» и наступления негативных последствий за совершение данного преступления.

5. Проведение экономических реформ, направленных на увеличение благосостояния граждан, улучшение качества жизни, создание рабочих мест.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Актуальные проблемы криминологии: учебное пособие для магистратуры / Я.И. Гилинский, Ю.В. Морозова, П.В. Федышина. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 192 с.
3. Талан, М.В. Криминологический анализ личности мошенника в сфере неправомерного использования электронных средств платежа / М.В. Талан, Б.Э. Шавалеев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 108–122.
4. Главной темой совещания Путина с кабинетом стала борьба с мошенничеством // URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/03/05/1096210-glavnoi-temoi-soveshaniya> (дата обращения: 10.03.2025).
5. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года // URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328> (дата обращения: 13.02.2025).

CRIMINOLOGICAL FEATURES OF THE IDENTITY OF A CRIMINAL COMMITTING FRAUD (ART. 159 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) USING THE INTERNET

Khovатов А.А.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article is devoted to the study of criminological features of the personality of a criminal who commits fraud using the Internet. The author analyzes the specific personality traits of criminals who use the Internet to commit fraudulent acts, and based on this analysis develops their criminological portrait. In the course of the work, the practical significance of the research for the development of measures to prevent fraud committed using the Internet is summarized.

Keywords: The identity of the criminal; information and telecommunication technologies; fraud committed using the Internet; crime prevention; theft or acquisition of the right to other people's property.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.11.2017 No. 48 (as amended on 15.12.2022) "On judicial practice in cases of fraud, embezzle-

- ment and embezzlement" // URL: <http://www.consultant.ru> (date of reference: 20.03.2025).
2. Actual problems of criminology: a textbook for graduate studies / Ya.I. Gilinsky, Yu.V. Morozova, P.V. Fedyshina. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016. 192 p.
 3. Talan, M.V. Criminological analysis of the identity of a fraudster in the field of misuse of electronic means of payment / M.V. Talan, B.E. Shavaleev // Bulletin of St. Petersburg University. Pravo. – 2023. – Vol. 14, No. 1. – pp. 108–122.
 4. The main topic of Putin's meeting with the Cabinet was the fight against fraud // URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/03/05/1096210-glavnoi-temoi-soveschaniya> (date of access: 10.03.2025).
 5. The state of crime in Russia in January – December 2024 // URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328> (date of request: 13.02.2025).

Шалаева Элина Вадимовна,
независимый исследователь

В статье рассмотрены проблемные вопросы профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними, привлечения их к ответственности, спорные вопросы снижения возраста уголовной ответственности за совершенные преступления. Цель работы заключается в анализе актуальных проблемных моментов уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних граждан. Методы. Для написания настоящей статьи были использованы методы аналогии, дедукции и индукции, сравнения, анализа нормативных правовых актов, в том числе, уголовного и гражданского законодательства, а также другие методы. Результаты. Для достижения цели автором были раскрыты статистические данные о состоянии преступности несовершеннолетних, причины совершения преступлений и правонарушений несовершеннолетними, а также выявлены проблемы правового регулирования уголовной ответственности за преступления, совершаемые несовершеннолетними. В заключении предложены мероприятия, направленные на профилактику преступности несовершеннолетних. В частности, автор видит наиболее перспективными мерами для снижения преступности несовершеннолетних, следующие: создание специализированных подразделений полиции, работающих с несовершеннолетними, акцентирующих внимание на профилактике преступлений; развитие системы детских и молодежных клубов, спортивных секций, культурных и творческих центров, а также на внедрение и развитие программ наставничества, где взрослые наставники помогают подросткам развивать положительные интересы и навыки; направить усилия законодателя на введение программ по правовому воспитанию в школах, чтобы учащиеся знали о правовых последствиях своих действий, обучать подростков навыкам разрешения конфликтов и эмоциональной регуляции, а также вводить в школах программы по развитию критического мышления и самоконтроля и другие меры.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовная ответственность несовершеннолетних, меры уголовно-правового характера, уголовное наказание, преступление, профилактика преступлений

Литературный обзор

Вопросам, связанным с уголовной ответственностью несовершеннолетних, посвящено немало научных работ последних лет. Для написания настоящей статьи были исследованы труды таких авторов, как: Гаврилов С.Т., Зяблова Е.А., Садыкова Р.А., Таибова О.Ю., Юнусова А.А. и других.

Обсуждение

Согласно статистическим данным о состоянии преступности, представленным на официальном сайте МВД России, в период с января по июнь 2024 года на территории Российской Федерации было выявлено 9972 несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, что на 6,8% ниже аналогичного показателя в 2023 году [4]. Указанные цифры свидетельствуют о небольшой тенденции снижения преступности несовершеннолетних, однако, эта проблема остается важной и актуальной. И в этой связи особым значением обладает построение в каждом субъекте РФ необходимой инфраструктуры для обеспечения профилактических мероприятий, направленных на дальнейшее снижение показателей преступности несовершеннолетних. Таким образом, тема настоящего исследования является актуальной.

Анализ положений действующего Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) позволяет сделать вывод о том, что законодателем выделяются две группы несовершеннолетних граждан [1]:

- во-первых, в положениях Гражданского кодекса отечественный законодатель выделяет понятие «малолетние» (под которыми понимаются несовершеннолетние граждане, не достигшие возрастной отметки в 14 лет). Малолетних, в свою очередь, подразделяют еще на две категории, в первую из которых принято включать детей до 6 лет, а во вторую категорию включаются малолетние в возрасте от 6 до 14 лет.
- во-вторых, в нормах действующего ГК РФ встречается термин «несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет».

Само понятие «несовершеннолетний» имеет различное содержание, в зависимости от того, в каком источнике оно встречается и в каком контексте употребляется. Как верно подчеркивает О.Ю. Таибова, «содержание анализируемого термина определяется спецификой тех общественных отношений, которые регулируются той или иной отраслью права» [6, с. 21].

В силу различных причин в отечественном законодательстве в настоящее время не выработано единое универсальное понятие, которое бы позво-

лило наиболее полным образом охарактеризовать сущность понятия «несовершеннолетний». Возможно, что причина кроется в разветвленном отраслевом делении, которое имеет в место в правовой системе Российской Федерации или по причине исключительно сложного характера самого термина «несовершеннолетнее лицо».

Как видим, несмотря на то, что в законодательстве Российской Федерации отсутствует единое универсальное понятие, которое бы позволило охарактеризовать сущность термина «несовершеннолетний», в ГК РФ выделяются две группы несовершеннолетних граждан, а также в различных нормативных актах активно используются схожие с ним понятия: «молодежь», «ребенок», «дети», «малолетние», «подростки» и т.п. При этом необходимо заметить, что, говоря о специальном правовом статусе несовершеннолетнего лица, как правило, используются такие его специфические характеристики, как:

- межотраслевой характер специального правового статуса несовершеннолетнего;
- дополнение дееспособности несовершеннолетнего совокупностью прав и обязанностей его законных представителей (родителей, опекунов и т.п.);
- сравнительно меньший объем прав и свобод несовершеннолетних граждан (по сравнению с взрослыми лицами);
- специализация института юридической ответственности несовершеннолетних.

Уровень правовой культуры у большей части несовершеннолетних граждан является, зачастую, довольно низким. Данное обстоятельство приводит к тому, что ими совершаются многочисленные правонарушения и преступления. в настоящее время огромное влияние на несовершеннолетних граждан оказывают средства массовой информации, в особенности, телевидение и Интернет. На многие возникающие вопросы подростки находят ответы в телевизионных передачах или на просторах всемирной коммуникационной-информационной сети Интернет, в социальных группах. Однако, не всегда в таких программах, Интернете и в социальных сетях имеется адекватная информация, отвечающая нормам морали, нравственности, установленным правовым принципам и т.п. В силу своего интеллектуального развития и возраста несовершеннолетние граждане воспринимают такую информацию как правильную, вызывающую доверие.

На совершение преступлений несовершеннолетнего могут подтолкнуть испытываемые материальные трудности, а также алкогольная или наркотическая зависимость. Не менее важной проблемой, помимо преступности несовершеннолетних, которая возникает по причине сложных семейных отношений, трудностей в общении со сверстниками, негативного влияния средств массовой информации, желания подростка противостоять установленным в обществе запретам, нормам и т.д., является проблема детской беспризорности (представляющей собой полное отстранение подрост-

ка от семьи, связанное также с утратой им своих повседневных занятий, обязанностей и места жительства) и детской безнадзорности (выражающейся в безразличии родителей, лиц их заменяющих и воспитателей к детям).

При рассмотрении особенностей и проблем установления уголовной ответственности за преступления, совершаемые несовершеннолетними, в первую очередь, следует отметить, спорные вопросы о возрасте уголовной ответственности. Данный вопрос является дискуссионным среди представителей научного сообщества по ряду причин. В первую очередь, споры ведутся относительно вопроса о том, в каком возрасте дети достигают достаточной психологической и моральной зрелости, чтобы осознавать последствия своих действий и понимать разницу между правильным и неправильным поведением. Последние психологические исследования показывают, что мозг продолжает развиваться до 25 лет, особенно в областях, связанных с самоконтролем и принятием решений. Кроме того, следует отметить и важный социальный и культурный аспект этого вопроса, поскольку в разных культурах и национальностях существуют разные подходы к воспитанию детей и молодежи, что влияет на представления о том, в каком возрасте человек становится достаточно зрелым, чтобы нести уголовную ответственность. Также, нельзя не упомянуть об этическом аспекте, поскольку вопрос о том, насколько справедливо наказывать несовершеннолетних как взрослых, вызывает серьезные правовые и этические дебаты. Наказание должно учитывать возможность реабилитации и повторного включения подростков в общество. Некоторые ученые утверждают, что жесткие наказания для несовершеннолетних могут быть контрпродуктивными, усиливая криминальное поведение и снижая шансы на реабилитацию. Другие, напротив, считают, что строгие меры могут служить сдерживающим фактором. Указанные группы ученых высказывают противоречивые точки зрения относительно необходимости снижения возраста уголовной ответственности в законодательстве России до 12–13 лет (в настоящее время к уголовной ответственности может быть привлечено только лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста, а по ряду указанных уголовным законом преступлений – 14-летнего возраста). Е.А. Зяблова, например, указывает, что в настоящее время актуально уделить внимание законодателя на разработку политики раннего предупреждения преступлений среди несовершеннолетних [3, с. 318].

Согласно ч. 2 ст. 87 УК РФ к несовершеннолетним, совершившим преступления, могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия либо им может быть назначено наказание, а при освобождении от наказания судом они могут быть также помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетнему,

совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление (ст. 6 УК РФ).

Несовершеннолетнему, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и с учетом положений Общей части УК РФ. Более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания.

Более строгое наказание, чем предусмотрено соответствующими статьями Особенной части УК РФ за совершенное преступление, может быть назначено по совокупности преступлений и по совокупности приговоров в соответствии со ст. ст. 69 и 70 УК РФ. Основания для назначения менее строгого наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ за совершенное преступление, определяются ст. 64 УК РФ.

Р.А. Садыкова и А.А. Юнусова при рассмотрении спорных проблем привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности называют проблемы с применением к ним такого наказания, как штраф. В частности, сумма штрафа, которая назначается несовершеннолетним, существенно ниже по сравнению с суммами штрафа, которые могут быть назначены совершеннолетним гражданам [5, с. 129]. Кроме того, в большинстве случаев, родитель или представитель несовершеннолетнего, самостоятельно уплачивает штраф за своего ребенка, и в этой связи эффективность назначенного уголовного наказания и цели профилактики преступлений среди данного слоя населения сводится к минимуму.

Заключение

Полагаем, что профилактика преступлений, совершаемых несовершеннолетними, требует комплексного подхода, включающего меры в области образования, социальной поддержки, правовой защиты и взаимодействия с сообществом. Предлагается направить усилия законодателя на введение программ по правовому воспитанию в школах, чтобы учащиеся знали о правовых последствиях своих действий, обучать подростков навыкам разрешения конфликтов и эмоциональной регуляции, а также вводить в школах программы по развитию критического мышления и самоконтроля. Кроме того, важно уделять внимание программам социальной поддержки семей, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах, через социальные службы. Обратить внимание на развитие системы детских и молодежных клубов, спортивных секций, культур-

ных и творческих центров, а также на внедрение и развитие программ наставничества, где взрослые наставники помогают подросткам развивать положительные интересы и навыки. Также видится перспективным создание специализированных подразделений полиции, работающих с несовершеннолетними, акцентирующих внимание на профилактике преступлений. Для минимизации преступлений, совершаемых несовершеннолетними в сети интернет, видится необходимым направить усилия родителей на использование программ и приложений для родительского контроля, фильтрации контента в образовательных учреждениях и на домашних устройствах. Полагаем, что предложенные меры в комплексе могут значительно снизить уровень преступности среди несовершеннолетних, создавая более безопасную и поддерживающую среду для их роста и развития.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.07.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Зяблова Е.А. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Молодой ученый. 2022. № 3 (398). С. 316–318.
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – июнь 2024 года / Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/53218362/> (дата обращения: 02.08.2024).
5. Садыкова Р.А., Юнусова А.А. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Вестник Пермского института ФСИН России. 2023. № 4 (51). С. 127–132.
6. Таибова О.Ю. О Правовом статусе несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2015. № 1. С. 21–26.

FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENT OF MINORS

Shalaeva E.V.

The article considers problematic issues of preventing crimes committed by minors, bringing them to justice, controversial issues of lowering the age of criminal liability for the crimes committed. The purpose of the work is to analyze current problematic aspects of criminal liability and punishment of minors. Methods. To write this article, the methods of analogy, deduction and induction, comparison, analysis of regulatory legal acts, including criminal and civil legislation, as well as other methods were used. Results. To achieve the goal, the author disclosed statistical data on the state of juvenile delinquency, the reasons for the commission of crimes and offenses by minors, and also identified problems of legal regulation of crimi-

nal liability for crimes committed by minors. In conclusion, measures aimed at preventing juvenile delinquency are proposed. In particular, the author sees the following as the most promising measures to reduce juvenile delinquency: the creation of specialized police units working with minors, focusing on crime prevention; the development of a system of children's and youth clubs, sports sections, cultural and creative centers, as well as the introduction and development of mentoring programs, where adult mentors help teenagers develop positive interests and skills; directing the efforts of the legislator to the introduction of legal education programs in schools so that students know the legal consequences of their actions, teaching teenagers conflict resolution and emotional regulation skills, as well as introducing programs in schools to develop critical thinking and self-control and other measures.

Keywords: criminal liability, criminal liability of minors, criminal law measures, criminal punishment, crime, crime prevention.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ // Coll. legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 12.06.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 06.07.2024) // Coll. legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
3. Zyblova E.A. Features of criminal liability and punishment of minors // *Young scientist*. 2022. No. 3 (398). P. 316–318.
4. Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January – June 2024 / Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Electronic resource]. Access mode: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/53218362/> (date of access: 08/02/2024).
5. Sadykova R.A., Yunusova A.A. Features of criminal liability and punishment of minors // *Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*. 2023. No. 4 (51). P. 127–132.
6. Taibova O. Yu. On the legal status of minors in the Russian Federation // *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Natural, social sciences*. 2015. No. 1. P. 21–26.

Анализ судебной практики по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела: проблемы и пути совершенствования правоприменения

Эльбиков Баир Александрович,

аспирант, кафедры административного и таможенного права, Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Российская таможенная академия»
E-mail: ba.elbikov@customs-academy.ru

При анализе судебной практики касательно дел об административных правонарушениях в области таможенного регулирования появляется возможность выявить устойчивые расхожения между нормативными конструкциями и их правоприменительной интерпретацией. В реалиях интенсивной трансформации внешнеэкономических связей и цифровизации таможенных процедур сохраняется достаточно высокий уровень правовой неопределённости в квалификации составов правонарушений, допущений в использовании доказательств, а также в соотношении административной и уголовной ответственности. Целью в рамках данной статьи является систематизация и характеристика системных проблем судебной практики в соответствующих делах и выработка направлений корректировки подходов к правоприменению. Особое внимание уделяется пробелам в нормативной регламентации последующего таможенного контроля, правовой природе досмотра как доказательства, допустимости использования оперативной информации при возбуждении дел. Автор обобщает разнонаправленные судебные позиции, выявляя неустойчивость критериев оценки вины и неоднородность интерпретации сходных ситуаций. Сделан вывод о необходимости институциональной и нормативной консолидации правоприменительной практики, в частности, через формирование разъяснений и уточнение критериев доказывания. Научный вклад проявляется в междисциплинарном сопоставлении судебных решений с нормативной логикой правовых норм и выявлении зон конфликта. Изложенные материалы будут полезны исследователям административного и таможенного права, правоприменителям, разработчикам механизмов регуляторной политики в таможенной сфере.

Ключевые слова: административные правонарушения, административное производство, доказательства, квалификация правонарушений, правоприменение, судебная практика, таможенное дело

Введение

Современное таможенно-правовое регулирование в Российской Федерации характеризуется высокой степенью нормативной детализации и активным развитием административной ответственности. Вместе с тем, несмотря на формальную полноту законодательства, анализ правоприменительной практики помогает выявить устойчивые проблемы в сфере квалификации соответствующих правонарушений в области таможенного дела.

Проблема исследования заключается в существенных расхождениях между нормами права и механизмами их применения (систематически фиксируются случаи правовых ошибок, произвольной интерпретации составов правонарушений, формализма в подходе к определению вины).

Целью в рамках статьи является выявление ключевых проблем судебной практики в контексте главы 16 КоАП РФ и обоснование направлений совершенствования квалификации таможенных правонарушений. Особое внимание уделяется анализу конкретных дел, на основе которых возможно сформулировать предложения.

Материалы и методы

Литература по обсуждаемой теме охватывает множество проблем, среди которых доминируют вопросы квалификации правонарушений, интерпретации доказательств, разграничения полномочий, а также оценки эффективности правоприменения. Содержательно публикации целесообразно сгруппировать по четырём основным направлениям: квалификация и разграничение составов правонарушений; анализ судебной и административной практики; доказательственная деятельность и процессуальные вопросы; международно-правовой и институциональный контексты.

Важнейшим источником служит исследование Е.В. Ермолаевой, в котором представлена детализированная характеристика положений главы 16 КоАП РФ. Автор не только систематизирует составы административных правонарушений, но и акцентирует внимание на трудностях квалификации, которые сопряжены с правовой неопределённостью отдельных диспозиций [7]. В смежном ключе выступает О.В. Безгина, разграничивая составы недекларирования и недостоверного декларирования товаров, обращая внимание на то, как пробелы в судебной практике влияют на единообразие правоприменения [2].

В свою очередь, П.Д. Гребенник исследует специфику привлечения к административной ответственности в характеризуемой сфере, фиксируя наиболее типичные нарушения при реализации полномочий должностными лицами и подчеркивая потребность в дифференциации подходов при оценке вины [6]. Значительный вклад в изучение судебных решений вносит труд А.Н. Клейменово́й, К.Д. Мишина, где рассматривается практика по делам, выявленным в рамках последующего таможенного контроля. Авторы фиксируют тенденции различий в оценке аналогичных фактических обстоятельств судами, что свидетельствует о недостаточной предсказуемости правоприменения [9]. Сходную проблематику затрагивают А.В. Агапова и В.В. Панасовская, анализируя споры, связанные с валютным контролем, и фиксируя высокий уровень отмен судебных решений в этой сфере, вызванный формалистским подходом к оценке доказательств [1].

И.С. Галичина рассматривает допустимость и правомерность использования результатов оперативно-розыскной деятельности при возбуждении дел об административных правонарушениях [4]. Д.А. Юраш и Н.В. Сазанова исследуют особенности использования результатов таможенного досмотра в качестве доказательственной базы. Особый акцент делается на стандартах доказывания и процедурной корректности, что имеет решающее значение для исхода дел [10].

А.В. Бондарев анализирует коллизионные аспекты взаимодействия норм таможенного и административного законодательства, высвечивая необходимость их системного согласования с учётом юридической практики [3]. Е.Р. Горшкова и А.В. Егорова расширяют контекст, сопоставляя административные и уголовные нормы, действующие в государствах Таможенного союза, и указывают на отсутствие сбалансированной правовой унификации в сфере ответственности [5]. В русле институциональной значимости пишет по исследуемой теме А.А. Кириллов [8].

Обобщая проанализированные источники, возможно выявить несколько содержательных противоречий. Во-первых, в литературе отсутствует согласованная позиция относительно границ допустимости использования оперативной информации в административном процессе. Во-вторых, отмечается расхождение в оценке достаточности доказательств для привлечения к ответственности. В-третьих, заметна правовая фрагментарность при квалификации нарушений в условиях трансграничного регулирования. Недостаточно проработанными остаются вопросы касательно стандартов доказывания при применении автоматизированных средств контроля, а также проблематика оценки вины юридических лиц в условиях распределённой ответственности внутри логистических цепочек.

Методологически автор данной статьи опирался на анализ судебной практики (казуистический метод), нормативно-догматический подход, сравнительно-правовой анализ, систематизацию,

обобщение. Также задействован институциональный подход, позволяющий связать правоприменительные механизмы с системными функциями таможенных органов.

Результаты и обсуждение

Одна из первоочередных проблем, вытекающая из правовой природы главы 16 КоАП РФ, – это её бланкетный характер [1, 5]. Для квалификации деяний правоприменитель неизбежно обращается к положениям Таможенного кодекса ЕАЭС, национальных подзаконных актов, разъяснений ФТС, Евразийской экономической комиссии. Это создает предпосылки для фрагментарного либо противоречивого толкования.

Характерным примером выступает дело о недекларировании товаров, в котором субъектом была организация, переместившая оборудование через границу с занижением стоимости в декларации (Тринадцатый арбитражный апелляционный суд, дело № А56–13476/2023 от 04 октября 2023 г.). Суд отказался квалифицировать действия как правонарушение по ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ, сославшись на отсутствие доказательств намеренного занижения таможенной стоимости. Аналогичный подход применен в деле № А40–223891/2022 (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11 июля 2023 года), где суд признал ошибку в классификации товара технической, не влекущей административной ответственности [9].

Такая непоследовательность показывает, что без чёткого разграничения между ошибками и правонарушениями правоприменение рискует утратить единообразие, а субъекты ВЭД оказываются в ситуации правовой неопределенности [7, 10].

Существенный массив дел даёт возможность выявить тенденцию к схематичному признанию юридического лица виновным исключительно на основании факта нарушения. Как показывает анализ материалов, нередко постановления о привлечении к ответственности не содержат аргументации в отношении вины как элемента состава [2, 4, 8]. Как отмечает Е.В. Ермолаева, в подобных ситуациях виновность юридического лица подменяется презумпцией автоматической ответственности, что нарушает логику административного деликта [7].

Важной проблемой остаётся корректное определение объекта посягательства при наличии сложной конструкции состава. Так, в ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ объектами являются как порядок декларирования, так и таможенные платежи [9]. Ошибки в идентификации объекта порождают неточности в квалификации.

В деле № А32–24457/2021 от 25.09.2023 (Арбитражный суд Краснодарского края) декларант указал товар с кодом, не соответствующим фактическим характеристикам, в результате чего таможенные пошлины были рассчитаны по заниженному тарифу. Таможенный орган квалифицировал действия по ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ. Однако суд

пришёл к выводу, что недостоверность сведений не привела и не могла привести к снижению обязательств – и, соответственно, признаки состава отсутствуют [9]. Это подтверждает, что формального несоответствия между задекларированным и фактическим описанием недостаточно – необходимо доказывать потенциальный ущерб.

Некорректная квалификация наблюдается и в делах, связанных с перемещением товаров, являющихся одновременно элементами технической оснастки транспортных средств [6, 9]. В ряде случаев суды признают такие объекты не товарами, а частью транспортного оснащения. Так, в деле № А41–40072/2023 от 27 октября 2023 предметом разбирательства были ловушки трубачевые, перемещаемые на промысловом судне. Суд признал, что данные конструкции являются частью судового снаряжения, а не грузом, и, соответственно, в действиях отсутствует состав по ч. 1 ст. 16.1 КоАП РФ [9].

Такая судебная позиция актуализирует необходимость чёткой границы между объектами декларирования и элементами технологической комплектации транспортных средств.

Достаточно часто наблюдаются случаи, когда органы квалифицируют деяние по общей норме, игнорируя наличие более узкоспециализированной. Пример тому – нарушение срока завершения процедуры транзита квалифицируется по ст. 16.19 КоАП РФ, тогда как надлежит применять специальную ст. 16.10 [3, 7, 8]. Как подчёркивает Е.В. Ермолаева, игнорирование специальных составов ведёт к подмене правовых оснований и может стать основанием для отмены постановления [7].

Ст. 16.7 КоАП РФ требует доказывания последствий и связи между действиями и наступившим ущербом. В деле № А59–3265/2020 (постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.07.2021 № Ф03–3250/2021) суд признал, что представленные документы не обладали юридической силой, но доказательств того, что они были использованы именно с целью сокрытия факта недостоверного декларирования, предоставлено не было. Решение в пользу субъекта свидетельствует о высоких стандартах доказывания по данной статье [7].

Сложности вызывает также применение ст. 16.4 КоАП РФ в отношении физических лиц. В деле (решение Ставропольского краевого суда от 05.08.2020 г. по делу № 7–550/2020) суд пришёл к выводу, что лицо, перемещающее денежные средства, действовало без умысла, поскольку неверно истолковало предельный порог для декларирования. Тем не менее, суд первой инстанции применил санкцию, не оценив мотив. Лишь апелляция признала отсутствие вины [7].

А.В. Бондарев подчёркивает, что оценка субъективной стороны и информированности физического лица должна быть не декларативной, а обоснованной [3].

Нестандартная, но показательная ситуация возникла в деле № А56–73370/2022 от 28.10.2023, где декларант ошибочно указал код товара, соответ-

ствующий более высокой ставке пошлины. Таможенный орган попытался привлечь к ответственности за недостоверное декларирование (ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ) несмотря на то, что государству ущерб причинён не был. Суд признал, что состав отсутствует, поскольку правонарушения нет при завышении обязательств [9]. Этот случай особенно важен, поскольку демонстрирует обратное отклонение от типичной модели занижения.

Выводы

Проанализированная судебная практика по делам об административных правонарушениях в сфере таможенного дела даёт возможность зафиксировать широкий спектр системных проблем – от формального подхода к установлению вины до произвольного применения составов при многосоставных правонарушениях. При всей кажущейся определённости главы 16 КоАП РФ практика квалификации демонстрирует неоднородность, порой – внутреннюю противоречивость. В качестве рекомендаций представляется необходимым:

- провести унификацию подходов к толкованию составов правонарушений, особенно в части субъектного состава и субъективной стороны;
- уточнить формулировки отдельных норм с целью устранения дублирования и коллизий;
- усилить требования к доказательной базе при вменении вины юридическим лицам;
- разработать разъяснения Верховного Суда по наиболее часто встречающимся вопросам квалификации.

Только при комплексной коррекции как нормотворчества, так и практики правоприменения, возможно говорить о реальном повышении эффективности административного механизма в таможенной сфере.

Литература

1. Агапова А.В., Панасовская В.В. Валютный контроль, осуществляемый таможенными органами Российской Федерации: анализ судебной практики // Вестник арбитражной практики. – 2024. – № 2 (111). – С. 87–95.
2. Безгина О.В. Разграничение составов административных правонарушений за недекларирование и недостоверное декларирование товаров // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения. Сборник статей по материалам LX международной научно-практической конференции. – Москва: 2022. – С. 16–23.
3. Бондарев А.В. Гармонизация коллизионных норм таможенного законодательства и законодательства об административных правонарушениях // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2022. – № 4 (34). – С. 134–141.
4. Галичина И.С. К вопросу о законности использования таможенными органами результатов

оперативно– розыскной деятельности в докзывании и при возбуждении дел об административных правонарушениях // *Административное право и процесс*. – 2023. – № 8. – С. 77–80.

5. Горшкова Е.Р., Егорова А.В. Анализ положений административного и уголовного законодательства государств-членов Таможенного Союза // *Молодой ученый*. – 2023. – № 52 (499). – С. 242–244.
6. Гребенник П.Д. Некоторые аспекты привлечения к административной ответственности за правонарушения в сфере таможенного дела // *Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях. Сборник статей*. – Симферополь: 2024. – С. 99–107.
7. Ермолаева Е.В. Основы квалификации административных правонарушений в области таможенного дела: научно-практический комментарий к главе 16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. – СПб.: ИЦ: «Интермедия», 2022. – 144 с.
8. Кириллов А.А. Значимость привлечения к административной ответственности за правонарушения в сфере таможенного дела // *Молодежный вектор таможни*. – 2023. – № 3 (6). – С. 13–16.
9. Клейменова А.Н., Мишин К.Д. Анализ судебной практики по делам об административных правонарушениях, выявляемых при проведении таможенного контроля после выпуска товаров // *Административное и муниципальное право*. – 2024. – № 5. – С. 50–62.
10. Юраш Д.А., Сазанова Н.В. Таможенный допрос как доказательство при производстве по делам об административных правонарушениях // *Экономика и общество: современные исследования и инновационное развитие. Материалы всероссийской научно-практической конференции*. – Омск: 2023. – С. 88–93.

JUDICIAL PRACTICE IN ADMINISTRATIVE OFFENSES RELATED TO CUSTOMS LAW: CHALLENGES AND PROSPECTS FOR IMPROVING LAW ENFORCEMENT

Elbikov B.A.

Russian Customs Academy

An analysis of judicial practice in cases involving administrative offenses in the field of customs regulation reveals persistent discrepancies between the normative framework and its interpretative application in law enforcement. Amid the rapid transformation of foreign economic relations and the ongoing digitalization of customs procedures, a significant degree of legal uncertainty remains regarding the qualification of offense elements, the admissibility of evidence, and the delineation between administrative and criminal liability. The purpose of this article is to systematize and characterize the sys-

temic problems observed in judicial practice in such cases and to develop directions for refining law enforcement approaches. Particular attention is paid to the regulatory gaps in post-clearance customs control, the legal nature of customs inspections as a form of evidence, and the admissibility of operational information in initiating administrative proceedings. The author synthesizes divergent judicial positions, highlighting the instability of guilt assessment criteria and the inconsistency in the interpretation of similar factual circumstances. The study concludes that institutional and normative consolidation of judicial practice is essential—especially through the development of interpretative guidelines and clarification of evidentiary standards. The scholarly contribution lies in the interdisciplinary comparison of judicial decisions with the normative logic of legal provisions, revealing areas of regulatory conflict. The findings will be valuable to scholars in administrative and customs law, legal practitioners, and policymakers engaged in regulatory development in the customs domain.

Keywords: administrative offenses, administrative proceedings, customs law, evidentiary standards, judicial practice, legal qualification, law enforcement.

References

1. Agapova A.V., Panasovskaya V.V. Currency control carried out by the customs authorities of the Russian Federation: an analysis of judicial practice // *Bulletin of Arbitration Practice*. – 2024. – No. 2 (111). – Pp. 87–95.
2. Bezgina O.V. Differentiation of administrative offenses for non-declaration and false declaration of goods // *Theoretical aspects of jurisprudence and law enforcement issues. Collection of articles based on the materials of the LX International scientific and practical conference*. – Moscow: 2022. – Pp. 16–23.
3. Bondarev A.V. Harmonization of conflict-of-laws rules of customs legislation and legislation on administrative offenses // *Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*. – 2022. – No. 4 (34). – Pp. 134–141.
4. Galichina I.S. On the issue of the legality of the use by customs authorities of the results of operational investigative activities in proving and initiating cases of administrative offenses // *Administrative law and process*. – 2023. – No. 8. – Pp. 77–80.
5. Gorshkova E.R., Egorova A.V. Analysis of the provisions of the administrative and criminal legislation of the member states of the Customs Union // *Young Scientist*. – 2023. – No. 52 (499). – Pp. 242–244.
6. Grebennik P.D. Some aspects of bringing to administrative responsibility for offenses in the field of customs affairs // *Issues of judicial activity and law enforcement in modern conditions. Collection of articles*. – Simferopol: 2024. – Pp. 99–107.
7. Ermolaeva E.V. Fundamentals of the qualification of administrative offenses in the field of customs: a scientific and practical commentary on Chapter 16 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. – St. Petersburg: IC: “Intermedia”, 2022. – 144 p.
8. Kirillov A.A. The importance of bringing to administrative responsibility for offenses in the field of customs affairs // *Youth vector of customs*. – 2023. – No. 3 (6). – Pp. 13–16.
9. Kleimenova A.N., Mishin K.D. Analysis of judicial practice in cases of administrative offenses detected during customs control after the release of goods // *Administrative and municipal law*. – 2024. – No. 5. – Pp. 50–62.
10. Yurash D.A., Sazanova N.V. Customs inspection as evidence in proceedings on administrative offenses // *Economics and Society: modern research and innovative development. Materials of the All-Russian scientific and practical conference*. – Омск: 2023. – Pp. 88–93.

Нормативно-правовое регулирование земельных и экологических отношений на арктических территориях Канады и Норвегии и возможность их применения в российских реалиях

Балашов Даниил Владимирович,

аспирант, Государственный университет по землеустройству
E-mail: dvbalashoff@gmail.ru

Необходимость динамичного развития Арктического региона приобретает всё большее значение как с точки зрения глобальной геополитики, так и в аспекте устойчивого природопользования. В этой связи важной составляющей в обеспечении стратегических задач освоения Арктики является правовое регулирование земельных отношений. Данная статья рассматривает опыт Канады и Норвегии в регулировании земельных вопросов на арктических территориях и делает попытку ответить на вопрос о возможности применения такого опыта к российским реалиям.

Ключевые слова: стратегическое развитие Дальнего Востока и Арктики, Дальневосточный гектар, гектар Арктики, права на землю, судебная практика.

Россия, Канада и Норвегия – арктические государства, обладающие обширными территориями, выходящими за Северный полярный круг. Каждое из них создает уникальную систему правового регулирования, отражающую исторические, политические и экономические особенности. Проведение сравнительного анализа законодательного регулирования земельных правоотношений данных стран в Арктике представляется интересным для оценки эффективности существующих подходов и возможности их реализации в российской практике.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью правового обеспечения устойчивого землепользования в условиях климатических изменений, роста промышленной активности и необходимости защиты прав коренных народов. Исследуемая гипотеза – возможность применения в законодательном регулировании России опыта Канады и Норвегии в целях повышения эффективности управления земельными ресурсами, усиления экологической защиты и учета интересов коренных народов.

Правовое регулирование земельных правоотношений на арктических территориях Канады

Правовая система Канады в области землепользования в Арктике формировалась под влиянием колониального наследия, особенностей федеративного устройства, многолетнего взаимодействия с коренными народами. Специальные режимы управления основаны на соглашениях о передаче прав на землю и самоуправление, заключённых в рамках реализации государственной политики признания прав коренных народов. Примером такого соглашения служит «Соглашение о земельных претензиях Нунавута» 1993 года (Nunavut Land Claims Agreement¹) – отдельной административной территории Канады.

Развитие канадской арктической зоны определяется «Стратегической программой развития Арктики и Севера» 2019 года (Canada's Arctic and Northern Policy Framework²), которая основана на следующих принципах:

- приоритет прав коренных народов, поддержка местного самоуправления;
- устойчивое экономическое развитие через инвестиции в «зелёную» энергетику и налоговые

¹ <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/n-28.7/>

² <https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1560523306861/1560523330587>

льготы для бизнеса с участием коренных народов;

- запрет на добычу нефти в морских заповедниках и достижение показателя охраняемых зон к 2030 году не менее 30% от всех территорий;
- развитие транспортной инфраструктуры, строительство портов, дорог, обеспечение цифровой связью и навигацией;
- реализация программы мониторинга загрязнений земель, поддержка исследований вечной мерзлоты;
- развитие международного сотрудничества – участие Канады в Арктическом совете и защита суверенитета, особенно морских границ.

Регулирование земельных правоотношений осуществляется на федеральном и территориальном уровнях, с учетом: (1) признания прав собственности и управления землями за коренными народами, участие местных сообществ в принятии решений; (2) высокого уровня децентрализации управления; (3) экосистемного подхода к планированию землепользования.

Признание прав собственности и управления землями за коренными народами, обязательность проведения консультаций при реализации проектов и юридические инструменты для защиты их прав определены следующими ключевыми нормативно-правовыми документами: «Конституционный акт 1982 года» (Constitution Act, 1982¹), «Закон об Индейцах» 1985 года (Indian Act²), «Соглашение о земельных претензиях Нунавута» 1993 года (Nunavut Land Claims Agreement), «Закон о Декларации ООН о правах коренных народов» 2021 года (United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples Act³).

Коренные народы, уступив государству свои исторические права на землю, получили в обмен 1,14 млрд канадских долларов и право собственности примерно на 18% территории (включая права на полезные ископаемые на 2% территории), а также исключительные права на охоту и рыболовство на 84% территории. Права частной собственности коренных народов реализуются через структуры совместного управления и независимые органы, например Корпорацию Тунгавик Нунавута (Nunavut Tunngavik Incorporated), Комиссию по планированию Нунавута (Nunavut Planning Commission). К их полномочиям относятся вопросы регулирования землепользования и проведения экологических экспертиз.

При реализации прав управления землями коренных народов одной из важнейших является норма, устанавливающая обязательное согласование инвестиционных проектов с коренными общинами (ст. 26 «Закона о Нунавуте» 1993 года (Nunavut Act⁴)). Так, Правительство Канады обя-

зано консультироваться с Правительством Нунавута и представителями коренных народов перед принятием решений, затрагивающих их интересы. Участие местных сообществ реализовано через проведение обязательных консультаций и получение согласия общины на реализацию любых проектов с бюджетом более 1 млн канадских долларов (ст. 12(1) «Закона Нунавута о планировании и оценке проектов» 2002 года (Nunavut Planning and Project Assessment Act⁵)). При отсутствии согласия проекты могут быть как отклонены, так и рассмотрены на условиях получения дополнительных денежных компенсаций, либо проведения экологического мониторинга. Согласно официальным отчётам Комиссии по планированию Нунавута примерно две трети проектов требуют корректировки после консультаций с коренными общинами⁶.

Указанные документы подчеркивают особенность арктических земельных правоотношений в Канаде – высокий уровень децентрализации управления. Так, на Северо-Западных территориях Канады и в провинции Нунавут действуют собственные земельные кодексы (например, «Закон о землях Северо-Западных территорий» 2014 года (Northwest Territories Lands Act⁷)). Разделение полномочий по управлению землями и недрами и распределение доходов от добычи ресурсов осуществляется соглашениями о передаче полномочий (Devolution Agreements). Компетенции по управлению земельными ресурсами, включая обязательное создание совместных органов управления и возможность применения право вето, переданы с федерального уровня на территориальный.

Комплексное управление арктическими землями осуществляется в соответствии с экосистемным подходом к планированию землепользования с учётом взаимосвязей между почвами, водой, флорой, фауной и человеком. «Законом Канады об оценке воздействия на окружающую среду» 2012 года (Canadian Environmental Assessment Act⁸) предусмотрена обязательная оценка воздействия на экосистемы. Для экологической оценки проектов созданы совместные коллегиальные органы, например Комиссия по оценке воздействия на окружающую среду долины Маккензи (Mackenzie Valley Environmental Impact Review Board). Деятельность указанной Комиссии направлена на соблюдение баланса между экономическим развитием и защитой прав коренных народов. К её функциям отнесены вопросы проведения экологических экспертиз для строительства шахт, трубопроводов и дорог с оценкой потенциального воздействия на землю и воду, биоразнообразии, традиционный образ жизни коренных народов, а также выдача рекомендаций по одобрению проектов.

¹ <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/corporate/transparency/committees/inan-jan-28-2021/inan-section-35-constitution-act-1982-background-jan-28-2021.html>

² <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/i-5/>

³ <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/U-2.2/>

⁴ <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/n-28.6/>

⁵ <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/n-28.8/>

⁶ <https://www.nunavut.ca/about-commission/annual-reports>

⁷ <https://www.justice.gov.nt.ca/en/files/legislation/northwest-territories-lands/northwest-territories-lands.a.pdf>

⁸ <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-15.21/>

Правовое регулирование арктических территорий Канады представляется всесторонне развитым, обширным, имеет большую и интересную с точки зрения анализа историю становления [1]. Канадская модель обеспечивает защиту интересов коренных народов, снижает социальную напряженность при согласовании инвестиционных проектов, обеспечивает стабильность их дальнейшей реализации после получения одобрения общин. Вместе с тем, существующая система земельных соглашений создает для потенциальных инвесторов определенные сложности, например:

- временные задержки при согласовании проектов с общинами (сроки согласования могут достигать, в среднем, 3–5 лет);
- дополнительные финансовые издержки в виде обязательных компенсационных выплат в размере 15–20% от стоимости проектов;
- риски судебного оспаривания решений со стороны общинных советов (оспариваются до 10% решений).

Правовое регулирование земельных правоотношений на арктических территориях Норвегии

Ключевым в нормативно-правовом регулировании арктических территорий Норвегии является «Шпицбергенский трактат» («Парижский договор о Шпицбергене») 1920 года (The Svalbard Treaty¹). Данный документ признает суверенитет Норвегии над архипелагом Шпицберген (Свальбард), устанавливает его демилитаризованный статус, равные экономические права и доступ к природным ресурсам региона странам-участникам соглашения (на данный момент 46 стран), вводит особый налоговый режим.

В соответствии с «Законом о Свальбарде» 1925 года (Lov om Svalbard²) все земли архипелага вне поселений признаются государственной собственностью Норвегии. На архипелаге действует норвежское гражданское и уголовное право, устанавливается статус заповедников для 85% территории и вводится запрет на военную деятельность. На сохранение практически нетронутой природной среды архипелага, включая меры по охране дикой природы, ландшафтов и культурного наследия направлен «Закон об охране окружающей среды Свальбарда» 2001 года (Svalbard Environmental Protection Act³). Данный закон относит 65% территории Шпицбергена к национальным паркам и устанавливает полный запрет на ведение хозяйственной деятельности. Зоны ограниченного использования в целях научной деятельности и туризма составляют 30%. Зонами возможного развития определены лишь 5% от всей территории архипелага. Стремясь сохранить уникальную арктическую экосистему, законодательство о защите окружающей среды Шпицбергена предусма-

тривает строгие меры по сохранению природных ландшафтов, флоры и фауны.

Земли Шпицбергена считаются собственностью норвежского государства (около 95% территории). Частную собственность (около 5%) составляют земли, принадлежащие физическим лицам и компаниям, зарегистрированным в странах, являющихся участниками Шпицбергенского трактата. Оформление земельных участков в собственность возможно только в населенных пунктах (Лонгйир и Баренцбург) в целях проживания, ведения бизнеса, научной деятельности и туризма. Для осуществления промышленной деятельности требуется разрешение норвежских властей и проведение обязательной экологической экспертизы. Упрощенный порядок получения участков и льготные условия пользования возможны при ведении научных изысканий. Использование участков в туристической отрасли требует специальных разрешений на строительство объектов.

В качестве примера регулирования прав коренных народов Норвегии можно привести «Закон о Финнмарке» 2015 года (Finnmark Act⁴), который определяет порядок управления землями и природными ресурсами на административной территории Финнмарк. Управление осуществляется Фондом земель (Finnmark Estate), которому переданы 95% территории, права на недра, леса и водные ресурсы. При принятии любых решений по вопросам землепользования предусмотрены обязательные консультации с общинами коренных народов, которые обладают правом вето на проекты, угрожающие традиционному природопользованию. Добыча полезных ископаемых требует одобрения коренных общин, которые получают половину доходов от данной деятельности.

В силу особого статуса арктических территорий Норвегии сформировалась специфичная система управления, сочетающая нормы международного права и национального законодательства, учитывающая интересы коренных народов. Очевидным плюсом является сохранение экосистем на более чем 60% территории архипелага Шпицберген, и рост научного сотрудничества в международных проектах на 35% с 2015 года. С другой стороны, существующий правовой режим регулирования доступа к ресурсам архипелага приводит к возникновению различных трактовок в отношении ведения хозяйственной деятельности и нарастанию напряженности с международным сообществом. В качестве примера можно привести одностороннее введение Норвегией «рыбоохранной зоны», фактически ограничивающий рыбный промысел других государств [2].

Применение опыта правового Канады и Норвегии в российских реалиях

«Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (утвержденная Указом

⁴ <https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/2005-06-17-85>

¹ <https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/01/1-11/svalbard-treaty.html>

² <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1925-07-17-11>

³ <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/svalbard-environmental-protection-act/id173945/>

Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645¹) предусматривает следующие ключевые мероприятия:

- развитие транспортной инфраструктуры, включая Северный морской путь;
- повышение инвестиционной привлекательности Арктики;
- цифровизацию кадастра и мониторинга земель;
- экологическую безопасность и адаптацию к изменениям климата;
- устойчивое развитие коренных народов Севера.

Правовое регулирование земельных правоотношений в Арктике осуществляется на основе общих федеральных законов, дополненных специальными актами стратегического характера. К особенностям арктической земельной политики в России можно отнести:

- упрощённый доступ к земле для предпринимательской деятельности с государственными программами поддержки;
- приоритетное право коренных малочисленных народов на традиционное природопользование, включая аренду и безвозмездное пользование земельными участками;
- ограничения на приватизацию – большинство арктических территорий остаются в собственности государства;
- особый режим охраны природы в рамках заповедников, национальных парков и особо охраняемых природных территорий.

Проводя сравнение нормативно-правового регулирования России, Канады и Норвегии можно выделить общие принципы: 1) признание стратегического значения Арктики и необходимости её устойчивого развития; 2) закрепление особой роли государства в управлении землями; 3) наличие механизмов участия местных сообществ и коренных народов в землепользовании, поддержание форм устойчивого природопользования на территориях их проживания; 4) приоритезация экологической составляющей в правовом регулировании; 5) ограничение хозяйственной деятельности и оборота земель, сохранение разнообразия животного мира и окружающей среды путем создания особо охраняемых природных территорий и заповедников [3].

Интересным для возможного применения в российской практике представляется опыт Канады в интеграции коренных народов в земельную политику (прямое участие коренных народов в принятии решений, возможность заключения договоров о передаче прав на землю и создание территориальных форм самоуправления с полномочиями в сфере землепользования). Создание правовых механизмов, предусматривающих вовлеченность коренных малочисленных народов России в регулирование земельных вопросов на региональном уровне должно стать одним из ключевых базисов устойчивого развития арктических регионов. При этом защиту экологических интересов малочис-

ленных народов можно обеспечить сочетанием правовых норм, гарантирующих их права, и эффективным контролем (надзором) за их соблюдением [4].

В этой связи внимания заслуживает вопрос о необходимости децентрализации регулирования земельных правоотношений и создания собственных кодифицированных актов в арктических субъектах Российской Федерации на примере канадского опыта. На региональном и местном уровнях должны разрабатываться нормы о включении коренных малочисленных народов в процессы принятия решений, затрагивающих их права и интересы, предоставлении им права реализации отдельных полномочий органов местного самоуправления [5].

В российской практике может быть применен опыт Канады в экосистемном планировании с использованием плано-территориального подхода при участии местных сообществ и совмещение землепользования с защитой традиционного образа жизни. Мероприятия по государственному мониторингу территорий и землеустройству должны стать обязательными при разработке и реализации мастер-планов российских арктических городов. Это особенно важно, поскольку при освоении земель арктической зоны России необходимо соблюдать баланс интересов между их промышленным освоением и неизбежным негативным воздействием на окружающую среду, сохранять уникальные экосистемы, традиционное природопользование коренных малочисленных народов [6].

Целесообразность такого подхода подтверждается норвежской практикой по разработке специального экологического режима для особо уязвимых арктических территорий, с применением на них специфических законов и обязательностью проведения экологической оценки. Законодательство в области охраны окружающей среды Арктической зоны Российской Федерации должно содержать нормы по экологическому зонированию территорий, запрещению или ограничению на них отдельных видов деятельности, предусматривать особенности пользования природными ресурсами, вводить специфические правила установления допустимых вредных воздействий [7]. Важным вопросом является развитие цифровой платформы для кадастрового учёта, экологического мониторинга и планирования землепользования в Арктике, создание системы наблюдений, включающей анализ загрязнений и рекультивации земель.

Уникальным является опыт Норвегии в отношении правового режима регулирования Шпицбергена. Сложившийся порядок позволяет активно развивать международное сотрудничество в Арктике в области промышленности, науки и туризма. Пример нормативно-правового регулирования на Шпицбергене может быть использован на существующих территориях опережающего развития и особых экономических зонах в Арктике. Принимая во внимание современные реалии геополитической обстановки, речь может идти не столько о придании международно-правового статуса та-

¹ <http://kremlin.ru/acts/bank/45972>

ким территориям, сколько о создании условий для равного доступа ведения экономической и иной деятельности дружественным странам – стратегическим партнерам Российской Федерации.

Создание комплексного подхода к управлению арктическими территориями, где будут интегрированы вопросы экологии, прав коренных народов, экономики и земельного регулирования может послужить важным шагом при реализации государственной политики Российской Федерации в обеспечении динамичного стратегического развития Арктики.

Литература

1. Ларин А.Ю., Ларина Т.Ю. Правовое регулирование арктических территорий в национальном праве Канады // Сборник статей Международной научно-практической конференции «XVII Международные научные чтения (памяти Зворыкина В.К.)». Европейский фонд инновационного развития. 2017. С. 82–83.
2. Чанышев Р.Н., Зарипов Р.Р. Арктический регион как объект геополитических противоречий // Международные отношения. 2024. № 1. С. 69–83. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39707
3. Доронина А.К. Охрана окружающей среды Арктики по законодательству прибрежных арктических государств // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва 2025. С. 20. – URL: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3366>
4. Модина А.А., Никитина А.А. К вопросу о защите экологических прав коренных малочисленных народов Российской Федерации // Сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2024. УДК 349.6. С. 201–203.
5. Кондрашов А.А. Права аборигенных (коренных малочисленных) народов при определении правового режима арктических территорий РФ: современная модель России и опыт США и Канады // Проблемы Конституционно-правового регулирования статуса Арктических территорий Российской Федерации. Материалы круглого стола международной научно-практической конференции «Енисейские политико-правовые чтения» (21–22 сентября 2017 г.). 2017. С. 6–15.
6. Липски С.А. Земли арктической зоны, организация их использования и мониторинга // Из-

вестия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2018. Т. 62, № 2. С. 196–203.

7. Никишин В.В. Экологическая безопасность в Российской Арктике: надлежащие инструменты правового регулирования // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 3(60). – С. 39–45.

NORMATIVE AND LEGAL REGULATION OF LAND AND ENVIRONMENTAL RELATIONS IN THE ARCTIC TERRITORIES OF CANADA AND NORWAY AND THE POSSIBILITY OF THEIR APPLICATION IN RUSSIAN REALITIES

Balashov D.V.
State University of Land Management

The need for dynamic development of the Arctic region is becoming increasingly important both from the perspective of global geopolitics and in terms of sustainable environmental management. In this regard, an essential component in ensuring the strategic objectives of Arctic development is the legal regulation of land relations. This article examines the experience of Canada and Norway in regulating land issues in Arctic territories and attempts to answer the question of whether such experience can be applied to Russian realities.

Keywords: Strategic Development of the Far East and the Arctic, Far Eastern Hectare, Arctic Hectare, Land Rights, Judicial Practice.

References

1. Larin A.Yu., Larina T. Yu. Legal regulation of the Arctic territories in the national law of Canada // Collection of articles of the International scientific and practical conference “XVII International scientific readings (in memory of Zvorykin V.K.). European Foundation for Innovative Development. 2017. Pp. 82–83.
2. Chanyshv R.N., Zaripov R.R. The Arctic region as an object of geopolitical contradictions // International relations. 2024. № 1. Pp. 69–83. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39707
3. Doronina A.K. Environmental protection of the Arctic under the legislation of coastal Arctic states // Abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Moscow 2025. P. 20. – URL: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3366>
4. Modina A.A., Nikitina A.A. On the issue of protecting the environmental rights of indigenous peoples of the Russian Federation // Collection of articles of the XXIII International scientific and practical conference. Penza, 2024. UDC 349.6. P. 201–203.
5. Kondrashov A.A. The rights of aboriginal (indigenous) peoples in determining the legal regime of the Arctic territories of the Russian Federation: the modern model of Russia and the experience of the USA and Canada // Problems of constitutional and legal regulation of the status of the Arctic territories of the Russian Federation. Materials of the round table of the international scientific and practical conference “Yenisei political and legal readings” (September 21–22, 2017). 2017. P. 6–15.
6. Lipsky S.A. Lands of the Arctic zone, organization of their use and monitoring // News of higher educational institutions. Geodesy and aerial photography. 2018. Vol. 62, № 2. P. 196–203.
7. Nikishin V.V. Environmental safety in the Russian Arctic: appropriate instruments of legal regulation // Law. Security. Emergencies. – 2023. – № 3(60). – P. 39–45.

Интеллектуальная собственность в ЕАЭС: проблемы и перспективы правовой интеграции

Бекиров Тимур Русланович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли»

E-mail: tymurbekirov@yandex.ru

Статья посвящена анализу проблематики и перспектив Евразийской интеграции в сфере регулирования интеллектуальной собственности. Анализ проводится в разрезе регулирования товарных знаков и их регистрации на территории ЕАЭС, дополнительно выделяются сопутствующие проблемы в регулировании иных сфер интеллектуальной собственности. В статье отмечается значимость интеграционных процессов в сфере интеллектуальной собственности для обеспечения основной экономической интеграции ЕАЭС, а также становления ЕАЭС в формирующемся многополярном мире. В статье также отмечаются положительные результаты гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности, но вместе с тем выделяются недостатки наднационального регулирования. В качестве основного недостатка реализации наднационального регулирования указывается отсутствие в рамках ЕАЭС отдельного ведомства, занимающегося вопросами интеллектуальной собственности. В статье также подчеркивается тот факт, что некоторые сферы интеллектуальной собственности, к примеру, сфера патентования в принципе исключены из наднационального регулирования ЕАЭС. В качестве возможных мер по улучшению интеграционных процессов ЕАЭС в сфере регулирования интеллектуальной собственности предложено создание в рамках Евразийской экономической комиссии отдельного ведомства (департамент) с определенным перечнем автономных полномочий, позволяющих эффективно реализовать интеграционные процессы в данной сфере.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, ЕАЭС, гармонизация, наднациональное регулирование, интеграционные процессы, товарный знак, многополярный мир.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), образованный на базе функционировавшего ранее Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Беларуси и Казахстана существует уже более десяти лет. Интеграционные процессы ЕАЭС развиваются достаточно успешно во многих сферах, однако сфера интеллектуальной собственности испытывает явный недостаток интеграционного регулирования.

Стоит отметить, что ЕАЭС прежде всего нацелен на экономическую интеграцию, которая невозможна без сопутствующей интеграции в сфере интеллектуальной собственности. Интеллектуальная собственность занимает немаловажное место в современном мире, особенно в экономической сфере. Торговля, производство, рынок услуг – все эти сферы так или иначе связаны с результатами интеллектуальной деятельности. Например, в торговле важное место занимает регистрация товарных знаков. Промышленность и производство в свою очередь подразумевают создание секретов ноу-хау, получение патента. Т.М. Сулейменов еще в 2016 г. подчеркнул, что сфера интеллектуальной собственности является одной из основных среди интеграционных направлений деятельности в рамках Союза [1, с. 4].

Высокая степень значимости интеграции ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности подтверждается в том числе практическим проблемами, а именно: многочисленными нарушениями прав на объекты интеллектуальной собственности на территории ЕАЭС. В 2023 году на территории ЕАЭС было зафиксировано 4667 нарушений в сфере интеллектуальной собственности [2].

В рамках настоящей статьи будут затронуты и проанализированы проблематика и перспективы Евразийской интеграции в сфере регулирования интеллектуальной собственности в разрезе интеграционного регулирования товарных знаков и их регистрации в ЕАЭС. Отдельные проблемы интеграции в сфере интеллектуальной собственности будут также упомянуты в контексте данного анализа.

На данный момент сотрудничество государств-членов ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности осуществляется по двум основным направлениям:

- гармонизация законодательства государств-членов в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности;
- защита интересов обладателей прав на объекты интеллектуальной собственности государств-членов [3, статья 89].

Гармонизация предполагает под собой сближение правовых систем государств и приведение законодательного регулирования той или иной области к единому знаменателю. Безусловно, это является важным процессом, без которого не может начинаться процесс интеграции. Вместе с тем гармонизация представляет собой первую стадию интеграции, призванную обеспечить базис для последующего второго наиболее важного этапа интеграции – создания наднационального регулирования. Создание наднационального права подразумевает под собой делегирование государствами определенных полномочий по созданию норм международным организациям, участниками которых они являются. В.М. Шумилов дает следующее определение наднационального права «Наднациональным (или надгосударственным) правом принято называть нормы, исходящие от межгосударственных структур, реализация которых происходит вне зависимости от воли государств-участников и напрямую – внешне неопосредованно – на их территории.» [4, с. 12].

Гармонизация законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности находится на достаточно высоком уровне. Все государства-члены ЕАЭС являются членами Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) [5]. Кроме того, статья 90 Договора о Евразийском экономическом союзе определяет перечень основополагающих международных договоров в сфере интеллектуальной собственности, администрируемых ВОИС, к которым должен присоединиться каждый член ЕАЭС [3, статья 90]. Анализ национального (внутреннего) законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности также показывает значительное сходство друг с другом, что во многом объясняется не только процессом гармонизации в рамках интеграции в ЕАЭС, но общим историческим и правовым наследием указанных государств.

Однако наднациональное регулирование ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности в настоящий момент существенно не развито. Стоит отметить, что это не является проблемой исключительно данной сферы. На сегодняшний день, как отмечает, В.М. Шумилов элементы наднационального регулирования в рамках ЕАЭС наблюдаются в части управления таможенным союзом [4, с. 12]. То есть, иные сферы в принципе не подразумевают эффективно выстроенного и функционирующего наднационального регулирования, в том числе и сфера интеллектуальной собственности.

Почему же наднациональное регулирование настолько важно? Как уже было отмечено выше гармонизация законодательства способствует сближению нормативного регулирования в каждом государстве, но она не может обеспечить полную интеграцию в первую очередь потому, что сближение предполагает под собой выстраивание общей картины регулирования, но не фактического ее претворения в действительности. Сфера интел-

лектуальной собственности подразумевает под собой множество административных процедур, в том числе регистрационные процедуры, процедуры, связанные с защитой объектов интеллектуальной собственности, которые в рамках интеграционного процесса не могут быть эффективно урегулированы исключительно посредством гармонизации.

Сотрудничество государств-членов ЕАЭС по направлению защиты интересов обладателей прав на объекты интеллектуальной собственности подразумевает под собой создание наднационального регулирования. В первую очередь наднациональное регулирование в данной сфере предполагает введение системы регистрации товарных знаков и знаков обслуживания ЕАЭС и наименований мест происхождения товаров ЕАЭС, обеспечение эффективной таможенной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, в том числе посредством ведения единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств-членов, обеспечение защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, в том числе в сети Интернет – эти задачи прямо упомянуты в Договоре о ЕАЭС [3, статья 89].

На сегодняшний день товарный знак ЕАЭС, учрежденный Договором о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза от 03.02.2020 г. [6], а также единый реестр товарных знаков ЕАЭС до сих пор не начали функционировать. Анализ данного договора показывает, что он направлен в большей своей степени на гармонизацию нежели на создание наднационального регулирования. Так, договором предусмотрен следующий механизм подачи заявки на регистрацию товарного знака ЕАЭС: заявитель подает заявку на регистрацию товарного знака в патентное ведомство любого государства-члена ЕАЭС, после формальной проверки указанное ведомство направляет заявку в патентные ведомства иных членов ЕАЭС. Таким образом, выстраивание процесса регистрации товарного знака подразумевают необходимость координации действий патентного ведомства каждого государства-члена ЕАЭС, необходимость выстроить процесс уплаты государственных пошлин в каждом государстве, процесс обжалования решений патентных ведомств, процесс ведения единого реестра товарных знаков, который состоит из национальных разделов, и, как представляется каждый раздел должен администрироваться патентным ведомством соответствующего государства. Реализация всех указанных действий очевидно столкнулась с серьезными проблемами практического внедрения, поскольку с момента подписания Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза прошло уже более пяти лет.

Единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государств-членов, предусмотренный Соглашением о едином таможенном реестре объектов интеллектуальной соб-

ственности государств-членов таможенного союза от 27.11.2009 г. [7], на сегодняшний день также не начал функционировать. Обязанность по администрированию данного реестра возложена на Евразийскую экономическую комиссию (Комиссия), орган, который занимается интеграционными вопросами во всех сферах в рамках ЕАЭС, то есть, является достаточно перегруженным органом.

Принимая во внимание все вышеперечисленное, можно утверждать о необходимости пересмотра стратегии интеграции в рамках регулирования интеллектуальной собственности в ЕАЭС в сторону создания отдельного специализированного ведомства, которое будет задавать общий вектор развития интеграции в данной сфере и осуществлять наднациональное регулирование. В данном случае в качестве положительного примера можно привести опыт Европейского союза (ЕС), в котором функционирует Ведомство по интеллектуальной собственности Европейского союза (EUIPO). ЕС в принципе на сегодняшний день является единственным интеграционным объединением с широким объемом наднационального регулирования. Наличие данного ведомства, а также выстроенной системы регистрации объектов интеллектуальной собственности позволяет утверждать о функционировании общего рынка объектов интеллектуальной собственности и прав на них [8, с.205].

Применительно к ЕАЭС создание отдельного ведомства (департамента), занимающегося интеллектуальной собственностью, представляется целесообразным в рамках все той же Евразийской экономической комиссии, но с определенным перечнем автономных полномочий, позволяющих эффективно реализовывать интеграционные процессы. Среди указанных полномочий должны быть в том числе: исполнение функции централизованного органа по регистрации товарных знаков ЕАЭС (функция «единого окна»), взаимодействие с национальными патентными ведомствами государств-членов ЕАЭС, координация их работы в части регистрации товарного знака ЕАЭС, администрирование единого реестра товарных знаков ЕАЭС, аккумуляция регистрационных пошлин, создание административно-правового механизма по обжалованию решений национальных патентных ведомств государств-членов ЕАЭС. На данный момент в Комиссии не существует отдельного департамента, занимающегося вопросами интеллектуальной собственности.

В контексте создания подобного ведомства в ЕАЭС необходимо упомянуть недавнее заявление в своей научной статье президента Евразийской патентного ведомства Григория Ивлиева [9]. В своей работе Г. Ивлиев описывает систему регистрации товарных знаков в ЕАЭС в качестве неэффективной, которая по своей сути ближе к международной системе регистрации (Мадридская система) [10], нежели к региональной (интеграционной). Среди прочего применительно к ЕАЭС заявляется следующее «Евразийское патентное ведомство (далее – ЕАПВ), которое уже успешно внедряет

единые интеграционные процедуры охраны результатов интеллектуальной деятельности, может управлять региональной системой охраны товарных знаков.» [9]. Евразийское патентное ведомство (ЕАПВ) является структурным элементом Евразийской патентной организацией (ЕАПО), отвечающей за функционирование евразийской патентной системы и выдачи патентов. Данное ведомство действительно является узконаправленным органом, занимающимся региональной интеграцией в сфере патентного регулирования, которое является частью регулирования интеллектуальной собственности, и, действительно, с большой долей вероятности могло бы эффективно и в короткие сроки выстроить процесс регулирования и регистрации товарных знаков ЕАЭС, однако указанное ведомство не входит структурно в ЕАЭС, не является его органом, кроме того, в ЕАПО участвуют не только государства-члены ЕАЭС, но и несколько государств, не являющихся его членами, к примеру, Республика Таджикистан. ЕАПО было образовано в 1994 г. посредством подписания Евразийской патентной конвенции, участниками ЕАПО на сегодняшний день являются 8 государств [11]. Тот факт, что ЕАПО является обособленной от ЕАЭС международной организацией, а также что в нее входят страны, не входящие в ЕАЭС, затрудняет реализацию предложенной Г. Ивлиевым идеи.

Упоминание ЕАПО и заявления ее президента наводит мысль также на еще одну проблему Евразийской интеграции в сфере интеллектуальной собственности. На данный момент не существует каких-либо намеков на создание отдельного патентного регулирования ЕАЭС. В рамках ЕАЭС действуют основополагающие международные договоры, регулирующие сферу патентования [3, статья 90], и члены ЕАЭС, как уже было сказано выше, являются членами ЕАПО, но нет наднациональной патентной системы, наднационального патентного регулирования, как и нет никаких заявлений о планах по их созданию. Патентному регулированию посвящена глава IX Приложения № 26 к Договору о ЕАЭС, которая направлена на гармонизацию законодательства о патентном регулировании государств-членов ЕАЭС.

Необходимо отметить, что роль ЕАЭС в современном геополитическом мире активно возрастает, ЕАЭС предстоит стать одним из ключевых членов многополярного мира. Министр по торговле Комиссии Андрей Слепнев так обозначил предстоящую задачу ЕАЭС «Мы должны превратить ЕАЭС в один из полюсов многополярного мира» [12]. ЕАЭС, как и иные интеграционные объединения, должен будет помимо всего прочего разработать эффективный международно-правовой механизм реагирования на односторонние неправомерные санкции группы государств или отдельного государства, которые весьма распространены на данный момент. Это в том числе касается сферы интеллектуальной собственности, которая, конечно, по сравнению с другими сферами менее подтверждена неправомерным санкционным ре-

жителям, но тем не менее примеры этого уже есть. Так, на территории Европейского союза введены ограничительные меры по регистрации товарных знаков для лиц, являющихся резидентами Российской Федерации [13], при этом нет ограничений на регистрацию по Мадридской системе регистрации. Наличие наднационального регулирования интеллектуальной собственности позволит вводить эффективные ответные меры на уровне интеграционного объединения.

На сегодняшний день перспективы Евразийской интеграции в сфере регулирования интеллектуальной собственности не являются однозначными. С одной стороны, ЕАЭС показывает высокий уровень гармонизации законодательства государственных участников, что создает благоприятную почву для создания наднационального регулирования, с другой стороны создания наднационального регулирования явно идет с трудом в первую очередь ввиду отсутствия отдельного ведомства ЕАЭС по интеллектуальной собственности. Определенные сферы интеллектуальной собственности, в том числе сфера патентования, в принципе выведены из наднационального регулирования.

Представляется вероятным, что задуманные наднациональные элементы регулирования в данной сфере, в том числе товарный знак ЕАЭС и единая система его регистрации, таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности, в конечном итоге будут реализованы. Однако вышеупомянутые недостатки будут являться препятствием для дальнейшего эффективного развития регулирования, его быстрого изменения и адаптации под новые условия и реалии.

Создание отдельного ведомства ЕАЭС по интеллектуальной собственности позволило бы, во-первых, улучшить интеграцию в данной сфере в рамках ЕАЭС, во-вторых, включить в предмет наднационального регулирования ЕАЭС иные сферы интеллектуальной собственности, в-третьих, в перспективе открыть возможности по созданию международно-правового механизма в рамках ЕАЭС, позволяющего эффективно реагировать на односторонние неправомерные санкционные режимы отдельных государств или группы государств.

Литература

1. Роль интеллектуальной собственности в развитии евразийской интеграции / под ред. С.Б. Алиева. М.: Евразийская Экономическая Комиссия, 2016. С. 4 URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/20c/_eec_intellect_08.09.2016_FINISH_napravlen-v-pechat.pdf
2. Данные заседания Консультативного комитета при Коллегии Евразийской экономической комиссии от 09.10.2024 г. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-2023-godu-v-stranakh-eaes-zafiksirovano-4667-narusheniy-v-sfere-intellektualnoy-sobstvennosti/>
3. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/59069bd-06f5239b083d2f13bb24ed3e95df24947/ (дата обращения 13.03.2025).
4. Трансформация глобального экономического правопорядка в условиях формирования многополярного мироустройства. Шумилов. В.М. 2023 г. С. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-globalnogo-ekonomicheskogo-pravoporyadka-v-usloviyah-formirovaniya-mnogopolyarnogo-mirooustroystva/viewer>
5. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности от 14.07.1967. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900270>
6. Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза от 03.02.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202105140028>
7. Соглашение о едином таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности государств-членов таможенного союза от 27.11.2009 г. URL: http://www.eurasiancommission.org/_layouts/Lanit.EEC.Desicions/Download.aspx?IsDlg=0&ID=3047&print=1
8. Ипатов В.Д., Лосев С.С. Гармонизация законодательств государств – членов Евразийского экономического союза как условие создания единого евразийского рынка ИС // Десятый международный Форум «Инновационное развитие через рынок ИС»: сборник докладов, документов и материалов / под науч. ред. В.Н. Лопатина. М., 2018. С. 204–210.
9. Единый евразийский товарный знак: преимущества создания новой системы регистрации. Г. Ивлиев, О. Терещенко. 2024 г. URL: <https://www.eapo.org/eapv-news/edinyj-evrazijskij-tovarnyj-znak-preimushhestva-sozdaniya-novoj-sistemy-registracii/>
10. Мадридское соглашение о международной регистрации знаков от 14.04.1891 и Протокол к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков от 28.06.1989. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6069/668ccde42ed49cdf50349144c-0cd131ef0c281/
11. Евразийская патентная конвенция от 09.11.1994. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/evraziyskaya-patentnaya-konvenciya>
12. А. Слепнев. VII Международный форум ЕАЭС национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <https://eec.eaeunion.org/news/andrey-slepnevmy-dolzheny-prevratit-eaes-v-odin-iz-polyusov-mnogopolyarnogo-mira/>
13. Council Decision (CFSP) 2024/1744 of 24 June 2024 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Решение Совета (CFSP) 2024/1744 от 24 июня 2024 года о внесении изменений в Реше-

ние 2014/512/CFSP об ограничительных мерах в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию в Украине. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2024/1744/oj/eng>

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE EURASIAN INTEGRATION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY REGULATION

Bekirov T.R.

Russian Foreign Trade Academy

The article analyses the problems and prospects of Eurasian integration in the field of intellectual property regulation. The analysis is conducted in the context of the regulation of trademarks and their registration in the EAEU, additionally, the accompanying problems in the regulation of other fields of intellectual property are highlighted. The article notes the importance of integration processes in the field of intellectual property to ensure the basic economic integration of the EAEU, as well as the formation of the EAEU in the emerging multipolar world. The article also notes the positive results of harmonisation of the legislation of the EAEU member states in the field of intellectual property, but at the same time highlights the deficiencies of supranational regulation. The absence of a separate agency within the EAEU dealing with intellectual property issues is pointed out as the main deficiency of the implementation of supranational regulation. The article also emphasises the fact that some areas of intellectual property, such as patenting, are in principle excluded from the supranational regulation of the EAEU. As possible measures to improve the integration processes of the EAEU in the field of intellectual property regulation, it is proposed to create a separate agency (department) within the Eurasian economic commission with a certain list of autonomous powers that would allow the effective implementation of integration processes in this area.

Keywords: intellectual property, EAEU, harmonisation, supranational regulation, integration processes, trademark, multipolar world.

References

1. The role of intellectual property in the development of Eurasian integration / edited by S.B. Aliev. Moscow: Eurasian Economic Commission, 2016. C. 4 URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/20c/_eec_intellect_08.09.2016_FINISH_napravlen-v-pechat.pdf
2. Data from the meeting of the Advisory Committee of the Board of the Eurasian Economic Commission dated 09.10.2024 URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-2023-godu-v-stranakh-eaes-zafiksirovano-4667-narusheniy-v-sfere-intellektualnoy-sobstvennosti/>.
3. Treaty on the Eurasian Economic Union of 29.05.2014. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/59069bd06f5239b083d2f13bb24ed3e95df24947/ (дата обращения 13.03.2025).
4. Global Economic Order Transformation and the Emergence of a Multipolar World. Shumilov. V.M. 2023. p. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatiya-globalnogo-ekonomicheskogo-pravoporyadka-v-usloviyah-formirovaniya-mnogopolyarnogo-miroustroystva/viewer>
5. Convention Establishing the World Intellectual Property Organization of 14.07.1967. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900270>
6. Treaty on trademarks, service marks and appellations of origin of goods of the Eurasian Economic Union of 03.02.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202105140028>
7. Agreement on the unified customs register of intellectual property objects of the member states of the Customs Union of 27.11.2009. URL: http://www.eurasiancommission.org/_layouts/Lanit.EEC.Desicions/Download.aspx?IsDlg=0&ID=3047&print=1.
8. Ipatov V.D., Losev S.S. Harmonization of the legislation of the Member States of the Eurasian Economic Union as a condition for the creation of a single Eurasian IP market // Tenth International Forum "Innovative Development through the IP market": a collection of reports, documents and materials / under the scientific editorship of V.N. Lopatin. M., 2018. C. 204–210.
9. Unified Eurasian trademark: the advantages of creating a new registration system. G. Ivliev, O. Tereshchenko. 2024. URL: <https://www.eapo.org/eapv-news/edinyj-evrazijskij-tovarnyj-znak-preimushhestva-sozdaniya-novoj-sistemy-registracii/>
10. Madrid Agreement Concerning the International Registration of Marks of 14.04.1891 and Protocol to the Madrid Agreement Concerning the International Registration of Marks of 28.06.1989. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6069/668ccde42ed49cdf50349144c0cd131ef0c281/
11. Eurasian Patent Convention of 09.11.1994. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/evraziyskaya-patentnaya-konvenciya>
12. A. Slepnev. VII International Forum of the EAEU of the National Research University Higher School of Economics. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/andrey-slepnev-my-dolzhen-prevratit-eaes-v-odin-iz-polyusov-mnogopolyarnogo-mira/>
13. Council Decision (CFSP) 2024/1744 of 24 June 2024 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilizing the situation in Ukraine. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2024/1744/oj/eng>

Религиозные нормы в системе источников международного торгового права эволюция и современное состояние

Власов Александр Сергеевич,

аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: vlasov2905@yandex.ru

В статье исследуется влияние религиозно-правовых норм на регулирование международной торговли в современных условиях. Предметом изучения выступает эволюция и современное состояние религиозных норм в системе источников международного торгового права. Методология исследования включает сравнительно-правовой и историко-правовой анализ, а также системный подход к изучению различных религиозных традиций. Результаты исследования показывают, что несмотря на секуляризацию права, религиозные нормы продолжают оказывать существенное влияние на стабильность внешнеторговой деятельности через формирование культуры доверия и особых правовых механизмов. Особую значимость приобретают альтернативные финансовые инструменты, основанные на религиозных принципах, демонстрирующие устойчивость в периоды кризисов. Научная новизна заключается в обосновании роли религиозных норм как дополнительного стабилизирующего фактора в международной торговле. Полученные результаты могут быть применены в развитии международного экономического права и практике внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: религиозные нормы, международное торговое право, исламские финансы, сукук, гарар, стабильность внешнеторговой деятельности, *pacta sunt servanda*, религиозно-правовой регулятор.

В современном мире международная торговля подвержена влиянию множества факторов, среди которых религиозно-правовые нормы занимают особое место. Несмотря на кажущуюся архаичность и несовместимость с секуляризованным международным правом, религиозные нормы не только сохраняют свою актуальность, но и демонстрируют потенциал в обеспечении стабильности внешнеторговых отношений. Интеграция принципов исламских финансов в мировую экономическую систему, возрастающее внимание к этическим составляющим бизнеса, основанным на христианской и иудейской традициях, свидетельствуют о значимости религиозного фактора в международном торговом праве. В статье рассматриваются механизмы влияния религиозно-правовых норм на регулирование международной торговли и их роль в формировании устойчивых внешнеэкономических связей в условиях глобальных вызовов современности.

Религиозные нормы представляют собой особую категорию источников права, систематизирующих обязательные для исполнения предписания, принятые органами управления религиозных организаций. По своей правовой природе они выступают как свод канонов, постановлений и предписаний, изложенных в священных книгах, таких как Библия, Коран, Талмуд и другие религиозные тексты. Согласно исследованию Д.А. Карева, тексты религиозного содержания функционируют как один из правовых источников, аналогично обычаям права, прецедентным решениям судов, актам нормативно-правового характера и соглашениям международного уровня, создавая независимую структуру для регулирования взаимоотношений в обществе [5].

Правовая природа религиозных норм характеризуется двойственностью: с одной стороны, они выражают волю сверхъестественных сил, с другой – приобретают юридическое значение через признание государством. В качестве централизованного способа выражения и закрепления норм поведения, они придают правилам общеобязательный характер, обеспечивая их исполнение не только внутренним убеждением верующих, но и различными формами принуждения, включая государственное воздействие в определенные исторические периоды.

В современном мире религиозные нормы занимают специфическое место в системе регулирования общественных отношений. Они формируют религиозное правосознание, выступая в качестве одного из наиболее важных факторов воздействия

на поведение людей. Несмотря на конституционное закрепление принципа светскости в большинстве государств (как, например, в ст. 14 Конституции РФ¹, где указано, что «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»), религиозно-правовые нормы сохраняют свою значимость как регулятор общественных отношений.

Соотношение религиозных и правовых норм представляет собой сложную теоретическую проблему, не имеющую однозначного решения. С одной стороны, не следует противопоставлять нормы религиозного права и религиозные каноны в чистом виде, поскольку они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Религиозные нормы как источник права выражают юридическое содержание устанавливаемых правил поведения и относятся в большей части к правовой, а не к сугубо религиозной сфере.

По мнению некоторых исследователей, ключевое различие между религиозными и правовыми нормами заключается в характере принуждения – внутреннего и внешнего. Однако, как справедливо отмечается в литературе, данный параметр обусловлен преимущественно формой реализации, а не сущностными характеристиками норм [3].

В древнем мире религиозные нормы выступали важнейшим регулятором торговых отношений, задолго до формирования светских правовых институтов. Сакральный характер предписаний придавал им особую устойчивость и обеспечивал добросовестность участников товарообмена, что было критически важно в условиях отсутствия централизованных механизмов принуждения. Например, храмы в Древней Месопотамии и Египте не только являлись центрами религиозной жизни, но и выполняли функции торговых площадок и финансовых учреждений. Священнослужители, обладая авторитетом представителей божественных сил, выступали гарантами сделок, а клятвы именами божеств служили обеспечением выполнения договорённости.

Примечательно, что даже в условиях международной торговли древнего мира, когда стороны сделок принадлежали к различным религиозным традициям, формировались особые надконфессиональные правила, которые приобретали религиозно-правовой характер. Торговые гильдии разных цивилизаций, вступая во взаимодействие, создавали синкретические нормы, включавшие элементы различных религиозных систем. В этом смысле можно говорить о том, что первые шаги в направлении формирования универсального *lex mercatoria* были сделаны именно в религиозно-правовой плоскости, что отражает фундаментальную роль религиозных норм в становлении международной торговли [1].

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 19.05.2025).

Различные религиозные традиции оказали глубокое и разностороннее влияние на формирование торговых практик. Христианское каноническое право внесло существенный вклад в развитие концепции справедливого договора через учение о справедливой цене (*justum pretium*), разработанное средневековыми католическими теологами. Именно в рамках канонического права был сформулирован принцип *pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться»), ставший краеугольным камнем современного договорного права. Как отмечается в зарубежных исследованиях, «соглашения, даже голые, согласно Евангелию, должны соблюдаться», что говорит о религиозном происхождении данного принципа [14].

Исламская правовая традиция создала особую систему регулирования торговли, основанную на шариате. В отличие от христианских норм, в исламе идея запрета ростовщичества (*риба*) получила последовательное развитие, что привело к формированию альтернативных финансовых инструментов. Шариат предусматривает детальные правила осуществления торговли, запрещая спекуляцию товарами первой необходимости: «Человек, старающийся повысить цены на что-то необходимое для мусульман, заслуживает того, чтобы Всеблагод и Всевышний Аллах в День воскресенья вверг его в великое Пламя» [8]. Иудейские торговые нормы (*мишпат иври*) также отличаются детальной разработанностью, устанавливая, например, запрет перед продажей какой-либо вещи прилагать усилия к тому, чтобы она приобрела более привлекательный вид, скрывающий ее недостатки. Эти различные подходы сформировали уникальные торговые практики, многие из которых сохраняют свое значение и в современном мире [11].

В эпоху секуляризации права произошла существенная трансформация роли религиозных норм в регулировании торговли. Начавшийся в Европе с эпохи Просвещения процесс отделения права от религии привел к формированию автономной светской правовой системы. При этом характерно, что многие принципы и институты, имевшие религиозное происхождение, были инкорпорированы в светское право с потерей явной связи с первоисточником. Так, упомянутый выше принцип *pacta sunt servanda*, разработанный средневековыми канонистами, стал фундаментальным принципом международного права и нашел отражение в статье 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., утратив при этом религиозный контекст².

Несмотря на общий тренд к секуляризации правовых систем, влияние религиозных норм на международную торговлю сохраняется в различных формах. Как показывают исследования М.А. Казанцевой и А.Н. Неппа, религия продолжает влиять на международную торговлю на уровне формирования мировоззренческих ориентиров [11]. Более

² Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969). URL: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 19.05.2025).

того, в условиях кризиса доверия к государственным институтам наблюдается своеобразное «возвращение» к религиозным механизмам регулирования экономических отношений. М.А. Казанцева и А.Н. Непп, опираясь на теорию транзакционных издержек Д. Норта, приходят к выводу о допустимости рассмотрения религии как альтернативы слабым либо потерявшим доверие государственным институтам, способствующей развитию внешнеэкономических связей [4]. Данное явление можно рассматривать как свидетельство сохраняющегося потенциала религиозно-правовых механизмов в обеспечении стабильности международных торговых отношений.

В условиях глобальной нестабильности международных экономических отношений особую актуальность приобретает поиск альтернативных инструментов регулирования, способных обеспечить стабильность внешнеторговой деятельности. Как отмечает П.В. Сергеев, современные геополитические противоречия, экологические проблемы и последствия пандемии COVID-19 существенно повышают риски внешнеэкономической деятельности, что «препятствует долгосрочному планированию отношений с зарубежными партнерами». В этом контексте религиозные нормы представляют собой недостаточно исследованный, но потенциально эффективный негосударственный регулятор международных торговых отношений, способный компенсировать ослабление традиционных правовых механизмов [11].

Религиозное право демонстрирует устойчивость и преемственность на протяжении веков, что становится особенно ценным качеством в периоды геополитической турбулентности. Как справедливо отмечает Р.А. Фатхуллина, религия продолжает влиять на международную торговлю как на уровне формирования мировоззренческих ориентиров, так и в правовом поле, а в ряде случаев может рассматриваться как альтернатива слабым либо потерявшим доверие государственным институтам, способствующая развитию внешнеэкономических связей. Это не означает призыва к десекуляризации права, но показывает, что религиозные нормы являются не до конца исчерпанным ресурсом совершенствования существующей системы регулирования внешнеторгового оборота [13].

Анализ современной практики применения религиозных норм в сфере международной торговли позволяет выделить три основных механизма их воздействия на поведение экономических субъектов. Во-первых, это ожидание воздаяния сверхъестественного характера, связанное с верой в трансцендентную ответственность за нарушение установленных правил.

Вторым механизмом является общественное поощрение, выражающееся в получении репутационных преимуществ для экономических субъектов, следующих религиозным предписаниям в своей деятельности. Третий механизм – общественное порицание, формирующее негативные последствия для нарушителей религиозных норм,

даже при отсутствии юридической ответственности за такие нарушения. Примечательно, что в ситуации, когда большинство населения относит себя к числу верующих, «более широкое освещение религиозного содержания таких правил коммерческого оборота, как, например, *pac̄ta sunt servanda*, могло бы послужить неплохим подспорьем в укреплении договорной дисциплины». Подобный подход перекликается с мыслью В.Д. Зорькина о необходимости сокращения «глубокого разрыва между правовым идеалом и нашей действительностью», для чего религиозное право как система норм, основанных на духовных и нравственных убеждениях, может стать эффективным ориентиром¹.

Исламское финансовое право (муамалат) представляет собой развитую систему регулирования экономических отношений, опирающуюся на принципы шариата, которая в последние десятилетия продемонстрировала впечатляющую способность к интеграции в глобальные финансовые структуры. Центральное место в исламских финансах занимает запрет рибы (ростовщичества), что исключает получение фиксированной, predetermined процентной ставки за предоставление денежных средств. Вместо классического кредитования в международных сделках используются альтернативные механизмы: мурабаха (договор купли-продажи с наценкой), мудароба (доверительное финансирование), мушарака (долевое участие), сукук (исламские облигации). Как отмечает Л.Р. Магомаева, этика бизнеса исламских банков требует строгого соблюдения принципа разделения прибылей и убытков между участниками сделки, что формирует особую модель взаимоотношений и распределения рисков [9].

Применение исламских финансовых инструментов в международных сделках демонстрирует устойчивый рост. По данным экономических исследований, объем активов, соответствующих шариату, превышает 2 трлн долларов США и ежегодно увеличивается на 15–20%².

Христианские и иудейские принципы ведения бизнеса, несмотря на меньшую формализацию по сравнению с исламским правом, оказывают существенное влияние на современную коммерческую практику. В христианской традиции особое значение имеет концепция справедливой цены (*justum pretium*), разработанная еще средневековыми канонистами. Современным проявлением этой концепции можно считать механизмы ценообразования в сделках между аффилированными лицами, в частности, принцип «вытянутой руки»

¹ Зорькин, В.Д. Путь права в России: реформатор – элита – народ: выступление Председателя КС РФ / В.Д. Зорькин // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=94> (дата обращения: 19.05.2025).

² Сукук – исламский аналог облигаций. Как принципы шариата формируют новый этап на финансовых рынках // Финанс.ру: [сайт]. – 2025. – 14 мая. – URL: <https://www.finam.ru/publications/item/sukuk-islamskiy-analog-obligatsiy-kak-printsipy-shariata-formiruyut-novyy-etap-na-finansovykh-rynках-20250514-1147/> (дата обращения: 19.05.2025).

(arm's length principle), закрепленный в налоговом законодательстве многих стран. Как подчеркивает А.Е. Кирпичев, «гражданско-правовое положение религиозных организаций и аффилированных с ними юридических лиц демонстрирует заметную тенденцию к выработке особых правил ценообразования и распределения прибыли» [7].

В иудейской традиции мишпат иври (иудейское право) содержит детальные правила коммерческого взаимодействия, которые находят отражение в современной практике. Как указано в Кицур Шулхан Арух, запрещено перед продажей какой-либо вещи прилагать усилия к тому, чтобы она приобрела более привлекательный вид, скрывающий ее недостатки [6]. Этот принцип перекликается с современным требованием раскрытия информации о товаре, закрепленным в законодательстве о защите прав потребителей большинства стран. Следует также отметить роль иудейских религиозных судов (бейт-дин), которые рассматривают коммерческие споры между предпринимателями-иудеями не только в Израиле, но и в диаспоре, включая США и страны Европы. Их решения, отражающие принципы иудейского права, признаются в некоторых юрисдикциях как результаты альтернативного разрешения споров, что демонстрирует конкретную форму интеграции религиозных норм в современную правовую практику [6].

Проблема адаптации религиозных норм решается различными методами в зависимости от конфессии. В исламском праве применяется иджтихад – методология вынесения богословско-правовых заключений, позволяющая адаптировать шариатские нормы к изменяющимся условиям. В результате появляются новые финансовые инструменты, соответствующие шариату, такие как такафул (исламское страхование) или исламские деривативы. В христианской традиции значительную роль играют современные богословские интерпретации экономических вопросов, находящие отражение в таких документах, как «Компендиум социального учения Католической церкви» или «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» [10].

Таким образом, исследование выявило устойчивое влияние религиозно-правовых норм на стабильность международной торговли даже в условиях секуляризации. Фундаментальные принципы, заложенные в религиозных традициях (включая *pacta sunt servanda*, запрет гарара в исламе), интегрированы в современное право и продолжают формировать торговую практику. При кризисе доверия к государственным институтам религиозные механизмы создают альтернативную культуру доверия, снижающую транзакционные издержки. Особую устойчивость демонстрируют финансовые инструменты на религиозной основе (исламский банкинг, сукук), что делает религиозно-правовые нормы важным фактором обеспечения стабильности внешнеторговой деятельности в условиях глобальной нестабильности.

Литература

1. Беспалько, В.Г. Сакральные начала и содержание принципа справедливости в праве древних государств / В.Г. Беспалько // Социально-политические науки. 2020. № 2. С. 46–54.
2. Выступление Председателя КС РФ В.Д. Зорькина «Путь права в России: реформатор – элита – народ» // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://ks-rf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=94> (дата обращения: 19.05.2025).
3. Живулин, В.А. Соотношение правовых и религиозных норм / В.А. Живулин // Научные проблемы водного транспорта. 2005. № 15. С. 69–74.
4. Казанцева, М.А. Религия и культура как факторы доверия во внешней торговле / М.А. Казанцева, А.Н. Непп // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. № 1. С. 274–303.
5. Карев, Д.А. Религиозные книги как источники права / Д.А. Карев // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7 (211). С. 36–38.
6. Кащенко, С.Г. Источники еврейского права / С.Г. Кащенко, О.А. Кравчук // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2014. № 1. С. 44–57.
7. Кирпичев, А.Е. Гражданско-правовое положение религиозных организаций и аффилированных с ними юридических лиц / А.Е. Кирпичев // Ученые труды РААН. – 2023.
8. Кузнецова, А.Н. Купля-продажа и запрет неопределенности (гарар) в исламской традиции / А.Н. Кузнецова, И. Тенберга // Правоведение. 2022. № 2. С. 162–191.
9. Магомаева, Л.Р. Исламская модель банковской системы – концептуальное – 2023. № 1 (139). С. 45–49.
10. Мавед, Е.О. Путь возникновения иджтихада в исламском праве и его применение / Е.О. Мавед // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2013. № 1. С. 103–109.
11. Сергеев, П.В. Религиозное право и стабильность внешнеторговой деятельности / П.В. Сергеев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – № 2(78). – С. 7–16.
12. Фатхуллина, Р.А. Религиозный фактор в международном праве / Р.А. Фатхуллина // E-Scio. – 2023. – № 1 (76). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-faktor-v-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения: 19.05.2025).
13. Holmes, O.W. Jr. The common law / O.W. Jr. Holmes. London: Macmillan & Co., 1881. – 422 p.
14. Huston, C.A. The enforcement of decrees in equity / C.A. Huston. Cambridge: Harvard University Press, 1915. 265 p.
15. Hyland, R. Pacta sunt servanda: A meditation / R. Hyland // Virginia Journal of International Law. 1994. № 34 (2). P. 405–433.

RELIGIOUS NORMS IN THE SYSTEM OF SOURCES OF INTERNATIONAL TRADE LAW: EVOLUTION AND CURRENT STATE

Vlasov A.S.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

This article examines the influence of religious-legal norms on the regulation of international trade in contemporary conditions. The subject of the study is the evolution and current state of religious norms within the system of sources of international trade law. The research methodology includes comparative legal and historical-legal analysis, as well as a systemic approach to studying various religious traditions. The results of the study show that despite the secularization of law, religious norms continue to exert a significant influence on the stability of foreign trade activities through the formation of a culture of trust and special legal mechanisms. Alternative financial instruments based on religious principles gain particular importance, demonstrating resilience during periods of crisis. The scientific novelty lies in substantiating the role of religious norms as an additional stabilizing factor in international trade. The findings can be applied in the development of international economic law and the practice of foreign economic activity.

Keywords: religious norms, international trade law, Islamic finance, sukuk, gharar, stability of foreign trade activities, pacta sunt servanda, religious-legal regulator.

References

1. Bepalko, V.G. Sacred principles and content of the principle of justice in the law of ancient states / V.G. Bepalko // Social and political sciences. 2020. No. 2. P. 46–54.
2. Speech of the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zorkin “The path of law in Russia: reformer – elite – people” // Constitutional Court of the Russian Federation: official website. URL: [https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx? ParamId=94](https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=94) (date accessed: 19.05.2025).
3. Zhivulin, V.A. The relationship between legal and religious norms / V.A. Zhivulin // Scientific problems of water transport. 2005. No. 15. P. 69–74.
4. Kazantseva, M.A. Religion and Culture as Factors of Trust in Foreign Trade / M.A. Kazantseva, A.N. Nepp // Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics. 2023. No. 1. P. 274–303.
5. Karev, D.A. Religious Books as Sources of Law / D.A. Karev // Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 7 (211). P. 36–38.
6. Kashchenko, S.G. Sources of Jewish Law / S.G. Kashchenko, O.A. Kravchuk // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. 2014. No. 1. P. 44–57.
7. Kirpichev, A.E. Civil and legal status of religious organizations and legal entities affiliated with them / A.E. Kirpichev // Scientific works of the Russian Academy of Sciences. – 2023.
8. Kuznetsova, A.N. Purchase and sale and the prohibition of uncertainty (gharar) in the Islamic tradition / A.N. Kuznetsova, I. Tenberga // Jurisprudence. 2022. No. 2. Pp. 162–191.
9. Magomaeva, L.R. Islamic model of the banking system – conceptual – 2023. No. 1 (139). Pp. 45–49.
10. Maved, E.O. The path of the emergence of ijihad in Islamic law and its application / E.O. Maved // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law. 2013. No. 1. P. 103–109.
11. Sergeev, P.V. Religious law and stability of foreign trade activities / P.V. Sergeev // Bulletin of Tver State University. Series: Law. – 2024. – No. 2 (78). – P. 7–16.
12. Fatkhullina, R.A. Religious factor in international law / R.A. Fatkhullina // E-Scio. – 2023. – No. 1 (76). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-faktor-v-mezhdunarodnom-prave> (date of access: 19.05.2025).
13. Holmes, O.W. Jr. The common law / O.W. Jr. Holmes. London: Macmillan & Co., 1881. – 422 p.
14. Huston, C.A. The enforcement of decrees in equity / C.A. Huston. Cambridge: Harvard University Press, 1915. 265 p.
15. Hyland, R. Pacta sunt servanda: A meditation / R. Hyland // Virginia Journal of International Law. 1994. No. 34 (2). P. 405–433.

Гадаборшева Зинаида Бекхановна,

кандидат юридических наук, Ингушский государственный университет

E-mail: gadaborweva@mail.ru

Статья представляет собой комплексный анализ Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации, включающий в себя: историческую справку по зарождению данного института в современном виде, анализ норм Договоренности о правилах и процедурах, регламентирующих урегулирование споров 1994 года; проблемы, на которые обращают внимание как отечественные, так и зарубежные исследователи; анализ статистики и правоприменительной практики. В результате исследования автор указывает, что стороны чрезмерно часто прибегают к различного рода приостановлениям рассмотрения споров, затягивают разбирательства и крайне неохотно идут на исполнение обязательств еще до апелляции. Подобное состояние противоречит духу организации, в том числе общим положениям вышеназванной Договоренности. В заключении предлагается отменить правило, в соответствии с которым полномочия на учреждение третейской группы теряют силу, если работа третейской группы была приостановлена более чем на 12 месяцев, а также ввести нормы о злоупотреблении процессуальными правами с учетом особенностей современного международного права.

Ключевые слова: ОРС ВТО, ГАТТ, торговое право, антидемпинговые меры, международное право, злоупотребление правом, апелляция, антидемпинговые меры.

Введение

Орган ВТО по разрешению споров (далее по тексту – ОРС ВТО) выступает одним из уникальных международных юрисдикционных институтов по экономическим спорам. Реформы ОРС ВТО, проведенные в начале 90-х годов, на долгое время позволили утверждать, что данная площадка является не только эффективной, но и авторитетной. Однако на сегодняшний день существует ряд нерешенных проблем, разрешению которых должно предшествовать эмпирическое исследование основных норм, регулирующих разрешение споров, истории, правоприменительной практики и статистики.

Научной новизной данной статьи выступают указания на необходимость установления понятия злоупотребления процессуальными правами в Договоренности о правилах и процедурах, регламентирующих урегулирование споров 1994 года (далее по тексту – Договоренность).

Материала и методы

Нормативную основу исследования составила Договоренность о правилах и процедурах, регламентирующих урегулирование споров 1994 года. При этом статья основывается на эмпирических данных статистики ОРС ВТО, а также кратких резюме споров с участием России, США, Евросоюза, Китая, Индии и других стран. Основным методом исследования выступил формально-юридический научный метод. Кроме того, в работе использовались методы историко-правового анализа, компаративного анализа, а также метод юридической герменевтики.

Литературный обзор

В результате переговоров Уругвайского раунда 1986–1994 года был создан международный юрисдикционный институт ВТО, занимающийся рассмотрением споров – Орган по разрешению споров ВТО. Отличие ОРС ВТО от своего предшественника заключается в том, что у него появляется апелляционная инстанция, а также устанавливаются механизмы исполнения решения [4, с. 227]. Также важнейшая особенность заключалась в возможности ответчика заблокировать создание третейской группы для урегулирования спора, что ставило под сомнение возможность разбирательства с точки зрения восстановления нарушенных прав истца. Однако данная особенность активно не использовалась, так как сама суть системы ВТО подразумевала заинтересованность в разрешении спора. До принятия Соглашения об урегулировании споров ВТО, являющимся основным нормативным право-

вым актом регулирующим ОРС ВТО, споры разрешались на основании Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 года [12], а также Соглашения об урегулировании споров 1979 года [18]. Так, согласно историческому экскурсу, представленному на официальном сайте ВТО, к концу 80-х годов ответчики стали все чаще прибегать к праву вето, отчего и последовала необходимость в принятии Договоренности 1994 года [13]. Тем не менее, на сегодняшний день многими исследователями отмечаются серьезные проблемы ОРС ВТО, в частности касающиеся апелляционного рассмотрения и принуждения к исполнению соответствующих решений, поэтому данный институт всё еще является развивающимся [7, с. 139]. При этом, как отмечается В. Хьюз, с учетом текущего состояния ОРС ВТО, нормализация может занять несколько лет с учетом сложности в принятии соответствующих изменений в текущие нормативные акты организации [14, с. 133].

Договоренность содержит 27 статей и 4 приложения. Данный нормативный правовой акт в своих общих положениях содержит приверженность к стремлению по урегулированию спора, что и отличает ОРС ВТО от суда, который, как правило, по своей юридической природе действует принудительно (например, суд ЕС) (пункт 7, 10 статьи 1, статьи 23–24 Договоренности).

Согласно статье 4 Договоренности, непосредственному рассмотрению спора предшествуют обязательные консультации. При этом согласие на их проведении членом ВТО, в отношении которого отправлен такой запрос другим членом, обязан ответить на него в течение 10 дней и провести сами консультации не позднее чем через 30 дней с даты получения запроса.

Посредничество в разрешении спора на любом этапе, в том числе после запроса о консультациях, регламентировано в статье 5 Договоренности. Стороны могут прибегнуть к так называемым «добрым услугам», под которыми подразумевается обращение к посреднику для урегулирования спора. Добрые услуги могут быть прекращены в любое время, но после прибегания к таким процедурам передача дела третьей группе может быть осуществлена не ранее чем через 60 дней после начала запроса о проведении консультаций (статья 5).

Третьей группы состоят из 3 либо 5 членов, если это потребуют стороны (пункт 5 статьи 8 Договоренности). Требования к участникам третьей группы, с одной стороны, жесткие, с другой, имеют достаточно «расплывчатые» требования. Ими могут являться: члены правительственных и неправительственных организаций; выступающие в прошлом представителями договаривающихся сторон ГАТТ 1947 года; бывшие должностными лицами при торговых организациях членов ВТО; а также лица, имеющие научные публикации из области торгового права либо преподававшие торговое право (пункт 1 статьи 8 Договоренности). Ограничения касаются лишь гражданства: третья группа должна быть полностью нейтраль-

ной для спорящих сторон и третьих лиц (пункт 3 статьи 8 Договоренности); при этом *de jure* члены третьей группы не представляют свои государства, а выступают как частные лица (пункт 9 статьи 9 Договоренности). Иными словами, под такие критерии могут подходить практически любые государственные служащие, а их бэкграунд может быть усилен под вышеназванные критерии. Каждый член третьей группы выбирается из индикативного списка, формируемого Секретариатом ОРС ВТО по предложению членов ВТО, что позволяет утверждать о жестком отборе, несмотря на относительно легкие требования (пункт 4 статьи 8 Договоренности) [17].

Объединение будущего производства рассмотрения спора возможно в случае, если более одного члена ВТО требуют о создании третьей группы. Тогда создается единая третья группа (статья 9 Договоренности). Как и в классическом арбитражном производстве, в рассмотрении дела имеют право участия третьи лица, правда только в случае острой заинтересованности (пункт 2 статьи 10 Договоренности), причем без права апелляционного обжалования (пункт 4 статьи 17 Договоренности). При этом в статье никак не уточняются критерии, по которым может быть, к примеру, отказано одному из членов в участии в том или ином споре в таком процессуальном качестве.

Особенность рассмотрения споров в ОРС ВТО заключается также в том, что третья группа самостоятельно определяют график своей работы. То есть их деятельность более гибка, чем во многих других международных арбитражах. Предельные сроки устанавливаются третьей группами, в том числе, для подачи заявлений сторон (пункт 5 статьи 12 Договоренности).

Исходя из содержания статьи 13 Договоренности, третья группа имеет право на получение исчерпывающей информации от членов ВТО без оговорок на какую-либо степень секретности, хотя и полученная информация является конфиденциальной (статья 14 Договоренности). Примечательно, что санкции в отношении членов здесь не регламентированы, однако это объясняется характером соглашения и целями участия в том или ином споре – достижение консенсуса.

Интересно, что решения ОРС ВТО именуются докладами, что подчеркивает квазисудебный характер данного института (статьи 15, 16 Договоренности) [17].

В соответствии с пунктом 1 статьи 17 Договоренности в ОРС ВТО существует отдельный Апелляционный орган (далее по тексту – АО), рабочая программа которого разрабатывается при участии председателя ОРС и Генерального директора (пункт 9 статьи 17 Договоренности). Срок рассмотрения апелляции по общему правилу составляет 60 дней, но он может быть продлен до 90 дней в случае мотивированного уведомления АО в адрес ОРС ВТО (пункт 5 статьи 17 Договоренности). В данном случае наличествует классическая норма, согласно которой апелляция ограничи-

вается трактованием выводов доклада третьей группы (пункт 7 статьи 17 Договоренности). Доклад АО может быть не принят в течение 30 дней после его распространения среди членов при наличии соответствующего консенсуса в ОРС ВТО (пункт 14 статьи 18 Договоренности).

Следует подчеркнуть, что решения ОРС ВТО являются обязательными, что крайне важно для любого юрисдикционного международного института (пункт 1 статьи 20 Договоренности). Это выражается в обязанности членов ВТО в уведомлении ОРС ВТО о намерениях по выполнению рекомендаций в течение 30 дней (пункт 3 статьи 20 Договоренности) с возможностью продления данного срока до 19 месяцев, что, тем не менее, представляется небольшим промежутком времени с учетом потенциальной необходимости принятия внутренних нормативных правовых актов членами ВТО (например, для срока согласования с парламентами это представляется небольшим промежутком времени) (пункты 3–5 статьи 20 Договоренности). Если же рекомендации полностью либо частично не могут быть выполнены, то вопрос об их применении может быть разрешен в первоначальной третьей группе (пункт 5 статьи 21 Договоренности); кроме того подразумевается, что члены имеют право на оплату соответствующей добровольной компенсации (пункт 1 статьи 21 Договоренности). Такой спор может инициироваться любым членом ВТО, вне зависимости от участия в предыдущем разбирательстве (пункт 6 статьи 21 Договоренности) [17].

Как можно заметить, одной из проблем современного ОРС ВТО выступает отсутствие прозрачности. Данный тезис подтверждается в исследовании Я. Мунижа [16, с. 175]. Однако следует признать, что строгая степень конфиденциальности, во многом, вынужденная и безальтернативная мера. В этом смысле наличествует относительное противоречие в том, что один из принципов ВТО – это принцип прозрачности принимаемых законов его членами [3].

Швейцарский исследователь Т. Котье отмечает, что глобальная проблема ОРС ВТО – это чрезмерно высокое количество апелляций, что свидетельствует о неблагоприятных условиях разбирательства. Среди путей решения данной проблемы вышеназванный автор предлагает повышение независимости третьей группы и предания им институциональной основы [8, с. 515]. Например, избрание групп может осуществляться не отдельно для каждого дела, а на определенный срок, как это происходит в классической судебной системе. Подобного мнения, касающегося негативной оценки АО, придерживается И.Н. Халилюлина, указывающая, что зачастую апелляцию преследует своей целью не защиту права, а невозможность исполнения неугодного стороне спора решения [5, с. 5].

Стоит отметить, что с 2019 года АО фактически прекратил свою деятельность, что обусловлено блокировкой назначения арбитров в данный орган со стороны США. При этом право на апелляцию

не исчезает. То есть в данный момент реализация такого права влечет за собой фактическую отмену решения. В этой связи необходимо пересмотреть вопрос назначения арбитров именно в АО. Претензии США к АО в данном случае не лишены оснований, что признается на уровне Минэкономразвития РФ, указывающем, что на стадии апелляции крайне легко отменялись решения третейских групп, а нормы Договоренности зачастую трактовались чрезмерно вольно. Россия при этом заинтересована в возможности «разморозки» АО [2].

Остановимся на последних делах ОРС ВТО, в которых участвовала РФ. На данный момент дело, инициированное 29 июня 2018 года, суть которого связана с запросом России по поводу мер США в отношении поставок изделий из стали и алюминия, приостановлено в связи с невозможностью создания рабочей группы, о чем свидетельствуют запись Секретариата ОРС ВТО WT/DS554/25 от 25 июня 2024 года. Ограничения, введенные США, хотя и обсуждались, но действие третьей группы было приостановлено на основании статьи 12.12 Договоренности [10]. Здесь также упомянем исследование Д.С. Боклан и Е.А. Мурашко, что указание на необходимость в соблюдении мер национальной безопасности является, во-первых, крайне распространенным объяснением ответчиков, во-вторых, по сути имеет в себе все признаки злоупотребления правом [1, с. 111]. В соответствии с данной нормой деятельность группы может быть приостановлена по просьбе стороны спора. Кроме того, «если работа третьей группы была приостановлена более чем на 12 месяцев, полномочия на учреждение третьей группы теряют силу». Как можно заметить, данный спор не дошел даже до стадии апелляции. Аналогичная процессуальная проблема произошла и в споре с Евросоюзом по поводу введения последним антидемпинговых мер холоднокатаной плоской стальной продукции: спор был инициирован 29 июня 2018 года и прекратился 25 июня 2024 года [9]. Подобная практика ОРС ВТО свидетельствует о наличии кризиса данного института.

Разумеется, существуют и положительные примеры. Так, спор между США и Индией, касающийся пошлин, введенных Индией на ряд американских товаров, закончился подписанием соглашения между сторонами, при этом не было проведено ни одного заседания, которое было отложено на основании пандемии коронавируса [11]. При этом многие исследователи из данной области высказывают предположение, что подобное положение дел может нивелировать данный институт в пользу региональных юрисдикционных органов (суд ЕС, суд ЕАЭС и т.д.). Справедливости ради отметим, что участники мировой экономики, несмотря на наличие возможности, предпочитают рассматривать споры именно в ОРС ВТО, что говорит об авторитете данной структуры, а также о глобализации мировой экономики, несмотря на явные «откаты» в этой области геоэкономики. Например, Г. Марсо отмечает, что около 25% всех споров ОРС

ВТО приходится на стороны, которые могли бы обратиться и в другие международные институты [15, с. 13].

Анализ практики ОРС ВТО свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве споров принимают участия США: из 10 последних случаев в 4 они выступают в качестве ответчика. На втором месте КНР с двумя участиями в качестве ответчика и 1 раз в качестве истца. Интересно, что на статистической странице официального сайта ВТО подчеркивается, что в целом невозможно установить количество положительных либо отрицательных завершений споров, так как многие из них взаимосвязаны, многие объединяются в одно производство. Также отметим, что предметом оспаривания тех или иных действий в подавляющем большинстве случаев выступают указания на несоответствие Генеральному соглашению по тарифам и торговле 1994 года – 525 случаев с 1994 по 2024 год (в рассмотренных нами спорах также существуют указания на те или иные нормы соглашения) [6].

Обсуждение

В исследовании был представлен краткий анализ института ОРС ВТО. На наш взгляд, дальнейшие исследования в данной области следует посвящать АО ОРС ВТО по вопросу формирования членов апелляционной инстанции. Кроме того, следует детально изучить претензии США к принципам обжалования, которые также представляются спорными, в том числе представителями РФ.

Результаты

ОРС ВТО в своем современном виде сформировался в 1994 году с принятием Договоренности. При этом современное состояние ОРС ВТО в целом следует охарактеризовать как кризисное. Это обусловлено приостановлением рассмотрения споров из-за пандемии коронавируса, а также с блокировками многих разбирательств на стадии апелляции, что по сути является злоупотреблением международным правом.

Текущее содержание норм Договоренности характеризуется следующим: обязанность сторон спора стремиться к добровольному исполнению выводов докладов ОРС ВТО (пункт 7, 10 статьи 1, статьи 23–24 Договоренности); стороны могут прибегнуть к услугам медиаторов («добрым услугам») (статья 5), члены третейских групп должны быть в целом нейтральны по ряду признаков, в том числе национальным (пункт 3 статьи 8, пункт 9 статьи 9).

Основная проблема современного ОРС ВТО заключается в том, что дело может быть приостановлено уже на стадии первичного рассмотрения (пункт 12 статьи 12 Договоренности). Кроме того, на данный момент несогласованность в избрании членов АО утверждает фактическое приостановление деятельности апелляционной инстанции

(статья 17 Договоренности). Кроме того, анализ доктринальных источников свидетельствует о наличии проблем чрезмерной конфиденциальности рассмотрения споров.

Анализ практики рассмотрения споров показывает, что в абсолютном большинстве случаев истцы указывают на несоответствие каких-либо действий ответчиков Соглашению ГАТТ 1994 года. Сами участники довольно часто злоупотребляют процессуальными правами, что противоречит принципам ОРС ВТО, заключающимся в стремлении к разрешению конфликта членами организации.

Заключение

В результате проведенного исследования отметим, что ОРС ВТО является важнейшим институтом торгово-процессуального международного права, доказавшем свою эффективность. На наш взгляд, норма пункта 12 статьи 12 Договоренности нуждается в корректировке, так как именно ею злоупотребляют стороны. Представляется, что последнее предложение данной нормы должно быть отменено либо же такой срок должен быть существенно увеличен (например, до 3 лет), согласно которому «если работа третейской группы была приостановлена более чем на 12 месяцев, полномочия на учреждение третейской группы теряют силу».

Также считаем целесообразным внести в Договоренность отдельную статью, разъясняющую виды злоупотреблений процессуальными правами, а также возможные санкции: невозможность обращения в ОРС ВТО в течение 3 лет, невозможность участвовать в спорах в качестве третьей стороны и т.д. Представляется, что к таким видам следует отнести систематическое использование в процессуальных прав только лишь для достижения положительного для себя результата без цели в достижении объективной истины.

Литература

1. Боклан, Д. С., Мурашко Е.А. Опасная практика ВТО: толкование исключения по соображениям безопасности в споре США – Требования к маркировке / Д.С. Боклан, Е.А. Мурашко // Журнал ВШЭ по международному праву 1(2), 111–121. <https://doi.org/10.17323/jil.2023.18199>.
2. Замглавы Минэкономразвития РФ: все участники ВТО заинтересованы в ее реформе // Официальный сайт АНО «Центр экспертизы по вопросам Всемирной торговой организации». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wto.ru/news/zamglavy-minekonomrazvitiyarrf-vse-uchastniki-vto-zainteresovany-v-ee-reforme/> (дата обращения: 23.04.2025).
3. Найманбаев, Б.Р. История создания и принципы деятельности Всемирной Торговой Организации / Б.Р. Найманбаев, Г.Ж. Орынбасарова // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. – [Электронный ресурс]. – URL: [№ 5 2025 \[ЮН\]](https://bulletin-</div><div data-bbox=)

- histsocpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/1324/584 (дата обращения: 21.04.2025).
4. Покровская, Н.В. Правовой механизм разрешения торговых споров в рамках ВТО / Н.В. Покровская // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Том 11. – № 5А. – С. 227–233. – DOI: 10.34670/AR.2021.80.34.007 (дата обращения: 18.04.2025).
 5. Халилюлина, И.Н. Вступление России в ВТО: проблемы и перспективы / И.Н. Халилюлина // Научные записки молодых исследователей № 5. – 2021. – С. 5–15.
 6. Agreements raised in WTO disputes (1995–2024) // The official website of the WTO. – [Electronic resource]. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/disputstats_e.htm (date of access: 24.04.2025).
 7. Altemöller, F. WTO Appellate Body Without Legitimacy? The Criticism of the Dispute Settlement System and the Response of the WTO Member States // *Global Trade and Customs Journal* N16. Issue 4, 2021pp. 139–148. – [Electronic resource]. – URL: <https://kluwerlawonline.com/journalarticle/Global+Trade+and+Customs+Journal/16.4/GTCJ2021015> (date of access: 18.04.2025).
 8. Cottier, T. Recalibrating the WTO Dispute Settlement System: Towards New Standards of Appellate Review // *Journal of International Economic Law*, Volume 24, Issue 3, September 2021, Pages 515–533, <https://doi.org/10.1093/jiel/jgab024>.
 9. Dispute N DS521. European Union – Anti-Dumping Measures on Certain Cold-Rolled Flat Steel Products from Russia // The official website of the WTO. – [Electronic resource]. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds521_e.htm (date of access: 23.04.2025).
 10. Dispute N DS554. United States – Certain Measures on Steel and Aluminium Products // The official website of the WTO. – [Electronic resource]. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds554_e.htm (date of access: 23.04.2025).
 11. Dispute N DS585. India – Additional Duties on Certain Products from the United States // The official website of the WTO. – [Electronic resource]. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds585_e.htm (date of access: 23.04.2025).
 12. General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1947) // Official website of the WTO. – [Electronic resource]. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_e.htm (date of access: 18.04.2025).
 13. Historic development of the WTO dispute settlement system // The official website of the WTO. – [Electronic resource]. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/disps_settlement_cbt_e/c2s1p1_e.htm (date of access: 18.04.2025).
 14. Hughes, V. Maintaining Relevance in a Much-Changed World: Reforming WTO Dispute Settlement // *Journal of International Economic Law*, Volume 26, Issue 1, March 2023, Pages 133–145, – <https://doi.org/10.1093/jiel/jgac065>.
 15. Marceau, G. The primacy of the WTO dispute settlement system // *Questions of international law*, 2015. Vol. 23. P. 13.
 16. Munir, Y. An In-depth Analysis of the Evolution of the WTO Dispute Settlement Mechanism: Trends, Challenges, and Prospects. *Al-Qamar*. 2024. 07. 175–202.
 17. Understanding on Rules and Procedures Governing the Settlement of Disputes // The official website of the WTO. – [Electronic resource]. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/dsu_e.htm (date of access: 21.04.2025).
 18. Understanding Regarding Notification, Consultation, Dispute Settlement and Surveillance 1979 // The official website of the WTO // [Electronic resource]. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/tokyo_notif_e.pdf (date of access: 18.04.2025).

WTO DISPUTE SETTLEMENT BODY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Gadaborsheva Z.B.
Ingush State University

This article is a comprehensive analysis of the Dispute Settlement Body of the World Trade Organisation, including: the historical background on the origin of this institution in its modern form, the analysis of the norms of the 1994 Understanding on Rules and Procedures Governing Dispute Settlement; problems that both domestic and foreign researchers pay attention to; analysis of statistics and law enforcement practice. As a result of the study, the author points out that the parties excessively often resort to various kinds of suspension of the consideration of disputes, delay proceedings and are extremely reluctant to fulfil their obligations even before the appeal. Such a state is contrary to the spirit of the organisation, including the general provisions of the above-mentioned Understanding. In conclusion, it is proposed to abolish the rule according to which the authority to establish an arbitration group loses force if the work of the arbitration panel has been suspended for more than 12 months, as well as to introduce rules on the abuse of procedural rights, taking into account the peculiarities of modern international law.

Keywords: DBS WTO, GATT, trade law, anti-dumping measures, international law, abuse of law, appeal, anti-dumping measures.

References

1. Boklan, D. S., Murashko, E.A. Dangerous WTO Practices: Interpretation of the Security Exception in the US Dispute – Labeling Requirements / D.S. Boklan, E.A. Murashko // *HSE Journal of International Law* 1(2), 111–121. <https://doi.org/10.17323/jil.2023.18199>.
2. Deputy Minister of Economic Development of the Russian Federation: All WTO Members Are Interested in Its Reform // Official Website of the ANO “Center for Expertise on World Trade Organization Issues”. – [Electronic resource]. – URL: <https://www.wto.ru/news/zamglavy-minekonomrazvitiya-rf-vse-uchastniko-vto-zainteresovany-v-ee-reforme/> (accessed: 23.04.2025).
3. Naymanbaev, B.R. History of the creation and principles of the World Trade Organization / B.R. Naymanbaev, G. Zh. Orynbasarova // *Bulletin of Abai KazNP U. Series: Historical and sociopolitical sciences*. – [Electronic resource]. – URL: <https://bulletin-histsocpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/1324/584> (date of access: 21.04.2025).
4. Pokrovskaya, N.V. Legal mechanism for resolving trade disputes within the WTO / N.V. Pokrovskaya // *Issues of Russian and international law*. – 2021. – Volume 11. – No. 5A. – P. 227–233. – DOI: 10.34670/AR.2021.80.34.007 (date of access: 18.04.2025).

Сетевые университеты как перспективная форма международного взаимодействия в сфере образования и научной дипломатии

Гуляева Татьяна Константиновна,

к.ю.н., доцент кафедры интеграционного и европейского права, ФБГОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

В статье поднимаются вопросы степени урегулированности сетевого образовательного сотрудничества отечественных и зарубежных университетов. Проанализированы действующие сетевые модели на образовательном пространстве, так называемые конструкторы. Особое внимание было уделено сетевой университет Содружества Независимых Государств, Евразийский сетевой университет, консорциум «Российско-Африканский сетевой университет», университетского альянса Шелкового пути, Австралийская сеть африканских университетов, сеть университетов Матарики, сеть университетов Южной и Юго-Восточной Азии. Также были выделены уникальные преимущества сетевого сотрудничества как способствование повышению конкурентоспособности отечественной образовательной траектории, академическая привлекательность, возможность комбинирования различных процессов (теоретического обучения, научно-исследовательской деятельности, практической стажировки у работодателя), возможность проведения сотрудничества на всех формах обучения с использованием удаленных ресурсов. По заключению было отмечено, что трендом инновационного и качественного движения образовательной системы и равным образом специальным инструментом рационализации партнерских университетов, а также механизмом отслеживания и регулирования качественного уровня образовательных программ, представляется сетевая форма сотрудничества. Более того, был выделен общий комплекс барьеров и драйверов в развитии сетевых образовательных программ и сетевых университетов, в частности недостаточная активность в области целеполагания и стратегического управления; несостоятельная эффективность работы институциональных структур, координирующих сетевую образовательную деятельность и др.

Ключевые слова: сетевые формы, сотрудничество, образование, научная дипломатия, сетевые университеты

Введение

Международная образовательная кооперация нарастающими темпами реализуется посредством создаваемых сетевых программ и университетов.

Расширение границ по внедрению программ высшего образования в сетевом формате заявлено главой государства в качестве поручения для Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в частности подчеркивалось, что данный механизм откроет доступ к тем образовательным компетенциям, которые в полной мере отвечают заявленным целям России в области науки и технологий.

Динамичное инициирование образовательных программ, так называемых ОП, в сетевой модели заложено в положениях Федерального закона от 2012 г. [10], согласно которому под указанной матрицей понимается один из многочисленных способов реализации ОП наряду с самостоятельной деятельностью организации по образованию.

Основная часть

Нормативно-правовой акт допускает исключительно два способа реализации ОП при сетевой модели – обращение к средствам и возможностям отечественных и зарубежных учреждений в сфере образования, а также иным заинтересованным структурам.

Потенциальная модель сетевого конструктора может включать взаимодействие базового университета (в основе лежит договор либо соглашение о сетевой форме реализации образовательной программы) и университета-участника, который предоставляет дополнительную образовательную программу.

Порядок обучения предполагает взаимную двустороннюю связь базового университета и университетов-участников. Вместе с тем при осуществлении данных программ базовый университет должен иметь образовательную лицензию, содержащую информацию по виду, уровню, специальности, направлению подготовки. Необходимо учитывать, что подобное условие не распространяется на образовательные организации зарубежных стран.

Возможные модели сетевого сотрудничества:

1. Модель социальной коллаборации – выстраивание вертикальных отношений среди участников сотрудничества (так называемое непрерывное образование с тремя ступенями: общеобразовательная организация, образователь-

ная организация среднего профессионального образования, образовательная организация высшего образования).

2. Модель линейной коллаборации (взаимодействия) – формирование горизонтальных отношений на уровне равноправных образовательных структур со схожими или аналогичными программами, по итогу которых разрабатывается новый совместный образовательный проект.
3. Модель флагманской коллаборации – построение отношений, в рамках которых определена главная образовательная организация и образовательные организации-участники.
4. Модель гибридной коллаборации предполагает наличие участников направлений, включая образование, спорт, медицину, культуру, а также другие институты с достаточными активами для области образования. Ценность подобной формы заключается в прохождении обучения и практических стажировок на предприятии потенциального работодателя. В рамках этой коллаборации используются ресурсы иных участников в целях реализации образовательных программ. Указанные (иные) организации обладают материально-технической базой и ресурсами, которые необходимы для учебной и производственной практик. В данном случае исключительно главная образовательная организация выдает диплом, а иные участники – справку об обучении или периоде обучения.

Помимо вышеперечисленных опций возможны еще три подмодели:

Первая модель: базовая образовательная организация на основе договора о сетевой форме интегрирует модули (совокупность учебных дисциплин) в свою программу. Обучающиеся направляются для прохождения модуля (предметов) в другую организацию образования. Зачисление обучающегося происходит в базовую организацию, по окончании которой выдается ее диплом и засчитываются пройденные дисциплины уже во втором вузе, который выдает справку об обучении по выбранным модулям и дисциплинам.

Вторая модель: обучающийся зачисляется в базовую образовательную организацию, самостоятельно выбирает модули (дисциплины) в онлайн-формате другой организации. Модули включаются в индивидуальный план обучения. По окончании обучающийся получает сертификат в электронном формате, диплом базовой образовательной организации.

Третья модель: сторонами выступают образовательные, спортивные, медицинские и культурные институты в образовательной области, предоставляющие свои технические и материальные инструменты студентам в целях зачета учебной и производственной практик. Обучающийся зачисляется в базовую организацию, которая выдает ему соответствующий диплом.

Ключевые преимущества сетевого сотрудничества: способствование повышению конкурентоспособности отечественной образовательной траектории; академическая привлекательность; возможность комбинирования различных процессов (теоретического обучения, научно-исследовательской деятельности, практической стажировки у работодателя); сотрудничество допускается на всех формах обучения с использованием удаленных ресурсов; взаимодействие возможно не только с отечественными, но и иностранными учреждениями; договор будет являться правовой формой сетевого сотрудничества; сетевые программы являются продуктивной моделью для международного образовательного взаимодействия.

Порядок оформления модели сетевого сотрудничества:

1. Договор содержит требования к образовательному процессу, материально-технической базе, форме реализации сотрудничества.
2. Предусмотрен обязательный порядок заключения договора между образовательными организациями и при необходимости также со стороны иных профильных учреждений.
3. Обязательные условия договора предполагают указание атрибутов программ в сфере образования, детальное описание учебных дисциплин, порядок выдачи дипломов, четкое зонирование обязанностей и ответственности образовательных организаций [10].
4. Примерная форма договора о сетевой форме реализации образовательных программ содержится в актах профильных министерств России в части образовательной деятельности [5].
5. Наличие лицензии по образовательной деятельности [10].

Зарубежный опыт реализации сетевых программ и сетевых университетов

Аспекты функционирования Сетевого университета Содружества Независимых Государств

СУ СНГ как инновационный проект с многосторонним участием университетов различных зарубежных стран действует с 2009 г., с момента создания Консорциума [6, 7]. Развитие академической мобильности обучающихся граждан государств-участников и разработка совместных образовательных программ являются основными направлениями деятельности СУ СНГ [7].

Головной организацией и координатором назначен Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), на площадке которого создан отдельный специализированный отдел по координации работы с сетевыми вузами, выполняющий четыре функции: объединяющую, координирующую, унифицирующую и методологическую.

Зона ответственности головной организации СУ СНГ подразумевает взаимодействие со всеми участниками университетов СУ БРИКС, Универ-

ситета Шанхайской организации сотрудничества (УШОС), осуществление информационного и организационного участия в мероприятиях по координации деятельности сетевых вузов; участие в подготовке и реализации предложений, направленных на создание и поддержание единой системы документооборота между участниками сетевого сотрудничества в реализации совместных программ образования; организацию совещаний и иных мероприятий на территории России и за ее пределами, способствующих реализации планов ректоров УШОС, Координационного совета СУ СНГ и СУ БРИКС.

Ведущее направление деятельности РУДН стремится к активизации сотрудничества и обмену опытом между профессорско-преподавательским составом вузов-партнеров (проведение ежегодных круглых столов с участием вузов-партнеров для обсуждения и актуализации совместных учебных планов; участие преподавателей в конференциях домашнего вуза и партнерских университетов, а также научные стажировки и летние школы в качестве соорганизаторов и спикеров); проведению методических встреч среди преподавателей с целью обмена опытом и учебно-методической литературой; привлечению внимания потенциальных абитуриентов, повышению мотивации к процессу обучения студентов.

Годовые планы работ СУ СНГ предполагают комплекс мероприятий, связанных с организационно-правовым обеспечением, учебно-методическим и научным обеспечениями и информационно-организационным сопровождением. Так, организационно-правовое обеспечение предполагает участие в реализации межправительственного Соглашения об учреждении и функционировании СУ СНГ от 2020 г.; разработку и утверждение Перспективного плана работы на среднесрочную и долгосрочную перспективу; подготовку ежегодного отчета Головной организации; организацию и продвижение СУ СНГ в сети Интернет; формирование банка данных выпускников.

Под учебно-методическим и научным обеспечением подразумевается согласование и утверждение графика проведения совместной государственной аттестационной комиссии; формирование заявок по приему обучающихся; проведение совместных заседаний государственной аттестационной комиссии; выдача документов о высшем образовании. Информационно-организационное сопровождение означает проведение заседания Координационного совета СУ СНГ; организацию секций в рамках крупных международных конференций; проведение тематических семинаров по приоритетным направлениям подготовки.

Вторым не менее ключевым форматом сотрудничества в области образования представляется сеть высших учебных заведений государств-участников БРИКС [12].

Учредительный документ СУ БРИКС предусматривает деятельность вуза в рамках шести первоочередных направлений подготовки: научные изы-

скания, экологическая повестка, энергетические ресурсы, безопасность в сфере технологий, проблемы утилизации отходов [2].

На текущий период 2023–2025 гг. разработана соответствующая концепция, которая предполагает увеличение количества новых ориентиров работы, в частности утверждение и апробация коллективных образовательных программ, профильных сезонных школ; совместные научные публикации; запуск дополнительных элективов по вышеперечисленным направлениям подготовки; наращивание иностранного контингента посредством академических обменов [1].

Несмотря на то, что ключевые направления деятельности данной модели предполагают внедрение совместных программ подготовки магистров и аспирантов, развитие академической мобильности студентов, преподавателей, аспирантов, практически ценным представляется совместное руководство диссертационными проектами, кафедральное сотрудничество посредством совместного написания учебников, учебных пособий, внедрение внеучебной командной деятельности студентов через игровые судебные процессы, что позволит повысить их профессиональную компетенцию.

Рационально рассмотреть внесение изменений в формате отдельного протокола к учредительному акту СУ БРИКС [2], расширив приоритетные области знаний до высшего юридического образования.

Аспекты функционирования Евразийского сетевого университета

Евразийский сетевой университет является одной из восходящих институциональных форм международного сотрудничества России в сфере образования и научной дипломатии [3].

Подготовка квалифицированных кадров в сетевой форме, включая использование дистанционных образовательных технологий, разработка инструментов, способных обеспечить свободное перемещение образовательных услуг в рамках ЕАЭС, являются основными задачами ЕСУ.

Деятельность напрямую влияет на поэтапное формирование и создание единого образовательного пространства ЕАЭС.

Взаимодействие в области профессионального образования предусмотрено пунктами 10.1 и 10.2 Стратегических направлений ЕАЭС до 2025 г. [8].

За период 2023–2025 гг. научная деятельность ЕСУ охватила ряд мероприятий, включающих проведение круглых столов, утверждение программ образования для зарубежной аудитории и ведомственных структур ЕАЭС, проведение образовательных форумов.

Явные барьеры в реализации сетевых образовательных программ ЕСУ заключаются в обновлении законодательства стран-участников, финансовых ресурсов, выделяемых для прохождения обучения, организации командировок, неудовлетворительном мотивационном уровне абитуриентов, самих факультетов, профильных кафедр уни-

верситетов, разнотипных условиях и требованиях по уровню знаний и умений в странах-участниках, координационных проблемах при согласовании учебных планов, организации обменов студентами, контроле качества получаемого образования, недостаточном уровне владения иностранным языком, адаптационных проблемах при интеграции в новую языковую среду.

В настоящий момент требуется определить и создать группы по приоритетным направлениям подготовки для разработки многосторонних сетевых образовательных программ в рамках ЕСУ. Деятельность по развитию сетевых программ целесообразно инициировать с апробацией программ двустороннего сотрудничества. Помимо этого, предлагается с целью вовлечения обучающихся университетов-членов ЕСУ в совместную международную образовательную и научную системы сформировать Международный студенческий совет, так называемый орган со-управления ЕСУ, основные функции которого могут заключаться в активном участии мероприятий ЕСУ, экспертной оценке инициатив, проектов и реализуемых сетевых образовательных программ.

Аспекты функционирования Консорциума «Российско-Африканский сетевой университет»

Консорциум «Российско-Африканский сетевой университет» (РАФУ), действующий на основе Положения и Соглашения от 2021 г. [4], направлен на паритетное объединение университетов России и Африки и их исследовательских учреждений в области образования и научной дипломатии.

Достижение унитарной площадки с равным образовательным доступом для студентов всех вузов является текущей целью консорциума. Среди среднесрочных направлений работы можно выделить введение общих программ образования, инновационных инструментов взаимодействия, наращивание обменов среди студентов и факультетов, культурная и социальная интеграция иностранных обучающихся, адаптация к новым традициям.

Семь принципов, среди которых прозрачность, взаимность, добровольность, которые направлены на достижение компетентностных и конкурентнособных образовательных программ, позволяют обеспечить функционирование консорциума, как объединения университетов и научных институтов России, открытого для любого образовательного и научного учреждения России.

Плановый курс деятельности консорциума направлен на внедрение цифровых сервисов образования, реализацию практико-ориентированных проектов и концепций по запросу ведомственных структур России и заинтересованных институтов Африки.

Аспекты Университетского альянса Шелкового пути

Университетский альянс Шелкового пути (UASR) [13] представляет собой альянс университетов, организованного Сианьским университетом Цзяотун (КНР) в целях реализации национальной стратегии

КНР «Один пояс, Один путь». Будучи неправительственной некоммерческой организацией данный альянс стремится применять принципы прозрачности и транспарентности при осуществлении международного образовательного сотрудничества.

Первоочередными преимуществами членства в альянсе представляется возможность многостороннего построения научной коммуникации среди его членов, а также наращивание академического потенциала по двустороннему обмену обучающимися с учетом территориального расположения университетов альянса.

Текущие реалии показывают членство более ста шестидесяти университетов, определенная доля которых состоит в членстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что примечательно для налаживания правовых мероприятий на уровне университетов и введения совместных аналитических центров.

Аспекты функционирования Австралийской сети африканских университетов

Следующей любопытной сетевой формой университетского сотрудничества является Австралийская сеть африканских университетов, основанная на Соглашении о сотрудничестве, сторонами которого выступили университеты Австралии и Африки.

Членство в данной сети открыто исключительно для австралийских университетов, обладающих соответствующими компетентными исследованиями по Африке.

Рассматриваемая сеть университетов возглавляется руководящей группой, состоящей из более семи австралийских университетов-членов, действующих в Африке, и более десяти африканских университетов-членов. Со стороны Австралии и Африки назначены два сопредседателя, возглавлявшие руководящую группу.

Среди первостепенных целей сети выделяются создание транспарантного информационно-консультативного портала для государственных учреждений, предприятий корпоративного сектора и средств массовой информации в целях обеспечения прямого доступа к целому ряду научных исследований в части Африки через общий центр; расширение сети партнерств в области институциональных исследований Африки; формирование программ повышения квалификаций и подготовки кадров в сфере сельского хозяйства, высшего образования, здравоохранения и др.; выработка инновационных подходов, подготовленных с участием неправительственных организаций, ведущих исследователей; оказание научно-исследовательской поддержки ученым из Африки.

Австралийская сеть африканских университетов является уникальной сетью университетов Австралии и Африки, созданной для развития инновации в области исследований, образования и мобильности и решения взаимных вызовов на основе равноправного партнерства и управления, и создания эффективной системы дипломатии и дружбы

в сфере высшего образования и научных исследований.

Аспекты функционирования сети университетов Матарики

Сеть университетов Матарики создана для развития международного передового опыта в области исследований и образования на местном и глобальном уровнях.

Университет западной Австралии является одним из основателей сети, международной группы ведущих университетов-единомышленников, которая открывает новые возможности для многостороннего международного сотрудничества в области исследований и образования. Университет служит форумом, на котором вузы могут обсуждать вопросы, представляющие общий интерес.

Каждый университет отвечает за проведение исследований по темам интегративной нейробиологии, квантовой науки, проблемам устойчивости, кибербезопасности, голубой экономики.

Среди основных провозглашенных принципов сети можно выделить приверженность к академической свободе и уважению разнообразия.

К числу среднесрочных задач сети относятся разработка новых учебных совместных мероприятий для обучающихся; создание финансовых инфраструктур, стратегических исследований с местными и региональными сообществами.

На пространстве этой сети предусмотрено использование общих (совместных) площадок в каждом из университетов-партнеров, например, инновационного парка и научного (образовательного) центра. Сеть также поощряет развитие студенческой мобильности, международных стипендиальных программ, летних и зимних школ.

Аспекты функционирования сети университетов Южной и Юго-Восточной Азии

Сеть университетов Южной и Юго-Восточной Азии является важной региональной платформой международного сотрудничества в области высшего образования, утвержденной Департаментом образования провинции Юньнань (Китай) и инициированной со стороны Юньнаньского университета в Куньмине (провинция Юньнань, Китай) в конце 2018 года.

Указанная платформа представляет собой некоммерческую международную университетскую кооперацию, сформированную на добровольной основе университетами Китая, стран Южной и Юго-Восточной Азии и имеющую крамольную цель по укреплению и поощрению взаимного обмена и сотрудничества, совместному повышению качества и уровня получаемого локального высшего образования в южном регионе Китая и Юго-Восточной Азии, созданию международного сообщества высших учебных заведений; разработке более открытых, инклюзивных, сбалансированных и взаимовыгодных научных направлений; содействию региональному экономическому и социальному развитию регионов Китая и Азии.

На основе принципов равенства Сеть осуществляет международные обмены и сотрудничество

с другими существующими университетскими сетями.

Заключение

Таким образом, учитывая, что значительный вес в развитии университетов принадлежит сетевому сотрудничеству, можно констатировать следующее:

1. Трендом инновационного и качественного движения образовательной системы и равным образом специальным инструментом рационализации партнерских университетов, а также механизмом отслеживания и регулирования качественного уровня образовательных программ, представляется сетевая форма сотрудничества.
2. Запуск и адаптация подобных программ должны сопровождаться полноценной синхронизацией порядка зачисления, отчисления, разработки учебных планов, финансовой ответственности сторон.
3. Основные признаки сетевых форм участия охватывают наличие добровольного намерения присоединения к взаимодействию, долгосрочную перспективу сотрудничества, автономность участников, многоуровневую синергию участников и их конкурентоспособность.
4. На площадках сетевых университетов целесообразно внедрять новые принципы организации программ с применением компетентного подхода, когда структура одновременно является площадкой для возможности совместной работы сборных коллективов представителей индустриальных партнерств, также посредством метода междисциплинарности образовательных программ, а именно создания межкафедральных лабораторий и научных центров с унифицированным центром управления.
5. Принципиально необходима имплементация новых принципов – доступность образования для всех категорий физических лиц; вариативность программ высшего образования; транспарентность (открытость) университетов; расширение компетентности профессорско-преподавательского состава и доступность технологических ресурсов; дальнейшее продвижение русского языка, форумов и содружеств выпускников, формирование их банков данных.
6. Важно учитывать и решать проблему комплементарной нагрузки профессорско-преподавательского состава университетов, настройки алгоритмов взаимодействия партнеров и оптимизации действующей системы менеджмента по качеству предоставляемого образования.
7. Преимуществом сетевого развития является потенциальный обмен лучшими практиками университетов и доступ к библиотечным ресурсам и возможностям.
8. Обязательным условием работы по сетевому сотрудничеству является эффективная ор-

ганизация выбора и определения сторонами своих задач, которые наиболее успешно может выполнить каждый университет – например, чтение общих и специальных курсов, языковая подготовка, организация стажировок, прохождение производственной практики, инновационные компетенции обучающихся, перспектива дистанционного или гибридного обучения.

9. Рационально точное определение аудитории, для которой будет реализовываться сетевая форма сотрудничества.
10. Наличие сбалансированной структуры сетевой программы, доступной для понимания профессорско-преподавательским составом университета.
11. Надлежит предусмотреть в рамках политики обеспечения качества образования мониторинг ответной реакции студентов и профессорско-преподавательского состава, получение обратной связи.
12. Стимулирующим элементом для последующих изменений и достижения высокого уровня реализации образовательных программ, в том числе повышения качества проводимых научных исследований, развития междисциплинарности и изучаемых дисциплин, выработки новых подходов к разработке образовательных модулей должна стать сетевая форма сотрудничества университетов.

Миссия любого международно-ориентированного университета – это генерация и трансляция опережающих знаний и технологий, востребованных за рубежом, экспорт кадров для международного рынка труда и позиционирование в качестве структуры публичной дипломатии.

Сетевые формы сотрудничества – это путь масштабного применения учебных ресурсов партнерских университетов, усиления компетенций для обучающихся.

Неотъемлемые аспекты для учета при членстве и развитии сетевого взаимодействия предполагают четкое понимание задач, обязанностей университетов и процедур внедрения программ образования на площадках этих институтов; право каждого университета вносить поправки в образовательный процесс в целях учета интересов самой организации и студента; ответственность университетов за нарушение установленного порядка сетевого взаимодействия.

Преимущества подобной модели взаимодействия влекут повышение качества обучения при отсутствии необходимых ресурсов у одного университета; эффективную реализацию университетов в рамках сетевых партнерств; укрепление профессионального рейтинга и авторитета университета на международной площадке; перераспределение ресурсов и затрат на реализацию университетских проектов; аккумулярование оптимальных ресурсов университета по запросу работодателя (например, новых библиотек, обновление работников университета); обмен инновационным опытом между университетами; использование современ-

ной материально-технической базы и методологических основ; создание междисциплинарных университетских программ, а также дополнительных рабочих мест.

Положительными примерами использования сетевого взаимодействия является практика СУ БРИКС, СУ СНГ, УШОС, Евразийского сетевого университета. Концепция гуманитарной политики от 2022 г. [9] подтверждает возросшее значение подобных структур среди отечественных организаций сферы высшего образования.

К числу барьеров в развитии сетевых образовательных программ и сетевых университетов можно отнести: недостаточную активность в области целеполагания и стратегического управления (отсутствие или излишне рамочный характер межгосударственных соглашений, документов стратегического характера, дорожных карт, которые содержали бы данные о сетевых направлениях взаимодействия, сроках, ресурсах и центрах ответственности); отсутствие или несостоятельную эффективность работы институциональных структур, координирующих сетевую образовательную деятельность; сохранение сложностей по сопряжению образовательных программ, требований к уровням образования, срокам обучения; нерешенность на международном уровне ряда вопросов, связанных с взаимным признанием документов об образовании и др. – что обуславливает потребность наращивания активности в области разработки международно-правовых основ в соответствующих областях, гармонизации и унификации национального законодательства стран-участников интеграционных образований, в рамках которых открыты сетевые университеты; языковые барьеры, отсутствие единого языка внутри ряда интеграционных образований (например, БРИКС или ШОС), что требует повышения внимания к программам популяризации русского языка и обучения русскому языку, в том числе в гибридном и онлайн-форматах.

К числу драйверов развития сетевых образовательных программ и сетевых университетов можно отнести консолидацию лучших интеллектуальных ресурсов, отбор передовых программ образования, обеспечение действительной междисциплинарности, что в свою очередь существенно улучшает качество образования при сохранении контингента в собственных юрисдикциях; создание международных междисциплинарных исследовательских центров с привлечением ведущих специалистов по наиболее сложным, востребованным вопросам в рамках мировой повестки, нацеленные на сближение норм законодательства, позиций организационных механизмов стран-участниц региональных объединений.

Литература

1. Концепция функционирования и развития сетевого университета БРИКС от 2020 г. в рамках среднесрочной перспективы 2023–2025 гг. URL:

<https://we.hse.ru/mirror/pubs/share/565469615.pdf> (дата обращения: 05.05.2025).

2. Меморандум о взаимопонимании по поводу создания СУ БРИКС от 18 ноября 2015 г. URL: https://www.hse.ru/data/2015/11/25/1080435539/MoU_SU_BRICS_RUS.pdf (дата обращения: 05.05.2025).
3. Меморандум о взаимопонимании по созданию Евразийского сетевого университета от 25 мая 2022 г. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/79d/25.05.2022-g-Memorandum-o-vzaimoponimanii-po-sozdaniyu-Earziyskogo-setevogo-universiteta.pdf> (дата обращения: 05.05.2025).
4. Положение об организации деятельности консорциума «РАФУ» и Соглашение о создании консорциума «РАФУ» от 20.08.2021. URL: https://rafu.ru/uploads/files/main/agreement_rafu_ru.pdf, URL: https://rafu.ru/uploads/files/main/thesis_rafu_ru.pdf (дата обращения: 05.05.2025).
5. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации N 882/391 от 05.08.2020 «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Соглашение о Консорциуме по созданию Сетевого университета Содружества Независимых Государств от 2009 г. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/561369521> (дата обращения: 01.09.2024).
7. Соглашение об учреждении и функционировании Сетевого университета СНГ от 2020 г. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/561369521> (дата обращения: 01.09.2024).
8. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденные Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 года № 12 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Указ Президента РФ от 05.09.2022 N 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»;
11. Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 N 1490 «О лицензировании образовательной деятельности // СПС «КонсультантПлюс».
12. Ongoing ITG projects. Important documents URL: <http://nu-brics.ru/> (дата обращения: 05.05.2025).
13. UASR URL: <http://uasr.xjtu.edu.cn/> (дата обращения: 05.05.2025).

NETWORK UNIVERSITIES AS A PROMISING FORM OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF EDUCATION AND SCIENTIFIC DIPLOMACY

Gulyaeva T.K.

Kutafin Moscow State Law University

The article raises the issues of the degree of regulation of network educational cooperation between domestic and foreign universities. The current network models in the educational space, the so-called constructors, are analyzed. Special attention was paid to the Network University of the Commonwealth of Independent States, the Eurasian Network University, the consortium of the Russian-African Network University, the Silk Road University Alliance, the Australian Network of African Universities, the Matarika University Network, and the network of universities in South and Southeast Asia. The unique advantages of network cooperation were also highlighted as contributing to an increase in the competitiveness of the domestic educational trajectory, academic attractiveness, the possibility of combining various processes (theoretical training, research activities, practical internship with an employer), the possibility of cooperation in all forms of education using remote resources. In conclusion, it was noted that the network form of cooperation is a trend of innovative and qualitative movement of the educational system and, equally, a special tool for rationalizing partner universities, as well as a mechanism for monitoring and regulating the quality level of educational programs. Moreover, a common set of barriers and drivers in the development of online educational programs and online universities was identified, in particular, insufficient activity in the field of goal setting and strategic management; inadequate efficiency of the institutional structures coordinating network educational activities, etc.

Keywords: network forms, cooperation, education, scientific diplomacy, network universities.

References

1. The Concept of Functioning and Development of the BRICS Network University from 2020 within the framework of the medium-term perspective for 2023–2025. URL: <https://we.hse.ru/mirror/pubs/share/565469615.pdf> (date of access: 05.05.2025).
2. Memorandum of Understanding on the establishment of the BRICS Network University dated November 18, 2015. URL: https://www.hse.ru/data/2015/11/25/1080435539/MoU_SU_BRICS_RUS.pdf (date of access: 05.05.2025).
3. Memorandum of Understanding on the Establishment of the Eurasian Network University dated May 25, 2022. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/79d/25.05.2022-g-Memorandum-o-vzaimoponimanii-po-sozdaniyu-Earziyskogo-setevogo-universiteta.pdf> (accessed: 05.05.2025).
4. Regulations on the organization of activities of the RAFU consortium and the Agreement on the establishment of the RAFU consortium dated August 20, 2021. URL: https://rafu.ru/uploads/files/main/agreement_rafu_ru.pdf, URL: https://rafu.ru/uploads/files/main/thesis_rafu_ru.pdf (accessed: 05.05.2025).
5. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Ministry of Education of the Russian Federation No. 882/391 dated 08/05/2020 “On the organization and implementation of educational activities in the network form of implementation of educational programs” // SPS “ConsultantPlus”.
6. Agreement on the Consortium for the creation of the Network University of the Commonwealth of Independent States dated 2009 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/561369521> (date of access: 09/01/2024).
7. Agreement on the establishment and functioning of the CIS Network University dated 2020 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/561369521> (date of access: 09/01/2024).
8. Strategic directions for the development of Eurasian economic integration until 2025, approved by the Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated December 11, 2020 No. 12 // SPS “ConsultantPlus”.
9. Decree of the President of the Russian Federation dated September 5, 2022 N 611 “On approval of the Concept of the humanitarian policy of the Russian Federation abroad” // SPS “ConsultantPlus”.
10. Federal Law dated December 29, 2012 N 273-FZ “On Education in the Russian Federation // SPS “ConsultantPlus”;
11. Resolution of the Government of the Russian Federation dated September 18, 2020 N 1490 “On licensing of educational activities // SPS “ConsultantPlus”.
12. Ongoing ITG projects. Important documents URL: <http://nu-brics.ru/> (date of access: 05.05.2025).
13. UASR URL: <http://uasr.xjtu.edu.cn/> (date of access: 05.05.2025).

Позиция и роль УВКБ ООН в сфере международно-правового регулирования задержания беженцев и лиц, ищущих убежище

Киселева Екатерина Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
E-mail: kiseleva-ev@rudn.ru

Шпаковский Антон Владимирович,

аспирант кафедры международного права юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
E-mail: work_s@list.ru

В обстоятельствах непрекращающегося количественного роста потоков перемещения лиц между государствами, в том числе смешанных потоков мигрантов и беженцев, прискорбно увеличивается и прибежание государств к задержанию беженцев и лиц, ищущих убежище. В статье анализируется позиция и роль ключевой структуры международного сотрудничества в сфере защиты беженцев – УВКБ ООН – касательно задержания беженцев и лиц, ищущих убежище. Показано, что в данном отношении УВКБ ООН последовательно считает задержание беженцев и лиц, ищущих убежище, крайней мерой, применения которой следует избегать, используя для преодоления нежелательных последствий перемещения лиц иные инструменты миграционной политики, альтернативные задержанию. УВКБ ООН выработало Руководство по применяемым критериям и стандартам в отношении задержания лиц, ищущих убежище, и альтернатив содержанию под стражей, включившее комплекс принципов, практическая реализация которых, однако, также сопряжена с затруднениями.

Ключевые слова: международное право, право беженцев, права человека, нарушения прав человека, задержание беженцев, альтернативы задержанию, УВКБ ООН.

Введение

В настоящее время международное сотрудничество в области глобального управления переживает системный кризис, проявляющий себя и в общих вопросах [1], и в отдельных аспектах, в том числе в сфере соблюдения прав вынужденных мигрантов. Во вступительном слове к Итоговому документу Глобального форума по беженцам 2023 г. Верховный комиссар ООН по делам беженцев Филиппо Гранди подчеркнул, что форум проходил в условиях мирового кризиса, характеризующегося конфликтами, чрезвычайными климатическими ситуациями, массовыми нарушениями прав человека, инфляцией и иными экономическими проблемами, и признал, что международная система сотрудничества в сфере беженцев «*пошатнулась и терпит неудачу*» [17]. Количество лиц, вынужденно или добровольно перемещающихся из одной страны в другую, растет [17]. Несмотря на это, ключевая роль в международной системе защиты беженцев всё ещё принадлежит Организации Объединенных Наций, а именно вот уже 75 лет, Управлению Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН, Управление).

УВКБ ООН в системе ООН

УВКБ ООН образовано резолюцией Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН 319(IV) от 3 декабря 1949 г. [8], а окончательное закрепление его статуса осуществлено резолюцией ГА ООН 428(V) от 14 декабря 1950 г. [9], утвердившей Устав данного органа. Согласно положениям последнего, УВКБ ООН имеет статус вспомогательного органа ГА ООН, занимающим подчиненное положение по отношению как к самой ГА, так и к Экономическому и Социальному Совету (ЭКОСОС) ООН.

Верховный комиссар, избираемый ГА ООН на три года по представлению Генерального секретаря ООН, возглавляет УВКБ ООН. Он назначает своего заместителя и персонал Управления на тот же срок, исходя из предоставленных бюджетных ассигнований. Другие обязанности и полномочия Верховного комиссара закреплены Уставом Управления и рядом резолюций ГА ООН. Одной из таких обязанностей является представление через ЭКОСОС ежегодного отчетного доклада Генеральной Ассамблее ООН. ЭКОСОС, в свою очередь, опираясь на п. 4 Устава УВКБ ООН, в 1951 г. учредил Консультативный комитет по делам беженцев [19], в 1955 г. преобразованный в Исполнительный комитет Фонда помощи беженцам ООН [20], на базе которого в 1958 г. создан

Исполнительный комитет Программы Верховного Комиссара [21]. Последний наделен полномочиями рассматривать и утверждать программы материальной помощи беженцам, оказываемой Управлением, а также выработать рекомендации относительно деятельности Верховного комиссара.

В момент создания УВКБ ООН виделось как временный орган, который должен был способствовать решению проблем беженцев и лиц, ищущих убежища (ЛИУ), ставших таковыми в результате событий Второй мировой войны, однако впоследствии, с появлением новых групп беженцев и глобальным ростом их числа, мандат Управления неоднократно продлевался, пока в 2003 г. ГА ООН не сняла временные ограничения, продлив его «до окончательного решения проблемы» [22] и закрепив, тем самым, ведущую роль УВКБ ООН в международной системе защиты беженцев.

УВКБ ООН в настоящее время является вспомогательным органом (агентством) ООН и не выполняет те функции по защите прав беженцев и ЛИУ, которые, в соответствии с международным правом и национальными законодательствами, возлагаются на государства. Ключевая миссия Управления заключается в том, чтобы добиваться осмысления государствами проблем беженцев и выполнения ими взятых на себя обязательств по их защите. При этом деятельность Верховного комиссара, согласно ст. 2 гл. 1 Устава Управления, «является абсолютно неполитической по характеру; она носит гуманитарный и социальный характер» [11]. Таким образом, основными формами работы Управления следует считать [12]: 1) содействие разработке и заключению международных договоров в сфере защиты беженцев, внесению в них актуализирующих поправок; 2) наблюдение за соблюдением положений таких договоров их участниками; 3) содействие претворению в жизнь мероприятий, направленных на снижение количества беженцев и ЛИУ и облегчение их положения, на поощрение ассимиляции и добровольной репатриации; 4) агрегация и анализ данных о числе беженцев и ЛИУ, присутствующих на территориях различных государств, издаваемых в их отношении нормативных документах и реальном положении;

5) координация усилий правительств, а также заинтересованных в проблеме беженцев межправительственных и частных организаций.

Коротко уставную деятельность Управления можно охарактеризовать, как ориентированную на обеспечение условий, способствующих реализации прав человека искать убежища в другом государстве или добровольно возвращаться в страну происхождения. Наряду с этим, ст. 9 Устава органа предусматривает, что Управление может осуществлять и иные виды деятельности, перечень которых устанавливается ГА ООН. В соответствии с этим положением в спектр направлений деятельности УВКБ ООН входит оказание беженцам чрезвычайного правового, материального, медицинского и продовольственного содействия, предоставление им временного жилья, помощи в расселении

или репатриации, поиске работы и возможностей получения образования и социальных услуг.

УВКБ ООН действует в координированном сотрудничестве с другими органами и подразделениями, входящими в структуру ООН, и, будучи наделенным всемирным конкретным мандатом в вопросах беженцев и ЛИУ, в определенном смысле возглавляет их работу по этому направлению [13], а также взаимодействует и с различными международными межправительственными и неправительственными объединениями – Международным комитетом Красного Креста (МККК), Международной организацией по миграции (МОМ) и др., а также с региональными организациями.

Позиция УВКБ ООН по вопросам задержания беженцев и ЛИУ

На уровне официальных документов озабоченность тем, что «*большое число беженцев и лиц, ищущих убежища, в различных районах мира в настоящее время подвергаются задержанию или аналогичным ограничительным мерам*» впервые была показана в Заключении № 44 (XXXVII) Исполнительного комитета УВКБ ООН от 13 октября 1986 г. [4]. В нём также было выказано мнение, что задержания беженцев следует избегать, а соответствующие меры реализации миграционной политики, предусмотренные национальными законодательствами, необходимо пересмотреть в установленном законом порядке. Этим документом декларировано, что к задержанию возможно прибегать лишь на основании закрытого перечня предусмотренных законом случаев: при необходимости установления личности и/или оснований ходатайства об убежище или предоставлении статуса беженца, при рассмотрении дел беженцев и ЛИУ, утративших удостоверение личности или использующих заведомо подложные документы, в случае наличия соображений охраны общественного порядка и государственной безопасности. Также подчеркнуто, что в любом случае «*условия содержания под стражей беженцев и лиц, ищущих убежища, должны быть гуманными*», так, беженцы и ЛИУ не должны помещаться в условия, угрожающие их личной безопасности, в т.ч. содержаться вместе с уголовными преступниками, а также у них должна быть возможность контактировать с представителями УВКБ ООН и/или национальной организацией по делам беженцев.

Следует также заметить, что о нежелательности применения к беженцам и ЛИУ такой меры, как их задержание и последующее содержание под стражей, говорилось и в предшествующих документах Исполкома УВКБ ООН. Так, в Заключении № 7 (XXVIII) от 12 октября 1977 года [5], посвященном вопросам высылки беженцев, содержалась рекомендация, чтобы «*распоряжение о высылке сочеталось с содержанием под стражей или задержанием только в том случае, если это совершенно необходимо по соображениям государственной безопасности или общественного порядка*», а в Заключении № 22 (XXXII) от 21 октября 1981 го-

да [3], посвященном проблемам защиты прав беженцев в случаях их массового притока, говорится, что беженцы «не должны подвергаться ограничениям в своих передвижениях», исключая, опять же, случаи, обусловленные необходимостью защиты общественного порядка и охраны здоровья общества. Однако Заключение № 44 (XXXVII) следует считать хронологически первым, полностью посвященным вопросам задержания беженцев и ЛИУ.

В Заключении № 72 (XLIV) от 8 октября 1993 года [6] Исполком Управления выразил обеспокоенность «тревожной частотой инцидентов», связанных с произвольными задержаниями беженцев и ЛИУ, негуманными и несоответствующими представлениям о базовых правах человека условиями содержания их под стражей, насилием и незаконным обращением, «включая убийства, пытки, военные или вооруженные нападения, изнасилования, избиения, запугивание, принудительную вербовку». В периодически издаваемых Общих заключениях по вопросу о международной защите, Исполком Управления регулярно обращает внимание на постоянство проблем, складывающихся в области защиты беженцев и ЛИУ, в числе таких проблем неизменно указывая вопросы их задержания [2].

Обеспокоенность вопросами задержания беженцев демонстрируют и другие подразделения и органы ООН, рассматривая их в контексте своей деятельности. В частности, Комиссией ООН по правам человека в 1991 г. принята резолюция № 1991/42, которой, в числе прочего, учреждена Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям – квазисудебная инстанция, рассматривающая случаи произвольного лишения свободы (сообщения о них). В отличие от многих других структур ООН и международных организаций, Рабочая группа может рассматривать случаи произвольного задержания даже без признания государством её юрисдикции и без жалоб потерпевших, действуя по собственной инициативе [7]. Чаще всего это касается ситуаций с беженцами и лицами, ищущими убежище. [18].

Позиция ООН в отношении задержания беженцев и ЛИУ, а также выработки направлений практического разрешения этой проблемы наиболее полно выражена в разработанном УВКБ ООН и опубликованном в 2012 г. Руководстве по применяемым критериям и стандартам в отношении задержания лиц, ищущих убежище, и альтернатив содержанию под стражей [10] (далее – Руководство), заменившем Руководство УВКБ ООН по применяемым критериям и стандартам в отношении задержания лиц, ищущих убежище, от февраля 1999 года.

Руководство 2012 г. основывается на двух основных положениях, изложенных в его второй и третьей частях. Первое из них корреспондирует рассмотренным выше документам и состоит в том, что задержание беженцев и ЛИУ является крайней мерой, использования которой следует избегать. Развертывая данное положение, Руководство

ссылается на Заключение Исполкома УВКБ ООН № 93 (LIII) от 8 октября 2002 г. [15], согласно которому право убежища предполагает использование «гуманных и доступных механизмов» обращения с беженцами и ЛИУ, в том числе подразумевающих отношение, отвечающее требованиям международных соглашений о правах человека.

Второе положение гласит, что существуют и иные, помимо задержания, инструменты миграционной политики, которые государства могут употреблять для преодоления нежелательных последствий миграционных процессов, в частности, связанных с незаконной миграцией. Предлагая использование таких альтернативных инструментов, Руководство ссылается на исследование, показывающее, что задержание ЛИУ, помимо сомнительности, а в ряде случаев – и незаконности данной меры с точки зрения международного права, не является эффективной мерой борьбы с нелегальной миграцией [14].

Существенной практической составляющей Руководства является предлагаемый им терминологический аппарат, вводящий, определяющий и конкретизирующий ключевые для рассматриваемой сферы понятия. Это снижает неопределенность по поводу таких терминов, широко используемых в международных и внутригосударственных правовых документах, как «задержание», «ограничение свободы», «содержание под стражей» и др.

Меры, применяемые к ЛИУ, включая альтернативные задержанию, классифицированы Руководством в следующем виде (в порядке нарастания нежелательности применения): 1) предоставление полной свободы; 2) обязательная регистрация; 3) подписка о невыезде; 4) освобождение под залог;

5) обязательная отчетность; 6) общественный надзор; 7) назначаемое место жительства; 8) электронный мониторинг; 9) домашний арест; 10) задержание. Указывается, что выбор альтернативной задержанию и содержанию под стражей меры должен осуществляться по принципу минимального вмешательства и с учетом конкретных обстоятельств, в особенности для уязвимых социальных групп (беременные женщины, дети, инвалиды, жертвы катастроф и т.д.).

Основное содержание Руководства построено на декларации и развертывания ряда принципов, в т.ч. об уважении и соблюдении права убежища, о недопустимости произвольных задержаний, об исключительности задержания, как меры реализации миграционной политики, о необходимости учета и предпочтения альтернатив задержанию и содержанию под стражей и др. Однако их практическая реализация наталкивается на ряд трудностей в их применении, даже при желании государств, их органов и должностных лиц использовать альтернативы задержанию [16].

Заключение

УВКБ ООН, будучи основным органом в рассматриваемой сфере, по вопросам задержания беженцев

и ЛИУ придерживается четкой позиции, согласно которой задержание является крайней мерой, применения которой нужно избегать, останавливая свой выбор на альтернативах задержанию – иных инструментах миграционной политики, применение которых также позволяет государству преодолевать нежелательные последствия миграционных процессов, в т.ч. возникающие в связи с нелегальной миграцией. Для практической реализации этих положений УВКБ ООН выработано Руководство по применяемым критериям и стандартам в отношении задержания лиц, ищущих убежище, декларирующее комплекс принципов, практическая реализация которых наталкивается на ряд трудностей в их применении, даже при желании государств, их органов и должностных лиц использовать альтернативы задержанию.

Литература

1. Васильева Н. А. ООН: кризис глобального управления // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 20–35.
2. Исполнительный комитет УВКБ ООН, Заключение № 108 (LIX) – 2008 год: Общее заключение по вопросу о международной защите, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, 10 октября 2008 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/exconc/unhcr/2008/ru/42823> (дата обращения: 22.04.2025)
3. Исполнительный комитет УВКБ ООН, Заключение № 22 (XXXII) – 1981 год: Защита лиц, ищущих убежища, в ситуациях их массового притока, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, 21 октября 1981 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/exconc/unhcr/1981/ru/114442> (дата обращения: 22.04.2025)
4. Исполнительный комитет УВКБ ООН, Заключение № 44 (XXXVII) – 1986 год: Задержание беженцев и лиц, ищущих убежища, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, 13 октября 1986 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/exconc/unhcr/1986/ru/41745> (дата обращения: 22.04.2025)
5. Исполнительный комитет УВКБ ООН, Заключение № 7 (XXVIII) – 1977 год: Высылка, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, 12 октября 1977. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/exconc/unhcr/1977/ru/41953> (дата обращения: 22.04.2025)
6. Исполнительный комитет УВКБ ООН, Заключение № 72 (XLIV) – 1993 год: Личная безопасность беженцев, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, 8 октября 1993. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/exconc/unhcr/1993/ru/42817> (дата обращения: 22.04.2025)
7. Кереев А.А. Механизмы деятельности Совета по правам человека ООН // Наука и реальность/Science & Reality. 2022. № 4 (12). С. 14–19.
8. Резолюция ГА ООН A/RES/319 (IV) от 3 декабря 1949 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/A/RES/319\(IV\)](https://docs.un.org/ru/A/RES/319(IV)) (дата обращения: 26.04.2025)
9. Резолюция ГА ООН A/RES/428 (V) от 14 декабря 1950 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/A/RES/428\(V\)](https://docs.un.org/ru/A/RES/428(V)) (дата обращения: 26.04.2025)
10. Руководство по применяемым критериям и стандартам в отношении задержания лиц, ищущих убежище, и альтернатив содержанию под стражей [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, 2012. URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/exconc/unhcr/2012/ru/87776> (дата обращения: 22.04.2025)
11. Устав Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. Принят резолюцией 428 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/unhcr_statute.shtml (дата обращения: 22.04.2025)
12. Boutroue J. Narrative: A few thoughts about UNHCR and the UN // Handbook on Forced Migration. Edward Elgar Publishing, 2023. P. 429–433.
13. Canton H. United Nations High Commissioner for refugees – UNHCR // The Europa Directory of International Organizations 2021. Routledge, 2021. P. 215–234.
14. Edwards A. Back to Basics: The Right to Liberty and Security of Person and ‘Alternatives to Detention’ of Refugees, Asylum-Seekers, Stateless Persons and Other Migrants [Электронный ресурс] // Research Paper No.17, UN High Commissioner for Refugees (UNHCR), April 2011. URL: <https://www.refworld.org/reference/lpprs/unhcr/2011/en/79032> (дата обращения: 22.04.2025)
15. Executive Committee of the High Commissioner’s Programme, Conclusion No. 93 (LIII): Reception of asylum-seekers in the context of individual asylum systems – Adopted by the Executive Committee (2002), No. 93 (LIII) 2002, 8 October 2002 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.refworld.org/policy/exconc/excom/2002/en/42004> (дата обращения: 22.04.2025)
16. McGregor L. Detention and Its Alternatives Under International Law. Oxford University Press, 2023. 240 p.
17. Outcomes of the Global Refugee Forum 2023 [Электронный ресурс] // UNHCR global website, 2023. URL: <https://www.unhcr.org/media/outcomes-global-refugee-forum-2023> (дата обращения: 22.04.2025)
18. Traldi A. The Recent Free Expression Jurisprudence of the Working Group on Arbitrary Deten-

tion //Chicago Journal of International Law. 2023. Vol. 24. P. 149.

19. UN Economic and Social Council, Resolution 393 (XIII): Refugees and stateless persons Resolutions of 10 September 1951, E/RES/393 (XIII), UN Economic and Social Council (ECOSOC), 10 September 1951 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.refworld.org/legal/resolution/ecosoc/1951/en/41683> (дата обращения: 22.04.2025)
20. UN Economic and Social Council, Resolution 565 (XIX): International Assistance to refugees within the mandate of the United Nations High Commissioner for Refugees, E/RES/565 (XIX), UN Economic and Social Council (ECOSOC), 31 March 1955 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.refworld.org/legal/resolution/ecosoc/1955/en/41680> (дата обращения: 22.04.2025)
21. UN Economic and Social Council, Resolution 672 (XXV): Establishment of the Executive Committee of the Programme of the United Nations High Commissioner for Refugees, E/RES/672 (XXV), UN Economic and Social Council (ECOSOC), 30 April 1958 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.refworld.org/legal/resolution/ecosoc/1958/en/18678> (дата обращения: 22.04.2025)
22. UNHCR's mandate for refugees and stateless persons, and its role in IDP situations, UNHCR, 02 February 2024 [Электронный ресурс] // Официальный сайт УВКБ ООН. URL: <https://emergency.unhcr.org/protection/legal-framework/unhcr%E2%80%99s-mandate-refugees-and-stateless-persons-and-its-role-idp-situations> (дата обращения: 22.04.2025)

THE POSITION AND ROLE OF UNHCR IN THE FIELD OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE DETENTION OF REFUGEES AND ASYLUM SEEKERS

Kiseleva E.V., Shpakovskii A.V.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumb

In the context of the continuous quantitative growth of displacement flows between states, including mixed flows of migrants and refugees, the resort of states to detention of refugees and asylum-seekers is unfortunately increasing. The article analyzes the position and role of the key structure of international cooperation in the field of refugee protection – UNHCR – regarding the detention of refugees and asylum-seekers. It is shown that UNHCR consistently considers the detention of refugees and asylum-seekers to be an extreme measure, the use of which, aimed to overcome the undesirable consequences of displacement, should be avoided in favour of other instruments of migration policy alternative to detention. UNHCR has developed Guidelines on the applicable criteria and standards relating to the detention of asylum-seekers and alternatives to detention, containing a set of principles, the practical implementation of which, however, is also associated with difficulties.

Keywords: international law, refugee law, human rights, human rights violations, detention of refugees, alternatives to detention, UNHCR.

References

1. Vasilyeva N. A. UN: crisis of global governance // Bulletin of Tula State University. Humanities. 2023. No. 1. P. 20–35.
2. UNHCR Executive Committee, Conclusion No. 108 (LIX) – 2008: General Conclusion on International Protection, Office of the United Nations High Commissioner for Refugees, 10 October 2008 [Electronic resource] // URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/exconc/unhcr/2008/ru/42823> (date of access: 22.04.2025)

3. UNHCR Executive Committee, Conclusion No. 22 (XXXII) – 1981: Protection of Asylum-Seekers in Situations of Mass Influx, Office of the United Nations High Commissioner for Refugees, 21 October 1981 [Electronic resource] // URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/exconc/unhcr/1981/ru/114442> (date of access: 22.04.2025)
4. UNHCR Executive Committee, Conclusion No. 44 (XXXVII) – 1986: Detention of Refugees and Asylum-Seekers, Office of the United Nations High Commissioner for Refugees, 13 October 1986 [Electronic resource] // URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/exconc/unhcr/1986/ru/41745> (date of access: 22.04.2025)
5. UNHCR Executive Committee, Conclusion No. 7 (XXVIII) – 1977: Expulsion, Office of the United Nations High Commissioner for Refugees, 12 October 1977. [Electronic resource] // URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/exconc/unhcr/1977/ru/41953> (date of access: 22.04.2025)
6. UNHCR Executive Committee, Conclusion No. 72 (XLIV) – 1993: Personal Security of Refugees, Office of the United Nations High Commissioner for Refugees, 8 October 1993. [Electronic resource] // URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/exconc/unhcr/1993/ru/42817> (date of access: 22.04.2025)
7. Kereyev A.A. Mechanisms of the activities of the UN Human Rights Council // Science and Reality/Science & Reality. 2022. No. 4 (12). P. 14–19.
8. UN General Assembly Resolution A/RES/319 (IV) of 3 December 1949 [Electronic resource] // Official website of the UN. URL: [https://docs.un.org/ru/A/RES/319\(IV\)](https://docs.un.org/ru/A/RES/319(IV)) (date of access: 26.04.2025)
9. UN General Assembly Resolution A/RES/428 (V) of 14 December 1950 [Electronic resource] // Official website of the UN. URL: [https://docs.un.org/ru/A/RES/428\(V\)](https://docs.un.org/ru/A/RES/428(V)) (date of access: 26.04.2025)
10. Handbook on Applicable Criteria and Standards in Respect of Detention of Asylum-Seekers and Alternatives to Detention [Electronic resource] // Office of the United Nations High Commissioner for Refugees, 2012. URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/exconc/unhcr/2012/ru/87776> (date of access: 22.04.2025)
11. Statute of the Office of the United Nations High Commissioner for Refugees. Adopted by General Assembly resolution 428 (V) of 14 December 1950. [Electronic resource] // Official website of the UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/unhcr_statute.shtml (accessed: 22.04.2025)
12. Boutroue J. Narrative: A few thoughts about UNHCR and the UN // Handbook on Forced Migration. Edward Elgar Publishing, 2023. P. 429–433.
13. Canton H. United Nations High Commissioner for refugees – UNHCR // The Europa Directory of International Organizations 2021. Routledge, 2021. P. 215–234.
14. Edwards A. Back to Basics: The Right to Liberty and Security of Person and 'Alternatives to Detention' of Refugees, Asylum-Seekers, Stateless Persons and Other Migrants [Electronic resource] // Research Paper No.17. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR), April 2011. URL: <https://www.refworld.org/reference/lpprs/unhcr/2011/en/79032> (access date: 04/22/2025)
15. Executive Committee of the High Commissioner's Programme, Conclusion No. 93 (LIII): Reception of asylum-seekers in the context of individual asylum systems – Adopted by the Executive Committee (2002), No. 93 (LIII) 2002, 8 October 2002 [Electronic resource] // URL: <https://www.refworld.org/policy/exconc/excom/2002/en/42004> (access date: 04/22/2025)
16. McGregor L. Detention and Its Alternatives Under International Law. Oxford University Press, 2023. 240 p.
17. Outcomes of the Global Refugee Forum 2023 [Electronic resource] // UNHCR global website, 2023. URL: <https://www.unhcr.org/media/outcomes-global-refugee-forum-2023> (accessed: 22.04.2025)
18. Traldi A. The Recent Free Expression Jurisprudence of the Working Group on Arbitrary Detention // Chicago Journal of International Law. 2023. Vol. 24. P. 149.
19. UN Economic and Social Council, Resolution 393 (XIII): Refugees and stateless persons Resolutions of 10 September 1951, E/RES/393 (XIII), UN Economic and Social Council (ECOSOC),

- 10 September 1951 [Electronic resource] // URL: <https://www.refworld.org/legal/resolution/ecosoc/1951/en/41683> (date access: 04/22/2025)
20. UN Economic and Social Council, Resolution 565 (XIX): International Assistance to refugees within the mandate of the United Nations High Commissioner for Refugees, E/RES/565 (XIX), UN Economic and Social Council (ECOSOC), 31 March 1955 [Electronic resource] // URL: <https://www.refworld.org/legal/resolution/ecosoc/1955/en/41680> (date of access: 22.04.2025)
21. UN Economic and Social Council, Resolution 672 (XXV): Establishment of the Executive Committee of the Programme of the United Nations High Commissioner for Refugees, E/RES/672 (XXV), UN Economic and Social Council (ECOSOC), 30 April 1958 [Electronic resource] // URL: <https://www.refworld.org/legal/resolution/ecosoc/1958/en/18678> (date accessed: 22.04.2025)
22. UNHCR's mandate for refugees and stateless persons, and its role in IDP situations, UNHCR, 02 February 2024 [Electronic resource] // Official website of UNHCR. URL: <https://emergency.unhcr.org/protection/legal-framework/unhcr%E2%80%99s-mandate-refugees-and-stateless-persons-and-its-role-idp-situations> (access date: 04/22/2025)

Принцип сотрудничества: историческая ретроспектива и спор о статусе «*jus cogens*»

Мамедли Эльнур Мехман оглы,

ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин и международного права, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева»
E-mail: mamedly.elnur@yandex.ru

Статья посвящена исследованию процесса эволюции принципа сотрудничества в контексте международного права, а также анализу дискуссий относительно возможности признания данного принципа в качестве императивной нормы *jus cogens*. Анализируя эволюционный путь принципа сотрудничества, автор стремится выявить не только его теоретические основы, но и практическое значение для современной международной правовой системы. В условиях возрастающей глобализации и взаимозависимости государств вопрос о признании принципа сотрудничества как *jus cogens* приобретает особую значимость, что делает данную работу актуальной и востребованной в научном сообществе.

Ключевые слова: международное сотрудничество, *jus cogens*, международное право, эволюция, принцип международного права.

Понятие «сотрудничество» в международных отношениях претерпело сложную эволюцию, начавшуюся с неформальных практик взаимодействия между государствами и завершившуюся признанием его в качестве одного из основополагающих принципов международного права. Эта трансформация отражает глубинные изменения в структуре мировых отношений, происходившие на протяжении веков: от периода, характеризующегося доминированием идеи абсолютного государственного суверенитета, к эпохе глобальной взаимозависимости, где совместное решение общих проблем становится неизбежной необходимостью.

На начальном этапе своего развития сотрудничество между государствами имело ситуативный характер и не воспринималось как полноценная правовая категория. В древности и средние века отдельные элементы сотрудничества находили отражение в различных формах альянсов и договоров, заключаемых с целью достижения определенных целей, будь то военная помощь или торговля. Примером таких союзов могут служить объединения греческих полисов или средневековый Ганзейский союз, которые действовали на основе взаимных интересов, но не имели четкого юридического оформления.

Переход к более структурированным формам сотрудничества начался с утверждением Вестфальской системы международных отношений в середине XVII века. Хотя Вестфальский мир 1648 года закрепил суверенитет государств как основной принцип международных отношений, он не исключал возможности взаимодействия между ними. Тем не менее, сотрудничество оставалось скорее вопросом прагматизма, нежели юридическим обязательством. Философы того времени, такие как Гуго Гроций и Иммануил Кант, уже начали обосновывать идею «сообщества наций», однако их представления оставались в большей степени моральными, чем правовыми нормами.

Важный шаг в направлении институционализации многостороннего сотрудничества был сделан на рубеже XIX–XX веков благодаря проведению Гаагских конференций 1899 и 1907 годов. Эти мероприятия положили начало созданию международно-правового поля, регламентирующего ведение войн и разрешение конфликтов. В результате была создана Постоянная палата третейского суда, ставшая первым международным органом, призванным разрешать споры между государствами мирным путем. Эти инициативы продемонстрировали стремление к формированию правовой основы для международного сотрудничества, хотя она оставалась ограниченной и фрагментарной.

В межвоенный период институт сотрудничества начал обретать институциональные черты, что было вызвано необходимостью создания системы коллективной безопасности после разрушительного опыта Первой мировой войны. Одним из ключевых событий стало учреждение Лиги Наций в 1920 году, которое впервые официально закрепило идею международного сотрудничества в рамках устава международной организации. Статья 11 Устава Лиги предусматривала возможность совместных действий членов организации для предотвращения агрессии и сохранения мира, однако отсутствие эффективных механизмов принуждения значительно снизило действенность этой нормы, превратив её в скорее декларацию намерений, чем реально действующий инструмент. Этот исторический прецедент послужил фундаментом для последующих межгосударственных инициатив, направленных на укрепление мира и безопасности.

Еще одним значимым событием межвоенного периода стал Пакт Бриана-Келлога 1928 года, согласно которому государства-участники отказывались от войны как средства разрешения международных споров. Хотя сам по себе этот документ носил скорее символический характер, он способствовал изменению восприятия войны как легитимного инструмента политики, тем самым стимулируя поиск альтернативных, мирных форм взаимодействия между государствами.

Что касается семантической эволюции термина «сотрудничество», в документах данного периода он приобрел явный правовой подтекст, однако оставался скорее рекомендательной нормой, нежели обязательным требованием. В отличие от последующих этапов развития международного права, когда сотрудничество станет полноценной юридической обязанностью, в межвоенном периоде оно все ещё воспринималось как желательная, но не строго обязательная форма поведения государств.

Создание Организации Объединённых Наций (ООН) в 1945 [1] году стало ключевым этапом в эволюции международных институтов. Устав ООН, принятый после разрушительных последствий Второй мировой войны, закреплял принципы коллективного реагирования на угрозы миру и безопасности, подчёркивая важность многосторонних усилий в достижении этих целей. Преамбула Устава ООН, а также статья 1 акцентируют внимание на необходимости активного сотрудничества между государствами-членами для предотвращения конфликтов и содействия международному миру. Статьи 55 и 56 уделяют особое внимание экономическому, социальному и гуманитарному сотрудничеству, устанавливая основу для более широких форм взаимодействия в целях устойчивого развития и социальной справедливости. Таким образом, ООН заложила правовую основу для системного подхода к решению глобальных проблем, объединив усилия мирового сообщества в стремлении к построению более справедливого и мирного будущего.

Дальнейшее развитие принцип сотрудничества получил в Декларации о принципах между-

народного права[2], касающейся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 году. Декларация подчеркнула, что сотрудничество не является лишь правом государств, но представляет собой их обязательством действовать совместно ради достижения общих целей. Такое сотрудничество охватывает широкий спектр областей, начиная от политической сферы и заканчивая вопросами охраны окружающей среды. Третий пункт Декларации чётко фиксирует положение, согласно которому государства несут обязательство сотрудничать друг с другом в строгом соответствии с положениями Устава Организации Объединённых Наций.

Ещё одним важным документом, который развивает идею сотрудничества, является Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 год). Данный документ способствует интеграции принципа сотрудничества в рамки концепции «всеобъемлющей безопасности», охватывая не только военные, но и экономические аспекты, а также меры укрепления доверия между странами. Принятые в Хельсинки обязательства по укреплению международного сотрудничества стали значимым шагом на пути к формированию системы коллективной безопасности в Европе.

Принцип сотрудничества в международных отношениях реализуется через создание специализированных режимов и институтов, обеспечивающих координацию действий государств в различных сферах. Среди таких институтов выделяются международные организации, демонстрирующие высокую степень функциональной специализации. Например, Всемирная торговая организация (ВТО) осуществляет регулирование международной торговли, способствуя либерализации экономических отношений и снижению торговых барьеров. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) контролирует использование ядерной энергии в мирных целях и следит за выполнением обязательств по режиму ядерного нераспространения. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) играет ведущую роль в глобальной координации мер по охране здоровья населения, профилактике заболеваний и реагированию на эпидемии.

Помимо организаций, многосторонние соглашения также играют значительную роль в реализации принципа сотрудничества. Рамочная конвенция ООН об изменении климата (1992 г.) и её дополнительные соглашения, такие как Киотский протокол и Парижское соглашение, служат важными инструментами борьбы с глобальным потеплением, обеспечивая снижение эмиссий парниковых газов и адаптацию к последствиям климатических изменений. Конвенция ООН по морскому праву (1982 г.) установила нормы использования морских пространств, регулируя вопросы рыболовства, судоходства и эксплуатации природных ресурсов океанов.

Судебная практика также свидетельствует о важности соблюдения принципа сотрудничества. В част-

ности, в деле «Никарагуа против США» (1986 г.) Международный Суд ООН определил, что отказ от сотрудничества может расцениваться как нарушение обязательств, вытекающих из Устава ООН. Это решение подтвердило значимость соблюдения норм международного права, предписывающих государствам активно участвовать в коллективных действиях по поддержанию мира и безопасности.

Принцип сотрудничества государств представляет собой один из фундаментальных элементов современной системы международного права, отражающий переход от конфронтационной модели межгосударственных отношений к многостороннему взаимодействию. Его формирование обусловлено необходимостью решения глобальных проблем, которые не могут быть преодолены в рамках национальных юрисдикций.

Принцип сотрудничества государств в международном праве получил многоаспектное теоретическое осмысление в трудах ведущих юристов-международников, что позволило сформировать его нормативное содержание и определить место в системе основных принципов.

Принцип сотрудничества в международном праве функционирует не изолированно, а в тесной взаимосвязи с другими фундаментальными нормами, что находит отражение в правовой доктрине. Одной из таких норм является суверенное равенство, закрепленное в статье 2(1) Устава ООН. Как отмечал известный юрист-международник И.И. Лукашук, сотрудничество должно строиться на принципе «паритета воли государств», исключая любые формы принуждения или иерархии[6]. Эта позиция нашла подтверждение в практике Международного Суда ООН, в частности, в деле «Военные действия на территории Конго» (2005), где было подчеркнуто, что международное сотрудничество не должно нарушать государственный суверенитет.

Другой важной нормой, тесно связанной с сотрудничеством, является принцип добросовестного выполнения обязательств (*pacta sunt servanda*). Дж. Броунли в своем труде «Principles of Public International Law» (2003) отмечает, что сотрудничество осуществляется через исполнение договорных обязательств, и отказ от него противоречит статье 26 Венской конвенции о праве международных договоров (1969). Данное положение подчеркивает, что добросовестное выполнение обязательств является необходимым условием для реализации сотрудничества.

Наконец, принцип сотрудничества тесно связан с правом на развитие, которое было признано в Декларации ООН о праве на развитие (1986). Р. Хиггинс, бывший председатель Международного Суда ООН, в своих исследованиях 1990-х годов обосновала, что сотрудничество выступает в качестве важного инструмента для преодоления глобального неравенства. Этот подход получил поддержку в международном сообществе и нашел отражение в соответствующих правовых актах.

Либерально-институциональная парадигма, представляемая Анн-Мари Слотером, предлагает

иной взгляд на природу международного сотрудничества. В своей работе «*A New World Order*» Слотер утверждает, что ключевым фактором, способствующим сотрудничеству, являются международные институты. Она выделяет роль таких организаций, как Всемирная торговая организация (ВТО) и Международный уголовный суд (МУС), которые формируют «архитектуру многосторонности», облегчая взаимодействие между государствами и снижая транзакционные издержки. Этот подход подчеркивает важность институциональных рамок для установления долгосрочного и устойчивого сотрудничества, выходящего за рамки краткосрочных интересов отдельных стран[7].

Социологический подход к международному сотрудничеству, представлен в работах исследователя В.А. Карташкина. Автор акцентирует внимание на его социальной составляющей. В своей монографии «Международное право и современные вызовы» (2020) Карташкин рассматривает сотрудничество как неотъемлемый элемент «глобальной социальной ответственности». Он подчеркивает, что сотрудничество между государствами должно быть направлено на достижение устойчивого развития, что предполагает учет социальных, экономических и экологических факторов. Такой подход позволяет рассматривать международное сотрудничество не только как инструмент для достижения государственных интересов, но и как средство для решения глобальных проблем, затрагивающих интересы всего человечества.

Является одним из основополагающих принципов международного права, закреплённый в Уставе Организации Объединённых Наций (статья 1(3), статья 55) и Декларации о принципах международного права 1970 года. Принцип устанавливает для государств обязательства взаимодействовать друг с другом для решения глобальных вопросов, включая экономические, социальные, экологические проблемы, с целью обеспечения мира, устойчивого развития и защиты прав человека.

Вопрос о статусе принципа сотрудничества как императивной нормы международного права (*jus cogens*), сформулированный как цель, а не как конкретное абсолютное обязательство государств, остается предметом оживленных научных дискуссий. Существуют различные точки зрения на эту проблему.

Императивные нормы (*jus cogens*), согласно Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (статья 53, статья 64) представляют собой нормы, признанные международным сообществом государств в целом как неотменяемые и универсальные. Они обладают такими характеристиками как неотменяемость – нормы не могут быть изменены международными договорами между государствами и универсальность – обязательны для всех государств независимо от их участия в конкретных международных соглашениях[8].

Признание принципа сотрудничества императивной нормой сталкивается с рядом правовых, доктринальных и практических возражений, бази-

рующихся на анализе природы международного права, целей сотрудничества и роли государства в глобальной системе..

Так И. Зайдель-Хохенвельдерн в своей монографии «*International Economic Law*» высказывал мнение, что государства обладают свободой в выборе форм и масштабов своего взаимодействия и потому сотрудничество не может считаться обязательной нормой[5]. Он считал, что каждое государство само решает, каким образом и в каких формах оно готово сотрудничать с другими участниками международного сообщества.

Антонио Кассезе, один из ведущих теоретиков международного права в своей работе «*International Law*» [12] последовательно проводит различие между императивными нормами и принципами сотрудничества. Автор подчеркивает, что императивные нормы представляют собой фундаментальные правила, от которых государства не вправе отступать и которые обладают приоритетом над любыми противоречащими договорённостями. Эти нормы имеют обязательную силу для всех субъектов международного права и являются неотъемлемой частью современной правовой системы. В отличие от них, принципы сотрудничества, хотя и играют важную роль в международной практике, носят скорее рекомендательный характер и направлены на содействие мирному сосуществованию государств через взаимовыгодное взаимодействие.

Кассезе утверждает, что сотрудничество выступает инструментом достижения общих целей, но не является самоцелью. Оно не может быть уравнено с нормами *jus cogens*, поскольку последние обеспечивают защиту основополагающих аспектов человеческой личности.

Иэн Браунли в своем труде «*Принципы публичного международного права*» (*Principles of Public International Law*)[акцентирует внимание на том, что принцип сотрудничества представляет собой методологическую основу, а не норму с четким содержанием наполнением. Согласно автору, этот принцип не предполагает наличия абсолютных обязательств: государства вольны самостоятельно определять, с кем и в каких формах развивать сотрудничество, будь то двусторонний формат или участие в многосторонних институтах. Иллюстрацией данной позиции служит пример отказа Швейцарии присоединиться к Европейскому Союзу, который не рассматривается как нарушение норм международного права, поскольку выбор формы и объема сотрудничества остается прерогативой каждого государства. Браунли подчеркивает, что императивные нормы ограничивают действия государств, устанавливая запреты на определённые поступки, тогда как принцип сотрудничества лишь предлагает возможные направления действий. Таким образом, данное различие исключает возможность отнесения сотрудничества к категории *jus cogens*.

М. Коскенниemi напротив в своей работе «*From Apology to Utopia*» [14] придерживался иной точки зрения. Он полагал, что современный междуна-

родный правопорядок носит системный характер и обязанность к сотрудничеству вытекает из самой структуры этого правопорядка. Особенно это заметно в контексте защиты прав человека и охраны окружающей среды, где международное сообщество стремится к общему благу, что делает сотрудничество не просто рекомендуемым, а необходимым элементом международных отношений.

Ф. Сэндс в своем труде «*Principles of International Environmental Law*» [13] выдвинула идею рассмотрения сотрудничества через призму концепции «общих интересов человечества». Она акцентировала внимание на том, что защита окружающей среды, включая меры по борьбе с изменением климата, требует совместных усилий со стороны государств, поскольку экологические проблемы носят глобальный характер и требуют консолидированных действий на международном уровне.

П. Джессуп в своей работе «*Transnational Law*» утверждал, что сотрудничество является основополагающим элементом для эффективного регулирования глобальных рынков. Он считал, что только через взаимодействие государств возможно создание гармоничной и устойчивой системы международных экономических отношений, способствующей росту и развитию мировой экономики.

Принцип сотрудничества, несмотря на своё широкое признание в международном праве, не обладает статусом императивной нормы (*jus cogens*) в строгом юридическом понимании. Хотя он не отвечает критериям универсальности и неотменяемости, а его нарушение не влечет автоматическую недействительность соглашений, он сохраняет значение как общепринятый принцип международного порядка. Обязательность этого принципа обусловлена наличием конкретных договоров и политическими решениями государств, однако в некоторых областях, таких как защита прав человека и охрана окружающей среды, наблюдается тенденция к усилению его императивного характера[9]. В условиях глобализации и нарастания трансграничных угроз возможно постепенное признание отдельных аспектов сотрудничества в качестве обязательных норм, особенно в таких критически важных сферах, как борьба с изменением климата. Реализация этой перспективы будет зависеть от формирования международного консенсуса и соответствующих реформ существующих международных институтов.

Эволюция принципа сотрудничества в международном праве прошла путь от декларативной составляющей до нормативной основы межгосударственных отношений[6]. С течением времени его нормативное содержание стало включать всё больше областей, включая цифровизацию и биоэтику. Тем не менее, успешность реализации данного принципа остаётся зависимой от готовности государств преодолеть узконационалистические интересы и создать инклюзивные механизмы сотрудничества. Перспективы развития международного правопорядка предполагают укрепление многосторонних подходов, повышение значимости

международных институтов и дальнейшее совершенствование инструментов «мягкого права», таких как рекомендации и кодексы поведения, что могло бы способствовать эффективному реагированию на глобальные вызовы современности.

Литература

1. Устав Организации Объединённых Наций: принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.
2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2625 (XXV) от 24 окт. 1970 г.
3. Венская конвенция о праве международных договоров: принята в Вене 23 мая 1969 г.
4. Карташкин В.А. Международное право и современные вызовы человечеству // Московский журнал международного права. – 2020. – № 3.
5. Ленко, А.А. Принцип сотрудничества в международном праве / А.А. Ленко // Инновационные технологии современной научной деятельности: стратегия, задачи, внедрение: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Иркутск, 24 апреля 2024 года. – Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2024. – С. 208–211
6. Лукашук И.И. Глобализация и международное право // Государство и право. – 2019. – № 5.
7. Маня, Е. Принцип сотрудничества в международном праве / Е. Маня // Актуальные проблемы современного международного права: материалы X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.П. Блищенко: в 2 ч., Москва, 13–14 апреля 2012 года / Российский университет дружбы народов. Том Часть 1. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2012. – С. 226–230.
8. Фархат, Ф. Обеспечение эффективности международного экономического сотрудничества: оценка и принципы / Ф. Фархат // Экономика в меняющемся мире: Сборник научных трудов VII Международного экономического форума, Казань, 15–19 мая 2023 года. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2024. – С. 235–238.
9. Хубаев, В.А. Принцип сотрудничества государств на основе международного права / В.А. Хубаев // Актуальные проблемы конституционного и международного права: материалы Пятой ежегодной конференции, Ставрополь, 07–12 декабря 2020 года. Том Часть 1. – Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф», 2021. – С. 143–146.
10. Cassese, A. International Law / A. Cassese. – 2nd ed. -Oxford: Oxford University Press, 2005.

11. Crawford, J. Brownlie's Principles of Public International Law / J. Crawford. – 9th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019.
12. Koskenniemi, M. The Politics of International Law / M. Koskenniemi. – Hart Publishing, 2011.

THE PRINCIPLE OF COOPERATION: HISTORICAL RETROSPECTIVE AND THE DISPUTE OVER THE STATUS OF “JUS COGENS”

Mamedli E.M.

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

The article is devoted to the study of the evolution of the principle of cooperation in the context of international law, as well as to the analysis of discussions regarding the possibility of recognizing this principle as a peremptory norm of jus cogens. Analyzing the evolutionary path of the principle of cooperation, the author seeks to identify not only its theoretical foundations, but also its practical significance for the modern international legal system. In the context of increasing globalization and interdependence of States, the issue of recognizing the principle of cooperation as jus cogens is becoming particularly important, which makes this work relevant and in demand in the scientific community

Keywords: international cooperation, jus cogens, international law, evolution, principle of international law.

References

1. Charter of the United Nations: adopted in San Francisco on June 26, 1945.
2. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations: UN General Assembly resolution 2625 (XXV) of October 24, 1970.
3. Vienna Convention on the Law of Treaties: adopted in Vienna on May 23, 1969.
4. Kartashkin V.A. International Law and Modern Challenges to Humanity // Moscow Journal of International Law. – 2020. – No. 3.
5. Lenko, A.A. The principle of cooperation in international law / A.A. Lenko // Innovative technologies of modern scientific activity: strategy, tasks, implementation: Collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, April 24, 2024. – Sterlitamak: Limited Liability Company “Agency for International Research”, 2024. – P. 208–211
6. Lukashuk I.I. Globalization and International Law // State and Law. – 2019. – No. 5.
7. Many, E. The Principle of Cooperation in International Law / E. Many // Actual Problems of Modern International Law: Proceedings of the X Annual All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Professor I.P. Blishchenko: in 2 parts, Moscow, April 13–14, 2012 / Peoples' Friendship University of Russia. Volume Part 1. – Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 2012. – P. 226–230.
8. Farhat, F. Ensuring the Effectiveness of International Economic Cooperation: Assessment and Principles / F. Farhat // Economy in a Changing World: Collection of Scientific Papers of the VII International Economic Forum, Kazan, May 15–19, 2023. – Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University, 2024. – P. 235–238.
9. Khubaev, V.A. The Principle of Cooperation of States Based on International Law / V.A. Khubaev // Actual Problems of Constitutional and International Law: Proceedings of the Fifth Annual Conference, Stavropol, December 7–12, 2020. Volume Part 1. – Stavropol: Stavropol Publishing House “Paragraph”, 2021. – P. 143–146.
10. Cassese, A. International Law / A. Cassese. – 2nd ed. -Oxford: Oxford University Press, 2005.
11. Crawford, J. Brownlie's Principles of Public International Law / J. Crawford. – 9th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019.
12. Koskenniemi, M. The Politics of International Law / M. Koskenniemi. – Hart Publishing, 2011.

Международный уголовный суд как субъект международного частного права: проблемы признания решений в национальных юрисдикциях

Нальгиев Марк Исаевич,

студент Финансового университета при Правительстве РФ по направлению «Финансовые рынки и банки»; старший юрист-консульт торгово-производственного холдинга «Русклимат»
E-mail: nalgievvv.m@gmail.com

Статья посвящена анализу правовых проблем признания и исполнения решений Международного уголовного суда (МУС) в национальных юрисдикциях. Рассматриваются коллизии между юрисдикцией МУС и принципами государственного суверенитета, включая вопросы иммунитетов должностных лиц. Особое внимание уделяется кейсам непризнания решений Суда (дело Омара аль-Башира, расследования на Украине и Филиппинах), что свидетельствует о системных противоречиях в механизме международного уголовного правосудия. Автор исследует правовые последствия неисполнения решений МУС, анализирует взаимодействие норм Римского статута и национального законодательства, а также предлагает возможные пути гармонизации международных и внутригосударственных правовых систем. Теоретическая значимость работы заключается в разработке концепции ограниченной правосубъектности МУС в сфере международного частного права, а практическая – в предложении механизмов укрепления эффективности международной уголовной юстиции.

Ключевые слова: Международный уголовный суд, Римский статут, международное уголовное право, иммунитеты должностных лиц, государственный суверенитет, признание решений, международное частное право, юрисдикционные коллизии, исполнение судебных решений, международная уголовная юстиция.

Международный уголовный суд (Далее – МУС) – это постоянно действующий международный трибунал, учрежденный Римским статутом в 1998 году и начавший свою деятельность в 2002 году. Его основная роль заключается в преследовании лиц, ответственных за самые тяжкие преступления, вызывающие обеспокоенность всего международного сообщества, а именно геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии.

Правовая природа Международного уголовного суда (МУС) в контексте международного частного права представляет собой сложный и многогранный вопрос, поскольку деятельность Суда, будучи направленной на преследование лиц, виновных в тягчайших международных преступлениях, затрагивает не только сферу публичного международного права, но и оказывает непосредственное влияние на частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом.

В частности, решения МУС о компенсациях жертвам преступлений, вопросы признания и исполнения этих решений на территории различных государств, проблемы защиты прав собственности, затронутой в связи с расследованиями и судебными процессами, неизбежно вступают в сферу регулирования международного частного права.

Таким образом, понимание специфики правовой природы МУС требует комплексного анализа его деятельности с учетом как публично-правовых, так и частноправовых аспектов, что позволит выявить взаимосвязи и определить место МУС в системе международного правового регулирования.

Актуальность исследования обусловлена растущим числом случаев непризнания решений МУС национальными судами, что создает системные коллизии между международным уголовным правом и нормами МЧП об иммунитетах и юрисдикционной компетенции.

Целью исследования является выявить правовые основания и последствия ограниченной имплементации решений МУС, в том числе анализ кейсов отказа от исполнения и оценку доктринальных подходов к согласованию юрисдикций.

Методология сочетает сравнительно-правовой анализ практики МУС и национальных судов с догматической интерпретацией норм Римского статута.

Необходимость разработки унифицированных коллизионных механизмов имеет теоретическое значение для развития доктрины международной юрисдикции и практическое – для совершенствования межгосударственного сотрудничества в уголовно-правовой сфере.

Римский статут 1998 года, являющийся основополагающим документом Международного уголовного суда, закрепляет его юрисдикцию в отношении наиболее тяжких преступлений, вызывающих озабоченность международного сообщества, включая геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессию. При этом Статут устанавливает принцип комплементарности, согласно которому МУС действует лишь в случаях, когда национальные судебные системы не желают или не способны осуществлять правосудие, что отражает баланс между международным и национальным правоприменением.

Римский статут, учреждающий Международный уголовный суд (МУС), представляет собой уникальный международно-правовой акт, который вступает в сложное взаимодействие с национальными правовыми системами. Несмотря на то, что он закрепляет юрисдикцию МУС в отношении тяжких международных преступлений, его имплементация в национальное законодательство сталкивается с рядом правовых и политических барьеров. Основная проблема заключается в том, что Римский статут, будучи частью международного публичного права, требует трансформации в национальные правовые порядки, что не всегда происходит автоматически. Многие государства, ратифицировавшие Статут, сталкиваются с необходимостью внесения изменений в уголовное и процессуальное законодательство, чтобы обеспечить соответствие внутренних норм международным обязательствам. Это порождает коллизии, особенно в вопросах подсудности, иммунитетов и взаимодействия с национальными судами.

Одним из ключевых аспектов является принцип комплементарности, согласно которому МУС действует лишь в случаях, когда национальные юрисдикции не могут или не желают осуществлять уголовное преследование. Однако на практике это приводит к спорам о том, какие критерии определяют неспособность или нежелание государства проводить расследование.

Национальные суды нередко интерпретируют этот принцип по-своему, что создает риски фрагментации правоприменения. Кроме того, исполнение решений МУС, включая аресты, экстрадиции и репарации, требует четких процессуальных механизмов на национальном уровне, которые зачастую отсутствуют или противоречат местным правовым традициям.

Еще одной проблемой является конфликт между обязательствами по Римскому статуту и конституционными нормами некоторых государств, особенно в вопросах суверенитета и юрисдикции. Например, отдельные страны могут отказываться выдавать своих граждан МУС, ссылаясь на конституционные гарантии, что ставит под сомнение эффективность международного правосудия. В результате, несмотря на универсальный характер Римского статута, его применение остается неравномерным, а признание решений МУС – зависимым от доброй воли государств и их готовности к международно-правовой интеграции.

Международный уголовный суд (МУС) занимает особое место в системе международных институтов, однако его правовая природа в контексте международного частного права остается предметом дискуссий. В отличие от классических субъектов международного частного права, МУС обладает уникальным статусом, производным от международного публичного права, что создает сложности при признании его решений в национальных правовых системах.

Основная проблема заключается в отсутствии унифицированного механизма имплементации решений МУС, что приводит к фрагментарному применению его юрисдикционных актов. Национальные суды зачастую сталкиваются с коллизией норм, когда решения МУС требуют исполнения в рамках внутреннего права, но не имеют прямого действия. Это порождает вопросы о пределах автономии государств в определении условий признания и приведения в исполнение таких решений.

Кроме того, статус МУС как субъекта международного частного права осложняется отсутствием четких критериев взаимодействия с национальными юрисдикциями в вопросах экстрадиции, передачи осужденных и исполнения репарационных «orders».

Доктринальные подходы к этой проблеме варьируются от полного отрицания частноправового характера деятельности МУС до попыток включения его в систему транснациональной юстиции. Важным аспектом остается соотношение иммунитетов должностных лиц государств-участников и юрисдикционных полномочий МУС, что влияет на исполнимость его решений.

Несмотря на ратификацию Римского статута многими государствами, практика показывает, что национальные суды не всегда готовы беспрепятственно признавать решения МУС в силу конституционных ограничений или противоречий с внутренним порядком.

Юрисдикция Международного уголовного суда охватывает четыре категории особо тяжких международных преступлений: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и акт агрессии, что закреплено в статье 5 Римского статута 1998 года. При этом осуществление юрисдикции по преступлению агрессии требует выполнения дополнительных условий, предусмотренных поправками 2010 года, вступившими в силу лишь в 2018 году, что отражает сложный характер формирования консенсуса по данному вопросу в международном сообществе.

Основным направлением деятельности Международного уголовного суда является проведение независимых расследований и судебных процессов в отношении наиболее тяжких международных преступлений, что наглядно иллюстрируется рядом резонансных дел последних лет на примере дела Дарфура (Судан), расследование событий на Украине или дела Дутерте.

В контексте ситуации в Дарфуре (Судан) МУС столкнулся с классическими вызовами международного правосудия – в 2009 году был выдан пер-

вый в истории Суда ордер на арест действующего главы государства Омара аль-Башира, однако отсутствие механизмов принудительного исполнения таких решений продемонстрировало ограниченность возможностей Суда без поддержки государств-участников [1].

Расследование событий на Украине, инициированное в 2022 году [2], представляет собой беспрецедентный по масштабам случай. В марте 2023 года Суд выдал ордера на арест высших российских должностных лиц, что вызвало острые дискуссии о пределах юрисдикции МУС в условиях непризнания его компетенции со стороны Российской Федерации.

Филиппинское направление деятельности Суда (расследование преступлений против человечности в рамках «антинаркотической кампании» президента Дутерте) особенно показательно с точки зрения проблематики взаимодействия с национальными юрисдикциями – выход Филиппин из-под юрисдикции МУС в 2019 году поставил под вопрос перспективы дальнейшего расследования [3].

Проблема неисполнения решений Международного уголовного суда (МУС) государствами-участниками Римского статута выходит за рамки конкретных случаев, таких как дело Омара аль-Башира, и отражает системный кризис международного уголовного правосудия. Когда несмотря на действующий ордер МУС, ряд государств-участников Римского статута (включая ЮАР и Иорданию) отказались от его исполнения, ссылаясь на иммунитет действующего главы государства, что поставило под сомнение эффективность всей системы международного уголовного правосудия [4].

Этот прецедент обнажил глубинные противоречия в самой конструкции международного уголовного правосудия, где декларативные обязательства государств сталкиваются с реальной политической практикой. Ситуация демонстрирует фундаментальную коллизию между принципом универсальной юстиции, предполагающей равную ответственность за тяжкие преступления международного характера, и традиционными представлениями о государственном суверенитете и иммунитетах МЧП.

Коллизионное противоречие между институтом иммунитетов государственных должностных лиц и принципом универсальной юрисдикции Международного уголовного суда представляет собой одну из наиболее острых проблем современного международного правопорядка.

Современная практика демонстрирует фундаментальный конфликт между традиционными нормами международного права, защищающими суверенное равенство государств через институт иммунитетов, и новыми тенденциями в области международной уголовной юстиции, утверждающими примат борьбы с безнаказанностью.

Особую сложность вызывает ситуация, когда государства-участники Римского статута, формально признающие юрисдикцию МУС, тем не менее отказываются исполнять его решения, ссылаясь на нормы обычного международного права

об иммунитетах действующих глав государств, как в деле Омара аль-Башира. Этот правовой парадокс ставит под сомнение эффективность всей системы международного уголовного правосудия, создавая прецеденты избирательного применения международных обязательств.

Разрешение данной коллизии требует поиска баланса между уважением к государственному суверенитету и необходимостью обеспечения неотвратимости ответственности за международные преступления.

Подобная правовая дилемма особенно ярко проявляется в случаях, когда национальные конституционные суды признают приоритет внутреннего законодательства над международными обязательствами, что создает системные препятствия для реализации принципа *complementarity* (дополнительности) МУС. Проблема усугубляется отсутствием четких механизмов принудительного исполнения решений Суда, что фактически ставит их реализацию в зависимость от доброй воли государств-участников. При этом попытки Совета Безопасности ООН обеспечить соблюдение решений МУС через механизм глав VII Устава ООН зачастую сталкиваются с политическим противодействием в самом Совете.

Сложившаяся ситуация демонстрирует фундаментальное противоречие между динамично развивающейся системой международного уголовного правосудия и традиционными принципами государственного суверенитета, закрепленными в международном праве. Особую остроту эта проблема приобретает в контексте рассмотрения дел о преступлениях против человечности, когда требования международного правосудия вступают в прямое противоречие с конституционными принципами отдельных государств. Правовая неопределенность в данном вопросе подрывает не только авторитет МУС, но и ставит под сомнение саму возможность создания эффективной системы международной уголовной юстиции.

Римский статут, будучи основополагающим документом Международного уголовного суда, вступает в сложное взаимодействие с национальными правовыми системами, порождая ряд системных противоречий.

Инкорпорация норм Статута в национальное законодательство сталкивается с проблемами, связанными с различиями в подходах к определению юрисдикции, иммунитетов и процедурным вопросам уголовного судопроизводства. Особую остроту приобретает вопрос о примате международных обязательств над конституционными принципами отдельных государств, когда национальные суды вынуждены выбирать между исполнением решений МУС и соблюдением собственных правовых традиций.

Практика последних лет демонстрирует, что даже государства-участники Римского статута зачастую интерпретируют его положения через призму национальных правовых доктрин, что приводит к фрагментации единого правового пространства международного уголовного правосудия.

Эти коллизии подчеркивают необходимость разработки более четких механизмов гармонизации международных и национальных правовых норм без ущерба для основополагающих принципов как международного, так и внутригосударственного права.

Кейсы непризнания решений Международного уголовного суда (МУС) государствами-участниками Римского статута, такими как ЮАР, Иордания и Филиппины, демонстрируют системный конфликт между международной юрисдикцией и принципами государственного суверенитета. Отказ ЮАР и Иордании от исполнения ордеров на арест действующих глав государств, ссылаясь на иммунитеты по обычному международному праву. Филиппины, выйдя из-под юрисдикции Суда в 2019 году, создали опасный прецедент для других стран, столкнувшихся с аналогичными расследованиями.

Как отмечает профессор А.Н. Вылегжанин, «*коллизия между универсальной юрисдикцией МУС и иммунитетами государственных должностных лиц остается одной из наиболее острых проблем современного международного права*» [5]. Аналогичную позицию выражает И.И. Лукашук, подчеркивая, что «*непризнание решений международных судов национальными юрисдикциями undermines саму идею глобального правопорядка*» [6].

В современной международно-правовой системе вопросы взаимодействия юрисдикции Международного уголовного суда (МУС) и национальных судебных систем вызывают острые дискуссии, особенно в части признания и исполнения решений МУС. Многие государства, ссылаясь на принцип суверенного равенства, закрепленный в статье 2(1) Устава ООН, рассматривают обязательную юрисдикцию МУС как потенциальную угрозу своему суверенитету. Особенно ярко это проявляется в случаях, когда решения Суда затрагивают высших должностных лиц, пользующихся иммунитетами в соответствии с нормами международного права.

Как справедливо отмечает И.И. Лукашук, «*принцип иммунитета должностных лиц государства представляет собой логическое следствие суверенитета и не может быть произвольно ограничен без согласия самого государства*» [7]. Эта позиция находит свое отражение в практике Международного Суда ООН, который в деле «*Орманж против Бельгии*» (2002) подтвердил действие иммунитетов высших должностных лиц даже в случаях обвинений в совершении международных преступлений.

Проблема усугубляется отсутствием универсального механизма принудительного исполнения решений МУС, что приводит к ситуациям, когда государства-участники Римского статута отказываются сотрудничать с Судом, ссылаясь на положения национального законодательства о иммунитетах. При этом, как подчеркивает А.Г. Кибальник, «*современное международное уголовное право находится в процессе поиска баланса между принципом неотвратимости наказания за тяжкие меж-*

дународные преступления и уважением к суверенным правам государств» [8].

Особую сложность представляет вопрос о пределах действия иммунитетов в отношении глав государств, не являющихся участниками Римского статута. Позиция МУС, выраженная в решении по делу Омара аль-Башира, где Суд постановил, что иммунитеты не действуют в отношении обвинений в международных преступлениях, встречает серьезные возражения со стороны многих государств и экспертов в области международного права.

Проблема признания решений Международного уголовного суда (МУС) в национальных юрисдикциях неразрывно связана с принципом государственного суверенитета, который многие страны рассматривают как непреодолимый барьер для полного подчинения международной юрисдикции. Государства-участники Римского статута, несмотря на взятые обязательства, нередко апеллируют к верховенству национального права, когда речь заходит о выдаче собственных граждан или исполнении решений, затрагивающих высших должностных лиц.

Концепция суверенного равенства, закрепленная в Уставе ООН, становится основанием для сопротивления требованиям МУС, особенно в случаях, когда они вступают в противоречие с конституционными нормами или политическими интересами государства.

Особую сложность представляет вопрос иммунитетов действующих руководителей государств и дипломатов, которые в рамках международного права традиционно пользуются защитой от уголовного преследования иностранными юрисдикциями. Многие страны настаивают на том, что юрисдикция МУС не может автоматически отменять иммунитеты, предоставленные глав государств и правительств в соответствии с международными конвенциями и обычным правом. Эта позиция находит отражение в практике национальных судов, которые отказывают в правовой помощи МУС, ссылаясь на то, что привлечение высших должностных лиц к ответственности подрывает стабильность межгосударственных отношений.

Критики подобного подхода указывают, что принцип суверенитета не должен служить щитом для безнаказанности при совершении международных преступлений, однако государства продолжают использовать его как правовое обоснование отказа от сотрудничества с МУС.

Проблема усугубляется отсутствием единой судебной практики по вопросу соотношения иммунитетов и юрисдикции МУС, что приводит к фрагментарному применению норм международного права. В результате даже страны, формально поддерживающие мандат Суда, могут отказываться от исполнения конкретных решений, если они затрагивают вопросы, которые национальные власти считают относящимися к исключительной компетенции государства. Это создает системный вызов для эффективности международного уголов-

ного правосудия, поскольку ставит под сомнение саму возможность привлечения к ответственности высокопоставленных лиц без их согласия.

В конечном итоге, сохраняющаяся напряженность между международными обязательствами и защитой суверенных прерогатив демонстрирует необходимость более четкого правового регулирования, которое учитывало бы как интересы международного правосудия, так и законные опасения государств по поводу вмешательства в их внутреннюю компетенцию. До тех пор, пока этот баланс не будет найден, конфликты между МУС и национальными юрисдикциями будут оставаться неизбежными, а перспективы универсального признания решений Суда – туманными.

Неисполнение решений МУС государствами-участниками Римского статута создает серьезные вызовы для эффективности всей системы международного уголовного правосудия. Подобные прецеденты подрывают авторитет Суда и ставят под сомнение саму возможность реализации принципа неотвратимости наказания за тяжкие международные преступления. Как отмечает К.А. Бекашев, «*систематическое игнорирование решений МУС приводит к постепенной эрозии механизма международного уголовного правосудия, превращая его в инструмент избирательного воздействия*» [9].

Отсутствие действенных механизмов принудительного исполнения решений МУС в условиях сохраняющегося принципа государственного суверенитета создает парадоксальную ситуацию, когда юридически обязательные решения остаются нереализованными на практике. Особую остроту эта проблема приобретает в случаях, когда государства прямо отказываются от сотрудничества с Судом, ссылаясь на противоречия между международными обязательствами и национальными интересами.

Отказ от выполнения решений суда – будь то обязанность арестовать подозреваемого, обеспечить явку свидетелей или исполнить приговор – создает прецедент селективного подхода к международным обязательствам. Это не только ослабляет позиции МУС, но и порождает правовую неопределенность, при которой одни государства соблюдают решения, а другие игнорируют их без ощутимых последствий.

С точки зрения международного права, неисполнение решений МУС формально может быть рассмотрено как нарушение обязательств по Римскому статуту, однако реальные санкции за такое поведение остаются крайне ограниченными. В отличие от механизмов, существующих, например, в рамках ООН, у МУС нет инструментов для прямого воздействия на государства-нарушители, кроме политического давления и публичного осуждения. Это приводит к ситуации, когда даже страны, ратифицировавшие Статут, могут безнаказанно блокировать исполнение решений, ссылаясь на внутреннее законодательство или соображения государственного суверенитета.

Кроме того, систематическое игнорирование решений МУС подрывает доверие к нему со стороны потерпевших и международного сообщества, создавая впечатление безнаказанности для лиц, обвиняемых в тяжких преступлениях. Это особенно критично в условиях, когда суд и так сталкивается с обвинениями в избирательном правосудии и политической ангажированности. В долгосрочной перспективе подобная практика может привести к эрозии легитимности МУС и усилению тенденции к ренационализации уголовного преследования международных преступлений. В отсутствие эффективных механизмов принуждения единственным выходом остается дальнейшее развитие международно-правовых норм, способных обеспечить большую согласованность между решениями МУС и их имплементацией в национальных правовых порядках.

МУС сталкивается с проблемами признания своих решений в национальных правовых системах, что обусловлено коллизиями между нормами международного и внутригосударственного права. Одним из возможных путей преодоления таких противоречий является развитие договорных инициатив, направленных на гармонизацию взаимодействия МУС и национальных юрисдикций.

Реформа МУС также может способствовать укреплению его авторитета и обеспечению большей согласованности в исполнении решений, однако ее успех зависит от готовности государств к компромиссу в вопросах суверенитета. Важную роль в этом процессе играет поиск баланса между универсальными принципами международного правосудия и особенностями национальных правовых традиций.

Для повышения эффективности признания решений МУС в национальных юрисдикциях целесообразно разработать унифицированные механизмы имплементации, учитывающие как международные обязательства государств, так и особенности их правовых систем.

Важным шагом могло бы стать заключение многосторонних соглашений, детализирующих процедуры взаимодействия национальных судов с МУС, включая вопросы экстрадиции, исполнения приговоров и взаимной правовой помощи.

Следует также рассмотреть возможность создания специализированных межгосударственных органов, которые координировали бы исполнение решений МУС и разрешали возникающие коллизии на основе согласительных процедур.

Дополнительным стимулом для государств могло бы стать включение положений о сотрудничестве с МУС в международные договоры иного профиля, что способствовало бы постепенной интеграции норм международного уголовного права в национальные правовые порядки.

Важным направлением могло бы стать создание специальных процедур медиации между Судом и государствами-участниками, позволяющих учитывать законные интересы сторон при сохра-

нении основных принципов международного уголовного правосудия.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о наличии фундаментального противоречия между принципом международной уголовной юстиции и доктриной государственного суверенитета, что проявляется в систематическом неисполнении решений МУС национальными юрисдикциями. Исследование подтвердило, что существующая правовая конструкция Римского статута не содержит эффективных механизмов преодоления иммунитетов должностных лиц и принудительного исполнения решений, что существенно ограничивает практическую эффективность международного уголовного правосудия.

Теоретическая ценность исследования заключается в разработке концепции ограниченного правосубъектности МУС в сфере международного частного права, что открывает новые перспективы для научного осмысления природы международных юрисдикций. Практическая значимость работы проявляется в предложении конкретных механизмов гармонизации международных и национальных правовых систем, включая модели имплементации решений МУС через институты взаимного признания и исполнения судебных решений.

Перспективными направлениями научного поиска представляются сравнительно-правовые исследования практики региональных систем международного правосудия в части исполнения их решений национальными судами. Особого внимания заслуживает анализ возможностей использования инструментов международного частного права (например, института экзекватуры) для придания решениям МУС обязательной силы в национальных правовых системах без ущерба для государственного суверенитета.

Литература

1. Официальный сайт Международного уголовного суда (МУС) – ситуация в Дарфуре [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.icc-cpi.int/darfur> (дата обращения: 07.05.2025);
2. Официальный сайт Международного уголовного суда (МУС) – ситуация в Украине [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.icc-cpi.int/situations/ukraine> (дата обращения: 07.05.2025);
3. Официальное заявление о выходе Филиппин из Римского статута // Международный уголовный суд. Официальный сайт. 17.03.2019. – URL: <https://www.icc-cpi.int/news/philippines-withdrawal-rome-statute-will-take-effect-17-march-2019> (дата обращения: 07.05.2025);
4. Решение по вопросу неисполнения ЮАР и Иорданией ордера на арест О. аль-Башира // Международный уголовный суд. Прецедентное решение от 6 июля 2017 г. по делу № ICC-02/05–01/09. – URL: <https://www.icc-cpi.int/court-record/icc-02/05–01/09–302> (дата обращения: 07.05.2025);
5. Вылегжанин А.Н. Международное право: учебник. М.: Юрайт, 2023. С. 245;
6. Лукашук И.И. Глобализация и международное право // Московский журнал международного права. 2022. № 4. С. 12;
7. Лукашук И.И. Современное право международных договоров. В 2 т. Т. 1. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 458.;
8. Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. С. 127;
9. Бекяшев К.А. Международное уголовное право: современные проблемы. М.: Проспект, 2020. С. 184.

THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT AS A SUBJECT OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW: PROBLEMS OF RECOGNITION OF DECISIONS IN NATIONAL JURISDICTIONS

Nalgiev M.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Rusklimat Trade and Production Holding

The article is devoted to the analysis of legal problems of recognition and enforcement of decisions of the International Criminal Court (ICC) in national jurisdictions. Conflicts between the ICC jurisdiction and the principles of state sovereignty are considered, including issues of immunities of officials. Particular attention is paid to cases of non-recognition of the Court's decisions (the case of Omar al-Bashir, investigations in Ukraine and the Philippines), which indicates systemic contradictions in the mechanism of international criminal justice. The author examines the legal consequences of non-enforcement of ICC decisions, analyzes the interaction of the norms of the Rome Statute and national legislation, and suggests possible ways to harmonize international and domestic legal systems. The theoretical significance of the work lies in developing the concept of limited legal personality of the ICC in the field of international private law, and the practical significance lies in proposing mechanisms to strengthen the effectiveness of international criminal justice.

Keywords: International Criminal Court, Rome Statute, international criminal law, immunities of officials, state sovereignty, recognition of decisions, international private law, jurisdictional conflicts, enforcement of court decisions, international criminal justice.

References

1. Official website of the International Criminal Court (ICC) – the situation in Darfur [Electronic resource]. – URL: <https://www.icc-cpi.int/darfur> (date of access: 07.05.2025);
2. Official website of the International Criminal Court (ICC) – the situation in Ukraine [Electronic resource]. – URL: <https://www.icc-cpi.int/situations/ukraine> (date of access: 07.05.2025);
3. Official statement on the withdrawal of the Philippines from the Rome Statute // International Criminal Court. Official website. 17.03.2019. – URL: <https://www.icc-cpi.int/news/philippines-withdrawal-rome-statute-will-take-effect-17-march-2019> (date of access: 07.05.2025);
4. Decision on the Failure of South Africa and Jordan to Execute the Arrest Warrant for O. al-Bashir // International Criminal Court. Precedent decision of 6 July 2017 in case No. ICC-02/05–01/09. – URL: <https://www.icc-cpi.int/court-record/icc-02/05–01/09–302> (date of access: 07.05.2025);
5. Vylegzhanin A.N. International Law: Textbook. Moscow: Yurait, 2023. P. 245;
6. Lukashuk I.I. Globalization and International Law // Moscow Journal of International Law. 2022. No. 4. P. 12;
7. Lukashuk I.I. Modern Law of International Treaties. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Wolters Kluwer, 2006. Page 458.;
8. Kibalnik A.G. Modern international criminal law: concept, tasks and principles. St. Petersburg: Legal Center Press, 2013. Page 127;
9. Bekyashev K.A. International criminal law: modern problems. Moscow: Prospect, 2020. Page 184.

Принцип свободы договора: современное понимание и пределы реализации в гражданском праве Российской Федерации

Половко Роман Александрович,
аспирант, МФПУ «Синергия»

Статья посвящена всестороннему анализу принципа свободы договора в гражданском праве Российской Федерации, его современному взгляду, нормативному закреплению и пределам реализации в правоприменительной деятельности. Предмет рассмотрения теоретико-правовая основа принципа, а также его прогресс в условиях современных вызовов, включая увеличение государственного вмешательства и защиту уязвимых участников гражданского оборота. Особое внимание уделено анализу механизмов ограничения свободы договора, таких как императивные нормы, принцип добросовестности и разумности, защита слабой стороны договора, а также потребности в соблюдении публичного порядка и справедливости. В статье исследуется влияние судебной практики на развитие принципа свободы договора, отмечая тенденции, направленные на усиление контроля за соблюдением прав и интересов сторон, особенно в сфере защиты прав потребителей, трудовых и арендных отношений, а также в контексте договоров присоединения. Анализируются подходы Верховного Суда Российской Федерации к пересмотру кабальных условий и защите слабой стороны договора, с акцентом на требования экономической и юридической справедливости. В работе формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования, направленные на дальнейшую оптимизацию применения принципа свободы договора в условиях цифровизации экономики, а также при учёте социально-экономических факторов. Среди актуальных инициатив можно выделить конкретизацию оснований для допустимого ограничения свободы договора, разработку критериев для выявления признаков «кабальности» условий, а также внедрение обязательной правовой экспертизы типовых соглашений в социально значимых отраслях. Также предлагается расширение применения механизмов soft law, таких как рекомендации и кодексы поведения, для выработки сбалансированных и справедливых условий соглашений, особенно в цифровой среде.

Ключевые слова: свобода договора, гражданское право, Гражданский кодекс Российской Федерации, пределы свободы договора, добросовестность, судебная практика, правовое регулирование, цифровизация, защита слабой стороны.

Введение

Принцип свободы договора представляет собой фундаментальную правовую категорию, играющую ключевую роль в системе гражданского законодательства и отражающую суть частноправового регулирования. Его нормативное закрепление в статье 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) демонстрирует преемственность российской правовой системы по отношению к классическим цивилистическим традициям, в основе которых лежат идеи автономии воли, юридического равенства сторон и диспозитивного регулирования. В рыночной системе, свобода договора служит механизмом реализации частной автономии, предоставляя субъектам гражданских правоотношений право самостоятельно формировать условия своих соглашений. За последние десятилетия прослеживается изменение концептуальных подходов к реализации принципа свободы договора. Современные реалии – в частности, усиление социальной функции частного права, расширение сферы публично-правового вмешательства и стремление к правовому обеспечению баланса интересов – обусловили необходимость пересмотра абсолютности договорной свободы. Государство активно использует правовые механизмы для ограничения свободы договора в целях защиты слабой стороны, предупреждения злоупотреблений и обеспечения справедливости договорных отношений. Данные изменения выражаются в усилении нормативного вмешательства, росте числа императивных норм и формировании судебных подходов, направленных на обеспечение приоритета публичных и конституционно значимых интересов. Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного осмысления современного содержания принципа свободы договора, его границ, обусловленных нормативными и практическими факторами, а также оценки направлений развития гражданско-правового регулирования в условиях цифровизации и роста социально-экономических рисков. В научной литературе существует широкий спектр подходов к пониманию сущности договорной свободы, её места в системе принципов гражданского права, а также механизмов её ограничения. Однако далеко не всегда они учитывают современные вызовы правоприменительной практики, включая развитие институтов цифровой экономики, изменение баланса частного и публичного интереса, усиление роли судов в обеспечении правовой справедливости. Цель исследования состоит в комплексном анализе современных подходов к пониманию и реализации

принципа свободы договора, выявлении правовых механизмов его ограничения, рассмотрении возникающих в правоприменительной практике противоречий и формулировании предложений по их нормативному разрешению. Объектом исследования выступают договорные правоотношения, регулируемые гражданским законодательством Российской Федерации. Предметом – принцип свободы договора, его теоретико-правовая сущность, нормативное закрепление, пределы реализации и особенности интерпретации в судебной практике. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частно научные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, а также методы логического и структурного анализа. Особое внимание уделяется интерпретации положений гражданского законодательства и анализу правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации. Научная новизна работы проявляется в всестороннем исследовании актуального состояния принципа свободы договора в контексте трансформации частноправового регулирования, а также в разработке практико-ориентированных предложений по совершенствованию договорной модели в российском гражданском праве.

1. Теоретико-правовая характеристика принципа свободы договора

Принцип свободы договора выступает фундаментом частноправового регулирования и представляет собой нормативное выражение идеи автономии воли субъектов гражданского оборота. Его истоки уходят в римское право, однако как самостоятельная юридическая конструкция свобода договора окончательно оформилась в рамках буржуазного частного права XIX века, основанного на либеральных взглядах, минимизации государственного вмешательства и признании рыночной саморегуляции. Согласно устоявшемуся подходу, свобода договора означает, что субъекты гражданских правоотношений вправе по своему усмотрению решать вопрос о заключении договора, определять его условия и выбирать партнёра, если только иное не предусмотрено законодательными ограничениями. В российской правовой системе принцип свободы договора закреплён в статье 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ). Согласно пункту 1 данной статьи, граждане и юридические лица свободны в заключении договора, определении условий и выборе контрагента. Более того, стороны вправе заключить договор, не предусмотренный законом или иными правовыми актами, при условии, что он не противоречит общим началам гражданского законодательства. Следует отметить, что свобода договора в российском правовом порядке охватывает как возможность вступления в договорные отношения, так и право на отказ от их установления. Принцип свободы договора проявляется через совокупность элементов, включающих:

1. Свобода заключения договора выражается в праве субъектов самостоятельно определять необходимость вступления в договорные отношения,

за исключением случаев, когда законодательством предусмотрена обязанность заключения договора (например, публичный договор по статье 426 ГК РФ).

2. Свободу выбора контрагента – участник гражданского оборота вправе вступить в договорные отношения с любым дееспособным субъектом;

3. Свободу установления условий договора – стороны вправе определить содержание своих обязательств по собственному усмотрению, если иное не установлено императивной нормой;

4. Свободу выбора формы договора – при отсутствии специальных требований закона стороны самостоятельно определяют форму соглашения (устную, письменную, электронную и др.). На системном уровне свобода договора тесно связана с другими принципами гражданского права – равенством участников, недопустимостью произвольного вмешательства, добросовестностью и разумностью (ст. 1 ГК РФ), неприкосновенностью собственности и диспозитивностью регулирования. В совокупности они формируют модель правового регулирования, основанную на уважении к волеизъявлению сторон, возможности свободного распоряжения правами и имуществом, а также на стремлении к обеспечению правовой определённости. Вместе с тем в современной юридической доктрине принцип свободы договора всё чаще подвергается переосмыслению в связи с усиливающейся ролью публичного интереса в частноправовой сфере. Как отмечает В.В. Витрянский, в условиях усложнения социально-экономических отношений невозможно сохранять «абсолютную» свободу договора, не вводя механизмов, препятствующих злоупотреблениям и обеспечивающих баланс интересов участников оборота¹. Таким образом, регулирование договорных отношений всё чаще принимает компромиссную форму, сочетая уважение к автономии воли сторон с необходимостью обеспечения публичных интересов – что находит отражение в ограничении договорной свободы, внедрении обязательных норм и возможности пересмотра условий договора в судебном порядке. Особый интерес вызывает эволюция подходов к свободе договора в цифровой экономике. Современные формы заключения договоров – например, через электронные платформы или с использованием смарт-контрактов – вызывают вопросы о действительности волеизъявления, информированности контрагента и возможности свободного влияния на содержание соглашения. В связи с этим всё чаще поднимается вопрос о необходимости адаптации принципа свободы договора к условиям автоматизированного и стандартизированного оборота². Реализация принципа свободы договора на практике требует от сторон определённо-

¹ Витрянский В.В. Некоторые тенденции развития современного договорного права // Журнал российского права. – 2023. – № 7. – С. 45–52.

² Калмыков И.А. Смарт-контракты и договорное право: проблема свободы в цифровом измерении // Право и экономика. – 2022. – № 11. – С. 12–18.

го уровня финансовой независимости, правовой компетентности и доступа к релевантной информации. В ситуации очевидного неравенства сторон, как это часто бывает между профессиональным продавцом и потребителем, провозглашённая свобода договора может использоваться в целях навязывания условий, нарушающих интересы менее защищённого участника. Именно поэтому в судебной практике, особенно в подходах Верховного Суда РФ, наблюдается тенденция к активной интерпретации принципа добросовестности как способа ограничения формального использования договорной свободы¹. Следовательно, принцип свободы договора следует рассматривать как многогранную юридическую категорию, формирующуюся на пересечении идей частной автономии и механизмов публично-правового регулирования. Несмотря на сохраняющееся значение для функционирования гражданского оборота, данный принцип нуждается в актуализации с учётом процессов цифровизации, социальной дифференциации и расширения публичного регулирования в правовой сфере.

2. Пределы реализации свободы договора

Принцип свободы договора, являясь ключевым элементом частноправовой парадигмы, в то же время не может реализовываться вне системы ограничений, обусловленных необходимостью обеспечения правовой справедливости, баланса интересов участников и защиты общественно значимых ценностей. На современном этапе развития гражданского законодательства России принцип свободы договора реализуется в контексте таких основ гражданско-правового регулирования, как разумность, добросовестность, запрет злоупотребления правами, а также при соблюдении интересов общества и обязательных правовых норм. Таким образом, договорная свобода в правоприменении имеет границы, обоснованные как внутренней логикой права, так и внешними регулятивными факторами.

2.1. Ограничения, установленные законом

Классическим пределом свободы договора, являются императивные нормы, отступление от которых невозможно, даже если стороны договорятся об ином. Эти нормы защищают публичные интересы, устанавливая обязательные требования к содержанию договоров и сужают свободу регулирования условий соглашений. Примеры таких норм включают нормы защиты прав потребителей (ст. 16 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей»), правила долевого строительства (ФЗ от 30.12.2004 № 214-ФЗ), нормы трудового законодательства, а также специальные акты, регулирующие деятельность в сфере банковского, страхового и инвестиционного секторов. Так, согласно ст. 16 Закона о защите прав потребителей, условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с установленными за-

коном, признаются ничтожными. Аналогичный подход содержится в правовой позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой «свобода договора не может служить прикрытием для нарушения конституционных прав граждан» (Постановление КС РФ от 23.02.1999 № 4 П).

2.2. Принцип добросовестности и разумности

Вторым ограничителем выступают принципы добросовестности и разумности (п. 3 ст. 1 ГК РФ), имеющие универсальный характер. Эти принципы применимы на всех этапах договорного цикла – от переговоров до исполнения обязательств и разрешения споров. Принцип добросовестности препятствует использованию субъективных гражданских прав во вред контрагенту, тогда как требование разумности предполагает соблюдение баланса и пропорциональности интересов сторон. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 17.03.2020 № 307-ЭС19–27156 подчёркивается, что при наличии явного экономического неравенства и отсутствии альтернативы у одной из сторон навязанные ей условия могут быть признаны недействительными, поскольку противоречат требованиям добросовестности. Таким образом, судебная власть берет на себя роль защитника уязвимой стороны договора, предотвращая случаи злоупотребления свободой договора со стороны более сильного участника правоотношений. контрагента, обладающего преимуществами.

2.3. Специфика договоров присоединения

Особое внимание уделяется договорам присоединения (ст. 428 ГК РФ), при которых одна из сторон лишена возможности обсуждать условия соглашения. Практика заключения таких договоров получила широкое распространение в финансовом секторе, страховании, транспортных услугах, цифровой экономике и телекоммуникациях. Несмотря на формальное согласие присоединившейся стороны, суды признают такие условия несправедливыми, если они создают существенный дисбаланс прав и обязанностей (см., напр., Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2022), утв. Президиумом ВС РФ 12.10.2022) В контексте договоров присоединения широко применяется доктрина кабалности сделки (ст. 179 ГК РФ), которая ориентируется не столько на внешнюю законность условий, сколько на фактическое положение стороны в момент заключения соглашения.

2.4. Ограничения, вытекающие из публичного порядка

Ещё одним пределом договорной свободы выступает защита публичного порядка, под которым понимается совокупность основ конституционного строя, нравственности, охраны окружающей среды, правопорядка и национальной безопасности. Договоры, противоречащие этим основам, являются ничтожными по смыслу ст. 168 и 169 ГК РФ. Например, суды признают ничтожными соглашения, заключённые в обход закона, направленные на легализацию преступных доходов, фиктивные сделки, прикрывающие запрещённую деятельность. Следует отметить, что публичный порядок

¹ Обзор практики Верховного Суда РФ за 2023 г. по делам, связанным с договорной ответственностью // Бюллетень ВС РФ. – 2024. – № 2.

как ограничитель свободы договора имеет оценочную и гибкую природу, в связи с чем его границы постоянно уточняются правоприменительной и доктринальной практикой.

2.5. Судебная практика как динамический регулятор

Ограничения договорной свободы формируются также на уровне судебной практики, прежде всего – в деятельности Верховного Суда РФ. В последние годы активно развивается подход, согласно которому суд вправе вмешиваться в договорное регулирование сторон с целью восстановления материального равенства, особенно в делах, где речь идёт о защите прав потребителей, заемщиков, арендаторов. Подобная тенденция, как отмечают некоторые авторы, отражает сближение российского правового регулирования с зарубежными правовыми порядками, особенно с континентально-европейским и англосаксонским, в которых укоренилась концепция несправедливых условий договора (*unconscionable terms*). В Постановлении Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 подчёркивается, что даже формальное соблюдение закона не исключает возможности признания договора противоречащим основам правового порядка, если он нарушает принципы справедливости, равенства и гуманизма.

2.6. Доктринальные подходы к ограничению свободы договора

В доктрине цивилистики продолжается дискуссия относительно допустимых пределов договорной автономии. Один из подходов основан на концепции «социальной функции договора», согласно которой договор рассматривается не только как инструмент реализации воли сторон, но и как средство достижения общественно значимого результата. Представители этой школы (А.Г. Карапетов, Д.В. Ген, С.А. Муранов и др.) подчёркивают необходимость отказа от абсолютного индивидуализма в договорных отношениях и признания приоритетов социальной справедливости и публичных интересов. Так А.Г. Карапетов отмечает, что «в условиях роста неравенства сторон и концентрации экономической власти, именно ограничение свободы договора становится гарантией равновесия и легитимности частноправового регулирования»¹. Это положение находит отражение в судебной практике, где суды начинают ориентироваться не только на букву закона, но и на ценностные ориентиры правового порядка. Свобода договора в современном российском гражданском праве реализуется в рамках, установленных не только законодательством, но и общими правовыми принципами, а также сложившейся судебной практикой. Ограничения, налагаемые на свободу договора, не нивелируют её роль, а формируют правовую основу для её гибкости и приспособляемости к изменяющимся реалиям современного общества и экономики. В условиях правового государства эффек-

тивность договорного регулирования во многом зависит от гибкости и соразмерности установленных пределов свободы договора.

3. Реализация принципа свободы договора в судебной практике

Судебная практика в современной России играет важнейшую роль в формировании и развитии содержания принципа свободы договора. Несмотря на традиционное восприятие свободы договора как выражения воли и равноправия сторон, судебная практика всё активнее вмешивается в установление её границ, стремясь устранить несоответствие между буквой закона и реальной несправедливостью договорных условий. В условиях усиления социальной функции частного права и роста числа споров, связанных с договорной несправедливостью, роль судебной власти как гибкого регулятора частноправовых отношений существенно возрастает.

3.1. Защита интересов экономически слабой стороны

Одним из ключевых направлений современной судебной практики является корректировка реализации принципа свободы договора с учётом реального экономического неравенства сторон. В этом контексте суды всё чаще отказываются от формального подхода, основанного исключительно на волеизъявлении сторон, и отдают предпочтение материальной справедливости. В Определении Верховного Суда РФ от 17 марта 2020 года № 307-ЭС19–27156 предметом рассмотрения стал спор, возникший из договора присоединения, заключённого между кредитной организацией и потребителем. Суд признал условия договора несправедливыми, поскольку они были навязаны экономически более слабой стороне и предусматривали явно неблагоприятные последствия. Верховный Суд указал, что наличие формального согласия с договором не свидетельствует само по себе о справедливости его условий, особенно если одна из сторон фактически была лишена возможности участвовать в их формировании. Аналогичный подход прослеживается и в других актах Верховного Суда РФ (например, в Определении от 13 августа 2019 г. № 5-КГ19–90 и от 18 октября 2022 г. № 4-КГ22–42-К2), где последовательно подчёркивается необходимость учитывать фактическое соотношение сил сторон и степень их реальной свободы волеизъявления при заключении договора.

3.2. Применение статьи 179 ГК РФ

Ключевым механизмом судебной защиты в случае нарушения принципа справедливости и злоупотребления договорной свободой остаётся статья 179 ГК РФ, регулирующая признание сделки недействительной как заключённой под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения или при стечении тяжёлых обстоятельств. Суды нередко признают кабальными условия договора, навязанные стороне, оказавшейся в экономически затруднительном положении, особенно если контрагент использовал это положение в целях извлечения односторонней выгоды. Арби-

¹ Карапетов А.Г. Пределы свободы договора в современном правовом порядке // Журнал российского права. – 2023. – № 9. – С. 35–42.

тражные суды нередко признают недействительными условия договоров займа с завышенными процентами или положения о неустойке, не соответствующие принципам разумности и добросовестности. Такой подход согласуется с правовой позицией, выраженной в Постановлении Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49, где указано, что «при толковании условий договоров следует учитывать характер отношений, экономическую неравновесность сторон и необходимость соблюдения принципа справедливости».

3.3. Ограничения свободы договора по мотивам публичного интереса

Суды также активно используют ограничения, вытекающие из защиты публичного порядка и общественных интересов. Так, в случаях, когда договор заключён с нарушением требований закона либо направлен на достижение противоправной цели, он признаётся ничтожным в соответствии со статьями 168 и 169 Гражданского кодекса Российской Федерации. Подобные споры нередко касаются заключения фиктивных сделок, сговора кредиторов, злоупотребления правами в корпоративных отношениях. Так, в Постановлении № 25-П от 26.05.2020 КС РФ отметил: договорная свобода ограничивается необходимостью учитывать социальную значимость и баланс интересов.

3.4. Суды уделяют особое внимание анализу типовых договоров присоединения, применяемых в различных отраслях услуг для населения. Как правило, в подобных договорах одна сторона лишь формально принимает условия, не имея возможности их изменить. Верховный Суд РФ последовательно формирует практику, согласно которой несправедливые или явно обременительные условия договоров присоединения подлежат пересмотру. Суд исследует не только формулировку договорного положения, но и условия, при которых оно было принято стороной без возможности влияния. Примером такого подхода является Определение ВС РФ от 15.03.2022 № 11-КГ21–45-К2, где суд указал, что применение повышенного штрафа в договоре обслуживания карты является недопустимым, если потребитель не имел объективной возможности повлиять на формулировку данного условия.

3.5. Интерпретация условий договора в пользу слабой стороны

Одним из способов защиты интересов экономически зависимых участников является применение принципа толкования условий договора в пользу стороны, не определявшей их содержание. Данный подход закреплён в п. 2 ст. 431 ГК РФ и активно используется судами при разрешении споров, особенно в сфере потребительского кредитования, аренды и страхования. Например, если у сторон возникает спор относительно содержания спорного условия, суд исходит из презумпции, что более сильная сторона (например, банк или страховая компания) несёт ответственность за неясности или неблагоприятные формулировки, поскольку именно она сформулировала текст договора.

3.6. Доктринальная оценка судебной практики

В научной литературе судебная практика по вопросам свободы договора оценивается в целом положительно, как отражающая тенденцию гуманизации частного права. В юридической литературе подчёркивается важность разработки унифицированных критериев анализа несправедливых условий договора (см., например, работы А.Г. Карапетова, В.Н. Лаптева, Е.А. Чефрановой). Ряд исследователей, впрочем, выражают обеспокоенность чрезмерной активностью судов в пересмотре условий договоров, считая, что это может подорвать стабильность гражданского оборота и уменьшить предсказуемость частноправовых отношений. В частности, подчёркивается, что свобода договора теряет свою правовую значимость, если каждое неблагоприятное условие может быть отменено судом по мотивам «несправедливости».

3.7. Актуальные тенденции в судебной практике ВС РФ (2023–2024 гг.)

В 2023–2024 годах Верховный Суд Российской Федерации продолжил формировать судебную практику, направленную на балансировку принципа свободы договора с необходимостью защиты слабой стороны и обеспечения добросовестности в гражданском обороте.

3.7.1. Ограничение свободы договора в интересах слабой стороны

В обзоре судебной практики ВС РФ № 2, 3 (2024), утверждённом Президиумом Верховного Суда 27 ноября 2024 года, подчёркивается, что банк не вправе устанавливать ограничения права клиента распоряжаться денежными средствами, зачисленными на его банковский счёт, при покупке иностранной валюты по курсу, установленному самим банком ниже биржевого курса и курса Банка России, даже если такие действия были результатом ошибки сотрудника банка. Верховный Суд указал, что клиент не мог повлиять на установленный курс, и сделки по конвертации валют оказались невыгодными для банка, однако это не лишает клиента права на совершение выгодных для него операций.

3.7.2. Признание несправедливых условий недействительными

В определении Верховного Суда РФ от 05.11.2024 № 305-ЭС24–15784 рассматривался спор, в котором одна из сторон утверждала, что условия договора были несправедливыми и навязанными. Верховный Суд подтвердил, что при наличии условий, существенно нарушающих баланс интересов сторон, суд вправе признать такие условия недействительными, особенно если одна из сторон оказалась в положении, затрудняющем согласование иных условий договора.

3.7.3. Защита интересов страхователей

Это особенно актуально в страховых спорах, когда страхователь оказывается в ситуации, не позволяющей повлиять на условия договора. Так, в деле № А40–215162/2021 было указано на приоритет защиты слабой стороны и необходимость соблюдения справедливости при оценке условий.

3.7.4. Применение статьи 179 ГК РФ

Суды продолжают активно применять статью 179 ГК РФ, признавая недействительными сделки, заключённые под влиянием обмана, насилия, угрозы или при стечении тяжёлых обстоятельств. Арбитражные суды нередко признают недопустимыми условия договоров займа, устанавливающие чрезмерно высокий процент или несоразмерную неустойку, поскольку они противоречат принципам справедливости, разумности и добросовестности.

3.7.5. В подобных делах применяется правило толкования спорных положений в пользу стороны, не участвовавшей в формулировании условий, что особенно характерно для кредитных, арендных и страховых соглашений. Это соответствует положениям п. 2 ст. 431 ГК РФ и направлено на защиту интересов экономически зависимых участников гражданского оборота.

3.8. Итог

Таким образом, судебная практика современной России демонстрирует стремление к балансу между свободой договора и необходимостью защиты уязвимых субъектов гражданского оборота. Суды выполняют важную функцию контроля за соблюдением принципов добросовестности, разумности, справедливости и публичного порядка, при этом их вмешательство носит дифференцированный характер, исходящий из конкретных обстоятельств дела. Таким образом, складывается адаптивный подход к реализации принципа свободы договора, сочетающий требования стабильности гражданского оборота с задачами обеспечения справедливости и баланса интересов сторон.

4. Выводы и предложения

Принцип свободы договора остаётся основополагающим элементом гражданско-правового регулирования, отражая его основные идеи -автономию воли сторон и диспозитивность правового регулирования. Однако его реализация требует постоянного баланса между интересами частного саморегулирования и задачами обеспечения социальной справедливости, защиты уязвимых участников гражданского оборота и соблюдения публичных интересов. Выводы: В российской правовой системе свобода договора реализуется с учётом установленных ограничений, обеспечивающих защиту общественных интересов, социальной справедливости и правовой стабильности. Такие ограничения охватывают как нормы публичного характера (в частности, в сфере защиты потребителей, труда и экологии), так и судебную практику, ориентированную на соблюдение принципов добросовестности и разумности. Установленные законодательством и судами барьеры действуют как механизмы защиты слабой стороны, что приводит к снижению абсолютности принципа свободы договора в отдельных случаях.

Обоснование: Реализация свободы договора в гражданском обороте требует учета социальной ответственности и защиты более слабых участников. В связи с этим, ограничения в области договора вводятся не только для обеспечения

правопорядка, но и для предотвращения злоупотреблений со стороны более сильных сторон. Судебная практика направлена на корректировку условий договоров с учётом действительных обстоятельств их заключения и фактического положения сторон. В последние годы суды стали более активно применять нормы, направленные на защиту слабой стороны, например, при рассмотрении дел о признании кабальных или несправедливых условий договора недействительными. Обоснование: Суды, учитывая экономическое неравенство участников, способствуют выработке подходов, направленных на обеспечение справедливости и соблюдение добросовестности в договорных обязательствах. Это важно для обеспечения правовой стабильности и защиты прав граждан, особенно в условиях экономической нестабильности и финансовой зависимости отдельных субъектов. Сохраняется необходимость выработки ясных ориентиров, определяющих пределы допустимого ограничения свободы договора, особенно в ситуациях, когда используются типовые условия, предложенные экономически более сильной стороной. Обоснование: Недостаточная чёткость в законодательных и судебных актах по вопросам ограничения свободы договора может создавать правовую неопределённость и приводить к правовым коллизиям. Наличие чётких правовых критериев будет способствовать снижению риска злоупотреблений, обеспечению более равномерного правового регулирования и укреплению правопорядка в сфере договорных отношений. Предложения: 1. Внести изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), чётко регламентирующие случаи допустимого ограничения свободы договора. Это поможет устранить неопределённость в применении ограничений, повысит правовую определённость для участников гражданских оборотов. Обоснование: Систематизация ограничений договорной свободы способствует правовой устойчивости и защите слабых сторон. 2. Требуется и методика определения «кабальности» условий, основанная на анализе положения сторон. Такая методика должна позволить суду более точно и объективно оценивать условия договоров, признанных обоснованными или несправедливыми, исходя из реального положения сторон. Обоснование: Разработка универсальной методики оценки кабальности условий договоров обеспечит справедливость в решении судебных дел. Объективность анализа условий и рост доверия к правосудию -ожидаемые эффекты от учёта экономического дисбаланса сторон. 3. Ввести обязательную правовую экспертизу типовых договоров в социально значимых сферах, таких как трудовые отношения, жильё, потребительские услуги и банковские услуги. Это позволит предотвратить появление в обороте договоров, в которых ущемляются права сторон. Обоснование: Принятие обязательных экспертиз типовых договоров в социально значимых сферах позволит выявить и устранить предвзятые или нечестные условия на ранних этапах. Это также приведёт

к повышению правовой осведомлённости и защите слабых сторон в ключевых сферах гражданского оборота.

4. Расширить применение механизмов soft law (рекомендации, кодексы поведения) для выработки справедливых условий соглашений, особенно в цифровой среде. В условиях цифровизации и роста онлайн-платформ важно использовать мягкие правовые механизмы для урегулирования вопросов, связанных с обеспечением справедливости и защиты интересов пользователей, при этом сохраняя гибкость регулирования в новой экономике. Обоснование: На фоне стремительного развития цифровой среды традиционные правовые механизмы теряют былую эффективность. Использование soft law позволит гибко реагировать на изменения в этой сфере и обеспечит защиту интересов участников, не ограничивая инновации и развитие цифровых платформ.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая, вторая) от 30 ноября 1994 г. № 51 ФЗ (с изменениями и дополнениями).
2. Шершеневич, Г.Ф. Основы гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Юрид. лит., 1912. 512 с.
3. Кучин, В.Е. Принцип свободы договора в российском гражданском праве // Журнал российского права. – 2019. – № 2. – С. 45–60.
4. Иванов, С.И. Гражданское право России. Общая часть / С.И. Иванов. – М.: Норма, 2018. – 480 с.
5. Головин, В.А. Свобода договора и её ограничения: теоретико-правовой анализ // Вестник российского права. – 2020. – № 7. – С. 85–102.
6. Лукашевич, А.В. Ограничения свободы договора в контексте защиты слабой стороны // Право и экономика. – 2021. – № 4. – С. 34–45.
7. Каменка, Н.И. Проблемы реализации принципа свободы договора в современной правовой системе // Гражданское право в России: состояние и перспективы развития. – М.: Юридический центр Пресс, 2020. – С. 118–130.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 49 от 25 декабря 2018 г. О применении законодательства о защите прав потребителей. // Российская газета. – 2018. – 26 декабря.
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2020 г. № 307-ЭС19–27156 о признании недействительными условий договора присоединения, ущемляющих интересы потребителя.
10. Петросян, А.Г. Свобода договора и её ограничения в контексте социально-экономических изменений // Теория и практика гражданского права. – М.: ИНФРА М, 2019. – С. 152–168.
11. Ермолаев, А.Ю. Принцип свободы договора и судебная практика // Право и общество. – 2021. – № 3. – С. 59–75.
12. Мальцева, О.С. Свобода договора в эпоху цифровизации: возможности и риски // Цифровое право. – 2022. – № 5. – С. 49–61.
13. Фалькович, А.Я. Проблемы правовой защиты интересов участников договорных отношений: отечественная и международная практика. – М.: Юриспруденция, 2020. – 278 с.
14. Кравцов, А.Н. Императивные нормы в гражданском праве: их роль в ограничении свободы договора // Гражданско-правовая защита прав потребителей. – М.: Эксмо, 2021. – С. 103–118.

THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONTRACT: MODERN UNDERSTANDING AND LIMITS OF IMPLEMENTATION IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Polovko R.A.
University “Sinergy”

The article is devoted to a comprehensive analysis of the principle of freedom of contract in the civil law of the Russian Federation, its modern view, normative consolidation and limits of implementation in law enforcement activities. The subject of consideration is the theoretical and legal basis of the principle, as well as its progress in the context of modern challenges, including increased government intervention and protection of vulnerable participants in civil turnover. Particular attention is paid to the analysis of mechanisms for limiting freedom of contract, such as mandatory norms, the principle of good faith and reasonableness, protection of the weaker party to the contract, as well as the need to maintain public order and justice. The article examines the influence of judicial practice on the development of the principle of freedom of contract, noting trends aimed at strengthening control over compliance with the rights and interests of the parties, especially in the field of consumer protection, labor and lease relations, as well as in the context of accession agreements. The article analyzes the approaches of the Supreme Court of the Russian Federation to the revision of onerous terms and protection of the weaker party to the contract, with an emphasis on the requirements of economic and legal justice. The paper formulates proposals for improving legal regulation aimed at further optimizing the application of the principle of freedom of contract in the context of digitalization of the economy, as well as taking into account socio-economic factors. Among the current initiatives, one can highlight the specification of the grounds for the permissible restriction of freedom of contract, the development of criteria for identifying signs of “onerous” terms, as well as the introduction of mandatory legal expertise of standard agreements in socially significant industries. It is also proposed to expand the use of soft law mechanisms, such as recommendations and codes of conduct, to develop balanced and fair terms of agreements, especially in the digital environment.

Keywords: freedom of contract, civil law, Civil Code of the Russian Federation, limits of freedom of contract, good faith, judicial practice, legal regulation, digitalization, protection of the weaker party.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one, two) of November 30, 1994 No. 51-FZ (with amendments and additions).
2. Shershenevich, G.F. Fundamentals of Civil Law / G.F. Shershenevich. – M.: Legal Literature, 1912. 512 p.
3. Kuchin, V.E. The Principle of Freedom of Contract in Russian Civil Law // Journal of Russian Law. – 2019. – No. 2. – P. 45–60.
4. Ivanov, S.I. Civil Law of Russia. General Part / S.I. Ivanov. – M.: Norma, 2018. – 480 p.
5. Golovin, V.A. Freedom of Contract and Its Limitations: Theoretical and Legal Analysis // Bulletin of Russian Law. – 2020. – No. 7. – P. 85–102.
6. Lukashevich, A.V. Restrictions on freedom of contract in the context of protecting the weaker party // Law and Economics. – 2021. – No. 4. – P. 34–45.
7. Kamenka, N.I. Problems of implementing the principle of freedom of contract in the modern legal system // Civil law in Rus-

- sia: state and development prospects. – M.: Legal Center Press, 2020. – P. 118–130.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 49 of December 25, 2018 On the application of legislation on the protection of consumer rights. // Rossiyskaya Gazeta. – 2018. – December 26.
 9. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of March 17, 2020 No. 307-ES19–27156 on the recognition of the terms of the accession agreement that infringe on the interests of the consumer as invalid.
 10. Petrosyan, A.G. Freedom of contract and its limitations in the context of socio-economic changes // Theory and practice of civil law. – M.: INFRA M, 2019. – P. 152–168.
 11. Ermolaev, A. Yu. The principle of freedom of contract and judicial practice // Law and Society. – 2021. – No. 3. – P. 59–75.
 12. Maltseva, O.S. Freedom of contract in the era of digitalization: opportunities and risks // Digital law. – 2022. – No. 5. – P. 49–61.
 13. Falkovich, A. Ya. Problems of legal protection of interests of participants in contractual relations: domestic and international practice. – M.: Jurisprudence, 2020. – 278 p.
 14. Kravtsov, A.N. Mandatory norms in civil law: their role in limiting freedom of contract // Civil protection of consumer rights. – M.: Eksmo, 2021. – P. 103–118.

Правовое регулирование ЧВОК на российском и международном уровне: проблемы и пути решения

Тауканов Тамерлан Анзорович,

независимый исследователь

E-mail: taukanov16@mail.ru

В настоящий момент частные военные и охранные компании (сокращенно ЧВОК) превратились в важный международно-правовой, политический, социальный и военный феномен-они оказывают широкий спектр услуг государствам, международным организациям, юридическим и физическим лицам, меняя облик системы мировой и региональной безопасности. ЧВОК являются новым международно-силовым актором, чья роль в международных конфликтах является довольно значительной. Однако тема ЧВОК окружена «информационным шумом», порожденным отсутствием у многих обывателей достоверной информации о сущности и целях ЧВОК, что формирует неправильную интерпретацию их деятельности и осложняет понимание ЧВОК как таковых. К сожалению, это касается и правовой сферы, ввиду недостаточной степени урегулирования деятельности ЧВОК; в связи с этим, в данной статье автором проводится анализ проблем, связанных с урегулированием ЧВОК на международном и российском уровне, а также предлагаются рекомендации по их нивелированию.

Ключевые слова: ЧВОК, правовое регулирование, правовой статус, Документ Монрё, военные и охранные услуги.

Первоочередной проблемой, с которой сталкиваются исследователи при попытке дать юридический анализ сущности ЧВОК, является отсутствие общепринятого определения частных военных и охранных компаний и классификации их услуг. Отметим, что в рамках исследования используется обобщённый термин «частные военные и охранные компании – ЧВОК» как устоявшийся в доктрине [12] и практике ООН [5]. Наука международного права содержит различные позиции по данному вопросу: свои дефиниции формируют как отечественные исследователи (А.Г. Волеводз, В.Н. Старцун, А.К. Бисултанов, Е.Е. Королькова, Э.К. Сайфуллин и другие), так и зарубежные авторы (П.У. Сингер, Д.Ширер, К. Кинси и т.д.). Например, по мнению профессора А.Г. Волеводза, следует использовать термин «частные военные и охранные предприятия (ЧВОП)», понимая под ним «негосударственное юридическое лицо, которое, осуществляя предпринимательскую деятельность, предоставляет на возмездной (как правило, договорной или контрактной) основе военные и/или охранные услуги физическим и/или юридическим лицам» [6]. Е.Е. Королькова, понимает под ЧВОК «юридические лица, оказывающие на возмездной основе военизированные и охранные услуги в условиях вооруженного конфликта» [8].

Американский исследователь Питер Уоррен Сингер обозначает ЧВОК как «приватизированные военные фирмы» (privatized military firm), так как этот бизнес связан с «аутсорсингом и приватизацией» государственных силовых услуг [13]. Питер У. Сингер внес весомый вклад в контексте исследования деятельности ЧВОК, предложив для разграничения предоставляемых ими услуг использовать аналогию «острия копья» в зависимости от близости к линии боевого соприкосновения и фактическому влиянию оказываемых услуг на ситуацию на фронте. В первом случае, сотрудники ЧВОК непосредственно находятся на линии боевого соприкосновения, что соответственно увеличивает их шансы вовлечения в боевое столкновение с противником. Второе измерение касается их влияния на стратегическую и тактическую обстановку боевых действий. Однако ключевым критерием разграничения в данной классификации является возможность оказывать влияние на ход боевых действий, а не фактическая близость к линии фронта (например, операторы БПЛА могут наносить большой урон противнику, находясь на значительном удалении от линии фронта; в то же время не представляется, что сотрудники ЧВОК, обеспечивающие питание военнослужащих регу-

лярной армии и находящиеся на линии боевого соприкосновения, оказывают существенное влияние на положение дел на фронте).

Доктор Ханна Тонкин в своем исследовании на тему ЧВОК приводит классификацию их услуг, основываясь на характере предоставляемой поддержки. В соответствии с ее позицией, услуги ЧВОК подразделяются на услуги по ведению наступательных боевых действий; военной экспертизе и экспертизе в области безопасности (обслуживание технических систем вооружений, сбор и анализ разведывательных данных, а также консультирование и обучение военных/силовиков); вооруженной безопасности (защите физических лиц и имущества); военной поддержке (предоставление материально-технического обеспечения и иных вспомогательных услуг) [14].

Определение ЧВОК содержится также в единственном действующем международно-правовом акте, посвященном регулированию ЧВОК-Документе Монтрё, принятому в 2008 г. Согласно предисловию к нему, ЧВОК «это частные предпринимательские субъекты, которые оказывают военные и/или охранные услуги, независимо от того, как они себя характеризуют. Военные и охранные услуги включают, в частности, вооружённую охрану и защиту людей и объектов, например, транспортных колонн, зданий и других мест; техобслуживание и эксплуатацию боевых комплексов; содержание под стражей заключённых; консультирование или подготовку местных военнослужащих и охранников» [14].

Как наблюдается из обобщения позиций российских и зарубежных исследователей по тематике дефиниции и услуг ЧВОК в научной среде отсутствует единство мнений в изучаемой области. В значительной степени это объясняется неоднозначной правовой природой частных военных и охранных компаний, затрудняющей как и приведение теоретического определения ЧВОК, так и их нормативно-правовое регулирование в целом. Поэтому наиболее юридически верным представляется термин, предложенный Сайфуллиным Э.К. в своем диссертационном исследовании; он склоняется к определению ЧВОК как «негосударственного субъекта, оказывающего возмездные услуги международного характера, соответствующие функциям государственных военных, правоохранительных и специальных органов» [11]. Следует упомянуть, что многие ЧВОК предпочитают не использовать в названии своих организаций слово «военная». Возмездность услуг ЧВОК подразумевает то, что субъекты-наниматели могут производить оплату их услуг любыми материальными или нематериальными источниками выгоды (денежными средствами, уступкой прав и т.д.).

Второй значимой проблемой правового регулирования ЧВОК является отсутствие достаточной нормативно-правовой базы в данной области, как в международно-правовой системе, так и в правовых системах различных государств. На сегодняшний день в мире нет действующей Конвенции

по ЧВОК или иного специализированного международного договора: в качестве инструмента регулирования выступают лишь рекомендательные акты, не имеющие юридической силы (хотя отдельные вопросы осуществления деятельности и статуса ЧВОК затрагиваются такими нормативными международными актами, как Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г., Первым и Вторым Дополнительным Протоколами 1977 к Женевской Конвенции 1949, Конвенцией о ликвидации наемничества в Африке 1977 г. и некоторыми другими актами). Самым значимым из них является упоминавшийся ранее Документ Монтрё, являющийся совместной инициативой МККК, Правительства Швейцарии и ряда ЧВОК. Несмотря на широкий круг вопросов, затрагиваемых Документом Монтре (выдача лицензий ЧВОК, характер предоставляемых услуг, статус сотрудников ЧВОК, ответственность ЧВОК и их сотрудников) ввиду отсутствия у него обязательной юридической силы он не возлагает на ЧВОК или государства-подписанты обязательства по его соблюдению (что излагается в п. 3 и п. 4 Предисловия данного документа).

Последнее свойственно и принятому в 2010 году на основе Документа Монтрё «Международному Кодексу поведения частных охранных компаний». По своей природе, Кодекс направлен на эволюцию положений, закрепленных в Документе Монтре в части отбора сотрудников ЧВОК, внедрения нормативов и профессиональных стандартов, правил применения силы и задержания, оборота оружия, заключения контрактов и т.д. Несмотря на отсутствие в названии Кодекса слова «военные» помимо перечня охранных услуг в Кодексе также указываются такие направления деятельности, как противодействие пиратству на море, проверка, задержание или обыск лиц, помещений, грузов, эксплуатация и обслуживание систем вооружения, разведка, также иная защитная деятельность (protective activity), являющиеся военными или смежными с ними [15].

Рассматривая ситуацию с регулированием ЧВОК в российском законодательстве, стоит с сожалением отметить как практически полное отсутствие регулирования соответствующей деятельности, так и ее формальный запрет. В Российской Федерации принимались последовательные попытки принятия закона о ЧВОК (в 2012, 2014 и 2018 гг.), однако законопроекты не нашли поддержки у Государственной Думы и ряда силовых ведомств. Законодатель в обоснование своей позиции ссылается на факт того, что создание ЧВОК противоречит положениям ч. 5 ст. 13 и ст. 71 Конституции РФ. Ряд исследователей также ссылается на нелегальное положение ЧВОК в российском законодательстве (Шишмонин С.В., Имангулова Г.Р., Сейитлиева Г.М., Надтока Р.В.) [7,9,10], так как их создание, финансирование и участие в нем, по мнению большинства законодателей, пересекается с наемничеством. Данный вопрос в науке российского

и международного права о соотношении статусов сотрудников ЧВОК и наемников является неоднозначным и дискуссионным: с одной стороны, статьи 208 и 359 УК РФ, а также ст. 9 ФЗ «Об обороне» подразумевают запрет создания и деятельности ЧВОК в России. С другой стороны, несмотря на кажущийся формальный запрет, в России фактически существуют или действуют несколько ЧВОК (как например, ЧВК «Редут», «Вагнер» или «РСБ Групп»), в том числе решающие важные для государства и общества задачи в ходе проведения Специальной военной операции на Украине или в защите мирного населения в Курской области от Вооруженных сил Украины бок о бок с частями ВС РФ (действующих однако в «сером поле» или формально в составе воинских подразделений).

В связи с этим позиция законодателя о невозможности формальной легализации деятельности ЧВОК в стране представляется отставшей от времени, что обуславливает скорейшую разработку и внедрение соответствующего федерального закона (что поддерживает ряд российских исследователей, таких как например Надтока Р.В., Шишмонин С.В, а также такие представители власти, как Лавров С.В., Шаманов В.А., Ковитиди О.Ф. и другие). Однако представляется, что для этого необходимо преодолеть не только внутреннее сопротивление ряда российских силовых ведомств (прежде всего, Министерства обороны) но и внести ряд изменений в ФЗ «Об обороне», Конституцию Российской Федерации, УК РФ в части указанных выше норм.

Еще одной краеугольной проблемой, вытекающей из недостаточной степени правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний, является неопределенность статуса сотрудников ЧВОК в МГП. Если в России законодатель условно закрепляет за сотрудниками ЧВОК статус наемников, то с позиции международного права ситуация не является однозначной. Важно подчеркнуть, что каждая из выделенных выше категорий услуг ЧВОК имеет свои специфические правовые последствия в контексте норм МГП. Вопросы отнесения сотрудников ЧВОК к комбатантам (лицам, принимающим непосредственное участие в боевых действиях в составе вооруженных сил одной из сторон конфликта и являющимися носителями особого правового статуса), наемникам или гражданским лицам рассматривались во многих российских и зарубежных исследованиях (Старцун В.Н., Сайфуллин Э.К., Тонкин Х.).

Некоторые исследователи настаивают на приравнивании статуса сотрудников ЧВОК к наемникам, ввиду схожих задач и методов осуществления деятельности. С одной стороны, если служащие ЧВОК принимают участие в наступательных операциях во время военных действий, то по своей сути их действия носят такой же характер, как и у регулярных вооруженных сил, то есть комбатантов. Однако сотрудники ЧВОК зачастую не зачисляются официально или негласно в ряды государственных вооруженных сил, а критерии, установленные

ЖК III для добровольческих отрядов, не применимы к сотрудникам ЧВОК, учитывая специфику их деятельности, вследствие чего правовой статус сотрудников ЧВОК в данном контексте остается неясным. Согласно положениям МГП, сотрудники ЧВОК, не зачисленные в ряды вооруженных сил, не являются комбатантами, и у них отсутствует право на получение статуса военнопленного в случае попадания в плен. Более того, их действия могут квалифицироваться как незаконное участие в боевых действиях, что влечет за собой уголовную ответственность.

С другой стороны, согласно международно-правовому определению наемничества, закрепленному в пункте 2 статьи 47 Первого дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г., наемник «это любое лицо, которое: (а) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте; (б) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях; (в) принимает участие в военных действиях, руководствуясь, главным образом, желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны; (г) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте; (д) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; (е) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил» [2]. Факт отнесения сотрудников ЧВОК, не зачисленных в ряды вооруженных сил, к наемникам на основании этого определения не представляется достаточно оправданным: во-первых, для получения статуса наемника сотрудники ЧВОК должны соответствовать всем критериям одновременно, во-вторых, вопрос непосредственного участия в военных действиях сотрудников ЧВОК остается недостаточно уясненным, так как в условиях вооруженного конфликта грань между охраной ЧВОК объекта или транспортной колонны и непосредственным участием в боевых действиях зачастую неразличима [11]. Следовательно, в данном контексте правовой статус сотрудников ЧВОК в случае их непосредственного участия в боевых действиях представляется неопределенным и подлежащим юридическому урегулированию.

В случае, если служащие ЧВОК не зачислены официально или негласно в ряды вооруженных сил воюющей стороны и не принимают непосредственного участия в боевых действиях, представляется обоснованным распространение на них определения, содержащегося в подпункте 4 пункта А ста-

ть 4 Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г., в которой перечисляются категории относящиеся к статусу «Военнопленные»: «Лица, следующие за вооруженными силами, но не входящие в их состав непосредственно..» [1]. Несмотря на некоторую ограниченность указанной нормы, данное определение наилучшим образом отображает статус сотрудников ЧВОК в сфере международного гуманитарного права и его использование является оправданным до момента разработки и внедрения специализированных норм в области регулирования статуса служащих ЧВОК.

Оправданным было бы считать сотрудников ЧВОК гражданскими лицами в ситуации, когда они не участвуют в боевых действиях напрямую, а осуществляют консультационные, логистические и иные услуги, непосредственно не означающую вооруженную борьбу с силами противника. Более сложным вопросом является определение правового статуса сотрудников ЧВОК, осуществляющих вооруженную охрану лиц и имущества. С одной стороны, ввиду возложенных на них обязанностей они имеют право на применение оружия в целях самообороны, однако данное применение может быть расценено как непосредственное участие в боевых действиях, что исключает их из категории гражданских лиц и делает легитимными объектами для нападения. Ситуация осложняется тем, что в положениях МГП отсутствует четкое разграничение между оборонительным или наступательным актом применения силы.

В теме исследования проблематики правового регулирования ЧВОК существуют также и иные факторы, заслуживающие рассмотрения. Как упоминалось ранее, на сегодняшний день отсутствует всеобъемлющая разработанная международно-правовая база по ЧВОК, однако это свойственно не только отрасли международного права – национальные законодательства многих стран (в том числе являющихся «пионерами» ЧВОК, такие как Великобритания, США или ЮАР) не могут похвастаться наличием правового массива, охватывающего все вопросы регулирования ЧВОК (если он в конкретной стране вообще подлежит регулированию). Национальным законодательствам свойственно различие в подходах к регулированию отрасли ЧВОК, недостаток понимания ЧВОК как правового явления и актора международной политики. Примером этого служит различие регуляторных подходов в законодательстве между государствами происхождения крупнейших ЧВОК – Великобританией, ЮАР, США и Швейцарией. Например, в Великобритании деятельность ЧВОК является по большей степени саморегулируемой, так как иные вышеперечисленные государства тяготеют к государственным методам регулирования соответствующей деятельности; также в США в отличие от Швейцарии и ЮАР регулирование деятельности ЧВОК осуществляется не через формирование специального законодательства, а разроз-

ненно, посредством множества нормативных актов [11].

При анализе национальных законодательств в области регулирования ЧВОК и соответствующих международных актов, учитывая отсутствие должного регулирования на обоих уровнях, наблюдается следующий правовой парадокс: национальные законодательства обычно в значительной степени ориентируются на международные акты в качестве образца регулирования (которые практически отсутствуют, за исключением Документа Монтрё и некоторых других, не имеющих юридической силы), а в свою очередь международные акты обобщают в себя опыт национального регулирования многих государств (который является недостаточным). Это порождает замкнутый круг, затрудняющий развитие правового регулирования ЧВОК. Решением этой проблемы видится создание модельного законодательства в рамках ООН, которое станет ориентиром для государств при разработке профильного законодательства в области регулирования ЧВОК и будет учитывать различный опыт и специфику регулирования в тех или иных национальных системах. Представляется, что со временем это поможет в преодолении доктринальных разногласий между исследователями по вопросам понятийного аппарата ЧВОК, их классификации, правового статуса и иных существенных положений. В этой связи, Документ Монтрё представляет собой определенный интерес в рамках будущей разработки модельного законодательства как источник заимствования доктринальных и практических положений.

Обобщая вышесказанное, необходимо заключить, что на сегодняшний день отсутствует всеобъемлющее правовое регулирование отрасли ЧВОК как на международном уровне, так и на уровне национальных законодательств. Российское и иные национальные законодательства зарубежных стран не могут похвастаться должным уровнем развития правовой базы в области регулирования ЧВОК, даже при ее некотором наличии. На международном уровне существуют лишь акты рекомендательного характера (такие, как Документ Монтрё) которые не являются юридически обязательными, и следовательно, не регулируют соответствующим образом деятельность частных военных и охранных компаний. Отдельного внимания заслуживает проблема неопределенности правового статуса сотрудников ЧВОК с точки зрения международного права; эта проблема актуальна и для России, где ЧВОК приравниваются к наемникам. По мнению автора, сотрудников ЧВОК нельзя однозначно приравнивать к наемникам, что подтверждается как из анализа норм международных актов, так и по ряду существенных признаков, изложенных в работе; при определении правового статуса сотрудников ЧВОК также надлежит учитывать фактически выполняемые ими функции. В случае участия в боевых действиях на стороне воюющей стороны с ее согласия их следует считать комбатантами, в случае неучастия их статус

представляется подпадающим под статус гражданских лиц. Для решения указанных в работе проблем представляется необходимым разработка модельного законодательства в рамках ООН, с помощью которого ЧВОК получают регулирование на международном уровне, а также в будущем будет преодолена ограниченность соответствующего регулирования на уровне национальных законодательств. ЧВОК превратился в важного актора международной политики и международного права и потребность его должного правового регулирования диктуется недопущением злоупотреблений со стороны ЧВОК, защите прав и свобод человека, охране и поддержании системы международной безопасности. В связи с этим остается надеяться на дальнейшее развитие законодательства в области регулирования ЧВОК в России, зарубежных странах и на международно-правовом уровне.

Литература

1. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (дата обращения: 28.01.2025).
2. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Женева, 8 июня 1977 г. URL: http://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения 28.01.2025)
3. Документ Монрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта. С. 10. URL: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/montreau.pdf> (дата обращения: 14.08.2024).
4. Непосредственное участие в военных действиях. Руководство по толкованию понятия в свете международного гуманитарного права. Международный Комитет Красного Креста. 2009. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/rukovodstvo-neposredstvennoe-uchastie-v-voennyh-deystviyah> (дата обращения: 19.08.2024)
5. Мандат межправительственной рабочей группы открытого состава по разработке содержания международной нормативной базы регулирования, мониторинга и контроля деятельности частных военных и охранных компаний. Резолюция Совета по правам человека 28 сентября 2017 года. A/HRC/RES/36/11; Ежегодные тематические доклады Рабочей группы ООН по вопросу об использовании наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. URL: <https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/wg-mercenarys/annual-thematic-reports> (дата обращения 14.08.2024).
6. Волеводз А.Г. О перспективах международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий / А.Г. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция, 2010. – № 2. – С. 6–12.
7. Имангулова Г. Р., Сейитлиева Г.М. Анализ российского законодательства по легализации частных военных охранных компаний // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 4–3. С. 51–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-rossiyskogo-zakonodatelstva-po-legalizatsii-chastnyh-voennyh-ohrannyh-kompaniy> (дата обращения: 28.01.2025)
8. Королькова, Е.Е. Международно-правовое регулирование деятельности частных военных и охранных компаний: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Королькова Елена Евгеньевна; [Место защиты: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации]. – М., 2020. – 217 с.
9. Надтока Руслан Вугарович. Частные военные компании как активный проводник национальных интересов государства: угроза или новые возможности для России? // Скиф. 2018. № 1 (17). С. 1–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastnye-voennye-kompanii-kak-aktivnyy-provodnik-natsionalnyh-interesov-gosudarstva-ugroza-ili-novye-vozmozhnosti-dlya-rossii> (дата обращения: 28.01.2025).
10. Шишмонин Сергей Владимирович. Частные военные компании: проблемы и перспективы правового регулирования в Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. 2019. № 10. С. 235–242. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastnye-voennye-kompanii-problemy-i-perspektivy-pravovogo-regulirovaniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 28.01.2025).
11. Сайфуллин Э.К. Формирование модели международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.5/ Сайфуллин Эмиль Камильевич; [Место защиты: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации], – М., 2024. – 192 с.
12. Cameron, L. & Chetail, V. Privatizing War: Private Military and Security Companies under Public International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. doi:10.1017/CBO9781139505864.
13. Singer, P.W. «Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry and Its Ramifications for International Security». International Security 26, no. 3 (2001): 186–220. <http://www.jstor.org/stable/3092094>.
14. Tonkin, H. State Control over Private Military and Security Companies in Armed Conflict. Cambridge,

2011. Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511993367.

15. The International Code of Conduct for Private Security Service Providers. URL: <https://icoca.ch/the-code/> (дата обращения 28.01.2025)

LEGAL REGULATION OF PMSCS AT THE RUSSIAN AND INTERNATIONAL LEVEL

Taukanov T.A.

Private Military and Security Companies (PMSCs) have become an important international legal, political, social and military phenomenon – they provide a wide range of services to states, international organisations, legal entities and individuals, changing the face of global and regional security. PMSCs are a new international force actor whose role in international conflicts is quite significant. However, the topic of PMSCs is surrounded by ‘information noise’ generated by the lack of reliable information about the nature and purpose of PMSCs among many ordinary people, which creates misinterpretations of their activities and complicates the understanding of PMSCs as such. Unfortunately, this also applies to the legal sphere, due to the insufficient regulation of PMSCs; therefore, in this article the author analyses the problems associated with the regulation of PMSCs at the international and Russian levels, and offers recommendations to mitigate them.

Keywords: PMSCs, legal regulation, legal status, Montreux Document, military and security services.

References

1. Geneva Convention of 12 August 1949 on the Treatment of Prisoners of War. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (date of reference: 28.01.2025).
2. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I). Geneva, 8 June 1977. URL: http://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (accessed 28.01.2025).
3. Montreux Document on Relevant International Legal Obligations and Best Practices of States Regarding the Operation of Private Military and Security Companies in Times of Armed Conflict. C.10. URL: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/montreux.pdf> (accessed 14.08.2024).
4. Direct participation in hostilities. Guidance on the interpretation of the concept in the light of international humanitarian law. International Committee of the Red Cross. 2009. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/rukovodstvo-neposredstvennoe-uchastie-v-voennyh-deystviyah> (date of access: 19.08.2024)
5. Mandate for an open-ended intergovernmental working group to develop the content of an international regulatory framework for the regulation, monitoring and control of private military and security companies. Resolution of the Human Rights Council on 28 September 2017. A/HRC/RES/36/11; Annual thematic reports of the UN Working Group on the use of mercenaries as a means of violating human rights and impeding the exercise of the right of peoples to self-determination. URL: <https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/wg-mercenaries/annual-thematic-reports> (accessed 14.08.2024).
6. Volevodz, A.G. On the prospects of international legal regulation of the activities of private military and security enterprises / A.G. Volevodz // *International Criminal Law and International Justice*, 2010. – № 2. – С. 6–12.
7. Imangulova G. R., Seyitlieva G.M. Analysis of the Russian legislation on legalisation of private military security companies // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022. № 4–3. С. 51–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-rossiyskogo-zakonodatelstva-po-legalizatsii-chastnyh-voennyh-ohrannyh-kompaniy> (date of reference: 28.01.2025)
8. Korolkova, E.E. International legal regulation of the activity of private military and security companies: Cand. Cand. jurid. sciences: 12.00.10 / Korolkova Elena Evgenievna; [Place of defence: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. – М., 2020. – 217 с.
9. Ruslan Vugarovich Nadtoka. Private Military Companies as an Active Conductor of National Interests of the State: a Threat or New Opportunities for Russia? // *Skif*. 2018. № 1 (17). С. 1–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastnye-voennye-kompanii-kak-aktivnyy-provodnik-natsionalnyh-interesov-gosudarstva-ugroza-ili-novye-vozmozhnosti-dlya-rossii> (date of reference: 28.01.2025).
10. Sergey Vladimirovich Shishmonin. Private military companies: problems and prospects of legal regulation in the Russian Federation // *Actual problems of the state and law*. 2019. № 10. С. 235–242. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastnye-voennye-kompanii-problemy-i-perspektivy-pravovogo-regulirovaniya-v-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 28.01.2025).
11. Saifullin E.K. Formation of the model of international legal regulation of private military and security companies: dissertation. ... kand. juris. sciences: 5.1.5/ Saifullin Emil Kamilievich; [Place of defence: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation], – М., 2024. – 192 pp.
12. Cameron, L. & Chetail, V. *Privatizing War: Private Military and Security Companies under Public International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. doi:10.1017/CBO9781139505864.
13. Singer, P.W. «Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry and Its Ramifications for International Security». *International Security* 26, no. 3 (2001): 186–220. <http://www.jstor.org/stable/3092094>.
14. Tonkin, H. *State Control over Private Military and Security Companies in Armed Conflict*. Cambridge, 2011. Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511993367.
15. The International Code of Conduct for Private Security Service Providers. URL: <https://icoca.ch/the-code/> (дата обращения 28.01.2025)

Участие Китая в механизме урегулирования споров ВТО: аспекты развития национальной правовой доктрины

Чжао Мэнчжу,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: maria.zmz.22@gmail.com

Данная статья исследует участие Китая в механизме урегулирования споров Всемирной торговой организации (ВТО) с позиции международного права, анализируя его нормативную практику и вклад в развитие юридической доктрины. Как крупнейшая развивающаяся страна, Китай демонстрирует уникальные особенности в рамках международно-правового поля: Во-первых, строго соблюдая Договорённость о правилах и процедурах разрешения споров (DSU), Китай выработал системную правовую стратегию защиты в 23 делах, где выступал ответчиком. Во-вторых, в ключевых спорах, таких как Китай – Меры, относящиеся к экспорту редкоземельных металлов (DS431), правовая интерпретация Китаем исключительных положений ВТО способствовала эволюции правил специального и дифференцированного режима для развивающихся стран. В-третьих, в ответ на кризис Апелляционного органа Китай сыграл ведущую роль в присоединении к Временному соглашению о многостороннем арбитраже по апелляциям (MPIA), предложив временное правовое решение для сохранения двухуровневой системы рассмотрения споров. Исследование показывает, что подход Китая к урегулированию споров в ВТО соответствует фундаментальному принципу *pacta sunt servanda*, одновременно способствуя развитию многосторонних торговых правил в направлении большей инклюзивности. Теоретическая новизна работы заключается в построении двунаправленной правовой модели «суверенное государство – международная организация», предлагающей нормативные ориентиры для развивающихся стран в разрешении международных экономических споров.

Ключевые слова: урегулирование споров в ВТО, международное право, практика Китая, DSU, MPIA.

Introduction

The article is devoted to the current Chinese approach to dispute settlement within the framework of the World Trade Organization (WTO). There are three sections to the article: Part I provides a brief overview of China's WTO entry and describes the structure and content of the WTO dispute settlement process. After the work of the Appellate Body was suspended, a temporary alternative procedure under the Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA) was proposed, which is addressed in Part II. China's support and thoughts on the evolution of the WTO Dispute Settlement Body are summed up in Part III.

China joined the World Trade Organization in 2001, and that was over 23 years ago. The WTO's relatively calm development environment has allowed China's import and export industry to expand significantly, which has accelerated the nation's economic growth. In 2022, China's overall merchandise import and export value was 42,067.8 billion yuan, up 7.7% from the previous year, according to data issued by the National Bureau of Statistics. Out of this, imports increased by 4.3% to 18,102.4 billion yuan, while exports increased by 10.5% to 23,965.4 billion yuan. There was a 5.863-billion-yuan trade surplus. China's overall import and export value hit a record high in 2022, surpassing 40 trillion yuan for the first time[1].

China has been supportive of the WTO's multilateral agreements over the last 20 years. The Protocol Amending Article 31 of the TRIPS Agreement and the Agreement on Trade Facilitation have both been ratified by China. As a developing country, China made a clear commitment: with regard to Part I of the Trade Facilitation Agreement, with the exception of a few provisions such as the "Single Window", most of its commitments under these provisions would enter into force on February 22, 2017. It had to be implemented immediately from the date of Trade Facilitation Agreement (TFA) After a 5-year transition period, all the provisions of the exception have been implemented. During the transition period, all the provisions of the exception have been implemented [2].

China can get assistance from the WTO Dispute Settlement Body (DSB) in fairly resolving conflicts and disputes that come up during the transaction process. China can effectively support and uphold a generally good and equitable international trading environment in compliance with the law after it joins the WTO.

The use of the WTO dispute resolution process at the example of China

Mechanism for WTO Dispute Settlement

Addressing trade disputes is a fundamental function of the WTO. A dispute occurs when one member government suspects another member government of breaching a WTO agreement or commitment. The WTO operates one of the most dynamic international dispute resolution systems globally. Since its inception in 1995, a total of 631 disputes have been submitted to the WTO, resulting in more than 350 rulings being delivered [3].

The World Trade Organization (WTO) dispute settlement process handles disputes related to:

1. Trade Agreements: Violations of WTO agreements, including the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT), the General Agreement on Trade in Services (GATS), and the Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS);

2. Trade Barriers: Cases involving tariffs, quotas, and other import/export restrictions;

3. Subsidies and Countervailing Measures: Disputes regarding the legality of subsidies provided by governments that distort competition;

4. Anti-Dumping Measures: Issues related to the unfair practice of selling products below fair market value;

5. Technical Barriers to Trade: Complaints about regulations that may unnecessarily restrict trade;

6. Sanitary and Phytosanitary Measures: Disputes over food safety and animal/plant health regulations that affect international trade;

7. Intellectual Property Rights: Cases involving the protection of intellectual property in trade contexts.

What information, then, does the WTO dispute settlement body employ to guarantee that disagreements are settled in a fair and equitable manner? The WTO's Dispute Settlement Understanding (DSU) provides a structured process for resolving trade-related disputes between member countries. Disputes brought to the WTO typically involve allegations that a member has violated WTO agreements or commitments, such as: Trade barriers (e.g., tariffs, quotas, or discriminatory practices), Subsidies that distort trade, Intellectual Property Rights (IPR) violations under the TRIPS Agreement, or Non-compliance with other WTO rules, such as those under the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) or the Agreement on Technical Barriers to Trade (TBT).

1. Consultation: In a trade dispute, parties may try to settle disagreements by reaching a common understanding and agreement. This approach entails international discussion and compromise;

2. Panel: The WTO may form an expert panel if parties are unable to settle the conflict. After reviewing the parties' arguments and facts, this panel renders a decision regarding the fairness or unfairness of the trade regulation measures;

3. Appeal Body: The WTO Appeal Body may hear an appeal from a party that disapproves of the panel's ruling. After reviewing the ruling, the Appeal Body renders a final judgement on the matter. According to the WTO dispute settlement process, if the parties cannot

agree on compensation, the dispute resolution body may take retaliatory action.

On the one hand, the makeup of the conflict resolution body [consultations, panel, appellate body] determines the progressive settlement approach: according to И.В. Рачков, А.С. Смбатян, members are compelled to follow the rules and find solutions because of the WTO dispute settlement body's binding authority, which permits violating nations to employ retaliatory actions and other remedies. The binding authority of the WTO dispute settlement system ensures that members are compelled to follow the rules and resolve disputes in a fair and equitable manner. This enforcement mechanism, including the possibility of retaliatory actions, is a cornerstone of the WTO's effectiveness in maintaining a rules-based international trading system. The WTO dispute settlement process is a progressive, multi-stage mechanism designed to resolve trade conflicts in a structured and rules-based manner. As outlined by leading scholars such as И.В. Рачков and А.С. Смбатян, as well as in the comprehensive work by Van den Bossche and Zdouc, the process consists of several key stages: The first stage involves consultations between the disputing parties to resolve the issue amicably. This is a mandatory step before moving to formal proceedings. If consultations fail, a panel is established to examine the case. The panel reviews the evidence, legal arguments, and WTO agreements relevant to the dispute and issues a ruling. Either party can appeal the panel's decision to the Appellate Body, which reviews the legal interpretation of the panel's findings. The Appellate Body's decision is final and binding. Once a ruling is adopted by the Dispute Settlement Body (DSB), the losing party must comply with the decision. If the party fails to implement the ruling, the winning party may seek authorization for retaliatory measures, such as imposing tariffs or other trade sanctions.

Still, by settling disputes according to rules rather than letting power dictate the decision, DSB lessens the disparity between powerful and weak nations and helps avoid the negative consequences of unresolved international trade disputes[4].

There are positive and negative aspects to the system. For instance, even with its flaws, the entire dispute resolution process still takes a long time, and if the disputed measure is indeed incompatible with WTO rules, the applicant would suffer irreversible financial harm at that period. During the dispute resolution process, the victorious plaintiff's economic and commercial interests are not protected by any interim remedies (temporary relief). Furthermore, even after winning the settlement, the victorious plaintiff will not be compensated for any losses incurred while the defendant was required to abide by the ruling. Additionally, the other party does not reimburse the "winning party" for its legal expenses[5, c. 194–239]. Not every member has the same practical option for suspending responsibilities in the case of non-performance. Lastly, suspension of concessions has occasionally failed to guarantee their execution. But rather than being the norm, these instances are the exception.

China: Current Situation

China was the complainant in 21 instances and the respondent in 44 cases of the 65 disputes that made it to the Appellate Body (AB) stage of the WTO dispute settlement process between 2002 and 2019. China became the third most engaged nation in the dispute resolution process during this time.

Regarding the final countervailing tariffs levied by the EU on new electric cars manufactured in China and the inquiry that resulted in their implementation, China requested consultations with the EU on November 4, 2024.

The World Trade Organization (WTO) dispute resolution procedure begins with consultations, which are the initial step in resolving trade disputes. In this case, following the imposition of interim measures by the European Commission on August 9, 2024, China submitted its first claim, which is now the second claim under examination. According to China's request for consultations, the European Union allegedly violated nine substantive and thirteen procedural rules when enforcing the tariffs. Additionally, China is pressuring several EU member states that either voted against the tariffs or refrained from voting in favor of their elimination during a meeting on October 4, 2024. Among these member states is the Czech Republic, which abstained from supporting the tariffs. It remains uncertain whether these disagreements will proceed to the panel stage, where a legally enforceable panel report could be issued. However, even if a panel report is produced, the current impasse in the WTO Appellate Body complicates the process. Since the Appellate Body is non-functional, either party could theoretically appeal the panel report "into the void", meaning the appeal would not be reviewed or resolved due to the lack of a functioning appellate mechanism. China is expected to continue to use the WTO's dispute settlement body to resolve disputes, such as those over unreasonable countervailing duties[6]. China is expected to continue using the WTO Dispute Settlement Body (DSB) to resolve trade disputes, particularly those involving unreasonable countervailing duties. For instance, in cases like United States – Countervailing Duty Measures on Certain Products from China (DS437), China successfully challenged duties that were inconsistent with WTO rules. By leveraging the DSB, China aims to address irrational or excessive trade remedies and uphold a fair, rules-based trading system (Van den Bossche & Zdouc, *The Law and Policy of the World Trade Organization*; *WTO Dispute Settlement Cases*).

Suspension of the Work of the Appellate Body and Alternative Measures under the MPIA

In 2019, the Appellate Body suspended the functioning of the WTO's dispute settlement body, which presented a hurdle. Some cases have halted as a result.

The work of the Appellate Body has been suspended

Since 2019, the work of the Appellate Body has been under suspension. The reason for this is that the United States vetoes the appointment of new Appellate

Body members, which precludes the operation of this body. Numerous facets of the AB's activity, including as lengthy appeals processing periods and expansive interpretations of WTO agreements, have drawn criticism from the US. Financial limitations are partly a result of the United States blocking funding for the AB. The United States argued that the Appellate Body lacked impartiality and independence in 2016, and hence rejected the reelection of its members. The members of the Appellate Body cannot be reelected under the Dispute Settlement Body's (DSB) decision-making process if even one WTO Member disagrees. The United States opposed the Appellate Body members' election in 2017 and their reelection in 2018 for the same reason: the United States believed the Appellate Body members had overreached their legislative authority. The selection process was stopped, and the Appellate Body had just three members as of July 2019. There was just one member left at the Appellate Body's most recent meeting. Since each case must be reviewed by a panel of three individuals under the Understanding on Rules and Procedures Governing the Settlement of Disputes [English] Understanding on Rules and Procedures Governing the Settlement of Dispute, hereinafter referred to as DSU (hereinafter referred to as the Agreement, DSU), the Appellate Body's operations have been halted due to a lack of members [7, c. 115–116] (fig. 1–3).

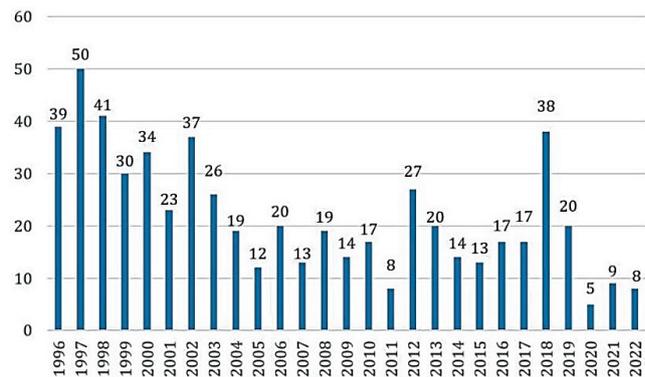

Fig. 1. Requests for consultations (1995–2022)

The following charts relate to WTO contentious cases[7]

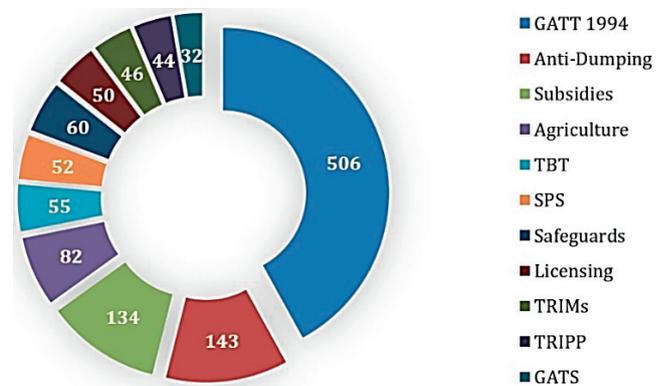

Fig. 2. Agreements raised in WTO disputes (1995–2022) [7]

Fig. 1: shows the number of consultation cases.

Fig. 2: Share of provisions used in WTO dispute settlement proceedings.

Fig. 3: Number of disputes initiated, initial panels established, and notices of appeal in initial proceedings.

1 January 1995 – 31 December 2022

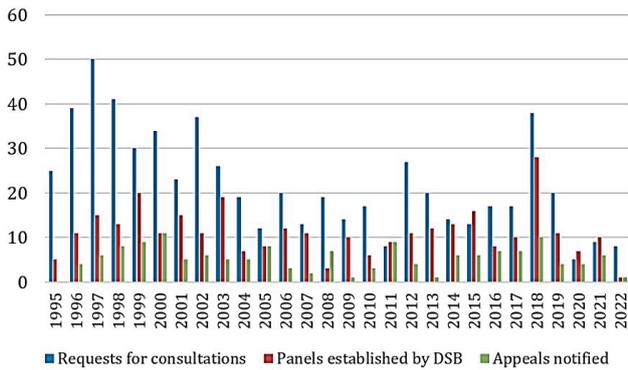

Fig. 3. Number of disputes initiated, original panels established and notifications of appeal in original proceedings (1 January 1995–31 December 2022) [7]

This indicates that a sizable percentage of the appeal cases that require hearings are handled by the appellate authority. It is evident that since 2019, the number of instances has significantly decreased.

Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement -MPIA

The initial goal of the WTO dispute resolution mechanism is weakened since appeal cases challenging the panel's report cannot be promptly handled in line with the DSU's rules due to the Appellate Body's suspension.

In March 2020, 16 WTO countries created a distinct appeals system for trade desperation that its members would always have access to an independent appeals process for dispute resolution. In accordance with Article 25 DSU, they decided to set up a multi-party ad hoc arbitration (MPIA – Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement)[8]. Utes in order to maintain the efficacy of the rules-based trading system and guarantee.

(1) Arbitration

Before the Appellate Body suspends its usage, arbitration is frequently employed during the implementation phase (fig. 4, 5, 6).

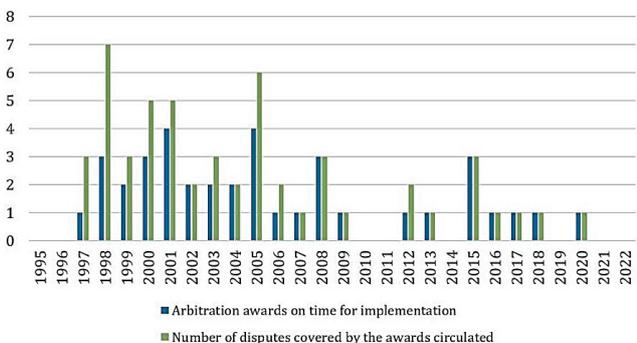

Fig. 4. Number of arbitrations on the period for implementation (Article 21.3(c) of the DSU) (1 January 1995–31 December 2022) [8]

The three tables above demonstrate how widely used the arbitration process is in conflict resolution or-

ganizations. Some members have turned to an alternate appeal method based on arbitration under Article 25 of the DSU since there is no functioning Appellate. As of December 31, 2022, arbitrators had made decisions in two of these cases, and the parties to 10 disputes had agreed on procedures for such a review of panel reports.

1 January 1995 – 31 December 2022

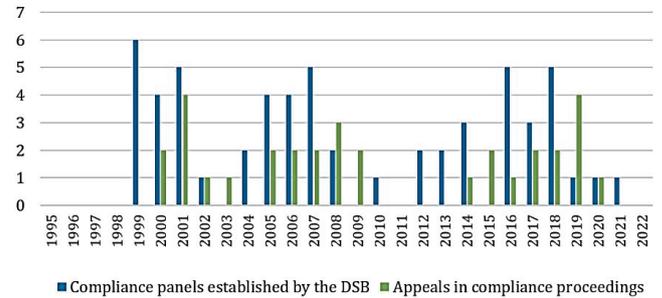

Fig. 5. Number of compliance proceedings (panel and Appellate Body proceedings) (Article 21.5 of the DSU) (1 January 1995–31 December 2022) [8]

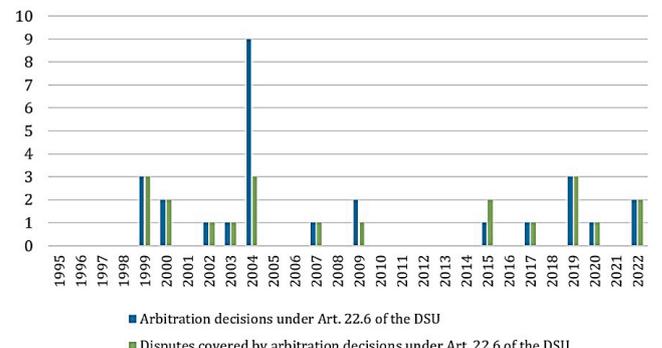

Fig. 6. Number of arbitration decisions on the level of suspension of obligations (Article 22.6 of the DSU) (1 January 1995–31 December 2022) [8]

(2) Current status of MPIA: cases

Only 67 of the 164 WTO Members signed the MPIA (as of 2025), indicating that participation in the new agreement was initially lacklustre, despite the fact that certain significant economies (including the EU and China) were among the WTO members that acceded to the MPIA. Japan, one of the most frequent users of the DSB, is among the eight additional Members that have since signed the Agreement: Benin, Ecuador, Japan, Macao, China, Montenegro, Nicaragua, and Peru. However, since the US and other WTO members have not ratified the Agreement, progress has not yet been achieved[9]. Due to the MPIA, Article 25 and arbitration in WTO dispute settlement have become more widely used.

Currently, five cases involving China have been resolved under the MPIA; however, no appeals, withdrawals, delays, or settlements have been officially communicated in accordance with the MPIA (DS601: China – Anti-Dumping Measures on Stainless Steel Products from Japan[10]; DS589: China – Measures Affecting Canola Seed Imports from Canada[11]; DS598: China – Anti-Dumping and Countervailing Duties on Australian Barley[12]; DS602: China – Anti-Dumping and

Countervailing Duties on Wine from Australia[13]; DS603: Australia – Anti-dumping and countervailing duties on certain goods from China[14]). The claimant and respondent parties used Notice No. JOB/DSB/1/Add.12 (the “Multi-Party Pre-Appeal Arbitration Agreement (MPIA) under Article 25 of the DSU”) as a basis for the arbitrators to decide any appeals from any final panel report issued in the dispute in the event that the Appellate Body (under Articles 16.4 and 17 of the DSU) is unable to hear such appeals.

Currently, three disputes remain pending. (DS607: European Union – Measures concerning imports of certain poultry products from Brazil[15]; DS610 China – Proposed Chinese restrictions on import and export of goods and supply of services to and from Lithuania[16]; DS611 China – Enforcement of Intellectual Property Rights[17]) have been notified in accordance with MPIA Article 25. Therefore, in the event that these parties want to challenge the panel’s report, arbitration will be used.

The MPIA process has resulted in two decisions thus far (however, China was not a disputing party in either of these disputes). Belgian, German, and Dutch frozen French fries are subject to anti-dumping duties in Colombia (DS591). DS583 Turkey: Specific regulations pertaining to pharmaceutical product manufacturing, importation, and marketing.

(1.1) DS591: In Colombia – Anti-dumping duties on frozen French fries from Belgium, Germany and the Netherlands[18], the WTO panel ruled that Colombia did not comply with WTO rules when it imposed anti-dumping duties on frozen French fries imported from these EU countries. The panel found that Colombia failed to provide sufficient evidence of dumping or injury to its domestic industry, and therefore, the duties were unjustified. Colombia – Anti-Dumping Duties on Frozen Fries Arbitration Award: According to the Panel’s ruling in Colombia – Anti-Dumping taxes on Frozen French Fries from Belgium, Germany, and the Netherlands, Colombia did not apply taxes on EU-sourced frozen French fries. Following an appeal, the MPIA arbitrator upheld three of the Panel’s conclusions while overturning one. Although the EU was unable to demonstrate that Colombia’s actions violated Article 5.3 of the Anti-Dumping Agreement, the arbitrator did find that Colombia’s actions violated Article 6.5 of the Agreement, that the EU’s claims under Article 2.4 were expert claims, and that Colombia’s actions violated Articles 3.1, 3.2, 3.4, and 3.5 of the Agreement. Colombia informed the DSB that, although it disagreed with some of the findings, it intended to comply with the Arbitrator’s decision and agreed to implement his recommendations by November 5, 2023.

(1.2) DS583 Turkey – Certain measures concerning the production, import and marketing of pharmaceutical products[19]: On 22 March 2022, Turkey and the European Union notified the Dispute Settlement Body (DSB) of the Agreed Procedures for Arbitration pursuant to Article 25 of the DSB (Agreed Procedures). Under the Agreed Procedures, “noting that the Appeals Body is currently unable to hear an appeal in this dispute”, the parties agreed “to enter into arbitration pur-

suant to Article 25 of the DSU for the determination of any appeal on the basis of any final panel report issued to the parties to the DS583 dispute”. The parties further agreed “to abide by the arbitration award, which shall be final”, with the understanding that the “unappealed” findings of the panel shall form an integral part of such award.

Agree with the views presented in Xiaoling Li’s article that the MPIA has successfully upheld the binding nature of the WTO dispute settlement mechanism and enhances the resolution of disputes between MPIA member countries. However, there are inherent flaws in the MPIA as established by Article 25 of the DSU. For instance, the temporary arbitration procedure, based on the voluntary agreement of the parties involved, is inherently closer to the panel process and struggles to reflect the independence and permanence of an “appeal process”. This appeal process is essential for achieving legal certainty and uniformity in the outcomes of arbitration rulings.

As correctly put by Xiaoling Li, the MPIA is indeed a significant interim solution to address the dysfunction of the WTO Appellate Body. However, the statement rightly points out that the MPIA lacks certain critical features, such as a structured appeal mechanism, which are essential for ensuring impartiality, consistency, and predictability in rulings. These elements are crucial for maintaining trust in the WTO dispute settlement system, especially among smaller and developing countries that rely on a rules-based framework to protect their trade interests. The suggestion to incorporate a more robust appeal mechanism is well-founded. A structured process would not only address concerns about the ad hoc nature of arbitration under the MPIA but also align it more closely with the principles of the original Appellate Body. This would enhance the credibility of the MPIA and ensure that it serves as a reliable alternative until a permanent solution is found for the Appellate Body crisis.

Support from China and reflections on the development of the WTO dispute resolution body

The practice shows that China backs the MPIA’s efforts. The novel approach taken by the MPIA may allay American worries over the treatment of factual circumstances in appeals under Article 11 of the DSU from the standpoint of substantive law. Although the MPIA notes that such a proposal “is not legally binding and is for the parties concerned to decide” whether to accept the proposed substantive measures, it does state that “an arbitrator may propose to strike out a claim on the grounds of lack of objective assessment of the facts under Article 11 of the DSU”. If an MPIA arbitrator follows this clause, they may attempt to restrict the use of Article 11 of the DSU as a dispute settlement mechanism[20].

In the same way that the Appellate Body was unclear in 1995, the MPIA is currently unclear. Other questions come up in addition to the ones mentioned above: How will the MPIA interpret fundamental WTO tenets like public policy exclusions and nondiscrimination duties? What is the frequency of usage of the

MPIA appeals procedure? What sort of legal culture—including the perspectives of arbitrators and the parties themselves—will develop around the MPIA? How far will the MPIA adhere to domestic rules and regulations that are politically sensitive?

In conclusion, the MPIA has the dual benefits of resolving the dispute resolution conundrum brought on by the suspension of the work of the original Appellate Body and, on the one hand, preserving the WTO system of rules to the maximum degree possible. The MPIA's shortcomings include the system's inadequacies in choosing arbitrators and the narrow criteria that arbitration is predicated on.

Литература

1. «Внешняя торговля Китая „оседлает волну“ в 2022 году, превысив 40 триллионов юаней впервые за шесть лет подряд», в CCTV, Время доступа: 26 января 2024 г. https://finance.cnr.cn/jjgd/20230121/t20230121_526132998.shtml (дата обращения: 12.11.2024)
2. See China's Notification of Categories: A Commitments under the TFA, WT/PCIT/N/CHN/1, 14 July 2014.
3. Dispute settlement https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_e.htm (дата обращения: 12.11.2024)
4. ВТО: Введение в систему разрешения споров ВТО. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/disp_settlement_cbt_e/c1s1p1_e.htm (дата обращения: 13.11.2024)
5. Руководство по системе разрешения споров ВТО Второе издание, 12 Приложение II: Правила разрешения споров // Отдел по правовым вопросам и Отдел правил Секретариата ВТО, а также Секретариат Апелляционного органа – 2017. – С. 194–239.
6. China Business News, Окончательное решение ЕС по китайскому расследованию о компенсационных выплатах за электромобили раскрыто, MOFCOM отвечает, 2024.08.22 // Министерство коммерции КНР, China Trade Remedy Information Network <https://cacs.mofcom.gov.cn/cacs/cms/article/cgal?articleId=181538&type> (дата обращения: 13.11.2024)
7. Трунк-Фёдорова Марина. Апелляционный орган всемирной торговой организации: перспективы развития // Международное правосудие. – 2018. – № 1 (25). Available online: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/apellyatsionnyy-organ-vsemirnoy-torgovooy-organizatsii-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 19.02.2024). – С. 115–116. (дата обращения: 07.12.2024)
8. Многостороннее промежуточное апелляционное арбитражное соглашение (MPIA) https://wtoplurilaterals.info/plural_initiative/the-mpia/ (дата обращения: 03.12.2024)
9. MPIA https://wtoplurilaterals.info/plural_initiative/the-mpia/ (дата обращения: 13.11.2024)
10. DS601: Китай – Антидемпинговые меры в отношении продукции из нержавеющей стали из Японии https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds601_e.htm (дата обращения: 13.12.2024)
11. DS589: Китай – Меры в отношении импорта семян канолы из Канады https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds589_e.htm (дата обращения: 13.12.2024)
12. DS598: Китай – Антидемпинговые и компенсационные меры в отношении ячменя из Австралии https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds598_e.htm (дата обращения: 13.12.2024)
13. DS602: Китай – Антидемпинговые и компенсационные меры в отношении вина из Австралии https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds602_e.htm (дата обращения: 13.12.2024)
14. DS603: Австралия – Антидемпинговые и компенсационные меры в отношении некоторых товаров из Китая https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds603_e.htm (дата обращения: 14.12.2024)
15. DS607: Европейский Союз – Меры в отношении импорта некоторых препаратов из мяса птицы из Бразилии. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds607_e.htm (дата обращения: 14.12.2024)
16. DS610: Китай – Меры в отношении торговли товарами https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds610_e.htm (дата обращения: 14.12.2024)
17. DS611: Китай – Обеспечение соблюдения прав интеллектуальной собственности https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds611_e.htm (дата обращения: 14.12.2024)
18. DS591: Колумбия – Антидемпинговые пошлины на замороженный картофель фри из Бельгии, Германии и Нидерландов, 21 декабря 2022 г, https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=286554,286555&CurrentCatalogueIdIndex=0&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (дата обращения: 15.12.2024)
19. WTO-Турция – некоторые меры, касающиеся производства, импорта и маркетинга фармацевтической продукции. Арбитраж в соответствии со статьей 25 Решения арбитров ДСУ, WT/DS583/10, Document date 25.03.2022, Available online: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=286554,286555&CurrentCatalogueIdIndex=0&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (дата обращения: 15.12.2024)
20. Может ли временный апелляционный арбитраж защитить механизм разрешения споров ВТО <http://chinawto.mofcom.gov.cn/article/zdjj/202011/20201103013622.shtml> (дата обращения: 18.12.2024)

CHINA'S PARTICIPATION IN THE WTO DISPUTE SETTLEMENT MECHANISM: ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF NATIONAL LEGAL DOCTRINE

Zhao Mengzhu

Saint-Petersburg State University

This paper examines China's engagement with the World Trade Organization (WTO) dispute settlement mechanism from the perspective of international legal science, analyzing its normative practices and contributions to jurisprudence. As the largest developing country, China's participation in WTO dispute resolution demonstrates distinctive features under international law: First, through strict compliance with the Understanding on Rules and Procedures Governing the Settlement of Disputes (DSU), China has developed a systematic legal defense strategy across 23 respondent cases. Second, in landmark disputes such as China–Measures Related to the Exportation of Rare Earths (DS431), China's legal interpretation of WTO exception clauses has contributed to the evolution of special and differential treatment rules for developing countries. Third, in response to the Appellate Body crisis, China played a leading role in joining the Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA), providing an interim legal solution to preserve the two-tier adjudicative system. The study reveals that China's approach to WTO dispute settlement adheres to the fundamental principle of *pacta sunt servanda* while progressively shaping multilateral trade rules toward greater inclusivity. The paper's theoretical innovation lies in constructing a bidirectional "sovereign state-international organization" legal framework, offering normative insights for developing countries in international economic dispute resolution.

Keywords: WTO dispute settlement, international legal science, China's practice, DSU, MPIA.

References

1. "China's Foreign Trade to 'Ride the Wave' in 2022, Surpassing 40 Trillion Yuan for the First Time, Maintaining the Status of the World's No. 1 Trader of Goods for Six Consecutive Years", on CCTV, Access time: January 26, 2024. https://finance.cnr.cn/jjgd/20230121/t20230121_526132998.shtml (accessed: 12.11.2024)
2. See China's Notification of Categories: A Commitments under the TFA, WT/PCIT/N/CHN/1, 14 July 2014.
3. Dispute settlement https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_e.htm (accessed: 12.11.2024)
4. WTO: Introduction to the WTO dispute settlement system. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/disp_settlement_cbt_e/c1s1p1_e.htm (accessed: 13.11.2024)
5. A Handbook on the WTO Dispute Settlement System Second Edition, 12 Annex II: Dispute Settlement Rules // The Legal Affairs Division and the Rules Division of the WTO Secretariat, and the Appellate Body Secretariat – 2017. – C. 194–239.
6. China Business News, EU's Final Ruling on China's Electric Vehicle Countervailing Investigation Disclosed, MOFCOM Responds, 2024.08.22 // Ministry of Commerce of the People's Republic of China, China Trade Remedy Information Network. <https://cacs.mofcom.gov.cn/cacscms/article/cgal?articleId=181538&type> (accessed: 13.11.2024)
7. Trunk-Fyodorova Marina. Appellation organ of World Trade Organization: perspectives of development // International Justice. – 2018. – № 1 (25). Available online: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/apellyatsionnyy-organ-vsemirnoy-torgovoy-organizatsii-perspektivy-razvitiya> (date of reference: 19.02.2024). – C. 115–116. (accessed: 07.12.2024)
8. Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA) https://wto plurilaterals.info/plural_initiative/the-mpia/ (accessed: 03.12.2024)
9. MPIA https://wto plurilaterals.info/plural_initiative/the-mpia/ (accessed: 13.11.2024)
10. DS601: China – Anti Dumping Measures on Stainless Steel Products from Japan https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds601_e.htm (accessed: 13.12.2024)
11. DS589: China – Measures Concerning the Importation of Canola Seed from Canada [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(%20wt/ds589/*\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=(%20wt/ds589/*)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#) (accessed: 13.12.2024)
12. DS598: China – Anti Dumping and Countervailing Duty Measures on Barley from Australia https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds598_e.htm (accessed: 13.12.2024)
13. DS602: China – Anti-Dumping and Countervailing Duty Measures on Wine from Australia https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds602_e.htm (accessed: 13.12.2024)
14. DS603: Australia – Anti-Dumping and Countervailing Duty Measures on Certain Products from China https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds603_e.htm (accessed: 14.12.2024)
15. DS607: European Union – Measures Concerning the Importation of Certain Poultry Meat Preparations from Brazil. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds607_e.htm (accessed: 14.12.2024)
16. DS610: China – Measures Concerning Trade in Goods https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds610_e.htm (accessed: 14.12.2024)
17. DS611: China – Enforcement of intellectual property rights https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds611_e.htm (accessed: 14.12.2024)
18. DS591: Colombia – Anti-Dumping Duties on Frozen Fries from Belgium, Germany and the Netherlands, 21 December 2022, https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds591_e.htm (accessed: 15.12.2024)
19. WTO-Turkey – Certain measures concerning the production, importation and marketing of pharmaceutical products. Arbitration under Article 25 of the DSU. Award of the arbitrators., WT/DS583/10, Document date 25.03.2022, Available online: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?Language=E&CatalogueIdList=286554%2c286555&CurrentCatalogueIdIndex=1&FullTextHash=371857150# (accessed: 15.12.2024)
20. Can Interim Appellate Arbitration Protect the WTO Dispute Settlement Mechanism <http://chinawto.mofcom.gov.cn/article/zdjj/202011/20201103013622.shtml> (accessed: 18.12.2024)

Интерпретационная природа постановлений пленума Верховного Суда РФ

Пчелкин Егор Владимирович,
студент ИвГУ
E-mail: egoas@list.ru

Статья посвящена юридической природе Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, особое внимание в рамках исследования уделяется правовым позициям Конституционного Суда РФ по указанному вопросу, а также конкретным примерам Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, которые подтверждают интерпретационный характер последних.

Цель исследования состоит в доказательстве того, что Постановления пленума ВС РФ носят интерпретационный характер и не могут быть признаны источниками права.

По результатам исследования мы пришли к выводу, что Постановления Пленума Верховного Суда РФ носят интерпретационный характер и не могут быть признаны источниками права. Действующее законодательство не предусматривает возможности признать Постановления Пленума ВС РФ источником права, оно не содержит каких-либо сведений о том, что данные разъяснения имеют обязательную силу. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что разъяснения пленума ВС РФ имеют исключительно интерпретационный характер и используются правоприменителями в качестве ориентира для разрешения спорной ситуации, которая нормой прямо не урегулирована. Наконец, само содержание указанных постановлений подчеркивает их интерпретационный характер.

Ключевые слова: Постановление Пленума Верховного Суда РФ, Конституционный Суд, источник права, интерпретационный, юридическая природа.

Введение

Вопрос о юридической природе постановлений пленума Верховного Суда Российской Федерации достаточно давно является предметом обсуждения в отечественной юридической науке. Вместе с тем, однозначный ответ на указанный вопрос до сих пор отсутствует. Глобально можно выделить две точки зрения относительно юридической природы постановлений пленума Верховного Суда Российской Федерации:

1. Постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации являются источниками права, поскольку они выступают действенным правовым регулятором общественных отношений и носят обязательный характер для правоприменителя, а как следствие и для остальных участников судопроизводства.

2. Постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации носят интерпретационный характер и не могут быть признаны источниками права [12, с. 105].

Цель исследования состоит в доказательстве того, что справедлива именно вторая точка зрения.

Правоприменитель всё чаще и чаще руководствуется постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации в разрешении дела по существу. Этого не отрицают и сами представители судебного сообщества, в частности заместитель председателя Челябинского областного суда Дробышева Е.Н. указывает, что судьи нередко не только руководствуются, но и «приводят соответствующие положения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в обоснование своих решений», в связи с чем неопределенность юридической природы указанных постановления является крайне актуальной темой [2, с. 96].

Научная новизна указанной работы обосновывается тем, что выбор в пользу одной из двух вышеуказанных точек зрения был сделан, в том числе, на основании анализа позиций Конституционного Суда Российской Федерации за промежуток времени от 2016–2025 года, кроме того в работе наглядно демонстрируется, что Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации имеют именно интерпретационную природу на примере разъяснения конкретных оценочных дефиниций в уголовном праве.

Материалы и методы

В процессе подготовки работы были задействованы формально-юридический, системный, статистический методы, методы анализа и синтеза, анализ

позиций Конституционного Суда Российской Федерации и примеров конкретных Постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации позволил подтвердить выводы, изложенные в исследовании.

Литературный обзор

Примечательно, что в научной литературе превалирует точка зрения, что Постановления пленума ВС РФ носят интерпретационный характер и не могут быть признаны источниками права, что подтверждается работами Рарога А.И., Клепицкого И.А., вместе с тем, нельзя не отметить, что стало куда больше исследований, которые отстаивают точку зрения, что Постановление Пленума ВС РФ являются именно источниками права. Это наблюдается в работах следующих авторов: Гука П.А., который указывает, что «правовые позиции формируют высшие судебные инстанции, которые становятся обязательными в судебном правоприменении, выступают регулятором спорных общественных отношений и играют роль дополнительного источника права» [1, с. 133], а также Дробышевой Е.Н., примечательно, что последняя является действующим судьей.

Результаты

По результатам исследования мы пришли к выводу, что Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации носят интерпретационный характер и не могут быть признаны источниками права, данный вывод обосновывается действующим законодательством, разъяснениями Конституционного Суда Российской Федерации, а также содержанием самих Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Обсуждение

Мы признаем важную роль Постановлений пленума Верховного Суда Российской Федерации в ходе отправления правосудия, однако придерживаемся второй точки зрения, поскольку Пленумом не создаются новые правовые нормы, он лишь интерпретирует уже существующую норму для содействия в её правильном применении при отправления правосудия.

Более того, действующее законодательство не предусматривает возможности признать Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации источником права. Так, согласно ст. 126 Конституции РФ Верховный суд Российской Федерации, действительно, даёт разъяснения по вопросам судебной практики, вместе с тем, указанная норма не содержит каких-либо сведений о том, что данные разъяснения имеют обязательную силу [4].

Кроме того, стоит согласиться с позицией И.А. Клепицкого, который справедливо указал, что Верховный Суд РФ обладает правом законодательной инициативы, но не является законодате-

лем, если он придёт к выводу, что закон необходимо дополнить, то он может реализовать указанное право [3, с. 105].

Отдельно хотелось бы обратить внимание на позиции Конституционного Суда Российской Федерации, в которых неоднократно подчеркивалось, что разъяснения пленума Верховного Суда Российской Федерации имеют исключительно интерпретационный характер и используются правоприменителями в качестве ориентира для разрешения спорной ситуации, которая нормой прямо не урегулирована.

Так, поступает достаточно большое количество жалоб в Конституционный Суд Российской Федерации о том, что тот или иной пункт Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не соответствует конституции, однако Конституционный Суд Российской Федерации отказывает в их принятии, подчеркивая, что Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации – это лишь акт толкования закона и самостоятельным предметом проверки он выступать не может.

Так, подобная позиция была выражена в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 24.10.2019 N 2724-О [5], а также в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 N 1588-О [6].

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 25.10.2016 N 2251-О указано, что целью разъяснений по вопросам судебной практики, которые дает Верховный Суд Российской Федерации является “устранение неопределенности нормы, обеспечение ее однозначного истолкования и единообразного применения, в том числе при необходимости адекватного и своевременного приспособления регулирующей роли нормы в единстве ее буквы и духа к той или иной сфере общественных отношений в их динамике” [7].

Конституционный Суд в очередной раз подчеркнул, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ являются прежде всего интерпретационным актом, новые нормы права он не создаёт.

Отдельно стоит отметить Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.03.2025 N 14-П вынесенное по жалобе В.Г. Грязнухина, который оспаривал конституционность пункта 1 статьи 1161 ГК РФ, а также конституционность п. 47 и 48 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года N 9 «О судебной практике по делам о наследовании». В указанном постановлении Конституционный Суд РФ не стал осуществлять производство по данной жалобе в части обжалования конституционности пунктов вышеуказанного постановления пленума ВС РФ, приведя аналогичную позицию, что была указана в ранее рассмотренных определениях, вместе с тем, содержится указание, что данный факт не препятствует учету разъяснений, данных в названном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, при рассмотрении настоящего дела, отсутствие специального законодательного регулирования

отношений не восполняемого за счёт общих правил не исключает устойчивой правоприменительной практики, однако она должна соответствовать конституционным критериям [8].

Таким образом, Конституционный Суд в очередной раз подчеркнул, что Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации является интерпретационным актом, а не самостоятельным источником права.

Лучше всего интерпретационная природа Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации проявляется в толковании оценочных понятий в диспозиции статей УК РФ.

Рассмотрим конкретные примеры. Так, ч. 1 ст. 285 УК РФ содержит указание, что лицо подлежит уголовной ответственности за указанное деяние, если оно повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Пункт 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 разъясняет данное понятие, указывая что «под нарушением законных интересов граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать, в частности, создание препятствий в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности» [9].

Интересным также представляется пункт 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29, согласно которому «под предметами, используемыми в качестве оружия, понимаются любые материальные объекты, которыми могли быть причинены смерть или вред здоровью потерпевшего (перочинный или кухонный нож, топор и т.п.), а также иные предметы, применение которых создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего» [10].

Наконец, хотелось бы отметить пункт 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14, согласно которому незаконным хранением без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, следует понимать действия лица, связанные с незаконным владением этими средствами или веществами, в том числе для личного потребления [11].

Исходя из указанного разъяснения, можно сделать вывод, что для квалификации действий подсудимого по ч. 1 ст. 228 УК РФ как незаконное хранение наркотического средства, необходимо учитывать, что последний должен иметь реальную возможность распорядиться им сразу после приобретения.

Во всех вышерассмотренных случаях Пленум Верховного Суда РФ не создавал новые правовые нормы, а только интерпретировал уже существующие

для содействия в их правильном применении при отправлении правосудия.

Заключение

Таким образом, можно прийти к выводу, что Постановления Пленума Верховного Суда РФ носят интерпретационный характер и не могут быть признаны источниками права.

Действующее законодательство не предусматривает возможности признать Постановления Пленума Верховного Суда РФ источником права, оно не содержит каких-либо сведений о том, что данные разъяснения имеют обязательную силу.

Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что разъяснения пленума Верховного Суда Российской Федерации имеют исключительно интерпретационный характер и используются правоприменителями в качестве ориентира для разрешения спорной ситуации, которая нормой прямо не урегулирована.

Наконец, само содержание указанных постановлений подчеркивает их интерпретационный характер, что подтверждается примерами, приведенными в рамках данной статьи.

Литература

1. Гук П.А. Право есть, да закона нет: поиск решения избежать судебной ошибки в правоприменении // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 4 (72). С. 132–141.
2. Дробышева Е. Н. О правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации: теоретический и практический аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 95–102.
3. Клепицкий И.А. Обязательность разъяснений Верховного суда Российской Федерации в уголовном праве // Lex Russica. 2021. № 6 (175). С. 95–107.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144. 4 июля.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 N 2724-О [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24102019-n-2724-o/> (дата обращения: 19.05.2025).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 N 1588-О [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25062019-n-1588-o/?ysclid=mb8e7hhr14716003666> (дата обращения: 19.05.2025).
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.10.2016 N 2251-О [Электронный ресурс]. Режим досту-

па: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25102016-n-2251-ob/?ysclid=mb8eavj8bn607182248> (дата обращения: 19.05.2025).

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2025 N 14-П [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27032025-n-14-p/?ysclid=mb8ef4tsvj875996879> (дата обращения: 19.05.2025).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 (ред. от 11.06.2020) О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=19&nd=204002460&collection=1&ysclid=mb8ervwlim259385212 (дата обращения: 19.05.2025).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 15.12.2022) О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/901838259?ysclid=mb8exfco8y621342410> (дата обращения: 19.05.2025).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 16.05.2017) О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/901985635?ysclid=mb8f44gxxf431430489> (дата обращения: 19.05.2025).
12. Рарог А.И. Об обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5 (162). С. 104–112.

INTERPRETATIONAL NATURE OF THE DECISIONS OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Pchelkin E.V.
Ivanovo State University

The article is devoted to the legal nature of the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, special attention in the study is paid to the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue, as well as specific examples of Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which confirm the interpretative nature of the latter.

The purpose of the study is to prove that the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are of an interpretative nature and cannot be recognized as sources of law. Based on the results of the study, we came to the conclusion that the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are of an interpretative nature and cannot be recognized as sources of law. The current legislation does not provide for the possibility of recognizing the Resolutions of the Plenum of the Su-

preme Court of the Russian Federation as a source of law, it does not contain any information that these explanations are binding. The Constitutional Court of the Russian Federation has repeatedly emphasized that the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are exclusively interpretative in nature and are used by law enforcement agencies as a guide for resolving a controversial situation that is not directly regulated by the norm. Finally, the very content of these decisions emphasizes their interpretative nature.

Keywords: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, Constitutional Court, source of law, interpretative, legal nature.

Referents

1. Guk P.A. There is a right, but there is no law: the search for a solution to avoid a judicial error in law enforcement // News of higher education institutions. Volga region. Social sciences. 2024. No. 4 (72). Pp. 132–141.
2. Drobysheva E.N. On the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation: theoretical and practical aspects // Legal science and law enforcement practice. 2018. No. 3 (45). Pp. 95–102.
3. Klepitsky I.A. Binding nature of explanations of the Supreme Court of the Russian Federation in criminal law // Lex Russica. 2021. No. 6 (175). Pp. 95–107.
4. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. No. 144. July 4.
5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.10.2019 N 2724-O [Electronic resource]. Access mode: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24102019-n-2724-o/> (date of access: 19.05.2025).
6. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25.06.2019 N 1588-O [Electronic resource]. Access mode: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25062019-n-1588-o/?ysclid=mb8e7hhr4716003666> (date of access: 19.05.2025).
7. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25.10.2016 N 2251-O [Electronic resource]. Access mode: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25102016-n-2251-o-ob/?ysclid=mb8eavj8bn607182248> (date of access: 19.05.2025).
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.03.2025 N 14-P [Electronic resource]. Access mode: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27032025-n-14-p/?ysclid=mb8ef4tsvj875996879> (date of access: 19.05.2025).
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.10.2009 N 19 (as amended on 11.06.2020) On judicial practice in cases of abuse of office and exceeding official powers [Electronic resource]. Access mode: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=19&nd=204002460&collection=1&ysclid=mb8ervwlim259385212 (date of access: 19.05.2025).
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.12.2002 N 29 (as amended on 15.12.2022) On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery [Electronic resource]. Access mode: <https://sudrf.cntd.ru/document/901838259?ysclid=mb8exfco8y621342410> (date of access: 19.05.2025).
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.06.2006 N 14 (as amended on 16.05.2017) On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and toxic substances Access mode: <https://sudrf.cntd.ru/document/901985635?ysclid=mb8f44gxxf431430489> (date of access: 19.05.2025).
12. Rarog A.I. On the mandatory nature of explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2024. No. 5 (162). P. 104–112

Актуальное состояние борьбы с транснациональной преступностью в Российской Федерации

Атаманчук Вадим Валентинович,

аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Дальневосточного федерального университета,
преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Владивостокского филиала Российской Таможенной
Академии
E-mail: hikki.hikki.00@mail.ru

Статья посвящается проблематике борьбы с транснациональной преступностью в Российской Федерации. Транснациональная преступность представляет собой глобальное явление, и современная геополитическая ситуация порождает новые риски, связанные с деятельностью организованной преступности.

Вместе с тем, борьба с транснациональной организованной преступностью при этом носит преимущественно национальный характер, международное взаимодействие в настоящее время еще не стало неотъемлемой частью правовой деятельности.

Статья основана на комплексном анализе ключевых показателей борьбы с транснациональной преступностью на примере правоохранительной деятельности Федеральной таможенной службы в сфере борьбы с наркотрафиком. Сделаны выводы о том, что международное сотрудничество представляется крайне эффективным методом борьбы с явлением транснациональной преступности, не получившим в настоящее время широкого распространения.

Ключевые слова: транснациональная преступность, организованная преступность, ФТС РФ, международное сотрудничество, правоохранительная деятельность.

Введение

Актуальность исследования. На протяжении человеческой истории транснациональная преступность представляла собой опасное социальное явление глобального масштаба, представляющее собой серьезный вызов для национальных правовых систем и всего мирового сообщества. Согласно данным ООН мировой объем «прибыль», приносимой транснациональной преступностью, оценивается в размере сотен миллиардов долларов США в год [1], что существенно превосходит доходы крупнейших мировых транснациональных корпораций.

Безусловно, подобное явление заслуживает пристального внимания с позиции исследовательского изучения, а эффективная борьба с транснациональной преступностью представляет собой одну из задач, поставленных в рамках Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [2].

Научная значимость исследования. В рамках исследования представлен комплексный анализ количественных показателей правоохранительных органов Российской Федерации, характеризующих состояние борьбы с транснациональной организованной преступностью. Представленные материалы и сделанные выводы могут быть использованы как в практической деятельности, так и при дальнейшей научной разработке проблематики.

Методология исследования. Методологическая основа исследования представлена общенаучными методами (анализ, синтез, моделирование, сравнительный, логический), а также специальными методами – статистическим, сравнительно правовым, логико-правовым.

Цель исследования. Комплексный анализ современного состояния и перспектив противодействия транснациональной преступности, выработка аргументированных предложений по повышению эффективности борьбы с транснациональной преступностью.

Литературный обзор

Что из себя представляет транснациональная организованная преступность? Для понимания сущности явления транснациональной представляется целесообразным руководствоваться тремя критериями, позволяющими размежевать транснациональную преступность со смежными правовыми явлениями:

1. Географический. Данный критерий является наиболее распространенным в научной среде при создании дефиниций транснациональной преступности. Преступление становится

транснациональным в силу того, что оно затрагивает территорию и интересы двух и более государств [3].

2. Организационный. Транснациональная преступность характеризуется наличием сложной внутренней структурой и иерархией, направленной на тщательное планирование и организацию преступной деятельности, а также на создание схем «защиты» от государственного воздействия в виде коррупционных схем, интеграции во властные структуры. Особое внимание разбору организационного критерия транснациональной преступности уделено в работах И.М. Мацкевича [4].
3. Экономический. Преступная деятельность приобретает характер транснациональной только в том случае, если направлена на извлечение экономической выгоды. Классическим проявлением данного признака является перемещение материальных и нематериальных средств через государственные границы, использование благоприятной рыночной конъюнктуры других государств, злоупотребление различиями в системах уголовного правосудия, а также плотная интеграция с легальной экономикой. Весьма подробно экономический критерий транснациональной преступности раскрывается в работах В.А. Номконова [5].

Необходимость борьбы с транснациональной преступностью международными методами многократно постулируется в научной среде как задача для международного сообщества, подчеркивается значимость международного сотрудничества в борьбе с изучаемым явлением [6]. С данной позицией трудно не согласиться – глобальное по своей природе явление требует глобальных мер реагирования, и эффективное противодействие феномену транснациональной преступности силами одного государства представляется малоэффективной. В настоящее время в Российской Федерации наблюдается недостаточная эффективность правоохранительных органов, и, в частности, таможенной службы, по противодействию транснациональной преступности. Так, в 2021 году доля наркотических средств, изъятых ФТС России в рамках международного взаимодействия, составила только 10% от общего объема изъятых наркотических средств [7].

Вместе с тем, вопрос фактического состояния и характера борьбы с транснациональной преступностью часто остается за пределами внимания исследователей. В рамках настоящего исследования мы постараемся устранить данный пробел и установить, насколько механизмы международного сотрудничества фактически распространены в правоприменительной практике правоохранительных органов Российской Федерации при борьбе с транснациональной организованной преступностью.

Материалы и методы

В качестве эмпирической базы исследования будет использована статистика Федеральной таможенной

службы Российской Федерации [8]. Одними из ключевых отчетных показателей деятельности таможенных органов в правоохранительной сфере выступают показатели, неразрывно связанные с борьбой с одной из наиболее распространенных форм транснациональной преступности – наркотрафиком. Более того, в силу специфики уголовных дел, в расследовании которых принимает участие Федеральная таможенная служба, автоматически соблюдаются два критерия транснациональной преступности – географический (преступления связаны с перемещением материальных ценностей через государственные границы) и экономический (преступления направлены на извлечение материальной выгоды).

В Таблице 1 представлена информация о количестве уголовных дел, возбуждаемых таможенными органами в целом, в отношении преступных групп (организационный критерий транснациональной преступности) и с применением форм международного сотрудничества – обмена информацией с международными таможенными органами. На рисунке 1 представлена динамика соотношения выделенных по интересующим нас критериям возбуждаемых уголовных дел.

Таблица 1. Статистика уголовных дел, возбужденных по информации таможенных органов Российской Федерации

Год	Возбуждено УД по информации ТО, всего	Возбуждено УД в отношении преступных групп	Возбуждено УД по результатам международного взаимодействия*
2018 г.	1902	81	77
2019 г.	1928	102	49
2020 г.	1998	170	40
2021 г.	2007	124	4
2022 г.	1810	114	11
2023 г.	1756	141	8

* – в период с 2018 по 2020 гг. в данную графу включены уголовные дела, возбужденные на основании информации, полученной от иностранных правоохранительных органов. С 2021 по 2023 гг. включена только информация по делам, возбужденным в результате международных операций.

Рис. 1. Динамика соотношения возбуждаемых уголовных дел

Анализируя данную информацию можно сделать вывод о том, что в рассматриваемый период доля уголовных дел, возбуждаемых в отношении организованных преступных организаций варьируется от 4,26% (минимум 2018 года) до 8,51% (максимум 2020 года). Общая тенденция – на увеличение доли уголовных дел, возбуждаемых в отношении преступных организаций относительно общего объема возбуждаемых уголовных дел.

Вместе с тем, доля уголовных дел, возбуждаемых в отношении преступных организаций в рамках международного сотрудничества в 2021–2023 годах (ранние периоды оперируют другой статистической величиной) крайне мала, и составляет от 3,23% (минимум 2021 года) до 9,65% (максимум 2022 года) относительно уголовных дел, возбуждаемых только в отношении преступных групп.

Следующими показателями, представляющими интерес для анализа, являются количественные показатели, представленные в отчетах ФТС РФ – общий объем изъятых наркотических средств, а также объем наркотических средств, изъятых в рамках проведения международных операций. Информация об указанных величинах представлена в Таблице 2, об их соотношении – на рис. 2.

Таблица 2. Наркотические средства, изъятые ФТС РФ

Год	Изъято наркотических средств, всего (тонн)	Изъято в рамках международных операций (тонн)
2018	-*	0,032
2019	12,4	0,285
2020	9,1	-*
2021	16,6	0,437
2022	19,2	0,925
2023	23,7	2,645

* – информация за указанный год не представлена в итоговых докладах Федеральной таможенной службы Российской Федерации.

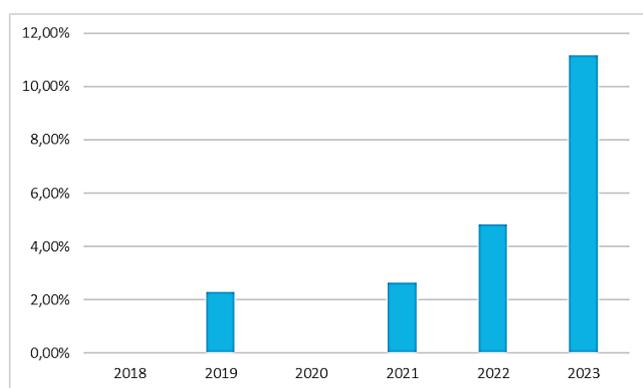

Рис. 2. Доля наркотических средств, изъятых в рамках проведения международных операций

Анализ имеющейся информации показывает, что на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдается рост как абсолютных показателей изъятых объемов наркотических средств, так и удельная доля наркотических средств, изъятых

из оборота в рамках проведения международных операций.

Проводя корреляцию с исследованными ранее параметрами – количеством уголовных дел, возбужденных таможенными органами, можно сделать вывод об отсутствии линейной взаимосвязи между возбуждаемыми уголовными делами и реальным объемом наркотических средств, изымаемых из международного оборота – несмотря на падение рассматриваемых абсолютных и относительных показателей возбужденных уголовных дел в 2023 году относительно 2022 года объем изъятых наркотических средств напротив, существенно вырос (в относительных показателях – в 2,85 раз. Таким образом, параметр возбуждаемых уголовных дел хоть и представляет определенный исследовательский интерес, однако не может служить безусловным критерием эффективности противодействия транснациональной организованной преступности.

С учетом того, что международное сотрудничество представляется одним из наиболее эффективных способов борьбы с транснациональной организованной преступностью, считаем целесообразным обратить внимание на иные показатели, нашедшие отражение в отчетах ФТС РФ – объем оперативно-розыскных мероприятий и спецопераций, проводимых ФТС РФ. В Таблице 3 представлены количественные параметры общего объема проведенных мероприятий, а также проведенных международных операций. На рисунке 3 представлено соотношение между объемом проводимых международных мероприятий и общим объемом проводимых мероприятий.

Таблица 3. Оперативно-розыскные мероприятия и специальные операции, проводимые ФТС РФ

Год	ОРМ/спецоперации, всего	ОРМ/спецоперации, международные
2018 г.	105	17
2019 г.	191	18
2020 г.	-*	13
2021 г.	299	14
2022 г.	197	13
2023 г.	250	30

* – информация за указанный год не представлена в итоговых докладах Федеральной таможенной службы Российской Федерации.

Данные показатели характеризуются высокими колебаниями в части абсолютных значений общего количества проведенных оперативно-розыскных мероприятий, при этом абсолютные значения операций, связанных с международным взаимодействием, изменяются незначительно вплоть до 2023 года, в котором наблюдается явное увеличение показателя (в 2 раза относительно среднего показателя 4 предыдущих лет).

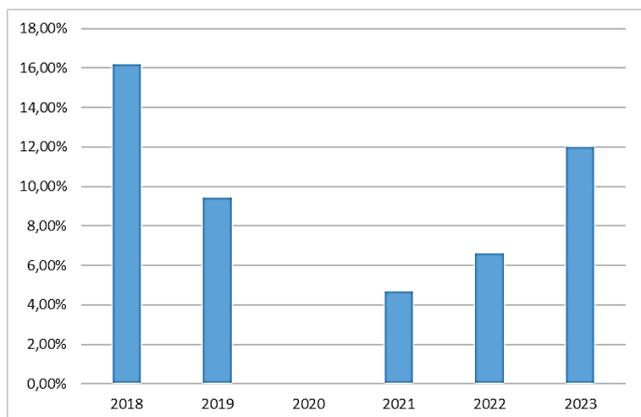

Рис. 3. Доля оперативно-розыскных мероприятий, проводимых с применением международного сотрудничества

Вместе с тем, сравнение относительных показателей доли международных ОРМ с долей, изъятых из международного обращения наркотических средств с 2019 года заслуживает отдельного внимания. Корреляция между данными показателями представлена на рис. 4.

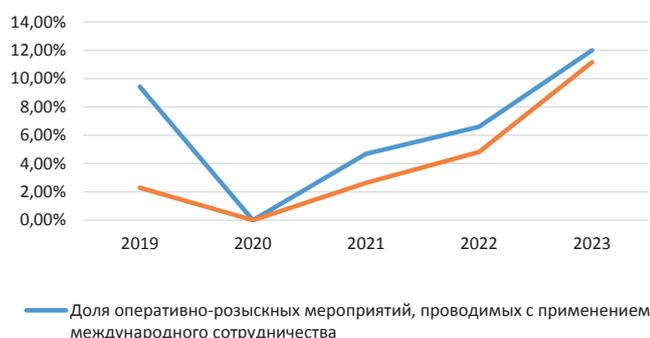

Рис. 4. Корреляция между относительными показателями изъятых наркотических средств и проведенных международных ОРМ

Результаты

Таким образом, из всех взятых для анализа статистических параметров наибольшим образом коррелируют относительные показатели, связанные с объемом изъятых наркотических средств и проведенными международными оперативно-розыскными мероприятиями, либо специальными операциями.

С учетом того, что на протяжении 2018–2023 годов непрерывно рос показатель «успешности» борьбы с наркотрафиком – объем изъятых из международного оборота наркотических средств, мы можем прийти к выводу о том, что налаженное и эффективное взаимодействие правоохранительных органов государств является одним из наиболее значимых компонентов в борьбе с транснациональной организованной преступностью, а проведение международных спецопераций, направленных на борьбу с изучаемым явлением, способствует повышению эффективности противодействия мировому наркотрафику.

Первым шагом для повышения эффективности борьбы с угрозой транснациональной преступности должно стать комплексное изучение спец-

ифики организованной преступности регионов, с которыми Российская Федерация в приоритетном порядке взаимодействует в экономическом пространстве, а также изучение имеющихся форм международного сотрудничества в указанных регионах. Особый интерес в рамках данного направления представляют государства блока БРИКС – торгово-экономическое сотрудничество в рамках блока обуславливает актуальность проблемы, а наличие достаточной правовой базы для взаимодействия обеспечивает необходимый правовой инструментарий [9] для реализации предложений.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, мы можем сделать ряд выводов:

1. Борьба с преступлениями транснациональной направленности на примере статистики ФТС РФ носит преимущественно национальный характер. В рамках исследуемого периода доля преступлений, расследуемых с применениями форм международного сотрудничества, крайне мала на фоне общего объема расследуемых преступлений транснационального характера и составляет менее 10% всего объема возбуждаемых уголовных дел таможенными органами Российской Федерации.
2. Международное сотрудничество является крайне эффективным методом по борьбе с транснациональной организованной преступностью. В рамках проанализированного статистического материала выявлено, что в 2023 году несмотря на малый объем уголовных, возбуждаемых в рамках международного сотрудничества, доля изъятых наркотических средств при проведении международных оперативно-розыскных мероприятий ФТС РФ составила 11% от общего объема изъятых наркотических средств.
3. Выявлена прямая корреляция между количеством проводимых международных операций и показателями эффективности борьбы с транснациональной преступностью. Таким образом, обеспечение удобства и эффективности международного взаимодействия при борьбе с транснациональными преступлениями является неотъемлемым компонентом успешной борьбы с изучаемым явлением. Так, согласно статистике ФТС России, увеличение объема проводимых международных оперативно-розыскных мероприятий в 2023 году относительно 2022 года привело к тому, что доля изъятых наркотических средств в рамках проведения международных оперативно-розыскных мероприятий в 2.75 раз превысила аналогичный показатель предыдущего года.

Литература

1. Официальный сайт ООН. URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/frontpage/2013/Septem->

ber/un-convention-against-organized-crime-celebrates-10-years.html (дата обращения – 18.10.2024 г.).

2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
3. Митьков В.Н. К вопросу об определении понятия транснациональной организованной преступности // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiya-transnatsionalnoy-organizovannoy-prestupnosti> (дата обращения: 10.08.2024).
4. Мацкевич И.М. Транснациональная организованная преступность: понятие и признаки // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transnatsionalnaya-organizovannaya-prestupnost-ponyatie-i-priznaki> (дата обращения: 10.08.2024).
5. Номоконов В.А. Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность: Моногр. Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 2001.
6. Пихов А.Х. Транснациональная преступность в контексте современных криминогенных процессов / А.Х. Пихов // Российский криминологический взгляд. – 2013. – № 3 (35). – С. 252–257.
7. Овчинников С.Н., Атаманчук В.В. Проблемы эффективности международного сотрудничества таможенных органов РФ в правоохранительной сфере // Право и политика. 2022. № 10. С. 49–56. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.10.38296 EDN: AVHWPK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38296
8. Результаты правоохранительной деятельности подразделений Федеральной таможенной службы. Текст: электронный. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatelnost-/informacziya-glavnogo-upravleniya-pobor-be-s-kontrabandoj/document/295561> (дата обращения – 10.08.2024 г.).
9. Овчинников С.Н., Атаманчук В.В. Международные договоры о правовой помощи в правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации // Право и политика. 2022. № 2. С. 30–39. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.2.37427 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37427.

CURRENT STATE OF COMBATING TRANSNATIONAL CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION

Atamanchuk V.V.

Far Eastern Federal University, Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy

The article is devoted to the problem of combating transnational crime in the Russian Federation. Transnational crime is a global phenomenon, and the current geopolitical situation gives rise to new risks associated with the activities of organized crime.

At the same time, the fight against transnational organized crime is predominantly national in nature; international cooperation has not yet become an integral part of legal reality.

The article is based on a comprehensive analysis of key indicators of the fight against transnational crime using the example of law enforcement activities of the Federal Customs Service in the field of combating drug trafficking. Conclusions were made that international cooperation appears to be an extremely effective method of combating the phenomenon of transnational crime, which is not currently widespread.

Keywords: transnational crime, Federal Customs Service of the Russian Federation, organized crime, international cooperation, law enforcement.

References

1. Official website of the UN. URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/frontpage/2013/September/un-convention-against-organized-crime-celebrates-10-years.html> (date of access – 18.10.2024).
2. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. – Access from the SPS “ConsultantPlus”. – Text: electronic.
3. Mitkov V.N. On the issue of defining the concept of transnational organized crime // Legal state: theory and practice. 2016. No. 1 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiya-transnatsionalnoy-organizovannoy-prestupnosti> (date of access: 10.08.2024).
4. Matskevich I.M. Transnational organized crime: concept and features // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2017. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transnatsionalnaya-organizovannaya-prestupnost-ponyatie-i-priznaki> (date of access: 10.08.2024).
5. Nomokonov V.A. Transnational organized crime: definitions and reality: Monograph. Vladivostok: Dalnevost Publishing House. University, 2001.
6. Pikhov A. Kh. Transnational crime in the context of modern criminogenic processes / A. Kh. Pikhov // Russian criminological view. – 2013. – No. 3 (35). – P. 252–257.
7. Ovchinnikov S.N., Atamanchuk V.V. Problems of the effectiveness of international cooperation of customs authorities of the Russian Federation in the law enforcement sphere // Law and Politics. 2022. No. 10. P. 49–56. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.10.38296 EDN: AVHWPK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38296
8. Results of law enforcement activities of the Federal Customs Service units. Text: electronic. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatelnost-/informacziya-glavnogo-upravleniya-pobor-be-s-kontrabandoj/document/295561> (date of access – 10.08.2024).
9. Ovchinnikov S.N., Atamanchuk V.V. International treaties on legal assistance in law enforcement activities of customs authorities of the Russian Federation // Law and Politics. 2022. No. 2. P. 30–39. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.2.37427 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37427.

Преимущественное право покупки доли (акций) при наследовании и разделе имущества: современные проблемы и пути их решения

Бараков Никита Олегович,

аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: nikita1349@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы реализации преимущественного права приобретения доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (ООО) в современной российской и зарубежной практике. Автор анализирует действующее законодательство, судебную практику и основные тренды, складывающиеся в регулировании оборота долей в ООО. Актуальность исследования подтверждается неоднократно отмечаемыми в научной литературе, а также в обзорах судебной практики сложностями, возникающими при реализации преимущественного права покупки доли в случае наследования, и связанной с этим возможностью злоупотреблений как со стороны участников общества, так и наследников. Целью настоящей работы является выявление и анализ современных проблем реализации преимущественного права покупки доли (акций) в обществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах при наследовании и разделе имущества, а также формулирование предложений, направленных на совершенствование российского законодательства и практики его применения. Особое внимание уделяется соотношению интересов общества, участников и третьих лиц, а также причинам введения ограничений на свободное распоряжение долями. В ходе исследования сопоставляются российская и зарубежная модели регулирования преимущественного права. На основе правового анализа и обзора актуальных дел формулируются рекомендации по совершенствованию корпоративного законодательства с целью повышения уровня защиты прав участников ООО и обеспечения баланса интересов всех вовлечённых сторон. Статья может быть полезна практикующим юристам, корпоративным консультантам, а также исследователям, интересующимся вопросами корпоративного права и управления.

Ключевые слова: преимущественное право, доля в уставном капитале, Общество с ограниченной ответственностью, корпоративное законодательство, сделки с долями, защита прав участников, хозяйственные общества, регулирование корпоративных отношений, коллизии законодательства, совершенствование правового механизма.

Введение

Вопрос реализации и защиты преимущественного права на приобретение долей (акций) при наследовании и разделе имущества в современных условиях российской корпоративной практики представляет значительный научный и практический интерес. Особую актуальность исследованию придаёт растущее количество корпоративных конфликтов, связанных с переходом долей (акций) по наследству или в результате раздела имущества между супругами, а также неоднозначность подходов судов и правоприменителей к рассмотрению соответствующих споров. Определение механизмов, обеспечивающих баланс между интересами участников юридических лиц и правопреемников, необходимость устранения пробелов и противоречий в законодательстве России требуют научного осмысления.

Материалы и методы

В процессе подготовки статьи были использованы нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие вопросы реализации преимущественного права покупки доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, включая положения Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и «Об акционерных обществах». Проанализированы судебные акты Верховного Суда Российской Федерации, а также практика рассмотрения споров арбитражными судами по вопросам оборота долей и защиты прав участников хозяйственных обществ.

Методологической основой исследования служат формально-юридический анализ законодательства, сравнительно-правовой подход, позволивший выявить ключевые тенденции отечественного и зарубежного регулирования преимущественного права покупки. Использовались также методы доктринального толкования, системный анализ и обобщение судебной практики. В целях комплексного исследования применен эмпирический анализ актуальных научных публикаций в сфере корпоративного права, а для формирования предложений по совершенствованию регулирования – методы прогнозирования и моделирования правовых последствий.

Литературный обзор

В последние годы в правоприменительной практике нередко возникают споры относительно ре-

лизации преимущественного права покупки долей в обществах с ограниченной ответственностью и акций в акционерных обществах при наследовании или разделе совместно нажитого имущества (супружеских долей). Статья 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) и статья 7 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО) предусматривают преимущественные права, однако не отвечают на множество современных вопросов, связанных с переходом долей к наследникам и супругам.

Вопросы реализации преимущественного права преимущественно рассматриваются российскими учёными в рамках общего регулирования оборота долей и акций, однако наследственные и бракоразводные аспекты остаются менее исследованными. В частности, Лапач В.В. отмечает противоречия, связанные с установленным законом порядком наследования долей в ООО, доходящих вплоть до фактического блокирования воли участников общества при определённых сценариях распределения долей.

Трефилов Е.Е. подчёркивает недостаточную проработанность процедуры извещения участников общества о продаже доли наследником, что создаёт предпосылки для злоупотреблений правом, в том числе затягивания сроков реализации преимущественного права. Андреев С.И. анализирует специфику конфликта между обеспечением стабильности состава участников общества и защитой прав правопреемников (наследников, супругов) на свободную реализацию полученной доли или акции.

Несовершенство правового регулирования преимущественного права покупки доли (акций) при наследовании и разделе имущества выражается как в законодательных пробелах, так и в отсутствии единообразного подхода судебной практики. Проблемы возникают, в первую очередь, при определении правового статуса наследника, а также супругов, претендующих на часть доли или акций, механизмов извещения участников общества и реализации права преимущественного приобретения с учётом особенностей приобретаемой доли наследства.

Актуальной остаётся проблема момента возникновения преимущественного права у участников общества при наследовании доли и его соотношения с правом наследника на распоряжение наследственным имуществом.

Согласно п. 6 ст. 21 Закона об ООО, доля, переходящая по наследству, в случае отказа общества (или его участников) принять наследника в состав участников общества, подлежит выкупу обществом или третьими лицами по согласованию участников. Вместе с тем сам механизм реализации преимущественного права не имеет специального регулирования. Ведь есть необходимость установления разумного срока для реализации преимущественного права другими участниками

общества, при этом наследодатель уже по закону не может быть исключён из круга продавцов.

Проблемным является и извещение участников общества о продаже доли: срок, способ и содержание такого извещения не определены законом, вследствие чего возникают споры о надлежащем уведомлении.

Отдельное внимание необходимо уделять случаям недопуска наследников в общество под формальными предлогами. Например, признание неправомерным включение в устав общества избыточных оснований для отказа наследнику во вступлении в состав участников.

В законодательстве об АО, а именно: ст. 7 Закона об АО, напротив, преимущественное право преимущественно реализуется акционерами, когда осуществляется дополнительная эмиссия акций, а переход акций по наследству не влечёт автоматического возникновения преимущественного права приобретения. Однако и здесь могут возникать вопросы, если уставом общества предусмотрены дополнительные ограничения на переход акций.

По поводу преимущественного права при разделе имущества между супругами, положения ст. 38, 39 Семейного кодекса РФ не содержат специальных норм по корпоративным правам, однако Верховный Суд РФ в своем Определении указал, что доля супруга в ООО при разделе совместно нажитого имущества, несмотря на её номинальное принадлежание одному из супругов, подлежит учёту наравне с остальным имуществом. При этом передача доли по решению суда может быть осуществлена только с согласия общего собрания участников общества.

На практике возникает вопрос: приобретает ли общество или его участники преимущественное право на выкуп части доли, присуждаемой бывшему супругу? Законом данный механизм чётко не прописан: постановления высших судебных инстанций указывают на приоритет уставных ограничений, но также требуют учитывать положения Гражданского и Семейного кодексов РФ. В ряде случаев суды подтверждают обязательность предложения другим участникам реализовать преимущественное право при разделе доли по решению суда.

Если перейти к механизмам злоупотребления и препятствия реализации преимущественного права, то мы видим, что корпоративные конфликты усложняются в случаях, когда уведомление об уступке доли (акций) при наследовании проводится с нарушением формальностей – например, при неясности, каким образом следует определять цену реализуемой доли.

В Германии законодатель устанавливает, что переход доли по наследству происходит автоматически, но устав может содержать ограничения вплоть до выкупа доли участниками при «серьёзных основаниях». Наследник имеет преимущественное право остаться в составе общества, если ограничения уставом не установлены заранее.

В Англии доверительная собственность позволяет гибко структурировать переход акций между поколениями, а преимущественные права конкретизируются соглашениями между акционерами.

В корпоративном праве Франции принятие наследников акционерами возможно только с согласия специальной инстанции, в противном случае предусмотрены механизмы обязательного выкупа долей самими участниками или обществом.

Результаты

Проведённое исследование выявило ряд существенных аспектов, определяющих современное состояние и проблематику реализации преимущественного права покупки доли участника общества с ограниченной ответственностью (ООО). Анализ норм Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» показал, что законодательство предусматривает преимущественное право покупки доли для участников общества и, в некоторых случаях, для самого общества, однако практика применения данных положений сопровождается неоднозначным толкованием и существенными трудностями.

Во-первых, выявлены противоречия между положениями устава ООО и императивными нормами закона относительно объёма и порядка реализации преимущественного права. Значительная часть судебных споров возникает вследствие неопределённости или несогласованности уставных положений, что приводит к различиям в трактовке преимущественного права между участниками общества.

Во-вторых, согласно судебной практике, основными основаниями нарушения преимущественного права служат несоблюдение процедуры уведомления участников о предстоящей продаже доли, а также предоставление недостаточного времени для реализации данного права. Верховный Суд Российской Федерации в своих актах подчёркивает обязательность соблюдения установленных законом процедур, считая их гарантом защиты корпоративных прав участников.

В-третьих, анализ выявил тенденцию судов рассматривать преимущественное право не только как имущественное, но и как элемент обеспечения стабильности круга участников, предотвращения нежелательных изменений в составе общества и защиты интересов бизнеса.

Четвёртый результат касается коллизий между договорными отношениями и корпоративным режимом долей. Суды указывают, что уступка требований, направленная на обход преимущественного права, может быть признана ничтожной, если она осуществляется во вред интересам других участников.

Кроме того, исследование показало, что судебная практика остаётся фрагментарной, и при решении аналогичных дел суды часто приходят к различным выводам. Это свидетельствует о недоста-

точной определённостью законодательства и необходимости его дальнейшего совершенствования с целью чёткого определения процедурных гарантий реализации преимущественного права.

Обобщая эти результаты, можно заключить, что эффективная реализация преимущественного права покупки доли в ООО требует обеспечения баланса между интересами общества, его участников и третьих лиц, а также последовательной судебной практики и усовершенствования уставной и законодательной регламентации рассматриваемого права.

Обсуждение

Результаты проведённого исследования демонстрируют, что механизм реализации преимущественного права покупки доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью остаётся одним из самых спорных и проблемных институтов корпоративного права России. Суды действительно отмечают, что уступка требования, направленная исключительно на обход преимущественного права, может быть признана ничтожной, если её осуществление нарушает интересы других участников общества[1]. Такой подход подчёркивает значимость и охраняемый законом характер преимущественного права, а также свидетельствует о внимании судов к реальной экономической цели сделок, заключаемых между участниками ООО и третьими лицами.

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что практика толкования нормы статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и связанных с ней положений остаётся неоднородной. Одинаковые по существу споры иногда разрешаются судами по-разному, на что указывают не только представленные в работе примеры, но и многочисленные публикации по данной проблематике[2]. Это свидетельствует о необходимости более чёткого нормативного закрепления процедур и гарантий реализации преимущественного права.

Фрагментарность судебной практики, отмеченная в ходе исследования, может приводить к возникновению правовой неопределённости и создавать дополнительный риск для участников корпоративных отношений. Участники могут сталкиваться с ситуацией, когда их права оказываются незащищёнными либо недостаточно гарантированными, что противоречит самой сути преимущественного права как механизма, призванного обеспечивать стабильность и прозрачность перехода долей в ООО[3].

Кроме того, выявленная проблема создает предпосылки для поиска баланса между интересами общества, его участников и третьих лиц. Согласно доктрине, целесообразно рассматривать преимущественное право не как абсолютное, а как ограниченное рамками разумности и добросовестности, чтобы исключить возможное злоупотребление им со стороны участников[4].

Таким образом, можно констатировать, что ключевым условием эффективной реализации преимущественного права покупки доли в ООО является последовательное применение судебной практики, усовершенствование уставной и законодательной регламентации рассматриваемого права, а также развитие доктринальных подходов, отражающих баланс интересов всех вовлечённых сторон.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что существующее российское законодательство лишь в общих чертах определяет механизм реализации преимущественного права покупки доли (акций) при наследовании и разделе имущества, допуская значимые пробелы в части определения процедур, сроков, порядка ценообразования и уведомления. Отсутствие специальных законодательно закреплённых процедур приводит к неоднозначной судебной практике и возможности злоупотреблений.

Защита интересов как участников общества, так и правопреемников требует учёта зарубежных подходов, в частности, внедрения согласительных процедур и закрепления в уставах обществ более детальных механизмов. Для совершенствования правового регулирования представляется целесообразным:

- закрепить порядок и сроки уведомления участников общества о продаже доли по наследству или в результате раздела имущества;
- предписать обязательность прозрачного определения цены (например, с привлечением независимого оценщика, если стороны не пришли к согласию);
- расширить перечень случаев, когда преимущественное право может реализовываться участниками общества, например, при разделении доли в результате бракоразводного процесса;
- предусмотреть возможность использовать медиативные и арбитражные процедуры для быстрого и нейтрального урегулирования споров.

Дальнейшее развитие российского законодательства должно строиться с учётом как национальных особенностей корпоративного управления, так и успешных зарубежным опытом.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 27.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.09.2023).
3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 04.11.2023) // Собрание законодательства РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785.
4. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред.

от 04.11.2023) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 1.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»
7. Определение Верховного суда РФ от 06.06.2023 № 310-ЭС23-663 по делу № А83-18084/2020
8. Определение Верховного Суда РФ от 06.04.2021 N 305-ЭС20-26233 по делу N А63-14501/2020
9. Определение Верховного Суда РФ от 06.04.2023 N 305-ЭС22-26611 по делу N А40-284789/2021
10. Определение Верховного Суда РФ от 19.12.2023 N 308-ЭС23-26233 по делу N А63-14501/2020
11. Решение Арбитражного суда от 20.04.2019 по делу № А82-74/2019
12. Андреев С.И. Проблемы реализации преимущественного права покупки корпоративных долей // Право и экономика. 2020. № 6. С. 17–23.
13. Белов В.А. Корпоративные договоры: современное состояние и перспективы развития российского законодательства // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 112–127.
14. Крашенинников П.В. Комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» / Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2017.
15. Лапач В.В. Преимущественное право покупки доли в ООО: современные проблемы и правоприменительная практика // Журнал Российского права. 2022. № 9. С. 110–125
16. Моисеева К.Ю. Проблемы ограничения оборота акций и реализации преимущественного права // Вестник корпоративного права. 2023. № 4. С. 51–62.
17. Пудков Н.Р. Судебная практика по вопросам преимущественного права покупки доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Арбитражная практика. 2019. № 3. С. 49–58.
18. Трефилов Е.Е. Преимущественное право приобретения доли в ООО: анализ новых трендов // Арбитражные споры. 2019. № 3. С. 79–90.

PRE-EMPREVENTIVE RIGHT TO PURCHASE A SHARE (SHARES) IN INHERITANCE AND DIVISION OF PROPERTY: MODERN PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Barakov N.O.
Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article considers the issues of exercising the preemptive right to purchase a share in the authorized capital of a limited liability company (LLC) in modern Russian and foreign practice. The author analyzes the current legislation, judicial practice and the main trends

emerging in the regulation of the turnover of shares in LLCs. The relevance of the study is confirmed by the difficulties repeatedly noted in the scientific literature, as well as in reviews of judicial practice, arising from the implementation of the preemptive right to purchase a share in the event of inheritance, and the associated possibility of abuse by both company participants and heirs. The purpose of this work is to identify and analyze modern problems of exercising the preemptive right to purchase a share (stocks) in limited liability companies and joint-stock companies during inheritance and division of property, as well as to formulate proposals aimed at improving Russian legislation and the practice of its application. Particular attention is paid to the relationship between the interests of the company, participants and third parties, as well as the reasons for introducing restrictions on the free disposal of shares. The study compares the Russian and foreign models of regulating the preemptive right. Based on legal analysis and review of current cases, recommendations are formulated to improve corporate legislation in order to increase the level of protection of LLC participants' rights and ensure a balance of interests of all parties involved. The article may be useful for practicing lawyers, corporate consultants, and researchers interested in corporate law and management issues.

Keywords: pre-emptive law, share in the authorized capital, Limited Liability Company, corporate legislation, transactions with shares, protection of participants' rights, business entities, regulation of corporate relations, conflicts of laws, improvement of the legal mechanism.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on December 27, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. December 5, 1994. No. 32. Art. 3301.
2. Family Code of the Russian Federation (Part Two) of December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on September 1, 2023).
3. Federal Law of February 8, 1998 No. 14-FZ "On Limited Liability Companies" (as amended on November 4, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. February 16, 1998. No. 7. Art. 785.
4. Federal Law of 26.12.1995 No. 208-FZ "On Joint-Stock Companies" (as amended on 04.11.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 01.01.1996. No. 1. Art. 1.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation".
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 30, 2013 No. 62 "On Certain Issues of Compensation for Damages by Persons Who Are Part of the Bodies of a Legal Entity".
7. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of June 6, 2023 No. 310-ES23-663 in Case No. A83-18084/2020
8. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of April 6, 2021 No. 305-ES20-26233 in Case No. A63-14501/2020
9. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of April 6, 2023 No. 305-ES22-26611 in Case No. A40-284789/2021
10. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2023 No. 308-ES23-26233 in case No. A63-14501/2020
11. Arbitration Court Decision of 20.04.2019 in Case No. A82-74/2019
12. Andreev S.I. Problems of Implementing the Preemptive Right to Purchase Corporate Shares // Law and Economics. 2020. No. 6. Pp. 17-23.
13. Belov V.A. Corporate Agreements: Current State and Prospects for the Development of Russian Legislation // Journal of Russian Law. 2020. No. 8. Pp. 112-127.
14. Krasheninnikov P.V. Commentary on the Federal Law "On Limited Liability Companies" / Ed. by P.V. Krasheninnikov. – M.: Statut, 2017.
15. Lapach V.V. Pre-emptive Right to Purchase a Share in an LLC: Current Issues and Law Enforcement Practice // Journal of Russian Law. 2022. No. 9. pp. 110-125
16. Moiseeva K. Yu. Issues of Limiting Share Circulation and Exercising the Pre-emptive Right // Corporate Law Bulletin. 2023. No. 4. pp. 51-62.
17. Pudkov N.R. Judicial Practice on the Pre-emptive Right to Purchase a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company // Arbitration Practice. 2019. No. 3. pp. 49-58.
18. Trefilov E.E. Pre-emptive Right to Acquire a Share in an LLC: Analysis of New Trends // Arbitration Disputes. 2019. No. 3. pp. 79-90.

Компенсаторные возможности Уголовного кодекса РФ и возмещение вреда от насильственных преступлений в условиях отсутствия или смерти потерпевшего: правовые коллизии и пути их преодоления

Блажкова Татьяна Олеговна,

адъюнкт кафедры уголовной политики Академии управления
МВД России

E-mail: tatochka-99@mail.ru

Статья посвящена критическому анализу ограниченности компенсаторных механизмов в российском уголовном праве при возмещении вреда жертвам насильственных преступлений. Обосновывается необходимость расширения принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) за счет включения в него императивного требования о полном возмещении физического, психического, морального и имущественного вреда как обязательного условия любого освобождения от ответственности или наказания (ст.ст. 74, 75, 76, 76.2, 78.1, 79, 80, 80.2 УК РФ). Особое внимание уделено разработке дифференцированного механизма компенсации для случаев смерти или ограниченной дееспособности потерпевшего.

Ключевые слова: возмещение вреда потерпевшему, принцип справедливости, компенсаторные механизмы уголовного права, реформа освобождения от уголовной ответственности, государственный фонд поддержки жертв преступлений, опосредованная реституция, дифференцированный компенсационный механизм, физический и моральный вред, права потерпевшего.

Проблема обеспечения справедливости в уголовном праве Российской Федерации, понимаемой не только как соразмерность наказания содеянному, но и как полное восстановление нарушенных прав потерпевшего, не вызывает сомнений. Действующая конструкция принципа справедливости, закрепленная в статье 6 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), акцентирует внимание преимущественно на соразмерности назначаемого виновному лицу наказания [1, с. 296]. Еще А.В. Наумов говорил, что «наказание служит восстановлению нарушенных в результате совершения преступления прав и свобод потерпевшего, то есть в конечном счете восстановлению справедливости» [2, с. 364].

Однако ограниченная трактовка данного принципа, сводящаяся в основном к карательной составляющей и обеспечению защиты прав виновного лица, не учитывает интерес потерпевшего, выражающийся в фундаментальной потребности возмещения причиненного ему физического, психического, морального и имущественного вреда. Компенсаторные возможности современного российского уголовного права, несмотря на наличие отдельных упоминаний о возмещении вреда в нормах об освобождении от уголовной ответственности и наказания, о смягчающих обстоятельствах (ст. 61 УК РФ) остаются фрагментарными, декларативными и не обеспечивающими системной защиты прав потерпевших от насильственных преступлений преступлений.

Существующая практика демонстрирует, что возмещение вреда потерпевшему зачастую рассматривается как факультативное, второстепенное по отношению к цели наказания виновного, следствие, а не цель уголовного судопроизводства. Нормы, регламентирующие освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ) или замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ), а также условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ), содержат лишь указание на возможность заглаживания вреда или его частичного возмещения. Условный характер освобождения от ответственности или наказания (ст. 73, 74 УК РФ) также не ставит полное возмещение вреда в качестве безусловного императива. Такая правовая неопределенность и дискрецион-

ность создают почву для злоупотреблений, когда виновный, формально заглотив часть вреда или пообещав это сделать в будущем, освобождается от основного бремени ответственности, оставляя потерпевшего один на один с его последствиями.

Подобный подход глубоко противоречит сущности принципа справедливости, который должен обеспечивать баланс интересов общества, государства и личности, пострадавшей от преступления. Справедливость не может считаться достигнутой, если потерпевший от насильственного преступления, перенесший физические страдания, психическую травму, понесший материальные убытки, не получает полного и реального возмещения причиненного вреда. Уголовный закон, провозглашая охрану прав и свобод человека и гражданина в качестве своей первоочередной задачи (ст. 2 УК РФ), обязано обеспечить действенные механизмы реализации этой задачи, выходящие за рамки чисто карательной реакции государства. Восстановительная функция уголовного права, остающаяся на периферии современной доктрины и законодательства, должна быть актуализирована и поставлена во главу угла при решении вопроса об ответственности виновного.

В работах по дифференциации уголовной ответственности предлагается учитывать заглаживание вреда как смягчающее обстоятельство (ст. 61 УК РФ) [3, с. 221]. Но не считают компенсацию обязательным условием справедливости.

Концепция «гуманизации наказания» Л.В. Иногамова-Хегай содержит критику чрезмерной карательности, и направлена на смягчение наказания, возмещение здесь выступает как дополнение, а не равный элемент [4, с. 63].

Необходим кардинальный пересмотр понимания принципа справедливости в сторону его расширения, включения в его содержание императивного требования о полном восстановлении нарушенных преступлением прав потерпевшего посредством возмещения всего причиненного вреда. Это требует внесения системных изменений в Уголовный кодекс РФ. В первую очередь, статья 6 УК РФ должна быть дополнена положением, прямо устанавливающим, что справедливость в уголовном праве предполагает не только соразмерность наказания, но и обязательное, полное возмещение вреда, причиненного преступлением потерпевшему, включая вред физический и психический здоровью, моральный вред и имущественный ущерб. Данное требование должно носить абсолютный характер, не зависящий от формы окончания уголовного преследования – будь то назначение наказания, освобождение от уголовной ответственности или освобождение от наказания, назначения иных мер уголовно-правового характера.

Во-вторых, требуется унификация и ужесточение норм, регулирующих освобождение от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76.2 УК РФ) и от наказания (ст. 79, 80, 80.1, 81 УК РФ), а также условного осуждения (ст. 73, 74 УК РФ). Во всех этих статьях необходимо заменить упоминания

о «заглаживании вреда» или «частичном возмещении вреда» на императивное требование о полном возмещении причиненного потерпевшему вреда как о непереносимом, безальтернативном условии применения соответствующих институтов. Понятие «частичное возмещение» должно быть исключено как не соответствующее принципу справедливости в его расширенном понимании. Только полная компенсация всех видов вреда может служить основанием для смягчения участи виновного.

В-третьих, данное требование должно быть распространено и на нормы, регламентирующие освобождение от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) и отбывания наказания (ст. 80.2 УК РФ) в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время. В этих статьях также должно быть прямо указано, что реализация данных норм возможна только при условии полного возмещения вреда, причиненного преступлением потерпевшему.

Вместе с этим, требуется разработка эффективного компенсационного механизма для потерпевших от насильственных преступлений, объективно лишенных возможности лично участвовать в уголовном судопроизводстве в силу смерти или ограниченной процессуальной дееспособности (несовершеннолетие, психическое расстройство, безвестное отсутствие). Действующее законодательство не содержит комплексного регулирования порядка возмещения вреда в подобных ситуациях, что приводит к правовым пробелам, неопределенности в правоприменении и, как следствие, к фактическому лишению наиболее уязвимых категорий потерпевших гарантированной государством защиты и восстановления их нарушенных прав. Существующие институты правопреемства и представительства не в полной мере учитывают специфику уголовно-правовой реституции, особенно в части возмещения различных видов вреда (физического, морального, имущественного) при невозможности активного волеизъявления самого потерпевшего, а также не решают вопросов судьбы компенсации при отсутствии правопреемников или представителей. Необходимость создания универсального, справедливого и практикоориентированного механизма, обеспечивающего неотвратимость возмещения вреда независимо от личного участия жертвы преступления в процессе, обусловлена фундаментальными принципами уголовного права – справедливости, гуманизма и приоритета защиты прав личности.

Важность наличия в уголовном деле потерпевшего определяется необходимостью реализации норм об освобождении от уголовной ответственности [5, с. 333].

В рамках предлагаемой концепции обосновывается дифференцированный подход к переходу прав требования на возмещение вреда и распределению компенсационных выплат. Основным элементом данной модели является создание или наделение соответствующими функциями специа-

лизированного государственного фонда поддержки пострадавших от преступлений, выступающего гарантом реализации права на возмещение вреда в случаях, когда сам потерпевший или его законные представители не могут осуществить это право непосредственно. Дифференциация проводится в зависимости от основания невозможности личного участия потерпевшего:

В случае смерти потерпевшего, при наличии близких лиц, признаваемых потерпевшими в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (ст. 42 УПК РФ), осуществляется переход прав требования на возмещение имущественного ущерба и компенсацию морального вреда, причиненных непосредственно погибшему в результате преступных действий до наступления смерти. Данные выплаты адресуются близким лицам как правопреемникам в указанной части.

Компенсация за физический вред, выразившийся в смерти потерпевшего, должна быть направлена в государственный фонд поддержки пострадавших от преступлений. Фонд аккумулирует данные средства для финансирования программ помощи потерпевшим от преступлений, профилактики насилия и иных общественно значимых целей в сфере обеспечения безопасности личности.

При отсутствии близких лиц (правопреемников), признаваемых потерпевшими, весь объем компенсации (как за имущественный и моральный вред, причиненный погибшему, так и за вред, связанный с самой смертью) перечисляется в государственный фонд. Это исключает ситуацию, когда вред остается невозмещенным из-за отсутствия наследников или иных правопреемников, имеющих право на статус потерпевшего по уголовному делу.

В случае ограниченной процессуальной дееспособности потерпевшего (несовершеннолетние, лица, признанные недееспособными или ограниченно дееспособными, безвестно отсутствующие) должны действовать сделующие модели возмещения:

- 1) модель опосредованной реституции: Возмещение вреда (всех видов: физического, психического, морального, имущественного) осуществляется в пользу самого потерпевшего, но через его законного или иного надлежащего представителя (родителя, опекуна, попечителя, руководителя учреждения). Представитель действует исключительно в интересах подопечного, обеспечивая целевое использование компенсационных средств на лечение, реабилитацию, содержание и иные нужды потерпевшего. Право требования изначально принадлежит потерпевшему, представитель лишь реализует его процессуальные полномочия.
- 2) модель депонирования: В случаях отсутствия законного или иного назначенного представителя (например, при безвестном отсутствии совершеннолетнего дееспособного лица, отсутствии опекуна у недееспособного) компенсационные денежные средства подлежат де-

понированию (внесению на специальный счет в государственном фонде поддержки пострадавших от преступлений. Фонд выступает гарантом сохранности средств. Выплата депонированных средств производится:

- самому потерпевшему – по восстановлении его дееспособности (достижение совершеннолетия, отмена решения о недееспособности) или установлении его местонахождения (при безвестном отсутствии);
- законному представителю – при его последующем надлежащем назначении.

Универсальность предложенного механизма требует его интеграции в систему оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, где возмещение вреда является ключевым условием. Однако действующие нормы (ст.ст. 74, 75, 76, 76.2, 78.1, 79, 80, 80.2 УК РФ) не содержат специальных правил для случаев отсутствия потерпевшего в результате преступления (смерть) или его неспособности участвовать в процессе (недееспособность, безвестное отсутствие). Это создает правовую неопределенность и препятствует применению институтов освобождения даже при наличии у виновного готовности и возможности загладить вред. Для устранения этого пробела и обеспечения единообразия правоприменения обосновывается необходимость дополнения статьи 75 УК РФ Примечанием 2, которое должно установить:

Примечание 2. Правила настоящей статьи, а также статей 74, 76, 76.2, 78.1, 79, 80, 80.2 настоящего Кодекса о возмещении вреда, причиненного преступлением, в случаях смерти потерпевшего или его ограниченной процессуальной дееспособности (несовершеннолетие, невменяемость, безвестное отсутствие и иные установленные законом основания), применяются с учетом следующего специального механизма:

1. В случае смерти потерпевшего:

а) при наличии близких лиц, признанных потерпевшими в соответствии с уголовно-процессуальным законом, возмещение имущественного вреда и компенсация морального вреда, причиненных погибшему, осуществляется указанным близким лицам; компенсация вреда, непосредственно связанного с фактом смерти, перечисляется в государственный фонд поддержки пострадавших от преступлений;

б) при отсутствии близких лиц, признанных потерпевшими, весь объем возмещаемого вреда перечисляется в государственный фонд поддержки пострадавших от преступлений.

2. В случае ограниченной процессуальной дееспособности потерпевшего возмещение вреда осуществляется:

а) через его законного или иного надлежащего представителя в пользу потерпевшего;

б) при отсутствии представителя – путем депонирования компенсационных денежных средств в государственном фонде поддержки пострадавших от преступлений до восстановления процессуальной дееспособности потерпевшего или уста-

новления его местонахождения, с последующей выплатой средств потерпевшему или его представителю.

Литература

1. Тихомиров Е.Д. Уголовно-правовой принцип справедливости: история развития // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. № 5. – 390 с.
2. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. – 451 с.
3. Смягчающие обстоятельства в уголовном праве России: учебное пособие / А.В. Зарубин. – Санкт-Петербург: СанктПетербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. – 295 с.
4. Иногамова-Хегай, Л. Конкуренция уголовно-правовых норм о назначении наказания / Л. Иногамова-Хегай // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 61–68.
5. Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовое положение потерпевшего // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 2 (18). – С. 331–343.

COMPENSATORY POSSIBILITIES OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND COMPENSATION FOR DAMAGE FROM VIOLENT CRIMES IN THE ABSENCE OR DEATH OF THE VICTIM: LEGAL CONFLICTS AND WAYS TO OVERCOME THEM

Blazhkova T.O.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to a critical analysis of the limitations of compensatory mechanisms in Russian criminal law when compensating for harm to victims of violent crimes. The need to expand the principle of justice (Article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation) by including in it an imperative requirement for full compensation for physical, mental, moral and property damage as a mandatory condition for any release from liability or punishment (Articles 74, 75, 76, 76.2, 78.1, 79, 80, 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) is substantiated. Particular attention is paid to the development of a differentiated compensation mechanism for cases of death or limited legal capacity of the victim.

Keywords: compensation for harm to the victim, the principle of justice, compensatory mechanisms of criminal law, reform of exemption from criminal liability, state fund for support of crime victims, indirect restitution, differentiated compensation mechanism, physical and moral harm, rights of the victim.

References

1. Tikhomirov E.D. Criminal-legal principle of justice: history of development // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2024. No. 5. – 390 p.
2. Naumov A.V. Russian criminal law. General part. Lecture course. M., 1996. – 451 p.
3. Mitigating circumstances in the criminal law of Russia: a tutorial / A.V. Zarubin. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2022. – 295 p.
4. Inogamova-Khegay, L. Competition of criminal-legal norms on sentencing / L. Inogamova-Khegay // State and Law. – 2001. – No. 5. – P. 61–68.
5. Martynenko N.E. Criminal-legal status of the victim // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 2 (18). – P. 331–343.

Осмотр местности и помещения в ходе исследования доказательств в суде первой инстанции в российском уголовном процессе

Васяев Александр Александрович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: Advokat.mgka2@gmail.com

В статье исследуются проблемные аспекты производства осмотра местности и помещения в ходе исследования доказательств в суде первой инстанции в российском уголовном процессе.

Среди основных выводов, полученных в ходе проведенного исследования, следует выделить следующие. Во-первых, предусмотренная законодателем возможность осмотра местности и помещения в ходе судебного следствия является важной гарантией всестороннего, полного и объективного исследования доказательств, которой редко пользуются на практике. Во-вторых, сложность организации выездных судебных заседаний не должна являться отговоркой в их назначении и проведении, вышестоящие суды последовательно рекомендуют судам осуществлять их при рассмотрении дела в случае возникновения необходимости. В-третьих, ст. 287 УПК РФ не предусматривает право суда самостоятельно назначать проведение осмотра, что является недостатком уголовно-процессуального законодательства. В-четвертых, осмотр местности и помещения с участием сторон по делу отличается от классического осмотра места происшествия или жилища, производимого в ходе предварительного расследования по делу. Состязательный характер исследования доказательств трансформирует классический осмотр, производимый на досудебной стадии, в новое комплексное гибридное судебное действие. В-пятых, принципиально иную позицию, в отличие от уголовно-процессуального законодательства России, занимает Модельный уголовно-процессуальный кодекс СНГ в регламентации процессуального порядка проведения осмотра в ходе судебного разбирательства. Следуя реализации принципа состязательности сторон, осмотр местности и помещения могут осуществлять и сторона защиты, и сторона обвинения, и суд в зависимости от того, кто явился инициатором проведения данного осмотра (ч. 2 ст. 397 Модельный УПК СНГ). Во-шестых, обязанность обосновывать необходимость участия специалиста в ходе осмотра в суде и обеспечение его присутствия, должна ложиться на сторону процесса, ходатайствующую о проведении данного судебного действия. В-седьмых, ст. 287 УПК РФ предусматривает возможность производства осмотра в помещении, в связи с чем в статье признается, что эта формулировка законодателя, неудачная, поскольку создает риски на практике в отказе в проведении осмотра жилых помещений.

В заключении предлагается изменить и дополнить нормы ст. 287 УПК РФ, а также, приводится процессуальный порядок проведения осмотра местности, жилища или иного помещения в ходе судебного следствия.

Ключевые слова: осмотр местности, помещения, жилища, исследование доказательств, судебное следствие, эффективность.

Осмотр местности и помещения в ходе судебного следствия – это судебное действие, предполагающее выезд суда с участием сторон по делу (при необходимости – и с участием свидетелей, лиц, в отношении которых уголовные дела выделены в отдельное производство в связи с заключением с ними досудебного соглашения о сотрудничестве, а также эксперта и специалиста) на определенную местность (в помещение) с целью исследования доказательств участниками этого осмотра путем непосредственного восприятия обстановки, обеспечения наглядности устанавливаемых обстоятельств, проверки доводов сторон по делу, оценки других доказательств, а также обнаружения, изъятия, фиксации новых следов преступления или вещественных доказательств.

«Необходимость в производстве осмотра местности (помещения) в ходе судебного следствия возникает в случаях, когда отсутствует возможность установить имеющие значение обстоятельства, либо устранить возникшие противоречия без непосредственного обозрения и изучения соответствующей местности или какого-либо помещения. Процессуальная форма производства осмотра местности (помещения) регламентирована ст.ст. 176, 177 УПК РФ.

О проведении осмотра местности (помещения) судом выносится определение (постановление). Разрешению вопроса о проведении осмотра должно предшествовать определение обстоятельства, доказываемого таким образом, установление круга участников, составление плана проведения осмотра.

В осмотре принимают участие весь состав суда, стороны, а при необходимости – свидетели, эксперт и специалист (ст. 287 УПК РФ). Гласность и непосредственность исследования доказательств судом исключает необходимость привлечения к осмотру понятых.

Выезд суда и участников процесса для осмотра местности (помещения) – это составная часть судебного следствия. Поэтому по прибытии на место осмотра председательствующий должен объявить о продолжении судебного заседания, после чего проводятся подготовительные действия и непосредственно осмотр. В процессе осмотра подсудимому, потерпевшему, свидетелям, эксперту и специалисту могут быть заданы вопросы (ч. 2 ст. 287 УПК РФ).

Участвующие в осмотре лица вправе обращать внимание суда на все то, что, по их мнению, будет способствовать выяснению обстоятельств. Для закрепления результатов осмотра следует использо-

вать фото-, видео-, киносъемку, составление планов и схем. Весь ход и итоги осмотра должны досконально отражаться в протоколе судебного заседания»¹.

К обязательным случаям проведения осмотра в суде Бозров В.М. и Кобяков В.М. относят следующие случаи: «а) в деле вообще отсутствует протокол соответствующего следственного осмотра; б) имеющийся протокол следственного осмотра составлен поверхностно и не раскрывает всех деталей обстановки места; в) протокол следственного осмотра признан недопустимым доказательством и оглашению в судебном заседании не подлежит; г) в ходе судебного заседания были выявлены существенные противоречия между оглашенным протоколом следственного осмотра и другими доказательствами, например, показаниями свидетелей; д) к протоколу следственного осмотра не приложены фототаблицы, схемы, или их качество неудовлетворительно»².

«Поскольку суд производит осмотр места происшествия, как правило, после следователя и спустя определенное время после первоначального осмотра, то важно выяснить с помощью очевидцев происшествия или участников первоначального осмотра, что изменилось на месте происшествия за истекший период. Необходимо акцентировать внимание суда и иных участников осмотра на тех следах, которые не были предметом исследования на стадии предварительного расследования. В результате осмотра места происшествия можно получить новые доказательства, а также проверить доказательства, имеющиеся в материалах дела, например, показания обвиняемого, свидетелей и т.д.»³.

Осмотр местности и помещения в ходе судебного следствия, во-первых, используется как гарантия реализации прав участников процесса на всестороннее и полное исследование представленных доказательств по делу: «Председательствующий, как это видно из протокола судебного заседания, сохраняя объективность и беспристрастие, обеспечил равноправие сторон, принял предусмотренные законом меры по реализации сторонами принципа состязательности и создал все необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела»⁴.

Во-вторых, осмотр местности и помещения являются формой проверки представленных участниками судебного разбирательства доказательств. Именно с этой точки зрения вышестоящие суды

анализируют проведенный в ходе судебного разбирательства осмотр: «Судом в ходе судебного разбирательства был произведен осмотр местности (места происшествия). Нарушений правил ст. 287 УПК РФ при этом не допущено. Из протокола судебного заседания усматривается, что стороны на местности, отвечая на вопросы в связи с осмотром, проиллюстрировали свои позиции с использованием рулетки, автомашины. Автомашина использовалась для наглядности. Характеристики этой автомашины соответствовали задачам судебного осмотра местности»⁵.

Среди основных вопросов и проблем, выявленных нами в ходе анализа судебной практики и уголовно-процессуальной доктрины в связи с процессуальным порядком производства осмотра местности и помещения в ходе судебного следствия, следует выделить следующие.

1. В Верховном Суде РФ сложилась следующая практика: при рассмотрении вопросов об изменении территориальной подсудности в порядке ст. 35 УПК РФ, использовать ссылку на ст. 287 УПК РФ в своих постановлениях как гарантию всестороннего, полного и объективного исследования доказательств, преимущественно в том месте, где совершено преступление. «Кроме того, в соответствии с положениями ст. 287 УПК РФ суд первой инстанции вправе произвести осмотр местности, а с учетом обстоятельств инкриминируемого Саидову деяния, его позиции по делу, не исключается и возможность допроса в судебном заседании понятых при осмотре места происшествия, что будет затруднительно в случае изменения территориальной подсудности уголовного дела»⁶.

Таким образом, предусмотренная законодателем возможность осмотра местности и помещения в ходе судебного следствия является важной гарантией всестороннего, полного и объективного исследования доказательств, однако ее реализацией нередко пренебрегают в ходе непосредственного исследования доказательств.

«40% опрошенных судей, государственных обвинителей, адвокатов, ответили, что осмотр местности и помещения осуществляется. Изучение же уголовных дел выявило, что ни в одном из них не проводился осмотр местности (помещения), хотя в (3%) изученных стороной защиты дел заявлялись ходатайства о проведении как осмотра местности, так и помещения, но суд безмотивно отказывал в их удовлетворении. Подобная практика незаконна. Нельзя переоценить важность осмотра. Участие в указанном процессуальном действии более всего приближает суд и участников процесса к выявляемым обстоятельствам, подлежащим доказыванию. В выявленных же случаях проявляется леность и безразличие суда к исследованию дока-

¹ Васяев А.А. Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. С. 343–344.

² Бозров В.М., Кобяков В.М. Судебное следствие. Вопросы теории и практики. Екатеринбург: Каменный пояс, 1992. С. 45–46.

³ Кириллова Н.П. Иные следственные действия // http://www.law.vl.ru/analit/all_exec.php?section=7&range=8 (дата обращения: 01.04.2025)

⁴ Кассационное определение Верховного Суда РФ № 19–004–35сп от 13.05.2004 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).

⁵ Кассационное определение Верховного Суда РФ № 58–006–42 от 13.09.2006 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).

⁶ Постановление Верховного Суда РФ № 16УТП21–2 от 27.09.2021 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).

зательств. В нарушение установленных процессуальных правил всесторонности, полноты установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, суд отказывает в проведении подчас решающего процессуального действия в выяснении устанавливаемого. Пренебрежение данной гарантией объективности производства по уголовному делу лишает стороны возможности представить обсуждаемый в ходе исследования доказательства объект, во-первых (т.е. лишает, например, сторону защиты права представлять доказательства – п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Суд нарушает ч. 1 ст. 11 УПК РФ, т.е. не обеспечивает регламентированные УПК РФ права. Во-вторых, настойчивое нежелание непосредственно познать рассматриваемый в ходе судебного следствия объект, порождает необоснованные противоречия у сторон процесса в оценке показаний. В-третьих, отказывая в удовлетворении ходатайства стороны в проведении осмотра, суд нарушает общие условия судебного разбирательства – непосредственность исследования доказательства, тем самым познавая доказательства опосредовано. При этом поговорка «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» понимается судом наоборот. Между тем осмотр является важным процессуальным действием, позволяющим суду оценить непосредственно место происшествия, местности, как указывает ч. 1 ст. 176 УПК РФ, в целях выявления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Следует признавать нарушением прав участника процесса представлять доказательства для исследования в каждом случае при отказе в осмотре места (помещения), как аргумент, свидетельствующий о незаконности состоявшегося приговора»¹.

«Практику, в соответствии с которой суд отстраняется от непосредственного восприятия обстановки (местности), следует признать порочной, поскольку тем самым суд превращается в опосредованного оценщика, перед которым прошедшие события представляются заинтересованными участниками судебного разбирательства. Лень судей не может не возмущать. Принцип «где проще, там и лучше» характеризует столь высокое призвание правосудия. Повторение предварительного расследования (допросов), оглашение материалов уголовного дела – вот основной набор судебных действий. В таких случаях суд выступает лишь как придаток предварительного расследования, дублирующий месяцы следствия. Это подтверждается идентичностью содержания обвинительных заключений и вынесенных на их основе приговоров, где доказательства механически, с минимальным видоизменением копируются из одного акта в другой. Условие непосредственности исследования доказательств в ходе судебного следствия является решающим в понимании значения судебного разбирательства. Возможно ли судить о прошедшем, не чувствуя обстановки, тех частных,

¹ Васяев А.А. Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. С. 345.

из которых состоит каждое уголовное дело? Осмотр местности и помещения – это то единственное, что может объективно воспринимать суд при оценке прошлых событий. Так, в рамках одного из уголовных дел, рассматриваемых в Октябрьском районном суде г. Архангельска, сторона защиты в ходе судебного следствия заявляла ходатайства об осмотре дамбы гидротехнического сооружения, при строительстве которой был превышен объем выполненных работ (согласно предъявленному обвинению). Суд немотивированно и необоснованно отказывал в удовлетворении заявленных ходатайств на протяжении 11 месяцев (!) судебного разбирательства, при том что в ходе предварительного следствия дамба не осматривалась и, более того, в материалах уголовного дела отсутствовали ее фотоизображения. Невозможно понять столь стойкого нежелания суда увидеть предмет разбирательства (при этом следовало выяснить принципиальный вопрос о положении дамбы относительно уровня земли – выше либо ниже)» (в результате осмотра указанной дамбы, был вынесен оправдательный приговор по делу)².

2. Следующим важным вопросом при производстве осмотра местности и помещения в суде является необходимость участия при этом специалиста. В судебной практике нет единообразия в этом вопросе, и все зависит от следующих факторов: проводился ли осмотр местности или помещения в ходе предварительного расследования; осмотр производился для установления очевидных обстоятельств или нет; необходимы ли специальные знания для его производства или нет; спорны ли позиции по делу или нет; доказательственная ценность данного процессуального действия, т.е. может ли оно являться ключевым в установлении обстоятельств по делу или нет (например по делам о дорожно-транспортных происшествиях).

Вышестоящие суды при этом практически в большинстве случаев придерживаются следующей позиции: «Что касается доводов представления о проведении осмотра без участия специалиста, то это обстоятельство не может быть расценено как нарушение закона. Согласно ст. 287, 288 УПК РФ, такие процессуальные действия как осмотр и следственный эксперимент, проводятся с участием специалиста лишь в случае наличия в этом необходимости. Как видно из материалов дела, осмотр самолета производился по ходатайству государственного обвинителя, который не настаивал на привлечении к осмотру специалиста и не принял мер к обеспечению его участия в производстве названного процессуального действия»³.

Таким образом следует констатировать, что обязанность обосновать необходимость участия

² Васяев А.А. Осмотр местности и помещения в ходе судебного следствия // Современное право. – 2011. – № 7. – С. 117–118.

³ Кассационное определение Верховного Суда РФ № 19–004–35/сп от 13.05.2004 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).

специалиста в ходе осмотра в суде и его обеспечения ложится на сторону процесса, ходатайствующую о проведении данного судебного действия.

3. Редкость проведения осмотра в суде обуславливается несколькими обстоятельствами. Во-первых, это леность суда в проведении выездного судебного разбирательства. Во-вторых, это отсутствие времени в организации данного судебного действия ввиду загруженности суда. В-третьих, это происходит в связи с организационными затратами на его проведение (процессуальные сложности). В-четвертых, если нет ходатайств сторон о признании протокола осмотра местности и помещения, произведенного в ходе предварительно расследования, недопустимым, то есть сторона не оспаривает законность первоначального осмотра. В-пятых, это отсутствие обоснованной необходимости проведения осмотра в суде, если проведение осмотра не представит новых сведений по делу. В-шестых, это достаточность других доказательств, позволяющих суду сделать вывод по делу. В-седьмых, если существует изменчивость внешних условий в обстановке проведения осмотра, тем самым снижается доказательная ценность этого осмотра.

4. Сложность организации выездных судебных заседаний не должна являться отговоркой в их проведении, вышестоящие суды последовательно рекомендуют судам осуществлять их при рассмотрении дела в случае возникновения необходимости: «проведение выездного судебного заседания в помещении следственного изолятора обеспечило баланс между гуманитарными основами уголовного судопроизводства, реализацией участниками процесса их права на непосредственное участие в судебном заседании и соблюдением разумных сроков производства по уголовному делу»¹; «проведение выездного судебного заседания является одним из процессуальных механизмов, способствующих обеспечению эффективного участия названных лиц в судебных слушаниях наряду с видеосвязью»²; «необходимые случаи проведения выездного судебного заседания определяются на основании внутреннего убеждения суда с учетом приведенных заявителем обоснований и доказательств»³.

Следует указать, что в практике военных судов выездные судебные заседания являются распространенными как для производства конкретных судебных действий, так и для проведения судебных заседаний в воинских частях в целях воспитательного воздействия на военнослужащих.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 48-УД23-1-А2 от 21.02.2023 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).

² Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации № 5-КА19-16 от 05.07.2019 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-85868/2023 по делу № А40-104339/2023 от 05.02.2024 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).

При этом следует понимать, что главным преимуществом проведения осмотра места и помещения в ходе судебного следствия является повышенная объективность исследования доказательств, которая исключает в познании судом обстоятельств совершенного преступления, позиций сторон по делу.

5. Статья ст. 287 УПК РФ не предусматривает право суда самостоятельно назначать проведение осмотра. Это является недостатком уголовно-процессуального законодательства. Если на суд возлагается обязанность по вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора (297 УПК РФ), то суд должен быть наделен широкими правами по всестороннему, полному и объективному исследованию доказательств в ходе судебного следствия. В реализации своего назначения, а также предусмотренной ст. 8 УПК РФ публично-правовой обязанностью, суд не может полагаться лишь на доказательства, представленные сторонами по делу. Именно поэтому на практике распространены случаи, когда суд через государственного обвинителя реализует свои права на проведение осмотра местности или помещения, что, конечно же, недопустимо. Законодатель тем самым создает процессуальные риски по реализации той или иной нормы УПК РФ и нарушению правил состязательности при взаимодействии с одной из сторон по делу. Основными доводами, подтверждающими право суда производить осмотр местности или помещения самостоятельно, являются: обязанность суда устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ; в соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ суд наделен правом по собиранию доказательств путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ; обязанность непосредственного исследования доказательств (240 УПК РФ), то есть познания обстоятельств преступления не через протоколы осмотра местности или помещения составленные стороной обвинения, а непосредственно, путем личного восприятия; имеющиеся случаи преднамеренного искажения информации в протоколе осмотра местности или помещения стороной обвинения; поскольку суд выступает в интересах справедливости, то он наделен правами по объективному и непосредственному восприятию доказательственной информации; компенсация неравенства сторон (некомпетентность, неактивность, например, одной из сторон по делу) довольно распространенная практика; устранение существенных противоречий не посредством допроса и исследования письменных доказательств, как это сегодня происходит на практике, а путем личного восприятия; повышение доверия к деятельности суда, который формирует свое внутреннее убеждение не на материалах уголовного дела, а благодаря непосредственному исследованию доказательств; наличие пробелов в доказательной системе дела и ее восполнение посредством производства необходимых судебных действий, предусмотренных гл. 37 УПК РФ;

«осуществление судом функции правосудия в публичном по своему характеру уголовном процессе предполагает законодательное наделение его правом проверять и оценивать с точки зрения относимости, допустимости и достоверности представленные сторонами обвинения и защиты доказательства как путем установления их источников и сопоставления с другими доказательствами в судебном заседании, так и путем получения и исследования – в рамках обвинения, предъявленного подсудимому либо измененного в соответствии с уголовно-процессуальным законом (ч. 2 ст. 252 УПК РФ), – иных доказательств, подтверждающих или опровергающих доказательство... Иное не позволяло бы суду при рассмотрении уголовных дел давать объективную оценку отстаиваемым сторонами позициям и устранять возникшие в ходе судебного разбирательства сомнения в их обоснованности, а следовательно, не обеспечивало бы независимость и беспристрастность суда при отправлении правосудия»¹.

6. Осмотр местности и помещения с участием сторон по делу отличается от классического осмотра места происшествия или жилища, производимого в ходе предварительного расследования по делу. Состязательный характер исследования доказательств трансформирует классический осмотр, производимый на досудебной стадии, в новое гибридное судебное действие, которое позволяет проводить осмотр местности (помещения), осуществлять проверку показаний на местности и допрос (подсудимого, потерпевшего, специалиста (эксперта)), причем в перекрестном порядке. На наш взгляд, это не нарушает ни общие условия судебного разбирательства, ни права участников процесса, ни процессуальную форму судебного разбирательства. В ходе судебного разбирательства дела нет и не должно быть четких процессуальных форм осуществления судебных действий по аналогии со следственными действиями. Исследование доказательств – это не формальный процесс познания доказательств (как на досудебной стадии, где форма превалирует над содержанием), а живое состязательное рассмотрение этих доказательств. Именно поэтому законодатель изначально использует общий протокол судебного заседания, не разделяя его на части в зависимости от того или иного судебного действия, как на досудебной стадии производства по делу.

Полное отражение в протоколе судебного разбирательства всех позиций (в том числе вопросов и ответов) участников осмотра, объективное отражение всех обстоятельств осмотра является залогом законности проведенного осмотра. Конечно, такая форма проведения осмотра является лишней гарантией исследования доказательств по де-

лу, создает условия для полной реализации общих условий судебного разбирательства, но при этом технические возможности по фиксации проведения и осмотра, и допросов одновременно требует определенной технической подготовки. Поскольку письменно тяжело отразить в протоколе ход данного процессуального действия, видится закономерным всегда осуществлять его как минимум с применением аудиозаписи, а как максимум – видеозаписи с последующей расшифровкой и ее отражением в протоколе судебного заседания. После этого стороны наделяются правом на ознакомление с ним, а также подачу замечаний и дополнений к нему.

Одним из основных рисков проведения осмотра в суде может быть отсутствие порядка в поведении участников процесса. Суд должен организовать осмотр таким образом, при котором исключается хаотичная постановка вопросов и получение ответов на них без разрешения суда (что очень часто происходит на практике). Суд должен представить всем участникам процесса возможность высказаться, обратить внимание на обстоятельства осмотра, ответить на все заданные вопросы, но в заранее определенном порядке. Нарушение данного правила подвергает сомнению проведенное таким образом судебное действие.

7. Принципиально иную позицию, в отличие от уголовно-процессуального законодательства России, занимает Модельный уголовно-процессуальный кодекс СНГ². Следуя реализации принципа состязательности сторон, осмотр местности и помещения могут осуществлять и сторона защиты, и сторона обвинения, и суд в зависимости от того, кто явился инициатором проведения данного осмотра (ч. 2 ст. 397 Модельный УПК СНГ). Следует признать, что данный подход абсолютно соответствует не только состязательности судебного разбирательства, но и последовательно реализует требование по праву предоставлять и самостоятельно исследовать доказательства (ст. 274 УПК РФ). Действительно, почему принято на уровне законодательства и практики, что часть доказательств сторона по делу может предоставлять и самостоятельно исследовать (например, допросы, исследование письменных материалов по делу), а другую часть судебных действий (тот же самый осмотр) должен санкционировать суд? Это преднамеренная непоследовательность законодателя разрушает состязательные основы исследования доказательств и под процессуальной ширмой провозглашенного равноправия скрывает обвинительный уклон, преследующий цель во чтобы то ни стало повторить доказательства представленные стороной обвинения. На основании этого правильнее было бы наделить стороны по делу правом реализовать все предусмотренные гл. 37

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2003 N 451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).

² Модельный уголовно-процессуальный кодекс Содружества Независимых Государств, принятый Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 года // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).

УПК РФ судебные действия самостоятельно, без санкции суда.

В подтверждение указанной позиции формируется и практика. В тех случаях, когда суд отказывает в проведении осмотра сторона защиты производит осмотр местности самостоятельно, предоставляя протокол адвокатского осмотра для его исследования. Во всех выявленных случаях данный протокол не исследовался, а ходатайство о его приобщении к материалам уголовного дела не удовлетворялось. Следует признать такую практику незаконной, она ограничивает стороны по делу в реализации своих прав на предоставление и непосредственное исследование доказательств в ходе рассмотрения дела.

Следующим важным новшеством производства осмотра в суде является предусмотренная ч. 4 ст. 397 Модельного УПК СНГ возможность поручить производство осмотра мировому судье по месту нахождения осматриваемого объекта: «С учетом обстоятельств дела суд с согласия сторон вправе поручить производство этих действий мировому судье по месту нахождения осматриваемых объектов. В этом случае осмотр производит судья с участием понятых. Составленный мировым судьей в соответствии с правилами ст. 258 настоящего Кодекса протокол оглашается в судебном заседании». Это очень важная гарантия по исследованию доказательств, которая также должна найти место в УПК РФ, которая может быть полезна при рассмотрении многоэпизодных уголовных дел, совершенных не только в разных регионах страны, но и разных населённых пунктах одного субъекта.

8. В ходе анализа судебной практики выявлены случаи, когда осмотр местности и помещения производится в ходе судебного следствия по ходатайству стороны защиты, однако впоследствии ею заявлялось ходатайство о признании недопустимыми результатов данного осмотра. В данных случаях вышестоящие суды, давая оценку доводам кассационных жалоб, обосновывали законность производства осмотра следующим образом: «Результатам проведенного в выездном судебном заседании осмотра местности и следственного эксперимента с участием свидетеля С. судом дана оценка в приговоре. Эти действия были проведены судом в соответствии с положениями ст. 287, 288, 181 УПК РФ, разница в высоте снежного покрова при проведении осмотра и эксперимента 21.02.2011 и в день убийства Д. 10.03.1999 на результаты не повлияла. Судом дана оценка всем исследованным в ходе судебного разбирательства доказательствам»¹.

На практике подобные случаи (когда сторона, ходатайствующая о проведении того или иного процессуального действия, после его производства обжалует его законность) вызывают крайнюю настороженность. Возникают как минимум два вопроса: либо при производстве данного процессуального действия нарушены права его участников

или процедура производства, либо если полученные результаты противоречат позиции стороны по делу. Так, из вышеуказанного примера следует, что сторона защиты оспаривает высоту снежного покрова на дату производства осмотра в суде. Почему, в таком случае, сторона защиты ходатайствует о проведении судебного действия, не выяснив заранее соответствует ли обстановка в момент производства осмотра той, которая была в момент совершения преступления? Такой профессиональной беспечностью позиции стороны защиты лишь подтверждаются первоначальные доказательства по делу и опровергается выбранная тактика защиты.

В случаях, когда сторона по делу апеллирует к тому, что при производстве осмотра не были установлены все обстоятельства, на которые она обращала внимание, и данные доводы не закрепились в протоколе судебного заседания, то позицию вышестоящих судов можно признать обоснованной, поскольку «неполнота судебного следствия в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством не является основанием для отмены или изменения приговора суда»².

9. В практике вышестоящих судов выявлены случаи, когда в одной части кассационного определения указывается на то, что осужденный оспаривает законность отказа в производстве осмотра места происшествия в суде, но в мотивировочной части решения не рассматривается данный довод жалобы осужденного³. Следует признать данную практику незаконной, поскольку каждый довод жалобы или представления должен быть мотивированно и обоснованно рассмотрен, тем более, когда в этих доводах указывается, что в ходе производства по делу нарушены конституционные права и свободы участников процесса. При этом видится недопустимым, когда все доводы жалобы или представления рассматриваются в общем (то есть не конкретно каждое заявленное обстоятельство), тем самым теряется смысл проверки доводов жалоб (представлений).

Однако большинство решений судов вышестоящих инстанций именно так и рассматривает доводы жалоб и представлений: «Нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену приговора, не имеется. Материалы уголовного дела исследованы полно, всесторонне и объективно. Ходатайства осужденных о дополнении судебного следствия проведением осмотра, экспертных исследований, вызове дополнительных свидетелей председательствующим судьей разрешены в соответствии с уголовно-процессуальным законом

² Кассационное определение Верховного Суда РФ № 66-О11-118 от 5.10.2011 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).

³ Кассационное определение Верховного Суда РФ № 66-О10-102 от 22.07.2010 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025); Кассационное определение Верховного Суда РФ № 45-009-7 от 2.02.2009 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ № 66-О11-118 от 5.10.2011 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).

с приведением соответствующих мотивов в постановлении с удовлетворением их в части»¹.

10. Статья 287 УПК РФ предусматривает возможность производства осмотра в помещении. Следует признать эту формулировку неудачной, поскольку непонятно, что конкретно под ней понимает законодатель, и входят ли в нее жилые помещения.

«В силу особого юридического статуса, обусловленного положениями международного права и Конституции РФ, осмотр жилища может быть проведен либо с согласия проживающих в нем лиц, либо на основании судебного решения. Для досудебного производства эта особенность действительно является принципиальной и предполагает использование механизмов судебного контроля, установленных ст. 165 УПК РФ. Вместе с тем судебный осмотр помещения, независимо от того, является ли оно жилищем или нет, в любом случае связан с вынесением соответствующего определения или постановления суда (ч. 1 ст. 287 УПК РФ). Поэтому в контексте судебного производства указанный специфический характер жилого помещения просто теряет всякий смысл; для судебного познания жилище приобретает характер обычного помещения»².

Согласно ч. 1 ст. 176 УПК РФ осмотр подразделяется на осмотр места происшествия, местности, жилища и иного помещения, предметов и документов. Поэтому применительно к рассматриваемому вопросу непоследовательность законодателя было правильнее изменить, детальнее определить ч. 1 ст. 287 УПК РФ объекты осмотра: места происшествия, местности, жилища и иного помещения. Это является важным не только в силу необходимости приведения законодательства к единообразному определению, но и (прежде всего) в силу практической обусловленности. На практике часты случаи, когда в материалах дела производятся осмотры и места происшествия, и местности, и жилища, и иного помещения. Однако неудачная законодательная формулировка создаёт риски в отказе в проведении не указанных в ст. 287 УПК РФ объектов осмотра: места происшествия, жилища. Поэтому во избежание недопустимого применения норм ст. 287 УПК РФ видится обоснованным дополнить их указанными положениями.

На основании проведенного исследования, предлагается сделать выводы.

1) Следует изменить название ст. 287 УПК РФ следующим образом: «Осмотр места происшествия, местности, жилища и иного помещения».

Часть 1 ст. 287 УПК РФ изменить следующим образом: «Осмотр места происшествия, местности, жилища и иного помещения проводится судом с участием сторон, а при необходимости – и с уча-

стием свидетелей, лиц, в отношении которых уголовные дела выделены в отдельное производство в связи с заключением с ними досудебного соглашения о сотрудничестве, эксперта и специалиста. Осмотр жилища и иного помещения проводится на основании определения или постановления суда».

Дополнить ст. 287 УПК РФ частью 3 по аналогии с ч. 3 ст. 184 ГПК РФ: «Результаты осмотра на месте заносятся в протокол судебного заседания. К протоколу прилагаются составленные или проверенные при осмотре планы, схемы, чертежи, расчеты, копии документов, сделанные во время осмотра видеозаписи, фотоснимки письменных и вещественных доказательств, а также заключение эксперта и консультация специалиста в письменной форме».

2) Порядок проведения осмотра местности (помещения) должен происходить следующим образом:

1. Суд предоставляет адвокату-защитнику право представить доказательство для его исследования.

2. Суд предлагает адвокату-защитнику разъяснить назначение проведения такого судебного действия, как осмотр помещения, с указанием обстоятельства доказываемого таким образом (согласно ст. 73 УПК РФ).

3. Суд выносит постановление в соответствии с ч. 1 ст. 287 УПК РФ о производстве осмотра помещения.

4. Суд предлагает сторонам судебного разбирательства право изучить представляемый адвокатом-защитником объект осмотра.

5. Суд предлагает адвокату-защитнику выявить все то, что, по его мнению, устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию в ходе осмотра; задать вопросы свидетелю, потерпевшему, эксперту, специалисту, подсудимому в связи с производимым осмотром.

6. Суд предлагает сторонам судебного разбирательства право задать вопросы свидетелю, потерпевшему, эксперту, специалисту, подсудимому в связи с производимым осмотром; сделать замечания и дать объяснения относительно проведенного осмотра местности.

7. Суд предлагает сторонам судебного разбирательства право заявить ходатайство, заявление относительно проведенного осмотра помещения.

8. Суд выясняет у сторон судебного разбирательства, считают ли они исследованным представленный адвокатом-защитником объект осмотра.

Литература

1. Бозров В.М., Кобяков В.М. Судебное следствие. Вопросы теории и практики. Екатеринбург: Каменный пояс, 1992. С. 45–46.
2. Васяев А.А. Осмотр местности и помещения в ходе судебного следствия // Современное право. – 2011. – № 7. – С. 117–118.

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ № 66-О10–102 от 22.07.2010 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).

² Россинский С.Б. Осмотр местности и помещения как «невербальной» судебное действие // Российский судья. – 2015. – № 4. – С. 27–31.

3. Васяев А.А. Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. С. 343–344.
4. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 19–004–35сп от 13.05.2004 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).
5. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 19–004–35сп от 13.05.2004 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).
6. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 58–006–42 от 13.09.2006 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).
7. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 45–009–7 от 2.02.2009 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).
8. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 66–О10–102 от 22.07.2010 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025);
9. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 66–О11–118 от 5.10.2011 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).
10. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации № 5-КА19–16от 05.07.2019 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).
11. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 48-УД23–1-А2 от 21.02.2023 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).
12. Кириллова Н.П. Иные следственные действия // http://www.law.vl.ru/analit/all_exec.php?section=7&range=8 (дата обращения: 01.04.2025)
13. Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2003 N 451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Векера Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).
14. Модельный уголовно-процессуальный кодекс Содружества Независимых Государств, принятый Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 года // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).
15. Постановление Верховного Суда РФ № 16УТП21–2 от 27.09.2021 // Справочно-

правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).

16. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-85868/2023 по делу № А40–104339/2023 от 05.02.2024 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.04.2025).
17. Россинский С.Б. Осмотр местности и помещения как «невербальной» судебное действие // Российский судья. – 2015. – № 4. – С. 27–31.

INSPECTION OF THE AREA AND PREMISES DURING THE EXAMINATION OF EVIDENCE IN THE COURT OF FIRST INSTANCE IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Vasyaev A.A.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MGUA)

This article examines the problematic aspects of conducting an inspection of the area and premises during the examination of evidence in the court of first instance in Russian criminal proceedings. Among the main conclusions obtained in the course of the study, the following should be highlighted. Firstly, the possibility of inspecting the area and premises during the trial provided by the legislator is an important guarantee of a comprehensive, complete and objective examination of evidence, which is rarely used in practice. Secondly, the complexity of organizing off-site court hearings should not be an excuse for their appointment and conduct; higher courts consistently recommend that courts carry them out when considering a case if the need arises. Thirdly, Article 287 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not provide for the right of the court to independently appoint an inspection, which is a shortcoming of the criminal procedure legislation. Fourthly, an inspection of the area and premises with the participation of the parties to the case differs from the classic inspection of the scene of the incident or home, carried out during the preliminary investigation of the case. The adversarial nature of the examination of evidence transforms the classic inspection carried out at the pre-trial stage into a new complex hybrid judicial action. Fifth, the Model Criminal Procedure Code of the CIS takes a fundamentally different position, in contrast to the criminal procedure legislation of Russia, in regulating the procedural order of conducting an inspection during a trial. Following the implementation of the principle of adversarial nature of the parties, the inspection of the area and premises can be carried out by both the defense, the prosecution, and the court, depending on who initiated the inspection (Part 2 of Article 397 of the Model Criminal Procedure Code of the CIS). Sixth, the obligation to justify the need for the participation of a specialist during the inspection in court and ensuring his presence should fall on the party to the process petitioning for this judicial action. Seventh, Article 287 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation provides for the possibility of conducting an inspection on the premises, in connection with which the article recognizes that this wording of the legislator is unsuccessful, since it creates risks in practice in refusing to conduct an inspection of residential premises. In conclusion, it is proposed to amend and supplement the provisions of Article 287 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and also provides a procedural order for conducting an inspection of a location, home or other premises during a judicial investigation.

Keywords: inspection of a location, premises, home, examination of evidence, judicial investigation, efficiency.

References

1. Bozrov V.M., Kobyakov V.M. Forensic investigation. Theoretical and Practical Issues. Yekaterinburg: Kamenny Poyas, 1992. Pp. 45–46.
2. Vasyaev A.A. Inspection of the area and premises during the trial // Modern law. – 2011. – No. 7. – Pp. 117–118.
3. Vasyaev A.A. Theory of evidence examination in Russian criminal proceedings: monograph. – М.: YurLitinform, 2016. Pp. 343–344.

4. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19–004–35sp dated 13.05.2004 // Reference and legal system “Consultant Plus” (date of access: 01.04.2025).
5. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19–004–35sp dated 13.05.2004 // Reference and legal system “Consultant Plus” (date of access: 01.04.2025).
6. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58–006–42 dated 13.09.2006 // Reference and legal system “Consultant Plus” (date of access: 01.04.2025).
7. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 45–009–7 dated 2.02.2009 // Reference and legal system “Consultant Plus” (date of access: 01.04.2025).
8. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 66–O10–102 dated 22.07.2010 // Reference and legal system “Consultant Plus” (date of access: 01.04.2025);
9. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 66–O11–118 dated 5.10.2011 // Reference and legal system “Consultant Plus” (date of access: 01.04.2025).
10. Cassation ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-KA19–16 dated 05.07.2019 // Reference and legal system “Consultant Plus” (date of access: 01.04.2025).
11. Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48-UD23–1-A2 dated 21.02.2023 // Reference and legal system “Consultant Plus” (date of access: 01.04.2025).
12. Kirillova N.P. Other investigative actions // http://www.law.vl.ru/analit/all_exec.php?section=7&range=8 (date accessed: 01.04.2025)
13. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.11.2003 N 451-O “On the refusal to accept for consideration the complaints of citizen Sergei Vladimirovich Vekker regarding the violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 86, 87, 235, 252, 253, 283 and 307 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // Reference and legal system “Consultant Plus” (date accessed: 01.04.2025).
14. Model Criminal Procedure Code of the Commonwealth of Independent States, adopted by the Resolution of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the CIS dated February 17, 1996 // Reference and legal system “Consultant Plus” (date of access: 01.04.2025).
15. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 16UTP21–2 dated September 27, 2021 // Reference and legal system “Consultant Plus” (date of access: 01.04.2025).
16. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal No. 09AP-85868/2023 in case No. A40–104339/2023 dated 05.02.2024 // Reference and legal system “Consultant Plus” (date of access: 01.04.2025).
17. Rossinsky S.B. Inspection of terrain and premises as a “non-verbal” judicial action // Russian judge. – 2015. – No. 4. – P. 27–31.

Весельский Виктор Сергеевич,

аспирант кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета, магистр Санкт-Петербургского государственного университета по направлению «Финансовый юрист»
E-mail: vs.veselsky@yandex.ru

Статья раскрывает значимые этапы развития правового регулирования рынка ценных бумаг Китая в контексте защиты прав инвесторов, которая рассматривается как ключевой фактор стабильности и роста финансовой системы страны.

Автор подчеркивает дуализм китайской модели: сочетание жесткого государственного контроля (уголовная и административная ответственность) с расширением частноправовых инструментов (гражданские иски, компенсации). Это позволяет балансировать между сдерживанием нарушений и восстановлением прав инвесторов.

Ключевые слова: Китай, КНР, рынок ценных бумаг, правовое регулирование, комиссия по регулированию ценных бумаг, Центр обслуживания инвесторов Китая по ценным бумагам

Рынок ценных бумаг – незаменимый элемент любого государства с развитой или развивающейся экономикой, он является неотъемлемым элементом финансовой системы любой страны, обеспечивая мобилизацию капитала, развитие предприятий и стимулирование экономического роста. В условиях стремительного экономического развития Китая и интеграции его финансовых рынков в мировую систему, вопрос совершенствования правового регулирования рынка ценных бумаг приобрел особое значение. За последние десятилетия Китай претерпел значительные изменения в области законодательства, направленные на укрепление доверия инвесторов, повышение прозрачности и эффективности рынка.

Для понимания особенностей правового регулирования китайского рынка ценных бумаг, необходимо обратиться к исторической перспективе его развития.

Следует упомянуть, что в середине 20 века, на фоне значительных политических и экономических изменений, фондовые биржи Китая, действовавшие ранее, были закрыты. Безусловно на это повлияла политика коммунистической партии, которая ознаменовала переход страны к социалистической экономике. Такой переход означал необходимость ликвидации рыночных институтов, в том числе частной собственности, негосударственных банков и фондов бирж, поскольку они воспринимались как место для спекуляций, что не соответствовало политике страны на тот момент, также они являлись препятствием для перехода к плановой экономике. После завершения социалистических преобразований в 1956 году акционерное финансирование практически сошло на нет в секторе промышленных и коммерческих предприятий [2].

Однако экономика развивалась, набирала обороты, менялись политические веяния, что в совокупности позволило «ослабить» столь жесткую политику в отношении ценных бумаг. Особенное значение имеет в этот исторический период политика реформ и открытости, заключавшаяся в том числе в построении социализма с некой китайской спецификой. Государство пришло к выводу о необходимости перехода к социалистической рыночной экономике.

Началось осуществление первых шагов по развитию рынка ценных бумаг, созданию для этого инфраструктуры. В 1984 году, став первым эмитентом, пекинская акционерная компания универмаг «Тяньцао» (англ. Tianqiao Department Store Co. Ltd.) выпустил акции со сроком обращения 5 лет, которые могли приобрести только работники организации. Выпуск первых акций производился

в отсутствие специального органа, занимающегося регулированием рынка ценных бумаг, в связи этим занимались местные органы власти совместно с Народным банком КНР [2].

В августе 1984 г. был издан «Закон о временных способах выпуска акций», которым правительство Шанхая наделило местное подразделение Народного банка Китая полномочиями по регулированию фондовых операций.

Спустя три года, в 1987 г. Госсоветом КНР издано «Временное постановление о выпуске предприятиями долговых обязательств», который стал первым актом в направлении развития общенационального регулирования рынка ценных бумаг Китая, а также наделил всех юридических лиц правом выпуска долговых обязательств. Однако политика государства оставалась довольно-таки строгой, в связи с чем следом за «Временным постановлением о выпуске предприятиями долговых обязательств», также было опубликовано «Уведомление об усилении контроля над акциями и долговыми обязательствами». Уведомлением устанавливалось, что финансовые организации вправе осуществлять выпуск акций при получении специального разрешения Центрального Банка КНР [3, с. 258]. Далее в 1990–1991 гг. вновь были открыты Шанхайская и Шэньчжэньская фондовые биржи.

Следующим значимым этапом в развитии правового регулирования рынка ценных бумаг Китая стало создание единого регулирующего органа – Комиссии по регулированию рынка ценных бумаг Китая [2].

Один из наиболее значимых правовых актов – это «Закон о компаниях», впервые принятый Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей в 1993 г. «Закон о компаниях» установил условия выпуска ценных бумаг, порядок передачи акций, ограничения на передачу, требования к корпоративным правилам управления листингуемых компаний. Также этот закон установил, что для листинга акций необходимо получение одобрения Госсовета КНР, либо уполномоченного им местного департамента по регулированию рынка ценных бумаг.

В этот период времени «Закон о компаниях» частично подменял собой закон о рынке ценных бумаг, разработка которого велась, в результате чего Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей в 1998 году был принят и обнародован «Закон о рынке ценных бумаг».

В период 1997–1998 гг. Комиссию по регулированию рынка ценных бумаг Китая наделили множеством полномочий и функций, связанных с регулированием рынка ценных бумаг, в том числе с управлением Шанхайской и Шэньчжэньской фондовыми биржами, также теми функциями, которые ранее осуществлял Народный банк КНР, местные департаменты. Регулирование рынка развивалось в направлении централизации, унификации, отхода от ранее присущей ему разрозненности, происходил переход к созданию единой национальной системы регулирования.

Примечательна такая особенность Закона Китая о рынке ценных бумаг 1999 года, как ее публично-правовой характер. Он регламентирует практически все возможные вопросы и сферы этого института, включая: надзор за выпуском ценных бумаг, торговлей ими; надзор за фондовыми биржами, учреждениями по регистрации и расчетам по ценным бумагам, учреждениями по обслуживанию торговли ценными бумагами, ассоциациями отрасли ценных бумаг; а также дает разъяснения по вопросам обязанностей и полномочий органов по надзору и управлению ценными бумагами.

Вопрос ответственности в Законе КНР о рынке ценных бумаг также довольно таки интересен для рассмотрения. Закон устанавливает административную и уголовную ответственность, а также лишь в отдельных ситуациях предусматривает гражданско-правовую ответственности эмитента, учреждений по обслуживанию ценных бумаг, включая руководителей и топ-менеджеров.

Также в рамках развития законодательства в направлении защиты интересов инвесторов, в 2005 году был учрежден Фонд защиты инвесторов, обеспечивший финансовую поддержку многочисленным инвесторам. Необходимость создания Фонда обусловлена рядом причин, основные из них: ошибки как самих инвесторов, так и финансовых посредников, влекущие значительные финансовые потери для всех сторон, а также важность обеспечения стабильности рынка, экономики и доверия к ней со стороны частных инвесторов.

Первые преобразования Закон о рынке ценных бумаг претерпел в 2006 году. В новой редакции закона было закреплено, что управление фондовыми биржами осуществляется в формате «саморегулируемого управления», в саморегулируемое управление фондовых бирж переданы права на листинг, приостановку и прекращение листинга [1].

Стоит упомянуть, на протяжении длительного периода розничные инвесторы не имели возможности обращаться с исками о компенсации ущерба, нанесенного ложными заявлениями компаний. Однако в 2022 году Верховным народным судом было опубликовано Уведомление, открывающее для граждан такую возможность. Они могли обратиться в суд при условии, что ранее компания уже была привлечена Комиссией по урегулированию рынка ценных бумаг Китая к административной ответственности в виде штрафа.

Однако все еще граждане не могли обращаться за компенсацией ущерба, обусловленного двумя другими видами мошенничества с ценными бумагами: манипулированием рыночными ценами и мошенничеством в собственных интересах.

Следующие значительные изменения в Закон о рынке ценных бумаг КНР внесены в 2020 году, в него была добавлена важнейшая глава «Защита прав инвесторов». Закон помимо гражданско-правовой ответственности компаний за раскрытие и продажу внутренней информации, также установил регулирование в вопросах защиты прав инвесторов в виде компенсации. Предыдущая ре-

дакция закона в статьях 76 и 77 предусматривала гражданско-правовую ответственность за инсайдерскую торговлю и манипулирование рынком ценных бумаг, в то время как новая редакция, помимо того что разъяснила компенсационную ответственность листингуемых компаний, их директоров, руководителей и топ-менеджеров, также установила возможность обращения за такой судебной защитой в форме коллективных исков.

Почему для китайского государства особую важность при разработке правового регулирования имеет вопрос защиты прав инвесторов становится довольно-таки очевидным при ознакомлении со статистикой, показывающей, что розничные инвесторы составляют более 90% от общего числа инвесторов [6]. Эта группа не может обладать достаточным уровнем квалификации и образования, чтобы государство не было озадачено вопросами защиты их прав.

Эта отличительная черта китайского рынка ценных бумаг, в отличие от иных стран, где преобладающее большинство инвесторов – институциональные инвесторы, привела также к необходимости разработки и внедрения такого механизма как коллективные иски инвесторов. Представителем в таких коллективных исках выступает «Центр обслуживания инвесторов» (англ. China Securities Small and Medium Investors Service Center Co., Ltd.), который обеспечивает наибольшую эффективность при представлении интересов большого числа инвесторов в гражданско-правовых судебных делах.

Анализируя последние изменения в Закон о рынке ценных бумаг КНР можно сказать, что он ориентирован на создание нормативной базы и парадигмы мышления, основанной на защите прав инвесторов [4]. Механизмы административной и уголовной ответственности, а также гражданско-правовая ответственность, действуя в совокупности, выполняют двойную функцию, как компенсации, так и сдерживания поведения [5, с. 757–798]. Так, государственное принуждение обеспечивает соблюдение законодательства о ценных бумагах, используя надзорные и управленческие органы, а частное принуждение работает при обращении инвесторов с гражданскими исками.

Литература

1. Лу Вэньдао. Правовой анализ природы фондовых бирж и их саморегулирующего поведения. Суд по ценным бумагам. 2011. № 2.

2. Ма Цинцюань, У Цин. История китайских ценных бумаг // Китайское финансовое издательство (Том 1). Пекин. 2009.
3. Селищев А.С. Финансовые рынки и институты Китая: монография / А.С. Селищев, Н.А. Селищев и А.А. Селищев. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – 258 с.
4. Чэнь Цзе. Три «китайские особенности» системы защиты инвесторов нового Закона о ценных бумагах // Журнал ценных бумаг Китая. 2020.
5. Huang Robin Hui. Private Enforcement of Securities Law in China: A Ten-Year Retrospective and Empirical Assessment // American Journal of Comparative Law. 2013. P.p. 757–798.
6. В 2023 году в Китае было открыто 210 миллионов розничных счетов. Brokerage China. Электронный ресурс. URL: <https://finance.sina.com.cn/stock/zqgd/2023-01-02/doc-imxytfsv2335189.shtml>

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE CHINESE SECURITIES MARKET

Veselsky V.S.

Samara State University of Economics, Saint Petersburg State University

The article reveals significant stages in the development of legal regulation of the Chinese securities market in the context of investor protection, which is considered as a key factor in the stability and growth of the country's financial system.

The author emphasizes the dualism of the Chinese model: the combination of strict state control (criminal and administrative liability) with the expansion of private law instruments (civil lawsuits, compensation). This allows us to balance between curbing violations and restoring investors' rights.

Keywords: China, PRC, securities market, legal regulation, Securities Regulatory Commission, China Securities Investor Service Center

References

1. Lu Wendao. Legal Analysis of the Nature of Stock Exchanges and Their Self-Regulatory Behavior. Securities Court. 2011. No. 2.
2. Ma Qingquan, Wu Qing. History of Chinese Securities // China Financial Publishing House (Vol. 1). Beijing. 2009.
3. Selishchev A.S. Financial Markets and Institutions of China: Monograph / A.S. Selishchev, N.A. Selishchev and A.A. Selishchev. – Moscow: INFRA-M, 2019. – 258 p.
4. Chen Jie. Three “Chinese Features” of the Investor Protection System of the New Securities Law // China Securities Journal. 2020.
5. Huang Robin Hui. Private Enforcement of Securities Law in China: A Ten-Year Retrospective and Empirical Assessment // American Journal of Comparative Law. 2013. P.p. 757–798.
6. In 2023, 210 million retail accounts were opened in China. Brokerage China. Electronic resource. URL: <https://finance.sina.com.cn/stock/zqgd/2023-01-02/doc-imxytfsv2335189.shtml>

Ответственность информационного посредника за нарушение авторских и смежных прав в сети интернет

Гершкович Сергей Аркадьевич,

аспирант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия»

E-mail: SergeyGershc@yandex.ru

Исследование посвящено правовому статусу информационного посредника и основаниям для привлечения его к гражданско-правовой ответственности за нарушение авторских и смежных прав в сети Интернет. Цель статьи – формулирование научно обоснованных выводов по вопросу о том, соответствует ли регулирование информационных посредников тенденциям современной цифровой реальности. Для достижения этой цели автором рассмотрен ряд доктринальных публикаций по тематике исследования, а также привлечены материалы судебной практики. В частности, гражданским процессуальным законодательством установлена специальная компетенция Московского городского суда по рассмотрению споров о защите авторских и смежных прав в сети Интернет. Данное обстоятельство делает практику этого судебного органа интересной для анализа.

Результаты исследования показали, что, вопреки позициям ряда ученых, положения гражданского законодательства об информационном посреднике соответствуют тенденциям времени и успешно применяются судами для квалификации в качестве таковых маркетплейсов, видеоплатформ, новостных порталов и прочих. Возможные несовершенства юридической техники Гражданского кодекса РФ компенсируются сформулированными в судебной практике подходами.

В ходе исследования использовались традиционные для юридической доктрины общенаучные и специальные (собственно юридические) методы анализа.

Ключевые слова: информационные посредники, цифровые платформы, маркетплейсы, авторские права, смежные права, интеллектуальная собственность, гражданско-правовая ответственность.

Введение

В 2013 г. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4] был дополнен статьей 1253.1, устанавливающей основания ответственности информационного посредника [12]. Эта норма приобрела особую актуальность в последние несколько лет на фоне активного развития маркетплейсов, цифровых платформ, различных приложений и т.д. Фактически информационные посредники становятся центральными субъектами современной цифровой экономики, опосредующими движение товаров, выполнение работ, оказание услуг и просто предоставление информации. Очевидно и то, что на подобных цифровых платформах используются результаты интеллектуальной деятельности, охраняемые как объекты авторских и смежных прав. Охрана исключительных прав на них была и остается задачей гражданского законодательства (в частности, законодательства об интеллектуальной собственности). И, хотя о защите авторских и смежных прав в сети Интернет написано уже немало, ответственность информационных посредников за их нарушения остается актуальным и перспективным предметом исследования. Это подтверждается вниманием к данной проблематике со стороны Верховного Суда РФ: в мае 2024 г. был подготовлен тематический обзор судебной практики [8], а в апреле 2025 г. увидела свет публикация судьи Верховного Суда РФ С.В. Астахова об актуальных проблемах правоприменения в рассматриваемой сфере [2].

Материалы и методы исследования

Настоящее исследование опирается на актуальные доктринальные разработки и материалы судебной практики. В частности, фундаментальное значение для рассматриваемой проблематики имеет кандидатская диссертация Р.Т. Нуруллаева об основаниях ответственности информационного посредника [7]. Между тем, данная работа была защищена в 2018 г. и за прошедшее время возникли новые вопросы и проблемы судебной практики. К тому же сам Р.Т. Нуруллаев пришел к заключению, что баланс между правами и законными интересами информационных посредников, владельцев сайтов, интернет-пользователей и правообладателей правоприменительной практикой еще не найден, что актуализирует возвращение к данному предмету исследования.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [5] в ч. 3 ст. 26 устанавливает специальную компетенцию Москов-

ского городского суда по делам о защите авторских и смежных прав в сети Интернет. В этой связи правоприменительная практика данного судебного органа представляет немалый интерес для анализа.

Итак, по смыслу гражданского законодательства информационным посредником является лицо, которое реализует в сети Интернет одну из трех функций:

- передает материал (например, сайт новостей);
- предоставляет возможность разместить материал или информацию, которая нужна, чтобы его получить;
- предоставляет возможность доступа к материалу.

Иными словами, информационный посредник это либо провайдер, либо владелец сайта, либо оператор связи. ГК РФ идет, таким образом, по пути перечисления видов информационных посредников, отказавшись от формулирования некой дефиниции. Перспективы введения такой дефиниции видятся достаточно туманными. С одной стороны, она бы не помешала – как минимум ввиду того, что виды информационных посредников формулировались законодателем до эпохи цифровых платформ. Но с другой же стороны видится малореальным сформулировать такое понятие, которое бы предугадало наперед все возможные тенденции цифрового развития и охватило бы категории, которые только появятся в будущем.

Высказывается и точка зрения, согласно которой введенные в 2013 г. квалифицирующие критерии информационного посредника в современной цифровой реальности ничего продуктивного не дают. Так, Л.В. Андреева указывает, что использование в данном термине слова «посредник» изначально было ошибочным, так как в доктрине гражданского права посредническая деятельность имеет совершенно иную правовую природу. Кроме того, согласно позиции профессора, ошибочно в качестве информационных посредников рассматривать маркетплейсы – они являются организаторами электронной торговли, а никакими не посредниками [1].

Отметим, что ст. 1253.1 ГК РФ устанавливает не только виды информационных посредников, но и основания освобождения их от гражданско-правовой ответственности за нарушения интеллектуальных прав. Общая идея этих оснований состоит в том, что информационный посредник не подлежит ответственности, если выполнял лишь техническую функцию, не определял конечных получателей информации и «не знал и не должен был знать» о неправомерном характере информации. Взятая в кавычки формулировка (она используется в пп. 3 п. 2 ст. 1253.1 ГК РФ) достаточно своеобразна и сама по себе провоцирует вопрос: если информационный посредник не знал, не должен был, но вполне мог узнать, что размещаемая информация нарушает интеллектуальные права, то подлежит ли он ответственности? Думается, что замысел законодателя при конструировании юридической

техники данной нормы состоял в предотвращении излишнего формализма правоприменения. Однако эффект был достигнут несколько иной. Как отмечают О.А. Городов, М.А. Егорова теперь различные субъекты экономической деятельности в цифровой сфере стремятся позиционировать себя именно как информационные посредники – с тем, чтобы основания освобождения от гражданско-правовой ответственности распространялись и на них [3].

Не лишено рационального смысла предложение Н.В. Иванова о нормативном закреплении обязанности информационных посредников по осуществлению «автоматической превентивной модерации, неисполнение которой должно свидетельствовать о виновности информационного посредника в нарушении исключительного права» [6]. Вместе с тем, при масштабах деятельности ряда маркетплейсов такое предложение выглядит труднореализуемым.

Результаты и обсуждения

В силу изложенных доктринальных позиций представляется возможным констатировать, что понятие «информационный посредник» остается недостаточно конкретизированным (как в целом, так и применительно к современной цифровой реальности). Тем интереснее рассмотреть подходы, складывающиеся в судебной практике. Экстраполяция доктринальных суждений на вопросы, складывающиеся в правоприменительной плоскости, позволяет прийти к научно обоснованным выводам.

Так, Московским городским судом были рассмотрены иски о взыскании компенсации морального вреда от общества «Издательство «Джем», являющегося правообладателем фонограмм песен группы «Руки Вверх» к компании «IRICOM US LTD». Ответчик разместил данные фонограммы на сайте apple.music.com и сделал их доступными для скачивания. Решением Московского городского суда, впоследствии поддержанным как апелляционной, так и кассационными инстанциями, ответчику было запрещено создание технических условий, обеспечивающих доведение до всеобщего сведения и иное использование спорных фонограмм [9]. В частности, суды установили, что права на объекты смежных прав перешли истцу на основании договоров об отчуждении исключительных прав, а ответчик, администрирующий интернет-площадку на сайте apple.music.ru, во-первых, может быть квалифицирован как информационный посредник; во-вторых, претензии истца оставлял без внимания и удовлетворения. Примечательно, что сам вопрос об установлении признаков информационного посредника не вызвал у судов каких-либо практических сложностей. При рассмотрении дела в апелляции и кассации основные споры имели место даже не между истцом и ответчиком, а между истцом и третьими лицами относительно того, кто является правообладателем спорных объектов смежных прав.

Интерес представляет и рассмотренное в 2024 г. Санкт-Петербургским городским судом

дело по иску гражданки Б. к ряду юридических лиц, являющихся владельцами и администраторами новостных и информационных интернет-площадок. Истица в 2021 г. сняла на свой смартфон три коротких видео (продолжительностью менее минуты каждое), а затем выложила их в социальной сети «ВКонтакте». К участию в деле было привлечено двенадцать ответчиков и выводы судов относительно оснований для наступления гражданско-правовой ответственности каждого из них были различные. Так, трое ответчиков, размещая видеозаписи истицы, указали ее авторство, в связи с чем суды сделали выводы о том, что использование произведения было правомерным. Прочие ответчики по заявлениям истицы прекратили неправомерное использование – на этом основании были сделаны выводы о необходимости снижения подлежащей взысканию компенсации. Данный подход выглядит несколько странно, поскольку прекращение неправомерного использования по смыслу статьи 1253.1 ГК РФ является основанием для освобождения от гражданско-правовой ответственности, а не ее смягчения. Наконец, относительно двух ответчиков суды установили, что жалобы истицы они проигнорировали, видеозаписи не удалили, а поэтому подлежат привлечению к гражданско-правовой ответственности в размерах, указанных истицей в исковом заявлении [11].

Любопытным нюансом данного дела является то, что судебные инстанции разошлись в оценке того, является ли видеозапись истицы произведением по смыслу гражданского законодательства. Первая инстанция (Санкт-Петербургский городской суд) исходила из того, что спорные видеозаписи являются не более чем сообщениями о событии и поэтому как объекты авторского права произведениями не являются. Вместе с тем, апелляция и кассация сделали вывод, что истица пусть и с минимальным творческим вкладом, но все же создала аудиовизуальное произведение. Критерий творческой ценности произведения гражданское законодательство, как известно, не устанавливает.

Возвращаясь к практике Московского городского суда, отметим, что с 2024 г. в его производство стали поступать иски о защите прав на аудиовизуальные произведения, размещенные на портале youtube.com. Так, например, в январе 2025 г. были удовлетворены иски о запрете создания технических условий, обеспечивающих размещение, распространение и иное использование аудиовизуальных произведений на данном сайте (сами произведения были посвящены различным вопросам ведения дачного хозяйства). Суд установил, что ответчик предоставляет технические возможности размещения материалов фактически кому угодно, сам в создании этих материалов не участвует, а требования Д.В.А. о прекращении неправомерного использования проигнорировал. При таких обстоятельствах суд сделал выводы о наличии оснований для привлечения ответчика к гражданско-правовой ответ-

ственности [14]. Интересно, что в этом деле (как и других подобных делах) судебный орган использовал портал Whois, позволяющий определить реального владельца сайта.

Другим частым ответчиком по данной категории дел является общество «Кех Коммерц» – владелец интернет-сайта «Авито». Так, например, Московским городским судом было рассмотрено исковое заявление Ю.В. Леоновой о защите прав на произведение – книгу о нумерологии (обратим внимание, что авторским правом охраняются и такие произведения). Истица обнаружила, что супруги Н.Ю. и Е.А. Петрашovy, не имеющие никаких прав на данное произведение, разместили данную книгу на портале «Авито» для ее продажи. Общество «Кех коммерц» было признано судом информационным посредником, а факт непринятия мер по удалению контрафактного материала послужил основанием для привлечения его к гражданско-правовой ответственности [13].

Конечно, информационными посредниками может быть признан не только некий крупный субъект экономической деятельности подобный владельцам youtube или Авито. Зачастую информационным посредником выступают и владельцы сайтов с куда более скромными масштабами деятельности. Более того, существуют некоторые сложности с разграничением признаков информационного посредника и лица, непосредственно осуществившего неправомерное размещение материала. Так, Седьмым кассационным судом общей юрисдикции были отменены судебные акты Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга и Свердловского областного суда с одновременным направлением дела на новое рассмотрение в первую инстанцию. В рамках данного дела гражданка (ее фамилия в опубликованных судебных актах обезличена) обратилась с иском к Н. и обществу «Издательские решения». Истица указывала, что она является автором фотографического произведения, которое Н. использовал (применив цветокоррекцию и зеркальное отображение) на обложке написанной им книги. Сама книга была размещена для продажи на сайте, владельцем которого являлось общество «Издательские решения». Суды первой и апелляционной инстанций квалифицировали данное общество как информационного посредника. Однако кассационная инстанция пришла к заключению, что такой подход является преждевременным. В частности, судами не были изучены положения пользовательского соглашения между Н. и обществом «Издательские решения», без чего невозможно было сделать вывод, осуществляет ли владелец сайта исключительно технические функции. Направляя дело на новое рассмотрение, суд кассационной инстанции указал на необходимость выяснить, не получало ли общество «Издательские решения» доход от размещения книги с фотографией истицы на обложке. При данном обстоятельстве данного ответчика следует квалифицировать не как информационного посредника, а как лицо, непосредственно использующего без правовых ос-

нований объект авторского права [10]. Наконец, судами не было выяснено, кто именно подготовил обложку и разместил ее на интернет-сайте.

Заключение

По итогам проведенного краткого исследования представляется возможным сделать ряд выводов.

Возможность квалификации лица как информационного посредника появилась в российском правовом поле в 2013 г. Законодатель отказался от попыток дать некую всеобъемлющую дефиницию, ограничившись указанием на три вида информационных посредников, а также на основания освобождения их от гражданско-правовой ответственности. За прошедшее с момента появления в ГК РФ статьи 1253.1 время учеными высказывались претензии как в целом к юридической технике данной нормы, так и конкретно к ее содержанию. В частности, указывалось, что в современной цифровой реальности данная норма выглядит морально устаревшей.

Между тем, судебная практика показывает, что опасения ученых во многом напрасны. Судебные органы давно перестали воспринимать статью 1253.1 ГК РФ как некую *terra incognita*, вполне уверенно ее применяют, выработали квалифицирующие признаки информационных посредников и даже научились применять электронные технологии, позволяющие определять реального владельца сайта.

Позиция ученых о несоответствии данной нормы современным цифровым реалиям также вряд ли может быть поддержана. Напротив, судебной практикой маркетплейсы квалифицируются именно как информационные посредники.

Вопросы ответственности информационных посредников остаются в зоне внимания Верховного Суда РФ, о чем говорит как принятие специального обзора судебной практики по данному вопросу, так и научные публикации представителей судейского корпуса. Такое внимание позволяет сделать вывод о том, что при возникновении новых проблем и вопросов в правоприменительной практике они оперативно получают научно обоснованное решение.

Литература

1. Андреева Л.В. Трансформация правового понятия посредника при применении цифровых технологий в торговом обороте // Право и цифровая экономика. 2024. № 2. С. 5–12.
2. Асташов С.В. Защита авторских и смежных прав в сети Интернет // Цивилист. 2025. № 2. С. 5–7.
3. Городов О.А., Егорова М.А. Основные направления совершенствования правового регулирования в сфере цифровой экономики в России // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. С. 11–12.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. 2006. № 289.

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. № 220.
6. Иванов Н.В. Особенности ответственности информационного посредника за нарушение исключительного права // Закон. 2023. № 5. С. 37–52.
7. Нуруллаев Р.Т. Информационный посредник как субъект информационного права. Дисс. ... к.ю.н. М., 2018. 236 с.
8. Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 года) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsr.ru/documents/all/33621/> (дата обращения: 20.05.2025).
9. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.10.2024 № 88–25523/2024.
10. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.01.2025 № 88–94/2025.
11. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26.06.2024 № 88–12620/2024 по делу N 2–156/2023.
12. Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // Российская газета. 2013. № 148.
13. Решение Московского городского суда от 23.12.2024 по делу № 3–1904/2024.
14. Решение Московского городского суда от 15.01.2025 № 3–25/2025.

LIABILITY OF INFORMATION INTERMEDIARIES FOR VIOLATION OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS ON THE INTERNET

Gershkovich S.A.
Moscow University 'Synergy'

This study is devoted to the legal status of information intermediaries and the grounds for holding them civilly liable for infringement of copyright and related rights on the Internet. The purpose of the article is to formulate scientifically sound conclusions on whether the regulation of information intermediaries is in line with the trends of modern digital reality. To achieve this goal, the author reviewed a number of doctrinal publications on the subject of the study and drew on materials from judicial practice. In particular, civil procedural law establishes the special jurisdiction of the Moscow City Court to hear disputes concerning the protection of copyright and related rights on the Internet. This circumstance makes the practice of this judicial body interesting for analysis.

The results of the study showed that, contrary to the positions of a number of scholars, the provisions of civil law on information intermediaries correspond to current trends and are successfully applied by courts to qualify marketplaces, video platforms, news portals and others as such. Possible imperfections in the legal technique of the Civil Code of the Russian Federation are compensated for by approaches formulated in judicial practice. The study used general scientific and special (legal) methods of analysis traditional for legal doctrine.

Keywords: information intermediaries, digital platforms, market-places, copyright, related rights, intellectual property, civil liability.

References

1. Andreeva L.V. Transformation of the legal concept of an intermediary in the application of digital technologies in trade // Law and digital economy. 2024. No. 2. pp. 5–12.
2. Astashov S.V. Protection of copyright and related rights on the Internet // Civilist. 2025. No. 2. pp. 5–7.
3. Gorodov O.A., Egorova M.A. Main directions of improving legal regulation in the field of digital economy in Russia // Law and digital economy. 2018. No. 1. pp. 11–12.
4. Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 12/18/2006 No. 230-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2006. No. 289.
5. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2002. No. 220.
6. Ivanov N.V. Features of the liability of an information intermediary for violation of an exclusive right // Law. 2023. No. 5. Pp. 37–52.
7. Nurullaev R.T. Information intermediary as a subject of information law. Diss. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2018. 236 p.
8. Review of judicial practice in considering civil cases related to violation of copyright and related rights in the information and telecommunications network “Internet” (Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 29, 2024) // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/all/33621/> (date accessed: 20.05.2025).
9. Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 22.10.2024 No. 88–25523/2024.
10. Determination of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated 15.01.2025 No. 88–94/2025.
11. Determination of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated 26.06.2024 No. 88–12620/2024 in case No. 2–156/2023.
12. Federal Law of 02.07.2013 No. 187-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Protection of Intellectual Rights in Information and Telecommunication Networks” // Rossiyskaya Gazeta. 2013. No. 148.
13. Decision of the Moscow City Court of 23.12.2024 in case No. 3–1904/2024.
14. Decision of the Moscow City Court of 15.01.2025 No. 3–25/2025.

О некоторых проблемах применения поощрений и поощрительного производства в ОВД РФ

Гнездюков Владимир Александрович,

аспирант кафедры административного права и процесса
Белгородского государственного национально-
исследовательского университета НИУ «БелГУ»
E-mail: gnezdyukovvladimir@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы применения и правового регулирования системы поощрений в органах внутренних дел Российской Федерации. Акцент сделан на анализе текущего состояния нормативно-правовой базы, выявлении правовых и организационных пробелов, а также на разработке рекомендаций по совершенствованию механизмов стимулирования сотрудников. Уделяется внимание необходимости внедрения гибкой и справедливой модели поощрений, учитывающей как количественные, так и качественные показатели профессиональной деятельности, включая взаимодействие с населением и соблюдение прав граждан. Автор предлагает интеграцию материальных и нематериальных форм стимулирования, ориентированных на индивидуальные потребности сотрудников, что должно повысить эффективность работы ОВД и уровень доверия к ним со стороны общества.

Ключевые слова: органы внутренних дел, система поощрений, правовое регулирование, мотивация сотрудников, стимулирование, качества профессиональной деятельности, эффективность, индивидуальный подход, материальные и нематериальные формы мотивации.

Введение

В современной системе правоохранительных органов Российской Федерации важное место занимает вопрос применения поощрений и их роли в управлении персоналом. Органы внутренних дел (ОВД) функционируют в условиях повышенной ответственности, динамично меняющейся социальной и правовой среды, что требует от сотрудников не только высокого уровня профессионализма, но и значительных моральных и психологических усилий. В этой связи система поощрений выступает важным инструментом стимулирования служебной деятельности, влияя как на эффективность выполнения задач, так и на мотивацию сотрудников к достижению высоких результатов.

Несмотря на давнюю практику применения поощрений в ОВД, современное состояние правового регулирования и практической реализации данной функции оставляет множество нерешенных вопросов. Существующие нормативные акты часто оказываются недостаточно адаптированными к реальным условиям службы, что приводит к правовым пробелам и дисбалансу между различными видами стимулирования. Кроме того, проблема обеспечения справедливости и прозрачности в применении мер поощрения остается острой, особенно на фоне постоянных преобразований системы внутренних дел.

Настоящая статья посвящена анализу проблемных аспектов правового и организационного регулирования системы поощрений в ОВД России, что включает исследование существующих подходов, выявление их недостатков и поиск направлений совершенствования. Автор сосредотачивает внимание на разработке более гибкой и справедливой модели стимулирования, опирающейся на индивидуальные потребности сотрудников, их профессиональные и личностные особенности, а также на сочетание материальных и нематериальных форм мотивации.

Степень научной разработанности

Исследование проблемы применения поощрений и поощрительного производства в системе органов внутренних дел Российской Федерации представляется актуальным как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Несмотря на то, что данной теме уделяется внимание в ряде работ, систематическое изучение этой области требует более глубокого освещения. Значительный вклад в разработку вопросов стимулирования труда в право-

охранительных органах внесли такие ученые, как М.Б. Добробаба, В.Г. Винокуров, А.И. Басов, которые рассматривали различные аспекты профессиональной мотивации сотрудников, правового регулирования стимулирующих механизмов, а также вопросы улучшения внутреннего климата в ОВД. Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные мотивации сотрудников государственных структур, таких как исследования А.В. Лебединца, С.В. Усольцева и др., в которых освещена значимость системы поощрений в обеспечении эффективности выполнения задач, стоящих перед правоохранительными органами. Тем не менее в указанных исследованиях чаще затрагиваются либо организационные, либо психологические аспекты стимулирования, тогда как их комплексное правовое и управленческое осмысление встречается редко.

Помимо вышеперечисленного, значительное внимание уделялось практике применения мер дисциплинарного воздействия в ОВД, однако проблемы, связанные с систематизацией поощрений и разработкой их более справедливой и гибкой модели, прорабатываются явно недостаточно. В частности, в исследовательской деятельности на сегодняшний день отсутствует детализированный анализ правовых норм, регулирующих механизмы поощрения в ОВД, а также их адекватности современным вызовам и требованиям общества.

Методологическая основа исследования

Методология, использованная в данной статье, основывается на применении комплекса общенаучных и специальных методов. Главным теоретическим инструментом исследования стал диалектический метод, позволивший рассмотреть систему поощрений сотрудников органов внутренних дел (ОВД) в их динамическом развитии, с учетом изменений нормативно-правовой базы и организационных принципов. Системный подход применялся для выявления взаимосвязи и взаимозависимости между различными аспектами правового регулирования, организационной структуры системы поощрений и мотивации сотрудников. На основе анализа современных нормативных актов, регулирующих применение поощрений в ОВД, были выявлены существующие пробелы и противоречия, что позволило обосновать необходимость их устранения.

Основная часть

Необходимость глубокого анализа механизмов правового регулирования применения поощрений и стимулирования сотрудников органов внутренних дел (ОВД) обусловлена как системными реформами в сфере правоохранительной деятельности, так и общественными ожиданиями по поводу повышения эффективности работы полиции.

Система поощрений служит «не только инструментом мотивации, способствующем повышению профессиональной ответственности, инициативности и моральной устойчивости сотрудников,

но и важным элементом управления внутренними ресурсами ОВД» [5, с. 211]. Как отмечает М.Б. Добробаба, на сегодняшний день, в свете возрастающих вызовов, таких как преступность, коррупция и другие негативные социальные явления, существует «острое желание со стороны общества видеть не только результативную работу правоохранительных органов, но и эффективные механизмы, которые позволят добиться этой результативности» [4, с. 136].

Тем не менее, реальность практического применения поощрений в ОВД в России требует внимательного осмысления. Современная правовая база часто страдает от недостатка четкости и непрозрачности, что приводит к произвольному толкованию норм и неравномерному применению поощрительных мер на местах. Важным аспектом, требующим особого внимания, является связанное с данным процессом состояние правового регулирования: существующие нормы и правила не всегда адаптированы к динамично меняющимся условиям работы ОВД, что создает правовые пробелы и пробелы в исполнительской практике.

Кроме того, стоит отметить, что системы поощрений в ОВД должны учитывать не только количественные показатели работы, такие как раскрываемость преступлений или снижение уровня правонарушений, но и качество взаимодействия с населением, соблюдение прав граждан и уважение к их правам [6]. Эти аспекты требуют разработки и внедрения дополнительных критериев оценки, что подразумевает необходимость целостного пересмотра текущих подходов к правовому регулированию применения поощрений и стимулирования сотрудников.

Таким образом, комплексный анализ существующих проблем правового регулирования применения поощрений в ОВД РФ станет основой для разработки обоснованных рекомендаций и предложений по совершенствованию данной системы, что, в свою очередь, поспособствует повышению общей эффективности правоохранительных органов и улучшению качества обеспечения правопорядка в стране.

В контексте рассматриваемого вопроса отметим, что несмотря на то, что институт поощрения в системе ОВД существует уже достаточно давно, в сфере его правового регулирования существует ряд проблем, требующих своего решения. Например, анализ ст. 51 федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» позволяет сделать вывод о том, что порядок применения мер поощрения, как указано в статье, является достаточно жестким [7]. На наш взгляд, применение меры поощрения, позволяющей только досрочно снять дисциплинарное взыскание, создает замкнутый круг, в который попадают как сотрудники с дисциплинарными взысканиями, так и руководители, отвечающие за их мотивацию. На практике это может означать, что высокопрофессиональные со-

трудники, допустившие незначительные проступки в прошлом, могут ощущать себя лишенными перспективы вознаграждения за свои достижения. Это, в свою очередь, может вызвать у них апатию, недовольство, а порой и желание покинуть организацию. В условиях постоянного стресса и высокой ответственности, характерных для работы в правоохранительных органах, такая ситуация может усугубить проблемы с текучестью кадров и выгоранием сотрудников.

Мы считаем, что идея внедрения более гибкой системы поощрений, которая не ограничивается теми, что связаны исключительно с отменой дисциплинарных взысканий, может рассматриваться как способ улучшения мотивации сотрудников. Применение разнообразных форм поощрения, таких как благодарности, премии, повышение в должности и другие разновидности нематериальной мотивации, может значительно «повысить общую удовлетворенность работников и их лояльность к организации» [2, с. 73].

Во-первых, необходимо понимать, что каждый сотрудник индивидуален, и его мотивация может значительно отличаться от мотивации его коллег. Некоторые могут быть более чувствительными к денежным вознаграждениям, в то время как для других важным будет признание их заслуг, возможность карьерного роста или же создание позитивной атмосферы в коллективе. Разнообразие форм поощрения позволяет учитывать эти индивидуальные предпочтения, что значительно увеличивает шансы на положительный отклик со стороны сотрудников.

Во-вторых, реализация системы, основанной на более комплексном подходе к оценке деятельности сотрудников, поможет учесть «не только количественные показатели, но и качественные» [1, с. 54]. Например, можно учитывать не только результаты служебной деятельности, но и вклад в поддержание командного духа, участие в общественной жизни коллектива, а также проявление лидерских качеств. Это не только поможет выявлять наиболее ценных сотрудников, но и создаст атмосферу, способствующую взаимопомощи и поддержке.

В-третьих, такой подход облегчает управление рисками, связанными с дисциплинарными взысканиями. В случаях, когда дисциплинарные меры применяются к сотрудникам, важно помнить, что каждый человек может ошибаться. Применение системы поощрений, которая дает возможность зачисления других позитивных проявлений даже в случаях наличия дисциплинарного взыскания, служит не столько наказанием, сколько стимулом к улучшению [3]. Сотрудники будут чувствовать, что их усилия могут быть замечены, даже если они допустили ошибки в прошлом.

В заключение, внедрение более разнообразной и гибкой системы поощрений в учреждениях правоохранительных органов представляет собой важный шаг к созданию более продуктивной и мотивированной рабочей среды. Такой подход по-

зволяет учитывать индивидуальные особенности сотрудников, способствует созданию позитивной атмосферы в коллективе и, что немаловажно, может повысить общую эффективность работы всей организации. Руководство должно активно работать над реализацией данной концепции, что в конечном итоге приведет к улучшению как внутреннего климата, так и качества оказываемых услуг обществу.

Заключение

Рассмотренные в статье аспекты применения поощрений и поощрительного производства в органах внутренних дел России позволяют сделать вывод о необходимости модернизации действующей системы стимулирования. Анализ правовых и организационных недостатков свидетельствует о наличии пробелов в нормативной базе, отсутствии четкой регламентации некоторых процедур и невнимательности к индивидуальным характеристикам сотрудников. Все это снижает эффективность мотивационных процессов и, в конечном счете, влияет на общую результативность работы правоохранительных органов. Для повышения эффективности системы поощрений необходимо интегрировать новые подходы, которые объединяют материальные и нематериальные формы стимулирования. При этом важно учитывать не только количественные показатели выполнения служебных обязанностей, но и качественные характеристики, включая взаимодействие с гражданами, соблюдение прав человека, поддержку командного духа и личные достижения сотрудников.

Гибкость и разнообразие форм поощрений позволяют создать более справедливую систему, мотивирующую сотрудников к профессиональному росту, повышающую их лояльность и удовлетворенность работой, что особенно важно в условиях высокого уровня ответственности и стрессовых нагрузок. Успешная реализация предложенных мер требует пересмотра правового регулирования и внедрения системного подхода, ориентированного на создание позитивной и продуктивной рабочей среды в органах внутренних дел. Таким образом, модернизация системы поощрений в ОВД РФ не только повысит их внутреннюю эффективность, но и укрепит общественное доверие к правоохранительным органам как к институту, обеспечивающему правопорядок и защищающему права граждан.

Литература

1. Брунер, Р. А., Климкина, Е.В. Досрочное снятие ранее наложенного на государственного служащего дисциплинарного взыскания: проблемы применения / Р.А. Брунер, Е.В. Климкина // Современное право. – 2016. – № 7. – С. 53–57.
2. Волкова, В.В. Реализация поощрительных норм на государственной службе: состояние

и перспективы развития / В.В. Волкова // Современное право. – 2016. – № 10. – С. 70–74.

3. Давлетшина, Л.Х. Поощрение в системе правового регулирования службы в органах внутренних дел в России / Л.Х. Давлетшина // NB: Административное право и практика администрирования. – 2019. – № 6. – С. 21–26.
4. Добробаба, М.Б. Принципы дисциплинарной ответственности государственных служащих: конституционные основы и проблемы реализации в нормах служебного права / М.Б. Добробаба // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 2. – С. 131–145.
5. Кофтина, Ю.Н. Профессиональная мотивация сотрудников органов внутренних дел как условие эффективного обеспечения кадровой политики МВД России: вопросы правового регулирования / Ю.Н. Кофтина // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8 (224). – С. 210–213.
6. Липинский, Д. А., Мусаткина, А.А. Понятие и основания поощрения государственных служащих / Д.А. Липинский, А.А. Мусаткина // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 4. – С. 20–37.
7. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49. – Ст. 7020.

ABOUT SOME PROBLEMS OF THE USE OF INCENTIVES AND INCENTIVE PRODUCTION IN THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Gnezdnyukov V.A.

Belgorod State National Research University of the National Research University «BelSU»

The article discusses the problems of the application and legal regulation of the incentive system in the internal affairs bodies of the Russian Federation. The focus is on analyzing the current state of the regulatory framework, identifying legal and organizational gaps, and developing recommendations for improving employee incentive mechanisms. Attention is paid to the need to introduce a flexible and fair incentive model that takes into account both quantitative and qualitative indicators of professional activity, including interaction with the public and respect for citizens' rights. The author suggests the integration of tangible and intangible forms of incentives focused on the individual needs of employees, which should increase the efficiency of the Department of Internal Affairs and the level of trust in them on the part of society.

Keywords: internal affairs bodies, incentive system, legal regulation, motivation

References

1. Bruner, R. A., Klimkina, E.V. Early removal of a disciplinary sanction previously imposed on a civil servant: problems of application / R.A. Bruner, E.V. Klimkina // Modern law. – 2016. – No. 7. – P. 53–57.
2. Volkova, V.V. Implementation of incentive norms in the civil service: status and development prospects / V.V. Volkova // Modern law. – 2016. – No. 10. – P. 70–74.
3. Davletshina, L. Kh. Incentives in the system of legal regulation of service in the internal affairs bodies in Russia / L. Kh. Davletshina // NB: Administrative law and administration practice. – 2019. – No. 6. – P. 21–26.
4. Dobrobaba, M.B. Principles of disciplinary responsibility of civil servants: constitutional foundations and problems of implementation in the norms of official law / M.B. Dobrobaba // Leningrad Law Journal. – 2015. – No. 2. – P. 131–145.
5. Koftina, Yu.N. Professional motivation of employees of internal affairs bodies as a condition for effective implementation of the personnel policy of the Ministry of Internal Affairs of Russia: issues of legal regulation / Yu.N. Koftina // Law and state: theory and practice. – 2023. – No. 8 (224). – P. 210–213.
6. Lipinsky, D. A., Musatkina, A.A. Concept and grounds for rewarding civil servants / D.A. Lipinsky, A.A. Musatkina // Administrative and municipal law. – 2017. – No. 4. – P. 20–37.
7. Federal Law of November 30, 2011 No. 342-FZ (as amended on December 28, 2024) "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 49. – Art. 7020.

Дисциплинарное производство в органах внутренних дел по вопросам антикоррупционного законодательства

Дискина Виктория Николаевна,

аспирант юридического института, ФГБОУ ВО, «Югорский государственный университет»
E-mail: diskina.v@mail.ru

Статья посвящена проблемным вопросам ответственности за коррупционные правонарушения сотрудников органов внутренних дел. Ответственности именно «дисциплинарной». Является ли такая ответственность «дисциплинарной», или может быть должен быть пятый вид юридической ответственности – «за нарушение антикоррупционного законодательства». Рассмотрим мнения учёных на эту тему. Проведём анализ законодательства дисциплинарного проступка и коррупционного проступка, в целях выявления последствий неправильного квалифицирования нарушения антикоррупционного законодательства.

На основании вышеизложенного, сделаем выводы о необходимости изменений в антикоррупционное законодательство, с целью его усовершенствования.

Ключевые слова: дисциплина, ответственность, увольнение, антикоррупционное законодательство, проступок, приказ, антикоррупционная проверка.

Введение

Законодательством предусмотрена юридическая ответственность за нарушение антикоррупционного законодательства. Юридическая ответственность включает в себя 4 вида: уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность.

В данной статье рассмотрим вопросы дисциплинарного принуждения к сотруднику за нарушение антикоррупционного законодательства.

В целях применения дисциплинарного принуждения к сотруднику органов внутренних дел необходимо провести ряд проверочных мероприятий для установления вины сотрудника.

Согласно п. 7 статьи 8 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1] предусмотрено проведение проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Пунктом 2 статьи 8.2. вышеуказанного Закона, предусмотрен контроль за соответствием расходов, а также расходов их супруг (супругов) и несовершеннолетних детей общему доходу, и их супруг (супругов) за три последних года, предшествующих совершению сделки, осуществляется в порядке, предусмотренном вышеуказанным Законом и Федеральным законом от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [2] (далее – Закон о контроле за соответствием расходов).

Проведение антикоррупционных проверок в органах внутренних дел занимают особое место в системе МВД России, так как нарушения сотрудниками органов внутренних дел антикоррупционного законодательства, обязанности которых в том числе направлены на борьбу с коррупционными преступлениями, на прямую связано с нанесением ущерба престижу службы в органах внутренних дел.

Обязанности по проведению профилактических антикоррупционных мероприятий и соответственно проведению антикоррупционных проверок возложены на подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений, согласно ст. 51.1. Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3].

Проведение антикоррупционных проверок в органах внутренних дел занимают особое место в системе МВД России, так как нарушения сотрудниками органов внутренних дел антикоррупционного законодательства, обязанности которых в том числе направлены на борьбу с коррупционными преступлениями, напрямую связано с нанесением ущерба престижу службы в органах внутренних дел.

Порядок проведения проверок в органах внутренних дел урегулирован приказом МВД России от 31.10.2024 № 663 «Об утверждении Положения о проведении проверки достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами Российской Федерации, претендующими на замещение должностей в Министерстве внутренних дел Российской Федерации, сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, федеральными государственными гражданскими служащими и работниками системы МВД России, и соблюдении ими требований к служебному поведению» [4].

До издания данного Положения о проведении антикоррупционных проверок в отношении сотрудников органов внутренних дел, в МВД не было такого положения, в связи с чем руководствовались Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 года № 1065 [5].

Согласно приказа МВД России от 31.10.2024 № 663 в МВД России осуществляются проверки по следующим предметам:

Достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера;

Достоверности и полноты сведений (в части, касающейся профилактики коррупционных правонарушений), представленных гражданами при поступлении на службу в органы внутренних дел, федеральную государственную гражданскую службу или работу в МВД России в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации;

Соблюдения сотрудниками, гражданскими служащими и работниками в течение трех лет, предшествующих поступлению информации, явившейся основанием для осуществления проверки, предусмотренной настоящим подпунктом, ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, исполнения ими обязанностей, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами.

Порядок проведения проверок согласно приказа МВД России от 31.10.2024 № 663 существенно не отличается от основного порядка предусмотренного Указом Президента РФ от 21.09.2009 № 1065.

Вместе с тем имеются существенные отличия от порядка проведения служебных проверок за нарушение служебной дисциплины, утверждённого приказом МВД России от 26.03.2013 № 161 [6] (далее – Приказ 161).

Для того, что бы определить является ли нарушение допущенное сотрудником – коррупционным или является ли нарушением служебной дисциплины, необходимо правильно квалифицировать данное нарушение. То есть должен быть установлен состав коррупционного проступка.

Неправильная квалификация нарушения, приводит к неправильному применению законодательства, в результате чего приводит к неблагоприятному принятию решения судом для органов внутренних дел.

В связи с чем, следует рассмотреть отличия нарушения служебной дисциплины и нарушение антикоррупционного законодательства:

- для установления факта нарушения служебной дисциплины проводится служебная проверка, предусмотренная ст. 52 Закона о службе, а порядок установлен приказом МВД России от 26.03.2013 № 161;
- для установления коррупционного нарушения проводится проверка, предусмотренная ст. 13.4 Закона о противодействии коррупции, порядок установлен Указом Президента РФ от 21.09.2009 № 1065, приказом МВД России от 31.10.2024 № 663 и Законом о контроле за соответствием расходов;
- по результатам проведения служебной проверки готовится заключение служебной проверки;
- по результатам проведения проверки готовится доклад о результатах проверки;
- порядок применения дисциплинарных взысканий установлен ст. 51 Закона о службе;
- порядок наложения на сотрудников взысканий за коррупционные правонарушения установлен ст. 51.1 Закона о службе;
- за нарушение служебной дисциплины издаётся приказ о наложении дисциплинарного взыскания;
- за нарушение антикоррупционного законодательства издаётся приказ о наложении взыскания. Взыскания могут накладываться по результатам проверки или по результатам рассмотрения аттестационной комиссии;
- дисциплинарное взыскание не может быть наложено на сотрудника органов внутренних дел по истечении шести месяцев со дня совершения дисциплинарного проступка, а по результатам ревизии, проверки финансово-хозяйственной деятельности или аудиторской проверки – по истечении двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка;
- взыскания за коррупционные нарушения налагаются не позднее шести месяцев со дня поступления информации о совершении сотрудником органов внутренних дел коррупционного правонарушения, и не позднее трех лет со дня совершения им коррупционного правонарушения.

На основании вышеприведённого анализа, следует, что это два разных вида нарушений, которые регулируются разными видами законодательства,

и имеют разный порядок наложения взысканий и сроки.

Данной позиции придерживаются и другие авторы в научных трудах, так например Кулик О.В., кандидат юридических наук, главный эксперт Департамента государственной службы и кадров МВД России, в статье «Порядок наложения на сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации взысканий за коррупционные правонарушения: вопросы правового регулирования и правоприменительной практики», по результатам проведения анализа законодательства, приходит к выводу и вносит предложение о необходимости с целью устранения противоречий и правовой неопределенности требуется отчетливо разграничить в Законе о службе (ст. 14, 50, 51.1, 82 и 82.1) коррупционные правонарушения и дисциплинарные проступки, а также исключить возможность двоякого толкования правовых норм, которые за нарушение требований антикоррупционного законодательства одновременно допускают наложение взыскания любого вида и безальтернативно требуют увольнения сотрудников со службы в органах внутренних дел.

В качестве обоснования приводит следующие доводы, что негативные последствия, которые сотрудник претерпевает в случае привлечения его к ответственности за коррупционное правонарушение, в ряде случаев имеют характер, отличный от последствий наложения обычных дисциплинарных взысканий. В данном случае является включение в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия и соответственно указанная информация может быть в последующем использована при оценке личных и деловых качеств бывшего сотрудника при поступлении на муниципальную службу или государственную службу иных видов [7, с. 111–119].

Таким образом, полагаем необходимо выделить особый вид юридической ответственности, за коррупционные нарушения.

Процедура проведения служебной проверки и антикоррупционной существенно различаются, как отмечалось выше Соответственно и результаты проведения проверок будут разные, следовательно, подменять их нецелесообразно, так как это можно расценить как способ уйти от ответственности за коррупционное нарушение.

В случае установления вины за коррупционное правонарушение, результаты проверки могут быть вынесены на рассмотрение заседания аттестационной комиссии, в соответствии с требованиями Указа – 821, либо сотрудник может быть уволен в связи с утратой доверия и внесён в Реестр уволенных в связи с утратой доверия, а в случае проведения служебной проверки, дисциплинарные взыскания накладываются по выводам служебной проверки и сотрудник (служащий) не может быть уволен в связи с утратой доверия, так как это является прерогатива подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений МВД России.

Таким образом, следует чётко различать, относится ли нарушение к коррупционным или является нарушением служебной дисциплины.

Аналогичного мнения придерживается А.Л. Юсупов, «установлено терминологическое несовпадение, имеющее место в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Заключается оно в том, что применительно к общему дисциплинарному производству законодатель использует термин «служебная проверка», а в отношении производства по делам о коррупционных проступках – «проверка». Возникают два связанных друг с другом вопроса: означает ли такое терминологическое несовпадение различное содержание этих проверок, и применим ли порядок проведения служебной проверки, урегулированной в ст. 59 названного Закона, к производству по делам о нарушениях законодательства о противодействии коррупции? Имеются основания полагать, что речь идёт о разных проверках, на основе того, что их проводят разные субъекты, имеющие различные полномочия, и, помимо этого, имеются различия в обстоятельствах, которые подлежат установлению, и в сроках проверок. Обстоятельства, которые должны быть учтены в производстве по делу, также являются существенным отличием дисциплинарного производства по делам о нарушениях законодательства о противодействии коррупции от общего дисциплинарного производства» [8, с. 22].

На основании вышеизложенного, в ходе проведённого исследования и сравнительного анализа законодательства за коррупционное правонарушение и за нарушение служебной дисциплины, следует, что это два разных вида нарушений, которые регулируются различными видами законодательства, установлен разный порядок наложения взысканий и сроки, а также отличаются субъекты проведения проверок, и т.д.

Заключение

Отдельный вид ответственности за коррупционные правонарушения необходимо ввести, в связи с тем, что бы правильно квалифицировать нарушение антикоррупционного законодательства. Если коррупционное нарушение будет установлено как нарушение служебной дисциплины, соответственно будет проведено дисциплинарное производство, то есть проведена служебная проверка и наложено дисциплинарное взыскание, следовательно, это будет укрытие коррупционного правонарушения и сотрудник будет освобождён от ответственности за нарушение антикоррупционного законодательства, следовательно, избежит последствия увольнения в связи с утратой доверия за коррупционное правонарушение.

Таким образом, научно обоснованные изменения в действующее законодательство органов внутренних дел, приведёт к чётким и правильным решениям при установлении коррупционного проступка.

Литература

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
2. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».
3. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
4. Приказ МВД России от 31.10.2024 № 663 «Об утверждении Положения о проведении проверки достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами Российской Федерации, претендующими на замещение должностей в Министерстве внутренних дел Российской Федерации, сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, федеральными государственными гражданскими служащими и работниками системы МВД России, и соблюдения ими требований к служебному поведению».
5. Указ Президента РФ от 21.09.2009 № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению».
6. Приказ МВД России от 26 марта 2013 г. № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации».
7. Кулик О.В. Порядок наложения на сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации взысканий за коррупционные правонарушения: вопросы правового регулирования и правоприменительной практики // Научный портал МВД России. 2020. № 3 (51). С. 111.
8. Юсупов А.Л. Дисциплинарная ответственность за нарушения законодательства о противодействии коррупции: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С 22.

DISCIPLINARY PROCEEDINGS IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES ON ANTI-CORRUPTION LEGISLATION

Diskina V.N.

Ugra State University

The article is devoted to problematic issues of responsibility for corruption offenses of law enforcement officers. The responsibility is precisely “disciplinary”. Is such responsibility “disciplinary”, or may be there should be a fifth type of legal responsibility – “for violating anti-corruption legislation”? Let’s consider the opinions of scientists on this topic. We will analyze the legislation of disciplinary misconduct and corruption misconduct in order to identify the consequences of misqualification of violations of anti-corruption legislation. Based on the above, we will draw conclusions about the need to amend the anti-corruption legislation in order to improve it.

Keywords: discipline, responsibility, dismissal, anti-corruption legislation, misconduct, order, anti-corruption audit.

References

1. Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ “On Combating Corruption”.
2. Federal Law of 03.12.2012 No. 230-FZ “On Control over Compliance of Expenses of Persons Holding Government Positions and Other Persons with Their Income”.
3. Federal Law of 30.11.2011 No. 342-FZ “On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”.
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 31.10.2024 No. 663 “On approval of the Regulation on the verification of the accuracy and completeness of information submitted by citizens of the Russian Federation applying for positions in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation, federal state civil servants and employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and their compliance with the requirements for official conduct.”
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 21.09.2009 No. 1065 “On verification of the accuracy and completeness of information submitted by citizens applying for positions in the federal civil service and federal civil servants, and compliance by federal civil servants with the requirements for official conduct.”
6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 26, 2013 No. 161 “On approval of the Procedure for conducting an official investigation in the bodies, organizations and divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”.
7. Kulik O.V. The procedure for imposing penalties on employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation for corruption offenses: issues of legal regulation and law enforcement practice // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3 (51). P. 111.
8. Yusupov A.L. Disciplinary liability for violations of anti-corruption legislation: author’s abstract. dis. ... candidate of legal sciences. Saratov, 2014. P. 22.

Жмуров Дмитрий Витальевич,

к.ю.н., доцент, кафедра уголовного права и криминологии,
Байкальский государственный университет
E-mail: zdevraz@ya.ru

В статье рассматривается малоизученная проблема криминальных культов, представляющих социальное явление, связанное с популяризацией, романтизацией или героизацией антисоциальных практик и преступных деяний. Криминальные культы создают привлекательный имидж либо самих преступников, либо связанных с ними образов и смыслов, что оказывает негативное воздействие на общество. В статье предлагается авторское определение понятия «криминальный культ», раскрывается его природа и функции, а также осуществляется попытка систематизировать это явление посредством разработанной автором систематизации. Выделены три категории криминальных культов: персонализированные, направленные на героизацию конкретных преступников (например, серийных убийц или других известных лиц); поведенческие, с акцентом на фетишизацию антиобщественных моделей поведения, образа жизни или ценностей (насилие, преступная романтика или пренебрежение законами); и предметные, акцентирующие внимание на материальных символах, связанных с преступной средой (оружие, наркотики, алкоголь, «девиантный костюм» и т.п.). Выделены характеристики, присущие подобным культам, включая идеализацию преступной деятельности, искажение моральных норм, создание эмоциональной привлекательности криминального поведения для потенциальных последователей и проч. Автор подчёркивает опасность криминальных культов как явления, способствующего размыванию границ между нормой и девиацией.

Ключевые слова: криминальный культ, романтизация преступности, почитание преступников.

Культ в латинском языке означает почитание или поклонение. В российской науке, применительно к анализу явлений криминального характера, указанный концепт, почти не используется. В зарубежных источниках термин получил немало трактовок: от осмысления преступных тоталитарных культов, инспирирующих массовые уголовно-наказуемые деяния («Ветвь Давидова», «Аум Синрике», «Небесные врата») [1] до культа личности руководителей криминальных структур, например, основателя Silk Road известного как Dread Pirate Roberts [2].

Н.П. Барабанов упоминает существование феномена *криминального культа*, который, по его мнению, сводится к двум составляющим: *культу личности и культу оружия* [3]. Вместе с тем автор не дает его определения.

Иногда *криминальный культ* встречается в связи с понятием *криминальная субкультура*, по сути отождествляясь с ним [4]. Но идентичны ли данные категории? По мнению автора – это два концепта, которые связаны с преступной деятельностью, но имеют некоторые различия в проявлениях. Если культ (в рамках настоящей статьи) – это нерелигиозное или псевдорелигиозное преклонение перед кем-нибудь или чем-нибудь [5], то субкультура – более широкое понятие, выражающее часть культуры общества, отличную от общепринятой.

Следовательно, *криминальный культ* можно описать как *явление, когда антисоциальные практики или отдельные преступные личности становятся объектом фетишизации, идеализации и массового поклонения*.

Криминальная субкультура, напротив, представляет *набор норм, ценностей и моделей поведения, присущих сообществам, вовлечённым в уголовно-наказуемую деятельность*. Она подразумевает специфический жаргон, традиции, символы, коммуникативные стили и проч. Лица, принадлежащие к таким группам, могут не иметь строгой иерархии или идейного вождя, но характеризуются личностными деформациями [6]; определенным уровнем криминализации, сопровождающейся склонностью к совершению правонарушений, а также стремлением следовать законам криминальной субкультуры [7].

Криминальный культ фокусируется на почитании и идеализации отдельных преступников или их противозаконных деяний (образа поведения), превращая последние в объект преклонения. Криминальная субкультура, в свою очередь, представляет набор норм, ценностей и традиций, определяющий поведение групп у которых преступная деятельность является частью повседневной жизни.

Она затрагивает практически все сферы жизни преступника [8].

Необходимо отличать криминальный культ от мистических верований, принятых в преступном мире, хотя эта грань иногда может быть неочевидна. К подобным культам относят веру в «*Санта Муэрте*» или «*Святую смерть*». В Мексике, например, она почитается как покровительница преступников, бедняков, проституток и наркоманов [9]. Божество изображается в виде скелета женщины в свадебном платье [10]. Однако утверждать о криминальном культе в данном случае не совсем уместно. Скорее, это традиционные дохристианские исповедания, перенесенные в маргинальную среду. В тех же случаях, когда идеализируются реальные преступники или творимые ими дела, то с высокой долей вероятности можно говорить о предмете настоящей статьи.

Укажем несколько отличительных особенностей криминального культа:

- *идеализация и романтизация преступной личности*, которая выступает героем или антигероем, достойным всеобщего внимания: в фокусе – ее облик, противоречивый психологический портрет, а также неоднозначный жизненный путь и т.п.;
- *фетишизация преступных деяний*, особенно если они совершены с дерзостью или расчетливостью, выраженная в форме восхваления и оправдания, вне зависимости от моральной оценки;
- *символизм и атрибутика*, сопряженные с использованием знаков или декоративных элементов, связанных с преступниками или их антисоциальной деятельностью, например, в одежде или искусстве;
- *медийное внимание*, выраженное в чрезмерной демонстрации и обсуждении действий преступников в СМИ, фильмах, книгах и других формах искусства;
- *псевдорелигиозные элементы* (поклонение или ритуалы, связанные с преступниками, например, «почитание» дат, событий или мест, связанных с их деяниями).

Содержание криминальных культов может быть самым разнообразным и не обязательно сводится к личности лидера. Поклоняются порой не только конкретному человеку (исторической личности), но и собирательному образу «героя эпохи», антиобщественному стилю жизни или криминогенной модели межкультурной коммуникации.

Среди криминальных культов целесообразно выделить:

1. персонализированные культы – почитание образа индивидуализированного или коллективного преступного субъекта.

Подразумевает мифологизацию лидеров преступных организаций, возвышение серийных убийц до культового статуса, почитание определенных групп преступников, будь то клановые предки или банды 90-х (культ мафиозных боссов;

культ преступных групп; культ наркобаронов; культ маньяков и проч.).

Подобные идеи просматриваются в контексте традиционных религий: от *Дисмаса* – «благоразумного разбойника», распятого вместе с Иисусом Христом до *Моисея Мурина* – разбойничьего атамана и пьяницы, который раскаялся и стал монахом. Однако более современные примеры, не всегда связаны с идеями покаяния и всепрощения.

Одним из таковых выступает мексиканский разбойник *Хесус Мальверде*, который стал предметом синкретического культа, героем фольклора в мексиканском штате Синалоа. Его называют «щедрый бандит», «ангел-покровитель бедных» или «наркосвятой». В его честь устраивают вечеринки, праздники и строят часовни [11]. В Австралии одним из национальных героев и символом сопротивления коррумпированной власти считается известный грабитель *Нед Келли*. Легенда о нем окутана аурой романтики, особенно после боя в бронекостюме, который он сам сконструировал, чтобы противостоять полиции [12]. В данном случае можно указать на ассоциативный образ «Железного человека»¹, являющегося значимым элементом современной массовой культуры. В российской криминальной среде сформировался культ «Соньки золотой ручки» (*Софьи Блювштейн*), которая является покровительницей и заступницей преступников. Её аферы и хитроумные схемы, по рассказам, поражали своей изобретательностью, что превратило эту фигуру в почти мифологическую. К ее могиле на Ваганьковском кладбище приходят просители богатства и удачи, помощи в опасных делах и т.п. Аналогичных примеров в мировой практике предостаточно: *Виргулино Феррейра да Силва*, известный как Лампиао – в Бразилии; *Панчо Вилья* (Хосе Доротео Аранго Арамбула) – в Мексике; *Олекса Васильевич Довбуш* (легендарный гуцульский атаман и украинский Робин Гуд) и другие.

Частным примером персонализированного культа в России является своеобразная *погребальная обрядовая практика*, связанная с местами захоронений наиболее одиозных криминальных авторитетов 90-х годов. Эта тема самостоятельного антрополого-криминологического исследования не может быть обойдена стороной.

Так, в течении нескольких десятилетий в конце 20 в. сложилась специфическая практика похорон преступников. Они были превращены в фигуры, окруженные ореолом почитания, а их смерть сопровождалась роскошными ритуалами. Могилы лидеров преступного мира отличались помпезностью и обилием символики. Надгробные памятники зачастую представляли собой масштабные монументы – статуи в полный рост из черного мрамора или гранита, изображения погибшего в прижизненной одежде, массивные золотые или серебряные вставки, изображения автомобилей (часто Mercedes или BMW – атрибутов успеха тех времён), изображения крестов, икон или церквей.

¹англ. Iron Man – супергерой, действующий в комиксах Marvel Comics

Смерть людей из криминальной среды нередко становилась заметным событием. Похороны проходили в сопровождении огромных кортежей, состоящих из дорогих автомобилей, сотен участников, среди которых были как соратники убитого, так и члены его «семьи», местные жители, зарекомендовавшие себя как «лояльные» и проч. Некоторые кладбища превращались в «пантеоны» преступного мира: в Москве – Ваганьковское и Кузьминское, в Екатеринбурге – Ширококореченское (ОПГ «Центр»); в Санкт-Петербурге – Южное и т.п. В Самарской области, есть так называемая бандитская аллея на Баныкинском кладбище. К могилам представителей «жигулевской братвы» идет паломничество, фотографии этих мест пользуются популярностью в интернете [13]. Местные жители часто вспоминают об этих людях как о своеобразных «героях». Особенно это касается историй, когда преступные авторитеты финансировали школы, больницы, спортивные площадки, помогали обездоленным, создавая имидж «защитников бедных». Их могилы посещают не только друзья и поделники, но и незнакомые люди, которые приносят цветы, «подарки» в виде алкоголя, сигарет или денег.

В Венесуэле существует коллективные культовые фигуры, известные как *Santos Malandros* (Святые бандиты), которые подразумевают преступников, снискавших уважение среди широких слоёв общества [14,15].

К персонализированным культам также относятся примеры почитания мафиозных лидеров. Фигуры криминального мира, такие как *Аль Капоне*, *Джон Готти*, *Мишка-Япончик* часто воспеваются в фильмах и художественной литературе. Подобные персонажи представлены с изрядной долей гламура и даже романтики, отражая тягу общества к силе и власти, скрытых за занавесом преступности.

Некоторые из лидеров преступных групп объявляли себя святыми еще при жизни. Например, *Назарио Морено Гонсалес*, возглавлявший религиозный наркокартель «Ла Фамилия Мичоакана», был почитаем местным населением как «мессия» [16]. В других странах Латинской Америки одиозные фигуры *Пабло Эскобара*, *Карлоса Ледера*, *Грисельды Бланко*, стали символами возвеличивания и падения наркоимперий. Их жизнь и деятельность историзируются и легендируются.

Параллельно широкое признание в массовой культуре приобрел культ серийных убийц. Многие из них (*А. Чикатило*, *М. Попков*, *Т. Банди* или *Ч. Мэнсон*) стали почти легендарными личностями, о которых пишут книги, снимают фильмы и даже создают фан-клубы. Их образ поэтизируется, приобретая чуть ли не героический оттенок. Вместе с тем, подобная ситуация не может не вызывать тревогу, поскольку героика, связанная с подобными личностями, прежде всего означает «плевок в лицо» их жертвам. Создается впечатление, что общество иногда забывает на чьей оно стороне;

2. поведенческие культы – представляют собой выборочное почитание и восхваление опреде-

лённой модели или стиля поведения, например, насилия [17], массовых расправ в стиле «колумбайн» [18], тотальной мстительности, цифрового пиратства, «истинной криминальности» и проч.

Этот феномен характеризуется акцентом на ценностях и нормах, которые данное поведение воплощают и может влиять на восприятие обозначенных моделей как приемлемых или оправдываемых («культ агрессивного поведения», «АУЕ»¹, «культ мести», «культ безнаказанности», «культ анархии и противостояния закону», «культ хакерства и цифрового пиратства», «культ наркоторговли» и т.п.).

К слову, «культ мести» в кинематографе, литературе и компьютерных играх часто романтизируется, создавая архетип «героя-одиночки», который «берёт» правосудие в свои руки. Этому посвящен целый пласт массовой культуры и популярной медиапродукции (кинофильмы «*Законопослушный гражданин*», «*Джон Уик*», «*Убить Билла*», «*Олдбой*», «*Макс Пейн*», «*Граф Монте-Кристо*», «*Расплата*», «*Возмездие*», «*Слон*», «*Нулевой день*», «*Класс*» и т.п.). Не исключено, что поведение школьных стрелков и массовых убийц, в чьих манифестах иногда просматриваются мотивы мести, испытывало влияние перечисленных культурных образцов.

Имеются варианты поведенческих культов, в которых криминальная активность становится объектом подражательного упоения, осмысливается как начало пути к богатству или достижению положения в обществе. Это просматривается в разных сферах: от *культа уличных гонщиков*, который стал популярным благодаря франшизе «*Форсаж*» до *нарко-гламура*, превратившегося в молодежный тренд Латинской Америки последних лет [19]. Так, благодаря своему влиянию наркоторговцы становятся людьми, которыми восхищаются и кому хотят подражать. Их рискованный и захватывающий образ жизни кажется привлекательным для многих, особенно в условиях социального неравенства и тотальной бедности;

3. предметные (фетишистские) культы сосредоточены на чрезмерном почитании определённых материальных объектов, ценностей или символов, что в некоторой степени может вступать с противоречием с идеями правопослушности и законности («культ оружия», «культ личной выгоды любой ценой», иногда сюда относят «культ тру-крайм и криминальных сериалов» и проч.).

В контексте преступной деятельности эти культы могут формироваться вокруг материальных или нематериальных ценностей (деньги, власть, предметы роскоши, информационные продукты и проч.). Приверженцы предметных культов нередко отдают предпочтение указанным «артефактам» настолько, что это приводит их к действиям, нарушающим нормы закона и общественной морали. Такой подход может создавать опасную динамику, когда ценности культа становятся важнее солидарной безопасности, законности и этики.

¹ Идеология запрещена в Российской Федерации.

К примеру, «культ оружия» как явление, характеризующееся почитанием поражающих устройств и предметов в качестве символа власти, статуса и силы. В южноафриканской криминальной культуре нож получил особое значение. Эта значимость проявляется во всём: «культ ножа» присутствует повсеместно от ритуалов вступления в банды до способов заработка на жизнь [20]. Во многих культурах оружие занимает особое место, поскольку связано с историческими традициями и мифологией (от западноамериканского культа стрелков до традиций самураев). В любом случае, владение оружием является частью культурной или личностной идентичности, и такая практика повсеместно одобряется. Романтизация оружия делает насилие «нормой» и снижает порог приемлемости его применения.

Приведенная классификация криминальных культов безусловно не является исчерпывающей. Не исключено, что существуют другие типы культов, например, *эскапистские* (связанные с бегством от реальности в преступность, романтизацией жизни вне закона как способа избегания социальной или экономической депривации); *технологические* (возникающие вокруг кибернетических преступлений и цифровой преступности, когда превозносятся умение обходить системы безопасности и похищать данные) и т.п.

В любом случае криминальные культы оказывают отрицательное воздействие на общество и способствуют популяризации девиантного поведения. Понимание природы этого феномена позволяет объяснить, почему некоторые люди начинают воспринимать преступников словно героев. Правонарушители нередко предстают как смелые бунтари или жертвы несправедливости, что позволяет игнорировать их реальные преступления и аморальность. А фетишизация уголовно-наказуемых поступков вполне способна трансформировать культурные нормы, ослабляя общепринятые моральные предписания.

Криминальные культы представляют собой сложное явление, в котором переплетаются организованная преступность, элементы идеологии и психологические механизмы аффилиации.

Изучать криминальные культы важно по нескольким причинам. Во-первых, они представляют угрозу обществу, продвигая насилие и радикальные идеи. Во-вторых, понимание механизмов их формирования помогает разработать меры профилактики не только на уровне правоохранительных структур, но и через социальные инициативы – образование, снижение бедности, укрепление солидарного общества. В-третьих, криминальные культы нередко становятся источником распространения опасных идей, включая экстремизм и терроризм, что делает их изучение важным в контексте глобальной безопасности.

Анализ содержания криминальных культов помогает обществу выявить скрытые социальные проблемы. Ведь зачастую причиной подобной идеализации становятся разочарование в ключевых

институтах государственного управления, катастрофическая социальная несправедливость или дефицит возможностей. Пути преодоления этих явлений вполне способны оказаться важными антикриминогенными факторами и попыткой еще раз разобраться в самих себе. Ведь, в конечном счёте, криминальные культы – это напоминание о силе человеческой веры и слабости человеческой морали.

Литература

1. Criminal cult crime. URL: <https://www.lawyersnjurists.com/article/criminal-cult-crime/> (дата обращения 19.12.24)
2. Ormsby E. The outlaw cult // The Sydney morning Herald. URL: <https://www.smh.com.au/technology/the-outlaw-cult-20130709-2po5j.html> (дата обращения 19.12.24)
3. Барабанов Н.П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных // Человек: преступление и наказание. 2017. № 2 (25), С. 177–182.
4. Mikheeva S.V., Mikhailov V.S. Криминальная субкультура: понятие, структура, значение // Глава книги «Криминальная общность в местах лишения свободы». Самара. 2016. С. 14–33
5. Культ // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Культ> (дата обращения 19.12.24)
6. Яковлева Е.О, Серенко Р.С. Современные закономерности делинквентного поведения и криминогенные факторы в системе предупреждения преступности несовершеннолетних // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 6 (18). С. 614–623
7. Тигунцева Г.Н. Генезис научного знания о личности подростка-делинквента в отечественной психологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 1 (9). С. 47–56.
8. Иванова А.А. Криминальная культура как детерминант преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 4. С. 671–681.
9. Абдусаламова К. В поисках святой смерти // Батенька. URL: <https://batenka.ru/unity/faith/santa-muerte/>
10. 10 культов и религий, которые и сегодня существуют в преступном мире. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/100615/24825/> (дата обращения 19.12.24)
11. Религия и криминал. Как наркобарон создал свою религию. URL: <https://dzen.ru/a/ZYpeQ3dbgEs38n-C> (дата обращения 22.12.24).
12. Человек в железном костюме. История Неда Келли – австралийского Робина Гуда. URL: <https://dzen.ru/a/Y1MDtXh631dEQS3R> (дата обращения 18.02.2025).

13. Романов А. Тайна криминального культа // ИА «Вести». URL: <https://www.vesti.ru/article/3601225> (дата обращения 22.12.24).
14. Saint thugs of venezuela. URL: <https://www.joya.life/en/blog/los-santos-malandros-de-venezuela/> (дата обращения 22.12.24).
15. Sumitra. Los Santos Malandros – The Thug Saints of Venezuela. URL: <https://www.odditycentral.com/news/los-santos-malandros-the-thug-saints-of-venezuela.html> (дата обращения 22.12.24).
16. Nazario Moreno González // Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Nazario_Moreno_González (дата обращения 22.12.24).
17. Давыдов Д.Г. Личностные диспозиции насильственного экстремизма [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 1. С. 106–121. DOI: 10.17759/psylaw.2017070109
18. Диденко К.В., Бочарникова Л.Н. «Колумбайнеры» – новый тип личности несовершеннолетнего преступника // Современный ученый. 2020. № 5. С. 267–273.
19. На что тратят деньги наркобароны Латинской Америки // Вконтакте. URL: <https://vk.com/@barrioslatinos-na-chto-tratyat-dengi-narkobarony-latinskoi-ameriki> (дата обращения 24.12.2024).
20. Мальцев О. Исследование применения оружия криминальными традициями как источник религиозно-философской, исторической, криминологической и этнокультурной научной информации // Криминологический исследовательский центр. URL: <https://criminology-center.org/issledovanie-primeneniya-oruzhiya-kriminalnymi-tradicziyami/> (дата обращения 25.12.2024).

DARK GLAMOUR: MODERN CRIMINAL CULTS

Zhmurov D.V.
Baikal State University

The article deals with the little-studied problem of criminal cults, representing a social phenomenon associated with the popularisation, romanticisation or glorification of antisocial practices and criminal acts. Criminal cults create an attractive image of either the criminals themselves or the images and meanings associated with them, which has a negative impact on society. The article offers the author's definition of the concept of «criminal cult», reveals its nature and functions, and attempts to systematise this phenomenon by means of a systematisation developed by the author. Three categories of criminal cults are identified: personalised, aimed at glorification of specific criminals (for example, serial killers or other famous persons); behavioural, with an emphasis on fetishisation of anti-social behaviours, lifestyles or values (violence, criminal romance or disregard for laws); and object-based, focusing on material symbols associated with the criminal environment (weapons, drugs, alcohol, «deviant costume», etc.). The characteristics inherent in such cults, including idealisation of criminal activity, distortion of moral norms, creation of emotional attractiveness of criminal behaviour for potential followers, etc., are highlighted. The author emphasises the dan-

ger of criminal cults as a phenomenon that contributes to the blurring of the boundaries between norm and deviation.

Keywords: criminal cult, romanticisation of crime, veneration of criminals.

References

1. Criminal cult crime. URL: <https://www.lawyersjurists.com/article/criminal-cult-crime/> (available at 19.12.24)
2. Ormsby E. The outlaw cult // The Sydney morning Herald. URL: <https://www.smh.com.au/technology/the-outlaw-cult-20130709-2po5j.html> (available at 19.12.24)
3. Barabanov N.P. Kriminologicheskij i psihologicheskij aspekty kriminal'noj ideologii i obraza zhizni v kriminal'noj subkul'ture osuzhdennyh // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2017. № 2 (25), S. 177–182.
4. Mikheeva S.V., Mikhailov V.S. Kriminal'naya subkul'tura: ponyatie, struktura, znachenie // Glava knigi «Kriminal'naya obshchnost' v mestah lishe-niya svobody». Samara. 2016. S. 14–33
5. Kul't // Vikipediya. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Kul't> (available at 19.12.24)
6. Yakovleva E.O., Serenko R.S. Sovremennye zakonomernosti delin-kventnogo povedeniya i kriminogennye faktory v sisteme preduprezhdeniya prestupnosti nesovershennoletnih // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2024. № 6 (18). S. 614–623
7. Tigunceva G.N. Genezis nauchnogo znaniya o lichnosti podrootka-delinkventa v otechestvennoj psihologii // Kriminologicheskij zhurnal Baj-kal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2015. № 1 (9). S. 47–56.
8. Ivanova A.A. Kriminal'naya kul'tura kak determinant prestupno-sti // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2016. № 4. S. 671–681.
9. Abdusalamova K. V poiskah svyatoj smerti // Baten'ka. URL: <https://batenka.ru/unity/faith/santa-muerte/>
10. 10 kul'tov i religij, kotorye i segodnya sushchestvuyut v prestup-nom mire. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/100615/24825/> (available at 19.12.24)
11. Religiya i kriminal. Kak narkobaron sozdal svoyu religiyu. URL: <https://dzen.ru/a/ZYpeQ3dbgEs38n-C> (available at 22.12.24).
12. Chelovek v zheleznom kostyume. Istoriya Neda Kelli – avstrailijskogo Robina Guda. URL: <https://dzen.ru/a/Y1MDtXh631dE-QS3R> (data obra-shcheniya 18.02.2025).
13. Romanov A. Tajna kriminal'nogo kul'ta // ИА «Vesti». URL: <https://www.vesti.ru/article/3601225> (available at 22.12.24).
14. Saint thugs of venezuela. URL: <https://www.joya.life/en/blog/los-santos-malandros-de-venezuela/> (available at 22.12.24).
15. Sumitra. Los Santos Malandros – The Thug Saints of Venezuela. URL: <https://www.odditycentral.com/news/los-santos-malandros-the-thug-saints-of-venezuela.html> (available at 22.12.24).
16. Nazario Moreno González // Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Nazario_Moreno_González (available at 22.12.24).
17. Davydov D.G. Lichnostnye dispozicii nasil'stvennogo ekstremizma [Elektronnyj resurs] // Psihologiya i pravo. 2017. Том 7. № 1. С. 106–121. DOI: 10.17759/psylaw.2017070109
18. Didenko K.V., Bocharnikova L.N. «Kolumbajnerj» – novyj tip lichnosti nesovershennoletnogo prestupnika // Sovremennyj uchenyj. 2020. № 5. С. 267–273.
19. Na chto tratyat den'gi narkobarony Latinskoi Ameriki // Vkon-takte. URL: <https://vk.com/@barrioslatinos-na-chto-tratyat-dengi-narkobarony-latinskoi-ameriki> (available at 24.12.2024).
20. Mal'cev O. Issledovanie primeneniya oruzhiya kriminal'nymi tradiciyami kak istochnik religiozno-filosofskoj, istoricheskoi, krimino-logicheskoi i etnokul'turnoj nauchnoj informacii // Kriminologicheskij issledovatel'skij centr. URL: <https://criminology-center.org/issledovanie-primeneniya-oruzhiya-kriminalnymi-tradicziyami/> (available at 25.12.2024).

Становление законодательства о недропользовании в Арктике: Российский путь от СССР к современным реалиям

Космачев Кирилл Александрович,

аспирант, кафедра юридических дисциплин, ОЧУВО
Московский инновационный университет
E-mail: kosmachevk@gmail.com

Эволюция российского арктического законодательства, регулирующего добычу полезных ископаемых, прошла длинный путь трансформации. От первых нормативных актов Советского Союза 1926 года, закрепивших территориальные притязания в Арктике, до современной правовой базы России произошли фундаментальные изменения в подходах к освоению северных недр. Автор анализирует ключевые вехи развития правового поля, рассматривая как внутригосударственные реформы, так и влияние международных соглашений на систему управления арктическими ресурсами. Исследование демонстрирует, как менялись принципы и механизмы недропользования в арктическом регионе на протяжении почти столетней истории. В статье исследуются правовые механизмы развития арктического региона России. Особое внимание уделяется стратегическому документу – президентскому Указу о политике в Арктике до 2035 года. Рассматривается проблема рационального использования ресурсного потенциала территории при соблюдении баланса между хозяйственной деятельностью и экологической безопасностью. Данный регион признается стратегически важным для будущего страны, что требует тщательного анализа принципов его освоения.

Ключевые слова: Арктическое законодательство, правовое регулирование, природные ресурсы Арктики, секторальный принцип, недропользование, континентальный шельф.

Правовое регулирование использования арктических недр в России прошло через различные исторические периоды. Ключевым моментом стал 1926 год, когда СССР законодательно закрепил свои права на полярные воды специальным декретом, что позволило установить контроль над ресурсами морского дна в Северном Ледовитом океане.

Начальная фаза развития законодательства, охватывающая 40 лет (1920–1960 гг.), характеризовалась преимущественно разведывательной и исследовательской деятельностью в регионе. Хотя юридическое оформление суверенных прав на арктические территории состоялось достаточно рано, комплексные правовые механизмы добычи полезных ископаемых появились существенно позднее. Это было обусловлено как суровыми климатическими условиями, так и стратегической важностью арктического региона.

Вопрос принадлежности арктических территорий обострился в первые десятилетия 1900-х годов. Различные страны начали претендовать на земли, простирающиеся далеко за их официальными границами. Особую активность проявляли датское и канадское правительства. Российское государство не осталось в стороне от территориальных споров – в 1916 году оно заявило свои права на острова и прибрежные территории Арктики. Решающий шаг в определении арктических владений был сделан позднее, когда к власти пришли большевики. В 1926 году советское руководство издало ключевой документ – постановление Президиума ЦИК СССР, внедрившее секторальный принцип разделения северных территорий.

От северного побережья СССР до самой вершины планеты простиралась зона советского влияния. Постановление давало Союзу претендовать как на уже известные территории, так и на те земли и острова, которые могли быть обнаружены позднее в этом арктическом секторе.

В начале двадцатого века произошел коренной перелом в отношении к арктическим территориям. Если раньше царское правительство игнорировало этот регион, то с приходом советской власти в 1920-х годах здесь развернулась масштабная деятельность. Несмотря на то, что еще Ломоносов подчеркивал стратегическое значение Арктики для государства, его идеи долгое время оставались без внимания. Лишь большевики всерьез взялись за освоение северных широт – были инициированы геологические исследования, создана транспорт-

ная сеть, построены энергетические и промышленные комплексы¹.

В период между двумя мировыми войнами советское правительство уделяло особое внимание развитию северных территорий. Специально созданное подразделение Госплана, известное как группа «Север», сформировало новую стратегию освоения заполярных регионов. Руководителем этого масштабного проекта выступил С.В. Славин, под началом которого была создана принципиально новая концепция развития Севера, основанная на социалистических принципах². В период второй пятилетки СССР кардинально изменил подход к освоению северных территорий. Если раньше исследование Заполярья носило фрагментарный характер, то теперь государство взяло курс на комплексное промышленное развитие арктического региона. Эта масштабная трансформация нашла своё воплощение в специальном разделе пятилетнего плана под названием «Освоение Советской Арктики», который базировался на ключевых концептуальных установках развития северных территорий³.

Декрет «О земле»⁴, утвержденный Вторым Съездом Советов 26 октября 1917 года, стал поворотным моментом в истории управления природными ресурсами страны. Этот основополагающий документ аннулировал все предыдущие права собственности на землю и её богатства, провозгласив их общенародным достоянием. Особенностью советского правового поля было то, что добыча полезных ископаемых в арктическом регионе не регулировалась отдельными нормативными актами. Вся хозяйственная деятельность, связанная с освоением подземных ресурсов, включая арктические территории, подчинялась единому своду законов Советского Союза. После национализации недр частное владение природными богатствами было полностью упразднено, а прежние разрешения на разработку месторождений утратили юридическую силу.

Горный Совет ВСНХ осуществлял комплексное управление добычей полезных ископаемых из земных недр, включая распределение добытых ресурсов и надзор за всем горнодобывающим сектором. При выявлении месторождений происходило изъятие этих участков у их владельцев, после чего они передавались под разработку специализированным предприятиям или частным добытчикам. В свою очередь, региональным властям были делегированы полномочия по добыче общераспространенных природных ресурсов.

¹ Тимошенко, А.И. Российский опыт изучения и освоения Арктических пространств // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1. С. 5.

² Тимошенко, А.И. Советский опыт мобилизационных решений в освоении Арктики и Северного Морского пути в 1930–1950-е гг. // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 151

³ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Т. II // План развития районов. 1934. С. 252–254

⁴ Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957.

Советский период после принятия Конституции 1936 года ознаменовался революционным преобразованием арктических территорий. Централизованное руководство северными землями, базировавшееся на мобилизационных принципах, позволило государству развернуть масштабную программу освоения региона. Особую значимость приобрело законодательное утверждение государственной монополии на все ресурсы Арктики, включая её недра. Госплан сформировал комплексную стратегию развития, охватывающую как экономические, так и социальные проекты. В результате этой политики арктическое пространство превратилось в территорию активного промышленного роста, где были созданы крупные производственные и транспортные узлы.

В период с 1960 по 1980 год произошло формирование ключевых основ арктической политики, особенно в сфере минеральных ресурсов. Принятие советского законодательства о недрах в 1963 году стало поворотным моментом, установив монопольное право государства на стратегически важные месторождения. Этот законодательный акт не только укрепил контроль государства над природными ресурсами арктического региона, но и заложил фундаментальные правила их изучения и освоения.

В конце 1960-х годов СССР определил свои права на арктический континентальный шельф. Согласно постановлению высшего руководства страны от 06.02.1968 г., границы советских владений в Арктике устанавливались исходя из возможности освоения морских ресурсов, что практически совпадало с двухсотметровой глубиной. При соприкосновении с шельфовыми территориями соседних государств использовался либо механизм двусторонних договоренностей, либо, при их отсутствии, применялся принцип равноудаленности границ. Это историческое решение Президиума Верховного Совета заложило правовую основу для определения арктических владений Советского Союза⁵.

Радикальный пересмотр принципов недропользования произошел в СССР во второй половине 1970-х. Верховный Совет СССР инициировал масштабную реформу, приняв в 1975 году базовый документ «Основы законодательства СССР и союзных республик о недрах»⁶. За ним последовало утверждение Кодекса РСФСР «О недрах» в 1976 году⁷. Революционный характер новых правил проявился в провозглашении государственной монополии на недра и введении бессрочного безвозмездного пользования природными ресурсами. Впервые законодательство закрепило стратегический подход к эксплуатации недр – теперь требо-

⁵ Свод законов СССР. 1990. Т. 4. С. 549

⁶ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах // Ведомости Верховного Совета СССР, 1975 г., N 29, ст. 435.

⁷ Закон РФ от 21.02.1992 N 2395–1 (ред. от 08.08.2024) О недрах (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Электронная правовая система КоносултантПлюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/?ysclid=m5mfzuokys339719398

валось учитывать интересы не только настоящего, но и будущих поколений. Принятые документы сделали приоритетными научный подход и рациональное природопользование, что разительно контрастировало с прежними нормативными актами в этой сфере.

Управление минеральными богатствами в СССР было строго централизованным – все ресурсы контролировались союзным правительством. Хотя региональные власти РСФСР имели некоторые права в сфере недропользования, основные полномочия принадлежали Совету Министров СССР. Под его началом находился единый государственный фонд, включавший все месторождения – как разрабатываемые, так и неосвоенные.

Законодательство того времени предусматривало довольно демократичный подход к пользованию природными ресурсами. Помимо госучреждений, доступ к недрам могли получить обычные советские граждане, общественные объединения и кооперативы. Законы также допускали возможность предоставления прав на недропользование и иным категориям, если это было специально оговорено в союзном законодательстве.

В период 1960–1980-х годов произошло формирование ключевых направлений арктической политики, включая вопросы освоения природных ресурсов. Законодательное регулирование недропользования началось с принятия в 1963 году советского Закона «О недрах», закрепившего монопольные права государства на стратегические территории и установившего правила изучения подземных богатств.

Дальнейшее развитие нормативной базы привело к появлению в 1983 году Постановления Совета Министров № 299, которое вместе с сопутствующими документами создало правовой фундамент для категоризации месторождений нефти и газа. При разработке этой классификации первоочередное значение придавалось ресурсам, расположенным в арктическом регионе.

Государственный контроль над различными регионами, включая арктическую зону, существенно расширился благодаря принятию данного нормативного акта.

Правовое регулирование арктических недр активно развивается на протяжении последних трех десятилетий. Ключевым документом стал закон о континентальном шельфе 1998 года, детально регламентирующий освоение морских месторождений, включая арктическую зону. Важную роль также сыграло принятие в 1993 году основного закона страны – Конституции РФ, где особо отмечается необходимость рационального природопользования в северных территориях.

Формирование нормативно-правовой базы по использованию природных ресурсов в арктическом регионе России прошло долгий путь эволюции, учитывая как внутригосударственные изменения, так и международные соглашения. Ключевым моментом в этом процессе явилась разработка документа «Основы государственной поли-

тики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», утвержденного в 2008 году¹. В нем были заложены базовые векторы освоения арктических территорий России и установлены главные направления правового контроля за добычей полезных ископаемых. В последующие годы эти стратегические решения послужили основой для создания новых законопроектов.

Анализируя правовое регулирование арктических территорий в СССР, следует отметить отсутствие отдельной законодательной базы для этого региона. Вместо специальных нормативных актов применялись общегосударственные законы, действовавшие на всей территории Советского Союза. При этом интересен тот факт, что несмотря на признание арктических ресурсов общепризнанным достоянием, определенные юридические полномочия в сфере недропользования сохранялись и за республиканским законодательством. Таким образом, система управления арктическими ресурсами в СССР характеризовалась универсальным подходом без учета региональной специфики.

В эпоху СССР доступ к природным богатствам Арктики строго контролировался государством. Разработка месторождений требовала согласования с военными ведомствами, органами безопасности и экономическими структурами, поскольку эти ресурсы считались достоянием грядущих поколений. Добывать полезные ископаемые могли только организации, подчиняющиеся советскому законодательству.

Существенной вехой в регулировании недропользования стало появление закона «О недрах» в феврале 1992 года. Этот нормативный акт, многократно корректировавшийся впоследствии, заложил основы современного законодательства в данной области.

Государство внедрило систему контроля за использованием природных ресурсов Арктики через принятие специального законодательства. Благодаря введению нормативного акта «О недрах» были четко прописаны механизмы получения разрешений на разработку месторождений и установлена процедура мониторинга их состояния. Документ заложил фундаментальные правила освоения подземных богатств, включающие необходимость получения лицензий и соблюдения установленных требований при выделении участков.

Принятый указ «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года»² создал необходимую правовую ос-

¹ «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (утв. Президентом РФ 18.09.2008 N Пр-1969)// Электронно-правовая система КонсультантПлюс <https://legacts.ru/doc/osnovy-gosudarstvennoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-v-arktike/?ysclid=m5m>

² Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. N 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» (с изменениями и дополнениями)// Собрание законодательства Российской Федерации от 9 марта 2020 г. N 10 ст. 1317

нову для реализации стратегии интересов России в арктических направлениях. Он установил приоритеты и механизмы правового регулирования, которые обеспечивают устойчивое развитие ресурсного потенциала и занятости в Арктике, а также противодействуют национальным интересам на международной арене.

Современная правовая база освоения арктических недр России берет свое начало в советском законодательстве и претерпела значительную эволюцию за прошедшие десятилетия. Ключевым этапом в развитии арктического законодательства стало принятие документа «Основы государственной политики РФ в Арктике до 2035 года». Этот указ не просто определил вектор развития региона – он установил фундаментальные правила использования природных богатств, гармонично сочетая задачи промышленного освоения с необходимостью защиты хрупкой природы Севера. Документ подчеркнул особую роль арктических территорий в будущем страны и создал прочную юридическую платформу для их рационального использования на долгие годы вперед.

Литература

1. «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (утв. Президентом РФ 18.09.2008 N Пр-1969)// Электронно-правовая система КонсультантПлюс <https://legalacts.ru/doc/osnovy-gosudarstvennoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-v-arktike/?ysclid=m5m>
2. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Т. II // План развития районов. 1934. С. 252–254
3. Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле 26 октября (8 ноября) 1917 г.// Декреты Советской власти. Т.I. М., Гос.изд-во полит. литературы, 1957.
4. Закон РФ от 21.02.1992 N 2395–1 (ред. от 08.08.2024) О недрах (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024)// Электронная-правовая система КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/?ysclid=m5mfzuokys339719398
5. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах // Ведомости Верховного Совета СССР, 1975 г., N 29, ст. 435.
6. Тимошенко, А.И. Российский опыт изучения и освоения Арктических пространств // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1. С. 5.
7. Тимошенко, А.И. Советский опыт мобилизационных решений в освоении Арктики и Северного Морского пути в 1930–1950-е гг. // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 151

8. Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. N 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» (с изменениями и дополнениями)// Собрание законодательства Российской Федерации от 9 марта 2020 г. N 10 ст. 1317

THE FORMATION OF LEGISLATION ON SUBSURFACE USE IN THE ARCTIC: THE RUSSIAN PATH FROM THE USSR TO MODERN REALITIES

Kosmachev K.A.,
OChUVU Moscow Innovative University

The evolution of Russian Arctic legislation regulating mining has gone a long way towards transformation. From the first normative acts of the Soviet Union in 1926, which consolidated territorial claims in the Arctic, to the modern legal framework of Russia, fundamental changes have taken place in approaches to the development of the northern subsurface. The author analyzes key milestones in the development of the legal field, considering both domestic reforms and the impact of international agreements on the management system of Arctic resources. The study demonstrates how the principles and mechanisms of subsurface use in the Arctic region have changed over the course of almost a century of history. The article examines the legal mechanisms of development of the Arctic region of Russia. Special attention is paid to the strategic document, the presidential Decree on Arctic policy until 2035. The problem of rational use of the resource potential of the territory while maintaining a balance between economic activity and environmental safety is considered. This region is recognized as strategically important for the future of the country, which requires a thorough analysis of the principles of its development.

Keywords: Arctic legislation, legal regulation, natural resources of the Arctic, sectoral principle, subsoil use, continental shelf.

References

1. “Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2020 and Beyond” (approved by the President of the Russian Federation on September 18, 2008 N Pr-1969) // Electronic legal system ConsultantPlus <https://legalacts.ru/doc/osnovy-gosudarstvennoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-v-arktike/?ysclid=m5m>
2. The Second Five-Year Plan for the Development of the National Economy of the USSR. Т. II // District Development Plan. 1934. P. 252–254
3. Decree of the II All-Russian Congress of Soviets on Land, October 26 (November 8), 1917 // Decrees of the Soviet Government. Т.I. М., State Publishing House of Political Literature, 1957.
4. Law of the Russian Federation of 21.02.1992 N 2395–1 (as amended on 08.08.2024) On Subsoil (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2024) // Electronic legal system KonosultantPlus https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/?ysclid=m5mfzuokys339719398
5. Fundamentals of the legislation of the USSR and the Union Republics on subsoil // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR, 1975, N 29, art. 435.
6. Timoshenko, A.I. Russian experience in studying and developing Arctic spaces // Humanities in Siberia. 2012. No. 1. P. 5.
7. Timoshenko, A.I. Soviet experience of mobilization decisions in the development of the Arctic and the Northern Sea Route in the 1930–1950s // Arctic and North. 2013. No. 13. P. 151
8. Decree of the President of the Russian Federation of March 5, 2020 N 164 “On the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2035” (with amendments and additions) // Collection of Legislation of the Russian Federation of March 9, 2020 N 10 Art. 1317

Кузнецов Никита Сергеевич,

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики
E-mail: Kusy_1999@mail.ru

Целью статьи является рассмотрение проблем сущности самозащиты как неюрисдикционного способа защиты права. В результате исследования констатируется, несмотря на то, что законодательство вносит принципиальные уточнения, согласно которым самозащита должна быть соразмерна нарушенным правам и не должна быть за пределами действий необходимых для пресечения нарушения, эти условия во многом являются дискуссионными, поскольку самозащита нередко выходит за свои пределы и порой затруднительно определить степень необходимости применения таковой. Следует признать, что институт самозащиты законодателем не разработан. Необходимо его теоретическое обоснование, которое следует начать с необходимости формулировки самого понятия. Проблемой остаётся отсутствие конкретизации оснований применения самозащиты, способов ее реализации. Поэтому сохраняется неопределённость в отношении отсутствия тех или иных моделей самозащиты, что затрудняет самостоятельную защиту права. Проблемой также является регламентация порядка защиты таких прав без указания конкретного способа такой защиты. Выводы в данном исследовании сводятся к необходимости корректировки рассматриваемого института в аспекте расширения в частности конкретных способов и форм защиты таких прав. При этом необходима оптимальная юридическая регламентация конкретных способов самозащиты в зависимости от степени материальности предмета такой защиты, что позволит правильно придерживаться принципа соразмерности такой меры.

В процессе приведённого исследования использовались общенаучные методы диалектический, системный, методы анализа и синтеза, логический, а также специальные юридические методы – формально-юридический, сравнительно-правовой и иные методы.

Ключевые слова: гражданское законодательство, нарушение имущественных прав, неюрисдикционный способ защиты, превентивные меры, самозащита, способы и форм защиты самозащиты.

Еще во времена античности дефиниция «самозащита» была известна римскому праву. Под этим термином предполагались самостоятельные и самоуправные вторжения в сложившиеся имущественные и иные отношения [3]. Например, при возведении сооружения на чужом участке. Также самозащита использовалась в обязательственных правоотношениях [4].

Самозащита как неюрисдикционный способ защиты права выражалась в таких действиях, как необходимая самооборона, действия в состоянии крайней необходимости и дозволенное самоуправство, или, иными словами – самопомощь.

Самозащита предполагает реакцию на фактическое нарушение имущественных прав лица. Если вести речь о наличии определения самозащиты, то такового не просматривается. В ст. 14 ГК РФ [1], в которой должно быть закреплено такое определение лишь указывается на допустимость самозащиты гражданских прав и способов, которые должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий необходимых для её пресечения.

В п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 поясняется, в чем выражается самозащита гражданских прав, т.е. в воздействии лица на свое собственное или находящееся в своем законном владении имущество, а также в воздействиях на имущество нарушителя в том числе, если таковое обладает признаками необходимой обороны или совершается в состоянии крайней необходимости (ст. 1066, 1067 ГК РФ) [2].

Приведённые пояснения не раскрывают сущность самозащиты как неюрисдикционного способа защиты права. Под самозащитой должны пониматься любые действия законного характера, направленные на защиту лицом своих законных интересов от посягательств других лиц [5]. Законодательство вносит принципиальные уточнения, согласно которым самозащита должна быть соразмерна нарушенным правам и не должна выходить за пределы действий необходимых для пресечения нарушения. Указанные условия во многом являются дискуссионными, поскольку самозащита нередко выходит за свои пределы и порой затруднительно определить степень необходимости применения таковой.

Так, можно признать самозащиту как действия пассивного характера, когда ставятся камеры видеонаблюдения в торговом учреждении или активную в виде реальных действий по сносу незаконных построек. Однако в первом случае в большей степени следует такие действия оценить, как превентивные, позволяющие свести к минимуму возможные имущественные нарушения. Гражданское

законодательство предоставляет право выбора защиты своих прав или воздержания от таковых. В последнем случае это может причинить вред общественным отношениям в силу стимулирования безнаказанности нарушителей. Однако возникает множество вопросов определения пределов прав за самозащиту. Отсутствие таких знаний может привести к нарушению прав третьих лиц. В любом случае институт самозащиты законодателем явно не разработан. Необходимо его теоретическое обоснование, которое следует начать с необходимости формулировки самого понятия. Между тем, как нам представляется, по мысли законодателя слово «самозащита» определяется из самого наименования.

Таким образом, проблемы самозащиты связываются с необходимостью юридической проработки официальных документов. Следует посредством выявления необходимой дефиниции рассматриваемого явления дать краткий анализ юридической литературы по исследуемой теме.

Самозащита характерна своей спецификой и уникальностью, поскольку суть ее состоит в том, что гражданина защищает не государственные или судебные органы, а они сами себя. С другой стороны, граждане предпринимают меры как фактического, так и юридического характера направленные на предотвращение нарушения своих прав или их восстановления [6].

Если правильно трактовать положения ст. ст. 1066, 1067 ГК РФ то самозащита может быть выражена в посягательстве на имущество самого причинителя вреда в случае крайней необходимости. При этом самозащита проявляется в случае крайней необходимости, когда опасность не может быть устранена иными силами, в том числе в судебном порядке.

Такие меры не могут признаваться противоправными и при этом, если причиняется вред, то таковой может быть возмещён.

Судебная практика показывает, что самозащита не признается легитимной в случае явного нарушения баланса между причинённым и предотвращённым вредом. При превышении пределов возникает ответственность за причинение вреда уже у самого субъекта самозащиты.

Проблемами является отсутствие конкретизации оснований применения самозащиты и потому сохраняется неопределённость в отношении отсутствия тех или иных моделей самозащиты, что затрудняет самостоятельную защиту права.

Проблемой также является отсутствие регламентации порядка защиты таких прав без указания конкретного способа такой защиты.

Следует полагать, что самозащита представляется в большей степени широким понятием и может включать в себе определённые способы защиты такого права. Поэтому рассматриваемый институт нуждается в корректировке в силу расширенности, в частности, конкретных способов и форм защиты таких прав. При этом необходима оптимальная юридическая регламентация конкретных

способов самозащиты в зависимости от степени материальности предмета такой защиты, что позволит правильно придерживаться принципа соразмерности такой меры.

Тем не менее, соразмерность и пропорциональность способа самозащиты представляется оценочным понятием.

Единственными мерами, предусмотренными гражданским законодательством, это когда лицо находится в положении защищающего свое имущество и иные предусмотренные законом права. Здесь налицо ситуация, связанная с форс-мажорными обстоятельствами, но и в этом случае законодатель не ведёт речь о самозащите. Тем самым речь идет о мерах по защите имущества от опасности, которая в сложившихся обстоятельствах признается правомерной [7].

В целях совершенствования рассматриваемого института необходимо принять меры по внесению изменений и дополнений в гражданское законодательство.

Так, в первую очередь следует разработать формулировку дефиниции самозащиты. Суть такой формулировки сводится к тому, что лицо, которое стало объектом нарушения своих прав либо, если его права и законные интересы находятся под угрозой такого нарушения может воздержаться от решения вопроса в судебном или в ином связанном в правоохранительными органами порядке и предпринять самостоятельные действия по защите своих интересов.

Но в таком случае требуется закрепление способов, которыми это лицо вправе защитить свои интересы, к тому же исходя из направленности действий со стороны самого нарушителя права. Следует полагать, что таковыми могут быть лишь действия предупредительные или оборонительные, в зависимости от объекта посягательства.

Условия, которые могли бы обеспечить правомерность самозащиты должны быть закреплены в нормах гражданского законодательства в частности в ст. 14 ГК РФ. Такими условиями могут быть признаны, те, при которых права уже нарушены или которые находятся под непосредственной угрозой такого нарушения. Здесь уже речь должна идти о степени правомерности защитных действий, поскольку самозащита должна определяться как правомерная лишь при соответствии характеру противоправных действий и когда баланс между вредом причинённым и предотвращённым нарушается в пользу субъекта самозащиты.

Но в любом случае необходима развёрнутая дефиниция самозащиты поскольку отсутствие таковой затрудняет правильный анализ данного явления.

Гражданское законодательство определяет лишь условия, которым самозащита должна соответствовать, но отсутствие легального определения приводит к отсутствию понимания сущностной стороны рассматриваемого явления.

В этом отношении определение самозащиты следует сформулировать как форму защиты закон-

ного принадлежащего определенному лицу права, которое реализуется самостоятельно от своего имени посредством фактических или юридических действий в целях предупреждения, пресечения или восстановления нарушенного права.

В рассматриваемом аспекте наиболее значимым является подход, закреплённый в Германском гражданском законодательстве. В Германском гражданском уложении 1896 года институту самозащиты посвящён один из разделов законодательства. Совокупность норм в этом документе обозначает систему самозащиты гражданских прав их взаимосвязь и взаимообусловленность. Здесь предусматриваются три модели самозащиты: необходимая оборона (Notwehr), крайняя необходимость (Notstand) и самопомощь (Selbsthilfe) [8].

Основной целью самозащиты является пресечение незаконных действий на принадлежащее лицу имущество. При этом обращается внимание, что законодатель имеет в виду именно пресечение, а не наказание. Пресечение может рассматриваться в самых различных вариациях, например, нарушитель может быть силовыми методами принужден к бегству или обездвижен в случае попытки угнать автомобиль собственника. В то же время не является самозащитой и не может быть пресечения правонарушения, которое еще не случилось. Возможны лишь только превентивные меры, позволяющие обеспечить охрану этого транспортно-го средства [9].

Таким образом, наиболее актуальной в рассматриваемом институте является проблема отсутствия дефиниции, порядка реализации самозащиты и форм применения таковой.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (с изм. и дополн. от 13 декабря 2024 г. № 459-ФЗ) URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения 29.04.2025).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации» URL: <https://base.garant.ru/71100882/> (дата обращения 29.04.2025).
3. Вайлерт А.А. Цель и критерии правомерности самозащиты гражданских прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3–1 (54). С. 113–115.
4. Хвостов В.М. Система римского права: учебник. М., 1996. 522 с.
5. Газарян М.П., Попова Л.И. Проблемы и особенности защиты гражданских прав // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития: сборник статей VIII Национальной научно-практической конференции (симпозиума). Краснодар, 2024. С. 30–33.
6. Изосимова А.А. Актуальные проблемы реализации самозащиты, как одного из способов за-

щиты гражданских прав // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 10 (67). С. 280–284.

7. Рейдель Л.Б., Третьяк А.А. Проблемы самозащиты как способа защиты гражданских прав в России и зарубежных странах // Юридическая гносеология. 2023. № 4. С. 90–94.
8. Германское гражданское уложение / Книга 1 / Раздел 6. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения 29.04.2025).
9. Кораблева М.С. Защита гражданских прав: новые аспекты // Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей под ред. М.И. Брагинского. М.: Статут, 2008. 433 с.

PROBLEMS OF SELF-DEFENSE AS A WAY OF PROTECTING CIVIL RIGHTS

Kuznetsov N.S.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The purpose of the given article is to consider the problems of the essence of self-defense as a non-jurisdictional method of protecting rights. As a result of the study, it is stated that despite the fact that the legislation makes fundamental clarifications, according to which self-defense must be proportionate to the violated rights and must not be beyond the actions necessary to prevent the violation, these conditions are largely debatable, since self-defense often goes beyond its limits and sometimes it is difficult to determine the degree of necessity of its application. It should be recognized that the institute of self-defense has not been developed by the legislator. Its theoretical justification is necessary, which should begin with the need to formulate the concept itself. The problem remains the lack of specification of the grounds for the use of self-defense, methods of its implementation. Therefore, uncertainty remains regarding the absence of certain models of self-defense, which complicates independent protection of the right. Another problem is the regulation of the procedure for protecting such rights without specifying a specific method of such protection. The conclusions in this study come down to the need to adjust the institution under consideration in terms of expansion, in particular, specific methods and forms of protecting such rights. At the same time, optimal legal regulation of specific methods of self-defense is necessary depending on the degree of materiality of the subject of such protection, which will allow us to correctly adhere to the principle of proportionality of such a measure.

In the process of the given study, general scientific methods were used: dialectical, systemic, methods of analysis and synthesis, logical, as well as special legal methods – formal-legal, comparative-legal and other methods.

Keywords: civil legislation, violation of property rights, non-legal method of protection, preventive measures, self-defense, methods and forms of self-defense.

Referents

1. Civil Code of the Russian Federation (as amended and supplemented on December 13, 2024, No. 459-FZ) URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (date of access on April 29, 2025).
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 “On the application by courts of certain provisions of Section I of Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation” URL: <https://base.garant.ru/71100882/> (date of access on April 29, 2025).
3. Weilert A.A. The purpose and criteria for the legality of self-defense of civil rights // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 3–1 (54). P. 113–115.
4. Khvostov V.M. The system of Roman law: a textbook. Moscow, 1996. 522 p.
5. Gazaryan M.P., Popova L.I. Problems and features of the protection of civil rights // Private law of the Russian Federation: history, current state, trends and development prospects: a collection of articles from the VIII National scientific and practical conference (symposium). Krasnodar, 2024. Pp. 30–33.

6. Izosimova A.A. Actual problems of implementing self-defense as one of the ways to protect civil rights // Bulletin of Science. 2023. Vol. 4. No. 10 (67). Pp. 280–284.
7. Reidel L.B., Tretyak A.A. Problems of self-defense as a way to protect civil rights in Russia and foreign countries // Legal gnoseology. 2023. No. 4. Pp. 90–94.
8. German Civil Code / Book 1 / Section 6. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (date of access 04/29/2025).
9. Korableva M.S. Protection of civil rights: new aspects // Actual problems of civil law: collection of articles edited by M.I. Braginsky. Moscow: Statut, 2008. 433 p.

Проблемы и перспективы развития концепции расширенного взаимодействия между налогоплательщиком и налоговым органом

Лексин Евгений Алексеевич,

аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
E-mail: 79053883247@mail.ru

Концепт расширенного взаимодействия между налогоплательщиком и налоговым органом, получивший нормативное закрепление, демонстрирует сдвиг от репрессивной модели контроля к форматам партнёрства вкупе с прозрачным информационным обменом. Актуальность обсуждаемой темы обусловливается как интенсивным внедрением цифровых инструментов мониторинга, так и отчётливо проявляющейся необходимостью институционального выравнивания статуса сторон в условиях асимметрии прав и обязанностей. Цель в рамках данной статьи состоит в выявлении системных противоречий, которые тормозят реализацию модели расширенного взаимодействия, а также в формулировке теоретически обоснованных и технологически выполнимых рекомендаций по их преодолению. Проведённый анализ показал, что в научной литературе доминирует технократический дискурс, при этом существенно обделены вниманием правовые и поведенческие аспекты, в том числе, неопределённость статуса мотивированных мнений ФНС, неустоявшаяся практика правоприменения, размытые критерии цифровой зрелости участников. Авторский вклад проявляется в системной декомпозиции концептуальной базы в рассматриваемой области, выявлении структурных несоответствий между целями цифровой трансформации и фактическим распределением налоговой ответственности. Излагаемые в статье материалы будут полезны специалистам в области налогового администрирования, правоведа, digital-трансформации государственного управления, а также разработчикам стратегий сопровождения в корпорациях.

Ключевые слова: администрирование, асимметрия, доверие, концепция, налоговый мониторинг, налогоплательщик, правовая определённость, прозрачность, цифровизация

Введение

Современная парадигма налогового администрирования стремительно трансформируется под воздействием цифровизации, глобализации экономических процессов в сочетании с усилением требований к фискальной прозрачности.

В складывающихся реалиях особую актуальность приобретает концепция расширенного взаимодействия между налогоплательщиками и контролирующими органами, которая отражена в ряде нормативных актов, в том числе, в Концепции развития и функционирования системы налогового мониторинга, утверждённой распоряжением Правительства РФ от 21 февраля 2020 года № 381-р [1].

Вместе с тем, невзирая на амбициозные цели документа, включающие реорганизацию механизмов контроля, внедрение технологий прямого доступа к данным налогоплательщиков, развитие консультативной функции налоговых органов, существует ряд неустранённых противоречий и институциональных барьеров, которые препятствуют полноформатной реализации модели доверительного взаимодействия.

Проблема исследования заключается в выявлении дисфункций, возникающих на стыке цифровизации налогового контроля и институционального недоверия, а также в анализе ограничений и возможностей, сопутствующих формированию устойчивого канала взаимодействия между бизнесом и фискальными структурами на фоне перехода к проактивному налоговому администрированию.

Материалы и методы

Литературу по обсуждаемой теме уместно условно сгруппировать по следующим смысловым направлениям: нормативно-правовое обоснование и концептуальные рамки [1], анализ digital-технологий и технологической инфраструктуры взаимодействия [3, 6, 7, 8, 9], исследование организационных и институциональных аспектов построения устойчивого диалога между сторонами [2, 4, 5, 10, 11].

В обзорных и прикладных работах, к примеру, исследованиях Т.В. Деевой [6, 7], А.Д. Беловой, М.В. Александровой [3], преобладает акцент на технологических трансформациях, в частности, внедрении автоматизированных средств анализа, цифровых платформ, инструментов криптографической защиты, которые обеспечивают бесшовную интеграцию налогоплательщика и контролирующего органа. В указанных изысканиях демонстри-

руются преимущественно прагматический и инструментальный подходы (заметен упор на технической стороне взаимодействия). В то же время, Р.Г. Домов [8] акцентирует внимание на правовых коллизиях, которые возникают при реализации положений статьи 11.2 НК РФ, что позволяет отнести его исследование к критико-аналитической парадигме. Институциональные и поведенческие аспекты взаимодействия рассматриваются в статьях А.Л. Анисимова [2], О.В. Мандрощенко [10], Р.Р. Дагаева с соавторами [5], где фокус сделан на балансе властных полномочий, доверии, что сближает эти подходы с междисциплинарным и социально-правовым анализом. Статья Т.О. Графовой и В.А. Гладченко [4] содержит систематизированный обзор текущего состояния налогового мониторинга, служащий базисом для дальнейших прикладных разработок. Также заслуживает внимания работа О.Ю. Ерицовой [9], где описывается специфика отраслевого взаимодействия, в том числе, с учетом различий в уровне цифровой зрелости налогоплательщиков.

Невзирая на разнообразие исследовательских перспектив, в источниках фиксируются явные проблемы. Так, часть авторов [3, 6] рассматривают цифровизацию как универсальное средство преодоления конфликтов интересов, другие же [2, 5, 8] подчёркивают институциональные риски и нормативную неустойчивость как ключевые вызовы. Не-

достаточно полно раскрыта проблема асимметрии ответственности при расширенном обмене данными, а также слабо освещены вопросы на предмет юридической значимости мотивированных мнений налоговых органов как инструмента правовой определённости.

При написании статьи были использованы следующие методы: нормативно-правовой анализ, сравнительный подход (для выявления различий в авторских позициях и трактовках взаимодействия), систематизация, а также элементы критического дискурс-анализа (для выявления пробелов в существующих публикациях и проблемных зон развития характеризующих концептуальных положений).

Результаты и обсуждение

Идея расширенного информационного взаимодействия между налогоплательщиком и налоговым органом не ограничивается лишь техническим подключением к внутренним системам предприятия. Речь идёт о глубокой перестройке методологии, при которой предполагается оперативный обмен структурированной, верифицируемой информацией в реальном времени. При этом ключевым изменением становится отказ от ретроспективного контроля в пользу экстерриториального сопровождения и мониторинга налоговых обязательств в процессе их формирования (таблица 1).

Таблица 1. Концептуальная база расширенного взаимодействия между налогоплательщиком и налоговым органом

Элемент	Содержание	Назначение / Функция
Целевой ориентир	Повышение эффективности налогового контроля через цифровизацию и партнерский подход	Снижение административной нагрузки, рост прозрачности, сокращение рисков недобора налогов
Формат взаимодействия	Непрерывный электронный обмен информацией в реальном времени	Оперативность анализа, предупреждение нарушений до их совершения
Инструмент доступа	Подключение налогового органа к корпоративным информационным системам через безопасные каналы связи	Получение достоверных и актуальных данных без запроса документации
Каналы передачи сведений	Электронный документооборот (ЭДО) с криптографической защитой	Обеспечение юридической силы документов и безопасности передачи
Контрольный механизм	Сопоставление данных налогоплательщика с внутренними информационными ресурсами ФНС	Проверка полноты и достоверности расчётов, выявление расхождений
Консультационная функция	Мотивированное мнение ФНС по конкретным операциям	Превентивное устранение правовых неопределённостей и налоговых рисков
Технологическая инфраструктура	Интеграция ERP-систем и налоговых платформ, автоматизация обмена и анализа	Снижение издержек на подготовку и предоставление отчётности
Критерии участия	Добровольность, соответствие определённым требованиям (например, по уровню выработки и технической готовности)	Формирование круга участников на начальном этапе внедрения
Роль налогоплательщика	Активный участник в управлении налоговыми рисками, партнёр в диалоге с ФНС	Совместная работа по обеспечению достоверности данных и предсказуемости налоговой нагрузки
Роль налогового органа	Не только контролёр, но и консультант, аналитик, сопровождающий налоговую функцию	Снижение конфронтационности, развитие сервисной модели администрирования
Ключевые вызовы	Асимметрия ответственности, неустоявшаяся правоприменительная практика, цифровой неравенство	Требуют правовой доработки, институционального закрепления, технологической стандартизации

Элемент	Содержание	Назначение / Функция
Перспективы развития	Превращение контроля в сопровождение, внедрение цифровых контрактов, юридизация мотивированных мнений	Укрепление доверия, институционализация взаимной ответственности

(составлено автором на основе [2–4, 7, 9–11])

Тем не менее, на практике наблюдается разрыв между нормативной моделью и фактическими реалиями её применения. В ряде случаев расширенное взаимодействие сводится к одностороннему извлечению информации налоговыми органами, а заявляемая идея партнёрского равноправия остаётся недостижимой. Отсюда возникает критический вопрос – можно ли считать существующую модель полноценным механизмом обратной связи или она остаётся инструментом административного давления в цифровом обличье [5, 8].

Одним из центральных элементов рассматриваемой концепции служит прямой доступ инспекторов к корпоративным информационным средам. Формально это должно сократить сроки камеральных и выездных проверок, свести к минимуму количество запрашиваемых документов и, следовательно, снизить нагрузку на предпринимательские структуры. Между тем, в практической плоскости реализация данной нормы вызывает острые споры как в юридическом, так и в технологическом аспектах [5, 6, 8].

С одной стороны, отсутствует унифицированный протокол безопасного и контролируемого доступа, который обеспечивал бы налогоплательщику возможность фиксировать и оспаривать действия инспектора внутри его ИТ-инфраструктуры. С другой – субъекты малого и среднего предпринимательства нередко не располагают информационными ресурсами, которые соответствуют предъявляемым требованиям. Это провоцирует формальный отказ в участии в налоговом мониторинге или ведёт к созданию параллельных инфо-систем специально для целей взаимодействия с ФНС, что нивелирует саму идею прозрачности.

Ещё одним заявленным элементом расширенного взаимодействия является возможность получения мотивированного мнения налогового органа о последствиях той или иной сделки [1]. В теории это помогает налогоплательщику заранее устранить потенциальные риски и избежать последующих санкций. Вместе с тем, несмотря на потенциальную полезность характеризуемого инструмента, его практическое применение остаётся крайне ограниченным.

Формулировка мотивированных мнений зачастую носит уклончивый или неопределённый характер, лишая их правовой ценности. Вдобавок, в ряде случаев мнения, выданные ранее, не принимаются во внимание при проведении последующих проверок, что подрывает доверие к системе в целом. Таким образом, консультативная функция налогового органа не получает необходимого институционального веса и воспринимается как факкультативный, а не гарантированный сервис.

Невзирая на декларируемую двусторонность взаимодействия, текущая модель преимущественно усиливает надзорный компонент. Налоговые органы получают весьма широкий доступ к сведениям, а налогоплательщик лишён симметричных механизмов контроля над интерпретацией предоставленной информации. В результате формируется устойчивая асимметрия ответственности (бизнес вынужден обеспечивать полноту и достоверность данных под угрозой санкций, а фискальные органы не несут соразмерной ответственности за возможные ошибки, допущенные в ходе анализа либо применения этих данных).

В условиях описываемой асимметрии любое расширение информационного обмена приобретает признаки не партнёрства, а подчинённого контроля. Это особенно ощутимо при автоматизированных перекрёстных проверках, когда сопоставление информации осуществляется без учёта контекста конкретной сделки и без возможности оперативного разъяснения.

Несмотря на указанные выше проблемные зоны, развитие модели расширенного взаимодействия обладает значительным потенциалом. Прежде всего, перспективным вектором видится трансформация налогового контроля в сопровождение налогоплательщика, где функции анализа, рекомендаций, а также консультирования станут доминирующими по отношению к санкционному компоненту. Для этого целесообразна институционализация принципа добросовестности, при котором предварительные консультации и мотивированные мнения ФНС будут обладать нормативной силой, обязательной к исполнению как налогоплательщиком, так и налоговым органом.

В дополнение к отмеченному, важно предусмотреть создание независимых механизмов арбитража при интерпретации данных, полученных через системы мониторинга. Это представляется реальным достигнуть путём формирования специализированных третейских структур при Торгово-промышленных палатах или иных негосударственных платформах.

Исходя из выявленных противоречий, представляется необходимым предложить следующие направления развития концепции расширенного взаимодействия (рис. 1):

Новизна предложенных решений заключается в переходе от технократической парадигмы к институционально-сбалансированной модели, где цифровые технологии не подменяют правовые гарантии, а служат их инструментальной реализацией. При этом принцип презумпции добросовестности налогоплательщика должен быть закреплён

не декларативно, а через конкретные правовые и процедурные механизмы, которые регулируют действия обеих сторон.

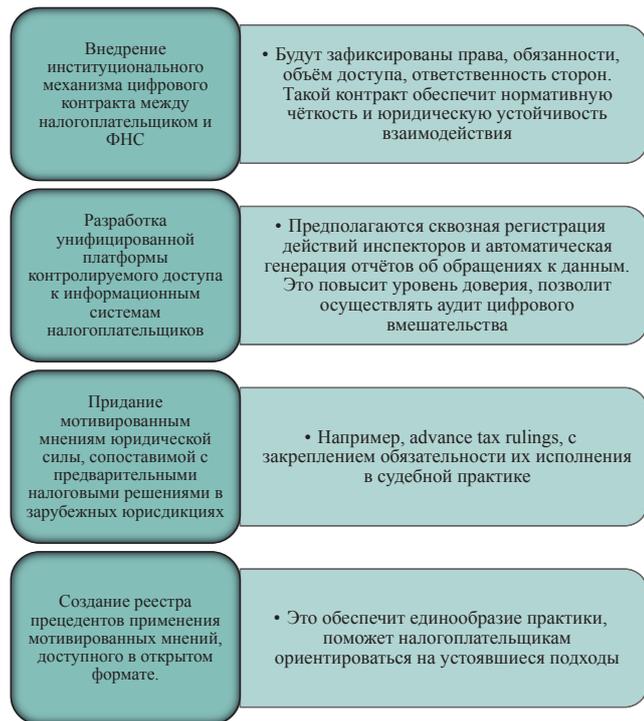

Рис. 1. Направления последующего развития концепции расширенного взаимодействия (составлено автором)

Выводы

Проведённый анализ показал, что концепция расширенного взаимодействия обладает значительным трансформационным потенциалом, но её воплощение в жизнь сталкивается с рядом фундаментальных ограничений (от отсутствия правовой симметрии до институционального недоверия).

Как представляется с прицелом на перспективу, без устранения указанных барьеров данная модель рискует остаться формальной. Продвижение к действительному партнёрству возможно лишь при условии переосмысления роли цифровизации – она должна служить гарантией прав, а не усилением контроля. Только так налоговое администрирование сможет эволюционировать в сторону сопровождения и консультации, а не исключительно надзора.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 21.02.2020 № 381-р «Об утверждении Концепции развития и функционирования в Российской Федерации системы налогового мониторинга» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/564333759> (дата обращения: 29.05.2025).
2. Анисимов А.Л. Взаимодействие налогоплательщиков и налоговых органов в контексте обеспечения баланса власти и доверия // Mod-

ern Economy Success. – 2022. – № 5. – С. 191–195.

3. Белова А.Д., Александрова М.В. Применение цифровых технологий в налоговом мониторинге для эффективного взаимодействия налогоплательщика и налогового органа // Трансформация национальной социально-экономической системы России. Материалы II Международной научно-практической конференции. – Москва: 2020. – С. 327–332.
4. Графова Т.О., Gladchenko V.A. Основы применения системы налогового мониторинга в российской федерации на современном этапе // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2024. – № 1 (41). – С. 10–15.
5. Дагаев Р.Р., Джамалова П.И., Ахмедова Э.С. Проблемы и перспективы информационного взаимодействия налогового органа и налогоплательщика // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 4 (129). – С. 1342–1346.
6. Деева Т.В. Технологическая трансформация налоговых органов и построение взаимодействия с налогоплательщиками с учетом их ожиданий и потребностей // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14. – № 9. – С. 2131–2144
7. Деева Т.В. Цифровые технологии в системе современных моделей взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов // Экономика и управление. – 2020. – Т. 26. – № 8 (178). – С. 840–850.
8. Домов Р.Г. Цифровизация взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками: проблемный комментарий к статье 11.2 Налогового кодекса РФ // Налоги. – 2020. – № 1. – С. 10–14.
9. Ерицова О.Ю. Новые технологии и проблемы взаимодействия налогового органа и налогоплательщика по отраслям // Самоуправление. – 2023. – № 4 (137). – С. 108–111.
10. Мандрощенко О.В. Повышение прозрачности во взаимодействии налогового органа с налогоплательщиками // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2021. – Т. 17. – № 3 (396). – С. 485–499.
11. Шелкунов А.Д. К вопросу о совершенствовании налогового мониторинга // Закон. – 2024. – № 7. – С. 181–185.

CHALLENGES AND PROSPECTS FOR DEVELOPING THE CONCEPT OF ENHANCED COOPERATION BETWEEN TAXPAYERS AND TAX AUTHORITIES

Leksin E.A.

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

The concept of enhanced cooperation between taxpayers and tax authorities, now enshrined in legislation, reflects a shift from a repressive control model to partnership-based frameworks coupled with transparent information exchange. The relevance of this topic stems from both the rapid adoption of digital monitoring tools and the evident need to balance the institutional status of the parties amid existing asymmetries in rights and obligations. This article aims to identify systemic contradictions hindering the implementation of the enhanced cooperation model and to propose theoretically grounded and technologically feasible recommendations for overcoming

them. The analysis reveals that the academic discourse is predominantly technocratic, while legal and behavioral aspects – such as the ambiguous status of the Federal Tax Service's (FTS) advisory opinions, inconsistent enforcement practices, and vague criteria for assessing participants' digital maturity – remain understudied. The author's contribution lies in systematically deconstructing the conceptual foundations in this field and identifying structural misalignments between the goals of digital transformation and the actual distribution of tax liability. The insights presented will be valuable to specialists in tax administration, jurisprudence, digital transformation in public governance, as well as corporate strategy developers.

Keywords: administration, asymmetry, trust, concept, tax monitoring, taxpayer, legal certainty, transparency, digitalization

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated 02/21/2020 No. 381-r "On Approval of the Concept of Development and Functioning of the Tax Monitoring System in the Russian Federation" // URL: <https://docs.cntd.ru/document/564333759> (accessed: 05/29/2025).
2. Anisimov A.L. Interaction of taxpayers and tax authorities in the context of ensuring a balance of power and trust // *Modern Economy Success*. – 2022. – No. 5. – Pp. 191–195.
3. Belova A.D., Alexandrova M.V. The use of digital technologies in tax monitoring for effective interaction between the taxpayer and the tax authority // *Transformation of the national socio-economic system of Russia. Materials of the II International Scientific and Practical Conference*. – Moscow: 2020. – Pp. 327–332.
4. Grafova T.O., Gladchenko V.A. Fundamentals of the application of the tax monitoring system in the Russian Federation at the present stage // *Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*. – 2024. – No. 1 (41). – Pp. 10–15.
5. Dagaev R.R., Jamalova P.I., Akhmedova E.S. Problems and prospects of information interaction between the tax authority and the taxpayer // *Economics and entrepreneurship*. – 2021. – No. 4 (129). – Pp. 1342–1346.
6. Deeva T.V. Technological transformation of tax authorities and building interaction with taxpayers, taking into account their expectations and needs // *Creative Economy*. – 2020. – Vol. 14. – No. 9. – Pp. 2131–2144
7. Deeva T.V. Digital technologies in the system of modern models of interaction between taxpayers and tax authorities // *Economics and management*. – 2020. – Vol. 26. – No. 8 (178). – Pp. 840–850.
8. Domov R.G. Digitalization of interaction between tax authorities and taxpayers: a problematic commentary on Article 11.2 of the Tax Code of the Russian Federation // *Taxes*. – 2020. – No. 1. – Pp. 10–14.
9. Yeritsova O.Y. New technologies and problems of interaction between the tax authority and the taxpayer by industry // *Self-government*. – 2023. – No. 4 (137). – Pp. 108–111.
10. Mandroshchenko O.V. Increasing transparency in the interaction of the tax authority with taxpayers // *National interests: priorities and security*. – 2021. – Vol. 17. – No. 3 (396). – Pp. 485–499.
11. Shelkunov A.D. On the issue of improving tax monitoring // *Law*. – 2024. – No. 7. – Pp. 181–185.

Насильственная преступность несовершеннолетних как объект криминологического исследования

Максимович Ольга Александровна,

аспирант кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е. Эминова, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Исследуются проблемы насильственной преступности несовершеннолетних в криминологическом аспекте. Автором осуществлен анализ насильственной преступности несовершеннолетних с применением статистических данных.

Ключевые слова: преступление несовершеннолетних, насилие, подросток, статистика, возрастной детерминант, индивидуально-психологический детерминант, педагогический детерминант, социальная обусловленность, типология личности несовершеннолетнего преступника, предупреждение насильственной преступности несовершеннолетних.

Введение

Проблема насильственной преступности несовершеннолетних, являющаяся одним из ключевых индикаторов криминогенной обстановки в стране, неизменно привлекает пристальное внимание криминалистов, социологов, психологов, криминологов и, конечно же, практикующих работников правоохранительных органов. Ее актуальность обусловлена самим фактом совершения насильственных преступлений несовершеннолетними, что наносит большой ущерб государству и обществу. При этом агрессивное поведение несовершеннолетних, как фактор, способствующий совершению насильственного преступления – это не просто набор девиантных поступков, а комплексная проблема, корни которой уходят глубоко в социальную среду, семейные отношения и личность самого подростка. Поэтому понимание причин совершения насильственных преступлений подростками, механизм их возникновения, связанный с личностью несовершеннолетнего преступника, позволяет отметить, что исследование насильственной преступности несовершеннолетних в криминологическом аспекте является актуальным.

Материалы и методы исследования

Методология, являющаяся в целом первоначальным элементом всех исследований, имеет большое значение и для данной работы. Поскольку при помощи методологии определяются способы и методы сбора данных, производится анализ полученной информации, то в юриспруденции методологию рассматривают, прежде всего, как «средство постановки познавательной проблемы», а затем уже, как упорядоченный набор методов познания.

Исследование проведено на основе таких методов как: комплексный, заключающийся в использовании совокупности методов в целях установления взаимосвязи между физическим, физиологическим, психическим и социальным развитием несовершеннолетнего, формально-логический, метод анализа статистических данных. Особое внимание уделено дедуктивному методу, так как все явления и процессы рассматривались в их развитии и взаимосвязи.

Результаты и обсуждения

В целях раскрытия тенденции развития преступности среди несовершеннолетних необходимо изучить статистические данные о состоянии преступности

за 2022, 2023 и 2024 год, приведенные на официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Так, за 2022 год несовершеннолетними лицами совершено 30 469 преступлений, при этом количество тяжких и особо тяжких преступлений составляет 9 295 [5].

За 2023 год несовершеннолетними лицами совершено 27 325 преступлений, из них 9 428 относится к категории тяжких и особо тяжких [5].

За 2024 год несовершеннолетними было совершено 26 398 преступлений, из них 10 494 – тяжкие и особо тяжкие [5].

Из приведенной выше статистики можно сделать неоднозначные выводы. С одной стороны, общее количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними, с каждым годом сокращается. С другой стороны, растет количество тяжкой и особо тяжкой преступности в рассматриваемой субъектной среде.

Совершение несовершеннолетними лицами тяжких и особо тяжких преступлений негативно влияет на развитие и функционирование сфер общественной жизни.

В целях выяснения способов предупреждения и борьбы с преступностью несовершеннолетних, необходимо осуществить анализ детерминантов совершения ими противоправных действий.

Одной из причин насильственной преступности психологи считают возрастные особенности несовершеннолетних, которые проявляются в их стремлении к самоидентификации и самоутверждению, желанию выделиться из группы сверстников, что в обобщенном виде свойственно обозначать понятием юношеского максимализма.

Однако вышеперечисленные признаки свойственны практически для каждого подростка. Сами по себе возрастные особенности не могут спровоцировать проявления несовершеннолетними какого-либо насилия, представляя собой лишь общую картину, на фоне которого происходит развитие личности молодого человека.

Еще одним существенным фактором, оказывающим воздействие на личность несовершеннолетнего, является система ценностей. Именно от того, одобряемые ли социумом ценности составляют основу нравственности и образа жизни несовершеннолетнего, какие мотивы альтруизма, либо корысти им движут, в большей мере зависит его направленность на совершение преступной деятельности.

На систему ценностей и внутренний мир подростка влияет педагогическая запущенность и общая необразованность. Такие явления как бродяжничество и безнадзорность, провоцирующие низкий уровень образования несовершеннолетних, уже сами по себе способны выступить действенными детерминантами насильственной преступности, осуществляемой для удовлетворения элементарных физиологических потребностей.

Вместе с тем, история человечества полна примеров, когда находящиеся в трудной жизненной

ситуации несовершеннолетние оказывались способными преодолеть материальные и духовные проблемы и противоречия и избежать нарушение ими закона. Исходя из этого, можно утверждать, что не всегда жизненные условия, в которых пребывает несовершеннолетний, оказывают решающее воздействие на выбор им своего поведения [4, с. 214–215].

Таким образом, возрастные, индивидуально-психологические и педагогические причины насильственной преступности несовершеннолетних необходимо рассматривать в их взаимосвязи, так как сами по себе они не всегда могут влиять на выбор подростками своего поведения. Особое внимание необходимо уделять социальной обусловленности преступности несовершеннолетних, то есть непосредственные условия его существования (семейные, бытовые, материальные).

Для более точного восприятия личности несовершеннолетнего насильственного преступника необходимо выделить типологию. Несовершеннолетние насильственные преступники делятся на следующие типы:

- неустойчивый;
- устойчивый;
- ситуационный;
- агрессивно-сексуальный;
- злостный.

Неустойчивый тип формируется из-за неспособности к самоконтролю, характеризуется повышенной раздражительностью, низкой эмоциональной устойчивостью, апатичностью, употреблением спиртных напитков и наркотических веществ, негативным влиянием лиц из его микросреды.

Устойчивый тип – характеризуется тем, что в данную группу включены подростки, которые систематически осуществляют действия по умышленному причинению вреда здоровью по низменным мотивам, а также за совершение убийств в корыстных целях. Для данного типа свойственна четкая и устойчивая агрессивно-насильственная направленность, которая формируется в «своей среде», где систематически нарушаются нормы права и морали. Большее количество несовершеннолетних указанной категории уже состояли на учете. У данного типа все мотивы и цели преступлений формируются в двух проявлениях: удовлетворить свои потребности и завладеть денежными средствами; удовлетворить свои потребности в совершении насильственных действий.

Ситуационный тип – несовершеннолетние данного типа совершают преступления под воздействием на них неблагоприятных факторов. Характерными особенностями этого типа являются: отсутствие каких-либо интеллектуальных, волевых и эмоциональных надстроек, полная или частичная социальная инфантильность. Несовершеннолетний попадает в сильную зависимость от сложившейся ситуации и из-за своей «неразвитости», «неспособности» не может найти приемлемого способа для ее разрешения. Стоит отметить, что совершение преступлений несовершеннолетним

ситуационного типа уже отражает не только внешние условия, но и личностные свойства.

Агрессивно-сексуальный тип – характеризует тем, что подростки имеют основную направленность на совершение изнасилований и (или) насильственных действий сексуального характера. У данной категории к совершению преступления определен мотив – желание развлечься, азарт.

Злостный тип отличается четкой направленностью, которая является доминирующей. Данная категория характеризуется отсутствием провокации со стороны потерпевшего. Как правило, подростки сами стараются создать конфликтную ситуацию, всячески провоцируют ее для удовлетворения своих желаний и в дальнейшем применения насилия. Особенности данного типа несовершеннолетнего преступника являются озлобленность, жестокость, неспособность к сопереживанию, состраданию, антиобщественная направленность, отсутствие самоконтроля [2, с. 144].

Учитывая вышеописанную типологию личности несовершеннолетнего преступника, среди наиболее часто осуществляемых ими уголовно наказуемых деяний являются: убийство (статья 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (статья 111 УК РФ), изнасилование (статья 131 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (статья 132 УК РФ), разбой (статья 162 УК РФ) [1].

Работа по снижению количества преступности среди несовершеннолетних требует комплексного и многомерного подхода, включающего в себя образование, поддержку семей, психологическую помощь и сотрудничество всех уровней общества – от семьи до государства.

К мерам предотвращения насильственной преступности несовершеннолетних относятся:

1. разработка и реализация образовательных программ, которые способствуют развитию навыков анализа, решения проблем и социальной адаптации. Эти программы могут включать в себя уроки по развитию социальной компетентности и моральных ценностей;

2. предоставление семьям доступа к ресурсам, консультациям и программам, которые помогают родителям воспитывать детей в здоровой и поддерживающей среде. Развитие программы семейного воспитания, которые могут быть весьма эффективными;

3. обеспечение доступа к психологической помощи и консультированию для несовершеннолетних, находящихся в «группе риска» или столкнувшихся с трудностями в адаптации;

4. предоставление детям и подросткам возможности участвовать в спортивных и культурных мероприятиях, которые помогают развивать интересы, навыки и здоровый образ жизни;

5. проведение информационных кампаний, направленных на осознание последствий преступной деятельности и пропаганду альтернативных путей решения проблем;

6. установление взаимосвязей и координации между правоохранительными органами и образовательными учреждениями для раннего выявления рисков и оказания поддержки ученикам;

7. развитие программ реабилитации и восстановления для несовершеннолетних, которые уже совершили преступления, чтобы предотвратить их дальнейшее участие в преступной деятельности;

8. сбор и анализ данных о преступности среди несовершеннолетних для выявления тенденций и адаптации стратегий профилактики;

9. введение законодательных мер и политик, направленных на защиту прав детей и подростков, а также на ужесточение наказания для совершителей преступлений, связанных с несовершеннолетними [3, с. 396].

Заключение

Таким образом, при изучении и анализе статистических данных выявлена тенденция на сокращение преступности несовершеннолетних, однако в то же время увеличивается количество тяжких и особо тяжких уголовно-наказуемых деяний в данной среде.

Насильственная преступность несовершеннолетних имеет возрастные, индивидуально-психологические и педагогические детерминанты. Противоправное поведение несовершеннолетнего обычно складывается при наличии совокупности вышеуказанных факторов. На появление индивидуально-психологических и педагогических детерминантов влияет социальная среда, в которой находится подросток.

В целях предупреждения насильственной преступности несовершеннолетних необходимо развивать институты ранней профилактики, информационного воздействия, координации работы учреждений образования и правоохранительных органов, ужесточить уголовную ответственность для несовершеннолетних.

По моему мнению, наиболее эффективным методом недопущения преступности несовершеннолетних является принятие мер, направленных на обеспечение благосостояния и активной жизнедеятельности несовершеннолетних. Этого можно достичь посредством дальнейшего развития мер социальной поддержки семей с детьми, развития спортивных, культурных и образовательных учреждений, повышения их количества и доступности для всех слоев населения.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
2. Сорокун Н.С., Павлов И.С. Криминологическая характеристика насильственной преступности несовершеннолетних и молодежи //

Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2 (34). С. 141–145.

3. Стрижанов А.В., Гушчин Д.Н., Мансурова З.Р., Валиева А.Р. Криминологические характеристики преступности несовершеннолетних // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7 (182). С. 395–396.
4. Тряев А.Г. Ключевые детерминанты насильственной преступности несовершеннолетних в современной России // Оригинальные исследования. 2024. Т. 14 № 3. С. 213–216.
5. Официальный сайт МВД России: [https://xn – b1aew.xn – p1ai/](https://xn--b1aew.xn--p1ai/).

VIOLENT JUVENILE DELINQUENCY AS AN OBJECT OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH

Maksimovich O.A.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA)

The article examines the problems of violent juvenile delinquency in the criminological aspect. The author analyzed violent juvenile delinquency using statistical data.

Keywords: juvenile crime, violence, teenager, statistics, age determinant, individual psychological determinant, pedagogical determinant, social conditioning, typology of personality of juvenile offender, prevention of violent juvenile delinquency.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 28.02.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, N 25, Art. 2954.
2. Sorokun N.S., Pavlov I.S. Criminological characteristics of violent crime of minors and youth // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (34). P. 141–145.
3. Strizhanov A.V., Gushchin D.N., Mansurova Z.R., Valieva A.R. Criminological characteristics of juvenile delinquency // Eurasian Law Journal. 2023. No. 7 (182). P. 395–396.
4. Tryaev A.G. Key determinants of violent juvenile delinquency in modern Russia // Original research. 2024. Vol. 14 No. 3. Pp. 213–216.
5. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia: [https://xn – b1aew.xn – p1ai/](https://xn--b1aew.xn--p1ai/).

Мануков Александр Самвелович,

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС

Введение. Исследование правового статуса депутатских комиссий является в наше время особенно актуально. В настоящее время депутатские комиссии муниципального совета являются системой разделения совета на профильные комиссии по решению вопросов более качественно и эффективно. При этом комиссии наделяются определенными функциями и полномочиями.

Методология и материалы. В работе представлен сравнительный анализ, хронологический метод в рамках которого анализируются научные мысли в хронологической последовательности, а также используется социолого-правовой метод для выявления изменения социального фактора и документов, наделяющих правовым статусом.

Результаты. В работе в рамках исследования автор дает понимание о представительном органе местного самоуправления, о его формировании в рамках различных видов территориального устройства муниципальных образований в Российской Федерации. Анализируется исторический аспект развития понятия депутатских комиссий и понимание данного термина в наше время.

Выводы. В ходе анализа в рамках изучения вопроса депутатских комиссий и их правового статуса рассматривается юридическое определение, порядок формирования депутатских комиссий, вариации направлений работы и состава. В ходе исследования автор приходит к выводу о не закреплении депутатских комиссий и их статуса на региональном уровне и отсутствии типового документа для муниципальных образований для корректного формирования и осуществления работы комиссий.

Ключевые слова: депутатские комиссии, представительный орган, местное самоуправление, города федерального значения, территориальное устройство

Введение

Депутатские комиссии по своей сути являются определенным разделением работы депутатов муниципального совета на сферы. Такое разделение позволяет эффективно и комплексно достигать показателей для улучшения жизни общества на определенной территории. Также стоит учитывать и понимать, что на федеральном уровне местное самоуправление является на данный момент ключевым звеном взаимоотношения граждан и власти для работы на земле.

Методология и материалы

Применение сравнительного анализа в работе позволяет определить механизм образования и функционирования депутатских комиссий, а также выявить наличие унификации. При этом также присутствует хронология и анализ осуществляется и в историческом аспекте, где рассматривается процесс зарождения депутатских комиссий, их развития и совершенствования.

Социолого-правовой анализ позволяет понять как изменение и усовершенствование статуса и работы депутатских комиссий подкрепляется на правовом уровне.

Результаты исследования

Для того, чтобы разобрать правовой статус депутатских комиссий, стоит сначала понять, как формируется представительный орган муниципального образования. Представительный орган муниципального образования – это выборный орган местного уровня, который имеет право представлять интересы жителей определённой территории и от их имени принимать решения на благо общества. Представительный орган состоит из депутатов, число которых определяется исходя из численности населения, проживающей на определённой территории, которая закрепляется за муниципальным образованием. В соответствии с Федеральным Законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» количество депутатов определяется исходя из устава территориальной единицы. В таблице 1 представлена зависимость количества депутатов в представительном органе местного значения с численностью населения территории муниципального образования.

Однако стоит отметить, что в соответствии с разнообразием деления устройства муниципального образования существуют и свои нюансы в количестве депутатов.

Таблица 1

Количество депутатов в представительном органе	Численность населения территориальной единицы
7 депутатов	Менее 1 тыс. человек
10 депутатов	От 1 до 10 тыс. человек
15 депутатов	От 10 до 30 тыс. человек
20 депутатов	От 30 до 100 тыс. человек
25 депутатов	От 100 до 500 тыс. человек
35 депутатов	Свыше 500 тыс. человек

Так, в муниципальном районе численность депутатов будет равняться 15, вне зависимости от численности населения, проживающего на его

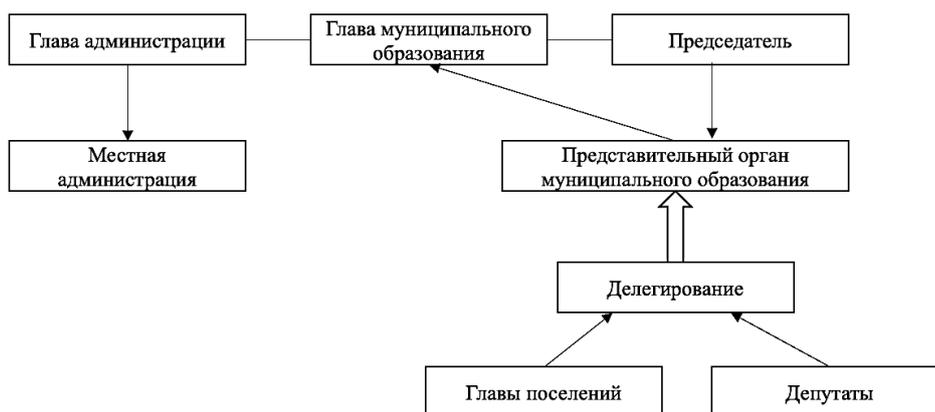

Рис. 1. Механизм формирования представительного органа в муниципальном районе

Отметим, что данный механизм может реализоваться только в муниципальном районе, во всех остальных случаях представительный орган формируется только в рамках выборов.

Рассмотрим функции и полномочия представительного органа местного самоуправления.

Во-первых, представительный орган утверждает устав муниципального образования и может вносить в него определённые дополнения, при этом утверждение может быть легитимное при условии кворума депутатов, который в зависимости от утверждаемого вопроса может быть либо 2/3, ибо 50%+1.

Во-вторых, представительный орган утверждает местный бюджет и принимает участие в формировании местных налогов и сборов через установление, изменение или их отмену.

В-третьих, на усмотрение муниципального образования может быть разработана собственная стратегия социально-экономического развития МО. При этом представительный орган будет утверждать данную стратегию. Отметим, что разработка стратегии является достаточно сложным процессом, который включает в себя комплексный анализ территории, учет мнения и желания граждан, а также необходимо коррелировать стратегию местного уровня со стратегией субъекта и всей страны в целом, поэтому в случае внутригородских муниципальных образований городов федерального значения, где территории субъекта разрезана

территории, а для внутригородских муниципальных образований городов федерального значения, количество депутатов должно быть не менее 10 человек, причем само количество закрепляется в уставе данного муниципального образования.

Выше нами было отмечено, что депутаты, входящие в представительный орган, избираются населением, проживающим на данной территории. Но существует также исключение, которое состоит в том, что в состав представительного органа могут также делегироваться из состава глав и депутатов поселений. Такой случай присущ только муниципальному району. Представим на рисунке 1 механизм формирования представительного органа в муниципальном районе.

на большое количество территорий, стратегия как правило не разрабатывается.

Представительный орган муниципального образования определяет порядок распоряжения собственностью органа местного самоуправления, порядок принятия решений о создании, реорганизации и ликвидации муниципальных предприятий, а также об установлении тарифов на услуги муниципальных предприятий и учреждений¹.

Муниципальный совет в рамках своих полномочий определяет механизма межмуниципального сотрудничества, а также порядок материально-технического оснащения.

Глава муниципального образования как должностное лицо либо избирается из числа депутатов представительного органа, либо отдельно на выборах местного уровня. В связи с этим у представительного органа возникает полномочия принятия решения об удалении главы в отставку, а также определённый нормативный контроль в рамках заслушивания ежегодных отчетов о ходе реализации ее деятельности на местном уровне на благо населения.

В рамках реализации полномочий представительного органа, куда входят депутаты, главной целью является работать на благо жителей и доносить их просьбы и желания, при невозможности

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

решить вопрос на своем уровне, выше, в органы государственной власти. В соответствии с этим, возникает разделение внутри муниципального совета депутатов на профильные комиссии.

Депутатские комиссии – это рабочие органы представительного органа местного самоуправления, которые создаются для предварительного рассмотрения и подготовки вопросов, относящихся к ведению органа на местном уровне.

Депутатские комиссии имеют свое начало еще в Российской Империи. Первое упоминание о депутатских комиссиях было во второй половине 18 века, когда были созданы местные органы представительной власти и в то же время впервые начали проводиться прямые и гласные выборы.

Усовершенствование комиссий на местном уровне произошло уже в СССР, когда депутатские комиссии местного уровня закрепили свой правовой статус в Конституции РСФСР в статье 142. В статье говорилось о том, что местные Советы народных депутатов формируют постоянные комиссии из состава народных депутатов, которые функционируют для предварительного рассмотрения и подготовки вопросов, относящихся к ведению местных Советов. Через три года после закрепления правового статуса в Конституции, разработали положение о депутатских комиссиях, которое включало в себя механизм формирования, принципы работы, вопросы ведения депутатских комиссий и их права и обязанности.

В 1991 году произошли изменения в рамках территориального деления, частично начала вводиться частная собственность, что привело к изменению и устройства внутреннего. Положение о депутатских комиссиях сменилось на Положение о постоянных земельных комиссиях местного Совета народных депутатов. Данные положения дошли и до наших дней, но безусловно, претерпевали изменения. Представим анализ деятельности депутатских комиссий в субъекте Российской Федерации, а именно в Санкт-Петербурге, так как здесь представлена своя система территориального деления, куда входят внутригородские муниципальные образования.

На данный момент, в Санкт-Петербурге, в рамках территориального устройства с внутригородским делением, правой статус депутатских комиссий закрепили в Уставе Санкт-Петербурга, в котором существует отдельная глава о правовом статусе местного самоуправления на территории Санкт-Петербурга, а также в рамках этой главы говорится об уставе, который разрабатывает каждое муниципальное образование, включая и возможные формы деятельности депутатов местного уровня.

Также на территории Санкт-Петербурга действует Закон Санкт-Петербурга «О гарантиях осуществления полномочий депутата муниципального совета внутригородского муниципального образования города федерального значения Санкт-Петербурга, члена выборного органа местного самоуправления в Санкт-Петербурге, выборно-

го должностного лица местного самоуправления в Санкт-Петербурге»¹. В данном законе раскрываются вопросы гарантии функционирования органов местного самоуправления в соответствии с федеральным законом, а также говорится о том, что муниципальный депутат имеет право участвовать в обсуждениях, принятиях решений и быть избранным в муниципальные депутатские комиссии и рабочие группы.

Отметим, что депутатские комиссии формируются исходя из устава муниципального образования и положения о депутатских комиссиях, при этом вариации названий и направлений работы комиссий не закрепились на уровне субъекта Российской Федерации.

В рамках работы депутатов в комиссии существуют определенные задачи и функции, ниже перечислим их.

Депутаты в рамках работы комиссии рассматривают вопросы своего профиля, рассматривают и выносят предварительное заключение о нормативно-правовых актах и положениях.

В рамках ведения профиля своей комиссии организуют круглые столы и слушания, могут приглашать и формировать экспертный совет для более детальной проработки вопроса.

В рамках работы над бюджетом и стратегией развития муниципального образования выносят первичное заключение, которое в будущем рассматривается на заседаниях и подлежит общему обсуждению и дискуссии.

В рамках рассматриваемых вопросов у комиссии в обязательном порядке формируется план, в рамках которого может потребоваться взаимодействие с другими органами местного самоуправления, а также общественными организациями. При этом комиссия как отдельная ячейка депутатов, направленных на решение конкретного вопроса развития муниципального образования, может направлять на рассмотрения и экспертизу нормативно-правовые акты в органы государственной власти.

Что касается вопроса формирования депутатских комиссий, то данный процесс также закрепляется в уставе муниципального образования и в соответствующем положении или регламенте о депутатских комиссиях. При этом, депутатские комиссии могут формироваться как на первом заседании муниципального совета, так и в последующем по мере необходимости. При этом состав комиссий может формироваться как тайным голосованием, так и открытым голосованием по списку, а при отклонении списка по каждой кандидатуре.

Комиссии в рамках одного муниципального образования могут быть как постоянными, так и временными. Постоянные комиссии образуются на срок функционирования созыва представитель-

¹ Закон Санкт-Петербурга «О гарантиях осуществления полномочий депутата муниципального совета внутригородского муниципального образования города федерального значения Санкт-Петербурга, члена выборного органа местного самоуправления в Санкт-Петербурге, выборного должностного лица местного самоуправления в Санкт-Петербурге».

ного органа, а временные функционируют на определённый срок, меньше срока постоянной комиссии, для решения определенного актуального рабочего вопроса. При этом, создание депутатских комиссий является не обязательным. Если муниципальный совет и председатель муниципального совета решают, что в их работе не требуется первоначальный разбор профильного вопроса отдельными депутатами, то комиссии могут не создаваться.

Также не прописывается и не закрепляется вопрос о обязательных постоянных комиссиях на местном уровне, их количестве, а также обязательном составе, поэтому глава муниципального образования может не входить ни в одну комиссию, если считает это не обязательным для эффективного решения вопросов совета.

Выводы

В рамках исследования, мы приходим к выводу о том, что депутатские комиссии не являются обязательной системой разделения муниципального совета на профили работы. При этом создание депутатских комиссий относится лишь к способу оптимизации работы совета и решения профильных вопросов. В законодательстве как на федеральном, так и на региональном уровне нет четкого закрепления правового статуса комиссий. Основным правовым регулированием данного вопроса является Устав муниципального образования и разрабатываемые дополнительные положения и регламенты работы комиссий.

Автор считает, что работа комиссий позволяет выстраивать четкий вектор работы совета, оптимизировать его работу, дополнительно прорабатывать профильные вопросы и разрабатывать нормативно-правовые акты более детально, что позволяет сделать вывод о том, что депутатские комиссии являются нужной системой и подлежат их закреплению не только в документах местного значения, но и в типовых документах регионального уровня с учетом унификации сфер работы комиссий, состава и механизма их формирования.

Литература

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/?ysclid=mb22uwj4rs884415205 (дата обращения: 23.05.2025).
2. Устав Санкт-Петербурга (Принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 14 января 1998 года) (с изменениями и дополнениями) // ЭПС «Система ГАРАНТ» URL: https://constitution.garant.ru/region/ustav_spb/?ysclid=mb6lzk9k1d396071389 (дата обращения: 23.05.2025).
3. Закон Санкт-Петербурга «О гарантиях осуществления полномочий депутата муниципального совета внутригородского муниципального образования города федерального значения Санкт-Петербурга, члена выборного органа местного самоуправления в Санкт-Петербурге, выборного должностного лица местного самоуправления в Санкт-Петербурге» // ЭПС «Система ГАРАНТ» URL: <https://base.garant.ru/35325146/?ysclid=mb6m1d6en3903065713> (дата обращения: 23.05.2025).
4. И В. Упоров Постоянные комиссии местных советов в 1980-е годы: историко-правовой аспект // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 2–1 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postoyannye-komissii-mestnyh-sovetov-v-1980-egody-istoriko-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 27.05.2025).
5. Упоров И.В. Депутатский статус в советском государстве периода «застоя»: законодательное регулирование на союзном уровне // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1–3 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deputatskiy-status-v-sovetskom-gosudarstve-perioda-zastoya-zakonodatelnoe-regulirovanie-na-soyuznom-urovne> (дата обращения: 27.05.2025).
6. Руф Владислав Сергеевич Двухуровневая система местного самоуправления в России: преимущества и недостатки // Вопросы российской юстиции. 2024. № 31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvuhurovnevaya-sistema-mestnogo-samoupravleniya-v-rossii-preimuschestva-i-nedostatki> (дата обращения: 27.05.2025).
7. Шевчук Игорь Андреевич, Нехайчук Юлия Серафимовна Анализ связей с общественностью внутригородского муниципального образования // МедиаВектор. 2024. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-svyazey-s-obschestvennostyu-vnutrigorodskogo-munitsipalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 27.05.2025).
8. Хлуднев Е.И. Граница муниципальных образований в Российской Федерации: понятие и правовой режим. М.: Библио-Глобус, 2017. – 214 с. – ISBN: 978–5–9500957–4–0.
9. Рыльская Надежда Сергеевна Некоторые вопросы административно-территориального устройства российской федерации на современном этапе // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-administrativno-territorialnogo-ustroystva-rossiyskoy-federatsii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 27.05.2025).
10. Блещик Александр Владимирович Конституционно-правовая коммуникация в системе публичной власти на примере законопроекта об общих принципах организации местного самоуправления // Муниципалитет: экономика и управление. 2025. № 1 (50). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovaya-kommunikatsiya-v-sisteme-publichnoy-vlasti-na-primere-zakonoproekta-ob-obschih-printsipah-organizatsii> (дата обращения: 27.05.2025).

LEGAL STATUS OF DEPUTY COMMISSIONS OF LOCAL GOVERNMENT BODIES

Manukov A.S.

North-West Institute of Management – branch of RANEPА

Introduction. The study of the legal status of deputy commissions is especially relevant in our time. At present, deputy commissions of the municipal council are a system of dividing the council into specialized commissions to resolve issues more efficiently and effectively. At the same time, the commissions are endowed with certain functions and powers.

Methodology and materials. The work presents a comparative analysis, a chronological method within which scientific thoughts are analyzed in chronological sequence, and also uses a sociological and legal method to identify changes in the social factor and documents that grant legal status.

Results. In the work within the framework of the research the author gives an understanding of the representative body of local self-government, about its formation within the framework of various types of territorial structure of municipalities in the Russian Federation. The historical aspect of the development of the concept of deputy commissions and the understanding of this term in our time are analyzed.

Conclusion. During the analysis, within the framework of studying the issue of deputy commissions and their legal status, the legal definition, the procedure for forming deputy commissions, variations in the areas of work and composition are considered. During the study, the author comes to the conclusion that deputy commissions and their status are not fixed at the regional level and there is no standard document for municipalities for the correct formation and implementation of the work of commissions.

Keywords: deputy commissions, representative body, local government, cities of federal significance, territorial structure

References

1. Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ (as amended on 13.12.2024) "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2025) // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/?ysclid=mb22uwj4rs884415205 (date of access: 23.05.2025).
2. The Charter of St. Petersburg (Adopted by the Legislative Assembly of St. Petersburg on January 14, 1998) (with amendments and additions) // EPS "GARANTEE System- URL: https://constitution.garant.ru/region/ustav_spb/?ysclid=mb6lzk-9k1d396071389 (date of access: 05/23/2025).
3. The Law of St. Petersburg "On guarantees of the exercise of powers of a deputy of the municipal council of an intracity municipal formation of the city of federal significance of St. Petersburg, a member of an elected body of local self-government in St. Petersburg, an elected official of local self-government in St. Petersburg" // EPS "GARANTEE System- URL: <https://base.garant.ru/35325146/?ysclid=mb6m1d6en3903065713> (date of access: 05/23/2025).
4. I. V. Uporov STANDING COMMISSIONS OF LOCAL COUNCILS IN THE 1980S: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2025. No. 2–1 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postoyannye-komissii-mestnyh-sovetov-v-1980-e-gody-istoriko-pravovoy-aspekt> (date of access: 05/27/2025).
5. Uporov I. V. DEPUTY STATUS IN THE SOVIET STATE OF THE "STAGNATION" PERIOD: LEGISLATIVE REGULATION AT THE UNION LEVEL // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2023. No. 1–3 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deputatskiy-status-v-sovetskom-gosudarstve-perioda-zastoya-zakonodatelnoe-regulirovanie-na-soyuznom-urovne> (date of access: 27.05.2025).
6. Ruf Vladislav Sergeevich TWO-TIER SYSTEM OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES // Issues of Russian Justice. 2024. No. 31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvuhurovnevaya-sistema-mestnogo-samoupravleniya-v-rossii-preimuschestva-i-nedostatki> (date of access: 27.05.2025).
7. Shevchuk Igor Andreevich, Nekhaychuk Yulia Serafimovna ANALYSIS OF PUBLIC RELATIONS OF AN INTRA-CITY MUNICIPAL FORMATION // MediaVector. 2024. No. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-svyazey-s-obschestvennostyu-vnutrigorodskogo-munitsipalnogo-obrazovaniya> (date of access: 05/27/2025).
8. Khlyudnev E.I. Boundary of municipalities in the Russian Federation: concept and legal regime. M.: Biblio-Globus, 2017. – 214 p. – ISBN: 978–5–9500957–4–0.
9. Rylskaya Nadezhda Sergeevna SOME ISSUES OF THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL STRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE // The rule of law: theory and practice. 2023. No. 3 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-administrativno-territorialnogo-ustroystva-rossiyskoy-federatsii-na-sovremennom-etape> (date of access: 05/27/2025).
10. Bleschik Aleksandr Vladimirovich CONSTITUTIONAL AND LEGAL COMMUNICATION IN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY ON THE EXAMPLE OF THE DRAFT BILL ON GENERAL PRINCIPLES OF ORGANIZING LOCAL SELF-GOVERNMENT // Municipality: Economics and Management. 2025. No. 1 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovaya-kommunikatsiya-v-sisteme-publichnoy-vlasti-na-primere-zakonoproekta-ob-obschih-printsipah-organizatsii> (date of access: 05/27/2025).

Правовая природа института производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей

Муравьев Семен Игоревич,

аспирант, юридический факультет, Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Российская таможенная академия»
E-mail: muravyov.kimry@gmail.com

Статья посвящена исследованию правовой природы института производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, что представляет собой одно из ключевых элементов российского уголовного процесса. Цель исследования – раскрытие сущности и характеристик данного института через анализ его правовой природы, определение его места в системе правосудия и выявление его специфических черт. В статье рассматриваются взгляды ведущих правоведов, таких как С.С. Алексеев, Е.Г. Комиссарова, И.Я. Фойницкий, и философов, таких как С.В. Месяц. Методология исследования опирается на философские концепции природы и сущности, заимствованные из работ С.В. Месяца, С.И. Ожегов, Э.Г. Юдина и др. Автор применяет философское понимание «природы» как сущности и универсальной категории для интерпретации правовых явлений. Также используется сравнительный метод для анализа различных правовых систем, в частности, опыта США и Великобритании. Это позволяет выявить особенности российского суда присяжных в сравнении с международной практикой. Особое внимание уделяется сочетанию правовых и политических начал в институте суда присяжных, его форме, вопросу самостоятельности присяжных. Результатом исследования стало определение правовой природы суда присяжных как синтеза права и политики, что подчеркивает его уникальность и значимость в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: суд присяжных, уголовное судопроизводство, судебная власть, правосудие, правовой институт, правовая природа.

Институт производства по уголовным делам в суде с участием присяжных заседателей в настоящий момент является одним из наиболее динамично и продуктивно развивающихся институтов российского уголовного процесса, что подтверждается как мнениями правоведов, так и непосредственно судебной практикой. Так, по мнению доктора юридических наук, профессора С.А. Насонова, суд присяжных в России является наиболее эффективным инструментом обеспечения судебной защиты в уголовном судопроизводстве [12].

В области правовой науки изучение различных правовых феноменов неминуемо сопряжено с познанием их природы. Как справедливо отмечает доктор юридических наук, профессор Е.Г. Комиссарова, имеет смысл без преувеличения утверждать, что абсолютно все правовые явления характеризуются наличием у них правовой природы [7, с. 23]. Научные исследования, посвященные определенным правовым феноменам, достаточно часто сопровождаются исследованием их юридической сущности, которую учёные-правоведы истолковывают по-разному; в частности, в ряде исследований авторы отождествляют понятия «правовая природа» и «сущность», другие же работы раскрывают правовую природу через набор существенных признаков, функций и прочих особенностей экзистенции изучаемых феноменов. Нередки случаи, когда исследователи не уделяют должное внимание раскрытию сущности понятия правовой природы ни в целом, ни применительно к предмету их исследования. По мнению Комиссаровой, термин в таких случаях становится «оборотным канцеляризмом», который потребляется в тех случаях, когда у исследователей возникают трудности при выборе т.н. «имени» научного вопроса. Она констатирует, что понятие «правовой природы» обычно воспринимается как нечто само собой разумеющееся, без глубокого анализа её сущности [7, с. 23].

На то, что понятие «правовая природа» выступает многооборотным, востребованным и часто употребляемым в юридическом лексиконе термином, указывают также кандидат юридических наук, доцент Т.А. Дураев и кандидат юридических наук, доцент Н.В. Тюменева [6, с. 16]. Позиция исследователей перекликается с тезисами, которые высказываются Е.Г. Комиссаровой: зачастую в научных работах, посвященных тем или иным правовым явлениям, указанный термин является «украшением», т.е. выполняет лишь декоративную роль [6, с. 17]. Дураев и Тюменева связывают это с тенденцией, которая зародилась ещё в советском правоведении: именно советские учёные наиболее

активно использовали термин «правовая природа», вынося его в наименование научных работ, но не в качестве самостоятельного предмета научного анализа, а в роли своеобразного контекста, в рамках которого изучался тот или иной феномен. Исследователи подчеркивают, что применение этого термина в советской юридической науке, носило скорее интуитивный, а иногда – даже декоративный характер, и в меньшей степени являлось научно обоснованным [6, с. 17]. В настоящее время имеет смысл говорить о возникновении новой тенденции, которая характеризуется появлением новых исследований понятия правовой природы, однако данные работы остаются немногочисленными.

Понятие природы, как указывает кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии Российской академии наук С.В. Месяц, является одним из фундаментальных в рамках европейской философии и культуры, а также обладает широким спектром значений [3, с. 519–520]. В максимально широком смысле под природой, как правило, понимается всё сущее в бесконечном многообразии его проявлений [17, с. 368], весь мир в целом [3, с. 519–520]. Существуют и иные значения данного термина; в частности, под природой зачастую понимают сущность, внутренние закономерности вещей. Доктор филологических наук, профессор С.И. Ожегов в своём «Толковом словаре русского языка» определял природу в одном из значений как основное свойство, сущность чего-либо [13, с. 484]. Кандидат философских наук Э.Г. Юдин в «Большой советской энциклопедии» отмечает, что природа в целом выступает в качестве общего понятия, которое задаёт «принципиальную схему понимания и объяснения того или иного конкретного предмета изучения» [4, с. 591]; понятие природы, по мнению философа, является предельной абстракцией, к ключевым признакам которой относятся универсальность, законосообразность и самодостаточность [4, с. 591]. С.В. Месяц, подобно С.И. Ожегову, в качестве одного из значений определяет природу как сущность вещей [3, с. 519–520].

Юридическая наука, как и другие социальные науки, затрагивает изучение природы определённых вещей, в конкретном случае – природы правовых явлений, поэтому появление термина «правовая природа» видится закономерным, логичным. В настоящее время, как отмечают Т.А. Дураев и Н.В. Тюменева, представляется трудным установить, кто из правоведов впервые ввёл данный термин, ставший неотъемлемой частью научных работ разного уровня, в юридический лексикон [6, с. 17]. Текущее направление исследований по изучению такой категории, как правовая природа, по мнению учёных, было задано доктором юридических наук, профессором С.С. Алексеевым, являвшимся выдающимся специалистом в области теории государства и права и оставившим после себя множество фундаментальных научных работ. В своей монографии «Общие дозволения и общие запрете-

ты в советском праве» (1989) Алексеев рассматривал правовую (юридическую) природу как юридическую характеристику явления, отражающую его специфику, роль и функции среди других правовых явлений в соответствии с его социальной природой [1, с. 277]. «Это суждение стало своеобразной «отправной точкой» в современных немногочисленных трудах, самостоятельным предметом изучения которых выступает термин «правовая природа», – подчёркивают Дураев и Тюменева

Е.Г. Комиссарова полагает, что авторы нередко допускают логическую ошибку, пытаясь определить категорию «правовая природа», хотя в этом зачастую нет необходимости, т.к. в любой достаточно развитой и четко дифференцированной правовой системе вопрос об отраслевой принадлежности норм для большинства правовых явлений уже решен, и, следовательно, они находятся под влиянием норм конкретной отрасли права [7, с. 24]. По мнению Комиссаровой, вопрос о необходимости установления принадлежности какого-либо явления к определенной сфере правового регулирования возникает не так уж часто [7, с. 24]. Осмысление правовой природы достигается через изучение функций и установления правовой характеристики явления, полагает она, в связи с тем, что сущность явления раскрывается через несколько уровней познания, позволяющих углубляться в правовое явление – от его ключевых свойств к его основе [7, с. 26]. С помощью установления правовой природы возможно не только дать правовую характеристику явления, но и выявить его основу – т.н. «правовой корень», которое с необходимостью оказывает влияние непосредственно на данную характеристику, резюмирует Комиссарова [7, с. 27].

Отталкиваясь от базового определения С.С. Алексеева и некоторых других дефиниций, а также от анализа, представленного Е.Г. Комиссаровой, Т.А. Дураев и Н.В. Тюменева приходят к выводу, что правовая природа суть есть комплексная категория, являющаяся широкой по объёму и охватывающей не только сущность или определяющие признаки явления, но и набор таких его признаков, что раскрываются в определённой диалектической последовательности, позволяют установить место явления в системе, а также его взаимосвязь с другими явлениями. Степень наполняемости данной категории, по мнению учёных, зависит от того, какие признаки явления уже являются раскрытыми, а какие необходимо уточнить; таким образом, следует говорить о правовой природе как об эвристичной категории [6, с. 17].

Следует обратить внимание, что если классические энциклопедические и словарные определения термина «природа» указывают на его тождество с понятием «сущность», то учёные-правоведы, говоря о природе правовых явлений, выходят за рамки данного дискурса. Как правило, под сущностью явления подразумевается его внутренняя основа, содержание, его суть и смысл. Тем не менее, не следует забывать, что правовые явления, явля-

ясь вещами социальными, не существуют в вакууме, сами по себе, следовательно, раскрывая природу таких явлений, необходимо обращать внимание не только на их внутреннее наполнение, но и на его внешнее выражение. В данном контексте уместно обратиться к учению о «вещах в себе» и «вещах для нас», получившему развитие в рамках континентальной (в т.ч. немецкой классической) философии в XVII–XVIII веков. Под «вещью в себе», согласно определению доктора философских наук, профессора В.Ф. Асмуса, понимаются явления в том виде, как они существуют сами по себе, вне зависимости от восприятия человеческим разумом [17, с. 249], в то время как термин «вещь для нас» характеризует, какими данные явления раскрываются в ходе познания и практической деятельности людей [17, с. 250]. Переводя данную философскую концепцию в правовую плоскость, можно прийти к выводу, что правовая природа объединяет как сущность правового явления («вещь в себе»), так и выражение данной сущности вовне, которое мы воспринимаем в процессе познавательной деятельности («вещь для нас»).

Можно прийти к выводу, что термин «правовая природа» при всей своей неоднозначности и эвристичности способен значительно обогатить анализ тех или иных юридических явлений. При изучении правовой природы какого-либо правового феномена происходит не только раскрытие его внутренней сущности, но и определение выражения этой сущности вовне, которое воспринимается как теоретиками при осуществлении познавательной деятельности в отношении данного феномена, так и практиками при столкновении с этим феноменом в процессе осуществления прикладной юридической деятельности.

Затрагивая вопрос о правовой природе производства по уголовным делам в суде присяжных заседателей, необходимо обратить внимание на сам феномен суда присяжных в его целостности. Традиционно суд присяжных представляет собой особый состав суда, включающий граждан, не являющихся профессиональными судьями, но при этом призванных к отправлению правосудия в порядке, определенном законом. Стоит отметить, что понятие «присяжный» этимологически восходит к слову «присяга» и буквально означает «присягнувший», «связанный присягой» [16, с. 367]. Само существительное «присяга» (в буквальном значении – «прикосновение»), являющееся общеславянским словом, произошедшим от праславянского «сягати» («касаться»), обозначает клятву: данное переосмысление непосредственно связано с обычаем приносить клятву, прикасаясь к тому или иному священному предмету, в частности, к Библии [19, с. 321]. Используемое в англо-саксонской правовой традиции для обозначения коллегии присяжных понятие «жюри» (jury) имеет аналогичное происхождение: оно восходит к латинскому jurare («давать клятву»); в видоизменённом виде данное слово перешло в английский язык, а из английского – во французский [19, с. 137].

Суд присяжных – это не единственная возможная форма вовлеченности граждан в процесс отправления правосудия в рамках уголовного судопроизводства. Выдающийся русский правовед, профессор И.Я. Фойницкий, говоря о специфике т.н. народного элемента суда выделял такие типы народного участия в уголовно-судебной деятельности, как:

- суд всего народа;
- судные мужи или шеффены старого германского права;
- сословные суды;
- присяжные заседатели;
- судебные заседатели или шеффены нового германского права [18, с. 129].

По мнению доктора юридических наук, профессора, действительного члена Российской академии наук В.Н. Руденко, в контексте функционирования систем права современных государств следует выделять следующие формы участия граждан в отправлении правосудия:

- непрофессиональный суд – правосудие осуществляет судебное присутствие, которое включает исключительно непрофессиональных судей;
- суд присяжных – правосудие осуществляется при участии в судопроизводстве входящих в относительно автономные судебные коллегии граждан;
- смешанный суд – правосудие осуществляет единое судебное присутствие при совместном участии профессионального судьи (судей) и граждан;
- гибридный суд – правосудие осуществляется при сочетании модели суда присяжных и смешанного суда, т.е. граждане участвуют в судебном процессе в составе судебных коллегий присяжных, а в разрешении дела – уже в формате смешанного судопроизводства, что включает и присяжных заседателей, и профессионального судью (судей) [14, с. 5].

Доктор юридических наук, доцент Т.Ю. Вилкова и доктор юридических наук, доцент С.А. Насонов выделяют две группы форм участия представителей общества в процессе отправления правосудия: к первой относятся дезинтегрированные формы (коллегиальные, единоличные), ко второй – консолидированные (с номинальной консолидацией коллегий, с полной консолидацией коллегий, с частичной консолидацией коллегий) [5, с. 224]. Как указывают исследователи, в дезинтегрированных формах участие представителей общества полностью отделено от профессионального суда, в то время как в консолидированных оно тем или иным образом с этим судом соединены [5, с. 223]. Дезинтегрированные формы по своей сущности не предусматривают взаимодействия представителей общества и профессионального суда: «народный элемент» сам вершит правосудие, профессиональные судьи не вмешиваются в этот процесс. В рамках консолидированных моделей складывается другая ситуация, когда «правосудие вершится в результа-

те сложного взаимодействия профессиональной и непрофессиональной коллегий судей» [5, с. 223]. Суд присяжных Вилкова и Насонов относят именно к разряду консолидированных видов участия (при частичной консолидации коллегий) «народного элемента» в процессе отправления правосудия по уголовным делам [5, с. 224].

Кандидат юридических наук, доцент Г.Н. Ветрова выделяет три ключевых характеристики суда присяжных. Первый признак состоит в том, что присяжные заседатели самостоятельно решают вопрос о виновности; поскольку этот главный вопрос, согласно мнению Ветровой, то данный признак является определяющим. Тот факт, что присяжные заседатели обладают такой самостоятельностью, обеспечивается тем, что при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей полномочия профессиональных и народных судей разделены: присяжные решают вопросы, связанные с фактической стороной дела и виновностью подсудимого, тогда как профессиональные судьи отвечают за вопросы права, включая применение конкретной нормы уголовного закона и определение меры наказания [8, с. 977]. По мнению исследователя, разделение компетенций профессионального и народного элементов судопроизводства не только представляет из себя отличительный признак института суда присяжных, но и его преимуществом, которое ассоциируется с устоявшимся представлением о независимости правосудия и укреплении доверия к судебной власти и её решениям [8, с. 977]. И.Я. Фойницкий также отмечал, что сочетание коронного и народного элементов, одинаково подчинённых закону, является частью правовой природы суда присяжных [18, с. 390].

Вторым признаком института суда присяжных, определяющим сущность института, является право сторон активно участвовать в процессе формирования коллегии присяжных заседателей посредством немотивированных отводов. По мнению Г.Н. Ветровой, благодаря данному механизму подсудимый вправе оказывать влияние на состав суда присяжных, вверяя свою судьбу тем народным судьям, которых он избрал [8, с. 977]. Исследователь отсылает к работе «Правовая система США» американского правоведа, профессора права (Университет Уэйна, штат Мичиган) У. Бернама, который подчеркивал, что в судах США федерального уровня в ходе формирования коллегии присяжных заседателей каждая из сторон (защита и обвинение) имеют право заявить по 20 отводов, если в качестве одного из наказаний за совершённое преступление установлена смертная казнь; если в процессе рассмотрения уголовного дела о преступлении, за которое не установлена наказание в виде смертной казни, защита вправе заявить 10 отводов, а сторона обвинения – 6 [2, с. 183]. Впрочем, стоит также отметить, что в системах права некоторых государств право на немотивированный отвод присяжных заседателей отсутствует: так, в Великобритании после принятия Закона об уго-

ловном правосудии в 1988 году оно было упразднено [8, с. 978].

Третьей определяющей характеристикой института суда присяжных, согласно позиции Г.Н. Ветровой, является немотивированность решения присяжных заседателей в контексте определения виновности. По мнению исследователя, конкретно данная черта вызывает наибольшее количество претензий к суду присяжных, так как представляет собой препятствие для обжалования и оценки обоснованности выносимого присяжными заседателями вердикта [8, с. 978]. Фактически, это выражается так, что присяжные заседатели лишь отвечают на поставленный вопрос о виновности подсудимого, не сопровождая свой ответ никакой аргументацией. Это, в частности, даёт возможность присяжным заседателям прибегать к нуллификации, т.е. выносить оправдательные вердикты, когда присутствует уверенность в виновности подсудимого (реже нуллификацией именуют обвинительные вердикты при отсутствии такой уверенности, но в условиях негативного отношения к подсудимому) [15, с. 140–141]; как правило, нуллифицирующий вердикт является инструментом противодействия возникшей в конкретном деле несправедливости закона [11, с. 491], а также своего рода милосердным актом со стороны присяжных заседателей [15, с. 141].

Пожалуй, отдельно следует рассмотреть дуалистичное содержание суда присяжных, т.е. том факте, что в рамках рассматриваемого института сочетаются правовое и политическое начала. Вопросы взаимосвязи и взаимодействия права и политики, традиционно представляют интерес для мыслителей и учёных, в частности для правоведов; вдвойне данные вопросы приобретают актуальность в контексте производства по уголовным делам в суде с участием присяжных заседателей. Немецкий мыслитель Ф. Энгельс полагал, что в своей основе суд присяжных является политическим, а не юридическим учреждением, однако одновременно подчёркивал, что юридическая природа лежит в основе всего политического, как следствие, в суде присяжных проявляется истинная суть юстиции [9, с. 635].

Вопрос сочетания права и политики в суде присяжных писал и И.Я. Фойницкий, полагавший что данный институт имеет две стороны – политическую и юридическую. Учёный обосновывал наличие политической составляющей у суда присяжных тем, что рассматриваемый институт функционирует в рамках государства и, как следствие, преследует цели государства [18, с. 382]. Помимо прочего, Фойницкий указывал на то, что как сторонники, так и противники рассмотрения дел в суде с участием присяжных заседателей сходились во мнении относительно того, что суд присяжных имеет тесную связь с политическим устройством [18, с. 383]. Юридическая сторона суда, по мнению Фойницкого, является гораздо более значимой: установление суда присяжных неизбежно влияет на общий политический облик страны, но его цель

заключается в обеспечении правосудия, и оценивать его следует исключительно по степени содействия этой задаче [18, с. 384]. Вне зависимости от того, что представляют из себя политические последствия функционирования суда присяжных, последствия юридические для Фойницкого обладают гораздо большим значением: учёный указывал, что данный институт возможно признать исполнявшим возложенную на него «высокую миссию», если благодаря нему государственному строю удаётся поддерживать баланс между сторонами уголовного процесса, а также защищать безопасность общества, не принося на её алтарь невинные жертвы [18, с. 384].

Говоря о соотношении права и политики в целом, доктор юридических наук, профессор Н.И. Матузов отмечал, что между правом и политикой, скорее всего, не может существовать гармонии, тем не менее, отсутствие гармонии само по себе не подразумевает обязательную конфронтацию данных явлений [10, с. 12]. По мнению учёного, политика и право одновременно находятся и в постоянном противоборстве, и в союзническом состоянии, которое является для них естественным и обусловлено тем, что друг без друга данные явления функционировать не способны [10, с. 12]. Согласно его позиции, при нормальном положении дел право и политика способны выступать союзниками, тесно взаимодействовать, сотрудничать и поддерживать друг друга в достижении общих целей. Это возможно, если политика развивается в правовом русле и реализуется с использованием правовых инструментов [10, с. 25]. Соглашаясь с тезисами Матузова, вполне можно говорить о том, что производство по уголовным делам в суде с участием присяжных заседателей по своей сущности представляет собой органичное сочетание права и политики, возможно, не идеальное, но явно стремящееся к идеалу взаимодействие правовых и политических начал в контексте уголовного судопроизводства. Кроме того, обращаясь к тезису Матузова о том, что политика и право в первую очередь связаны друг с другом через власть [10, с. 23], можно говорить о том, что присяжные заседатели, участвуя в отправлении правосудия по уголовным делам, осуществляют деятельность, представляющую собой синтез права и политики – судебную власть.

Таким образом, по своей правовой природе институт производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, представляет из себя одну из консолидированных форм народного участия в осуществлении правосудия по уголовным делам, сочетающей в себе правовые и политические начала и представляющей собой синтез политического и правового начал. К характерным особенностям института суда присяжных, позволяющих отделять его от прочих разновидностей народной уголовной юстиции, относятся самостоятельность присяжных заседателей в оценке виновности подсудимого, возможность активного участия сторон уголовного про-

цесса в формировании состава присяжных заседателей и отсутствие мотивировки в решении присяжных заседателей в контексте определения виновности.

Литература

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. 287 с.
2. Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск. М.: «Новая юстиция», 2006. 1216 с.
3. Большая российская энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Ю.С. Осипов Т. 27. Полупроводники – Пустыня. М.: Большая российская энциклопедия, 2015. 766 с.
4. Большая советская энциклопедия (В 30 томах) / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Т. 20. Плата – Проб. М.: «Советская энциклопедия», 1975. 608 с.
5. Вилкова Т. Ю., Насонов С.А. Принцип участия граждан в осуществлении правосудия в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Издательство Юрайт, 2024. 261 с.
6. Дураев Т. А., Тюменева Н.В. Правовая природа как категория правоведения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6 (149). С. 15–22.
7. Комиссарова Е.Г. Формально-логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2 (16). С. 23–29.
8. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 699 с.
10. Матузов Н.И. Право и политика: антиподы или союзники? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6 (101). С. 11–26.
11. Муравьев С.И. Искусство убеждать: некоторые особенности реализации принципа состязательности сторон при отправлении правосудия судом присяжных // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 486–496.
12. Насонов С.А. Суд присяжных в России: итоги прошлого года и прогноз на 2023 г. [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. 2023. 10 янв. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-v-rossii-itogi-proshlogogoda-i-prognoz-na-2023-g/> (дата обращения: 20.04.2025).
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скорцова. 27-е изд., испр. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2019. 736 с.
14. Руденко В.Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 644 с.

15. Стрелкова Ю.В. Значение нуллифицирующего вердикта присяжных в усилении нравственных начал уголовного судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 140–144.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 830 с.
17. Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф.В. Константинов. Т. 1. А – Дидро. М.: «Советская энциклопедия», 1960. 504 с.
18. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. 4-е изд. СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1912. 567 с.
19. Этимологический словарь русского языка / Сост. Г.А. Крылов. СПб.: ООО «Виктория плюс», 2009. 432 с.

THE LEGAL NATURE OF JURY TRIALS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Muravyov S.I.

Russian Customs Academy

The article is devoted to the study of the legal nature of the institution of criminal proceedings considered by a court with the participation of jurors, which is one of the key elements of the Russian criminal justice system. The aim of the research is to reveal the essence and characteristics of this institution through an analysis of its legal nature, to determine its place within the justice system, and to identify its specific features. The article examines the perspectives of prominent legal scholars such as S.S. Alekseev, E.G. Komissarova, and I.Y. Foyntsky, as well as philosophers like S.V. Mesyats. The research methodology relies on philosophical concepts of nature and essence drawn from the works of S.V. Mesyats, S.I. Ozhegov, E.G. Yudin etc. The author applies the philosophical understanding of “nature” as an essence and universal category to interpret legal phenomena. Additionally, a comparative method is used to analyze different legal systems, particularly those of the USA and the UK, which highlights the peculiarities of the Russian jury system. Special attention is given to the interplay of legal and political principles in the jury institution, its form, and the autonomy of jurors. The research concludes that the legal nature of the jury system lies in its synthesis of law and politics, underscoring its uniqueness and significance in criminal justice.

Keywords: jury trial, criminal procedure, judicial power, justice, legal institution, legal nature.

References

1. Alekseev S.S. General Permissions and General Prohibitions in Soviet Law. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1989. 287 p.
2. Burnham W. The Legal System of the USA. 3rd ed. Moscow: Novaya Yustitsiya, 2006. 1216 p.
3. Great Russian Encyclopedia: In 35 vols. / Editor-in-Chief Yu.S. Osipov. Vol. 27. Semiconductors – Desert. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 2015. 766 p.
4. Great Soviet Encyclopedia (In 30 vols.) / Editor-in-Chief A.M. Prokhorov. 3rd ed. Vol. 20. Payment – Sample. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1975. 608 p.
5. Vilkova T. Yu., Nasonov S.A. The Principle of Citizen Participation in the Administration of Justice in Criminal Proceedings: Monograph. Moscow: Yurait Publishing, 2024. 261 p.
6. Duraev T. A., Tyumeneva N.V. The Legal Nature as a Category of Jurisprudence // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 6 (149). pp. 15–22.
7. Komissarova E.G. Formal-Logical Aspects of the Concept of “Legal Nature” // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2012. No. 2 (16). pp. 23–29.
8. Course on Criminal Procedure / Edited by Doctor of Law, Prof. L.V. Golovko. 2nd ed., revised. Moscow: Statut, 2017. 1280 p.
9. Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1955. 699 p.
10. Matuzov N.I. Law and Politics: Opposites or Allies? // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2014. No. 6 (101). pp. 11–26.
11. Muravyev S.I. The Art of Persuasion: Some Features of Implementing the Principle of Adversarial Proceedings in Jury Trials // Issues of Russian Justice. 2020. No. 5. pp. 486–496.
12. Nasonov S.A. Jury Trials in Russia: Results of the Past Year and Forecast for 2023 [Electronic resource] // Advocate’s Newspaper. 2023. January 10. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-v-rossii-itogi-proshlogodai-prognozna-2023-g/> (accessed: 20.04.2025).
13. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Approx. 100,000 Words, Terms, and Phraseological Expressions / S.I. Ozhegov; Edited by Prof. L.I. Skvortsov. 27th ed., revised. Moscow: AST Publishing: Mir i Obrazovanie, 2019. 736 p.
14. Rudenko V.N. Citizen Participation in the Administration of Justice in the Modern World. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011. 644 p.
15. Strelkova Yu.V. The Significance of a Nullifying Jury Verdict in Strengthening the Moral Foundations of Criminal Proceedings // Judicial Power and Criminal Procedure. 2017. No. 4. pp. 140–144.
16. Vasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Vol. 3 (Muza – Syat) / Translated from German and supplemented by O.N. Trubachev. 2nd ed., unchanged. Moscow: Progress, 1987. 830 p.
17. Philosophical Encyclopedia / Editor-in-Chief F.V. Konstantinov. Vol. 1. A – Diderot. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1960. 504 p.
18. Foyntsky I. Ya. Course on Criminal Procedure. Vol. I. 4th ed. St. Petersburg: Printing House of the “Public Benefit” Partnership, 1912. 567 p.
19. Etymological Dictionary of the Russian Language / Compiled by G.A. Krylov. St. Petersburg: Victoria Plus LLC, 2009. 432 p.

Проблемы правоприменения норм об общественном контроле: анализ практики и судебные прецеденты

Мусаев Ислам Саидович,

аспирант, кафедра гражданского и предпринимательского права, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: i@moosleem.ru

Статья посвящена анализу практических проблем реализации законодательства об общественном контроле в Российской Федерации. На основе обзора опыта различных регионов и отдельных судебных прецедентов выявляются типичные трудности и противоречия правоприменения Федерального закона № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ» и смежных норм. Рассматриваются примеры спорных решений судов, связанных с деятельностью общественных советов, общественных наблюдательных комиссий и иных субъектов общественного контроля. Выявлены недостатки законодательства (пробелы, неясности формулировок), которые приводят к ограничению возможностей граждан защищать свои права и интересы. В заключение предлагаются меры по устранению обнаруженных проблем – в том числе совершенствование нормативной базы и правоприменительной практики, направленной на усиление гарантий реализации институтов общественного контроля.

Ключевые слова: общественный контроль; правоприменение; судебная практика; общественные советы; общественные наблюдательные комиссии; Федеральный закон № 212-ФЗ; региональный опыт; пробелы законодательства; защита прав граждан; реформирование.

Введение

Несмотря на декларированную законодательством поддержку институтов общественного контроля, реализация соответствующих норм на практике сталкивается со значительными трудностями. В регионах РФ наблюдается неоднородность подходов: где-то общественные советы и палаты активно влияют на решения власти, а где-то превращены в формальность. Судебная практика по вопросам общественного контроля пока не обширна, но уже имеются прецеденты, высветившие проблемные места законодательства. Анализ этих практических примеров чрезвычайно важен, поскольку позволяет оценить, насколько эффективны нормы права в действии, и какие изменения необходимы для устранения выявленных недостатков. В данной статье будет рассмотрен опыт применения закона об основах общественного контроля, с акцентом на типичные проблемы: формирование общественных советов, доступ общественных наблюдателей к информации и объектам контроля, реагирование органов власти на обращения гражданского общества, судебное разрешение конфликтов между контролерами и государственными структурами.

Материалы и методы исследования

В качестве основных **материалов исследования** были использованы прежде всего действующие нормативно-правовые акты. Это Федеральный закон № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ» с его последующими поправками, федеральный закон об Общественных наблюдательных комиссиях, а также законодательные акты о доступе к информации. Не менее важную роль сыграли **отчёты и обзоры**, в первую очередь масштабное исследование Общественной палаты РФ за 2024 год, где систематизированы данные о состоянии институтов общественного контроля в регионах. К этим материалам добавлены годовые отчёты региональных общественных палат и публикации в СМИ и научных журнал – в частности, статья в газете Коммерсант и научные статьи Бессчетновой, Нужновой, Пономарева.

Важным пластом служат **судебные решения и прецеденты**. Наиболее показательные из них – решение Колпинского районного суда СПб по иску членов ОНК против администрации СИЗО «Кресты», споры об открытости протоколов общественных советов при региональных министерствах и оспаривание состава Общественной палаты Татарстана. Дополняющим источником стали **нефор-**

мальные интервью и опросы участников общественных советов (анонимизированные), дающие «закулисное» представление о процедуре отбора, уровнях прозрачности и реальном взаимодействии с чиновниками.

Для обработки и интерпретации перечисленных материалов были задействованы классические **юридические методы**.

1. **Нормативно-правовой анализ** – сопоставление и систематизация федеральных и региональных норм для выявления пробелов, неопределённостей и коллизий в законодательстве об общественном контроле.
2. **Сравнительно-правовой метод** – изучение разных региональных практик формирования общественных институтов (советов, палат, комиссий) для выявления характерных отличий и лучших практик.
3. **Анализ прецедентов** – глубокий разбор трёх судебных дел (ОНК и СИЗО «Кресты», спор об открытости протоколов, легитимность состава ОП Татарстана) с выделением точек напряжённости и противоречий.
4. **Контент-анализ** – анализ протоколов и отчётов общественных палат, а также СМИ-публикаций и экспертных комментариев для выявления типовых проблем и «серых зон» в практике.
5. **Системный подход** – выстраивание общей модели института общественного контроля, определение его ключевых элементов и оценка «слабых звеньев» механизма реализации прав граждан.
6. **Метод экспертных оценок** – привлечение мнений юристов, судей и представителей общественных палат на тематических семинарах и круглых столах.

Комплексное сочетание нормативно-правовых и эмпирических материалов с разнообразными методами анализа позволило всесторонне оценить пробелы в правоприменении норм об общественном контроле и сформулировать рекомендации по совершенствованию законодательства и практики.

Результаты и обсуждения

Обширное исследование, проведенное Общественной палатой РФ в 2024 году, позволило выявить ряд системных проблем в организации общественного контроля на региональном и муниципальном уровнях[1]. Во многих субъектах Федерации процедуры создания и работы институтов общественного контроля носят формальный характер:

- Непрозрачный отбор членов общественных советов. Как уже отмечалось, большинство регионов не обеспечили открытый и понятный порядок формирования общественных советов при органах власти. Зачастую состав советов формируется самим органом власти без конкурсов и консультаций с независимыми объединениями[1]. Это ведет к попаданию в советы преиму-

щественно лояльных лиц, зависимых от администрации, что подрывает независимость общественного контроля.

- Отсутствие участия общественных палат субъектов в местных советах. Согласно лучшим практикам, региональная общественная палата могла бы участвовать в подборе кадров для муниципальных общественных советов, однако в большинстве случаев главы муниципалитетов игнорируют эту возможность[1]. В результате местные советы нередко формируются кулуарно, без влияния широкой общественности.
- Неопределенность статуса общественных советов на местах. Исследование ОП РФ указало, что на уровне муниципалитетов законодательный статус общественных советов зачастую не закреплен вовсе[1]. Иными словами, ряд городов и районов не приняли нормативных актов, регламентирующих полномочия и деятельность советов при местных администрациях. Это приводит к тому, что даже если совет создан, его юридическое значение сомнительно: чиновники могут не брать его решения «в работу».
- Недостаточная открытость работы. Принцип публичности нередко нарушается – многие общественные советы не публикуют протоколы заседаний, не ведут сайтов, граждане не знают, чем занимается совет. Без гласности теряется сам смысл общественного контроля, который предполагает доведение информации о проблемах до общества[3].
- Отсутствие единой методологии. Региональные органы действуют разрозненно: нет унифицированной методики оценки эффективности общественных советов, критериев результативности их работы[1]. Где-то советы собираются регулярно и рассматривают острые вопросы, а где-то за год проводятся лишь формальные заседания «для галочки».

Вместе эти проблемы приводят к снижению эффективности общественного контроля на местах. Формальные советы не способны выявлять и тем более устранять нарушения прав граждан. Например, в ряде регионов общественные советы при здравоохранении или образовании существуют, но ни разу не инициировали проверок качества услуг, не направили ни одного обращения в прокуратуру по выявленным нарушениям – как будто проблем не бывает вовсе. Общественность, видя бесполезность таких структур, утрачивает доверие к самой идее участия в них[4].

Стоит особо подчеркнуть проблему зависимости представителей общественного контроля от местных властей. В сельских районах и малых городах нередко ситуация, когда в состав общественного совета входят бюджетники, руководители подведомственных организаций той же администрации, представители структур. Они объективно не заинтересованы в конфликте с властью, от которой зависят, и потому предпочитают не выносить «сор из избы». Получается, изначальный смысл за-

кона об общественном контроле – обеспечить независимый взгляд со стороны общества – искажается.

Для иллюстрации: в одном из субъектов Российской Федерации (на условиях анонимности) члены общественного совета при муниципалитете рассказали журналистам, что их включили в совет по распоряжению главы, повестку всех заседаний заранее согласовывают с администрацией, острые вопросы обсуждать негласно не разрешается. В результате совет занимается в основном одобрением отчетов чиновников, вместо того чтобы контролировать их[1]. Подобные случаи, к сожалению, не единичны. Это свидетельствует о необходимости пересмотра подходов к формированию общественных структур.

Хотя прямых исков, связанных с применением ФЗ № 212-ФЗ, пока немного, уже появились знаковые дела, отражающие проблемы реализации права на общественный контроль. Рассмотрим несколько примеров:

1. Дело об общественной наблюдательной комиссии и цензуре в СИЗО (Санкт-Петербург). В 2019 году в Санкт-Петербурге разгорелся конфликт между членами региональной Общественной наблюдательной комиссии (ОНК) и администрацией следственного изолятора (СИЗО «Кресты»). Поводом стал случай, когда сотрудники СИЗО прервали беседу члена ОНК с обвиняемым, начавшим рассказывать о пытках, пережитых им до поступления в СИЗО. Администрация заявила, что члены ОНК не имеют права обсуждать с подследственными темы, не связанные напрямую с условиями их содержания в изоляторе[2]. Правозащитники возразили, что подобная цензура незаконна: хотя в 2018 г. закон об ОНК действительно ограничил круг обсуждаемых с заключенными вопросов лишь условиями содержания, пытки и нарушения прав человека не могут считаться «посторонней темой» – это важнейшая информация о нарушениях, которую ОНК призвана выявлять. Двое членов ОНК, которым не дали дослушать рассказ заключенного, подали в суд на администрацию СИЗО, требуя признать действия сотрудников незаконными и восстановить право ОНК на полное общение с подследственным.

Дело рассматривалось Колпинским районным судом Санкт-Петербурга. Суд встал на сторону СИЗО, отказав заявителем в удовлетворении иска[2]. В решении (по словам участвовавших) суд указал, что члены ОНК превысили полномочия, поскольку обсуждали с обвиняемым обстоятельства, не относящиеся к условиям содержания, а к обстоятельствам следствия. Администрация имела право пресечь подобные разговоры, расценив их как вмешательство в работу следственных органов. Суд не принял во внимание доводы о пытках, сославшись, что этот вопрос выходит за рамки полномочий ОНК и уже проверяется Следственным комитетом. Более того, суд отказался приобщить к материалам дела заключение самой ОНК о наличии

пыток, фактически проигнорировав результаты общественного контроля[2].

Думаю, что данный прецедент показателен. Он выявил коллизию между законом и задачами общественного контроля: с одной стороны, закон об ОНК действительно после поправок 2018 г. формально сузил тематику общения с заключенными (чтобы ОНК не вмешивались в расследования), с другой – это противоречит самой природе правозащитного контроля, который должен вскрывать любые нарушения прав, даже если они произошли вне стен СИЗО. Суд встал на формальную позицию, тем самым фактически узаконив цензуру общения заключенных с наблюдателями. В результате значимые сведения о пытках не получили должной огласки, а представители ОНК оказались бессильны отстаивать свое право фиксировать такие факты. Этот случай указывает на пробел в законодательстве: требует уточнения, что члены ОНК (и другие субъекты контроля) имеют право фиксировать любые свидетельства нарушений прав человека, полученные от подконтрольных лиц, и передавать их компетентным органам, даже если формально они выходят за рамки основной темы проверки. Явно необходим механизм судебного обжалования цензурных ограничений. В настоящем же деле общественникам пришлось смириться с проигрышем, хотя они и заявили о намерении обжаловать решение[2].

2. Спор об открытости работы общественного совета (Приморский край). Другой пример – ситуация, когда гражданский активист попытался через суд добиться признания незаконным отказа предоставить ему информацию о деятельности общественного совета при одном из региональных министерств. Активист запросил у министерства протоколы заседаний их общественного совета, списки членов и решения, мотивируя это правом на информацию и гласностью общественного контроля. Министерство ответило отказом, заявив, что общественный совет не является органом государственной власти, а потому на него не распространяются обязанности по предоставлению информации по запросам граждан. Дело дошло до суда. Судебная система столкнулась с вопросом: является ли документация общественного совета публичной информацией? Первая инстанция (районный суд) поддержала гражданина, указав, что раз общественный совет создан при органе власти и реализует публично значимые функции (контроль), то его решения и состав – это информация открытого характера и должна быть предоставлена. Однако апелляция отменила это решение, сославшись на отсутствие прямой нормы, обязывающей предоставлять такие сведения, и на то, что общественный совет – вспомогательный орган, не принимающий властных решений. В результате активист не получил протоколы, а проблема открытости советов так и осталась нерешенной. Этот случай (в СМИ название не приводилось из-за конфиденциальности сторон) демонстрирует неопределенность правового статуса документов обще-

ственных советов: они как бы выпадают между законами о госслужбе (к ним совет не относится) и законами об общественных объединениях. Требуется регулирование, чтобы деятельность совещательных общественных органов при власти имущих была транспарентна и по запросам граждан предоставлялась необходимая информация.

3. Дело о легитимности региональной общественной палаты (Татарстан). В Республике Татарстан несколько лет назад возник казус: местная общественная организация оспорила в суде состав Общественной палаты республики, утверждая, что при его формировании был нарушен закон (не были учтены предложения ряда общественных объединений, состав сформирован непрозрачно). Истец требовал признать распоряжение главы республики о назначении членов палаты недействительным. Суды первой и второй инстанций отказали в удовлетворении иска, мотивируя, что порядок формирования Общественной палаты относится к политико-правовой плоскости, а не гражданско-правовой, и общественная организация не наделена законом правом оспаривать такие акты. Данный случай показывает, что судебная защита против нарушений процедур формирования субъектов общественного контроля затруднена – фактически общественности сложно в судебном порядке добиться переизбрания палаты или совета, даже если процесс был непрозрачным.

Эти и другие примеры указывают на общую тенденцию: суды в России пока довольно осторожны в поддержке институтов общественного контроля, особенно когда это противопоставляет их позиции органов власти. В спорных ситуациях судебная ветвь власти склонна занимать сторону «формального закона» или защищать интересы государства, а не общества. Отчасти это объясняется новизной рассматриваемого института – у судей нет устоявшейся практики, они предпочитают буквальное толкование ограничительных норм. Однако такая практика требует развития. Возможно, со временем, по мере накопления дел, сформируются прецеденты, более чутко учитывающие публичный интерес и дух закона об общественном контроле.

Анализ практики позволяет системно выделить основные пробелы нормативного регулирования, которые проявились в практике:

- Неясность границ полномочий субъектов общественного контроля. Дело ОНК против СИЗО «Кресты» выявило проблему: закон недостаточно четко определяет, что считать выходящим за рамки темы проверки, а что нет. Формулировки типа «обсуждение условий содержания» открыты для расширительного толкования со стороны властей (которые могут запретить разговоры о любых нарушениях, якобы не относящихся к условиям). Требуется внести уточнения в закон, чтобы предотвратить злоупотребление ограничениями. Иначе контролируемые объекты всегда смогут сослаться на то, что тот или иной вопрос «не входит в компетенцию» контролеров.

- Отсутствие эффективных инструментов принуждения органов власти к сотрудничеству. Законом № 212-ФЗ декларируется право субъектов общественного контроля получать необходимую информацию, посещать объекты, получать ответы на запросы. Но когда на практике чиновники уклоняются – судебная защита слабая. Проиллюстрировано примером с отказом предоставить протоколы совета: даже суды не всегда готовы признать обязанность раскрыть информацию. А административной ответственности за отказ или уклонение не установлено. Таким образом, нет действенного механизма заставить органы власти выполнять нормы об информационной открытости перед общественностью.
- Локальное (региональное) законодательство отстает от федерального. Хотя субъекты РФ уполномочены принимать свои законы об общественном контроле в регионе, не везде это сделано качественно. Где-то вообще не принято закона о региональной общественной палате или подобных институтах, где-то не расписаны процедуры проведения общественных обсуждений на местном уровне. Например, в одних областях имеется положение о порядке проведения общественного обсуждения законопроектов, а в соседних – нет ничего подобного. Это создает неравномерность правоприменения: права граждан на участие и контроль зависят от места жительства.
- Отсутствие специальной главы в процессуальных кодексах. В настоящее время жалобы субъектов общественного контроля рассматриваются судами в порядке общих норм (КАС РФ, ГПК РФ) – как обжалование действий органов власти или нарушение прав гражданина. Возможно, имеет смысл предусмотреть в Кодексе административного судопроизводства отдельную категорию дел, связанных с реализацией общественного контроля. Это позволило бы учесть специфику таких споров и установить сокращенные сроки рассмотрения, особые правила доказывания и т.п.
- Недостаточное участие прокуратуры. Прокуратура надзирает за исполнением законов, но в сфере общественного контроля её роль пока пассивна. Считаю, что прокурор мог бы реагировать на факты воспрепятствования деятельности общественных советов или ОНК. Однако таких примеров крайне мало. Отсутствие надлежащего прокурорского реагирования усугубляет безнаказанность нарушений.
- Узкое понимание «защиты прав граждан» без учета общественного интереса. Суды в делах, касающихся общественных структур, нередко требуют от истца обосновать, какие его личные права нарушены. Но специфика общественно-го контроля – защита публичных, коллективных интересов. Когда общественная организация в суде пытается оспорить состав палаты, она действует в интересах неопределенного круга

лиц, а не своих собственных. Суд же может посчитать, что у организации нет «субъективного права» требовать чего-то в этой сфере. Это ограничение следует преодолевать, расширяя допуск общественных объединений к судебной защите публичных интересов (по аналогии с исками потребительских организаций).

Обобщенно, можно констатировать: нынешнее законодательство об общественном контроле ещё недостаточно «работоспособно» – многие его нормы остаются декларативными, а механизмы принуждения и реализации размыты. Правоприменение высветило эти дефекты, что дает ориентир для законодателя, какие изменения назрели.

Учитывая выявленные недостатки, необходимо внести ряд изменений в законодательство и практику для обеспечения эффективного действия института общественного контроля:

- Уточнение полномочий и гарантий для субъектов контроля. В закон № 212-ФЗ следует внести поправки, которые прямо разрешают субъектам общественного контроля фиксировать и сообщать о выявленных нарушениях прав граждан в ходе выполнения контрольных полномочий. Например, для ОНК – уточнить, что члены комиссии вправе принимать информацию от заключенных о нарушениях их прав как в местах содержания, так и вне их (если это связано с делом), и обязаны передавать эти сведения в компетентные органы (прокуратуру, следственные органы). Эти изменения позволят избежать ситуаций, подобных инциденту с пытками в Санкт-Петербурге.
- Введение санкций за неисполнение обязанностей по информационной открытости. Необходимо установить административную ответственность должностных лиц за неправомерный отказ предоставлять сведения, которые должны быть открытыми в соответствии с законодательством об общественном контроле. Например, непредоставление по запросу Общественной палаты или других субъектов контроля информации о деятельности органа власти, сокрытие документов общественного совета и т.п. должно влечь наказание (штрафы). Данные нормы будут дисциплинировать чиновников и побуждать их ответственнее относиться к взаимодействию с общественностью.
- Разработка стандартов прозрачности. Рекомендуется на федеральном уровне утвердить единые требования к публичности работы общественных советов, палат, комиссий. В данных стандартах следует указать минимум: наличие официальной страницы в интернете, своевременное опубликование состава, планов, решений; возможность для граждан присутствовать на открытых заседаниях; ежегодное обнародование отчета о проделанной работе. Выполнение данных требований должно стать обязательным для всех органов, имеющих консультативные советы, а за невыполнение предусмотреть ответственность.

- Улучшение процедур отбора и исключение конфликта интересов. Регионам предлагается закрепить в законах, что в состав общественных советов не могут входить лица, состоящие в штатных должностях данного органа власти или его подведомственных учреждений. Также следует ввести критерии независимости и обеспечить представительство различных слоев общества (НКО, предприниматели, эксперты, активисты) при формировании советов. Возможно, стоит ограничить повторяемость членов для предотвращения ситуации, когда одни и те же люди перемещаются из совета в совет, теряя связь с реальным гражданским обществом.
- Расширение судебной защиты общественных интересов. Законодательно закрепить право общественных объединений обращаться в суд в интересах неопределенного круга лиц. В рамках общественного контроля можно внести в КАС РФ норму, что Общественная палата или иное объединение вправе оспорить действие/бездействие органа власти, нарушающее права граждан на информацию или участие. Например, отказ принять общественный совет может быть оспорен. Эта норма обеспечит возможность судебного контроля за исполнением закона об общественном контроле.
- Активизация роли прокуратуры. Генеральной прокуратуре целесообразно издать разъяснения нижестоящим прокурорам о необходимости надзора за соблюдением законодательства об общественном контроле. Прокуроры могли бы уделять внимание по запросам от общественных палат на случаи, когда органы не реагируют на обращения граждан, нарушают сроки ответов. При явных нарушениях (например, незаконный отказ пустить членов ОНК на объект) прокуроры могли бы обращаться в суд в защиту интересов общественных организаций.
- Обучение и обмен опытом. Для улучшения правоприменения необходимо организовать регулярные семинары для членов общественных советов, палат, комиссий с участием юристов, судей, представителей министерств для обсуждения типичных ситуаций и изучения удачного опыта из регионов. Одновременно проводить обучение и для чиновников, разъясняя им обязанности и преимущества сотрудничества с гражданским обществом.

В целом, для преодоления рассмотренных проблем требуется комплексный подход: корректировка законодательства, формирование благоприятной судебной практики и развитие культуры взаимодействия власти и общества. Только сочетание этих мер позволит превратить общественный контроль из формальной процедуры в эффективный инструмент защиты прав граждан. Шаги к улучшению уже предпринимаются: Общественная палата РФ вырабатывает предложения, эксперты обсуждают изменения в законе об ОНК, а некоторые суды принимают прогрессивные решения в поль-

зу открытости. Данная статья, обобщившая «горькую» правду на основе негативного опыта реализации норм общественного контроля, направлена на поддержку скорейших реформ для развития гражданского общества Российской Федерации.

Литература

1. Бессчетнова О. Роль общественных организаций в становлении гражданского общества в современной России //
2. Царева М. Разговор в «Крестах» остался незавершенным // Газета «Коммерсантъ С.-Петербург» № 183 от 08.10.2019, стр. 12
3. Нужнова С. Развитие гражданского общества посредством становления и функционирования института общественных советов при государственных ОРГАНАХ // Политология и этнополитика – Ростов на Дону – 2019
4. Пономарев Г. Общественные советы при органах исполнительной власти российской федерации: проблемы и пути модернизации // МЦНП «Новая наука»

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT OF NORMS ON PUBLIC CONTROL: ANALYSIS OF PRACTICE AND COURT PRECEDENTS

Musaev I.S.
Synergy University

The article displays the analysis of practical problems of implementation of legislation on public control in the Russian Federation. Based on a review of the experience of different regions and individual court precedents, typical difficulties and contradictions of law enforcement of Federal Law No. 212-FZ "On the Fundamentals of Public Control in the Russian Federation" and related norms are identified. Examples of controversial court decisions related to the activities of public councils, public supervisory commissions and other subjects of public control are considered. The shortcomings of the legislation (gaps, ambiguities of wording), which lead to the restriction of citizens' opportunities to protect their rights and interests, are revealed. In conclusion, measures are proposed to eliminate the detected problems, including the improvement of the regulatory framework and law enforcement practice aimed at strengthening the guarantees for the implementation of institutions of public control.

Keywords: public control; law enforcement; judicial practice; public councils; public supervisory commissions; Federal Law No. 212-FZ; regional experience; legislative gaps; protection of citizens' rights; reforming.

References

1. Besschetnova O. The role of public organizations in the development of civil society in modern Russia //
2. Tsareva M. The conversation in "Kresty" remained unfinished // Kommersant St. Petersburg newspaper No. 183 of 08.10.2019, p. 12
3. Nuzhnova S. Development of civil society through the formation and functioning of the institute of public councils under state bodies // Political Science and Ethnopolitics – Rostov-on-Don – 2019
4. Ponomarev G. Public councils under the executive bodies of the Russian Federation: problems and ways of modernization // ICNP "New Science"

Объективная сторона преступлений незаконного оборота драгоценных металлов, полученных из вторичного сырья

Нурпеисова Валентина Айтжановна,

преподаватель кафедры «История Казахстана и права»
Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева
E-mail: Nurpeisova_v@mail.ru

В статье рассматриваются уголовно-правовые особенности объективной стороны преступлений, предусмотренных статьей 192 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ), с акцентом на незаконный оборот драгоценных металлов, полученных из вторичного сырья. Анализируется содержание объективной стороны как совокупности внешне выраженных признаков, включая бездействие как форму уклонения от сдачи сырья на аффинаж. На основе изучения судебной практики и научных источников выявлены типичные ошибки квалификации и предложены меры по законодательному уточнению состава преступления. Особое внимание уделено проблеме правовой неопределённости, связанной с бланкетностью диспозиции статьи и отсутствием чёткого нормативного разграничения между административной и уголовной ответственностью. Автор обосновывает необходимость уточнения признаков объективной стороны, в том числе источника происхождения металла, статуса субъекта и порога крупного размера.

Ключевые слова: объективная сторона, преступление, драгоценные металлы, вторичное сырьё, аффинаж, уклонение, правоприменительная практика, бланкетная диспозиция, квалификация, бездействие, источник происхождения, крупный размер, нормативное регулирование.

Введение

В условиях имеющегося теневого оборота драгоценных металлов и активизации деятельности по их извлечению из вторичного сырья для экономики каждого государства актуально значение уголовно-правового пресечения уклонения от сдачи на аффинаж либо продажи государству таких материалов.

Особую актуальность приобретает правоприменительный анализ состава преступления, предусмотренного статьей 192 УК РФ, с акцентом на его объективную сторону. Детальное уголовно-правовое исследование диспозиции указанной статьи приобретает значимость в контексте квалификации преступлений, совершаемых с использованием ювелирного лома, поскольку такой лом представляет собой не однородный металл, а сплав, включающий в себя наряду с золотом другие драгоценные компоненты – серебро, платину, палладий, родий и иные элементы лигатуры. Так, к примеру, в соответствии с требованиями ГОСТ Р 51152–98 «Сплавы на основе благородных металлов ювелирные. Марки.», практически все распространённые сплавы золота 585 пробы содержат в качестве лигатуры металлы платиновой группы и также используемые в качестве гальванического покрытия изделий [1].

М.П. Клейменов и И.М. Клейменов отмечают парадоксальный статус статьи 192 УК РФ: несмотря на очевидную криминологическую значимость, данная статья фактически игнорируется в правоприменительной практике. Авторы подчёркивают, что в отличие от так называемых «мёртвых норм» – положений, утративших регулятивный потенциал вследствие дефектов законодательной техники (например, неопределённости диспозиций) или недостаточной степени общественной опасности деяний, – статья 192 УК РФ обладает высокой нормативной и практической значимостью, обусловленной масштабами и устойчивостью латентного криминального феномена в сфере оборота драгоценных металлов и камней. Обосновывая свою позицию, исследователи приводят убедительные криминологические показатели [2].

Статья 192 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за уклонение от нормативно установленной обязанности по сдаче государству драгоценных металлов и камней, включая те, что получены из вторичного сырья. Объективная сторона данного состава преступления выражается преимущественно в форме бездействия, сопряжённого с нарушением порядка аффинажа и легализации металлов вне государственного контроля, что под-

рывает экономическую безопасность и нарушает принцип государственной монополии в сфере оборота драгоценных ресурсов[3].

Отметим еще один факт, незаконное уклонение от сдачи на аффинаж ювелирного лома приводит к одновременному выведению из государственного оборота не только золота как основного элемента, но и прочих драгоценных металлов, входящих в состав лигатурной массы. Уголовно-правовая оценка состава преступления по ст. 192 УК РФ требует учёта фактической совокупности всех ценных компонентов, входящих в предмет преступного посягательства, и соответствующего уточнения предмета правовой охраны как совокупности всех извлекаемых из сплава драгоценных металлов.

Материалы и методы

Основу эмпирического материала составили судебные акты по делам, квалифицированным по статье 192 УК РФ, вынесенных судами общей юрисдикции в период с 2018 по 2023 гг. Судебные решения проанализированы с точки зрения структуры объективной стороны преступления, включая форму деяния, способ совершения, предмет, последствия и причинную связь.

На теоретико-методологическом уровне исследование опиралось на комплекс научных методов, обеспечивающих целостное восприятие объекта анализа и достоверность полученных выводов. Применялся метод юридической догматики при толковании правовых норм, регулирующих обязательность сдачи на аффинаж драгоценных металлов, полученных из вторичного сырья. Особое внимание было уделено сопоставлению теоретических положений об объективной стороне преступлений с фактическими обстоятельствами конкретных дел, что позволило выявить правоприменительные проблемы, связанные с оценкой действия как уклонения, определением источника происхождения металлов.

Литературный обзор

Проблематика объективной стороны преступлений в уголовном праве занимает центральное место в исследованиях многих ученых и приобретает особую значимость при рассмотрении состава преступлений в сфере экономической деятельности отдельных субъектов. В рамках обобщающего подхода большинство авторов подчеркивают, что объективная сторона включает в себя деяние (действие или бездействие), последствия (в материальных составах), причинную связь между ними, а также факультативные признаки (время, место, способ и обстановка совершения).

Рассматривая труды исследователей, хотелось бы отметить следующие работы, посвященные исследуемому вопросу.

А.Ф. Парфенов предлагает кодифицировать категории, составляющие объективную сторону, в отдельной части УК РФ, обосновывая это высо-

кой правовой значимостью таких признаков при разграничении составов преступлений. Он подчеркивает, что для экономических деяний важнее не столько результат, сколько юридическая оценка самого факта деяния – например, уклонения от сдачи на аффинаж [4].

Схожую позицию занимает В.Ф. Лапшин, выделяя необходимость дифференцированного подхода к финансовым преступлениям. Он настаивает на нормативной конкретизации механизма конструирования состава преступления, в частности когда деяние связано с нарушением правил обращения ценных активов, например таких как драгоценные металлы. По его мнению, действующее законодательство страдает от фрагментарности и требует межотраслевой коррекции через призму юридической техники [5].

М.П. Пронина исследует проблему объективной стороны через призму юридуко-технической непоследовательности законодательства. Она раскрывает проблему отсутствия четкости формулировок, что провоцирует расхождения в толковании, особенно по вопросам определения момента окончания преступления и оценки объема вторичного сырья. Также данный автор предлагает включить в УК РФ юридуко-технические стандарты описания объективной стороны для экономических преступлений [6].

А.И. Малыгин, рассматривая объективную сторону в контексте преступлений по легализации (отмыванию) преступных доходов (ПОД ФТ), указывает на необходимость международной гармонизации формулировок объективной стороны с сфере оборота драгоценных металлов и камней [7].

Объединяющим моментом у всех авторов является признание особой значимости объективной стороны как структурного элемента состава преступления. Исследователи подчеркивают, что нечеткость в ее законодательном описании ведет к затруднениям в квалификации, нарушению принципа законности и снижению эффективности уголовной политики.

Таким образом, в научном сообществе имеется устоявшееся мнение, о том, что в выводе о необходимости совершенствования законодательного описания объективной стороны преступлений, связанных с незаконным оборотом драгоценных металлов, в том числе полученных из вторичного сырья посредством аффинажа. Предлагаемые подходы варьируются от технического (структура нормы) до содержательного (пересмотр категорий и критериев оценки деяния), но все они направлены на повышение правовой определенности и эффективности уголовно-правового регулирования данного вопроса.

Результаты

1. Правовой статус субъекта и его значение для квалификации. Статья 192 УК РФ является бланкетной и применяется только к лицам, на которых возложена обязанность по сдаче драгоценных металлов на аффинаж в уполномоченной организации.

Следовательно, необходимо установить, является ли субъект индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица, обладающим соответствующими функциями. Так, к примеру, согласно приговору Свердловского районного суда г. Костромы от 26 марта 2018 г. по делу № 1–162/2018 подсудимый являлся заместителем генерального директора ювелирной компании и имел материальную ответственность. Суд установил, что он принимал управленческие решения по закупке лома и направлению его в производство, минуя аффинажные организации. Его действия были признаны прямым уклонением от предписанной обязанности по сдаче драгметаллов на аффинаж несмотря на то, что он не был индивидуальным предпринимателем [8]. Статус субъекта (ИП или представитель юрлица) подлежит обязательному установлению. В противном случае состав преступления отсутствует.

2. Установление источника происхождения драгоценных металлов. Ключевым квалифицирующим моментом является происхождение сырья: если это «внутреннее» сырьё (собственное производство), сдача на аффинаж не обязательна; если металл поступил извне – обязанность возникает. Зачастую чтобы избежать уголовной ответственности, подсудимые идут на различные ухищрения. Самым распространённым случаем, является факты скупки лома драгоценных металлов у населения. Так согласно тексту апелляционного постановления Верховного Суда Республики Дагестан от 19 июля 2022 г. по делу № 22–1124/2022 указывала, что золото было ранее аффинировано или приобретено в банке. Однако суд, анализируя движение драгметалла, доказал, что сырьё имело внешний характер – золото скупалось у населения в виде ювелирных изделий и перерабатывалось без аффинажа [9]. Эти действия признаны уклонением от установленного порядка. Для правильной квалификации необходимо документально подтвердить происхождение металла. При внешнем происхождении – обязательна сдача на аффинаж.

3. Отграничение собственного производственного лома от покупного. Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26.03.1998 N 41-ФЗ (далее по тексту Закон) [10] допускает переработку лома, образовавшегося в процессе собственной деятельности, без направления его в аффинажные организации. Однако если лом получен не в рамках собственного производства – возникает обязанность его сдачи. Согласно тексту приговора Ленинского районного суда г. Махачкалы от 12 апреля 2022 г. по делу № 1–330/2022 суд установил, что лом закупался у граждан, а не образовался внутри производственного цикла. Хотя защита ссылалась на право самостоятельной переработки, суд признал, что металл поступал из внешнего оборота и потому подпадает под действие статьи 192 УК РФ [11]. Разграничение источников лома – ключ к правовой оценке: переработка «внутреннего» – не наказуема, «внешнего» – уголовно преследуется.

4. Установление крупного размера (объем). В отличие от иных имущественных преступлений, по ст. 192 УК РФ не требуется причинения реального ущерба. Достаточно установить факт переработки драгметаллов в крупном объеме без аффинажа. Согласно тексту постановления Каспийского городского суда Республики Дагестан от 17 мая 2022 г. по делу № 1–216/2022 объем переработанного золота без аффинажа составил 1 067,65 грамм, а его стоимость – более 3 млн рублей. Несмотря на то, что вред государству не был конкретизирован, уклонение от сдачи было признано совершённым в крупном размере [12]. Квалифицирующим признаком является размер по рыночной стоимости драгметаллов, а не установленный ущерб.

5. Формальный состав преступления и невозможность оправдания фактической легализацией. Исследуя судебную практику, можно выделить следующий момент: обвиняемые пытаются обосновать отсутствие состава преступления тем, что продукция была представлена на опробование и клеймение в Пробирную палату, т.е. де-факто прошла легализацию. Однако суды единогласно признают, что это не отменяет обязательность аффинажа, если металл был приобретён как лом. Примером данной ситуации, может служить случай из судебной практики Архангельской области, в котором обвиняемая ссылалась на то, что ювелирные изделия были опробированы, заклеены и находились в легальном обороте. Однако суд установил, что металл не был подвергнут аффинажу, а исходно поступил как лом от ломбарда. Поэтому действия квалифицированы как уклонение от сдачи на аффинаж, несмотря на последующую легализацию продукции [13]. Факт дальнейшей легализации продукции (клеймение, продажа) не устраняет уголовной ответственности, если обязанность по аффинажу была проигнорирована.

Исходя из вышеизложенного, делаем вывод о том, что квалификация по ст. 192 УК РФ требует комплексного установления: статуса субъекта; источника происхождения металла; объема переработанного материала; наличия обязанности по сдаче на аффинаж, подтверждаемой нормативной базой; игнорирования этой обязанности как факта уклонения.

Такая методология исключает ошибочную квалификацию и обеспечивает надлежащую правовую защиту публичного интереса в сфере оборота драгоценных металлов.

Обсуждение

Современная уголовно-правовая политика в сфере экономических преступлений нуждается в пересмотре в сторону большей сбалансированности между защитой прав предпринимателей и необходимостью эффективного пресечения противоправных деяний. Важно обеспечить равенство всех перед законом, исключив излишнюю селективность и создать условия, при которых добросовестная экономическая

деятельность будет защищена, а злоупотребления – своевременно и справедливо пресекаться [14, с.115].

Объективная сторона преступлений, предусмотренных статьей 192 УК РФ, представляет собой совокупность внешне выраженных признаков уклонения от установленных законодательством обязанностей по обращению с драгоценными металлами. Особенность данного состава преступления заключается в том, что он имеет формальный характер: деяние считается оконченным с момента уклонения от сдачи на аффинаж в крупном размере, независимо от наступления последствий. Данная позиция подтверждается как судебной практикой, так и доктринальными источниками.

Как показал анализ судебной практики, связанных с незаконным оборотом вторичного драгметаллического сырья (лома), ключевым элементом объективной стороны является установление источника происхождения металла. Это связано с тем, что обязанность по сдаче возникает только в случае, если металл поступил из внешнего (непроизводственного) оборота. В данной связи, крайне важна квалификация деяния как бездействия (неисполнение обязанности) при наличии установленной законом обязанности, предусмотренной, в частности, статьей 20 Закона [10].

Необходимость уточнения предмета преступления, предусмотренного статьей 192 УК РФ, обусловлена тем, что ювелирный лом представляет собой не чистый металл, а технический сплав, в состав которого наряду с золотом входят и иные ценные элементы – серебро, платина, палладий, родий, иридий и другие металлы. Так, к примеру, согласно ГОСТ Р 51152–98 «Сплавы на основе благородных металлов ювелирные. Марки» практически все марки золота 585 пробы содержат легирующие добавки из числа драгоценных металлов [1], что подтверждается и экспертными заключениями, которые проводятся в рамках уголовного производства, так и не драгоценные металлы такие как медь, никель [15].

В этой связи представляется обоснованной научная позиция, изложенная О.С. Кучиным, согласно которой все компоненты ювелирного сплава образуют единый родовой предмет преступного посягательства, подлежащий уголовно-правовой охране [16, 17]. Уголовное законодательство, игнорирующее данную совокупность, фактически ограничивает правовую защиту только базовым металлом (золотом), что противоречит экономической и технической природе объекта и снижает эффективность охраны интересов государства в сфере регулирования оборота драгоценных металлов. Следовательно, при конструировании состава преступления по ст. 192 УК РФ предмет должен рассматриваться как совокупность всех извлекаемых из вторичного сырья ценных компонентов, что требует соответствующих уточнений в уголовно-правовой доктрине и нормативной формулировке.

В литературе указывается, что значительная часть правоприменительных ошибок связана с иг-

норированием способа и характера оборота вторичного сырья. Так, по мнению М.П. Прониной, юридико-техническая нечеткость диспозиции ст. 192 УК РФ является одной из причин существующей квалификационной неопределенности [6]. Аналогичный подход демонстрирует А.И. Малыгин, предлагая заимствовать международные подходы к определению внешних проявлений деяний (например, «конверсия», «перемещение», «маскировка происхождения») как составных элементов объективной стороны [7].

Таким образом, в рамках обсуждаемой проблематики прослеживается объективная необходимость как в нормативном упорядочивании признаков объективной стороны состава преступления по ст. 192 УК РФ, так и в doctrinal clarification (доктринальном уточнении) методики квалификации деяний, связанных с незаконным оборотом вторичных драгметаллов. Разрешение данных вопросов возможно посредством сочетания уголовно-правового и отраслевого (финансово-экономического) анализа, с последующим включением уточняющих признаков в диспозиции соответствующих норм уголовного закона.

Заключение

Проведённое исследование позволило установить, что объективная сторона преступлений, предусмотренных статьёй 192 УК РФ, обладает рядом специфик, обусловленных формальным характером состава, бланкетностью диспозиции и привязкой к иным отраслям законодательства (в частности, к Закону). Уклонение от сдачи драгоценных металлов, полученных из вторичного сырья, представляет собой не столько действие, сколько юридически значимое бездействие, связанное с невыполнением нормативно закреплённой обязанности.

В процессе анализа научной литературы и правоприменительной практики были выявлены основные противоречия, касающиеся конструкции объективной стороны: отсутствие единой дефиниции, размытые терминологические границы, несогласованность с международными стандартами квалификации преступлений в сфере незаконного оборота ценностей. Эти недостатки порождают правовую неопределённость и усложняют судебную практику.

Таким образом, для повышения эффективности уголовно-правовой охраны государственной монополии на оборот драгоценных металлов необходимо обеспечить единообразное понимание и законодательную формализацию объективной стороны преступлений, совершаемых в данной сфере, с учётом экономической специфики вторичного оборота. Эта тема по-прежнему требует внимания исследователей, особенно в аспекте выработки правовых механизмов, учитывающих особенности различных этапов оборота (например, первичного и вторичного рынка). Также отметим и тот факт, что перспективным направлением является уточнение подходов к квалификации правонарушений,

связанных с нелегальным обращением драгоценных металлов и камней, а ещё – анализ судебной практики на предмет соответствия наказаний тяжести совершённых деяний и их влиянию на экономическую стабильность страны.

Литература

- ГОСТ Р 51152–98. Сплавы на основе благородных металлов ювелирные. Марки. – Введ. 1999–01–01. – М.: Госстандарт России, 1998. – 9 с. – (Госстандарт Российской Федерации). [Электронный ресурс]. Режим доступа://megaport.ru/Data2/1/4294819/4294819000.pdf (дата обращения: 05.05.2025).
- Клеймёнов И. М., Клеймёнов М.П. Отсутствие уголовно-правового реагирования на преступления в сфере экономики // Вестник ОмГ У. Серия: Право. – 2021. – № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа://cyberleninka.ru/article/n/otsutstvie-ugolovno-pravovogo-reakirovaniya-na-prestupleniya-v-sfere-ekonomiki (дата обращения: 06.05.2025).
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 06.05.2025).
- Парфенов А.Ф. Общее учение об объективной стороне преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005. – 23 с.
- Лапшин В.Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2016. – 42 с.
- Пронина М.П. Юридическая техника в уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2022. – 45 с.
- Малыгин А.И. Объективные признаки легализации (отмывания) денежных средств, приобретенных в результате организованной преступной деятельности // Вестник РОСНОУ. – 2025. – № 1. – С. 297–299.
- Приговор Свердловского районного суда г. Костромы от 26 марта 2018 г. по делу № 1–162/2018 в отношении Круглова А.В. // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа://bsr.sudrf.ru/biggs/showDocument.html?id=327b5cbbafa95c44ed-698d22a2f8a81f (дата обращения: 22.06.2023).
- Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 19 июля 2022 г. по делу № 22–1124/2022 в отношении Магомедова Ф.И. О. // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа:// bsr.sudrf.ru/biggs/showDocument.html?id=4c8d964969aa7a215069fbb00c742b89&shard=Уголовные%20дела&from=p&pr=(«groups»:). (дата обращения: 22.06.2023).
- Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26.03.1998 № 41-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18254/ (дата обращения: 22.06.2023).
- Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы от 12 апреля 2022 г. по делу № 1–330/2022 в отношении Ханова З.М.-С. // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа://bsr.sudrf.ru/biggs/showDocument.html?id=d188db2e68febe517b65cf1d9643480e (дата обращения: 22.06.2023).
- Постановление Каспийского городского суда Республики Дагестан от 17 мая 2022 г. по делу № 1–216/2022 в отношении Зайнудинова З.М. // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа:// bsr.sudrf.ru/biggs/showDocument.html?id=b135af-543873094ce302b0e4c9171ce3 (дата обращения: 22.06.2023).
- Постановление Октябрьского районного суда г. Архангельска от 5 декабря 2019 г. по делу № 1–445/2019 в отношении Домниной А.В. // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа://bsr.sudrf.ru/biggs/showDocument.html?id=effb0d0a1be34c2d255f0bd16203b5ec (дата обращения: 22.06.2023).
- Клейменов М.П. Уголовная политика в сфере противодействия экономической организованной преступности // Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 26 мая 2022 г. – Новосибирск – Новокузнецк: Кузбасский ин-т ФСИН России, 2022. – С. 112–116.
- Приговор Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону от 24 мая 2019 г. по делу № 1–170/2019 в отношении Варпетян А.Л. // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа:// bsr.sudrf.ru/biggs/showDocument.html?id=4c8d964969aa7a215069fbb00c742b89 (дата обращения: 22.06.2023).
- Кучин О.С. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом драгоценных металлов и драгоценных камней: автореф. дис. ... канд. юрид. наук./ Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 2003. – 27 с.
- Никонович С.Л. Теория и практика расследования преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. / Моск. ун-т МВД России. – М., 2015. – 44 с.

PRECIOUS STONES AS A SUBJECT OF THE OFFENCE PROVIDED BY ARTICLE 191 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Nurpeisova V.A.

North Kazakhstan University named after M. Kozybaev

The article deals with criminal and legal peculiarities of the objective side of the offences under Article 192 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation), with a focus on the illegal trafficking of precious metals obtained from secondary raw materials. The content of the objective side is analysed as a set of externally expressed signs, including inaction as a form of evasion from delivery of raw materials for refining. On the basis of study of judicial practice and scientific sources typical mistakes of qualification are revealed and measures on legislative clarification of the corpus delicti of the offence are offered. Special attention is paid to the problem of legal uncertainty associated with the blanket disposition of the article and the lack of a clear normative distinction between administrative and criminal responsibility. The author substantiates the need to clarify the features of the objective side, including the source of origin of metal, the status of the subject and the threshold of large size.

Keywords: objective side, crime, precious metals, secondary raw materials, refining, evasion, law enforcement practice, blanket disposition, qualification, inaction, source of origin, large size, normative regulation.

References

1. GOST R 51152–98. Alloys based on noble metals for jewelry. Marks. – Introduced. 1999–01–01. – Moscow: Gosstandart of Russia, 1998. – 9 c. – (Gosstandart of the Russian Federation). [Electronic resource]. Access mode://meganorm.ru/Data2/1/4294819/4294819000.pdf (date of reference: 05.05.2025).
2. Kleimenov I. M., Kleimenov M.P. Absence of criminal-legal response to crimes in the sphere of economy // Vestnik OmS U. Series: Law. – 2021. – № 2. [Electronic resource]. Mode of access://cyberleninka.ru/article/n/otsutstvie-ugolovno-pravovogo-reagirovaniya-na-prestupleniya-v-sfere-ekonomiki (date of address: 06.05.2025).
3. Criminal Code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FZ. [Electronic resource]. Mode of access://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of address: 06.05.2025).
4. Parfenov A.F. The general doctrine of the objective side of a crime: autoref. dis. ... candidate of juridical sciences. – SPb., 2005. – 23 c.
5. Lapshin V.F. Theoretical bases of establishment and differentiation of responsibility for financial crimes: author's thesis. ... doctor of juridical sciences. – Ryazan, 2016. – 42 c.
6. Pronina M.P. Juridical technique in criminal legislation: theoretical and applied research: author's thesis. ... dr. jurid. nauk. – M., 2022. – 45 c.
7. Malygin A.I. Objective signs of legalisation (laundering) of money acquired as a result of organised criminal activity // Vestnik ROSNOU. – 2025. – № 1. – C. 297–299.
8. Sentence of the Sverdlovsk District Court of Kostroma of 26 March 2018 in case No. 1–162/2018 against Kruglov A.V. // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. [Electronic resource]. Mode of access://bsr.sudrf.ru/bigis/showDocument.html?id=327b5cbbafa95c44ed698d22a2f8a81f (date of address: 22.06.2023).
9. Appeal decision of the Supreme Court of the Republic of Dagestan from 19 July 2022 on the case No. 22–1124/2022 in respect of Magomedov F.I. O. // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. [Electronic resource]. Mode of access:// bsr.sudrf.ru/bigis/showDocument.html?id=4c8d964969aa7a215069fbb-00c742b89&shard=Criminal%20delas&from=p&pr=(‘groups’:). (accessed 22.06.2023).
10. Federal law ‘On precious metals and precious stones’ from 26.03.1998 № 41-FZ. [Electronic resource]. Mode of access:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18254/ (date of address: 22.06.2023).
11. Verdict of Leninsky district court of Makhachkala from 12 April 2022 on the case № 1–330/2022 in respect of Khanov Z.M.-S. // Judicial and normative acts of the Russian Federation. [Electronic resource]. Mode of access://bsr.sudrf.ru/bigis/showDocument.html?id=d188db2e68f8e517b65cf1d9643480e (date of address: 22.06.2023).
12. Resolution of the Caspian City Court of the Republic of Dagestan of 17 May 2022 in case No. 1–216/2022 in respect of Zainudinov Z.M. // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. [Electronic resource]. Mode of access:// bsr.sudrf.ru/bigis/showDocument.html?id=b135af543873094ce302b0e4c-9171ce3 (date of address: 22.06.2023).
13. Resolution of the Oktyabrsky District Court of Arkhangelsk of 5 December 2019 in case No. 1–445/2019 in respect of Domnina A.V. // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. [Electronic resource]. Mode of access://bsr.sudrf.ru/bigis/showDocument.html?id=effb0d0a1be34c2d255f0bd16203b5ec (date of address: 22.06.2023).
14. Kleimenov M.P. Criminal policy in the sphere of counteraction to economic organised crime // Combating offences in the sphere of economy: legal, procedural and criminalistic problems: collection of materials of the international scientific and practical conference, Novosibirsk, 26 May 2022 – Novosibirsk – Novokuznetsk: Kuzbass Institute of FSIN of Russia, 2022. – C. 112–116.
15. Sentence of the Oktyabrsky District Court of Rostov-on-Don from 24 May 2019 in case No. 1–170/2019 in respect of Varpetyan A.L. // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. [Electronic resource]. Mode of access:// bsr.sudrf.ru/bigis/showDocument.html?id=4c8d964969aa7a215069fbb-00c742b89 (date of address: 22.06.2023).
16. Kuchin O.S. Methodology of investigation of crimes related to the illegal circulation of precious metals and precious stones: autoref. diss. ... kand. jurid. nauk. / Farnevost. gos. un-ts. – Vladivostok, 2003. – 27 c.
17. Nikonovich S.L. Theory and practice of investigation of crimes in the sphere of turnover of precious metals and precious stones: autoref. disc. ... dr. jurid. nauk. / Moscow Univ. of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – M., 2015. – 44 c.

Гнездюков Владимир Александрович,

аспирант кафедры административного права и процесса
Белгородского государственного национально-
исследовательского университета НИУ «БелГУ»
E-mail: gnezdyukovvladimir@mail.ru

В статье рассматривается проблема определения сущности поощрения как важнейшего элемента управления персоналом в органах внутренних дел Российской Федерации. Поощрение анализируется как средство стимулирования правомерного поведения, формирования положительного морально-психологического климата и повышения эффективности служебной деятельности сотрудников. Освещается различие между понятиями «поощрение» и «награждение» с учетом их правового и социально-психологического содержания. Проведен обзор научных подходов к трактовке данной категории, выявлены противоречия и недостатки существующих определений. Отмечается необходимость разработки прозрачной и справедливой системы поощрений, которая бы отвечала современным вызовам и особенностям службы в органах внутренних дел. Результаты исследования могут быть использованы в целях совершенствования нормативно-правового регулирования и повышения эффективности правоприменительной практики.

Ключевые слова: поощрение, награждение, органы внутренних дел, стимулирование, профессиональная мотивация, управление персоналом, служебная дисциплина, правовое регулирование, нематериальная мотивация, социально-психологические факторы.

Введение

Современные реалии функционирования органов внутренних дел требуют постоянного совершенствования механизмов управления персоналом, среди которых особую роль играет система поощрений. Поощрение не только выступает важным инструментом управления мотивацией сотрудников, но и служит фактором, способствующим укреплению служебной дисциплины, повышению эффективности профессиональной деятельности, а также формированию уважительного отношения к выполнению своих обязанностей. Однако, несмотря на актуальность данного явления, проблема определения сущности поощрения в контексте деятельности органов внутренних дел остается недостаточно исследованной в научной литературе.

Теоретическая и практическая значимость изучения мотивационных механизмов труда сотрудников правоохранительных органов обусловлена сложностью их профессиональной деятельности, связанной с повышенным уровнем ответственности, значительными психоэмоциональными нагрузками и необходимостью принятия решений в условиях дефицита времени. Конкретизация понятия «поощрение» в правоприменительной практике органов внутренних дел позволяет не только повысить эффективность человеческого капитала системы, но и сформировать более справедливую и прозрачную модель материальной и нематериальной мотивации, соответствующую как современным вызовам, так и особенностям службы.

Целью данной статьи является изучение научных подходов к определению сущности поощрения, выявление его ключевых характеристик и разработка предложений по совершенствованию системы стимулирования сотрудников органов внутренних дел. Анализ данной категории правопорядка также предполагает исследование ее правовых основ, этических аспектов, а также социально-психологических факторов, влияющих на восприятие сотрудниками мер поощрения. Рассмотрение этой проблемы вносит вклад в развитие отечественной правовой науки и практики управления, что, в конечном итоге, способствует решению стратегических задач, стоящих перед правоохранительными органами Российской Федерации.

Степень научной разработанности

Проблематика поощрения как одного из механизмов правового и управленческого воздействия на сотрудников органов внутренних дел в разной степени раскрывалась в трудах российских и зарубежных ученых, однако системное концептуальное

осмысление этого феномена с учетом его правовой и социально-психологической природы остается недостаточно изученным. Исследования таких авторов, как К.А. Тюренкова, К.А. Муравьева, Н.А. Гущина и М.Э. Дзарасов, посвященные вопросам разделения понятий «награждение» и «поощрение», представляют интересный материал, но при этом между ними остаются противоречия и разночтения, касающиеся определения ключевых характеристик этих категорий и их применения в правоприменительной практике.

В рамках трудового законодательства вопросы поощрения также рассматривались, но, как правило, акцент делался на материальном стимулировании, в то время как нематериальные виды поощрения (например, публичное признание заслуг, знаки внимания) исследованы фрагментарно. Особенно остро стоит вопрос о справедливости и прозрачности реализационного механизма системы поощрений в ОВД, на который у людей, непосредственно работающих в данной системе, могут возникать обоснованные претензии. Несмотря на важность темы мотивации, в современной научной литературе отсутствует унифицированное определение поощрения, согласованное с правоприменительной практикой, что требует дополнительного исследования на стыке юридической науки и управления. Все это подчеркивает необходимость глубокой и комплексной разработки данной темы.

Методологическая основа исследования

Методологическая база исследования основывалась на системном подходе, который позволил рассматривать поощрение как комплексное социально-правовое явление, взаимодействующее с другими элементами государственной службы в рамках органов внутренних дел. Комплексный характер исследования обусловил необходимость использования таких методов, как анализ и синтез, обеспечивающих изучение сущности, целей и функций поощрения, сравнительно-правовой метод, который позволил установить различия и сходства между понятиями «поощрение» и «награда», а также выявить их применение в законодательстве и практике. Особую роль заняли методы логического обобщения и интерпретации, с помощью которых были сформулированы выводы относительно необходимости модернизации подходов к поощрению сотрудников органов внутренних дел. Также формально-юридический метод дал возможность оценить нормативно-правовую базу, регулирующую систему поощрений. Междисциплинарный подход обеспечил объединение знаний из областей права, психологии и управления, необходимых для анализа сущности мотивационных факторов, их восприятия сотрудниками и влияния на служебную деятельность.

Основная часть

Рассмотрение вопроса, представленного в настоящей статье, считаем необходимым начать с анали-

за термина «поощрение». Итак, если мы обратимся к толковому словарю под редакцией С.И. Ожегова поощрение определяется как «вознаграждение, награда» [4, с. 531]. Награду же С.И. Ожегов определяет как «то, что дается, получается в знак особой благодарности, признательности». Другими словами, это нечто, полагающееся человеку в результате особой оценки его заслуг.

Если мы обратимся к тексту толкового словаря Д.Н. Ушакова, то филолог определяет его как «награду». Награда же, по его мнению, это «дар, почетное вознаграждение за какие-нибудь заслуги, отличия» [8, с. 331]. В целом, можно констатировать, что подавляющее большинство толковых словарей достаточно поверхностно раскрывают сущность термина «поощрение», нередко синонимизируя его с термином «награда». На наш взгляд, это довольно близкие по смысловой нагрузке понятия, однако между ними существуют некоторые различия, что не позволяет считать их взаимозаменяемыми. Так, основной целью поощрения является мотивация человека на выполнение каких-либо действие или же на усиление желаемого поведения. На этот аспект обращают внимание К.А. Тюренкова и К.А. Муравьева, которые рассматривают сущность поощрения как одного из методов стимулирования желаемого поведения. В частности, они пишут следующее: «...способ воздействия данного метода [поощрения], строится так, что лицо не обязывается, а побуждается к достижению полезного для общества и государства результата...» [7, с. 380]. Если же говорить о награде, то она подразумевает признание уже совершенных действий, достижений или каких-либо успехов.

В научной литературе встречаются и иные подходы к определению терминов «награда» и «поощрение». Так, Д.А. Липинский говорит о том, награда – это «денежное или иное имущественное вознаграждение, которое государство или иные организации присуждают гражданам за совершение ими героических, трудовых или иных заслуг перед обществом» [3, с. 40]. На наш взгляд, данное определение довольно интересное, так как оно делает акцент именно на уникальности поступка награждаемого лица. При этом логично предположить, что поощрение может применяться и в менее значимых ситуациях.

Н.А. Гущина говорит о том, что награда – это «это знак признания заслуг лица, которое достигло высоких результатов в науке, культуре, спорте, производстве, общественной деятельности и т.д., и является поощрением, направленным на стимулирование дальнейшей продуктивной работы» [1, с. 10]. Данное определение, по нашему мнению, не совсем верное, так как оно фактически «смешивает» термины награда и поощрение, чего делать нельзя. Несмотря на то, что данные определения смежные по содержанию и характеристикам, отождествлять их было бы неверно с точки зрения юридической теории и практики их применения.

Довольно необычное определение предлагает М.Э. Дзарасов. Он говорит о том, что под награ-

дой следует понимать «юридическую конструкцию, включающую в себя совокупность правовых норм, устанавливающих порядок присуждения поощрений, их виды, размер и порядок выплаты, а также права и обязанности субъектов правоотношений, возникающих в связи с присуждением и получением награды» [2, с. 85]. На наш взгляд, данное определение также не является верным, так как награда далеко не всегда является юридической конструкцией. Кроме того, в определении вновь происходит смешение награды и поощрения, что неверно в контексте рассматриваемого вопроса. Также обратим внимание на то, что представленное определение слишком сосредоточено на материальном аспекте награды, хотя далеко не всегда она связана с материальными выплатами. Таким образом, представленное определение трактуется термин «награда» слишком однобоко, на наш взгляд, вследствие чего использовать его в качестве единственно верного в контексте представленного исследования не представляется возможным.

Что касается термина «поощрение», то Е.В. Халеева определяет его как «систему мер, направленных на стимулирование правомерного поведения, которая предполагает предоставление субъектам права определенных преимуществ или освобождений от обязанностей в случае выполнения ими желательных действий или достижения положительных результатов» [9, с. 117]. У данного определения есть как очевидные преимущества, так и недостатки. В частности, среди преимуществ стоит отметить акцент на правомерность, то есть поощрение применяется для стимулирования правомерного поведения, исключая возможность злоупотребления своими полномочиями, на что обращается внимание в определении. Кроме того, в определении четко очерчивается цель применения поощрения – это достижение совершения желаемых действий и конкретных результатов. Что касается недостатков приведенной трактовки, то следует отметить она не учитывает индивидуальные особенности, которые могут быть при применении мер поощрения. Впрочем, полагаем, что учесть все нюансы в одном определении было бы весьма проблематичным.

Еще одно определение предлагает О.Е. Петрашенко. Он говорит о том, что поощрение – это «форма публичного признания заслуг и достижений субъекта права, которое выражается в предоставлении ему символических наград, грамот, благодарностей или денежных премий» [5, с. 43]. Данное определение представляется нам одним из наиболее удачных, так как оно единственное акцентирует внимание на том, что поощрению свойственно такое качество как публичность. Кроме того, автор учел в определении вариативность поощрений, которые могут применяться, что также следует рассматривать в качестве преимущества данного определения.

Весьма интересно рассматривается разница между наградой и поощрением с точки зрения тру-

дового законодательства. Так, при рассмотрении вопроса о видах награждения и поощрения, вносимых в трудовую книжку, следует руководствоваться положениями Правил ведения и хранения трудовых книжек, изготовления бланков трудовой книжки и обеспечения ими работодателей, утвержденных приказом Минтруда России от 19 мая 2021 года № 320н «Об утверждении формы, порядка ведения и хранения трудовых книжек» [6].

Согласно п. 25 в трудовую книжку вносятся сведения:

1. О награждении государственными наградами, в том числе о присвоении государственных почетных званий, на основании соответствующих указов и иных решений;

2. О награждении наградами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, наградами федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления, профсоюзов (в отношении членов профсоюзов);

3. О награждении почетными грамотами, нагрудными знаками, значками, дипломами, производимом работодателями;

4. О других видах поощрения, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также коллективными договорами, правилами внутреннего трудового распорядка, уставами и положениями о дисциплине.

Таким образом, можно однозначно утверждать, что при награждении сотрудника даже грамотой сведения об этом подлежат занесению в его трудовую книжку. Рассматривая вопрос о внесении в трудовую книжку сведений о таком виде поощрения, как премия, следует руководствоваться тем, какая именно премия (ежемесячная, ежеквартальная либо «персональная») вручена сотруднику и за что именно он премирован.

Таким образом, можно констатировать, что награда фокусируется на признании уже совершенных действий или заслуг, которые могут и не повториться в будущем, а поощрение фокусируется на поддержании желаемого поведения в будущем. При этом рассматриваемые явления имеют и определенные сходства, например, и награда, и поощрение могут быть как материальными, так и нематериальными.

Заключение

Проведенное исследование проблематики определения сущности поощрения в органах внутренних дел позволило установить, что поощрение является важным элементом управления персоналом, направленным не только на стимулирование правомерного поведения, но и на формирование положительного морально-психологического климата внутри ведомства. Обоснованное применение мер поощрения способствует повышению мотивации сотрудников, развитию их профессиональных качеств и поддержанию высокой эффективности их деятельности в условиях значительной служебной ответственности и организованной дисциплины.

Анализ научных подходов и проведенное правовое разграничение понятий «награждение» и «поощрение» показали необходимость их четкой дифференциации для использования в правоприменительной практике. Особое значение в данном контексте приобретает формирование справедливой и прозрачной системы нематериальных и материальных мер стимулирования, которая бы учитывала специфику службы в органах внутренних дел, а также особенности восприятия сотрудниками данных мер. Прозрачность и справедливость системы поощрений не только обеспечивают доверие сотрудников к действующим механизмам управления, но и усиливают их лояльность к государственным институтам.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод о необходимости совершенствования нормативно-правовой регламентации вопросов поощрения сотрудников органов внутренних дел. Для этого требуется не только адаптация существующих подходов под современные вызовы, но и введение дополнительных мер, обеспечивающих полноценный учет вкладов каждого сотрудника. В этом контексте важно развивать как материальные, так и нематериальные системы стимулирования, а также внедрять инструменты обратной связи, что позволит сделать процесс поощрения более прозрачным и эффективным. Эффективное использование таких мер в перспективе способствует не только повышению профессиональных результатов сотрудников, но и укреплению общественного доверия к органам внутренних дел в целом.

Литература

1. Гущина, Н.А. Поощрение в праве: теоретико-правовое исследование: дисс. ... д.ю.н. / Н.А. Гущина. – СПб, 2004. – 37 с.
2. Дзарасов, М. Э. К вопросу о правовом регулировании поощрения работников / М.Э. Дзарасов // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. – 2021. – № 2. – С. 83–91.
3. Липинский, Д.А. Об альтернативных поощрительных дисциплинарных санкциях / Д.А. Липинский // Власть Закона. – 2018. – № 3(35). – С. 38–48.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Мир и Образование, 2012. – 1375 с.
5. Петрашенко, О.Е. Дебаты о понятии «поощрение»: законодательство и практика / О.Е. Петрашенко // Экономика здравоохранения. – 2006. – № 7. – С. 41–47.
6. Приказ Минтруда России от 19 мая 2021 г. № 320н «Об утверждении формы, порядка ведения и хранения трудовых книжек» (Зарегистрировано в Минюсте России 01.06.2021 № 63748) // СПС «КонсультантПлюс». – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385617/ (дата обращения: 11.04.2025).

7. Тюренкова, К.А. Поощрение как метод регулирования в системе государственного управления: понятие, сущность и значение / К.А. Тюренкова // Молодой ученый. – 2015. – № 17 (97). – С. 379–381.
8. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.
9. Хахалева, Е.В. Поощрительное производство как составная часть административного процесса / Е.В. Хахалева // Право и практика. – 2017. – № 1. – С. 116–120.

ON THE PROBLEM OF DETERMINING THE ESSENCE OF INCENTIVES

Gnezdzyukov V.A.

Belgorod State National Research University of the National Research University «BelSU»

The article considers the problem of defining the essence of incentives as the most important element of personnel management in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Incentives are analyzed as a means of stimulating lawful behavior, forming a positive moral and psychological climate and increasing the efficiency of employees' performance. The difference between the concepts of «incentives» and «rewards» is highlighted, taking into account their legal and socio-psychological content. A review of scientific approaches to the interpretation of this category is conducted, contradictions and shortcomings of existing definitions are identified. The need to develop a transparent and fair incentive system that would meet modern challenges and the specifics of service in the internal affairs bodies is noted. The results of the study can be used to improve legal regulation and increase the efficiency of law enforcement practice.

Keywords: encouragement, reward, internal affairs agencies, stimulation, professional motivation, personnel management, service discipline, legal regulation, non-material motivation, socio-psychological factors.

References

1. Gushchina, N.A. Incentives in Law: Theoretical and Legal Research: Diss. ... Doctor of Law / N.A. Gushchina. – St. Petersburg, 2004. – 37 p.
2. Dzarasov, M.E. On the Issue of Legal Regulation of Employee Incentives / M.E. Dzarasov // Bulletin of Moscow University. Series 26: State Audit. – 2021. – No. 2. – P. 83–91.
3. Lipinsky, D.A. On Alternative Incentive Disciplinary Sanctions / D.A. Lipinsky // Power of Law. – 2018. – No. 3 (35). – P. 38–48.
4. Ozhegov, S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language / S.I. Ozhegov. – M.: Mir i Obrazovanie, 2012. – 1375 p.
5. Petrashenko, O.E. Debates on the concept of “incentive”: legislation and practice / O.E. Petrashenko // Healthcare Economics. – 2006. – No. 7. – P. 41–47.
6. Order of the Ministry of Labor of Russia dated May 19, 2021 No. 320n “On approval of the form, procedure for maintaining and storing work books” (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 01.06.2021 No. 63748) // SPS “Consultant-Plus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385617/ (date of access: 11.04.2025).
7. Tyurenkova, K.A. Incentives as a method of regulation in the public administration system: concept, essence and meaning / K.A. Tyurenkova // Young scientist. – 2015. – No. 17 (97). – P. 379–381.
8. Ushakov, D.N. Large explanatory dictionary of the Russian language / D.N. Ushakov. – M.: House of Slavic Books, 2008. – 959 p.
9. Khakhaleva, E.V. Incentive proceedings as an integral part of the administrative process / E.V. Khakhaleva // Law and Practice. – 2017. – No. 1. – P. 116–120.

Пухаев Давид Эдуардович,

аспирант, Дипломатическая академия МИД России

В пределах исследования затрагиваются основные международно-правовые критерии, а также механизмы признания государств в качестве составляющих противоречивого и сложного института международного права, а также раскрываются позиции различных авторов в отношении используемых в юридической практике механизмов признания государств.

В рамках исследования подчеркивается значимость изучения признания государств в качестве явления, которое обладает политико-юридической спецификой, что обусловлено тем, что признание государств обладает взаимосвязью с реализуемой государствами политикой, а также отдельными проблемами права.

Значимым представляется, что многие государства обладают различным отношением к вопросу признания новых государств, при этом отмечается, что отдельные механизмы признания являются полным, но не окончательным признанием государств, что подчеркивает необходимость дальнейшего изучения данных аспектов.

Ключевые слова: институт признания; признание государств; международное признание; правосубъектность государств; критерии признания; механизмы признания государств.

В настоящее время институт признания государств выступает в качестве наиболее древнего в международном праве, при этом множество трансформаций (распад СССР, Чехословакии, формирование новых государств, их признание), которые происходят в мире, актуализируют повышение интереса к институту признания в международном праве.

Существующие проблемы, которые сопряжены с признанием государств, являются весьма дискуссионными, вследствие чего формируется множество противоречивых позиций, оценок. С позиции правовой практики аспекты признания государств также являются многообразными, что обуславливается тем, что формирование новых государств выступает в качестве достаточно редкого феномена, вследствие чего исторически сложилось так, что существовали лишь отдельные периоды, в которые создавались новые государства. Другая причина заключается в том, что международно-правовое признание стран, а также их формирование связано с конфликтом интересов отдельных государств, стран-участниц международного сообщества, а также институт признания не обладает кодификацией [1].

В данном исследовании была использована следующая методологическая основа: общенаучный метод системно-структурного анализа, обобщения научных материалов, формально-юридический метод, логический метод, аналитический и прочие методы.

Исследованию международно-правовых механизмов и критериев признания государств на современном этапе посвящается не столь значительное количество трудов ученых, однако среди них возможно выделить работы Абашидзе А.Х., Гагловой Д.В., Хасанова А.А., Капустиной А.Я., Ермолович Г.П., Холиной Е.А., Александровой Н.В., Меньшиной Н.Н., Каламкаряна Р.А. и других авторов.

Степень научной разработанности исследуемой темы базируется на том, что сущность и понятие, а также отдельные международно-правовые механизмы, различные критерии признания государств раскрываются в трудах таких авторов, как Ермолович Г.П., Холина Е.А., Хасанов А.А., Каламкарян Р.А., при этом в работе Александровой Н.В. «Правовой институт признания государств» исследуются различные подходы к трактовке понятия «признание государства», а также изучаются отдельные формы признания. В работе Холиной Е.А. «Формы и критерии признания государств» приводится обоснование тому, что на современном этапе среди существующих в российской и зарубежной практике форм признания государств в каче-

стве наиболее приемлемой выделяется признание в форме de-jure в коллективном виде всеми государствами.

Стоит отметить, что отдельная специфика признания государств находится в сфере регламентации многосторонних и двусторонних соглашений, решений международных организаций, дипломатической документации, при этом основой признания нередко выступают международные обычаи, принципы, доктрины.

С позиции международного права в настоящее время не имеется общности позиций, а также определенных норм, регулирующих процессы формирования государств, разграничивающих способы формирования государств в пределах действия международных принципов, вследствие чего учеными подчеркивается, что новые государства должны соответствовать некоторым критериям [10]. Упомянутые критерии сформировались и в дальнейшем стали основой обобщения международно-правовой практики стран.

Некоторыми авторами высказывалась позиция относительно того, что признание политических образований в качестве государств подразумевает декларацию того, что они соответствуют условиям государственности в рамках международного права, при этом им выделялись такие критерии, как наличие независимого правительства; существование результативной власти; существование территорий, а в качестве дополнительных критериев выделялось наличие определенного уровня цивилизованности, законности, существование религии и политической системы [2].

С позиции других авторов в качестве общего критерия выделялось наличие совместимости субъективности новых государств с существующим международным порядком, что обусловлено отсутствием норм, которыми регулируется формирование государства [3].

Отдельными правоведами критерии признания государства связываются с функционированием ООН, вследствие чего они базируются свои исследования на резолюции Генеральной Ассамблеи, а также на практике принятия стран в члены ООН. Также в качестве приоритетных ими выделяются такие критерии признания государств, как:

- существование уполномоченного правительства, администрации, которой обеспечивается функционирование государства;
- существование способности к защите территорий и независимости;
- существование способов и мер, нацеленных на поддержку спокойствия в обществе на территории государства;
- реализация снабжения посредством финансовых средств, которых достаточно для покрытия затрат государства;
- наличие законодательной базы, а также формирование судебной системы [4].

Авторами отмечается, что существуют «старые» (результативность власти, выполнение международных обязательств) и новые критерии при-

знания государств, что подтверждается деятельностью ЕС в сфере признания бывших советских, югославских республик, при этом ЕС акцентирует внимание на внутренней политической обстановке, вследствие чего значимым аспектом выступает наличие демократии, реализации приоритетных прав и свобод граждан, формирование гарантий для национальных меньшинств, при этом в качестве важных критериев выделяется соблюдение региональной безопасности, приверженность принципу нерушимости границ, а также решение конфликтов посредством мирных методов.

С позиции ЕС, государство должно брать на себя международные обязательства (например, нераспространение ядерного оружия), соответственно, в качестве приоритетных критериев выделяются:

- формирование легитимной власти, которая нацелена на урегулирование внешнего положения в государстве;
- нацеленность на соблюдение прав и свобод граждан, что подразумевает отсутствие дискриминации;
- приверженность принципу мирного урегулирования конфликтов, неиспользования силы, следовательно, формирование государства не должно быть сопряжено с нарушением прав других стран;
- наличие экономической самостоятельности;
- существование способности к вступлению во взаимодействие с различными государствами, а также нацеленность на выполнение международных обязательств.

Лаутерпахтом Г. излагаются следующие критерии признания государств:

- наличие независимого правительства;
- функционирование эффективной власти;
- наличие конкретной территории.

В качестве менее значимых критериев ученым выделялись наличие законности происхождения государства, существование политической системы, религии, а также уровня цивилизации [7].

В противопоставление приведенной позиции Шарпантье Ж. в качестве приоритетных критериев признания государств выделял единственный критерий, а именно существование совместимости субъективности нового государства с международным юридическим порядком. Это автор обуславливал отсутствием норм, которыми регулируется формирование нового государства [8].

Отдельные авторы при выделении значимых критериев признания государств основываются на деятельности ООН, вследствие чего в качестве основы выделяют практику принятия в участники организации. Опираясь на данные аспекты, авторами выделяются критерии:

- существование уполномоченного правительства, администрации;
- наличие способности защищать территориальную целостность;
- разработка мер, направленных на поддержание спокойствия в обществе;

- наличие финансовых ресурсов, которых достаточно для покрытия затрат государства;
- наличие законодательства и судебной системы;
- существование независимой власти [9].

Необходимо подчеркнуть, что после принятия решения о признании государства значимым этапом выступает определение объемов правоотношений, а также их юридических последствий, то есть необходимо определить механизмы признания, а также их внешнее выражение.

Опираясь на приведенные выше авторские позиции, а также позицию ЕС возможно предложить следующие критерии признания государств:

- наличие определенной территории;
- наличие независимой власти, правительства;
- наличие законодательства;
- существование экономической самостоятельности;
- наличие населения (граждан);
- способность к защите территории и независимости.

Сформулированные критерии в рамках современного мира представляются целесообразными для использования. Представляется, что данные критерии могут послужить основой для дальнейшей проработки аспектов признания государств в международном праве.

Так как нормы, которые затрагивают институт признания государств, обладают диспозитивной спецификой, то данный аспект затрагивает подбор механизмов признания, а исследование данных механизмов представляется весьма значимым для международной практики.

На современном этапе существуют определенные механизмы признания государств: де-юре; де-факто; ad hoc, при этом первых из них выступает в качестве наиболее полноценного механизма, а также представляет собой окончательный. Данный механизм признания основывается на официальных актах, либо заявлениях, вследствие чего провоцирует определение дипломатических, а также прочих отношений государства, при этом между странами формируется множество направлений взаимодействий [5]. Также государство получает право на участие в международных соглашениях, двусторонних соглашениях, конвенциях, организациях, при этом официальное заявление о формировании дипломатического взаимодействия выступает в качестве традиционного примера исследуемого механизма.

Второй механизм с позиции авторов, является более редким, при этом он представляется ограниченным механизмом признания, а также может обладать временной спецификой, вследствие чего используется в ситуациях, при которых государства не обладают уверенностью в полноправности и стабильности нового формирования [3].

Стоит отметить, что признание государств де-факто не только обладает формальностью, но также представляется подразумеваемым, что заключается в создании специфического двусторонне-

го соглашения, например, соглашения о торгово-экономическом взаимодействии, определяющим отношения между двумя странами. Подобное взаимодействие нередко формируется в области безопасности, реализации международных обязательств.

В качестве последнего механизма признания государств выступает ad hoc, не обладающий официальным характером, который также представляется временным, единоразовым признанием в определенных ситуациях, что подразумевает вступление с государством во взаимоотношения по определенным вопросам, либо в рамках мероприятий.

Исследуемый механизм нередко сопряжен с оговоркой о том, что вступление государства в различные правоотношения не подразумевает того, что государство будет признано, однако это не скрывает факта построения взаимодействия в рамках правоотношений, которые практически не обладают отличиями от правоотношений признающих друг друга государств [6].

С позиции функционирования данного механизма признания, при выражении признания страны вступают в официальное взаимодействие вынужденно, вследствие существования необходимости разрешения отдельных вопросов или проблем, однако они не обладают желанием официального признания друг друга, либо подобное отсутствие желания отмечается у одной из стран, при этом данный механизм нередко нацелен на заключение определенных международных соглашений.

В качестве примера признания посредством механизма ad hoc может выступить проведение переговоров между США и несколькими вьетнамскими сторонами, при этом данные переговоры были направлены на прекращение военного конфликта во Вьетнаме, вследствие чего были подписаны Парижские соглашения [4], однако стороны не признавали друг друга.

Исследование реализации различных механизмов признания государств позволяет отметить, что де-юре обладает спецификой выраженности, «подразумываемости», при этом де-факто является ярко выраженным, что нередко выражается в действиях, свидетельствующих об этом, а в качестве примера выступает построение взаимодействия с новым государством, заключение соглашений, продолжение установленного ранее взаимодействия.

Можно сделать вывод, что отличия механизмов признания государств базируется на правовой специфике их формирования, а также правовых последствиях, которые проистекают для государства, при этом подбор механизмов находится в зависимости от государственной воли, а также существующей политической ситуации.

Соответственно, механизм де-юре основывается на намерении государств к установлению устойчивых дипломатических, консульских и прочих взаимоотношений с новыми государствами, а также к способствованию закреплению данного взаимо-

действия, при этом механизм де-факто используется в рамках нестабильных ситуаций, а также он нацелен на построение экономического и торгового взаимодействия, что свидетельствует о формировании временных правоотношений.

Механизм ad hoc в большинстве случаев используется в качестве исключительного, для определенных ситуаций, например заключения международных соглашений.

Представляется, что в настоящее время существующие механизмы не решают проблему признания государств, вследствие чего нуждаются в дальнейшей проработке.

Таким образом, в настоящее время существует ограниченное количество механизмов признания государств, а также излагается множество критериев признания, при этом отсутствует регламентация формирования новых государств в рамках международного права, что формирует проблемы, нуждающиеся в решении.

В ходе исследования также были изложены критерии признания государств, которые могли бы послужить основой для дальнейшего совершенствования аспектов признания государств в международном праве, а также разрешения проблем. В качестве критериев были выделены следующие: наличие определенной территории; наличие независимой власти, правительства; наличие законодательства; существование экономической самостоятельности; наличие населения (граждан); способность к защите территории и независимости.

Изложенные критерии в рамках современного международного права представляются целесообразными для использования.

Литература

1. Ермолович Г.П. Политико-юридический взгляд на институт признания государств в международном праве//Международное публичное и частное право. № 4. 2024. С. 2–6
2. Фельдман Д.И. Признание государств в современном международном праве// Казань, Изд-во Казанского университета, 1965.
3. Холина Е.А. Формы и критерии признания государств // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3.
4. Александрова Н.В. Правовой институт признания государств: дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009.
5. Меньшенина Н.Н. История и теория международных отношений. Международные политические институты. М.: Юрайт, 2024. 440 с. 6
6. Каламкарян Р. А., Мигачев Ю.И. Международное право. М.: Юрайт, 2023. 542 с.

7. Международное право: Мир. Перевод с английского. Т. 1: Полут. 1 / Оппенгейм Л.; под ред.: Крылов С.Б. (Предисл.); Пер.: Лаутерпахт Г.М.: Инстр, лит., 1948. 407 с.
8. Бекяшев К.А. Международное право. Учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2019. 896 с.
9. Кононова К.С. К вопросу о пробельности института международного признания государств//Наука и инновации XXI века. Материалы III Всероссийской конференции молодых ученых. Том 3. 2016. С. 89–91
10. Гасимов Ф.Р. Признание государств и правительств. Современная международно-правовая теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 21 с.

INTERNATIONAL LEGAL MECHANISMS AND FORMS OF STATE RECOGNITION

Pukhaev D.E.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The study examines the main international legal criteria, as well as mechanisms for recognizing States as components of a controversial and complex institution of international law, and reveals the positions of various authors regarding the mechanisms of recognition of States used in legal practice.

The study highlights the importance of studying the recognition of States as a phenomenon that has political and legal specifics, due to the fact that the recognition of States is interrelated with the policies implemented by States, as well as individual legal issues.

It is significant that many States have different attitudes towards the issue of recognition of new States, while it is noted that some recognition mechanisms are full, but not final recognition of States, which underlines the need for further study of these aspects.

Keywords: institute of recognition; recognition of States; international recognition; legal personality of States; criteria of recognition; mechanisms of recognition of states.

References

1. Ermolovich G.P. A political and legal view of the institution of State recognition in international law//International public and private law. No. 4. 2024. pp.2–6
2. Feldman D.I. Recognition of states in modern international law// Kazan, Kazan University Publishing House, 1965.
3. Kholina E.A. Forms and criteria of state recognition // Gaps in Russian legislation. 2012. № 3.
4. Alexandrova N.V. The Legal Institute of State Recognition: dissertation of the cand. jurid. sciences. Nizhny Novgorod, 2009.
5. Menshenina N.N. History and theory of international relations. International political institutions. Moscow: Yurait, 2024. 440 p.
6. Kalamkarian R. A., Migachev Yu.I. International law. Moscow: Yurait, 2023. 542 p.
7. International Law: The World. Translated from English. Vol. 1: Semut. 1 / Oppenheim L.; edited by: Krylov S.B. (Preface); Translated by: Lauterpacht G.M.: Inostr. lit., 1948. 407 p.
8. Bekyashev K.A. International law. Textbook for bachelors. Moscow: Prospekt, 2019. 896 p.
9. Kononova K.S. On the problem of the Institute of International recognition of States//Science and innovation of the 21st century. Materials of the III All-Russian Conference of Young Scientists. Volume 3. 2016. pp.89–91
10. Gasimov F.R. Recognition of states and governments. Modern international legal theory and practice: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. Sciences. Moscow, 2005. 21 p.

Об экстремизме в молодежной среде, или патриот никогда не станет экстремистом

Харичева Татьяна Михайловна,

аспирант, Московский финансово-промышленный Университет «Синергия»

Статья посвящена умению отличать патриотизм от экстремизма. В современном обществе патриотизм становится все более актуальной темой, особенно среди молодежи. Молодые люди стремятся проявить свою любовь к Родине, участвуя в различных патриотических акциях, волонтерских движениях и социальных проектах. Однако, к сожалению, зачастую это стремление принимает искаженные формы, и многие из них не понимают истинного значения слова «патриотизм». В результате, они могут совершать действия, которые, вместо того чтобы поддерживать свою страну, лишь подрывают её основы. В данной статье мы рассмотрим, что такое патриотизм и как он отличается от экстремизма, а также проанализируем, как неправильное понимание этих понятий может привести к негативным последствиям. Система типичных способов преступлений против жизни и здоровья, совершенных несовершеннолетними и молодежью по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, и их влияние на механизм слепообразования.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, социальные сети, экстремизм в Интернете, преступление, криминалистические характеристики, идеология.

Введение

Сегодня все чаще поднимается вопрос о кризисе традиционных институтов социализации, таких как семья и школа. Это явление становится особенно заметным в условиях современного общества, где социальные и экономические изменения влияют на структуру семейных отношений и образовательных процессов. В результате многие семьи оказываются за гранью среднего прожиточного уровня, что приводит к тому, что родители теряют уверенность в своих силах и жизненных принципах. В таких условиях они перестают быть для своих детей образцами для подражания и теряют статус социальных и нравственных авторитетов. [1, с. 21–26].

В неблагополучных семьях дети часто становятся жертвами унижений и насилия со стороны родителей. Их основные потребности в любви, близости и заботе остаются неудовлетворенными, что может привести к серьезным психологическим проблемам. Порой дети сталкиваются даже с нехваткой базовых материальных ресурсов, таких как одежда и пища. Это создает не только индивидуальные, но и системные проблемы, влияющие на общество в целом. С другой стороны, благополучные и состоятельные родители, стремясь обеспечить своим детям лучшее будущее, зачастую перекадывают всю ответственность за воспитание и подготовку детей к жизни в современном обществе на школу. Они считают, что образовательные учреждения должны взять на себя эту задачу, не осознавая, что воспитание – это совместная работа родителей и педагогов. Социальный кризис, тем не менее, оказал значительное влияние и на сферу образования, изменив его ценности и целевые ориентиры. [1, с. 15–17]

В сознании многих педагогов наблюдается неопределенность в отношении тех основ мировоззрения, которые должны формироваться в процессе воспитания. Некоторые учителя, устав от низкой заработной платы и отсутствия поддержки, начинают воспринимать преподавание предмета как единственную задачу своей деятельности. Это приводит к тому, что они не готовы брать на себя ответственность за воспитание школьников. В результате для подростков учителя в большинстве случаев не становятся «учителями жизни», к которым можно обратиться за советом в сложной жизненной ситуации. [1, с. 10–13]

К сожалению, в современном российском обществе наблюдается отсутствие единой системы норм и ценностей. Представления о всеобщих

нравственных и социальных нормах не укоренены в сознании подростков, они носят расплывчатый характер и не определяют их поведенческий выбор. В такой ситуации молодые люди часто делают выбор в пользу «улицы». Это может происходить как под давлением неблагоприятной обстановки в семье, так и из-за недостатка поддержки и внимания со стороны взрослых. [1, с. 30–34].

В условиях кризиса традиционных институтов социализации необходимо искать новые подходы к воспитанию и образованию. Важно, чтобы родители и педагоги работали в тесном сотрудничестве, создавая единую систему поддержки для детей. Это может включать в себя развитие программ по обучению родителей, направленных на повышение их компетентности в вопросах воспитания, а также создание безопасной и поддерживающей образовательной среды в школах. Кроме того, необходимо активнее вовлекать подростков в социальные и культурные проекты, которые помогут им развивать навыки социальной ответственности, критического мышления и эмоционального интеллекта. Это может быть реализовано через волонтерские программы, кружки по интересам и другие формы активного участия в жизни общества. Важно создать пространство, где подростки смогут выражать себя, находить поддержку и развивать свои таланты. [1, с. 41–43].

Таким образом, для преодоления кризиса традиционных институтов социализации необходимо объединить усилия родителей, педагогов и общества в целом. Только совместными усилиями можно создать условия, в которых дети будут чувствовать себя защищенными, любимыми и способными на успешное будущее. [1, с. 30–36].

В современном обществе патриотизм становится все более актуальной темой, особенно среди молодежи. Молодые люди стремятся проявить свою любовь к Родине, участвуя в различных патриотических акциях, волонтерских движениях и социальных проектах. Однако, к сожалению, зачастую это стремление принимает искаженные формы, и многие из них не понимают истинного значения слова «патриотизм». В результате, они могут совершать действия, которые, вместо того чтобы поддерживать свою страну, лишь подрывают её основы. В данной статье мы рассмотрим, что такое патриотизм и как он отличается от экстремизма, а также проанализируем, как неправильное понимание этих понятий может привести к негативным последствиям. *Патриотизм: истинное значение* патриотизм – это чувство любви и преданности своей стране, желание способствовать её развитию и благополучию. Это не просто слова, это действия, которые направлены на улучшение жизни общества. Патриотизм включает в себя уважение к культуре, истории и традициям своей страны, а также готовность защищать её интересы. Однако важно отметить, что истинный патриотизм не должен быть основан на ненависти к другим народам или культурам. Он должен быть конструк-

тивным, инклюзивным и направленным на единение, а не на разделение. [4, с. 32–33]

Экстремизм: что это такое? Экстремизм, согласно историческим корням значения этого слова, определяется как приверженность к крайним взглядам и мерам, которые часто противоречат общепринятым нормам и ценностям. Экстремизм может проявляться в различных формах: политической, религиозной, социальной и даже культурной. Важно понимать, что экстремизм не имеет ничего общего с патриотизмом. Это скорее деструктивное явление, которое может привести к насилию, конфликтам и разрушению. *Пример скинхедов: от субкультуры к экстремизму.* Для наглядности рассмотрим проблему экстремизма на примере движения скинхедов. Важно отметить, что первые скинхеды, появившиеся в конце 1960-х годов в Англии, не имели отношения к национализму. Это была субкультура, сформировавшаяся в рабочих районах страны, в которой участвовали как белые, так и черные молодые люди. Они увлекались музыкой чернокожих исполнителей, таких как Дезмонд Декер и Боб Марли, и активно слушали ска, реггей и рок-стеда. Прическа скинхедов была заимствована у ямайских «руди-бойз», что подчеркивало их связь с чернокожей культурой. Однако с течением времени, особенно в конце 1970-х годов, скинхеды начали трансформироваться. Экономический кризис в стране, рост безработицы и социальная напряженность привели к тому, что среди молодежи возникло чувство безысходности. Многие из них не видели перспектив, и единственным способом выплеснуть свою агрессию стало участие в драках с другими группами. В это время скинхеды начали ассоциироваться с крайними националистическими взглядами, и многие из них стали придерживаться экстремистских идеологий, что значительно изменило их первоначальную суть. Разница между патриотизмом и экстремизмом, можно выделить несколько ключевых различий между патриотизмом и экстремизмом. Во-первых, патриотизм строится на уважении и любви к своей стране, тогда как экстремизм часто основывается на ненависти и агрессии по отношению к другим. Во-вторых, патриотизм подразумевает конструктивные действия, направленные на улучшение общества, в то время как экстремизм может приводить к насилию и разрушению. В-третьих, истинный патриотизм включает в себя принятие разнообразия и уважение к другим культурам, тогда как экстремизм стремится к исключительности и унификации. *Как избежать крайностей?* Чтобы избежать превращения патриотизма в экстремизм, важно формировать у молодежи правильные ценности. Образование играет ключевую роль в этом процессе. Школы и университеты должны не только обучать студентов фактам истории и культуры своей страны, но и развивать критическое мышление, толерантность и уважение к другим народам. [11, с. 391–392] Важно, чтобы молодежь понимала, что патриотизм не означает ненависти к другим, а наоборот, включает в себя любовь и уважение

к своему народу и готовность сотрудничать с другими для достижения общих целей. Кроме того, необходимо развивать гражданское общество и вовлекать молодежь в социальные проекты, которые способствуют улучшению жизни в стране. Участие в волонтерских движениях, экологических акциях и культурных мероприятиях поможет молодым людям осознать свою роль в обществе и укрепить чувство принадлежности к своей стране. Патриотизм и экстремизм – это два совершенно разных понятия, которые, несмотря на внешние сходства, имеют разные корни и последствия. Важно, чтобы молодежь осознавала разницу между ними и развивала истинные патриотические чувства, основанные на любви, уважении и сотрудничестве. Только так можно создать здоровое общество, в котором каждый будет чувствовать себя частью единого целого, а не противостоящей группе. [5, с 83–86] Скинхед-движение, возникшее в середине XX века, изначально было связано с определённой субкультурой, которая сочетала в себе элементы музыки, моды и социальной идентичности. Однако в постсоветской России это движение приобрело специфические черты, став значительной частью молодежной культуры. Важным аспектом этого явления является то, что значительную часть скинхедов составляют подростки, которые искренне верят, что их действия служат благу страны. Эта вера зачастую формируется под влиянием сверстников и стремления соответствовать ожиданиям группы. Подростки, находясь в поиске своей идентичности, могут легко попасть под влияние радикальных идеологий, особенно в условиях социальной нестабильности. Послекоммунистический кризис, охвативший Россию в 90-х годах, стал катализатором глубоких изменений в обществе. Гласность и свобода, которые пришли на смену тоталитарному режиму, обнажили не только проблемы, но и внутренние противоречия, существовавшие в обществе и в каждой отдельной личности. В результате этого кризиса многие люди оказались в состоянии духовного искушения и потери ориентиров. В то время как одни искали утешение и ответы на свои вопросы в религии и духовных практиках, другие, наоборот, начали искать «козлов отпущения» для своих бед и неудач. В такой ситуации скинхед-движение стало одним из возможных выходов для молодежи, которая искала смысл и цели в жизни. Экономические и социальные преобразования, происходившие в стране, привели к резкому ухудшению жизненных условий для многих семей. Увеличение уровня преступности, алкоголизма и наркомании стало повседневной реальностью. Социальные проблемы, которые ранее были скрыты или замалчивались, вышли на поверхность, и многие семьи стали жертвами насилия, как физического, так и психологического. Дети, оказавшиеся в таких условиях, зачастую не видели другого выхода, кроме как покинуть свои дома. По оценкам Московского исследовательского центра по правам человека, около 50 тысяч детей ежегодно убегают из дома из-за домашнего насилия

(следует учитывать, что это только зарегистрированные данные, «тихий» жертв учесть невозможно), до 2500 из них погибают. Это число говорит о масштабах проблемы, которая требует серьезного внимания и решения. В конце концов, всего 20% воспитанников детских домов – реальные сироты, 80% – «социальные», т.е. попадают в сферу деятельности органов опеки при живых родителях. Согласно данным Московской хельсинской группы, жертвами домашнего насилия становятся около 2 миллионов детей младше 14 лет каждый год. Как правило, жертвами насилия становятся физически или психически неполноценные дети – они наиболее беззащитны и при этом часто до невозможности раздражают собственных родителей. В группе риска также отпрыски алкоголиков и наркоманов, разведенных родителей и те, кого просто не хотели. В этом плане представители движения «Свободные от детей» («Child free – англ.) честнее многих мам и пап – они не хотят детей и не рожают их, сводя раздражение от младенческого плача к гневным постами в социальных сетях. Сложно ожидать психологического комфорта в семье, где женщина не хотела ребенка, но поддалась обстоятельствам, давлению общества или сдалась, например, на волю мужа. Павел Санаев, пасынок знаменитого режиссера Ролана Быкова, написал книгу о своем детстве – «Похороните меня за плинтусом», историю о том, как ребенок из семьи творческих, образованных людей с пеленок выслушивал от любящей, в общем-то, бабушки, что мать его «шалава», а сам он – ни на что не годный «дебил». Главная проблема в том, что в странах СНГ, где случаи домашнего насилия регистрируются примерно в три раза чаще, чем в Европейском союзе, нет комплексного подхода к решению проблемы. Неприкосновенность частной жизни, гарантированная Конституцией, подразумевает, что государство не вправе вмешаться в «семейные разборки», неподготовленность психологов и педагогов не позволяет распознать жертв таких «разборок», а юридическая система приговорит распявшегося родителя к общественным работам, а не к обязательной психотерапии. [9, с 78] Схематически это выглядит так:

- 1) проблема не замечается;
- 2) проблема игнорируется;
- 3) проблема не решается.

Руководитель организации «Лиза Алерт» Алина Павлюкова поделилась последними актуальными данными по пропаже детей. Если кратко: в России ежегодно пропадает более 40 тысяч детей, 1 тысяча несовершеннолетних не найдены, чаще всего пропадают дети младшего (7–10 лет) и среднего подросткового (12–17 лет) возраста. Несмотря на то, что в большинстве случаев детей находят – по данным разных источников этот показатель колеблется от 93% до 95%, – из тех детей, которые до сих пор числятся «пропавшими без вести», складывается серьезная цифра: не найденными остаются более 1000 несовершеннолетних. По данным МВД, в России ежегодно из дома убе-

гают 45 тысяч несовершеннолетних. Опыт побегов из дома или госучреждений имеют большинство детей, оказывающихся в итоге на скамье подсудимых. Эти цифры шокируют, особенно если вспомнить, что подобные социальные бедствия наблюдались в России только в период Гражданской войны 1918–1921 годов. Ситуация с детьми, которые становятся жертвами насилия, указывает на глубокий кризис в российском обществе, где традиционные ценности и моральные ориентиры оказались под угрозой. В то же время, в 90-х годах начался процесс реформирования системы образования. Однако, к сожалению, эта реформа не привела к желаемым результатам. Система образования стала ориентироваться на получение узкопрофильных знаний, оставляя в стороне вопросы нравственного и духовного воспитания. В результате дети лишились полноценного образования, которое должно было бы включать в себя не только профессиональные навыки, но и формирование нравственных качеств личности. Эта ситуация создала вакуум, в котором молодежь оказалась без должной поддержки и ориентиров. Таким образом, скинхед-движение стало отражением более глубоких социальных проблем, существующих в стране. Подростки, вовлеченные в это движение, искали не только идентичность, но и сообщество, которое могло бы дать им чувство принадлежности и цели. Однако, вместо того чтобы строить здоровые отношения и развиваться как личности, многие из них оказались вовлечены в агрессивные и радикальные идеологии, что в конечном итоге привело к ещё большему расколу в обществе и усугублению существующих проблем. Важно отметить, что подобные движения не возникают на пустом месте. Они являются результатом сложного взаимодействия множества факторов, включая экономические, социальные и культурные изменения. В условиях, когда молодежь сталкивается с отсутствием перспектив, поддержки и понимания, она может обратиться к крайним формам самовыражения, таким как «скинхед-движение», «антифа», «фашистские группы» и т.д. Поэтому для решения данной проблемы необходимо не только бороться с проявлениями радикализма, но и создавать условия для полноценного развития молодежи, включая воспитание нравственных ценностей и формирование здоровой социальной среды. В заключение, чтобы справиться с последствиями Послекоммунистического кризиса и предотвратить дальнейшее распространение радикальных движений, необходимо уделить внимание не только экономическим реформам, но и восстановлению системы образования, которая будет способствовать формированию гармоничных личностей. Общество должно объединиться для создания безопасной и поддерживающей среды, где каждый ребенок сможет реализовать свой потенциал и найти свое место в жизни, не прибегая к крайним мерам и идеологиям. Власть, представляющая собой фашистский режим, не только игнорировала, но и на абсолютно законных основаниях нарушала права человека,

включая права немцев. Одним из наиболее ярких примеров этого является запрет на заключение браков между немцами и евреями. Это решение стало частью более широкой политики расовой дискриминации, которая затрагивала не только еврейское население, но и другие группы, не соответствующие идеалам нацистского режима. Вопрос о том, что делать с людьми, у которых уже были семьи и дети, оставался без ответа, и такие судьбы часто становились жертвами идеологии расовой чистоты, навязываемой обществу. Интересно отметить, что говорить о национальности или расе можно лишь условно, поскольку в истории человечества все народы неоднократно перемещались, смешивались и вливались друг в друга. Это касается и немцев, чья идентичность была сформирована под воздействием множества факторов, включая миграцию, войны и культурные обмены. Однако фашизм, с его жесткой идеологией, игнорировал эту сложность, предпочитая упрощенные и стереотипные представления о «чистоте» расы. Главная проблема фашизма заключается в его нетерпимости и неуважении к другому человеку и его взглядам. Эта нетолерантность, в свою очередь, приводит к насилию по отношению ко всем, кто не соответствует установленным стандартам. Нацистская идеология, основанная на националистических лозунгах, таких как «немцы должны осознавать превосходство арийской расы и хранить расовую чистоту», привела Германию к международной агрессии. Подобные идеи заставили немцев чувствовать себя превосходящими, что в конечном итоге трансформировало фашизм из националистической идеологии в агрессивную философию, которая легла в основу страшных международных преступлений. В своих обращениях к солдатам Восточного фронта Гитлер подстрекал к насилию, призывая к убийствам и уничтожению целых народов. Это было не просто риторикой, а частью системной политики, направленной на истребление тех, кто не вписывался в нацистские идеалы. Примером бесчеловечности фашизма служит трагедия деревни Хатынь в Беларуси, где все жители, включая младенцев и стариков, были заживо сожжены. Этот случай стал символом жестокости, с которой нацисты расправлялись с мирными жителями. Концлагеря, созданные нацистами, стали местом массовых убийств и страданий. По различным оценкам, в фашистских концлагерях погибло более 11 миллионов человек. В Бухенвальде, одном из самых известных концлагерей, было убито около 250 тысяч человек, среди которых находились не только евреи, но и немецкие военные, отказавшиеся служить в рядах Гитлеровской армии и осужденные военным трибуналом. Это подчеркивает, что репрессивные меры фашистского режима затрагивали не только «нежелательные» группы, но и тех, кто, казалось бы, должен был быть частью нацистского общества. Одним из самых страшных концлагерей был Освенцим, расположенный на территории оккупированной Польши. В этом лагере, который стал символом Холокоста,

были убиты миллионы людей, включая евреев, цыган, поляков и других, кого нацисты считали «неполноценными». Освенцим стал не только местом массового уничтожения, но и символом человеческой жестокости и бездушия, где наука и технологии использовались для осуществления геноцида. Важным аспектом нацистской идеологии было создание образа врага, который позволял оправдывать насилие и репрессии. Этот образ врага часто включал в себя не только евреев, но и представителей других национальностей и социальных групп, которые не соответствовали идеалам арийской расы. Это создало атмосферу страха и недоверия, где соседи могли стать предателями, а друзья – врагами. В результате, общество расколосось, и многие люди оказались втянутыми в круговорот насилия и ненависти. Фашизм, как идеология, основывался на ложных представлениях о превосходстве одной расы над другой, что в конечном итоге привело к катастрофическим последствиям для человечества. Важно помнить об этих уроках истории, чтобы не допустить повторения подобных трагедий в будущем. Каждый из нас несет ответственность за то, чтобы противостоять нетерпимости и ненависти, которые могут привести к насилию и разрушению. Таким образом, фашизм стал не только политическим движением, но и идеологией, которая оправдывала насилие, расизм и геноцид. Это явление оставило глубокий след в истории человечества и стало важным уроком о том, как легко можно потерять человечность в погоне за идеалами, основанными на ненависти и страхе.

На расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры 17 марта 2020 года Президент России В.В. Путин заявил, что в 2019 году органами прокуратуры выявлено свыше 213 тысяч нарушений законов в сфере противодействия экстремизму и терроризму. Судом по материалам прокуроров признаны экстремистскими три организации, и их деятельность на территории России была запрещена [2, с 21–25]. Так, например, 17 августа 2020 года Верховный Суд РФ по иску Генеральной прокуратуры РФ признал движение «АУЕ» экстремистской организацией. [3, с 11–13].

Научная литература выделяет пять основных направлений экстремистской деятельности молодежи.

1. Экстремистская деятельность молодежи политической направленности;
2. Экстремистская деятельность молодежи националистической направленности;
3. Экстремистская деятельность молодежи религиозной направленности;
4. Экстремистская деятельность спортивных фанатов;
5. Экстремистская деятельность молодежи, основанная на криминальной субкультуре;

Методы исследования

Физическое, психическое и интеллектуальное развитие несовершеннолетних находится на этапе фор-

мирования, который не всегда протекает гармонично и иногда осложняется различными кризисами и противоречиями, характерными для данного возрастного периода. При этом незавершенность формирования мировоззрения зачастую сопряжена с подростковым нигилизмом, недоверием и даже неприязнью к родителям, представителям старшего поколения, а также к традиционно сложившемуся укладу жизни. Подростки могут проявлять внушаемость, мнительность, максимализм и стремление фанатично следовать за авторитетами, выбор которых может быть как алогичным, так и опасным. [3, с. 24–25]

Вследствие незавершенности психического и интеллектуального развития замечания близких родственников, педагогов и представителей правоохранительных органов воспринимаются несовершеннолетними как посягательство на их свободу выбора, личную неприкосновенность, а также на честь и достоинство. Подростки, испытывающие чувство дискриминации по возрастному признаку со стороны представителей социума и давление со стороны взрослых, стремятся обрести свободу и независимость. Однако одновременно большинство детей нуждаются в психологической поддержке и находятся в поисках мировоззренческих ориентиров, что делает их восприимчивыми к мнению представителей различных неформальных групп.

В подростковом возрасте несовершеннолетние, как правило, склонны к объединению в неформальные группы, исходя из общности интересов. Наблюдаемые явления, в сочетании с заниженной самооценкой, иногда внешне выражаемой в виде завышенной самооценки, на фоне противоречивых внутренних психических процессов, приводят к постепенной трансформации социальной ориентации этих групп в деструктивные объединения, которые объявляют «войну» всем представителям «враждебных» социальных групп, чаще всего этнических.

Подростковый период – это сложный и противоречивый этап жизни, характеризующийся бурным развитием физических, психических и интеллектуальных способностей. Это время интенсивного роста и трансформаций, когда организм, словно неукротимый поток, стремится к самоутверждению и независимости. Однако этот процесс далеко не всегда протекает гладко. Он сопряжен с рядом кризисов и внутренних конфликтов, которые, словно подводные рифы, могут создавать значительные препятствия на пути к взрослой жизни. [4, с 83–86].]

Одно из наиболее характерных проявлений подросткового возраста – это незавершенность формирования мировоззрения. Мир юного человека – это мозаика из противоречивых впечатлений, неустойчивых убеждений и постоянно меняющихся взглядов. Эта неуверенность в себе и окружающем мире часто выражается в подростковом нигилизме – отрицании общепринятых норм и ценностей, включая авторитет взрослых. Родители, учителя, представители старшего поколения – все они

могут стать объектами недоверия, а порой и открытой враждебности. Традиционный уклад жизни, устоявшиеся правила и порядки воспринимаются как устаревшие, давящие и не соответствующие стремительно меняющемуся внутреннему миру подростка.

Еще одним важным аспектом подросткового периода является повышенная внушаемость. Юные люди, особенно в условиях неопределенности и неуверенности в себе, легко поддаются влиянию авторитетных фигур, часто выбирая их совершенно нелогично и даже опасно. Этот поиск идеалов, эта жажда принадлежности к чему-то большему, чем они сами, может привести к фанатичному следованию за лидерами неформальных групп или идеологиями, которые могут быть далеко не безобидными. Поиск себя и своей идентичности зачастую приводит к подражанию, попыткам вписаться в определенную группу, убедить себя в принадлежности к какому-то течению. *84, с 34–86]*

Зачастую замечания со стороны взрослых – будь то родители, учителя или представители власти – воспринимаются подростками как посягательство на их свободу и независимость, как оскорбление их личного пространства, чести и достоинства. Чувство дискриминации по признаку возраста, давление со стороны взрослых, непонимание их стремлений и желаний усиливают это восприятие. Они чувствуют себя обделенными, не услышанными, их мнение не считается важным, что приводит к острой потребности в самоутверждении и обретении независимости.

Однако, несмотря на демонстративное отрицание авторитетов и стремление к независимости, большинство подростков остро нуждаются в психологической поддержке и понимании. Они находятся в постоянном поиске своего места в мире, своей роли в обществе. Неуверенность в собственных силах, постоянные сомнения и переживания делают их особенно восприимчивыми к влиянию окружающих, особенно к мнению представителей различных неформальных объединений. В стремлении к принятию, к обретению чувства принадлежности, подростки объединяются в группы по интересам, ища в них поддержку и понимание, которые им часто не хватает в семье или школе. *[9, с 59–61]*

Заниженная самооценка, которая зачастую маскируется под демонстративно завышенную, является еще одним важным фактором, влияющим на поведение подростков. Они пытаются компенсировать внутреннюю неуверенность через агрессивность, вызывающее поведение, стремление быть лучше других, иногда даже ценой неэтичных поступков. Этот внутренний конфликт, противоречие между желанием быть принятым и нежеланием подчиняться, между стремлением к независимости и потребностью в поддержке, создает сложную и противоречивую картину подросткового развития.

В итоге, подростковый период – это время сложных трансформаций, поиска себя, формирования собственного «Я». Это период, который требует

от взрослых терпения, понимания и умения найти правильный подход к юным людям, помочь им преодолеть внутренние конфликты и найти свой путь во взрослой жизни. Важно помнить, что противоречивое поведение подростка – это не проявление злости или бунтарства, а симптом внутренних переживаний и необходимости в поддержке и понимании. Только чуткое отношение и умение выстроить доверительные отношения с подростком помогут ему успешно преодолеть этот сложный этап и гармонично войти во взрослую жизнь. Необходимо помнить, что каждое действие, каждая реакция подростка – это попытка самовыражения, поиск своего места в мире, и важно не подавлять эти стремления, а помочь направить их в конструктивное русло.

Результаты и обсуждения

Анализ материалов практики свидетельствует о наличии комплекса проблем, связанных с установлением экстремистского характера действий субъектов преступлений, включая экстремистские преступления, совершенные несовершеннолетними. В специальной научной литературе экстремизм классифицируется по нескольким критериям и основаниям, большинство из которых обоснованно и объединяет определенные деструктивные явления. Одной из распространенных классификаций является деление экстремистских преступлений по основаниям, указанным в примечании к статье 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, либо вражды, а также по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, что предусмотрено определенными статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, в частности пунктом «е» части 1 статьи 63.

Ни в коем случае не подвергая сомнению эту классификацию, отметим ее достаточно обобщенный характер с точки зрения формирования частных криминалистических методик расследования отдельных видов и групп преступлений. Иными словами, являясь универсальной для уголовного права, она может быть уточнена исходя из задач частной криминалистической методики. Как известно, криминалистика рассматривает преступление с позиции деятельностного подхода, формулируя на основе системного познания механизма преступления определенной группы его информационную модель, отраженную в криминалистической характеристике. *[8, с 33–35]*

А.М. Колов обращает внимание на следующие достаточно оригинальные классификационные критерии экстремизма, предлагаемые в научной литературе: «бытовой – если преступление совершено в случайно возникших экстремальных обстоятельствах; уголовный – если преступление совершено представителями криминальной среды, приверженными к крайним антиобществен-

ным взглядам; спортивный – если преступление совершено спортивными (футбольными, хоккейными и другими) фанатами; музыкальных – если преступление совершено фанатами различных музыкальных направлений, групп и так далее». [11, с 391–394]

Мы сомневаемся в необходимости выделения в качестве самостоятельных видов бытовой и уголовный экстремизм, так как они не отражают существенных, криминалистически значимых качеств этого явления, позволяющих его дифференцировать как соответствующий критерий, влияющий на механизм совершения преступлений экстремистской направленности. Даже случайно возникшие в быту обстоятельства, приведшие к совершению преступления экстремистской направленности, определенным образом мотивированы и детерминированы иными устойчивыми факторами, поэтому системообразующими с точки зрения механизма преступления в данном случае будут не бытовые условия, а специфические мотивы и особенности субъектов преступления. Существуют различные мнения по поводу выделения молодежного экстремизма в качестве специфической его разновидности. Одни авторы, безусловно, признают данный деструктивный феномен, другие рассматривают его в рамках иных разновидностей экстремистской деятельности. Существует и расширительная трактовка, относящая к молодежному экстремизму почти все преступления, совершаемые молодыми и несовершеннолетними людьми.

Полагаем, что обе позиции являются двумя крайностями. Преступления, совершенные несовершеннолетними вследствие ярко выраженных криминалистически значимых качеств психологического, физического, социально-демографического и иного характера, присущих подросткам, традиционно выступают объектом комплексной частной криминалистической методики, сформированной по принципу доминирования такого элемента криминалистической характеристики, как особенности личности субъекта преступления. [3, с 110–116] Напомним, что разработка частных криминалистических методик интегрированной природы, в которых системообразующим элементом выступают криминалистически значимые качества субъектов преступления, иногда в сочетании с определенной группой преступлений, – общепризнанное явление с точки зрения базовых положений классификации криминалистических методик. Но в рамках частной криминалистической методики расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, в соответствии со сложившейся в криминалистической науке традиции, преимущественно анализируются особенности расследования данного вида преступлений корыстно-насильственной направленности как преступлений, по общему правилу, наиболее распространенных в подростковой среде. Совершение преступлений экстремистской направленности несовершеннолетними обладает комплексом специфических особенностей, генерированных психологическими и иными криминали-

стически значимыми качествами этих субъектов, наличием характерной подростковой субкультуры, влияющей на взаимоотношения с другими членами общества. Е.Е. Колбасина считает, что неформальные молодежные группы насильственной направленности, носящие экстремистский характер, могут придерживаться фашистских либо наоборот, коммунистических взглядов и устремлений, выражающих открытое противостояние любым формам нацизма, бороться против всех неарийцев, в основном иммигрантов из стран третьего мира, а также сексуальных меньшинств, наркоманов. Возможно, что говоря о приверженцах этнически пренебрежительных взглядов и устремлений, борющихся против всех неарийцев, автор имела в виду не столько арийцев (этот термин признан несостоятельным, ненаучным после крушения фашистских режимов по окончании Второй мировой войны), тем более с учетом условий российской действительности, а скорее, представителей славянского этноса. Кроме того, выделяя в качестве самостоятельной группы экстремистского толка неофашистские организации, автор предлагает еще одно независимое направление – приверженцы этнически-пренебрежительных взглядов и устремлений, при этом, не принимая во внимание то, что неотъемлемым постулатом фашизма является утопическая идея о превосходстве одной расы. Представляя далее альтернативные классификационные основания для дифференциации неформальных молодежных групп неэкстремистской природы, Е.Е. Колбасина также выделяет молодежные группы тоталитарно-религиозной направленности, идейная сущность которых заключается в яром противостоянии христианству. Однако конфликт на религиозной почве также имеет экстремистский характер, исходя из общего определения преступлений экстремистской направленности, представленных в примечании 2 ст. 282.1 УК РФ. [6, с 83–86]

Выводы

Серьезной является проблема молодежной занятости. Экстремистские установки зачастую катализируются социально-профессиональным исключением или недостаточным включением молодого поколения в трудовую деятельность, что характеризуется социальной и психологической дезадаптацией молодежи и приводит к деструктивным последствиям. При этом актуальной проблемой является не только открытая, явная безработица, но и ее скрытые формы. Молодежь как наиболее социально незащищенная категория является главной жертвой скрытой безработицы. Поэтому на государственном и региональном уровнях важно больше внимания уделять проблемам молодежного рынка труда, не сформированности занятости молодежи («дать возможность молодым работать и нормально зарабатывать»). Основополагающее значение в профилактике экстремизма молодежи имеет воспитательный аспект: подросток, воспитанный в нрав-

ственности, никогда не пойдет громить рынки или избивать людей другой национальности. Поэтому многое зависит от семейного воспитания, его не конфликтогенных моделей, аспектов формирования гражданственности, патриотизма и неприятия экстремистских установок, нетерпимости к экстремизму и терроризму в семье. Важную роль играет семейная профилактика, социальное оздоровление семьи, социальная работа с неблагополучными, депривированными семьями, поддержка семьи на государственном уровне. Особое внимание следует обратить на проблему развития социальной компетентности молодых людей, что также зависит от семейного и образовательного факторов. Социальная (включая и профессиональную) некомпетентность нередко порождает экстремистские проявления. Важным компонентом социальной компетентности выступает именно способность к конструктивным формам общения, открытость человека к взаимодействию с другими людьми. Формирование толерантности должно произрастать из более широкого понятия формирования компетентности личности.

Особое внимание следует уделять поведению маргинально ориентированных подростков и процессу предупреждения преступлений (в том числе экстремистской направленности) в их среде, являющейся питательной почвой для экстремизма. Существенным является утверждение в стране здорового образа жизни, широкое рекламирование и внедрение в сознание молодежи позитивного образа молодого россиянина и конструктивных путей самореализации, достижения жизненного успеха. В целом необходимо осуществление на государственном уровне мероприятий по развитию и защите социального здоровья молодежи. [7, с 061–062]

Подводя итог вышеизложенного, следует отметить, что анализ причин, факторов, проявлений экстремизма, механизмов его появления и развития приводит к выводу о необходимости разработки научно обоснованной стратегии и тактики противодействия данному социальному злу, что позволит более эффективно предупреждать назревающие экстремистские тенденции и ликвидировать уже существующие в наиболее опасных его формах. Следует помнить, что в соответствии с особенностями подростково-юношеского, молодежного возраста, у несовершеннолетних и молодых людей может проявляться риск экстремизации сознания и поведения, поэтому необходимо как можно раньше купировать асоциальную деятельность, в чем и заключается суть профилактических мероприятий, направленных на формирование социального здоровья молодежи.

Литература

1. «О неформальных объединениях молодежи» С.В. Косарецкая, Н.Ю. Синягина // гуманитарное издательский центр «Владос» 2004 г. [с. 59–61, 78];
2. Алан М. Дершовиц «Почему терроризм действует»/ Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия». 2005 [с. 23–24];
3. Сборник материалов круглого стола 1 июня 2018 г. наукоград Королев, Московская область «Этническая и социокультурная толерантность в преодолении экстремизма в юношеском возрасте», 2018 г.г.о. Королев – М.: Издательство «Научный консультант», 2018.- 116 с.;
4. С.К. Хабинов Министерство Внутренних дел по Республике Бурятия г. Улан-Улэ, Российская Федерация научная статья «Характеристика способов совершения преступлений экстремисткой направленности, совершенных в молодежной среде» [с. 524–528];
5. Ю.С. Горбунов «Терроризм и правовое регулирование противодействия ему» Монография, г. Москва «Молодая Гвардия» 2008 г.;
6. Терроризм – угроза человечеству в XXI веке. – М., Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2003 г. [с. 271–272];
7. «О молодежном экстремизме» Ларионова К.Ж. научная статья, Северо-Восточный федеральный университет им М.К. Аммосова, г. Якутск, 2014 г. [с. 123–126];
8. «Экстремизм в социальных сетях» О.С. Малакаев, научная статья, Вестник института, 2018 г., Республика Калмыкия [с. 83–86];
9. Леруа М. экстремизм // технические новости синдикализма. Париж, 1921 [с. 061–066];
10. З.Г. Рамазанова, диссертационные исследования «Некоторые проблемы правового регулирования проявлений молодежного экстремизма в сети интернета», 2019 г. [с. 33–35];
11. «О неформальных объединениях молодежи» С.В. Косарецкая, Н.Ю. Синягина // гуманитарное издательский центр «Владос» 2004 г. [с. 59–61, 78];
12. «Тактические особенности допроса подозреваемого (обвиняемого) в условиях конфликтной ситуации при расследовании преступлений террористической и экстремистской направленности» научная статья кандидата юридических наук В.С. Кряжев, 2023 г. [с. 133–139];
13. «Особенности применения специальных познаний при расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с проявление молодежного экстремизма» научная статья доцента кафедры гуманитарно-правовых дисциплин, Дзержинский филиал Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Морозова Т.А., 2023 г. [с. 391–394]

ON EXTREMISM AMONG YOUNG PEOPLE, OR A PATRIOT WILL NEVER BECOME AN EXTREMIST

Kharicheva T.M.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article is devoted to the ability to distinguish patriotism from extremism. In modern society, patriotism is becoming an increasingly relevant topic, especially among young people. Young people strive to show their love for the Motherland by participating in various patriotic actions, volunteer movements and social projects. However,

unfortunately, this aspiration often takes distorted forms, and many of them do not understand the true meaning of the word “patriotism”. As a result, they may take actions that, instead of supporting their country, only undermine its foundations. In this article, we will look at what patriotism is and how it differs from extremism, as well as analyze how a misunderstanding of these concepts can lead to negative consequences. A system of typical methods of crimes against life and health committed by minors and youth motivated by political, ideological, racial, national or religious hatred or enmity, or motivated by hatred or enmity against any social group, and their impact on the mechanism of trace formation.

Keywords: extremism, youth, social networks, extremism on the Internet, crime, criminalistic characteristics, ideology.

References

1. “On Informal Youth Associations” by S.V. Kosaretskaya, N. Yu. Sinyagina // Humanitarian Publishing Center “Vlados” 2004 [pp. 59–61, 78];
2. Alan M. Dershowitz “Why Terrorism Works” / Translated from English. – M. : “Russian Political Encyclopedia”. 2005 [pp. 23–24];
3. Collection of materials from the round table on June 1, 2018, the science city of Korolev, Moscow region “Ethnic and socio-cultural tolerance in overcoming extremism in adolescence”, 2018, Korolev – M. : Publishing House “Scientific Consultant”, 2018.-116 p. ;
4. S.K. Khabinov Ministry of Internal Affairs of the Republic of Buryatia Ulan-Ule, Russian Federation scientific article “Characteristics of the methods of committing extremist crimes committed among young people” [pp. 524–528];
5. Yu. S. Gorbunov “Terrorism and legal regulation of counteraction to it” Monograph, Moscow “Young Guard” 2008;
6. Terrorism – a threat to humanity in the 21st century. – M., Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Publishing House “Kraft +”, 2003 [pp. 271–272];
7. “On youth extremism” Larionova K.Zh. scientific article, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, 2014 [pp. 123–126];
8. “Extremism in Social Networks” O.S. Malakaev, research article, Institute Bulletin, 2018, Republic of Kalmykia [pp. 83–86];
9. Leroy M. Extremism // technical news of syndicalism. Paris, 1921 [pp. 061–066];
10. Z.G. Ramazanova, dissertation research “Some problems of legal regulation of manifestations of youth extremism on the Internet”, 2019 [pp. 33–35];
11. “On informal youth associations” S.V. Kosaretskaya, N. Yu. Sinyagina // humanitarian publishing center “Vlados” 2004 [pp. 59–61, 78];
12. “Tactical Features of Interrogation of a Suspect (Accused) in a Conflict Situation During Investigation of Terrorist and Extremist Crimes” scientific article by candidate of legal sciences V.S. Kryazhev, 2023 [pp. 133–139];
13. “Features of the Application of Special Knowledge in Investigation of Criminal Cases of Crimes Related to the Manifestation of Youth Extremism” scientific article by associate professor of the Department of Humanities and Law, Dzerzhinsky branch of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Morozova T.A., 2023 [pp. 391–394]

Некоторые проблемы защиты персональных данных граждан в уголовном судопроизводстве

Дунаева Марина Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции Байкальского государственного университета

Статья посвящена вопросам безопасности персональных данных граждан при производстве по уголовным делам. Актуальность темы обусловлена, прежде всего, цифровизацией уголовного судопроизводства и увеличения доли цифровых данных в доказательственной базе по уголовным делам. Предметом исследования являются уголовно-процессуальные и иные нормы, регламентирующие использование персональных данных граждан. Целью работы является определение содержания понятия «персональные данные», выявление существующих уголовно-процессуальных гарантий защиты персональных данных, а также внесение предложений по совершенствованию действующего законодательства. Автор анализирует понятие «персональные данные» применительно к уголовно-процессуальной деятельности, формулирует его и обосновывает целесообразность закрепления в уголовно-процессуальном законе данного термина. Рассмотрена система существующих гарантий защиты приватной информации и сделан вывод о том, что она нуждается в улучшении, предложено усилить ответственность за разглашение персональных данных граждан.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, персональные данные, цифровизация, информационная безопасность, кибербезопасность

Собирание, обработка и использование персональных данных граждан по общему правилу осуществляется с их согласия. В то же время существуют области государственной деятельности, где получать такое согласие не требуется. Уголовное судопроизводство представляет собой одну из сфер, где защита конфиденциальности персональных данных особенно важна. Материалы уголовных дел содержат обширную информацию об участниках процесса, их родственниках и близких, что увеличивает значимость соблюдения конфиденциальности. Важность защиты персональных данных в уголовно-процессуальной деятельности можно рассматривать в двух аспектах: как с позиции частного, так и публичного (государственного) интересов. В данном случае эти интересы не противоречат друг другу.

Частный интерес состоит в следующем: а) защита достоинства личности (необходима для психологического благополучия, самоуважения); б) защита чести, доброго имени, репутации (репрезентация человека в глазах общества); в) финансовая безопасность (персональные данные защищены от использования мошенниками). Публичный интерес выражается в обеспечении эффективности расследования (человек, чувствующий себя в безопасности, охотнее идет на сотрудничество), а также в поддержании репутации суда и органов уголовного преследования в глазах общественности, доверия к ним со стороны населения.

Проблема защиты персональных данных участников уголовного судопроизводства приобретает особую актуальность в связи с тем, что все большие объемы информации, фигурирующей в уголовных делах, в настоящее время представлены в цифровом виде [Кузнецова], [Никурадзе]. Цифровые базы данных всегда более уязвимы для несанкционированного доступа, что представляет несомненную угрозу неприкосновенности частной жизни граждан, в различном качестве вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства. Защита этих данных от несанкционированного доступа и распространения должна обеспечиваться должностными лицами и органами, ведущими процесс. К сожалению, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве этому вопросу уделено явно недостаточное внимание.

Начнем с того, что в Уголовно-процессуальном кодексе России понятие «персональные данные» отсутствует. УПК РФ оперирует лишь понятиями «данные о личности», «сведения о частной жизни», «сведения об интимных сторонах жизни». Это обусловлено тем, что УПК РФ, принятый в 2001 году,

опередил появление в российском законодательстве понятия «персональные данные». Рассматриваемое понятие было легально закреплено лишь в 2006 году, с принятием соответствующего федерального закона. Несмотря на это, должностные лица в рамках уголовного судопроизводства уже тогда осуществляли сбор, обработку и хранение персональных данных, в том числе и с помощью цифровых технологий, что подтверждается и самим ФЗ «О персональных данных» [1].

Для определения значения интересующего нас термина следует изучить отраслевые нормативно-правовые акты. В соответствии с ними, персональные данные трактуются как любая информация, связанная с человеком, физическим лицом. Проблема этого определения заключается в его крайней неконкретности и содержащейся в нем тавтологии: и без этой формулировки ясно, что персональные данные – это информация, связанная с определенным человеком. В случае с юридической терминологией такая ситуация особенно печальна, потому что объект правовой защиты должен быть определен с максимально возможной точностью. В противном случае эффективная защита становится невозможной, а нормы законы – декларативными, не способными обеспечить соблюдение законных интересов граждан. Такая позиция законодателя вызывает еще один логичный вопрос: кто должен определять перечень персональных данных, границы приватности? Сам гражданин? Государственный или иной орган, выступающий гарантом соблюдения его прав? Все же представляется, что данная категория не может быть оценочной, зависящей от субъективного усмотрения заинтересованных граждан либо оператора.

В юридической литературе существуют различные точки зрения по поводу содержания понятия «персональные данные», а также возможности (и необходимости) его нормативного определения. С моей точки зрения при определении перечня сведений, относящихся к категории «персональные данные», обязательно следует учитывать две стороны человеческой природы: биологическую и социальную [7], [12]. С учетом этой предпосылки можно выделить три группы сведений, составляющих правовую категорию «персональные данные»:

- а) базовые (анкетные) данные – фамилия, имя, отчество гражданина, число, месяц и год его рождения, место регистрации согласно паспорту, фактическое место жительства, сведения о полученном образовании, место работы, номер телефона, адрес электронной почты, информация о персональных страницах в различных социальных сетях, идентификаторы в профессиональных сообществах, а также иные данные, которые дают возможность идентифицировать личность человека;
- б) биометрические (включая функциональные) – фотографии, отпечатки пальцев, данные сканирования лица, сетчатки глаза, группа и другие характеристики крови, рост, цвет глаз, вес, особенности походки и так далее;
- в) специальные (или дан-

ные, характеризующие личность) – политические и религиозные воззрения, состояние физического и психического здоровья гражданина, его сексуальная ориентация, специфические детали интимной жизни [11], [4], [9].

Полагаю необходимым дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом следующего содержания: «Персональные данные – анкетные и биометрические данные, позволяющие идентифицировать личность, а также сведения о частной жизни участников уголовного судопроизводства и их близких». Данное определение будет способствовать конкретизации объекта правовой защиты и более эффективному ее осуществлению.

Кроме того, целесообразно дополнить главу вторую УПК РФ самостоятельным принципом «Неприкосновенность частной жизни граждан», включающем обязанность должностных лиц и органов, ведущих процесс, принимать все необходимые меры по защите персональных данных граждан, которые оказались в их распоряжении. Безусловно, УПК РФ уже содержит ряд принципов, регулирующих отдельные аспекты защиты персональных данных граждан («Уважение чести и достоинства личности», «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» и ряд других), но современная правовая реальность, на мой взгляд, требует четкой регламентации защиты рассматриваемой категории информации через систему «принцип – гарантии его реализации». Ведь любой, даже самый прогрессивный и демократический принцип обречен на то, чтобы остаться декларацией, если он не будет подкреплен надежной системой гарантий на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Если обратиться к действующему законодательству, то можно выделить ряд норм, направленных на защиту персональных данных граждан: свидетельский иммунитет (некоторые виды) – ст. 56 УПК РФ; неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ); тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ); недопустимость разглашения данных предварительного расследования в интересах защиты частной жизни (ст. 161 УПК РФ); меры безопасности, связанные с зашифровкой данных о личности защищаемых граждан (ст. 11 УПК РФ); проведение закрытого судебного заседания (некоторые основания) – ст. 241 УПК РФ.

Существенную роль в защите частной жизни граждан играет и ч. 5 ст. 161 УПК РФ, в соответствии с которой разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия, а также данных о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, без согласия его законного представителя не допускается.

Кроме того, на защиту частной информации направлены некоторые виды предусмотренного ст. 56 УПК РФ виды свидетельского иммунитета (например, иммунитет священнослужителя, уполномоченных по правам человека, адвокатская

тайна). Думается, что перечень лиц, наделенных свидетельским иммунитетом, следует дополнить представителями тех профессий, в основе которых лежит доверие: психолог, врач-психотерапевт, психиатр, иные категории медицинских работников, нотариус, сотрудник органов опеки и попечительства, главный редактор СМИ [10], [6]. В данном случае целесообразно применение юридической конструкции относительного свидетельского иммунитета (предусматривающего не категорический запрет допроса, а право лица отказаться давать показания), потому что абсолютный запрет делает невозможным эффективное расследование многих уголовных дел. Полагаю, что рассматриваемую информацию следует отнести к категории сведений ограниченного доступа и установить возможность ее получения только по решению суда.

Отдельного упоминания заслуживают следственные действия, затрагивающие неприкосновенность жилища, тайну переписки и телефонных переговоров. В законе установлено единое основание производства таких действий – судебное решение. Это также выступает одной из гарантий неразглашения персональной информации. Процессуальная форма отдельных следственных действий, в частности обыска в жилище, предполагает недопустимость разглашения данных об интимных сторонах жизни проживающих в данном жилище граждан. На мой взгляд, правильнее указать на недопустимость разглашения информации о частной жизни граждан в целом, а не только «интимной».

Проведение закрытого судебного заседания в целях защиты конфиденциальной информации также следует рассматривать как одну из гарантий защиты персональных данных. Вместе с тем, анализ ст. УПК РФ приводит к выводу, что законодатель в очередной раз делает акцент исключительно на интимных сторонах жизни людей. Остальные личные данные исследуются в открытом заседании только в тех случаях, когда они содержатся в личной переписке либо телефонных и иных переговорах.

Далее следует упомянуть меры безопасности (как предусмотренные статьей 11 УПК РФ, так и Федеральным законом «О государственной защите участников уголовного судопроизводства»). Среди мер, предусмотренных ФЗ «О государственной защите», к рассматриваемому вопросу имеют отношение пять мероприятий: обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности; изменение места работы или учебы [2].

Особо выделим такую меру, как обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице. По решению органа, осуществляющего меры безопасности, может быть наложен **запрет на распространение информации**, которая содержит персональные данные защищаемого лица, выдачу находящихся у оператора персональных данных. Кроме того, могут быть заменены номера телефонов и государственные регистрационные

знаки транспортных средств, которые являются собственностью защищаемого лица или находятся в его пользовании. В исключительных случаях, связанных с производством по другому делу, сведения о защищаемом лице могут быть представлены в органы предварительного расследования, прокуратуру или суд на основании письменного запроса прокурора или суда [3].

Вместе с тем, изложенное касается только тех лиц, в отношении которых применяются меры государственной защиты. В обеспечении конфиденциальности данных о личности нуждаются не только они, а все граждане, сведения о которых имеются в материалах уголовных дел – например, понятие, данные о которых указываются в протоколах следственных действий.

Несмотря на то, что закон не предусматривает ответственности за раскрытие персональных данных как таковую, анализ существующих правовых актов указывает на возможность наступления ответственности за разглашение определенных их категорий. За разглашение информации предварительного расследования, данных о мерах защиты судьи и участников уголовного процесса, а также за нарушение прав на частную жизнь, тайну переписки и телефонных разговоров, а также неприкосновенность жилища граждан предусмотрена уголовная ответственность.

Некоторые из этих преступлений относятся к категории частно-публичного обвинения, то есть могут быть инициированы лишь потерпевшим либо его представителем. Административная ответственность может наступить по ст. 13.14 КоАП РФ «Разглашение информации с ограниченным доступом». Полагаю целесообразным закрепить в законе юридическую (по крайней мере, административную) ответственность за разглашение персональных данных без согласия правообладателя.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что обеспечение защиты приватной информации в уголовном судопроизводстве отвечает как государственным интересам, так и интересам частных лиц, и должно стать одним из приоритетных направлений совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Литература

1. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I). Ст. 3451.
2. О государственной защите участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 23 августа 2004 г. № 34. Ст. 3534.
3. О порядке защиты сведений об осуществлении государственной защиты, предоставления таких сведений и осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице: Поста-

новление Правительства РФ от 14 июля 2015 г. № 705 // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 июля 2015 г. № 29 (часть II). Ст. 4503.

4. Дмитрик Н.А. История, смысл и перспективы института персональных данных // Вестник гражданского права. 2020. № 3. С. 43–82.
5. Кузнецова Н.А., Кузнецова Н.Э., Степанищев А.В. Особенности использования цифровых технологий в уголовном процессе // Право и практика. 2024. № 1. С. 129–133.
6. Литвинцева Н.Ю., Бурков В.В. Свидетельский иммунитет в уголовно-процессуальном праве: проблемы теории и практики // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 3. С. 13–22.
7. Мироненко И.А. Биосоциальная проблема и становление глобальной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 406 с.
8. Никурадзе Н.О. К вопросу об оценке «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве в контексте российского и зарубежного опыта // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 258–269.
9. Петрова Д.А., Папикова В.А. Обработка биометрических персональных данных в свете изменения законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 329–336.
10. Петрухин И.Л. Личные тайны (Человек и власть). М.: Институт государства и права РАН, 1998. 232 с.
11. Смолькова И.В. Защита персональных данных в уголовном судопроизводстве // Правовое государство. Теория и практика. 2025. № 1 (79). С. 134–142.
12. Туринцева Е.А., Решетникова Е.В. Биосоциальный человек и возможные направления антропосоциальной эволюции // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 86–100.

THE SOME ISSUES OF PERSONAL DATA PROTECTION IN THE CRIMINAL PROCEDURE

Dunaeva M.S.

Baikal State University

This article focuses on the security of personal information within the context of criminal investigations. First of all, relevance of the topic is determined by the digitalization of criminal proceedings and

the increase in the share of digital data in the evidence base in criminal cases. The subject of the study is criminal procedure and other rules governing the use of personal data of citizens. The purpose of the work is to define the content of the concept of “personal data”, identify existing criminal procedure guarantees for the protection of personal data, and provide the suggestion to improve the current legislation. The author delves into the definition of “personal data” as it pertains to legal criminal proceedings, substantiates the need for its incorporation in law. The study investigates the system of existing guarantees for the protection of private data and justifies increased liability for disclosure of personal data.

Keywords: criminal procedure, personal data, digitalization, information security, cybersecurity

References

1. On personal data: Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of July 31, 2006 No. 31 (Part I). Art. 3451.
2. On state protection of participants in criminal proceedings: Federal Law of August 20, 2004 No. 119-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of August 23, 2004 No. 34. Art. 3534.
3. On the procedure for protecting information on the implementation of state protection, providing such information and implementing security measures in the form of ensuring the confidentiality of information about the protected person: Resolution of the Government of the Russian Federation of July 14, 2015 No. 705 // Collected Legislation of the Russian Federation of July 20, 2015 No. 29 (Part II). Art. 4503.
4. Dmitrik N.A. History, meaning and prospects of the institute of personal data // Bulletin of civil law. 2020. No. 3. P. 43–82.
5. Kuznetsova N.A., Kuznetsova N.E., Stepanishchev A.V. Peculiarities of the use of digital technologies in criminal proceedings // Law and Practice. 2024. No. 1. P. 129–133.
6. Litvintseva N.Yu., Burkov V.V. Witness immunity in criminal procedure law: problems of theory and practice // Siberian criminal procedure and forensic readings. 2018. No. 3. P. 13–22.
7. Mironenko I.A. Biosocial problem and the formation of global psychology. Moscow: Publishing house “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”, 2019. 406 p.
8. Nikuradze N.O. On the issue of assessing “electronic evidence” in criminal proceedings in the context of Russian and foreign experience // Bulletin of Tomsk State University. 2024. No. 508. P. 258–269.
9. Petrova D.A., Papikova V.A. Processing of biometric personal data in light of changes in legislation // Legal policy and legal life. 2024. No. 3. P. 329–336.
10. Petruhin I.L. Personal secrets (Man and power). Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 1998. 232 p.
11. Smolkova I.V. Protection of personal data in criminal proceedings // Legal state. Theory and practice. 2025. No. 1 (79). P. 134–142.
12. Turintseva E.A., Reshetnikova E.V. Biosocial man and possible directions of anthroposocial evolution // Knowledge. Understanding. Skill. 2016. No. 2. P. 86–100.